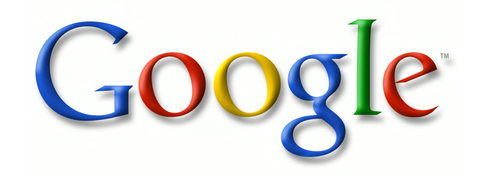
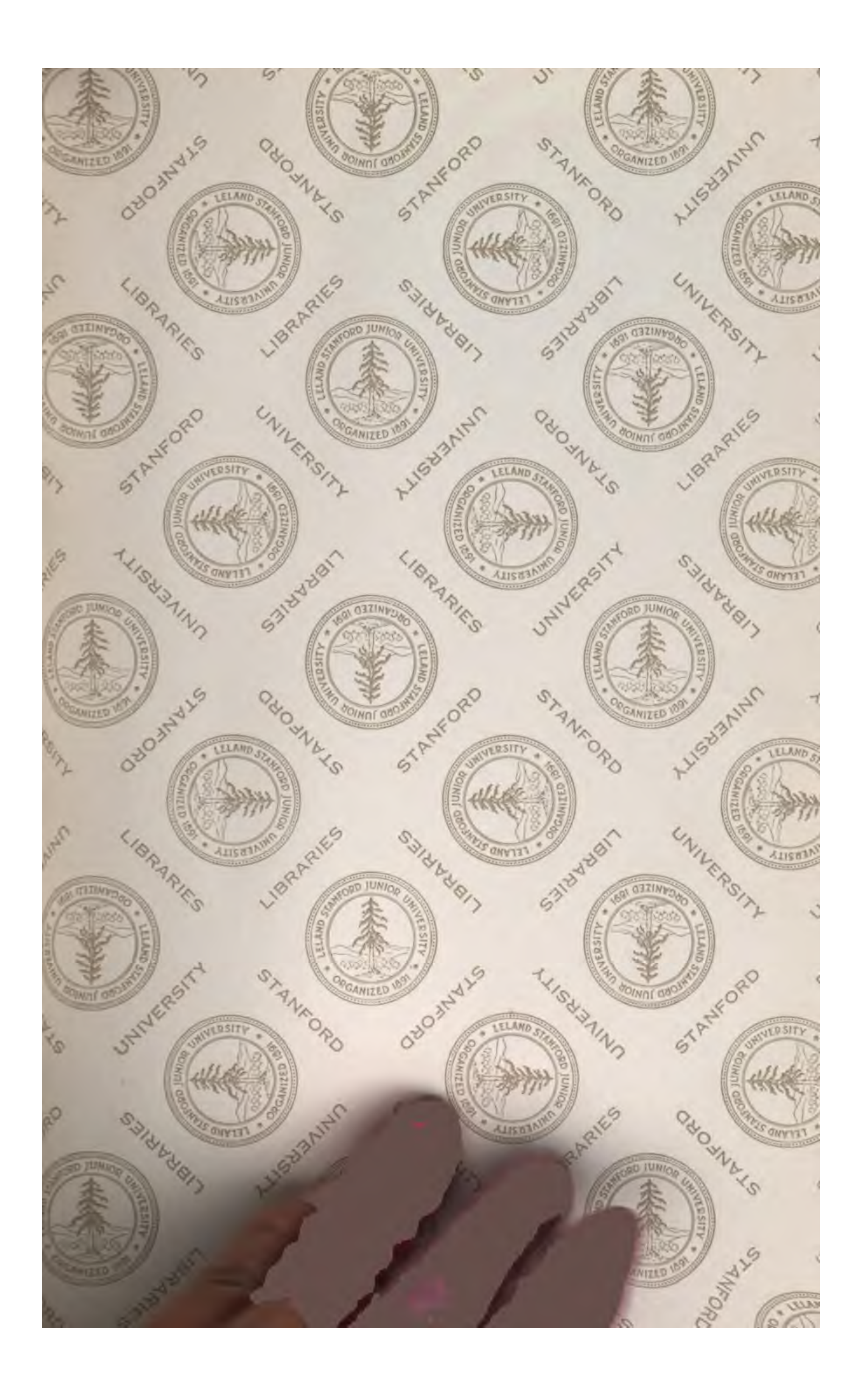


LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES


STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1900 ГОДЪ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СТО ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ.

ИЗДАНА

подъ завѣдываніемъ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

1900.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

О преміи за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ симъ объявляетъ конкурсъ на *премію* за изслѣдованіе о *Градоначальствованіи князя Дм. Влад. Голицына въ Москвѣ.*

Условія, которымъ означенный трудъ долженъ удовлетворить, согласно волѣ жертвователей, слѣдующія:

1) Сочинитель долженъ представить исторію Москвы въ періодъ главноначальствованія князя Голицына и описать съ надлежащею полнотой дѣйствія и распоряженія князя для внѣшняго украшенія и внутренняго благоустройства города.

2) Сочиненіе должно быть основано на фактахъ и написано съ безпристрастіемъ и отчетливостью.

3) Сочиненіе представится въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ не позже, какъ чрезъ годъ со дня объявленія Обществомъ конкурса на премію (къ 1 сентября 1902 г.).

4) Если сочиненіе будетъ удостоено награды, то сочинитель обязывается напечатать свой трудъ въ продолженіе года со дня присужденія награды. Отъ автора зависитъ впрочемъ издать свое сочиненіе особою книжкой или помѣстить подлинникомъ и вполнѣ въ какое-либо другое изданіе.

Премію составляетъ весь пожертвованный для этой цѣли капиталъ съ наросшими на него по день выдачи процентами, въ настоящее время достигающій *3000 рублей.*

Авторы свои труды благоволятъ присылать въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ — по адресу: Москва. Моховая, зданіе Университета.

NB. Настоящее объявленіе имѣетъ быть ежегодно возобновляемо до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено сочиненіе.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1900 годъ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СТО ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ.

ИЗДАНА

подъ завѣдываніемъ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ „ЧТЕНІЙ“ за 1900 годъ.

Стран.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

1.— Новыя данныя о службѣ Николая Спаѳарія въ Россіи (1671—1708 гг.). — Съ предисловіемъ Юрія Арсеньева .... 1—63

II. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

2.— Письмо сардинскаго посла барона де-ла-Турбіа о Россіи. 1796.—Съ предисловіемъ М. Поліевктова... 1—22

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

1.— Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства.—Дѣйствит. Члена М. К. Любавскаго. (*Главы I—V*)........ 1—508

IV. СМѢСЬ.

1.— Новыя данныя о библіотекѣ кн. Д. М. Голицына (верховника). Сообщилъ Членъ-Соревнователь кн. Н. В. Голицынъ........ 1—16

2.— Записка современника грузинскаго архіерея о вступленіи на престолъ импер. Екатерины II. Сообщилъ Членъ-Соревнователь А. С. Хахановъ........ 17—24

3.— Родословная Шепелевыхъ конца XVII вѣка. Сообщилъ Ю. В. Арсеньевъ........ 25—28

4.— Земельные акты Уфимскихъ башкиръ-вотчинниковъ. Сообщилъ онъ же........ 28—29

5.— 1528 г. 3 мая. Грамота, данная великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ волостелю Г. Д. Кобякову на пользованіе доходами съ волости Солцы Малые. Сообщилъ Виталій Эйнгорнъ........ 30—32

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ „ЧТЕНІЙ“ за 1900 годъ.

Стран.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

1.— Новыя данныя о службѣ Николая Спаѳарія въ Россіи (1671—1708 гг.). — Съ предисловіемъ Юрія Арсеньева . . . . 1—63

II. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

2.— Письмо сардинскаго посла барона де-ла-Турбіа о Россіи. 1796.—Съ предисловіемъ М. Поліевктова . . . 1—22

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

1.— Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства.—Дѣйствит. Члена М. К. Любавскаго. (*Главы I—V*) . . . . 1—508

IV. СМѢСЬ.

1.— Новыя данныя о библіотекѣ кн. Д. М. Голицына (верховника). Сообщилъ Членъ-Соревнователь кн. Н. В. Голицынъ . . . . 1—16

2.— Записка современника грузинскаго архіерея о вступленіи на престолъ импер. Екатерины II. Сообщилъ Членъ-Соревнователь А. С. Хахановъ . . . . 17—24

3.— Родословная Шепелевыхъ конца XVII вѣка. Сообщилъ Ю. В. Арсеньевъ . . . . 25—28

4.— Земельные акты Уфимскихъ башкиръ-вотчинниковъ. Сообщилъ онъ же . . . . 28—29

5.— 1528 г. 3 мая. Грамота, данная великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ волостелю Г. Д. Кобякову на пользованіе доходами съ волости Солцы Малые. Сообщилъ Виталій Эйнгорнъ . . . . 30—32

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

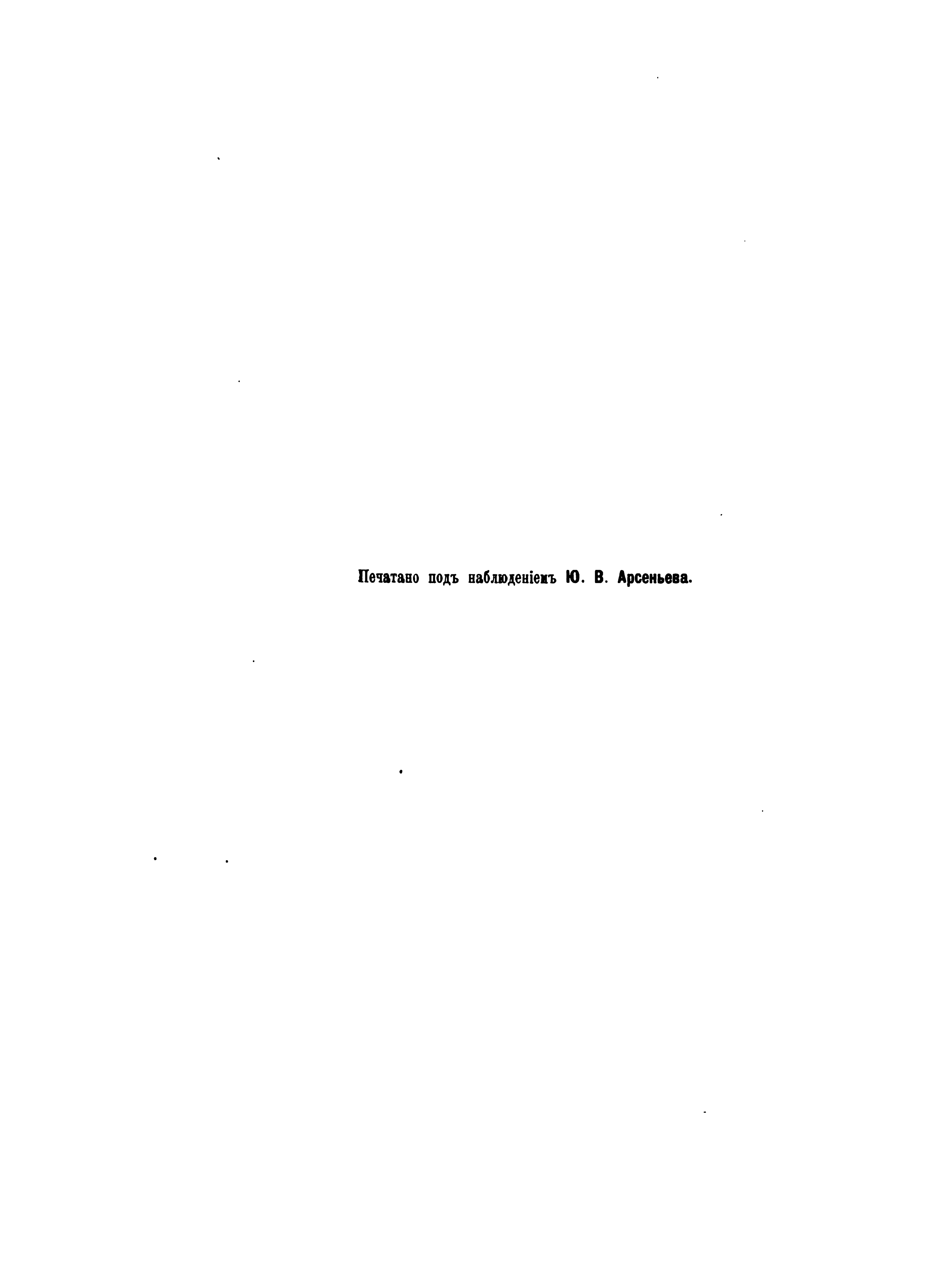
НОВЫЯ ДАННЫЯ

О СЛУЖБѢ

НИКОЛАЯ СПАѲАРІЯ ВЪ РОССІИ.

(1671—1708).

Юрія Арсеньева.



Печатано подъ наблюденіемъ **Ю. В. Арсеньева.**

Новѣйшія изслѣдованія о Николаѣ Спаѳаріи значительно обогатили историческій матеріалъ для полнаго его жизнеописанія [1]). Тѣмъ не менѣе личность Спаѳарія, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, остается еще не вполнѣ выясненною и каждое новое извѣстіе о немъ получаетъ особенную цѣну для будущаго біографа. Издаваемыя нами здѣсь новыя данныя о Спаѳаріи относятся ко времени его службы въ Россіи съ 1671 года, когда онъ прибылъ въ первый разъ въ Москву, до 1708—года его смерти. Они заключаютъ его политическую переписку съ Молдавіей и Православнымъ Востокомъ въ бытность его переводчикомъ Посольскаго приказа, нѣсколько новыхъ документовъ о его дипломатической службѣ и, наконецъ, матеріалы, которые намъ удалось собрать о его потомствѣ, оставшемся служить въ Россіи подъ именемъ дворянскаго рода *Спафарьевыхъ*.

Наиболѣе важною заслугою Спаѳарія было, безъ сомнѣнія, его посольство въ Китай, открывшее новую эпоху въ исторіи русскаго владѣнія въ Сибири. По обилію неизданнаго матеріала, относящагося къ китайскому посольству Спаѳарія, мы посвятимъ ему отдѣльное изслѣдованіе, а здѣсь помѣщаемъ лишь любопытное письмо къ царю Алексѣю Михайловичу отъ іезуита Фердинанда Вербіеста, доставленное изъ Китая Спаѳаріемъ.

Юрій Арсеньевъ.

---

[1]) «Николай Спаѳари до его пріѣзда въ Россію» статья *П. Сырку* въ Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ. Т. III, вып. 3. Спб. 1889, стр. 183—196.

Очеркъ жизни и службы Николая Спаѳарія въ Россіи *И. Н. Михайловскаго*. Кіевъ. 1895. *И. Н. Михайловскій*. Важнѣйшіе труды Николая Спаѳарія (1672—1677). Кіевъ 1897.

Обстоятельства выѣзда Спаѳарія въ Россію въ началѣ 1671 года въ главныхъ чертахъ уже извѣстны. Въ статьѣ П. Сырку «Николай Спаѳари до пріѣзда въ Россію» помѣщенъ пересказъ архивнаго извѣстія о прибытіи Спаѳарія въ пограничный съ Польшею Смоленскъ и отпускѣ его въ Москву и текстъ привезенныхъ имъ изъ Адріанополя рекомендательныхъ писемъ. Намъ казалось не излишнимъ дополнить эти извѣстія на основаніи архивнаго дѣла изданіемъ въ болѣе полномъ видѣ «распросныхъ рѣчей» Спаѳарія, записанныхъ въ Посольскомъ приказѣ, такъ какъ они знакомятъ насъ съ его взглядами на современныя политическія обстоятельства. Спаѳарій явился въ Москву съ рекомендаціями отъ двухъ выдающихся дѣятелей Православнаго Востока: отъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея и переводчика Высокой Порты грека Никусія Панагіота. Оба они были люди преданные Россіи, видѣвшіе въ ней естественную покровительницу Православія на Востокѣ и охотно исполнявшіе службу политическихъ агентовъ Московскаго правительства, сообщая ей всевозможныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Турціи и нерѣдко подавая полезные совѣты [2]).

Начало 1671 года, когда Спаѳарій выѣхалъ на службу въ Россію, было весьма знаменательною минутою для внѣшней политики Москвы. Въ февралѣ начальникъ Посольскаго приказа бояринъ Ордынъ-Нащокинъ удалился въ монастырь. Причинами его удаленія отъ дѣлъ были непріязненныя его отношенія къ Малороссіи, столкновенія съ малороссійскими дѣятелями и жалобы на него епископовъ Меѳодія и Лазаря Барановича и гетмана Многогрѣшнаго, вызвавшія въ 1671 году запрещеніе Ордыну-Нащокину переписываться съ малороссіянами [3]). Разногласія его съ царемъ по Малороссійскому вопросу начались еще съ 1669 года. На его мѣсто начальникомъ Посольскаго приказа былъ назначенъ царскій любимецъ Матвѣевъ, уже завѣдывавшій съ апрѣля 1669 года приказомъ Малой Россіи. Хорошо знакомый съ настроеніемъ малороссіянъ, негодовавшихъ на Ордына-Нащокина за его явныя симпатіи къ полякамъ и за невыгодныя статьи Андрусовскаго договора, Матвѣевъ своею ловкою политикою съумѣлъ отклонить исполненіе этихъ

---

[2]) *Н. Каптеревъ.* Характеръ отношеній Россіи къ Прав. Востоку стр. 203. Его же. Сношенія Іерусал. патріарха Досиѳея съ русск. правительствомъ (1669—1707) глава V.

[3]) Изъ сообщенія *В. О. Эйхгорна.*

статей, стѣснявшихъ царя въ различныхъ обязательствахъ къ Польшѣ. При Матвѣевѣ снова оживились сношенія Россіи съ Молдавіей и Валахіей, искавшихъ вступить въ болѣе тѣсную связь съ единовѣрнымъ Московскимъ государствомъ. Руководителю новой политики потребовались и новые люди. Изъ рекомендательной грамоты патріарха Досиѳея о Спаѳаріи видно, что онъ посылалъ его въ Москву, провѣдавши, что царю нуженъ ученый переводчикъ и притомъ человѣкъ съ строго православнымъ образомъ мыслей. Самъ Спаѳарій въ своей челобитной къ царю о принятіи его на службу упоминаетъ, что «по грамотамъ великаго государя и вселенскихъ патріарховъ былъ онъ призыванъ многажды, чтобы пріѣхать къ Москвѣ, и онъ, повинуяся его великаго государя неизреченной милости, оставя домъ родительской и братью свою и имѣніе въ отечествіи своемъ, прибрелъ къ нему великому государю побыти въ службѣ на время, въ какой его вел. государя изволеніе будетъ» [1]). Въ статьѣ «О сношеніяхъ Молдавскаго господаря Стефана-Георгія съ Москвою» [2]) мы упоминали о вліятельномъ положеніи, которое занималъ Спаѳарій при этомъ господарѣ. Послѣ изгнанія Стефана изъ Молдавіи Спаѳарій продолжалъ свою службу при немъ и до самой его смерти, послѣдовавшей въ Штетинѣ въ началѣ 1669 года, состоялъ резидентомъ господаря при дворѣ Шведскаго короля Карла XI. Весьма вѣроятно, что эта политическая служба Спаѳарія, предшествовавшая его выѣзду въ Россію, была не безъизвѣстна въ Москвѣ, куда господарь Стефанъ-Георгій лично пріѣзжалъ въ 1663 году съ политическими предложеніями къ царю Алексѣю Михайловичу. Заслуживаетъ вниманія скоро послѣдовавшее послѣ пріѣзда въ Москву назначеніе Спаѳарія переводчикомъ эллинскаго, греческаго, латинскаго и волошскаго языковъ въ Посольскій приказъ (14 декабря 1671 года), при чемъ велѣно было записать его въ Розрядѣ по Московскому списку, что

---

[1]) *Греческія* дѣла М. Гл. Арх. М. Ин. д. кн. 7, л. 297. Не вполнѣ разрѣшеннымъ остается вопросъ о томъ, гдѣ находился Спаѳарій послѣ своего выѣзда изъ Швеціи въ 1669 году до появленія его въ Адріанополѣ въ мартѣ 1671 года? Picot полагаетъ, что онъ еще въ 1669 году прибылъ въ Молдавію, гдѣ въ этомъ году господарь Ильяшъ смѣщенъ былъ Дукою. Молдавскія хроники совершенно умалчиваютъ о какомъ-либо участіи Спаѳарія въ событіяхъ этого года и свѣдѣніе, сообщенное въ Москвѣ переводчикомъ Христофоровымъ, будто Спаѳарій пытался достигнуть господарства въ Молдавіи и за это подвергся со стороны Ильяша изувѣченію, слѣдуетъ признать не точнымъ. Урѣзанію носа онъ подвергся гораздо ранѣе, при Стефанѣ Албанцѣ, сынѣ Василія Лупула. Можно согласиться съ догадкою П. Сырку, что въ 1670 г. Спаѳарій былъ въ Константинополѣ, гдѣ въ это время находился и Христофоровъ. (*Соловьевъ*, Ист. Р. XII, стр. 92).

[2]) Русск. Архивъ 1896. II, стр. 167.

составляло важное служебное отличіе, дававшее Спаѳарію старшинство между переводчиками. Сближеніе съ Матвѣевымъ, оцѣнившимъ многостороннюю образованность Спаѳарія, также не мало способствовало служебнымъ его успѣхамъ. Между Матвѣевымъ и Спаѳаріемъ вскорѣ установились дружескія отношенія. Ученый переводчикъ часто посѣщалъ боярина (жившаго, какъ извѣстно, въ приходѣ Николы въ Столпахъ), бесѣдовалъ и читалъ съ нимъ книги, преимущественно духовнаго содержанія и училъ сына его Андрея «по-гречески и по-латыни литерамъ малой части».

Не вполнѣ выясненными остаются отношенія Спаѳарія къ Газскому митрополиту Паисію Лигариду, проживавшему въ Москвѣ при царскомъ дворѣ и именовавшему себя здѣсь «великимъ учителемъ и переводчикомъ царскимъ». Какъ извѣстно, царь Алексѣй Михайловичъ расположенъ былъ къ Лигариду за услуги, оказанныя имъ въ дѣлѣ патріарха Никона. Спаѳарій, еще до своей встрѣчи съ Лигаридомъ въ Москвѣ, могъ имѣть о немъ довольно точныя свѣдѣнія. Лигаридъ неоднократно появлялся въ Молдавіи, гдѣ нѣкоторое время занималъ мѣсто дидаскала Ясскаго придворнаго училища при сынѣ Василія Лупула Стефанѣ. Здѣсь въ то время обнаружились тайныя связи Лигарида съ Римомъ, и онъ вскорѣ принужденъ былъ удалиться въ Польшу, гдѣ уже явно сталъ отправлять католическую службу по костеламъ [1]). Это не помѣшало ему однако снова появиться въ Молдавіи въ 1656 году при господарѣ Стефанѣ-Георгіи, при которомъ Спаѳарій состоялъ логоѳетомъ. Старецъ Арсеній Сухановъ, посѣтившій Молдавію въ это же время, встрѣчался здѣсь съ Лигаридомъ, который съумѣлъ ему угодить и чрезъ его посредство вступить въ сношенія съ патріархомъ Никономъ. Послѣдній даже обращался съ грамотою къ господарю Стефану, прося отпустить Лигарида въ Москву. Впрочемъ Лигаридъ въ то время не воспользовался приглашеніемъ и прибылъ въ Россію только 5 лѣтъ спустя. Спаѳарій, пріѣхавъ въ Москву, засталъ здѣсь вліяніе Лигарида на царя еще въ полной силѣ. Незадолго предъ тѣмъ, въ 1670 году царь по настоянію Лигарида исходатайствовалъ ему отъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея разрѣшительную грамоту, возстановлявшую его въ архіерейскомъ достоинствѣ. Досиѳей очень неохотно исполнилъ царскую просьбу и не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ разрѣшенія Паисія, какъ онъ снова подвергъ его запрещенію. На этотъ разъ царь, помимо Досиѳея, возбудилъ ходатайство за Лигарида чрезъ вліятельнаго въ церковныхъ дѣлахъ Востока Молдавскаго господаря Іоанна Дуку. Въ

---

[1]) Нѣсколько свѣдѣній для біографіи Паисія Лигарида митр. Газскаго *Л. Я. Лавровскаго*. Христ. Чт. 1889 г., кн. 11—12, стр. 722.

грамотѣ отъ 14 августа 1671 года царь просилъ господаря «написать отъ себя особую грамоту о томъ митрополитовѣ дѣлѣ къ Паенотакію (Панагіоту) салтанову переводчику, чтобъ онъ также блаженнѣйшихъ патріарховъ наговаривалъ и ко прощенію ево митрополитову подвигнулъ» [1]. Но на этотъ разъ ходатайство царя успѣха не имѣло и можно предполагать, что патріархъ Досиѳей, весьма ревностно охранявшій религіозные интересы православной церкви отъ посягательствъ латинянъ, сталъ дѣйствовать болѣе рѣшительно противъ Лигарида, связи котораго съ Римомъ въ церковныхъ сферахъ Востока не составляли уже тайны. По пріѣздѣ въ Москву Спаѳарій сообщилъ въ Посольскомъ приказѣ извѣстіе, набрасывавшее нѣкоторую неблагопріятную тѣнь на Лигарида. Оно касалось нѣкоего «вора, греченина Архипки, который, сказываютъ, что живалъ на Москвѣ у Газскаго митрополита». Этотъ Архипко «напалъ на Александрійскаго патріарха въ томъ, будто онъ, патріархъ, взялъ у него сильно 70,000 червонныхъ золотыхъ, а онъ де Архипко называется царскаго величества бывшимъ казначеемъ; да къ нему жъ пристали и иные многословные свидѣтели и воеводѣ подали челобитную, и салтанъ патріарха приказалъ привести къ себѣ, а патріархъ де престолъ свой приказалъ учителю своему». Извѣстіе это вскорѣ подтвердилось грамотою отъ самого бѣдствовавшаго патріарха Паисія къ царю [2]. Близкія отношенія Спаѳарія къ патріарху Досиѳею и Панагіоту, которые оба старались о прекращеніи вреднаго вліянія *латинофрона* Лигарида на дѣла русской церкви, даютъ нѣкоторое основаніе допустить, что и онъ по прибытіи въ Москву могъ содѣйствовать имъ въ этомъ, хотя и не явно. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что вскорѣ послѣ того положеніе Газскаго митрополита въ Москвѣ начинаетъ ухудшаться. 24 мая 1672 года послѣдовалъ царскій указъ объ отпускѣ Лигарида съ Москвы въ Палестину чрезъ Кіевъ, при чемъ ему назначена была весьма щедрая напутственная дача. По ходатайству митрополита: «книги, которыя онъ писалъ, и на Симоновскомъ подворьѣ хоромы, и садъ его, и всякое строенье приказалъ государь *беречь* Посольскаго приказа переводчику Миколаю Спотарію». Но въ тотъ же день, 24 мая указомъ государя Лигаридъ былъ задержанъ въ Москвѣ и отпущенъ въ Палестину чрезъ Кіевъ лишь 13 февраля 1673 года, при чемъ ему на отпускѣ всего дано было въ половину противъ прежней дачи, а его хоромы велѣно было «*занять*

---

[1]) *Каптеревъ*. Характеръ отнош. Россіи къ прав. Востоку въ XVI и XVII в. М. 1885. Прил. № 5. стр. 32.

[2]) Доп. къ Акт. Ист. VI, № 47.

переводчику Спаѳарію и переводить греческія и латинскія книги и писать греческой и словенской и латинской лексиконъ» [1]). Но и на этотъ разъ Лигариду не суждено было вернуться на Востокъ, откуда онъ получалъ неблагопріятныя для себя извѣстія. Въ Москвѣ также перестали довѣрять политической и религіозной благонадежности Лигарида. Паваіотъ присылалъ совѣтъ государю: «чтобъ не велѣлъ Газскаго митрополита съ Москвы отпускать, чтобъ онъ не учинилъ въ Царьградѣ и въ иныхъ мѣстахъ какого дѣла съ простодушія (!) своего». Вслѣдствіе этого совѣта Кіевскимъ воеводамъ предписано было царскимъ указомъ: «безъ особаго государева приказа никуда не отпускать Паисія изъ Кіева, а буде онъ похочетъ къ кому за Днѣпръ или съ гречаны въ Царьградъ писать какія письма, тѣхъ писемъ ни подъ какимъ видомъ не отсылать, а слѣдить за нимъ и его перепиской накрѣпко».

Спаѳарій привезъ въ Москву извѣстіе изъ Польши о скоромъ прибытіи въ Россію чрезвычайнаго посольства, во главѣ котораго стояли паны Янъ Гнинскій и Павелъ Бростовскій. Посольство это прибыло въ Москву въ декабрѣ 1671 г. [2]) и имѣло цѣлью склонить царя къ союзу съ Польшею и Австріею противъ турокъ, на основаніи Андрусовскаго договора. Матвѣеву удалось выставить благовидныя причины, освобождавшія Московское правительство отъ невыгодныхъ обязательствъ. Когда польскіе послы стали просить содѣйствія со стороны царя къ усмиренію Дорошенка, то бояре, не оправдывая его, замѣтили однако посламъ, что обращеніе его къ Турціи вызвано гоненіями поляковъ на православную вѣру [3]). Матвѣевъ въ одной изъ своихъ оправдательныхъ челобитныхъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, посланныхъ изъ ссылки, самъ повѣствуетъ, какъ ему удалось достигнуть нарушенія Андрусовскихъ статей, невыгодныхъ для Россіи. «По тому договору, пишетъ онъ, назначены были къ вел. государю великіе и полномочные послы Янъ Гнинскій, воевода Хельминскій для обѣщанія и подтвержденія предъ св. Евангеліемъ. А въ Посольскомъ приказѣ, кромѣ Андрусовскихъ договоровъ и Московскаго поставленія, иного ничего нѣтъ, чтобъ сыскано на польскую сторону къ нарушенію договоровъ и чѣмъ бы тое запись остановить и тѣ договоры не утвердить. А я, еще будучи въ Малороссійскомъ приказѣ, то дѣло по вашей государской милости вѣдалъ и служа вамъ вел. государямъ, посылалъ въ черкасскіе городы для листовъ королевскихъ и сенаторскихъ и книгъ

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. VI, № 54.

[2]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи, т. XII, стр. 72.

[3]) *Костомаровъ.* Руина. Спб. 1882, стр. 333.

укоризненныхъ, вѣдая ихъ неопасные нравы. И изъ черкасскихъ городовъ привезли многіе прописные листы, которые объявились противны Андрусовскимъ договорамъ и Московскому поставленью и книгу пашквиль, реченіемъ словенскимъ посмѣяніе, или укоризна, которая печатана въ Польшѣ... И въ то время но доношенію моему вел. государь указалъ послать изъ посредства великихъ и полномочныхъ пословъ, думнаго дворянина Ивана Ивановича Чаадаева [1]), чтобы польскихъ пословъ упередить и застать ихъ отъ королевскаго величества не отпущенныхъ къ Москвѣ, и велѣно ему, будучи въ отвѣтѣ, сенаторамъ говорить, чтобъ королевское величество велѣлъ дать своимъ посламъ полную мочь на договариваніе нѣкакихъ новыхъ статей, которыя явились противны договорамъ. И еслибъ не тѣ прописные листы и книга укоризненная, нечего бъ было противъ записи и статей говорить съ послами. А какія были трудности и премногіе отвѣты вашимъ боярамъ, и то извѣстно тебѣ, вел. государю, однакожъ бояре службою и разумомъ учинили такъ, какъ вамъ вел. государямъ было годно и тѣ отвѣты совершили во благо и прежніе договоры, чтобъ Кіевъ отдать и войско ставить, то все отложено до того времени, какъ прежніе договоры исправлены будутъ и въ силѣ своей станутъ, и учинено съ Польскимъ государствомъ покой» [2]).

Спаѳарій, хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ на европейскомъ Востокѣ и въ Польшѣ, предупреждалъ въ Москвѣ о близкой опасности, угрожавшей въ то время Украйнѣ со стороны Турокъ и Крыма. О томъ же писалъ къ царю въ 1672 году патріархъ Досиѳей: «покиньте поляковъ и усмирите прежде турокъ, п. ч. непремѣнно хотятъ придти къ Днѣпру» [3]). Любопытно переданное Спаѳаріемъ въ Посольскомъ приказѣ предложеніе дипломатическихъ услугъ со стороны хорошо знакомаго Москвѣ цесарскаго резидента въ Польшѣ, барона Августина Мейерберга, который, по словамъ Спаѳарія, «былъ ему добрый другъ и пріятель». Какъ извѣстно, баронъ Мейербергъ пріѣзжалъ въ Москву въ 1661 г. посломъ отъ цесаря Леопольда I къ царю Алексѣю Михайловичу съ предложеніемъ примиренія съ Польшею и общаго союза противъ Турокъ [4]).

---

[1]) Спаѳарій встрѣтилъ посольство Чаадаева на пути въ Польшу, въ Горкахъ.

[2]) Исторія о невинн. заточеніи боярина А. С. Матвѣева. Спб. 1776, стр. 53.

[3]) *Соловьевъ* Ист. Россіи. т. XIV, стр. 219.

[4]) Баронъ Мейербергъ до посольства своего въ Россію былъ посланникомъ императора Леопольда къ Турецкому султану Мураду IV и къ Седмиградскому князю

1672 годъ ознаменовался печальнымъ событіемъ въ исторіи Малороссіи. Султанъ Магометъ IV, окончивъ завоеваніе о-ва Кандіи отъ Венеціанъ, обратилъ свое оружіе на Польшу, напавшую на новаго турецкаго вассала, гетмана Дорошенка. Весною 300-тысячное турецкое войско перешло Дунай и вторглось въ Подолію, о чемъ своевременно предупреждалъ царя патріархъ Досиѳей, совѣтуя помочь Польшѣ противъ Турокъ. «Царь меня тогда не послушалъ», пишетъ Досиѳей въ одной изъ своихъ грамотъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, «и не повѣрилъ, а потомъ случилось все, какъ мы писали»[1]. Въ августѣ все турецкое войско подъ личнымъ начальствомъ султана осадило Каменецъ, взятіе котораго, (послѣдовавшее 19 августа), произвело въ Москвѣ удручающее впечатлѣніе. Польскій король Михаилъ Вишневецкій принужденъ былъ спѣшить заключеніемъ унизительнаго для Польши Бучацкаго договора (18 октября), по которому она уступала Турціи Подолію и Украйну и обязывалась платить султану ежегодную значительную дань. Московское правительство, державшееся безучастно во время войны Турокъ съ Польшею, теперь стало усиленно вооружаться, опасаясь нашествія Турокъ на русскую Украйну и нападенія на Кіевъ. Въ послѣднемъ случаѣ самъ царь собирался выступить противъ непріятеля. Готовясь къ первому прямому враждебному столкновенію съ Турціею, царь обратился ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ союза противъ общаго врага христіанства.

Осенью 1673 года Польша, вопреки Бучацкаго договора, не получившаго подтвержденія отъ Варшавскаго сейма, возобновила войну съ Турками. Коронный гетманъ Янъ Собѣскій въ союзѣ съ измѣнившими Турціи господарями, Молдавскимъ—Стефаномъ Петричеу и Валашскимъ — Григоріемъ Гикой двинулся къ Хотину съ 30-тысячнымъ отрядомъ, и разбивъ турокъ на голову, взялъ эту крѣпость. Неожиданная вѣсть о смерти короля Михаила, послѣдовавшей въ Львовѣ наканунѣ этой блестящей побѣды, помѣшала полякамъ ею воспользоваться и разстроило ихъ войско. Молдавія и Валахія, внезапно покинутыя поляками, оказались въ самомъ критическомъ положеніи между турками съ одной стороны и Дорошенкой и крымскими татарами—съ другой. Это заставило господарей обратиться за помощью къ царю. Съ этою цѣлью въ февралѣ 1674 года пріѣхалъ въ Москву изъ Яссъ игуменъ Святогорскаго Павловскаго монастыря Ѳеодоръ съ проситель-

---

Георгію Ракочи. См. *Adelung*. Augustin v. Meyerberg u. seine Reise nach Russland. Pbg. 1827, pp. 5—8.

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Россіи, т. XIV, стр. 219.

ными грамотами къ царю отъ Молдавскаго господаря Іоанна Стеф
Петра [1]) и великаго логоѳета Валахіи Іоанна Константина Щербан
о принятіи ихъ странъ подъ покровительство Россіи. Въ Посольск
приказѣ сдѣланъ былъ посланцу господаря обычный распросъ, дос
вившій интересныя подробности, которыя мы и приведемъ здѣсь
основаніи архивнаго извѣстія.

«Посланецъ спрашиванъ: у волоскаго и мутьянскаго господа
съ корунными гетманы (польскими) союзу и договора какова не у
нилось ли?

— Никакова союзу не учинено и не укрѣплено, только по п
сылкамъ ихъ господари учинили имъ противъ турковъ помочь.

Если великій государь ихъ изволитъ принять подъ свою держ
ную руку, то на какихъ статьяхъ господари захотятъ быть въ п
данствѣ?

— На короткихъ статьяхъ, чтобъ вел. государь принялъ и
изволилъ отъ турскаго салтана и крымскаго хана оборонять свои
ратными людьми, а они посылками своими царскаго величества р
нымъ людямъ помогать и дань давать небольшую будутъ; а вой
сбирается волоскаго съ 15 тысячъ, а мутьянскаго и больше.

---

[1]) Стефанъ Петричеу (Petriceiu) достигъ господарства въ Молдавіи
1672 г. послѣ Александра (Іоанна) Дуки, но уже въ концѣ 1674 г. принужд
былъ удалиться въ Польшу, уступая мѣсто Димитрію Кантакузину (1674—76
Въ 1684 году, послѣ освобожденія Вѣны отъ турокъ, поляки опять возвели С
фана Петричеу на Молдавское господарство, смѣстивши его соперника Дуку, ко
рый окончилъ жизнь въ польскомъ плѣну. Стефанъ Петричеу вторично искалъ
щиты отъ турокъ у царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Прошеніе его и молд
скихъ бояръ, присланное въ Москву въ 1684 году съ митрополитомъ Сучавск
Досиѳеемъ, напечатано въ Полн. Собр. Зак., т. II. № 1324.

[2]) Іоаннъ Константинъ Щербанъ I Кантакузинъ въ 1674 году проживалъ
Молдавіи изгнанникомъ, хотя имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ въ Вала
гдѣ онъ достигъ господарства въ 1678 году. Онъ участвовалъ въ осадѣ В
турками, при чемъ тайно держалъ сторону христіанъ. За время своего управл
онъ оставилъ добрую память въ Валахіи. Щербанъ готовился осуществить пл
возстанія всѣхъ христіанскихъ народностей Турціи за освобожденіе и успѣлъ зак
чить союзъ съ Россіею чрезъ архимандрита Исаію въ 1688 году, когда внеза
погибъ, отравленный роднымъ братомъ, Константиномъ и племянникомъ, Констан
номъ Бранкованo. *Кочубинскій* причиною этого семейнаго заговора предполага
политическія связи Щербана съ Австріей. («*Мы и они*», стр. 37—47. Полн. Со
Зак. II, № 1324).

— Можетъ ли посланецъ учинить присягу въ подданствѣ отъ лица господарей?

— Можетъ принять предварительную присягу, послѣ чего пусть царь пошлетъ бояръ своихъ ближнихъ совершить договоръ и присягу.

— Въ Волоской землѣ стоятъ польскія войска; кто ихъ начальникъ и про проѣздъ его вѣдаетъ ли, или онъ тайно отпущенъ?

— Начальникъ польскихъ войскъ—корунной хорунжій Синявской, съ нимъ 8 тысячъ войска; а отпускаючи ево посланца, господари призывали къ себѣ Синявскаго и говорили ему, что посылаютъ къ царю посольство для провѣдыванія, какіе въ Москвѣ противъ турскаго салтана и крымскаго хана имъ полякамъ и имъ господарямъ о помочи промыслы есть. Синявской это одобрилъ и далъ проѣзжій листъ чрезъ Польшу и Литву.

— Если великій государь приметъ подданство господарей и про то провѣдаетъ салтанъ турской, какова намѣренія они отъ салтана чаютъ?

— Слухъ носится, что у салтана и у всѣхъ турковъ намѣреніе такое, что уже чаютъ себѣ по письму ихъ закона послѣдней погибели и пребываютъ въ великомъ ужасѣ и страхѣ. Послѣ побѣды надъ турками поляковъ салтанъ призвалъ къ себѣ Гуссейнъ-пашу и ближнихъ людей и спрашивалъ, размышляя, какъ такое ихъ великое войско отъ поляковъ погибло? И везирь и ближніе люди говорили: войско ихъ погибло не отъ поляковъ, но за неправду ихъ побилъ самъ Господь Богъ христіанской, что онъ салтанъ безо всякой причины нарушилъ свои и прежніе договоры съ Польшей и ходилъ на поляковъ войною, да и не токмо на поляковъ, но и подданнымъ своимъ христіаномъ учалъ чинить гоненіе и по взятіи Каменца Подольскаго обѣщался 3 церкви обратить въ мечети, и для того ему Волохи и Мутьяне измѣнили. И салтанъ былъ въ великомъ страхѣ и говорилъ: радъ бы онъ, салтанъ, съ поляками какъ нибудь договоръ учинить, хотя бъ имъ и Каменецъ назадъ отдалъ, только де отдать Каменца за стыдъ нельзя.

— Если великій государь пошлетъ войска на помощь господарямъ, то не будетъ ли имъ по пути скудости въ харчѣхъ и во всякихъ изобиліяхъ?

— Турки и татары безсильны и ихъ бояться нечего. А какъ вел. государь изволитъ Украйну усмирить и въ подданство учинить, тогда ратнымъ людямъ, которые посланы будутъ имъ на оборону отъ турка, путь до волоской земли будетъ способной и всякое изобиліе будетъ безъ скудости. И поселиться царскаго величества ратнымъ людемъ будетъ, гдѣ напередъ сего кочевала Бѣлогородцкая орда, и та

орда по челобитью волошенъ сведена въ Крымъ, а то мѣсто, гдѣ кочевали, всѣмъ изобильно. А салтанъ мыслитъ, какъ бы тое орду по прежнему тамъ поселить, но не надо его допустить до того. Если бы Бѣлогородцкая орда не была сведена оттуда, то никогда бы поляки не одолѣли Гуссейнъ-пашу.

— Не будетъ ли препоны отъ Поляковъ къ подданству господарей царю?

— Никакой препоны не будетъ, а ради они и сами, чтобъ изволилъ ихъ царь отъ такого сильнаго непріятеля оборонить и желаютъ, чтобъ вел. государь былъ на корунѣ Польской и на великомъ княжествѣ Литовскомъ королемъ, и. ч. силенъ ратными людьми и казною, да и Украйна той стороны желаетъ вся быть у царскаго величества, только держитъ Дорошенко съ небольшими своими совѣтники. Онъ задержалъ гонца, посланнаго раньше съ листомъ отъ Волоскаго господаря къ царю. Теперь Дорошенко предлагалъ оставить турокъ и передаться полякамъ».

Молдавскій посланецъ игуменъ Ѳеодоръ доставилъ также листъ отъ митрополита Волоскаго Досиѳея къ патріарху Московскому Іоасафу, который заключалъ слѣдующее пламенное прошеніе о защитѣ бѣдствующей церкви отъ Турокъ:

«Покрыла насъ турская тьма, гордыхъ и суровыхъ мучителей, нечестивыхъ тиранъ, смирися выспрь душа наша, прильпе земли утроба наша, вмѣнихомся, яко овца заколенію. Но предвари и буди предстатель ко церкви, яко да ущедритъ насъ и воздвигнетъ своя и пріидетъ спасти насъ отъ глубокаго лукавца и неистоваго Махомета, да насъ избавитъ, яко птицы отъ сѣтей ево горькихъ и несытства ево» [1]).

Для болѣе вѣрнаго успѣха своего прошенія къ царю Молдавскій господарь, митрополитъ и бояре, а также Щербанъ Кантакузинъ обратились также съ особыми письмами къ Спаѳарію, въ виду его близости къ вліятельному царскому любимцу Матвѣеву [2]). «Елико тебѣ воз-

---

[1]) *Молдавскія* дѣла Моск. Гл. Арх. М. Ин. д. связка 6-я (7182 февр.) «Листъ къ царю Алексѣю Михайловичу отъ господарей и воеводъ Молдавскаго Стефана и Волошскаго Константина Щербана съ прошеніемъ о защищеніи ихъ и земель ихъ и объ удержаніи Крымскихъ татаръ отъ соединенія съ гетманомъ Дорошенкомъ» напечатанъ въ Полн. Собр. Зак. т. II, № 3. Тамъ же напечатана отвѣтная грамота царя (№ 4) и статьи, присл. изъ Варшавы къ царю отъ Волохскихъ бояръ Радула и Петрашки, на какихъ условіяхъ желаютъ они быть въ Россійскомъ подданствѣ (№ 5).

[2]) *Приложенія* № 5.

можно, писалъ къ нему господарь, потщись яко христіанинъ и дѣлай дѣло наше и буди намъ резидентъ и мнѣ и брату моему Константину воеводѣ, который нынѣ пребываетъ здѣсь со мною... Хотѣхомъ писати къ тамошнему великому везирю (здѣсь, конечно, разумѣлся Матвѣевъ) и ко инымъ, но потому что не вѣдали чести ихъ; но ваша милость, яко нашея породы, радѣй да исполнится оная наша скудость, для чего зѣло намъ подобаетъ вѣдати, какое намъ упованіе будетъ отъ тѣхъ странъ». Изъ этихъ же писемъ мы узнаемъ, что у Спаѳарія въ Молдавіи былъ братъ, занимавшій вліятельное положеніе при господарѣ и нѣкоторое время остававшійся намѣстникомъ послѣдняго въ Яссахъ. «Ради брата своего Спотарія, писалъ господарь, ничѣмъ не печалься, потому что онъ мой есть»[3]).

Въ мартѣ того же года Молдавскій посланецъ, игуменъ Ѳеодоръ былъ отпущенъ изъ Москвы. Въ отвѣтной грамотѣ своей царь увѣдомлялъ просителей, что «милостиво жалуетъ и похваляетъ ихъ за желаніе ихъ быть въ подданствѣ Россіи и имѣетъ о всѣхъ православныхъ попеченіе неотмѣнное». Въ этихъ видахъ царь «указалъ быть на Дону для похода подъ Азовъ бояриму кн. Ивану Андреевичу Хованскому со многими ратными людьми, отвращая турскаго салтана и крымскаго хана отъ войны, чтобы они въ ихъ земли войною не входили». Одновременно воеводѣ кн. Ромодановскому съ гетманомъ Самойловичемъ и со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ указано «идти на ту сторону Днѣпра войною на Дорошенка, приводя его подъ царскую высокую руку въ подданство, чтобъ тѣмъ Турская и Крымская война отъ нихъ и отъ Рѣчи Посполитой Польской отвесть».

Такимъ образомъ главная цѣль прошенія Стефана Петричеу и Щербана къ царю о защитѣ ихъ странъ отъ внѣшнихъ враговъ была достигнута. Что же касается возбужденнаго ими вопроса о принятіи въ подданство Россіи Молдавіи и Валахіи, то къ этому предложенію

---

[3]) Этого брата Спаѳарія звали Андреемъ Апостоломъ. Онъ былъ Молдавскимъ бояриномъ и умеръ въ Яссахъ въ 1678 году. Сыновья его, Иванъ и Степанъ Андреевы Спаѳаріи пріѣзжали въ Москву въ декабрѣ 1686 года (*Приложеніе 11-е*); повидимому Степанъ Андреевъ остался на нѣкоторое время служить въ Россіи и значится въ боярскихъ книгахъ подъ 1700 г. (кн. 11-я стр. 365), но снова вернулся въ Молдавію и пріѣзжалъ въ Москву въ 1709 г. по дѣлу о наслѣдствѣ своего дяди, когда и умеръ въ Нѣжинѣ. См. *Михайловскаго.* Очеркъ жизни и службы Н. Спаѳарія въ Россіи стр. 18 и приложеніе 19.—Иванъ Спаѳарій подписался въ числѣ Молдавскихъ бояръ подъ прошеніемъ къ царямъ Іоанну и Петру 1684 года. Полн. Собр. Зак. № 1324.

въ Москвѣ не могли относиться съ особеннымъ довѣріемъ, зная неустойчивость политическихъ обстоятельствъ въ Придунайскихъ княжествахъ, гдѣ господари безпрестанно мѣнялись, и помня безуспѣшность прежнихъ попытокъ подобнаго же рода при Молдавскомъ господарѣ Стефанѣ Георгіи въ 1656 году и при Константинѣ Щербанѣ—въ 1660 году [1]).

Впрочемъ въ августѣ 1674 г. присланы были изъ Варшавы отъ молдавскихъ бояръ Радула и Петрашки статьи объ условіяхъ подданства, но, какъ кажется, на этомъ дѣло въ этотъ разъ и остановилось.

Неутомимая дѣятельность, которую Спаѳарій проявилъ въ 1672 и 1673 годахъ въ «строеніи книгъ», возложенномъ Матвѣевымъ на переводчиковъ Посольскаго приказа, обратила на него вниманіе самого царя Алексѣя Михайловича. Въ 1673 году Спаѳарій удостоился посвятить царю свое сочиненіе «Хрисмологіонъ или Даніила пророка откровеніе на сонъ Навуходоносора о четырехъ монархіяхъ», въ которомъ онъ выказалъ свою обширную ученость. Эти заслуги Спаѳарія, безъ сомнѣнія, содѣйствовали его назначенію царскимъ посланникомъ въ Китай въ 1675 году. Посольство это имѣло въ виду не столько дипломатическія, сколько развѣдочныя цѣли. Московское правительство нуждалось въ то время въ обстоятельномъ описаніи своихъ новыхъ владѣній въ Сибири, а также желало получить возможно точныя извѣстія о кратчайшемъ и удобнѣйшемъ пути въ Китай для будущихъ торговыхъ и политическихъ сношеній съ этимъ государствомъ. Задачи эти

[1]) См. нашу статью «Молдавскій господарь Стефанъ-Георгій и его сношенія съ Москвою» въ Русск. Архивѣ 1896. II, стр. 165—169. «Листъ къ царю Алексѣю Михайловичу отъ Константина Щербана владѣтеля и воеводы земель Молдавской и Валахской просительный о дачѣ ему помощи противъ Турокъ и о присылкѣ ему боярина для принятія обѣихъ этихъ странъ въ Россійскую державу и о пожалованіи ему знамени и булавы» и информація или наказъ, поданный въ Посольскомъ приказѣ Молдавскими посланниками 18 августа 1660 года, напечатаны въ Полн. Собр. Зак. т. II, № 1324. I. Этотъ Константинъ Щербанъ, пріемный сынъ Матвѣя Бессарабы, смѣстившій въ Молдавіи Стефана-Георгія въ 1658 году, нѣкоторое время соединялъ въ своихъ рукахъ управленіе обоими княжествами. Но уже въ 1659 году онъ въ свою очередь изгнанъ былъ изъ Молдавіи Георгіемъ Гикой, а въ Валахіи его замѣстилъ Михна. Тогда въ 1660 г. Константинъ Щербанъ прибылъ въ Украину, въ Переяславль къ гетману Юрію Хмельницкому и царскому воеводѣ боярину Шереметеву и отправилъ къ царю вышеупомянутую грамоту и информацію. См. *Молдавскія* дѣла св. 4-я № 18. 7168 года іюля 22.

могли быть успѣшно выполнены только человѣкомъ съ многостороннимъ образованіемъ, каковымъ отличался Спаѳарій. Изъ свѣдѣній о сборахъ посольства видно, что съ Спаѳаріемъ отпущены были между прочимъ: «инструменты различные астрологическіе и компасы, чрезъ которые мочно разстояніе путей и прямой путь обыскать; живописецъ, который знаетъ землемѣріе и чертежи писать; книга изъ Оптеки, въ которой описано государство Китайское, и лексиконъ китайской» и т. под. Все это подтверждаетъ ученыя цѣли посольства. Спаѳарій вполнѣ оправдалъ выборъ своего покровителя Матвѣева. Хотя посольство его не имѣло особеннаго дипломатическаго успѣха, но зато доставило богатый запасъ географическихъ свѣдѣній о Сибири и Китаѣ. По возвращеніи своемъ въ Москву 5-го января 1678 года Спаѳарій представилъ, кромѣ обычнаго статейнаго списка, еще двѣ особыя книги, посвященныя описанію Сибири и Китайскаго государства, и чертежъ[1]).

Въ Москвѣ Спаѳарій уже не засталъ своего покровителя Матвѣева, который съ началомъ новаго царствованія испыталъ на себѣ превратность судьбы и сосланъ былъ въ Пустозерскъ. Близость Спаѳарія къ опальному боярину, конечно, не могла не отразиться на его служебномъ положеніи. Еще на возвратномъ пути чрезъ Сибирь, изъ Енисейска Спаѳарій послалъ въ Москву письмо къ думному дьяку Ларіону Иванову, завѣдывавшему послѣ ссылки Матвѣева Посольскимъ приказомъ. Содержаніе этого письма, написаннаго въ нѣсколько приниженномъ тонѣ, убѣждаетъ въ томъ, что первыя притѣсненія по службѣ начались для Спаѳарія еще въ Сибири. Въ Москвѣ ему пришлось отвѣчать по многочисленнымъ обвиненіямъ, взведеннымъ на него подчиненными и другими лицами: его обвиняли въ неумѣніи вести посольскія дѣла, въ превышеніи власти, во взяточничествѣ и другихъ злоупотребленіяхъ. Допросъ производился въ Сибирскомъ приказѣ и, судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, выяснилъ неосновательность этихъ обвиненій. Любопытно, что одно изъ нихъ касалось сношенія Спаѳарія съ іезуитами въ Пекинѣ: «что онъ католикамъ въ костелъ отдалъ образъ Михаила архангела». По объясненію Спаѳарія, онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлью, «чтобы католикамъ и русскимъ людямъ, которые въ измѣнѣ и на бою взяты, и пріѣзжимъ русскимъ людамъ, пришедъ въ тотъ костелъ, было чему поклониться»[2]).

---

[1]) Книга *Китайскаго* двора № 4. М. Гл. Арх. М. Ин. д.

[2]) Вѣстн. Европы 1827 г. №№ 23 и 24 стр. 161 и слѣд. статья *Зубарева* о процессѣ Спаѳарія, заимствованная изъ рукописи Архива Оруж. Палаты № 19—186 г. столбцы (опись XXX).

Оправдавшись отъ обвиненій, Спаѳарій уже въ сентябрѣ 1679 года былъ снова зачисленъ на прежнюю должность переводчика Посольскаго приказа. При этомъ ему назначенъ денежный и помѣстный окладъ—по прежнему, а кормовыя деньги—въ половинномъ размѣрѣ[3]). Хотя при этомъ онъ не получилъ никакой награды за «Китайскую посылку», но тогда же была ему обѣщана прибавка жалованья «какъ онъ службу свою впредь покажетъ, смотря по ево работе»[4]), а четыре года спустя, въ декабрѣ 1683 года, уже при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, послѣдовала и особая награда: «за Китайскую посылку по указу вел. государей дано Государственнаго Посольскаго приказу переводчику Николаю Спаѳарію ковшъ серебряный въ двѣ гривенки, сукно лундышъ и камки куѳтерю 10 аршинъ»[5]). Вообще извѣстія о продолжительныхъ служебныхъ невзгодахъ, которыя Спаѳарію пришлось пережить послѣ его возвращенія изъ Китая въ Москву, оказываются весьма преувеличенными, а также нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, чтобъ онъ привлекался къ какимъ-либо объясненіямъ по дѣлу Матвѣева. Напротивъ, уже въ началѣ 1679 года, т. е. приблизительно черезъ годъ по возвращеніи Спаѳарія изъ его посольства и еще до офиціальнаго зачисленія его на прежнюю должность переводчика, мы встрѣчаемъ его участіе въ политическихъ сношеніяхъ Посольскаго приказа съ Молдавіей, по поводу пріѣзда въ Москву Молдавскаго посланца, капитана Ивана Бѣлевича. Въ это время Московское правительство послѣ неудачныхъ Чигиринскихъ походовъ опасалось новаго нашествія Турокъ и Крымскаго хана на Украйну и весьма расположено было заключить миръ съ Портою. Съ этою цѣлью еще въ декабрѣ 1678 года посланъ былъ въ Константинополь дворянинъ Василій Даудовъ съ царскою грамотою къ султану. Въ Турціи также сильно желали мира, и султанъ, еще не зная о посольствѣ Даудова, съ своей стороны поручилъ Молдавскому господарю Іоанну (Александру) Дукѣ предложить царю свое посредничество при заключеніи мира[6]). Посланецъ господаря Бѣлевичъ прибылъ въ Кіевъ въ началѣ апрѣля, о чемъ извѣстилъ въ Москву воевода кн. Урусовъ. На встрѣчу ему отправленъ былъ подъячій Посольскаго приказа Алексѣй Васильевъ,

---

[3]) *Михайловскій.* Очеркъ жизни и службы Н. Спаѳарія въ Россіи стр. 15.

[4]) Тамъ же. Прилож. № 10.

[5]) *Прилож.* № 3.

[6]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи т. XIII стр. 264 и слѣд. Подробности посольства Бѣлевича мы излагаемъ здѣсь на основаніи архивныхъ источниковъ. *Молдавскія* дѣла М. Гл. Арх. М. Ин. д. 7187 г. апр. 7.

которому приказано: «быти у Бѣлевича въ приставѣхъ, ѣхать съ нимъ къ Москвѣ и дорогою ѣдучи спрашивать его, съ какимъ дѣломъ онъ къ великому государю присланъ? также спрашивать его и о намѣреніи Турецкаго салтана, куда пойдетъ войною, и гдѣ нынѣ царскаго величества посланникъ Василей Даудовъ, который посланъ въ Турки?»

Подъячій встрѣтился съ посланцемъ въ Болховѣ 26-го апрѣля. Въ разговорахъ Бѣлевичъ сообщилъ: «что послалъ ево къ вел. государю Волоской господарь Иванъ Дука съ грамотою тайной, да и словесной съ нимъ наказъ, а какимъ дѣломъ, и того имянно не сказалъ... А изъ Волоской де земли поѣхалъ онъ марта въ 25-й день, а какъ де онъ ѣхалъ чрезъ Немировъ и иные городы, въ которыхъ есть турки и татары, и онъ сказывался, что ѣдетъ въ Кіевъ для окупу полоняниковъ, которыхъ волоховъ взяли въ полонъ подъ Чигиринымъ... А какъ онъ посланникъ поѣхалъ изъ Яссъ, и въ то время войско турецкое сбиралось все къ Дунаю, салтанъ былъ въ Цpaрегородѣ, а везирь— въ Андріанополѣ, да и къ нимъ де въ Волоскую землю салтанскій указъ присланъ, чтобъ были всѣ къ службѣ готовы, а куда будетъ походъ, того подлинно невѣдомо, только де слухъ у нихъ такой, что пойдутъ подъ Кіевъ, а иные говорятъ, что на Запорожье, и тамъ хотятъ турки въ нѣкоторыхъ мѣстехъ поставить городки; а самъ ли салтанъ пойдетъ, или визирь, того невѣдомо». О Даудовѣ посланецъ господаря сообщилъ: «что онъ нынѣ есть въ Царьгородѣ. а какъ де онъ (Василей Даудовъ) пріѣхалъ въ Каменецъ Подольской, и ево де того города жители и турки и татары встрѣчали за городомъ всѣ и приняли ево съ великою честію и давъ ему подводы и провожатыхъ, отпустили ево до Яссъ, а въ приставѣхъ у него былъ турской бей. А отъ Яссъ де отпустилъ ево Волоской господарь въ Царьгородъ до Благовѣщеніева дни».

Въ Москвѣ, куда Бѣлевичъ прибылъ въ началѣ мая, приняли его недовѣрчиво, подозрѣвая въ немъ турецкаго шпіона. Его помѣстили за Москвою рѣкою, въ Ордынской слободѣ, и ко двору, который ему отвели, приставленъ былъ караулъ изъ стрѣльцовъ «коренныхъ и добрыхъ», перемѣнявшихся по-суточно.

Назначенному при Молдавскомъ посланцѣ приставу, дворянину Ивану Ѳедоровичу Рыкачеву указано было: «держати честь и береженье, чтобы къ посланцу никто не подходилъ и ничего съ нимъ не разговаривалъ и писемъ никакихъ не принесъ и у него не взялъ; лишнихъ словъ никакихъ съ нимъ не говорилъ, да смотрѣть ему, Ивану, надъ толмачи и надъ стрѣльцы, чтобъ на дворѣ стояли безъотступно и не бражничали и ни про какія вѣсти никто не разсказывалъ».

Въ Посольскомъ приказѣ Бѣлевича разспрашивали думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ и дьяки Василій Бобининъ и Емельянъ Украинцевъ. Они добивались, чтобы посланецъ объявилъ предъ ними листъ отъ господаря Дуки, удостовѣряющій о цѣляхъ его пріѣзда: «а словеснымъ разговорамъ вѣрить не доведется и до объявленія дѣлъ быти ему у великаго государя не мочно, п. ч. у царскаго величества съ салтаномъ турскимъ нынѣ недружба и война, а Дука воевода со всѣми Волоскіе земли жительми хотя и христіяне, только подъ игомъ ево басурманскимъ и дѣлаютъ то, что онъ, салтанъ, имъ велитъ».

Послѣ долгихъ пререканій Бѣлевичъ, желавшій получить личную аудіенцію у царя, наконецъ согласился предъявить дьякамъ листъ и инструкцію за рукою и за печатью Дукиною. При этомъ онъ объяснилъ, что господарь, предлагая съ вѣдома султана свое посредничество въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Турціей, желаетъ принять его на себя: «чтобы то доброе дѣло учинилось не чрезъ иного, токмо чрезъ него, п. ч. за то онъ и всѣ православные христіане пріимутъ отъ салтана турскаго себѣ въ гоненіяхъ отраду».

На это Бѣлевичу отвѣчали отъ царскаго имени, что такъ какъ у господаря нѣтъ указа отъ султана о посредничествѣ, то царю невозможно принять его предложеніе, «потому что время настаетъ военное и царскія войска уже отпущены къ Кіеву». Бѣлевичъ увѣрилъ, что Дука безъ указа султана не посмѣлъ бы писать къ царю. На вопросъ, какого же именно мира желаетъ султанъ, посланецъ затруднился дать опредѣленный отвѣтъ.

Тогда ему заявлено было, что царь войны и кровопролитія не желаетъ и что войну началъ султанъ, «оставя исконную дружбу, а буде султанъ миру хочетъ, и царь съ нимъ въ мирѣ быть изволитъ такъ, какъ исконно было, а мимо прежняго обычая ничего учинити не изволитъ; также бы и султанъ мимо прежняго обычая ничего не начиналъ и въ подданныхъ его царскаго величества не вступался». На это посланецъ отвѣтилъ: «въ то дѣло воевода вступаетъ для христіанскаго облегченія, п. ч. христіанамъ слишкомъ невыносимо стало басурманское иго, да и то воеводу Дуку понудило, что салтанъ къ хану Крымскому послалъ, чтобы онъ ево съ царскимъ величествомъ умирилъ и наказалъ ему просить Украйны и Кіева, но только тотъ запросъ у нихъ напрасный и чтобъ вел. государь приказалъ имъ въ томъ отказать, и если государь укажетъ ему Дукѣ въ посредствѣ быть, и тогда со стороны салтана не токмо о тѣхъ статьяхъ говорить, но и воспоминанія не будетъ». Справедливости этихъ послѣднихъ словъ Московское правительство не особенно довѣряло. Незадолго предъ

тѣмъ, въ концѣ марта, доставлено было въ Посольскій приказъ письмо съ политическими вѣстями отъ племянниковъ Спаѳарія изъ Яссъ [1]. Исполняя порученіе дяди, они извѣщали его, что турки опять готовятъ войска и согласятся на миръ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Украйна лѣваго берега, поддавшаяся султану, оставалась за Турціей. Посланецъ господаря Бѣлевичъ также имѣлъ письма къ Спаѳарію изъ Молдавіи: одно на греческомъ языкѣ, отъ самого господаря Дуки, въ которомъ послѣдній просилъ Спаѳарія въ виду его близости къ «великимъ людямъ» въ Москвѣ оказать содѣйствіе Бѣлевичу въ предстоящихъ переговорахъ; другое—отъ Молдавскаго митрополита Досиѳея, просившаго поддержать предъ Московскимъ патріархомъ Іоакимомъ его ходатайство о высылкѣ ему типографскаго шрифта для печатанія церковныхъ книгъ [2]. Такія письменныя обращенія къ Спаѳарію отъ его земляковъ даютъ основаніе предполагать, что служебное положеніе его въ Москвѣ уже значительно улучшилось въ это время.

10-го мая Бѣлевичъ удостоился видѣть царскія пресвѣтлыя очи, а на другой день на отпускѣ изъ Посольскаго приказа ему объявлено было окольничимъ Пронгчищевымъ, что Царь склоняется на предложеніе Дуки о посредничествѣ: «желая церквамъ Божіимъ свободы и православнымъ христіанамъ, которые пребываютъ подъ салтанскимъ игомъ, облегченья», но чтобы это дѣло велось въ тайнѣ. При этомъ Бѣлевичу вручена была отвѣтная Царская грамота къ господарю Дукѣ. Гетману Самойловичу посланъ былъ тогда же изъ Москвы указъ: «велѣть проводить Молдавскаго посланца до Яссъ и провѣдывать, отъ самаго ли истиннаго намѣренія Дука того посланца присылалъ и по салтанскому ли указу».

Участіе Спаѳарія въ политической перепискѣ Посольскаго приказа по поводу Турецкихъ дѣлъ не ограничилось упомянутыми выше письмами. Изъ докладной выписки того-же 1679 года видно, что «9-го февраля въ Посольскомъ приказѣ переводчикъ Николай Спаѳарій подалъ вѣстовое письмо, а сказалъ, что прислано къ нему то письмо изъ Волоской земли отъ сродичей ево съ волошениномъ съ Дмитряшкою,

---

[1]) *Приложеніе № 8.*

[2]) *Прилож. № 7.* О митрополитѣ Молдавскомъ Досиѳеѣ, который упоминается подъ 1679—1690 гг. см. *Голубинскаго* Кратк. очеркъ ист. прав. церквей болг., серб. и рум. М. 1871 стр. 380. М. Досиѳей получилъ отъ патріарха Моск. Іоакима типографскія принадлежности для печатанія сдѣланн. имъ съ греческаго и славянскаго переводовъ на волошск. языкъ. Изъ напечат. имъ книгъ извѣстенъ *Псалтырь* на рум. и слав. яз., изд. въ Яссахъ въ 1680 г.

Да тотъ же волошенинъ въ допросѣ сказалъ, что послалъ ево господарь съ тѣмъ письмомъ нарочно и далъ ему на дорогу 20 ефимковъ. Да я про иныя вѣсти тотъ волошенинъ, которыя надлежатъ къ нынешнему времени, въ распросѣ сказывалъ же и по тѣмъ распроснымъ рѣчамъ вел. государю извѣстно» [1]. Въ началѣ мая того же года, еще до отпуска Бѣлевича изъ Москвы, явился въ Посольскій приказъ другой волошенинъ, Родіонъ Марковъ, который въ распросѣ сообщилъ весьма важныя политическія вѣсти: «жилъ де онъ на Москвѣ съ греки въ Николаевскомъ монастырѣ и былъ въ Китаехъ съ Николаемъ Спатаріемъ и въ нынешнемъ въ 187 году съ греки поѣхалъ въ свою землю и для торговаго промыслу остановились греки въ Малороссійскихъ городѣхъ. И въ то время ѣхалъ съ Москвы Василій Даудовъ и прислалъ къ нему грамотку отъ Николая Спотарія, чтобъ онъ, Родіонъ съ нимъ ѣхалъ въ Волоскую землю и въ проѣзде всякую ему работу показалъ. И онъ де по тому письму поѣхалъ съ Васильемъ въ Переяславль, и изъ Переяславля послалъ ево Василей съ подьячимъ съ Ѳедоромъ Старковымъ къ Юраску (Хмельницкому), назвавъ черкашениномъ, и онъ де съ нимъ будучи всякую муку терпѣлъ отъ Юраска. А будучи они съ Даудовымъ въ Волоской землѣ, провѣдывалъ онъ отъ господаря и отъ бояръ, которые сродники Николаю Спатарію, что салтанъ Турской поѣхалъ недавно изъ Андріанополя въ Царьградъ, однакожде въ городъ не шелъ, только гуляетъ на загородныхъ своихъ дворѣхъ, а не смѣетъ въ городъ входить, для того что Янычане и иные ратные люди думаютъ бунтъ учинить, для того что скучила имъ война. А визирь поѣхалъ за салтаномъ въ Царьградъ, а войско Турское стоитъ за Дунаемъ съ 50.000 и пушекъ съ 80, а надъ ними сераскеръ Кара-Магметъ паша. И отъ салтана Турскаго къ господарю Волоскому и Мултянскому пришли указы, чтобы они готовы были на службу, а намѣреніе ихъ есть въ нынѣшнемъ году итить на Запорожье и тутъ строить городы, п. ч. говорятъ они: чьи де будутъ За пороги, того будетъ и вся Украйна, и для того посылалъ визирь для досмотру Запорожья и для строенія городовъ отъ себя нарочитаго человѣка» [2]).

---

[1]) Въ Молдавскихъ дѣлахъ 1679 года мы не встрѣтили текста этого письма. Издаваемое же нами въ приложеніяхъ (№ 8) вышеупомянутое письмо отъ плѣнниковъ Спаѳарія, писанное 9-го февраля изъ Яссъ и доставленное въ Москву лишь 27 марта, очевидно другое, ибо приведенное волошениномъ Дмитріемъ Дмитріевымъ письмо подано было Спаѳаріемъ въ Посольскомъ приказѣ гораздо ранѣе, 9-го февраля, если не допустить ошибку въ помѣтахъ.

[2]) Молдавскія дѣла 7187 февр. 2—сент. 7188 г. М. Н. арх. М. Ин. д.

Мирные переговоры съ Турціей тянулись, какъ извѣстно, болѣе двухъ лѣтъ. Даудовъ вернулся изъ Константинополя осенью 1679 съ извѣстіемъ, что султанъ не желаетъ отказаться отъ западной Украйны и предлагаетъ продолжать переговоры при посредствѣ Крымскаго хана. Пріѣзжавшій вторично въ Москву отъ господаря Дуки посланецъ Бѣлевичъ также подтвердилъ, что Турки предлагаютъ границею между обоими государствами Днѣпръ. При этомъ случаѣ Дука чрезъ своего посланца опять обращался къ Спаѳарію съ письмами, въ которыхъ извѣщалъ его о полученіи чрезъ Бѣлевича царской грамоты и подарковъ и «дружелюбнаго писанія» отъ самого Спаѳарія, а также просилъ его объ исполненіи въ Москвѣ нѣкоторыхъ личныхъ своихъ порученій—о заказѣ иконъ, покупкѣ мѣховъ и проч. «Къ иному ни къ кому тамо знакомства не имѣемъ, писалъ господарь: сего ради надежно и дружелюбно тебѣ часто докучаемъ»[1]).

Въ августѣ 1680 г. посланъ былъ въ Крымъ стольникъ Тяпкинъ, который и заключилъ съ ханомъ Мурадъ-Гиреемъ предварительный мирный договоръ съ Турціей съ уступкою ей Заднѣпровья. Въ 1681 году для утвержденія этого договора султаномъ ѣздилъ въ Константинополь дьякъ Возницынъ[2]); онъ сдѣлалъ попытку удержать за Россіей Запорожье, но безъ успѣха; мы видѣли, что Турки хорошо понимали его стратегическое значеніе. Послѣ смерти Юрія Хмельницкаго, умерщвленнаго турками, господарь Дука въ томъ же 1681 году получилъ вмѣстѣ съ султанскимъ фирманомъ на Молдавское господарство въ видѣ прибавки къ господарскому сану и власть надъ всею областью, лежащею между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Страна эта представляла голую опустошенную степь, въ которой не нашлось ни одного уцѣлѣвшаго города. Послѣ двух-лѣтняго номинальнаго гетманства Дука былъ захваченъ въ плѣнъ Поляками во время Вѣнскаго похода Собѣскаго, въ которомъ и пробылъ до самой своей смерти.

Дружественныя отношенія Іерусалимскаго патріарха Досиѳея къ Спаѳарію, начавшіяся на Востокѣ, продолжались и во время пребы-

---

[1]) *Прилож.* № *9.*

[2]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи т. XIII, стр. 273. Въ стат. спискѣ Возницына въ описаніи свиданія его съ визиремъ встрѣчается слѣд. любопытное извѣстіе: «Везирь спрашивалъ о Сибири, сколь далеко тѣ страны и какъ близко городы царскаго величества китайскихъ границъ? И дьякъ Прокоѳей Возницынъ, *помня статейный списокъ Николая Спатарія,* о тѣхъ странахъ ему сказывалъ». Книга Турецкаго двора № 21 л. 151.

ванія послѣдняго въ Россіи. Патріархъ Досиѳей, какъ горячій р(тель православія, иногда обращался къ содѣйствію Россіи въ це] ныхъ дѣлахъ, прося о помощи бѣдствующей Іерусалимской патріа Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ неутомимо хлопоталъ о томъ, ч Россія помогла ему своимъ политическимъ вліяніемъ на Востокѣ вратить святыя мѣста въ Іерусалимѣ, отнятыя въ это время у гр(латинянами. Въ лицѣ Спаѳарія патріархъ Досиѳей имѣлъ въ М(человѣка глубоко преданнаго церковнымъ интересамъ, которому могъ не стѣсняясь повѣрять свои опасенія и надежды. Въ одной своихъ грамотъ къ царямъ Іоанну и Петру отъ 1692 года Дос сообщая различныя политическія вѣсти и соображенія, въ заклю говорить: «греки, которые у васъ живутъ, чтобъ о томъ ничеı знали, о чемъ пишу, токмо словесный Николай Спаѳарій» [1]). 1696 году относится письмо патріарха Досиѳея къ Спаѳарію, : ваемое нами въ приложеніяхъ [2]) и также подтвердающее ихъ бл отношенія. Письмо это переслано было Спаѳарію изъ Букурешта мянникомъ Досиѳея, архимандритомъ Св. Гроба Хрусанѳомъ Но будущимъ преемникомъ его на Іерусалимскомъ патріаршемъ прес Предъ этимъ Хрусанѳъ два раза посѣщалъ Москву, исполняя ı ченія своего дяди, которыя также давали ему случаи обращатьс услугамъ Спаѳарія. Такъ, напримѣръ, будучи въ Москвѣ въ 1693 Хрусанѳъ хлопоталъ по мысли Досиѳея объ устройствѣ въ Мо греческой типографіи, въ которой предполагалось печатать соб] полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, присланныхъ съ цѣлью Іерусалимскимъ патріархомъ. Одно изъ этихъ сочинені именно «Двоесловная бесѣда на ереси» Симеона, архіеп. Ѳесса. кійскаго, съ присоединеніемъ толкованій церковной службы М Евгеника, митр. Ефесскаго, было переведено Спаѳаріемъ на сла скій языкъ въ 1697 году [3]). Онъ также былъ особенно полезенъ . санѳу своимъ знаніемъ греческаго языка при выпискѣ въ Москву за границы греческаго шрифта. Возвращаясь изъ Москвы, архиманд

---

[1]) *Греч.* стат. списки, кн. 12, 1692—94 гг., л. 775. М. Гл. Арх. М.]

[2]) *Приложеніе № 10.*

[3]) *Михайловскій.* стр. 17.—*Picot.* Notice biogr. & bibliograph. sı Spatar Milescu, p. 56, ссылается на рукопись Моск. Гл. Арх. М. Ин. д. опредѣленно сказано: «преведеся отъ многогрѣшнаго толкователя Николая Спаѳ: Между тѣмъ Каптеревъ сообщаетъ, что переводъ этой книги возложенъ бы: извѣстнаго справщика монаха Евѳимія, при чемъ ссылается на сvнодальный сп исправленный рукою послѣдняго. См. Снош. Іерус. п. Досиѳея съ русск. пр: стр. 95, прим. 9.

Хрусанѳъ писалъ по этому поводу патріарху Адріану изъ Батурина: «благодареніе да будетъ святому Богу, яко пріиде и печать (греч. шрифтъ) и прочее совершенство, пріиде же къ Архангельскому городу, яко же назнамена мнѣ природивый рабъ вашъ Николай Спаѳарій» [1]). Русское правительство очень сочувственно отнеслось къ мысли патріарха Досиѳея и приготовило все нужное для печатанія греческихъ книгъ въ Москвѣ, но дѣло остановилось за ненахожденіемъ свѣдущихъ справщиковъ. Вслѣдствіе столкновенія, происшедшаго между братьями Лихудами и Хрусанѳомъ во время пребыванія его въ Москвѣ въ 1693 году, эти ученые наставники по настоянію Досиѳея устранены были отъ преподаванія въ открытой съ 1686 г. въ Заиконоспасскомъ монастырѣ славяно-греко-латинской школѣ, а также и отъ наблюденія за печатаніемъ книгъ. Послѣ отъѣзда Хрусанѳа изъ Москвы единственнымъ довѣреннымъ лицомъ для исполненія здѣсь порученій патріарха Досиѳея и его племянника остался Спаѳарій. Въ маѣ 1694 года Хрисанѳъ писалъ къ патріарху Адріану: «Николай Спаѳарій писалъ ко мнѣ, что азбуки греческія и латинскія готовы и будутъ де присланы къ Москвѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ; и се и іюль близъ есть и ко книгамъ нужда есть до справщика, понеже трудъ надъ ними великій. Сего ради да благоволитъ ваше всесвятѣйшество прислати ко мнѣ писаніе на имя владыки моего, или ко мнѣ о таковомъ человѣкѣ, хотя чрезъ Спаѳарія или Николая Семенова, аще не благоволиши отъ своего лица, и по тому писанію пришлется отъ насъ, не мѣшкавъ, человѣкъ искусный». По поводу замѣстителей Лихудовъ въ Заиконоспасской школѣ Хрусанѳъ писалъ: «аще ваше святѣйшество о иныхъ учителяхъ сумнѣвается, благоволи спросити Николая Спаѳарія, яко ученаго человѣка и правдиваго, за что и блаженнѣйшему моему владыкѣ крайній другъ, и не учинитъ лицепріятства предъ вашимъ лицемъ крайнимъ ни о сихъ (т. е. Лихудахъ), ни о хотящихъ быти» [2]).

---

[1]) *Каптеревъ*. Снош. Іерус. патр. Досиѳея съ русск. прав., стр. 109.

[2]) Тамъ же, стр. 164—165. Будучи въ Москвѣ, арх. Хрусанѳъ исполнилъ желаніе своего дяди патр. Досиѳея перевести сочиненіе Спаѳарія о Китаѣ на греческій языкъ. Дополнивъ это сочиненіе свѣдѣніями, полученными имъ отъ Спаѳарія чрезъ личные распросы, Хрусанѳъ составилъ книгу подъ заглавіемъ «Китай въ рабствѣ». По этому поводу сохранилось письмо Спаѳарія къ Хрусанѳу въ февралѣ 1694 г., напечат. у Legrand. Bibl. grecque vulgaire 417. См. также *Хр. Лопарева* — «Патр. Хрусанѳъ и его отнош. къ Россіи» въ Трудахъ 8-го Археолог. Съѣзда въ Москвѣ, 1896, стр 22.

Объ отношеніяхъ Спаѳарія къ князю Василію Васильевичу Голицыну, который въ октябрѣ 1683 г. былъ назначенъ оберегателемъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ и сдѣлался, такимъ образомъ, его непосредственнымъ начальникомъ, извѣстно весьма немногое. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, нуждающимся въ подтвержденіи, кн. Голицынъ былъ весьма расположенъ къ Спаѳарію, отличалъ его служебными наградами и приблизилъ къ себѣ въ качествѣ домашняго человѣка [1]. Несомнѣнно, что положеніе Спаѳарія въ это время замѣтно упрочилось въ Москвѣ и онъ пользовался здѣсь авторитетомъ не только какъ дипломатъ, но и какъ ученый. Въ 1685 г., вскорѣ послѣ прибытія въ Москву изъ Константинополя Лихудовъ, Спаѳарій вмѣстѣ съ братьями вдовствовавшей супруги царя Ѳеодора Алексѣевича Марьи Матвѣевны, Апраксиными и племянникомъ патріарха Іоакима, Иванъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, присутствовалъ на преніи Лихудовъ съ Яномъ Бѣлободскимъ по волновавшему тогда московское общество вопросу о времени пресуществленія св. даровъ. Какъ извѣстно, Спаѳарій еще въ 1667 г., живя въ Стокгольмѣ, посвятилъ этому богословскому вопросу особый трактатъ.

Въ 1684 году въ іюлѣ прибыло въ Москву шведское посольство Людвига Фабриціуса, имѣвшее цѣлью исходатайствовать свободныя торговыя сношенія съ Персіей черезъ Астрахань. Секретаремъ этого посольства состоялъ извѣстный ученый Энгельбертъ Кемпферъ, прославившійся впослѣдствіи своимъ замѣчательнымъ путешествіемъ въ Японію и учеными трудами по ботаникѣ [2]. При аудіенціи, которую Кемпферъ имѣлъ у князя Голицына, разговоръ происходилъ на латинскомъ языкѣ, при чемъ переводчикомъ былъ Спаѳарій, о которомъ Кемпферъ поясняетъ въ своемъ дневникѣ: «это тотъ самый, который посланъ былъ при Артемонѣ (Матвѣевѣ) въ Китай» [3].

Наконецъ, въ 1689 году, незадолго до паденія кн. Голицына, пріѣзжалъ въ Москву французскій дипломатическій агентъ де-ла-Невиль, присланный маркизомъ де-Бетюномъ, посломъ Людовика XIV при Варшавскомъ дворѣ развѣдать о переговорахъ нашего двора съ Шведскимъ и Бранденбургскимъ. Проживъ въ Москвѣ пять мѣсяцевъ, съ конца іюля до половины декабря 1689 года, Невиль былъ свидѣтелемъ Московскихъ событій, окончившихся паденіемъ царевны Софіи и ея

---

[1]) Русск. Вѣст. *Полевого*, 1841 г., т. II, стр. 383.

[2]) *Peschel.* Geschichte d. Erdkunde, p. 561.

[3]) Извлеченіе изъ дневника Кемпфера см. въ соч. *Аделунга* о баронѣ Мейербергѣ, Спб. 1827, стр. 338. Кемпферъ родился въ 1651 г. † въ 1716 г.

приверженцевъ. Онъ имѣлъ сношенія со многими дѣятелями этой эпохи, между прочими съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, съ молодымъ Матвѣевымъ и съ Спаѳаріемъ, который назначенъ было состоять при Невилѣ въ приставахъ. Отсюда понятно, что въ сочиненіи, изданномъ де-ла-Невилемъ о Московіи и озаглавленномъ: «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie» онъ весьма часто упоминаетъ о Спаѳаріѣ и посвящаетъ ему даже отдѣльную главу подъ заглавіемъ: «Recueil des conversations de Spatarus sur le voyage et commerce de la Chine». Она заключаетъ біографическія свѣдѣнія о Спаѳаріѣ и нѣкоторыя подробности о его путешествіи въ Китай черезъ Сибирь, но переполнена неточностями. Такъ, напримѣръ, здѣсь говорится, что Спаѳарій началъ свою службу въ Россіи при Голицынѣ и имъ же посланъ былъ въ Китай и т. под. Между прочимъ де-ла-Невиль упоминаетъ здѣсь о неудавшейся попыткѣ іезуитовъ открыть себѣ путь въ Китай черезъ Россію. Съ этою цѣлью пріѣзжали въ Москву въ 1685 году французскіе іезуиты Авриль и Боволье на пути изъ Персіи, гдѣ они встрѣтились съ польскимъ посланникомъ графомъ Сири и польскими іезуитами, также возвращавшимися чрезъ Москву. Кн. Голицынъ лично расположенъ былъ дать Аврилю позволеніе проѣхать въ Китай черезъ Сибирь, но вліянія его въ этомъ дѣлѣ оказалось недостаточно и разрѣшенія не послѣдовало. Авриль вмѣстѣ съ польскими іезуитами возвратился въ Польшу [1]). Повѣствуя объ этомъ, Невиль не преминулъ выразить свое негодованіе на грубыхъ московскихъ варваровъ.

---

[1]) Поводомъ къ путешествію, предпринятому іезуитомъ Филиппомъ Аврилемъ, было слѣдующее. Жившій въ Китаѣ извѣстный іезуитъ *Фердинандъ Вербіестъ*, видѣвшій Спаѳарія въ Пекинѣ и поручившій ему письмо къ царю Алексѣю Михайловичу, издаваемое нами въ приложеніяхъ (№ 6), извѣстилъ генерала своего ордена, что число іезуитовъ въ Китаѣ необходимо увеличить. Имѣя предъ глазами примѣръ Спаѳарія, прибывшаго въ Китай сухимъ путемъ чрезъ Сибирь, Вербіестъ совѣтовалъ сдѣлать попытку посылать іезуитовъ не прежнимъ морскимъ путемъ, представлявшимъ безчисленныя опасности, а новымъ путемъ, чрезъ Татарію, который и предстояло изслѣдовать. Съ этою цѣлью отправился изъ Италіи въ январѣ 1685 года іезуитъ Авриль, проѣхавшій чрезъ Сирію, Арменію и Персію и Каспійскимъ моремъ до Астрахани, а отсюда въ Москву. Здѣсь ему удалось получить нѣкоторыя свѣдѣнія о дорогахъ въ Китай, быть можетъ отъ самого Спаѳарія, и скопировать карту, происхожденіе которой проф. Флоринскій также приписываетъ послѣднему. Какъ извѣстно, Спаѳарій, по возвращеніи изъ Китая, подалъ въ Посольскій приказъ чертежъ пройденнаго имъ пути, къ сожалѣнію утраченный. См. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la

Жалуясь на свой вынужденно замкнутый образъ жизни въ Москвѣ вслѣдствіе происходившихъ тогда смутъ, Невиль пишетъ: «я не смѣлъ почти выходить изъ дому и все мое общество составлялъ мой приставъ (Спаѳарій), который оказался весьма умнымъ человѣкомъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе развлекалъ бы меня въ моемъ одиночествѣ, если бъ былъ не такъ скрытенъ. Опасаясь отвѣтственности, онъ не рѣшался сообщить мнѣ много любопытнаго объ особенностяхъ тамошняго двора, чего я не могъ узнать помимо него».

При изложеніи обстоятельствъ службы Спаѳарія въ Посольскомъ приказѣ нельзя обойти молчаніемъ выѣзда въ Россію въ концѣ 1686 года его племянниковъ, Ивана и Степана Спаѳаріевъ, о которомъ сохранилось подробное архивное извѣстіе [1]). Они прибыли въ Москву изъ Польши на Смоленскъ, т. е. тѣмъ же путемъ, которымъ пріѣхалъ за 15 лѣтъ раньше ихъ дядя. 7-го декабря волоскіе шляхтичи, братья Спаѳаріи въ сопровожденіи 3-хъ слугъ достигли Москвы и здѣсь въ Посольскомъ приказѣ, по обычаю, были распрошены дьяками. По ихъ объясненію: «отецъ ихъ, Андрей Апостолъ Гавриловъ сынъ Спаѳарій чиномъ въ Волоской землѣ былъ бояринъ и преставился въ Ясѣхъ тому осьмой годъ, а нынѣ у нихъ братъ ихъ родной, средній въ Волоской землѣ у волоскаго господаря служитъ въ постельничихъ, и имѣютъ они въ Волоской землѣ маетности добрые». Относительно причинъ, побудившихъ ихъ оставить отечество, Спаѳаріи сообщили слѣдующее. Молдавія въ это время испытывала бѣдствія войны. Польскій король Янъ Собѣскій, послѣ заключенія вѣчнаго мира съ Москвою, обратилъ всѣ свои силы противъ Турокъ, къ чему побуждали его папа Иннокентій XI и императоръ Леопольдъ Австрійскій. Онъ вступилъ въ Молдавію съ 40 тысячнымъ войскомъ съ цѣлію завоевать Придунайскія княжества въ свое наслѣдственное владѣніе. 16 августа 1686 г. король занялъ Яссы, откуда господарь Константинъ Кантеміръ поспѣшилъ удалиться. Братья Спаѳаріи находились въ это время въ молдавской столицѣ и были участниками встрѣчи Собѣскаго въ Яссахъ. По ихъ разсказу, Кантеміръ послалъ на встрѣчу королю своихъ бояръ съ заявленіемъ, что онъ будетъ принятъ въ Яссахъ со всякою честію и вѣрностію, какъ христіанскій государь; при этомъ господарь извинялся

Chine. Paris. 1692. Дипломат. собр. дѣлъ между Рос. и Кит. госуд. *Н. Бантышъ-Каменскаго*, изд. В. М. Флоринскимъ. Казань, 1882. стр. 530.

[1]) М. Гл. Арх. М. Ин. д. Книга о выѣздахъ, № 23, № 12.

предъ королемъ, что лишенъ возможности лично его встрѣтить, опасаясь турецкаго султана, у котораго сынъ его находится въ аманатахъ. Собѣскій вступилъ въ Яссы съ большою торжественностію: именитые бояре и духовенство встрѣтили его за городомъ съ крестами и иконами и проводили съ церковнымъ пѣніемъ до соборнаго храма св. Николая. При входѣ короля съ сенаторами въ соборъ, здѣсь пѣли входъ: на одной сторонѣ «достойно»—по-гречески, а на другой—по-словенски; при этомъ король и сенаторы цѣловали крестъ и всѣ св. иконы. Церемонія эта завершилась торжественною присягою короля въ присутствіи всего народа, блюсти цѣлость Молдавіи и охранять ее отъ внѣшнихъ враговъ. Король послѣ этого принялъ приглашеніе бояръ къ обѣденному столу въ палатахъ господаря. Вечеромъ въ помѣщеніи короля «по случаю той съ обоихъ сторонъ радости, чинены были разные игры, и самъ король и гетманы танцовали по-волоски, п. ч. король вельми знаетъ разговаривать по-волоски». Король роздалъ волоскимъ боярамъ универсалы, чтобы польскія войска не причиняли имъ никакихъ обидъ и раззореній, но это обѣщаніе было вскорѣ нарушено. Во время стоянки короля лагеремъ въ Цецорѣ, польское войско разбрелось по окрестностямъ и принялось раззорять боярскіе маетности и дворы. Въ числѣ потерпѣвшихъ были и Спаѳаріи, у которыхъ поляки раззорили дворъ и отогнали до трехъсотъ лошадей. Король, которому Спаѳаріи лично принесли жалобу, въ это время выступалъ въ походъ и предложилъ имъ сопровождать его, обѣщая разслѣдовать дѣло и наказать виновныхъ. Но на другой день на берегу р. Прута на польское войско неожиданно напали крымскіе Татары, къ которымъ вскорѣ присоединились и Турки: тутъ было уже не до разслѣдованій. Преслѣдуемый по пятамъ непріятелемъ, Собѣскій послѣ сраженія при мѣстечкѣ Тыргу-Ѳурмосъ принужденъ былъ отступать къ Польской границѣ по р. Серету до Сочавы и далѣе къ Снятину. Около границы онъ встрѣтилъ царскаго посланца Козьму Неѳимонова, ѣхавшаго къ цесарю Леопольду, и укрылъ его въ своемъ обозѣ во время нападенія Татаръ. Изъ Снятина Неѳимоновъ отпущенъ былъ королемъ въ Львовъ, гдѣ находились въ это время великіе Московскіе послы, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и окольничій Чаадаевъ, ожидавшіе возвращенія Собѣскаго изъ Молдавіи для подтвержденія договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею. Сюда же отправились и братья Спаѳаріи, для которыхъ возвращеніе въ Молдавію было въ то время немыслимо. Король предлагалъ имъ остаться въ Польшѣ, обѣщая дать имъ здѣсь маетности. Но послѣ встрѣчи съ Неѳимоновымъ и царскими великими послами во Львовѣ Спаѳаріи послѣдовали ихъ совѣтамъ и

Объ отношеніяхъ Спаѳарія къ князю Василію Васильевичу Голицыну, который въ октябрѣ 1683 г. былъ назначенъ оберегателемъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ и сдѣлался, такимъ образомъ, его непосредственнымъ начальникомъ, извѣстно весьма немногое. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, нуждающимся въ подтвержденіи, кн. Голицынъ былъ весьма расположенъ къ Спаѳарію, отличалъ его служебными наградами и приблизилъ къ себѣ въ качествѣ домашняго человѣка [1]). Несомнѣнно, что положеніе Спаѳарія въ это время замѣтно упрочилось въ Москвѣ и онъ пользовался здѣсь авторитетомъ не только какъ дипломатъ, но и какъ ученый. Въ 1685 г., вскорѣ послѣ прибытія въ Москву изъ Константинополя Лихудовъ, Спаѳарій вмѣстѣ съ братьями вдовствовавшей супруги царя Ѳеодора Алексѣевича Марьи Матвѣевны, Апраксиными и племянникомъ патріарха Іоакима, Иванъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, присутствовалъ на преніи Лихудовъ съ Яномъ Бѣлободскимъ по волновавшему тогда московское общество вопросу о времени пресуществленія св. даровъ. Какъ извѣстно, Спаѳарій еще въ 1667 г., живя въ Стокгольмѣ, посвятилъ этому богословскому вопросу особый трактатъ.

Въ 1684 году въ іюлѣ прибыло въ Москву шведское посольство Людвига Фабриціуса, имѣвшее цѣлью исходатайствовать свободныя торговыя сношенія съ Персіей черезъ Астрахань. Секретаремъ этого посольства состоялъ извѣстный ученый Энгельбертъ Кемпферъ, прославившійся впослѣдствіи своимъ замѣчательнымъ путешествіемъ въ Японію и учеными трудами по ботаникѣ [2]). При аудіенціи, которую Кемпферъ имѣлъ у князя Голицына, разговоръ происходилъ на латинскомъ языкѣ, при чемъ переводчикомъ былъ Спаѳарій, о которомъ Кемпферъ поясняетъ въ своемъ дневникѣ: «это тотъ самый, который посланъ былъ при Артемонѣ (Матвѣевѣ) въ Китай» [3]).

Наконецъ, въ 1689 году, незадолго до паденія кн. Голицына, пріѣзжалъ въ Москву французскій дипломатическій агентъ де-ла-Невиль, присланный маркизомъ де-Бетюномъ, посломъ Людовика XIV при Варшавскомъ дворѣ развѣдать о переговорахъ нашего двора съ Шведскимъ и Бранденбургскимъ. Проживъ въ Москвѣ пять мѣсяцевъ, съ конца іюля до половины декабря 1689 года, Невиль былъ свидѣтелемъ Московскихъ событій, окончившихся паденіемъ царевны Софіи и ея

---

[1]) Русск. Вѣст. *Полеваго*, 1841 г., т. II, стр. 383.

[2]) *Peschel.* Geschichte d. Erdkunde, p. 561.

[3]) Извлеченіе изъ дневника Кемпфера см. въ соч. *Аделунга* о баронѣ Мейербергѣ, Спб. 1827, стр. 338. Кемпферъ родился въ 1651 г. † въ 1716 г.

приверженцевъ. Онъ имѣлъ сношенія со многими дѣятелями этой эпохи, между прочими съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, съ молодымъ Матвѣевымъ и съ Спаѳаріемъ, который назначенъ было состоять при Невилѣ въ приставахъ. Отсюда понятно, что въ сочиненіи, изданномъ де-ла-Невилемъ о Московіи и озаглавленномъ: «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie» онъ весьма часто упоминаетъ о Спаѳаріѣ и посвящаетъ ему даже отдѣльную главу подъ заглавіемъ: «Recueil des conversations de Spatarus sur le voyage et commerce de la Chine». Она заключаетъ біографическія свѣдѣнія о Спаѳаріѣ и нѣкоторыя подробности о его путешествіи въ Китай черезъ Сибирь, но переполнена неточностями. Такъ, напримѣръ, здѣсь говорится, что Спаѳарій началъ свою службу въ Россіи при Голицынѣ и имъ же посланъ былъ въ Китай и т. под. Между прочимъ де-ла-Невиль упоминаетъ здѣсь о неудавшейся попыткѣ іезуитовъ открыть себѣ путь въ Китай черезъ Россію. Съ этою цѣлью пріѣзжали въ Москву въ 1685 году французскіе іезуиты Авриль и Боволье на пути изъ Персіи, гдѣ они встрѣтились съ польскимъ посланникомъ графомъ Сири и польскими іезуитами, также возвращавшимися чрезъ Москву. Кн. Голицынъ лично расположенъ былъ дать Аврилю позволеніе проѣхать въ Китай черезъ Сибирь, но вліянія его въ этомъ дѣлѣ оказалось недостаточно и разрѣшенія не послѣдовало. Авриль вмѣстѣ съ польскими іезуитами возвратился въ Польшу [1]). Повѣствуя объ этомъ, Невиль не преминулъ выразить свое негодованіе на грубыхъ московскихъ варваровъ.

---

[1]) Поводомъ къ путешествію, предпринятому іезуитомъ Филиппомъ Аврилемъ, было слѣдующее. Жившій въ Китаѣ извѣстный іезуитъ *Фердинандъ Вербіестъ*, видѣвшій Спаѳарія въ Пекинѣ и поручившій ему письмо къ царю Алексѣю Михайловичу, издаваемое нами въ приложеніяхъ (№ 6), извѣстилъ генерала своего ордена, что число іезуитовъ въ Китаѣ необходимо увеличить. Имѣя предъ глазами примѣръ Спаѳарія, прибывшаго въ Китай сухимъ путемъ чрезъ Сибирь, Вербіестъ совѣтовалъ сдѣлать попытку посылать іезуитовъ не прежнимъ морскимъ путемъ, представлявшимъ безчисленныя опасности, а новымъ путемъ, чрезъ Татарію, который и предстояло изслѣдовать. Съ этою цѣлью отправился изъ Италіи въ январѣ 1685 года іезуитъ Авриль, проѣхавшій чрезъ Сирію, Арменію и Персію и Каспійскимъ моремъ до Астрахани, а отсюда въ Москву. Здѣсь ему удалось получить нѣкоторыя свѣдѣнія о дорогахъ въ Китай, быть можетъ отъ самого Спаѳарія, и скопировать карту, происхожденіе которой проф. Флоринскій также приписываетъ послѣднему. Какъ извѣстно, Спаѳарій, по возвращеніи изъ Китая, подалъ въ Посольскій приказъ чертежъ пройденнаго имъ пути, къ сожалѣнію утраченный. См. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la

Жалуясь на свой вынужденно замкнутый образъ жизни въ Москвѣ вслѣдствіе происходившихъ тогда смутъ, Невиль пишетъ: «я не смѣлъ почти выходить изъ дому и все мое общество составлялъ мой приставъ (Спаѳарій), который оказался весьма умнымъ человѣкомъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе развлекалъ бы меня въ моемъ одиночествѣ, если бъ былъ не такъ скрытенъ. Опасаясь отвѣтственности, онъ не рѣшался сообщить мнѣ много любопытнаго объ особенностяхъ тамошняго двора, чего я не могъ узнать помимо него».

При изложеніи обстоятельствъ службы Спаѳарія въ Посольскомъ приказѣ нельзя обойти молчаніемъ въѣзда въ Россію въ концѣ 1686 года его племянниковъ, Ивана и Степана Спаѳаріевъ, о которомъ сохранилось подробное архивное извѣстіе [1]). Они прибыли въ Москву изъ Польши на Смоленскъ, т. е. тѣмъ же путемъ, которымъ пріѣхалъ за 15 лѣтъ раньше ихъ дядя. 7-го декабря волоскіе шляхтичи, братья Спаѳаріи въ сопровожденіи 3-хъ слугъ достигли Москвы и здѣсь въ Посольскомъ приказѣ, по обычаю, были распрошены дьяками. По ихъ объясненію: «отецъ ихъ, Андрей Апостолъ Гавриловъ сынъ Спаѳарій чиномъ въ Волоской землѣ былъ бояринъ и преставился въ Ясѣхъ тому осьмой годъ, а нынѣ у нихъ братъ ихъ родной, средній въ Волоской землѣ у волоскаго господаря служитъ въ постельничихъ, и имѣютъ они въ Волоской землѣ маетности добрые». Относительно причинъ, побудившихъ ихъ оставить отечество, Спаѳаріи сообщили слѣдующее. Молдавія въ это время испытывала бѣдствія войны. Польскій король Янъ Собѣскій, послѣ заключенія вѣчнаго мира съ Москвою, обратилъ всѣ свои силы противъ Турокъ, къ чему побуждали его папа Иннокентій XI и императоръ Леопольдъ Австрійскій. Онъ вступилъ въ Молдавію съ 40 тысячнымъ войскомъ съ цѣлію завоевать Придунайскія княжества въ свое наслѣдственное владѣніе. 16 августа 1686 г. король занялъ Яссы, откуда господарь Константинъ Кантеміръ поспѣшилъ удалиться. Братья Спаѳаріи находились въ это время въ молдавской столицѣ и были участниками встрѣчи Собѣскаго въ Яссахъ. По ихъ разсказу, Кантеміръ послалъ на встрѣчу королю своихъ бояръ съ заявленіемъ, что онъ будетъ принятъ въ Яссахъ со всякою честію и вѣрностію, какъ христіанскій государь; при этомъ господарь извинялся

Chine. Paris. 1692. Дипломат. собр. дѣлъ между Рос. и Кит. госуд. *Н. Бантышъ-Каменскаго*, изд. В. М. Флоринскимъ. Казань, 1882, стр. 530.

[1]) М. Гл. Арх. М. Ин. д. Книга о выѣздахъ, № 23, № 12.

предъ королемъ, что лишенъ возможности лично его встрѣтить, опасаясь турецкаго султана, у котораго сынъ его находится въ аманатахъ. Собѣскій вступилъ въ Яссы съ большою торжественностію: именитые бояре и духовенство встрѣтили его за городомъ съ крестами и иконами и проводили съ церковнымъ пѣніемъ до соборнаго храма св. Николая. При входѣ короля съ сенаторами въ соборъ, здѣсь пѣли входъ: на одной сторонѣ «достойно»—по-гречески, а на другой—по-словенски; при этомъ король и сенаторы цѣловали крестъ и всѣ св. иконы. Церемонія эта завершилась торжественною присягою короля въ присутствіи всего народа, блюсти цѣлость Молдавіи и охранять ее отъ внѣшнихъ враговъ. Король послѣ этого принялъ приглашеніе бояръ къ обѣденному столу въ палатахъ господаря. Вечеромъ въ помѣщеніи короля «по случаю той съ обоихъ сторонъ радости, чинены были разные игры, и самъ король и гетманы танцовали по-волоски, п. ч. король вельми знаетъ разговаривать по-волоски». Король роздалъ волоскимъ боярамъ универсалы, чтобы польскія войска не причиняли имъ никакихъ обидъ и раззореній, но это обѣщаніе было вскорѣ нарушено. Во время стоянки короля лагеремъ въ Цецорѣ, польское войско разбрелось по окрестностямъ и принялось раззорять боярскіе маетности и дворы. Въ числѣ потерпѣвшихъ были и Спаѳаріи, у которыхъ поляки раззорили дворъ и отогнали до трехъсотъ лошадей. Король, которому Спаѳаріи лично принесли жалобу, въ это время выступалъ въ походъ и предложилъ имъ сопровождать его, обѣщая разслѣдовать дѣло и наказать виновныхъ. Но на другой день на берегу р. Прута на польское войско неожиданно напали крымскіе Татары, къ которымъ вскорѣ присоединились и Турки: тутъ было уже не до разслѣдованій. Преслѣдуемый по пятамъ непріятелемъ, Собѣскій послѣ сраженія при мѣстечкѣ Тыргу-Ѳурмосъ принужденъ былъ отступать къ Польской границѣ по р. Серету до Сочавы и далѣе къ Снятину. Около границы онъ встрѣтилъ царскаго посланца Козьму Неѳимонова, ѣхавшаго къ цесарю Леопольду, и укрылъ его въ своемъ обозѣ во время нападенія Татаръ. Изъ Снятина Неѳимоновъ отпущенъ былъ королемъ въ Львовъ, гдѣ находились въ это время великіе Московскіе послы, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и окольничій Чаадаевъ, ожидавшіе возвращенія Собѣскаго изъ Молдавіи для подтвержденія договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею. Сюда же отправились и братья Спаѳаріи, для которыхъ возвращеніе въ Молдавію было въ то время немыслимо. Король предлагалъ имъ остаться въ Польшѣ, обѣщая дать имъ здѣсь маетности. Но послѣ встрѣчи съ Неѳимоновымъ и царскими великими послами во Львовѣ Спаѳаріи послѣдовали ихъ совѣтамъ и

рѣшились: «лучше ѣхати къ великимъ государямъ къ Москвѣ, гдѣ и дядя ихъ Николай Спаѳарій великимъ государямъ служитъ, и для того пріѣхали они къ Москвѣ на время и съ дядею повидаться». Впрочемъ въ своей челобитной къ царямъ [1]) племянники Спаѳарія просили «принять ихъ на службу на время», что и было исполнено. Нововыѣзжіе волоскіе шляхтичи получили за свой выѣздъ въ Россію весьма щедрое жалованье: «по ковшу серебряному, Ивану въ 2 гривенки, Степану въ $1\frac{1}{2}$ гр., да по портищу атласу, по портищу таѳты, по портищу сукна кармазину, по 2 пары соболей—по 50 рублевъ пара—человѣку, да денегъ: Ивану 30, Степану 25 рублевъ». При этомъ указано: «написать ихъ на службу по Московскому списку и давать имъ поденнаго корму: Ивану по 10 алтынъ, Степану—по 8 алтынъ, 2 деньги на день».

3-го января 1687 года племянники Спаѳарія удостоились «быть у вел. государей царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и вел. государыни царевны Софіи Алексѣевны на дворѣ, видѣть ихъ государскіе пресвѣтлые очи и быть у ихъ государской руки». Въ тотъ же день послано было имъ «въ стола мѣсто» съ дворцовъ совершенно такое же царское жалованье яствами и питьемъ, какое дано было ихъ дядѣ при его выѣздѣ. Изъ всего изложеннаго можно заключить, что Николай Спаѳарій пользовался въ это время особеннымъ благоволеніемъ своего ближайшаго начальника, князя В. В. Голицына.

Извѣстія, относящіяся къ послѣднимъ годамъ жизни Николая Спаѳарія, отличаются особенною скудостью. Неизвѣстенъ былъ до сихъ поръ также годъ его смерти [2]). Намъ удалось найти точное извѣстіе объ этомъ, по которому оказывается, что Спаѳарій умеръ въ 1708 году, состоя до самой своей смерти на службѣ переводчикомъ Посольскаго приказа. Это извѣстіе почерпнуто изъ Армянскихъ дѣлъ М. Гл. Архива М. Ин. д., между которыми мы встрѣтили подъ 1718 г. «дѣло по извѣту армянскаго архіепископа Вартапета о найденномъ у служителей кн. Кантеміра 15 лѣтъ тому назадъ писанномъ изъ Арменіи къ переводчику Спаѳарію письмѣ, по которому обѣщалось ему 4,000 червонцевъ за трудъ его по исполненію порученія умершаго Израиля Орія». Объ участіи Спаѳарія въ политическихъ сношеніяхъ Посольскаго приказа

---

[1]) *Приложеніе № 11.*

[2]) Михайловскій считалъ 1709 г. годомъ смерти Спаѳарія, а румынскій ученый Hasdeu—1714 г.

же и будто уже усматриваетъ онъ, ханъ времяни, какъ бы ему съ Стенькою и съ Астраханскими и съ Нагайскими Татары и со всѣмъ Крымомъ ударить на Московское государство войною. И Турки де тому зѣло радуютца, п. ч. они никово такъ себѣ непріятелемъ не почитаютъ, какъ Московское государство. Да ханъ же Крымской чрезъ одного жида учинилъ Свѣйскому королю ссылку и пріязнь съ салтаномъ Турскимъ, о которой неизвычайной ссылкѣ всѣхъ королей резиденты, въ Царѣгородѣ будучіе, зѣло подивились, а обѣщаетъ де Свѣйской король для дружбы давать салтану по 300 т. фунтовъ мѣди на годъ. А для чего Свѣйскому королю турская дружба надобна, онъ не вѣдаетъ. А пріѣзжалъ де тотъ жидъ къ салтану Турскому отъ Свѣйскаго короля двожды. Да у салтана жъ де былъ при немъ, Миколае Французжскаго короля посолъ съ такимъ прошеніемъ, чтобъ онъ, салтанъ отдалъ ево духовнымъ людемъ всѣ Еросалимскіе святости, а у грековъ бы отнялъ, и они за то учинятъ съ нимъ, салтаномъ союзъ противъ всякаго непріятеля, сухимъ путемъ и моремъ. И салтанъ де имъ отказалъ, святостей не далъ, а говорилъ, чтобъ они напредъ дали ему помочь, а онъ, увидя ихъ правду, и Еросалимскіе святости всѣ имъ отдастъ. И посолъ де учинить того не хотѣлъ и для того отпущенъ безъ дѣла. Да салтанъ же Турской писалъ къ Крымскому хану и къ Силистрійскому пашѣ, чтобъ они давали помощь казакомъ противъ всякаго непріятеля, сколько имъ надобно. А если надобно имъ будетъ, то и везиря онъ къ нимъ тотчасъ съ великою силою пришлетъ. Да Дорошенко де писалъ къ салтану, что Царское величество хочетъ отдать Кіевъ и всѣ завоеванные городы полякомъ въ нынѣшнемъ году, и въ тѣхъ городѣхъ поставятъ поляки своихъ ратныхъ людей и тѣмъ учинятца безсильны. А онъ бы салтанъ въ то время на поляковъ наступилъ и Бѣлую Церковь имъ очистилъ и съ поляки границу имъ учинилъ. А Тукальской де ищетъ того, чтобъ салтанъ приказалъ святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ учинить ево на Малой и на Червонной и на Черной Русяхъ патріархомъ, а какъ онъ учнетъ того прилежно просить, и салтанъ де, конечно, велитъ его патріархомъ учинить.

А ѣхалъ онъ, Миколай Турскою землею на великой Бѣлгородъ Турской, что надъ Дунаемъ, а изъ Бѣлагорода чрезъ Венгерскую землю и былъ Венгерскаго Ракоцы у сына. А отъ Ракоцына сына пріѣхалъ въ Польшу, во Львовъ на вербной недѣлѣ и изо Львова въ Варшаву на Свѣтлое Христово воскресенье и былъ у королевскаго величества съ листомъ, которой писалъ съ нимъ къ королю господинъ Панагіотъ о томъ, какъ де былъ у Турскаго салтана напередъ сего польской

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Въѣздъ къ Москвѣ изъ Литвы волошенина Миколая Спотаріюс во 179 году, тутъ же выписки, какъ онъ взятъ въ Посольской при казъ въ переводчики въ нынѣшнемъ во 180-мъ году.

Государю царю и вел. князю Алексѣю Михайловичю всеа вел. мал. и бѣл. Росиі самодержцу холопи твои Ивашко Хованской съ то варыщи челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 179 году мая въ 28 день пріѣхалъ къ Смоленску на пріѣзжей дворъ Волоские земл шляхтичъ греченинъ Миколай Спотаріусъ, а съ нимъ челядниковъ ег три человѣка. И мы, холопи твои, велѣли ево распросить полуголов Московскихъ стрѣльцовъ Ивану Шапкину, а что онъ Микулай ем Ивану Шапкину въ распросе сказалъ, и тѣ ево распросные рѣчи к тебѣ вел. государю (т.) (п) къ Москвѣ послали мы, холопи твои, под сею отпискою и ево Миколая отпустили Смоленские приказные изб съ деньщикомъ съ Ѳедькою Ларіоновымъ мая въ 29-й день. А от писку, государь, и распросные рѣчи велѣли подать и ево Микола объявить въ Посольскомъ приказе думному дворянину Артемону Сер гѣевичу Матвѣеву, дьякомъ Григорію Богданову да Якову Поздышев А не отпустить ево Микулая къ тебѣ, вел. государю, мы, холопи твои не смѣли, потому что онъ въ распросѣ сказалъ: послали де ево к тебѣ, вел. государю, къ Москвѣ изъ Андреянаполя Еросалимской па тріархъ Досиѳей да секретарь Турской Панотий съ письмомъ тайнымъ и словесной де съ нимъ Микулаемъ приказъ тайной есть.

179-го году мая въ 28-й д. пріѣхалъ къ Смоленску на пріѣзжей дворъ Волоской земли шляхтичъ греченинъ Микулай Спотаріусъ, а с нимъ челядниковъ ево три человѣка.

А въ распросе онъ Микулай сказалъ: въ нынешнемъ во 179 год марта въ 1-й день послали ево къ вел. государю къ Москвѣ изъ Андреянаполя Еросалимской патріархъ Досиѳей да секретарь Турской Панотій съ письмомъ с тайнымъ обычаемъ и словесной де съ ним Микулаемъ приказъ тайной есть. А изъ Андріянаполя проѣхалъ онъ

на Венгерскую землю, да на Польскую землю, на Варшаву. И въ Варшаве де у Польскаго короля былъ онъ три недѣли. И король де Польской далъ ему проезжей листъ, и съ тѣмъ де проезжимъ листомъ ѣхалъ онъ чрезъ Польскую землю на Менескъ, на Борисовъ, на Дубровну. А которыми мѣсты онъ ѣхалъ, и въ тѣхъ мѣстехъ здорово.

Про вести сказалъ: писали де къ нему, Микулаю изъ Андреанаполя в Варшаву сродичи ево, что Турской царь изъ Андреанаполя съ великимъ войскомъ пошолъ до своего великаго Белаграда, которой стоитъ надъ рекою Дунаемъ, къ Цесарскому рубежу. А итить де ему войною на Волоскую землю, на Венетинъ, и цесарь де христіанской послалъ войско свое на Венгерскую границу для обереганья своей земли. А Польской де король изъ Варшавы хочетъ итить въ скоре жъ до Львова съ посполитымъ рушеньемъ на Татаръ и на казаковъ, которые казаки съ Дорошенкомъ поддалися Турскому царю и польскую де землю воюютъ. И отъ Турскаго де царя Польской король бережетца. А Бориса де Левонтьева при немъ Микулае Польской король изъ Варшавы отпустилъ къ вел. государю за недѣлю до ево Микулаева поѣзду. А онъ де Микулай изъ Варшавы поѣхалъ тому нынѣ третьянадцатой день.

А отписка подана въ Посольскомъ приказѣ июня въ 3-й день.

179-го года июня въ 4-й день указалъ великій государь, царь и вел. князь Алексѣй Михайловичъ (т.) (п.) дать своего вел. государя жалованья, въ стола мѣсто, на пріѣздѣ волоские земли шляхтичу, греченину Микулаю Спотаріусу съ дворца: колачъ крупичатой въ пол лопатки, три колача смесныхъ, курникъ меньшой, пирогъ косой, блюдо жаворонковъ, блюдо пироговъ пряженыхъ, блюдо сырниковъ, куря жаркое, куря въ ухѣ шаѳранной, куря въ лапшѣ, по крушкѣ вина двойного, двѣ крушки романеи, полведра вина простого, ведро меду обѣрвого, ведро меду цеженого, ведро пива ячного. Сей вел. государя указъ приказалъ записать думной дворянинъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

И того жъ числа противъ сего вел. государя указу память въ дворецъ послана.

179 года июня въ 3-й день пріѣхалъ къ Москвѣ греченинъ Микулай Спотаріусъ, а съ собою привезъ къ вел. государю листъ святѣйшаго патріарха Иеросалимскаго Досиѳея *).

---

*) Листъ патріарха Досиѳея изданъ въ статьѣ П. Сырку «Николай Спаѳари до пріѣзда въ Россію» и поэтому здѣсь опущенъ.

А въ Посольскомъ приказѣ въ допросѣ онъ, Миколай сказалъ: отпустилъ де ево къ вел. государю святѣйшій патріархъ да салтана Турскаго розныхъ языковъ переводчикъ греченинъ Панаиотъ въ нынешнемъ во 179 году марта въ 1-й день изъ Андрианополя, и листъ съ нимъ патріархъ послалъ, а рѣчью приказывалъ къ вел. государю съ нимъ переводчикъ Панаиотъ объявить, чтобъ изволилъ вел. государь гетмана Многогрѣшнаго держать въ великой осторожности, потому писалъ де къ салтану Дорошенко, что онъ, гетманъ Демьянъ Многогрѣшный зѣло боленъ и имѣетъ съ нимъ, Дорошенкомъ совѣтъ и соединительство, только усматриваетъ времени, какъ бы ему поддатца салтану и быть бы имъ обоимъ въ подданствѣ у него, салтана. Да Дорошенко же де къ салтану писалъ, чтобъ онъ, салтанъ взялъ у Тетери булаву и иные войсковые клейноты и старые привиліи, которые онъ съ собою увезъ, и прислалъ къ нему, Дорошенку. И по тому Дорошенкову письму салтанъ у Тетери войсковые клейноты и булаву и привиліи всѣ взялъ, а къ Дорошенку ихъ не послалъ, опасаяся того, чтобъ онъ съ тѣми привиліи по прежнему къ Поляком не присталъ. А Тетеря де послѣ того вскоре умеръ. А Юраска Хмельницкой нынѣ сидитъ въ Царѣгородѣ на семи башняхъ скованъ, а корму даютъ ему по двѣ гривны на день. А держатъ де ево для того, если казаки Дорошенка оставятъ или самъ онъ имъ, Туркамъ измѣнитъ, и они тотчасъ Хмельницкаго учинятъ гетманомъ и давъ ему не малое войско, пошлютъ на Украйну. И казаки къ нему пристанутъ, и чаютъ они, что Хмельницкаго казаки всѣ любятъ. А салтанъ Турской и везирь въ Андринополѣ собрали великіе войска и всякіе ратные припасы готовили многіе. А рѣчь тогда у нихъ носилась, что итить имъ войною на Польскаго короля. А салтанъ де Турской зѣло разуменъ, а таковъ сребролюбивъ, что никогда такова не бывало, и чаю, что и впредь не будетъ. А сынъ его нынѣ семи лѣтъ, и хочетъ онъ учинить ему обрѣзаніе вскорѣ, а то де обрѣзаніе салтаничевъ бываетъ у нихъ съ великою славою и съ приношеніемъ многаго богатства. А съ матерью де своею и съ братьями пребываетъ въ недружбѣ за то, хочетъ онъ братьевъ своихъ побити, а мать ему ихъ не даетъ, потому что тѣхъ братовъ отдали ей всѣ янычарскіе головы и янычары на сбереженье.

А ханъ де нынешней Крымской Царскому величеству великой непріятель и къ салтану Турскому пишетъ о Стенькинѣ воровствѣ Разина по часту. И передъ ево де Миколаевымъ отъѣздомъ письмо къ салтану отъ хана пришло, что воръ Разинъ всѣ Татарскія государства по Волгѣ будучіе овладѣлъ, и бусурманы тамошніе всѣ при немъ стоятъ. И онъ, ханъ съ тѣми бусурманы пріятство и соединеніе учинилъ

же и будто уже усматриваетъ онъ, ханъ времяни, какъ бы ему съ Стенькою и съ Астраханскими и съ Нагайскими Татары и со всѣмъ Крымомъ ударить на Московское государство войною. И Турки де тому зѣло радуютца, п. ч. они никово такъ себѣ непріятелемъ не почитаютъ, какъ Московское государство. Да ханъ же Крымской чрезъ одного жида учинилъ Свѣйскому королю ссылку и пріязнь съ салтаномъ Турскимъ, о которой неизвычайной ссылкѣ всѣхъ королей резиденты, въ Царѣгородѣ будучіе, зѣло подивились, а обѣщаетъ де Свѣйской король для дружбы давать салтану по 300 т. фунтовъ мѣди на годъ. А для чего Свѣйскому королю турская дружба надобна, онъ не вѣдаетъ. А пріѣзжалъ де тотъ жидъ къ салтану Турскому отъ Свѣйскаго короля двожды. Да у салтана жъ де былъ при немъ, Миколае Ѳранцужскаго короля посолъ съ такимъ прошеніемъ, чтобъ онъ, салтанъ отдалъ ево духовнымъ людемъ всѣ Еросалимскіе святости, а у грековъ бы отнялъ, и они за то учинятъ съ нимъ, салтаномъ союзъ противъ всякаго непріятеля, сухимъ путемъ и моремъ. И салтанъ де имъ отказалъ, святостей не далъ, а говорилъ, чтобъ они напредъ дали ему помочь, а онъ, увидя ихъ правду, и Еросалимскіе святости всѣ имъ отдастъ. И посолъ де учинить того не хотѣлъ и для того отпущенъ безъ дѣла. Да салтанъ же Турской писалъ къ Крымскому хану и къ Силистрійскому пашѣ, чтобъ они давали помощь казакомъ противъ всякаго непріятеля, сколько имъ надобно. А если надобно имъ будетъ, то и везиря онъ къ нимъ тотчасъ съ великою силою пришлетъ. Да Дорошенко де писалъ къ салтану, что Царское величество хочетъ отдать Кіевъ и всѣ завоеванные городы полякомъ въ нынѣшнемъ году, и въ тѣхъ городѣхъ поставятъ поляки своихъ ратныхъ людей и тѣмъ учинятца безсильны. А онъ бы салтанъ въ то время на поляковъ наступилъ и Бѣлую Церковь имъ очистилъ и съ поляки границу имъ учинилъ. А Тукальской де ищетъ того, чтобъ салтанъ приказалъ святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ учинить ево на Малой и на Червонной и на Черной Русяхъ патріархомъ, а какъ онъ учнетъ того прилежно просить, и салтанъ де, конечно, велитъ его патріархомъ учинить.

А ѣхалъ онъ, Миколай Турскою землею на великой Бѣлгородъ Турской, что надъ Дунаемъ, а изъ Бѣлагорода чрезъ Венгерскую землю и былъ Венгерскаго Ракоцы у сына. А отъ Ракоцына сына пріѣхалъ въ Польшу, во Львовъ на вербной недѣлѣ и изо Львова въ Варшаву на Свѣтлое Христово воскресенье и былъ у королевскаго величества съ листомъ, которой писалъ съ нимъ къ королю господинъ Панагіотъ о томъ, какъ де былъ у Турскаго салтана напередъ сего польской

посолъ каштелянъ Виленской, панъ Падлядовской и занялъ у него 1000 золотыхъ червонныхъ, и по се де время тѣхъ золотыхъ ему не заплатилъ. А посланникъ де польской, Высоцкой, который нынѣ у салтана, о томъ долгу съ нимъ, Миколаемъ къ королю писалъ же. И король де и сенатори приговорили тому Падладовскому платить золотыя собою, да сверхъ того приговорили Панагіоту давать изъ скарбу по 500 золотыхъ червонныхъ на годъ, для того что польскіе дѣла всегда у него, Панагіота бываютъ. Да при немъ же въ Польшѣ была воинская рада въ Радомле, на которой радѣ договоръ былъ о заплатѣ войску и чтобъ еще учинить какая крѣпость подъ Каменцемъ Подольскимъ, да на той же радѣ думали, кого имъ принять къ себѣ на помочь изъ Немецкихъ государей, и больши де на той странѣ было, которые хотѣли принять француза, только де наипаче всѣхъ надежду имѣютъ себѣ Поляки въ воинской помочи на Царское величество. И говорятъ сенатори и многая шляхта, что къ нимъ Царское величество милость свою являетъ, городъ Кіевъ и чрезъ договоръ держитъ съ своими ратными людьми и воинскими запасы, для того что естьли Кіевъ отдать имъ Полякомъ, и у нихъ тотчасъ Дорошенко возьметъ и отдастъ Турку. И за то они Царское величество благодарятъ. А самъ де король со всѣмъ посполитымъ рушеньемъ и съ королевою хочетъ итить во Львовъ, только де у нихъ воинскихъ запасовъ и пушекъ и подводъ и возовъ ничего готоваго нѣтъ, и многіе тому походу статца не чаютъ. А цесарской де резидентъ королю тотъ походъ отговариваетъ тѣмъ, чтобъ выведчи его Поляки къ Украйне, не учинили ему какова зла, а лутчи бъ ему быть въ Варшаве, а не въ войску. А съ Собежскимъ де король и съ великимъ подскарбіемъ корунныиъ и съ примасомъ примирился, только де по 2 сенатори трое въ великомъ межъ собою пребываютъ совѣтѣ и ѳранцужскую страну держатъ, а на короля конечно тайное непріятельство мыслятъ. Да при немъ же писалъ къ подканцлеру Дорошенко съ великимъ прошеніемъ, чтобъ онъ былъ ему къ королевскому величеству заступникомъ, а королевское бы величество всѣ вины и преступленія ему отдалъ, а онъ будетъ ему вѣчнымъ подданнымъ. И король де и сенатори тотъ ево листъ поставили ни во что, и тотъ де листъ ему, Миколаю подканцлеръ показывалъ, и послали съ того листа поляки на улику Дорошенку къ Турскому салтану списокъ. И Ханенко де гонцовъ своихъ къ королю послалъ же съ объявленіемъ вѣрнаго подданства своего, только де поляки ево гонцовъ не почитаютъ и корму имъ не даютъ, и казаки де говорятъ, что учнутъ они себѣ искать ласковаго государя, а отъ поляковъ они никакова себѣ добра не видятъ. Да при немъ же послалъ

было король въ Запороги къ Ханенку стольника Поморскаго, Андрея Жальскаго съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ Ханенко съ казаками пошелъ въ стругахъ и въ баркахъ войною на Турскіе мѣста и тѣмъ бы Туркамъ страхъ показалъ. И Многогрѣшный де Жальскаго въ Запороги не пропустилъ. Да при немъ же былъ у короля хановъ посолъ и отзывался отъ хана королю дружбою и другу другомъ, а недругу недругомъ. И говорилъ, что имъ Турской салтанъ велитъ на нихъ итить войною, только они нейдутъ, а договоры додерживаютъ. А которые де Татарове нынѣ при Дорошенкѣ, и то не Крымскіе, Бѣлогородцкіе. А къ Царскому величеству посылаетъ король великихъ своихъ пословъ съ подтвержденіемъ перемирныхъ договоровъ и учиненнаго союзу, воеводу Хелминскаго да референдаря Брестовскаго, для того чтобъ Царское величество былъ имъ помощникомъ въ Турской и казацкой войнѣ, и нынѣ воевода Хелминской въ Варшавѣ, а референдарь—въ Вильнѣ. А мешкаетъ де воевода въ Варшавѣ третей мѣсяцъ затѣмъ, что на подмогу ему подскарбій корунной денегъ ничего не дастъ, п. ч. ему мирные договоры съ Царскимъ величествомъ не любы и чтобъ де тою мешкотою съ Царскимъ величествомъ какъ ни есть покой помѣшать. А онъ де подскарбій держитъ Кондеушову сторону. А польской де гонецъ Высоцкой посланъ къ салтану съ объявленіемъ королевскаго государствованія и чтобъ салтанъ съ королемъ прежнюю дружбу обновилъ. И Высоцкой де, будучи у салтана, назвался посланникомъ, а не гонцомъ, и Турки де, выразумѣвъ изъ грамоты, учали было ему давать кормъ гонецкой, а онъ не ималъ, и послѣ того ничего ему давать не учали и говорили ему: буде онъ посланникъ, и онъ бы писалъ королю, чтобъ король въ казаковъ не вступался и учинилъ бы границу, и Высоцкой того учинить не хотѣлъ, а послѣ того къ королю писалъ и король ему въ томъ отказалъ же, и нынѣ онъ, Высоцкой въ Андріанополе, а король на него, что онъ посланникомъ назвался, зѣло гнѣвенъ. А какъ де онъ былъ въ Варшавѣ, и при немъ изъ Цесарской земли чрезъ почту къ цесарскому резиденту пришли вѣдомости, что салтанъ Турской и везирь съ великимъ войскомъ сухимъ путемъ и моремъ подлинно изъ Андріанополя пошли апрѣля въ послѣднихъ числѣхъ въ Дунайской великой Бѣлгородъ, и нынѣ чаютъ они, что конечно ужъ салтанъ есть въ Бѣлѣгородѣ, а славу де Турки пустили, будто идетъ салтанъ войною на Вивицѣйскую Долмацкую землю, только де того подлинно никто не можетъ вѣдать, на кого онъ хочетъ войною итить. А изъ Бѣлагорода мочно поспѣть и въ Польшу шестымъ днемъ, только великимъ войскамъ къ Польшѣ чрезъ Венгерскія горы трудно итить, только де чаю,

что довольно салтанъ хочетъ имѣть войну съ Венецѣяны, потому ч
нынѣ, говорятъ, многихъ Венецкихъ людей взяли къ городу своему С
... поѣхалъ. А хотя де опять ... близко Венецѣйск
... Да въ Цесарской же де земли была при немъ
... вѣдомость, что цесарь Венгерскихъ своихъ измѣнниковъ, гр
... Сипринія да Надаста и съ ними 40 человѣкъ заводчиковъ
... и перевѣшалъ и имѣетъ нынѣ цесарь въ собраніи войска сво
... турецкихъ 40 тысячъ человѣкъ. Также де и турс
...бѣжные люди по салтанову указу перебѣшниковъ цесарю многи
...ть и цесарь, видя такой турской поступокъ, посла своего
... поѣхалъ съ великими дарами. А поляки за то нынѣ на цес
...го резидента досадуя и говорятъ: цесарь де Турка на нихъ
... закупаетъ. А резидентъ имъ говоритъ, что цесарск
величество ... государство оберегаетъ. А вольно и имъ посла свое
... съ подарками послать. А тотъ де цесарской резиден
... Августинъ и ему Николаю добрый пріятель и другъ, и об
... изъ Варшавы къ нему къ Москвѣ о великихъ вѣдомостяхъ чре
... писать. А онъ де Августинъ былъ у Царскаго величества
Москвѣ посломъ, а какъ учнетъ писать, и о томъ далъ ему цыфирн
азбуку. А въ Царѣ де градѣ нынѣ новой патріархъ, бывшей Пар
... а Александрѣйскаго де патріарха напалъ воръ, греченин
Архипко, которой сказываютъ, что живалъ на Москвѣ у Газскаго м
...полита, и въ томъ, будто онъ патріархъ взялъ у него сильно 70.0
...ныхъ золотыхъ, а онъ де Архипко называется Царскаго вел
...ства бывшимъ казначеемъ, да къ нему жъ де пристали и иные мн
... свидѣтели и воеводѣ подали челобитную, и салтанъ пат
...рха приказалъ привести къ себѣ, а патріархъ де престолъ свой пр
... учителю своему.

Да переводчикъ же де Панагиотъ приказывалъ съ нимъ къ Ца
...скому величеству, что онъ во всемъ будетъ Царскому величеству вѣ
...рной и тайной слуга, да чтобъ повольлъ ему Царское величество
... государствѣ построить своею казною для поминове
... монастырь или школу учительную, малымъ дѣтемъ и сирота
...

А изъ Варшавы де поѣхалъ онъ къ Москвѣ мая въ 15-й де
и ѣхалъ черезъ Литву, на Минескъ и на Смоленескъ. А больши того
... никакихъ нѣтъ. А думнаго де дворянина Ивана Иванови
... встрѣтилъ онъ за Смоленскомъ, въ Горкахъ, мая въ 23-й ден

(Греческія стат. списки кн. № 7, лл. 269—309. М. Глав. Ар
М. Ин. Д.).

№ 2.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичю (т.) (п.) холопъ твой Микулайко Спотаріюсъ челомъ бьетъ: въ прошломъ, государь, во 179 году по твоему великого государя указу и по призыванію блаженнѣйшихъ патріарховъ пріѣхалъ я, холопъ твой, къ тебѣ великому государю къ Москвѣ, и на пріѣздѣ за выѣздъ твоего великаго государя жалованья на платьишко ничего мнѣ, холопу твоему, и по се время не дано. Милосердый государь (т.) (п.), пожалуй меня, холопа своего, за выѣздъ своимъ великого государя жалованьемъ на платьишко противъ моей братьи иноземцевъ, какъ тебѣ вел. государю Господь Богъ извѣститъ. Царь, государь, смилуйся.

Въ прошломъ во 179 году пріѣхалъ къ вел. государю въ вѣчную службу волошенинъ Миколай Спотаріюсъ, а съ нимъ 3 человѣка людей ево. И вѣлено ему быть въ Посольскомъ приказѣ въ переводчикахъ, а вел. государя жалованья окладъ ему учиненъ, помѣсного 500 четей, денегъ 100 рублевъ, поденнаго корму по полтинѣ на день, а за выѣздъ ему ничево не дано. И вел. государю посольскаго приказу переводчикъ Миколай Спотаріюсъ бьетъ челомъ, чтобъ вел. государь пожаловалъ, велѣлъ ему дать свое вел. государя жалованье за выѣздъ противъ ево братьи, выѣзжихъ иноземцевъ.

И выписано на примѣръ:

(Слѣдуютъ дачи за выѣздъ гречаномъ: Дмитрію Альберту, Юрью Константинову и Павлу Остаѳьеву).

Лѣта 7182 генваря въ 30-й день по государеву, цареву и вел. князя Алексѣя Михайловича (т.) (п.) указу окольничему Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дьякомъ, думному Григорью Богданову, да Якову Поздышеву, Ивану Евстаѳьеву, Василью Бобинину: въ нынѣшнемъ во 182 году генваря въ 24-й д. въ Хлѣбной приказъ къ Семену Михайловичю Нестерову да къ дьяку къ Ивану Казаринову въ памяти исъ Посольскаго приказу за твоею Яковлевою приписью написано: пожаловалъ вел. государь... посольскаго приказу еллинского и греческого и латинского и волоского языковъ переводчика Николая Спаѳарія, велѣлъ ему дать своего вел. государя жалованья на нынешней на 182-й годъ по окладу ево пятьдесять четей ржи, овса тожъ въ пріемную мѣру, і исъ Хлѣбнаго приказу Посольскаго приказа переводчику Николаю Спаѳарію вел. государя жалованье де овесъ по окладу данъ сполна, а ржи не дано, потому что въ каменныхъ житницахъ нѣтъ. Иванъ Казариновъ.

И вел. государю посольскаго приказу переводчикъ Николай Споѳарій бьетъ челомъ, чтобъ вел. государь пожаловалъ ево, велѣлъ ему за рожь дать свое вел. государя жалованье деньгами.

А въ нынешнемъ во 182 году, по указу вел. государя вѣлено дать посольскаго приказу подъячимъ его вел. государя жалованья на нынешней на 182 годъ, за рожь деньгами по 21 алтыну за четь изъ доходовъ новые Оптеки.

Память изъ Посольского приказа въ Казенной приказъ, къ казначею къ Аѳанасію Самойловичю Нарбекову о пожалованіи Споѳарію по именному вел. государя указу за выѣздъ кубокъ золоченъ съ кровлею въ двѣ гривенки, камки адамашки десять аршинъ, таѳты доброй пять аршинъ, сукна лундышу добраго пять аршинъ.

И по указу вел. государя изъ ево вел. государя казны, изъ Казеннаго приказу ему Миколаю камка, таѳта, сукно даны, а кубка не дано, для того что вел. государя въ казнѣ въ Казенномъ приказѣ кубковъ нѣтъ.

Великому государю посольскаго приказу переводчикъ Миколай Споѳаріусъ бьетъ челомъ, чтобъ вел. государь пожаловалъ ево, велѣлъ ему за тотъ кубокъ изъ своей вел. государя казны выдать еѳимками или деньгами.

182-го году ноября въ 4-й день пожаловалъ вел. государь посольскаго приказу еллино греческаго языка переводчика Николая Спаѳарія, велѣлъ ему дать своего вел. государя жалованья за выѣздъ въ приказъ вмѣсто кубка, счотчи противъ двухъ фунтовъ еѳимками, изъ доходовъ Новгородцкаго приказа. На выпискѣ помѣта дьяка посольскаго приказа Василья Бобинина.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Дѣла о выѣздахъ кн. 19. № 12. 1673 г. сент. 4 и окт. 8).

№ 3.

Лѣта 7192-го декабря въ 31 день, по указу вел. государей, царей и вел. князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича (т.) (п.) окольничему Семену Ѳедоровичю Толочанову съ товарищи: пожаловали вел. государи (т.) (п.) государственнаго Посольскаго приказу переводчика Николая Спаѳарія за Китайскую ево посылку прошлого 183-го году, велѣли ему дать своего вел. государей жалованья въ приказъ: ковшъ серебряной въ двѣ гривенки, сукно лундышъ, камки куѳтерю десять аршинъ исъ Казенного приказу. И по указу вел. государей (т.) (п.) окольничему Семену Ѳедоровичу Толочанову съ товарищи учинити о томъ по указу вел. государей. Діакъ Иванъ Волковъ.

На оборотѣ: Записать въ книгу.

По сему вел. государей указу сукно и камку отпустить съ роспискою, а о коѳше отписать, что въ Казенномъ приказѣ коѳшей нѣтъ.

Великихъ государей жалованье, сукно пять аршинъ, кормазину крошивного да камки десять аршинъ осиной Николай Спаѳарій взялъ марта въ 11-й день, взялъ и росписался.

(Арх. Моск. Оруж. Палаты, столбцы № 324. 192 г. декабрь).

№ 4.

194 году ноября въ 24 день, по указу вел. государей, царей и вел. князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея в. и м. и б. Росиі самодержцевъ дать ихъ великихъ государей жалованья государственнаго посольскаго приказу переводчикомъ: Николаю Спаѳарію, Леонтію Гросу, Семену Лаврецкому за переводъ книги *Описания Абесинского государства* [1]) с латинского на руской языкъ по десяти аршинъ отласу человѣку изъ Малоросійскаго приказу. Великихъ государей указъ о томъ, за помѣтою думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова, въ государственномъ Посольскомъ приказѣ. Записать въ расходную книгу и атласъ дать съ роспискою.

---

[1]) Вѣроятно, это переводъ латинскаго сочиненія саксонскаго ученаго *Лудольфа*: «Historia aethiopica, sive descriptio regni Habessinorum, quod vulgo male Presbyteri Ioannis vocatur, libri IV. Francof. ad Moen. 1681 in fol.— Лудольфъ подалъ Саксонскому герцогу Эрнсту мысль о заведеніи сношеній съ Россіей для возбужденія чрезъ нее Абиссиніи къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Переговоры съ этою цѣлью были поведены чрезъ *Рингубера*, школьнаго учителя въ подмосковной нѣмецкой слободѣ, и бояринъ А. С. Матвѣевъ отнесся къ нимъ сочувственно и послалъ въ Саксонію въ 1674 году подъячаго Посольскаго приказа С. М. Протопопова. Послѣдовавшая однако затѣмъ болѣзнь герцога Эрнста и смерть царя Алексѣя Михайловича помѣшали развитію завязавшихся сношеній Россіи съ Саксоніей. Рингуберъ, впрочемъ, хлопоталъ и послѣ того объ отправленіи Россіей посольства въ Абиссинію, для чего предлагалъ и свои услуги, но дѣло не состоялось и самъ Рингуберъ вернулся за границу. Любопытно, что по увѣренію Рингубера первая мысль объ отправленіи посольства въ Китай, порученнаго Спаѳарію, будто бы возникла въ Москвѣ по совѣту того же Лудольфа.—См. историческую справку *Цвѣтаева*: «Сношенія съ Абиссиніей XVII в.» въ Русскомъ Архивѣ 1888 г. кн. 2-я и изслѣдованіе *P. Pierling*. Saxe et Moscou. Un médecin—diplomate. Laurent Rinhuber de Reinufer. Paris. 1893. pp. 29—30, 44, 90—98, 101.

На оборотѣ: Великихъ государей жалованье десять аршинъ атласу Николай Спаѳарій взялъ и росписался.

Справилъ Максимъ Алексѣевъ.

(Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Малоросс. прик. столбцы № 5990).

№ 5.

Переводъ съ волоскаго письма, что писалъ волоской господарь Иоанъ Стефанъ Петръ воевода къ переводчику Николаю Спатарію своею рукою.

Иоанъ Стефанъ Петръ воевода, Божіею милостью господарь земли Волоской пишемъ къ нашему доброму и вѣрному пріятельнѣйшему господину Миколаю Спотарію здравіе. Притомъ, объявляю тебѣ, что погани хотятъ пустошить сія двѣ земли. Припадаемъ вси главы нашими къ ногамъ преславнаго Царя избавити насъ отъ рукъ поганскихъ и того ради пишемъ къ пресвѣтлѣйшему Царю, моляще его посылати къ намъ помощь, п. ч. погани зѣло страшливи сутъ и бегутъ и не могутъ утотопитися. И аще будетъ милость великого Царя на насъ, ныне есть времи удобно избавити насъ, дондеже не покрепитца поганинъ, потому есть ли замедленіе будетъ до лѣта, опять укрѣпитца, нынѣ же случай зѣло удобный и добрый далъ Богъ, зане после побѣды Хотинской зѣло исполнилися страхомъ и смотрятъ всегда только за море бежать. И ныне да будетъ милостивъ къ намъ преславный Царь и на сія христіанства, да не когда вѣра наша отъ невѣрныхъ погибнетъ. Того ради молимъ благородія твоего радѣть о помощи, чтобъ великій Царь посылалъ къ намъ помощь, потому что въ Судяке нынѣ есть чѣмъ кормитись, зане такъ устрашилясь, что весь Судякъ пустъ оставили и скоты и имѣнія ихъ все оставлено и обрящетъ войско чѣмъ кормитись. И того ради, елико тебѣ возможно, яко христіанинъ, потщись и дѣлай дѣло наше и буди намъ резидентъ, и мнѣ, и брату моему Константину воеводѣ, который нынѣ пребываетъ здѣсь со мною, п. ч. въ Мультянской землѣ Турки учинили опять прежде бывшаго Дуку воеводою, но бояря всѣ отъ него бѣжали, п. ч. не любятъ его, таже и вси людіе и присылали здѣ къ брату моему Константину воеводѣ, дабы онъ тамъ какъ скорѣе шолъ. Только одно опасеніе имѣемъ отъ Татаръ, п. ч. идутъ четыре салтаны, но уповаемъ на милость Божію, что путь ихъ загражденъ будетъ отъ силы великого государя, о которой слышно у насъ есть, что стоитъ при рубежахъ, хотяхомъ писати къ тамошнему великому везирю и ко инымъ, но потому, что не вѣдали чести ихъ. Но ваша милость, яко нашие породы, радѣй да исполнится оная наша скудость, для чего зѣло намъ подобаетъ вѣдати, какое намъ упо-

ваніе будетъ отъ тѣхъ странъ. Наипаче же имѣемъ великого христіанамъ непріятеля, именованнаго Дорошенка, понеже онъ учинилъ погибель христіаномъ, но Богъ милостивъ есть и схилитъ его подъ ноги преславного Царя. Ради брата своего Спатарія ничѣмъ не печалься, п. ч. онъ мой есть. Зѣло желаемъ, чтобъ намъ получити милость великого Царя. Вѣдаемъ то, что господинъ Дмитрашко Рай пребываетъ недалеко насъ и естьли будетъ милость ево государская къ намъ послати его съ своимъ царскимъ войскомъ. Свидѣтельствуемся Богомъ, что какъ станетъ Дунай, могутъ итти безъ всякаго опасенія даже до Царяграда, п. ч. нынѣ Турки не учнутъ противитися, вси побегутъ за море. Того ради молимъ, радѣй, дабы пресвѣтлый Царь избавилъ сія двѣ нищіе христіанскіе отъ рукъ невѣрныхъ. И мы за здравіе великого государя молити будемъ вси, отъ велика даже до мала. И по семъ предаемъ тебя въ милость Божію.

Въ Ясехъ декабря 26-го числа.

Вашей милости всѣхъ благихъ желатель
Стефанъ Петръ воевода.

Къ нему-жъ Миколаю пишетъ листъ особый Константинъ воевода Мультянской, а дѣло писано противъ того-жъ, какъ и Волоскаго господаря въ листу написано.

А митрополитъ Досиѳей къ Николаю Спатарію пишетъ:

Смиренный Досиѳей, архіепископъ и митрополитъ Сочавскій. Пишемъ къ намъ о Христѣ возлюбленному сыну Миколаю Спатарію. Благословеніе отъ Бога, миръ и спасеніе отъ милостиваго Бога желаю. Дважды я писалъ къ тебѣ и не вѣдаю, грамоты мои вручились ли тебѣ, но и съ симъ случаемъ, съ посланнымъ отъ насъ игуменомъ Ѳеодоромъ ученика святаго Аникія архимандрита объявляемъ тебѣ, что нынѣ земля наша Молдавская стоитъ на ваме [1]) смертной, душевной и телесной и того ради молю благородія твоего радѣй тамъ, чтобы православный Царь простиралъ десную свою къ намъ въ защищеніе и пріялъ отъ рукъ бусурманскихъ, зане исполнилося лѣто и житіе наше съ невѣрными Турками. Господинъ Спатарій, братъ твой былъ лѣтомъ въ Ясехъ намѣстникъ господаря и посланъ былъ для дѣлъ къ Капланъ пашѣ и тамо задержанъ. Но пишетъ, что радѣетъ свободитися отъ него и прійти сюду. Милостивый Богъ да благословитъ тя со всѣми благими.

Писанъ генваря въ 6-й день нынешняго 182 году.

Смиренной Досиѳей митрополитъ Сочавскій.

---

[1]) *Ваме*—слово Молдавское, означаетъ край, предѣлъ.

Къ нему-же, Николаю Спаѳарію пишетъ гетманъ волоской своею рукою и вси бояре волоскіе:

Благородному и моему доброму брату, господину Николаю Спаѳарію желаемъ всегда отъ милостиваго Бога, чтобы сіе малое наше писаніе обрѣщи ваше благородіе съ добрымъ пребываніемъ и счастливымъ здравіемъ. Притомъ, возлюбленный брате, аще хощешь вѣдать о насъ всѣхъ здравіи, милостью Божію во здравіи вси пребываемъ, но великую нужду претерпѣли отъ поганыхъ Турковъ, п. ч. ничѣмъ не могли ихъ насытить и всегда были біени отъ нихъ и изгнани кинжалами отъ нихъ... дондеже сотворилась милость Божія на насъ и пріѣхало войско польское подъ Хотинъ, идѣже бывалъ въ шанцахъ Дели Усейнъ паша и Сейди олу паша и Сулейманъ паша съ выбраннымъ войскомъ и з Босною, но сила Божія преодоле ихъ тако, яко ни часу имѣли держати шанцы свои. И мы толикую нужду терпяще отъ нихъ и смотряще, что войско польское приближаетца къ намъ, и выѣхали ис шанцовъ и случась съ гетманомъ Собѣжскимъ и съ гетманомъ Литовскимъ и такъ было съ нами договорено, чтобъ со всѣми войски своими и съ нашими идти за Дунай, но мочно бы учинилась воля Божія въ томъ, что прилучилася смерть короля Польского, и тотчасъ возвратилися гетманы съ войски, а намъ оставили хорунже корунного и вмѣстѣ съ нами пришли въ Яси и видяще, что сила Турская велика есть, а наипаче же Крымская, аще не будетъ препона отъ силы преславнаго Царя, а естьли будутъ свободни, тогда дана имъ будетъ въ плѣненіе земля Молдавская и Мутьянская, того ради припадаемъ лицемъ нашимъ до земли и молимъ пресвѣтлѣйшаго и преславнаго Царя да не оставитъ насъ въ погибели, но помоществовати намъ войскомъ, п. ч. мы слышали, что при Днѣпрѣ. И того ради радѣй, братецъ, въ томъ, елико мочно, что которому достойно, чтобъ доложить великому государю о нуждахъ нашихъ, не оставити насъ въ погибель поганомъ, п. ч. естьли не будетъ милости православнаго Царя, подлинно погибнемъ мы и святые церкви, и естьли православного Царя милость намъ будетъ, чтобъ не замедля тая помочь переправилась на Украйну далѣе, п. ч. великой непріятель намъ сосѣдъ нашъ Дорошенко, того ради молимъ, чтобъ насъ не оставили. Брата твоего, а нашего господина не случилося здѣ съ нами, п. ч. Капланъ-паша восхитилъ и задержалъ ево въ Цецоре, для того чтобъ ему запасовъ какъ наибольшѣе собрати, но здравъ и донынѣ пребываетъ, понежъ Турки велѣли ему быть при новомъ господарѣ, котораго они избрали, но ожидаемъ его, токмо возможли ему будетъ свободитися отъ рукъ Турскихъ, зане непрестанно отъ нихъ бѣгутъ къ намъ, лѣтомъ мочно и писалъ къ тебѣ о всемъ, понеже мы всѣ нынѣ

до единъ, если случился здѣсь, и онъ писалъ же бы, но безъ замедленія ожидаемъ его. И молимъ тя, брате, кого познаешь, что донесетъ жалобы наши, о всемъ извѣщаемъ тебѣ, понежъ мы предаемся подъ криліе и подъ ножіе православнаго Царя. Хотѣли писать къ ясневельможному везирю и къ инымъ, зане не зная чести и титлъ, не посмѣли, но благородіе твое, исполни всю скудость нашу и радѣй о помочи, какъ наискорѣе, чтобъ намъ видѣть милость православнаго Царя къ намъ, и потомъ молимъ объ отпускѣ посланцовъ нашихъ какъ скорѣе, чтобъ безъ замедленія известили насъ, о всемъ томъ молимъ тя вси братія, извести тамъ, и предаемъ тя милости Божіей. Дано въ Ясехъ, декабря въ 26-й день 1673 году.

Братъ вашей милости Григорей Гобощевской гетманъ, вкупе и вси бояре наши, которые случились здѣсь въ Ясехъ.

Да въ томъ-же листкѣ положено особое небольшое письмецо, писалъ къ нему-жъ, Николаю Спатарію Молдавской гетманъ Григорей, а въ томъ его письмѣ написано:

Притомъ тебѣ, брате, извѣщаю, что послѣ запечатанія всемъ симъ письмомъ пришли къ намъ посланники изъ Венгерской земли, которые посланы были къ Бендипалу, генералу венгерскому, которые, яко ваша милость вѣдаетъ, онъ начальникъ есть надъ всѣмъ войскомъ, какъ прежде сего былъ Кимнпъ Янышъ. И нынече Венгры смотрятъ на время и какъ дѣло съ Поляками склонитца. И нынѣ Венгры жъ всѣ собираютца недалеко отсюды въ мѣстечкѣ Ошергей и когда увидятъ, какъ Поляки провожаютъ войско свое къ Дунаю, и они хотятъ взять назадъ отъ Турковъ, что прежде взяли отъ нихъ Турки. И недавно многіе тысячи Турковъ изъ города Орадіе выѣхали плѣнити Венгерскую землю вышнюю. Но такъ пишутъ къ намъ, что Нѣмцы пали на нихъ и такъ побили ихъ, что мало отъ нихъ ушли назадъ въ Орадію, и живыхъ многихъ поимали. Того ради въ томъ, брате, радѣй, елико возможешь, чтобъ царская сила возбранила Татаромъ. И пусть Крымской чтобъ задержанъ былъ.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7182/1674 г. февр. св. 6-я).

№ 6.

Переводъ съ латинскаго письма, что писалъ блаженные памяти къ великому государю, царю и вел. князю Алексѣю Михайловичю всеа в. и м. и б. Росиі самодержцу исъ Китай езуитъ съ переводчикомъ съ Николаемъ Спаѳаріемъ.

Великому государю, царю и вел. князю Алексѣю Михайловичю (т.) (п.).

На оборотѣ: Великихъ государей жалованье десять аршинъ атлазу Николай Спаѳарій взялъ и росписался.

Справилъ Максимъ Алексѣевъ.

(Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Малоросс. прик. столбцы № 5990).

№ 5.

Переводъ съ волоскаго письма, что писалъ волоской господарь Иоанъ Стефанъ Петръ воевода къ переводчику Николаю Спатарію своею рукою.

Иоанъ Стефанъ Петръ воевода, Божіею милостью господарь земли Волоской пишемъ къ нашему доброму и вѣрному пріятельнѣйшему господину Миколаю Спотарію здравіе. Притомъ, объявляю тебѣ, что погани хотятъ пустошить сія двѣ земли. Припадаемъ вси главы нашими къ ногамъ преславнаго Царя избавити насъ отъ рукъ поганскихъ и того ради пишемъ къ пресвѣтлѣйшему Царю, моляще его посылати къ намъ помощь, п. ч. погани зѣло страшливи сутъ и бегутъ и не могутъ уготовитися. И аще будетъ милость великого Царя на насъ, ныне есть время удобно избавити насъ, дондеже не покрепитца поганинъ, потому естьли замедленіе будетъ до лѣта, опять укрѣпитца, нынѣ же случай зѣло удобный и добрый далъ Богъ, зане после побѣды Хотинской зѣло исполнилися страхомъ и смотрятъ всегда только за море бежать. И ныне да будетъ милостивъ къ намъ преславный Царь и на сія христіанства, да не когда вѣра наша отъ невѣрныхъ погибнетъ. Того ради молимъ благородія твоего радѣть о помощи, чтобъ великій Царь посылалъ къ намъ помощь, потому что въ Судяке нынѣ есть чѣмъ кормитись, зане такъ устрашились, что весь Судякъ пустъ оставили и скоты и имѣніе ихъ все оставлено и обрящетъ войско чѣмъ кормитись. И того ради, елико тебѣ возможно, яко христіанинъ, потщись и дѣлай дѣло наше и буди намъ резидентъ, и мнѣ, и брату моему Константину воеводѣ, который нынѣ пребываетъ здѣсь со мною, п. ч. въ Мультянской землѣ Турки учинили опять прежде бывшаго Дуку воеводою, но бояря всѣ отъ него бѣжали, п. ч. не любятъ его, таже и вси людіе и присылали здѣ къ брату моему Константину воеводѣ, дабы онъ тамъ какъ скорѣе шолъ. Только одно опасеніе имѣемъ отъ Татаръ, п. ч. идутъ четыре салтаны, но уповаемъ на милость Божію, что путь ихъ загражденъ будетъ отъ силы великого государя, о которой слышно у насъ есть, что стоитъ при рубежахъ, хотяхомъ писати къ тамошнему великому везирю и ко инымъ, но потому, что не вѣдали чести ихъ. Но ваша милость, яко нашие породы, радѣй да исполнится оная наша скудость, для чего зѣло намъ подобаетъ вѣдати, какое намъ упо-

Письмо твое, писаное ноября 22 дня, приняли ѳеврала 5 числа. Пишешь къ намъ намъ о вѣдомостяхъ здѣшнихъ странъ, что дѣлается, и о тѣхъ, что владѣютъ нами, въ чемъ пребываютъ, о томъ тебѣ вѣдомо чинимъ, что они опять войска готовятъ, а куды хотятъ итти, и того до сего числа никто подлинно не вѣдаетъ. О миру, что знаменуешь намъ, въ какомъ помышленіи и склоненіи суть здѣшніи, о томъ тебѣ подлинно объявляемъ здѣшнихъ намѣреніе, что буде ваша страна оставятъ Украйну, какъ она поддалася салтану, тогда и миръ будетъ. Того ради, буде есть отъ вашей стороны подлинное намѣреніе къ тому дѣлу, можете послати къ господарю нашему, котораго намъ Богъ добраго даровалъ, и чрезъ посредничество ево могутъ тѣ дѣла совершитись всѣ, только бы тотъ человѣкъ, который присланъ будетъ, былъ знатенъ во всѣхъ дѣлѣхъ. А ныне что ты писалъ, и то зѣло тонко, и буде хочете то дѣло подлинно учинити, то посылайте наскоро и извѣщайте, что къ тѣмъ дѣламъ належитъ. А нынѣшней человѣкъ къ тѣмъ дѣламъ не знатенъ.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7187—7188 г. св. 6).

№ 9.

Переводъ съ греческаго письма съ листа, каковъ писалъ Молдоволоские земли господарь Дука къ Николаю Спаѳарію въ нынешнемъ во 188 году, апрѣля въ 3-й день.

Иоанъ, Божіею милостью господарь Дука воевода Молдоволоскіе земли.

Честнѣйшій и словеснѣйшій господине Николай Спаѳарій, словесности твоей поздравляемъ, настоящее наше писаніе да получитъ тебя во здравіи о Бозѣ. А мы Божіею помощью и преславнымъ счастіемъ многолѣтнаго самодержца нашего салтана Магаметова величества здравствуемъ же. Дружелюбное твое писаніе пріяхомъ чрезъ капитана нашего Ионашка и о здравіи твоемъ радовахомся, въ которомъ написанное выразумѣхомъ. Слышахомъ же и изъ устъ капитана нашего обо всемъ. Также и отъ Царскаго величества грамота, еже послана есть къ намъ и чрезъ посланныхъ скороходцевъ христіаннѣйшаго Царя дошла, о которомъ будетъ разумѣть словесность твоя, яко тотъ гонецъ, которому было ѣхать въ великую Порту державнаго царствія, абіе отпустили есмы его, како подобаетъ и поѣхалъ, съ которымъ писали есмы и мы потребное и паки елико требуютъ намъ ходатайствовати къ совершенію блага и полезности сихъ дѣлъ, да престанутъ войны и недружбы, и Богу помогающему быти ближайшаго

Къ нему-же, Николаю Спаѳарію пишетъ гетманъ волоской своею рукою и вси бояре волоскіе:

Благородному и моему доброму брату, господину Николаю Спаѳарію желаемъ всегда отъ милостиваго Бога, чтобы сіе малое наше писаніе обрѣщи ваше благородіе съ добрымъ пребываніемъ и счастливымъ здравіемъ. Притомъ, возлюбленный брате, аще хощешь вѣдать о насъ всѣхъ здравіи, милостью Божію во здравіи вси пребываемъ, но великую нужду претерпѣли отъ поганыхъ Турковъ, п. ч. ничѣмъ не могли ихъ насытить и всегда были біени отъ нихъ и изгнани кинжалами отъ нихъ... дондеже сотворилась милость Божія на насъ и пріѣхало войско польское подъ Хотинъ, идѣже бывалъ въ шанцахъ Дели Усеинъ паша и Сейди олу паша и Сулейманъ паша съ выбраннымъ войскомъ и з Босною, но сила Божія преодоле ихъ тако, яко ни часу имѣли держати шанцы свои. И мы толикую нужду терпяще отъ нихъ и смотряще, что войско польское приближаетца къ намъ, и выѣхали ис шанцовъ и случась съ гетманомъ Собѣжскимъ и съ гетманомъ Литовскимъ и такъ было съ нами договорено, чтобъ со всѣми войски своими и съ нашими идти за Дунай, но мочно бы учинилась воля Божія въ томъ, что прилучилася смерть короля Польского, и тотчасъ возвратилися гетманы съ войски, а намъ оставили хорунже корунного и вмѣстѣ съ нами пришли въ Яси и видяще, что сила Турская велика есть, а наипаче же Крымская, аще не будетъ препона отъ силы преславнаго Царя, а естьли будутъ свободни, тогда дана имъ будетъ въ плѣненіе земля Молдавская и Мутьянская, того ради припадаемъ лицемъ нашимъ до земли и молимъ пресвѣтлѣйшаго и преславнаго Царя да не оставитъ насъ въ погибели, но помоществовати намъ войскомъ, п. ч. мы слышали, что при Днѣпрѣ. И того ради радѣй, братецъ, въ томъ, елико мочно, что которому достойно, чтобъ доложить великому государю о нуждахъ нашихъ, не оставити насъ въ погибель поганомъ, п. ч. естьли не будетъ милости православнаго Царя, подлинно погибнемъ мы и святые церкви, и естьли православного Царя милость намъ будетъ, чтобъ не замедля тая помочь переправилась на Украйну далѣе, п. ч. великой непріятель намъ сосѣдъ нашъ Дорошенко, того ради молимъ, чтобъ насъ не оставили. Брата твоего, а нашего господина не случилося здѣ съ нами, п. ч. Капланъ-паша восхитилъ и задержалъ ево въ Цецоре, для того чтобъ ему запасовъ какъ наибольшѣе собрати, но здравъ и донынѣ пребываетъ, понежъ Турки велѣли ему быть при новомъ господарѣ, котораго они избрали, но ожидаемъ его, токмо возможли ему будетъ свободитися отъ рукъ Турскихъ, зане непрестанно отъ нихъ бѣгутъ къ намъ, лѣтомъ мочно и писалъ къ тебѣ о всемъ, понеже мы всѣ нынѣ

до единъ, если случился здѣсь, и онъ писалъ же бы, но безъ замедленія ожидаемъ его. И молимъ тя, брате, кого познаешь, что донесетъ жалобы наши, о всемъ извѣщаемъ тебѣ, понежъ мы предаемся подъ криліе и подъ ножіе православнаго Царя. Хотѣли писать къ ясневельможному везирю и къ инымъ, зане не зная чести и титлъ, не посмѣли, но благородіе твое, исполни всю скудость нашу и радѣй о помочи, какъ наискорѣе, чтобъ намъ видѣть милость православнаго Царя къ намъ, и потомъ молимъ объ отпускѣ посланцовъ нашихъ какъ скорѣе, чтобъ безъ замедленія известили насъ, о всемъ томъ молимъ тя вси братія, извести тамъ, и предаемъ тя милости Божіей. Дано въ Ясехъ, декабря въ 26-й день 1673 году.

Братъ вашей милости Григорей Гобощевской гетманъ, вкупе и вси бояре наши, которые случились здѣсь въ Ясехъ.

Да въ томъ-же листкѣ положено особое небольшое письмецо, писалъ къ нему-жъ, Николаю Спатарію Молдавской гетманъ Григорей, а въ томъ его письмѣ написано:

Притомъ тебѣ, брате, извѣщаю, что послѣ запечатанія всемъ симъ письмомъ пришли къ намъ посланники изъ Венгерской земли, которые посланы были къ Бендипалу, генералу венгерскому, которые, яко ваша милость вѣдаетъ, онъ начальникъ есть надъ всѣмъ войскомъ, какъ прежде сего былъ Киминъ Янышъ. И нынече Венгры смотрятъ на время и какъ дѣло съ Поляками склонитца. И нынѣ Венгры жъ всѣ собираютца недалеко отсюды въ мѣстечкѣ Ошергей и когда увидятъ, какъ Поляки провожаютъ войско свое къ Дунаю, и они хотятъ взять назадъ отъ Турковъ, что прежде взяли отъ нихъ Турки. И недавно многіе тысячи Турковъ изъ города Орадіе выѣхали плѣнити Венгерскую землю вышнюю. Но такъ пишутъ къ намъ, что Нѣмцы пали на нихъ и такъ побили ихъ, что мало отъ нихъ ушли назадъ въ Орадію, и живыхъ многихъ поимали. Того ради въ томъ, брате, радѣй, елико возможешь, чтобъ царская сила возбранила Татаромъ. И пусть Крымской чтобъ задержанъ былъ.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7182/1674 г. февр. св. 6-я).

№ 6.

Переводъ съ латинскаго письма, что писалъ блаженные памяти къ великому государю, царю и вел. князю Алексѣю Михайловичю всеа в. и м. и б. Росиі самодержцу исъ Китай езуитъ съ переводчикомъ съ Николаемъ Спаѳаріемъ.

Великому государю, царю и вел. князю Алексѣю Михайловичю (т.) (п.).

Велеможнѣйшій Царю,

Толикое по истинѣ есть сіяніе твоего Величества, яко даже на концѣхъ крайняго Востока, на ня-же лучи' свои непрестанно испущаетъ, очесми возмогъ бы стерпѣти и такова милость изліянна всѣхъ благоволенія щедрота, яко азъ, аще и незнаемый і весьма страненъ, къ милостивѣйшимъ ногамъ приступити дерзаю, и сіе посланіе, яко книжицу молительную, подати. Обнадежи мене глаголати и Царское величество, который чрезъ добророднаго дворянина Николая Гавриловича Спатаріа, посланника своего достойнѣйшаго мене грамоты своея у царя Китае-Татарскаго [1]) восхотѣ быти переводникомъ, и самъ царь здѣшній, который давно такожде своимъ мнѣ повелѣ быти переводникомъ. Возглаголю убо, аки переводникъ Царскаго величества и яко всегда предъ повелитемъ Китае-Татарскимъ и его превысокимъ сигклитомъ глаголахъ, не престану глаголати и прославляти красоту оную природную прадѣдовъ, древле отъ Августа кесаря воспріятую и даже до сего дни вящи і вящи возрастающую, и пространства государства, еже даже до востока нашего и до края славные оные Китае-Татарскіе стѣны пріиде, а на сѣверѣ иного не имѣетъ предѣла, токмо вся вселенная, даже и до самого пола сѣвернаго и пространнѣйшаго сердца, тщаніе, еже з государи всеа вселенныя дружелюбіемъ и щедротою обаче боротися. Во истинну Царскаго величества посланникъ въ сей предпочтенной Китае-Татарской монархіи толикою честію воспріятъ есть, яко многіе ему не мало завидовали, который при мнѣ, очевидномъ свидѣтелѣ и переводникѣ чрезъ многие седмицы крѣпко стоялъ, а потомъ и домоглся, что противно древнимъ государства того обычаямъ: Царскаго величества грамоты и дары особымъ нарядомъ и честнымъ показаніемъ даже до внутреннихъ царевыхъ палатъ внесены, самъ господинъ посланникъ изряднымъ столомъ почтенъ, у котораго стола з ближними людми и з дворяны самъ царь былъ близь, въ началѣ стола. Царь чрезъ меня, переводника спрашивалъ господина посланника царскаго величества о здравіи, о числѣ лѣтъ и о воспрія. . . . . вленія государственнаго и каковъ лицемъ и дородствомъ и прочихъ тому подобныхъ. Потомъ и на златыхъ блюдахъ различные ѣствы и вино отъ самого своего стола поставити господину посланнику послалъ, да и благороднымъ людемъ, которые господина посланника провожали, близъ царева престола посредѣ возванныхъ, всякому въ золотыхъ сосудѣхъ велѣлъ подносити, а понежъ Царскаго величества лица у себѣ видѣти не возможе, господина посланника живопис-

[1]) Богдыханъ—Китае-Татаринъ.

случайнымъ дѣломъ, какъ былъ де король польской въ волоской землѣ, въ городѣ Ясехъ и изъ Ясъ пошелъ обозомъ, и они пріѣхали было къ королю въ обозъ съ своею братьею, волоскими бояры бить челомъ о обидахъ и разореніяхъ своихъ на польскихъ войсковыхъ людей, и на дорогѣ захватили де ихъ непріятельскія войска и даже до самыхъ краевъ польскихъ были они у короля въ обозѣ, а изъ Польши было имъ въ свою сторону возвратиться опасно, и помня они христіанскую вѣру, пріѣхали къ Москвѣ послужить великимъ государемъ на время, гдѣ служитъ и дядя ихъ, Николай Спаѳарій, и съ нимъ повидаться.

И великимъ государемъ, ц. и в. кн. Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и в. кн. Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі самодержцамъ бьютъ челомъ выѣзжіе волошане, Иванъ да Степанъ Спаѳаріи: выѣхали они изъ своего отечества, изъ волоской земли съ королевскимъ величествомъ польскимъ того для, что волоская де земля въ нынѣшнихъ временехъ до конца разорилась, и имѣніе ихъ и маетности тамо выпустошены и пограблены отъ поганыхъ. И королевское де величество польское обѣщалъ было ихъ въ своемъ королевствѣ всякими маетностьми пожаловать и всякое довольство имъ учинить, чтобъ они не напамятовали про отечество свое, однакожъ они, родясь во благочестивой вѣрѣ отъ предковъ своихъ и слыша, что подъ ихъ государскою высокодержавною рукою православная христіанская вѣра паче солнца сіяетъ, и та слава распространяется по всей вселеннѣй, и многіе ихъ братья, шляхта волошаня, выѣхавъ служили вѣрно предкомъ ихъ великихъ государей, блаженные памяти великимъ государемъ, того для и они дерзнули притещи къ ихъ государской пребогатой милости, на время послужити.

И чтобъ великіе государи пожаловали ихъ, изъ такіе дальніе и благочестивые страны притекшихъ и ищущихъ ихъ царской пребогатой милости, своимъ государскимъ превысокимъ жалованьемъ, какъ имъ, великимъ государемъ, объ нихъ Богъ извѣститъ, чѣмъ бы мочно имъ честно и нескудно жить и служить имъ, великимъ государемъ вѣрно.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Дѣла о выѣздахъ, кн. 23. № 12. 7195—1686 г. ноября 22).

№ 12.

1718 года, іюля въ 25-й день въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ Армянской Минасъ Вартапетъ секретарямъ Михаилу Шафирову, Михайлу Ларіонову доносилъ словесно:

нашу, иже взятые языки отъ юности прежде научи насъ, езуитовъ, глаголю тѣми всегда взиралъ очесы, которыми сами езуиты Царскому величеству всякаго благополучія и долговѣчность государствованія лѣть желають, съ которымъ дабы и мое именно желаніе благоволилъ пріяти, обратився лицемъ къ западу и преклонивъ колѣна, по китайску и трижды въ землю преклонивъ главу, Царскому благосердію паки и паки покорственно челомъ бью.

Царскому величеству покорный служити

Ѳердинандъ Вербьестъ, езуитъ [1]).

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. книга Китайскаго двора № 3, 7183/1675 февр. 18, лл. 453—458).

№ 7.

Переводъ съ греческаго письма, каково писалъ господарь Волоской Иоанъ Дука къ Николаю Спаѳарію чрезъ посланника своего въ нынешнемъ во 187 году мая въ 7-й день.

Иоанъ Дука воевода, Божіею милостью господарь земли Молдавской.

Пречестный и словеснѣйшій господине Николай Спаѳарій, пречестности твоей дружелюбно поздравляю, сіе письмо наше да обрящеть тебе удовольнаго со всѣмъ сердечнымъ желаніемъ, понеже и мы Божіею помощью и добрымъ счастіемъ и подтверженіемъ нашего самодержца Султанъ Магмета здравствуемъ. При томъ объявляемъ, что причина, для которой мы посылали тамъ къ христіаннѣйшему и тишайшему Царствію сего Ионашку капитана, посланника нѣсть иная, опричь той, понежъ мы самоблагоизвольно устремилися отъ ревности, насажденной въ насъ по Бозѣ христіанской любви, которую имѣемъ и держимъ и хранимъ всегда ко всѣмъ равновѣрнымъ братьямъ нашимъ христіаномъ, изрядно жъ наипаче къ тѣмъ, которые подобновѣрны и сомудрственны съ нами. Смотримъ того ради и видимъ толикое время тлѣнія и разоренія ихъ, кровопролитія и пленения, оскверненія и запустенія Божественныхъ и пречестныхъ храмовъ, которыя учинилися отъ причинъ случившихся войскъ и боевъ, которые имѣлъ и имѣетъ крѣпкое и высокое царство Оттманское съ христіяннѣйшимъ царствіемъ Московскимъ, и тѣ страданія почитаемъ яко общіе, и подають намъ ве-

---

[1]) По возвращеніи своемъ изъ Китая Спаѳарій въ 1680 г. переписывался съ іезуитомъ Вербіестомъ съ цѣлью получить отъ него свѣдѣнія о Татарахъ. См. у *Picot* ссылку на *Legrand*, *Bibliothèque grecque vulgaire* 416, въ Notice biographique et bibliographique sur N. Spatar Milescu p. 31.

ликую печаль и скорбь многую. Того ради разсудили и радѣли, что не подобаетъ презрѣти бѣды равновѣрныхъ и елико силы подщитца общіе ради пользы. Понежъ великого Бога милость сподобила и насъ въ нынѣшнихъ послѣднихъ временехъ владѣти здѣшнимъ бѣднымъ мѣстамъ, которые пребываютъ въ великомъ разореніи и запустѣніи отъ случая нынѣшняго времени, и такъ всякими мѣрами, сколько есть мочи нашей и елико познаваемъ, что будетъ полезнѣе христіанскому державству, пособити будемъ. И чаемъ, что божественною и непоборимою силою и предсмотреніемъ можемъ дѣлати и исправити полезное, совершающе свѣтъ священнаго мира и любви, дабы утолились толикіе и такіе бѣды и дабы воспріяли покой и утѣшеніе братія наши, христіяне и малая и бѣдная и сира здѣшнихъ краевъ, которые сострадаютъ и пребываютъ въ толикой глубинѣ бѣдъ. Того ради, для тѣхъ причинъ писали и къ честности твоей. Понеже тебѣ время и случай подали жить въ тамошнихъ христіанскихъ краехъ и, какъ слышимъ, при знакомствѣ великихъ людей и для того и тебе поущаемъ, яко благочестиваго христіанина и пріятеля нашего стараго, чтобъ и ты по силѣ пособникъ былъ тому благому дѣлу, какъ о томъ доносимъ и объявляемъ къ тишайшему и христолюбивому Царю. И понеже предложеніе наше есть преблагое и праведное, и ты изряднымъ искуствомъ своимъ и крайнимъ разумомъ, что имѣешь въ тѣхъ дѣлѣхъ, радѣй во всемъ и подщися, чтобъ скончалися тѣ нашествія и междоусобные брани и прочіе воинскіе бѣды, которые нейдутъ ни къ которому благому концу, кромѣ къ разоренію, къ плененію и кровопролитію, и чтобъ дѣйствовалось священное дѣло мира, которое чаемъ, что и тамъ будетъ благопріятное и угодное и къ тишайшему Царю и ко всему мудрѣйшему и свѣтлѣйшему сиглиту. Толико нынѣ пишемъ, а больше будетъ разумѣть честность твоя изъ устъ сего капитана, и преблагій Господь Богъ да исправитъ сіе дѣло благимъ совершенствомъ. Лѣта твои да будутъ многіе и счастливые. Лѣта 1679-го, марта въ 23-й день. *Внизу подписано:*

Иоанъ Дука воевода.

Переводъ съ волоскаго письма, каково писалъ волоскіе земли и Сучавскій митрополитъ Досиѳей къ Николаю Спаѳарію.

Благородному и богопочтенному господину Николаю Спаѳарію и намъ превожделенному отъ Господа Бога Вседержителя просимъ миръ, здравіе и спасеніе на многа лѣта. Хотя и мѣстомъ отлучени есмы съ тобою, однакожде Духомъ Святымъ всегда соединены есмы, зане воспоминаемъ тебя и весь домъ вашъ во святыхъ и божественныхъ тай-

нахъ. И о томъ присно молимъ Бога, дабы соединилъ насъ въ небесномъ царствіи, которое уповаемъ получити православною вѣрою чрезъ Спасителя нашего Иисуса Христа. При томъ молю честности твоей, чтобъ именемъ моимъ билъ челомъ святѣйшему отцу нашему, Патріарху Московскому и всеа Русіи, чтобъ пожаловалъ меня единымъ тисненіемъ типограѳійскимъ и нѣсколько словъ, которыми печатають листы, и ѳурмы, исъ которыхъ льютъ слова, и печать малыхъ словъ, п. ч. великая скудость есть Святей Церкви и намъ въ томъ дѣлѣ. И то дѣло будетъ благопріятно предъ Богомъ, а у насъ печать есть же, только вельми нестройно, какъ о томъ извѣститъ тебѣ подлинно капитанъ Ионашко. По семъ предаемъ тебя милости Божіей. Писано въ Ясы, лѣта 7187-го марта въ 23-й день. *Внизу приписано:*

Досиѳей митрополитъ Сучавской.

Изъ волоской земли бояринъ волоской, племянникъ Николая Споѳарія къ нему пишетъ въ нынѣшнемъ во 187 году, марта въ 24-й день:

Волоской господарь приказалъ мнѣ къ тебѣ писати подлинные здѣшніе вѣдомости, что Турки въ нынѣшнемъ году въ тамошнихъ краяхъ не будутъ промышляти войскомъ, только Крымская орда и Бѣлогородская вмѣстѣ со шти пашами Турскими с Волохи и с Мультяны поѣдутъ на Запороги, на Днѣпръ, выше Доганъ-Гечета, се есть ястребная переправа по турски, и тамъ хотятъ два города строить, а иное войско не будетъ на иномъ мѣстѣ, п. ч. къ господарю нашему по се число о томъ только указъ есть и про тамошніе страны готовится. Одно только не вѣдаемъ, послѣ пріѣзду вашего посланника (Даудова) къ салтану, чтобъ не пришли Турки опять въ какое подозрѣніе. Однакожде есть тамъ наши люди, которые намъ тотчасъ вѣдомость учинятъ, и я тебѣ вскорѣ о томъ отпишу, что случитца тамъ послѣ пріѣзду вашего посланника. А о томъ подлинно вѣдаю безъ всякаго усумнѣнія, что Турки нынѣ зѣло боятся и живутъ съ великимъ страхомъ о томъ, какъ имъ ѣхать и дѣлать тѣ городы. Также притомъ и то господарь велѣлъ мнѣ писати, что Турки въ прошломъ году такой бы позоръ приняли, котораго отнюдь и никогда не видали, только ваши не восхотѣли, однакожде и такъ ихъ зѣло много пропало. (М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7187—1679 г. апр. 7. св. 6).

№ 8.

Переводъ съ волоскаго письма, каково писали изъ города Яси ѳевраля въ 9-й день племянники Николая Споѳарія, а къ Москвѣ та грамотка привезена марта 27 дня.

Письмо твое, писаное ноября 22 дня, приняли ѳеврала 5 числа. Пишешь къ намъ намъ о вѣдомостяхъ здѣшнихъ странъ, что дѣлается, и о тѣхъ, что владѣютъ нами, въ чемъ пребываютъ, о томъ тебѣ вѣдомо чинимъ, что они опять войска готовять, а куды хотятъ итти, и того до сего числа никто подлинно не вѣдаетъ. О миру, что знаменуешь намъ, въ какомъ помышленіи и склоненіи суть здѣшніи, о томъ тебѣ подлинно объявляемъ здѣшнихъ намѣреніе, что буде ваша страна оставятъ Украйну, какъ она поддалася салтану, тогда и миръ будетъ. Того ради, буде есть отъ вашей стороны подлинное намѣреніе къ тому дѣлу, можете послати къ господарю нашему, котораго намъ Богъ добраго даровалъ, и чрезъ посредничество ево могутъ тѣ дѣла совершитись всѣ, только бы тотъ человѣкъ, который присланъ будетъ, былъ знатенъ во всѣхъ дѣлѣхъ. А ныне что ты писалъ, и то зѣло тонко, и буде хочете то дѣло подлинно учинити, то посылайте наскоро и извѣщайте, что къ тѣмъ дѣламъ належитъ. А нынѣшней человѣкъ къ тѣмъ дѣламъ не знатенъ.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7187—7188 г. св. 6).

№ 9.

Переводъ съ греческаго письма съ листа, каковъ писалъ Молдоволоские земли господарь Дука къ Николаю Спаѳарію въ нынешнемъ во 188 году, апрѣля въ 3-й день.

Иоанъ, Божіею милостью господарь Дука воевода Молдоволоскіе земли.

Честнѣйшій и словеснѣйшій господине Николай Спаѳарій, словесности твоей поздравляемъ, настоящее наше писаніе да получитъ тебя во здравіи о Бозѣ. А мы Божіею помощью и преславнымъ счастіемъ многолѣтнаго самодержца нашего салтана Магаметова величества здравствуемъ же. Дружелюбное твое писаніе пріяхомъ чрезъ капитана нашего Ионашка и о здравіи твоемъ радовахомся, въ которомъ написанное выразумѣхомъ. Слышахомъ же и изъ устъ капитана нашего обо всемъ. Также и отъ Царскаго величества грамота, еже послана есть къ намъ и чрезъ посланныхъ скороходцевъ христіаннѣйшаго Царя дошла, о которомъ будетъ разумѣть словесность твоя, яко тотъ гонецъ, которому было ѣхать въ великую Порту державнаго царствія, абіе отпустили есмы его, како подобаетъ и поѣхалъ, съ которымъ писали есмы и мы потребное и паки елико требуютъ намъ ходатайствовати къ совершенію блага и полезности сихъ дѣлъ, да престанутъ войны и недружбы, и Богу помогающему быти ближайшаго

(Богъ помогъ же ми в дружбе быть), и твердою любовью межъ обоими царствами, иже воюются, радѣти надѣемся, но бодро и прилежно всею душею и мочью будемъ способствовати и ходатайствовати. И непобѣдимая сила великаго Бога да будетъ помощь привести вся въ достиженіе добраго конца. А о половяникѣ ономъ, имянемъ Самойла, еже въ прошлыхъ числѣхъ писалъ еси къ намъ, вѣдай, яко какъ писали есмы къ тебѣ преже сего, егда мы поѣхали на государскую службу, того числа послали людей своихъ и писали ево, которой прилучился у нѣкотораго друга нашего мурзы, имянемъ эмиръ Али Челебий, и не имѣя мы вѣсти сперва, что тотъ полоняникъ у него, пошли нѣкие торговые люди и искали ево, которые и цѣну прибавили выше той цены, что татаровя давали, только не имѣя столько денегъ за него платити цену, что за него договорились мы, велѣли казначею нашему Проке и далъ имъ тысячу двѣсте четырнадцать талерей и дополнили число цену ево, и такъ тотъ полоняникъ отъ тѣхъ торговыхъ людей выкупленъ и привезенъ будетъ къ Москвѣ, и пришедъ самъ про все скажетъ. А въ деньгахъ, что далъ казначей нашъ, дали ему запись платить тѣ деньги на Москвѣ, которымъ далъ роспись на тѣ деньги купити на Москвѣ про нашъ обиходъ всякие мѣха, наипаче немного лисицъ черныхъ, о которомъ дѣлѣ просимъ и мы честности твоей съ надеждою да печешися, чтобъ они купили елика имъ приказано, и будемъ знати добродѣтельство твое. Предстоящего гонца Митроѳана, о которомъ къ намъ пишешь, како подобаетъ и сколь возможно усмотрихомъ ево и чаемъ, будетъ давати тамо благодареніе, такожде и про другово, егда возвратитца изъ Царяграда, имѣемъ изготовленіе. Дары царские, которые прислалъ къ намъ христианнѣйшій, тишайшій Царь, съ благодареніемъ и съ поклоненіемъ приняли есмы и преблагодаримъ державу царствія его, которую Господь всеблагій Богъ да умножитъ съ честію и съ благовластіемъ на многіе и неизреченные лѣта. Аминь.

Сія по настоящему письму, а лѣта честности твоей да будутъ во умноженіе. Лѣта отъ воплощенія Спаса 1680, ѳевраля въ 23-й день. *Внизу приписано:*

Ио. Дука воевода.

Переводъ съ греческаго письма, каково писалъ Волоской господарь Дука воевода къ Николаю Спаѳарію.

Ио., милостію Божиею господарь Дука, воевода всеа Молдоволоские земли.

Честнѣйшій и словеснѣйшій господине Николай Споѳарій, словесности твоей поздравляю. Настоящее письмо да отлучится во здра-

віи и въ радости, а мы Божьею помощью и благополучнымъ счастиемъ многолѣтнова царя нашего, салтанъ Магамета здравствуемъ же. Писахомъ къ тебѣ преже сего съ гонцомъ Царскаго величества, съ господиномъ Митроѳаномъ о иконахъ, сего ради и нынѣ симъ нашимъ малострочнымъ письмомъ объявляемъ о пріѣздѣ сего человѣка, именемъ Георгія и что приказали есмы ему, сколько проторей учинятца о вышеписанныхъ иконахъ, заплатить ему Георгію, только просимъ честности твоей да можешь...... были здѣланы добрымъ... ремествомъ и красотою ...... нашему и какъ мочно лучше быть, тако вельми просимъ, еще жъ и о тритцати шти черныхъ лисицахъ добрыхъ приказали есмы ему, Георгію, просимъ любви ради нашей да попечешися и о томъ, гдѣ бъ мочно найтить самыхъ добрыхъ, яко нужно мнѣ надобно, а о платежѣ тѣхъ лисицъ приказано ему жъ, Георгію. Еще любви нашей ради, и онъ, Георгій да будетъ подъ твоимъ призрѣніи и аще возможно есть, да не имѣетъ докуки и волокиты о товарехъ, понеже приказали есмы ему всякие мелкие вещи тамо про насъ покупать. А къ иному никому тамо знакомства не имѣемъ, сего ради надежно и дружелюбно тебѣ часто докучаемъ и надѣемся, да не отлучишся желанія нашего. По семъ здравствуй благополучно на многія лѣта. 1680 г. ѳевраля въ 29-й д.

Ио. Дука воевода.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Молдавскія дѣла 7187—7188 г. св. 6).

№ 10.

Переводъ съ письма отъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея къ переводчику Спаѳарію.

Досиѳей, Божіею милостію патріархъ святаго града Іерусалима и всеа Палестины.

Честнѣйшій и словеснѣйшій господине Николае, сыне во Господе любезный нашея мѣрности, честность твою благословляемъ и Бога молимъ о тебѣ и о всѣхъ твоихъ и молимся Господу Богу, чтобы сохранилъ васъ во здравіи и спасеніи и во всякомъ мирномъ состояніи на лѣта многа. Аминь.

Благодатію Божіею архимандритъ мой въ Волоскую землю пришелъ и прислалъ къ намъ все, что отъ васъ воспріялъ, тутъ же и граматы, а самъ не пріиде къ намъ. Нынѣ же не пишу ко другомъ нашимъ для того, что послѣ байрама нечестивыхъ, (сирѣчь послѣ пасхи ихъ), самъ азъ ту пришедъ и увидѣвся съ нимъ лицемъ къ лицу, совершу все, что надобно. А то нынѣ все подробну писать не нужно.

сольской приказъ, для того чтобъ не всякому было извѣстно. И тое письмо тамъ и осталось и донынѣ, о чемъ мы, яко вѣрніи рабы, по должности нашей объявляемъ. *(Подпись на армянскомъ языкѣ).*

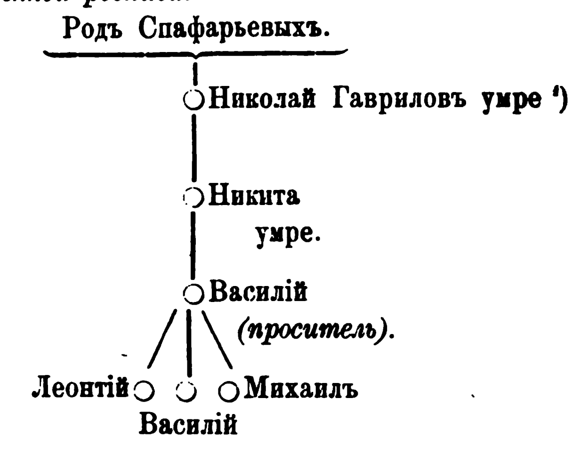
№ 13.

Выписка изъ дѣла временнаго присутствія Герольдіи о дворянствѣ рода Спафарьевыхъ.

28 февраля 1794 г. флота лейтенантъ Василій Никитичъ Спафарьевъ обратился Калужскаго намѣстничества въ Дворянское присутствіе, учрежденное для составленія дворянской родословной книги, съ прошеніемъ о внесеніи его въ эту книгу, при чемъ представилъ: 1) выданную ему изъ Вотчиннаго Департамента копію съ производившагося въономъ дѣла, объ «отказѣ» за дѣдомъ его, Государственнаго Посольскаго приказа переводчикомъ Николаемъ Спафарьевымъ жалованнаго ему по грамотѣ 7194 (1686) года царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича имѣнія и 20-ти дворовъ крестьянъ, состоящаго въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ: Алферьевской, Надѣиной и Комаровой; и 2) поколѣнную роспись.

Калужское Дворянское Собраніе, основываясь на этихъ доказательствахъ, по опредѣленію 5 іюня 1794 г., внесло просителя, Василія Никитича Спафарьева съ сыновьями его: Леонтіемъ, Васильемъ и Михаиломъ въ 6-ю часть дворянской родословной книги.

Копія съ поколѣнной росписи.



¹) Какъ видно изъ приложенія № 12, у Николая Спаѳарія былъ еще другой сынъ—*Максимъ*, служившій солдатомъ въ [illegible] Преображенскомъ полку и женатый; неизвѣстно, оставилъ ли [illegible]

[illegible] чаніе издателя.

случайнымъ дѣломъ, какъ былъ де король польской въ волоской землѣ, въ городѣ Ясехъ и изъ Ясъ пошелъ обозомъ, и они пріѣхали было къ королю въ обозъ съ своею братьею, волоскими бояры бить челомъ о обидахъ и разореніяхъ своихъ на польскихъ войсковыхъ людей, и на дорогѣ захватили де ихъ непріятельскія войска и даже до самыхъ краевъ польскихъ были они у короля въ обозѣ, а изъ Польши было имъ въ свою сторону возвратиться опасно, и помня они христіанскую вѣру, пріѣхали къ Москвѣ послужить великимъ государемъ на время, гдѣ служитъ и дядя ихъ, Николай Спаѳарій, и съ нимъ повидатся.

И великимъ государемъ, ц. и в. кн. Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и в. кн. Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі самодержцамъ бьютъ челомъ выѣзжіе волошане, Иванъ да Степанъ Спаѳаріи: выѣхали они изъ своего отечества, изъ волоской земли съ королевскимъ величествомъ польскимъ того для, что волоская де земля въ нынѣшнихъ временехъ до конца разорилась, и имѣніе ихъ и маетности тамо выпустошены и пограблены отъ поганыхъ. И королевское де величество польское обѣщалъ было ихъ въ своемъ королевствѣ всякими маетностьми пожаловать и всякое довольство имъ учинить, чтобъ они не напамятовали про отечество свое, однакожъ они, родясь во благочестивой вѣрѣ отъ предковъ своихъ и слыша, что подъ ихъ государскою высокодержавною рукою православная христіанская вѣра паче солнца сіяетъ, и та слава распространяется по всей вселеннѣй, и многіе ихъ братья, шляхта волошаня, выѣхавъ служили вѣрно предкомъ ихъ великихъ государей, блаженные памяти великимъ государемъ, того для и они дерзнули притещи къ ихъ государской пребогатой милости, на время послужити.

И чтобъ великіе государи пожаловали ихъ, изъ такіе дальніе и благочестивые страны притекшихъ и ищущихъ ихъ царской пребогатой милости, своимъ государскимъ превысокимъ жалованьемъ, какъ имъ, великимъ государемъ, объ нихъ Богъ извѣститъ, чѣмъ бы мочно имъ честно и нескудно жить и служить имъ, великимъ государемъ вѣрно.

(М. Гл. Арх. М. Ин. д. Дѣла о выѣздахъ, кн. 23. № 12. 7195—1686 г. ноября 22).

№ 12.

1718 года, июля въ 25-й день въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ Армянской Минасъ Вартапетъ секретарямъ Михаилу Шафирову, Михайлу Ларіонову доносилъ словесно:

Вчерашняго де числа, въ 3-мъ часу по полудни на Посолı дворъ, въ палату ево, въ которой онъ живетъ, пришли къ нему человѣка волоховъ, а какъ оныхъ зовутъ, не вѣдаетъ, которые жи: въ домѣ у волоскаго бывшаго господаря, свѣтлѣйшаго князя Ка міра. . и пришедъ, говорили ему, чтобъ онъ взялъ у нихъ письмо запечатанное, по армянски писанное, и прочелъ. А въ томъ де пи(написано и ево Вартапедово имя. И онъ де Вартапедъ то пись них, волоховъ принялъ и какъ сталъ честь, усмотрѣлъ онъ въ письмѣ, что писано оное изъ Персицкой земли, изъ монастыря, име маго Ганіасара, отъ нѣкоторыхъ армянъ къ умершему переводчику колаю Споѳарію, тому нынѣ лѣтъ съ пятнадцать, въ которомъ н: сано о дѣлехъ, принадлежащихъ къ коммиссіи ихъ, для которыхъ дворѣ его Царскаго величества Израиль Орій жилъ, такожъ и нынѣ живетъ, которое дѣло надлежитъ имѣть въ самомъ секретѣ нынѣ знати тѣмъ письмомъ чрезъ тѣхъ волоховъ многимъ дано а| номъ о содержаніи того дѣла. И для того спрашивалъ онъ у тѣхъ лоховъ, что то письмо кому другимъ армяномъ они казали ль, и кт письмо изъ тѣхъ армянъ чли ль. И они ему сказали, что то письмо волохи многимъ армяномъ казали, и они то письмо чли, а кто име изъ армянъ то письмо чли, про то именно не сказали. И онъ, Вартаı то письмо, понеже оное касается къ ихъ дѣлу и опасаясь впредь того его Царскаго величества дѣламъ и себѣ поврежденія, у удержалъ, что они, волохи видя, просили у него паки того пис себѣ назадъ и притомъ говорили, что ежели онъ имъ того письма отдастъ, то они ево убьютъ до смерти. И онъ де, услышавъ отъ н тѣ слова, призвалъ къ себѣ солдатъ, которые стоятъ на Посольск дворѣ на караулѣ, и говорилъ имъ, чтобъ они тѣхъ волоховъ вы(отъ него изъ палаты вонъ. И тѣ солдаты тѣхъ волоховъ изъ пал ево выслали. И при высылкѣ тѣхъ волоховъ оное письмо солдаты дали ему, Вартапеду, которое онъ объявляетъ въ Посольскомъ при: имъ секретарямъ, и у сего доношенія билъ челомъ великому госуд: чтобъ то письмо у него принять въ Посольской приказъ и перев и вышепомянутыхъ волоховъ допросить, гдѣ они то письмо взял для какихъ причинъ или умыслу другимъ армяномъ казали и у онаго такъ усильно назадъ съ угроженіемъ смертнымъ просили тѣхъ де волоховъ знаетъ армянинъ Аветъ Савельевъ, который, ч: онъ, можетъ ихъ сыскать, для того что, какъ тѣ волохи у него б: и въ то время и онъ, Аветъ притомъ у него, Вартапеда, былъ

(Подпись армянская).

1718 года іюня въ 28-й противъ вышеписаннаго доношенія, волоховъ сыскавъ допросить, а письмо перевести Льву Петрову. *(Помѣта секретаря Михаила Шафирова).*

А по переводу Посольскаго приказу дворянина Льва Залѣева въ армянскомъ письмѣ написано:

Мы, армянскіе надзиратели объявляемъ господину Николаю Споѳарію, служителю его Царскаго величества вѣрному и переводчику: друзья наши, Минасъ Вартопедъ и господинъ Израиль Орій писали къ намъ о тебѣ, что ты въ нашихъ дѣлахъ трудишься и намъ въ томъ вспомогаешь, и нынѣ за оное вамъ заплатить не можемъ, для того чтобъ не пронеслось нашимъ непріятелемъ, понеже мы со всеусердіемъ желаемъ за твои труды подарить 4000 золотыхъ червонныхъ, которыхъ на нашъ счетъ будетъ 440 тумановъ, и когда оное наше дѣло сдѣлается, тогда въ то время оное число и дадимъ, и по тебѣ оставшимся наслѣдникомъ обязуемся мы быть пріятелями. И по сему нашему письму и печатемъ нашимъ Минасу Вартопеду и г. Израилю Орію, обоимъ имъ въ нашемъ дѣлѣ по ихъ письмамъ и печатемъ мы вѣримъ. 1152-го году мая 27-го числа, изъ Гангазару Авганъ.

Внизу у подлиннаго письма подписались руками:

Я, Гекази сынъ Ѳилиповъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Нарынъ Бѣкъ сынъ Шахназаровъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Мартыносъ сынъ Амирбѣковъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Бандазаръ сынъ Татеусовъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Бандазаровъ сынъ Менко моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Я, Аветъ Исысы Асаджанъ моею рукою подписую и печатью утверждаю.

Къ тому переводу дворянинъ Левъ Залѣевъ руку приложилъ.

А того же 28-го числа сего іюля Государственнаго Посольскаго приказу бывшаго переводчика Николая Споѳарія невѣска, Наталья Еѳимова дочь подала въ Посольской приказъ доношеніе, а въ немъ пишетъ:

Доношеніе въ Государственную Посольскую канцелярію господамъ секретарямъ.

По его великого Государя указу мужъ мой, нижепоименованной

II.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

ПИСЬМО САРДИНСКАГО ПОСЛА
АРОНА ДЕ-ЛА-ТУРБІА
о
РОССІИ.

1796 г.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

М. Поліевктова.

Максимъ Николаевъ сынъ Спаѳариевъ служитъ ему, Царскому величеству отъ лейбгвардіи въ Преображенскомъ полку въ салдатехъ, а въ прошломъ 708-мъ году отца ево, а моего свекра, Государственного жъ Посольского приказу переводчика Николая Гавриловича не стало, а послѣ смерти его остались многіе чужестранныхъ языковъ долговые крѣпости, по которымъ крѣпостямъ ему, свекру моему многіе иноземцы были должны. И въ нынѣшнемъ 718-мъ году я нижепоименованная, не зная тѣхъ крѣпостей перевесть на русское письмо, призвала къ себѣ въ домъ княжей свѣтлости господаря Волоскаго служителей Ивана Граждавича, Еѳима Степанова, при которыхъ былъ волошенинъ же, племянникъ мужа моего Самуилъ Стеѳановъ сынъ Милескулъ. И по разобраніи тѣхъ должныхъ крѣпостей, не зная я и они, отдала одно письмо онымъ волошенямъ для переводу въ домъ къ нимъ и къ тому письму они вышеписанные волошеня призвали къ себѣ въ домъ нѣкотораго армянина, дабы онъ имъ то мое письмо прочелъ, понеже оное явилось армянскимъ письмомъ писано. И оной де армянинъ то мое письмо прочелъ и объявилъ имъ волошенямъ, что въ томъ письмѣ написаны деньги, а какія, о томъ не свѣдома. А знатно, что долговые, а сколько денегъ, о томъ они волошеня отъ него армянина сами свѣдомы, при которомъ письмѣ упоминается имя и армянскаго Минаса Вартопета, и исъ тѣхъ волошенъ по прочтеніи того письма, а именно Еѳимъ Степановъ, взявъ съ собою то письмо, принесъ для показанія оному Вартапету и оной Вартапетъ, посмотря того письма, отнялъ насильствомъ, не знаемо для какой причины. А нынѣ слышу, что то мое письмо является въ Посольской канцеляріи. На что нынѣ вашего благородія прошу, дабы сіе мое доношеніе въ Посольской канцеляріи записать въ книгу, а то явленное письмо переведя по-русски, освидѣтельствовать ими волошенями и записать, дабы оное какими мѣрами не утратилось, чего ради можетъ быть, что то мое письмо и долговое, а по свидѣтельству отдать мнѣ или зятю нашему, маѳору Михайлу Миронову сыну Яковлеву, по которому письму будетъ мужъ мой или я ему Царскому величеству бить челомъ впредь. О семъ доноситъ вашему благородію лейбгвардіи Преображенскаго полку солдата Максима Николаева сына Спoѳаріева жена ево, Наталья Ефимова дочь. Іюля въ 28-й день 1718 году. Къ сему доношенію маѳоръ Михайло Яковлевъ, вмѣсто невѣстки своей Натальи Еѳимовой дочери, по ея веленью руку приложилъ.

Резолюція: Взять къ доношенію.

Лѣта 1718 сентября въ 3-й день по указу вел. государя, царя и вел. князя Петра Алексѣевича всеа в. и м. и б. Росіи самодержца

государственному т. с. канцлеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину да государственному подканцлеру барону Петру Павловичу Шафирову съ товарищи: по его вел. государя именному указу лейбъ гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ штабъ и оберъ и ундеръ-офицеры и солдаты и люди ихъ и крестьяне всякимъ правомъ вѣдомы въ Преображенскомъ приказѣ. А августа въ 25-й день сего жъ 718 году била челомъ вел. государю лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдатка Максимова жена Споѳаріева, Наталья Ефимова дочь *(слѣдуетъ содержаніе ея челобитной)*. И великій государь (т.) (п.) указалъ вышеписанное армянское письмо и переводъ и солдатское доношеніе и все подлинное дѣло изъ Посольской канцеляріи прислать въ Преображенскій приказъ къ ближнему стольнику, ко князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому съ товарищи, для того имяннымъ его Царскаго величества указомъ та солдатка вѣдома въ Преображенскомъ приказѣ, и о присылкѣ того дѣла указъ учинить тебѣ государственному т. с. канцлеру графу Гаврилу Ивановичу да государственному подканцлеру барону Петру Павловичу Шафирову съ товарищи. У сего указу вел. государя печать.

Доношеніе.

Въ бытность Ѳедора Алексѣевича Головина по указу былъ посыланъ одинъ толмачъ въ Персію того ради, что Исраиль Орій писалъ туды къ своимъ пріятелемъ, такъ-что при дворѣ Царскаго величества обрѣтаются благодѣтели, которые оное секретное дѣло желаютъ въ дѣйство производить, въ чемъ толмачъ чрезъ письма ихъ обнадежилъ и съ извѣстіемъ паки возвратился. По оному толмачѣ присланъ былъ чрезъ пріятелей къ Ѳеодору Алексѣевичу одинъ пакетъ запечатанной, которой чрезъ Николая Спаѳарія и принятъ былъ, а въ ономъ пакетѣ были многіе письма, во первыхъ къ его Царскому величеству, потомъ къ господамъ министрамъ и прочимъ благодѣтелямъ. Еще тутъ же былъ одинъ пакетъ запечатанъ и подписанъ на имя Исраиля Орія, и какъ оный Исраиль изъ Европы во вторые къ Москвѣ прибылъ, то и пакетъ взявъ, самъ распечаталъ. И въ томъ еще 4 письма были къ вѣрнымъ Царскаго величества слугамъ. И въ оныхъ письмахъ было написано къ тѣмъ благодѣтелямъ, которые объ ономъ дѣлѣ секретномъ стараются, тако, что ежели Божіею помощью всероссійской Императоръ покоритъ оные страны подъ свою высокую державу и будутъ подданные крѣпко и вѣчно, то обѣщаютъ тѣмъ благотворцемъ въ даръ нѣсколько тысячъ червонныхъ, и тѣ письма были въ прикрытіи до 1713 года, а въ прошломъ году изъ оныхъ едино объявилось у одного волошенина въ Москвѣ, котораго мы съ тѣмъ письмомъ отвели въ По-

бурга и даже о Бѣлоруссіи и Малороссіи онъ говоритъ довольно кратко и въ общихъ чертахъ. Главное свое вниманіе онъ сосредоточиваетъ на описаніи Новороссійскаго края.

Время его путешествія—довольно любопытная, но мало еще разработанная эпоха въ Русской исторіи. Это время, когда результаты завоевательной политики Екатерины II — раздѣлы Польши и пріобрѣтеніе Крыма — должны были поселить у западно-европейскихъ государствъ вполнѣ естественныя опасенія и заставляли ихъ съ подозрѣніемъ смотрѣть на Сѣверъ. Въ то же время изъ нѣдръ ихъ самихъ на нихъ надвигалась другая гроза: во Франціи разразилась революція, помощь для борьбы съ которой они разсчитывали найти у той же Россіи. Не помѣшаютъ ли ей, однако, въ этомъ ея ближайшіе сосѣди Турція и разчлененная Польша, и не отвлечется ли она сама отъ Запада для борьбы съ Востокомъ? Все это было жгучимъ современнымъ вопросомъ въ 1796 г. и отвѣтъ на него и пытается дать въ своемъ письмѣ бар. де-ла-Турбіа. На Новороссію, какъ на такой край, которому, быть можетъ, суждено играть видную роль въ ближайшемъ будущемъ, онъ и обращаетъ свое главное вниманіе. Его описаніе, конечно, не лишено односторонностей, неизбѣжныхъ въ описаніи всякаго иностранца. Эти односторонности столь очевидны, что на нихъ нечего останавливаться. За вычетомъ ихъ, однако, остается значительное зерно истины, позволяющее нарисовать довольно полную картину. Бар. де-ла-Турбіа внимательный наблюдатель; онъ рѣдко ограничивается общими замѣчаніями и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ почти всегда умѣетъ подмѣтить характерныя особенности. Въ результатѣ получается очень живое представленіе о краѣ, гдѣ, очевидно, все — въ періодѣ образованія, гдѣ начинается новая жизнь, гдѣ она можетъ дать богатый разцвѣтъ, но гдѣ, быть можетъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, она направляется нѣсколько односторонне. Выводы бар. де-ла-Турбіа изъ его наблюденій не принадлежатъ къ числу утѣшительныхъ; по отношенію ко всей жизни края они могутъ быть формулированы его же словами, которыя онъ говоритъ относительно черноморской торговли: «tant que le regime entièrement militaire continuera dans cette partie de l'Empire, le commerce de la Russie sur la Mer Noir ne fera jamais des progrés consi derables». Тяжелыя послѣдствія завоевательной политики отзывались на населеніи и мѣшали развитію промышленности, которой эта самая завоевательная политика открывала, казалось, новыя области. Выводы бар. де-ла-Турбіа, которыя онъ старается подтвердить фактическими данными, могутъ быть опровергнуты только послѣ провѣрки этихъ послѣднихъ; его описаніе Новороссійскаго края

по своей обстоятельности вполнѣ заслуживало бы подобной критической оцѣнки.

Съ другой стороны, описаніе это отличается большою живостью и большимъ разнообразіемъ. Несмотря на то, что это лишь экстрактъ изъ написаннаго раньше, авторъ сумѣлъ, на нашъ взглядъ, сохранить въ немъ свѣжесть первыхъ путевыхъ впечатлѣній. Онъ подмѣчаетъ характерныя особенности быта Бѣлоруссіи, даетъ краткое, но живое описаніе казачьего населенія; отъ него не ускользнули красоты крымскаго пейзажа. Онъ много говоритъ о Суворовѣ, которому суждено было въ недалекомъ будущемъ быть защитникомъ родины бар. де-ла-Турбіа отъ французовъ. Письмо бар. де-ла-Турбіа должно было съ интересомъ читаться тѣми, кому оно было предназначено. Можно думать, что съ подлинникомъ его дневника удалось познакомиться нѣкоторому числу его современниковъ; въ такомъ случаѣ это письмо можетъ служить лишнимъ указаніемъ на то, какія свѣдѣнія о Россіи и въ какой степени обстоятельныя доходили до ея западныхъ сосѣдей въ XVIII вѣкѣ.

На это письмо мы наткнулись случайно, занимаясь совершенно инымъ вопросомъ, а потому и не могли остановиться на розыскахъ дневника, послужившаго ему оригиналомъ, розыскахъ, которыхъ онъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ.

Во французскомъ текстѣ мы не придерживались правописанія подлинника, исключая собственныхъ именъ, начертаніе которыхъ сохранено. Въ русскомъ переводѣ ломанными скобками [ ] передаемъ скобки подлинника, простыми ( ) — свои собственныя.

М. Поліевктовъ.

Наталія — дѣвицы. Свѣдѣнія о Леонтіѣ Васильевичѣ Спафарьевѣ содержатся въ запискахъ А. П. Бутенева, изданныхъ его сыномъ въ Русскомъ Архивѣ 1881 г., а также въ сочиненіи Булгарина: «Лѣтняя прогулка въ 1833 г.», гдѣ говорится о его хлѣбосольствѣ въ Ревелѣ.

2. Второй сынъ Василія Никитича Спафарьева — *Михаилъ Васильевичъ* не былъ женатъ и владѣлъ до своей смерти (въ 70-хъ годахъ) родовымъ помѣстьемъ, Михайловское: Медынскаго уѣзда (перешло къ г. Спафарьевскому).

3. Третій сынъ Василія Никитича Спафарьева—*Василій Васильевичъ* уже давно скончался, не оставивъ мужскаго потомства. Вдова его—Марѳа Ивановна, рожденная Щербачева, скончалась въ Москвѣ въ очень преклонномъ возрастѣ, въ 80-хъ годахъ. Дочь ихъ въ замужествѣ за г. Картамышевымъ. В. В. владѣлъ родовымъ имѣніемъ въ Калужской губерніи.

4. Четвертый сынъ Василія Никитича—*Михаилъ 2-й Васильевичъ* женатъ была на Дарьѣ Антоновнѣ Платенъ.

5. Наконецъ, дочь Василія Никитича *Александра Васильевна*, по всей вѣроятности старше братьевъ, была въ замужествѣ за Калужскимъ помѣщикомъ Петромъ Семеновичемъ Бутеневымъ и была матерью Аполлинарія Петровича Бутенева, извѣстнаго дипломата и Россійскаго посла въ Константинополѣ, родившагося въ 1787 году. Скончалась она въ 1805 году. Другой сынъ Александры Васильевны, Леонтій Петровичъ Бутеневъ долго служилъ въ деп-тѣ Герольдіи.

Можно полагать, что Василій Никитичъ Спафарьевъ, внукъ извѣстнаго посланника въ Китай Николая Спаѳарія, умеръ не позднѣе 1790 года.

№ 14.

Изъ отрывка тяжебнаго дѣла Московскаго Суднаго приказа объ имѣніи Алимпія Срезнева съ Самсономъ Звягинымъ.

... Въ памяти съ Помѣсного приказу написано:

Въ прошломъ 702-мъ году марта въ 23-й Алимпій Марковъ сынъ Срезневъ *переводчику Николаю Спафарію*, въ Каширскомъ уѣздѣ, в Раставскомъ стану деревню Захарьину, сто четі и дворами и крестьяны съ женами и съ дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы за 700 руб. впредь до сроку 203 году, марта до 1-го числа заложа, просрочилъ.

И въ нынешнемъ 1704-мъ году, ѳевраля въ 22-й онъ, Алимпій Срезневъ сысканъ былъ и допрашиванъ, а въ допросе сказалъ, что у переводчика Николая Спаѳарія деньги 700 руб. занялъ и въ тѣхъ деньгахъ вотчину свою въ Каширскомъ уѣзде, въ Раставскомъ стану деревню Захарьино и со крестьяны заложилъ, а крепка де ему та вотчина Алимпію по купчимъ Ивана Ионина сына Левонтьева, а какъ де онъ тое вотчину купилъ, тому нынѣ шестой годъ...

(Изъ рукоп. Бѣляева въ Рум. музеѣ, опис. Викторовымъ).

II.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

sons à Ovidiopol; on y a bâti un retranchement sur l'élévation pour mettre en sûreté des magazins à blé, et il y a trois batteries en étage jusqu'au niveau de la mer. Tout cela est appelé forteresse, mais ce n'est rien.

Terraspol est sur le Niester à 100 verstes d'Ovidiopol et à 4 verstes de Bender. La situation est mauvaise, mais la forteresse est assez bonne; ella a six bastions, il y a des magazins à blé et des casernes pour quatre à cinq milles hommes. J'ai été à Bender en ayant la permission du général en chef prince Volkonski. J'y ai vu le pacha, qui m'a permis de visiter la forteresse. Monsieur Kaufer, ingénieur français, qui l'a bâtie, a été gêné par les Turcs. qui ont voulu, qu'elle fût sur les mêmes fondements, que l'ancienne forteresse; cependant il a fait tout ce qu'il était possible de faire d'après cet ordre, et l'a rendu plus tenable en la serrant davantage, car elle s'étendait trop du côté de la rivière. La partie septentrionale est mouillée par les eaux de Niester. Tout est en pierre, il y a même déjà une triple palissade. Les canons n'y sont pas encore et il n'y a pas plus de 130 hommes de garnison.

Akerman sur le Niester, vis à vis d'Ovidiopol, a une forteresse également batie par l'ingénieur français Kaufer. Elle est beaucoup plus forte que Bender; étant plus éloignée du théatre de la guerre, je sais, que les Russes se proposent de la laisser en arrière en cas de rupture et qu'aussitôt pris Bender ils veulent se porter en droiture à Izmail sur le Danube.

La *Crimée*, presque dépeuplée à mon premier vogage, n'a que détérioré. Plusieurs des personnes, que la Russie y avait attirées pour y faire des établissements, s'en sont déjà éloignées. Il y a aujourd'hui le fameux naturaliste monsieur Pallas, mais six mois de séjour l'ont déjà dégouté de la Crimée, et elle est actuellement dans un état de dépopulation inconcevable, toute la partie montagneuse étant d'un aspect riant et d'une fertilité égale aux plus belles contrées de l'Italie.

Le commerce de la Mer Noire n'a fait que languir depuis la dernière guerre. La paix n'a point ramené ni attiré les négociants, que les grandes promesses du gouvernement Russe y appelaient, et si l'on doit juger de l'avenir par le présent, tant que le régime entièrement militaire continuera dans cette partie de l'empire, le commerce de la Russie dans la Mer Noire ne fera jamais des progrès considérables.

того, характеръ религіи, жажда наживы и то, какъ бы врожденное человѣку, а Русскому въ особенности, желаніе причинять безнаказанно зло, влечетъ ихъ на врага и на приступъ съ такою смѣлостью и, можно сказать, необузданною яростью, что заставляетъ въ продолженіе трехъ дней послѣ сраженія убивать женщинъ и дѣтей, какъ тому бывали примѣры.

Земледѣліе въ *Бѣлоруссіи* въ плохомъ состояніи. Крестьянинъ лѣнивъ и не занимается никакими ремеслами. Богатые собственники живутъ въ столицѣ или въ большихъ городахъ; они покидаютъ свои земли на произволъ арендаторовъ-евреевъ, которые ихъ обманываютъ, отнимаютъ у нихъ двѣ трети дохода съ земель и кромѣ того еще умудряются высосать изъ нихъ и остальной доходъ продажею водки, которую собственники покупаютъ всегда у себя въ имѣніи.

Нигдѣ за предѣлами Россіи не повѣрятъ, какое безконечное зло наноситъ земледѣлію, а вслѣдствіе этого и торговлѣ, этотъ богатый источникъ русскихъ финансовъ. Холодный климатъ заставляетъ крестьянина пить согрѣвающій его крѣпкій напитокъ, а вслѣдствіе того приниженнаго состоянія, въ которомъ его держитъ вполнѣ военный режимъ, онъ находитъ, быть можетъ, даже удовольствіе въ одурманивающемъ его питьѣ. А таково именно дѣйствіе русской водки, которая приготовляется изъ хлѣба, дѣйствіе совершенно отличное отъ дѣйствія вина, приводящаго въ ярость.

Малороссія совершенно лишена лѣса; всѣ дома—изъ дерна; даже крыши изъ дерна. Значительное пространство страны покрыто болотами; въ этихъ мѣстахъ ощущается недостатокъ хорошей воды: та, которую пьютъ, вредна для здоровья, какъ это свидѣтельствуетъ внѣшній видъ жителей. Казаки не любятъ заниматься земледѣліемъ. Они ходятъ, гордо поднявъ голову и всѣ вооруженные постоянно саблею хорошо владѣютъ ею, какъ убѣдилось въ этомъ русское правительство два года тому назадъ, когда или изъ за каприза, или по видамъ настолько же неполитичнымъ, насколько и безполезнымъ, оно хотѣло выселить колоніи этихъ казаковъ, чтобы заселить островъ Тамань. Округа (cantons), которые были къ этому предназначены, возмутились [какъ я имѣлъ честь доносить объ этомъ Королю]; понадобилось послать нѣсколько полковъ пѣхоты, и только генералу Платову, который самъ казакъ, удалось наконецъ склонить ихъ угрозою наказанія, обѣщаніями и убѣжденіемъ къ переселенію, отъ чего Россія въ концѣ концовъ ничего не получила, кромѣ моровой язвы, которая изъ Анапы перешла въ Тамань. Отсюда вполнѣ справедливыя опасенія за сосѣднія области. Колонія погибла, и всѣ издержки истрачены даромъ.

les nations indifféremment, qui veulent passer de Constantinopol dans la Mer Noire.

L'armée du comte Souvoroff, qui couvre toute la frontière depuis des lignes de Mosdoc jusqu'à Kaminiek, est de quatre vingt milles hommes. Ce maréchal d'un caractère personnel le plus extraordinaire a envoyé une instruction circulaire à tous les corps d'armée qu'il commande; et cette instruction, dont je me suis procuré une traduction littérale, est la chose du monde la plus plaisante et ne serait pas croyable, si je ne l'avait pas verifiée moi-même, si je n'avais pas vu exercer les troupes sur les mêmes principes, et si je n'en avait pas entendu la lecture uniforme aux différents corps, auxquels elle a été envoyée. Comme j'aurais l'honneur de vous l'apporter, je me bornerai à vous dire, que toute cette armée n'a plus que deux manières de marcher, savoir à un grand pas, qui doit contenir l'espace d'une archine (c'est à dire d'un raso de piémont) entre le talon et l'extrémité du pied, et le pas de vitesse, qui est d'aller au galop, les rangs ouverts et va plus vite qui peut; c'est ainsi qu'il fait aller à l'attaque de l'infantérie et la cavalerie, sans avoir les rangs serrés et sans que le fusil soit appuyé sur le flanc droit, ce qui selon tous les principes de la tactique doit faire la force de l'infanterie pour soutenir le choc de la cavalerie ou pour enfoncer l'infanterie ennemie, profitant surtout du désordre, qui se met dans une armée dont les rangs et les fils viennent à s'ouvrir. Les principales manoeuvres sont donc de faire courir ainsi les battaillons carrés ou les colonnes contre l'infanterie ou la cavalerie, la bayonnette au bout du fusil, se dépassant et faisant semblant de donner des coups de bayonnettes dont il résulte toujours des accidents, plusieurs étant blessés à chaque exercice et quelques fois tués.

Actuellement le maréchal Souvorof va visiter toutes les nouvelles forteresses, il les fait attaquer et leur fait donner l'assaut.

Le maréchal Souvorof et le prince Zoubof sont fort mal ensemble dans ce moment-ci, parceque le maréchal voulait avoir toute l'étendue de pouvoir que le prince Potemkine avait sur cette frontière et que le prince Zoubof en a été investi de la plus grande partie et surtout de la direction de tous les nouveaux établissements. Le maréchal cherche ouvertement à le coutrarier, et de là des bons mots, des haines, des luttes de partie, qui nuisent au service de l'Impératrice.

Des vues de la Russie sur l'empire d'Orient. Il n'y a point de doute que l'Impératrice n'a point encore abandonné ce système orien-

tal, qui lui tient à coeur depuis si longtemps. Mais si des obstacles insurmontables l'empèchent de chasser les Turcs de l'Europe, elle voudrait au moins porter ses frontières jusqu'au Danube pour faire ensuite un établissement au Grand Duc Constantin en Moldavie, ce qui ferait époque dans son histoire et dans celle de la Russie, et où l'on ferait un butin immense. Mais les finances sont toujours dérangées, malgré les augmentations énormes qu'elle y a fait à cause de la dernière guerre de Pologne, à cause de l'augmentation de l'armée et à cause des dépenses infinies, qui sont nécessaires pour les nouveaux établissements, les nouvelles forteresses, les nouvelles villes, ports, magazins, casernes etc.

En outre (aux militaires près) tous ses sujets de toutes les classes sont fatigués de la guerre à cause de la récrutation annuelle, qui est si accablante pour le paysan dans un état, où le soldat est si peu menagé, et qui devient l'impôt le plus ruinant pour les propriètaires dans un pays, où toute la richesse consiste dans le nombre des paysans que l'on possède. Or donc malgré le pouvoir illimité dont l'Impèratrice est revêtue, par l'embarras des finances elle a toujours cru devoir menager sa nation au point d'avoir toujours l'air de ne prendre les armes que pour se défendre. Ce n'est donc qu'en attendant les circonstances que la guerre de la Russie contre la Porte est suspendue. Elle n'aura pas lieu cette année-ci, mais il est difficile, qu'elle tarde longtemps à éclater.

C'est là, Monsieur, ce que j'ai cru plus pressant de Vous mander sur la Russie.

Les notions, que je tâcherai de me procurer pendant mon séjour à Constantinopole, me mettront à même d'avoir l'honneur de Vous faire un rapport sur les finances de la Porte, sur les progrès de son militaire, de son artillerie, et enfin sur ses liaisons politiques et ses vues.

J'ai l'honneur d'être avec les sentiments les plus respectueux

Monsieur

Votre très humble et très obéissant serviteur.

de-la-Turbie.

Constantinopole
ce 28 Juillet 1796.

Губернія *Екатеринославская* [la gloire de Caterine]—въ такомъ же совершенно положеніи, какъ и Малороссія.

Губернія *Вознесенская* [l'Ascension] — смыслъ этого мистическаго названія понятенъ—занимаетъ все пространство отъ Перекопа, находящагося на Крымскомъ перешейкѣ до Каменца (Kamienek), охватывая все послѣднее завоеваніе между Бугомъ (Bog) и Днѣстромъ. Императрица, которая постоянно строитъ города, не заботясь о томъ, какъ ихъ населить, строитъ въ настоящее время и главный городъ этой губерніи, на Бугѣ, въ 90 верстахъ отъ Николаева, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше было мѣстечко Сокали. Городъ этотъ также будетъ называться Вознесенскомъ.

Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Овидіополь, Терасполь (Teraspol) и Вознесенскъ — главные города, которые Императрица построила въ Вознесенской губерніи.

Въ *Херсонѣ* — земляная крѣпость, которую, правда, увеличили послѣ моего перваго путешествія, но которую все же можно причислить только къ числу окоповъ. Дурной воздухъ, трудность доставленія грузовъ, что заставляетъ купцовъ держать магазины въ Глубокѣ (Gloubok), и новые города, которые были построены позднѣе, низводятъ число жителей Херсона до 6,000. Императрица только что подписала указъ о производствѣ работъ на порогахъ Борисѳена; будутъ устроены шлюзы и другія сооруженія, что можетъ облегчить плаваніе по низовьямъ этой рѣки и быть можетъ привлечетъ сюда торговлю изъ другихъ мѣстностей. Но чтобы судить объ этомъ, надо ждать, пока работы будутъ окончены.

Въ Херсонѣ постоянная верфь, гдѣ строятъ линейные корабли, которые затѣмъ идутъ въ Севастополь; до Лимана ихъ тащутъ съ помощью верблюдовъ.

Николаевъ, построенный княземъ Потемкинымъ въ память взятія Очакова (Oksakoff), расположенъ при впаденіи Ингула въ Бугъ, въ 67 верстахъ отъ Очакова. Городъ — восхитительный, прекрасно построенъ, весь изъ камня. Онъ заселенъ жителями изъ Херсона, какъ Херсонъ былъ заселенъ жителями изъ Елизаветграда (Elisabeth) и Нѣжина (Nijen).

Здѣсь находится адмиралтейство Чернаго моря и живетъ начальникъ этого адмиралтейства адмиралъ Мордвиновъ. Здѣсь также строятъ линейныя корабли и другія суда. Населеніе Николаева уже уменьшилось до трехъ или четырехъ тысячъ: оно переселяется въ Одессу. Здѣсь хорошій климатъ; вода въ Ингулѣ годна для питья, воды Буга на этомъ разстояніи отъ Лимана еще солоны.

Очаковъ—теперь ничтожное мѣстечко, гдѣ всего нѣсколько сотенъ жителей. Всѣ корабли, идущіе въ Херсонъ, выдерживаютъ тутъ карантинъ; здѣсь только складочное мѣсто для греческихъ и турецкихъ каиковъ, которые привозятъ сюда апельсины. Крѣпость совершенно срыта, и матерьялъ ея послужилъ для увеличенія крѣпости въ Кимбурнѣ.

Кимбурнъ—единственная крѣпость въ европейскомъ смыслѣ этого слова, которою Русскіе владѣютъ на Черномъ морѣ. Она вся изъ камня. Здѣсь есть казематы, крытые проходы, словомъ, примѣнено къ дѣлу все, что только можетъ придумать фортификаціонное искусство. Хотя она уже закончена, однако на выступѣ полуострова воздвигаютъ еще значительныя батареи, которыя давая перекрестный огонь съ батареями Гассана-паши — ихъ въ настоящее время также поправляютъ, — сдѣлаютъ входъ въ Лиманъ крайне затруднительнымъ.

Одесса [городъ Улисса] въ 70 верстахъ отъ Очакова, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Аджибей. Здѣсь рейдъ верстъ въ пять; на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ образуетъ какъ бы отдѣльный бассейнъ, съ помощью двухъ *моловъ* устроенъ портъ. Первый молъ (меньшій) оконченъ; однако прошлую зиму, когда ураганъ надѣлалъ много бѣдъ въ этомъ возникающемъ портѣ, онъ могъ укрыть лишь очень незначительное количество кораблей. Въ настоящее время начали второй молъ; онъ будетъ очень великъ и обѣщаетъ на будущія времена полную безопасность отъ вѣтра. Замѣчено, однако, что воды Буга и Днѣпра (Nieper) наносятъ песокъ, который покрываетъ весь берегъ; по осадку, который образовался около перваго мола за годъ, почти что вычислено точно, что въ теченіе 50 лѣтъ большой портъ долженъ быть весь занесенъ пескомъ.

На возвышеніи, господствующемъ надъ городомъ и портомъ, возведена одесская крѣпость. Она земляная; четыре батареи ярусами спускаются до уровня моря. Въ крѣпости одни хлѣбные магазины, и все это очень посредственно. Въ городѣ, въ которомъ годъ тому назадъ не было ничего, насчитывается уже до тысячи каменныхъ домовъ. Устроены казармы на десять тысячъ человѣкъ (также каменныя), военный госпиталь и карантинъ. Построены также магазины для адмиралтейства; на воду спущена уже тартана, которая при случаѣ можетъ замѣнить легкой флотъ.

Построены и магазины для соли, и здѣсь будетъ устроенъ складъ для всей крымской соли, которою должны снабжаться двѣ губерніи: Вознесенская и Екатеринославская. Этотъ городъ черезчуръ открытъ и доступенъ вѣтру со всѣхъ сторонъ, но воздухъ здѣсь здоровый; много источниковъ на незначительномъ разстояніи одинъ отъ другого;

воду находятъ всюду, гдѣ ни начинаютъ рыть колодезь. Лѣсу вовсе нѣтъ, какъ и по всей Екатеринославской губерніи; чтобы топить печи, жгутъ даже сѣно.

Овидіополь (городъ Овидія) при устьѣ Днѣстра, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Аджидеръ (Agider) въ 40 верстахъ отъ Одессы, противъ Аккермана, который принадлежитъ туркамъ. Въ Овидіополѣ не болѣе двухъ сотъ домовъ; на возвышеніи устроены окопы для защиты хлѣбныхъ магазиновъ; три батареи ярусами спускаются къ уровню моря. Все это зовется крѣпостью, но въ сущности это—ничто.

Тирасполь на Днѣстрѣ въ 100 верстахъ отъ Овидіополя и въ четырехъ отъ Бендеръ. Мѣстоположеніе плохо, но крѣпость довольно хороша; въ ней шесть бастіоновъ, хлѣбные магазины и казармы на четыре-пять тысячъ человѣкъ. Я былъ въ *Бендерахъ*, получивъ позволеніе отъ главнокомандующаго князя Волконскаго. Тамъ я видѣлъ пашу, который разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть крѣпость. Ея строитель, французскій инженеръ Кауферъ, былъ очень стѣсненъ турками, которые хотѣли, чтобы новая крѣпость была возведена на томъ же самомъ основаніи, что и старая. Онъ достигъ, однако, всего, что было возможно при подобныхъ условіяхъ, и сдѣлалъ ее болѣе способной къ защитѣ, болѣе сжавъ ее, такъ какъ она была слишкомъ раскинута вдоль рѣки. Сѣверную часть ея омываютъ воды Днѣстра. Она вся изъ камня и даже защищена тройнымъ палиссадомъ. Пушки еще не установлены на мѣстахъ; гарнизону всего 130 человѣкъ.

Аккерманъ на Днѣстрѣ, противъ Овидіополя, крѣпость, точно также построенная французскимъ инженеромъ Кауферомъ. Она гораздо сильнѣе Бендеръ. Въ виду того, что она болѣе удалена отъ театра войны, Русскіе, какъ мнѣ это извѣстно, въ случаѣ вторженія имѣютъ въ виду оставить ее у себя въ тылу и взявъ Бендеры хотятъ итти прямо на Измаилъ.

Крымъ, совершенно обезлюдѣвшій еще во время моего перваго путешествія, еще болѣе пришелъ въ упадокъ. Многія изъ тѣхъ лицъ, которыхъ Россія привлекла сюда, чтобы положить начало заселенію, уже удалились. Здѣсь находится въ настоящее время знаменитый натуралистъ Палласъ, но послѣ шести мѣсяцевъ пребыванія Крымъ ему опротивѣлъ. Крымъ въ настоящее время пустѣетъ, что непонятно: видъ его горной части ласкаетъ взглядъ, а по плодородію онъ можетъ сравняться съ лучшими частями Италіи.

Торговля на Черномъ морѣ со времени послѣдней войны находится въ застоѣ. Заключеніе мира не вернуло сюда старыя силы, и не привлекло новыхъ, несмотря на большія обѣщанія русскаго правитель-

ства; русская торговля на Черномъ морѣ, если о будущемъ надо судить на основаніи настоящаго, никогда не сдѣлаетъ значительныхъ успѣховъ, пока въ этой части имперіи будетъ продолжать господствовать совершенно военный режимъ.

Флотъ на Черномъ морѣ долженъ состоять изъ 13 линейныхъ кораблей; но только два изъ нихъ въ исправности. Остальные чинятъ по мѣрѣ того, какъ ихъ строятъ; хотя нѣкоторыя изъ нихъ и появлялись въ морѣ, они не будутъ въ состояніи совершить компанію.

Кромѣ того есть 16 фрегатовъ, изъ нихъ 7 новыхъ. Каждый годъ строятъ три или четыре новыхъ судна, такъ что флотъ постоянно обновляется, не увеличиваясь въ числѣ.

Легкій флотъ (la flotille) также въ столь дурномъ состояніи, что не выдержитъ компаніи. Имъ пользуются для перевозки соли изъ Крыма въ Одессу. Увѣряютъ, что къ будущему году легкій флотъ будетъ состоять изъ пятидесяти новыхъ парусныхъ судовъ. Правда, строятъ повсюду; но въ дѣло идетъ свѣжесрубленный лѣсъ. Вотъ почему постоянно приходится строить новые, и срокъ годности русскаго корабля изчисляется въ 6 лѣтъ. Къ тому же въ Севастопольскомъ портѣ въ Крыму, гдѣ стоитъ большой флотъ, много червей; это еще болѣе ускоряетъ порчу кораблей.

На островѣ *Тамани* должны были въ нынѣшнемъ году начать постройку крѣпости; но появившаяся здѣсь моровая язва заставила пріостановить всѣ работы и даже уничтожить деревянныя дома и небольшую флотилію, которую завели здѣсь казаки послѣ своего переселенія.

Въ *Таганрогѣ* (Taganrok) на Азовскомъ морѣ будетъ молъ для устройства порта, столь необходимаго на этомъ рейдѣ для торговли всей этой части имперіи. Этотъ портъ получитъ огромное значеніе, если будетъ приведенъ въ исполненіе проектъ ле-Воллана, голландскаго инженера на русской службѣ,—соединеніе двухъ большихъ рѣкъ Волги и Дона; и меня увѣряли, что это очень возможно.

Предметы вывоза въ черноморской торговлѣ составляютъ: кожи, сало, смола, конопля, желѣзо, табакъ и хлѣбъ; предметы ввоза: вино, фрукты и шелковыя и хлопчатобумажныя матеріи.

У Русскихъ нѣтъ торговаго флота; крестьяне прикрѣплены къ землѣ, и потому нельзя набрать матросовъ, такъ какъ они по всей вѣроятности не вернулись бы въ свое отечество. На всѣхъ корабляхъ, которые ходятъ подъ русскимъ флагомъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, служатъ Греки; кромѣ того, въ мирное время охотно предо-

ставляють право русскаго флота всѣмъ націямъ безъ различія, кт только пожелаетъ пройти изъ Константинополя въ Черное море.

Армія князя Суворова, расположенная по всей границѣ отъ лині Моздока до Каменца, состоитъ изъ 80,000 человѣкъ. Этотъ фельдмаɪ шалъ, большой оригиналъ, какъ человѣкъ, разослалъ по всѣмъ отря дамъ подвѣдомственной ему арміи циркулярную инструкцію. Забавнѣ этой инструкціи, письменный переводъ которой я раздобылъ, ничег не можетъ быть; я не повѣрилъ бы этому, если бы не провѣрил самъ, если бы не видѣлъ, какъ всѣ войска совершаютъ военные эі серциціи по однимъ и тѣмъ же правиламъ, если бы не слышалъ оді наковое чтеніе ея во всѣхъ отрядахъ, по которымъ она была раз(слана. Такъ какъ я буду имѣть честь вамъ ее доставить, то тепер скажу только, что вся эта армія знаетъ лишь два способа марш ровки: крупнымъ шагомъ, который долженъ заключать въ себѣ аршин [пьемонтской разо] отъ пятки до носка, и бѣглымъ шагомъ, т. е. в галопъ, при чемъ идутъ разомкнутыми рядами, какъ можно скорѣ(Такимъ образомъ онъ (Суворовъ) заставляетъ итти въ атаку пѣхот или кавалеріи, не смыкая рядовъ и не держа ружья плотно прижа тымъ къ правой сторонѣ, что по всѣмъ правиламъ тактики составля етъ силу пѣхоты и помогаетъ выдержать натискъ конницы или вор ваться въ ряды непріятельской пѣхоты, пользуясь безпорядкомъ, кс торый получается въ войскѣ, если его ряды и шеренги не сомкнут Главное ученіе заключается въ томъ, что батальоны, построенные в каре или колоннами, должны бѣжать съ привинченнымъ штыкомъ н пѣхоту или на кавалерію, проходя насквозь между рядами и дѣла видъ, что наносятъ удары штыкомъ; вслѣдствіе этого всегда бываютъ несчастные случаи, во время каждаго ученія много раненыхъ, а иног, есть и убитые.

Въ настоящее время фельдмаршалъ Суворовъ отправился осма: ривать всѣ крѣпости, гдѣ онъ устраиваетъ (примѣрные) атаки приступы.

Фельдмаршалъ Суворовъ и князь Зубовъ въ настоящее время в очень дурныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ; причина этого та, чт фельдмаршалъ хотѣлъ пользоваться такою же властью на этой гра ницѣ, какою пользовался князь Потемкинъ, а князь Зубовъ облечен гораздо бо́льшей, чѣмъ онъ, и ему ввѣрено къ тому же управлені всѣми новыми учрежденіями. Фельдмаршалъ Суворовъ открыто ищет всякаго случая ему противорѣчить; въ результатѣ различныя острот недовольство, партійная борьба, что вредитъ исполненію долга по от ношенію къ Императрицѣ.

ства; русская торговля на Черномъ морѣ, если о будущемъ надо судить на основаніи настоящаго, никогда не сдѣлаетъ значительныхъ успѣховъ, пока въ этой части имперіи будетъ продолжать господствовать совершенно военный режимъ.

Флотъ на Черномъ морѣ долженъ состоять изъ 13 линейныхъ кораблей; но только два изъ нихъ въ исправности. Остальные чинятъ по мѣрѣ того, какъ ихъ строятъ; хотя нѣкоторыя изъ нихъ и появлялись въ морѣ, они не будутъ въ состояніи совершить компанію.

Кромѣ того есть 16 фрегатовъ, изъ нихъ 7 новыхъ. Каждый годъ строятъ три или четыре новыхъ судна, такъ что флотъ постоянно обновляется, не увеличиваясь въ числѣ.

Легкій флотъ (la flotille) также въ столь дурномъ состояніи, что не выдержитъ компаніи. Имъ пользуются для перевозки соли изъ Крыма въ Одессу. Увѣряютъ, что къ будущему году легкій флотъ будетъ состоять изъ пятидесяти новыхъ парусныхъ судовъ. Правда, строятъ повсюду; но въ дѣло идетъ свѣжесрубленный лѣсъ. Вотъ почему постоянно приходится строить новые, и срокъ годности русскаго корабля исчисляется въ 6 лѣтъ. Къ тому же въ Севастопольскомъ портѣ въ Крыму, гдѣ стоитъ большой флотъ, много червей; это еще болѣе ускоряетъ порчу кораблей.

На островѣ *Тамани* должны были въ нынѣшнемъ году начать постройку крѣпости; но появившаяся здѣсь моровая язва заставила пріостановить всѣ работы и даже уничтожить деревянныя дома и небольшую флотилію, которую завели здѣсь казаки послѣ своего переселенія.

Въ *Таганрогѣ* (Taganrok) на Азовскомъ морѣ будетъ молъ для устройства порта, столь необходимаго на этомъ рейдѣ для торговли всей этой части имперіи. Этотъ портъ получитъ огромное значеніе, если будетъ приведенъ въ исполненіе проектъ ле-Воллана, голландскаго инженера на русской службѣ,—соединеніе двухъ большихъ рѣкъ Волги и Дона; и меня увѣряли, что это очень возможно.

Предметы вывоза въ черноморской торговлѣ составляютъ: кожи, сало, смола, конопля, желѣзо, табакъ и хлѣбъ; предметы ввоза: вино, фрукты и шелковыя и хлопчатобумажныя матеріи.

У Русскихъ нѣтъ торговаго флота; крестьяне прикрѣплены къ землѣ, и потому нельзя набрать матросовъ, такъ какъ они по всей вѣроятности не вернулись бы въ свое отечество. На всѣхъ корабляхъ, которые ходятъ подъ русскимъ флагомъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, служатъ Греки; кромѣ того, въ мирное время охотно предо-

воду находятъ всюду, гдѣ ни начинаютъ рыть колодезь. Лѣсу вовсе нѣтъ, какъ и по всей Екатеринославской губерніи; чтобы топить печи, жгутъ даже сѣно.

Овидіополь (городъ Овидія) при устьѣ Днѣстра, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Аджидеръ (Agider) въ 40 верстахъ отъ Одессы, противъ Аккермана, который принадлежитъ туркамъ. Въ Овидіополѣ не болѣе двухъ сотъ домовъ; на возвышеніи устроены окопы для защиты хлѣбныхъ магазиновъ; три батареи ярусами спускаются къ уровню моря. Все это зовется крѣпостью, но въ сущности это—ничто.

Тирасполь на Днѣстрѣ въ 100 верстахъ отъ Овидіополя и въ четырехъ отъ Бендеръ. Мѣстоположеніе плохо, но крѣпость довольно хороша; въ ней шесть бастіоновъ, хлѣбные магазины и казармы на четыре-пять тысячъ человѣкъ. Я былъ въ *Бендерахъ*, получивъ позволеніе отъ главнокомандующаго князя Волконскаго. Тамъ я видѣлъ пашу, который разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть крѣпость. Ея строитель, французскій инженеръ Кауферъ, былъ очень стѣсненъ турками, которые хотѣли, чтобы новая крѣпость была возведена на томъ же самомъ основаніи, что и старая. Онъ достигъ, однако, всего, что было возможно. при подобныхъ условіяхъ, и сдѣлалъ ее болѣе способной къ защитѣ, болѣе сжавъ ее, такъ какъ она была слишкомъ раскинута вдоль рѣки. Сѣверную часть ея омываютъ воды Днѣстра. Она вся изъ камня и даже защищена тройнымъ палиссадомъ. Пушки еще не установлены на мѣстахъ; гарнизону всего 130 человѣкъ.

Аккерманъ на Днѣстрѣ, противъ Овидіополя, крѣпость, точно также построенная французскимъ инженеромъ Кауферомъ. Она гораздо сильнѣе Бендеръ. Въ виду того, что она болѣе удалена отъ театра войны, Русскіе, какъ мнѣ это извѣстно, въ случаѣ вторженія имѣютъ въ виду оставить ее у себя въ тылу и взявъ Бендеры хотятъ итти прямо на Измаилъ.

Крымъ, совершенно обезлюдѣвшій еще во время моего перваго путешествія, еще болѣе пришелъ въ упадокъ. Многія изъ тѣхъ лицъ, которыхъ Россія привлекла сюда, чтобы положить начало заселенію, уже удалились. Здѣсь находится въ настоящее время знаменитый натуралистъ Палласъ, но послѣ шести мѣсяцевъ пребыванія Крымъ ему опротивѣлъ. Крымъ въ настоящее время пустѣетъ, что непонятно: видъ его горной части ласкаетъ взглядъ, а по плодородію онъ можетъ сравняться съ лучшими частями Италіи.

Торговля на Черномъ морѣ со времени послѣдней войны находится въ застоѣ. Заключеніе мира не вернуло сюда старыя силы, и не привлекло новыхъ, несмотря на большія обѣщанія русскаго правитель

III.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ЛИТОВСКО-РУССКІЙ СЕЙМЪ.

———⁕———

Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства.

МАТВѢЯ ЛЮБАВСКАГО.

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена М. К. Любавскаго.

III.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ЛИТОВСКО-РУССКІЙ СЕЙМЪ.

———*———

пытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ
строемъ и внѣшнею жизнью государства.

МАТВѢЯ ЛЮБАВСКАГО.

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена М. К. Любавскаго.

жавцы, тивуны, хоружіе, и затѣмъ—княжата, панята и шляхта рыцарство [17]). Изъ князей кромѣ тѣхъ, которые занимали какіе-либо уряды, вызывались на соймъ всѣ князья Вишневецкіе, Гедройтскіе, Деречинскіе, Друцкіе, Збаражскіе, Курцевичи, Лукомскіе, Масальскіе, Ружинскіе, Сангушки, Свирскіе, Слуцкіе, Соколенскіе, Четвертенскіе, и Чорторыйскіе; изъ пановъ—всѣ паны Воловичи, Глѣбовичи, Горностаи, Довойны, Завиши, Ильиничи, Кишки, Нарбуты, Остиковичи, Пацы, Сологубы, Сопѣги, Тишкевичи, Хребтовичи и Шеметы [18]). Что касается рыцарства шляхты, то его представляли послы повѣтовые; кромѣ того, на нѣкоторые соймы, какъ, напр., на Бѣльскій, съѣзжалось множество шляхты лично, ибо на соймѣ господарь обыкновенно отправлялъ и суды [19]).

Накануне Люблинской уніи получили мѣсто на соймѣ и мѣщане стольнаго города Вильны по примѣру мѣщанъ важнѣйшихъ польскихъ городовъ. Имъ предоставлено было право посылать на вальный соймъ двухъ или трехъ бурмистровъ, которые должны были сидѣть ниже земскихъ пословъ и высказывать свое мнѣніе только тогда, когда на соймѣ зайдетъ рѣчь о Виленскомъ мѣстѣ [20]).

§ 2.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что ко времени Люблинской уніи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ сложилось представительное учрежденіе, какъ по своей компетенціи и значенію, такъ и по составу, довольно близкое къ польскому сейму. За этимъ учрежденіемъ такъ же, какъ и за польскимъ сеймомъ, было признано право «вольнаго

---

[17]) Акты Зап. Рос. III, № 32, 34; Докум. Моск. Архив. Мин. Юст., т, I, 161–192.

[18]) Литов. Метр. кн. Пуб. дѣлъ VII, л. 82—84, 92—94, 181—186.

[19]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493.

[20]) Въ привилеѣ, данномъ Вильнѣ 15 іюня 1568 г., читаемъ между прочимъ: Volumus etiam insuper, ut magistratus saepe nominatus Vilnensis ad omnia commitia generaliter tam in magno ducatu Lituaniae, quam etiam in regno Poloniae, si unio istorum dominiorum debitum sorbita fuerit effectum, binos vel ternos consules ex collegio suo mitant, qui secundum nuncios terrestres residendi et de rebus ad statum civitatis Vilnensis pertinentibus dicendae sententiae jus, potestatem facultatemque perpetuis temporibus sunt habituri (Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 173 об.—175).

обранья» господаря [21]), и оно de jure и de facto сдѣлалось главнымъ носителемъ верховной власти государства и распорядителемъ его судебъ. Поэтому оказалась возможною и та самая унія, которую великое княжество заключило съ Польшею въ 1569 году, и которая по своей сущности была *парламентарною уніею*: литовско русскій великій вальный соймъ, сдѣлавшійся болѣе или менѣе близкимъ къ польскому по своему составу и государственному значенію, легко могъ слиться съ польскимъ въ одно учрежденіе. Какъ ни велико было въ настоящемъ случаѣ вліяніе войны съ Москвою, которая толкала Литву въ объятія Польши, но безъ этого внутренняго условія, безъ этихъ успѣховъ по части ассимиляціи съ Польшею въ государственномъ строѣ и бытѣ, великое княжество едва ли соединилось бы съ Польшею столь тѣсными узами, какъ это состоялось въ 1569 году. И прежде великое княжество бывало не въ лучшемъ, если не въ худшемъ положеніи, чѣмъ во время Ливонской войны. Стоитъ, напр., припомнить войну съ Москвою при Сигизмундѣ I, которая потребовала крайняго напряженія государственныхъ силъ и средствъ великаго княжества Литовскаго и чуть было не исчерпала до конца эти силы и средства. И тѣмъ не менѣе, великое княжество не соединялось тѣсно съ Польшею, какъ ни прельщали поляки литовцевъ различными выгодами «братского злученья». Очевидно, что для этого соединенія не доставало еще данныхъ во внутреннемъ строѣ и бытѣ великаго княжества, въ тѣхъ учрежденіяхъ и общественныхъ силахъ, которыя были хозяевами положенія и направляли государственную жизнь. Тѣсное и прочное соединеніе Литвы съ Польшею стало возможнымъ только тогда, когда и въ этихъ отношеніяхъ, а не въ однихъ только внѣшнихъ интересахъ, Литва близко подошла къ Польшѣ, когда литвинъ въ Польшѣ сталъ находить то же самое, что дома, и дома то же самое, что въ Польшѣ.

Великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства, какъ онъ сложился ко времени Люблинской уніи, является наилучшимъ показателемъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлало это государство во внутренней ассимиляціи своей съ Польшею до Люблинской уніи. Съ другой стороны, какъ было уже сказано выше, этотъ великій вальный соймъ въ томъ составѣ и значеніи, съ какими онъ выступаетъ ко времени Люблинской уніи, является наиболѣе общимъ итогомъ соціально-политическаго развитія Литовско-Русскаго государства въ періодъ его самостоятельнаго существованія. Изъ этого видно, какой высокій научный

---

[21]) См., напр. Бѣльскій привилей 1564 года. Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII л. 485—493.

интересъ связанъ съ изученіемъ его исторіи, которая вводитъ изслѣдователя въ кругъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, касающихся внутренняго соціально-политическаго развитія Литовско-русскаго государства и даетъ возможность уясненія самыхъ характерныхъ его особенностей. Этотъ интересъ, высокій самъ по себѣ, усугубляется сравненіемъ съ другимъ русскимъ государствомъ—Московскимъ, гдѣ въ то самое время, когда окончательно слагался литовско-русскій вальный соймъ, зарождалось учрежденіе, его напоминавшее, по вышедшее въ концѣ концовъ съ неодинаковымъ составомъ и значеніемъ,—я разумѣю великую земскую думу, или земскій соборъ Московскаго государства.— Почему это учрежденіе, носившее одинаковое имя съ литовско-русскою «посполитою радою» (великій земскій совѣтъ) или «великимъ вальнымъ соймомъ» (соборъ), вышло такъ не похоже на него, отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно искать во внутренней соціально-политической исторіи не только Московскаго, но и Литовскаго государства.

Изложенныя соображенія и побудили автора настоящаго труда, не юриста по спеціальности, взяться за изслѣдованіе исторіи разсматриваемаго учрежденія. Этотъ сюжетъ по самой сущности своей требуетъ широкой постановки изслѣдованія, экскурсовъ въ разнообразныя области внѣшней и внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства, и потому вполнѣ оправдываетъ рѣшимость общаго историка взяться за его разработку. Вопросъ о великомъ вальномъ соймѣ Литовско-Русскаго государства есть вопросъ о внутреннемъ развитіи этого государства вообще. Съ этой точки зрѣнія настоящее изслѣдованіе является въ качествѣ естественнаго дополненія и продолженія перваго труда автора «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута». Въ первомъ трудѣ авторъ главное вниманіе удѣлялъ мѣстной организаціи и мѣстной политической жизни по различнымъ областямъ Литовско-Русскаго государства. Въ настоящемъ трудѣ главное вниманіе удѣляется государственному центру и развивавшейся въ немъ политической жизни и организаціи, и сравнительно меньше вниманія удѣляется областямъ, ихъ учрежденіямъ и политическому быту. Какъ и въ первомъ своемъ трудѣ, такъ и въ настоящемъ, авторъ большое вниманіе удѣлялъ организаціи литовско-русскаго общества, на почвѣ которой складывалось и самое государственное устройство великаго княжества. Данныя для настоящаго очерка, какъ и для первой своей книги, авторъ почерпалъ преимущественно въ актахъ и документахъ, содержащихся въ книгахъ Литовской Метрики. Весьма большимъ подспорьемъ для настоящей работы послужило опубликованіе въ I томѣ

«Документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи» нѣкоторыхъ документовъ, относящихся до исторіи литовско-русскихъ сеймовъ и содержащихся въ книгахъ той же Метрики, за что авторъ считаетъ долгомъ принести глубокую благодарность учрежденію, издавшему въ свѣтъ названный сборникъ.

ГЛАВА I.

Происхожденіе литовско-русскаго сейма, его составъ и функціи въ начальной стадіи его развитія.

§ 1. Унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею въ 1385 году; роль областныхъ князей при ея установленіи.—§ 2. Агитація Витовта противъ заключенной уніи и ея успѣхъ среди второстепенныхъ литовско-русскихъ князей и литовскаго боярства; борьба Литвы съ Польшею и поправка уніи въ Островскомъ соглашеніи 1392 года.—§ 3. Крушеніе системы областныхъ княженій; политическое усиленіе и возвышеніе второстепенныхъ князей и литовскаго боярства.—§ 4. Новое подтвержденіе уніи въ 1401 году и первый литовско-русскій сеймъ; его составъ и признанная компетенція.—§ 5. Городельскій сеймъ 1413 года и новая поправка уніи; расширеніе функцій литовско-русскаго сейма.—§ 6. Данныя предшествующаго соціально-политическаго развитія великаго княжества Литовскаго, объясняющія первоначальный составъ и самое возникновеніе литовско-русскаго сейма.

Въ исторіи литовско-русскаго сейма приходится имѣть дѣло не столько съ эволюціонною трансформаціею этого учрежденія, сколько съ простымъ *наслоеніемъ* данныхъ отъ различныхъ историческихъ эпохъ. Литовско-русскій сеймъ въ послѣдней стадіи своего развитія, т. е. ко времени Люблинской уніи, былъ, можно сказать, историческимъ сооруженіемъ изъ послѣдовательныхъ напластованій предшествующихъ стадій. Это справедливо какъ относительно его наименованія, такъ и относительно состава и значенія въ государственной жизни великаго княжества. Литовско-русскій сеймъ прежде, чѣмъ сталъ называться «великимъ вальнымъ соймомъ», назывался просто «соймомъ» или «вальнымъ соймомъ». Прибавленіе въ названіи обусловилось прибавленіемъ въ самомъ его составѣ. «Великимъ» это учрежденіе стало называться тогда, когда къ его первоначальному составу—къ князьямъ, панамъ и боярамъ великаго княжества въ древнѣйшемъ и тѣсномъ смыслѣ слова, присоединились князья, паны и бояре изъ всѣхъ остальныхъ земель, когда сеймъ сталъ, такимъ образомъ, «посполитою радою» великаго

обранья» господаря [21]), и оно de jure и de facto сдѣлалось главнымъ носителемъ верховной власти государства и распорядителемъ его судебъ. Поэтому оказалась возможною и та самая унія, которую великое княжество заключило съ Польшею въ 1569 году, и которая по своей сущности была *парламентарною уніею*: литовско русскій великій вальный соймъ, сдѣлавшійся болѣе или менѣе близкимъ къ польскому по своему составу и государственному значенію, легко могъ слиться съ польскимъ въ одно учрежденіе. Какъ ни велико было въ настоящемъ случаѣ вліяніе войны съ Москвою, которая толкала Литву въ объятія Польши, но безъ этого внутренняго условія, безъ этихъ успѣховъ по части ассимиляціи съ Польшею въ государственномъ строѣ и бытѣ, великое княжество едва ли соединилось бы съ Польшею столь тѣсными узами, какъ это состоялось въ 1569 году. И прежде великое княжество бывало не въ лучшемъ, если не въ худшемъ положеніи, чѣмъ во время Ливонской войны. Стоитъ, напр., припомнить войну съ Москвою при Сигизмундѣ I, которая потребовала крайняго напряженія государственныхъ силъ и средствъ великаго княжества Литовскаго и чуть было не исчерпала до конца эти силы и средства. И тѣмъ не менѣе, великое княжество не соединялось тѣсно съ Польшею, какъ ни прельщали поляки литовцевъ различными выгодами «братского злученья». Очевидно, что для этого соединенія не доставало еще данныхъ во внутреннемъ строѣ и бытѣ великаго княжества, въ тѣхъ учрежденіяхъ и общественныхъ силахъ, которыя были хозяевами положенія и направляли государственную жизнь. Тѣсное и прочное соединеніе Литвы съ Польшею стало возможнымъ только тогда, когда и въ этихъ отношеніяхъ, а не въ однихъ только внѣшнихъ интересахъ, Литва близко подошла къ Польшѣ, когда литвинъ въ Польшѣ сталъ находить то же самое, что дома, и дома то же самое, что въ Польшѣ.

Великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства, какъ онъ сложился ко времени Люблинской уніи, является наилучшимъ показателемъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлало это государство во внутренней ассимиляціи своей съ Польшею до Люблинской уніи. Съ другой стороны, какъ было уже сказано выше, этотъ великій вальный соймъ въ томъ составѣ и значеніи, съ какими онъ выступаетъ ко времени Люблинской уніи, является наиболѣе общимъ итогомъ соціально-политическаго развитія Литовско-Русскаго государства въ періодъ его самостоятельнаго существованія. Изъ этого видно, какой высокій научный

[21]) Напр. Бѣльскій привилей 1564 года. Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII л. [illegible].

интересъ связанъ съ изученіемъ его исторіи, которая вводитъ изслѣдователя въ кругъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, касающихся внутренняго соціально-политическаго развитія Литовско-русскаго государства и даетъ возможность уясненія самыхъ характерныхъ его особенностей. Этотъ интересъ, высокій самъ по себѣ, усугубляется сравненіемъ съ другимъ русскимъ государствомъ—Московскимъ, гдѣ въ то самое время, когда окончательно слагался литовско-русскій вальный соймъ, зарождалось учрежденіе, его напоминавшее, но вышедшее въ концѣ концовъ съ неодинаковымъ составомъ и значеніемъ,—я разумѣю великую земскую думу, или земскій соборъ Московскаго государства.—Почему это учрежденіе, носившее одинаковое имя съ литовско-русскою «посполитою радою» (великій земскій совѣтъ) или «великимъ вальнымъ соймомъ» (соборъ), вышло такъ не похоже на него, отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно искать во внутренней соціально-политической исторіи не только Московскаго, но и Литовскаго государства.

Изложенныя соображенія и побудили автора настоящаго труда, не юриста по спеціальности, взяться за изслѣдованіе исторіи разсматриваемаго учрежденія. Этотъ сюжетъ по самой сущности своей требуетъ широкой постановки изслѣдованія, экскурсовъ въ разнообразныя области внѣшней и внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства, и потому вполнѣ оправдываетъ рѣшимость общаго историка взяться за его разработку. Вопросъ о великомъ вальномъ соймѣ Литовско-Русскаго государства есть вопросъ о внутреннемъ развитіи этого государства вообще. Съ этой точки зрѣнія настоящее изслѣдованіе является въ качествѣ естественнаго дополненія и продолженія перваго труда автора «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута». Въ первомъ трудѣ авторъ главное вниманіе удѣлялъ мѣстной организаціи и мѣстной политической жизни по различнымъ областямъ Литовско-Русскаго государства. Въ настоящемъ трудѣ главное вниманіе удѣляется государственному центру и развивавшейся въ немъ политической жизни и организаціи, и сравнительно меньше вниманія удѣляется областямъ, ихъ учрежденіямъ и политическому быту. Какъ и въ первомъ своемъ трудѣ, такъ и въ настоящемъ, авторъ большое вниманіе удѣлялъ организаціи литовско-русскаго общества, на почвѣ которой складывалось и самое государственное устройство великаго княжества. Данныя для настоящаго очерка, какъ и для первой своей книги, авторъ почерпалъ преимущественно въ актахъ и документахъ, содержащихся въ книгахъ Литовской Метрики. Весьма большимъ подспорьемъ для настоящей работы послужило опубликованіе въ

«Документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи» нѣкоторыхъ документовъ, относящихся до исторіи литовско-русскихъ сеймовъ и содержащихся въ книгахъ той же Метрики, за что авторъ считаетъ долгомъ принести глубокую благодарность учрежденію, издавшему въ свѣтъ названный сборникъ.

ГЛАВА I.

Происхожденіе литовско-русскаго сейма, его составъ и функціи въ начальной стадіи его развитія.

§ 1. Унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею въ 1385 году; роль областныхъ князей при ея установленіи.—§ 2. Агитація Витовта противъ заключенной уніи и ея успѣхъ среди второстепенныхъ литовско-русскихъ князей и литовскаго боярства; борьба Литвы съ Польшею и поправка уніи въ Островскомъ соглашеніи 1392 года.—§ 3. Крушеніе системы областныхъ княженій; политическое усиленіе и возвышеніе второстепенныхъ князей и литовскаго боярства.—§ 4. Новое подтвержденіе уніи въ 1401 году и первый литовско-русскій сеймъ; его составъ и признанная компетенція.—§ 5. Городельскій сеймъ 1413 года и новая поправка уніи; расширеніе функцій литовско-русскаго сейма.—§ 6. Данныя предшествующаго соціально-политическаго развитія великаго княжества Литовскаго, объясняющія первоначальный составъ и самое возникновеніе литовско-русскаго сейма.

Въ исторіи литовско-русскаго сейма приходится имѣть дѣло не столько съ эволюціонною трансформаціею этого учрежденія, сколько съ простымъ *наслоеніемъ* данныхъ отъ различныхъ историческихъ эпохъ. Литовско-русскій сеймъ въ послѣдней стадіи своего развитія, т. е. ко времени Люблинской уніи, былъ, можно сказать, историческимъ сооруженіемъ изъ послѣдовательныхъ напластованій предшествующихъ стадій. Это справедливо какъ относительно его наименованія, такъ и относительно состава и значенія въ государственной жизни великаго княжества. Литовско-русскій сеймъ прежде, чѣмъ сталъ называться «великимъ вальнымъ соймомъ», назывался просто «соймомъ» или «вальнымъ соймомъ». Прибавленіе въ названіи обусловилось прибавленіемъ въ самомъ его составѣ. «Великимъ» это учрежденіе стало называться тогда, когда къ его первоначальному составу—къ князьямъ, панамъ и боярамъ великаго княжества въ древнѣйшемъ и тѣсномъ смыслѣ слова, присоединились князья, паны и бояре изъ всѣхъ остальныхъ земель, когда сеймъ сталъ, такимъ образомъ, «посполитою радою» великаго

княжества въ позднѣйшемъ и обширномъ смыслѣ [1]). Какъ и наименованіе, составъ литовско-русскаго сейма усложнялся чрезъ простое присоединеніе къ прежнимъ «станамъ», или чинамъ, новыхъ, которые не вытѣсняли ихъ, но становились рядомъ съ ними. Точно такъ же росло и значеніе сейма въ государственной жизни: вновь достигнутые успѣхи, новыя завоеванія по этой части присоединялись къ прежнимъ, давно признаннымъ правамъ его. Такое развитіе разсматриваемаго учрежденія вполнѣ согласуется съ общимъ ходомъ литовско-русской исторіи, въ которой новое сплошь и рядомъ ложилось на старое, новый порядокъ строился не на развалинахъ, а на фундаментѣ стараго, въ которой прецедентъ постоянно служилъ источникомъ и основаніемъ права. Въ первомъ нашемъ изслѣдованіи «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута» разсѣяно не мало доводовъ въ пользу этого утвержденія. Надѣемся представить ихъ и въ настоящемъ изслѣдованіи.

На первой очереди остановимъ наше вниманіе на начальной стадіи въ развитіи литовско-русскаго сейма и постараемся выяснить условія и обстоятельства, вызвавшія къ жизни это учрежденіе, его первоначальный составъ и политическое значеніе.

§ 1.

Литовско-русскій сеймъ, какъ государственное учрежденіе съ извѣстнымъ признаннымъ значеніемъ, зародился въ эпоху установленія уніи великаго княжества съ Польшею. События этой эпохи вызвали къ политической дѣятельности крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, дали имъ возможность обнаружить свою мощь и значеніе и повлекли за собою признаніе извѣстныхъ правъ за ихъ совокупностью въ лицѣ литовско-русскаго сейма. Такое признаніе даетъ себя выслѣдить по источникамъ отъ 1401 года, и къ этому году и можно пріурочить рожденіе литовско-русскаго сейма.

Въ 1385 году 14 августа въ Кревѣ великій князь Литовскій Ягайло выдалъ прибывшимъ къ нему отъ матери польской королевы Ядвиги, королевы Елизаветы, письменное подтвержденіе тѣхъ условій, на которыхъ его послы высватали за него Ядвигу съ короною Поль-

[1]) Великимъ княжествомъ Литовскимъ въ тѣсномъ смыслѣ называлось Литовско-Русское государство безъ земель—аннексовъ, имѣвшихъ свои привилеи (Акты Зап. Рос. II, № 30, 54); въ обширномъ смыслѣ—со всѣми этими землями (Статутъ 1566, разд. I, арт. II).

скою въ приданомъ. Ягайло обязался принять католическую вѣру со всѣми своими братьями и родственниками, знатными и простыми людьми отъ мала до велика, выложить свою казну на нужды Польши и въ частности на возвращеніе отторгнутыхъ отъ Польши земель, заплатить бывшему жениху Ядвиги неустойки 200 т. флориновъ, выпустить плѣнныхъ христіанъ на свободу и навсегда присоединить свои земли къ коронѣ Польской [2]). Этотъ договоръ принятъ былъ и польскими панами, какъ это явствуетъ изъ письменнаго заявленія ихъ пословъ, учиненнаго въ Волковыйскѣ 11 января 1386 года [3]).

Можно предположить, что на такой рѣшительный шагъ, опредѣлявшій всю дальнѣйшую судьбу великаго княжества, Ягайло отважился, заручившись согласіемъ всей земли. И древнѣйшая литовско-русская лѣтопись подтверждаетъ это предположеніе, разсказывая, что Ягайло совѣтовался объ этомъ съ матерью своею великою княгинею Ульяною, съ братьею своею «и со всими кнзми и бояры Литовския земли» [4]). Но внимательный анализъ другихъ, и при томъ современныхъ данныхъ, не позволяетъ, однако, принять это сообщеніе лѣтописи въ буквальномъ смыслѣ и заставляетъ видѣть здѣсь не передачу дѣйствительнаго факта, а его литературную реконструкцію, другими словами—предположеніе составителя лѣтописи [5]). Изъ документа, выданнаго Ягайломъ въ Кревѣ, можно заключить, что на унію съ Польшею Ягайло рѣшился по совѣту и соглашенію только съ братьями, областными князьями, да и то не всѣми (una cum fratribus nostris infrascriptis, videlicet domino Skirgalone, Coributh, Vitoldo, Liguen ducibus Lithvanorum et in persona aliorum fratrum nostrorum praesentium et absentium). Здѣсь нѣтъ и рѣчи о боярахъ, и никакого совѣщанія, подобнаго тому, о которомъ говоритъ лѣтопись, очевидно, и не происходило; въ противномъ случаѣ документъ не преминулъ бы сказать и о согласіи боярства, какъ о фактѣ, подкрѣпляющемъ его юридическую силу.

---

[2]) Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tom. II, № III.

[3]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 6.

[4]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, изд. Поповымъ въ 1 кн. Записокъ Второго отдѣленія Император. Академіи Наукъ, стр. 34.

[5]) Этотъ составитель былъ «младъ» въ самомъ концѣ XIV в. и не помнилъ тогдашнихъ событій. Онъ воспроизводитъ ихъ на основаніи чужихъ записей и пересказовъ, а отчасти и оффиціальныхъ документовъ. См. предисловіе къ Лѣтописи великихъ князей Литовскихъ, изд. Поповымъ; *St. Smolki* Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego (Pamiętnik Ak. Umiej. w Krakowie, tom. VIII, 1—55); *A. Prochaski* Latopis litewski, Lwów 1890.

[illegible]

[illegible] по всѣмъ признакамъ, [illegible] посп- [illegible] литов- [illegible] своими князьями, на- [illegible] впослѣдствіи при- [illegible] боярству для того, [illegible] роль въ рѣшеніи общегосударственныхъ [illegible] необходимаго единства, ибо оно было [illegible] группировались вокругъ нѣсколькихъ вождей. [illegible] бояре въ [illegible] великаго князя, лучше всего [illegible] Ягайла относительно обязательнаго кре- [illegible] вѣру всѣхъ безъ исключенія литовцевъ, даже [illegible] были христіанами греческаго исповѣданія [illegible]. Что [illegible] земель-аннексовъ, то въ силу обособленнаго поло-

---

[illegible] объ этомъ въ нашей статьѣ «О распредѣленіи владѣній и [illegible] между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и [illegible] Историческаго Общества при Импер. Московск. Университ., годъ I. [illegible]

[illegible] Scarbiec diplomatów I. № 540. Wilno 1860.

женія этихъ земель, оно имѣло пока значеніе только въ сферѣ мѣстныхъ дѣлъ и вопросовъ, но не обще-государственныхъ.

Итакъ, договоръ 1385 года не былъ дѣломъ всѣхъ литовско-русскихъ князей и бояръ, какъ можно было бы представлять его на основаніи вышеприведеннаго сообщенія древнѣйшей литовско-русской лѣтописи. Поляки хорошо понимали эту особенность договора и, считая ее недостаткомъ, старались обставить его всевозможными гарантіями. Во-первыхъ, они заставили всѣхъ пріѣхавшихъ съ Ягайломъ и крестившихся въ католическую вѣру бояръ присягнуть въ соблюденіи вѣрности королю, королевѣ и коронѣ Польской [8]). Во-вторыхъ, они взяли въ качествѣ заложниковъ тѣхъ князей, которые пріѣхали съ Ягайломъ на свадьбу и коронацію [9]). Вынужденные обстоятельствами отпустить ихъ на родину, поляки взяли съ нихъ записи въ томъ, что они по первому требованію явятся въ Польшу [10]). Затѣмъ, послѣ того какъ возстаніе Андрея Полоцкаго и переходъ его въ ленную зависимость отъ Ливонскаго Ордена наглядно показали полякамъ, что Ягайло въ сущности не имѣлъ права договариваться отъ лица отсутствующихъ братьевъ, они принялись собирать съ литовско-русскихъ князей отдѣльныя записи на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской. Такая запись, насколько намъ извѣстно въ настоящее время, взята была прежде всего съ князя Заславскаго Михаила Явнутьевича (1 марта 1386 года [11]), а затѣмъ съ князя Луцкаго и Владимірскаго Ѳедора Любартовича (22 мая 1386 г. [12]). Послѣ нихъ записи выдали князь Новгородка Сѣверскаго Димитрій-Корибутъ (23 октября 1386 г.) и князь Пинскій Василій Михайловичъ [13]). Въ слѣдующемъ 1387-мъ году запись на вѣрность выдалъ братъ Ягайла, которому онъ болѣе другихъ довѣрялъ, князь Троцкій Скиргайло Ольгердовичъ по случаю пожалованія ему Полоцка и такъ называемой Руси Литовской [14]). Въ 1388 году взяты были записи съ князя Семена-Лингвенья (31 января [15]), съ

---

[8]) Объ этомъ можно заключать изъ текста той грамоты, которую выдали полякамъ литовскіе князья, паны и бояре въ 1401 году. *Działyńskiego* Zbiór praw litevskich, str. 3—7. Poznan 1841.

[9]) *L. Gołębiowskiego* Panovanie Wł. Jagietly, str. 5, 6. Warszawa 1846.

[10]) *Dra F. Koneczniego* Jagiełło i Witołd, str. 46—47. Lwów 1893. Monumenta medii aevi, tomus II, № IV, V; tomus VI, № XXV.

[11]) Scarbiec diplomatów I, № 516.

[12]) Ibidem, № 526.

[13]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXIX, XXX.

[14]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXXIII.

[15]) Monumenta medii aevi, tomus II, № XIII.

князя Керновскаго Александра Вигунта (3 мая [16]), съ князя Городенскаго, Луцкаго и Берестейскаго Витовта (3 мая [17]), вторично съ князя Новгородскаго Дмитрія-Корибута (22 мая [18]), съ князя Кіевскаго Владиміра Ольгердовича (12 іюля [19]), съ Димитрія Ольгердовича князя Брянскаго и Трубчевскаго (13 декабря [20]). Въ слѣдующемъ, 1389-мъ, году должны были выдать записи на вѣрность кн. Семенъ Явнутьевичъ Заславскій (29 января [21]), вторично князь Семенъ-Лингвеній (25 апр. [22]), какой то князь Семенъ Юрьевичъ (25 апр. [23]).

Все это были наиболѣе значительные князья, большею частью крупные владѣльцы, братья и родственники Ягайла. Но кромѣ нихъ въ великомъ княжествѣ было еще много другихъ князей, менѣе значительныхъ по своимъ владѣніямъ, какъ изъ той же династіи, такъ и изъ другихъ. Таковы были въ собственной Литовской землѣ: князья Гольшанскіе, Гедройтскіе, Свирскіе, князь Клецкій Ямунтъ, князь Вейшишскій Судимонтъ [24]), князь Юрій Довговтъ [25]); на Руси Литовской — кн. Соломерецкіе, Слуцкій и Степаньскій [26]); въ земляхъ Полоцкой и Витебской—князья Лукомскіе и Друцкіе [27]); въ землѣ Волынской кн. Ѳедоръ Ольгердовичъ Ратненскій, кн. Александръ Четвертеньскій, кн. Иванъ Несвицкій, кн. Ѳедоръ Даниловичъ Острожскій [28]); въ землѣ Черниговo-Сѣверской—кн. Александръ Патрикѣевичъ Стародубскій, кн. Семенъ Романовичъ Новосильскій и Одоевскій, князья Мосальскіе и др. [29]). Этихъ князей, по всѣмъ данным, не привлекали къ какому

---

[16]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XL.

[17]) Scarbiec diplomatów I, № 554.

[18]) Archiwum Sanguszków, tom I, № X. Lwów 1887.

[19]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XIV.

[20]) *Krupowicza* Zbiór dyplomatów rządowych i aktów prywatnych, № 14; *Wolffa* Ród Gedimina, str. 90—92. Kraków 1886.

[21]) Scarbiec diplomatów I, № 565.

[22]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № LI; Акты Зап. Рос. I, № 10.

[23]) Scarbiec diplomatów, I, № 567.

[24]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 65, 94, 95, 504, 505.

[25]) Ibidem, str. 55; Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXXV.

[26]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXXV.

[27]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 56, 57, 213.

[28]) Ibidem, str. 35, 275, 343.

[29]) Ibidem, str. 231, 278. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 48, 53, 54. Тамъ же (очерки I и II) и о владѣніяхъ всѣхъ этихъ князей.

ибо участію при установленіи уніи, въ томъ, вѣроятно, предположеніи, то они подчинятся совершившемуся факту. Точно такъ же совершенно ассивную роль играли въ данномъ случаѣ и литовскіе бояре. Ихъ тарались, впрочемъ, расположить къ принятію уніи и выполненію ея словій дарованіемъ (20 февраля 1387 года) нѣкоторыхъ правъ и ольностей, которыми пользовалась польская шляхта (ne videantur in aribus dispares, quos eidem coronae subjectos fecit unum [30]). По отноленію къ боярамъ русскихъ земель, какъ не католикамъ, обошлись даже и безъ этой поощрительной мѣры, считая достаточнымъ брать аписи только съ ихъ князей. Исключеніе было сдѣлано только для князей и бояръ, служившихъ Сѣверскому князю Димитрію-Корибуту: съ нихъ взято было письменное ручательство въ томъ, что ихъ князь, приступившій къ уніи ихъ «радою» и всего поспольства бояръ «примовленіемъ», останется вѣренъ королю, королевѣ и коронѣ Польской [31]). Но это исключеніе было сдѣлано, очевидно, въ виду особеннаго значенія этого класса въ окраинной области, отдаленной отъ Литвы и близкой къ Москвѣ, области, воспитывавшей въ своемъ населеніи независимый духъ и привычку къ политической самодѣятельности.

§ 2.

Итакъ, первая унія Литвы съ Польшей была почти исключительно дѣломъ крупныхъ, областныхъ князей Гедиминова рода. Событія, послѣдовавшія вскорѣ послѣ заключенія уніи, наглядно показали, что Ягайло и поляки слишкомъ высоко цѣнили значеніе этихъ князей и мало—значеніе второстепенныхъ литовскихъ и русскихъ князей и литовскаго боярства, что они сдѣлали ошибку, обойдя эти общественные классы при рѣшеніи вопроса объ уніи обоихъ государствъ. Эти классы вовсе не были такъ безсильны и податливы, какъ они думали, но ихъ силы и энергія находились, такъ сказать, въ скрытомъ потенціальномъ состояніи и ждали только благопріятныхъ условій и вызововъ для своего обнаруженія. Эти условія и вызовы даны были Витовтомъ.

Витовтъ не доволенъ былъ тѣмъ, что не получилъ отъ Ягайла всего, чѣмъ владѣлъ его отецъ и не занялъ при немъ того же положенія, которое занималъ Кейстутъ при Ольгердѣ. Ягайло, помирившись съ нимъ въ 1384 году, не додалъ ему Троцкаго княжества. Это Троцкое

---

[30]) Zbiór praw litewskich, str, 1, 2.

[31]) Archiwum Sanguszków I, № IX. *Cromeri* De origine et rebus gestis Polonorum, p. 635. (*Pistorii* Polonicae historiae corpus

княжество получилъ отъ Ягайла его родной братъ Скиргайло, болѣе всѣхъ имъ любимый и къ нему приближенный. Въ 1387 году Ягайло далъ ему, кромѣ того, Полоцкъ, въ то время отнятый у кн. Андрея Ольгердовича, и значительную часть такъ называемой Руси Литовской [32]); при этомъ формально обязался держать его выше и слушать его болѣе всей остальной братьи и пріятелей. Это переполнило чашу горечи Витовта. Правда, что и онъ въ томъ же 1387 году получилъ отъ Ягайла въ прибавленіе къ своимъ владѣніямъ Луцкую землю, но получилъ ее безъ письменнаго документа, выдачею котораго Ягайло почему-то медлилъ. Но главное, что возмущало Витовта,—это положеніе, которое занялъ при Ягайлѣ Скиргайло, и которое по смыслу договора Кейстута съ Ягайломъ относительно ихъ сыновей должно было бы принадлежать ему, Витовту. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Витовтъ, какъ это видно изъ его меморіала, представленнаго Ордену въ разъясненіе его возмущенія противъ Ягайла [33]).

Витовтъ рѣшился добиться своего силою. Среди литовскихъ второстепенныхъ князей и бояръ у него было довольно много приверженцевъ и испытанныхъ друзей, которые и ранѣе дѣлили съ нимъ его невзгоды и помогали ему доискиваться своей отчины. Они вмѣстѣ съ Витовтомъ отъѣзжали въ 1384 году къ нѣмцамъ и заключали съ Орденомъ договоръ касательно возвращенія Витовту его отчины. Наиболѣе видными изъ нихъ были: племянникъ Витовта Юрій, князь Новгородскій [34]), зять Витовта Левъ, князь Друцкій, Судемунтъ изъ Вейшишекъ, и бояре: Доркги (Jorgen), Свиргайло, Гинбутъ (Gybut), тивунъ Жейменскій (kemmerer czu Seymen), Рекуть (Roeukutte), Михель, Милейко (Mylegaude) и нѣкоторые другіе (und andir vil erbarer unser

---

[32]) О значеніи этого имени см. наше изслѣдованіе «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго статута», стр. 12—15. Москва 1893.

[33]) Scriptores rerum prussicarum, tomus II, p. 711—714. Leipzig 1863. См. нашу статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода», стр. 86—89.

[34]) Мы принимаемъ его за сына Войдата, который вмѣстѣ съ братомъ Товтивиломъ владѣлъ Новгородомъ и въ 1384 году, повидимому, не былъ уже въ живыхъ. Вольфъ, которому принадлежитъ установленіе этого родства (Ród Gedimina, str. 55), въ послѣднемъ своемъ трудѣ «Kniaziowie litewsko-ruscy» отступилъ отъ первоначальнаго своего утвержденія и считаетъ Юрія сыномъ другого брата Витовтова Бутовта (стр. 160). Первое предположеніе, на нашъ взглядъ, болѣе вѣроятное, ибо сходится съ данными о владѣніяхъ князей.

lute [35]) Витовтъ могъ разсчитывать и на поддержку другихъ князей и бояръ великаго княжества, гдѣ, по всѣмъ признакамъ, уже господствовало неудовольствіе по поводу заключенія такой уніи съ Польшею, которая уничтожала самое существованіе великаго княжества, какъ отдѣльнаго государства. Первые шаги Витовта предприняты были прямо въ разсчетѣ на это неудовольствіе. Когда Скиргайло уѣхалъ въ Полоцкъ,—разсказываетъ древнѣйшая литовско-русская лѣтопись,—Витовтъ собралъ къ себѣ многихъ князей и бояръ литовскихъ и сталъ передъ ними печаловаться по поводу того, что чужестранцы завладѣли великимъ княжествомъ. На этомъ совѣщаніи рѣшено было овладѣть Вильною, и только послѣ того, какъ эта попытка не удалась, Витовтъ съ своими приверженцами уѣхалъ въ Пруссію за нѣмецкою помощью [36]). Разсказъ литовско-русской лѣтописи вполнѣ подтверждается и нѣмецкими хрониками, и Длугошомъ. По ихъ сообщеніямъ, въ заговорѣ Витовта участвовали его родные братья Сигизмундъ и Товтивилъ, князь Юрій Наримунтовичъ Бельскій, кн. Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій, кн. Вейшишекъ Судемунтъ и множество бояръ и военнаго люда (рыцарей [37]). Успѣхъ, которымъ въ концѣ концовъ увѣнчалось возстаніе Витовта, обусловился прямою и косвенною поддержкою, которую нашло это возстаніе въ Литвѣ. Войска Витовта всюду находили въ Литвѣ и Жмуди дружественный пріемъ: жители привозили имъ вдоволь всякихъ съѣстныхъ припасовъ—муки, мяса, корма для лошадей и т. д. Ягайло для спасенія своей власти долженъ былъ ввести въ Литву польскія войска и разставить ихъ чуть не по всѣмъ городамъ гарнизонами, назначить старостою въ Вильну поляка Клемента Москоржевскаго, а потомъ даже намѣстникомъ всей Литвы (wielkorządcą) поляка Яска Олесницкаго.—Но литовцы, соединясь съ войсками Витовта, нападали на польскіе отряды и истребляли ихъ. Преслѣдуя свои личныя цѣли, Витовтъ выставилъ на своемъ знамени возстановленіе самобытности великаго княжества Литовскаго и находилъ поэтому всеобщее сочувствіе и поддержку. Ягайло увидалъ себя въ необходимости пойти на уступки. Онъ попытался было отдѣлить дѣло литовцевъ отъ дѣла Витовта и, удовлетворивъ литовцевъ, заставить ихъ отступить отъ Витовта. Послѣдовало назначеніе Вигунта-Але-

---

[35]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XIII.

[36]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 36, 37.

[37]) См. *F. Koneczniego* Jagiełło i Witold, str. 130, nota I. Срав. *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XII, 479, 480. Kraków 1876; Scarbiec diplomatów I, № 578, 579, 583, 612, 613.

ксандра, кн. Керновскаго, великимъ княземъ Литовскимъ. Но Вигунтъ умеръ прежде, чѣмъ вступилъ во власть, и Ягайлу поневолѣ снова пришлось считаться съ Витовтомъ. Посовѣтовавшись съ Скиргайломъ, Ягайло рѣшился помириться съ Витовтомъ и назначить его великимъ княземъ. Это примиреніе состоялось на съѣздѣ въ Островѣ 5 августа 1392 года, на которомъ участвовала и королева Ядвига въ качествѣ представительницы интересовъ Польской короны [38]).

Ягайло вернулъ Витовту всю его отчину и сверхъ того пожаловалъ нѣсколько другихъ державъ и имѣній [39]). Онъ принялъ его къ соучастію въ управленіи государствомъ, вручивъ ему великое княженіе на Литвѣ и другихъ земляхъ своего государства по конецъ его жизни [40]). Съ своей стороны Витовтъ поновилъ запись въ вѣрности, которую далъ при восшествіи Ягайла на польскій престолъ, обѣщался стоять неотступно при королѣ, коронѣ и земянахъ королевства Польскаго. Условлено было, что по смерти Витовта всѣ его владѣнія перейдутъ къ королю, его преемникамъ и къ коронѣ Польской, за исключеніемъ тѣхъ, которыя Витовтъ выдѣлитъ съ согласія короля брату своему Сигизмунду; съ этихъ владѣній Сигизмундъ будетъ обязанъ повиноваться и служить королю, его преемникамъ и коронѣ Польской, подобно всѣмъ другимъ литовскимъ и русскимъ князьямъ. Кромѣ того, оговорено было, что король и его преемники по смерти Витовта не лишатъ жены его Анны тѣхъ имѣній, которыя онъ далъ ей въ пожизненное владѣніе «въ вѣнѣ»: эти имѣнія перейдутъ къ королю, его преемникамъ и коронѣ Польской только по смерти княгини Анны. По особому желанію Ягайла Витовтъ выдалъ особую запись королевѣ Ядвигѣ, въ которой обѣщалъ никогда не покидать королевы и короны Польской, не искать мимо нея другой государыни, но способствовать совѣтомъ и дѣломъ ея возвышенію, пользѣ, чести и славѣ, и всѣми силами оборонять ее противъ всѣхъ непріятелей [41]).

---

[38]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 15—17.

[39]) Monumenta medii aevi, tomus VI, appendix № II, tomus XIV, appendix № 1.

[40]) «Nos in partem sue solicitudinis assumpsit,—свидѣтельствуетъ самъ Витовтъ въ одномъ изъ своихъ документовъ,—supremumque principatum terrarum suarum Littwaniae et ceterorum dominiorum suorum de manu sua nobi dedit et contulit ad tempora vite nostre. Monumenta medii aevi VI, № CCXXXIII. Срав. tomus XII, № 179.

[41]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCXXXIII, appendix № II; tomus XIV, app. № 1.

Островское соглашеніе 1392 года, какъ видно изъ всего сказаннаго, если не измѣнило Кревскій договоръ 1385 года въ принципѣ, то внесло въ него существенную поправку и дополненіе въ интересахъ великаго княжества Литовскаго. Оставаясь соединеннымъ неразрывно съ Польшею, великое княжество пріобрѣтало теперь извѣстную автономію, по крайней мѣрѣ, на время жизни Витовта, которому въ качествѣ великаго князя предоставлялось болѣе самостоятельная роль, чѣмъ простому старостѣ, хотя бы и генеральному (wielkorządca). Эта поправка, положившая начало возстановленію самостоятельности и самобытности великаго княжества Литовскаго, была результатомъ вмѣшательства литовскаго второстепеннаго княжья и первостепеннаго боярства, обойденныхъ при заключеніи уніи 1385 года. Это было ихъ дѣло, въ которомъ они наглядно показали свою общественную силу и политическое значеніе.

§ 3.

Съ возстановленіемъ великаго княженія на Литвѣ сила и значеніе тѣхъ общественныхъ классовъ, которые болѣе другихъ поработали для этого дѣла, не только не уменьшились, но естественно должны были еще болѣе возрасти. Ближайшимъ образомъ этотъ ростъ стоялъ въ связи съ крушеніемъ того общественнаго класса, который до 1392 года возвышался надъ всѣми остальными,—я разумѣю областныхъ князей.

Какъ уже сказано было выше, унія 1385 года, уничтожившая политическую индивидуальность великаго княжества Литовскаго, была дѣломъ крупныхъ князей и, кромѣ записи самого Ягайла, держалась de jure на тѣхъ отдѣльныхъ записяхъ, которые они дали на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской.

Движеніе 1389—1392 года, направленное противъ этой уніи, косвенно направлялось, такимъ образомъ, и противъ политическаго господства областныхъ князей, родственниковъ Ягайла. Островское соглашеніе 1392 г., внесшее существенную поправку къ договору 1385 года, было первымъ ударомъ, нанесеннымъ политическому господству Ягайловой родни. За этимъ ударомъ вскорѣ послѣдовали и другіе. Областные князья не могли быть довольны возстановленіемъ великаго княженія по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, это сдѣлалось безъ ихъ участія и вопреки тому, что было установлено ими въ 1385 году. Во-вторыхъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ могла быть непріятна самая личность новаго великаго князя, обошедшаго родныхъ братьевъ верховнаго государя Литвы. Но самое главное, — съ возстановленіемъ великаго княженія прекращалась и та свободная и независимая жизнь, къ ко-

торой они привыкли за семь лѣтъ, протекшихъ со времени заключенія уніи 1385 года. Унія 1385 года, втянувъ Ягайла въ кругъ интересовъ и заботъ новаго обширнаго государства, естественно заставила его предоставить областнымъ литовскимъ князьямъ болѣе свободы и независимости. Кромѣ того, унія измѣнила и ихъ матеріальное положеніе. Сдѣлавшись вассалами Польши, литовскіе областные князья перестали платить ту дань, которую они платили великому князю Литовскому [42]; по крайней мѣрѣ, ихъ записи на вѣрность ничего не говорятъ о платежѣ этой дани. Поэтому, когда Витовтъ, сдѣлавшись великимъ княземъ, захотѣлъ вступить во всѣ свои права, онъ натолкнулся на общее противодѣйствіе областныхъ князей: ему не хотѣли ни денегъ платить, ни помогать войскомъ противъ нѣмцевъ. Прежде другихъ поднялся князь Новгорода Сѣверскаго Димитрій - Корибутъ, который нѣкогда возставалъ и противъ Кейстута, сдѣлавшагося великимъ княземъ, и отказывалъ ему въ платежѣ дани. Корибутъ не сталъ ждать къ себѣ Витовта, но самъ пошелъ къ нему навстрѣчу. При Докудовѣ близъ Лиды Корибутъ потерпѣлъ пораженіе, бѣжалъ въ Новгородокъ и здѣсь былъ взятъ въ плѣнъ съ женою и дѣтьми и отосланъ Витовтомъ къ Ягайлу. Заступничество тестя его, Рязанскаго князя Олега Ивановича, возвратило ему личную свободу, но не вернуло отчины [43]). Вслѣдъ за Корибутомъ отказали Витовту въ «покорѣ» князь восточнаго Подолья Өедоръ Коріатовичъ и Кіевскій кн. Владиміръ Ольгердовичъ. Послѣдній отказался идти съ Витовтомъ въ походъ противъ непокорнаго князя Өедора Коріатовича. Но когда Витовтъ взялъ у него Житоміръ и Овручъ, Владиміръ пріѣхалъ къ Витовту и покорился ему. Витовтъ пока оставилъ его въ Кіевѣ, но спустя нѣкоторое время вывелъ его изъ Кіева и далъ ему Копыль, а въ Кіевѣ посадилъ Скиргайла, гдѣ тотъ въ скоромъ времени и умеръ [44]). Өедоръ Коріатовичъ также за непослушаніе лишился своей области и, взятый въ плѣнъ, посаженъ былъ въ заключеніе. Кромѣ этихъ князей лишился своей отчины, Витебской земли, и Свидригайло Ольгердовичъ. Свидригайло

[42]) О платежѣ этой дани см., напр., разсказъ нѣмецкой хроники о борьбѣ Кейстута съ Ягайломъ и Корибутомъ. *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 181, nota 409. Срав. *St. Smolki* Kiejstut i Jagiello, str. 7, 68.

[43]) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 38, 39. *Stryjkowskieg* Kronika, tom. II, str. 100, 101. Warszawa 1846; Scarbiec diplomatów I № 648.

[44]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 39. Это случилось уже в 1394—1395 [illegible] ów I, № 623, 647.

жилъ при матери своей, великой княгинѣ Ульянѣ, въ Витебскѣ, который данъ былъ ей въ пожизненное владѣніе. Когда великая княгиня Ульяна умерла, Ягайло поручилъ управленіе Витебскою землею своему сокольничему Веснѣ. Но Свидригайлу хотѣлось самому править землею, и онъ убилъ Весну. Витовтъ, по порученію Ягайла, отправился на него съ войскомъ, взялъ его въ плѣнъ и отослалъ въ Краковъ [45]). Изъ Волынской земли Витовтъ вывелъ въ 1393 году остававшагося тамъ Владимірскаго князя Ѳедора Любартовича и далъ ему взамѣнъ Владиміра Новгородокъ Сѣверскій. Ѳедоръ Любартовичъ пробылъ здѣсь, однако, недолго и въ 1398 году былъ уже въ Венгріи, около князя Свидригайла [46]). Вся эта расправа съ областными князьями несомнѣнно была вмѣстѣ съ тѣмъ и подавленіемъ мятежей самихъ областей, населеніе которыхъ увлекалось въ борьбу съ князьями, а иногда и само увлекало ихъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою. Это справедливо, напр., относительно Свидригайла, Корибута и Ѳедора Коріатовича [47]). Можно сказать поэтому, что побѣда Витовта надъ областными князьями знаменовала собою утвержденіе политическаго преобладанія поддерживавшей его Литовской земли (съ такъ называемою «Русью» включительно) надъ всѣми остальными землями порознь и въ совокупности.

Къ концу XIV в. сошли со сцены почти всѣ крупные князья Гедиминовичи, игравшіе въ свое время первенствующую политическую роль, при чемъ мѣста ихъ большею частью остались незанятыми. Въ 1399 году погибъ въ битвѣ на Ворсклѣ бывшій Полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ. Протомивъ его въ заключеніи около семи лѣтъ, Ягайло и Витовтъ выпустили его на свободу, но не вернули ему его княженія, такъ что онъ вынужденъ былъ кормиться въ Псковѣ или подачками братьевъ; въ Псковѣ же кормился и сынъ его Иванъ, а въ Полоцкѣ послѣ удаленія оттуда Скиргайла стали править великокняжескіе намѣстники. Въ битвѣ же на Ворсклѣ погибъ и другой братъ Ягайла—Димитрій, князь Брянскій; послѣ его смерти сыновья его получили одинъ только Трубчевскъ. Третій братъ Ягайла—Константинъ умеръ (до 1393 года), не получивъ княженія, и только сыну его Василію данъ былъ Чорторыйскъ на Волыни. Владиміръ Ольгердовичъ умеръ княземъ Копыльскимъ, не возвративъ себѣ Кіева (послѣднее

---

[45]) Лѣтопись, стр. 39; *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 50.

[46]) *Wolffa* Ród Gedimina, str. 75.

[47]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 38—40, 45. *Срав. Ѳ. И. Леонтовича* Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 160, прим. 4; 371, 372. Спб. 1894.

упоминаніе объ немъ относится къ 1398 г.). Его сыновья размѣщены были также на сравнительно мелкихъ владѣніяхъ: Александръ въ Слуцкѣ и Копыли, Иванъ въ Бѣлой, Андрей въ Каменцѣ и нѣсколькихъ другихъ волостяхъ Руси Литовской, а Кіевская земля перешла подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ. Въ 1399—1400 г. умеръ шестой братъ Ягайла—Θедоръ, который по общей сложности своихъ владѣній былъ довольно крупнымъ княземъ (ему принадлежали Ратно, Любомль, Кобринъ, Жидачевъ и нѣкоторыя другія волости на Руси Галицкой). Сыновья его, подѣлившіе отцовскія владѣнія, да и то не всѣ (Жидачевъ, напр., отобранъ былъ отъ нихъ и отданъ кн. Θедору Любартовичу), низошли уже въ разрядъ сравнительно мелкихъ князей (отъ нихъ пошли князья Кобринскіе, Сангушки-Ратненскіе и Гурковичи, владѣвшіе Красничиномъ въ Галицкой землѣ). Скиргайло Ольгердовичъ умеръ бездѣтнымъ, послѣ чего Кіевская земля перешла подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ; Димитрій - Корибутъ, хотя еще и жилъ, но не владѣлъ уже Сѣверскою землею. Не долго продержался въ ней и Θедоръ Любартовичъ, которому Ягайло далъ ее взамѣнъ Владимірскаго княжества, такъ что и Сѣверская земля въ самомъ концѣ XIV в. была безъ князя. Θедоръ Любартовичъ получилъ, какъ мы видѣли, кормленіе въ Галицкой землѣ. Прекратилось княжество и въ Керновѣ со смертью бездѣтнаго Вигунта-Александра. Великокняжескій намѣстникъ сидѣлъ въ Витебскѣ на мѣстѣ Свидригайла Ольгердовича, скитавшагося за границею [48]). Князь Семенъ Явнутьевичъ еще въ 1390 году попался въ плѣнъ къ крестоносцамъ и оттуда не вернулся, а братъ его Михаилъ погибъ въ битвѣ на Ворсклѣ въ 1399 году, оставивъ свое Заславское княжество не одному, а двумъ преемникамъ [49]). Изъ прежнихъ значительныхъ князей оставался только князь Мстиславскій Семенъ-Лингвеній; кромѣ того, въ Пинскѣ на мѣстѣ умершаго князя Василья Михайловича сидѣлъ князь Юрій. Такимъ образомъ, политическія бури и бѣды, постигшія Литовско-Русское государство въ послѣднее десятилѣтіе XIV вѣка, смели и разсѣяли съ политической арены великаго княжества крупныхъ князей, родню и пріятелей Ягайла. Уцѣлѣли изъ нихъ только немногіе, большая же часть крупныхъ княжествъ оказалась въ рукахъ великаго князя Витовта. Его сила и значеніе вслѣдствіе этого должны были возрости непомѣрно, ибо въ его непосредственномъ распоряженіи очутились и военныя, и финансовыя средства большей части земель Литовско-Русскаго государства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и

---

[48]) *Wolffa* Kniaziowie litewsco-ruscy, str. 336—339.

[49]) Ibidem, str. 587.

политическое значеніе тѣхъ общественныхъ классовъ, которые на своихъ плечахъ подняли Витовта на эту высоту.

Здѣсь прежде всего необходимо принять въ разсчетъ самый фактъ объединенія этихъ классовъ, послѣдовавшаго вслѣдъ за крушеніемъ областныхъ княженій. Второстепенные литовскіе и русскіе князья и литовское боярство собрались теперь вокругъ одного вождя и, объединенные, естественно стали болѣе могущественною силою, чѣмъ были прежде. Съ устраненіемъ крупныхъ князей Гедиминовичей они заняли ихъ мѣсто при великомъ князѣ Литовскомъ, сдѣлались его главною опорою и поддержкою, главными совѣтниками и сотрудниками какъ въ будничной правительственной работѣ, такъ и въ рѣшеніи чрезвычайныхъ и особо важныхъ вопросовъ государственной жизни. Если прежде, когда великимъ княземъ былъ Ягайло, «ко старымъ думамъ» пріѣзжалъ къ нему дядя его Кейстутъ, родные и двоюродные братья [50]), то теперь «рада» великаго князя стала наполняться преимущественно второстепенными литовско-русскими князьями и первостепенными литовскими боярами [51]). Эти князья и бояре заступили мѣсто прежнихъ крупныхъ князей не только въ центрѣ государства, въ великокняжескомъ совѣтѣ, но и въ областяхъ въ качествѣ великокняжескихъ намѣстниковъ. Въ качествѣ великокняжескаго намѣстника бывшаго Виленскаго княжества сѣлъ въ Вильнѣ первостепенный литовскій бояринъ или, согласно польской терминологіи, *панъ* Монивидъ; на Троцкомъ княженьѣ Скиргайла сѣлъ панъ Кимунтъ Гинвилъ, на Полоцкомъ панъ Монтыгирдъ [52]); на Кіевскомъ—князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій [53]); на Смоленскомъ княженьѣ послѣ изгнанія оттуда въ 1395 году туземныхъ князей сѣли литовскій князь Ямунтъ и бояринъ Василій Борейковичъ [54]) и т. д. Какъ замѣстители князей, эти областные намѣстники изъ князей и бояръ литовскихъ въ земляхъ - аннексахъ стали выше мѣстнаго

[50]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 29; Monumenta medii aevi. tomus II, № III. *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy. str. 59 60 и др.

[51]) Терминъ «рада» перешелъ въ литовско-русскій словесный оборотъ изъ Польши почти одновременно съ уніею. Примѣръ наиболѣе ранняго его употребленія см. въ актѣ поручительства сѣверскихъ князей и бояръ за кн. Димитрія Корибута отъ 26 апр. 1388. Archiwum Sanguszków I, № IX.

[52]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 44, 55, 72. Kraków 1885.

[53]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 95.

[54]) Ibidem, str. 151. Срав. *Барбашева* Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, стр. 91—92. Спб. 1885.

боярства, изъ котораго набирались только второстепенныя должностныя лица, ихъ помощники по управленію областями, и мѣстныя ополченія. Въ общемъ, такимъ образомъ, можно сказать, что боярство земель-аннексовъ подчинено было литовской знати. Даже сохраненіе и торжественное подтвержденіе областной старины, мѣстныхъ правъ и вольностей, при удаленіи областныхъ князей, косвеннымъ образомъ содѣйствовало политическому возвышенію литовскихъ князей и бояръ, ибо замыкало боярство земель—аннексовъ въ мѣстной жизни и въ мѣстныхъ интересахъ [55]). Съ объединеніемъ вокругъ одного вождя, съ расширеніемъ сферы дѣятельности на все государство, и политическій кругозоръ, и чувства означенныхъ литовскихъ князей и бояръ должны были выйти изъ прежнихъ узкихъ рамокъ и обнять все государство. Они увидали и почувствовали себя до извѣстной степени хозяевами государства и вершителями его судебъ. Витовтъ, стремившійся къ независимости отъ Ягайла и Польши, какъ видно изъ всего его образа дѣйствій, только поощрялъ это самосознаніе и самочувствіе.

Въ 1398 году, въ бытность короля Ягайла въ Вильнѣ, въ Польшѣ пронесся слухъ, что Ягайло хочетъ вполнѣ сравнять съ собою Витовта и провозгласить его королемъ. Слухъ этотъ порожденъ былъ, конечно, наблюденіями, имѣвшимися въ Польшѣ относительно стремленій Витовта къ независимости. Польскіе паны научили Ядвигу отвѣтить на это намѣреніе, грозившее разрывомъ уніи Литвы съ Польшею, требованіемъ къ Витовту объ уплатѣ дани съ Подолья, которое будто бы записалъ ей въ вѣнѣ Ягайло. На самомъ дѣлѣ Ягайло записалъ Ядвигѣ земли Куявскую и Русскую, т. е. Червонную Русь (25 января 1386 года) [56]). Но Поляки къ составу этой послѣдней причислили и Подолье. Это требованіе страшно возмутило Витовта. Онъ собралъ своихъ бояръ и, прочтя имъ грамоту Ядвиги, спросилъ, желаютъ ли они быть данниками Польши. Буря негодованія разразилась тогда въ совѣтѣ литовскихъ бояръ, которые заявили, что ничьими данниками они не были и не будутъ [57]). Витовтъ сталъ послѣ этого готовиться къ борьбѣ съ Польшею. Чтобы имѣть свободныя руки со стороны Ор-

---

[55]) О сохраненьѣ и подтвержденьѣ Витовтомъ областной старины см. наше изслѣдованіе «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства», стр. 26—28, 30, 32, 37.

[56]) Codex diplomaticus Poloniae, ed. Rzyszczewski et Muczkowski, tomus II, pars I. № CCCXXXIII. Varsaviae 1848.

[57]) *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 74, 75; *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 20; Scarbiec diplomatow I, № 689.

дена, Витовтъ поспѣшилъ войти съ нимъ въ переговоры о мирѣ, причемъ собственною властью, не спрашиваясь Ягайла, уступилъ Ордену часть Жмуди. Въ прелиминарномъ договорѣ отъ 23 апрѣля 1398 года было оговорено, что Орденъ обратится къ Ягайлу за подтвержденіемъ этой уступки лишь въ томъ случаѣ, если это не будетъ непріятно Витовту [58]). Договоръ этотъ подтвержденъ былъ при личномъ свиданіи Витовта съ магистромъ на островѣ Салинѣ 12 октября 1398 г., причемъ прибывшіе съ Витовтомъ литовцы дали ручательство въ томъ, что договоръ будетъ свято выполняться какъ самимъ Витовтомъ, такъ и его преемниками, что этому они будутъ содѣйствовать убѣжденіемъ и дѣломъ (et ad quelibet tacta capittula predictum dominum nostrum Alexandrum, suos heredes, coheredes et successores fideliter hortabimur et efficacifer inducemus) [59]).

Кто же были эти поручители, взявшіе на себя столь авторитетное и властное обязательство? Договоры Витовта съ магистромъ перечисляютъ ихъ поименно. То были: Владиміръ, двоюродный братъ Витовта, слѣдовательно — Владиміръ Ольгердовичъ, князь Копыльскій; князь Сигизмундъ, родной братъ Витовта, князья: Юрій Пинскій, Михаилъ Заславскій (dux de Salsa), Александръ (Патрикѣевичъ) Стародубскій, Иванъ Гольшанскій (de Gloschaw), Иванъ Друцкій, Ямунтъ Клецкій; бояре (bajoren): Минигайло, намѣстникъ Ошменскій (capitaneus in Aschnim), Монивидъ, намѣстникъ Виленскій, Бартошъ (Bratusz de Mies), извѣстный уже Василій Борейковичъ, Чупурно, маршалокъ двора, Гаштольдъ, намѣстникъ Кревскій, Кинмунтъ Гинвилъ, намѣстникъ Троцкій (in Tranken), Сунгайло, намѣстникъ Ковенскій, Волимунтъ Бушкевичъ (Wallmund filius Bussky), Вежкгайло, намѣстникъ Вилькомирскій (Wigaik capitaneus in Willkomir), Остикъ, намѣстникъ Упшольскій (Astik capitaneus in Uffpale), Корейка, намѣстникъ Мѣдницкій, конюшій Немиръ (Namur marschalcus equorum), Ройвидъ, намѣстникъ Пенянскій (in Peunaw), Гирдъ Скаматовичъ (Girde Scammati filius), Готардъ Толтигиндъ (filius Gyncawi), Гинтовтъ Мингайловичъ, Зайстольдъ и Сельвинъ [60]). Такимъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ подручныхъ Витовту князей, мы видимъ здѣсь все лицъ изъ

---

[58]) Scarbiec diplomatów I, № 690—694. Monumenta medii aevi, tomus VI, № CLXXIX.

[59]) Scarbiec diplomatów I, № 695. *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczny Litwy, str. 253—257.

[60]) *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczny Litwy, str. 256; Monumenta medii aevi, tomus VI, № CLXXIX.

состава литовской правительственной знати, составлявшей высші литовскаго боярства.

Итакъ, вотъ кто ручался за исполненіе договора 1398 год кто считалъ себя вершителемъ судебъ государства. Какъ нас были эти люди, очень хорошо показываетъ слѣдующій эпизодъ шедшій на этомъ же дипломатическомъ съѣздѣ. По окончанія говоровъ великій магистръ позвалъ Витовта съ женою и со все тою къ себѣ на пиръ. На пиру литовцы и русскіе провозгласи товта королемъ Литвы и Руси, торжественно показывая, что он себѣ господа и знать не хотятъ ни Ягайла, ни поляковъ съ их тензіями [41]. Хотя это провозглашеніе и не имѣло практически слѣдствій, такъ и осталось застольнымъ эпизодомъ, но оно во в случаѣ характерно для политическаго самочувствія и самосознані шихъ съ Витовтомъ князей и бояръ.

Послѣ всего этого естественно ожидать, что судьбами ве княжества Литовскаго уже не будутъ распоряжаться, не спраш этихъ князей и бояръ. И факты вполнѣ подтверждаютъ это п ложеніе.

§ 4.

Обстоятельства сложились для Витовта такъ неблагопріят ему пришлось не только покинуть мысль объ отдѣленіи отъ П но поновлять унію съ нею. Въ 1399 году умерла королева Я и Ягайлу, державшемуся въ Польшѣ въ качествѣ ея супруга, угрожать опасность лишиться Польской короны. По крайней мѣ знаемъ, что опасенія на этотъ счетъ у него были [42]). Эти оп имѣли свое основаніе въ томъ, что Ягайло не выполнилъ точно обязательствъ передъ Польшею, данныхъ въ 1385 году, и не сое еще съ нею во едино великое княжество Литовское. Чтобы воз вить свое пошатнувшееся положеніе, Ягайло сталъ хлопотать о вленіи уніи Литвы съ Польшею, дабы разсѣять всякія сомнѣнія ковъ на этотъ счетъ. Въ данномъ случаѣ онъ вполнѣ сошелся Витовтомъ, которому не могла улыбаться перспектива возвраще Литву государя, посадившаго его вмѣсто себя на великомъ кня Кромѣ того, погромъ на Ворсклѣ уже достаточно вразумилъ В въ невыгодности отдаленія отъ Польши. Разсерженные предшеству

---

[41]) *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 87.

[42]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XII, p. 537, 538. Cr MDCCCLXXVI.

поведеніемъ Витовта поляки не оказали ему должной помощи въ борьбѣ съ татарами, и Витовтъ потерпѣлъ полное пораженіе [63]). Пользуясь этимъ поднялъ голову и Свидригайло, незадолго предъ тѣмъ освободившійся изъ заключенія и получившій часть Подолья, и началъ обнаруживать непріязненные замыслы противъ Витовта. Опасность со стороны Свидригайла была тѣмъ значительнѣе, что онъ успѣлъ сдѣлаться популярнымъ у русскихъ людей великаго княжества [64]). Все это заставило и Витовта искать сближенія съ Ягайломъ и Польшею и скрѣпленія уніи. Для этого Ягайло и Витовтъ обратились прежде всего къ старому, уже испытанному средству,—сбору записей на вѣрность королю и коронѣ Польской. Такая запись взята была (31 декабря 1400 г.) съ князя Александра Патрикѣевича Стародубскаго, который обязался по смерти господаря своего Витовта не искать себѣ другихъ господарей, помимо короля Владислава, и не отлучаться отъ короны Польской «никоторымъ вeременемъ» [65]). Подобныя же записи выдали князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій (5 февраля 1401 г.), князья Юрій и Андрей Заславскіе (24 февраля 1401 г.), князь Юрій Довкговдъ (24 февраля 1401 г.), князь Семенъ Друцкой (11 мая 1401 г.) [66]). Все это были князья, вновь выступившіе на политическое поприще къ 1401 году и не выдававшіе еще записей на вѣрность королю и коронѣ Польской, или обойденные при заключеніи уніи 1385 года (напр. кн. Иванъ Гольшанскій). Въ то же время (18 января) и самъ Витовтъ новою грамотою подтвердилъ свое прежнее соглашеніе съ Ягайломъ [67]), состоявшееся въ Островѣ 5 августа 1392 года.

Въ 1392 году за исполненіе договора со стороны Литвы при жизни и по смерти Витовта поручилась его жена, княгиня Анна [68]). Но въ 1401 году поляки уже не были столь наивными, какъ въ 1392 году, и потребовали гарантій въ соблюденіи уніи съ тѣхъ, кто уже показалъ на дѣлѣ свою силу и авторитетъ по этой части, и кто уже фигурировалъ въ качествѣ договаривающейся стороны въ 1398 году на островѣ Салинѣ. Я разумѣю второй слой литовско-русскихъ кня-

---

[63]) *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 101, 102.

[64]) Scarbiec diplomatów I, № 731; срав. *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 52, 53.

[65]) Акты Зап. Рос. I, № 17.

[66]) Акты Зап. Рос. I, № 18, 19, 20; Monumenta medii aevi, tomus II, № XXVII—XXXII.

[67]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCXXXIII.

[68]) Ibidem, № XCII.

[illegible]ей и литовское боярство. На ихъ долю и выпала теперь главная ро[illegible] при возобновленіи той уніи, которая заключена была ранѣе, въ 1385 [illegible] областными князьями.

Съ этою цѣлью въ началѣ 1401 года ихъ собрали въ Вильн[illegible] Въ одинъ день съ Витовтомъ 18 января они выдали отъ себя пис[illegible]менныя гарантіи въ соблюденіи уніи. Они [illegible] обязались по[illegible]могать королю, коронѣ и [illegible] королевства Польскаго противъ на[illegible]паденій враговъ и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, радѣть об[illegible] ихъ добрѣ и пользѣ, какъ о своемъ собственномъ; по смерти Витовт[illegible] обязались не искать себѣ другого государя, помимо польскаго корол[illegible] къ которому согласно договору должно перейти великое княжеств[illegible] но при томъ условіи, что въ случаѣ смерти короля Владисла[illegible] поляки не выберутъ себѣ короля безъ ихъ и Витовтова вѣдома и совѣт[illegible] sine scitu et consilio [illegible] domini ducis Witowdi et nostra [illegible] [illegible] [69].

Въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] личность тѣхъ лиц[illegible] которые въ [illegible] [illegible] были [illegible], договаривавшеюся с[illegible] [illegible] съ поляками. Это были тѣ же самыя лица, которыя участво[illegible] вали въ договорѣ съ [illegible] въ 1399 году и другія того же круг[illegible] и [illegible] [illegible] высшаго боярства Литвы и Рус[illegible] [illegible] [illegible] князь Иванъ [illegible] Гольшанск[illegible] съ [illegible] Андреемъ, Семеномъ и прочими, [illegible] Гедигол[illegible] [illegible] съ братомъ [illegible], [illegible] Бартошъ съ сы[illegible] [illegible] [illegible], [illegible] съ братомъ [illegible] и прочими, мар[illegible] [illegible] князь Семенъ [illegible], [illegible] уже извѣстна[illegible] [illegible] [illegible], погибшаго въ [illegible] въ 1399 г., Ѳедоръ Льво[illegible] вичъ съ братомъ [illegible] князья [illegible] [70], Гаштольдъ съ сы[illegible] номъ [illegible], [illegible] съ сыномъ [illegible] и прочими, Кимунт[illegible] съ сыномъ Давкшею [illegible], [illegible] [illegible], Гинтовт[illegible] (Gyntolt), Остикъ съ братомъ [illegible], [illegible] съ братомъ (cu[illegible] Praezhgindo), Немиръ съ братьями, [illegible], [illegible] Васильевичъ, Войшатъ [illegible], [illegible] и [illegible] [illegible] съ про[illegible]чими братьями, [illegible], [illegible] [illegible] съ братомъ Волчкомъ [illegible] прочими, Войшвилъ съ сыномъ [illegible], [illegible] Толтигиновичъ с[illegible] братьями, Бутовтъ, [illegible], [illegible] [illegible] съ своим[illegible] братьями, Довойно [illegible], [illegible] съ сыномъ Вешком[illegible] Волчко Велутевичъ, [illegible] [illegible] [illegible]?), Довгерд[illegible]

---

[69]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCXXXIV.

[70]) *Wolffa* Kniaziowie [illegible], str. [illegible]

Войнисъ, Водычъ съ братьями, Голыгиндъ (Голигунтъ?), Выіндиминъ, Ешисъ Шкливровичъ съ своею роднею (cum cognacionibus et genealogiis suis)[71]). Сверхъ поименованныхъ лицъ, принадлежавшихъ, очевидно, къ первостепенной литовской знати, въ качествѣ участниковъ обязательства обозначается вся остальная знать и все вообще боярство Литвы и Руси, хотя и не перечисляемое поименно, но давшее свое согласіе (quorum quamvis nomina singulatim hic non sunt expressa, tamen consensus ad subscripta adest). Это боярство, такимъ образомъ, несомнѣнно было на собраніи, хотя, конечно, врядъ ли въ буквальномъ смыслѣ въ полномъ составѣ (tota universitas).

Какъ бы то ни было, въ 1401 году впервые на политической аренѣ Литовско-Русскаго государства выступаетъ собраніе князей и бояръ Литвы и Руси въ качествѣ *правоспособнаго* участника въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, съ извѣстною признанною по этой части *компетенціею*. По смыслу того договора, въ который вступили съ поляками перечисленные князья и бояре [72]), предполагалось и впредь ихъ участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, вытекающихъ изъ уніи, въ частности въ выборѣ общаго государя Польши и Литвы. Такимъ образомъ, собранія, подобныя настоящему, предполагались и на будущее время. Если такъ, то и собраніе 1401 года нельзя не признать народившимся новымъ учрежденіемъ, которому отнынѣ предстояло занять извѣстное мѣсто въ системѣ государственныхъ органовъ великаго княжества и отправлять извѣстныя политическія функціи.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію дальнѣйшей исторіи этого учрежденія, присмотримся сначала къ его физіономіи въ данный моментъ и сравнимъ его черты съ чертами литовско-русскаго сейма въ послѣдней стадіи его развитія.

Прежде всего бросается въ глаза его мѣстный составъ. Хотя сеймъ выступаетъ въ роли общегосударственнаго представительнаго учрежде-

---

[71]) Въ спискахъ акта 1401 года имена литовскихъ пановъ, его подтверждавшихъ, искажены. Наиболѣе исправный въ этомъ отношеніи списокъ напечатанъ Прохаскою въ Monum. medii aevi, tomus VI, № CCXXXIV. Приведенныя здѣсь имена ближе, чѣмъ въ другихъ спискахъ, подходятъ къ литовскимъ именамъ, приводимымъ въ болѣе позднихъ документахъ латинскихъ и русскихъ, ближайшимъ образомъ въ актахъ, выданныхъ въ 1413 году въ Городлѣ. Zbiór praw litewskich, str. 7—24.

[72]) Польскіе паны и шляхта съ своей стороны выдали литовско-русскимъ князьямъ и боярамъ аналогичную запись на сеймѣ въ Радомѣ 11 марта 1401 г. Codex diplomaticus Poloniae, ed. Rzyszczewski et Muczkowski, tomus I № CLI.

[illegible] почти исключительно [illegible] с нею упра- [illegible] Литовской (по Бере- [illegible], но сред- [illegible] изъ этихъ областей, [illegible] только нѣсколько стар- [illegible] Гаштольтъ, Дров- [illegible] представителей отъ земель- [illegible] не видимъ. Эта [illegible] объясняется тѣми [illegible] выше. Въ ней ска- [illegible] который про- [illegible] областныхъ [illegible] и отчасти [illegible] политическій перевѣсъ [illegible] преобладанія [illegible] составлявшихъ [illegible] Литовскаго, надъ всѣми [illegible].

[illegible] на этомъ [illegible] родоначальниковъ [illegible] приглашались на сеймы, [illegible], какъ въ силу [illegible] и въ силу тради- [illegible], потомки которыхъ [illegible] должности и высокое [illegible] начало [illegible] потомки котораго [illegible] были первыми во- [illegible] которого пошли двѣ линіи [illegible]—[illegible] и [illegible], члены ко- торыхъ были [illegible] сеймовъ; *Немиръ*, давшій начало [illegible], изъ которыхъ выхо- дили также члены [illegible] земскіе и двор- ные; Кезгайло, потомки котораго — [illegible] были обязательными участниками сеймовъ въ качествѣ [illegible]; *[illegible]рдо-*, потомки которыхъ также [illegible] были участниками на сеймахъ въ качествѣ пановъ [illegible]. [illegible], давшій начало роду пановъ хоругвныхъ *Довойновъ*, изъ которыхъ [illegible] и [illegible], и дру- гія должностныя лица; [illegible], давшій начало [illegible] же роду па-

[illegible]) Срав. Monumenta [illegible] VI. № LXVII.

новъ *Волчковичей* [74]). Болѣе тщательныя генеалогическія розысканія, быть можетъ, откроютъ въ составѣ сойма 1401 года и еще какихъ-нибудь родоначальниковъ позднѣйшихъ фамилій изъ «становъ, сойму належачихъ».

Переходя къ компетенціи народившагося учрежденія мы видимъ, что здѣсь пока опредѣлилось только право его участвовать въ рѣшеніи вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ самостоятельностью и самобытностью великаго княжества Литовскаго и намѣтилось право его избирать государя для этого государства. Эти права, какъ увидимъ ниже, составили прочное пріобрѣтеніе литовско-русскаго сейма, съ которымъ онъ не разставался до самаго конца своего существованія.

§ 5.

Наблюденія, вынесенныя нами изъ разсмотрѣнія состава и дѣяній перваго литовско-русскаго сейма, находятъ себѣ полное подтвержденіе и въ томъ, что даетъ по этой части второй литовско-русскій сеймъ, собиравшійся въ 1413 году въ Городнѣ на Бугѣ вмѣстѣ съ польскимъ. Этотъ сеймъ былъ созванъ для пересмотра договора объ уніи и новаго ея подтвержденія. Новый договоръ понадобился вслѣдствіе перемѣнъ, совершившихся къ тому времени во внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи великаго княжества и въ его отношеніяхъ къ сосѣдямъ, и особенно къ Польшѣ. Къ тому времени великое княжество Литовское успѣло уже совершенно оправиться отъ послѣдствій пораженія на Ворсклѣ. Оно возстановило свой престижъ среди татаръ и заняло твердое и внушительное положеніе по отношенію къ сѣверо-восточной Руси. Витовтъ, какъ и прежде, до битвы на Ворсклѣ, сталъ вмѣшиваться въ борьбу, происходившую въ Ордѣ между разными претендентами на ханскій престолъ и вліять на ея исходъ въ интересахъ великаго княжества. Смоленская земля, выбившаяся было изъ-подъ власти великаго князя Литовскаго, въ 1405 году вновь была покорена и отдана въ въ управленіе литовскимъ намѣстникамъ; подчинились великому князю Литовскому и различные удѣльные князья ея, владѣнія которыхъ облегали ее съ сѣвера, востока и юга (Вяземскіе, Ѳоминско-Березуйскіе и др.) [75]). Съ княжествами и землями сѣверо-восточной Руси, т. е. съ

---

[74]) *Boniecniego* Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem, str. 48—50, 56—60, 76—83, 119—123, 185—187, 205—208, 223—227, 269—280, 417—419. Warszawa 1887.

[75]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 282—285.

денія, но въ немъ участвуютъ князья и бояре почти исключительно изъ собственной Литовской земли и тѣсно соединенной съ нею управленіемъ, землевладѣніемъ и населеніемъ «Руси» Литовской (по Березинѣ и ея притокамъ, по Припяти и ея лѣвымъ притокамъ, по среднему Днѣпру и Сожу). Кромѣ князей и бояръ изъ этихъ областей, на сеймѣ присутствуетъ, повидимому, еще только нѣсколько старшихъ бояръ изъ Жмудской земли (Кезгайло, Остикъ, Гинейтъ, Дровмутисъ)[73]) и князья Воротынскіе. Другихъ представителей отъ земельаннексовъ великаго княжества на этомъ сеймѣ мы не видимъ. Эта особенность перваго литовско-русскаго сейма вполнѣ объясняется тѣми обстоятельствами, о которыхъ было уже говорено выше. Въ ней сказался съ полною наглядностью тотъ же самый фактъ, который проявился въ уничтоженіи большинства областныхъ княженій и отчасти воспослѣдовалъ за этимъ уничтоженіемъ, т. е. политическій перевѣсъ и установленіе политическаго преобладанія земель, составлявшихъ государственное ядро великаго княжества Литовскаго, надъ всѣми остальными.

Присматриваясь къ наличному составу участвовавшей на этомъ сеймѣ первостепенной знати, мы открываемъ здѣсь родоначальниковъ нѣсколькихъ фамилій, члены которыхъ и позже приглашались на сеймы, принадлежали viritim къ «станамъ, сойму належачимъ», какъ въ силу своего должностнаго и общественнаго значенія, такъ и въ силу традиціи, прецедентовъ. Таковы были: *князья Гольшанскіе*, потомки которыхъ чуть не до самой уніи занимали первостепенныя должности и высокое положеніе въ господарской радѣ; Зеновій Бартошевичъ, давшій начало роду пановъ хоруговныхъ *Зеновьевичей; Гаштольдъ*, потомки котораго совмѣстно съ князьями Гольшанскими долгое время были первыми воротилами въ великомъ княжествѣ; Остикъ, отъ котораго пошли двѣ линіи первостепенныхъ фамилій—*Радивиловъ* и *Остиковичей*, члены которыхъ были и панами радными, и обязательными участниками сеймовъ; *Немиръ*, давшій начало роду пановъ Немировичей, изъ которыхъ выходили также члены рады господарской и разные урядники земскіе и дворные; Кезгайло, потомки котораго — *Кезгайловичи* были обязательными участниками сеймовъ въ качествѣ Жмудскихъ старостъ; *Монтыгирдовичи*, потомки которыхъ также должны были участвовать на сеймахъ въ качествѣ пановъ радныхъ; Довойно, давшій начало роду пановъ хоруговныхъ *Довойновъ*, изъ котораго выходили и паны радные, и другія должностныя лица; Волчко, давшій начало подобному же роду па-

---

[73]) Срав. Monumenta medii aevi, tomus VI, № LXVII.

новъ *Волчковичей* [74]). Болѣе тщательныя генеалогическія розысканія, быть можетъ, откроютъ въ составѣ сойма 1401 года и еще какихъ-нибудь родоначальниковъ позднѣйшихъ фамилій изъ «становъ, сойму належачихъ».

Переходя къ компетенціи народившагося учрежденія мы видимъ, что здѣсь пока опредѣлилось только право его участвовать въ рѣшеніи вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ самостоятельностью и самобытностью великаго княжества Литовскаго и намѣтилось право его избирать государя для этого государства. Эти права, какъ увидимъ ниже, составили прочное пріобрѣтеніе литовско-русскаго сейма, съ которымъ онъ не разставался до самаго конца своего существованія.

§ 5.

Наблюденія, вынесенныя нами изъ разсмотрѣнія состава и дѣяній перваго литовско-русскаго сейма, находятъ себѣ полное подтвержденіе и въ томъ, что даетъ по этой части второй литовско-русскій сеймъ, собиравшійся въ 1413 году въ Городнѣ на Бугѣ вмѣстѣ съ польскимъ. Этотъ сеймъ былъ созванъ для пересмотра договора объ уніи и новаго ея подтвержденія. Новый договоръ понадобился вслѣдствіе перемѣнъ, совершившихся къ тому времени во внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи великаго княжества и въ его отношеніяхъ къ сосѣдямъ, и особенно къ Польшѣ. Къ тому времени великое княжество Литовское успѣло уже совершенно оправиться отъ послѣдствій пораженія на Ворсклѣ. Оно возстановило свой престижъ среди татаръ и заняло твердое и внушительное положеніе по отношенію къ сѣверо-восточной Руси. Витовтъ, какъ и прежде, до битвы на Ворсклѣ, сталъ вмѣшиваться въ борьбу, происходившую въ Ордѣ между разными претендентами на ханскій престолъ и влiять на ея исходъ въ интересахъ великаго княжества. Смоленская земля, выбившаяся было изъ-подъ власти великаго князя Литовскаго, въ 1405 году вновь была покорена и отдана въ въ управленіе литовскимъ намѣстникамъ; подчинились великому князю Литовскому и различные удѣльные князья ея, владѣнія которыхъ облегали ее съ сѣвера, востока и юга (Вяземскіе, Ѳоминско-Березуйскіе и др.) [75]). Съ княжествами и землями сѣверо-восточной Руси, т. е. съ

---

[74]) *Boniecniego* Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem, str. 48—50, 56—60, 76—83, 119—123, 185—187, 205—208, 223—227, 269—280, 417—419. Warszawa 1887.

[75]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 282—285.

говоръ устанавливалъ, такимъ образомъ, что Литва всегда будетъ имѣть своего государя, отдѣльнаго отъ Польши, которому король Польскій будетъ делегировать свою власть. По сравненію съ предшествующими договорами, устанавливавшими особое великое княженіе на Литвѣ только на время Витовтовой жизни, здѣсь была сдѣлана крупная уступка литовскому сепаратизму. Тѣмъ сильнѣе старались поляки подчеркнуть въ подтвердительномъ документѣ фактъ уніи и вложили въ уста Ягайла и Витовта чуть не всѣ глаголы, какими только можно было обозначить соединеніе. Ягайло и Витовтъ заявляли въ документѣ, что свои земли, кои находились и до сихъ поръ находятся въ ихъ полномъ распоряженіи, на чистомъ и смѣшанномъ правѣ, они вновь инкорпорируютъ и внѣдряютъ въ королевство Польское, присвоиваютъ ему, соединяютъ и объединяютъ съ нимъ, связываютъ союзомъ и навсегда скрѣпляютъ и т. д. Весьма знаменательнымъ при этомъ является признаніе, что сдѣлано ими это по волѣ, одобренію и согласію пановъ и бояръ шляхты великаго княжества Литовскаго [83]).

Итакъ, и на этотъ разъ въ качествѣ правоспособнаго политическаго дѣятеля выступаетъ собраніе литовскихъ «бароновъ» и «шляхты», т. е. вельможныхъ и знатныхъ бояръ. Извѣстная группа наиболѣе вліятельныхъ лицъ изъ этого класса выдала, какъ и въ 1401 году, за себя и за всю шляхту бояръ и обывателей великаго княжества формальную запись въ соблюденіи уніи съ Польшею и всѣхъ ея условій [84]). Съ литовской стороны эта запись должна была служить эквивалентомъ подобной же записи, выданной литовцамъ сеймомъ польскихъ бароновъ,

---

[83]) Easdem terras, quas semper cum pleno dominio, ac jure mero et mixto, hactenus habuimus et habemus, usque modo a progenitoribus nostris, et ordine geniturae, tanquam domini legitimi, baronum, nobilium, boyarorum voluntate, ratihabitione et consensu adhibitis, praedicto regno Poloniae iterum de nouo incorporamus, invisceramus, approrpriamus, conjungimus, adjungimus, confoederamus et perpetue annectimus... Zbiór praw litewskich, str. 11, 12.

[84]) Кромѣ исполненія вышеизложенныхъ условій относительно избранія великаго князя Литовскаго и короля польскаго, литовцы клятвенно обѣщались никогда не покидать прелатовъ, пановъ, шляхту и все королевство Польское во всѣхъ ихъ бѣдахъ, помогать имъ противъ козней и нападеній враговъ совѣтомъ, дѣломъ и асположеніемъ, не начинать ссоръ, войнъ и столкновеній безъ ихъ вѣдома и желанія, совѣта и разслѣдованія; не покидать никогда короля Ягайла и великаго князя Витовта и помогать имъ совѣтомъ, дѣломъ и расположеніемъ. Zbiór praw litewskich, str. 20—24.

или пановъ, и шляхты [85]). Устанавливая унію съ Литвою, польскіе паны имѣли сначала дѣло только съ ея князьями. Но когда обязательства князей оказались недостаточными, польскіе паны вызвали къ договору и другія крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, сеймъ литовскихъ бояръ. Съ ними они намѣревались и впредь вершить всѣ дѣла, касающіяся общихъ интересовъ обѣихъ государствъ. Ягайло и Витовтъ объявляли поэтому въ своемъ привилеѣ, что прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго и земель Литовскихъ будутъ имѣть сеймы для совѣщаній (conventiones et parlamenta) о благѣ и пользѣ обѣихъ государствъ въ Люблинѣ или Парчовѣ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ, всякій разъ, когда будетъ необходимо, съ ихъ государева согласія и воли. Сеймы, такимъ образомъ, узаконялись и на будущее время, какъ для избранія государей Польши и Литвы, такъ и для рѣшенія другихъ вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ уніею Польши и Литвы.

По перечню лицъ, получившихъ въ Городлѣ польскіе гербы, можно до извѣстной степени судить и о томъ, кто былъ на сеймѣ 1413 года съ литовской стороны. Здѣсь были: воевода Виленскій Монивидъ, воевода Троцкій Явнисъ, каштелянъ, или панъ, Виленскій Минигайло, каштелянъ Троцкій Сунигайло; намѣстникъ, или староста, Полоцкій Немиръ; Остикъ, Бутримъ, Голигунтъ, Николай Былиминъ, Альбрехтъ Корейво, Вышегердъ, Петръ Монтигирдъ, Николай Тавтигердъ, Янъ Гаштольдъ, Волчко Кульва, Бутовтъ, Ядатъ, Калонъ, Янъ Римовидовичъ, Гинейтъ Кончевичъ, Давкша, Николай Бойнаръ, Волчко Кокутовичъ, Гетовтъ, Дангель, Якубъ Мингайло, Войшнаръ Вилколевичъ, Юрій Сангавъ, Сака, Нацко, Твирбутъ, Монствилъ, Станиславъ Вышигинъ, Войсымъ Данейковичъ, Монстольдъ, Андрей Девкнетовичъ, Мынимунтъ Сосниковичъ, Родивилъ, Кочанъ, Мщугъ, Гербудъ, Чуппа, Войдылъ Кусоловичъ, Кочанъ Суковичъ, Янъ Эвилдъ, Станиславъ Бутовтовичъ, Сируть (Surgutas) изъ Рѣшникъ и т. д. [86]). Изъ этого перечня видно, что на сеймѣ 1413 года въ Городлѣ участвовала чиновная литовская знать и другіе первостепенные бояре изъ собственной литовской земли. Все это были частью тѣ же самыя лица, которыя участвовали и на сеймѣ 1401 года, а частью новыя, но все же изъ того круга первостепеннаго литовскаго боярства. Среди нихъ можно узнать еще нѣсколько лицъ изъ фамилій, принадлежавшихъ позднѣе

---

[85]) Codex diplomaticus Poloniae, ed. Rzyszczewski et Muczkowski, tomus I, № CLXII.

[86]) Zbiór praw Litewskich, str. 20—24.

говоръ устанавливалъ, такимъ образомъ, что Литва всегда будетъ имѣть своего государя, отдѣльнаго отъ Польши, которому король Польскій будетъ делегировать свою власть. По сравненію съ предшествующими договорами, устанавливавшими особое великое княженіе на Литвѣ только на время Витовтовой жизни, здѣсь была сдѣлана крупная уступка литовскому сепаратизму. Тѣмъ сильнѣе старались поляки подчеркнуть въ подтвердительномъ документѣ фактъ уніи и вложили въ уста Ягайла и Витовта чуть не всѣ глаголы, какими только можно было обозначить соединеніе. Ягайло и Витовтъ заявляли въ документѣ, что свои земли, кои находились и до сихъ поръ находятся въ ихъ полномъ распоряженіи, на чистомъ и смѣшанномъ правѣ, они вновь инкорпорируютъ и внѣдряютъ въ королевство Польское, присвоиваютъ ему, соединяютъ и объединяютъ съ нимъ, связываютъ союзомъ и навсегда скрѣпляютъ и т. д. Весьма знаменательнымъ при этомъ является признаніе, что сдѣлано ими это по волѣ, одобренію и согласію пановъ и бояръ шляхты великаго княжества Литовскаго [33]).

Итакъ, и на этотъ разъ въ качествѣ правоспособнаго политическаго дѣятеля выступаетъ собраніе литовскихъ «бароновъ» и «шляхты», т. е. вельможныхъ и знатныхъ бояръ. Извѣстная группа наиболѣе вліятельныхъ лицъ изъ этого класса выдала, какъ и въ 1401 году, за себя и за всю шляхту бояръ и обывателей великаго княжества формальную запись въ соблюденіи уніи съ Польшею и всѣхъ ея условій [34]). Съ литовской стороны эта запись должна была служить эквивалентомъ подобной же записи, выданной литовцамъ сеймомъ польскихъ бароновъ,

---

[33]) Easdem terras, quas semper cum pleno dominio, ac jure mero et mixto, hactenus habuimus et habemus, usque modo a progenitoribus nostris, et ordine geniturae, tanquam domini legitimi, baronum, nobilium, boyarorum voluntate, ratihabitione et consensu adhibitis, praedicto regno Poloniae iterum de nouo incorporamus, invisceramus, appropriamus, conjungimus, adjungimus, confoederamus et perpetue annectimus... Zbiór praw litewskich, str. 11, 12.

[34]) Кромѣ исполненія вышеизложенныхъ условій относительно избранія великаго князя Литовскаго и короля польскаго, литовцы клятвенно обѣщались никогда не покидать прелатовъ, пановъ, шляхту и все королевство Польское во всѣхъ ихъ бѣдахъ, помогать имъ противъ козней и нападеній враговъ совѣтомъ, дѣломъ и асположеніемъ, не начинать ссоръ, войнъ и столкновеній безъ ихъ вѣдома и желанія, совѣта и разслѣдованія; не покидать никогда короля Ягайла и великаго князя Витовта и помогать имъ совѣтомъ, дѣломъ и расположеніемъ. Zbiór praw litewskich, str. 20—24.

или пановъ, и шляхты [85]). Устанавливая унію съ Литвою, польскіе паны имѣли сначала дѣло только съ ея князьями. Но когда обязательства князей оказались недостаточными, польскіе паны вызвали къ договору и другія крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, сеймъ литовскихъ бояръ. Съ ними они намѣревались и впредь вершить всѣ дѣла, касающіяся общихъ интересовъ обѣихъ государствъ. Ягайло и Витовтъ объявляли поэтому въ своемъ привилеѣ, что прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго и земель Литовскихъ будутъ имѣть сеймы для совѣщаній (conventiones et parlamenta) о благѣ и пользѣ обѣихъ государствъ въ Люблинѣ или Парчовѣ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ, всякій разъ, когда будетъ необходимо, съ ихъ государева согласія и воли. Сеймы, такимъ образомъ, узаконялись и на будущее время, какъ для избранія государей Польши и Литвы, такъ и для рѣшенія другихъ вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ уніею Польши и Литвы.

По перечню лицъ, получившихъ въ Городлѣ польскіе гербы, можно до извѣстной степени судить и о томъ, кто былъ на сеймѣ 1413 года съ литовской стороны. Здѣсь были: воевода Виленскій Монивидъ, воевода Троцкій Явнисъ, каштелянъ, или панъ, Виленскій Минигайло, каштелянъ Троцкій Сунигайло; намѣстникъ, или староста, Полоцкій Немиръ; Остикъ, Бутримъ, Голигунтъ, Николай Былиминъ, Альбрехтъ Корейво, Вышегердъ, Петръ Монтигирдъ, Николай Тавтигердъ, Янъ Гаштольдъ, Волчко Кульва, Бутовтъ, Ядатъ, Калонъ, Янъ Римовидовичъ, Гинейтъ Кончевичъ, Давкша, Николай Бойнаръ, Волчко Кокутовичъ, Гетовтъ, Дангель, Якубъ Мингайло, Войшнаръ Вилколевичъ, Юрій Сангавъ, Сака, Нацко, Твирбутъ, Монствилъ, Станиславъ Вышигинъ, Войсымъ Данейковичъ, Монстольдъ, Андрей Девкнетовичъ, Мынимунтъ Сосниковичъ, Родивилъ, Кочанъ, Мщугъ, Гербудъ, Чуппа, Войдылъ Кусоловичъ, Кочанъ Суковичъ, Янъ Эвилдъ, Станиславъ Бутовтовичъ, Сирутъ (Surgutas) изъ Рѣшникъ и т. д.[86]). Изъ этого перечня видно, что на сеймѣ 1413 года въ Городлѣ участвовала чиновная литовская знать и другіе первостепенные бояре изъ собственной литовской земли. Все это были частью тѣ же самыя лица, которыя участвовали и на сеймѣ 1401 года, а частью новыя, но все же изъ того круга первостепеннаго литовскаго боярства. Среди нихъ можно узнать еще нѣсколько лицъ изъ фамилій, принадлежавшихъ позднѣе

---

[85]) Codex diplomaticus Poloniae, ed. Rzyszczewski et Muczkowski, tomus I, № CLXII.

[86]) Zbiór praw Litewskich, str. 20—24.

къ «станамъ, сойму належачимъ». Таковы: Янъ Римовидовичъ изъ рода, давшаго позже чиновныя фамиліи пановъ *Заберезинскихъ*, *Кухмистровичей*, *Дорогостайскихъ*, *Олехновичей*; Сака, родоначальникъ знатной фамиліи *Саковичей*, изъ которой выходили различные урядники земскіе и дворные [87]); Сируть, родоначальникъ фамиліи *Сирутевичей*, поднявшейся въ ряды литовской знати при Сигизмундѣ Августѣ [88]).

Сопоставляя то, что извѣстно намъ о составѣ литовско-русскаго сейма въ послѣдней стадіи его развитія, съ тѣмъ, что выяснилось относительно первоначальнаго его состава, приходимъ къ заключенію, что изъ всѣхъ «становъ, сойму належачихъ», раньше другихъ заняли въ немъ свои мѣста: католическіе бискупы, литовско-русскіе князья и литовскіе первостепенные бояре, или паны, состоявшіе и не состоявшіе въ разныхъ должностяхъ (позднѣе: паны рада, княжата, панята, или паны хоруговные), и рядовые литовскіе бояре (позднѣе—шляхта), въ случайномъ составѣ собиравшіеся на сеймъ. Послѣдніе, по всѣмъ признакамъ, играли на сеймѣ еще чисто пассивную роль, приглашались или допускались на сеймъ для моральной поддержки сейму, для приданія вящщаго авторитета его постановленіямъ. Эти постановленія исходили изъ круга князей и пановъ, а рядовое боярство, не имѣвшее еще постояннаго и правильнаго представительства на сеймѣ, вѣроятно, давало только свое молчаливое или громкое (per acclamationen) согласіе или одобреніе. Поэтому и первоначальный литовско-русскій сеймъ по справедливости можно назвать сеймомъ литовско-русскихъ князей и литовскихъ пановъ.

Такой составъ первоначальнаго литовско-русскаго сейма находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что именно съ этими князьями и панами главнымъ образомъ и пришлось считаться ихъ государямъ и полякамъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ, касающихся политическаго бытія великаго княжества. Это были самые сильные люди въ литовскорусскомъ обществѣ, коимъ принадлежали власть и вліяніе, вожди, которые въ состояніи были подчинять себѣ и вести за собою остальное литовско-русское общество. Что такое значеніе принадлежало князьямъ, это очевидно, и едва ли требуетъ подробнаго разъясненія. Литовскорусскіе князья владѣли не однимъ только титуломъ, но и извѣстными населенными территоріями, болѣе или менѣе значительными, гдѣ они были не только хозяевами, но и государями. Но на чемъ основывалось политическое значеніе того класса, который получилъ польское

---

87) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 46, 160, 161, 218, 219, 290, 291, 391—395.

88) Ibidem, str. 313; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 243.

иными вотчинами со множествомъ челяди, коней, охотничьихъ собакъ и птицъ и разныхъ предметовъ, потребныхъ для войны; были и рабы, и свободные, а среди послѣднихъ благородные и знатные люди. Эти сильные и знатные люди (prepotentes, potiores domini, famosi domini, nobiles, die edelsten, какъ называютъ ихъ хроники [40]) и были вождями окрестнаго населенія, около которыхъ оно собиралось для отраженія враговъ или для нападеній [41], его старшинами и представителями въ сношеніяхъ съ другими обществами. Нѣкоторые изъ этихъ сильныхъ и знатныхъ людей, по всѣмъ признакамъ, даже успѣли уже подчинить себѣ окрестное населеніе и сдѣлаться настоящими князьками и царьками въ мѣстности. Трудно сказать, какимъ образомъ это произошло, путемъ ли преемственности и развитія власти родоначальниковъ или какъ-нибудь иначе. Очень можетъ быть, что этотъ фактъ стоялъ въ связи съ выдѣленіемъ особаго военнаго класса въ литовскихъ обществахъ. Дѣло въ томъ, что въ XII в. война сдѣлалась для литовцевъ не только дѣломъ обороны отъ нападеній извнѣ, но и промысломъ. Польскія и нѣмецкія хроники и наши лѣтописи полны извѣстіями о набѣгахъ Литвы съ цѣлью грабежа. Литовцы стали воевать даже въ чужихъ войскахъ, иногда противъ своихъ. Такимъ образомъ, напр., Ятвяги и Жмудь ходили въ войскахъ Даніила Романовича противъ Миндовга, другіе литовцы служили нѣмцамъ, полякамъ и поморскимъ князьямъ и т. д. [43]. Изъ среды общества при этомъ естественно долженъ былъ выдѣлиться особый классъ военныхъ людей по ремеслу, соотвѣтствующій германской и славянской дружинѣ. Вожди этого класса, выходившіе изъ того же круга землевладѣльческой знати, изъ котораго выходили и общенародные вожди и старшины, обогащались на войнѣ [44])

---

dives et praepotens (Scriptores rerum livonicarum I. p. 86. Riga und Leipzig 1853).

[41]) Scriptores rerum prussicarum I. p. 64. 135, III, p. 284 и др.

[42]) Отсюда и названія ихъ: duces, capitanei, castellani. Петръ Дюсбургскій, говоря объ этихъ capitanei, прибавляетъ къ этому имени обыкновенно homo или vir prepotens et dives. Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 143, 146.

[43]) *Н. П. Дашкевича* Княженіе Даніила Галицкаго, стр. 133, прим. 3. Кіевъ 1873 (Оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1873 года).

[44]) По свидѣтельству Петра Дюсбургскаго у прусскихъ nobiles были castra, т. е. укрѣпленныя усадьбы, гдѣ они помѣщали свою добычу, домашній скотъ и другія вещи (Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 132). Наша лѣтопись въ разсказѣ объ истребленіи и изгнаніи Миндовгомъ другихъ князей говоритъ о безчисленномъ имѣньѣ ихъ, захваченномъ Миндовгомъ (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 541).

и опираясь на свои дружины [95]), легко могли покорять себѣ и все окрестное населеніе, становиться властителями, династами. Вслѣдствіе этого и хронисты называютъ нерѣдко литовскую знать (nobiles, die edelsten) *королями, царями или царьками* (kunige, reges, reguli), мѣшая эти названія и употребляя одно вмѣсто другого) [96]). Наши русскія лѣтописи говорятъ обыкновенно о литовскихъ князьяхъ. Но показаніе ихъ о многочисленности этихъ князей наводятъ на мысль, что это имя прилагается ими ко всѣмъ вообще вождямъ и старѣйшинамъ литовскихъ обществъ безъ различія [97]).

Внутренняя борьба, сопровождавшая объединеніе Литвы подъ властью великаго князя, смела и разсѣяла извѣстную часть этихъ князей и старшинъ. Извѣстно, что Мендовгъ побилъ своихъ братьевъ и племянниковъ, а другихъ изгналъ вонъ изъ отечества. По смерти Мендовга, павшаго жертвою княжеской реакціи, сынъ его Войшелкъ началъ истреблять «вороги своѣ», т. е. тѣхъ же литовскихъ князьковъ и знатныхъ людей. По словамъ лѣтописи, онъ избилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались [98]). Но было бы ошибкою ду-

---

[95]) Генрихъ Латышъ подъ 1204 годомъ разсказываетъ, что къ Ригѣ подступалъ Свелгате homo dives et praepotens *cum suis sodalibus* (Scriptores rerum livonicarum I, p. 86).

[96]) *Krumbholtz* Samaiten und der deutsche Orden bis zum Frieden am Melnosee, s. 13, 14. Königsberg 1890. Впрочемъ, хронисты иногда и различаютъ оба класса и говорятъ de regibus et nobilibus et communi populo, какъ напр. Петръ Дюсбургскій (Scriptores rerum prussicarum, tomus I, 53—54).

[97]) Подъ 1215 годомъ читаемъ въ Ипатьевской лѣтописи: «Божиимь повелениемь прислаша князи Литовьскии къ великой княгинѣ Романовѣ и Даниловн и Василкови, миръ дающе. Бяху же имена Литовьскихъ князей: се старѣйшей, Живинъбудь, Довъятъ, Довъспрункъ, братъ его Мидогъ, братъ Довъяловъ Виликаилъ, а Жемоитьскыи князи: Ерьдивилъ, Выкынтъ; а Рушьковичевъ: Кинтибудь, Вонибутъ, Бутовитъ, Вижѣикъ и сынъ его Василій, Китений, Пликосова; а се Булевичи Вишимутъ, его же уби Миндовгъ и жену его поялъ и братью его побилъ, Едивила, Спрудѣйка; а се князи изъ Дяволтвы: Юдьки, Пукѣикъ, Бикши, Ликинкъ. Си жи вси миръ даша князю Данилови и Василку (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 492). Александръ Невскій въ 1245 году побилъ подъ Торопцомъ, по разсказу нашей лѣтописи, 8 князей (Полное Собраніе Русск. Лѣтоп. VII, 152); а князь Даніилъ Романовичъ въ 1248 году побилъ сорокъ Ятяжскихъ князей (Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 531).

[98]) Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 541, 567, 569. Описывая этотъ фактъ, лѣтопись говоритъ: «И поиде въ силѣ тяжьцѣ и нача городы имати по Дявелътвѣ,

мать, что истребленъ былъ весь этотъ классъ, и что вслѣдствіе этого великій князь и сдѣлался «самодержьцемъ» въ Литовской землѣ, какъ выражается лѣтопись. Истребленіе постигло только противниковъ и конкуррентовъ утверждавшагося великаго князя. Всѣ другіе остались и продолжали быть и при великомъ князѣ вождями мѣстныхъ обществъ, которые по временамъ дѣйствовали самостоятельно и независимо отъ великаго князя и даже увлекали его за собою. Такіе вожди остались, напр., въ Жмудской землѣ. Извѣстно, что Мендовгъ уступилъ эту землю Ливонскому Ордену. Но Жмудскіе князья и старшины знать не хотѣли этой уступки и мужественно боролись съ нѣмцами за самостоятельность своего племени, а въ концѣ концовъ увлекли въ эту борьбу и самого Мендовга [99]). Въ Литовской землѣ по смерти Мендовга встрѣчаемъ по источникамъ также не мало этихъ «князей». Въ 1266 году Псковскій князь Довмонтъ сдѣлалъ нападеніе на Литовскую землю, повоевалъ ее и поплѣнилъ, и между прочимъ захватилъ жену князя Герденя и двухъ княжичей, пользуясь тѣмъ, что самого Герденя и другихъ «князей» въ то время не было дома. Прослышавъ о нападеніи, «князья» вернулись домой и немедленно снарядились въ погоню за врагомъ. Кромѣ самаго Герденя тутъ были Гогортъ, Люмбей, Люгайло и прочіе «князья» Литовскіе—всего въ общей сложности отправилось въ погоню до 700 человѣкъ. Такъ разсказываетъ наша лѣтопись [100]). Двѣнадцать лѣтъ спустя, по разсказу Петра Дюсбургскаго нѣкій Пелюза, отверженный своимъ отцомъ, знатнымъ княземъ литовскимъ, вторгся въ Литву, захватилъ въ одномъ мѣстѣ около семидесяти литовскихъ царьковъ (regulos), собравшихся на свадьбу, и истребилъ ихъ съ женами и дѣтьми [101]). Такимъ образомъ, Мендовгъ и его сынъ Войшелкъ истребили и разогнали далеко не всѣхъ литовскихъ князьковъ и знатныхъ людей. То же самое нужно сказать и про избіеніе Пелюзы. Три года спустя послѣ этого избіенія встрѣчаемъ по разсказу нашей лѣто-

---

въ Литвѣ, и въ Налщанехъ; городы же изымавъ, а вороги своя избивъ, и тако придоша въ свояси» (стр. 570). Такимъ образомъ и въ собственной Литвѣ, какъ и въ Пруссіи, мѣстные князьки и знатные люди имѣли укрѣпленія (срав. стр. 613, 614).

[99]) *Krumbholtz* Samaiten und der Deutsche Orden, s. 21—43; *J. Latkowskiego* Mendog, król Litewski, str. 81—101. Kraków 1892 (Osobnie odbicie z tomu XXVIII Rozpraw i sprawozdań Wydz. historychno-filozoficznego Ak. Umej. w Krakowie).

[100]) Полное Собраніе Русск. Лѣт., томъ VII, 166.

[101]) Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 149.

писи князей Бурдикида и Будивида, заключающихъ миръ съ Волынскимъ княземъ Мстиславомъ Васильковичемъ и уступающихъ ему свой городъ Волковыйскъ [102]).

Изъ всего этого видно, что и съ установленіемъ великаго княженія остались на Литвѣ люди, управлявшіе или руководившіе мѣстными обществами. Нѣкоторая часть ихъ уцѣлѣла до самыхъ позднихъ временъ съ значеніемъ мѣстныхъ князей. Таковы были, напр., упоминавшіеся выше князья въ Гольшанахъ, Гедройти, Свирѣ и т. д. Но большинство вошло въ составъ военно-служилаго класса новообразовавшагося государства—бояръ, какъ высшій его слой, изъ котораго преимущественно набирались различныя должностныя лица. Такой переходъ съ полною ясностью даетъ себя выслѣдить по источникамъ въ Жмудской землѣ. Въ той роли народныхъ вождей, въ какой въ XIII-мъ и даже отчасти въ XIV вѣкѣ являются жмудскіе *царьки* (kunige)[103]), или *знатные люди* (nobiles)[104]), къ концу XIV-го и въ началѣ XV-го вѣка выступаютъ уже жмудскіе *бояре* [105]). Несомнѣнно, что подобное же превращеніе прежнихъ *сильныхъ*, *знатныхъ*, *благородныхъ* людей въ *бояръ* имѣло мѣсто и въ собственной Литовской землѣ. Совершилось это,

---

[102]) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 612, 613.

[103]) Scriptores rerum livonicarum, tomus I, p. 601—602 (Reimschronik 4625—4629, 4653—4671).

[104]) Характеризуя дѣятельность Людвига фонъ Либенцеля, какъ командира Рагнеты, Петръ Дюсбургскій говоритъ: Infra sex annos (1294—1300), quibus dicto castro prefuit, coegit omnes Lethowinos, qui supra litus Memele habitabant a fluvio Nare usque ad terram Lamutinam, ut pacem cum christianis haberent sub hiis pactis, ut certum censum singulis annis darent ei, Ecce mira res, quantacunque iis, tamen diligebunt eum in tantum, ut eciam *nobiles, per quos Samethia tunc regebatur*, populum communem contra regem Lithowinorum provocarent.., Nec unquam temporibus suis rex Lithowie cum Samethis poterat concordare, ut simul in bello procederent contra fratres (Scriptores rerum prussicarum I, p. 159).

[105]) См. выше перечень лицъ, выдавшихъ въ 1401 обязательство на вѣрность королю и коронѣ Польской. У Посилге подъ 1401 годомъ читаемъ: Anno domini 1401 am sontage noch epyphanie domini quomen ken Marienborg *die bestin bajorin* der lande von Samaythin (Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 340). О цѣли ихъ прихода узнаемъ изъ фрагмента одного орденскаго мемуара, разсказывающаго объ измѣнѣ Витовта: „woren czu Marienburg bei unserm homeister und boten in, das her die bajoren liesse bajoren bliben, die freien frei und die gebuwer gebuwer, und der maister gap das den landen allen einen brieff und gab in sulch recht als die Prussen in unsern landen haben (Monumenta medii aevi, t. VI, № CCXLI).

по всѣмъ соображеніямъ, уже при Гедиминѣ, когда вслѣдствіе новыхъ территоріальныхъ присоединеній русскій элементъ возобладалъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлала большіе успѣхи и культурная ассимиляція Литвы съ Русью, когда великій князь Литовскій сталъ именовать себя и Русскимъ и вошелъ, очевидно, въ чувства, воззрѣнія и права русскихъ князей по отношенію къ различнымъ классамъ литовскаго общества. Тогда-то, по всей вѣроятности, эти классы и получили русскія имена, тогда-то и появились на Литвѣ и *бояре*, и *смерды* [106]). При Ольгердѣ и Кейстутѣ эти имена являются уже извѣстными и нѣмцамъ, изъ разсказовъ которыхъ почерпаемъ довольно опредѣленныя данныя о боярахъ. Бояре выступаютъ по этимъ разсказамъ землевладѣльцами и при томъ иногда крупными. Такимъ землевладѣльцемъ является, напр., бояринъ Иванъ, захваченный въ плѣнъ рыцарями въ 1365 г. во время нападенія ихъ на Литву. У него былъ дворъ на р. Невяжѣ, были свои люди, которыхъ рыцари перебили на его дворѣ [107]). Въ военныхъ столкновеніяхъ съ Литвою рыцарямъ приходится чаще всего имѣть дѣло именно съ боярами литовскими, которые являются, такимъ образомъ, и военнымъ классомъ [108]). Нѣкоторые изъ этихъ бояръ являются даже начальниками въ тѣхъ укрѣпленныхъ городахъ, по близости отъ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Такъ, напр., въ Веленѣ въ моментъ нападенія на нее рыцарей въ 1368 году начальствовалъ бояринъ Гаштольдъ съ Сурминомъ и Маттевикомъ. Онъ погибъ во время этого нападенія, послѣ чего и родъ его переселился въ окрестности Вилькомира [109]). Это свидѣтельство чрезвычайно любопытно, какъ указаніе на то, какъ рано великіе князья Литовскіе начали держаться обыкновенія отдавать въ держанье города мѣстнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Въ этомъ обыкновеніи нельзя не видѣть извѣстнаго компромисса центральной власти съ тѣмъ значеніемъ и вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которыми они изстари пользовались въ мѣстныхъ обществахъ. Впрочемъ, къ тому же могло приводить и простое удобство подобныхъ назначеній какъ для самой центральной власти, такъ и для этихъ землевладѣльцевъ, которые получали возможность нести свою службу государству въ привычной географической и общественной обстановкѣ, не удаляясь отъ своего дома, семьи и хозяйства. Какъ бы то ни было, но послѣдствіе отсюда

---

[106]) Scriptores rerum prussicarum, tomus II, p. 533.

[107]) Ibidem p. 552.

[108]) Ibidem, p. 536, 603 и др.

[109]) Ibidem, p. 540—547, 709—711.

выходило одно: мѣстные крупные землевладѣльцы уже въ качествѣ уполномоченныхъ агентовъ центральной власти продолжали быть для мѣстныхъ обществъ тѣмъ же, чѣмъ были для нихъ въ старину, до созданія самой центральной власти,—т. е. вождями и руководителями, и даже сдѣлались болѣе того—правителями. Современные нѣмецкіе хронисты отчетливо замѣчали это значеніе мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ—бояръ, и потому иногда величаютъ ихъ *сатрапами* [110]).

Но въ центрѣ государства до поры до времени они играли малую роль. Ихъ заслонили собою князья Гедиминова рода, получившіе въ управленіе цѣлые области государства. При Ольгердѣ и Кейстутѣ, какъ уже было сказано выше, всѣ важнѣйшіе общегосударственные вопросы разрѣшались частными и общими соглашеніями этихъ князей. Такимъ образомъ, напр., вопросъ о разграниченіи съ Мазовіею въ 1358 году разрѣшенъ былъ по совѣту и соглашенію Кейстута съ Ольгердомъ, Явнутомъ, Коріатомъ, Юріемъ и другими старшими князьями. Услуги бояръ потребовались только при производствѣ самаго разграниченія на мѣстѣ: нѣкоторые изъ нихъ назначены были вмѣстѣ съ княземъ Патрикѣемъ (сыномъ Кейстута) членами разграничительной коммиссіи съ литовской стороны [111]). Но по смерти Ольгерда роль бояръ становится болѣе замѣтною и въ центрѣ государства. Они присутствуютъ при совершеніи нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ актовъ и перечисляются въ нихъ послѣ князей. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи Ягайломъ и Кейстутомъ договора съ нѣмцами въ 1379 году, кромѣ князей Лингвенья и Витовта, приложившихъ къ договорной грамотѣ свои печати, въ качествѣ свидѣтелей (geczuge) упоминается нѣсколько бояръ съ Ягайловой и Витовтовой стороны [112]). Но въ общемъ князья Гедиминовичи продолжаютъ попрежнему быть главными вершителями судебъ государства, какъ объ этомъ уже упоминалось выше, пока возгорѣвшаяся

---

[110]) Германъ Вартбергскій, разсказывая подъ 1367 годомъ о нападеніи Ливонскаго магистра на землю Упитскую, говоритъ: Excitus autem per hoc rex Letwinorum filium suum congregata malvia *cum melioribus regni satrapis* exploratum emisit... Разсказывая подъ 1378 годомъ о другомъ нападеніи ливонскихъ рыцарей на Упитскую землю, говоритъ: Fuit eciam tunc capta uxor Villegaylen *satrape* cum filia tribusque aliis filiis, item Schoweminne cum filio, item Monthewinne, item Rankene et Dunghele, Billene et Heghert (Scriptores rerum prussicarum, tomus II, p. 88, 116).

[111]) *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 207—209. Lwów 1870.

[112]) Jorge Kasusna, Waydelo, Iwan Augmenten son, Buseke, Saymunt Girdutten son, Jadut Surkanten son unde andir vil unsir Baiaren... *Raczyńckiego* Kodex dyplomatychny Litwy, str. 55.

между этими князьями междоусобная борьба и затѣмъ унія съ Польшею не вызываютъ къ политической самодѣятельности и бояръ и не даютъ имъ возможность проявить на дѣлѣ свою силу и общественно-политическое значеніе. Крушеніе, постигшее областныхъ князей Гедиминовичей къ концу XIV в., бывшее отчасти послѣдствіемъ этого выступленія литовскаго боярства на политическое поприще, очищаетъ этому боярству мѣсто при великомъ князѣ, въ высшемъ совѣтѣ государства. Первостепенные литовскіе бояре становятся на ряду съ уцѣлѣвшими князьями ближайшими совѣтниками и сотрудниками великаго князя, а когда представляются особенно важныя дѣла, собирается весь сонмъ литовскаго боярства и рѣшаетъ судьбы государства.

Мы подошли теперь къ окончательному отвѣту касательно причинъ, обусловившихъ возникновеніе учрежденія, исторію котораго мы изучаемъ. Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что когда сложилось литовско-русское государство, въ немъ оказалась значительная наличность крупныхъ землевладѣльцевъ съ политическимъ вліяніемъ и нерѣдко съ политическою властью (князья, великокняжескіе намѣстники изъ бояръ) въ мѣстныхъ обществахъ. Особенно много было такихъ людей въ собственной Литовской землѣ (включая сюда и Жмудь) и съ нею объединенной Руси. Внѣшнія опасности заставили всѣхъ этихъ мѣстныхъ вождей сомкнуться воедино и сплотиться вокругъ одного старшаго, или великаго, князя, и его родственниковъ Пока этотъ князь и его родственники правильно служили національнымъ интересамъ, и мѣстные вожди охотно подчинялись имъ и служили вѣрою и правдою. Они не только ходили по ихъ зову на войну, но несли въ пользу ихъ и другія повинности, напр., давали имъ кормы, когда они останавливались въ мѣстности, строили и ремонтировали укрѣпленія, мосты и дороги, давали деньги на государственныя нужды и даже посылали своихъ людей работать въ ихъ усадьбахъ [113]). Великій князь вершилъ всѣ государственныя дѣла по совѣту и соглашенію съ своими родными, не встрѣчая со стороны другихъ князей и бояръ противодѣйствія. Но когда совѣтъ и согласіе покинули правящій княжескій родъ вмѣстѣ съ должнымъ пониманіемъ національныхъ интересовъ, тогда и мѣстные вожди литовско-русскаго общества проявили политическую самодѣятельность и заставили своихъ государей признать за ними право на участіе при распоряженіи судьбами государства. Такъ и возникъ литовско-русскій сеймъ, какъ органъ, черезъ который это право должно было осуществляться въ жизни.

---

[113]) Объ этомъ можно заключать по тѣмъ привилегіямъ, которые получили литовскіе бояре въ 1387 и 1413 г.

поведеніемъ Витовта поляки не оказали ему должной помощи въ борьбѣ съ татарами, и Витовтъ потерпѣлъ полное пораженіе [63]). Пользуясь этимъ поднялъ голову и Свидригайло, незадолго предъ тѣмъ освободившійся изъ заключенія и получившій часть Подолья, и началъ обнаруживать непріязненные замыслы противъ Витовта. Опасность со стороны Свидригайла была тѣмъ значительнѣе, что онъ успѣлъ сдѣлаться популярнымъ у русскихъ людей великаго княжества [64]). Все это заставило и Витовта искать сближенія съ Ягайломъ и Польшею и скрѣпленія уніи. Для этого Ягайло и Витовтъ обратились прежде всего къ старому, уже испытанному средству,—сбору записей на вѣрность королю и коронѣ Польской. Такая запись взята была (31 декабря 1400 г.) съ князя Александра Патрикѣевича Стародубскаго, который обязался по смерти господаря своего Витовта не искать себѣ другихъ господарей, помимо короля Владислава, и не отлучаться отъ короны Польской «никоторымъ веременемъ» [65]). Подобныя же записи выдали князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій (5 февраля 1401 г.), князья Юрій и Андрей Заславскіе (24 февраля 1401 г.), князь Юрій Довкговдъ (24 февраля 1401 г.), князь Семенъ Друцкой (11 мая 1401 г.) [66]). Все это были князья, вновь выступившіе на политическое поприще къ 1401 году и не выдававшіе еще записей на вѣрность королю и коронѣ Польской, или обойденные при заключеніи уніи 1385 года (напр. кн. Иванъ Гольшанскій). Въ то же время (18 января) и самъ Витовтъ новою грамотою подтвердилъ свое прежнее соглашеніе съ Ягайломъ [67]), состоявшееся въ Островѣ 5 августа 1392 года.

Въ 1392 году за исполненіе договора со стороны Литвы при жизни и по смерти Витовта поручилась его жена, княгиня Анна [68]). Но въ 1401 году поляки уже не были столь наивными, какъ въ 1392 году, и потребовали гарантій въ соблюденіи уніи съ тѣхъ, кто уже показалъ на дѣлѣ свою силу и авторитетъ по этой части, и кто уже фигурировалъ въ качествѣ договаривающейся стороны въ 1398 году на островѣ Салинѣ. Я разумѣю второй слой литовско-русскихъ кня-

---

[63]) *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 101, 102.

[64]) Scarbiec diplomatów I, № 731; срав. *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 52, 53.

[65]) Акты Зап. Рос. I, № 17.

[66]) Акты Зап. Рос. I, № 18, 19, 20; Monumenta medii aevi, tomus II, № XXVII—XXXII.

[67]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCXXXIII.

[68]) Ibidem, № XCII.

Итакъ, литовско-русскій сеймъ былъ порожденіемъ особеннаго соціально-политическаго строя великаго княжества, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи находятъ сходство *съ феодализмомъ* западно-европейскихъ обществъ [115]). Въ этомъ уподобленіи нельзя не признать значительной доли истины, по скольку здѣсь разумѣется не феодализмъ въ собственномъ смыслѣ, а тотъ порядокъ, на почвѣ котораго выросъ настоящій феодализмъ. Если такъ, то и первоначальный литовско-русскій сеймъ, состоявшій преимущественно изъ князей и пановъ, является аналогіею къ тѣмъ собраніямъ епископовъ и бароновъ, изъ которыхъ развились западно-европейскія представительныя учрежденія. Какъ и въ этихъ учрежденіяхъ, такъ и въ литовско-русскомъ сеймѣ съ самаго начала получили мѣсто тѣ землевладѣльцы, за которыми была вооруженная сила, вліяніе и власть въ окружающемъ обществѣ. Но въ дальнѣйшемъ литовско-русскій сеймъ разошелся съ западно-европейскими представительными учрежденіями. Въ послѣднихъ съ теченіемъ времени получили мѣсто представители сословія, возвысившагося силою мирнаго труда, капитала, интеллекта и крѣпкой общинной организаціи. Въ литовско-русскомъ сеймѣ остались одни только военно-служилые землевладѣльцы разныхъ разрядовъ, если не считать католическихъ бискуповъ, которые выходили изъ того же класса, и въ концѣ концовъ онъ подошелъ близко къ польскому сейму, который съ теченіемъ времени также сдѣлался въ сущности односословнымъ учрежденіемъ.

---

[115]) *Н. П. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства стр. 24—26 (Оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1885 года); *Молчановскаго* Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г., стр. 312, 313 (Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владиміра, вып. VIII, Кіевъ 1886).

ГЛАВА II.

Національно-политическая борьба въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XV в. и происхожденіе „великаго вальнаго сойма“.

§ 1. Положеніе, занятое литовскою боярскою знатью и высшимъ католическимъ духовенствомъ въ обществѣ и государствѣ послѣ Городельской уніи; политическое господство собственной Литвы. — § 2. Разрывъ съ Польшею и сближеніе правящей литовской знати съ русскими князьями и боярами; возведеніе на великое княженіе Свидригайла и политическое возвышеніе русскихъ князей и бояръ. — § 3. Реакція со стороны Литвы: возведеніе на великое княженіе Сигизмунда Кейстутьевича и новая унія съ Польшею; компромиссъ съ «Литовскою Русью»: привилей 15 окт. 1432 года. — § 4. Борьба Свидригайла и русскихъ областей великаго княжества съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ и Литвою; привилеи, полученные литовцами и русскими во время этой борьбы и ихъ значеніе для дальнѣйшаго внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства. — § 5. Возведеніе на великое княженіе Казимира и неустойчивость его первоначальнаго положенія на Литвѣ; земскій привилей 2 мая 1447 года и его значеніе въ соціально-политической исторіи великаго княжества Литовскаго. — § 6. Сепаратистическія движенія областей Литовско-Русскаго государства въ великокняженіе Казимира и ихъ усмиреніе; новые привилеи областей и распространеніе въ нихъ польскаго шляхетскаго права. — § 7. Литовско-русскіе сеймы въ великокняженіе Казимира; начало «великаго вальнаго сойма». — § 8. Сеймы при Александрѣ; великіе вальные соймы 1492, 1499, 1505 и 1506 г. и ихъ составъ. — § 9. Соціально-политическая организація областныхъ обществъ, какъ условіе происхожденія и первоначальнаго состава «великаго вальнаго сойма». — § 10. Резюме и общіе выводы.

§ 1.

Въ предшествующей главѣ мы установили, что въ поправкахъ Кревской уніи 1385 года выдающаяся роль, кромѣ самого Витовта и второстепенныхъ литовско-русскихъ князей, принадлежала и высшему литовскому боярству изъ Литвы и соединенной съ нею Руси, составлявшихъ великое княжество въ тѣсномъ и древнѣйшемъ смыслѣ слова. Послѣ того какъ унія великаго княжества съ Польшею установилась окончательно на Городельскомъ сеймѣ 1413 года, соціально-политическое значеніе высшаго литовскаго боярства, обусловливавшее его выдающуюся роль при установленіи уніи, еще болѣе возросло. Городель-

между этими князьями междоусобная борьба и затѣмъ унія съ Польшею не вызываютъ къ политической самодѣятельности и бояръ и не даютъ имъ возможность проявить на дѣлѣ свою силу и общественно-политическое значеніе. Крушеніе, постигшее областныхъ князей Гедиминовичей къ концу XIV в., бывшее отчасти послѣдствіемъ этого выступленія литовскаго боярства на политическое поприще, очищаетъ этому боярству мѣсто при великомъ князѣ, въ высшемъ совѣтѣ государства. Первостепенные литовскіе бояре становятся на ряду съ уцѣлѣвшими князьями ближайшими совѣтниками и сотрудниками великаго князя, а когда представляются особенно важныя дѣла, собирается весь сонмъ литовскаго боярства и рѣшаетъ судьбы государства.

Мы подошли теперь къ окончательному отвѣту касательно причинъ, обусловившихъ возникновеніе учрежденія, исторію котораго мы изучаемъ. Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что когда сложилось литовско-русское государство, въ немъ оказалась значительная наличность крупныхъ землевладѣльцевъ съ политическимъ вліяніемъ и нерѣдко съ политическою властью (князья, великокняжескіе намѣстники изъ бояръ) въ мѣстныхъ обществахъ. Особенно много было такихъ людей въ собственной Литовской землѣ (включая сюда и Жмудь) и съ нею объединенной Руси. Внѣшнія опасности заставили всѣхъ этихъ мѣстныхъ вождей сомкнуться воедино и сплотиться вокругъ одного старшаго, или великаго, князя, и его родственниковъ Пока этотъ князь и его родственники правильно служили національнымъ интересамъ, и мѣстные вожди охотно подчинялись имъ и служили вѣрою и правдою. Они не только ходили по ихъ зову на войну, но несли въ пользу ихъ и другія повинности, напр., давали имъ кормы, когда они останавливались въ мѣстности, строили и ремонтировали укрѣпленія, мосты и дороги, давали деньги на государственныя нужды и даже посылали своихъ людей работать въ ихъ усадьбахъ [113]). Великій князь вершилъ всѣ государственныя дѣла по совѣту и соглашенію съ своими родными, не встрѣчая со стороны другихъ князей и бояръ противодѣйствія. Но когда совѣтъ и согласіе покинули правящій княжескій родъ вмѣстѣ съ должнымъ пониманіемъ національныхъ интересовъ, тогда и мѣстные вожди литовско-русскаго общества проявили политическую самодѣятельность и заставили своихъ государей признать за ними право на участіе при распоряженіи судьбами государства. Такъ и возникъ литовско-русскій сеймъ, какъ органъ, черезъ который это право должно было осуществляться въ жизни.

---

[113]) Объ этомъ можно заключать по тѣмъ привилегіямъ, которые получили литовскіе бояре въ 1387 и 1413 г.

Возникновеніе этого учрежденія облегчено было двумя обстоятельствами: неразвитостью великокняжеской власти и воздѣйствіемъ порядка, дѣйствовавшаго въ томъ государствѣ, съ которымъ соединилась Литва. Не смотря на то, что великокняжеская власть на Литвѣ въ разсматриваемый моментъ считала за собою около полтораста лѣтъ возраста, она все еще носила преимущественно военно-политическій, а не гражданскій характеръ. Великій князь Литовскій въ своемъ наскоро и слабо объединенномъ государствѣ не успѣлъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сталъ великій князь Московскій послѣ объединенія сѣверо-восточной Руси, и все еще былъ болѣе главнымъ вождемъ, самымъ сильнымъ и вліятельнымъ среди другихъ вождей, чѣмъ владѣтельнымъ государемъ своего государства. Этимъ и объясняется между прочимъ тотъ фактъ, что не существовало никакого порядка въ преемствѣ его власти, и на великокняжескій столъ садился всякій разъ тотъ, кто въ данный моментъ былъ сильнѣе и вліятельнѣе другихъ князей. При такихъ условіяхъ великіе князья не могли чувствовать себя и сознавать полными собственниками и устроителями своего государства, не могло признавать ихъ таковыми и литовское общество. Поэтому и всѣ важнѣйшія дѣла государства великіе князья должны были рѣшать по совѣту и согласію съ другими сильными и вліятельными вождями общества. Послѣ разгрома, постигшаго въ концѣ XIV вѣка крупныхъ, областныхъ князей, таковыми вождями оказались князья волостные и бояре, и великіе князья принуждены были сообща съ ними устроивать судьбу государства, соединяя его съ Польшею. Ихъ участіе въ этомъ дѣлѣ потребовалось тѣмъ болѣе, что съ польской стороны въ качествѣ договаривающейся стороны выступили не только лица, коимъ принадлежала корона, но также епископы и высшіе свѣтскіе сановники—паны. Эти епископы и высшіе сановники вмѣстѣ съ шляхтою и впредь имѣли на своихъ сеймахъ рѣшать важнѣйшіе вопросы, связанные съ уніею обоихъ государствъ. Ясное дѣло, что по требованіямъ равноправности, провозглашеннымъ въ актѣ уніи, и со стороны великаго княжества должно было въ рѣшеніи такихъ вопросовъ участвовать собраніе, подобное польскому сейму, благо что и въ литовскомъ обществѣ были налицо элементы, сходные съ польскими панами и шляхтою [114]).

[114]) Польскій сеймъ прелатовъ, бароновъ, шляхты и представителей отъ крупныхъ «мѣстъ» въ то время уже собирался довольно часто и рѣшалъ важнѣйшіе вопросы внѣшней политики и внутренняго управленія. См. *A. Prochaski* Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiełłonów, str. 32—38, 44—46. Kraków 1898 (Osobnie odbicie z Rozpraw Wydz. histor.-filoz. Ak. Umiej., tomus XXXVIII).

Итакъ, литовско-русскій сеймъ былъ порожденіемъ особеннаго соціально-политическаго строя великаго княжества, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи находятъ сходство *съ феодализмомъ* западно-европейскихъ обществъ [115]). Въ этомъ уподобленіи нельзя не признать значительной доли истины, по скольку здѣсь разумѣется не феодализмъ въ собственномъ смыслѣ, а тотъ порядокъ, на почвѣ котораго выросъ настоящій феодализмъ. Если такъ, то и первоначальный литовско-русскій сеймъ, состоявшій преимущественно изъ князей и пановъ, является аналогіею къ тѣмъ собраніямъ епископовъ и бароновъ, изъ которыхъ развились западно-европейскія представительныя учрежденія. Какъ и въ этихъ учрежденіяхъ, такъ и въ литовско-русскомъ сеймѣ съ самаго начала получили мѣсто тѣ землевладѣльцы, за которыми была вооруженная сила, вліяніе и власть въ окружающемъ обществѣ. Но въ дальнѣйшемъ литовско-русскій сеймъ разошелся съ западно-европейскими представительными учрежденіями. Въ послѣднихъ съ теченіемъ времени получили мѣсто представители сословія, возвысившагося силою мирнаго труда, капитала, интеллекта и крѣпкой общинной организаціи. Въ литовско-русскомъ сеймѣ остались одни только военно-служилые землевладѣльцы разныхъ разрядовъ, если не считать католическихъ бискуповъ, которые выходили изъ того же класса, и въ концѣ концовъ онъ подошелъ близко къ польскому сейму, который съ теченіемъ времени также сдѣлался въ сущности односословнымъ учрежденіемъ.

---

[115]) *Н. П. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 24—26 (Оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1885 года); *Молчановскаго* Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г., стр. 312, 313 (Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владиміра, вып. VIII, Кіевъ 1886).

ГЛАВА II.

Національно-политическая борьба въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XV в. и происхожденіе „великаго вальнаго сойма“.

§ 1. Положеніе, занятое литовскою боярскою знатью и высшимъ католическимъ духовенствомъ въ обществѣ и государствѣ послѣ Городельской уніи; политическое господство собственной Литвы. — § 2. Разрывъ съ Польшею и сближеніе правящей литовской знати съ русскими князьями и боярами; возведеніе на великое княженіе Свидригайла и политическое возвышеніе русскихъ князей и бояръ. — § 3. Реакція со стороны Литвы: возведеніе на великое княженіе Сигизмунда Кейстутьевича и новая унія съ Польшею; компромиссъ съ «Литовскою Русью»: привилей 15 окт. 1432 года.—§ 4. Борьба Свидригайла и русскихъ областей великаго княжества съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ и Литвою; привилеи, полученные литовцами и русскими во время этой борьбы и ихъ значеніе для дальнѣйшаго внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства.—§ 5. Возведеніе на великое княженіе Казимира и неустойчивость его первоначальнаго положенія на Литвѣ; земскій привилей 2 мая 1447 года и его значеніе въ соціально-политической исторіи великаго княжества Литовскаго. — § 6. Сепаратистическія движенія областей Литовско-Русскаго государства въ великокняженіе Казимира и ихъ усмиреніе; новые привилеи областей и распространеніе въ нихъ польскаго шляхетскаго права.—§ 7. Литовско-русскіе сеймы въ великокняженіе Казимира; начало «великаго вальнаго сойма».—§ 8. Сеймы при Александрѣ; великіе вальные сеймы 1492, 1499, 1505 и 1506 г. и ихъ составъ.— § 9. Соціально-политическая организація областныхъ обществъ, какъ условіе происхожденія и первоначальнаго состава «великаго вальнаго сойма».—§ 10. Резюме и общіе выводы.

§ 1.

Въ предшествующей главѣ мы установили, что въ поправкахъ Кревской уніи 1385 года выдающаяся роль, кромѣ самого Витовта и второстепенныхъ литовско-русскихъ князей, принадлежала и высшему литовскому боярству изъ Литвы и соединенной съ нею Руси, составлявшихъ великое княжество въ тѣсномъ и древнѣйшемъ смыслѣ слова. Послѣ того какъ унія великаго княжества съ Польшею установилась окончательно на Городельскомъ соймѣ 1413 года, соціально-политическое значеніе высшаго литовскаго боярства, обусловливавшее его выдающуюся роль при установленіи уніи, еще болѣе возросло. Городель-

ская унія принесла съ собою этому классу цѣлый рядъ правъ и вольностей, которыя не только юридически оформили и закрѣпили, но до извѣстной степени и возвысили положеніе, занятое имъ въ обществѣ и государствѣ. Дарованіе правъ и вольностей было необходимымъ, такъ сказать, логическимъ постулятомъ уніи и потому вошло въ самый ея актъ. Унія устанавливала включеніе Литвы въ корону Польскую, если не полное уничтоженіе, то во всякомъ случаѣ большое ограниченіе политической самобытности великаго княжества. Чтобы такой сильный и вліятельный классъ великаго княжества, какъ высшее литовское боярство, могъ согласиться на подобную унію, необходимо было, чтобы эта унія давала ему какія-либо выгоды и во всякомъ случаѣ не ставила его въ положеніе низшее по сравненію съ соотвѣтствующимъ классомъ Польши. Къ сравненію высшаго литовскаго боярства въ правахъ и вольностяхъ съ польскою шляхтою и направленъ актъ Городельской уніи.

Переходя къ частностямъ, мы прежде всего должны отмѣтить фактъ консолидаціи высшаго литовскаго боярства, какъ извѣстнаго *сословія*. Городельскій привилей превратилъ высшее литовское боярство изъ класса, *фактически* пользовавшагося властью, политическимъ вліяніемъ и почетомъ, въ сословіе, члены котораго получали на все это *право* въ силу своего рожденія, въ силу принадлежности къ той или другой фамиліи. Совершилось это вслѣдствіе дарованія извѣстному числу видныхъ литовскихъ боярскихъ фамилій гербовъ и клейнотовъ польской шляхты вмѣстѣ съ разными правами и вольностями. Такимъ путемъ литовская боярская знать обособилась внѣшнимъ образомъ отъ остальной боярской массы и выдѣлилась, какъ привилегированный его слой.

Данныя этому сословію права и вольности прежде всего укрѣпили и усилили его положеніе, какъ землевладѣльческаго класса. Привилей 1413 года гарантировалъ литовскимъ «баронамъ и знатнымъ боярамъ», принявшимъ католическую вѣру и получившимъ польскіе шляхетскіе гербы, ненарушимое владѣніе отчинными и пожалованными имѣніями и свободное распоряженіе ими, съ соблюденіемъ только необходимыхъ формальностей. Конечно, фактически литовская боярская знать и прежде владѣла своими имѣніями наслѣдственно, какъ о томъ было уже сказано нами въ другомъ мѣстѣ [1]). Нѣкоторые изъ литовскихъ бояръ носили даже и прозвища отъ своихъ имѣній, напр. Юрій, или Бутримъ, съ Жирмунъ, Михаилъ, или Минигайло, съ Девенишекъ и

---

[1]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 550, 551.

т. д.[2]). Но при всемъ томъ, по всѣмъ признакамъ, недостаточно еще выяснилось самое *право* литовской боярской знати на свои земельныя имущества, и понятіе о земельной боярской собственности не отдѣлилось еще въ должной степени отъ владѣнія по допущенію или пожалованію верховнаго владѣтеля государственной территоріи—великаго князя. Это обстоятельство на практикѣ, вѣроятно, приводило иногда къ отобранію земель у того или другого владѣльца по простому желанію великаго князя, къ ограниченію въ распоряженіи ими. Теперь высшее литовское боярство получило отъ великаго князя удостовѣреніе въ томъ, что этого впредь не будетъ, что своими отчинами и выслугами оно будетъ владѣть неприкосновенно и свободно распоряжаться ими. Но эта гарантія въ свою очередь усиливала экономическую независимость литовской землевладѣльческой знати отъ великаго князя, а такимъ путемъ повышала и ея политическое значеніе, въ особенности если принять во вниманіе, что въ рукахъ этой знати были довольно крупныя имѣнія (привилей 1387 года предполагалъ во владѣніи литовскихъ бояръ castra, districtus, villas atque domos [3]). Въ томъ же направленіи дѣйствовало и освобожденіе литовскихъ привиллегированныхъ бояръ отъ барщинныхъ работъ въ великокняжескихъ дворцовыхъ хозяйствахъ. Увеличеніе экономической независимости литовской знати неминуемо приводило къ возвышенію ея положенія и по отношенію къ другимъ классамъ литовско-русскаго общества, не пользовавшимся таковою же независимостью.

Привилей 1413 года укрѣпилъ и усилилъ положеніе литовской боярской знати не только, какъ землевладѣльческаго, но и какъ правительственнаго класса литовско-русскаго общества. Выше было уже указано на то, что съ устраненіемъ областныхъ князей отъ власти ихъ мѣсто при особѣ великаго князя и въ областяхъ заняли частью второстепенные литовско-русскіе князья, но главнымъ образомъ литовскіе бояре. Привилей 1413 года устанавливалъ, какъ правило, что на должности воеводъ, каштеляновъ и проч. должны назначаться изъ бояръ впредь только католики; они же исключительно должны допускаться и къ совѣщаніямъ при великомъ князѣ (ad consilia nostra), когда дѣло будетъ идти о благѣ государства. Но католикъ и знатный литовскій бояринъ въ данномъ случаѣ являются почти синонимами. Извѣстно, что еще 22 февраля 1387 года Ягайло приказалъ всѣмъ «родовитымъ»

---

[2]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCXXI; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 173; Scarbiec diplomatów I, № 959.

[3]) Zbiór praw litewskich, str. 1.

литовцамъ, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, принять католическую вѣру и присоединиться къ римской церкви подъ угрозою тѣлесныхъ каръ [4]). Русскія лѣтописи сохранили извѣстіе, что только «два болшая литвина Ягайлова, крещени въ крестьянскую вѣру» не захотѣли принять латинскую вѣру и за то были наказаны смертью [5]). Остальные, по всѣмъ признакамъ, подчинились требованію Ягайла. Если такъ, то и вышеприведенныя политическія привилегіи, имѣвшія въ виду католиковъ, въ сущности распространялись на литовскую боярскую знать. Эти привилегіи несомнѣнно укрѣпляли и усиливали ея положеніе, какъ правительственнаго класса: то, чѣмъ она пользовалась прежде de facto, становилось ея достояніемъ de jure.

Если отъ анализа привилея 1413 г. перейдемъ къ практикѣ литовской государственной жизни послѣ 1413 г., то найдемъ не мало подтвержденій высказаннымъ соображеніямъ. Высшее литовское боярство въ теченіе всего великокняженія Витовта сохраняетъ занятую имъ и укрѣпленную привилеемъ 1413 года позицію. На всѣхъ видныхъ административныхъ постахъ великаго княжества источники послѣ 1413 г. указываютъ знатныхъ литовскихъ бояръ, изрѣдка князей. Такимъ образомъ, воеводою Виленскимъ является сначала панъ Войтехъ Монивидъ (до 1424—1425), а затѣмъ—панъ Юрій Гедигольдъ (съ 1425—1426 г.); воеводою Троцкимъ — Янъ или Явнисъ; каштеляномъ Виленскимъ—сначала панъ Минигайло (до 1416—1419), а потомъ Остикъ Кристинъ; каштеляномъ Троцкимъ—Янъ Сунигайло; старостою Жмудскимъ—Михаилъ Кезгайло; воеводою Кіевскимъ—кн. Михаилъ Ивановичъ Гольшанскій [6]); намѣстникомъ Новгородскимъ—панъ Петрашъ Монтыгирдовичъ [7]); Полоцкимъ—Товтко (Thoyto); Витебскимъ—Румбольдъ, Смоленскимъ—Янъ Бутримъ, а затѣмъ Юрій Гедигольдъ (въ 1424—1425 г.), Городенскимъ—Михайло Монтвидъ [8]), Ковенскимъ—сначала Сунгайло въ 1414 и 1415 гг.), а затѣмъ—Матисъ Шедиборъ (въ 1418 г.), позднѣе являющійся намѣстникомъ Вилкомирскимъ; намѣстникомъ Подоль-

---

[4]) *Wapowskiego* Dzieje korony Polskiey i W. K. Litewskiego, wyd. i tłumacz. Malinowskiego, tom. I, str. 74, nota I. Warszawa 1845.

[5]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 95; V, 242.

[6]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 18, 55, 56, 62, 72, 77, 91.

[7]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCDXVIII; XII, № 180. Senatorowie i dygnitarze, str. 34.

[8]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litwaniae tomus IV, p. 115. Vilnae MDCCLXIV. Senatorowie i dignitarze, str. 49.

скимъ видимъ пана Юрія Гедигольда [9]), Солечницкимъ (1422 г.) Александра Монтовта; Дорсунишскимъ Ивашка Гаштольда [10]) и т. д. На вновь учрежденныхъ по польскому образцу придворныхъ должностяхъ видимъ также знатныхъ литовскихъ бояръ. Маршалкомъ земскимъ при Витовтѣ является Румбольдъ [11]); маршалками дворными (marschalci curiae)—Юрій Бутримъ съ Жирмунъ, Петрашъ (Монтыгирдовичъ?), Радивилъ, Янъ Гаштольдъ [12]) и т. д.

Но не только на отдѣльныхъ должностяхъ и въ будничной правительственной работѣ сотрудничаетъ высшее литовское боярство съ великимъ княземъ. Послѣдній не рѣшаетъ безъ совѣщанія съ этимъ боярствомъ ни одного, сколько-нибудь изъ ряда выходящаго государственнаго дѣла. Въ 1421 году, въ бытность короля Ягайла въ Литвѣ, явилось торжественное посольство отъ гусситовъ съ предложеніемъ ему чешской короны. Когда Ягайло категорически отказался отъ нея, послы обратились съ тѣмъ же предложеніемъ къ Витовту. По разсказу Кояловича предложеніе пословъ слушалось публично въ собраніи литовской знати (in senatu), созванной тогда на сеймъ для рѣшенія разныхъ вопросовъ (indicta ordinum Lithuaniae conventu). Этотъ разсказъ подтверждается однимъ современнымъ извѣстіемъ, идущимъ со стороны ливонскихъ нѣмцевъ. Гонецъ, отправленный однимъ изъ орденскихъ начальниковъ къ воеводѣ Виленскому Монивиду, какъ онъ самъ доносилъ, нашелъ воеводу въ Трокахъ, гдѣ были Ягайло и Витовтъ со множествомъ бояръ и князей (mit vil beiaren und hertigen) [13]). Вслѣдствіе заявленнаго литовскою знатью нежеланія впутываться въ международныя осложненія Витовтъ отвѣчалъ гусситскимъ посламъ, что онъ не отказывается отъ чешской короны, если только чехи примирятся съ господствующею церковью, а пока пусть возьмутъ къ себѣ его племянника Сигизмунда Корибутовича, который и будетъ защищать ихъ отъ

---

[9]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № DCVIII, DCXLV, DCLI, DCCLXXXIV, MCL, MCCVI; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 7.

[10]) Dogiel, loco citato.

[11]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № DLXI, MCCCLXII; tomus XII, № 180; *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 317. Wrocław 1845.

[12]) Senatorowie i dygnitarze, str. 173; Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 317; *Daniłowicza* Scarbiec diplomatów II, № 1427, 1515, 1516; Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCXXI; Dogiel, tomus IV, p. 115.

[13]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CMLXXXII.

къ «станамъ, сойму належачимъ». Таковы: Янъ Римовидовичъ изъ рода, давшаго позже чиновныя фамиліи пановъ *Заберезинскихъ*, *Кухмистровичей*, *Дорогостайскихъ*, *Олехновичей*; Сака, родоначальникъ знатной фамиліи *Саковичей*, изъ которой выходили различные урядники земскіе и дворные [87]); Сируть, родоначальникъ фамиліи *Сирутевичей*, поднявшейся въ ряды литовской знати при Сигизмундѣ Августѣ [88]).

Сопоставляя то, что извѣстно намъ о составѣ литовско-русскаго сейма въ послѣдней стадіи его развитія, съ тѣмъ, что выяснилось относительно первоначальнаго его состава, приходимъ къ заключенію, что изъ всѣхъ «становъ, сойму належачихъ», раньше другихъ заняли въ немъ свои мѣста: католическіе бискупы, литовско-русскіе князья и литовскіе первостепенные бояре, или паны, состоявшіе и не состоявшіе въ разныхъ должностяхъ (позднѣе: паны рада, княжата, панята, или паны хоруговные), и рядовые литовскіе бояре (позднѣе—шляхта), въ случайномъ составѣ собиравшіеся на сеймъ. Послѣдніе, по всѣмъ признакамъ, играли на сеймѣ еще чисто пассивную роль, приглашались или допускались на сеймъ для моральной поддержки сейму, для приданія вящщаго авторитета его постановленіямъ. Эти постановленія исходили изъ круга князей и пановъ, а рядовое боярство, не имѣвшее еще постояннаго и правильнаго представительства на сеймѣ, вѣроятно, давало только свое молчаливое или громкое (per acclamationen) согласіе или одобреніе. Поэтому и первоначальный литовско - русскій сеймъ по справедливости можно назвать сеймомъ литовско-русскихъ князей и литовскихъ пановъ.

Такой составъ первоначальнаго литовско - русскаго сейма находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что именно съ этими князьями и панами главнымъ образомъ и пришлось считаться ихъ государямъ и полякамъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ, касающихся политическаго бытія великаго княжества. Это были самые сильные люди въ литовско-русскомъ обществѣ, коимъ принадлежали власть и вліяніе, вожди, которые въ состояніи были подчинять себѣ и вести за собою остальное литовско-русское общество. Что такое значеніе принадлежало князьямъ, это очевидно, и едва ли требуетъ подробнаго разъясненія. Литовско-русскіе князья владѣли не однимъ только титуломъ, но и извѣстными населенными территоріями, болѣе или менѣе значительными, гдѣ они были не только хозяевами, но и государями. Но на чемъ основывалось политическое значеніе того класса, который получилъ польское

[87]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 46, 160, 161, 218, 219, 290, 291, 391—395.

[88]) Ibidem, str. 313; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 243.

1426 году Витовтъ съ своими князьями и старшими литовскими боярами (cum omnibus Ducibus et Bojaris majoribus) принималъ польскихъ пословъ, прибывшихъ къ нему по дѣлу объ уступкѣ Прусскому Ордену мельницы Любича. Витовтъ обѣщалъ магистру выхлопотать для него эту мельницу у Ягайла и поляковъ. Но это возбудило сильное неудовольствіе Ягайла и его совѣтниковъ, что въ свою очередь разсердило Витовта, который обѣщалъ магистру уступить ему Полонгу на Жмуди, если поляки не согласятся отдать ему Любичъ. Прослышавъ о посольствѣ Витовтъ и собралъ на всякій случай своихъ князей и бояръ, чтобы посовѣтоваться съ ними о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій въ случаѣ отказа поляковъ [17]).—Когда въ 1427 году прибыли къ Витовту новгородскіе послы съ богатыми дарами для него и его бояръ, Витовтъ, по донесенію орденскаго шпіона, собиралъ къ себѣ во дворецъ всѣхъ высшихъ бояръ для переговоровъ съ новгородскими послами [18]); до чего договорились на этомъ собраніи, шпіонъ не могъ разузнать, ибо совѣщанія велись въ строгой тайнѣ.—Въ 1429 году, послѣ того, какъ Ягайло отказалъ Витовту въ своемъ согласіи на вѣнчаніе его королевскою короною, ссылаясь на то, что это противорѣчитъ положенію, занимаемому великимъ княжествомъ въ силу уніи съ Польшею, Витовтъ, по его собственнымъ словамъ, сталъ вмѣстѣ съ своими подданными обсуждать, какимъ образомъ избѣжать того посрамленія и неволи, какими король Польскій пытался покрыть его самого и его земли [19]). Эти совѣщанія въ концѣ концовъ привели Витовта къ рѣшенію короноваться въ короли вопреки волѣ Ягайла и поляковъ. Но и этого рѣшительнаго шага Витовтъ не захотѣлъ сдѣлать безъ поддержки своихъ бояръ. Поэтому къ назначенному дню коронаціи съѣхалось было много князей и пановъ изъ Литвы и Руси [20]). Хотя самая коронація, какъ извѣстно, не состоялась, но во всякомъ случаѣ самый фактъ созыва на коронацію литовскихъ пановъ (barones) остается весьма характернымъ въ кругѣ явленій, подлежащихъ въ настоящемъ случаѣ нашему разсмотрѣнію.

По условіямъ уніи, подтвержденной въ Городлѣ, дѣла, касавшіяся общихъ интересовъ Польши и Литвы, впредь должны были обсуждаться и рѣшаться на совѣщаніяхъ или сеймахъ (conventiones et parlamenta) пановъ и шляхты соединенныхъ государствъ. Литовская боярская знать

---

[17]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 339.

[18]) Und Vytovt hadde to der tid sin *upersten beyaren* all to hope gheladen. Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCLIX.

[19]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCLVIII.

[20]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 406.

шими вотчинами со множествомъ челяди, коней, охотничьихъ собакъ и птицъ и разныхъ предметовъ, потребныхъ для войны; были и рабы, и свободные, а среди послѣднихъ благородные и знатные люди. Эти сильные и знатные люди (prepotentes, pociores domini, famosi domini, nobiles, die edelsten, какъ называютъ ихъ хроники [91]) и были вождями окрестнаго населенія, около которыхъ оно собиралось для отраженія враговъ или для нападеній [92]), его старшинами и представителями въ сношеніяхъ съ другими обществами. Нѣкоторые изъ этихъ сильныхъ и знатныхъ людей, по всѣмъ признакамъ, даже успѣли уже подчинить себѣ окрестное населеніе и сдѣлаться настоящими князьками и царьками въ мѣстности. Трудно сказать, какимъ образомъ это произошло, путемъ ли преемственности и развитія власти родоначальниковъ или какъ-нибудь иначе. Очень можетъ быть, что этотъ фактъ стоялъ въ связи съ выдѣленіемъ особаго военнаго класса въ литовскихъ обществахъ. Дѣло въ томъ, что въ XII в. война сдѣлалась для литовцевъ не только актомъ обороны отъ нападеній извнѣ, но и промысломъ. Польскія и нѣмецкія хроники и наши лѣтописи полны извѣстіями о набѣгахъ Литвы съ цѣлью грабежа. Литовцы стали воевать даже въ чужихъ войскахъ, иногда противъ своихъ. Такимъ образомъ, напр., Ятвяги и Жмудь ходили въ войскахъ Даніила Романовича противъ Мендовга, наемные литовцы служили нѣмцамъ, польскимъ и поморскимъ князьямъ и т. д. [93]). Изъ среды общества при этомъ естественно долженъ былъ выдѣлиться особый классъ военныхъ людей по ремеслу, соотвѣтствующій германской и славянской дружинѣ. Вожди этого класса, выходившіе изъ того же круга землевладѣльческой знати, изъ котораго выходили и общенародные вожди и старшины, обогащаясь на войнѣ [94])

---

dives et praepotens (Scriptores rerum livonicarum I, p. 86. Riga und Leipzig 1853).

[91]) Scriptores rerum prussicarum I, p. 64, 135, III, p. 284 и др.

[92]) Отсюда и названія ихъ: duces, capitanei, castellani. Петръ Дюсбургскій, говоря объ этихъ capitanei, прибавляетъ къ этому имени обыкновенно homo или vir prepotens et dives. Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 143, 146.

[93]) *Н. П. Дашкевича* Княженіе Даніила Галицкаго, стр. 133, прим. 3. Кіевъ 1873 (Оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1873 года).

[94]) По свидѣтельству Петра Дюсбургскаго у прусскихъ nobiles были castra, т. е. укрѣпленныя усадьбы, гдѣ они помѣщали свою добычу, домашній скотъ и другія вещи (Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 132). Наша лѣтопись въ разсказѣ объ истребленіи и изгнаніи Мендовгомъ другихъ князей говоритъ о безчисленномъ имѣньѣ ихъ, захваченномъ Мендовгомъ (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 541).

шалокъ дворный Петръ, намѣстникъ Солечницкій Александръ Монтовтъ, Дорсунишскій (Durazenevsis) Ивашко Гаштольдъ (Guzald), Городенскій Михаилъ Монтвидъ, Янъ Грихальдъ [22]). Разбирая этотъ перечень, мы видимъ, что въ заключеніи договора съ нѣмцами принимали участіе все тѣ же классы литовско-русскаго общества, которые играли крупную роль въ поправкахъ уніи 1385 г. и послѣ разгрома областныхъ князей заняли первое мѣсто подлѣ великаго князя, то-есть, второстепенные литовско-русскіе князья и первостепенные литовскіе бояре. Изъ князей сравнительно крупнымъ владѣльцемъ былъ Свидригайло, незадолго предъ тѣмъ получившій отъ Витовта Черниговъ, Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Трубчевскъ [23]). Остальнымъ принадлежали маленькія княжества: Александру Владиміровичу Слуцкъ, брату его Ивану [24])—Бѣлая въ Смоленской землѣ, Андрею Владиміровичу—имѣнья по близости отъ Слуцка, Семену Ивановичу съ братомъ Михаиломъ—Гольшаны; кн. Ивану Семеновичу, Григорію Семеновичу и Ивану Путятѣ—Друцкъ; кн. Юрій Лингвеньевичъ жилъ еще, вѣроятно, при отцѣ въ Мстиславлѣ; кн. Ѳедоръ Корибутовичъ и Иванъ Святославичъ Смоленскій, шуринъ Витовта, едва ли не находились на иждивеніи сего послѣдняго [25]). Большинство должностныхъ лицъ великаго княжества, фигурирующихъ въ договорномъ актѣ 1422 года, являются все изъ того же круга знатнаго литовскаго боярства, которое и прежде выступало на политической аренѣ.—На слѣдующій годъ послѣ заключенія мира при озерѣ Мельнѣ литовскіе паны радные (consiliarii) вмѣстѣ съ Витовтомъ и польскими панами пріѣзжали въ Велюнъ для заключенія дополнительнаго трактата съ уполномоченными Ордена и проведенія границъ между Польшею и Литвою съ одной стороны и Орденомъ съ другой согласно договору [26]).—Лѣтомъ 1424 литовскіе паны участвовали въ общемъ польско-литовскомъ сеймѣ въ Сѣрадзи, на которомъ вырабатывались различныя мѣропріятія противъ распространенія гусситской ереси въ Польшѣ и Литвѣ. Сеймъ этотъ отличался, если судить по

---

[22]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniæ et Magni Ducatus Litvaniae, tomus IV, p. 115. Актъ напечатанъ или по неисправной или по плохо разобранной рукописи. Мы старались, по возможности, исправить чтеніе именъ, сообразуясь съ другими современными и позднѣйшими актами.

[23]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 65.

[24]) Иванъ ошибочно въ договорѣ 1422 года названъ Казимировичемъ.

[25]) *Wolffa* Kniaziowie litewsco-ruscy, str. 3, 59, 61, 96, 97, 263, 327, 337, 405, 459, 461.

[26]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 314.

мать, что истребленъ былъ весь этотъ классъ, и что вслѣдствіе этого великій князь и сдѣлался «самодержьцемъ» въ Литовской землѣ, какъ выражается лѣтопись. Истребленіе постигло только противниковъ и конкуррентовъ утверждавшагося великаго князя. Всѣ другіе остались и продолжали быть и при великомъ князѣ вождями мѣстныхъ обществъ, которые по временамъ дѣйствовали самостоятельно и независимо отъ великаго князя и даже увлекали его за собою. Такіе вожди остались, напр., въ Жмудской землѣ. Извѣстно, что Мендовгъ уступилъ эту землю Ливонскому Ордену. Но Жмудскіе князья и старшины знать не хотѣли этой уступки и мужественно боролись съ нѣмцами за самостоятельность своего племени, а въ концѣ концовъ увлекли въ эту борьбу и самого Мендовга [99]). Въ Литовской землѣ по смерти Мендовга встрѣчаемъ по источникамъ также не мало этихъ «князей». Въ 1266 году Псковскій князь Довмонтъ сдѣлалъ нападеніе на Литовскую землю, повоевалъ ее и поплѣнилъ, и между прочимъ захватилъ жену князя Герденя и двухъ княжичей, пользуясь тѣмъ, что самого Герденя и другихъ «князей» въ то время не было дома. Прослышавъ о нападеніи, «князья» вернулись домой и немедленно снарядились въ погоню за врагомъ. Кромѣ самаго Герденя тутъ были Гогортъ, Люмбей, Люгайло и прочіе «князья» Литовскіе—всего въ общей сложности отправилось въ погоню до 700 человѣкъ. Такъ разсказываетъ наша лѣтопись [100]). Одиннадцать лѣтъ спустя, по разсказу Петра Дюсбургскаго нѣкій Пелюза, отверженный своимъ отцомъ, знатнымъ княземъ литовскимъ, ворвался въ Литву, захватилъ въ одномъ мѣстѣ около семидесяти литовскихъ царьковъ (regulos), собравшихся на свадьбу, и истребилъ ихъ съ женами и дѣтьми [101]). Такимъ образомъ, Мендовгъ и его сынъ Войшелкъ истребили и разогнали далеко не всѣхъ литовскихъ князьковъ и знатныхъ людей. То же самое нужно сказать и про избіеніе Пелюзы. Три года спустя послѣ этого избіенія встрѣчаемъ по разсказу нашей лѣто-

---

[illegible] и въ Налщанехъ; городы же изымавъ, а вороги своя избивъ, и тако [illegible] въ свояси» (стр. 570). Такимъ образомъ и въ собственной Литвѣ, какъ [illegible] мѣстные князьки и знатные люди имѣли укрѣпленія (срав. стр. 613,

[99]) Krumbholtz Samaiten und der Deutsche Orden, s. 21—43; *J. Lat*[illegible] Mendog, król Litewski, str. 81—101. Kraków 1892 (Osobnie [illegible] XXVIII Rozpraw i sprawozdań Wydz. historychno-filozoficz[illegible]nej. w Krakowie).

[100]) Полное Собраніе Русск. Лѣт., томъ VII, 166.

[101]) Scriptores rerum prussicarum, tomus I. p. 149.

писи князей Бурдикида и Будивида, заключающихъ миръ съ Волынскимъ княземъ Мстиславомъ Васильковичемъ и уступающихъ ему свой городъ Волковыйскъ [102]).

Изъ всего этого видно, что и съ установленіемъ великаго княженія остались на Литвѣ люди, управлявшіе или руководившіе мѣстными обществами. Нѣкоторая часть ихъ уцѣлѣла до самыхъ позднихъ временъ съ значеніемъ мѣстныхъ князей. Таковы были, напр., упоминавшіеся выше князья въ Гольшанахъ, Гедройти, Свирѣ и т. д. Но большинство вошло въ составъ военно-служилаго класса новообразовавшагося государства—бояръ, какъ высшій его слой, изъ котораго преимущественно набирались различныя должностныя лица. Такой переходъ съ полною ясностью даетъ себя выслѣдить по источникамъ въ Жмудской землѣ. Въ той роли народныхъ вождей, въ какой въ XIII-мъ и даже отчасти въ XIV вѣкѣ являются жмудскіе *царьки* (kunige)[103]), или *знатные люди* (nobiles)[104]), къ концу XIV-го и въ началѣ XV-го вѣка выступаютъ уже жмудскіе *бояре* [105]). Несомнѣнно, что подобное же превращеніе прежнихъ *сильныхъ*, *знатныхъ*, *благородныхъ* людей въ *бояръ* имѣло мѣсто и въ собственной Литовской землѣ. Совершилось это,

---

[102]) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 612, 613.

[103]) Scriptores rerum livonicarum, tomus I, p. 601—602 (Reimschronik 4625—4629, 4653—4671).

[104]) Характеризуя дѣятельность Людвига фонъ Либенцеля, какъ командира Рагнеты, Петръ Дюсбургскій говоритъ: Infra sex annos (1294—1300), quibus dicto castro prefuit, coegit omnes Lethowinos, qui supra litus Memele habitabant a fluvio Nare usque ad terram Lamutinam, ut pacem cum christianis haberent sub hiis pactis, ut certum censum singulis annis darent ei, Ecce mira res, quantacunque iis, tamen diligebunt eum in tantum, ut eciam *nobiles, per quos Samethia tunc regebatur,* populum communem contra regem Lithowinorum provocarent.., Nec unquam temporibus suis rex Lithowie cum Samethis poterat concordare, ut simul in bello procederent contra fratres (Scriptores rerum prussicarum I, p. 159).

[105]) См. выше перечень лицъ, выдавшихъ въ 1401 обязательство на вѣрность королю и коронѣ Польской. У Посилге подъ 1401 годомъ читаемъ: Anno domini 1401 am sontage noch epyphanie domini quomen ken Marienborg *die bestin bajorin* der lande von Samaythin (Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 340). О цѣли ихъ прихода узнаемъ изъ фрагмента одного орденскаго мемуара, разсказывающаго объ измѣнѣ Витовта: „woren czu Marienburg bei unserm homeister und boten in, das her die bajoren liesse bajoren bliben, die freien frei und die gebuwer gebuwer, und der maister gap das den landen allen einen brieff und gab in sulch recht als die Prussen in unsern landen haben (Monumenta medii aevi, t. VI, № CCXLI).

учреждено было, какъ извѣстно сначала въ Вильнѣ (въ 1387 г.), потомъ во Владимірѣ на Волыни (номинально католическое епископство учреждено было здѣсь еще въ 1375 году, но фактически существовало съ конца XIV или начала XV в.: первый епископъ Григорій упоминается подъ 1404 г.), затѣмъ въ Кіевѣ (первый епископъ Бориславъ упом. подъ 1405 г.) и наконецъ въ Мѣдникахъ въ землѣ Жмудской, въ 1417 г.; вмѣсто Владимірскаго въ 1429 году было учреждено епископство Луцкое [30]). Католическіе епископы въ Польшѣ пользовались въ то время громаднымъ значеніемъ въ обществѣ и государствѣ. Они принадлежали къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся притомъ всевозможными изъятіями отъ государственныхъ податей и повинностей, занимали первое мѣсто въ королевскомъ сенатѣ и принимали живѣйшее участіе въ политической жизни страны, можно сказать, давали ей общій тонъ и направленіе [31]). Уряжая великое княжество Литовское по образцу Польши, распространяя въ немъ католическую вѣру, Ягайло и Витовтъ постарались естественно поставить и вновоназначенныхъ католическихъ епископовъ въ положеніе, приличествующее ихъ высокому сану и соотвѣтствующее положенію польскихъ епископовъ. Католическіе «бискупы» въ великомъ княжествѣ получили къ своимъ каѳедрамъ большія имѣнья [32]) съ освобожденіемъ ихъ населенія отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей, въ томъ числѣ и отъ подсудности великому князю и его урядникамъ [33]). Такимъ обра-

---

[30]) *Напьерскаго* Русско-ливонскіе акты, № CXI; Scarbiec diplomatów, tom I, № 538. 856: Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCCXX, DCCXLIII, DCCCXLV; tomus XII, № 89; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5; *И. Чистовича* Очеркъ исторіи западно-русской церкви, ч. I, стр. 46. Спб. 1882.

[31]) *A. Prochaski* Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiełłonów, str. 20—22 (Osobnie odbicie z tomu XXXVIII Rozpraw Wydziału historyczno-flozoficznego Akademii Umiejętnosci w Krakowie); *M. Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zarysie, tom I, str. 258—312. Kraków 1887.

[32]) *Długosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 536; Scarbiec diplomatów I, № 538, 540; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5; *Ks. bisk. Wołonczewskiego* Biscupstwo żmujdzkie, str. 27—29. Kraków 1898.

[33]) Scarbiec diplomatów, I, № 540; *Stryjkowskiego* Kronika, tom. II, str. 80—81: od wschelkich podatków, serepcizn, podwód, wyprawy wojennej, stražej, oprawowania mostów, dziakłow i wszelkich inszych, ktorychkolwiek powinnośći świeckich. Имѣнья каѳедры Луцкой были освобождены отъ всѣхъ повинностей и податей, за исключеніемъ *воловщины*, которую епископскіе крестьяне

зомъ, католическіе епископы сдѣлались крупными землевладѣльцами съ княжескими правами на своихъ имѣніяхъ и даже безъ тѣхъ обязанностей, которыя несли въ пользу государства князья. Все это, помимо ихъ относительной образованности и духовнаго авторитета, придавало имъ большой вѣсъ въ обществѣ и государствѣ. Въ совѣтѣ великаго князя имъ отведено было почетное мѣсто, и они сдѣлались обычными участниками правительственныхъ актовъ, исходившихъ отъ великаго князя и его совѣта. Такимъ образомъ, напр., въ 1407 г. Витовтъ совершилъ мѣну имѣньями съ Виленскою капитулою въ присутствіи Григорія, бискупа Владимірскаго, Николая, избраннаго епископа Виленскаго, и пановъ: Минигайла, Монивида, Румбольда и Видимина [34]); въ 1426 г. Витовтъ пожаловалъ войтовство въ Тыкотинскомъ мѣстѣ Петру съ Гумолка въ присутствіи Матвѣя, бискупа Виленскаго, Михаила, бискупа Кіевскаго, Гедигольда, воеводы Виленскаго, Яна или Явниса, воеводы Троцкаго, Якуба съ Кобылянъ и Ивашки, маршалковъ двора [35]) и проч. Въ тѣхъ случаяхъ, когда происходило общее польско-литовское совѣщаніе, литовскіе католическіе бискупы занимали мѣста между бискупами польскими, подобно тому, какъ свѣтскіе литовскіе сановники занимали мѣста среди польскихъ пановъ [36]). Церковные интересы, землевладѣніе и государственная дѣятельность очень рано сблизили католическихъ бискуповъ тѣснѣе всего именно съ литовскимъ знатнымъ боярствомъ, съ которымъ вмѣстѣ они и стали именоваться *панами* духовными и свѣтскими (domini spirituales et saeculares). Очень рано оба эти класса стали сплетаться другъ съ другомъ и генеалогическими связями; въ бискупы стали попадать люди изъ среды литовскихъ пановъ или шляхты; второй, напр., Жмудскій епископъ—Николай вышелъ, повидимому, изъ литовскаго шляхетскаго рода Держковичей [37]).

Что касается мѣщанства, то его участіе въ политической жизни страны было, можно сказать, ничтожнымъ. Изъ мѣщанъ только Виленскіе, среди которыхъ было не мало богатыхъ и вліятельныхъ купцовъ изъ нѣмцевъ и русскихъ, представляли болѣе или менѣе значительную

должны были платить в. князю. См. Акты литовско-русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5.

[34]) Scarbiec diplomatów I, № 856.

[35]) Scarbiec diplomatów II, № 1427.

[36]) См., напр., перечень пановъ радныхъ, участвовавшихъ въ заключеніи союзнаго договора съ королемъ датскимъ Эрикомъ 15 іюня 1419 года. Monumenta medii aevi, tomus VI, № DCCCXLV.

[37]) Wolonczewski. str. 29; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 45.

между этими князьями междоусобная борьба и затѣмъ унія съ Польшею не вызываютъ къ политической самодѣятельности и бояръ и не даютъ имъ возможность проявить на дѣлѣ свою силу и общественно-политическое значеніе. Крушеніе, постигшее областныхъ князей Гедиминовичей къ концу XIV в., бывшее отчасти послѣдствіемъ этого выступленія литовскаго боярства на политическое поприще, очищаетъ этому боярству мѣсто при великомъ князѣ, въ высшемъ совѣтѣ государства. Первостепенные литовскіе бояре становятся на ряду съ уцѣлѣвшими князьями ближайшими совѣтниками и сотрудниками великаго князя, а когда представляются особенно важныя дѣла, собирается весь сонмъ литовскаго боярства и рѣшаетъ судьбы государства.

Мы подошли теперь къ окончательному отвѣту касательно причинъ, обусловившихъ возникновеніе учрежденія, исторію котораго мы изучаемъ. Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что когда сложилось литовско-русское государство, въ немъ оказалась значительная наличность крупныхъ землевладѣльцевъ съ политическимъ вліяніемъ и нерѣдко съ политическою властью (князья, великокняжескіе намѣстники изъ бояръ) въ мѣстныхъ обществахъ. Особенно много было такихъ людей въ собственной Литовской землѣ (включая сюда и Жмудь) и съ нею объединенной Руси. Внѣшнія опасности заставили всѣхъ этихъ мѣстныхъ вождей сомкнуться воедино и сплотиться вокругъ одного старшаго, или великаго, князя, и его родственниковъ Пока этотъ князь и его родственники правильно служили національнымъ интересамъ, и мѣстные вожди охотно подчинялись имъ и служили вѣрою и правдою. Они не только ходили по ихъ зову на войну, но несли въ пользу ихъ и другія повинности, напр., давали имъ кормы, когда они останавливались въ мѣстности, строили и ремонтировали укрѣпленія, мосты и дороги, давали деньги на государственныя нужды и даже посылали своихъ людей работать въ ихъ усадьбахъ [113]). Великій князь вершилъ всѣ государственныя дѣла по совѣту и соглашенію съ своими родными, не встрѣчая со стороны другихъ князей и бояръ противодѣйствія. Но когда совѣтъ и согласіе покинули правящій княжескій родъ вмѣстѣ съ должнымъ пониманіемъ національныхъ интересовъ, тогда и мѣстные вожди литовско-русскаго общества проявили политическую самодѣятельность и заставили своихъ государей признать за ними право на участіе при распоряженіи судьбами государства. Такъ и возникъ литовско-русскій сеймъ, какъ органъ, черезъ который это право должно было осуществляться въ жизни.

---

[113]) Объ этомъ можно заключать по тѣмъ привилегіямъ, которые получили литовскіе бояре въ 1387 и 1413 г.

князей и бояръ, съ которыми они думали свои думы [41]). Иное о, когда области потеряли своихъ князей и стали болѣе, чѣмъ кде, зависѣть отъ центральной власти, когда эта власть стала поть для управленія ими литовскихъ пановъ и съ этими же панами имущественно рѣшать общегосударственные вопросы. При такихъ віяхъ политическое преобладаніе собственной Литовской земли нало превращаться уже въ настоящее господство. Послѣдовавшія лѣ смерти Витовта общественно-политическія движенія въ нѣдрахъ икаго княжества Литовскаго привели сначала къ смягченію, а поь и къ извѣстному ограниченію политическаго господства собствен- Литвы, что въ свою очередь сказалось и въ измѣненіи состава чаемаго учрежденія, т. е. литовско-русскаго сейма.

§ 2.

Порядокъ вещей, утверждавшійся въ Литовско-Русскомъ государѣ со времени Городельской уніи со всѣми сопровождавшими его лѣдствіями, долженъ былъ порождать и накоплять въ русскихъ люъ великаго княжества непріязненныя къ себѣ чувства. Высшее боство русскихъ областей, состоявшее изъ православныхъ людей, не ло быть довольно прямымъ исключеніемъ его отъ тѣхъ правъ и ьностей, которыя пожалованы были высшему литовскому боярству, тоявшему изъ католиковъ, не могло быть довольно и устраненіемъ отъ высшихъ государственныхъ должностей и отъ участія въ разшеніи общегосударственныхъ вопросовъ [42]). Фактическое же предпоніе, оказывавшееся въ этомъ отношеніи высшему литовскому боярву, должно было по временамъ задѣвать непріятно и многочисленхъ литовско-русскихъ князей, которые не стояли въ такомъ приблиніи къ Витовту, какъ знатные литовскіе бояре, или «паны», и во комъ случаѣ возбуждать во многихъ изъ нихъ чувства зависти и вности. Наконецъ, многихъ русскихъ людей должны были задѣвать живое и посягательства на ихъ религіозную совѣсть, исходившія ь правительства, состоявшаго изъ католиковъ. Извѣстно, что Витовтъ

[41]) *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagiełły. str. 45. n. 16.

[42]) Боярству русскихъ областей оставлены были его прежнія должности, или олостки», въ областяхъ. Объ этомъ можно заключать по тѣмъ даннымъ, которыя одимъ въ позднѣйшихъ источникахъ, главнымъ образомъ въ уставныхъ грамотахъ астей, начало которыхъ восходитъ къ Витовту. См. Областное дѣленіе и мѣстное равленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 30—32, 37, 240, 242, 243, 248, 9, 254, 267—269, 274 и др.

Итакъ, литовско-русскій сеймъ былъ порожденіемъ особеннаго соціально-политическаго строя великаго княжества, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи находятъ сходство *съ феодализмомъ* западно-европейскихъ обществъ [115]). Въ этомъ уподобленіи нельзя не признать значительной доли истины, по скольку здѣсь разумѣется не феодализмъ въ собственномъ смыслѣ, а тотъ порядокъ, на почвѣ котораго выросъ настоящій феодализмъ. Если такъ, то и первоначальный литовско-русскій сеймъ, состоявшій преимущественно изъ князей и пановъ, является аналогіею къ тѣмъ собраніямъ епископовъ и бароновъ, изъ которыхъ развились западно-европейскія представительныя учрежденія. Какъ и въ этихъ учрежденіяхъ, такъ и въ литовско-русскомъ сеймѣ съ самаго начала получили мѣсто тѣ землевладѣльцы, за которыми была вооруженная сила, вліяніе и власть въ окружающемъ обществѣ. Но въ дальнѣйшемъ литовско-русскій сеймъ разошелся съ западно-европейскими представительными учрежденіями. Въ послѣднихъ съ теченіемъ времени получили мѣсто представители сословія, возвысившагося силою мирнаго труда, капитала, интеллекта и крѣпкой общинной организаціи. Въ литовско-русскомъ сеймѣ остались одни только военно-служилые землевладѣльцы разныхъ разрядовъ, если не считать католическихъ бискуповъ, которые выходили изъ того же класса, и въ концѣ концовъ онъ подошелъ близко къ польскому сейму, который съ теченіемъ времени также сдѣлался въ сущности односословнымъ учрежденіемъ.

---

[115]) *Н. П. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 24—26 (Оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1885 года); *Молчановскаго* Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г., стр. 312, 318 (Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владиміра, вып. VIII, Кіевъ 1886).

передъ самою смертью († 27 окт. 1430 г.) помирился съ поляками и торжественно объявилъ Ягайлу, что возвращаетъ ему обратно изъ рукъ въ руки полученное отъ него великое княжество [46]. Но не помирились съ Ягайломъ и поляками бывшіе совѣтники и сотрудники Витовта. Имъ вовсе не хотѣлось, чтобы великое княжество перешло подъ управленіе польскаго короля и такимъ путемъ утратило свою особность и самобытность. Поэтому они поспѣшили сблизиться съ русскими князьями и боярами и привлечь ихъ къ рѣшенію конфликта съ Ягайломъ и поляками. Эти князья и бояре во множествѣ наѣхали въ Вильну отчасти на предполагавшуюся коронацію Витовта, отчасти на зовъ Свидригайла, который хотѣлъ опереться на нихъ въ своемъ стремленіи получить великое княженіе. По свѣдѣніямъ, полученнымъ Орденомъ, какъ только умеръ Витовтъ, польскіе паны, находившіеся при Ягайлѣ, начали настаивать, чтобы Ягайло никому не отдавалъ великаго княженія, а взялъ бы его въ свои руки. Но земли Руси и Литвы не захотѣли принять самого Ягайла на великое княженіе, указывая на то, что онъ уже покинулъ ихъ, принимая корону польскую [47]. Русскіе люди выставили своего кандидата, который уже около тридцати лѣтъ тщетно добивался великаго княженія,— князя Свидригайла Ольгердовича. Къ нимъ примкнули и литовцы, не желавшіе стоять особнякомъ противъ поляковъ.

Свидригайло вмѣстѣ съ другими князьями и боярами пріѣхалъ въ Вильну на предполагавшуюся коронацію Витовта. Когда Витовтъ серьезно заболѣлъ, Свидригайло, по словамъ Длугоша, поднялъ голову и сталъ еще при жизни Витовта агитировать въ пользу своего избранія на великое княженіе, чѣмъ не мало огорчилъ умирающаго Витовта [48]. Ему собственно надо было расположить въ свою пользу только литовскихъ пановъ, ибо русскіе князья и бояре были уже на его сторонѣ. Среди нихъ Свидригайло уже давно сталъ популярною личностью. Судьба много разъ бросала Свидригайла съ одного конца Литовско-

---

medii aevi, tomus XII, № 179). И Витовтъ въ письмахъ къ Ягайлу и полякамъ разсматривалъ ихъ поведеніе въ вопросѣ о коронаціи, какъ униженіе и порабощеніе его самого и литовскихъ бояръ, заявлялъ, что съ ними онъ совѣтуется, какъ бы избѣжать этого униженія и порабощенія (Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCXLV, MCCCLVIII).

[46]) *Dlugosz*, Opera omnia. tomus XIII, p. 414; Monumenta medii aevi, tomus XII, № 191; Sriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 494.

[47]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 208.

[48]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 414.

ская унія принесла съ собою этому классу цѣлый рядъ правъ и вольностей, которыя не только юридически оформили и закрѣпили, но до извѣстной степени и возвысили положеніе, занятое имъ въ обществѣ и государствѣ. Дарованіе правъ и вольностей было необходимымъ, такъ сказать, логическимъ постулятомъ уніи и потому вошло въ самый ея актъ. Унія устанавливала включеніе Литвы въ корону Польскую, если не полное уничтоженіе, то во всякомъ случаѣ большое ограниченіе политической самобытности великаго княжества. Чтобы такой сильный и вліятельный классъ великаго княжества, какъ высшее литовское боярство, могъ согласиться на подобную унію, необходимо было, чтобы эта унія давала ему какія-либо выгоды и во всякомъ случаѣ не ставила его въ положеніе низшее по сравненію съ соотвѣтствующимъ классомъ Польши. Къ сравненію высшаго литовскаго боярства въ правахъ и вольностяхъ съ польскою шляхтою и направленъ актъ Городельской уніи.

Переходя къ частностямъ, мы прежде всего должны отмѣтить фактъ консолидаціи высшаго литовскаго боярства, какъ извѣстнаго *сословія*. Городельскій привилей превратилъ высшее литовское боярство изъ класса, *фактически* пользовавшагося властью, политическимъ вліяніемъ и почетомъ, въ сословіе, члены котораго получали на все это *право* въ силу своего рожденія, въ силу принадлежности къ той или другой фамиліи. Совершилось это вслѣдствіе дарованія извѣстному числу видныхъ литовскихъ боярскихъ фамилій гербовъ и клейнотовъ польской шляхты вмѣстѣ съ разными правами и вольностями. Такимъ путемъ литовская боярская знать обособилась внѣшнимъ образомъ отъ остальной боярской массы и выдѣлилась, какъ привилегированный его слой.

Данныя этому сословію права и вольности прежде всего укрѣпили и усилили его положеніе, какъ землевладѣльческаго класса. Привилей 1413 года гарантировалъ литовскимъ «баронамъ и знатнымъ боярамъ», принявшимъ католическую вѣру и получившимъ польскіе шляхетскіе гербы, ненарушимое владѣніе отчинными и пожалованными имѣніями и свободное распоряженіе ими, съ соблюденіемъ только необходимыхъ формальностей. Конечно, фактически литовская боярская знать и прежде владѣла своими имѣніями наслѣдственно, какъ о томъ было уже сказано нами въ другомъ мѣстѣ [1]). Нѣкоторые изъ литовскихъ бояръ носили даже и прозвища отъ своихъ имѣній, напр. Юрій, или Бутримъ, съ Жирмунъ, Михаилъ, или Минигайло, съ Девенишекъ и

[1]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 550, 551.

Носъ и другіе вторглись въ замокъ, одолѣли мѣстнаго старосту, польскаго шляхтича Конрада Франкенберга, и вывели Свидригайла на волю [52]). Не только русскіе люди, но даже и литовское простонародье сочувствовало Свидригайлу: по донесенію нѣмецкихъ агентовъ изъ Литвы, простые люди заявляли постоянно, что они желали бы имѣть великимъ княземъ Свидригайла, а не Витовта, подъ управленіемъ котораго они сильно обнищали [53]). При такихъ условіяхъ литовскому панству не оставалось выбора, и оно volens-nolens примкнуло къ Свидригайлу. Литовскіе и русскіе бояре, по свѣдѣніямъ, полученнымъ Орденомъ, единодушно провозгласили его великимъ княземъ. Ягайлу въ виду этого ничего не оставалось дѣлать, какъ только дать свое согласіе, что онъ и выразилъ посылкою своего перстня Свидригайлу [54]).

Возведеніе на великое княженіе Свидригайла было крупнымъ ударомъ, нанесеннымъ жизнью уніи 1413 г. и положенію литовскаго панства, созданному этой уніею. Это возведеніе совершилось не только помимо воли Ягайла и польскихъ пановъ, но и съ участіемъ русскихъ людей, которое не только не предусматривалось, но прямо исключалось Городельскимъ привилеемъ 1413 года. Собраніе, избиравшее Свидригайла, не было сеймомъ польскихъ и литовскихъ прелатовъ, пановъ и шляхты, а собраніемъ литовскихъ и русскихъ князей и бояръ, предвѣстникомъ позднѣйшаго «великаго вальнаго сойма» всѣхъ земель великаго княжества [55]). При этомъ ясно обнаружилось, что исключительность политическаго господства собственной Литвы въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, большая часть котораго была заселена русскими людьми, могла имѣть мѣсто только при тѣсномъ союзѣ собственной Литвы съ крупною внѣшнею силою и раздѣленіи общественныхъ силъ русскихъ областей. Но разъ собственная Литва теряла поддержку из-

---

[52]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 217.

[53]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CMLXLIX: Ok ersame leve her meister,—писалъ динабургскій командоръ Ливонскому магистру,— so hebben se gehort von deme gemenen volke und geburen dat se Splyttergaglen lever to ereme herren hedden denne vyttowten, wente se clagen, dat se sere vorarmen bi desseme vorsten.

[54]) Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 424; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 417.

[55]) Прусскій гроссмейстеръ писалъ повѣренному Ордена въ Римѣ: «По смерти же помянутаго князя Витовта, Литовскіе вельможи, съ общаго согласія всѣхъ князей и бояръ Русскихъ, избрали на великокняжескій престолъ Литовскій пресвѣтлѣйшаго князя Болеслава, иначе Свидригайла». См. *Коцебу* Свидригайло, стр. 105.

литовцамъ, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, принять католическую вѣру и присоединиться къ римской церкви подъ угрозою тѣлесныхъ каръ [4]). Русскія лѣтописи сохранили извѣстіе, что только «два болшая литвина Ягайлова, крещени въ крестьянскую вѣру» не захотѣли принять латинскую вѣру и за то были наказаны смертью [5]). Остальные, по всѣмъ признакамъ, подчинились требованію Ягайла. Если такъ, то и вышеприведенныя политическія привилегіи, имѣвшія въ виду католиковъ, въ сущности распространялись на литовскую боярскую знать. Эти привилегіи несомнѣнно укрѣпляли и усиливали ея положеніе, какъ правительственнаго класса: то, чѣмъ она пользовалась прежде de facto, становилось ея достояніемъ de jure.

Если отъ анализа привилея 1413 г. перейдемъ къ практикѣ литовской государственной жизни послѣ 1413 г., то найдемъ не мало подтвержденій высказаннымъ соображеніямъ. Высшее литовское боярство въ теченіе всего великокняженія Витовта сохраняетъ занятую имъ и укрѣпленную привилеемъ 1413 года позицію. На всѣхъ видныхъ административныхъ постахъ великаго княжества источники послѣ 1413 г. указываютъ знатныхъ литовскихъ бояръ, изрѣдка князей. Такимъ образомъ, воеводою Виленскимъ является сначала панъ Войтехъ Монивидъ (до 1424—1425), а затѣмъ—панъ Юрій Гедигольдъ (съ 1425—1426 г.); воеводою Троцкимъ — Янъ или Явнисъ; каштеляномъ Виленскимъ—сначала панъ Минигайло (до 1416—1419), а потомъ Остикъ Кристинъ; каштеляномъ Троцкимъ—Янъ Сунигайло; старостою Жмудскимъ—Михаилъ Кезгайло; воеводою Кіевскимъ—кн. Михаилъ Ивановичъ Гольшанскій [6]); намѣстникомъ Новгородскимъ—панъ Петрашъ Монтыгирдовичъ [7]); Полоцкимъ—Товтко (Thoyto); Витебскимъ—Румбольдъ, Смоленскимъ—Янъ Бутримъ, а затѣмъ Юрій Гедигольдъ (въ 1424—1425 г.), Городенскимъ—Михайло Монтвидъ [8]), Ковенскимъ—сначала Сунгайло въ 1414 и 1415 гг.), а затѣмъ—Матисъ Шедиборъ (въ 1418 г.), позднѣе являющійся намѣстникомъ Вилкомирскимъ; намѣстникомъ Подоль-

---

[4]) *Wapowskiego* Dzieje korony Polskiey i W. K. Litewskiego, wyd. i tłumacz. Malinowskiego, tom. I, str. 74, nota I. Warszawa 1845.

[5]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 95; V, 242.

[6]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 18, 55, 56, 62, 72, 77, 91.

[7]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCDXVIII; XII, № 180. Senatorowie i dygnitarze, str. 34.

[8]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litwaniae, tomus IV, p. 115. Vilnae MDCCLXIV. Senatorowie i dignitarze, str. 49.

передъ самою смертью († 27 окт. 1430 г.) помирился съ поляками и торжественно объявилъ Ягайлу, что возвращаетъ ему обратно изъ рукъ въ руки полученное отъ него великое княжество [46]). Но не помирились съ Ягайломъ и поляками бывшіе совѣтники и сотрудники Витовта. Имъ вовсе не хотѣлось, чтобы великое княжество перешло подъ управленіе польскаго короля и такимъ путемъ утратило свою особность и самобытность. Поэтому они поспѣшили сблизиться съ русскими князьями и боярами и привлечь ихъ къ рѣшенію конфликта съ Ягайломъ и поляками. Эти князья и бояре во множествѣ наѣхали въ Вильну отчасти на предполагавшуюся коронацію Витовта, отчасти на зовъ Свидригайла, который хотѣлъ опереться на нихъ въ своемъ стремленіи получить великое княженіе. По свѣдѣніямъ, полученнымъ Орденомъ, какъ только умеръ Витовтъ, польскіе паны, находившіеся при Ягайлѣ, начали настаивать, чтобы Ягайло никому не отдавалъ великаго княженія, а взялъ бы его въ свои руки. Но земли Руси и Литвы не захотѣли принять самого Ягайла на великое княженіе, указывая на то, что онъ уже покинулъ ихъ, принимая корону польскую [47]). Русскіе люди выставили своего кандидата, который уже около тридцати лѣтъ тщетно добивался великаго княженія,— князя Свидригайла Ольгердовича. Къ нимъ примкнули и литовцы, не желавшіе стоять особнякомъ противъ поляковъ.

Свидригайло вмѣстѣ съ другими князьями и боярами пріѣхалъ въ Вильну на предполагавшуюся коронацію Витовта. Когда Витовтъ серьезно заболѣлъ, Свидригайло, по словамъ Длугоша, поднялъ голову и сталъ еще при жизни Витовта агитировать въ пользу своего избранія на великое княженіе, чѣмъ не мало огорчилъ умирающаго Витовта [48]). Ему собственно надо было расположить въ свою пользу только литовскихъ пановъ, ибо русскіе князья и бояре были уже на его сторонѣ. Среди нихъ Свидригайло уже давно сталъ популярною личностью. Судьба много разъ бросала Свидригайла съ одного конца Литовско-

---

medii aevi, tomus XII, № 179). И Витовтъ въ письмахъ къ Ягайлу и полякамъ разсматривалъ ихъ поведеніе въ вопросѣ о коронаціи, какъ униженіе и порабощеніе его самого и литовскихъ бояръ, заявлялъ, что съ ними онъ совѣтуется, какъ бы избѣжать этого униженія и порабощенія (Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCXLV, MCCCLVIII).

[46]) *Dlugosz*, Opera omnia. tomus XIII, p. 414; Monumenta medii aevi, tomus XII, № 191; Sriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 494.

[47]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 208.

[48]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 414.

Сигизмунда. На этомъ же сеймѣ подтверждена была фундація бискупства Жмудскаго и католическихъ костеловъ на Жмуди, по словамъ Кояловича, для того, чтобы она имѣла болѣе силы и значенія у потомковъ [14]). Едва ли, однако, къ этому не привели соображенія политическаго характера. Дѣло въ томъ, что крестоносцы не переставали утверждать предъ папою и Констанцскимъ соборомъ, что Жмудь остается въ язычествѣ, хотя уже было въ 1417 году учреждено епископство въ Жмуди, поставлены костелы въ Эйраголѣ, Крожахъ, Росейняхъ, Видукляхъ, Веленѣ, Колтынянахъ, Лукникахъ и въ другихъ селеніяхъ, хотя съ заявленіемъ объ этомъ и съ просьбою объ утвержденіи новаго епископства ѣздили послы отъ самой Жмуди въ Констанцъ въ 1418 г.[15]). Утверждая, что Жмудь остается еще въ язычествѣ, крестоносцы хотѣли придать не только юридическое, но и религіозно-нравственное оправданіе своимъ стремленіямъ оторвать Жмудь отъ Литвы и утвердить въ ней свое господство, долженствующее повлечь и насажденіе въ ней христіанства. Въ своемъ утвержденіи крестоносцы опирались до извѣстной степени на дѣйствительное положеніе вещей. На другой же годъ послѣ утвержденія епископства въ Жмуди, когда вниманіе Витовта было отвлечено дѣлами внѣшней политики, въ Жмуди произошла сильная языческая реакція. Простой народъ, возбуждаемый бывшими жрецами частью перебилъ, частью повыгналъ изъ страны великокняжескихъ урядниковъ и католическихъ ксендзовъ, осквернилъ и поджогъ христіанскіе храмы. Витовтъ отрядилъ войско, которое подавило возстаніе и принудило жмудиновъ вернуться къ христіанству, при чемъ 60 зачинщиковъ были казнены. Но лишь только войско Витовта вышло изъ страны, простой народъ почти поголовно возсталъ на бояръ, которые оставались вѣрными христіанству и содѣйствовали усмиренію мятежа. Витовту вторично пришлось, и на этотъ разъ уже лично, подавлять мятежъ въ Жмуди. Чтобы засвидѣтельствовать предъ западнымъ христіанствомъ о прочномъ насажденіи христіанства въ Жмуди, Витовтъ рѣшилъ подтвердить фундацію епископства Жмудскаго особымъ актомъ, совершеннымъ въ собраніи литовской знати и подкрѣпленнымъ ея свидѣтельствомъ. Его маневръ удался, и папа, признавъ совершившійся фактъ насажденія христіанства въ Жмуди, буллою отъ 3 октября 1421 года санкціонировалъ учрежденіе новаго епископства [16]).—Въ

---

[14]) Historiae Litvanae pars II, p. 111, 112.

[15]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 95, 104.

[16]) *Ks. bis. M. Wołonczewskiego* Biscupstwo Żmujdzkie, str. 24—26. Kraków 1898.

Носъ и другіе вторглись въ замокъ, одолѣли мѣстнаго старосту, польскаго шляхтича Конрада Франкенберга, и вывели Свидригайла на волю [52]). Не только русскіе люди, но даже и литовское простонародье сочувствовало Свидригайлу: по донесенію нѣмецкихъ агентовъ изъ Литвы, простые люди заявляли постоянно, что они желали бы имѣть великимъ княземъ Свидригайла, а не Витовта, подъ управленіемъ котораго они сильно обнищали [53]). При такихъ условіяхъ литовскому панству не оставалось выбора, и оно volens-nolens примкнуло къ Свидригайлу. Литовскіе и русскіе бояре, по свѣдѣніямъ, полученнымъ Орденомъ, единодушно провозгласили его великимъ княземъ. Ягайлу въ виду этого ничего не оставалось дѣлать, какъ только дать свое согласіе, что онъ и выразилъ посылкою своего перстня Свидригайлу [54]).

Возведеніе на великое княженіе Свидригайла было крупнымъ ударомъ, панесеннымъ жизнью уніи 1413 г. и положенію литовскаго панства, созданному этой уніею. Это возведеніе совершилось не только помимо воли Ягайла и польскихъ пановъ, но и съ участіемъ русскихъ людей, которое не только не предусматривалось, но прямо исключалось Городельскимъ привилеемъ 1413 года. Собраніе, избиравшее Свидригайла, не было сеймомъ польскихъ и литовскихъ прелатовъ, пановъ и шляхты, а собраніемъ литовскихъ и русскихъ князей и бояръ, предвѣстникомъ позднѣйшаго «великаго вальнаго сойма» всѣхъ земель великаго княжества [55]). При этомъ ясно обнаружилось, что исключительность политическаго господства собственной Литвы въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, большая часть котораго была заселена русскими людьми, могла имѣть мѣсто только при тѣсномъ союзѣ собственной Литвы съ крупною внѣшнею силою и раздѣленіи общественныхъ силъ русскихъ областей. Но разъ собственная Литва теряла поддержку из-

---

[52]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 217.

[53]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CMLXLIX: Ok ersame leve her meister,—писалъ динабургскій командоръ Ливонскому магистру,— so hebben se gehort von deme gemenen volke und geburen dat se Splyttergaglen lever to ereme herren hedden denne vyttowten, wente se clagen, dat se sere vorarmen bi desseme vorsten.

[54]) Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 424; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 417.

[55]) Прусскій гроссмейстеръ писалъ повѣренному Ордена въ Римѣ: «По смерти же помянутаго князя Витовта, Литовскіе вельможи, съ общаго согласія всѣхъ князей и бояръ Русскихъ, избрали на великокняжескій престолъ Литовскій пресвѣтлѣйшаго князя Болеслава, иначе Свидригайла». См. *Коцебу* Свидригайло, стр. 105.

дѣйствительно нерѣдко участвовала въ такихъ общихъ польско-литовскихъ сеймахъ послѣ 1413 г. Унія такъ тѣсно связала Литву съ Польшею, что все важное, происходившее въ Польшѣ и касавшееся ея интересовъ, такъ или иначе, но всегда довольно близко, затрогивало и интересы великаго княжества, и обратно. Поэтому Ягайло и его польскіе совѣтники довольно часто привлекали Витовта и литовскихъ «бароновъ» къ совмѣстному обсужденію и рѣшенію различныхъ государственныхъ вопросовъ, большею частью по внѣшней политикѣ Польши и Литвы, и довольно часто устроивали общіе польско-литовскіе «сеймы». Такой «вальный сеймъ» (dieta generalis) происходилъ, напр., въ Люблинѣ, во второй половинѣ августа 1421 года. Ягайло и Витовтъ съѣхались туда, каждый съ большимъ числомъ пановъ радныхъ (in frequentia consiliariorum), для рѣшенія вопроса, какъ поступить относительно чеховъ, предлагавшихъ корону своего государства Ягайлу и потомъ, послѣ его отказа, Витовту [21]).— Въ слѣдующемъ году литовскіе паны вмѣстѣ съ нѣсколькими литовско-русскими князьями и представителями столичнаго города Вильны сообща съ польскими панами и представителями крупныхъ польскихъ мѣстъ участвовали въ заключеніи мирнаго договора съ Прусскимъ орденомъ при озерѣ Мельнѣ и выдавали поручительство въ томъ, что договоръ будетъ точно выполняться ихъ государями. Литовскіе князья, паны и Виленскіе мѣщане, участвовавшіе въ заключеніи договора, какъ сторона, очевидно, прибыли въ составѣ литовскаго войска, вмѣстѣ съ польскимъ воевавшаго тогда съ Прусскимъ Орденомъ. Въ договорномъ актѣ показаны слѣдующія лица: Свидригайло-Болеславъ, князь Черниговскій, Сигизмундъ, князь Стародубскій; Матвѣй, бискупъ Виленскій, и Николай, избранный бискупъ Жмудскій (Мѣдницкій); Александръ (Олелько) Владиміровичъ, Иванъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Ѳедоръ Корибутъ, Юрій Лингвеньевичъ, Иванъ Святославичъ, Семенъ Ивановичъ, Иванъ Семеновичъ, Михаилъ Ивановичъ, кіевскій намѣстникъ, Григорій Семеновичъ и Иванъ Путята—князья изъ Литвы и Руси; бароны Литвы: Альбертъ Монивидъ, воевода Виленскій, Кристинъ Остикъ, каштелянъ Виленскій (въ актѣ неправильно: capitaneus), Янъ, или Явнисъ, воевода Троцкій, Михаилъ Кезгайло (въ актѣ: Skirgall), староста Жмудскій, Янъ Сунигайло (въ актѣ: Swidrigal), каштелянъ Троцкій, староста Ковенскій; какой-то Wiowe Бартошевичъ (Bratoschec), Янъ Немиръ (въ актѣ: Weymier), Михаилъ Waszusz, Юрій Бедигольдъ, староста Подольскій, Румбольдъ—Витебскій, Янъ Бутримъ—Смоленскій, Товтко Полоцкій; мар-

---

[21]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 274.

Прелиминарный договоръ, заключенный 8 сентября того же года съ поляками подъ Луцкомъ, скрѣпили своими печатьми князья: Сигизмундъ Кейстутьевичъ, Олелько Владимировичъ, Юрій Лингвеньевичъ, Иванъ Владиміровичъ, Семко Ивановичъ, Иванъ Семеновичъ, Иванъ Путята, Василій Семеновичъ, и паны: Остикъ, панъ Виленскій, Гедигольдъ, воевода Виленскій, Кезгайло, староста Жмудскій, Яшко (Янъ) Монивидовичъ, Ходко Юрьевичъ, Петрашъ Монтыгирдовичъ, Евлашко Дев, нетовичъ, Шедиборъ Волимунтовичъ, Судимонтъ Доркгевичъ, Андрей Немировичъ (Nieworowicz), Монтовтъ, Монтримъ, Юрій Сольдовичъ (Soldowicz) Довгялъ, хоружій Виленскій, Ягайло Gedoroskowicz (?), Судивой Волимунтовичъ, Тальятъ Вежгайловичъ (Wygaylowicz), Андрей Саковичъ, Нацко Кгинвиловичъ (Giniwolowicz), Васко Довойновичъ, Яшко Корсаковичъ, Некрашъ Бутвидовичъ [59]). Все это также большею частью лица изъ литовской правительственной знати. Но, какъ видно изъ письма Ягайла къ магистру Прусскому, въ заключеніи договора принимали участіе князья и бояре не только литовскіе, но и русскіе, приславшіе къ Ягайлу парламентеровъ Андрушка Немировича и Рагозу для начатія переговоровъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о заключеніи мира [60]). Перечисленныя же лица попали въ актъ договора не потому, что они одни участвовали въ его совершеніи, а потому, что только у нихъ нашлись съ собою печати.—Прелиминарный договоръ, заключенный подъ Луцкомъ, устанавливалъ новый съѣздъ польскихъ и литовскихъ уполномоченныхъ на Срѣтеніе Господне будущаго 1432 года между Берестьемъ и Парчовомъ. На этотъ съѣздъ, по извѣстію Длугоша, Свидригайло отправлялся не только съ литовскими, но

---

[59]) Supplementum ad historica Russiae monumenta, № CXVIII. Petropoli 1848.

[60]) *Raczyńkiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 252—254: Notificamus, писалъ Ягайло магистру, quomodo ejusdem Ducis nuncii videlicet Andruschko Nyemyrowycz et Bahosa milites die hesterna ut prefertur ad nos uenientes uigore litterarum credencialium ex parte et nomine predicti ducis *ac ceterorum Ducum et Boyarorum Magni Ducatus Littwanie et Russie* petierunt Maiestatem nostram requirentes, quatenus ex utra parte in duodecim Consiliarios compromittere ipsorumque decisioni, discussioni et arbitrio stare et consentire dignaremur". *Bagosa* въ настоящемъ мѣстѣ ошибоч. вм. *Ragosa*, какъ это оказывается изъ сравненія съ актомъ поручительства, даннымъ литовскими и русскими боярами за пановъ Петра Гаштольда, Протаса, Корейву Станислава и Першка попавшихся въ плѣнъ къ полякамъ. См. Monumenta medii aevi, tomus II. № LXXIII, LXXV.

эдикту его постановленій, экстраординарною полнотою. На немъ присутствовали прелаты, князья, паны и разные сановники (proceres) шляхта, бояре и земяне, слуги (homagiales, vasalli), мѣщане и поспольство (communitates). Трудно сказать, въ какой мѣрѣ дѣйствительность соотвѣтствовала этому перечню, и въ какой степени этотъ перечень опредѣлился редакціоннымъ стремленіемъ придать эдикту особую обязательность и силу. Во всякомъ случаѣ участіе прелатовъ, князей, пановъ и шляхты на этомъ сеймѣ является несомнѣннымъ [27]).—Литовская боярская знать участвовала и въ общемъ польско-литовскомъ сеймѣ (conventio generalis), собиравшемся осенью 1425 года въ Берестьѣ Литовскомъ. Сюда съѣзжались, по словамъ Длугоша, Ягайло и Витовтъ съ прелатами, князьями, панами и боярами Польши и Литвы (praelati, principes, barones, bojari). Сеймъ собирался для суда надъ Мазовецкимъ княземъ Земовитомъ, который сталъ оказывать непослушаніе королю [28]).

Всѣ эти факты въ общей сложности показываютъ, что высшее литовское боярство являлось постояннымъ участникомъ разнообразныхъ собраній, устраивавшихся для рѣшенія важныхъ государственныхъ вопросовъ Ягайломъ и Витовтомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ собраній по количеству участвовавшихъ въ нихъ лицъ были несомнѣнно *сеймами*, т. е. чрезвычайными съѣздами всѣхъ или большинства лицъ, имѣющихъ власть и значеніе въ обществѣ. На этихъ собраніяхъ съ литовской стороны участвовали и другіе общественные элементы—князья, высшее духовенство, а изрѣдка даже и мѣщане. Но постояннымъ и главнымъ участникомъ ихъ является знатное литовское боярство. Видно, что оно выросло и окрѣпло, какъ общественная сила, и сдѣлалась устойчивымъ факторомъ политической жизни страны. Въ этомъ отношеніи знатное литовское боярство, по всѣмъ признакамъ, начинало брать верхъ даже надъ литовско-русскими князьями. Послѣдніе также участвовали въ рѣшеніи различныхъ важныхъ вопросовъ государственной жизни, но гораздо рѣже, чѣмъ знатное литовское боярство. По мѣсту своего жительства большинство князей было болѣе удалено отъ государственнаго центра и развивавшейся въ немъ политической жизни, чѣмъ знатное литовское боярство. Разбросанные по своимъ имѣньямъ и сосредото-

---

[27]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCLV. Въ концѣ эдикта именно прелаты, князья, паны и шляхта заявляютъ, что настоящими постановленіями они не имѣютъ въ виду нарушить въ чемъ-нибудь или умалить свои земскія права. Ср. Monumenta medii aevi, tomus XII, № 147.

[28]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 335.

царей (Manne), также и города (Stete). Какъ бы то ни было, но участіе русскихъ людей въ политической жизни центра при Свидригайлѣ является фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію. Свидригайло сталъ назначать русскихъ людей и на разныя должности, которыя согласно привилею 1413 года должны были отдаваться только литвинамъ-католикамъ. Такъ, на должность воеводы, или намѣстника, Витебскаго, которую при Витовтѣ занималъ Румбольдъ, Свидригайло назначилъ русскаго князя Василія Семеновича Краснаго (изъ Друцкихъ)[64]; на должность старосты Луцкаго русскаго боярина Юршу[65]; намѣстникомъ Мценскимъ при немъ былъ русскій бояринъ Григорій Протасій[66] и т. д. Въ январѣ 1432 года бискупъ Краковскій Збигнѣвъ Олесницкій писалъ къ кардиналу Юліану Цезарини, что Свидригайло во всемъ слушается русскихъ схизматиковъ и роздалъ имъ почти всѣ важнѣйшія замки и уряды, чего не было при покойномъ Витовтѣ, ибо въ актахъ уніи Литвы съ Польшею выразительно гарантировано, что русскіе схизматики не будутъ никогда держать замковъ на Литвѣ и не будутъ допускаться до государственныхъ совѣщаній[67].

Итакъ, политическій перевѣсъ отъ собственной Литвы сталъ уже склоняться на сторону подчиненной ей Руси. Литовская правящая знать, чтобы удержать пріобрѣтенную позицію, поспѣшила примириться съ поляками и въ союзѣ съ ними устранить Свидригайла съ великокняжескаго престола.

§ 3.

По донесенію одного изъ агентовъ Ордена великому магистру, низвергнувшіе Свидригайла воеводы и намѣстники жаловались, что онъ не имѣлъ надлежащаго почтенія къ римской вѣрѣ и тѣмъ болѣе ослаблялъ ее, что даже женѣ своей позволилъ жить по ея собственной волѣ и не по христіански; разсказывали, что жена его дошла до того, что издѣвалась надъ образомъ св. Георгія, присланнымъ ей въ

---

[64]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 85; Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 58.

[65]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 436; Monumenta medii aevi, t. II, № LXXV.

[66]) *А. Коцебу* Свидригайло, великій князь Литовскій, стр. 222. Спб. 1835.

[67]) Item etenim dux Switrigal in omnibus predictorum scismaticorum consiliis ducitur et uxorem eorum ritu viventem novissime duxit.. Quod in vita ducis Withaudi noviter defuncti non fiebat, ymmo per expressum cautum fuit in litteris concordie inter regnum Polonie et ducatum Lythwanie

даръ отъ в. магистра [68]). И преемникъ Свидригайла на великокняжескомъ столѣ-Сигизмундъ Кейстутьевичъ въ письмѣ къ великому магистру объяснялъ низверженіе Свидригайла тѣмъ, что онъ не старался о распространеніи римской вѣры и благоволилъ болѣе къ греческой вѣрѣ, подъ вліяніемъ своей жены, сестры князя Тверского [69]). Конечно, все это были только благовидные предлоги, коими естественно старались оправдать свою измѣну Свидригайлу лица, устранившія его съ великаго княженія. Едва ли, напр., князья Александръ и Иванъ Владиміровичи (Ольгердовича), державшіеся греческой вѣры, принимали участіе въ низверженіи Свидригайла потому, что онъ благоволилъ болѣе къ греческой, чѣмъ къ римской вѣрѣ. Истинная и болѣе дѣйствительная причина переворота заключалась въ другомъ. По словамъ того же агента Ордена, литовскіе вельможи сверхъ неуваженія къ римской вѣрѣ ставили Свидригайлу въ вину испытанныя отъ него униженія и притѣсненія [70]) Съ этимъ сходится и объясненіе, какое далъ перевороту въ своемъ разсказѣ о немъ Длугошъ [71]). Въ чемъ состояли эти униженія и притѣсненія литовскихъ вельможъ, на это прямой отвѣтъ даетъ на основаніи своихъ источниковъ Стрыйковскій: Свидригайло допускалъ различныя жестокости по отношенію къ литовцамъ и болѣе благоволилъ къ русскимъ, которымъ раздавалъ уряды, по наущенію жены своей [72]). Это объясненіе стоитъ весьма близко къ истинѣ, ибо подтверждается всѣми извѣстіями о характерѣ Свидригайла и его симпатіяхъ къ русскимъ, идущими отъ современниковъ [73]). Если такъ, то, слѣдовательно, и низверженіе Свидригайла съ великокняжескаго престола было не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ литовской національно-политической реакціи противъ политическаго возвышенія Руси. Вѣроисповѣдные мотивы выступали въ данномъ случаѣ только по тѣсной связи своей съ національно-политическими побужденіями.

---

facte, quod scismatici Rutheni nunquam castra in Lythwania tenere nesciam ad consilium publicum et commune admitti debuerunt... Monumenta medii aevi, tomus XII, № 204.

[68]) *А. Коцебу* Свидригайло, стр. 142.

[69]) Scarbiec diplomatów II, № 1620.

[70]) Scarbiec diplomatów II, № 1622.

[71]) Opera omnia, tomus XIII, p. 479, 480.

[72]) Kronika, tom II, str. 185.

[73]) Свидригайло, по словамъ Длугоша, былъ человѣкъ капризный и вспыльчивый, какъ вѣтеръ непостоянный и т. д. Opera omnia, tomus XIII, p. 417.

Такое пониманіе дѣла оправдывается и послѣдовавшими вслѣдъ за низверженіемъ Свидригайла событіями. Власть новаго великаго князя нашла себѣ скорое признаніе въ предѣлахъ собственной Литовской земли. На сторону его передались Вильна, Троки, Ковно, Городно и нѣсколько другихъ замковъ [74]). Но почти вся Русь осталась вѣрна Свидригайлу, который изъ Полоцка, куда онъ бѣжалъ послѣ нападенія на него въ Ошменѣ, писалъ магистру: «ежедневно къ намъ стекаются начальники и бояре изъ Смоленска, Витебска, Подолья и Луцка» [75]). Свидригайло въ настоящемъ случаѣ не хвастался, ибо и агентъ Ордена доносилъ своему начальству, что всѣ русскіе вообще остаются при Свидригайлѣ [76]). Такимъ образомъ Литва и Русь раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, и современный литовско-русскій лѣтописецъ довольно мѣтко изобразилъ тогдашнее положеніе дѣлъ, говоря, что Литва посадила на великое княженіе въ Вильнѣ и Трокахъ Сигизмунда Кейстутьевича, а русскіе князья и бояре посадили Свидригайла на великое княженіе Русское [77]).

Литовскіе вельможи отважились на государственный переворотъ, нарушавшій интересы большинства русскаго населенія великаго княжества, по подстрекательству Ягайла и польскихъ пановъ, которые обѣщались не только не мѣшать имъ въ этомъ дѣлѣ, но и оказывать прямую поддержку и помощь. При Свидригайлѣ великое княжество Литовское не только порвало свою унію съ Польшею, но выступило въ качествѣ соперника и врага Польши, стремившагося отнять у нея Подолье, которое Польша считала своимъ достояніемъ. Дѣло дошло до открытой войны между обоими государствами, тѣмъ болѣе опасной для Польши, что въ ней союзникомъ великаго княжества выступилъ Прусскій Орденъ. Поляки, такимъ образомъ, еще болѣе, чѣмъ литовскіе вельможи имѣли основаній быть недовольнымъ порядкомъ, порожденнымъ ихъ взаимною распрею и отчужденіемъ. Поэтому поляки при первомъ благопріятномъ случаѣ пошли на примиреніе и сближеніе съ литовцами. По разсказу Длугоша, Ягайло и поляки, прослышавъ о томъ, что литовцы сильно тяготятся Свидригайломъ, дали тайное порученіе Зарембѣ, посланному въ Литву для переговоровъ съ Свидригайломъ, войти въ сношенія съ литовскими панами и побудить ихъ къ низвер-

---

[74]) Scarbiec diplomatów II, № 1620.

[75]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, Band VIII, № 624.

[76]) „Und die Rewssen gemeynlich bey im seyn bleben". Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 498.

[77]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 50.

общественную силу. Это обнаружилось съ полною ясностью еще въ событіяхъ 1382 года, предшествовавшихъ вторичному утвержденію Ягайла на великомъ княженіи. «Мѣстичи» Виленскіе, въ частности «Ганюлева чадь», въ отсутствіе Кейстута, отправившагося противъ князя Новгородъ-Сѣверскаго Димитрія-Корибута, «засѣли» Вильно для Ягайла [38]). Во вниманіе къ этимъ услугамъ и для преуспѣянія своей столицы Ягайло, даруя въ 1387 году высшему литовскому боярству права польской шляхты, счелъ справедливымъ и необходимымъ пожаловать и столичныхъ мѣщанъ правами польскихъ мѣщанъ, т. е. самоуправленіемъ по магдебургскому праву [39]). Позже, когда стали собираться общіе польско-литовскіе сеймы, въ виду того, что на этихъ сеймахъ участвовали иногда представители наиболѣе значительныхъ польскихъ мѣстъ [40]), и съ литовской стороны стали приглашаться къ участію въ нихъ Виленскіе мѣщане. Но это участіе было сравнительно рѣдкимъ и едва ли активнымъ среди подавляющаго большинства, набиравшагося изъ среды военно-служилаго класса.

Итакъ, на мѣсто главныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ великаго князя, занимавшееся прежде князьями, при Витовтѣ стали знатные литовскіе бояре. Вмѣстѣ съ этою перемѣною и политическое преобладаніе собственной Литвы въ составѣ земель великаго княжества Литовскаго опредѣлилось еще рѣзче и сильнѣе почувствовалось, чѣмъ прежде. Пока въ областяхъ были собственныя княженья, а общегосударственныя дѣла вершились великимъ княземъ по совѣту и согласію съ областными князьями, это политическое преобладаніе собственной Литвы не било рѣзко въ глаза. Областные князья Гедиминовичи нерѣдко проникались мѣстными интересами и привязанностями, берегли самобытность областей и въ общіе совѣты вносили не только свои личные голоса, но и голоса мѣстнаго правящаго класса, подчиненныхъ

---

[38]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 31. Этотъ самый «Ганюль» сдѣлался поэтому приближеннымъ лицомъ при Ягайлѣ и Скиргайлѣ и присутствовалъ вмѣстѣ съ князьями въ ихъ совѣтѣ. При подтвержденьѣ 1382 г. перемирья съ Орденомъ и совершеніи въ его пользу дарственнаго акта на Жмудь, кромѣ Ягайла и Скиргайла, были князья Корибутъ, Лингвеній, Коригайло, Вигантъ, Свидригайло, «und Hannike bürger zcur Wilne unser getruwer dyner». См. *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 57, 58, 61.

[39]) Scarbiec diplomatów, tom I, № 541.

[40]) Участіе мѣщанства въ польскихъ сеймахъ XIV и первой половины XV в. было довольно частымъ явленіемъ. См. *A. Prochaski* Geneza i rozwój parlamentaryzmu, str. 36, nota I; str. 44—46, 134.

и панами» (cum omnibus Praelatis et baronibus Lithuaniae) [81]). Послѣ восьмидневныхъ переговоровъ польскіе уполномоченные заключили съ литовцами новый трактатъ уніи, въ основу котораго были положены, впрочемъ, прежніе договоры на этотъ счетъ. Сигизмундъ въ этомъ трактатѣ признанъ былъ великимъ княземъ, котораго Ягайло назначилъ пожизненно въ соправители (in partem sollicitudinis suae), по избранію прелатовъ, пановъ и шляхты обоихъ государствъ. Установлялось, что по смерти Сигизмунда великое княжество Литовское должно перейти къ королю Ягайлу, его намѣстникамъ и къ коронѣ Польской, за исключеніемъ Трокъ и другихъ отчинныхъ владѣній Сигизмунда. Эти владѣнія переходятъ къ сыну его Михаилу и его законнымъ наслѣдникамъ, которые, однако, вмѣстѣ съ своими подданными должны повиноваться и служить королю, его преемникамъ, коронѣ Польской и будущимъ великимъ князьямъ Литовскимъ, подобно тому, какъ повинуются и служатъ и прочіе литовскіе и русскіе князья. Сигизмундъ отступался совершенно отъ Подолья, которое должно принадлежать Польшѣ; если поляки возьмутъ осаждавшійся ими замокъ Олеско, онъ будетъ принадлежать имъ, равно Ратно, Ветлы и Лопатинъ. Но Луцкъ, Владиміръ и другіе волынскіе замки по завоеваніи ихъ у Свидригайла поляки обязываются отдать Сигизмунду, который съ своей стороны обѣщается не отдавать эти замки никому, кто не присягнетъ и не дастъ записи, что будетъ служить ему вѣрно, а послѣ смерти его сдастъ ихъ королю Ягайлу или его преемникамъ въ Польшѣ. Сигизмундъ обязался никогда не покидать короля Ягайла, его преемниковъ и обывателей короны Польской и оказывать имъ помощь противъ нападеній враговъ, не требуя за то ничего, кромѣ необходимаго пропитанія для людей и пастьбы для коней; въ особенности Сигизмундъ обязывался помогать совѣтомъ и дѣломъ противъ прусскихъ и ливонскихъ крестоносцевъ, разорвать всякія лиги съ ними и договорныя записи, сдѣланныя подъ давленіемъ Свидригайла. Въ заключеніе Сигизмундъ давалъ обѣщаніе за себя и своихъ преемниковъ на великомъ княженіи не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома, воли и согласія короля, его преемниковъ и короны Польской. Въ исполненіи договора Сигизмундомъ и его преемниками дали ручательство отъ себя и за всѣхъ своихъ братьевъ, друзей и родичей— прелатовъ и бояръ-шляхту великаго княжества Литовскаго (de certa scientia, voluntate, mandato, ratihabitione et consensu aliorum omnium fratrum, amicorum et consanguineorum nostrorum praelatotum, boyaro-

[81]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 481.

вмѣстѣ съ Ягайломъ прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы соединить съ римскою церковью своихъ подданныхъ греческой вѣры и высылали съ этою цѣлью на Констанцскій соборъ митрополита Григорія Цамблака съ русскими епископами [43]). Но пока былъ живъ Витовтъ, недовольнымъ трудно было что-нибудь сдѣлать противъ всего этого. Витовтъ опирался не только на собственную Литву, но и на Польшу. Онъ былъ не только замѣстителемъ Ягайла на Литвѣ, но и его главнымъ и авторитетнымъ совѣтчикомъ по управленію польскимъ королевствомъ, любилъ поляковъ, пользовался ихъ услугами въ управленіи Литвы и самъ въ свою очередь пользовался ихъ симпатіями и уваженіемъ [44]). Въ случаѣ какихъ-либо внутреннихъ замѣшательствъ Витовтъ всегда могъ разсчитывать на поддержку короля Ягайла и поляковъ.

Только по смерти Витовта русскіе люди получили возможность дѣятельно вмѣшаться въ устроеніе какъ внѣшней судьбы, такъ и внутренней жизни государства въ своихъ интересахъ. Благопріятнымъ обстоятельствомъ для этого послужилъ разрывъ правящей литовской знати съ Ягайломъ и поляками. Этотъ разрывъ начался еще при жизни Витовта, которому поляки помѣшали короноваться королевскою короною. Вмѣстѣ съ Витовтомъ въ натянутыя отношенія къ полякамъ стала и правящая литовская знать, которая сочувствовала планамъ Витовта, клонившимся къ охраненію великаго княжества, какъ отдѣльнаго отъ Польши и равноправнаго съ нею государства, горячо поддерживала его въ этихъ стремленіяхъ и должна была почувствовать себя оскорбленною и униженною наравнѣ съ великимъ княземъ [45]).—Самъ Витовтъ, какъ извѣстно,

---

[43]) *Барбашева* Витовтъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ его княженія, стр. 131, 132; *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 27—31.

[44]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 26, 27, 29, 30; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 348, 365.

[45]) Польскій представитель на имперскомъ германскомъ сеймѣ 1430 года прямо указывалъ на то, что на коронаціи настаивали Витовтъ и литовскіе прелаты, князья, паны и бояре шляхта, что это – общее ихъ дѣло. «Nichilominus,—говорилъ онъ,— prefati dominus dux Allexander alias Wythowdus *necnon prelati, principes barones, bojari et nobiles terre Lithvanie* etc, dictis eorum sponsionibus et promissionibus ut creditur obliti, preter et contra voluntatem dicti domini Wladislai regis Polonie suorumque regnicolarum, apud illustrissimun principem dominum Sigismundum regem Ungarorum, ut dicitur, electum in regem Romanorum, institerunt ac instituunt, ut in dictis terris Lithwanie ad ipsum dominum Wladislaum regem Poloniae et ad suum regnum predictum spectantibus, regnum erigeret et dictun dominum Allexandrum alias Vitoldum in regem crearet et decerneret coronari» и т. д. (Monumenta

Такое пониманіе дѣла оправдывается и послѣдовавшими вслѣдъ за низверженіемъ Свидригайла событіями. Власть новаго великаго князя нашла себѣ скорое признаніе въ предѣлахъ собственной Литовской земли. На сторону его передались Вильна, Троки, Ковно, Городно и нѣсколько другихъ замковъ [74]). Но почти вся Русь осталась вѣрна Свидригайлу, который изъ Полоцка, куда онъ бѣжалъ послѣ нападенія на него въ Ошменѣ, писалъ магистру: «ежедневно къ намъ стекаются начальники и бояре изъ Смоленска, Витебска, Подолья и Луцка» [75]). Свидригайло въ настоящемъ случаѣ не хвастался, ибо и агентъ Ордена доносилъ своему начальству, что всѣ русскіе вообще остаются при Свидригайлѣ [76]). Такимъ образомъ Литва и Русь раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, и современный литовско-русскій лѣтописецъ довольно мѣтко изобразилъ тогдашнее положеніе дѣлъ, говоря, что Литва посадила на великое княженіе въ Вильнѣ и Трокахъ Сигизмунда Кейстутьевича, а русскіе князья и бояре посадили Свидригайла на великое княженіе Русское [77]).

Литовскіе вельможи отважились на государственный переворотъ, нарушавшій интересы большинства русскаго населенія великаго княжества, по подстрекательству Ягайла и польскихъ пановъ, которые обѣщались не только не мѣшать имъ въ этомъ дѣлѣ, но и оказывать прямую поддержку и помощь. При Свидригайлѣ великое княжество Литовское не только порвало свою унію съ Польшею, но выступило въ качествѣ соперника и врага Польши, стремившагося отнять у нея Подолье, которое Польша считала своимъ достояніемъ. Дѣло дошло до открытой войны между обоими государствами, тѣмъ болѣе опасной для Польши, что въ ней союзникомъ великаго княжества выступилъ Прусскій Орденъ. Поляки, такимъ образомъ, еще болѣе, чѣмъ литовскіе вельможи имѣли основаній быть недовольнымъ порядкомъ, порожденнымъ ихъ взаимною распрею и отчужденіемъ. Поэтому поляки при первомъ благопріятномъ случаѣ пошли на примиреніе и сближеніе съ литовцами. По разсказу Длугоша, Ягайло и поляки, прослышавъ о томъ, что литовцы сильно тяготятся Свидригайломъ, дали тайное порученіе Зарембѣ, посланному въ Литву для переговоровъ съ Свидригайломъ, войти въ сношенія съ литовскими панами и побудить ихъ къ низвер-

---

[74]) Scarbiec diplomatów II, № 1620.

[75]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, Band VIII, № 624.

[76]) „Und die Rewssen gemeynlich bey im seyn bleben“. Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 498.

[77]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 50.

Русскаго государства на другой, изъ одной области въ другую. Но больше всего пришлось ему имѣть дѣла съ русскими людьми великаго княжества. При самомъ началѣ великокняженія Витовта, въ 1392—1393 г. онъ самовольно вокняжился въ Витебскѣ, откуда былъ прогнанъ Витовтомъ. Помирившись съ Ягайломъ и Витовтомъ, онъ получилъ отъ нихъ около 1398 года княженье на Подольѣ, въ восточной его части. Здѣсь онъ пробылъ не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ, и въ 1402 году былъ уже въ Пруссіи, въ качествѣ претендента на великое княженіе, хлопотавшаго о помощи Ордена. Послѣ примиренія съ Ягайломъ и Витовтомъ, Свидригайло вторично получилъ восточное Подолье, а въ 1408 году переведенъ былъ въ Черниговскую область, на княженье въ Стародубѣ и Брянскѣ. Отсюда онъ въ самомъ скоромъ времени ушелъ въ Москву. Воротившись въ Литву и помирившись съ братьями, Свидригайло снова завелъ тайныя сношенія съ Орденомъ, за что попалъ въ Кременецкій замокъ, гдѣ просидѣлъ около восьми лѣтъ. Года два послѣ освобожденія изъ Кременца онъ скитался на чужбинѣ, а затѣмъ, въ 1420 году, получилъ отъ Витовта Черниговъ, Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Трубчевскъ [49]). За время ихъ скитаній и перемѣнъ Свидригайло пріобрѣлъ множество пріятелей и друзей между русскими князьями и боярами. Неутомимо стремясь къ великокняжескому престолу, Свидригайло заискивалъ у всѣхъ и дружилъ со всѣми, кто могъ быть ему полезнымъ. Русскихъ людей онъ привлекалъ къ себѣ своею щедростью, гостепріимствомъ и расположеніемъ, какое оказывалъ ихъ вѣрѣ и обрядамъ, несмотря на то, что самъ оставался все время католикомъ, и повидимому вполнѣ искреннимъ [50]). Неудивительно, поэтому, что русскіе люди горою стояли за Свидригайла и по временамъ жертвовали для него всѣмъ. Когда онъ, напр. въ 1408 г. бѣжалъ изъ Черниговской земли въ Москву, за нимъ послѣдовали владыка Брянскій, князья Патрикѣй и Александръ Звенигородскіе, Өедоръ Александровичъ Путивльскій, Семенъ Перемышльскій, Михаилъ Хотетовскій, князь Урустай Минскій и бояре Черниговскіе, Брянскіе, Любуцкіе и Рославльскіе [51]) Въ то время, когда онъ сидѣлъ въ заключеніи въ Кременцѣ, его навѣщали постоянно русскіе князья и бояре. Эти же князья и бояре и освободили его въ концѣ концовъ изъ заключенія. Въ великую пятницу 1418 года князья Дашко, Александръ

---

[49]) *Lewickiego* Powstanie Swidrygiełły, str. 50—65.

[50]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 417; Scarbiec diplomatów II, № 1523; *Lewicki*, op. cit., str. 51.

[51]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. V, 257; VI, 136; VIII, 82.

и панами» (cum omnibus Praelatis et baronibus Lithuaniae) [81]). Послѣ восьмидневныхъ переговоровъ польскіе уполномоченные заключили съ литовцами новый трактатъ уніи, въ основу котораго были положены, впрочемъ, прежніе договоры на этотъ счетъ. Сигизмундъ въ этомъ трактатѣ признанъ былъ великимъ княземъ, котораго Ягайло назначилъ пожизненно въ соправители (in partem sollicitudinis suae), по избранію прелатовъ, пановъ и шляхты обоихъ государствъ. Установлялось, что по смерти Сигизмунда великое княжество Литовское должно перейти къ королю Ягайлу, его намѣстникамъ и къ коронѣ Польской, за исключеніемъ Трокъ и другихъ отчинныхъ владѣній Сигизмунда. Эти владѣнія переходятъ къ сыну его Михаилу и его законнымъ наслѣдникамъ, которые, однако, вмѣстѣ съ своими подданными должны повиноваться и служить королю, его преемникамъ, коронѣ Польской и будущимъ великимъ князьямъ Литовскимъ, подобно тому, какъ повинуются и служатъ и прочіе литовскіе и русскіе князья. Сигизмундъ отступался совершенно отъ Подолья, которое должно принадлежать Польшѣ; если поляки возьмутъ осаждавшійся ими замокъ Олеско, онъ будетъ принадлежать имъ, равно Ратно, Ветлы и Лопатинъ. Но Луцкъ, Владиміръ и другіе волынскіе замки по завоеваніи ихъ у Свидригайла поляки обязываются отдать Сигизмунду, который съ своей стороны обѣщается не отдавать эти замки никому, кто не присягнетъ и не дастъ записи, что будетъ служить ему вѣрно, а послѣ смерти его сдастъ ихъ королю Ягайлу или его преемникамъ въ Польшѣ. Сигизмундъ обязался никогда не покидать короля Ягайла, его преемниковъ и обывателей короны Польской и оказывать имъ помощь противъ нападеній враговъ, не требуя за то ничего, кромѣ необходимаго пропитанія для людей и пастьбы для коней; въ особенности Сигизмундъ обязывался помогать совѣтомъ и дѣломъ противъ прусскихъ и ливонскихъ крестоносцевъ, разорвать всякія лиги съ ними и договорныя записи, сдѣланныя подъ давленіемъ Свидригайла. Въ заключеніе Сигизмундъ давалъ обѣщаніе за себя и своихъ преемниковъ на великомъ княженіи не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома, воли и согласія короля, его преемниковъ и короны Польской. Въ исполненіи договора Сигизмундомъ и его преемниками дали ручательство отъ себя и за всѣхъ своихъ братьевъ, друзей и родичей—прелатовъ и бояръ-шляхту великаго княжества Литовскаго (de certa scientia, voluntate, mandato, ratihabitione et consensu aliorum omnium fratrum, amicorum et consanguineorum nostrorum praelatotum, boyaro-

[81]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 481.

внѣ и становилась одинъ на одинъ съ подчиненною ей Русью, разъ общественныя силы русскихъ областей такъ или иначе соединялись, то и судьбы великаго княжества должны были опредѣляться уже не исключительно одною Литвою, но Литвою и Русью вмѣстѣ, по общему ихъ согласію и рѣшенію.

Возведенный на великое княженіе при поддержкѣ русскихъ князей и бояръ, Свидригайло опирался на нихъ и въ своей правительственной дѣятельности. Его «вѣрная рада» состояла не изъ однихъ только католиковъ-литовцевъ, но и изъ схизматиковъ, русскихъ. Онъ не держался того мнѣнія, что различіе вѣроисповѣданія можетъ порождать политическія разногласія и оглашеніе того, что должно храниться въ секретѣ [56]). Православные русскіе люди участвовали въ совершеніи всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ актовъ, исходившихъ отъ Свидригайла. Такимъ образомъ, напр., для заключенія оборонительно-наступательнаго союза съ Прусскимъ Орденомъ (19 іюня 1431 года) вмѣстѣ съ Свидригайломъ ѣздили въ Скерстомонь (Kirsmemel) католическіе бискупы: Матвѣй Виленскій, Николай Жмудскій, Андрей Луцкій, и князья: Семенъ Ольгердовичъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ, Олелько Владиміровичъ, Өедоръ Корибутовичъ, Семенъ Ивановичъ, Михаилъ Ивановичъ, Иванъ Семеновичъ и Путята Семеновичъ; паны: Остикъ, панъ Виленскій, Гедигольдъ, староста Виленскій, Кезгайло, староста Жмудскій, Явнисъ, воевода Троцкій, Сунгайло, панъ Троцкій, Румбольдъ, маршалокъ земскій, Ходко Юрьевичъ, Петрашко Монтыгирдовичъ, намѣстникъ Новгородскій, Ивашко Гаштольдъ, маршалокъ дворный. Всѣ эти лица и перечисляются въ договорномъ актѣ, какъ сторона, какъ представители и уполномоченные великаго княжества [57]). Правда, что большею частью здѣсь мы встрѣчаемъ литовскихъ князей и бояръ, старыхъ сотрудниковъ и приближенныхъ Витовта. Но въ рядахъ ихъ, кромѣ русскихъ князей, мы видимъ и русскихъ бояръ, выслужившихся уже у Свидригайла, каковъ, напр., упомянутый Ходко Юрьевичъ. Этотъ Ходко Юрьевичъ, родоначальникъ пановъ Ходкевичей, поднялся въ ряды литовской аристократіи изъ кіевскихъ бояръ [58]).—

---

[56]) Этимъ мнѣніемъ, какъ извѣстно, мотивировано въ Городельскомъ привилеѣ 1413 г. исключеніе православныхъ людей изъ государственныхъ совѣщаній. Zbiór praw litewskich, str. 13.

[57]) *H. Hildebrand*, Liv-Est-und Curländisches Urkundenbuch, B. VIII, № 462. Riga, Moskau 1884.

[58]) [illegible], томъ XV, № 2; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 20, 21.

Такое пониманіе дѣла оправдывается и послѣдовавшими вслѣдъ за низверженіемъ Свидригайла событіями. Власть новаго великаго князя нашла себѣ скорое признаніе въ предѣлахъ собственной Литовской земли. На сторону его передались Вильна, Троки, Ковно, Городно и нѣсколько другихъ замковъ [74]). Но почти вся Русь осталась вѣрна Свидригайлу, который изъ Полоцка, куда онъ бѣжалъ послѣ нападенія на него въ Ошменѣ, писалъ магистру: «ежедневно къ намъ стекаются начальники и бояре изъ Смоленска, Витебска, Подолья и Луцка» [75]). Свидригайло въ настоящемъ случаѣ не хвастался, ибо и агентъ Ордена доносилъ своему начальству, что всѣ русскіе вообще остаются при Свидригайлѣ [76]). Такимъ образомъ Литва и Русь раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, и современный литовско-русскій лѣтописецъ довольно мѣтко изобразилъ тогдашнее положеніе дѣлъ, говоря, что Литва посадила на великое княженіе въ Вильнѣ и Трокахъ Сигизмунда Кейстутьевича. а русскіе князья и бояре посадили Свидригайла на великое княженіе Русское [77]).

Литовскіе вельможи отважились на государственный переворотъ, нарушавшій интересы большинства русскаго населенія великаго княжества, по подстрекательству Ягайла и польскихъ пановъ, которые обѣщались не только не мѣшать имъ въ этомъ дѣлѣ, но и оказывать прямую поддержку и помощь. При Свидригайлѣ великое княжество Литовское не только порвало свою унію съ Польшею, но выступило въ качествѣ соперника и врага Польши, стремившагося отнять у нея Подолье, которое Польша считала своимъ достояніемъ. Дѣло дошло до открытой войны между обоими государствами, тѣмъ болѣе опасной для Польши, что въ ней союзникомъ великаго княжества выступилъ Прусскій Орденъ. Поляки, такимъ образомъ, еще болѣе, чѣмъ литовскіе вельможи имѣли основаній быть недовольнымъ порядкомъ, порожденнымъ ихъ взаимною распрею и отчужденіемъ. Поэтому поляки при первомъ благопріятномъ случаѣ пошли на примиреніе и сближеніе съ литовцами. По разсказу Длугоша, Ягайло и поляки, прослышавъ о томъ, что литовцы сильно тяготятся Свидригайломъ, дали тайное порученіе Зарембѣ, посланному въ Литву для переговоровъ съ Свидригайломъ, войти въ сношенія съ литовскими панами и побудить ихъ къ низвер-

---

[74]) Scarbiec diplomatów II, № 1620.

[75]) *Hildebrand*, Urkundenbuch. Band VIII, № 624.

[76]) „Und die Rewssen gemeynlich bey im seyn bleben“. Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 498.

[77]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 50.

и съ русскими боярами (cum suis bojaris Lithuanis et Ruthenis) [61]. Еще яснѣе обозначается участіе русскихъ людей въ подтвержденіи договора съ Орденомъ въ 1432 году 15 мая. Договоръ этотъ обязались соблюдать и всячески содѣйствовать его выполненію князья: Иванъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Иванъ Путята Семеновичъ, Василій Семеновичъ (его братъ), Глѣбъ Киндеровичъ, Ѳедко Несвицкій и паны (Manne): Зиновей Братошичъ, Ивашко Монивидовичъ, Сакъ Тальятъ, Gudigort Волимунтовичъ, Шедиборъ Волимунтовичъ, Юшко Римовидовичъ, Довгялъ Чижъ (Czysis), Андрей Саковичъ, Войнусъ Гедройтскій, Golgen Gostywoynowitz, Александръ Свирскій, Жигмунтъ Доркгевичъ, Сакъ Дырмейтовичъ, Девклисъ Кимонтовичъ, Некрашъ Бутвидовичъ, Довмунтъ Волковичъ, Михайло Довгердовичъ, Юрій Кучукъ (Konschalk), Ивашко Коревичъ, Иснадъ Шумоковичъ, Аврамъ Доброгостовичъ, Ивашко, Михаило Ясмановичъ, Ивашко Волотовичъ, Ананія Вяшковичъ (Wyaschkowicz), Шило Кирдѣевичъ (Schidlo Kerdowicz), Иванъ Гулевичъ, Димитрій Непоковъ (Nepoakow), Александръ Полозовъ, Остафій Ѳедоровичъ, Іосифъ Synaw, Миколай Курейшовичъ, Веселый Корсакъ (Korsach), Ивашко Лававичъ, Григорій Патрикѣевичъ, Григорій Протасій, Sathar Jaschko, Хребетъ (Threbet), Пацъ Гирдивидовичъ, Грицко Ясмановичъ, Андрейко Масковичъ, Волчко Строчевичъ, Васко Волчковичъ Скердо, судья земскій Дорогичинскій Насута, и мѣщане Виленскіе, Троцкіе, Жмудскіе, Кіевскіе, Черниговскіе, Владимірскіе, Луцкіе, Смоленскіе, Брянскіе, Витебскіе, Полоцкіе, Мценскіе, Новгородскіе, Брацлавскіе, Брестскіе, Ковенскіе, Дорогицкіе [62]). Перечень знакомыхъ намъ фамилій литовской боярской знати испещренъ здѣсь уже значительнымъ числомъ именъ русскихъ фамилій, изъ которыхъ нѣкоторые и позже занимаютъ видное положеніе въ областяхъ великаго княжества, каковы, напр., Шиловичи, Гулевичи (на Волыни), Корсаковичи и Курейшовы (въ Полоцкой землѣ), Полозовичи (въ Кіевской землѣ) [63]) и т. д. Любопытнымъ является въ настоящемъ случаѣ участіе литовскихъ и русскихъ мѣщанъ, какъ общественныхъ элементовъ, на которые опирается Свидригайло. Впрочемъ, едва ли это участіе мѣщанъ не было вызвано стремленіемъ сообщить договору съ Орденомъ, такъ сказать, эквивалентную силу, ибо со стороны Ордена въ договорѣ участвовали, кромѣ должностныхъ лицъ (Kumpture, Voyte, Pflegir) и ры-

---

[61]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 470.

[62]) *Напьерскаго*, Русско-Ливонскіе акты, № CCXXXII.

[63]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 21; *Ânieckiego* Poczet rodów, str. 145. 251.

и панами» (cum omnibus Praelatis et baronibus Lithuaniae) [81]). Послѣ восьмидневныхъ переговоровъ польскіе уполномоченные заключили съ литовцами новый трактатъ уніи, въ основу котораго были положены, впрочемъ, прежніе договоры на этотъ счетъ. Сигизмундъ въ этомъ трактатѣ признанъ былъ великимъ княземъ, котораго Ягайло назначилъ пожизненно въ соправители (in partem sollicitudinis suae), по избранію прелатовъ, пановъ и шляхты обоихъ государствъ. Установлялось, что по смерти Сигизмунда великое княжество Литовское должно перейти къ королю Ягайлу, его намѣстникамъ и къ коронѣ Польской, за исключеніемъ Трокъ и другихъ отчинныхъ владѣній Сигизмунда. Эти владѣнія переходятъ къ сыну его Михаилу и его законнымъ наслѣдникамъ, которые, однако, вмѣстѣ съ своими подданными должны повиноваться и служить королю, его преемникамъ, коронѣ Польской и будущимъ великимъ князьямъ Литовскимъ, подобно тому, какъ повинуются и служатъ и прочіе литовскіе и русскіе князья. Сигизмундъ отступался совершенно отъ Подолья, которое должно принадлежать Польшѣ; если поляки возьмутъ осаждавшійся ими замокъ Олеско, онъ будетъ принадлежать имъ, равно Ратно, Ветлы и Лопатинъ. Но Луцкъ, Владиміръ и другіе волынскіе замки по завоеваніи ихъ у Свидригайла поляки обязываются отдать Сигизмунду, который съ своей стороны обѣщается не отдавать эти замки никому, кто не присягнетъ и не дастъ записи, что будетъ служить ему вѣрно, а послѣ смерти его сдастъ ихъ королю Ягайлу или его преемникамъ въ Польшѣ. Сигизмундъ обязался никогда не покидать короля Ягайла, его преемниковъ и обывателей короны Польской и оказывать имъ помощь противъ нападеній враговъ, не требуя за то ничего, кромѣ необходимаго пропитанія для людей и пастьбы для коней; въ особенности Сигизмундъ обязывался помогать совѣтомъ и дѣломъ противъ прусскихъ и ливонскихъ крестоносцевъ, разорвать всякія лиги съ ними и договорныя записи, сдѣланныя подъ давленіемъ Свидригайла. Въ заключеніе Сигизмундъ давалъ обѣщаніе за себя и своихъ преемниковъ на великомъ княженіи не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома, воли и согласія короля, его преемниковъ и короны Польской. Въ исполненіи договора Сигизмундомъ и его преемниками дали ручательство отъ себя и за всѣхъ своихъ братьевъ, друзей и родичей— прелатовъ и бояръ-шляхту великаго княжества Литовскаго (de certa scientia, voluntate, mandato, ratihabitione et consensu aliorum omnium fratrum, amicorum et consanguineorum nostrorum praelatotum, boyaro-

---

[81]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 481.

rum et nobilium) бискупъ Виленскій Матвѣй, бискупъ Луцкій Андрей, князья Александръ и Иванъ Владиміровичи, Семенъ Ивановичъ, Өедоръ Корибутовичъ; панъ Виленскій Остикъ, староста Жмудскій Михаилъ Кезгайло, воевода Троцкій Янъ, или Явнисъ, Зиновей Братошичъ, маршалокъ Румбольдъ, Петрашъ Монтигирдовичъ, Гаштольдъ, Радивилъ Остиковичъ, Гудигирдъ, Юрга, Нацко (Nacrus) Гинвиловичъ, Олехно Довойповичъ, Сакъ, хоружій Довгялъ (Dorgal), Гойлимиръ Нардобовичъ [82]). Всѣ эти лица скрѣпили договоръ приложеніемъ своихъ печатей.

Такъ возстановлена была унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею. Это возстановленіе было дѣломъ литовскаго панства, которому разрывъ съ поляками сталъ угрожать потерею пріобрѣтеннаго положенія. Источники опредѣленно указываютъ, что съ Сигизмундомъ въ Городнѣ находились литовскіе князья, паны и шляхта, которые участвовали въ переговорахъ объ уніи и затѣмъ присутствовали при торжественной интронизаціи и инвеституръ Сигизмунда. Этотъ актъ совершенъ былъ въ тотъ же самый день, когда послѣдовало заключеніе уніи, т. е. 15 октября. Глава польскихъ уполномоченныхъ Збигнѣвъ Олесницкій отъ имени короля вручилъ Сигизмунду Кейстутьевичу мечъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ лица папы объявилъ всѣмъ панамъ литовскимъ, русскимъ, жмудскимъ разрѣшеніе отъ присяги, которую они приносили Свидригайлу [83]).

Устраняя Свидригайла съ великаго княженія и возобновляя унію съ Польшею, литовскіе паны разсчитывали вмѣстѣ съ тѣмъ возстано-

---

[82]) Supplementum ad historica Russiae monumenta, № CCXVII. Особымъ актомъ, составленнымъ того же 15 окт. 1432 года, Сигизмундъ отказался отъ всякихъ притязаній на Городло съ его повѣтомъ. Три дня спустя выдалъ грамоту сынъ Сигизмунда Михаилъ, коею обязывался соблюдать заключенный договоръ (Scarbiec diplomatów II, № 1632, 1633). Кромѣ того, по извѣстіямъ, идущимъ отъ прусскихъ нѣмцевъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ обязался платить своему сюзерену ежегодную дань. Въ 1440 г. марта 14 маршалъ Ордена писалъ великому магистру: Ouch so hat uns derselbe knecht wol gesagt, wie das die Polen stargk beym grosfursten legen und vaste ab und zcu czihen und (er) sie sere kostlichen und gros pfleet zcu begoben, und manen von em hunert towsent schogk und sprechen, er habe dem konige zcu Polan edliche jar nicht seyne gerechtigkeit geben, also das sich der grossfurste wol edlicher masz dorin hat gegeben, dach nich gantcz dies (elb) uber sich genomen, sonder eyn teyls davon czu geben. *Bunge*, Urkundenbuch, B. IX, № 574.

[83]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 186.

вить и свое прежнее положеніе въ государствѣ. Это имъ удалось только отчасти. Русскіе люди оказались такою политическою силою, съ которою поляки и литовцы сочли за лучшее войти въ извѣстный компромиссъ. Результатомъ этого было уничтоженіе исключительности привилегій дарованныхъ высшему литовскому боярству въ 1413 году, распространеніе ихъ и на русское некатолическое боярство.

Уничтоженіе исключительности привилегій, дарованныхъ литовскому панству, по всѣмъ признакамъ, въ принципѣ рѣшено было въ Польшѣ, предъ отправленіемъ въ Литву уполномоченныхъ для возобновленія уніи. Ягайло и поляки хорошо понимали, что эта исключительность и породила оппозицію русскихъ князей и бояръ, которая, въ связи съ недовольствомъ самихъ литовцевъ, привела къ разрыву уніи великаго княжества съ Польшею. Для упроченія уніи необходимо было, чтобы она давала извѣстныя выгоды не одному только литовскому панству, но и русскимъ князьямъ и боярамъ великаго княжества. Этого можно было достигнуть распространеніемъ на русскихъ православныхъ князей и бояръ тѣхъ правъ и вольностей, которыя были пожалованы литовскимъ панамъ и боярамъ въ 1413 году. Поэтому Ягайло и поляки, отправляя своихъ пословъ въ Литву для возобновленія уніи, дали имъ полномочіе измѣнить нѣкоторыя статьи въ предшествующихъ записяхъ уніи. Въ силу этого полномочія польскіе послы въ тотъ же самый день, когда заключенъ былъ договоръ объ уніи, т. е. 15 октября, отъ имени короля Ягайла и съ согласія в. кн. Сигизмунда выдали привилей, коимъ русскіе князья и бояре (principes, nobiles et bojari), подданные Литовской земли, уравнивались въ правахъ съ католиками-литовцами. Имъ такъ же, какъ и литовскимъ князьямъ, панамъ и боярамъ гарантировалось неприкосновенное владѣніе отчинными и пожалованными имѣніями и право свободнаго распоряженія ими, съ соблюденіемъ только необходимыхъ формальностей; давалось освобожденіе отъ всѣхъ повинностей, кромѣ постройки и ремонта укрѣпленій и военныхъ дорогъ и доставленія кормовъ проѣзжающему государю, его посламъ и гонцамъ; предоставлялось право брать у литовцевъ тѣ же самые гербы или клейноты, которые тѣ получили отъ польскихъ пановъ, а литовцамъ вмѣнялось въ обязанность принимать русскую знать въ свои гербовыя братства, по сношенію съ своими польскими одногербовниками (habito cum illis fratribus sue geneologie de regno Polonie tractatu). Въ привилеѣ ясно обозначенъ и мотивъ всѣхъ этихъ уступокъ русской знати: дабы на будущее время не было между обоими народами раздѣленія или какого-нибудь неравенства (dispendium), коими можетъ наноситься ущербъ государству, но чтобы всѣ, утѣшенные одинаковыми милостя-

ми, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ. радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства и ревностно и вѣрно исполняли повелѣнія короля Ягайла и брата его, великаго князя Сигизмунда[84]).

Хотя въ привилеѣ прямо не указывалось на то, что русскимъ князьямъ и боярамъ предоставляется отнынѣ на ряду съ литовцами занимать важныя правительственныя должности и участвовать въ государственныхъ совѣщаніяхъ, но это разумѣлось само собою, вытекало изъ общаго положенія привилея, въ силу котораго русскимъ князьямъ и боярамъ предоставлялись тѣ же самыя права, какими пользовались и литовскіе князья, паны и бояре (predictos principes nobiles et bojaros Ruthenorum eisdem graciis et libertatibus privilegiis et commodis gaudere et utifrui volumus quibus principes nobiles et bojari Lithvaniae pociuntur ac fruuntur). Такимъ образомъ, привилей 1432 года, выданный уполномоченными короля Ягайла на сеймѣ литовской знати, устранялъ тѣ преграды, которыя ставилъ участію русскихъ бояръ въ политической жизни великаго княжества Литовскаго Городельскій привилей 1413 г., и открывалъ возможность государственныхъ совѣщаній съ участіемъ въ нихъ православныхъ русскихъ бояръ великаго княжества. Правда, что этотъ привилей относился собственно только къ такъ называемой Литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ и не распространялся еще на обывателей остальныхъ русскихъ областей великаго княжества, остававшихся вѣрными Свидригайлу, такъ что отъ него нельзя еще вести начало литовско-русскаго сейма въ обширномъ смыслѣ, или «великаго вальнаго сойма»; —но во всякомъ случаѣ онъ залагалъ въ государственную жизнь великаго княжества принципы, коими облегчилось установленіе этого учрежденія. Отъ уравненія въ правахъ съ Литвою литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ былъ уже одинъ шагъ къ уравненію въ правахъ и остальныхъ русскихъ земель. Этотъ шагъ очень скоро сдѣланъ былъ Ягайломъ по отношенію къ обывателямъ Луцкой земли. Когда король находился въ Львовѣ, къ нему явилась депутація отъ обывателей Луцкой земли съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ вѣчнаго подданства коронѣ Польской. Король принялъ это предложеніе и 30 октября 1432 года пожаловалъ князьямъ, прелатамъ, боярамъ и рыцарямъ земли Луцкой какъ римской, такъ и греческой вѣры, права и вольности, коими пользуются прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго, а мѣщанамъ право магдебургское, ко-

---

[84]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 17; *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 155, 156.

имъ пользуются мѣщане Польскіе, жидамъ и армянамъ тѣ же самыя права, какими пользуются они и въ Польшѣ. Между прочимъ Ягайло обѣщалъ не сносить церквей русскихъ греческаго закона и не превращать эти церкви въ костелы, не принуждать никого насильно къ переходу въ римскую вѣру, освобождалъ владѣльческихъ крестьянъ отъ доставленій кормовъ старостамъ, ограничивая эту повинность только на время пребыванія въ Луцкой землѣ самого короля [85]) и т. д. Хотя этотъ привилей не вошелъ въ силу вслѣдствіе перехода обывателей Луцкой земли на сторону Свидригайла, во всякомъ случаѣ онъ является характернымъ предвозвѣстникомъ новаго положенія, которое готовились занять русскія области великаго княжества Литовскаго, и которое должно было отразиться перемѣнами и въ составѣ изучаемаго нами учрежденія. Если вѣрить извѣстію, занесенному въ такъ называемую Густынскую лѣтопись, король Ягайло въ томъ же 1432 году пожаловалъ и кіевскимъ обывателямъ приблизительно тѣ же права, что и луцкимъ, въ частности гарантировалъ, что имъ не будетъ никакого насилья въ вѣрѣ, что никто не будетъ пакостить ихъ церквамъ и принуждать ихъ къ иной вѣрѣ [86]). Это извѣстіе весьма правдоподобно, такъ какъ согласуется съ общимъ направленіемъ тогдашней польской политики, стремившейся задобривать русскихъ людей, разсѣевать въ нихъ предубѣжденія противъ возобновленія уніи съ Польшею и новаго великаго князя, выдвинутаго Польшею и католическою Литвою.

§ 4.

Недовѣріе русскихъ людей къ союзу великаго княжества съ Польшею и къ новому великому князю, выдвинутому Польшею и католическою Литвою, однако, прочно утвердилось въ нихъ, и они въ большинствѣ продолжали крѣпко держаться Свидригайла, несмотря на всѣ заискиванія поляковъ и Сигизмунда. Въ началѣ декабря 1432 года уполномоченный Ордена Людвигъ фонъ Ланзее доносилъ великому магистру, что русскіе паны (heren zu Rwssen) находятся на сторонѣ Свидригайла и готовы съ нимъ жить и умереть [87]). Свидригайлу оставались вѣрными земля Полоцкая, Витебская, Смоленская, Мстиславская, Черниговo-Сѣверская (здѣсь Сигизмунду удалось овладѣть только Брянскомъ), Кіевская, часть Волынской и восточное Подолье. Въ южной Руси интересы Свидригайла оберегали энергическіе и опытные въ во-

---

[85]) Monumenta medii aevi, tomus II, № LXXXII.

[86]) *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagiełły, str. 134, nota 22.

[87]) *Hildebrand*, Urkundenbuch. B. VIII. № 650.

ми, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства и ревностно и вѣрно исполняли повелѣнія короля Ягайла и брата его, великаго князя Сигизмунда[84]).

Хотя въ привилеѣ прямо не указывалось на то, что русскимъ князьямъ и боярамъ предоставляется отнынѣ на ряду съ литовцами занимать важныя правительственныя должности и участвовать въ государственныхъ совѣщаніяхъ, но это разумѣлось само собою, вытекало изъ общаго положенія привилея, въ силу котораго русскимъ князьямъ и боярамъ предоставлялись тѣ же самыя права, какими пользовались и литовскіе князья, паны и бояре (predictos principes nobiles et bojaros Ruthenorum eisdem graciis et libertatibus privilegiis et commodis gaudere et utifrui volumus quibus principes nobiles et bojari Lithvaniae pociuntur ac fruuntur). Такимъ образомъ, привилей 1432 года, выданный уполномоченными короля Ягайла на сеймѣ литовской знати, устранялъ тѣ преграды, которыя ставилъ участію русскихъ бояръ въ политической жизни великаго княжества Литовскаго Городельскій привилей 1413 г., и открывалъ возможность государственныхъ совѣщаній съ участіемъ въ нихъ православныхъ русскихъ бояръ великаго княжества. Правда, что этотъ привилей относился собственно только къ такъ называемой Литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ и не распространялся еще на обывателей остальныхъ русскихъ областей великаго княжества, остававшихся вѣрными Свидригайлу, такъ что отъ него нельзя еще вести начало литовско-русскаго сейма въ обширномъ смыслѣ, или «великаго вальнаго сойма»; —но во всякомъ случаѣ онъ залагалъ въ государственную жизнь великаго княжества принципы, коими облегчилось установленіе этого учрежденія. Отъ уравненія въ правахъ съ Литвою литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ былъ уже одинъ шагъ къ уравненію въ правахъ и остальныхъ русскихъ земель. Этотъ шагъ очень скоро сдѣланъ былъ Ягайломъ по отношенію къ обывателямъ Луцкой земли. Когда король находился въ Львовѣ, къ нему явилась депутація отъ обывателей Луцкой земли съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ вѣчнаго подданства коронѣ Польской. Король принялъ это предложеніе и 30 октября 1432 года пожаловалъ князьямъ, прелатамъ, боярамъ и рыцарямъ земли Луцкой какъ римской, такъ и греческой вѣры, права и вольности, коими пользуются прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго, а мѣщанамъ право магдебургское, ко-

[84]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 17: *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły. str. 155, 156.

Зубревицкаго, пана Юшка Кгойцевича, пана Ивана Важевича [93]), а Сигизмундъ въ своемъ письмѣ къ великому магистру отъ 9 декабря еще и пана Ходка [94]). Свидригайло слишкомъ понадѣялся на свои силы и двинулся въ Литву, не дождавшись обѣщанной ему помощи отъ князей Тверского и Московскаго, отъ Нѣмецкаго Ордена и татаръ. Вспомогательные отряды прибыли къ нему уже тогда, когда онъ потерпѣлъ пораженіе, и потому мало принесли ему пользы. Съ помощью ихъ Свидригайло произвелъ только сильныя опустошенія въ Литовской землѣ [95]).

Положеніе Сигизмунда Кейстутьевича послѣ Ошменской побѣды казалось уже упрочившимся, и Ягайло счелъ возможнымъ утвердить прелиминарный договоръ уніи, заключенный съ Сигизмундомъ польскими уполномоченными 15 октября 1432 года. 3 января 1433 года Ягайло выдалъ грамоту, подтверждавшую Городенскій трактатъ [96]). Но и Свидригайло не падалъ духомъ послѣ понесеннаго пораженія, и русскіе люди не покидали его. Въ началѣ апрѣля 1433 года на сторону Свидригайла перешелъ князь Александръ Носъ, оставленный поляками начальникомъ въ Луцкѣ, и передалъ этотъ городъ во власть Свидригайла [97]). Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на окрестное населеніе, и русскіе люди со всѣхъ сторонъ стали стекаться въ этотъ городъ. Тѣмъ временемъ и Прусскій Орденъ началъ открытую войну съ Польшею. Свидригайло поспѣшилъ воспользоваться всѣмъ этимъ и лѣтомъ 1433 года съ ополченіями русскихъ земель, съ тверскими полками и ливонскимъ войскомъ вторгнулся снова въ Литовскую землю. Но и на этотъ разъ ему не удалось овладѣть главными литовскими городами — Вильною и Троками. Результатомъ похода было только страшное опустошеніе Литвы и соединной съ нею Руси. Привилей, выданный уполномоченными Ягайла въ Городнѣ, очевидно, достигъ своей цѣли и удержалъ эту Русь на сторонѣ Сигизмунда. Свидригайло изъ всѣхъ силъ постарался дать этой Руси почувствовать всѣ невыгоды ея вѣрности Сигизмунду. Онъ взялъ и сжегъ Крево, Заславль, Минскъ

---

[93]) *Narbutta* Pomniki do dziejów litewskich, str. 46. Wilno 1846.

[94]) *Hildebrand,* Urkundenbuch, B. VIII, 645.

[95]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 51.

[96]) *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, № CLXXV. Съ своей стороны и Сигизмундъ выдалъ грамоту (въ Трокахъ, 20 января 1433 г.), подтверждающую прелиминарный договоръ 1432 г. (Scarbiec diplomatów II, № 1649).

[97]) *Коцебу* Свидригайло, стр. 173.

енномъ дѣлѣ люди — князь Ѳедько Несвицкій и воевода Кіевскій кн. Владиміръ. И на самой Литвѣ общественное настроеніе стало поворачиваться въ пользу Свидригайла. Въ первой половинѣ ноября агенты Ордена писали своему правительству, что «вся земля Литовская вопіетъ противъ поляковъ, и простолюдины говорятъ, что они покорились Сигизмунду, не зная, что Свидригайло живъ; многіе жители, оставивъ женъ и дѣтей, стекаются къ Свидригайлу»[88]). Даже литовскіе паны, участвовавшіе въ низверженіи Свидригайла, начинали думать о его возвращеніи, и среди нихъ составился даже заговоръ противъ Сигизмунда. Гонецъ, отправленный заговорщиками къ Свидригайлу, былъ перехваченъ Сигизмундомъ и на пыткѣ выдалъ участниковъ заговора— воеводу Троцкаго Явниса, маршалка Румбольда, пановъ Шедибора и Кезгайла. Первыхъ двухъ Сигизмундъ приказалъ умертвить, а Шедибора и Кезгайла посадилъ въ заключеніе[89]). По всѣмъ признакамъ, часть литовскаго панства недовольна была уступками, сдѣланными полякамъ при возобновленіи уніи въ Городнѣ.

Все это въ общей сложности вызвало со стороны Свидригайла попытку вернуть себѣ великое княженіе. Съ своими приверженцами вступилъ онъ въ Литовскую землю, при чемъ города Борисовъ, Минскъ, Крево и другіе сдались ему безъ боя. Въ концѣ ноября онъ писалъ великому магистру изъ Ошмены, что по просьбѣ русскихъ и литовскихъ бояръ и вельможъ отправился онъ въ отеческое наслѣдіе свое въ Литву, гдѣ многіе города и крѣпости добровольно сдались ему[90]). Но конецъ предпріятія не увѣнчался успѣхомъ.

Восьмого декабря 1432 года Свидригайло двинулся изъ Ошмены на Вильну и скоро натолкнулся на войско Сигизмунда, составленное изъ литовцевъ, жмудиновъ и поляковъ изъ Дорогицкой земли[91]). Произошелъ бой, въ которомъ побѣда осталась на сторонѣ литовцевъ и поляковъ. И помогъ Богъ великому князю Сигизмунду,—говоритъ современный литовско-русскій лѣтописецъ,—и побили князя великаго Свидригайла и князей русскихъ, а иныхъ поймали: князя Юрья Лингвеньевича взяли въ плѣнъ, князя Василья Семеновича, Ѳедька Одинцевича, пана Гедигольда, воеводу Виленскаго, и другихъ[92]). Въ числѣ этихъ другихъ полная литовско-русская лѣтопись перечисляетъ кн. Митка

[88]) *Коцебу* Свидригайло, стр. 151, 152.
[89]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły. str. 159.
[90]) *Коцебу* Свидригайло, стр. 148—153.
[91]) *Dlugosz*. Opera omnia, tomus XIII, p. 491.
[92]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ. стр. 50. 51.

и склонны были питать на этотъ счетъ всякія сомнѣнія. Ягайло исполнилъ желаніе Сигизмунда Кейстутьевича и въ началѣ 1434 года отправился въ Литву. Встрѣченный Сигизмундомъ и литовскими панами въ Кринкахъ, Ягайло объявилъ имъ, что свою милость и помощь онъ даруетъ Сигизмунду, минуя своего брата, и облекаетъ его великокняжескою властью, а князьямъ, прелатамъ и панамъ литовскимъ приказываетъ повиноваться ему, какъ законному великому князю. Изъ Кринокъ Ягайло вернулся въ Польшу, и 10 февраля былъ уже въ Люблинѣ [103]). Во время свиданія было условлено подтвердить новымъ актомъ унію великаго княжества съ Польшею, чтобы и на этотъ счетъ разсѣять всякія сомнѣнія. И съ той, и съ другой стороны унія подтверждена была актами, составленными одновременно, 27 февраля, въ Городнѣ и въ Корчинѣ. Оба акта были простымъ повтореніемъ предшествующихъ актовъ отъ 15 октября 1432 и 3 января 1433 г. Съ литовской стороны актъ утвердили, кромѣ Сигизмунда, 36 литовскихъ бояръ, а съ польской стороны, кромѣ Ягайла, польскіе прелаты и паны [104]). Въ цѣляхъ большаго привлеченія на свою сторону князей и бояръ Литвы и Руси Сигизмундъ Кейстутьевичъ 6 мая того же года выдалъ имъ привилей на различныя права и вольности. Прежде всего Сигизмундъ обѣщалъ, что не будетъ никого карать и наказывать по доносу тайному или явному, а только по суду, отправленному по обычаю земли (nisi prius in judicio manifesto juris ordine terre Lithwanie servato realiter fuerint convicti). Очевидно, что его крутая расправа съ четырьмя панами, оговоренными въ заговорѣ, отшатнула отъ него многихъ литовскихъ пановъ, и Сигизмундъ старался теперь исправить послѣдствія своей несдержанности. Его преемники подтверждали эту гарантію въ издававшихся ими земскихъ привилеяхъ [105]), и она сдѣлалась первымъ основнымъ закономъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ Литовскомъ Статутѣ [106]). Всѣ остальныя права и вольности, дарованныя Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, были ничѣмъ инымъ, какъ подтвержденіемъ и болѣе точнымъ обозначеніемъ того, что предоставлялъ литовскимъ и русскимъ князьямъ и боярамъ привилей отъ 15 октября 1432 года. Сигизмундъ гарантировалъ имъ ненарушимое владѣніе отчинными имѣньями и право

---

[103]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 521, 522.

[104]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 217, nota 17; *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CLXXVI.

[105]) Акты Зап. Рос. I. № 61, 103, 204; II. № 30, 70; Zbiór praw Litewskich, str. 59; Лит. Метр. кн. VIII, л. 135—137.

[106]) Статутъ 1529, разд. I, арт. 1; Статутъ 1566, разд. I, арт. 2.

свободнаго распоряженія ими; гарантировалъ права вдовъ и законныхъ наслѣдниковъ по отношенію къ отчиннымъ имѣньямъ умершаго князя или боярина; имѣньями, пожалованными отъ князя Витовта, предоставилъ владѣть согласно его грамотамъ; освободилъ «кметей и подданныхъ» княжескихъ и боярскихъ отъ уплаты великому князю «дякла» и отъ всѣхъ работъ, за исключеніемъ постройки и ремонта укрѣпленій и военныхъ дорогъ; предоставилъ князьямъ и боярамъ русскимъ принять отъ литовцевъ, по соглашенію ихъ съ поляками-одногербовниками гербы, или знаки шляхетства (seu nobilitatis clenodia), и наконецъ подтвердилъ князьямъ и боярамъ всѣ вообще права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками [107]). Цѣль Сигизмунда была достигнута, и литовскіе паны заявляли уполномоченному Ордена Гансу Балгу, что они готовы умереть за Сигизмунда. «Посмотри,—говорили они ему,—какъ любитъ насъ нашъ господарь», при чемъ показывали привилеи на «магдебургское право», выданные всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ отчинныя или пожалованныя отъ Витовта имѣнья; «этого Свидригайло намъ не даетъ»,—прибавляли они [108]). Повидимому, Сигизмундъ сверхъ общаго привилея, выданнаго 6 мая 1434 года, выдавалъ еще отдѣльнымъ панамъ частные привилеи, содержащіе изъятія ихъ имѣній отъ податей и повинностей, шедшихъ на господаря [109]). Гансъ Балгъ писалъ великому магистру, что ему показывали шесть такихъ привилеевъ при чемъ прибавлялъ: этимъ онъ (Сигизмундъ) располагаетъ къ себѣ людей.

Смерть короля Ягайла, послѣдовавшая 1 іюня 1434 года, не поколебала положенія Сигизмунда. Польскіе паны обратились именно къ нему, какъ къ настоящему великому князю, съ просьбою, чтобы онъ

---

[107]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, dod. № 22. Сигизмундъ кромѣ того подтвердилъ особымъ листомъ права и вольности, пожалованныя Ягайломъ и Витовтомъ жмудинамъ. Жмудь на ряду съ «верхнею» Литвою ранѣе другихъ земель признала его великимъ княземъ. Но затѣмъ въ ней не разъ, по свидѣтельствамъ агентовъ Ордена, начиналась реакція въ пользу Свидригайла. Подтвердительная грамота дана была Сигизмундомъ, очевидно, для умиротворенія Жмуди. См. Акты Зап. Рос. I, № 103.

[108]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 855; Scarbiec diplomatów, II, № 1623.

[109]) Такъ какъ изъятія отъ различныхъ государственныхъ податей и повинностей давались обыкновенно при пожалованіи магдебургскаго или вообще нѣмецкаго права, то Балгъ и назвалъ привилеи, данные литовскимъ панамъ, привилеями на магдебургское право, сообщая этому понятію общій смыслъ.

или самъ пріѣхалъ, или выслалъ уполномоченныхъ для участія въ избраніи и короновaніи новаго короля, согласно съ условіями уніи обоихъ государствъ. Сигизмундъ только что оправился отъ тяжелой болѣзни и кромѣ того опасался нападенія Свидригайла и его союзниковъ. Поэтому онъ не поѣхалъ лично въ Польшу, а выслалъ своихъ уполномоченныхъ, — архидіакона Виленскаго Мартина съ Шадка и воеводу Виленскаго Довгерда, которые отъ его имени и изъявили согласіе на избраніе и коронацію Владислава III, а своимъ присутствіемъ на торжествѣ подтвердили единеніе Литвы съ Польшею [110].

Тѣмъ временемъ дѣла Свидригайла шли все хуже и хуже. Лѣтомъ 1434 года онъ снова собрался было въ походъ на Литву съ русскими князьями и боярами и со всею силою русскою. На помощь къ нему подоспѣлъ и магистръ Ливонскій, соединившійся съ нимъ въ Браславлѣ Литовскомъ. Но пошли такіе дожди, установилась такая распутица, что не было никакой возможности совершать походъ въ такой странѣ, какъ Литва. Магистръ вернулся къ себѣ домой, а Свидригайло, распустивъ свое ополченіе, отправился въ Кіевъ [111]. Къ этой неудачѣ вскорѣ присоединились другія огорченія. Враги Свидригайла завели сношенія съ его сторонниками и успѣли нѣкоторыхъ изъ нихъ перетянуть на свою сторону. Свидригайлу измѣнилъ намѣстникъ Луцкій князь Александръ Носъ и предалъ Луцкъ Сигизмунду, который отправилъ для занятія его пана Гаштольда. Князь Олелько пытался занять Кіевъ на Сигизмунда, но его предупредилъ панъ Ивашко Монивидовичъ, отправленный Свидригайломъ, и Кіевъ остался за Свидригайломъ [112]. На Подольѣ измѣнилъ ему вѣрный дотолѣ соратникъ кн. Ѳедко Несвицкій. Самъ Свидригайло, повидимому, толкнулъ его въ объятія своихъ враговъ. Узнавъ о сношеніяхъ съ нимъ своихъ враговъ и «не досмотрѣвъ его вѣрной службы», Свидригайло, если вѣрить заявленію самого князя Ѳедка (отъ 14 сентяря 1434 г.), вознамѣрился лишить его чести и жизни, жены, дѣтей и имущества, и только паны Викентій Шамотульскій и Михаилъ Бучацкій вмѣстѣ съ другими панами и земянами коронныхъ русскихъ земель избавили его отъ неволи и предстоявшей гибели. Вслѣдствіе этого Ѳедко присягнулъ на вѣрность королю и коронѣ Польской съ городами Кременцомъ и Брацлавомъ, находившимися въ его держаньѣ, и получилъ ихъ отъ короля въ дожизвотное держанье, а отчинныя его имѣнья—волости Збаражскую, Вин-

---

[110]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 529, 542.

[111]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 52.

[112]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 855.

ницкую и Соколицу король утвердилъ за нимъ и его потомками навсегда [113]). Впрочемъ, Брацлавъ полякамъ не удалось занять въ то время, и онъ остался пока за Свидригайломъ. Стремленіе къ отпаденію отъ Свидригайла проявилось и въ Бѣлоруссіи. Нѣкоторые русскіе князья и бояре, находившіеся въ лагерѣ Сигизмунда, дали знать Свидригайлу, что хотятъ передаться на его сторону, и выпросили у него разрѣшеніе повидаться съ митрополитомъ Герасимомъ, проживавшимъ въ Смоленскѣ, и переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Свидригайло не подозрѣвая злого умысла, далъ свое согласіе. На самомъ дѣлѣ князья и бояре пріѣзжали къ Герасиму для переговоровъ о занятіи Смоленска и Смоленской земли для Сигизмунда. Имъ удалось привлечь къ заговору какъ самого Герасима, такъ и другихъ сторонниковъ Свидригайла. Если вѣрить тому, что писалъ по этому поводу Свидригайло папѣ и Базельскому собору, заговорщики условились убить его и окружающихъ его лицъ. Но Смоленскій воевода Юрій Бутримъ во время провѣдалъ о заговорѣ, ворвался въ митрополичьи палаты, арестовалъ митрополита и его соучастниковъ и захватилъ листы, доказывающіе ихъ вину, или «перевѣтныя грамоты», какъ выражается псковскій лѣтописецъ [114]). Свидригайло приказалъ отослать арестованныхъ въ оковахъ въ Витебскъ. Дѣло это происходило въ мартѣ 1435 года. Четыре мѣсяца спустя, 26 іюля 1435 года, будучи со всѣмъ войскомъ своимъ въ Витебскѣ, Свидригайло приказалъ сжечь митрополита-измѣнника [115]).

Свидригайло останавливался въ Витебскѣ мимоходомъ, идя на соединеніе съ Ливонскимъ магистромъ для совмѣстнаго вторженія въ Литву. Съ нимъ были русскіе князья и бояре изъ Смоленска и его пригородовъ, изъ Кіевской земли, Витебской, Полоцкой и много татаръ. Около Браславля союзники соединились и направились въ глубь Литвы по Завилейской сторонѣ, по направленію къ Вилькомиру. 30 августа у Вилькомира они встрѣтили сына Сигизмунда Михаила съ войскомъ, состоявшимъ изъ литовцевъ, жмуди, небольшаго числа татаръ и 15 тысячъ поляковъ подъ начальствомъ Якуба Кобылянскаго. Перваго сентября 1435 года на рѣкѣ Свентѣ произошло жестокое побоище, како-

---

[113]) *Krupowicza* Zbiór dyplomatów rządowych i aktów prywatnych, № 16. Wilno 1858.

[114]) *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 363—368. Издатель въ оглавленіи письма неправильно приписалъ его королю Польскому и поставилъ невѣрную дату—1432 г. По сопоставленію съ другими данными источниковъ, письмо относится къ 1435 году.

[115]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 209; V, стр. 28.

вого уже давно не бывало въ Литовской землѣ, по словамъ псковскаго лѣтописца. Сраженіе кончилось полнымъ разгромомъ силъ Свидригайла. Въ битвѣ палъ племянникъ Свидригайла Сигизмундъ Корибутовичъ, пришедшій на помощь дядѣ вмѣстѣ съ нѣмцами; кн. Ярославъ Лингвеньевичъ, князь Михаилъ Болобанъ Семеновичъ, кн. Данило Семеновичъ, кн. Михаилъ Львовичъ Вяземскій и другіе—всего тринадцать князей; сорокъ два князя было взято въ плѣнъ, между ними князья Иванъ Владиміровичъ, перешедшій отъ Сигизмунда на сторону Свидригайла, и кн. Ѳедоръ Корибутовичъ. Убиты были магистръ Ливонскій Керскорфъ, ландмаршалъ, много «коунторовъ» и рыцарей, такъ что ливонцевъ мало осталось въ живыхъ. Русскихъ болѣе всего погибло въ бѣгствѣ по дорогамъ и лѣсамъ, гдѣ ихъ около двухъ недѣль преслѣдовали и ловили побѣдители. Перебито было и много «гостей», нанятыхъ Свидригайломъ,— ракушанъ, силезцевъ, чеховъ и другихъ. Самъ Свидригайло съ кн. Юрьемъ Лингвеньевичемъ «въ малѣ дружинѣ въ 30 мужь» убѣжалъ спачала въ Полоцкъ, а оттуда вскорѣ удалился въ Витебскъ, гдѣ мы и встрѣчаемъ его по источникамъ уже 24 сентября [116]).

Свидригайло передвинулся изъ Полоцка въ Витебскъ для того, чтобы оборонять его отъ Сигизмундовой рати. Недѣли три спустя послѣ битвы на р. Свентѣ Сигизмундъ собралъ всю свою литовскую силу и отправилъ съ нею сына своего Михаила на Русь. Когда онъ прибылъ въ Оршу, къ нему явились Смольняне съ изъявленіемъ покорности великому князю Сигизмунду, и во главѣ ихъ самъ воевода Юрій Бутримъ. Михаилъ, назначивъ въ Смоленскъ намѣстникомъ пана Януша Гаштольда, направился отъ Орши подъ Витебскъ. Шесть недѣль простоялъ онъ подъ Витебскомъ, но безрезультатно: Витбляне не сдались, и Михаилъ вынужденъ былъ вернуться домой. Точно такъ же кончился и походъ на Полоцкъ, подъ которымъ рать Сигизмунда простояла понапрасну около недѣли: начальствовавшіе въ Полоцкѣ князья Михаилъ и Василій на предложеніе поддаться великому князю Сигизмунду отвѣтили отказомъ и заявленіемъ, что они головы свои положатъ за великаго князя Свидригайла [117]).

---

[116]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 562—565; Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 52, 53; Полное Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 209, 210; *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 981, 1006.

[117]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 53; *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 998, 999.

Свидригайло послѣ того отправился на югъ и долгое время пропадалъ безъ вѣсти, такъ что разошлась даже молва о его смерти. Повидимому, Свидригайло ѣздилъ къ татарамъ звать ихъ къ себѣ на помощь. Вслѣдствіе распространившихся слуховъ о его смерти отъ него отпали Стародубъ и Мценскъ, гдѣ воеводою былъ Григорій Протасій. Поэтому Свидригайло поспѣшилъ объявиться. Панъ Немиръ и воевода Кіевскій Юрша вернули ему Стародубъ, а Мценскъ поддалъ самъ воевода Протасій [118]). Одновременно съ тѣмъ люди Свидригайла вмѣстѣ съ татарами напали на Подолье, побили и побрали разставленныхъ по городамъ поляковъ, опустошили страшно все «Малое Подолье» и много народа забрали въ неволю [119]). Самъ Свидригайло 1 апрѣля 1436 года сообщалъ великому магистру, что въ его власти находится городъ Кременецъ и вся Подольская земля, куда онъ послалъ намѣстникомъ пана Ивашка Монивидовича, что всѣ крѣпости, города и уѣзды и прочія владѣнія его въ Русской землѣ, которыя отклонились было и отторглись отъ его престола, съ помощью Божью снова возвращены и покорены, за исключеніемъ одного только Смоленска [120]). Свидригайлу, однако, не долго пришлось утѣшаться всѣмъ этимъ. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что прусскіе и ливонскіе нѣмцы заключили миръ съ Польшею (31 декабря 1435 года) и обязались не поддерживать болѣе Свидригайла, русскіе люди потеряли вѣру въ успѣхъ его дѣла. Лѣтомъ 1436 года,—разсказываетъ литовско-русскій лѣтописецъ,—Полочане и Витбляне, «не чуя себѣ помочи ни отколе», сдались великому князю Сигизмунду, который сталъ теперь княжить на великомъ княженьѣ Литовскомъ и Русскомъ [121]). Чтобы тѣснѣе привязать къ себѣ поддавшіяся русскія земли, Сигизмундъ подавалъ имъ различныя «доброволеньства», по всѣмъ признакамъ далъ имъ письменныя обязательства держать ихъ по старинѣ, какъ были за великаго князя Витовта [122]).

Послѣ отпаденія Полоцка и Витебска за Свидригайломъ оставались Волынь, Кіевщина, Подолье и Черниговo-Сѣверская земля. Лѣтомъ слѣдующаго 1437 года Сигизмундъ сдѣлалъ попытку нанести ему окон-

---

[118]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 2; *Коцебу* Свидригайло, стр. 220—222.

[119]) Объ этомъ сообщалъ великому магистру Прусскому магистръ Ливонскій въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1436. *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 39.

[120]) *Коцебу* Свидригайло, стр. 222, 223.

[121]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 53.

[122]) Упоминанья и намеки на это встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ привилеяхъ Полоцкой и Смоленской земель. См. Акты Зап. Рос. I, № 213; II, № 70.

чательный ударъ и отправилъ два сильныхъ отряда на Кіевъ и Луцкъ. Хотя люди Свидригайла храбро и успѣшно отбивались отъ Сигизмундовыхъ войскъ и совершенно уничтожили отрядъ ихъ, подступавшій къ Кіеву [123]), тѣмъ не менѣе Свидригайло почувствовалъ, что одному ему, и при томъ съ уменьшенными силами, не удержаться противъ Сигизмунда и помогавшей ему Польши. Въ критическомъ положеніи Свидригайло съ своими князьями и боярами предпринялъ смѣлый шагъ— рѣшился во что бы то ни стало примириться съ Польшею. Съ этою цѣлью онъ лично отправился въ Польшу и 15 августа онъ былъ уже въ Краковѣ; при немъ находились и знатнѣйшіе люди изъ числа его сторонниковъ, между прочимъ панъ Юрша и Кіевскій архимандритъ Авраамій. Въ Краковѣ ихъ приняли холодно и отложили переговоры съ ними до сейма, который долженъ былъ собраться въ Сѣрадзѣ къ 15 октября [124]). Свидригайло послѣ того отправился въ Львовъ для того, чтобы заручиться поддержкою на предстоящемъ сеймѣ русскихъ пановъ, среди которыхъ у него было, повидимому, не мало знакомыхъ и пріятелей. Его переговоры съ ними увѣнчались полнымъ успѣхомъ, выразившимся въ заключеніи письменнаго договора 4 сентября 1437 г. Свидригайло по волѣ и единодушному соизволенію своихъ князей и пановъ рады и всѣхъ земянъ (de unanimique nostrorum principum, strenuorumque ac nobilium consiliariorum et terrigenarum consilio et assensu) поддался королю и коронѣ Польской со всѣми своими подданными, замками, мѣстами и селами, а паны русскіе за себя и короля обязались помогать Свидригайлу совѣтомъ и дѣломъ противъ всѣхъ его враговъ, а на предстоящемъ сеймѣ въ Сѣрадзѣ хлопотать, чтобы ему дано было вознагражденіе за Луцкъ, который онъ уступаетъ Польшѣ. Если этого вознагражденія не удастся выхлопотать, Свидригайло обязывался удовлетвориться тѣмъ, что присудатъ четверо посредниковъ, выбранныхъ русскими панами, и четверо, назначенныхъ самимъ Свидригайломъ, и, несмотря ни на что, оставаться вѣрнымъ королю и коронѣ Польской. По смерти Свидригайла отчина его и всѣ владѣнія, которыя принадлежатъ и будутъ принадлежать ему, должны перейти къ королю и коронѣ Польской [125]). Этотъ договоръ обязались соблюдать во всѣхъ статьяхъ воевода Кіевскій Юрша, староста Каменецкій и Подольскій Монивидъ (Ивашко), кн. Борисъ Глинскій, маршалокъ дворный Свидригайла Дашко Тубачовичъ

---

[123]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 227; *Коцебу* Свидригайло, стр. 229.

[124]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 579.

[125]) Monumenta medii aevi, tomus II, № XCI.

ницкую и Соколицу король утвердилъ за нимъ и его потомками навсегда [113]). Впрочемъ, Брацлавъ полякамъ не удалось занять въ то время, и онъ остался пока за Свидригайломъ. Стремленіе къ отпаденію отъ Свидригайла проявилось и въ Бѣлоруссіи. Нѣкоторые русскіе князья и бояре, находившіеся въ лагерѣ Сигизмунда, дали знать Свидригайлу, что хотятъ передаться на его сторону, и выпросили у него разрѣшеніе повидаться съ митрополитомъ Герасимомъ, проживавшимъ въ Смоленскѣ, и переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Свидригайло не подозрѣвая злого умысла, далъ свое согласіе. На самомъ дѣлѣ князья и бояре пріѣзжали къ Герасиму для переговоровъ о занятіи Смоленска и Смоленской земли для Сигизмунда. Имъ удалось привлечь къ заговору какъ самого Герасима, такъ и другихъ сторонниковъ Свидригайла. Если вѣрить тому, что писалъ по этому поводу Свидригайло папѣ и Базельскому собору, заговорщики условились убить его и окружающихъ его лицъ. Но Смоленскій воевода Юрій Бутримъ во время провѣдалъ о заговорѣ, ворвался въ митрополичьи палаты, арестовалъ митрополита и его соучастниковъ и захватилъ листы, доказывающіе ихъ вину, или «перевѣтныя грамоты», какъ выражается псковскій лѣтописецъ [114]). Свидригайло приказалъ отослать арестованныхъ въ оковахъ въ Витебскъ. Дѣло это происходило въ мартѣ 1435 года. Четыре мѣсяца спустя, 26 іюля 1435 года, будучи со всѣмъ войскомъ своимъ въ Витебскѣ, Свидригайло приказалъ сжечь митрополита-измѣнника [115]).

Свидригайло останавливался въ Витебскѣ мимоходомъ, идя на соединеніе съ Ливонскимъ магистромъ для совмѣстнаго вторженія въ Литву. Съ нимъ были русскіе князья и бояре изъ Смоленска и его пригородовъ, изъ Кіевской земли, Витебской, Полоцкой и много татаръ. Около Браславля союзники соединились и направились въ глубь Литвы по Завилейской сторонѣ, по направленію къ Вилькомиру. 30 августа у Вилькомира они встрѣтили сына Сигизмунда Михаила съ войскомъ, состоявшимъ изъ литовцевъ, жмуди, небольшаго числа татаръ и 15 тысячъ поляковъ подъ начальствомъ Якуба Кобылянскаго. Перваго сентября 1435 года на рѣкѣ Свентѣ произошло жестокое побоище, како-

---

[113]) *Krupowicza* Zbiór dyplomatów rządowvch i aktów prywatnych, № 16. Wilno 1858.

[114]) *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 363—368. Издатель въ оглавленіи письма неправильно приписалъ его королю Польскому и поставилъ невѣрную дату—1432 г. По сопоставленію съ другими данными источниковъ, письмо относится къ 1435 году.

[115]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 209; V, стр. 28.

продолжали занимать Луцкъ сообща съ Свидригайломъ; повидимому, и поляки не особенно настоятельно требовали отъ нихъ этого, несмотря на неоднократныя напоминанія Сигизмунда: имъ было удобнѣе, чтобы Луцкъ оставался при коронѣ и не переходилъ даже временно къ Литвѣ [130]). Только въ январѣ 1439 года Сигизмундъ получилъ, наконецъ, Луцкъ. По его словамъ, обыватели Луцкой земли сами обратились къ нему съ просьбою прислать имъ своего старосту, и такимъ путемъ Богъ далъ ему Луцкъ помимо воли поляковъ, которые не хотѣли отдавать ему этого города [131]). Одновременно съ Луцкомъ и Кіевъ призналъ, наконецъ, надъ собою власть великаго князя Сигизмунда, который, по всѣмъ признакамъ, подтвердилъ при этомъ старину Кіевской земли, подобно тому, какъ сдѣлалъ это ранѣе относительно земель Полоцкой и Смоленской и, вѣроятно, Витебской [132]). За Свидригайломъ послѣ того оставался, повидимому, только Кременецъ и восточная часть Подольской земли [133]).

Такой исходъ имѣла борьба Сигизмунда Кейстутьевича съ Свидригайломъ за власть въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Побѣда досталась Сигизмунду и поддерживавшимъ его литовцамъ не только цѣною человѣческихъ и денежныхъ жертвъ, принесенныхъ войнѣ, но и цѣною различныхъ уступокъ, данныхъ русскимъ князьямъ и боярамъ съ цѣлью отклонить ихъ отъ поддержки Свидригайла и расположить въ пользу Сигизмунда. Для русскихъ людей великаго княжества это былъ, можно сказать, положительный результатъ, совершенно иначе опредѣлившій ихъ положеніе въ этомъ государствѣ, чѣмъ Городельскій привилей 1413 года. Если русскимъ людямъ и не удалось удержать на великомъ княженіи Свидригайла, за то имъ удалось снести тѣ юридическія огражденія, коими привилей 1413 года обставилъ политическое преобладаніе въ великомъ княжествѣ литовскаго панства. Въ дальнѣйшемъ русскимъ людямъ открывалась дорога и къ высшимъ урядамъ, и въ господарскую раду, и въ раду «посполитую», общегосударственную, т. е. въ сеймъ великаго княжества.—Короче сказать, русскимъ людямъ

---

130) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 601, 602.

131) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 414. Вѣроятно вмѣстѣ съ Луцкомъ подъ власть Сигизмунда, перешелъ и Владиміръ, который согласно договорамъ 1432 и 1434 долженъ былъ такъ же, какъ и Луцкъ, принадлежать Сигизмунду пожизненно.

132) Акты Зап. Рос. II, № 30. Соображенія о переходѣ Кіева подъ власть Сигизмунда см. у Левицкаго въ его Powstanie Świdrygiełły, str. 358, nota 38.

133) Акты Зап. Рос. I, № 36, 37; Акты Южн. и Зап. Россіи I, № 20.

удалось уничтожить въ привилеѣ 1413 года все, что придавало политическому господству Литвы націонало-исключительный характеръ.

Какъ уже было сказано выше, привилеи 1432 и 1434 г. уравнивали въ правахъ и вольностяхъ съ Литвою пока только Литовскую Русь въ тѣсномъ смыслѣ. Но при всемъ томъ они имѣли значеніе и для остальной Руси. Ихъ дѣйствіе распространялось и на тѣхъ князей и бояръ русскихъ областей великаго княжества, которымъ удавалось такъ или иначе пріобрѣтать земельныя имущества въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. на Литвѣ и примыкавшей къ ней Руси. Такимъ образомъ, ихъ принципіальное значеніе было гораздо шире ихъ прямого юридическаго содержанія и распространялось на великое княжество не въ тѣсномъ только, а и въ обширномъ смыслѣ.

Изъ сравненія этихъ привилеевъ съ привилеемъ 1413 года обнаруживается, кромѣ того, и еще одна крупная новость въ соціально-политической жизни великаго княжества—распространеніе различныхъ гарантій, данныхъ знатному боярству, и на князей, сравненіе обоихъ классовъ въ правахъ и вольностяхъ. Въ привилеяхъ 1387 и 1413 г. о князьяхъ не было помину, ибо правительство въ то время опиралось главнымъ образомъ на знатное литовское боярство, и кромѣ того самое положеніе князей до извѣстной степени могло казаться безспорнымъ, не требующимъ гарантій. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ политическое возвышеніе литовскаго панства и оттѣсненіе на задній планъ литовско-русскихъ князей наглядно показало неустойчивость положенія послѣднихъ. Поэтому литовско-русскіе князья приняли самое дѣятельное участіе въ разрушеніи порядка, созданнаго уніею 1413 года. Выше упоминалось о многихъ князьяхъ, дружившихъ съ Свидригайломъ и вмѣстѣ съ нимъ воевавшихъ съ поляками и Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ. Въ битвѣ подъ Вилькомиромъ подъ знаменемъ Свидригайла сражалось болѣе 50 князей, — изъ которыхъ тринадцать были убиты, сорокъ два князя взяты въ плѣнъ, одинъ бѣжалъ съ Свидригайломъ (сколько бѣжало самихъ по себѣ—неизвѣстно). По источникамъ можно насчитать свыше сорока именъ князей бывшихъ въ разное время сторонниками Свидригайла, такъ что и все политическое движеніе, во главѣ котораго онъ стоялъ, пріобрѣтаетъ окраску какъ бы княжеской реакціи противъ политическаго возвышенія литовскаго панства. Сотрудниками и соратниками Свидригайла были и Гедиминовичи, и князья другихъ литовскихъ династій, и Рюриковичи. Изъ Гедиминовичей источники называютъ: племянниковъ Свидригайла — Ивана Владиміровича Бѣльскаго,

Александра Владиміровича Слуцкаго и брата ихъ Андрея [134]), Ивана, Сигизмунда и Өедора Корибутовичей [135]), кн. Юрія и Өедора Лингвеньевичей [136]), кн. Сангушка Өедоровича [137]); двоюроднаго племянника Андрея Михайловича Жеславскаго [138]); внучатныхъ племянниковъ: Семена Романовича Кобринскаго [139]), кн. Ивана, Михаила и Александра Чорторыйскихъ [140]). Даже самъ Сигизмундъ Кейстутьевичъ на первыхъ порахъ былъ сторонникомъ Свидригайла и поддерживалъ его въ борьбѣ съ поляками. Изъ князей другихъ литовскихъ династій источники называютъ: Михаила и Семена Ивановичей Гольшанскихъ, кн. Данила Семеновича Гольшанскаго [141]), Ягайла и Войнуса Гедройтскихъ, Александра Свирскаго [142]). Изъ Рюриковичей въ числѣ сторонниковъ Свидригайла встрѣчаемъ по источникамъ: князей Друцкихъ—Михаила Семеновича Болобана, Димитрія и Василія Семеновичей, Ивана Семеновича Бабу, Ивана Семеновича Путяту [143]); Смоленскихъ—кн. Глѣба Киндеровича, кн. Ивана Романовича Крошинскаго, кн. Михаила Львовича Вяземскаго [144]); Чернигово-Сѣверскихъ—кн. Михаила Ивановича Хотетовскаго, Патрикѣя и Александра Звенигородскихъ, Семена Перемышльскаго, Василія Одоевскаго [145]); князей Пинскихъ и Волынскихъ—Константина Курча и сына его Михаила Ольшаницкаго, Ивана Александровича Четвертеньскаго, Митка Давидовича Городецкаго, Өедора Козеку, Өедка Несвицкаго, Александра Носа, Дашка и Андрюшка Өедоровичей Острожскихъ, Григорія Кожановича [146]) и др. Если классъ князей принималъ столь значительное участіе въ борьбѣ противъ порядка установившагося послѣ 1413 года, естественно, что и всѣ положительные результаты борьбы должны были распространиться и на этотъ классъ. Вотъ почему и привилеи 1432 и 1434 года даны были

---

134) *Wolffa* Kniaziowie litewsco-ruscy, str. 3, 328, 337.
135) Ibidem, str. 178, 179.
136) Ibidem, str. 263.
137) Ibidem, str. 444.
138) Ibidem, str. 587.
139) Ibidem, str. 162.
140) Ibidem str. 18, 19, 22, 23.
141) Ibidem str. 96, 97, 98.
142) Ibidem str. 65, 66, 505.
143) Ibidem str. 57, 58, 60, 61.
144) Ibidem str. 161, 186, 550.
145) Ibidem str. 17, 279.
146) Ibidem str. 14, 15, 35, 135, 180, 275, 276, 344, 548.

уже не однимъ только панамъ и шляхтѣ-боярамъ, но и князьямъ (principibus, baronibus et bojaris) литовскимъ и русскимъ. Князья нуждались въ такихъ привилеяхъ не меньше бояръ. Нѣкоторые изъ нихъ по своему общественному положенію не возвышались надъ боярами, владѣли приблизительно такими же имѣніями, какъ и бояре, пріобрѣтали боярскія имѣнія и несли боярскую службу. Размноженіе князей, измельчаніе ихъ владѣній, полученіе имѣній за службу все болѣе и болѣе сближали этотъ классъ съ боярствомъ, вслѣдствіе чего и гарантіи, права и вольности, даруемыя боярству, оказались не только не лишними, но даже потребными и для князей.

Итакъ, въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ, протекшихъ съ 1392 года, въ составѣ и расположеніи высшихъ классовъ литовско-русскаго общества произошли большія перемѣны. Классъ крупныхъ областныхъ князей потерпѣлъ разгромъ отъ великаго князя, который въ борьбѣ съ нимъ опирался на второстепенныхъ, болѣе мелкихъ, князей, а главнымъ образомъ на первостепенное литовское боярство. Это боярство едва было не затерло и уцѣлѣвшихъ второстепенныхъ князей. Князьямъ по смерти Витовта удалось поправить свое положеніе, но въ общемъ имъ не удалось стать выше знатнаго боярства, а пришлось удовольствоваться приблизительно тѣмъ же общественнымъ и политическимъ положеніемъ, которое занимало и высшее боярство.

Сигизмундъ утвердилъ за собою великое княженіе Литовское не только черезъ компромиссъ съ русскими князьями и боярами, но и цѣною крупныхъ территоріальныхъ уступокъ Польшѣ и заключенія съ нею тѣсной уніи. Этой уніи какъ бы опредѣлено было судьбою возбуждать противъ себя литовцевъ всякій разъ послѣ того, какъ она устанавливалась. Очевидно, что при заключеніи ея поляки и литовцы стояли на различныхъ точкахъ зрѣнія, которыя они не желали или не умѣли другъ другу разъяснить. Такъ случилось и при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Въ октябрѣ 1439 года въ письмѣ къ римскому королю Альбрехту II Сигизмундъ жаловался на то, что поляки трактуютъ великое княжество, какъ несамостоятельное, подчиненное Польшѣ государство, и уже изъявлялъ готовность войти въ союзъ съ нимъ помимо и противъ поляковъ [147]). Поэтому едва ли съ охотою и искренно онъ поновлялъ унію великаго княжества съ Польшею въ записи, выданной 31 октября того же года, по случаю достиженія совершеннолѣтія Владиславомъ III [148]). Съ выдачею этой записи онъ медлилъ цѣлый годъ,

---

[147]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 261.

[148]) Ibidem № 262.

ибо Владиславъ III съ своей стороны выдалъ Сигизмунду подтвержденье всѣхъ прежнихъ привилеевъ еще 16 декабря 1438 года [149]). Знаменательнымъ является и то обстоятельство, что въ подтвердительной записи Сигизмунда не упоминается о ручательствѣ князей и бояръ въ ея исполненіи. По всѣмъ признакамъ, подготовлялся новый разрывъ съ Польшею, который и произошелъ на самомъ дѣлѣ, но уже не при жизни Сигизмунда, а послѣ его смерти.

§ 5.

По современнымъ извѣстіямъ, идущимъ съ разныхъ сторонъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ послѣ окончательной побѣды надъ Свидригайломъ и подчиненія всѣхъ областей великаго княжества, въ своихъ отношеніяхъ къ князьямъ и панамъ сдѣлался настоящимъ тиранномъ. Предшествовавшая продолжительная борьба, богатая измѣнами и переходомъ князей и пановъ съ одной стороны на другую, накопила въ немъ большой запасъ раздраженія и недовѣрія къ этому классу. Отъ этихъ чувствъ онъ естественно не смогъ отдѣлаться и послѣ того, какъ всѣ князья и паны покорились ему и признали его великимъ княземъ. Ему казалось, что эта покорность чисто притворная, и что они постоянно замышляютъ противъ него что нибудь недоброе. Его подозрительность сдѣлалась въ концѣ концовъ настоящею маніею, и онъ охотно слушалъ не только доносчиковъ, но и разныхъ чародѣевъ и ворожбитовъ и каралъ невинныхъ людей согласно ихъ показаніямъ. Самого ничтожнаго повода было достаточно для того, чтобы попасть подъ опалу великаго князя, за которою слѣдовало тюремное заключеніе, пытки, конфискація имѣній и даже смертная казнь. На ряду съ жестокостью въ великомъ князѣ объявились и другія страсти, дававшія тяжело себя чувствовать окружающимъ людямъ, — любострастіе, несмотря на преклонный возрастъ, и необыкновенное корыстолюбіе заставлявшее его прибѣгать постоянно къ конфискаціямъ княжескихъ и панскихъ имуществъ. Стремясь жить и править на полной своей волѣ, Сигизмундъ началъ окружать себя преимущественно людьми низкаго званія, конюхами и холопами, и раздавать имъ разные уряды, а отъ князей и пановъ все болѣе и болѣе отдаляться и замыкаться. Онъ поселился въ крѣпкомъ Троцкомъ замкѣ и рѣдко кого допускалъ въ свои покои. Его тираннія въ концѣ концовъ сдѣлалась невыносимой и вызвала среди князей и пановъ дѣйствительное стремленіе избавиться отъ него. Князья и паны настолько

---

[149]) Volumina legum I, 63. Petersburg 1859; Zbiór praw litewskich, str. 25, 27; *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 173.

были запуганы поведеніемъ великаго князя, что въ свою очередь стали подозрѣвать его въ самыхъ злодѣйскихъ намѣреніяхъ. Послѣ того, какъ онъ посадилъ въ заключеніе Мстиславскаго князя Юрія Лингвеньевича и Копыльскаго князя Олелька Владиміровича съ женою и сыновьями Семеномъ и Михаиломъ и вслѣдъ затѣмъ сталъ созывать къ себѣ въ Троки князей и пановъ на сеймъ, прошелъ слухъ, что этотъ сеймъ и созывается для того, чтобы погубить всѣхъ князей и пановъ разомъ. Тогда среди князей и пановъ образовался заговоръ съ цѣлью избавиться отъ тиранна. Душею заговора были кн. Иванъ Чорторыйскій, правнукъ Ольгерда, воевода Виленскій Довгердъ и воевода Троцкій Лелюшъ. Но и другіе князья и паны литовскіе и русскіе принимали участіе въ заговорѣ или, по крайней мѣрѣ, зная объ немъ, молчали. Заговоръ по убѣжденію поляковъ современниковъ, былъ дѣломъ чуть не всѣхъ литовскихъ и русскихъ князей и пановъ. Въ немъ участвовали даже такія лица, которыя обязаны были своимъ возвышеніемъ Сигизмунду Кейстутьевичу. Для всѣхъ его тираннія сдѣлалась невыносимою, въ высшей степени опасною, и всѣ рады были какъ можно скорѣе избавиться отъ нея [150]). Заговоръ имѣлъ успѣхъ, и великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ погибъ насильственною смертью въ вербное воскресенье 1440 г. (20 марта).

Не такъ согласны и единодушны оказались князья и паны относительно преемника Сигизмунду Кейстутьевичу. Пока зрѣлъ заговоръ противъ Сигизмунда, вопросъ о его преемникѣ не поднимался между участниками заговора. Всѣ они поглощены были одною мыслью — избыть наличнаго великаго князя и, вѣроятно, инстинктивно избѣгали переговоровъ о будущемъ его преемникѣ, чувствуя, что это можетъ породить между ними раздоры и несогласія и повредить успѣху заговора. Тѣмъ менѣе могли образоваться какіе-либо планы у тѣхъ, кто не участвовалъ въ заговорѣ и былъ застигнутъ врасплохъ событіями. Вотъ почему послѣ смерти Сигизмунда Кейстутьевича князья и паны

---

[150]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII. p. 619—621; Лѣтопись Быховца (*Narbutta* Pomniki do dziejów litewskich, Wilno 1846), str. 48—50; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 202—204. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 113. Въ недавнее время сдѣлана была попытка освѣщенія заговора противъ Сигизмунда Кейстутьевича, какъ реакціи со стороны православныхъ русскихъ людей противъ католическаго фанатизма и религіозныхъ притѣсненій Сигизмунда Кейстутьевича. О неосновательности этой попытки мы имѣли случай говорить въ разборѣ книги г. Грушевича «Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій», помѣщ. въ іюльской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1898 г.

выдвинули нѣсколько кандидатовъ на великое княженіе. Главари заговора — кн. Чорторыйскій, Довгердъ и Лелюшъ имѣли въ виду вернуть на великое княженіе Свидригайла и заняли на его имя большой Троцкій замокъ и нижній Виленскій. Малый Троцкій замокъ, лежавшій на островѣ озера, занялъ сынъ покойнаго великаго князя — Михаилъ Сигизмундовичъ, а верхній Виленскій замокъ занялъ на его имя панъ Нарбутъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими панами прочившій его въ преемники отцу. Бискупъ Виленскій Матвѣй, Остикъ, Гаштольдъ, Монивидъ, Петръ Монтыгирдовичъ и нѣкоторые другіе старшіе паны литовскіе постановили было выполнить данныя обязательства, въ силу которыхъ по смерти Сигизмунда великое княженіе должно было перейти къ королю и коронѣ Польской, и позаняли нѣкоторые замки на имя Владислава. Но паны: Янъ Гаштольдъ, намѣстникъ Смоленскій, староста Жмудскій Кезгайло, Николай Немировичъ и маршалокъ земскій Радивилъ съѣхались у князя Юрія Семеновича Гольшанскаго и положили взять господаремъ другого сына Ягайлова—королевича Казимира, доводившагося по матери двоюроднымъ племянникомъ (сыномъ двоюродной сестры) кн. Юрію Семеновичу [151]). Къ нимъ примкнуло много другихъ князей и пановъ. Свидригайло обрѣтался на чужбинѣ, и уже упала вѣра въ его счастіе. Михаила Сигизмундовича боялись взять господаремъ, опасаясь, что онъ будетъ мстить многимъ за смерть отца. Владиславу III не хотѣли подчиняться непосредственно, ибо это влекло за собою потерю самостоятельности великаго княжества. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ вокругъ лицъ, выставившихъ кандидатуру королевича Казимира, собралась самая многочисленная и сильная партія.

Приверженцы Казимира, не медля долго, отрядили въ Польшу пословъ къ королю Владиславу съ просьбою отпустить Казимира на великое княженіе въ Литву, а сами поѣхали вслѣдъ за послами въ Берестье, чтобы встрѣтить и проводить Казимира въ Вильну. Владиславъ, собиравшійся въ то время уѣзжать въ Венгрію, гдѣ его избрали королемъ, согласился отпустить Казимира въ Литву, но не въ качествѣ великаго князя, а въ качествѣ простого намѣстника польскаго короля. Этимъ онъ въ сущности нарушалъ условія договора 1432 года, который предусматривалъ въ этомъ случаѣ избраніе новаго великаго князя по обоюдному согласію Польши и Литвы. Поэтому и литовскіе князья уже не стѣснялись въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Съ прибытіемъ Казимира въ Литву паны, державшіе сторону Свидригайла и Владислава, примкнули къ сторонникамъ Казимира, и всѣ рѣшили возвести его на

[151]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 115.

уже не однимъ только панамъ и шляхтѣ-боярамъ, но и князьямъ (principibus, baronibus et bojaris) литовскимъ и русскимъ. Князья нуждались въ такихъ привилеяхъ не меньше бояръ. Нѣкоторые изъ нихъ по своему общественному положенію не возвышались надъ боярами, владѣли приблизительно такими же имѣніями, какъ и бояре, пріобрѣтали боярскія имѣнія и несли боярскую службу. Размноженіе князей, измельчаніе ихъ владѣній, полученіе имѣній за службу все болѣе и болѣе сближали этотъ классъ съ боярствомъ, вслѣдствіе чего и гарантіи, права и вольности, даруемыя боярству, оказались не только не лишними, но даже потребными и для князей.

Итакъ, въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ, протекшихъ съ 1392 года, въ составѣ и расположеніи высшихъ классовъ литовско-русскаго общества произошли большія перемѣны. Классъ крупныхъ областныхъ князей потерпѣлъ разгромъ отъ великаго князя, который въ борьбѣ съ нимъ опирался на второстепенныхъ, болѣе мелкихъ, князей, а главнымъ образомъ на первостепенное литовское боярство. Это боярство едва было не затерло и уцѣлѣвшихъ второстепенныхъ князей. Князьямъ по смерти Витовта удалось поправить свое положеніе, но въ общемъ имъ не удалось стать выше знатнаго боярства, а пришлось удовольствоваться приблизительно тѣмъ же общественнымъ и политическимъ положеніемъ, которое занимало и высшее боярство.

Сигизмундъ утвердилъ за собою великое княженіе Литовское не только черезъ компромиссъ съ русскими князьями и боярами, но и цѣною крупныхъ территоріальныхъ уступокъ Польшѣ и заключенія съ нею тѣсной уніи. Этой уніи какъ бы опредѣлено было судьбою возбуждать противъ себя литовцевъ всякій разъ послѣ того, какъ она устанавливалась. Очевидно, что при заключеніи ея поляки и литовцы стояли на различныхъ точкахъ зрѣнія, которыя они не желали или не умѣли другъ другу разъяснить. Такъ случилось и при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Въ октябрѣ 1439 года въ письмѣ къ римскому королю Альбрехту II Сигизмундъ жаловался на то, что поляки трактуютъ великое княжество, какъ несамостоятельное, подчиненное Польшѣ государство, и уже изъявлялъ готовность войти въ союзъ съ нимъ помимо и противъ поляковъ [147]). Поэтому едва ли съ охотою и искренно онъ поновлялъ унію великаго княжества съ Польшею въ записи, выданной 31 октября того же года, по случаю достиженія совершеннолѣтія Владиславомъ III [148]). Съ выдачею этой записи онъ медлилъ цѣлый годъ,

[147]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 261.

[148]) Ibidem № 262.

ибо Владиславъ III съ своей стороны выдалъ Сигизмунду подтвержденье всѣхъ прежнихъ привилеевъ еще 16 декабря 1438 года [149]). Знаменательнымъ является и то обстоятельство, что въ подтвердительной записи Сигизмунда не упоминается о ручательствѣ князей и бояръ въ ея исполненіи. По всѣмъ признакамъ, подготовлялся новый разрывъ съ Польшею, который и произошелъ на самомъ дѣлѣ, но уже не при жизни Сигизмунда, а послѣ его смерти.

§ 5.

По современнымъ извѣстіямъ, идущимъ съ разныхъ сторонъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ послѣ окончательной побѣды надъ Свидригайломъ и подчиненія всѣхъ областей великаго княжества, въ своихъ отношеніяхъ къ князьямъ и панамъ сдѣлался настоящимъ тиранномъ. Предшествовавшая продолжительная борьба, богатая измѣнами и переходомъ князей и пановъ съ одной стороны на другую, накопила въ немъ большой запасъ раздраженія и недовѣрія къ этому классу. Отъ этихъ чувствъ онъ естественно не смогъ отдѣлаться и послѣ того, какъ всѣ князья и паны покорились ему и признали его великимъ княземъ. Ему казалось, что эта покорность чисто притворная, и что они постоянно замышляютъ противъ него что нибудь недоброе. Его подозрительность сдѣлалась въ концѣ концовъ настоящею маніею, и онъ охотно слушалъ не только доносчиковъ, но и разныхъ чародѣевъ и ворожбитовъ и каралъ невинныхъ людей согласно ихъ показаніямъ. Самого ничтожнаго повода было достаточно для того, чтобы попасть подъ опалу великаго князя, за которою слѣдовало тюремное заключеніе, пытки, конфискація имѣній и даже смертная казнь. На ряду съ жестокостью въ великомъ князѣ объявились и другія страсти, дававшія тяжело себя чувствовать окружающимъ людямъ, — любострастіе, несмотря на преклонный возрастъ, и необыкновенное корыстолюбіе заставлявшее его прибѣгать постоянно къ конфискаціямъ княжескихъ и панскихъ имуществъ. Стремясь жить и править на полной своей волѣ, Сигизмундъ началъ окружать себя преимущественно людьми низкаго званія, конюхами и холопами, и раздавать имъ разные уряды, а отъ князей и пановъ все болѣе и болѣе отдаляться и замыкаться. Онъ поселился въ крѣпкомъ Троцкомъ замкѣ и рѣдко кого допускалъ въ свои покои. Его тираннія въ концѣ концовъ сдѣлалась невыносимой и вызвала среди князей и пановъ дѣйствительное стремленіе избавиться отъ него. Князья и паны настолько

---

[149]) Volumina legum I, 63. Petersburg 1859; Zbiór praw litewskich, str. 25, 27; *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 173.

Въ вознагражденіе за испытанную вѣрность къ нему, какъ къ прирожденному государю и законному наслѣднику, а также, чтобы и на будущее время заохотить ихъ къ тому же, Казимиръ пожаловалъ названнымъ чинамъ всѣ вообще права, вольности и изъятія (generaliter et omnino eadem jura, libertates et emunitates), какими пользуются прелаты, князья, паны, шляхта и мѣщане королевства польскаго. Но, чтобы на будущее время не возникало никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, Казимиръ счелъ нужнымъ подробно и точно обозначить даруемыя права и вольности. Въ его грамотѣ сверхъ тѣхъ правъ и вольностей, которыя дарованы были предшественниками Казимира, и которыя онъ только подтверждалъ, распространяя ихъ на всѣхъ вообще военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, находимъ и нѣкоторыя новыя, и притомъ чрезвычайно важныя, права. Казимиръ освобождалъ всѣхъ княжескихъ, панскихъ, шляхетскихъ, боярскихъ и мѣщанскихъ крестьянъ (kmethones et subditos principum, baronum, nobilium, boyarorum et civium) не только отъ платежа натуральныхъ податей («дякла») и отъ барщинныхъ повинностей на господаря, но и отъ платежа денежной подати, «серебщины»; обязывался не принимать на свои земли владѣльческихъ крестьянъ—отчичей и невольныхъ (orienarios kmethones, manucipiorum obnoxios), запрещая то же самое владѣльцамъ въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ; устанавливалъ, что судъ надъ владѣльческими «подданными» принадлежитъ владѣльцамъ, и эти «подданные не должны впредь привлекаться къ суду великаго князя или его урядниковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ не дастъ на нихъ управы, при чемъ судебныя пени во всякомъ случаѣ должны идти въ пользу владѣльцевъ. Католическому духовенству дана была гарантія въ томъ, что впредь вакантныя духовныя должности будутъ замѣщаться предпочтительно подходящими людьми изъ уроженцевъ великаго княжества и только при неимѣніи таковыхъ—иностранцами. Въ интересахъ свѣтскихъ пановъ Казимиръ обязался за себя и своихъ преемниковъ не давать никому, помимо уроженцевъ великаго княжества, земель, замковъ и мѣстъ въ полную собственность, временное владѣнье или въ держанье, равно не раздавать иноземцамъ уряды или почетныя званія (officia sive personatus dignitates). Наконецъ, въ виду притязаній поляковъ на Волынь и Подолье Казимиръ обязался не уменьшать владѣній великаго княжества, но сохранить его въ цѣлости въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, въ какихъ оно заключалось при великомъ князѣ Витовтѣ [157]).

---

[157]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 16. *Gołębiowskiego* Dzieje Polski, tom III, str. 38, nota 51. Этотъ же привилей напечатанъ въ разныхъ

Итакъ, сверхъ политическихъ гарантій, вытекавшихъ изъ признанія великаго княжества особымъ и независимымъ государствомъ, военнослужилый классъ получилъ отъ Казимира почти тѣ же права, которыя отецъ его пожаловалъ католическому духовенству, т. е. освобожденіе его «подданныхъ» отъ платежа всякихъ податей въ пользу великаго князя и о юрисдикціи великаго князя и его урядниковъ. Едва ли эти вольности идутъ отъ предшественниковъ Казимира. По крайней мѣрѣ, съ увѣренностью можно утверждать это въ отношеніи пановъ, шляхты, бояръ и мѣщанъ. Извѣстно, что Городельскій привилей прямо подтвердилъ обязанность пановъ и шляхты платить великому князю подати съ своихъ имѣній согласно старому обычаю (et tributa dare iuxta antiquam consuetudinem) [158]). Привилей Сигизмунда Кейстутьевича отъ 1434 г. освободилъ княжескихъ и боярскихъ подданныхъ отъ платежа одного только «дякла», которое предъ тѣмъ платилось ему самому и его предшественникамъ (quos ab ante nobis et predecessoribus nostris dare consueverant et astricti fuerunt) [159]).—Что касается великокняжеской юрисдикціи, то объ освобожденіи отъ нея панскихъ и боярскихъ людей не упоминаетъ ни одинъ изъ предшествующихъ привилеевъ. Это освобожденіе нельзя подразумѣвать въ пожалованіи литовскимъ и русскимъ панамъ и шляхтѣ-боярамъ всѣхъ тѣхъ правъ и вольностей, коими пользуются паны и шляхта королевства Польскаго. Правда, что въ Польшѣ въ то время владѣльческіе «подданные» большею частью уже не подлежали юрисдикціи королевскихъ урядниковъ (за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, составлявшихъ «старостинскіе артикулы»). Но это изъятіе гарантировалось *не общимъ закономъ, а частными привилеями*, полученными владѣльцами. Такъ какъ этихъ привилеевъ было роздано великое множество, то и владѣльческая юрисдикція стала *обычнымъ* содержаніемъ рыцарскаго права [160]). Но въ общихъ писанныхъ узаконеніяхъ Польши владѣльческая юрисдикція опредѣлялась только позднѣе вышеуказаннаго привилея 1447 года, а именно: въ Нешав-

---

изданіяхъ подъ датою 2 мая 1457 года (см., напр., Акты Зап. Рос. I, № 61; Zbiór praw litewskich, str. 28—35; *Rzyszczewski i Muczkowski* Codex diplomaticus Poloniae, № CLXXXVIII). Неправильность этой даты доказалъ уже Каро (Geschichte Polens, Theil IV, s. 278, Anmerk. 2).

[158]) Zbiór praw litewskich, str. 13.

[159]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, appendix № 22.

[160]) *Fr. Piekosińskiego* Rycerstwo polskie wieków średnich, tom I, str. 211—233, 331—333. Kraków 1896.

великое княженіе. Когда въ Вильну собрались также и паны изъ разныхъ земель, подвластныхъ великому княжеству, литовцы стали просить прибывшихъ съ Казимиромъ польскихъ пановъ, чтобы они разрѣшили посадить Казимира на престолѣ и провозгласить его великимъ княземъ. По словамъ Длугоша, литовскіе паны опасались, что сторонники Михаила Сигизмундовича возведутъ на великое княженіе этого князя, если Казимиръ останется въ Вильнѣ только намѣстникомъ польскаго короля. Кромѣ того, они считали униженіемъ для великаго княжества, если Казимиръ лишенъ будетъ титула и власти великаго князя и будетъ подчиняться распоряженіямъ короля Владислава, который даже и въ Польшѣ не живетъ, а гдѣ-то на сторонѣ, въ Венгріи. Когда польскіе паны отвѣтили категорическимъ отказомъ на просьбу литовцевъ, послѣдніе самовольно провозгласили Казимира великимъ княземъ [152]).

Такъ разорвана была унія Литвы съ Польшею, заключенная въ 1432 году. Поэтому естественно, что Владиславъ III, къ которому литовцы обратились за утвержденьемъ избраннаго ими великаго князя, отказалъ имъ въ своемъ согласіи и не призналъ Казимира великимъ княземъ Литовскимъ. По извѣстію Длугоша, у него созрѣлъ въ то время планъ раздѣлить великое княжество на нѣсколько частей, чтобы тѣмъ легче держать его въ подчиненіи, а именно: для себя и короны Польской удержать нѣкоторые замки, между прочимъ Берестье и Каменецъ; Михаила Сигизмундовича удовлетворить отдачею ему владѣній, гарантированныхъ договоромъ 1432 г.[153]); Болеслава Мазовецкаго утвердить во владѣніи Дорогицкою землею, которую онъ захватилъ послѣ смерти Сигизмунда Кейстутьевича, а остальныя княжества Литвы и Руси отдать королевичу Казимиру [154]).

Отказъ Владислава въ утвержденьѣ усугубилъ и безъ того затруднительное положеніе новаго великаго князя. Уже не говоря о томъ,

---

[152]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 656, 580, 606—608; Лѣтопись Быховца, str. 50, 51. *Stryjkowskiego* Kronika, tom. II, str. 206, 207.

[153]) Изъ этихъ владѣній Михаилъ Сигизмундовичъ въ 1435 году съ согласія отца своего Сигизмунда, князей, прелатовъ, бароновъ и бояръ литовскихъ записалъ въ качествѣ вѣна женѣ своей Евфиміи Берестье, Каменецъ, Слонимъ и Волковыйскъ. Евфимія получила право пожизненнаго пользованья этими имѣньями по смерти мужа; послѣ ея смерти ея прямые наслѣдники должны были получить 40 т. золотыхъ угорскихъ, а самыя имѣнья отойти къ великому княжеству; если бы она умерла prole non relicta, тогда 20 т. золотыхъ угорскихъ получалъ ея братъ, Мазовецкій князь Болеславъ. Monumenta medii aevi, tomus XII, № 232, 233.

[154]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 657, 658.

что отъ него отпало нѣсколько областей,—даже въ предѣлахъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. на Литвѣ и Руси Литовской, у Казимира все еще было много противниковъ, стоявшихъ за Михаила Сигизмундовича. На жизнь Казимира съ ихъ стороны было сдѣлано даже нѣсколько покушеній. Казимиръ попытался обезоружить эту партію примиреніемъ съ Михаиломъ Сигизмундовичемъ. Онъ отдалъ ему значительную часть его отчины—Бѣльскъ, Брянскъ и Суражъ на Подляшьѣ, Клецкъ и Койдановъ на Руси Литовской, Брянскъ и Стародубъ въ землѣ Чернигово-Сѣверской. Но это примиреніе не достигло цѣли. Михаилъ не переставалъ интриговать противъ Казимира и едва было не погубилъ его измѣннически на охотѣ, наславъ на него вооруженный отрядъ подъ начальствомъ князей Воложинскихъ [155]). Но особенно затруднительнымъ стало положеніе Казимира, когда поляки на Сѣрадзьскомъ сеймѣ 1445 года выбрали его королемъ Польши. Уѣхать въ то время изъ великаго княжества значило дать благопріятный случай своему противнику къ новымъ попыткамъ утвердиться на великомъ княженіи. Эти попытки, въ виду тогдашняго нерасположенія литовцевъ къ возобновленію уніи съ Польшею на основаніи договора 1432 года, могли кончиться успѣхомъ Михаила Сигизмундовича. Поэтому и самъ Казимиръ на первыхъ порахъ не рѣшался принять Польской короны и подъ разными предлогами оттягивалъ окончательный отвѣтъ на предложеніе поляковъ, и приверженные къ нему литовскіе паны не пускали его въ Польшу, опасаясь, что вмѣстѣ съ Казимиромъ они потеряютъ пріобрѣтенную свободу [156]). Казимиръ далъ утвердительный отвѣтъ лишь только тогда, когда избраніе въ польскіе короли мазовецкаго князя Болеслава, шурина Михаила Сигизмундовича, стало угрожать ему еще большею опасностью. Предъ отъѣздомъ изъ Литвы на коронацію, чтобы успокоить литовцевъ въ ихъ опасеніяхъ касательно предстоявшаго тѣснаго союза съ Польшею (подъ однимъ государемъ), а также, чтобы еще болѣе привязать ихъ къ своей персонѣ, Казимиръ 2 мая 1447 г. выдалъ новый привилей прелатамъ, князьямъ, панамъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣщанамъ Литовской, Русской, Жмудской и другихъ земель великаго княжества. Этотъ привилей имѣетъ огромное значеніе какъ въ исторіи государственнаго развитія великаго княжества вообще, такъ въ частности и въ исторіи изучаемаго учрежденія.

---

[155]) Лѣтопись Быховца, стр. 55; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 211, 212.

[156]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 10:. et transmigrare simul cum Kazimiro partam libertatem rebantur.

Въ вознагражденіе за испытанную вѣрность къ нему, какъ къ прирожденному государю и законному наслѣднику, а также, чтобы и на будущее время заохотить ихъ къ тому же, Казимиръ пожаловалъ названнымъ чинамъ всѣ вообще права, вольности и изъятія (generaliter et omnino eadem jura, libertates et emunitates), какими пользуются прелаты, князья, паны, шляхта и мѣщане королевства польскаго. Но, чтобы на будущее время не возникало никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, Казимиръ счелъ нужнымъ подробно и точно обозначить даруемыя права и вольности. Въ его грамотѣ сверхъ тѣхъ правъ и вольностей, которыя дарованы были предшественниками Казимира, и которыя онъ только подтверждалъ, распространяя ихъ на всѣхъ вообще военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, находимъ и нѣкоторыя новыя, и притомъ чрезвычайно важныя, права. Казимиръ освобождалъ всѣхъ княжескихъ, панскихъ, шляхетскихъ, боярскихъ и мѣщанскихъ крестьянъ (kmethones et subditos principum, baronum, nobilium, boyarorum et civium) не только отъ платежа натуральныхъ податей («дякла») и отъ барщинныхъ повинностей на господаря, но и отъ платежа денежной подати, «серебщины»; обязывался не принимать на свои земли владѣльческихъ крестьянъ—отчичей и невольныхъ (orienarios kmethones, manucipiorum obnoxios), запрещая то же самое владѣльцамъ въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ; устанавливалъ, что судъ надъ владѣльческими «подданными» принадлежитъ владѣльцамъ, и эти «подданные не должны впредь привлекаться къ суду великаго князя или его урядниковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ не дастъ на нихъ управы, при чемъ судебныя пени во всякомъ случаѣ должны идти въ пользу владѣльцевъ. Католическому духовенству дана была гарантія въ томъ, что впредь вакантныя духовныя должности будутъ замѣщаться предпочтительно подходящими людьми изъ уроженцевъ великаго княжества и только при неимѣніи таковыхъ—иностранцами. Въ интересахъ свѣтскихъ пановъ Казимиръ обязался за себя и своихъ преемниковъ не давать никому, помимо уроженцевъ великаго княжества, земель, замковъ и мѣстъ въ полную собственность, временное владѣнье или въ держанье, равно не раздавать иноземцамъ урады или почетныя званія (officia sive personatus dignitates). Наконецъ, въ виду притязаній поляковъ на Волынь и Подолье Казимиръ обязался не уменьшать владѣній великаго княжества, но сохранить его въ цѣлости въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, въ какихъ оно заключалось при великомъ князѣ Витовтѣ [157]).

---

[157]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 16. *Gołębiowskiego* Dzieje Polski, tom III, str. 38, nota 51. Этотъ же привилей напечатанъ въ разныхъ

Итакъ, сверхъ политическихъ гарантій, вытекавшихъ изъ признанія великаго княжества особымъ и независимымъ государствомъ, военно-служилый классъ получилъ отъ Казимира почти тѣ же права, которыя отецъ его пожаловалъ католическому духовенству, т. е. освобожденіе его «подданныхъ» отъ платежа всякихъ податей въ пользу великаго князя и о юрисдикціи великаго князя и его урядниковъ. Едва ли эти вольности идутъ отъ предшественниковъ Казимира. По крайней мѣрѣ, съ увѣренностью можно утверждать это въ отношеніи пановъ, шляхты, бояръ и мѣщанъ. Извѣстно, что Городельскій привилей прямо подтвердилъ обязанность пановъ и шляхты платить великому князю подати съ своихъ имѣній согласно старому обычаю (et tributa dare iuxta antiquam consuetudinem)[158]). Привилей Сигизмунда Кейстутьевича отъ 1434 г. освободилъ княжескихъ и боярскихъ подданныхъ отъ платежа одного только «дякла», которое предъ тѣмъ платилось ему самому и его предшественникамъ (quos ab ante nobis et predecessoribus nostris dare consueverant et astricti fuerunt)[159]).—Что касается великокняжеской юрисдикціи, то объ освобожденіи отъ нея панскихъ и боярскихъ людей не упоминаетъ ни одинъ изъ предшествующихъ привилеевъ. Это освобожденіе нельзя подразумѣвать въ пожалованіи литовскимъ и русскимъ панамъ и шляхтѣ-боярамъ всѣхъ тѣхъ правъ и вольностей, коими пользуются паны и шляхта королевства Польскаго. Правда, что въ Польшѣ въ то время владѣльческіе «подданные» большею частью уже не подлежали юрисдикціи королевскихъ урядниковъ (за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, составлявшихъ «старостинскіе артикулы»). Но это изъятіе гарантировалось *не общимъ закономъ, а частными привилеями*, полученными владѣльцами. Такъ какъ этихъ привилеевъ было роздано великое множество, то и владѣльческая юрисдикція стала *обычнымъ* содержаніемъ рыцарскаго права [160]). Но въ общихъ писанныхъ узаконеніяхъ Польши владѣльческая юрисдикція опредѣлялась только позднѣе вышеуказаннаго привилея 1447 года, а именно: въ Нешав-

---

изданіяхъ подъ датою 2 мая 1457 года (см., напр., Акты Зап. Рос. I, № 61; Zbiór praw litewskich. str. 28—35; *Rzyszczewski i Muczkowski* Codex diplomaticus Poloniae, № CLXXXVIII). Неправильность этой даты доказалъ уже Каро (Geschichte Polens, Theil IV, s. 278, Anmerk. 2).

[158]) Zbiór praw litewskich, str. 13.

[159]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, appendix № 22:

[160]) *Fr. Piekosińskiego* Rycerstwo polskie wieków średnich, tom I, str. 211—233, 331—333. Kraków 1896.

скомъ статутѣ (великопольскомъ) Казимира IV [161]), въ Петрковскомъ статутѣ 1496 г. и послѣдующихъ сеймовыхъ конституціяхъ до конституціи 1573 года включительно [162]). Если такъ, то едва ли можно думать, что и литовскіе земскіе привилеи 1413 и 1434 г., уравнивавшіе литовцевъ въ правахъ съ поляками, шли далѣе того, что существовало въ польскомъ правѣ, и implicite содержали общій законъ о юрисдикціи свѣтскихъ владѣльцевъ надъ своими людьми, котораго еще не было у самихъ поляковъ. Въ силу этихъ соображеній мы считаемъ долгомъ отступиться здѣсь отъ утвержденія, высказаннаго нами ранѣе, на стр. 630 книги «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства», и признать, что привилеи, предшествовавшіе привилею 1447 года, не опредѣляли еще юрисдикціи для всѣхъ свѣтскихъ владѣльцевъ даже въ предѣлахъ собственной Литвы, что даже и здѣсь эта юрисдикція не была еще правомъ, опредѣленнымъ въ общемъ законѣ.

Привилею 1447 г. принадлежитъ весьма важное мѣсто въ соціально-политической исторіи Литовско-Русскаго государства, и въ частности въ исторіи литовско-русскаго сейма. Прежде всего бросается въ глаза его особый характеръ. Привилей прямо и опредѣленно утверждаетъ извѣстныя права и вольности только Литвы, соединенной съ нею Руси и Жмуди, но глухо и, такъ сказать, принципіально и всѣхъ вообще земель великаго княжества Литовскаго. Вслѣдствіе этого его можно разсматривать, какъ *первый общеземскій привилей*, отъ котораго ведутъ начало права и вольности князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ (военно-

---

[161]) Статутъ, данный великопольскому рыцарству въ 1454 г., гласилъ: Statuimus insuper, ne castellani, prout ante consueverunt, sua judicia exerceant, quorum judiciis nobiles terrigenae aut ipsorum kmethones deinceps non parebunt neque aliquas poenas ratione contumaciae luant, sed castellani predicti coram judicio terrestri jure convincant. Insuper pecunias quas antea ea pro capitibus a nostrorum terrigenarum hominibus recipiebant, a modo exigere non debebunt, sed unusquisque haeres hujusmodi pecuniam alias Glowne jure sibi id decernendo recipiat (*R. Hube* Statuta Nieszawskie z 1454 roku. Warszawa 1876).

[162]) Статутъ 1496 г. опредѣлялъ, чтобы долги съ крестьянъ взыскивались предъ судомъ пана; конституція 1501 г. опредѣляла, чтобы старосты не привлекали къ своему суду владѣльческихъ крестьянъ pro injuria, но направляли ихъ къ панскому суду; конституція 1573 г. подтверждала право каждаго пана карать своего хлопа по своему усмотрѣнію tam in spiritualibus quam in saecularibus. См. *M. Bobrzyńskiego* Karta z dziejów ludu wiejskiego w Polsce, str. 169—173. (Rocznik Akad. Umiej. w Krakowie, Rok 1891/2).

Точно такъ же по западному феодальному обычаю, ближайшимъ образомъ по польскому примѣру, знатные литовскіе бояре стали обозначаться не только личными и родовыми именами, но и по имѣньямъ, имъ принадлежавшимъ. Такимъ образомъ, напр., въ актѣ поручительства Свидригайла и литовскихъ пановъ за Румбольда, Гаштольда и другихъ плѣнныхъ, выданномъ полякамъ 15 дек. 1431 г., перечислены: Протасій *съ Островка*, Корева *съ Солечникъ*, Станиславъ *съ Вяжнина*, Першко *съ Домановичъ*. Самъ Румбольдъ въ своемъ личномъ письменномъ обязательствѣ (отъ 26 іюня 1432 г.) величалъ себя Румбольдомъ *съ Вильтова* [167]. Въ привилеѣ земскомъ 1447 г. выдававшій его канцлеръ Михаилъ Кезгайловичъ названъ *съ Дявилтова* [168]. То же самое встрѣчаемъ и послѣ изданія этого привилея. Въ записи о приданомъ, выданномъ королемъ Казимиромъ за своею дочерью Штетинскому князю Богуславу, обозначены присутствовавшіе при совершеніи ея паны: воевода Виленскій Олехно Судимонтовичъ *съ Хожова*, воевода Троцкій Богданъ Андреевичъ *съ Груздова*, панъ Виленскій Миколай Радивиловичъ *съ Мушникъ* [169]. Та же самая претензія на княжеское значеніе, которая проявилась въ этихъ величаніяхъ по имѣньямъ, позже стала искать себѣ болѣе опредѣленныхъ выраженій и привела къ принятію знатными литовскими панами соотвѣтствующихъ титуловъ. Такимъ образомъ, напр., извѣстный панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ актахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, величалъ себя *графомъ* Ообмурованныхъ Гераноинъ (Groff de Murata Gieranon) [170]; панъ Миколай Миколаевичъ Радивилъ, воевода Виленскій и канцлеръ, во время пребыванія своего въ Австріи въ 1515 году (ѣздилъ съ королемъ Сигизмундомъ на Вѣнскій конгрессъ государей) досталъ себѣ отъ императора Максимиліана титулъ *князя* Священной Римской имперіи *на Гонязѣ и Мяделѣ*. Императоръ Карлъ V въ 1547 году пожаловалъ титулъ *князей на Несвижѣ и Олыкѣ* братьямъ Миколаю Яновичу Радивилу, маршалку земскому, и Яну Яновичу Радивилу, литовскому крайчію, а ихъ двоюродному брату Миколаю—*князя на Биржахъ и Дубинкахъ* [171]; въ 1568 году король Сигизмундъ-Августъ разрѣшилъ пану Яну Еро-

---

[167]) Monumenta medii aevi. tomus II, № LXXV, LXXIX.

[168]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, app. № 76.

[169]) Monumenta medii aevi, tomus II, pars II, № CCLIV.

[170]) *Balińskiego i Lipińskiego* Starożytna Polska, tom IV, str. 185.

[171]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 271, 276, 279; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 675; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 386; Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. V, т. I, № XIX; Литов. Метр. кн. L, л. 222.

химовичу Ходкевича носитъ пожалованный ему отъ императора титулъ графа *на Шкловѣ, Быховѣ, Глуску и Мыши*[172]) и т. д.

Соціально-политическій строй, закрѣпленный привилеемъ 1447 г., представилъ въ высшей степени благопріятную почву для дальнѣйшаго роста и преуспѣянія того учрежденія, зарожденіе котораго мы выслѣдили въ предыдущей главѣ. Если и до изданія привилея 1447 г. литовско-русскій господарь долженъ былъ при рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ обращаться за совѣтомъ и согласіемъ къ крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ великаго княжества, къ князьямъ и знатнымъ литовскимъ боярамъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ дѣлать это послѣ того, какъ подѣлился своею государственною властью надъ народною массою со всѣми военнослужилыми землевладѣльцами и тѣмъ возвысилъ непомѣрно ихъ значеніе въ обществѣ. Съ того времени онъ, можно сказать, безповоротно утратилъ шансы на то, чтобы стать единственнымъ и полнымъ хозяиномъ въ своемъ государствѣ, и nolens-volens долженъ былъ для рѣшенія болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ государственной жизни созывать и другихъ «господарей», чаще всего, конечно, наиболѣе крупныхъ и знатныхъ, но въ особо важныхъ случаяхъ и всѣхъ остальныхъ. Въ этомъ отношеніи особенно была чревата послѣдствіями та статья привилея 1447 г., которая освобождала самихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ и ихъ «подданныхъ» отъ платежа въ казну великаго князя постоянной «серебщины». Благодаря этому литовскій скарбъ очень скоро почувствовалъ нужду въ деньгахъ, и уже въ 1450 году Казимиръ долженъ былъ прибѣгнуть къ экстренному обложенію на военныя нужды[173]). Позже, когда продолжительная борьба съ Москвою и татарами въ конецъ истощила финансовые рессурсы литовско-русскаго государя, и когда чуть не ежегодно ему пришлось прибѣгать къ этому экстренному обложенію, онъ уже не счелъ возможнымъ дѣлать это единоличнымъ распоряженіемъ и даже

---

[172]) Лит. Метр. кн. Запис. L, л. 170—172. О другихъ аналогіяхъ соціально-политическаго строя великаго княжества Литовскаго съ западно-европейскимъ феодализмомъ см. «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства», стр. 614—624.

[173]) Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae pars II, № 1835. Riga und Dorpat 1835. Литовское правительство по примѣру западной Европы въ то время уже пользовалось наемными войсками въ своихъ войнахъ. Стрыйковскій на основаніи своихъ источниковъ сообщаетъ, что «жолнеры» употреблялись Казимиромъ уже въ войнѣ, которую онъ въ началѣ своего великокняженія велъ съ Москвою. Kronika, tom II, str. 210.

съ согласія пановъ рады, а сталъ созывать для этого князей, па новъ и шляхту всѣхъ земель великаго княжества на великіе вальны сеймы и заручаться ихъ соизволеніемъ какъ относительно сбора экстре ной подати, или «серебщины», такъ и относительно размѣровъ ея порядка взиманія. Но давая своему господарю денежныя субсидіи в нужды государства, князья, паны и бояре шляхта съ своей сторон стали пользоваться случаемъ и выхлопатывать отъ господаря новы права и вольности, а также обращаться къ нему съ требованіями ра ныхъ государственныхъ улучшеній, новыхъ законовъ и новыхъ учре жденій. Литовско-русскій великій вальный соймъ съ теченіемъ времен получилъ благодаря всему этому огромное значеніе въ государственно жизни великаго княжества Литовскаго, и сдѣлался высшимъ учрежде ніемъ, которое сильно ограничивало власть литовско-русскаго государ

§ 6.

Какъ было сказано выше, привилей 1447 года былъ первым общеземскимъ привилеемъ, который, хотя прямо и опредѣленно утве ждалъ права и вольности только Литвы, Руси и Жмуди, но глухо— всѣхъ остальныхъ земель великаго княжества. Такая особенность это привилея объясняется тѣми обстоятельствами, при которыхъ онъ бы выданъ. Казимиру приходилось располагать къ себѣ не только Литв и объединенную съ нею Русь, но и остальныя земли великаго княжеств среди которыхъ въ самомъ началѣ его великокняженія обнаружилис сепаратистическія движенія,—стремленія устроиться самостоятельно независимо отъ господствующей земли, т. е. отъ великаго княжеств въ тѣсномъ смыслѣ.

Области-аннексы великаго княжества Литовскаго не участвовал въ возведеніи Казимира на великое княженіе. Это возведеніе был собственно дѣломъ самой сильной партіи литовскихъ пановъ, совер шено было наскоро и скорѣе въ формѣ coup d'état, чѣмъ правомѣрно по общему совѣту и согласію. Что касается пановъ, пріѣхавшихъ к Казимиру изъ разныхъ земель великаго княжества,—о которыхъ гово ритъ Длугошъ,—то, по всѣмъ признакамъ, это были все тѣ же литовцы державшіе намѣстничьи уряды, въ родѣ, напр., Яна Гаштольда, намѣст ника Смоленскаго. И въ разсказѣ древнѣйшаго литовско-русскаго лѣ тописца, современника описываемому событію, возведеніе Казимира на великое княженіе представлено, какъ дѣло литовскаго сейма въ тѣсном смыслѣ. «Радаж Литовская,—говоритъ онъ,—великаго княженья князи и панове и вся земля дорадившеся, и взяли з Ляховъ Казимира коро левичь на великое княженье Литовьское». Въ другихъ земляхъ, суд

по его разсказу, литовскіе намѣстники брали съ обывателей присягу не отступать отъ того великаго князя, кого посадятъ на великомъ княженьѣ въ Вильнѣ князья, паны и вся земля Литовская [174]). Слѣдовательно, представители этихъ земель не приглашались на сеймъ въ Вильну.

Такой образъ дѣйствій господствующей земли и на этотъ разъ, какъ и при возведеніи на великое княженіе Сигизмунда Кейстутьевича, вызвалъ въ областяхъ великаго княжества оппозицію, хотя на этотъ разъ оппозиція проявилась по разному и поэтому сравнительно легко была подавлена. Возмущеніе противъ Литвы поднялось прежде всего въ Смоленскѣ. Первоначально всѣ смольняне—владыка, князья, бояре, мѣстичи и черные люди цѣловали крестъ не отступать отъ Вильны и держать пана Андрея Саковича, пріѣхавшаго въ Смоленскъ на мѣсто Гаштольда, честно, какъ воеводу. Но уже въ среду на святой недѣлѣ (30 марта) настроеніе смоленской черни рѣзко измѣнилось. Черные люди—кузнецы, кожемяки, шевники, мясники, котельники и др. ремесленники вооружились, собрались на вѣче и вступили въ бой съ намѣстникомъ и боярами, которые остались вѣрными Литвѣ. Хотя въ первой стычкѣ побѣда осталась за намѣстникомъ и боярами, но уже на другой день они принуждены были уѣхать изъ Смоленска, намѣстникъ—въ Литву, а бояре по своимъ имѣньямъ. Черные люди сначала посадили воеводою въ Смоленскѣ князя Андрея Дорогобужскаго, а затѣмъ призвали къ себѣ «государемъ» мстиславскаго князя Юрія Лингвеньевича. Послѣдній похваталъ смоленскихъ бояръ, посажалъ ихъ въ оковы, а имѣнья ихъ роздалъ своимъ мстиславскимъ боярамъ, намѣреваясь, по всѣмъ признакамъ, отдѣлиться совсѣмъ отъ великаго княжества и возстановить древнее Смоленское княжество въ полномъ объемѣ [175]). Въ то же время онъ, «возгордясь», какъ говоритъ лѣтописецъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Полоцкъ и Витебскъ [176]). Точно такъ же и земля Волынская на первыхъ порахъ обнаружила стремленія устроить свою судьбу независимо отъ Литвы. Правда, что князья Сангушковичи и нѣкоторые бояре Волынскіе по полученіи вѣсти о смерти Сигизмунда Кейстутьевича отправились въ Вильну и ударили челомъ на службу в. кн. Казимиру [177]), но это было меньшинство. Князья и бояре Луцкой земли приняли къ себѣ на княженіе

---

[174]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 54, 55.

[175]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 54, 55.

[176]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, 113.

[177]) *Narbutta* Pomniki do dziejów litewskich, str. 51.

Свидригайла [178]), который уже 6 іюня принесъ вассальную присягу великому князю Казимиру, а королю Польскому Владиславу III [179]. Свидригайло еще въ мартѣ 1445 года распоряжался въ Луцкѣ, к вассалъ Владислава III,—«съ приказаньемъ кроля Владислава По ского и Вгорского» [180]). Есть данныя и на то, что и Владиміръ своимъ округомъ, равно и Кременецъ въ это время были подъ влас Польши, а не Литвы [181]).—Одновременно съ Смоленскою и Волынс землею отторглось отъ великаго княжества Подляшье, или земля , рогицкая съ городами Дорогичиномъ, Бѣльскомъ и Мельникомъ. І чальствовавшій въ этой землѣ староста Дорогицкій и Мельницкій І сута, мазуръ по происхожденію, поддался со всѣми названными го дами князю мазовецкому Болеславу, къ которому эта земля дол была перейти по смерти Сигизмунда Кейстутьевича вслѣдствіе особ договора съ нимъ [182]). Вскорѣ и земля Жмудская не захотѣла под няться Казимиру. Жмудины прогнали отъ себя намѣстниковъ старо Кезгайла, выбрали себѣ сами старосту—племянника Контовтова Д монта, а княземъ надъ собою признали Михаила Сигизмундовича [183]. Даже и Кіевская земля обнаружила склонность къ отдѣленію отъ ликаго княжества. Послѣ неудавшейся попытки погубить Казимира охотѣ Михаилъ Сигизмундовичъ бѣжалъ сначала въ Брянскъ, а затѣ въ Москву и отсюда съ вспомогательнымъ московскимъ войскомъ п ступилъ къ Кіеву, при чемъ кіевляне легко поддались ему и прин его намѣстниковъ и гарнизонъ [184]).

---

[178]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 621.

[179]) Monumenta medii aevi, tomus II, pars I, № CXIII.

[180]) Акты Зап. Рос. I, № 45.

[181]) Въ 1443 г. 19 мая Владиславъ III отобралъ у кн. Сангушка Кошерс находившійся во Владимірскомъ повѣтѣ; въ 1442 г. тотъ же Владиславъ III п тверждалъ городу Кременцу магдебургское право. Scarbiec diplomatów № 1783, 1791.

[182]) *Narbutta* Pomniki, str. 51, 52; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XI p. 622. Мазовецкіе князья растили притязанія на Подляшье со временъ дарств ныхъ записей на Подляшье, выданныхъ имъ Ягайломъ въ 1391 и 1396. См. *C* Geschichte Polens, Th. IV, s. 258—261.

[183]) *Narbutta* Pomniki, str. 52; Scarbiec diplomatów, II, № 1772.

[184]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 212. Случилось это, судя в у событій, въ 1442—1443 г., а не въ 1449—1451, какъ полагаетъ К (hte Polens, Theil IV, s. 268).

Счастіемъ для Казимира было то, что ему не пришлось считаться съ тѣмъ единодушіемъ и солидарностью, которую проявили области въ борьбѣ съ его предшественникомъ. При Казимирѣ области дѣйствовали розно и независимо другъ отъ друга, преслѣдуя разныя цѣли. Поэтому Казимиръ сравнительно легко справился съ ихъ сепаратистическими поползновеніями и подчинилъ ихъ своей великокняжеской власти. Прежде всего онъ выслалъ войско для усмиренія смольнянъ (въ Филипповъ постъ 1440 г.). Это войско подѣлало много зла Смоленской землѣ, но не выполнило своей миссіи, не покорило Смоленска. Казимиръ долженъ былъ для этого вторично снаряжать войско и лично повелъ его на Смоленскъ. На этотъ разъ походъ достигъ своей цѣли. Князь Юрій Лингвеньевичъ увидалъ, что онъ не въ состояніи будетъ удержаться на Смоленскомъ княженіи и покинулъ Смоленскъ ранѣе, чѣмъ подошелъ Казимиръ. Казимиръ взялъ Смоленскъ силою и посадилъ въ немъ воеводою Андрея Саковича [185]). Для окончательнаго замиренія смольнянъ онъ выдалъ имъ грамоту, въ которой подтвердилъ ихъ старинныя права и вольности [186]). Точно такъ же скоро раздѣлался Казимиръ и съ возстаніемъ Жмуди. Онъ собралъ было большое войско въ Ковнѣ съ намѣреніемъ вторгнуться отсюда въ Жмудь. Но сопровождавшій его Янъ Гаштольдъ посовѣтовалъ ему послать къ жмудинамъ того самаго Контовта, племянникъ котораго былъ избранъ ими въ старосты, и попытаться склонить ихъ къ покорности. Контовтъ успѣшно выполнилъ свое порученіе, и Жмудь «призволила» служить великому князю Казимиру, и всѣ «единодушно» пріѣхали въ Ковно, «вдарили чоломъ служить ему вѣрне» и принесли въ томъ присягу. Казимиръ съ своей стороны далъ имъ присягу «заховать ихъ въ ласце своей зо всими ихъ имѣніи» и выдалъ на то особый привилей. Въ этомъ привилеѣ онъ между прочимъ торжественно признавалъ, что жмудины не черезъ мечъ «альбо черезъ оные валки были звалчоные, але зъ доброю волею пристали»; кромѣ того, пожаловалъ жмудинамъ право избирать себѣ старосту, оставляя за собою утвержденіе его, и обратно—право принимать отъ него только такого воеводу и тивуновъ, которые будутъ имъ любы. На этотъ разъ Казимиръ оставилъ у нихъ старостою пана Контовта [187]). Легко удалось Казимиру вернуть подъ свою власть и Кіевъ. Кіевляне поддались Казимиру, какъ только прибыло къ нимъ литовское войско подъ начальствомъ Яна Гаштольда. Тѣмъ не менѣе

---

[185]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., III, 113; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, 209
[186]) Акты Запад. Рос I, № 213.
[187]) *Narbutta* Pomniki. str. 53; Акты Зап. Рос. I, № 103.

съ согласія пановъ рады, а сталъ созывать для этого князей,
новъ и шляхту всѣхъ земель великаго княжества на великіе валы
соймы и заручаться ихъ соизволеніемъ какъ относительно сбора экстр
ной подати, или «серебщины», такъ и относительно размѣровъ е
порядка взиманія. Но давая своему господарю денежныя субсидіи
нужды государства, князья, паны и бояре шляхта съ своей сторо
стали пользоваться случаемъ и выхлопатывать отъ господаря но
права и вольности, а также обращаться къ нему съ требованіями р
ныхъ государственныхъ улучшеній, новыхъ законовъ и новыхъ уч
жденій. Литовско-русскій великій вальный соймъ съ теченіемъ врем
получилъ благодаря всему этому огромное значеніе въ государствен
жизни великаго княжества Литовскаго, и сдѣлался высшимъ учреж
ніемъ, которое сильно ограничивало власть литовско-русскаго госуда

§ 6.

Какъ было сказано выше, привилей 1447 года былъ перв
общеземскимъ привилеемъ, который, хотя прямо и опредѣленно утв
ждалъ права и вольности только Литвы, Руси и Жмуди, но глухо
всѣхъ остальныхъ земель великаго княжества. Такая особенность эт
привилея объясняется тѣми обстоятельствами, при которыхъ онъ б
выданъ. Казимиру приходилось располагать къ себѣ не только Ли
и объединенную съ нею Русь, но и остальныя земли великаго княжест
среди которыхъ въ самомъ началѣ его великокняженія обнаружил
сепаратистическія движенія,—стремленія устроиться самостоятельн
независимо отъ господствующей земли, т. е. отъ великаго княжес
въ тѣсномъ смыслѣ.

Области-аннексы великаго княжества Литовскаго не участвов
въ возведеніи Казимира на великое княженіе. Это возведеніе б
собственно дѣломъ самой сильной партіи литовскихъ пановъ, сов
шено было наскоро и скорѣе въ формѣ coup d'état, чѣмъ правомѣр
по общему совѣту и согласію. Что касается пановъ, пріѣхавшихъ
Казимиру изъ разныхъ земель великаго княжества,—о которыхъ го
ритъ Длугошъ,—то, по всѣмъ признакамъ, это были все тѣ же литов
державшіе намѣстничьи уряды, въ родѣ, напр., Яна Гаштольда, намѣ
ника Смоленскаго. И въ разсказѣ древнѣйшаго литовско-русскаго
тописца, современника описываемому событію, возведеніе Казимира
великое княженіе представлено, какъ дѣло литовскаго сейма въ тѣсно
смыслѣ. «Радаж Литовская,—говоритъ онъ,—великаго княженья кн
и панове и вся земля дорадившеся, и взяли з Ляховъ Казимира ко
левичь на великое княженье Литовьское». Въ другихъ земляхъ, с

по его разсказу, литовскіе намѣстники брали съ обывателей присягу не отступать отъ того великаго князя, кого посадятъ на великомъ княженьѣ въ Вильнѣ князья, паны и вся земля Литовская [174]). Слѣдовательно, представители этихъ земель не приглашались на сеймъ въ Вильну.

Такой образъ дѣйствій господствующей земли и на этотъ разъ, какъ и при возведеніи на великое княженіе Сигизмунда Кейстутьевича, вызвалъ въ областяхъ великаго княжества оппозицію, хотя на этотъ разъ оппозиція проявилась по разному и поэтому сравнительно легко была подавлена. Возмущеніе противъ Литвы поднялось прежде всего въ Смоленскѣ. Первоначально всѣ смольняне—владыка, князья, бояре, мѣстичи и черные люди цѣловали крестъ не отступать отъ Вильны и держать пана Андрея Саковича, пріѣхавшаго въ Смоленскъ на мѣсто Гаштольда, честно, какъ воеводу. Но уже въ среду на святой недѣлѣ (30 марта) настроеніе смоленской черни рѣзко измѣнилось. Черные люди—кузнецы, кожемяки, шевники, мясники, котельники и др. ремесленники вооружились, собрались на вѣче и вступили въ бой съ намѣстникомъ и боярами, которые остались вѣрными Литвѣ. Хотя въ первой стычкѣ побѣда осталась за намѣстникомъ и боярами, но уже на другой день они принуждены были уѣхать изъ Смоленска, намѣстникъ—въ Литву, а бояре по своимъ имѣньямъ. Черные люди сначала посадили воеводою въ Смоленскѣ князя Андрея Дорогобужскаго, а затѣмъ призвали къ себѣ «государемъ» мстиславскаго князя Юрія Лингвеньевича. Послѣдній похваталъ смоленскихъ бояръ, посажалъ ихъ въ оковы, а имѣнья ихъ роздалъ своимъ мстиславскимъ боярамъ, намѣреваясь, по всѣмъ признакамъ, отдѣлиться совсѣмъ отъ великаго княжества и возстановить древнее Смоленское княжество въ полномъ объемѣ [175]). Въ то же время онъ, «возгордясь», какъ говоритъ лѣтописецъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Полоцкъ и Витебскъ [176]). Точно такъ же и земля Волынская на первыхъ порахъ обнаружила стремленія устроить свою судьбу независимо отъ Литвы. Правда, что князья Сангушковичи и нѣкоторые бояре Волынскіе по полученіи вѣсти о смерти Сигизмунда Кейстутьевича отправились въ Вильну и ударили челомъ на службу в. кн. Казимиру [177]), но это было меньшинство. Князья и бояре Луцкой земли приняли къ себѣ на княженіе

---

[174]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 54, 55.

[175]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 54, 55.

[176]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. Ш, 113.

[177]) *Narbutta* Pomniki do dziejów litewskich, str. 51.

Свидригайла [178]), который уже 6 іюня принесъ вассальную присягу не великому князю Казимиру, а королю Польскому Владиславу III [179]). Свидригайло еще въ мартѣ 1445 года распоряжался въ Луцкѣ, какъ вассалъ Владислава III,—«съ приказаньемъ кроля Владислава Польского и Вгорского» [180]). Есть данныя и на то, что и Владиміръ съ своимъ округомъ, равно и Кременецъ въ это время были подъ властью Польши, а не Литвы [181]).—Одновременно съ Смоленскою и Волынскою землею отторглось отъ великаго княжества Подляшье, или земля Дорогицкая съ городами Дорогичиномъ, Бѣльскомъ и Мельникомъ. Начальствовавшій въ этой землѣ староста Дорогицкій и Мельницкій Носута, мазуръ по происхожденію, поддался со всѣми названными городами князю мазовецкому Болеславу, къ которому эта земля должна была перейти по смерти Сигизмунда Кейстутьевича вслѣдствіе особаго договора съ нимъ [182]). Вскорѣ и земля Жмудская не захотѣла подчиняться Казимиру. Жмудины прогнали отъ себя намѣстниковъ старосты Кезгайла, выбрали себѣ сами старосту—племянника Контовтова Довмонта, а княземъ надъ собою признали Михаила Сигизмундовича [183]). Даже и Кіевская земля обнаружила склонность къ отдѣленію отъ великаго княжества. Послѣ неудавшейся попытки погубить Казимира на охотѣ Михаилъ Сигизмундовичъ бѣжалъ сначала въ Брянскъ, а затѣмъ въ Москву и отсюда съ вспомогательнымъ московскимъ войскомъ подступилъ къ Кіеву, при чемъ кіевляне легко поддались ему и приняли его намѣстниковъ и гарнизонъ [184]).

---

[178]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 621.

[179]) Monumenta medii aevi, tomus II, pars I, № CXIII.

[180]) Акты Зап. Рос. I, № 45.

[181]) Въ 1443 г. 19 мая Владиславъ III отобралъ у кн. Сангушка Кошерскъ, находившійся во Владимірскомъ повѣтѣ; въ 1442 г. тотъ же Владиславъ III подтверждалъ городу Кременцу магдебургское право. Scarbiec diplomatów II, № 1783, 1791.

[182]) *Narbutta* Pomniki, str. 51, 52; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 622. Мазовецкіе князья растили притязанія на Подляшье со временъ дарственныхъ записей на Подляшье, выданныхъ имъ Ягайломъ въ 1391 и 1396. См. *Caro* Geschichte Polens, Th. IV, s. 258—261.

[183]) *Narbutta* Pomniki, str. 52; Scarbiec diplomatów, II, № 1772.

[184]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 212. Случилось это, судя по всему ходу событій, въ 1442—1443 г., а не въ 1449—1451, какъ полагаетъ Ка (Geschichte Polens, Theil IV, s. 268).

Счастіемъ для Казимира было то, что ему не пришлось считаться съ тѣмъ единодушіемъ и солидарностью, которую проявили области въ борьбѣ съ его предшественникомъ. При Казимирѣ области дѣйствовали розно и независимо другъ отъ друга, преслѣдуя разныя цѣли. Поэтому Казимиръ сравнительно легко справился съ ихъ сепаратистическими поползновеніями и подчинилъ ихъ своей великокняжеской власти. Прежде всего онъ выслалъ войско для усмиренія смольнянъ (въ Филипповъ постъ 1440 г.). Это войско подѣлало много зла Смоленской землѣ, но не выполнило своей миссіи, не покорило Смоленска. Казимиръ долженъ былъ для этого вторично снаряжать войско и лично повелъ его на Смоленскъ. На этотъ разъ походъ достигъ своей цѣли. Князь Юрій Лингвеньевичъ увидалъ, что онъ не въ состояніи будетъ удержаться на Смоленскомъ княженіи и покинулъ Смоленскъ ранѣе, чѣмъ подошелъ Казимиръ. Казимиръ взялъ Смоленскъ силою и посадилъ въ немъ воеводою Андрея Саковича [185]). Для окончательнаго замиренія смольнянъ онъ выдалъ имъ грамоту, въ которой подтвердилъ ихъ старинныя права и вольности [186]). Точно такъ же скоро раздѣлался Казимиръ и съ возстаніемъ Жмуди. Онъ собралъ было большое войско въ Ковнѣ съ намѣреніемъ вторгнуться отсюда въ Жмудь. Но сопровождавшій его Янъ Гаштольдъ посовѣтовалъ ему послать къ жмудинамъ того самаго Контовта, племянникъ котораго былъ избранъ ими въ старосты, и попытаться склонить ихъ къ покорности. Контовтъ успѣшно выполнитъ свое порученіе, и Жмудь «призволила» служить великому князю Казимиру, и всѣ «единодушно» пріѣхали въ Ковно, «вдарили чоломъ служить ему вѣрне» и принесли въ томъ присягу. Казимиръ съ своей стороны далъ имъ присягу «заховать ихъ въ ласце, своей зо всими ихъ имѣніи» и выдалъ на то особый привилей. Въ этомъ привилеѣ онъ между прочимъ торжественно признавалъ, что жмудины не черезъ мечъ «альбо черезъ оные валки были звалчоные, але зъ доброю волею пристали»; кромѣ того, пожаловалъ жмудинамъ право избирать себѣ старосту, оставляя за собою утвержденіе его, и обратно—право принимать отъ него только такого воеводу и тивуновъ, которые будутъ имъ любы. На этотъ разъ Казимиръ оставилъ у нихъ старостою пана Контовта [187]). Легко удалось Казимиру вернуть подъ свою власть и Кіевъ. Кіевляне поддались Казимиру, какъ только прибыло къ нимъ литовское войско подъ начальствомъ Яна Гаштольда. Тѣмъ не менѣе

---

[185]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., III, 113; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, 209

[186]) Акты Запад. Рос I, № 213.

[187]) *Narbutta* Pomniki. str. 53; Акты Зап. Рос. I, № 103.

Казимиръ и его рада сочли необходимымъ въ государственныхъ интересахъ великаго княжества удовлетворить желаніе кіевлянъ имѣть у себя правителемъ князя. Поэтому, когда вскорѣ послѣ покоренія Кіева, въ Вильну пріѣхалъ изъ Копыля кн. Олелько Владиміровичъ съ сыновьями Семеномъ и Михаиломъ и большою свитою и сталъ просить о возвращеніи ему отчины его Кіева, Казимиръ, по ходатайству пановъ рады, далъ ему Кіевъ со всѣми пригородками. По Стрыйковскому это имѣло мѣсто въ 1442 году [188]). Больше хлопотъ доставило Казимиру и литовскимъ панамъ Подляшье. Сначала они пытались вернуть его мирнымъ путемъ, и съ этою цѣлью литовскіе паны съѣзжались съ поляками въ ноябрѣ 1441 г. въ Парчовѣ. Но происходившіе здѣсь переговоры не привели ни къ чему [189]). Литовцы послѣ того не разъ пытались вернуть Подляшье силою оружія, но безуспѣшно. Имъ удалось сдѣлать это только въ 1444 году посредствомъ соглашенія съ мазовецкимъ княземъ Болеславомъ, которому они заплатили 6000 копъ широкихъ пражскихъ грошей. При этомъ для удовлетворенія мѣстныхъ земянъ польскаго происхожденія Казимиръ пожаловалъ имъ права и вольности, которыя содержатся въ статутахъ королевства Польскаго [190]). Послѣ того, какъ всѣ эти области воротились къ великому княжеству Литовскому, и Свидригайло съ волынянами не захотѣли отставать отъ прочихъ. Мы видѣли, что въ мартѣ 1445 года Свидригайло все еще оставался вассаломъ польскаго короля. Но въ слѣдующемъ 1446 году Свидригайло уже увѣдомлялъ великаго магистра, что онъ сталъ вѣрнымъ слугою Казимира [191]); слѣдовательно въ концѣ 1445 г. или въ началѣ 1446 г. Волынская земля перешла на сторону Литвы. Вмѣстѣ съ Волынью къ Литвѣ примкнуло и восточное Подолье, остававшееся, какъ было сказано, въ рукахъ Свидригайла послѣ погрома его силъ при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ.

Итакъ, къ 1447 году подъ верховною властью Казимира собрались снова всѣ земли Литовско-Русскаго государства, разсыпавшіяся было въ началѣ его великокняженія въ разныя стороны. Выдавая 2 мая 1447 года привилей на различныя права и вольности для военнослужилаго класса великаго княжества, Казимиръ не могъ обойти въ немъ князей, бояръ и военнослужилыхъ мѣщанъ областей-аннексовъ. И эти

---

[188]) *Narbutta* Pomniki, str. 56; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, s. 212.

[189]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 670.

[190]) *Caro* Geschichte Polens, Theil IV, s. 269—279; Zbiór praw litewskich, str. 118—121.

[191]) Scarbiec diplomatów II, № 1810.

области приходилось задобривать, располагать къ вѣрности разными пожалованіями, тѣмъ болѣе, что Михаилъ Сигизмундовичъ не прекращалъ своей борьбы съ Казимиромъ, не переставалъ наводить противъ него враговъ извнѣ и интриговать противъ него внутри государства [192]). Этимъ и объясняется та особенность привилея 1447 года, о которой упомянуто было выше. Но такъ какъ въ общеземскомъ привилеѣ 1447 года области-аннексы, за исключеніемъ Жмудской земли, не были названы прямо, а только подразумѣвались въ выраженіи «и прочихъ», то чтобы устранить всякія сомнѣнія, которыя могла порождать общность выраженія, Казимиръ счелъ нужнымъ удостовѣрить пожалованіе областямъ «вольныхъ, добрыхъ христіанскихъ правъ, какъ въ корунѣ Польской», въ тѣхъ самыхъ привилеяхъ, въ коихъ онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, подтверждалъ старину областей. Указанія на это встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ подтвержденіяхъ этихъ привилеевъ. «А которое право,—читаемъ въ подтвердительномъ привилеѣ Смоленской земли отъ 1505 г.,— далъ его милость княземъ и паномъ и бояромъ Литовскимъ, тое жъ право далъ его милость княземъ, паномъ, бояромъ Смоленскимъ» [193]). Подобныя же выраженія встрѣчаемъ и въ другихъ подтвердительныхъ грамотахъ, выданныхъ, напр., областямъ Кіевской въ 1507 году и Полоцкой въ 1511 году [194]). Что касается Витебской и Волынской земель, то самое содержаніе ихъ привилеевъ показываетъ, что и на эти области распространилось то самое право, которое было дано Литвѣ, Руси и Жмуди въ 1447 г., ибо нѣкоторыя статьи этихъ привилеевъ прямо соотвѣтствуютъ статьямъ привилея 1447 г. [195]).

Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская, по всей вѣроятности, получили отъ Казимира новые привилеи въ 1451 г. Въ началѣ этого года Казимиръ собиралъ въ Вильнѣ общій сеймъ земель великаго княжества (conventionem generalem in Wilno omnium terrarum Lithuaniae egit) для устроенія различныхъ внутреннихъ дѣлъ великаго княжества Литовскаго. Весьма возможно, что на этомъ общемъ сеймѣ Казимиръ и выдалъ привилеи Смоленской, Полоцкой и Витебской землямъ въ лицѣ ихъ представителей, пріѣзжавшихъ на сеймъ. Может быть, впрочемъ, Казимиръ сдѣлалъ это и во время своего объѣзда названныхъ

---

[192]) Въ самомъ началѣ 1446 года Мемельскій командоръ доносилъ великому магистру, что Литва и Жмудь имѣютъ серьезное желаніе взять на великое княженіе Михаила Сигизмундовича. Scarbiec diplomatów, II, № 1808.

[193]) Акты Зап. Рос. I, № 213.

[194]) Акты Зап. Рос. II, № 30, 70.

[195]) Акты Зап. Рос. I, № 204; II, № 54; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36.

земель, который онъ предпринималъ въ томъ же году, непосредственно послѣ роспуска сейма [196]). Нѣкоторое подтвержденье нашей догадкѣ относительно Полоцкой земли даетъ судная грамота Казимира отъ 1456 года, содержащая рѣшеніе спора между боярами Полоцкими съ одной стороны, мѣщанами и черными людьми Полоцка съ другой, касательно отправленія земскихъ повинностей. Изъ этой грамоты видно, что Казимиръ во время судебнаго разбирательства наводилъ справки не только въ «листѣ», данномъ полочанамъ Витовтомъ, но и въ своемъ листѣ, «которое жъ право мы имъ дали» [197]). Этотъ «листъ» всего вѣроятнѣе полочане получили отъ Казимира именно въ 1451 году. Волынской землѣ, по всѣмъ даннымъ, Казимиръ выдалъ привилей съ новыми правами и вольностями въ 1452 г., когда эта земля по смерти Свидригайла добровольно отдалась подъ власть Литвы, а не Польши [198]). Дарованіе новыхъ правъ и вольностей со стороны литовскаго правительства могло быть своего рода наградою за вѣрность, а можетъ быть было и средствомъ привлеченія на свою сторону волынскихъ князей и бояръ. Что касается Кіевской земли, то привилей съ новыми правами и вольностями выданъ былъ ей по смерти кн. Семена Олельковича въ 1471 г., какъ это видно изъ подтвержденья его отъ 1507 года. Судя по этому подтвержденью, привилей Казимира гласилъ между прочимъ: «А што придали князь Александръ и князь Семенъ, а не отчины чюжыи, и съ того ихъ не рушаемъ, а оглядѣвши листовъ, нашими пакъ листы то подтвердимъ зъ ласки нашое» [199]). Утвержденіе за Кіевскою землею новыхъ правъ и вольностей было также средствомъ ея замиренія и привлеченія къ великому княжеству, ибо, какъ извѣстно, Кіевляне въ высшей степени были недовольны отмѣною у нихъ княженія и приняли къ себѣ литовскаго воеводу, только уступая силѣ.

Привилеи, розданные при Казимирѣ областямъ великаго княжества, окончательно выяснили и утвердили для высшихъ классовъ областныхъ обществъ положеніе, начертанное въ привилеѣ 2 мая 1447 года для всего вообще военнослужилаго класса Литовско-Русскаго государства. Какъ было уже сказано выше, это положеніе приводило этотъ классъ къ непремѣнному участію въ политической жизни страны, въ распоряженіи судьбами государства и въ его внутреннемъ управленіи.

---

[196]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 80, 81.

[197]) Акты Зап. Рос. I, № 60.

[198]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 104, 105.

[199]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

Другими словами,—права и вольности, дарованныя Казимиромъ военно-служилому классу, обезпечивали и на будущее время ту роль, которую при немъ игралъ этотъ классъ въ государственной жизни. Эта роль съ особенною ясностью сказывалась въ сеймахъ, которые созывались при Казимирѣ для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ.

§ 7.

Для рѣшенія различныхъ вопросовъ государственной жизни Казимиръ созывалъ на сеймы правительственную и землевладѣльческую знать Литвы и соединенной съ нею Руси, т. е. великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, а въ особо важныхъ случаяхъ также и областную знать. Области великаго княжества въ началѣ великокняженія Казимира настолько дали почувствовать Литвѣ ихъ силу и значеніе, что литовское правительство въ послѣдующее время уже не считало возможнымъ рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы безъ ихъ вѣдома и согласія и приглашало въ важныхъ случаяхъ ихъ знать на литовскій сеймъ.

Первый случай такого приглашенія имѣлъ мѣсто уже въ концѣ 1445 и началѣ 1446 года. 15 октября 1445 года прибыли къ Казимиру въ Городно польскіе послы съ предложеніемъ ему короны Польской. Хотя при Казимирѣ въ данное время находились литовскіе паны, съ которыми онъ и совѣщался тайно по поводу предложенія поляковъ, однако они сочли невозможнымъ дать польскимъ посламъ какой - либо положительный отвѣтъ. Условились только, что Казимиръ соберетъ вальный сеймъ Литовской, Жмудской и Русской земель (conventionem generalem cum terris Lithuaniae et Samagittiae ac Russiae teneat) для обсужденія предложенія поляковъ и отвѣтъ этого сейма передастъ полякамъ на Петрковскомъ сеймѣ, который долженъ былъ собраться къ 6 января 1446 г.[200]). Стрыйковскій на основаніи своихъ источниковъ сообщаетъ, что условленный сеймъ имѣлъ мѣсто въ Вильнѣ въ январѣ 1446 года, что съѣзжались на него *литовскіе и русскіе паны* [201]). Это извѣстіе подтверждается и сообщеніемъ самого Казимира въ письмѣ отъ 8 января 1446 г. къ великому магистру [202]).

Сеймъ не разрѣшилъ Казимиру принимать корону Польскую. По словамъ Длугоша, литовцы опасались, что съ отъѣздомъ Казимира въ Польшу великимъ княженіемъ овладѣетъ Михаилъ Сигизмундовичъ,

---

[200]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XVI, p. 11.
[201]) Kronika, tom II, str. 224.
[202]) Scarbiec diplomatów II, № 1809.

что этотъ князь будетъ имъ мстить за смерть отца, и они потеряютъ при немъ пожалованія, которыми съ юношескою щедростью одарилъ ихъ Казимиръ, а равно окажется напрасною и надежда ихъ вернуть къ великому княжеству земли Луцкую и Подольскую [203]). Какъ бы то ни было, но литовскіе послы, прибывшіе на Петрковскій сеймъ, отъ имени великаго князя Казимира заявили, что онъ не желаетъ себѣ другого государства, что вполнѣ доволенъ своимъ отчиннымъ великимъ княжествомъ, которымъ онъ правитъ не временно и не въ качествѣ намѣстника, а какъ природный государь, по праву, полученному отъ предковъ [204]).

Послѣ этого отказа поляки на вальномъ сеймѣ, собравшемся 27 марта въ Петрковѣ, выбрали королемъ Болеслава мазовецкаго. Рѣшено было, однако, повременить съ оффиціальнымъ приглашеніемъ избранника и попытаться вновь склонить Казимира къ принятію Польской короны. Полякамъ во что бы то ни стало хотѣлось заполучить Казимира, чтобы такимъ путемъ спасти унію Польши съ Литвою. Кромѣ того, если вѣрить Длугошу, часть пановъ опасалась, что Болеславъ, при извѣстной его энергіи и оборотливости постарается отобрать у нихъ коронныя имѣнія въ интересахъ королевскаго скарба. Вслѣдствіе этого въ Литву отправлено было новое посольство къ Казимиру съ просьбою прибыть на съѣздъ съ польскими панами въ Парчовъ или, по крайней мѣрѣ, въ Берестье ко дню св. Михаила (29 сентября) для дальнѣйшихъ переговоровъ о коронѣ [205]).

На этотъ разъ Казимиръ и его литовскіе совѣтники оказались болѣе благосклонными къ предложенію поляковъ. Избраніе Болеслава мазовецкаго, шурина и пріятеля кн. Михаила Сигизмундовича, грозило имъ большою опасностью: можно было ожидать, что Польша послѣ того будетъ поддерживать Михаила Сигизмундовича въ его стремленіяхъ получить свою отчину, а можетъ быть, — и великое княженіе. Поэтому къ назначенному времени Казимиръ отправился со множествомъ своихъ литовскихъ совѣтниковъ (in frequenti consiliariorum Lithuaniae numero) въ Берестье. Узнавъ о его прибытіи, поляки послали къ нему пословъ звать его въ Парчовъ вмѣстѣ съ литовскими панами. Но Казимиръ и литовцы не поѣхали и въ свою очередь запросили къ себѣ поляковъ. Поляки также не поѣхали, но выслали къ

---

[203]) *Dlugosz* Opera omnia, tomus XIV, p. 16.

[204]) Ibidem, p. 12, 13.

[205]) Ibidem, p. 17—24.

Казимиру делегатовъ съ полномочіемъ (cum plena et omnimoda potestate) условиться съ нимъ относительно принятія короны [206]). Эти делегаты заключили съ Казимиромъ и литовцами договоръ и обмѣнялись взаимными письменными обязательствами. Обязательство, данное Казимиромъ 17 сентября 1446 года, гласило, что на Брестскомъ сеймѣ, имѣвшемъ мѣсто въ день Рождества Богородицы и въ послѣдующіе дни, по единодушному совѣту и изволенію всѣхъ присутствовавшихъ на немъ, онъ соединилъ оба государства въ братскій союзъ (in unionem fraternam), желая по милости Божіей быть имъ государемъ и правителемъ и защищать ихъ по мѣрѣ возможности отъ нападеній враговъ, откуда бы они ни послѣдовали; для принятія же короны польской онъ обѣщается своимъ княжескимъ словомъ прибыть въ Краковъ ко дню Іоанна Крестителя, короноваться тамъ и подтвердить права и привилегіи, вольности и изъятія князей, прелатовъ, пановъ, шляхты и мѣщанъ и всѣхъ вообще обывателей обоихъ государствъ, королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго; въ томъ случаѣ, если бы онъ не прибылъ къ назначенному дню, поляки имѣютъ право дать ходъ своему рѣшенію на послѣднемъ Петрковскомъ съѣздѣ (т. е. вручить корону Болеславу Мазовецкому); настоящая запись выдается съ согласія и утвержденія прелатовъ, князей, пановъ, шляхты и всѣхъ обывателей великаго княжества Литовскаго, въ удостовѣреніе чего прилагаются ихъ печати (къ акту приложено было 19 печатей)[207]). Съ своей стороны послы отъ имени всѣхъ прелатовъ, бароновъ, шляхты и посполъства (communitatum) королевства Польскаго дали Казимиру запись въ томъ, что вольно ему будетъ держать при себѣ слугъ (familiares) какого угодно языка, пребывать въ Польшѣ, сколько ему будетъ угодно, отъѣзжать и снова пріѣзжать, когда будетъ угодно [208]). Литовскіе паны, находившіеся на Брестскомъ сеймѣ, взяли съ Казимира предварительно клятвенную запись, въ силу которой онъ, соединяя оба государства постояннымъ союзомъ (liga perpetua) для борьбы съ врагами, въ качествѣ короля Польскаго признавалъ владѣніями великаго княжества земли Луцкую, Подольскую, Ратно, Ветлы, Лопатинъ и Олеско, признавалъ право литовцевъ послѣ его смерти избрать себѣ отдѣльнаго или общаго съ поляками государя [209]). Казимиръ потребовалъ, чтобы и поль-

---

[206]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XVI, p. 25, 26; *Caro*, Liber cancellariae Stanislai Ciołek, pars II, str. 245, appendix G.

[207]) Monumenta medii aevi, tomus XII, pars II, № VI.

[208]) Liber cancellariae Stanislai Ciołek, pars II, appendix G, str. 245.

[209]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 5.

скіе уполномоченные скрѣпили эту запись и подтвердили содержащіяся въ ней уступки для великаго княжества. Но польскіе послы категорически отказались отъ этого и собрались уѣзжать изъ Берестья въ Парчовъ. Переговоры готовы были кончиться безъ всякаго результата. Тогда нѣкоторые изъ польскихъ уполномоченныхъ стали уговаривать Казимира не поднимать вопроса о территоріальныхъ уступкахъ, выставляя ему на видъ, что, сдѣлавшись королемъ, онъ будетъ имѣть полную возможность (plenam facultatem) уступить и подарить Литвѣ эти земли, при чемъ указывали на примѣръ его отца, который отдавалъ Подолье Спытку Мельштынскому, Свидригайлу и, наконецъ, Витовту, и обѣщали къ тому свое полное содѣйствіе. Казимиръ поддался на лукавыя рѣчи, пересталъ ставить вопросъ объ уступкахъ, какъ conditionem sine qua non, надѣясь дѣйствительно уладить это дѣло впослѣдствіи, и заявилъ о своемъ согласіи на принятіе короны [210]). Литовцы остались съ одною записью Казимира, не скрѣпленною поляками. О подтвержденіи этой земли они хлопотали потомъ въ теченіе всего царствованія Казимира, но безрезультатно. И самъ Казимиръ не могъ добиться отъ поляковъ подтвержденья своего обязательства, даннаго въ качествѣ избраннаго польскаго короля великому княжеству Литовскому [211]).

---

[210]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 26, 27.

[211]) Покойный проф. Краковскаго университета Анатолій Левицкій въ статьѣ „Wstąpienie na tron polski Kazimierza Jagiełłończyka (Rozprawy i sprawozdania z posiedzień Wydz. histor.-filozof. Akad. Umiej. w Krakowie, tom XX) высказалъ разныя соображенія въ пользу того, что запись Казимира будто бы подтверждена была польскими уполномоченными и только позже отвергнута была поляками. На основаніи этихъ соображаній Левицкій обвинилъ Длугоша въ утайкѣ истины, въ невѣрной передачѣ того, что происходило на Брестско-Парчовскомъ сеймѣ 1446 года. На нашъ взглядъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою ученую Ueber-kritik. Длугошъ вовсе не умолчалъ о записи Казимира. Онъ объ ней прямо говоритъ въ словахъ: „Sed et ipse Dux Kazimirus consiliis et ingeniis Lithuanorum inescatus, veteribus quoque et *novis juramentis* de uniendis terris praefatis pro Ducatu Magno Lithuaniae constrictus, non nisi cessione per Regnum Poloniae de terris hujusmodi subsecuta, se regni Poloniae regimen declarabat suscepturum (tomus XIV, p. 26). Какими это новыми присягами связанъ былъ Казимиръ? Очевидно, здѣсь подразумѣвается та самая запись Казимира, которая приведена выше, и которую Казимиръ обязался соблюдать sub honore et fide et juramento... Въ сокращеніи этой записи она прямо обозначена, какъ запись Казимира, безъ упоминанія о польскихъ панахъ. Точно такъ же и въ тѣхъ намекахъ источниковъ, которыя приводитъ Левицкій, запись эта высту-

Итакъ, *въ сентябрѣ 1446 г. въ Берестьѣ собирался второй сеймъ* для рѣшенія вопроса о принятіи Казимиромъ короны Польской. Судя по разсказу Длугоша и указанію акта, выданнаго польскими уполномоченными на этомъ сеймѣ, въ немъ участвовала главнымъ образомъ литовская правительственная и землевладѣльческая знать (consiliarii Lithwaniae, praelati, principes, bojari et nobiles magni ducatus Lithwaniae). Присутствіе князей и бояръ изъ остальныхъ земель великаго княжества незамѣтно. Очень можетъ быть, что отношеніе остальныхъ земель великаго княжества къ вопросу объ уніи съ Польшею достаточно выяснилось уже на предшествующемъ общемъ сеймѣ въ Вильнѣ, вслѣдствіе чего Казимиръ не счелъ нужнымъ собирать вторично представителей русскихъ земель на сеймъ въ Берестьѣ. Нѣтъ извѣстій и о томъ, чтобы передъ отъѣздомъ въ Польшу Казимиръ созывалъ новый сеймъ для подтвержденья того, что рѣшено было уже въ Берестьѣ. Онъ ограничился только тѣмъ, что выдалъ великому княжеству извѣстный привилей 2 мая 1447 года, въ коемъ торжественно обѣщалъ не уменьшать предѣловъ великаго княжества и сохранять его такимъ, какимъ оно было при великомъ князѣ Витовтѣ.

Казимиръ сдѣлался королемъ польскимъ, не рѣшивъ предварительно вопроса объ отношеніяхъ между короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ. Запись, которую онъ выдалъ литовцамъ, не была еще подтверждена согласіемъ со стороны польскаго сейма. Вслѣдствіе этого Казимиръ на первомъ же вальномъ сеймѣ, собравшемся въ Петрковѣ послѣ его коронаціи, отказался подтвердить права и вольности поляковъ, прежде чѣмъ не выяснятся отношенія между Польшею и Литвою, указывая на то, что требованія поляковъ—не отрывать отъ Польши земель Луцкихъ, Русскихъ и Подольскихъ не согласуются съ его обязательствами, данными Литвѣ. Недовольный новыми подданными, Казимиръ 14 августа 1447 года уѣхалъ изъ Польши въ Литву, гдѣ провелъ осень, зиму и весну до самой Троицы (12 мая) слѣдующаго 1448 г., предоставивъ свое новое государство на произволъ судьбы [212]). Поляки вынуждены были вступить съ литовцами въ переговоры относительно обоюдныхъ отношеній и съ этою цѣлью 25 мая 1448 года съѣхались съ ними въ Люблинѣ.

наетъ въ качествѣ акта, выданнаго только Казимиромъ. На основаніи всего этого мы считаемъ ее обязательствомъ Казимира, не подтвержденнымъ, а только въ будущемъ долженствовавшимъ получить подтвержденье поляковъ. Такое пониманіе вполнѣ согласуется со всѣмъ тѣмъ, что сообщаетъ Длугошъ о дальнѣйшихъ пререканіяхъ литовцевъ съ поляками относительно уніи и уступки Волыни и Подолья.

[212]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 38—42.

что этотъ князь будетъ имъ мстить за смерть отца, и они потеряютъ при немъ пожалованія, которыми съ юношескою щедростью одарилъ ихъ Казимиръ, а равно окажется напрасною и надежда ихъ вернуть къ великому княжеству земли Луцкую и Подольскую [203]). Какъ бы то ни было, но литовскіе послы, прибывшіе на Петрковскій сеймъ, отъ имени великаго князя Казимира заявили, что онъ не желаетъ себѣ другого государства, что вполнѣ доволенъ своимъ отчиннымъ великимъ княжествомъ, которымъ онъ правитъ не временно и не въ качествѣ намѣстника, а какъ природный государь, по праву, полученному отъ предковъ [204]).

Послѣ этого отказа поляки на вальномъ сеймѣ, собравшемся 27 марта въ Петрковѣ, выбрали королемъ Болеслава мазовецкаго. Рѣшено было, однако, повременить съ оффиціальнымъ приглашеніемъ избранника и попытаться вновь склонить Казимира къ принятію Польской короны. Полякамъ во что бы то ни стало хотѣлось заполучить Казимира, чтобы такимъ путемъ спасти унію Польши съ Литвою. Кромѣ того, если вѣрить Длугошу, часть пановъ опасалась, что Болеславъ, при извѣстной его энергіи и оборотливости постарается отобрать у нихъ коронныя имѣнія въ интересахъ королевскаго скарба. Вслѣдствіе этого въ Литву отправлено было новое посольство къ Казимиру съ просьбою прибыть на съѣздъ съ польскими панами въ Парчовъ или, по крайней мѣрѣ, въ Берестье ко дню св. Михаила (29 сентября) для дальнѣйшихъ переговоровъ о коронѣ [205]).

На этотъ разъ Казимиръ и его литовскіе совѣтники оказались болѣе благосклонными къ предложенію поляковъ. Избраніе Болеслава мазовецкаго, шурина и пріятеля кн. Михаила Сигизмундовича, грозило имъ большою опасностью: можно было ожидать, что Польша послѣ того будетъ поддерживать Михаила Сигизмундовича въ его стремленіяхъ получить свою отчину, а можетъ быть, — и великое княженіе. Поэтому къ назначенному времени Казимиръ отправился со множествомъ своихъ литовскихъ совѣтниковъ (in frequenti consiliariorum Lithuaniae numero) въ Берестье. Узнавъ о его прибытіи, поляки послали къ нему пословъ звать его въ Парчовъ вмѣстѣ съ литовскими панами. Но Казимиръ и литовцы не поѣхали и въ свою очередь запросили къ себѣ поляковъ. Поляки также не поѣхали, но выслали къ

---

[203]) *Dlugosz* Opera omnia, tomus XIV, p. 16.

[204]) Ibidem, p. 12, 13.

[205]) Ibidem, p. 17—24.

Казимиру делегатовъ съ полномочіемъ (cum plena et omnimoda potestate) условиться съ нимъ относительно принятія короны [206]). Эти делегаты заключили съ Казимиромъ и литовцами договоръ и обмѣнялись взаимными письменными обязательствами. Обязательство, данное Казимиромъ 17 сентября 1446 года, гласило, что на Брестскомъ сеймѣ, имѣвшемъ мѣсто въ день Рождества Богородицы и въ послѣдующіе дни, по единодушному совѣту и изволенію всѣхъ присутствовавшихъ на немъ, онъ соединилъ оба государства въ братскій союзъ (in unionem fraternam), желая по милости Божіей быть имъ государемъ и правителемъ и защищать ихъ по мѣрѣ возможности отъ нападеній враговъ, откуда бы они ни послѣдовали; для принятія же короны польской онъ обѣщается своимъ княжескимъ словомъ прибыть въ Краковъ ко дню Іоанна Крестителя, короноваться тамъ и подтвердить права и привилегіи, вольности и изъятія князей, прелатовъ, пановъ, шляхты и мѣщанъ и всѣхъ вообще обывателей обоихъ государствъ, королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго; въ томъ случаѣ, если бы онъ не прибылъ къ назначенному дню, поляки имѣютъ право дать ходъ своему рѣшенію на послѣднемъ Петрковскомъ съѣздѣ (т. е. вручить корону Болеславу Мазовецкому); настоящая запись выдается съ согласія и утвержденія прелатовъ, князей, пановъ, шляхты и всѣхъ обывателей великаго княжества Литовскаго, въ удостовѣреніе чего прилагаются ихъ печати (къ акту приложено было 19 печатей)[207]). Съ своей стороны послы отъ имени всѣхъ прелатовъ, бароновъ, шляхты и посполъства (communitatum) королевства Польскаго дали Казимиру запись въ томъ, что вольно ему будетъ держать при себѣ слугъ (familiares) какого угодно языка, пребывать въ Польшѣ, сколько ему будетъ угодно, отъѣзжать и снова пріѣзжать, когда будетъ угодно [208]). Литовскіе паны, находившіеся на Брестскомъ сеймѣ, взяли съ Казимира предварительно клятвенную запись, въ силу которой онъ, соединяя оба государства постояннымъ союзомъ (liga perpetua) для борьбы съ врагами, въ качествѣ короля Польскаго признавалъ владѣніями великаго княжества земли Луцкую, Подольскую, Ратно, Ветлы, Лопатинъ и Олеско, признавалъ право литовцевъ послѣ его смерти избрать себѣ отдѣльнаго или общаго съ поляками государя [209]). Казимиръ потребовалъ, чтобы и поль-

---

[206]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XVI, p. 25, 26; *Caro*, Liber cancellariae Stanislai Ciołek, pars II, str. 245, appendix G.

[207]) Monumenta medii aevi, tomus XII, pars II, № VI.

[208]) Liber cancellariae Stanislai Ciołek, pars II, appendix G, str. 245.

[209]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 5.

Парчовѣ съѣздъ польскихъ и литовскихъ уполномоченныхъ, по 12 человѣкъ съ каждой стороны. Этотъ съѣздъ, какъ и предшествующіе, не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и только еще болѣе выяснилъ противоположность обоюдныхъ интересовъ и стремленій, взаимное недовѣріе и подозрѣніе. Литовскіе делегаты сначала не хотѣли даже ѣхать въ Парчовъ безъ охранныхъ грамотъ отъ поляковъ, такъ что Казмиръ долженъ былъ самъ выѣхать къ нимъ навстрѣчу на границу и затѣмъ проводить ихъ до Парчова. На общемъ собраніи литовцы уже прямо и открыто потребовали кассаціи прежнихъ актовъ уніи, которые ихъ предшественники утверждали, не зная объ ихъ содержаніи, по одному только приказу князя, и замѣны ихъ новымъ актомъ, изъ котораго должны быть исключены такія выраженія, какъ jugo servitutis obnoxios, incorporamus, invisceramus, approprіamus et unimus terras Lithuaniae et Russiae Regno Poloniae, и который утверждалъ бы не инкорпорацію или подчиненіе Литвы, а союзъ ея съ Польшею (non incorporationem, aut subjectionem terrarum Lithuaniae et Russiae, sed societatem et ligam cum Regno Poloniae); кромѣ того, потребовали возвращенія великому княжеству земель Луцкой, Подольской, Олеска, Ратна и Ветель съ ихъ повѣтами. Отъ имени поляковъ отвѣчалъ литовцамъ Збигнѣвъ Олесницкій. Онъ указалъ на то, что литовцы, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ настоящихъ делегатовъ (бискупъ Виленскій Матвѣй), не разъ подтверждали договоры объ уніи и потому не могли не знать ихъ содержанія; указалъ далѣе и на то, что поляки владѣли Волынью и Подольемъ, отбивъ ихъ у татаръ въ то самое время, когда о литовцахъ не было и слуха, и въ концѣ концовъ сослался на недавній договоръ съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, въ силу котораго эти земли по смерти его должны перейти къ Польшѣ, и который подтвержденъ былъ также согласіемъ литовскихъ пановъ, въ томъ числѣ и самихъ делегатовъ. Но всѣ эти доводы не убѣдили литовскихъ уполномоченныхъ, и они уѣхали изъ Парчова, не придя ни къ какому соглашенію съ поляками [218]). Вслѣдъ за ними уѣхалъ въ Литву и Казмиръ.

Вопросъ о Волыни и Подольѣ принималъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Свидригайло ослабѣлъ совершенно отъ старости, и

---

[218]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 95—98. Если вѣрить сообщенію литовско-русской лѣтописи, литовцы уѣхали изъ Парчова внезапно, прослышавъ о намѣреніи поляковъ захватить ихъ въ плѣнъ и перебить, при чемъ знатнѣйшіе литовскіе паны, какъ Янъ Гаштольдъ, Ивашко Монивидъ, Кезгайло, Петр Монтыгирдовичъ и Радивилъ отослали даже полякамъ полученные отъ нихъ герб не желая быть съ ними въ братствѣ. *Narbutta* Pomniki, str. 57, 58; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 232, 233.

можно было съ часу на часъ ожидать его смерти. Предстояло уже не только de jure, но и de facto рѣшить, кому быть владѣльцемъ Волыни и Подолья, Литвѣ или Польшѣ, и это обстоятельство угрожало обоимъ государствамъ не только полнымъ разрывомъ, но даже и войною. Поэтому Казимиръ и его ближайшіе совѣтники не рѣшились взять на себя всю отвѣтственность въ предстоящемъ столкновеніи и въ концѣ 1451 года созвали *въ Вильнѣ сеймъ литовскихъ земель* (conventionem terrarum Lithuaniae) для рѣшенія вопроса о Волыни и Подольѣ. Рѣшено было заблаговременно, еще при жизни Свидригайла, занять Луцкъ литовскимъ войскомъ и съ этою цѣлью поскорѣе отправить въ Луцкъ князя Юрія Пинскаго, Радивила Остиковича и Юршу съ значительнымъ отрядомъ. Такая предусмотрительность литовцевъ получила себѣ должную награду. Съ прибытіемъ литовскаго войска симпатіи къ великому княжеству возобладали на Волыни. Самъ Свидригайло, умирая († 10 февраля 1452 г.), наказалъ волынскимъ князьямъ и боярамъ сдать замки Литвѣ и оставаться въ подданствѣ у великаго князя Литовскаго, что тѣ охотно и исполнили [219]). Споръ о Волыни, а также и восточномъ Подольѣ, находившемся въ рукахъ Свидригайла, фактически рѣшился въ пользу Литвы. Теперь оставалось только оформить это рѣшеніе юридически и добиться отъ Польши уступки западнаго Подолья, которое она крѣпко держала въ своихъ рукахъ.

Съ этою цѣлью въ Польшу на Сѣрадзьскій сеймъ, назначенный въ началѣ сентября 1452 г., отправлены были послы Андрушко Довойновичъ и Михайло Монтовтовичъ (Mintoltowicz). Но и это посольство кончилось безъ всякаго результата, какъ и предшествующе: поляки и литовцы стояли на прежнихъ точкахъ зрѣнія и не хотѣли уступать другъ другу [220]) Казимиръ отправился лично въ Литву и *въ маѣ* слѣдующаго *1453 г. созвалъ въ Вильнѣ великій сеймъ* для переговоровъ съ своими подданными великаго княжества. По донесеніямъ агентовъ Ордена, зорко и внимательно слѣдившаго за всѣмъ, что происходило тогда въ Польшѣ и Литвѣ, совѣщанія на этомъ сеймѣ имѣли бурный характеръ. Литовцы обнаружили даже намѣреніе выбрать себѣ другого великаго князя; произошла даже вооруженная свалка, во время которой король былъ раненъ и едва не поплатился жизнью [221]). Все это объясняется тѣмъ, что на Сѣрадзьскомъ сеймѣ 1452 года поляки вынудили Казимира дать имъ письменное обязательство въ томъ, что черезъ годъ онъ

---

[219]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 102, 104, 105.
[220]) Ibidem, p. 114, 115.
[221]) Scarbiec diplomatów II. № 1904, 1907, 1908.

[illegible] сеймъ съ литовской стороны пріѣзжали бис[illegible] [illegible] кн. Юрій Лингвеньевичъ, кн. Юрій Семено[illegible] [illegible] кн. Василій Красный (изъ Друцкихъ)[213], князь Ост[illegible] [illegible] Гаштольдъ, воевода Троцкій Монивидъ, [illegible] княжества Петръ Монтыгирдовичъ и много дру[illegible] [illegible] и шляхтичей. Слѣдовательно, на этомъ пол[illegible] [illegible] представлены были отчасти и русскія области [illegible] [illegible] князьями Юріемъ Лингвеньевичемъ, Василіемъ К[illegible] [illegible]. Въ переговорахъ, происходившихъ на этомъ се[illegible] [illegible] различіе стремленій литовцевъ и поляковъ. Лит[illegible] [illegible] между обоими государствами ту самую «брат[illegible] [illegible] записи Казимира, данныя полякамъ и [illegible] другими словами — постоянный оборонител[illegible] [illegible] съ сохраненіемъ политической индивидуальн[illegible] [illegible] заявили полякамъ, что считають себя [illegible] выраженіями предшествующихъ актовъ уніи, гдѣ [illegible] [illegible] Литвы въ Польшу, и требовали исклю[illegible] [illegible] текста договоровъ объ уніи. Литовцы желал[illegible] [illegible] самобытности, но и цѣлостности великаго кн[illegible] [illegible] въ какихъ владѣлъ имъ Витовтъ, и по[illegible] [illegible] возвращенія Подольской земли, замка Ол[illegible] [illegible] Городла. Поляки, выставляя на видъ литов[illegible] [illegible] требованій съ юридической и исторической [illegible] имъ одинъ способъ, который, по ихъ мнѣ[illegible] [illegible] споры и недоразумѣнія между обоими [illegible] [illegible] пусть оба государства сольются въ одно, в[illegible] [illegible] пусть уничтожится самый титулъ великаго кн[illegible] [illegible] станутъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ и [illegible] [illegible] Сѣрадзьская и т. д., т. е. воеводст[illegible] [illegible] возьмутъ себѣ тѣ же права и вольности, [illegible] подданными единаго государства, и тогда им[illegible] [illegible] не изъ-за чего ссориться. Способъ дѣй[illegible] [illegible] онъ не понравился литовцамъ, которы[illegible] [illegible] позоромъ, потерею славы и имени [illegible] княжества и полное сліяніе его съ Полы[illegible] [illegible] переговоры въ Люблинѣ [214].

[illegible] litewsko-ruscy, str. 58, 98.

[illegible] omnia, tomus XIV, p. 45—49.

«кривдахъ», а наоборотъ всячески стараться о томъ, чтобы литовцы позабыли о своихъ обидахъ. Началась продолжительная и упорная борьба съ Пруссіею, которая потребовала отъ Польши напряженія всѣхъ военныхъ и финансовыхъ силъ и заставила Казимира обращаться даже за помощью къ литовцамъ. Это обращеніе имѣло мѣсто уже въ самомъ началѣ войны. Въ началѣ апрѣля 1454 года король прибылъ въ Берестье на условленный сеймъ съ литовскими панами (ad agendum conventionem cum Lithuanis institutam). Объявивъ литовскимъ панамъ (Lithuaniae baronibus) о томъ, что Пруссія отдалась подъ власть Польши, Казимиръ приказалъ имъ не пропускать черезъ Литву ливонцевъ, которые пожелаютъ отправиться на помощь къ великому магистру, и съ наступленіемъ лѣта быть готовыми, если будетъ нужно, къ войнѣ съ нѣмцами [224]). По даннымъ Стрыйковскаго, литовцы посылали на помощь полякамъ пятитысячный отрядъ подъ главнымъ начальствомъ пана Судимонтовича (Олехна); этотъ отрядъ участвовалъ въ извѣстной битвѣ подъ Хойницами, кончившейся, какъ извѣстно, пораженіемъ поляковъ [225]). При такихъ обстоятельствахъ полякамъ не время было возобновлять пререканія съ литовцами относительно записей уніи, Волыни и Подолья, и если споръ обо всемъ этомъ продолжался, то по инициативѣ уже самихъ литовцевъ, стремившихся воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши.

Главнымъ агитаторомъ по этой части явился Янъ Гаштольдъ. По разсказу Стрыйковскаго, почерпнутому изъ литовско-русскихъ лѣтописей и находящему себѣ подтвержденіе въ извѣстіяхъ Длугоша, Гаштольдъ возбудилъ другихъ пановъ и литовскую шляхту къ добыванію Подолья и нѣкоторыхъ волынскихъ замковъ, занятыхъ поляками, вооруженною силою. Прослышавъ объ этомъ, Казимиръ поспѣшилъ на Литву (въ февралѣ 1455 г.) и не только уговорилъ литовцевъ отказаться отъ этого намѣренія, но и склонилъ ихъ къ обѣщанію военной помощи въ дальнѣйшей борьбѣ съ Пруссіею [226]). Но уже въ слѣдующемъ году волненія въ Литвѣ возобновились. Литовцы подѣлились на двѣ партіи. Панъ Монивидъ (воевода Троцкій) вмѣстѣ съ канцлеромъ (Михаиломъ Кезгайловичемъ) и нѣкоторыми другими панами оставались вѣрными Казимиру и не желали участвовать *въ сеймахъ и совѣщаніяхъ* (conventionibus et consiliis communibus), которыя устраивала партія,

---

[224]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 174.

[225]) Kronika, tom II, str. 241—247.

[226]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 198; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 248.

враждебная Казимиру и полякамъ. Во главѣ этой партіи стояли воевода Виленскій Янъ Гаштольдъ, кн. Юрій Семеновичъ Гольшанскій и панъ Олехно Судимонтовичъ. Они поддерживали сношенія съ Пруссіею и подстрекали литовцевъ къ окончательному разрыву съ Польшею и избранію отдѣльнаго отъ Польши государя въ особѣ кіевскаго князя Семена Олельковича, зятя Гаштольда. Настроенные ими литовцы очень рѣзко и грубо заговорили съ Казимиромъ и поляками. Въ бытность короля въ Ленчицѣ 1 сентября прибыли къ нему изъ Литвы Тотвилъ, Николай Немировичъ и Остафій и отъ имени прелатовъ, пановъ и всего народа литовскаго потребовали, чтобы король вернулся въ Литву и отдалъ великому княжеству землю Подольскую согласно присягѣ, которую далъ передъ отправленіемъ въ Польшу на коронацію. Къ этимъ требованіямъ они присоединили угрозу, что литовцы не будутъ долѣе терпѣть своихъ обидъ и оружіемъ напомнятъ о Подольѣ и другихъ владѣніяхъ, оторванныхъ отъ великаго княжества, а короля просили памятовать, что, слушаясь поляковъ, погибъ братъ его Владиславъ, и самъ онъ уже вовлеченъ былъ въ опасность, отъ которой избавилъ его Богъ; поэтому пусть лучше возвращается въ Литву, гдѣ его ожидаетъ безмятежная, спокойная и счастливая жизнь. Казимиръ не далъ никакого отвѣта посламъ, щедро одарилъ ихъ и отпустилъ, обѣщая прислать въ Литву собственныхъ пословъ [227]). Но въ виду серьезности положенія вещей Казимиръ потомъ передумалъ и предпочелъ лично отправиться въ Литву для успокоенія литовцевъ. Поляки сильно противились этому и передъ самымъ отправленіемъ Казимира въ Литву, 25 октября 1456 г., взяли съ него письменное обязательство въ томъ, что онъ никому не уступитъ и не подаритъ земель, принадлежащихъ коронѣ Польской, и не измѣнитъ ничего въ актахъ уніи, утвержденныхъ его предшественниками [228]).

Въ первой половинѣ ноября Казимиръ прибылъ въ Литву и къ Рождеству Христову собралъ *въ Вильнѣ вальный сеймъ* (conventionem generalem) *бояръ великаго княжества*. На этомъ сеймѣ король сдѣлалъ строгій выговоръ литовцамъ за то посольство, которое они снарядили къ нему въ Польшу. Большинство заявили, что они ничего не знаютъ объ этомъ посольствѣ, никому не давали никакихъ полномочій къ королю, и требовали строгаго разслѣдованія и наказанія виновныхъ. Га-

[227]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 227, 228, 235; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 56, 72, 160; Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 9

[228]) Monumenta medii aevi, tomus II, pars II, № CLVII.

штольду приказано было дать объясненія по настоящему дѣлу. Но король поспѣшилъ замять все это дѣло, опасаясь, какъ бы не вспыхнулъ открытый мятежъ, и распустилъ сеймъ. Вліятельныхъ литовцевъ онъ старался послѣ того умиротворить и расположить къ себѣ уговорами и щедрыми пожалованіями и въ началѣ марта 1457 года уѣхалъ въ Польшу [229]).

На этотъ разъ королю удалось замирить Литву на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде. Въ данномъ случаѣ, по всей видимости, не осталась безъ вліянія и смерть главнаго вожака литовской оппозиціи Яна Гаштольда, послѣдовавшая въ 1458 году [230]). Но въ 1460 году, когда король, въ поискахъ помощи для борьбы съ Пруссіею, прибылъ *на сеймъ въ Берестье (5 апрѣля)*, находившіеся тамъ литовскіе паны (primores) опять подняли вопросъ о Подольѣ, и королю стоило большихъ трудовъ отговорить ихъ отъ начатья войны съ Польшею [231]). Не покинули литовцы и мысли своей объ отдѣльномъ отъ Польши государѣ. Поэтому, когда въ слѣдующемъ, 1461-мъ, году Казимиръ прибылъ въ Литву *и на Пасхѣ (5 апрѣля) созвалъ сеймъ литовской и русской земель* (conventum terrarum Lithuaniae et Russiae), участвовавшие на немъ лица единогласно (uniformi sententia) просили Казимира, чтобы онъ или самъ постоянно пребывалъ въ Литвѣ, или отдалъ бы великое княженіе Кіевскому князю Семену Олельковичу. Казимиръ уклонился отъ отвѣта, отложивъ рѣшеніе вопроса на другое время [232]). Два года спустя литовцы снова подняли вопросъ о Подольѣ и Волыни. На Петрковскій сеймъ, происходившій въ январѣ 1463 года, прибыли отъ нихъ послы съ требованіемъ, чтобы поляки возвратили имъ землю Подольскую и повѣты Бѣльзскій, Олесскій и Ратненскій и тѣмъ предупредили разлитіе крови христіанской. Это требованіе было въ сущности объявленіемъ войны. Поляки постановили отправить въ Литву особыхъ пословъ на предположенный тамъ *вальный сеймъ* (ad conventum generalem illic tenendum) и опровергнуть притязанія литовцевъ. Послы дѣйствительно пріѣзжали въ Литву и имѣли переговоры съ литовскими панами, но, какъ и прежде, не договорились ни до чего. При посредничествѣ самого короля Казимира былъ только условленъ новый съѣздъ польскихъ и литовскихъ пановъ въ Парчовѣ на Михаиловъ день (29

---

[229]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 240, 241.

[230]) *Narbutta* Pomniki, str. 61.

[231]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 304.

[232]) Ibidem, p. 314.

подтвердитъ права короны Польской. Казимиръ упорно отказывался было отъ этого, на тайномъ засѣданіи съ польскими панами представлялъ, что, какъ только литовцы узнаютъ объ этомъ подтвержденіи, откажутъ ему въ повиновеніи и явно и тайно будутъ посягать на его жизнь. Но всѣ эти доводы не помогли, и Казимиръ долженъ былъ уступить [222]). На Виленскомъ сеймѣ 1453 года, такимъ образомъ, готово было исполниться то, что предсказывалъ самъ Казимиръ въ сентябрѣ 1452 года. Какъ бы то ни было, ему удалось уговорить литовцевъ поѣхать на сеймъ въ Парчовѣ для новыхъ переговоровъ съ поляками.

На этотъ сеймъ, назначенный въ іюнѣ 1453 года, отправились не только литовскіе паны, но князья и бояре изъ областей великаго княжества. Въ Парчовъ такимъ образомъ переѣзжалъ, хотя, быть можетъ и въ уменьшенномъ составѣ, тотъ же великій сеймъ, который засѣдалъ въ Вильнѣ. Впрочемъ, литовцы доѣхали только до Берестья и не захотѣли въ полномъ составѣ ѣхать въ Парчовъ, опасаясь козней со стороны поляковъ. Они выслали въ Парчовъ нѣсколькихъ князей и пановъ изъ Литвы и «пословъ отъ воеводствъ» (какъ выражается Стрыйковскій) для переговоровъ съ поляками. Длугошъ въ качествѣ делегатовъ съ литовской стороны называетъ князей Юрія Семеновича (Гольшанскаго) и Бориса, пановъ Онаца, Андрея Саковича и Яна Немировича, а Стрыйковскій — Яна Ходкевича (ошиб. вм. Кгойцевича), намѣстника Витебскаго, Радивила, Миколая Паца, старосту Лидскаго, маршалковъ изъ трехъ повѣтовъ и пословъ отъ воеводствъ. Переговоры и на этотъ разъ кончились безъ всякаго результата. Поляки предлагали предоставить рѣшеніе спора Казимиру, какъ общему государю и защитнику одинаково какъ Польши, такъ и Литвы, или, если пожелаютъ литовцы, цесарю, папѣ или кому-нибудь изъ другихъ христіанскихъ государей, заявляя, что въ противномъ случаѣ они будутъ добиваться своихъ правъ и справедливости и при благопріятномъ случаѣ напомнятъ литовцамъ о своихъ обидахъ. Литовцы не испугались угрозъ и въ свою очередь спросили поляковъ, не желаютъ ли они передать дѣло на судъ татарскаго хана. Поляки сочли для себя насмѣшкою подобное предложеніе и прекратили переговоры [223]).

Обстоятельства далѣе сложились для поляковъ такимъ образомъ, что имъ не только не приходилось напоминать литовцамъ объ ихъ

[222]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 115, 116.

[223]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 135—137; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 236, 237; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 85.

«кривдахъ», а наоборотъ всячески стараться о томъ, чтобы литовцы позабыли о своихъ обидахъ. Началась продолжительная и упорная борьба съ Пруссіею, которая потребовала отъ Польши напряженія всѣхъ военныхъ и финансовыхъ силъ и заставила Казимира обращаться даже за помощью къ литовцамъ. Это обращеніе имѣло мѣсто уже въ самомъ началѣ войны. Въ началѣ апрѣля 1454 года король прибылъ въ Берестье на условленный сеймъ съ литовскими панами (ad agendum conventionem cum Lithuanis institutam). Объявивъ литовскимъ панамъ (Lithuaniae baronibus) о томъ, что Пруссія отдалась подъ власть Польши, Казимиръ приказалъ имъ не пропускать черезъ Литву ливонцевъ, которые пожелаютъ отправиться на помошь къ великому магистру, и съ наступленіемъ лѣта быть готовыми, если будетъ нужно, къ войнѣ съ нѣмцами [224]). По даннымъ Стрыйковскаго, литовцы посылали на помощь полякамъ пятитысячный отрядъ подъ главнымъ начальствомъ пана Судимонтовича (Олехна); этотъ отрядъ участвовалъ въ извѣстной битвѣ подъ Хойницами, кончившейся, какъ извѣстно, пораженіемъ поляковъ [225]). При такихъ обстоятельствахъ полякамъ не время было возобновлять препреканія съ литовцами относительно записей уніи, Волыни и Подолья, и если споръ обо всемъ этомъ продолжался, то по инициативѣ уже самихъ литовцевъ, стремившихся воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши.

Главнымъ агитаторомъ по этой части явился Янъ Гаштольдъ. По разсказу Стрыйковскаго, почерпнутому изъ литовско-русскихъ лѣтописей и находящему себѣ подтвержденіе въ извѣстіяхъ Длугоша, Гаштольдъ возбудилъ другихъ пановъ и литовскую шляхту къ добыванію Подолья и нѣкоторыхъ волынскихъ замковъ, занятыхъ поляками, вооруженною силою. Прослышавъ объ этомъ, Казимиръ поспѣшилъ на Литву (въ февралѣ 1455 г.) и не только уговорилъ литовцевъ отказаться отъ этого намѣренія, но и склонилъ ихъ къ обѣщанію военной помощи въ дальнѣйшей борьбѣ съ Пруссіею [226]). Но уже въ слѣдующемъ году волненія въ Литвѣ возобновились. Литовцы подѣлились на двѣ партіи. Панъ Монивидъ (воевода Троцкій) вмѣстѣ съ канцлеромъ (Михаиломъ Кезгайловичемъ) и нѣкоторыми другими панами оставались вѣрными Казимиру и не желали участвовать *въ сеймахъ и совѣщаніяхъ* (conventionibus et consiliis communibus), которыя устраивала партія,

---

[224]) *Długosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 174.

[225]) Kronika, tom II, str. 241—247.

[226]) *Długosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 198; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 248.

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія имѣемъ мы о *Виленскомъ сейм* собиравшемся *въ мартѣ 1473 года.* На этомъ сеймѣ постановлено бı дать королю субсидію со всѣхъ земель великаго княжества (de u versis Magni Ducatus Lithuaniae terris) въ размѣрѣ шести пражскı грошей съ плуга. Эти деньги давались королю на войну съ Венгріею[2] Кромѣ денежной субсидіи, на этомъ сеймѣ, повидимому, рѣшено бı оказать помощь и людьми. По крайней мѣрѣ, осенью того же года походъ съ Казимиромъ на выручку Силезіи ходило нѣсколько тыся литвы и татаръ подъ начальствомъ Витебскаго намѣстника Ив Ходкевича[241]).

Въ 1478 году Казимиръ собиралъ *на сеймъ литовскихъ пановъ* Littouwisschen hern) *въ Берестьѣ* къ *15 марта.* Судя по донесен полученному великимъ магистромъ Прусскаго Ордена, Казимиръ со ралъ этотъ сеймъ главнымъ образомъ для обсужденія того, что пр принять противъ великаго князя Московскаго, который захватилъ Н городъ и во время похода подѣлалъ много зла и Литовской землѣ[2] На этомъ сеймѣ, по разсказу Длугоша, литовскіе паны (barones thuaniae) обратились снова къ Казимиру съ просьбою дать имъ въ п вители (in suum vicarium) кого-нибудь изъ бывшихъ при немъ сы вей, Казимира или Альбрехта. Но Казимиръ наотрѣзъ отказалъ и въ этомъ, говоря, что при жизни своей онъ никому не сдастъ уп вленіе великимъ княжествомъ[243]). Въ слѣдующемъ, 1480-мъ, году, ко Казимиръ послѣ Пасхи собрался уѣзжать изъ Литвы, литовцы усилен стали просить его, чтобы онъ или самъ не уѣзжалъ изъ Литвы, ı далъ имъ въ правители кого-либо изъ своихъ сыновей, но и на эт разъ получили отказъ[244]). Ихъ желаніе имѣть отдѣльнаго отъ Поль правителя, исполнилось только по смерти Казимира, при чемъ, е вѣрить разсказу полной литовско-русской лѣтописи, самъ Казими

---

[240]) Ibidem, p. 578. Очевидно, въ счетъ этой субсидіи король и вз авансомъ изъ литовскаго скарба 24 т. золотыхъ червонныхъ, какъ сообщаетъ основаніи своихъ источниковъ Стрыйковскій (Kronika, tom II, str. 277).

[241]) Хроники Бѣльскаго (Zbiór pisarzów polskich, tom XV, str. 212 Стрыйковскаго (tom II, str 277).

[242]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 263.

[243]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 669, 670. Кояловичъ о сить этотъ фактъ къ Виленскому сейму, происходившему въ мартѣ 1477 г. (storiae Litvanae pars II, p. 246). Мы отдаемъ предпочтеніе современнику-Длуго

[244]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 698.

передъ смертью рекомендовалъ имъ взять господаремъ сына его Александра [245]).

Мы перечислили всѣ литовско-русскіе сеймы, собиравшіеся въ великокняженье Казимира, относительно которыхъ встрѣтили прямыя указанія въ источникахъ. Но по нѣкоторымъ признакамъ, число этихъ сеймовъ было гораздо значительнѣе, и они происходили почти что каждый годъ съ того времени, какъ Казимиръ сталъ королемъ Польскимъ. Сдѣлавшись государемъ двухъ государствъ, Казимиръ обыкновенно часть года проводилъ въ Польшѣ (большею частью лѣто и осень), а часть въ Литвѣ (зиму и весну). Какъ страстный охотникъ, Казимиръ значительную часть своего пребыванія въ Литвѣ отводилъ «ловамъ», разъѣзжая по литовскимъ пущамъ и останавливаясь въ разбросанныхъ по всему государству великокняжескихъ дворахъ и дворцахъ. Благодаря этому накоплялся значительный запасъ текущихъ дѣлъ, которые ждали господарскаго рѣшенія. Чтобы покончить съ ними разомъ и по возможности скорѣе, Казимиръ обыкновенно назначалъ общій съѣздъ всѣмъ должностнымъ и вліятельнымъ лицамъ великаго княжества, литовско-русскимъ князьямъ и панамъ, въ Вильнѣ или какомъ-нибудь другомъ значительномъ городѣ, гдѣ онъ предполагалъ остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время. На этотъ съѣздъ, или сеймъ, могли прибывать и всѣ тѣ, у кого было какое нибудь дѣло до господаря, такъ что, кромѣ князей и пановъ, на сеймахъ бывали нерѣдко и простые бояре-шляхта. На такихъ собраніяхъ Казимиръ и рѣшалъ всѣ накопившіяся дѣла, обращаясь въ нужныхъ случаяхъ къ совѣту и содѣйствію какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всей ихъ совокупности, всего сейма. Намеки на такія обычныя причины созыва сеймовъ при Казимирѣ встрѣчаются у Длугоша даже въ разсказѣ его о такихъ сеймахъ, на которыхъ происходили какія либо чрезвычайныя совѣщанія о дѣлахъ, выходящихъ изъ сферы будничной правительственной дѣя-

---

[245]) *Narbutta* Pomniki, str. 62. Полная литовско-русская лѣтопись отличается значительною тенденціозностью въ своихъ сообщеніяхъ. Въ сущности эта лѣтопись не что иное, какъ историческій панегирикъ литовскому можновладству, имѣвшій своею цѣлью возвеличеніе и оправданіе политической дѣятельности и значенія литовскихъ пановъ—«властелей» великаго княжества. По нѣкоторымъ даннымъ, она составлена лицомъ, близкимъ, къ Гаштольдамъ, и потому съ особенною старательностью отмѣчаетъ дѣянія этой фамиліи, а также и всего круга ея родственниковъ (напр., князей Гольшанскихъ) и пріятелей, удѣляя сравнительно мало мѣста для другихъ фамилій, напр., Радивиловъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ подробнѣе надѣемся сказать въ другомъ мѣстѣ.

сентября) 1463 г. или на Срѣтеніе 1464 г. (2 февраля)[233]. Но когда приблизился послѣдній срокъ, Казиміръ, находившійся тогда въ Городнѣ, отложилъ съѣздъ до Рождества Богородицы (8 сентября), а потомъ до Мартинова дня (11 ноября). Крайнее возбужденіе литовцевъ противъ поляковъ не обѣщало ничего хорошаго отъ предстоящаго съѣзда. По словамъ Длугоша, литовцы, видя, что борьба поляковъ съ Пруссіею приходитъ къ концу, спѣшили воспользоваться послѣднимъ благопріятнымъ случаемъ и хотѣли объявить Польшѣ войну. Насилу Казиміру удалось отклонить ихъ отъ этого намѣренія. Ко дню св. Мартина собрались польскіе паны въ Парчовѣ, а литовскіе въ Берестьѣ. Такъ какъ литовцы не хотѣли ѣхать въ Парчовъ, то съ той и другой стороны съѣхались делегаты въ Ломазахъ, на полпути между Парчовомъ и Берестьемъ, и вели здѣсь переговоры въ присутствіи самого короля Казиміра. Переговоры и на этотъ разъ не привели ни къ какому результату [234]).

Съѣздъ въ Ломазахъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ. Хотя и послѣ того поляки и литовцы не отказывались отъ своихъ притязаній, взаимно исключавшихъ другъ друга, но споръ между ними уже утратилъ свою остроту. Съ своими требованіями они обращались уже теперь къ одному Казиміру [235]), избѣгая непосредственныхъ переговоровъ. Очевидно, что обѣ стороны уже утомились продолжительнымъ безплоднымъ споромъ. При томъ же и дальнѣйшія историческія обстоятельства не дозволяли ни той, ни другой сторонѣ выступать рѣзко и настойчиво съ своими требованіями. Вниманіе и силы поляковъ отвлечены были сначала прусскою войною, а по окончаніи ея широкою династическою политикою Казиміра, силившагося посажать своихъ сыновей на престолахъ Чехіи и Венгріи. Литовцы послѣ того, какъ поляки развязались, наконецъ съ трудною прусскою войною, всецѣло ихъ поглощавшею, естественно должны были сдѣлаться скромнѣе въ своемъ поведеніи и понизить свой тонъ относительно поляковъ. Кромѣ того, пропаганда церковной уніи, начавшаяся съ 1458 года, съ назначенія въ митрополиты Кіевскіе Григорія Болгарина, принявшаго Флорентійскую

---

[233]) Ibidem, p. 366, 372.

[234]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 385, 386, 408.

[235]) Это имѣло мѣсто, напр., на Петрковскомъ сеймѣ 1470 г., на которомъ малополяне требовали отъ Казиміра, чтобы онъ вернулъ имъ, наконецъ, Волынь и Подолье. См. Хронику *Март. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XV, str. 189).

выдвинутаго ходомъ событій на первую очередь. Такимъ образомъ, напр., на сеймѣ, происходившемъ въ концѣ 1451-го и началѣ 1452 года, все время ушло на обсужденіе распри съ Польшею о Волыни и Подольѣ (de negotiis cum Regno Poloniae in differentiam pro terra Podoliae et Luczensi et districtibus positis, omnis tractatus absumptus est)[249]).

Главными участниками всѣхъ этихъ сеймовъ были литовскіе паны, которые занимали высшіе уряды земскіе и дворные и считались спеціальными совѣтчиками господаря, составляли его *раду*. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ сеймовъ несомнѣнно были только болѣе или менѣе полными собраніями этихъ пановъ радныхъ (consiliarii). Таковъ былъ, напр., сеймъ, собиравшійся въ Новгородкѣ Литовскомъ въ 1448 году: на немъ, по словамъ Длугоша, присутствовали только прелаты и бароны; таковъ же и Берестейскій сеймъ 1460 года, на которомъ находились первѣйшіе люди государства (primores)[250]). Но на нѣкоторыхъ сеймахъ тотъ же Длугошъ и другіе источники отмѣчаютъ сверхъ того шляхту-рыцарство великаго княжества; таковы были, напр., Берестейскій сеймъ 1446 года, Виленскій сеймъ 1456 года, Виленскій сеймъ 1468 года. Но сверхъ того, Длугошъ и другіе источники очень опредѣленно говорятъ и о созывѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ вальныхъ сеймовъ князей, пановъ и бояръ со всего великаго княжества, отъ всѣхъ его земель. Таковы вышеуказанные сеймы: Виленскій 1446 года, Виленскій 1451 года и Виленскій 1453 года и др.

Эти факты убѣждаютъ насъ, что уже при Казимирѣ возникло то самое учрежденіе, съ которымъ намъ придется встрѣчаться довольно часто въ дальнѣйшей исторіи Литовско-Русскаго государства: я разумѣю «великій вальный соймъ». Въ настоящемъ случаѣ Литовско-Русское государство не отстало далеко отъ своего союзника—Польши, гдѣ въ то время также организовывалось учрежденіе, аналогичное и параллельное «великому вальному сойму» Литовско-Русскаго государства. Возникновеніе этого учрежденія при Казимирѣ подготовлено было, какъ уже сказано, тою національно-политическою борьбою, которая велась въ великомъ княжествѣ между господствующею землею и ея аннексами, между Литвою и Русью, подвластною Литвѣ, и знаменовало собою компромиссъ между ними. Необходимо, однако, отмѣтить, что народившееся новое учрежденіе не вытѣснило собою стараго, возникновеніе котораго было разсмотрѣно въ первой главѣ. Прежній литовско-русскій сеймъ

---

249) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 102.

250) Ibidem, p. 56, 304.

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія имѣемъ мы о *Виленскомъ сеймѣ*, собиравшемся *въ мартѣ 1473 года*. На этомъ сеймѣ постановлено было дать королю субсидію со всѣхъ земель великаго княжества (de universis Magni Ducatus Lithuaniae terris) въ размѣрѣ шести пражскихъ грошей съ плуга. Эти деньги давались королю на войну съ Венгріею [240]). Кромѣ денежной субсидіи, на этомъ сеймѣ, повидимому, рѣшено было оказать помощь и людьми. По крайней мѣрѣ, осенью того же года въ походъ съ Казимиромъ на выручку Силезіи ходило нѣсколько тысячъ литвы и татаръ подъ начальствомъ Витебскаго намѣстника Ивана Ходкевича [241]).

Въ 1478 году Казимиръ собиралъ *на сеймъ литовскихъ пановъ* (dy Littouwisschen hern) *въ Берестьѣ* къ *15 марта*. Судя по донесенію, полученному великимъ магистромъ Прусскаго Ордена, Казимиръ собиралъ этотъ сеймъ главнымъ образомъ для обсужденія того, что предпринять противъ великаго князя Московскаго, который захватилъ Новгородъ и во время похода подѣлалъ много зла и Литовской землѣ [242]). На этомъ сеймѣ, по разсказу Длугоша, литовскіе паны (barones Lithuaniae) обратились снова къ Казимиру съ просьбою дать имъ въ правители (in suum vicarium) кого-нибудь изъ бывшихъ при немъ сыновей, Казимира или Альбрехта. Но Казимиръ наотрѣзъ отказалъ имъ въ этомъ, говоря, что при жизни своей онъ никому не сдастъ управленіе великимъ княжествомъ [243]). Въ слѣдующемъ, 1480-мъ, году, когда Казимиръ послѣ Пасхи собрался уѣзжать изъ Литвы, литовцы усиленно стали просить его, чтобы онъ или самъ не уѣзжалъ изъ Литвы, или далъ имъ въ правители кого-либо изъ своихъ сыновей, но и на этотъ разъ получили отказъ [244]). Ихъ желаніе имѣть отдѣльнаго отъ Польши правителя, исполнилось только по смерти Казимира, при чемъ, если вѣрить разсказу полной литовско-русской лѣтописи, самъ Казимиръ

---

[240]) Ibidem, p. 578. Очевидно, въ счетъ этой субсидіи король и взялъ авансомъ изъ литовскаго скарба 24 т. золотыхъ червонныхъ, какъ сообщаетъ на основаніи своихъ источниковъ Стрыйковскій (Kronika, tom II, str. 277).

[241]) Хроники Бѣльскаго (Zbiór pisarzów polskich. tom XV, str. 212) и Стрыйковскаго (tom II. str 277).

[242]) Monumenta medii aevi. tomus XIV. № 263.

[243]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV. p. 669, 670. Кояловичъ относитъ этотъ фактъ къ Виленскому сейму, происходившему въ мартѣ 1477 г. (Historiae Litvanae pars II, p. 246). Мы отдаемъ предпочтеніе современнику-Длугошу.

[244]) *Dlugosz*. Opera omnia. tomus XIV. p. 698.

ковъ, не производить расходовъ изъ земскаго скарба, не судить судовъ[251]). Вслѣдствіе этого онъ довольно часто собиралъ пановъ радныхъ и сообща съ ними вершилъ всѣ накопившіяся къ данному времени дѣла. Надо замѣтить при этомъ, что подобно своему отцу Александръ не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и потому не могъ регулярно, изо дня въ день, рѣшать государственныя дѣла. Въ теченіе своего великокняженія онъ постоянно кочевалъ съ мѣста на мѣсто, останавливаясь на болѣе или менѣе значительное время въ большихъ городахъ. Въ стольномъ городѣ Вильнѣ онъ живалъ чаще и дольше, чѣмъ въ другихъ городахъ и мѣстахъ, но все-таки не былъ тамъ постояннымъ жителемъ[252]). Это—

---

[251]) Zbiór praw litewskich, str. 61—66.

[252]) По датамъ актовъ, содержащихся въ III, V и VI кн. Записей Лит. Метр. и въ Архивѣ кн. Сангушковъ, в. князь Александръ пребывалъ въ августѣ 1492 г. *въ Вильнѣ*, 3 и 4 сент. *въ Марковѣ*, 13 и 20—*въ Минскѣ*, 20 окт. *въ Лидѣ*, 30 окт. по 12 декабря *въ Трокахъ*, 19 декабря и далѣе *въ Вильнѣ*; 8 іюля 1493 г. и далѣе *въ Трокахъ*. 26 октября и далѣе *въ Вильнѣ*, 30 декабря и далѣе *въ Городнѣ*; 20 марта 1494 г. и далѣе *въ Вильнѣ*, 7 іюня и далѣе *въ Трокахъ*; 28 іюля *въ Ейшишкахъ*, 10 августа *въ Волковыйскѣ*, 9 и 11 сентября *въ Берестьѣ*, 14 сент. *въ Каменцѣ*, 1 окт. *въ Городнѣ*, 6 окт. *въ Меречи*, 14 окт. *въ Пуни*, 16 окт. *въ Бирштанахъ*, 26 окт. *въ Ковнѣ*, 12 ноября *въ Трокахъ*, 21 декабря и далѣе *въ Вильнѣ*; 26 августа 1495 г. *въ Волькиникахъ*, 30 авг. и 2 сент. *въ Меречи*, 16 сент. и далѣе до 1 марта 1496 г. включит. *въ Городнѣ*; съ 5 по 21 марта включит. *въ Берштахъ*; съ 23 марта по конецъ апрѣля *въ Меречи*; 13 мая по 10 іюня включит. *въ Трокахъ*; съ 15 мая по 31 августа включит. *въ Вильнѣ*; 28 и 29 сент. *въ Бѣльскѣ*; 6 окт. *въ Дорогичинѣ*; 10 ноября и далѣе *въ Берестьѣ*; 6 янв. 1497 г. *въ Каменцѣ*, 29 янв. *въ Новгородкѣ*, 5 марта *въ Смоленскѣ*, 10 марта *въ Полоцкѣ*, 17 и по 28 включит. *въ Витебскѣ*, съ 5 по 11 апрѣля опять *въ Полоцкѣ*, 25 апр. и по 24 іюля включит. *въ Вильнѣ*; 27 іюля *въ Заславѣ* на Волыни, 11 сент. *въ Брацлавѣ* на *Подольѣ*, 30—*въ Топорищахъ*, 2 окт. *въ Походаковичахъ*, 6—*въ Овручи*, 13—*въ Мозыри*, 28—*въ Новгородкѣ*; 15 декабря и по 2 марта 1498 г. *въ Городнѣ*; 9 марта 1498 г. *въ Берштахъ*, 14 и 15—*въ Меречи*, 1 апр. и по 21 іюля влючит. *въ Вильнѣ*; 27 іюля и по 12 сент. включит. *въ Трокахъ*; 2 ноября *въ Ковнѣ*, 14—*въ Олитѣ*, 19—*въ Меречи*, 21—*въ Переволкѣ*; 26 ноября и по 16 февр. 1499 г. включит. *въ Городнѣ*, 12 марта 1499 г. и по 7 сент. *въ Вильнѣ*, 12—21 сент. *въ Воранахъ*; 29 сент. и по 26 окт. включит. *въ Вильнѣ*, 2 ноября *въ Ковнѣ*, 18—21 ноября *въ Слонимѣ*, 10 дек. *въ Городнѣ*; 9 янв. 1500 г. *въ Минскѣ*, 24 янв. и по 30 марта *въ Городнѣ*, 24 апрѣля и по 4 іюня включительно *въ Вильнѣ*; 6—8 августа *въ Обольцахъ*; 1 сент. *въ Городнѣ*, 14 сент. и по 6 окт. включит. *въ Полоцкѣ*, 20 октября *въ Браславлѣ*; съ 21 окт. и по 6 марта 1501 г. включит. *въ Вильнѣ*; 17 марта и по 2 апр. 1501 г. *въ Тро-*

Болѣе опредѣленныя свѣ[illegible]ѣмъ 1451 года, на которомъ
собиравшемся *въ мартѣ 147*[illegible] Польши Волыни и Подолья.
дать королю субсидію со всѣ[illegible]а устроенія литовскихъ дѣлъ
versis Magni Ducatus Lithua[illegible]етскомъ сеймѣ 1478 года Ка-
грошей съ плуга. Эти деньги [illegible]жество литовскихъ дѣлъ (rebus
Кромѣ денежной субсидіи, н[illegible]акъ, то мы въ правѣ предпола-
оказать помощь и людьми. И[illegible], сверхъ упомянутыхъ выше, и
походъ съ Казимиромъ на в[illegible]объ устройствѣ литовскихъ дѣлъ.
литвы и татаръ подъ нача[illegible]Длугоша и другихъ источниковъ.
Ходкевича [244]. [illegible]ѣ предполагать, что въ началѣ

Въ 1478 году Казимир[illegible] сеймъ, ибо Длугошъ прямо гово-
Littouwisschen hern) *въ Бр*[illegible]ъ Вильнѣ, занимаясь литовскими
полученному великимъ магн[illegible])[246]. Такой же сеймъ несомнѣнно
ралъ этотъ сеймъ главным[illegible]льнѣ, гдѣ король проводилъ Пасху
принять противъ великаго [illegible]енныя дѣла великаго княжества и
городъ и во время похода [illegible]ea negotia Lithuaniae Ducatus cu-
На этомъ сеймѣ, по разск[illegible]spondendo)[247]. Сеймы, можно ска-
thuaniae) обратились снова[illegible]имирѣ чуть не каждый годъ [248]. Въ
вители (in suum vicarium) [illegible]Литовское шло по стопамъ Польши.
вей. Казимира или Альбре[illegible]сударей и постояннаго передвиже-
въ этомъ, говоря, что при[illegible]но установился обычай устраивать
вленіе великимъ княжество[illegible]прелатовъ и бароновъ съ участіемъ
Казимиръ послѣ Пасхи с[illegible]ненія накопившихся текущихъ дѣлъ.
стали просить его, чтобы[illegible] въ этомъ отношеніи въ Польшѣ.
[illegible]имъ въ правителя [illegible]ствіе того, что ему приходилось раз-
[illegible]ъ былъ примѣнять и въ великомъ
[illegible]й доводъ въ пользу того положенія,
[illegible]ное вліяніе на установленіе обычая
[illegible] Литовскомъ. На ряду съ этимъ не-
[illegible]ывались ad hoc и всецѣло посвя-
[illegible]кого-нибудь одного важнаго вопроса.

[illegible] mus XIV, p. [illegible]

[illegible] разсказывая [illegible] Казимира къ [illegible] [illegible] лит-вско-рус- [illegible] —говоритъ [illegible] панов [illegible] Виленскаго [illegible] Иванко Моивид. [illegible] [illegible]

ъ событій на первую очередь. Такимъ образомъ, напр., одившемъ въ концѣ 1451-го и началѣ 1452 года, все обсужденіе распри съ Польшею о Волыни и Подольѣ Regno Poloniae in differentiam pro terra Podoliae et rictibus positis, omnis tractatus absumptus est)[249]).

участниками всѣхъ этихъ сеймовъ были литовскіе паны, ли высшіе уряды земскіе и дворные и считались спечниками господаря, составляли его *раду*. Нѣкоторые изъ ь сеймовъ несомнѣнно были только болѣе или менѣе ніями этихъ пановъ радныхъ (consiliarii). Таковъ былъ, собиравшійся въ Новгородкѣ Литовскомъ въ 1448 году: овамъ Длугоша, присутствовали только прелаты и баро- и Берестейскій сеймъ 1460 года, на которомъ нахоншіе люди государства (primores)[250]). Но на нѣкоторыхъ же Длугошъ и другіе источники отмѣчаютъ сверхъ того рство великаго княжества; таковы были, напр., Берестей- 446 года, Виленскій сеймъ 1456 года, Виленскій сеймъ Но сверхъ того, Длугошъ и другіе источники очень опреорятъ и о созывѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ вальныхъ нзей, пановъ и бояръ со всего великаго княжества, отъ земель. Таковы вышеуказанные сеймы: Виленскій 1446 года, 1451 года и Виленскій 1453 года и др.

факты убѣждаютъ насъ, что уже при Казимирѣ возникло то реждeніе, съ которымъ намъ придется встрѣчаться довольно чальнѣйшей исторіи Литовско-Русскаго государства: я разумѣю вальный соймъ». Въ настоящемъ случаѣ Литовско-Русское го- не отстало далеко отъ своего союзника—Польши, гдѣ въ то ьже организовывалось учрежденіе, аналогичное и параллельное му вальному сойму» Литовско-Русскаго государства. Возникноого учрежденія при Казимирѣ подготовлено было, какъ уже тою національно - политическою борьбою, которая велась въ мъ княжествѣ между господствующею землею и ея аннексами, Литвою и Русью, подвластною Литвѣ, и знаменовало собою комсъ между ними. Необходимо, однако, отмѣтить, что народившееся учрежденіе не вытѣснило собою стараго, возникновеніе котораго разсмотрѣно въ первой главѣ. Прежній литовско-русскій сеймъ

[249]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 102.

[250]) Ibidem, p. 56, 304.

время (6 ноября) литовское правительство снаряжало посольство для окончательнаго заключенія мира съ Москвою, который предполагалось скрѣпить брачнымъ союзомъ великаго князя Александра съ дочерью Ивана III—Еленою [262]). Ясное дѣло, что и вальный сеймъ собирался въ Вильнѣ для полученія согласія на задуманное политическое предпріятіе. Это согласіе было тѣмъ болѣе необходимымъ, что великому князю, вопреки данному имъ обязательству (въ привилеѣ 1492 г.) не уменьшать предѣловъ великаго княжества, приходилось поступаться въ пользу Москвы значительною частью населенной государственной территоріи, которой неотступно добивалась Москва.

Но въ особо важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ устроеніи судьбы всего государства, на вальный сеймъ приглашались князья, паны и бояре со всего государства, не только изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, но и изъ его земель-аннексовъ. Такіе *великіе* вальные сеймы въ разсматриваемое время собирались въ 1492, 1499, 1505 и 1506 г.г.

Первый изъ этихъ сеймовъ собирался для возведенія на великое княженіе Александра.

Мы уже видѣли, какъ тяготились литовцы частыми и продолжительными отсутствіями Казимира изъ великаго княжества, какъ недовольны были уступками, которыя онъ въ ущербъ великому княжеству дѣлалъ полякамъ, и какъ стремились заполучить себѣ отдѣльнаго отъ Польши правителя. Седьмого іюня 1492 года умеръ въ Городнѣ король Казимиръ, и литовцы поспѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ для осуществленія своихъ завѣтныхъ желаній. Паны рада упросили королевича Александра не сопровождать тѣло отца въ Польшу. Они мотивировали свою просьбу «пригодами и нагабаніями» на великое княжество со стороны непріятелей, опасеніемъ, что враги нападутъ на великое княжество, оставшееся безъ главы [263]). Въ этомъ была доля правды, ибо отношенія къ Москвѣ и Крыму въ послѣдніе годы великокняженія Казимира дѣйствительно были въ высшей степени натянуты. Но съ другой стороны несомнѣнно, что паны рада, оставляя у себя Александра, имѣли умыслъ возвести его на великое княженіе помимо поляковъ и вопреки ихъ желаніямъ. Паны рада не рѣшились само-

---

былъ въ 1493 году in conventione generali Vilnensi feria quinta post festum Omnium Sanctorum, т. е. 7 ноября. Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 35.

[262]) *Г. Карпова* Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, ч. II, стр. 14; Акты Зап. Рос. I, 114.

[263]) Акты Зап. Рос. I, № 100, I.

лично предпринять такой шагъ, который грозилъ полнымъ разрывомъ съ Польшею, въ высшей степени опаснымъ при тогдашнемъ международномъ положеніи великаго княжества. Кромѣ того, памятны были и тѣ внутреннія замѣшательства, которыя произошли послѣ возведенія на великое княженіе Казимира вслѣдствіе того, что дѣло это рѣшено было одними литовцами, безъ участія земель-аннексовъ. Подобныхъ же внутреннихъ замѣшательствъ можно было опасаться и въ данное время, при существованіи въ государствѣ многочисленной партіи князей и бояръ, которые не прочь были возвести на великокняжескій столъ Семена Михайловича (Олельковича) Слуцкаго [264]). Эти замѣшательства при тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, какія установились во вторую половину великокняженія Казимира между Литвою и подвластною ей Русью, могли быть еще болѣе опасными, чѣмъ въ началѣ великокняженія Казимира, могли повести къ отпаденію русскихъ областей великаго княжества и соединенію ихъ съ Москвою. Только избраніе великаго князя при участіи всѣхъ земель великаго княжества могло дать панамъ радѣ надлежащую опору при будущихъ переговорахъ съ поляками и устранить до извѣстной степени внутреннія замѣшательства. Поэтому уже изъ Городна разосланы были по всѣмъ землямъ великаго княжества грамоты отъ королевича Александра и пановъ рады съ извѣщеніемъ о смерти короля Казимира и съ приглашеніемъ на сеймъ для избранія новаго господаря [265]). Королевичъ Александръ въ грамотѣ своей напоминалъ князьямъ и панамъ о присягѣ, которую они дали его покойному отцу не имѣть никого своимъ господаремъ, «нижьли сына его милости,... которого ваша милость, згодившися посполу зъ братьею своею, съ паны радою великого княжьства Литовского, оберете», и выражалъ увѣренность, что они будутъ вѣрны этой присягѣ. Это напоминаніе, очевидно, обращено было преимущественно къ тѣмъ, которые принадлежали къ партіи Олельковича. Паны рада съ своей стороны напоминали князьямъ, панамъ и земянамъ, что они были «завжды за одинъ посполу зъ великимъ князьствомъ Литовскимъ» и выражали надежду, что и на этотъ разъ они будутъ также «посполу» съ великимъ княжествомъ и сообща съ нимъ выберутъ одного изъ сыно-

---

[264]) *Kojałowicza* Historiae Litwanae pars II, p. 259.

[265]) «По смерти короля Казимера въ Городне початы посолства писа(ти): до Киева Петром Ѳедковичом, до Смоленска паномъ Сенкомъ Олизаровичом, а до Витебска княземъ Михайлом Ивановичом Жеславским, а до Полоцка паном Войтехом Ивашковичом, а до Луцка»... (Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 126). Эти посольства напечатаны въ Актахъ Зап. Рос., т. I, № 100.

любопытная и чрезвычайно важная черта великокняжескаго быта, которая несомнѣнно имѣла большое значеніе въ государственной жизни великаго княжества. Съ другой стороны, и тѣ совѣтники, паны радные, съ которыми ему нужно было совѣщаться, въ большинствѣ не были въ сборѣ, ибо они бывали обыкновенно въ то же время воеводами, старостами, державцами и намѣстниками по господарскимъ замкамъ, дворамъ и волостямъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно должны были накопляться государственныя дѣла, для рѣшенія которыхъ великій князь и собиралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ на сеймы.

Чаще всего это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда Александру приходилось принимать иностранныхъ пословъ или гонцовъ и вести дипломатическіе переговоры или же отправлять изъ Литвы пословъ и гонцовъ и снабжать ихъ инструкціями [253]). Такой сеймъ имѣлъ мѣсто, напр., *въ Берштахъ* въ мартѣ 1496 года [254]). На этомъ сеймѣ господарь совѣщался съ панами радою относительно того, что отвѣчать брату своему королю Польскому Яну Альбрехту, матери королевѣ Елизаветѣ и братьямъ—королевичу Сигизмунду и кардиналу Фридриху по поводу домогательствъ королевича Сигизмунда получить «дѣлъ» въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Указаніе на это содержится въ тѣхъ самыхъ посольскихъ рѣчахъ, съ которыми отправленъ былъ къ назван-

---

кахъ; 6 апр. и по 24 іюля включит. *въ Вильнѣ;* 2 августа *въ Трокахъ;* 18—28 августа *въ Городнѣ;* 20 сент. и по 6 ноября включит. *въ Мельникѣ;* 5 янв. 1502 г. и по 25 апрѣля включит. *въ Краковѣ;* 31 мая и 5 іюня *въ Вильнѣ;* 17 іюня *въ Люблинѣ;* 24—*въ Каменцѣ;* 27—*въ Новомъ Дворѣ,* 29—*въ Слонимѣ;* 2 іюля и по 26 включит. *въ Новгородкѣ;* 7 авг. и 9 сент. *въ Минскѣ;* 14 окт. 1502 г. и по 29 сент. 1503 г. включительно *въ Минскѣ;* 20 и 21 окт. 1503 г. *въ Мельникѣ;* 7 ноября *въ Люблинѣ;* 4—22 января 1504 г. *въ Краковѣ;* 3 февраля и по 14 марта включит. *въ Петрковѣ;* 1 апрѣля *въ Брестѣ Куявскомъ;* 22—*въ Торуни,* 9 авг. и по 14 окт. включит. *въ Краковѣ;* 21 окт. *въ Мельникѣ,* 25 ноября *въ Городнѣ,* 12—31 декабря *въ Краковѣ;* 27 января 1505 г. *въ Ломазахъ;* 4 февр. и по 19 апр. включит. *въ Берестьѣ,* 9 іюня и по 26 сент. включительно *въ Краковѣ;* 12 октября *въ Сандомирѣ,* 21—*въ Люблинѣ;* 3 ноября и по 13 дек. *въ Краковѣ;* 15—24 дек. *въ Городнѣ;* 12 января 1506 г. и по 5 марта включительно *въ Люблинѣ;* 7 апрѣля и по 23 іюля *въ Вильнѣ.*

[253]) См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 61, 62; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 46, 47. Симферополь 1898 г.

[254]) В. князь Александръ проживалъ въ Берштахъ съ 5 по 21 марта. Литов. Метр. кн. Запис. V. л. 58—62, 71: VI, л. 64; Акты Вилен. Археогр. Комм., т. VII, стр. 61.

помимо того выпросили у новаго господаря подтвержденіе правъ и вольностей Жмудской земли, дарованныхъ в. княземъ Витовтомъ и Казимиромъ [269]).

Итакъ, въ концѣ іюля 1492 года въ Вильнѣ собирался общегосударственный сеймъ великаго княжества Литовскаго, въ которомъ участвовали паны рада и «старшіе» землевладѣльцы—князья, паны и бояре изъ всѣхъ областей-аннексовъ. Сеймъ собирался для избранія новаго господаря, и на немъ происходили совѣщанія какъ относительно самаго кандидата на великокняжескій престолъ, такъ и относительно тѣхъ требованій, которыя имѣлось въ виду къ нему предъявить. Результатомъ этихъ совѣщаній и было избраніе великимъ княземъ королевича Александра и тѣ ограниченія великокняжеской знати, на которыя онъ согласился, и которыя подтвердилъ въ земскомъ привилеѣ 1492 г.[270]).

Такіе же общегосударственные сеймы, какъ сеймъ 1492 г., собирались въ 1499 и 1505 годахъ для заключенія уніи съ Польшею. Мы видѣли, что въ теченіе всего царствованія Казимира поляки добивались возобновленія уніи, заключенной при его предшественникахъ между Польшею и Литвою. Но литовцы упорно отказывались отъ подтвержденья прежнихъ записей и предлагали взамѣнъ договора, устанавливавшаго инкорпорацію великаго княжества въ Польское государство, простой оборонительно-наступательный союзъ обоихъ государствъ при полной внутренней самостоятельности и самобытности великаго княжества. Такую именно унію они признали, давая свое согласіе на коронацію Казимира королемъ польскимъ, и такую унію подтвердилъ имъ самъ Казимиръ въ качествѣ избраннаго польскаго короля. Но поляки, какъ мы видѣли, не дали своей санкціи Казимировой записи, вслѣдствіе чего между обоими государствами установились неопредѣленныя и даже враждебныя отношенія, хотя у нихъ и былъ общій государь. Съ избраніемъ Александра на великое княженіе, а Яна Альбрехта на королевство Польское, порвалась и эта единственная связь, поддерживавшая нѣкоторое единеніе между обоими государствами. Но отношенія къ сосѣдямъ въ самомъ скоромъ времени заставили и Польшу, и

---

[269]) Привилей выданъ былъ 22 августа 1492 г. Zbiór praw litewskich, str. 67—72.

[270]) Приведенныя нами подробности возведенія на великое княженіе Александра не оправдываютъ представленія этого факта, какъ дѣла тѣснаго круга литовско-русской знати. Срав. *М. В. Довнаръ-Запольскаго* «Польская унія на сеймахъ до 1569 года, стр. 4. Москва 1897 (Труды Славянской Комиссіи при Импер. Моск. Археол. Общ., т. II).

Литву болѣзненно почувствовать взаимный разрывъ и предпри
шаги къ возобновленію уніи.

Уже въ мартѣ 1493 года великій князь Александръ отпра
Литавора въ Польшу съ просьбою о помощи. Онъ извѣщалъ бра
коронную раду о томъ, что великій князь Московскій многихъ л
своихъ «моцне вослалъ» въ великое княжество Литовское, поб
замки и полонилъ многихъ людей. Ссылаясь на прежнее обѣщаніе
роля и пановъ рады, великій князь просилъ ихъ, чтобы они были
перь «радни и помоцни великому княжеству», и выражалъ надежду
они не покинутъ великое княжество на произволъ судьбы и помо
ему деньгами и людьми. Въ заключеніе великій князь просилъ ув
мить его, какое количество людей и денегъ онъ можетъ разсчиты
получить отъ Польши [271]).

Поляки дали отвѣтъ на это посольство только въ концѣ 149
Они извинялись тѣмъ, что весь годъ заняты были важными дѣла
не имѣли времени отвѣтить на посольство великаго князя: нужн
было устроивать миръ съ турками, столь необходимый для безопасн
не только Польши, но и Литвы, съѣзжаться съ королемъ Венгерс
для переговоровъ объ общихъ дѣлахъ обоихъ государствъ, вести
реговоры съ маркграфомъ Бранденбургскимъ и т. д. Что касается
мощи великому княжеству, король и паны рада, отвѣчали, что
будутъ помогать противъ всякаго непріятеля, какъ это условлен
старыхъ «записахъ», но только необходимо возобновить эти «зап
обозначать же размѣры помощи нѣтъ надобности, разъ будетъ
новлено, что одно государство должно всѣми силами помогать
гому [272]).

Польскій посолъ прибылъ въ Литву въ то время, когда у
чались переговоры съ Московскимъ государемъ о заключеніи с
мира и брачнаго союза литовскаго господаря съ дочерью Ива
сильевича. Въ помощи поляковъ не было теперь нужды, и
не обнаружили готовности возобновить «старые записы», сущ
вшіе между Польшею и Литвою.

Переговоры о возобновленіи этихъ «записовъ» начали
въ 1495 году, и на этотъ разъ уже по инициативѣ поляковъ.
въ свою очередь почувствовали нужду въ помощи Литвы.
сентября 1494 г. большіе татарскіе отряды вторглись на
Подолье, сожгли много селеній и набрали множество добыч

[271]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 140.

[272]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 150—152.

ныхъ. Янъ Альбрехтъ отправилъ въ погоню за ними своихъ дворянъ и небольшое число жолнеровъ; къ нимъ примкнула и мѣстная шляхта. Поляки нагнали татаръ подъ Вишневцемъ. Произошла ожесточенная битва, въ которой поляки, подавленные числомъ, потерпѣли полное пораженіе [273]). И послѣ того татарскіе загоны безпрестанно тревожили украинныя области Польши и Литвы. Для болѣе успѣшной борьбы съ ними необходимо было войти въ соглашеніе съ Литвою и дѣйствовать противъ нихъ общими силами. Поэтому Янъ Альбрехтъ отправилъ къ брату въ Литву своего приближеннаго совѣтника Филиппа Каллимаха съ предложеніемъ сдѣлать «записы» между обоими государствами «слушнымъ а раднымъ обычаемъ, безъ ображенья чсти и безъ шкоды» какъ короны Польской, такъ и великаго княжества Литовскаго, и «споломъ» чинить отпоръ поганству татарамъ.

Съ отвѣтомъ на это предложеніе великій князь Александръ отправилъ въ Польшу пана Станислава Петрашковича. Онъ извѣщалъ брата, что обо всемъ онъ «намовлялъ» съ панами радою великаго княжества, и тѣ изъявили согласіе на предложеніе короля. Александръ просилъ брата только сообщить ему, какого рода «записовъ» онъ желаетъ. Касательно совмѣстной обороны отъ татаръ Александръ выражалъ мнѣніе, что въ виду трудности находить татарскаго царя въ полѣ лучше всего будетъ разставить постоянныя войска на пограничныхъ замкахъ и, кромѣ того, занять Бѣлгородъ и Килію: отсюда удобно будетъ перенимать татарскіе загоны [274]).

Послѣ этого король и паны рада отправили въ Литву пановъ Поповскаго и Миколая Тенчинскаго съ условіями уніи [275]). Они предложили возобновить старый «записъ», существовавшій между обоими государствами, на основаніи котораго они были «злучены ровнымъ злученьемъ», и прислали копію этого «записа» прося поправить его, если въ немъ окажется какой-нибудь «выступъ и противность» для великаго княжества. Поляки настоятельно просили литовцевъ возобновить унію въ виду страшной опасности, угрожающей отъ турокъ: находясь въ мирѣ съ Польшею, они постоянно направляютъ татаръ на корону и великое княжество, пустошатъ и обезсиливаютъ оба государства; что же будетъ съ ними, когда выйдетъ перемирье, и когда Турец-

---

[273]) Хроника Ваповскаго (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 20, 21); *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 42, 43. Kraków-Warszawa 1881.

[274]) Литов. Метр. кн. Запис V, л. 161.

[275]) «Посольства» эти внесены въ книгу Литов. Метр. среди актовъ 1496.

кій царь нападетъ на нихъ, обезсиленныхъ и истомленныхъ предшествующею борьбою? [276])

Александръ и паны рада вел. княжества выразили полную готовность подтвердить имъ старый «записъ», копію котораго принесли послы, находя, что въ немъ нѣтъ ничего «шкоднаго» обоимъ государствамъ. Паны рада только оговорили, что они согласны подтвердить тотъ именно старый «записъ», копія котораго имъ доставлена, но не другіе старые «записы», которые были составлены прежде «нераднымъ а неслушнымъ обычаемъ, чсти внимаючы а чсти нарушаючы одное стороны» (паны рада, очевидно, разумѣли акты уніи, предшествующіе Городельскому и послѣдующіе, времени Сигизмунда Кейстутьевича). Поповскій заявилъ по этому поводу, что онъ не знаетъ этихъ другихъ «записовъ» и не уполномоченъ вести объ этомъ какіе-либо переговоры [277]). Въ виду того, что литовцы выставили новое, непредусмотрѣнное условіе, Поповскій не пожелалъ кончать дѣла и не взялъ у литовцевъ «записа», составленнаго ими на основаніи присланной изъ Польши копіи [278]). Поэтому въ августѣ 1496 г. литовская рада отправила въ Польшу новыхъ пословъ — бискупа Луцкаго Яна и пана Семена Олизаровича [279]) съ полномочіемъ заключить унію на предложенныхъ уже поляками условіяхъ. Посламъ дана была и «минута», т. е., проектъ того акта, который долженъ былъ содержать договоръ объ уніи съ Польшею [280]). Но и на этотъ разъ тому дѣлу «конца не сталося» [281]). Очевидно, указаніе литовской рады на старые «записы» между Литвою и Польшею навело поляковъ на раздумье и возбудило въ нихъ желаніе пересмотрѣть акты уніи и составить новый проектъ, болѣе выгодный для Польши, чѣмъ проектъ «ровнаго злученья» обоихъ государствъ.

Какъ бы то ни было, но унія на этотъ разъ не состоялась. Обстоятельства, впрочемъ, скоро заставили поляковъ не откладывать этого дѣла. Весною 1498 года на границахъ Польши появились страшные

---

[276]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 171—174.

[277]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 174—175.

[278]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 422. Актъ этотъ составленъ in conventione Vilnensi отъ имени пановъ радныхъ, которые давали обязательство и за свою братью-шляхту.

[279]) Предположено было послать пана Станька Костевича, но посланъ былъ Сенько Олизаровичъ. Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 176.

[280]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 423.

[281]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 323, 324.

турки. Они опустошили Подолье и Галицкую землю и увели въ полонъ до 100 т. человѣкъ. Пораженная паническимъ ужасомъ страна не защищалась; нѣсколько тысячъ шляхты собралось уже тогда, когда турки повернули во-свояси. Это шляхетское ополченіе ознаменовало себя лишь тѣмъ, что опустошило окрестности Сандомира. Польша нуждалась въ посторонней помощи, и потому, когда въ іюлѣ мѣсяцѣ прибыли послы отъ Венгерскаго короля Владислава съ предложеніемъ союза противъ турокъ, Янъ Альбрехтъ съ большею готовностью принялъ это предложеніе. Въ союзъ принятъ былъ и воевода Волошскій Стефанъ; кромѣ того постановлено было пригласить къ союзу и третьяго брата—в. князя Литовскаго Александра. Послѣ того, какъ турки глубокою осенью того же 1498 г. повторили свое нападеніе на Польшу, Владиславъ отправилъ въ Краковъ новое посольство для окончательнаго утвержденія союза и привлеченія къ нему Александра. Вслѣдствіе настояній брата Янъ Альбрехтъ отправилъ въ Литву архіепископа Львовскаго Розу и каштеляна Сѣрадзьскаго Поповскаго съ приглашеніемъ къ союзу противъ турокъ[282]).

Александръ съ своей стороны выразилъ полную готовность помогать брату и лично выступить въ походъ «со всими моцами своими», если на лѣто турокъ самъ вздумаетъ напасть на Польшу или пошлетъ своего пашу. Но паны рада не соглашались быть своей братьи-полякамъ «зупелне радни и помоцны», такъ какъ между обоими государствами нѣтъ «ровныхъ и слушныхъ записовъ», и требовали, чтобы такіе «записы» были, наконецъ, сдѣланы «безъ уйму почесности обѣюх панствъ». Кромѣ того, паны рада требовали, чтобы польскіе прокураторы, пребывающіе въ Римѣ, не мѣшались въ назначеніе бискуповъ на Литву, и чтобы поляки выслали, наконецъ, своихъ коммиссаровъ для разбора жалобъ пограничныхъ съ Польшею волынскихъ землевладѣльцевъ на обиды и «шкоды», починенныя имъ сосѣдями - поляками.

Съ предложеніями въ этомъ смыслѣ въ началѣ февраля 1499 г. отправлены были изъ Литвы послы — бискупъ Жмудскій Мартинъ и воевода Троцкій Янъ Заберезинскій на сеймъ, собравшійся въ Люблинѣ [283]). Посольство на этотъ разъ увѣнчалось успѣхомъ, и поляки приняли то «ровное злученье», которое предлагали имъ литовцы. Шестого и четырнадцатаго мая на Краковскомъ вальномъ сеймѣ составлены были

---

[282]) *D-r Fr. Czerny*, Panowanie Jana Olbrachta i Alexandra Jagiellończyków, str. 69 – 78. Kraków 1871.

[283]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 322—325; Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 442—444; *L. Golębiowskiego* Dzieje Polski, tom III, str. 390, nota 55.

вей покойнаго короля. Паны извѣщали затѣмъ, что для этого избранія они положили соймъ въ Вильнѣ — «землямъ всимъ зъѣхатися на день святого Ильи» (20 іюля) и просили старшихъ изъ этихъ земель, «десять або двадцать, або колько ся вамъ увидить» пріѣхать на соймъ, а остальныхъ — остаться при замкѣ на всякій случай, «для часу пригоды».

Когда собрался сеймъ, приверженцы кн. Семена Олельковича выставили было кандидатуру. Самъ князь пріѣхалъ съ цѣлымъ отрядомъ въ 500 человѣкъ для большей внушительности. Но паны рада объявили сейму, что послѣднимъ желаніемъ покойнаго короля, высказаннымъ предъ смертью, было, чтобы литовцы выбрали себѣ на великое княженіе сына его Александра, а поляки Яна Альбрехта. Это заявленіе разбило всѣ шансы Олельковича, и сеймъ единодушно провозгласилъ Александра великимъ княземъ [266]).

30 іюля совершился обрядъ возведенія Александра на великое княженіе. При этомъ литовскіе паны дали понять новому господарю, чего они желаютъ отъ его правленія. Маршалокъ земскій, подавая ему мечъ и скипетръ, обратился къ нему съ рѣчью, въ которой призывалъ новаго господаря быть мужественнымъ, строго карать за дурныя дѣла и милостиво награждать за добрыя. «Въ заключеніе, — сказалъ маршалокъ, *по изволенію всѣхъ становъ великаго княжества* просимъ тебя рядить и судить насъ не по римскому или чешскому, или нѣмецкому обычаю, но по правдивому литовскому и Витовтову обычаю [267]). Великій князь благодарилъ и далъ обѣщаніе поступать именно такъ, какъ его просили. Станы сейма, и паны рада прежде всего, не удовольствовались, впрочемъ, этою неопредѣленною просьбою и обѣщаніемъ: 6 августа новый господарь, очевидно, по ихъ настоянію выдалъ прелатамъ, князьямъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ великаго княжества привилей, въ которомъ подтвердилъ права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками, и съ своей стороны придалъ цѣлый рядъ новыхъ, коими, какъ уже было сказано, въ значительной степени ограничилъ свою власть обязательнымъ совѣтомъ и согласіемъ пановъ рады великаго княжества [268]). Присутствовавшие на сеймѣ жмудскіе паны и бояре

---

[266]) Хроники М. Бѣльскаго (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 31, 32); Стрыйковскаго (tom. II, str. 293); Кояловича (pars II, p. 259).

[267]) *J. Lodowici Decii* De Jagiellonum familia (Pistorii Polonicae historiae corpus, tomus II, p. 294); *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 295.

[268]) Zbiór praw litewskich, str. 58—66; *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae tomus I, № CXCIV; *Hr. de Broel-Plater* Zbiór pamiętników do dziejów polskich, tom I, str. 17—29. Warszawa, 1858.

помимо того выпросили у новаго господаря подтвержденіе правъ и вольностей Жмудской земли, дарованныхъ в. княземъ Витовтомъ и Казиміромъ [269]).

Итакъ, въ концѣ іюля 1492 года въ Вильнѣ собирался общегосударственный сеймъ великаго княжества Литовскаго, въ которомъ участвовали паны рада и «старшіе» землевладѣльцы—князья, паны и бояре изъ всѣхъ областей-аннексовъ. Сеймъ собирался для избранія новаго господаря, и на немъ происходили совѣщанія какъ относительно самаго кандидата на великокняжескій престолъ, такъ и относительно тѣхъ требованій, которыя имѣлось въ виду къ нему предъявить. Результатомъ этихъ совѣщаній и было избраніе великимъ княземъ королевича Александра и тѣ ограниченія великокняжеской знати, на которыя онъ согласился, и которыя подтвердилъ въ земскомъ привилеѣ 1492 г.[270]).

Такіе же общегосударственные сеймы, какъ сеймъ 1492 г., собирались въ 1499 и 1505 годахъ для заключенія уніи съ Польшею. Мы видѣли, что въ теченіе всего царствованія Казиміра поляки добивались возобновленія уніи, заключенной при его предшественникахъ между Польшею и Литвою. Но литовцы упорно отказывались отъ подтвержденья прежнихъ записей и предлагали взамѣнъ договора, устанавливавшаго инкорпорацію великаго княжества въ Польское государство, простой оборонительно-наступательный союзъ обоихъ государствъ при полной внутренней самостоятельности и самобытности великаго княжества. Такую именно унію они признали, давая свое согласіе на коронацію Казиміра королемъ польскимъ, и такую унію подтвердилъ имъ самъ Казиміръ въ качествѣ избраннаго польскаго короля. Но поляки, какъ мы видѣли, не дали своей санкціи Казиміровой записи, вслѣдствіе чего между обоими государствами установились неопредѣленныя и даже враждебныя отношенія, хотя у нихъ и былъ общій государь. Съ избраніемъ Александра на великое княженіе, а Яна Альбрехта на королевство Польское, порвалась и эта единственная связь, поддерживавшая нѣкоторое единеніе между обоими государствами. Но отношенія къ сосѣдямъ въ самомъ скоромъ времени заставили и Польшу, и

---

[269]) Привилей выданъ былъ 22 августа 1492 г. Zbiór praw litewskich, str. 67—72.

[270]) Приведенныя нами подробности возведенія на великое княженіе Александра не оправдываютъ представленія этого факта, какъ дѣла тѣснаго круга литовско-русской знати. Срав. *М. В. Довнаръ-Запольскаго* «Польская унія на сеймахъ до 1569 года, стр. 4. Москва 1897 (Труды Славянской Комиссіи при Импер. Моск. Археол. Общ., т. II).

сплетались службою и интересами съ тамошними владѣльцами, а на родинѣ у себя, за небольшими исключеніями, не играли видной роли. Гораздо большее значеніе имѣли въ Витебской землѣ нѣкоторые боярскіе роды, какъ, напр., Глѣбовичи, Ильиничи, Немировичи, Ромейковичи, Шапки, Ольферьевичи, Олехновичи, Митковичи, Коптевичи, Володковичи, Дашковичи, Милошевичи, Зелепуги [344]) и др. Глѣбовичи, Немировичи и Ильиничи поставляли Витебскихъ намѣстниковъ-воеводъ и Оршанскихъ старость [345]); изъ другихъ фамилій выходили лица, которымъ раздавались мелкія витебскія волости въ держанье, какъ, напр., Жижецъ, Велижъ, Дубна, а равно и земскіе уряды, сохранявшіеся здѣсь отъ княжеской эпохи, какъ-то: *конюшее, городничее, ключничитво, ловчее, бобровничее и сокольничее* [346]). Всѣ эти должностныя лица, кромѣ отправленія своихъ спеціальныхъ обязанностей, обыкновенно присутствовали вмѣстѣ съ другими князьями и боярами и старшими витебскими мѣщанами на судѣ намѣстника - воеводы и составляли его совѣтъ, съ которымъ онъ совѣщался по разнымъ дѣламъ земли. Князья и старшіе бояре Витебской земли дорожили своимъ политическимъ значеніемъ въ области, ибо оно удовлетворяло не только ихъ любви къ мѣстной самобытности и старинѣ, но и сопряжено было для нихъ съ существенными матеріальными выгодами. Всѣ должности, которыя они отправляли въ области, приносили имъ извѣстный доходъ; въ пользу ихъ шла даже часть «пересуда», который взимался воеводою или его намѣстникомъ, на судѣ которыхъ они присутствовали. Поэтому они ревниво оберегали свои права отъ нарушенія со стороны центральнаго правительства или его органовъ [347]). Этой мѣстной ари-

---

[344]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 10, 11, 16; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе стр. 249—254; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109; XVI, л. 4, 7—11, 16—21, 22, 24, 34, 35, 45—49, 69, 74, 75 и др.

[345]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 85, 86; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 252.

[346]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109; XVI. л. 7—11, 16—19, 21—24, 34, 35, 45—49, 74, 75 и др.; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 96, 283; Spis dygnitarzy i urzędników.

[347]) Въ 1516 году, жалуясь господарю на воеводу Януша Костевича, витебскіе князья и бояре заявляли, «што жъ съ першими воеводами Витебскими всякие дела наши и земскии справовали и тежъ съ ними суживали и ряживали и пересудъ съ ними на полы деливали, одна половица пересуда на воеводу, а другая половица имъ, и зъ наместникомъ воеводинымъ тая жъ дельница, наместнику его што и боярину, который при суде будеть». Это показаніе было подтверждено предшествен-

Польшу. При немъ находились паны рада и различные урядники великаго княжества. Но это собраніе далеко не отличалось полнотою сейма. На немъ не было даже нѣкоторыхъ первостепенныхъ пановъ радныхъ, напр., воеводы Виленскаго пана Миколая Радивиловича, пана Троцкаго и старосты Жмудскаго Станислава Яновича и др., не говоря уже о томъ, что отсутствовали представители отъ русскихъ земель великаго княжества. По смыслу того обязательства, которое дали полякамъ литовскіе послы, для подтвержденья заключенной уніи слѣдовало созвать великій сеймъ изъ всѣхъ «становъ» великаго княжества. Этого нельзя было сдѣлать по случаю продолжавшихся военныхъ дѣйствій съ Москвою. Кромѣ того, и самъ Александръ торопился какъ можно скорѣе прибыть въ Польшу для принятія короны и тѣмъ парализовать возможныя попытки къ ея захвату со стороны своихъ соперниковъ. Поэтому 23 октября (sabbato proximo ante beatorum Simonis et Iudae apostolorum) онъ принялъ и подтвердилъ своею присягою новозаключенную унію только съ тѣми панами, которые находились при немъ въ Мельникѣ, и обѣщалъ привести къ тому же и всѣхъ остальныхъ и побудить ихъ выдать соотвѣтственныя записи, скрѣпленныя ихъ печатами [292]).

Это обѣщаніе Александра осталось неисполненнымъ, хотя и по независящимъ отъ него причинамъ. Продолжавшаяся война съ Московскимъ государствомъ и Крымомъ не давала возможности литовскому правительству созвать на сеймъ князей, пановъ и бояръ-шляхту всѣхъ земель великаго княжества. Мало того, даже опасно было для государственной цѣлости великаго княжества поднимать такой щекотливый вопросъ, какъ вопросъ объ уніи съ Польшею. И безъ того много русскихъ княжествъ отпало отъ великаго княжества и добровольно пошло подъ власть Москвы. Провозглашеніе національно-политическаго единства съ католическою Польшею, — ut sit una gens, unus populus, et communia consilia eidemque corpori unum caput, могло сдѣлаться поводомъ къ еще большему отпаденію православнаго русскаго населенія, могло толкнуть въ объятія Москвы цѣлыя русскія земли, особенно пограничныя съ Москвою, какъ, напр., Полоцкая, Витебская и въ особенности Смоленская, больше другихъ расплачивавшаяся за свою вѣрность литовскому государю. Поэтому все время, пока продолжалась война, литовское правительство не созывало великаго сейма для подтвержденія заключенной уніи. И поляки съ своей стороны не торопили литовцевъ, очевидно, понимая ихъ положеніе. Когда же окончилась война,

---

[292]) Zbiór praw litewskich, str. 77—81.

[illegible] на нихъ, обезсиленныхъ и истомленныхъ предше-[illegible] [226])

[illegible] и [illegible] рада вел. княжества выразили полную готов-[illegible] [illegible] старый «записъ», копію котораго принесли по-[illegible] [illegible] въ немъ нѣтъ ничего «шкоднаго» обоимъ государ-[illegible]. [illegible] только оговорили, что они согласны подтвердить [illegible] «записъ», копія котораго имъ доставлена, но не [illegible] «записы», которые были составлены прежде «нерадными [illegible], чсти внимаючы а чсти нарушаючы одное [illegible] очевидно, разумѣли акты уніи, предшествующіе [illegible] и послѣдующіе, времени Сигизмунда Кейстутьевича). [illegible] по этому поводу, что онъ не знаетъ этихъ другихъ [illegible] и не уполномоченъ вести объ этомъ какіе-либо перегово-[illegible] [illegible] того, что литовцы выставили новое, непредусмотрѣн-[illegible] [illegible] не пожелалъ кончать дѣла и не взялъ у ли-[illegible] [illegible] составленнаго ими на основаніи присланной изъ [illegible] [227]. Поэтому въ августѣ 1496 г. литовская рада от-[illegible] въ Польшу новыхъ пословъ — бискупа Луцкаго Яна и пана [illegible] [228]) съ полномочіемъ заключить унію на предло-[illegible] [illegible] условіяхъ. Посламъ дана была и «минута», [illegible] того акта, который долженъ былъ содержать договоръ [illegible] Польшею [229]). Но и на этотъ разъ тому дѣлу «конца не [illegible] Очевидно, указаніе литовской рады на старые «записы» [illegible] Польшею навело поляковъ на раздумье и возбудило [illegible] пересмотрѣть акты уніи и составить новый проектъ, [illegible] Польши, чѣмъ проектъ «ровнаго злученья» обоихъ [illegible]

[illegible] было, но унія на этотъ разъ не состоялась. Об-[illegible] скоро заставили поляковъ не откладывать этого [illegible] года на границахъ Польши появились страшные

[illegible] кн. Запис. V, л. 171—174.

[illegible] кн. Запис. V, л. 174—175.

[illegible] medii aevi, tomus XIV, № 422. Актъ этотъ составленъ [illegible] отъ имени пановъ радныхъ, которые давали обязатель-[illegible]

[illegible] было послать пана Станька Костевича, но посланъ былъ [illegible] Метр. кн. Запис. V, л. 176.

[illegible] medii aevi, tomus XIV, № 423.

[illegible] кн. Запис. V, л. 323. 324.

радѣ, такъ и ко всѣмъ землямъ великаго княжества. Но «тыи, которыи при тыхъ записех не были, и теж многии земли, которыи жъ прислухають къ великому князству, тыхъ реверсаловъ послати не хотѣли для некоторыхъ причинъ, въ которых же ся их милости трудно видело»[297]). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ литовцы отвергли унію, заключенную ихъ послами и подтвержденную ихъ господаремъ въ 1501 году. Этимъ и объясняются тѣ хлопоты и старанія, которыя прилагали поляки къ заключенію уніи на основаніяхъ, установленныхъ въ 1501 г., какъ въ царствованіе Сигизмунда I, такъ и въ послѣдующее время до 1569 г. включительно. Унія 1501 г. вовсе не разрушалась въ 1506 г., при избраніи Сигизмунда на великое княженіе, какъ принято утверждать въ исторической литературѣ, ибо унія не была принята подданными великаго княжества [298]).

Но когда и при какихъ обстоятельствахъ могли вестись переговоры объ уніи съ подданными великаго княжества? По соображенію со всѣми обстоятельствами времени и данными источниковъ выходитъ, что это происходило на Берестейскомъ сеймѣ, въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1505 года [299]). Послѣ заключенія перемирія съ Москвою, въ концѣ 1503 г. Александръ уѣхалъ въ Польшу и оставался тамъ до начала 1505 года [300]). Въ свое отсутствіе изъ Литвы онъ едва ли могъ собирать вальный сеймъ для рѣшенія такого дѣла, которое требовало его личнаго вліянія и воздѣйствія. Всего вѣроятнѣе, требованіе дать реверсалы предъявлено было на Берестейскомъ сеймѣ 1505 года. Мы знаемъ, что на этомъ сеймѣ находился Янъ Ласкій, коронный канцлеръ. Этотъ Ласкій вмѣстѣ съ нареченнымъ бискупомъ Холмскимъ Костелецкимъ отправленъ былъ въ Литву звать литовскихъ пановъ на Люблинскій сеймъ и между прочимъ потребовать у нихъ обѣщанныхъ «реверсаловъ» на унію [301]). Очевидно, что полученіе этихъ реверсаловъ и

---

[297]) Литов. Метр. кн. Запис. 254—255.

[298]) См., напр. *K. Pułaskiego* Przyczynek de elekcyi Żygmunta I w Litwie i w Polsce (Szkice i poszukiwania historyczne. Serya I. Kraków 1887, str. 76—79).

[299]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 236—242; Акты Зап. Рос. I, № 213, 214; Archiwum Sanguszków I, № CXXVIII; III, № LIX, LX, LXII; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки, стр. 44.

[300]) Акты Зап. Рос. I, №, 208—210; Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 54, 276 (выѣхалъ изъ Кракова 11 января 1505 г.).

[301]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 254—255.

«реверсалы», т. е. грамоты, содержащія согласіе поляковъ на условія, предложенныя литовцами, и обязательство ихъ составить актъ уніи въ этомъ смыслѣ со включеніемъ въ него, если пожелаютъ литовцы, и старыхъ «записовъ» уніи. Теперь литовцамъ предстояло съ своей стороны написать подобный актъ и тѣмъ окончательно закрѣпить договоръ [284]).

Для рѣшенія этого дѣла литовское правительство распорядилось созвать въ Вильнѣ въ іюлѣ 1499 г. сеймъ всѣхъ земель великаго княжества. Это дѣло было такой первостепенной важности, что великій князь и паны рада не сочли возможнымъ взять его всецѣло на свою отвѣтственность, а обратились за согласіемъ, ко всѣмъ землямъ великаго княжества. Это обращеніе было тѣмъ болѣе необходимо, что какъ разъ въ это самое время сказывалось въ русскихъ областяхъ великаго княжества сильное неудовольствіе на Литву по поводу церковной политики правительства, принуждавшаго православныхъ къ уніи съ Римомъ. При такихъ обстоятельствахъ заключать унію съ Польшею безъ согласія земель великаго княжества значило еще болѣе усиливать неудовольствіе, національно-политическій антагонизмъ въ государствѣ, и толкать русскихъ подданныхъ в. княжества въ объятія Москвы. Поэтому литовское правительство и распорядилось созваніемъ великаго сейма въ Вильнѣ для окончательнаго подтвержденья заключенной уніи.

Станы сейма дали свое согласіе на эту унію, и 24 іюля написана была грамота, подтвердившая актъ Городельской уніи, съ болѣе точнымъ обозначеніемъ порядка избранія королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ. Въ грамотѣ опредѣлялось, что литовцы на будущее время не будутъ приступать къ избранію великаго князя безъ вѣдома и участія поляковъ, лишь бы они пожелали прибыть въ Литву ко времени избранія; точно такъ же и поляки съ своей стороны не будутъ обходить литовцевъ при выборѣ королей [285]).

Полоцкіе бояре воспользовались приглашеніемъ ихъ на сеймъ для того, чтобы получить отъ господаря «вырокъ», опредѣляющій ихъ отношенія къ мѣщанамъ, которые отдѣлились отъ земства вслѣдствіе пожалованья имъ магдебургскаго права [286]).

Вѣчный союзъ, подтвержденный въ 1499 году, въ сущности мало гарантировалъ и Польшѣ, и Литвѣ взаимную поддержку. Оба государ-

[284]) [illegible]bowskiego Dzieje Polski, tom III, str. 432, nota 93; Monumenta medii aevi, tomus XIV. № 448, 449

[285]) Zbiór praw litewskich, str. 72—76.

[286]) [illegible] Зап. Росс. I, № 175.

Коронные сенаторы получивъ извѣстіе о смерти Александра и приготовленіяхъ литовцевъ къ избранію новаго господаря, отправили въ Вильну Краковскаго хоружія Фирлея напомнить литовцамъ о договорѣ 1501 г. и просить, чтобы они не приступали отдѣльно отъ поляковъ къ избранію господаря [306]). Но литовцы не послушались. Впослѣдствіи ихъ послы, которымъ поручено было просить помощи у поляковъ, увѣряли ихъ, что литовцамъ невозможно было медлить съ избраніемъ господаря и дожидаться собранія общаго польско-литовскаго сейма въ виду тѣхъ опасностей, которыя угрожали великому княжеству какъ извнѣ, такъ и внутри [307]) Въ этомъ дипломатическомъ объясненіи несомнѣнно была доля правды, но далеко не вся правда. Мы уже знаемъ, какъ относились литовцы къ уніи 1501 года, и потому едва ли одна только необходимость заставила ихъ приступить къ избранію господаря безъ поляковъ.

Какъ бы то ни было, 20 октября 1506 года всѣ литовскіе «паны и княжата со всими землями, прислухаючими къ великому князству», «едностайною волею» избрали на великое княженіе королевича Сигизмунда, дѣдичнаго и прироженаго господаря своего [308]). Земли великаго княжества представлены были на этомъ сеймѣ, по словамъ Стрыйковскаго, *послами отъ воеводствъ и повѣтовъ*. Эти послы послѣ избранія принесли вмѣстѣ съ князьями и панами присягу новому господарю [309]). Врядъ ли здѣсь можно разумѣть пословъ въ собственномъ смыслѣ, для избранія которыхъ по отдѣльнымъ землямъ слишкомъ мало было времени. Скорѣе всего это были такіе же «старшіе» землевладѣльцы, которые участвовали и въ избраніи великаго князя Александра, и которые могли пріѣхать на сеймъ безъ процедуры избранія, немедленно по полученіи приглашенія.

Передъ торжественнымъ «поднесеньемъ» Сигизмунда на великое княженіе паны-рада духовные и свѣтскіе и всѣ подданные великаго княжества, присутствовавшіе на сеймѣ, били Сигизмудомъ челомъ о подтвержденіи правъ и вольностей, дарованныхъ имъ его предшествен-

---

[306]) Acta Tomiciana, tomus I, № VI, VII.

[307]) *Kaz. Pułaskiego* Przyczynek de elekcyi Żygmunta I (Szkice i poszukiwania historyczne, str. 78—83).

[308]) Рѣчь литовскихъ пословъ кн. Войтеха, бискупа Луцкаго, Станислава Петровича и Яна Заберезинскаго, отправленныхъ въ Польшу послѣ избранія Сигизмунда великимъ княземъ. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 104, 105. Срав. комментарій Станислава Гурскаго въ Acta Tomiciana I, № XIII.

[309]) Kronika, tom II, str. 338, 339.

торую предлагали литовцы полякамъ въ случаѣ избранія Александра, болѣе всего подѣйствовала на избирателей, и Александръ восторжествовалъ надъ своими соперниками [290]).

Еще ранѣе формальнаго избранія Александра литовскіе послы вмѣстѣ съ поляками уложили прелиминарныя статьи договора, который имѣлъ быть заключенъ между Польшею и Литвою. Постановлено было, что Польша и Литва впредь будутъ имѣть одного общаго государя; этотъ государь будетъ избираться въ Польшѣ, на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ; оба государства будутъ неразлучны въ счастіи и несчастьи; будутъ имѣть одну монету, но отдѣльные суды и должности; прежніе договоры, заключенные однимъ государствомъ, будутъ имѣть обязательную силу и для другого; съ той и другой стороны договоръ уніи долженъ подтверждаться присягою; новоизбранный государь долженъ подтверждать права и вольности обоихъ государствъ. Когда уже состоялось избраніе и провозглашеніе Александра королемъ Польскимъ, написанъ былъ актъ уніи на основаніи вышеизложенныхъ прелиминарныхъ статей и подтвержденъ присягою чиновъ польскаго сейма. Литовскіе послы съ своей стороны дали клятвенное обѣщаніе въ томъ, что склонятъ великаго князя и остальныхъ братьевъ своихъ—литовцевъ къ принятію, подтвержденію присягою и выполненію заключеннаго договора [291]).

Это обѣщаніе на дѣлѣ исполнено было только отчасти. Литовскіе послы и польскіе, отправленные звать Александра на королевство, нашли его по близости отъ Польши, въ Мельникѣ, куда онъ нарочно прибылъ для того, чтобы въ случаѣ избранія поскорѣе явиться въ

и рыцарства шляхты (praelatorum, baronum, procerum, militum et nobilium) отправились: Войтехъ, бискупъ Виленскій, кн. Александръ Юрьевичъ, панъ Виленскій, староста Городенскій; Янъ Заберезинскій, воевода Троцкій и маршалокъ земскій; Миколай Миколаевичъ, подчашій, староста Бѣльскій; Петръ Олехновичъ, кухмистръ. См. *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CXCVII.

[290]) Хроники *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum tom II, p. 44—47), *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 65—68), *Стрыйковскаго* (II, str. 314—316), *Кояловича* (pars II, p. 288—290); *Gołębiowskiego* Dzieje Polski, tom III, str. 457, nota 7, 8.

[291]) *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CXCVI, CXCVII: *Gołębiowskiego*, Dzieje Polski, tom III, str. 457—459, nota 7, 8; *D-ra Augusta Mossbacha* Początki unii Lubelskiey, str. 102—105. Poznań 1872.

§ 9.

Великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства былъ порожденіемъ компромисса, въ который господствующая Литовская земля вынуждена была вступить съ областями-аннексами великаго княжества. Въ той борьбѣ, которую эти области вели противъ господствующей земли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV ст., онѣ наглядно показали свою силу и не разъ угрожали Литвѣ отпаденіемъ. Чтобы примирить ихъ съ собою и уничтожить ихъ сепаратистическія наклонности, Литва должна была поступиться своимъ исключительнымъ господствомъ и привилегированнымъ положеніемъ, сдѣлать имъ рядъ уступокъ въ смыслѣ уравненія ихъ съ собою и привлеченія къ совмѣстному рѣшенію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Источникъ той силы, которую обнаружили области великаго княжества въ борьбѣ съ господствующею землею, заключался въ ихъ соціально-политической организаціи. Эта организація сложилась частью еще до литовскаго владычества, частью уже при князьяхъ Гедиминовичахъ, и продолжала существовать и послѣ упраздненія областныхъ княженій, при великокняжескихъ намѣстникахъ. Благодаря этой организаціи населеніе областей представляло изъ себя не разбитую народную массу, надъ которой легко было властвовать изъ центра, а рядъ довольно крупныхъ и компактныхъ обществъ, имѣвшихъ своихъ мѣстныхъ вождей и руководителей и бывшихъ въ состояніи постоять за свои права и интересы.

Въ предшествующемъ нашемъ трудѣ «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства» мы привели не мало доводовъ въ подтвержденіе этого положенія. Отсылая читателя за этими доводами къ названной книгѣ, въ настоящемъ случаѣ ограничимся только общимъ изображеніемъ соціально-политической организаціи областей, дополняя его нѣкоторыми фактическими указаніями, не нашедшими себѣ мѣста въ предшествующемъ нашемъ трудѣ.

Мы видѣли, что въ оппозиціи къ господствующей землѣ стояла по временамъ и единоплеменная ей Жмудская земля. Предшествующая исторія выработала въ этой землѣ вліятельный и солидарный классъ землевладѣльческой аристократіи, которая подчинила своей власти и престижу народную массу и, опираясь на нее, крѣпко отстаивала мѣстную самобытность и мѣстные интересы. Это были тѣ самые знатные люди, которые, по выраженію Петра Дюсбургскаго, управляли Жмудью, тѣ «благородные люди, царьки», которые по свидѣтельству нѣмецкихъ

и заключено было перемиріе съ Москвою (25 марта 1503 г.), сами литовцы охладѣли къ уніи и не прочь были кассировать сдѣланныя уже записи. Унія вовсе не принесла великому княжеству той помощи со стороны Польши, на которую разсчитывали литовскіе паны при ея заключеніи. Правда, вернувшись изъ Польши лѣтомъ 1502 г.[293]), Александръ привелъ съ собою вспомогательный польскій отрядъ, который и отправилъ вмѣстѣ съ наемными «служебными» на театръ военныхъ дѣйствій впередъ себя. Но уже съ дороги онъ принужденъ былъ вернуть этотъ отрядъ назадъ въ Польшу, такъ какъ отъ Волошскаго воеводы Стефана была получена вѣсть о движеніи турокъ въ предѣлы Польши. Это обстоятельство въ связи съ пораженіемъ литовскаго союзника—Шигъ-Ахмата и склонило литовское правительство къ заключенію перемирія съ Москвою [294]). Поляки не только не помогли литовцамъ, но даже оказали на нихъ давленіе, понуждая ихъ къ миру во что бы то ни стало [295]). Перемиріе, заключенное при ихъ посредничествѣ, стоило Литвѣ множества городовъ и волостей, которыя она должна была уступить Москвѣ. Естественно, что литовскіе паны потеряли всякую охоту доводить до конца начатое дѣло и, по всѣмъ даннымъ, стремились даже къ уничтоженію того, что уже было сдѣлано.

Какъ бы то ни было, по заключеніи перемирія съ Москвою поляки не преминули напомнить Александру о его обѣщаніи, данномъ въ Мельникѣ въ 1501 году. Кромѣ того, польскіе послы, пріѣзжавшіе въ 1505 году звать литовскихъ пановъ на Люблинскій сеймъ, долженствовавшій собраться въ концѣ 1505 года для устройства совмѣстной обороны государствъ [296]), также потребовали отъ литовцевъ присылки желанныхъ «реверсаловъ». Изъ отвѣта литовской рады, отправленнаго на Люблинскій сеймъ, узнаемъ, какой конецъ имѣло дѣло, начатое въ 1501 г., при избраніи Александра королемъ польскимъ. Оказывается, что Александръ обращался за этими «реверсалами» какъ къ панамъ

---

[293]) По актамъ Александръ находился въ Люблинѣ 17 іюня 1502 года, а затѣмъ направился чрезъ Каменецъ, Новый Дворъ, Слонимъ, Новгородокъ къ Минску, куда прибылъ въ началѣ августа (Archiwum Sanguszków III, № LII; Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. V, т. I, 20; Archiwum Sanguszków I, № CXXII; Акты Вилен. Археогр. Ком. VII, 62; Акты Зап. Рос. I, № 198; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 111; VI, л. 207—209).

[294]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 241—243.

[295]) *Caro.* Geschichte Polens, V Theil, II Hälfte, s. 909—913. Gotha 1888.

[296]) *Fr. Czerny,* op. cit., str. 131.

или менѣе крупныхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ, которые принимали участіе въ мѣстномъ управленіи, были душею мѣстныхъ собраній, или сеймовъ, на которыхъ обсуждались и рѣшались различныя дѣла областей, командирами въ областныхъ ополченіяхъ и т. д., короче сказать—были вождями и заправилами въ областныхъ обществахъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдавалась Волынская земля, гнѣздо многочисленныхъ князей Рюриковичей и Гедиминовичей и значительнаго числа крупныхъ панскихъ родовъ. Къ нимъ принадлежали князья: Острожскіе и Заславскіе, Сангушки, Дубровицкіе, Чорторыйскіе, Збаражскіе и Вишневецкіе, Четвертеньскіе и Сокольскіе, Корецкіе, Курцевичи и Буремскіе, Ружинскіе, Козеки, Любецкіе, Велицкіе; паны: Кирдѣевичи, Резановичи, Монтовтовичи, Хребтовичи, Боговитиновичи, Чапличи, Гулевичи, Мукосѣевичи, Гостьскіе, Козинскіе, Джусичи, Бѣликовичи, Волотовичи, Еловичи и др.[317]). Изъ круга этихъ фамилій вышло много лицъ, занимавшихъ правительственныя должности въ Волынской землѣ, когда тамъ существовало особое княженіе, и составлявшихъ «вѣрную раду» Свидригайла. Таковы были: панъ Немиръ Резановичъ, *староста Луцкій* (въ 1445—1451)[318]); панъ Козаринъ Резановичъ, *маршалокъ Луцкой земли* (1438—1446)[319]); панъ Петрашъ (Кирдѣевичъ) Мыльскій, *маршалокъ земскій* (1446—1451)[320]); князь Михайло Константиновичъ Ольшаницкій (родоначальникъ Курцевичей), *староста Владимірскій* (1451)[321]), панъ Өедко Козловскій, *канцлеръ* (1446—1451)[322]); кн. Борисъ Глинскій, *подканцлеръ* (1446)[323]); панъ Өедко Хомичъ, *крайчій* (1446—1451)[324]); панъ Юшко Войдатовичъ, *ключникъ Луцкій* [325]); панъ Юрій, *маршалокъ* (1438—1444) [326]); панъ Бернатъ, *маршалокъ* (1438 —

---

[317]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 209—235; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy; *Bonieckiego* Poczet rodów; Акты Вил. Археогр. Комм. XIII, № 6; Archiwum ks. Sanguszków III, № CCCXL.

[318]) Акты Зап. Рос. I, № 45; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII.

[319]) Акты Зап. Рос. I. № 45; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLIV; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18.

[320]) Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII; III, № VIII.

[321]) Archiwum ks. Sanguszków III, № VII.

[322]) Ibidem, № VII—X; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18.

[323]) Archiwum ks. Sanguszków I, XLIV.

[324]) Ibidem, № XLVII, XLIX; tom III, № VIII; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 19, nota 20.

[325]) Archiwum ks. Sanguszków I, № XLIX.

[326]) Акты Зап. Рос. I, № 36; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLI.

было главною причиною созыва Берестейскаго сейма 1505 г.[302]). Этотъ сеймъ не былъ только сеймомъ пановъ радныхъ, какъ онъ изображается въ хроникахъ [303]), но великимъ сеймомъ, на которомъ присутствовали и землевладѣльцы изъ разныхъ земель великаго княжества. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что на немъ были смольняне, выпросившіе у своего господаря подтвержденье всѣхъ правъ и вольностей своей земли [304]). Но, по всѣмъ даннымъ, и на этотъ соймъ пріѣзжали преимущественно, если не исключительно, «старшіе» изъ областей великаго княжества. Гурскій въ своемъ комментаріи о дѣяніяхъ Сигизмунда прямо говоритъ, что въ Берестье съѣзжались optimates et consiliarii, отмѣчая такимъ образомъ аристократическій характеръ сейма [305]).

По смерти Александра, послѣдовавшей 19 августа 1506 года въ Вильнѣ, паны-рада назначили сеймъ всѣмъ землямъ великаго княжества для избранья и «поднесенья» на великое княженіе новаго господаря. Уже вошло въ обычай рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы на великихъ сеймахъ. Въ данномъ случаѣ былъ и прямой прецедентъ—избраніе великаго князя Александра, которое совершено было также на великомъ сеймѣ, при участіи землевладѣльцевъ всѣхъ земель великаго княжества. При томъ же и обстоятельства разсматриваемаго момента были таковы, что заставляли литовское панство, какъ и при избраніи Александра, искать опоры въ другихъ общественныхъ силахъ великаго княжества, избирать господаря по общему согласію и рѣшенію князей, пановъ и бояръ всѣхъ земель великаго княжества. Въ государствѣ существовала многочисленная партія, которая не прочь была посадить на великокняжескомъ столѣ кн. Михаила Львовича Глинскаго. Поляки настаивали на обязательности для Литвы уніи, заключенной въ 1501 году, и теперь должны были предпринять новую попытку къ ея осуществленію на дѣлѣ. Избраніе господаря общенародною волею въ значительной мѣрѣ парализовало и ту, и другую опасность.

---

[302]) Кромѣ того, побужденіемъ къ созыву этого сейма могли быть и новыя домогательства Сигизмунда на полученіе «дѣла» въ великомъ княжествѣ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что какъ разъ въ это самое время (2 февраля) король Владиславъ Чешскій выдавалъ ему привилей на свою часть въ великомъ княжествѣ. См. *Hr. de Broel-Plater*, Zbiór pamiętników, tom I, str. 32—34.

[303]) Хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 54, 55); *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 71—79); *Стрыйковскаго* (II, str. 321, 322).

[304]) Акты Зап. Рос. I, № 213.

[305]) Acta Tomiciana I, p. 16.

Коронные сенаторы получивъ извѣстіе о смерти Александра и приготовленіяхъ литовцевъ къ избранію новаго господаря, отправили въ Вильну Краковскаго хоружія Фирлея напомнить литовцамъ о договорѣ 1501 г. и просить, чтобы они не приступали отдѣльно отъ поляковъ къ избранію господаря [306]). Но литовцы не послушались. Впослѣдствіи ихъ послы, которымъ поручено было просить помощи у поляковъ, увѣряли ихъ, что литовцамъ невозможно было медлить съ избраніемъ господаря и дожидаться собранія общаго польско-литовскаго сейма въ виду тѣхъ опасностей, которыя угрожали великому княжеству какъ извнѣ, такъ и внутри [307]) Въ этомъ дипломатическомъ объясненіи несомнѣнно была доля правды, но далеко не вся правда. Мы уже знаемъ, какъ относились литовцы къ уніи 1501 года, и потому едва ли одна только необходимость заставила ихъ приступить къ избранію господаря безъ поляковъ.

Какъ бы то ни было, 20 октября 1506 года всѣ литовскіе «паны и княжата со всими землями, прислухаючими къ великому князству», «едностайною волею» избрали на великое княженіе королевича Сигизмунда, дѣдичнаго и прироженаго господаря своего [308]). Земли великаго княжества представлены были на этомъ сеймѣ, по словамъ Стрыйковскаго, *послами отъ воеводствъ и повѣтовъ.* Эти послы послѣ избранія принесли вмѣстѣ съ князьями и панами присягу новому господарю [309]). Врядъ ли здѣсь можно разумѣть пословъ въ собственномъ смыслѣ, для избранія которыхъ по отдѣльнымъ землямъ слишкомъ мало было времени. Скорѣе всего это были такіе же «старшіе» землевладѣльцы, которые участвовали и въ избраніи великаго князя Александра, и которые могли пріѣхать на сеймъ безъ процедуры избранія, немедленно по полученіи приглашенія.

Передъ торжественнымъ «поднесеньемъ» Сигизмунда на великое княженіе паны - рада духовные и свѣтскіе и всѣ подданные великаго княжества, присутствовавшіе на сеймѣ, били Сигизмудомъ челомъ о подтвержденіи правъ и вольностей, дарованныхъ имъ его предшествен-

---

306) Acta Tomiciana, tomus I, № VI, VII.

307) *Kaz. Pułaskiego* Przyczynek de elekcyi Żygmunta I (Szkice i poszukiwania historyczne, str. 78—83).

308) Рѣчь литовскихъ пословъ кн. Войтеха, бискупа Луцкаго, Станислава Петровича и Яна Заберезинскаго, отправленныхъ въ Польшу послѣ избранія Сигизмунда великимъ княземъ. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 104, 105. Срав. комментарій Станислава Гурскаго въ Acta Tomiciana I, № XIII.

309) Kronika, tom II, str. 338, 339.

дѣльческихъ крестьянъ отъ платежа податей въ государственную казну литовско-русскій господарь скоро сталъ терпѣть нужду въ деньгахъ и вынужденъ былъ прибѣгать къ экстренному обложенію владѣльческихъ имѣній. Но повторять это часто единоличными распоряженіями или даже съ согласія пановъ рады было невозможно, не нарушая дарованныхъ привилегій. Поэтому съ теченіемъ времени, когда финансовая нужда приняла уже хроническій характеръ, и въ скарбѣ великаго княжества стало постоянно не хватать денегъ на удовлетвореніе неотложныхъ государственныхъ нуждъ, литовско-русскій господарь сталъ созывать князей, пановъ и шляхту бояръ на сеймъ и заручаться ихъ согласіемъ на сборъ серебщины въ томъ или другомъ случаѣ. Такъ какъ новыя права и вольности распространялись уже не только на великое княжество въ тѣсномъ смыслѣ, но и на области-аннексы, то и къ сеймовымъ совѣщаніямъ стали привлекаться, кромѣ прелатовъ, князей, пановъ и шляхты Литвы и объединенной съ нею Руси, также и военнослужилые землевладѣльцы областей-аннексовъ великаго княжества. Вслѣдствіе этого и «вальный соймъ» Литовско-Русскаго государства превратился въ «великій вальный соймъ».

Образованіе великаго вальнаго сойма Литовско-Русскаго государства знаменовало собою уничтоженіе исключительности политическаго господства собственной Литовской земли. Это уничтоженіе было результатомъ той энергической борьбы, которую вели области-аннексы великаго княжества противъ господствующей земли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV ст. Во время этой борьбы они наглядно показали свою силу и значеніе и заставили господствующую землю пойти на компромиссъ и сдѣлать имъ рядъ уступокъ въ смыслѣ уравненія въ правахъ и вольностяхъ и участія въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Источникъ той силы, которую обнаружили области великаго княжества въ борьбѣ съ господствующею землею, заключался въ ихъ соціально-политической организаціи. Благодаря этой организаціи населеніе областей представляло изъ себя не разбитую народную массу, надъ которой легко было властвовать, а рядъ довольно крупныхъ и компактныхъ обществъ, имѣвшихъ своихъ вождей и руководителей и бывшихъ въ состояніи постоять за свои права и интересы. Военнослужилые землевладѣльцы областей, державшіе въ зависимости отъ себя мѣстное крестьянство и отчасти даже и мѣщанство, объединялись въ мѣстныхъ ополченіяхъ и на мѣстныхъ сеймахъ, гдѣ рѣшались различные вопросы областной жизни, въ солидарныя общества, способныя къ дѣятельному вмѣшательству въ общегосударственныя дѣла въ своихъ интересахъ. Эти общества имѣли своихъ вождей и руководителей въ лицѣ мѣст-

ныхъ князей и старшихъ бояръ, или пановъ, владѣвшихъ относительно крупными имѣньями и участвовавшихъ въ мѣстномъ управленіи на разныхъ урядахъ частью по назначенію господаря, а частью по выбору своей братьи.

Эти князья и старшіе бояре естественно и попали прежде всего въ качествѣ представителей отъ областей на великіе вальные соймы Литовско-Русскаго государства. Соймы эти, какъ показываетъ государственная практика великаго княжества за великокняженіе Казимира и Александра, сначала созывались только въ особо важныхъ случаяхъ, а именно: когда приходилось избирать новаго господаря и заключать договоры, рѣшавшіе судьбу государства. Всѣ другія важныя дѣла государства рѣшались либо на сеймахъ господаря съ панами-радою, либо на сеймахъ съ участіемъ шляхты бояръ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Обычныя текущія дѣла господарь рѣшалъ частью единолично, частію по совѣту съ тѣми панами-радою, которые въ данный моментъ находились при его особѣ.

Сопоставляя приведенные здѣсь факты и указанія, съ фактами и указаніями, данными въ первой главѣ, приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ касательно происхожденія изучаемаго нами учрежденія.

1. Литовско-русскій сеймъ былъ порожденіемъ особой организаціи литовско-русскаго общества, въ составѣ котораго оказалось съ одной стороны много аристократическихъ элементовъ изъ крупныхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ съ вліяніемъ и властью въ обществѣ, а съ другой стороны рядъ крѣпкихъ и сильныхъ мѣстныхъ общественныхъ союзовъ съ своими вождями и руководителями.

2. Его возникновеніе облегчилось тѣмъ обстоятельствомъ, что владѣльческій элементъ недостаточно еще былъ развитъ въ составѣ великокняжеской власти, носившей преимущественно военно-политическій характеръ, и великій князь, имѣвшій значеніе національнаго вождя, ни въ собственныхъ глазахъ, ни въ глазахъ общества не былъ еще собственникомъ и полнымъ хозяиномъ государства, могущимъ распоряжаться его судьбами.

3. Литовско-русскій сеймъ возникъ во время установленія уніи великаго княжества Литовскаго съ Польшею. События этой эпохи вызвали къ политической самодѣятельности крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, дали имъ возможность обнаружить свою мощь и значеніе и повлекли за собою признаніе извѣстныхъ политическихъ правъ и на будущее время за ихъ совокупностью въ лицѣ литовско-русскаго сейма.

[illegible]никъ XIII—XV вв. съѣзжались часто для защиты страны и для [illegible]денія и рѣшенія различныхъ политическихъ вопросовъ, объявляли [illegible]ну, вели переговоры и заключали миръ;—тѣ самые *бояре*, или *паны*, [illegible]торые владѣли крѣпостными и оброчными людьми въ своихъ имѣнь[illegible] [313]. Когда Жмудская земля окончательно соединилась съ великимъ [illegible]ствомъ, классъ этотъ не потерялъ въ ней своего прежняго зна[illegible]. Это значеніе подтверждено было за нимъ отчасти,—а въ нѣко[illegible] отношеніяхъ, даже усилено,—тѣми грамотами на права и воль[illegible] которыя выданы были Жмудской землѣ. Попрежнему онъ оставался [illegible] классомъ въ Жмудской землѣ. Какъ главный правитель Жмуд[illegible] земли—староста, такъ и второстепенные—тивуны назначались го[illegible] изъ лицъ, принадлежавшихъ къ мѣстной землевладѣльческой [illegible] и родныхъ боярамъ Жмудской земли. Всѣ эти лица чувствовали [illegible] себя не столько великокняжескими намѣстниками, сколько зем[illegible] правителями, призванными землею радѣть о земскомъ дѣлѣ. [illegible] по временамъ они становились въ прямую оппозицію [illegible] къ центральному правительству, на стражѣ правъ и ин[illegible] Жмудской земли [314]. Для рѣшенія различныхъ вопросовъ [illegible] они собирались вмѣстѣ и сообща вершили различныя [illegible] собирая въ экстренныхъ случаяхъ на мѣстный сеймъ и [illegible] военнослужилыхъ землевладѣльцевъ Въ военное время эти [illegible] староста и старшій тивунъ, носившій хоругвь земскую) соби[illegible] на войну всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ Жмуд[illegible] которые въ общемъ войскѣ («въ гуфѣ вальномъ») стояли [illegible] полкомъ [315].

[illegible] общаго съ этою организаціею имѣла соціально-политиче[illegible] организація и остальныхъ земель-аннексовъ великаго княжества. [illegible] также имѣлся въ наличности извѣстный контигентъ болѣе

[illegible]holz, Samaiten und der deutsche Orden, str. 13—18, 47; 88.
[illegible] 87, 165.
[illegible] дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, [illegible] 28, 50; Литов. Метр. кн. Запис. XV. л. 89.
[illegible] уставѣ 1529 года староста и тивуны должны были съѣзжаться че[illegible] для отправленія судовъ «посполитыхъ». На этихъ съѣздахъ они [illegible] и другія дѣла. Такъ, въ 1530 году старосты и тивуны на одномъ [illegible] написали господарю представленіе о пожалованіи тивунства [illegible] Юшковичу. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 329.
[illegible] Зап. Рос. III, № 14 (стр. 40), 24 (стр. 101); *Stryjkowskiego* [illegible] II. str. 390.

или менѣе крупныхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ, которые принимали участіе въ мѣстномъ управленіи, были душею мѣстныхъ собраній, или сеймовъ, на которыхъ обсуждались и рѣшались различныя дѣла областей, командирами въ областныхъ ополченіяхъ и т. д., короче сказать—были вождями и заправилами въ областныхъ обществахъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдавалась Волынская земля, гнѣздо многочисленныхъ князей Рюриковичей и Гедиминовичей и значительнаго числа крупныхъ панскихъ родовъ. Къ нимъ принадлежали князья: Острожскіе и Заславскіе, Сангушки, Дубровицкіе, Чорторыйскіе, Збаражскіе и Вишневецкіе, Четвертеньскіе и Сокольскіе, Корецкіе, Курцевичи и Буремскіе, Ружинскіе, Козеки, Любецкіе, Велицкіе; паны: Кирдѣевичи, Резановичи, Монтовтовичи, Хребтовичи, Боговитиновичи, Чапличи, Гулевичи, Мукосѣевичи, Гостьскіе, Козинскіе, Джусичи, Бѣликовичи, Волотовичи, Еловичи и др.[317]). Изъ круга этихъ фамилій вышло много лицъ, занимавшихъ правительственныя должности въ Волынской землѣ, когда тамъ существовало особое княженіе, и составлявшихъ «вѣрную раду» Свидригайла. Таковы были: панъ Немиръ Резановичъ, *староста Луцкій* (въ 1445—1451)[318]); панъ Козаринъ Резановичъ, *маршалокъ Луцкой земли* (1438—1446)[319]); панъ Петрашъ (Кирдѣевичъ) Мыльскій, *маршалокъ земскій* (1446—1451)[320]); князь Михайло Константиновичъ Ольшаницкій (родоначальникъ Курцевичей), *староста Владимірскій* (1451)[321]), панъ Θедко Козловскій, *канцлеръ* (1446—1451)[322]); кн. Борисъ Глинскій, *подканцлеръ* (1446)[323]); панъ Θедко Хомичъ, *крайчій* (1446—1451)[324]); панъ Юшко Войдатовичъ, *ключникъ Луцкій* [325]); панъ Юрій, *маршалокъ* (1438—1444) [326]); панъ Бернатъ, *маршалокъ* (1438—

---

[317]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 209—235; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy; *Bonieckiego* Poczet rodów; Акты Вил. Археогр. Комм. XIII, № 6; Archiwum ks. Sanguszków III, № CCCXL.

[318]) Акты Зап. Рос. I, № 45; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII.

[319]) Акты Зап. Рос. I. № 45; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLIV; Акты Южн. и Зап. Рос. I. № 18.

[320]) Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII; III, № VIII.

[321]) Archiwum ks. Sanguszków III, № VII.

[322]) Ibidem. № VII—X; Акты Южн. и Зап. Рос. I. № 18.

[323]) Archiwum ks. Sanguszków I, XLIV.

[324]) Ibidem, № XLVII, XLIX; tom III, № VIII; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 19, nota 20.

[325]) Archiwum ks. Sanguszków I, № XLIX.

[326]) Акты Зап. Рос. I, № 36; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLI.

[illegible] Литвою [illegible] [227]. [illegible] треснулись [illegible] [illegible] [228]. [illegible] [229]. [illegible] и другіе [illegible] шляхетской [illegible] [230] [illegible] вопросы [illegible] жизни [illegible] политической жизни [illegible] земледѣльческаго [illegible] отдѣльный [illegible] единицы въ [illegible] въ [illegible] центральное управленіе государства, поэтому не мо- [illegible] и при [illegible] об- [illegible] за [illegible] землевладѣльцевъ Влади- [illegible] земли [illegible] на [illegible] сей- махъ и въ войскѣ. [illegible] въ главномъ городѣ земли [illegible] польскимъ [illegible] не только князья и паны, но и простые [illegible] другія

---

[227] Акты Зап. Рос. I, № 3[illegible], [illegible].

[228] Акты Зап. Рос. I, № [illegible], 37; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18, 24; Archiwum ks. Sanguszków I, № XXXVI, XXXVIII, XLI, XLIV, [illegible]—XLIX; том III, № VII—XI.

[229] [illegible] Poczet rodów; spis dygnitarzy i urzędników; Archiwum ks. Sanguszków I, № XCIX, CXXXI.

[230] Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36; Акты Зап. Рос. II, № 54.

дѣла [331]). Здѣсь они пріобщались къ политической жизни страны, входили въ курсъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ интересовъ и сообща съ князьями и панами рѣшали различные вопросы, выдвигавшіеся на очередь областною или общегосударственною жизнью [332]). Кромѣ мѣстныхъ сеймовъ, князья, паны и земяне шляхта соединялись и въ мѣстномъ ополченіи, которое собиралъ и водилъ на театръ военныхъ дѣйствій маршалокъ земли Волынской [333]). Это ополченіе при общегосударственной мобилизаціи не разбивалось по частямъ, а составляло особый полкъ земли Волынской, стоявшій подъ своею земскою хоругвью [334]). Такая военная организація, бывшая прямымъ наслѣдіемъ той эпохи, когда Волынская земля была особымъ княжествомъ, также содѣйствовала сближенію мѣстныхъ землевладѣльцевъ и развитію среди нихъ чувствъ товарищества и солидарности, общности интересовъ какъ внѣ, такъ и внутри великаго княжества.

Мѣстную аристократію находимъ и въ землѣ Кіевской. Ея существованіе констатируетъ самый привилей выданный *князьямъ*, *панамъ* и *боярамъ* Кіевской земли [335]). Къ этой аристократіи по актамъ принад-

---

[331]) Участіе въ отправленіи правосудія представляло и матеріальный интересъ, ибо, судя по одному акту отъ 23 марта 1523 года, участники получали отъ суда нѣкоторые доходы — «помочное». Это «помочное» съ теченіемъ времени отошло къ одному маршалку Волынской земли. Archiwum ks. Sanguszków III, № CCLV. О значеніи помочнаго см. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 684.

[332]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 869—872. Въ дополненіе къ приведеннымъ здѣсь фактамъ укажемъ еще на нѣкоторые случаи собранія мѣстныхъ «соймовъ» въ Волынской землѣ. Въ декабрѣ 1536 года господарь приказалъ своимъ волынскимъ урядникамъ собрать на «соймъ» князей, пановъ и всю шляхту Волынской земли и произвести на этомъ соймѣ «обыскъ и каранье» всѣхъ тѣхъ, кто занимался разбоями и кражами или не унималъ отъ этого своихъ людей, отобрать со всѣхъ присягу въ томъ, что не будутъ передерживать у себя въ имѣньяхъ разбойниковъ и воровъ и будутъ тщательно слѣдить за своими людьми, «абы ся злодѣйство не множило» (Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 55 об.—57). Въ 1544 году мѣстные владыки, старосты, князья и паны на соймѣ избрали кандидата для замѣщенія вакантной должности архимандрита Жидичинскаго монастыря (кн. Запис. XXIV, л. 215 об.—216).

[333]) Archiwum ks. Sanguszków III, № CCCCLIX; tom IV, № I, LXV, LXXXI, LXXXII, CIV, CV; Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 96 об.—97, XLV, л. 15.

[334]) Эта хоругвь находилась въ рукахъ хоружія земли Волынской, который по временамъ заступалъ маршалка. См. Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 231, 232; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 708.

[335]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

лежали князья Глинскіе и Капусты, паны Полозовичи, Кмиты, Каленьковичи, Тышкевичи, Дашковичи (родон. Дашко Тубачевичъ, маршалокъ Свидригайла), Горностаи и др.[336]). Изъ этого класса выходили различные урядники Кіевской земли, намѣстники пригородовъ и волостей [337]), *тивунъ*, *ключникъ*, *городничій*, *ловчій*. Это, какъ извѣстно, гарантировано было привилеемъ Кіевской земли, который утверждалъ, что городи кіевскіе, а равно и волости будутъ раздаваться только кіевлянамъ и никому иному. Такимъ образомъ, мѣстная землевладѣльческая знать осталась правящимъ классомъ въ Кіевской землѣ и съ отмѣною тамъ княженія. Ей же принадлежало первое мѣсто и руководящая роль на мѣстныхъ сеймахъ, въ которыхъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, принимали участіе даже мѣщане главнаго города земли—Кіева [338]). Эти сеймы, а равно военная служба подъ однимъ знаменемъ объединяли эту знать со всею остальною массою военнослужилаго люда и превращали ее въ значительную политическую силу, съ которою должна была считаться литовская правящая знать при рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ.

Въ Смоленской землѣ, болѣе многолюдной, чѣмъ Кіевская земля, существовала и болѣе многочисленная княжеская и боярская аристократія. Къ ней принадлежали — кн. Вяземскіе, Козловскіе, Жилинскіе, Глинскіе, Крошинскіе, Глазыничи, Глушонки и другіе потомки смоленскихъ Рюриковичей, а также князья Черниговскаго рода—Воротынскіе, Одоевскіе, Перемышльскіе, Мосальскіе, Мезецкіе, получившіе владѣнія въ Смоленской землѣ; бояре — Сопѣги, Басичи, Полтевы, Плюсковы, Баки, Кошки, Синцовы, Плѣшкины, Скипоревы, Чертовы и др.[339]). Изъ лицъ этихъ фамилій назначались намѣстники смоленскихъ пригородовъ и волостей и различные урядники, оставшіеся въ главномъ городѣ земли отъ того времени, когда тамъ сидѣли князья Рюриковичи, какъ-то:

---

[336]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 19, n. 20; 77, 78, 86—88, 157, 158; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 42, 46, 86, 115, 116, 132, 133, 351—356 и др.; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 237—247; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII.

[337]) На староствахъ Черкасскомъ и Каневскомъ въ концѣ XV и нач. XVI в. мы видимъ, напр., представителей родовъ кн. Глинскихъ и Капустъ, пановъ Кмитъ Дашковичей. Полозовичей, Горностаевъ, Тишковичей и т. д. *Bonieckiego* op. cit., Spis dygnitarzy i urzędników.

[338]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 868, 874.

[339]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, стр. 19, 20—24, 33—36.

нами. Предстояло затѣмъ снаряжаться къ этой войнѣ, готовить для нея средства. Въ то время Литва въ большихъ и продолжительныхъ войнахъ уже привыкла пользоваться услугами наемныхъ войскъ, по примѣру Польши и другихъ западноевропейскихъ государствъ [4]). Люди, посвящавшіе себя военному ремеслу, солдатской профессіи, оказывались въ битвахъ болѣе искусными и стойкими, чѣмъ рыцарская дворянская или городская милиція. Съ другой стороны съ этою милиціею трудно было оперировать во всѣхъ сколько-нибудь продолжительныхъ и затягивавшихся войнахъ. На западѣ, какъ извѣстно, существовали прямые сроки, по истеченіи которыхъ рыцари могли уѣхать съ войны. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ такихъ сроковъ, правда, не было, но собиравшіеся на войну бояре сплошь и рядомъ разъѣзжались по домамъ по необходимости, вслѣдствіе истощенія привезенныхъ изъ дома съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ и денегъ, или просто для свиданья съ семьями. Поэтому уже при Казимирѣ и Александрѣ въ войнахъ съ Москвою употреблялись наемные «*служебные*» или «жолнеры». Какимъ цѣннымъ элементомъ въ войскѣ они считались лучше всего показываетъ порученіе, данное великимъ княземъ Александромъ послу Литавору, отправленному въ Польшу въ мартѣ 1493 г. съ просьбою о помощи противъ Москвы. Поручая послу войти въ предварительные переговоры съ ротмистрами касательно найма на службу жолнеровъ, на тотъ случай, если въ нихъ будетъ нужда, Александръ приказывалъ послу, чтобы на этотъ разъ онъ нанялъ хота бы триста жолнеровъ и привелъ ихъ въ Берестье, гдѣ они и получатъ приказъ о дальнѣйшемъ движеніи [5]). Итакъ, и триста жолнеровъ считались цѣннымъ вспомогательнымъ отрядомъ. Очевидно, ихъ цѣнили не за количество, а за качество, за то моральное дѣйствіе, которое оказывали они въ битвахъ своимъ искусствомъ и стойкостью на остальное войско. Это были передовые бойцы, увлекавшіе въ аттаку остальныхъ и удерживавшіе ихъ на полѣ битвы въ случаѣ встрѣчнаго натиска. Какъ важно было ихъ участіе въ бою, показала Ведрошская битва, въ которой сражалось одно только земское ополченіе великаго княжества Литовскаго: въ этой битвѣ литовцы, какъ извѣстно, не обнаружили стойкости, были разбиты на-голову, много людей было побито, много побрано въ плѣнъ

---

[4]) Въ Польшѣ наемныя войска были въ ходу уже съ начала XV в., а можетъ быть и ранѣе. См. *D-ra Alfreda Blumenstoka* Płany reform scarbowo-wojskowych w pierwszej połowie panowania Żygmunta Starego, str. 20, 27. Lwów 1888.

[5]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 141.

[illegible] интересами съ тамошними владѣльцами, а на [illegible] небольшими исключеніями, не играли видной роли. [illegible] значеніе имѣли въ Витебской землѣ нѣкоторые боярскіе [illegible] [Гл]ѣбовичи, Ильиничи, Немировичи, Ромейковичи [illegible] [illegible]ьевичи, [Ст]ехновичи, Митковичи, Коптевичи, Во[illegible] [illegible], [Б]илошевичи, Селепуги [344]) и др. Глѣбовичи, [illegible] [illegible] поставляли Витебскихъ намѣстниковъ-воеводъ [illegible] [illegible] другихъ фамилій выходили лица, [illegible] [illegible] [В]итебскія волости въ держанье, какъ, [illegible] [illegible] [illegible], равно и земскіе уряды, сохра[illegible] [illegible] [кн]яжеской эпохи, какъ-то: *конюшее, городничее,* [illegible] *[о]кольничее* [345]). Всѣ эти должност[ныя лица], [illegible] [отп]равленія своихъ спеціальныхъ обязанностей, обы[кновенно] [прису]тствовали вмѣстѣ съ другими князьями и боярами и [illegible] [Вит]ебскими мѣщанами на судѣ намѣстника-воеводы и со[illegible] [illegible] которымъ онъ совѣщался по разнымъ дѣ[ламъ]. [illegible] [К]нязья и старшіе бояре Витебской земли дорожили сво[имъ] [illegible] значеніемъ въ области, ибо оно удовлетворяло не [illegible] [illegible] [м]ѣстной самобытности и старинѣ, но и сопряжено [было] [illegible] [illegible] материальными выгодами. Всѣ долж[ности] [illegible] [от]правляли въ области, приносили имъ извѣстный [illegible] [illegible] часть «пересуда», который взимался [illegible] [illegible] за судъ которыхъ они присутствовали. [illegible] права отъ нарушенія со стороны [illegible] [illegible] [о]рлановъ [346]). Этой мѣстной ари-

[344]) [illegible] I. стр. 10, 11, 16; Област[ное] [illegible] Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. [illegible] 24, 35, 45—49, 69, 74, [illegible]

[345]) [illegible] 86: Областное дѣленіе и [illegible]

[346]) Литов. Метр. [illegible] XVI л. 7—11, 16—19, 21—[illegible] [illegible] rodów. str. 96, 283; [illegible]

[347]) [illegible] [Я]куша Костевича, витеб[ского] [illegible] [illegible] Витебскими всякіе [illegible] [illegible] [иск]ивали и пересудъ [illegible] [illegible] одна половица пересуда на в[оеводу], а другая половица [illegible] намѣстникомъ воеводинымъ так же дѣльница, намѣстнику его што и бо[я]рину, который при суде будеть». Это показаніе было подтверждено предшествен-

стократіи принадлежала и руководящая роль на областныхъ сеймахъ, которые собирались въ Витебской землѣ для рѣшенія, кого просить у господаря въ воеводы, для составленія различныхъ просьбъ и жалобъ господарю, касающихся общихъ интересовъ, и для выработки постановленій, вводившихъ какія-нибудь новыя обязанности. На эти сеймы собирались всѣ вообще князья и бояре, кто хотѣлъ и могъ пріѣхать, и мѣщане главнаго города земли [348]). Сеймы, какъ и военная служба подъ однимъ знаменемъ, носившимся хоружимъ Витебской земли [349]), сближали князей, бояръ и мѣщанъ въ одно солидарное общество и образовывали изъ нихъ крупную политическую силу.

Въ Полоцкой землѣ къ составу мѣстной аристократіи принадлежали князья Лукомскіе, отчина которыхъ находилась въ Полоцкомъ повѣтѣ, и пришлые князья Соколинскіе, Подберезскіе, Озерецкіе, Глинскіе, Осовицкіе и нѣкоторые другіе, пріобрѣтшіе тамъ имѣнья [350]); изъ боярскихъ родовъ—Корсаковичи, Зеновьевичи, Быстрейскіе, Θедьковичи, Рагозы, Епимаховичи, Коробовичи, Радковичи, Селявы, Быковскіе, Невельскіе и нѣкоторые другіе [351]). Изъ этихъ фамилій выходили второстепенные урядники Полоцкой земли — *хоружій*, *городской тивунъ*, *городничій*, *ключникъ*, *бобровничій и мостовничій*, а также *намѣстники*

никами Януша Костевича по Витебскому воеводству, панами Юріемъ Глѣбовичемъ и и Иваномъ Сопегою, вслѣдствіе чего господарь съ панами радою постановилъ, что и впредь такъ должно быть. Кромѣ того, по жалобѣ князей и бояръ, рѣшено было, чтобы уряды Витебскіе—городничее, конюшее, ключъ и ловчее не отдавались воеводою своимъ слугамъ, а витебскимъ князьямъ и боярамъ. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 204 об.—206. Сравн. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 865—868.

[348]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 873—875. Сравн. Памятники Временной Кіевской Комм., т. I, отд. 2-е, стр. 1—7.

[349]) *Bonieckiego* Poczet rodów; spis dygnitarzy i urzędników, str VII; Въ Витебской землѣ многіе мѣщане владѣли земскими имѣньями и потому обязаны были вмѣстѣ съ боярами отправлять военную службу. Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ I, л. 216—219.

[350]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 255—261; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 163, 168, 169, 461—463; Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 210—216; Записей XVI, л. 118, 134, 135, 183, 184, 207—210, 247, 248, 270, 271 и др.

[351]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 13, 15; Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ I, л. 210—216; кн. Записей XVI, л. 114, 115, 118, 140, 141, 145, 147, 149, 150, 173, 174, 178, 179, 183, и др.

москвитянами. Хотя съ литовской стороны это пораженіе объяснялось превосходствомъ непріятельскихъ силъ, превосходившихъ литовскія будто бы болѣе, чѣмъ въ десять разъ (40 т. противъ $3\frac{1}{2}$ тыс.) [6], тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ недостаткѣ стойкости земскаго ополченія великаго княжества Литовскаго. Этотъ недостатокъ обнаружился и въ другихъ пораженіяхъ, испытанныхъ въ томъ же году литовскими войсками, напр., подъ Мстиславлемъ [7]. Вотъ почему Александръ послѣ этихъ пораженій навербовалъ для продолженія войны множество служебныхъ людей въ Польшѣ, Моравіи и Силезіи за дорогую цѣну [8]. Хотя эти служебные на первыхъ порахъ не принесли пользы (вслѣдствіе наступившей осенней непогоды и распутицы москвитяне ушли домой) и только починили грабежи и опустошенія литовскимъ подданнымъ, тѣмъ не менѣе Александръ не разочаровался въ нихъ, и въ послѣдующее время мы видимъ у него на службѣ этихъ жолнеровъ. Въ 1501 г. онъ обѣщалъ Ливонскому магистру, собиравшемуся ударить на Псковъ, выслать на помощь шляхту Полоцкаго повѣта подъ начальствомъ намѣстника Станислава Глѣбовича и 5000 жолнеровъ (stipendiariorum) подъ начальствомъ чеха Цырпа (Cyrna). Во время лѣтняго похода противъ москвитянъ въ 1502 г. Александръ, лично участвовавшій въ походѣ, напередъ себя послалъ служебныхъ людей [9]. Служебные люди въ то же время были разставлены на пограничныхъ замкахъ, напр., въ Полоцкѣ и Смоленскѣ и оставались тамъ и по окончаніи войны съ Московскимъ государемъ, на всякій случай [10]. Польское правительство уже давно пользовалось услугами наемныхъ войскъ въ своихъ войнахъ вслѣдствіе систематическаго уклоненія шляхты отъ военной службы. Такимъ образомъ и чужой, и собственный опытъ при-

---

6) Хроники *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 59) и *Стрыйковскаго* (tom II, str. 311).

7) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. I, т. V, 1467. Изд. Т-ва «Общественная Польза».

8) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 39, 40).

9) Supplementum ad historica Russiae monumenta, № CXXIV; Литов. Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 1; Акты Зап. Рос. I, № 199.

10) Изъ квитанціи, выданной 1505 г. 28 іюня лентвойту Полоцкому Якубу Кезмарковичу, видно, что онъ изъ 400 копъ грошей, собираемыхъ ежегодно съ мѣста Полоцкаго на господаря, выдалъ «за жолнировъ» Скелевскому 15 копъ, нѣкоему Якубу Рику Барберу 15 копъ безъ 2 грошей, Харитону 5 копъ. Метр. кн. Запис. V, л. 241—243.

Бѣльскаго повѣтовъ получили право выбирать изъ среды себя кандидатовъ для представленія господарю на освободившіяся мѣста *земскаго судьи, подсудка и писаря* (per liberam electionem indigenarum et omnium nobilium *conuentionaliter* congregatorum); изъ среды нихъ же обязательно назначались и другіе второстепенные урядники, какъ, напр., *хоружіе, войскіе* [358]), *лѣсничіе, гаевники, бобровничіе*. Это обѣщано было уже въ грамотѣ, выданной Казиміромъ Дорогицкой землѣ послѣ возвращенія ея отъ Мазовіи [359]). Акты конца XV и начала XVI в. показываютъ, что это обѣщаніе дѣйствительно исполнялось: перечисленные уряды замѣщались лицами изъ видныхъ земянскихъ родовъ Подляшья, каковы были: Грималы, Сѣкирки, Лубы, Цыбулки, Корыцкіе, Вольскіе, Пучицкіе, Водынскіе, Сарнецкіе, Копытовскіе, Малиновскіе, Гусовскіе, Вербицкіе, Рачковскіе, Фальковскіе, Дубровскіе, Свентицкіе, Оленьскіе, Борыховскіе, Каменьскіе, Щитовичи, Заранковичи, Скирминовичи, Мискевичи, Ковалевичи [360]) и др. Нѣкоторые изъ этихъ родовъ возвышались даже до старостинскихъ урядовъ въ области, каковы были Грималы. Но вообще же на должности мѣстныхъ старостъ назначались лица изъ стороннихъ княжескихъ и панскихъ родовъ (изъ Литвы, Волыни, Кіевской земли и даже Витебской), пріобрѣтшихъ имѣнья на Подляшьѣ. Таковы были: кн. Глинскіе, Гаштольды, Радивилы, Заберезинскіе, Ильиничи, Кишки, Сопѣги, Хребтовичи, Довойновичи, Богоштиновичи, Стецковичи [361]). Эти фамиліи, составлявшія мѣстную землевладѣльческую аристократію, держались особнякомъ отъ остальной массы военнослужилаго люда и не играли роли мѣстныхъ вождей и руководителей. Они занимали въ области привилегированное и изолированное положеніе, освобождались обыкновенно отъ присуда мѣстныхъ

[358]) Обязанность *войскаго* довольно ясно опредѣлена въ привилеѣ на эту должность въ Берестьѣ, выданномъ земянину Мартину Туру 20 февраля 1534 года: «мають онъ тое войское держати и въ небытности старосты нашого Берестейского часовъ небезпечныхъ отъ неприятелей, або естли бы служба наша и земская зашла, при томъ замку нашомъ мешкати и въ доброй опатрности его мети и во всемъ справоватися такъ, яко иншии войскии на замкахъ нашихъ ся справують» (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 469 об.—470).

[359]) Zbiór praw litewskich, str. 118—121.

[360]) *Ænieckiego* Poczet rodów; spis dygnitarzy i urzędników; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 188, 189, 637, 653, 672. 700, 806 и др.; Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 117—193.

[361]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 188—190; *Bonieckiego* op. cit., spis dygnitarzy i urzędników.

замковыхъ и земскихъ урядниковъ, несли военную повинность не въ ополченіи земли, а равно не несли сообща съ землею замковыхъ, денежныхъ и другихъ повинностей [362]). Но подляшскіе земяне и помимо этихъ пришлыхъ пановъ, съ которыми они пребывали большею частью во враждебныхъ отношеніяхъ, въ своей собственной средѣ находили вождей и руководителей и группировались въ сплоченныя и солидарныя общества, собираясь на земскіе «роки» (суды) и сеймы, совершая вмѣстѣ военные походы подъ своими повѣтовыми хоругвями и т. д.

Изложенная нами соціально-политическая организація областей-аннексовъ великаго княжества Литовскаго уясняетъ не только происхожденіе, но и первоначальный составъ великаго вальнаго сойма. На этотъ соймъ, по нѣкоторымъ указаніямъ источниковъ, съѣзжались изъ областей великаго княжества первоначально только «старшіе» люди. Послѣ ознакомленія съ соціально-политическою организаціею областей, мы можемъ сказать, кто эти были «старшіе», можемъ добавить далѣе, что такой составъ первоначальнаго общегосударственнаго сейма былъ вполнѣ естественнымъ. Старшину областей составляли мѣстные крупнѣйшіе землевладѣльцы, князья и бояре, или паны, державшіе различные уряды въ областяхъ и вообще бывшіе заправилами въ мѣстныхъ обществахъ. Эти люди имѣли больше другихъ интереса, средствъ и досуга посѣщать общегосударственные сеймы и предпринимать для

---

[362]) Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1517 году 2 ноября за паномъ Миколаемъ Радивиломъ имѣнья Ганязь, Ванево и Райгородъ, изъялъ владѣльца и его подданныхъ „ab omni jurisdictione, cohertione et angaria ceterisque servitijs, quibuscunque nominibus vociferentur, et alimentorum seu stationum provisione palatinorum, castellanorum, capitaneorum, marschalcorum et pignoratorum alias dziecki ab eisque in id ministerium deputatorum *et generaliter ab omnibus et singulis officialibus, magistratibus tam terrestribus, quam etiam curiae nostrae, juribusque et consuetudinibus* districtuum eximimus, libertamus: itaque de se querulantibus non coram alio, quam coram nobis successoribusque nostris aut nostris et illorum commissariis ad id specialiter deputatis per literas nostras evocati tam ipse Nicolaus cum conjuge et legittima posteritate sua et incolis praedictorum bonorum tenebitur et tenebuntur respondere... Volumus, ut etiam ad expeditionem bellicam, quam etiam ad exactionem pecuniariam ex quacunque necessitate Reipublicae ejus Magni Ducatus Lithuaniae institutam et instituendam... non per alios cogi et compelli praedictaque bellica expeditio et exaccio imposita seu ponenda denunciari, quam per nos et eos, quibus nos eius rei ministerium et curationem literaliter vel vivae vocis oraculo duxerimus committendum“... Литов. Метрик. Запис. XXV, л. 175 об.—177.

водилъ Сигизмунда и пановъ раду къ мысли употребить наемныя войска въ замышляемой войнѣ съ Москвою.

Для наема «служебныхъ» нужны были деньги, и деньги не малыя. Между тѣмъ покойный Александръ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ оставилъ въ наслѣдство своему брату одни долги [11]). Война съ Москвою не только поглотила всю наличность литовскаго скарба, но и повлекла за собою уменьшеніе поступленій вслѣдствіе уступки Москвѣ множества городовъ и волостей по договорамъ 1494 и 1503 г. [12]) и вслѣдствіе того разстройства, которое она внесла въ хозяйственную жизнь страны. Въ послѣдніе годы своего правленія для покрытія текущихъ расходовъ Александръ принужденъ былъ отдавать «въ заставу» государственныя имѣнія, т. е. занимать деньги у частныхъ лицъ съ предоставленіемъ имъ права взимать въ свою пользу вмѣсто процентовъ господарскіе доходы съ извѣстныхъ господарскихъ замковъ или дворовъ съ волостями до уплаты долга [13]). Такимъ образомъ, напр., у маршалка земскаго Яна Юрьевича Александръ занялъ для своей и земской потребы 3000 золотыхъ и въ этой суммѣ заставилъ ему дворы Олиту и Немонойти. Въ 1506 г. онъ погасилъ 1000 золотыхъ тѣмъ, что пожаловалъ Яну Юрьевичу дворъ Олиту съ дворцомъ Симномъ на вѣчность. Въ то же время, взявъ у него еще 300 копъ грошей въ добавленіе къ остававшемуся долгу, 2000 золотымъ, Александръ всю эту сумму записалъ на дворѣ Немонойтяхъ [14]). Въ 1505 г. Александръ взялъ у охмистра королевы Войтеха Яновича 1000 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ Кормялово Ковенскаго повѣта [15]). У старосты Владимірскаго пана Ѳедора Янушевича Александръ занялъ «для великое земъское потребы» 1000 золотыхъ, предоставивъ ему

[11]) Въ Польшѣ 94132 золотыхъ угорскихъ. *Lubomirskiego* Trzy rozdziały historyi scarbowości w Polsce, str. 4. Kraków 1868.

[12]) Уступлены были волости, бывшія хорошими плательщиками скарба, напр. Задвинскія волости Торопецкаго повѣта, населенныя «данщиками».

[13]) И въ данномъ случаѣ оказала свое вліяніе практика государственной жизни Польши, гдѣ этотъ способъ удовлетворенія финансовымъ нуждамъ государства практиковался въ широкихъ размѣрахъ въ XV вѣкѣ. *A. Blumenstoka* Pługy reform, str. 26—31.

[14]) Литов. Метр. кн. Записн. VI, л. 13.

[15]) Литов. Метр. кн. Записн. VI, л. 1, 2. Этотъ долгъ по смерти Александра оставался непогашеннымъ; Сигизмундъ могъ только продолжить «заставу» и 23 ноября 1507 г. выдалъ Войтеху Яновичу соотвѣтствующій привилей (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 186).

ствомъ сдѣлались знатные литовскіе бояре. По источникамъ они являются постоянными и главными участниками разнообразныхъ совѣщаній, созывавшихся Ягайломъ и Витовтомъ для обсужденія и рѣшенія различныхъ политическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи они стали даже брать верхъ надъ уцѣлѣвшими литовскими и русскими князьями. Князья, хотя и не исключались отъ государственныхъ совѣщаній, но участвовали въ нихъ гораздо рѣже, чѣмъ знатное литовское боярство. По своимъ владѣніямъ князья удалены были отъ государственнаго центра и развивавшейся въ немъ политической жизни, имѣли мало единенія другъ съ другомъ и общихъ интересовъ и соединялись не столько съ тѣмъ, что группировалось вокругъ великаго князя, сколько съ областными землевладѣльцами. Между тѣмъ литовская боярская знать наоборотъ — сбивалась по своимъ служебнымъ отношеніямъ къ центру, около котораго сосредоточивалось и ея землевладѣніе, и все болѣе и болѣе сближаясь въ этомъ центрѣ и проникаясь общими интересами и стремленіями, выростала въ первенствующую послѣ великаго князя политическую силу. Прочное и постоянное мѣсто въ рядахъ этой знати нашли только католическіе бискупы великаго княжества, выходившіе нерѣдко изъ среды той же литовской знати. При такихъ условіяхъ и политическое преобладаніе собственной Литовской земли въ великомъ княжествѣ начинало превращаться въ настоящее господство.

И высшее боярство русскихъ земель, и многочисленные литовско-русскіе князья не могли быть довольны порядкомъ вещей, который устанавливался со времени Городельской уніи. Но пока при жизни Витовта поддерживалось тѣсное единеніе Литвы съ Польшею, они ничего не могли предпринять противъ этого порядка. Подъ конецъ великокняженія Витовта, однако, произошелъ разрывъ между Польшею и правящею Литвою по вопросу о коронаціи Витовта. Этотъ разрывъ продолжался и по смерти Витовта вслѣдствіе желанія Ягайла и поляковъ присоединить великое княжество непосредственно къ коронѣ Польской, не выбирая преемника Витовту. Литовско-русскіе князья и русскіе бояре воспользовались этимъ конфликтомъ, поставившимъ литовскую правящую знать въ изолированное положеніе, для того, чтобы дѣятельно вмѣшаться въ устроеніе судьбы государства и обезпечить себѣ въ немъ лучшее положеніе. Ихъ соединила въ общемъ дѣйствіи личность кн. Свидригайла, добивавшагося и на этотъ разъ великаго княженія. Этотъ князь давно уже сталъ популярнымъ лицомъ среди русскаго населенія великаго княжества. Въ теченіе предшествовавшей бурной жизни судьба перебрасывала Свидригайла изъ одной русской области великаго княжества въ другую и сталкивала со многими рус-

на простомъ литовскомъ сеймѣ, панами радою и литовскою шляхтою, собравшеюся на сеймъ. При Сигизмундѣ рѣшено было оборудовать это дѣло на великомъ вальномъ соймѣ, при участіи землевладѣльцевъ изъ областей-аннексовъ. Слишкомъ серьезно было положеніе вещей, слишкомъ близко затрогивало оно интересы всего государства, чтобы можно было рѣшать предстоявшіе вопросы безъ участія князей и бояръ изъ областей-аннексовъ. И безъ того эти князья и бояре недовольны были дѣйствіями правительства, связанными съ пропагандою церковной уніи, и безъ того во время предшествующей борьбы съ Москвою обнаруживали по временамъ шатость и стремленія къ отпаденію отъ Литвы. Привлечь ихъ къ жертвамъ для государства, и притомъ тяжелымъ, легче всего, конечно, было, войдя съ ними въ переговоры, заручившись ихъ добровольнымъ согласіемъ. И это тѣмъ болѣе справедливо, что, кромѣ «ухвалы» серебщины, правительство вознамѣрилось, по примѣру Польши, составить на сеймѣ и военную «уставу» относительно снаряженія на войну и мобилизаціи и придать ей больше авторитета и силы въ формѣ опредѣленія сейма [20]). Въ виду всего этого разослано было приглашеніе на сеймъ князьямъ, панамъ и боярамъ всѣхъ земель великаго княжества.

Сеймъ собрался къ началу февраля 1507 г. и продолжился въ теченіе всего этого мѣсяца [21]). На немъ прежде всего выработаны были строгія постановленія касательно отбыванія военной службы. Рѣшено было, чтобы всѣ паны, княжата, земяне, вдовы и вся шляхта переписали своихъ людей и списки отдали господарю подъ присягою, что ничего не утаили, дабы господарь могъ точно знать, какъ кто долженъ служить [22]). Постановлено затѣмъ, что неявившійся къ сроку на войну, въ назначенное заблаговременно господаремъ мѣсто, подвергается штрафу въ 100 рублей; а кто не выѣдетъ на войну недѣлю спустя послѣ срока «надѣючися на свое богатство и упоромъ своимъ», тотъ «шыю тратитъ»; вдовы, не приславшія своихъ людей къ сроку, также наказываются штрафомъ въ 100 рублей, а если не пришлютъ

---

[20]) Обычай вырабатывать на сеймѣ «ординаціи» на предстоящую войну утвердился въ Польшѣ при Казимирѣ Ягеллончикѣ. См. *A. Blumenstoka* Płany reform, str. 15—19; его же Ordinatio bellicae motionis ex anno 1506. Kraków 1888.

[21]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 56.

[22]) Очевидно, что постановленіе, сдѣланное на Новгородскомъ сеймѣ 1502 г. о томъ, чтобы съ каждыхъ 10 служебъ людей выставлялся конный ратникъ, оставалось въ силѣ, и съ нимъ-то и долженъ былъ сообразоваться господарь.

недѣлю спустя послѣ срока, лишаются имѣній, которыя спадають на ихъ дѣтей или ближнихъ; кто уѣдетъ съ войны безъ вѣдома господаря или гетмана, наказывается смертію. Всѣ эти постановленія мотивированы «сплошенствомъ и нерядомъ», которые распространились въ средѣ подданныхъ великаго княжества за прежніе годы. Наконецъ, всѣмъ приказано быть готовыми ко дню Пасхи, съ тѣмъ, чтобы по первому зову господаря выступить въ походъ въ назначенное имъ мѣсто. Такой короткій срокъ положенъ для того, чтобы имѣть возможность отразить непріятеля, если бы онъ, прослышавъ о намѣреніяхъ господаря, захотѣлъ предупредить его и вторгнулся въ великое княжество. Эту «уставу», по словамъ записи сеймовыхъ постановленій, уставили паны-рада, воеводы и княжата, бывшіе на сеймѣ.

Другое постановленіе сдѣлано уже при несомнѣнномъ участіи всѣхъ «становъ», бывшихъ на Виленскомъ сеймѣ 1507 г. Князь бискупъ и паны-рада, воеводы и княжата, земяне, вдовы (sic!) и вся шляхта, бывшіе на сеймѣ, «зволили» дать господарю серебщину съ своихъ людей за текущій годъ, съ воловой сохи по 6 грошей, а съ конской по 3 гроша; съ тѣхъ, кто не имѣлъ ни воловъ, ни клячъ, но держалъ землю, также по 3 гроша [23]). Срока отдачи серебщины не было установлено, но рѣшено просить господаря собирать эту серебщину не ранѣе осени, когда поспѣетъ хлѣбъ, на день «Матки Божьи послѣднее» въ виду того, что теперь хлѣбъ дорогъ, и притомъ же землевладѣльцу приходится снаряжаться на войну. Присутствовавшіе на сеймѣ жмудскіе землевладѣльцы заявили, что и они въ этомъ не отстануть отъ другихъ, но теперь не могутъ дать своего согласія «безъ иншихъ пановъ, *старшихъ* своихъ, которыхъ на тотъ часъ на соймѣ не было» [24]).

Послѣднее заявленіе чрезвычайно важно. Оно указываетъ на то, что на сеймѣ были не одни только «старшіе» изъ разныхъ земель великаго княжества, какъ бывало на вальныхъ соймахъ при Алексан-

---

[23]) Любопытно, что и въ размѣрахъ своихъ денежныхъ субсидій правительству литовцы старались придерживаться размѣровъ субсидій, ассигнуемыхъ польскими сеймами (6—12 грошей съ пахотнаго лана). См. *A. Blumenstoka* Plany reform, str. 25. О степени тяжести этого обложенія можно получить нѣкоторое представленіе по цѣнамъ на продовольствіе, которое закупалось ратными людьми. Для 1507 г. цѣны были установлены такія: за вола 30 грошей, за яловицу 20, за вепря 12, за барана 2 гроша, за пару гусей 1 грошъ, за четыре курицы 1 грошъ, за копу ржи 3 гр., за копу овса 2 гроша. См. Акты Зап. Рос. II, № 25. Срав. № 31.

[24]) Акты Зап. Рос. II, № 12.

Тираннія Сигизмунда Кейстутьевича кончилась его гибелью. По смерти его правящая литовская знать распорядилась судьбами государства безъ совѣта и согласія съ областями-аннексами великаго княжества и возвела на великое княженіе королевича Казимира. Это обстоятельство въ связи съ новымъ разрывомъ Литвы съ Польшею вызвало сепаратистическія движенія въ областяхъ-аннексахъ великаго княжества, которыя обнаружили стремленія устроиться отдѣльно и независимо отъ великаго княжества подъ управленіемъ собственныхъ государей. Даже и въ предѣлахъ собственной Литовской земли оказалось много вліятельныхъ людей, державшихъ сторону Казимирова соперника Михаила Сигизмундовича. Хотя Казимиру на первыхъ порахъ и удалось справиться со всѣми враждебными движеніями въ великомъ княжествѣ, но положеніе его въ этомъ государствѣ вскорѣ сдѣлалось неустойчивымъ вслѣдствіе того, что ему пришлось volens-nolens принять и корону Польскую при враждебномъ настроеніи литовско-русскаго общества по отношенію къ Польшѣ. Для упроченія своего положенія въ великомъ княжествѣ, Казимиръ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ дарованію высшимъ классамъ литовско-русскаго общества новыхъ правъ и вольностей. Это было сдѣлано имъ сначала въ общеземскомъ привилеѣ отъ 2 мая 1447 года, а затѣмъ и въ привилеяхъ, которые онъ повыдавалъ отдѣльно областямъ-аннексамъ великаго княжества. Этимъ привилеямъ принадлежитъ весьма важное мѣсто въ соціально-политической исторіи литовско-русскаго государства, и въ частности въ исторіи литовско-русскаго сейма. Въ этихъ привилеяхъ Казимиръ отказался не только отъ барщинныхъ работъ и сбора натуральныхъ податей съ владѣльческихъ крестьянъ, но и отъ сбора съ нихъ денежной подати, или серебщины, въ великокняжескую казну, а равно и отъ юрисдикціи по отношенію къ владѣльческимъ крестьянамъ. По существу своему всѣ эти уступки были не чѣмъ инымъ, какъ раздѣленіемъ государственной власти надъ народною массою между великимъ княземъ и военнослужилыми землевладѣльцами. Значеніе послѣднихъ послѣ этого сильно должно было возрасти и въ области общегосударственнаго управленія. Послѣ изданія общеземскаго привилея 1447 г. и подтвержденья его силы для областей великаго княжества литовско-русскій наивысшій господарь, можно сказать, безповоротно утратилъ шансы на то, чтобы стать единственнымъ и полнымъ хозяиномъ въ своемъ государствѣ и долженъ былъ для рѣшенія болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ государственной жизни созывать и другихъ «господарей», чаще всего наиболѣе крупныхъ и знатныхъ, но въ особо важныхъ случаяхъ и всѣхъ остальныхъ. Благодаря освобожденію вла-

Вильну король назначилъ «станамъ» великаго княжества сеймъ в Вильнѣ. Объ этомъ сообщаетъ извѣстіе Кояловичъ [28]), и оно впол подтверждается показаніями актовыхъ датъ о «великомъ Виленско сеймѣ» конца 1508 и начала 1509 г. [29]). По этимъ показаніямъ сейм продолжался съ 13 декабря 1508 г. по 16 февраля 1509 г. [30]).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ о цѣлях для которыхъ созывался этотъ сеймъ, и можемъ заключать о нихъ н основаніи косвенныхъ указаній источниковъ. Сигизмундъ желалъ имѣ въ полномъ сборѣ свою раду великаго княжества, чтобы сообща с нею рѣшить государственные вопросы великой важности, стоявшіе н очереди. Литвѣ трудно было помириться съ своею неудачею въ войн съ Москвою. Но для того, чтобы возобновить борьбу, надо было устр нить все, что могло тормозить будущіе успѣхи, а именно: надо бы покончить съ внутреннимъ политическимъ броженіемъ, поднятымъ Гли скимъ, уладить прочно отношенія къ Крыму, и наконецъ заручить согласіемъ и готовностью землевладѣльцевъ великаго княжества нес новыя финансовыя и военныя тягости. Полученіе этого согласія тѣ болѣе было необходимо, что не улеглась еще окончательно смута, во бужденная Глинскимъ. Но для полученія этого согласія недостаточ было полнаго сбора рады; необходимо было пополнить ее и др гими военнослужилыми землевладѣльцами государства. Вотъ поче Сигизмундъ и созвалъ не простой, а великій сеймъ.

Вопросъ о денежныхъ средствахъ вообще былъ тогда самы главнымъ. Въ только что кончившейся войнѣ великому княжеству пр шлось держать 5000 человѣкъ наемнаго польскаго войска подъ начал ствомъ Фирлея [31]). Расходы по содержанію этихъ служебныхъ не бы еще оплачены, такъ какъ серебщины, ухваленной на сеймѣ 1507 не хватило для расплаты съ служебными, а «пенязей» въ литовско скарбѣ не было [32]). Значитъ, нужно было расплачиваться по эти

---

[28]) Vilnam deinde ordinibus Lithuaniae comitia indicta (Historiae L vanae pars II, p. 335).

[29]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291, 292.

[30]) Литов. Метр. Судн. дѣлъ кн. II, л. 35; Записей кн. III, л. 94; Stosun z Mendli-Girejem, Acta, № 106.

[31]) Хроника *Ваповскаю*, годъ 1509 (Scriptores rerum polonicarum, to mus II, p. 77, 78).

[32]) Косвенное указаніе на это даетъ постановленіе короля и пановъ-ра относительно пріема польской монеты отъ поляковъ-жолнеровъ въ уплату «за жи ность» (Акты Зап. Рос. II, № 31).

долгамъ. Кромѣ того, деньгами же предстояло ублаготворять крымскаго хана, его сыновей и мурзъ. Въ первую половину 1508 г. литовское правительство воздерживалось отъ посылки въ Крымъ «упоминковъ», желая понудить хана исполнить его обѣщанія относительно вторженія въ московскіе предѣлы [33]). Но это привело только къ тому, что ханъ помирился съ Московскимъ государемъ и послалъ значительные отряды для грабежа и полона въ литовскихъ и польскихъ областяхъ. Литовское правительство должно было измѣнить тактику и уже осенью 1508 года израсходовало на татаръ Крымскимъ около 4000 к. гр. [34]). Эти расходы предстояло продолжать и въ будущемъ, чтобы сколько-нибудь обезопасить государство съ этой стороны.

Когда собрался сеймъ, состоялся прежде всего судъ надъ соучастниками заговора Глинскаго. Арестованы были панъ Альбрехтъ Гаштольдъ [35]), Мартинъ Хребтовичъ, конюшій дворный, Ѳедко Хребтовичъ, подскарбій земскій, Александръ Ходкевичъ, князь Полубенскій и много другихъ, которыхъ оговорили казначей Глинскаго Ульрихъ, Видра, Колонтай и кн. Лукомскій. По разсказу Кояловича, всѣ означенныя лица рѣшеніемъ «становъ» сейма (ex publico ordinum consilio) были присуждены къ лишенію рыцарской чести и затѣмъ брошены въ тюрьмы, а имѣнья ихъ отобраны на господаря и затѣмъ съ утвержденья сейма (auctoritate comitiorum) розданы господаремъ разнымъ заслуженнымъ особамъ [36]). Кояловичъ, очевидно, внесъ въ этотъ разсказъ черты современной ему сеймовой практики, не подходящіе для разсматриваемаго времени. Въ разсматриваемое время раздача имѣній всецѣло была дѣломъ господаря, и никакой санкціи сейма для нея не требовалось [37]). Точно также и судъ производился господаремъ совмѣстно съ панами-радою, безъ участья другихъ «становъ» сейма. Современникъ Сигизмунда, близко стоявшій къ описываемымъ событіямъ, Станиславъ Гурскій въ

---

[33]) До 1508 г. правительство Сигизмунда уже истратило на хана, его сыновей и мурзъ, пословъ и гонцовъ около 7000 копъ грошей. См. *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 52—74.

[34]) Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 75—80.

[35]) Гаштольду, впрочемъ, удалось оправдаться, и онъ былъ выпущенъ на свободу (Acta Tomiciana VII, № XXXVI).

[36]) Historiae Litvanae pars II, p. 335.

[37]) Имѣнья, конфискованныя у Глинскихъ, раздавались королемъ не только на сеймѣ 1509 г., но и гораздо ранѣе. См. *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 85, 86.

льческихъ крестьянъ отъ платеж
товско-русскій господарь скоро
вынужденъ былъ прибѣгать къ эк
мѣній. По повторять это часто
даже съ согласія пановъ рады бы
ныхъ привилегій. Поэтому съ т
нужда приняла уже хроническій
жества стало постоянно не хват
ныхъ государственныхъ нуждъ,
вать князей, пановъ и шляхту
гласіемъ на сборъ серебщины в
новыя права и вольности расп
княжество въ тѣсномъ смыслѣ.
сеймовымъ совѣщаніямъ стали
пановъ и шляхты Литвы и объ
[illegible] землевладѣльцы об
[illegible] и вальный
Въ [illegible] великій валь
[illegible] въ великаго ва
О. [illegible] великаго [illegible]
[illegible] Литов

какъ разъ среди актовъ, совершенныхъ во время великаго сойма 1509 г.[41]).

Разбирательство одного казуснаго дѣла дало поводъ господарю и панамъ-радѣ выработать на этомъ сеймѣ «уставу» относительно «оправы» женамъ на имѣньяхъ. Постановлено было, что впредь женамъ можно записывать въ вѣнѣ не всѣ имѣнья, а только третью часть ихъ по оцѣнкѣ. Вдова по смерти мужа имѣетъ право удерживать за собою эту третью часть, а двѣ другихъ части идутъ къ дѣтямъ; по смерти ея и эта третья часть идетъ на дѣтей; если по смерти мужа не останется дѣтей, вдова его, если пожелаетъ остаться на вдовьемъ стольцѣ, можетъ владѣть всѣми имѣньями мужа «до живота», а по смерти ея имѣнья спадаютъ на близкихъ мужа, которые должны выплатить записанную ей въ вѣнѣ на третьей ихъ части сумму тому, кому она откажетъ [42]).

На этомъ же сеймѣ господарь съ панами-радою отмѣнили «неслушное» взиманье «пересуда» въ великомъ княжествѣ. Этотъ пересудъ прежде взимался въ размѣрѣ 10% съ суммы иска отъ всякаго, выигрывшаго процессъ, будь то истецъ или отвѣтчикъ. Теперь постановлено не брать пересуда съ отвѣтчика, отведшаго отъ себя судебнымъ порядкомъ искъ, а исключительно только съ истца, доискавшагося своего по суду [43]). Это постановленіе, судя по аналогіи съ тѣмъ, что происходило на сеймахъ послѣдующаго времени, сдѣлано было едва ли не по просьбѣ становъ сейма.

Повидимому, по просьбѣ же становъ сейма господарь съ панами-радою назначили комиссаровъ-судей «на разграниченье и поправенье границъ» между великимъ княжествомъ и короною Польскою и для разбора сообща съ польскими комиссарами-судьями дѣлъ о пограничныхъ обидахъ и столкновеніяхъ между подданными обоихъ государствъ [44]). По крайней мѣрѣ позже подобныя просьбы очень часто подавались «станами» на сеймахъ.

Пріѣзжавшіе на этотъ сеймъ князья и бояре Витебскіе совокупно съ слугами и мѣщанами подавали господарю отъ имени всей земли просьбу о подтвержденьѣ ихъ правъ и вольностей. Господарь удовлетворилъ ихъ просьбу и выдалъ имъ соотвѣтствующій привилей уже на

[41]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291.

[42]) Scarbiec diplomatów II, № 2207. Это постановленіе съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями вошло потомъ въ Статутъ 1529 (раздѣлъ IV, арт. I).

[43]) Акты Зап. Рос. II, № 52.

[44]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291—292.

пути своемъ въ Польшу, во время остановки въ Городнѣ, 18 февраля. Повидимому, и выданный въ томъ же году подтвердительный привилей Волынской землѣ обязанъ своимъ появленіемъ просьбамъ Волынскихъ князей, пановъ и земянъ, пріѣзжавшихъ на сеймъ [45]).

§ 3.

Переговоры съ Крымскимъ ханомъ о мирѣ и союзѣ затянулись надолго. Сигизмундъ въ теченіе всего 1509 г. занятъ былъ войною съ Волошскимъ воеводою Богданомъ и сравнительно мало уже удѣлялъ вниманія другимъ дѣламъ короны и великаго княжества. Съ другой стороны обѣ стороны никакъ не могли договориться объ упоминкахъ. Литовскіе послы согласно инструкціямъ своего правительства предлагали платить хану ежегодно по 5000 золотыхъ отъ великаго княжества и короны. Ханъ запрашивалъ какъ разъ втрое—15000 золотыхъ, указывая на то, что пятью тысячами ему не удовлетворить своихъ сыновей, внуковъ, улановъ и князей и не удержать ихъ отъ нападеній на королевскія державы. Въ этомъ заявленіи была значительная доля правды. У хана было девять сыновей, множество взрослыхъ внуковъ и родственниковъ, помимо улановъ и князей. Всѣ они съ обычною татарамъ жадностью стремились поживиться на счетъ сосѣднихъ государствъ. Такими же чувствами и стремленіями преисполнена была и вся остальная орда.

Неудивительно поэтому, если, несмотря на продолжавшіеся переговоры и обѣщанія Менгли-Гирея, осенью 1510 года его сыновья съ 50 тысячами татаръ ворвались въ глубь великаго княжества. Сигизмундъ принялъ мѣры предосторожности на Подольѣ, въ сосѣдствѣ съ которымъ весною показывались татары. Но татары обманули его бдительность и вторглись съ той стороны, откуда ихъ не ожидали, съ лѣваго берега Днѣпра, чрезъ который они переправились выше Кіева. Великое княжество было застигнуто врасплохъ этимъ нападеніемъ, и татары, разбившись на отряды, страшно опустошили страну. Набравъ множество плѣнныхъ и всякой добычи, они ушли безпрепятственно къ себѣ домой, не встрѣтивъ сопротивленія. Одновременно съ тѣмъ другой татарскій отрядъ подъ начальствомъ царевича Беты-Гирея вторгнулся въ Молдавію и страшно опустошилъ ее, уведя до 70 т. человѣкъ

[45]) Акты Зап. Рос. II, № 54; Zbiór praw litewskich, str. 99—101. Примѣръ въ данномъ отношеніи подали обыватели Жмудской земли, которые еще въ 1507 году (23 ноября) выхлопотали себѣ подтвердительный привилей на права вольности (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 35—37).

въ ясырь. Правда, что вскорѣ затѣмъ Менгли-Гирей прислалъ къ королю гонца съ увѣреніями, что нападеніе сдѣлано помимо его воли и вѣдома, что онъ посылалъ своихъ сыновей собственно воевать Волоховъ, но злые де люди соблазнили ихъ и увлекли въ другую сторону, что, наконецъ, онъ готовъ вернуть королю весь полонъ и награбленное имущество, но Сигизмунду и его подданнымъ мало было въ томъ успокоенія. Изъ Крыма предупреждали короля, чтобы онъ не вѣрилъ хану; ходили даже грозные слухи, что нападеніе сдѣлано было татарами по наущенію турокъ. Но даже если бы въ увѣреніяхъ хана и была правда, все равно становилось очевиднымъ, что отъ татаръ нельзя ожидать покоя, несмотря ни на какіе договоры съ ихъ ханомъ. Приходилось поэтому серьезно заняться вопросомъ объ организаціи обороны украинныхъ земель Польши и Литвы со стороны татаръ и объ оказаніи помощи воеводѣ Волошскому, который просилъ ее у Сигизмунда на основаніи заключеннаго въ началѣ 1510 г. трактата [46]).

Для рѣшенія этихъ вопросовъ Сигизмундъ въ началѣ 1511 года созвалъ польскій сеймъ въ Петрковѣ. На этомъ сеймѣ рѣшено было поставить на Подольѣ 3000 наемнаго войска, а на слѣдующій годъ 2000 для защиты края отъ нападенія татаръ и для оказанія помощи Волошскому воеводѣ. Кромѣ того, опредѣлено согласиться на требованіе хана объ уплатѣ ежегодныхъ поминковъ въ 15 т. золотыхъ, съ тѣмъ, чтобы половину этой суммы выплачивала корона, а другую половину великое княжество. Для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ чины Петрковскаго сейма установили сборъ съ рыцарскихъ имѣній, духовенства и мѣщанъ на два года. Рѣшено было затѣмъ, чтобы король отправился на лѣто въ Берестье Подляшское для того, чтобы тамъ устроить оборону великаго княжества и имѣть возможность при первыхъ вѣстяхъ о нападеніи татаръ выступить противъ нихъ съ дворомъ своимъ [47]).

Въ половинѣ мая король въ сопровожденіи нѣкоторыхъ коронныхъ сенаторовъ [48]) прибылъ въ Берестье [49]). Здѣсь короля уже до-

[46]) *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 124—156.

[47]) Хроники *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 100); *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 128—130); *Стрыйковскаго* (tom II, str. 361, 362); *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 156, 157; Acta Tomiciana I, № CCXL; *A. Blumenstoka* Plany reform, str. 68—69.

[48]) Съ королемъ поѣхали въ Берестье: кн. Деревицкій, бискупъ Перемышльскій; панъ Криштофъ Шидловецкій, канцлеръ, панъ Судомирскій и охмистръ; панъ Селицкій, подканцлеръ, панъ Воинскій, охмистръ и староста Рапельскій (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 66).

[49]) По сообщенію Гурскаго, 15 мая (Acta Tomiciana I, № CLVII,

жидались паны-рада великаго княжества Литовскаго, вѣроятно, уже з[...] ранѣе вызванные королемъ. Но такъ какъ предстояло рѣшать вопрос[...] связанные съ наложеніемъ новыхъ финансовыхъ и военныхъ тягосте[...] то король призвалъ въ Берестье на сеймъ и другіе «станы» велика[...] княжества, и Берестейскій сеймъ такимъ образомъ превратился въ «великій соймъ» [50]).

По прибытіи въ Берестье Сигизмундъ началъ совѣщаться съ панами-радою великаго княжества о посылкѣ ежегодныхъ упоминковъ хану въ 15 т. золотыхъ, согласно съ опредѣленіемъ Петрковскаго сейма. Всѣ они одобрили это опредѣленіе и изъявили согласіе на уплату половины этой суммы изъ скарба великаго княжества. Но при этомъ стали настаивать, чтобы и другіе расходы на татаръ поляки несли пополамъ съ великимъ княжествомъ. Между прочимъ они потребовали, чтобы поляки выслали къ Кіеву 2000 войска для сопровожденія пословъ, которые повезутъ хану упоминки. По уговору съ ханомъ послѣдній долженъ былъ выслать одного изъ своихъ сыновей и внуковъ въ качествѣ заложниковъ къ Кіеву въ сопровожденіи пословъ. Здѣсь царевичи должны были встрѣтиться съ послами, везшими упоминки, которые, сдавъ упоминки посланнымъ хана, сами вмѣстѣ съ царевичами должны были ѣхать къ королю. По прибытіи въ Берестье король получилъ извѣстіе, что заложники выѣзжаютъ къ Кіеву, но въ сопровожденіи 6000 татаръ. Это возбудило опасенія и сомнѣнія, и паны-рада рѣшили, чтобы и господарскихъ пословъ, которые повезутъ упоминки, сопровождалъ сильный отрядъ въ 4000 человѣкъ. Но не желая, чтобы эта тягость пала исключительно на великое княжество, паны-рада потребовали, чтобы и поляки съ своей стороны выслали съ Подолья 2000 человѣкъ къ Кіеву для обереганья пословъ. Сигизмундъ, не имѣя на то разрѣшенія польскаго сейма, не могъ удовлетворить требованію литовцевъ. Послѣдніе обращались къ сенаторамъ коронньмъ, находившимся съ королемъ въ Берестьѣ, предполагая, что они уполномочены постановлять сообща съ литовцами о подобныхъ вещахъ, но тѣ также уклонились, и дѣло было отложено до полученія согласія отъ остальныхъ сенаторовъ, остававшихся въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что и ханъ, какъ оказалось, еще не выслалъ заложниковъ.

CCXXVIII). По актамъ Литовской метрики король былъ въ Берестьѣ уже 13 ма[я] (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 42).

[50]) Акты говорятъ о великомъ Берестейскомъ соймѣ съ 23 мая 1511 года. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 65.

Паны-рада великаго княжества настаивали, чтобы король переѣхалъ изъ Берестья въ Вильну. Но король не согласился на ихъ просьбы, желая въ точности выполнить то, что рѣшено было па Петрковскомъ сеймѣ, тѣмъ болѣе, что приходили извѣстія о движеніяхъ татаръ по направленію къ Волынской землѣ и Подолью, объ опасномъ союзѣ Менгли-Гирея съ сыномъ турецкаго султана Селимъ-беемъ. Литовцы послѣ того приступили къ совѣщаніямъ относительно обороны великаго княжества. Когда король сообщилъ имъ о мѣрахъ, принятыхъ въ Польшѣ предъ самымъ отъѣздомъ его на случай вторженія большихъ татарскихъ силъ [51]), то и литовцы постановили ко дню св. ап. Петра и Павла собрать войско въ Петриковичахъ около Мозыря. Это мѣсто выбрано было потому, что отсюда удобно было идти противъ татаръ въ разныя стороны, откуда бы они ни показались [52]). Во главѣ войска поставленъ былъ гетманъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій. Король «съ порадою пановъ-рады» далъ ему «зуполную моцъ» надъ всѣми тѣми, кто будетъ подъ его начальствомъ, на все время, пока войско будетъ находиться въ полѣ. Всѣ воеводы, князья, паны, старосты, намѣстники, тивуны, дворяне и все рыцарство шляхта должны были слушаться его, какъ самого господаря; князь-гетманъ съ своей стороны долженъ былъ ласково обходиться съ ними, держать въ чести и представлять къ наградамъ всѣхъ «цнотливыхъ», а упорныхъ и непослушныхъ карать заключеньемъ и даже смертною казнью, кто чего заслужилъ. Чтобы подданные великаго княжества вмѣсто обороны не приняли отъ войска «сказу и впадку большого», господарь съ панами-радою выдали особую уставу относительно реквизиціи провіанта и цѣнъ, по которымъ разрѣшалось забирать у населенія съѣстные припасы» [53]).

И потомъ все лѣто приходили тревожные слухи о движеніяхъ татаръ на украйны великаго княжества. Хотя эти слухи не оправда-

---

[51]) На малопольскомъ сеймикѣ въ Новомъ Корчинѣ рѣшено было въ такомъ случаѣ на первый зовъ воеводы собираться третьей части шляхты, а въ крайности собираться и идти на татаръ посполитымъ рушеньемъ (Acta Tomiciana I, № CCXXVI, CCXXVII).

[52]) Acta Tomiciana I, № CCXL.

[53]) Эта «устава» въ записи Литов. Метрики датирована «лѣта Божъего тисяча пятьсот второгонадесять месеца июн. 13 индик. 14 (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 281—282). Эта дата, конечно, ошибочна. Въ іюнѣ 1512 г. не было никакого «великого сойму Берестейского»: король пребывалъ въ то время въ Краковѣ (Лит. Метр. кн. Запис. VII, л. 553, 554; л. 40); индиктъ 14 приходится какъ разъ на 1511 годъ. Съ ошибочными датами напечатана эта устава и въ изданіи Дзялынскаго Zbiór praw litewskich, str. 115—117.

лись, тѣмъ не менѣе литовское войско до глубокой осени простояло въ Петриковичахъ. «Для шкодливыхъ частыхъ новыхъ непріятельскихъ и для небезпеченьства вторгненя въ землю поганьства» многіе не могли быть на великомъ соймѣ Берестейскомъ, который, такимъ образомъ, не отличался полнотою своего состава. Вслѣдствіе всего этого, хотя соймъ продолжался въ теченіе всего іюня, іюля, августа, сентября и до 10 октября включительно [54]), на немъ не состоялось никакихъ окончательныхъ постановленій объ оборонѣ государства отъ татаръ, подобныхъ постановленіямъ Петрковскаго сейма въ Польшѣ. Король въ виду малолюдности сейма не захотѣлъ «радить въ конецъ» «о способѣ, што ся дотычеть обороны отъ всихъ неприятелей на прийдучое лѣто и напотомъ» [55]). Коронные сенаторы, прибывшіе съ королемъ, имѣли порученіе въ связи съ вопросомъ объ общей оборонѣ отъ татаръ начать переговоры объ уніи великаго княжества съ короною. Но по малолюдству сейма и эти переговоры не состоялись [56]).

На великомъ Берестейскомъ соймѣ 1511 г. господарю подавались различныя просьбы отъ становъ сейма. Прежде всего кн. бискупъ Виленскій и паны-рада литовскіе и польскіе ходатайствовали предъ королемъ о прощеніи лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу Глинскаго, и по этому ходатайству король освободилъ ихъ изъ заключенія и возвратилъ имъ свои милости [57]). Затѣмъ, повидимому, по просьбѣ шляхты Дорогицкой земли король по совѣщанію съ панами-радою опредѣлилъ точно компетенцію старостинскаго суда въ Дорогицкой землѣ («члонки, которые маетъ судити староста») [58]). Высшее православное духовенство, а также князья и паны греческаго закона, бывшіе на соймѣ, просили господаря о подтвержденіи правъ духовныхъ митрополита, владыкъ и всѣхъ людей греческой вѣры, и 2 іюля получили соотвѣтствующій привилей [59]). Полоцкіе бояре и вся земля Полоцкая ходатайствовали о подтвержденіи своего земскаго привилея и получили таковое 23 іюля [60]). Въ [illegible]

---

[54]) Акты Зап. Россіи II, № 65, 68, 69—71, 73, 75; Лит. Метр. кн. Запис. VII, [illegible] VIII, [illegible] 503.

[55]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 5[illegible]6. [illegible]

[56]) Acta Tomiciana II, № XXXVI.

[57]) Хроника Ваповскаго (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 10[illegible]1); [illegible] (Acta Tomiciana I, № CLVI); *Kojałowicza* Histor[illegible]ae Lituanae pars II, p. 342.

[58]) Акты Зап. Рос. II, № 64.

[59]) Тамъ же, № 65.

[60]) Тамъ же, № 70.

эти правительственныя мѣры, при всемъ ихъ разнообразіи, клонились къ одной цѣли,— къ внутреннему умиротворенію государства, потрясеннаго пропагандою уніи и мятежомъ Глинскаго.

Опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ убѣдилъ Сигизмунда, что татаръ можно удержать отъ нападеній только устройствомъ надлежащей обороны въ украинныхъ областяхъ. Несмотря на продолжавшіеся переговоры съ ханомъ о заключеніи союза, несмотря на его дружественныя завѣренія, татары и лѣтомъ 1511 года кружились около польскихъ и литовскихъ украинныхъ селеній съ намѣреніемъ поживиться на счетъ христіанъ. Но узнавъ, что поляки и литовцы готовы къ ихъ встрѣчѣ, не посмѣли вторгнуться въ предѣлы короны и великаго княжества. Сигизмундъ вознамѣрился поэтому поставить дѣло государственной обороны на прочныхъ основаніяхъ какъ въ великомъ княжествѣ, такъ и въ Польшѣ. Такъ какъ на великомъ Берестейскомъ соймѣ относительно этого не состоялось никакихъ окончательныхъ рѣшеній, то король при своемъ отъѣздѣ въ Польшу [61]) разослалъ всѣмъ державцамъ, князьямъ, панамъ и дворянамъ великаго княжества оповѣщеніе о прибытіи въ Вильну на сеймъ къ 1 января 1512 года. Воеводы и державцы пограничныхъ замковъ должны были приказать земянамъ своихъ повѣтовъ съѣхаться въ одно мѣсто, выбрать двухъ земянъ отъ повѣта и послать ихъ на сеймъ, давши имъ «суполную моцъ»; сами же съ остальными земянами должны были оставаться на мѣстѣ для береженья отъ непріятелей. Державцы «неграничные» съ земянами должны были пріѣхать лично на сеймъ и тамъ «споломъ» съ панами-радою совѣщаться объ оборонѣ рѣчи посполитой. «И што колвекъ на томъ сойме врядите,—гласилъ универсалъ короля,—... ку обороне посполитое речи земское, абы они вси ку тому зволили» [62]).

Одновременно съ тѣмъ вопросъ объ оборонѣ земской долженъ былъ разсматриваться и поляками, которыхъ Сигизмундъ созывалъ на сеймъ въ Краковъ къ 14 февраля 1512 года. Въ посольскихъ рѣчахъ, отправленныхъ на сеймики, король обращалъ особенное вниманіе на то, что татары, по слухамъ, соединяются съ турками, что скудныхъ силъ, стоящихъ на Подольѣ, не хватитъ для ихъ отраженія [63]).

Такимъ образомъ, въ созывѣ сеймовъ 1512 года мы опять встрѣчаемся съ фактомъ взаимодѣйствія во внутренней политической жизни

---

[61]) Выѣхалъ изъ Берестья 10 окт. 1511 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 174, 175, 177).

[62]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 506, 507.

[63]) *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 168, 169.

лись, тѣмъ не менѣе литовское войско до глубокой осени простояло въ Петриковичахъ. «Для шкодливыхъ частыхъ новыхъ непріятельскихъ и для небезпеченьства вторгненя въ землю поганьства» многіе не могли быть на великомъ соймѣ Берестейскомъ, который, такимъ образомъ, не отличался полнотою своего состава. Вслѣдствіе всего этого, хотя соймъ продолжался въ теченіе всего іюня, іюля, августа, сентября и до 10 октября включительно [54]), на немъ не состоялось никакихъ окончательныхъ постановленій объ оборонѣ государства отъ татаръ, подобныхъ постановленіямъ Петрковскаго сейма въ Польшѣ. Король въ виду малолюдности сейма не захотѣлъ «радить въ конецъ» «о способѣ, што ся дотычеть обороны отъ всихъ неприятелей на прийдучое лѣто и напотомъ» [55]). Коронные сенаторы, прибывшіе съ королемъ, имѣли порученіе въ связи съ вопросомъ объ общей оборонѣ отъ татаръ начать переговоры объ уніи великаго княжества съ короною. Но по малолюдству сейма и эти переговоры не состоялись [56]).

На великомъ Берестейскомъ соймѣ 1511 г. господарю подавались различныя просьбы отъ становъ сейма. Прежде всего кн. бискупъ Виленскій и паны-рада литовскіе и польскіе ходатайствовали предъ королемъ о прощеніи лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу Глинскаго, и по этому ходатайству король освободилъ ихъ изъ заключенія и возвратилъ имъ свои милости [57]). Затѣмъ, повидимому, по просьбѣ шляхты Дорогицкой земли король по совѣщанію съ панами-радою опредѣлилъ точно компетенцію старостинскаго суда въ Дорогицкой землѣ («члонки, которые маетъ судити староста») [58]). Высшее православное духовенство, а также князья и паны греческаго закона, бывшіе на соймѣ, просили господаря о подтвержденіи правъ духовныхъ митрополита, владыкъ и всѣхъ людей греческой вѣры, и 2 іюля получили соотвѣтствующій привилей [59]). Полоцкіе бояре и вся земля Полоцкая ходатайствовали о подтвержденіи своего земскаго привилея и получили таковое 23 іюля [60]). Все...

---

[54]) Акты Зап. Россіи II, № 65, 68, 69—71, 73, 75; Лит. Метр. кн. Зап... VII, л. 174; VIII, л. 486—503.

[55]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 5...6. Москва 1897 г.

[56]) Acta Tomiciana II, № XXXVI.

[57]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 101); комментарій Гурскаго (Acta Tomiciana I, № CLVI); *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 342.

[58]) Акты Зап. Рос. II, № 64.

[59]) Тамъ же, № 65.

[60]) Тамъ же, № 70.

долгамъ. Кромѣ того, деньгами же предстояло ублаготворять крымскаго хана, его сыновей и мурзъ. Въ первую половину 1508 г. литовское правительство воздерживалось отъ посылки въ Крымъ «упоминковъ», желая понудить хана исполнить его обѣщанія относительно вторженія въ московскіе предѣлы [33]. Но это привело только къ тому, что ханъ помирился съ Московскимъ государемъ и послалъ значительные отряды для грабежа и полона въ литовскихъ и польскихъ областяхъ. Литовское правительство должно было измѣнить тактику и уже осенью 1508 года израсходовало на татаръ Крымскимъ около 4000 к. гр. [34]. Эти расходы предстояло продолжать и въ будущемъ, чтобы сколько-нибудь обезопасить государство съ этой стороны.

Когда собрался сеймъ, состоялся прежде всего судъ надъ соучастниками заговора Глинскаго. Арестованы были панъ Альбрехтъ Гаштольдъ [35]), Мартинъ Хребтовичъ, конюшій дворный, Ѳедко Хребтовичъ, подскарбій земскій, Александръ Ходкевичъ, князь Полубенскій и много другихъ, которыхъ оговорили казначей Глинскаго Ульрихъ, Видра, Колонтай и кн. Лукомскій. По разсказу Кояловича, всѣ означенныя лица рѣшеніемъ «становъ» сойма (ex publico ordinum consilio) были присуждены къ лишенію рыцарской чести и затѣмъ брошены въ тюрьмы, а имѣнья ихъ отобраны на господаря и затѣмъ съ утвержденья сейма (auctoritate comitiorum) розданы господаремъ разнымъ заслуженнымъ особамъ [36]). Кояловичъ, очевидно, внесъ въ этотъ разсказъ черты современной ему сеймовой практики, не подходящіе для разсматриваемаго времени. Въ разсматриваемое время раздача имѣній всецѣло была дѣломъ господаря, и никакой санкціи сейма для нея не требовалось [37]). Точно также и судъ производился господаремъ совмѣстно съ панами-радою, безъ участья другихъ «становъ» сейма. Современникъ Сигизмунда, близко стоявшій къ описываемымъ событіямъ, Станиславъ Гурскій въ

---

[33]) До 1508 г. правительство Сигизмунда уже истратило на хана, его сыновей и мурзъ, пословъ и гонцовъ около 7000 копъ грошей. См. *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 52—74.

[34]) Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 75—80.

[35]) Гаштольду, впрочемъ, удалось оправдаться, и онъ былъ выпущенъ на свободу (Acta Tomiciana VII, № XXXVI).

[36]) Historiae Litvanae pars II, p. 335.

[37]) Имѣнья, конфискованныя у Глинскихъ, раздавались королемъ не только на сеймѣ 1509 г., но и гораздо ранѣе. См. *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 85, 86.

своемъ комментаріи о дѣяніяхъ Сигизмунда прямо говоритъ, что соучастниковъ Глинскаго судили король и паны-рада (rex et senatus) [38]).

Измѣна Глинскаго и судъ надъ соучастниками въ его заговорѣ дали поводъ господарю и панамъ-радѣ выработать и обнародовать на сеймѣ общую «уставу» относительно имѣній измѣнниковъ. Господарь «розмовлялъ» съ панами-радою, «о имѣнья зрадецкіи, што ся дотычетъ зрадецъ», и постановили: если отецъ учинитъ измѣну, тогда имѣнье его отходитъ на господаря, а отдача его дѣтямъ измѣнника уже будетъ «въ ласцѣ господарской»; если учинитъ измѣну одинъ изъ братьевъ, тогда на господаря отбирается только та доля, которая принадлежитъ или приходится измѣннику, а остальные не терпятъ отъ измѣны брата. Дѣйствіе этой уставы предположено на два года [39]). Это законоположеніе выработано было даже не въ полномъ собраніи пановъ-рады, не говоря уже о другихъ «станахъ» сойма.

Точно также и вопросы внѣшней политики, и въ частности объ отношеніяхъ къ Крыму, въ своихъ деталяхъ разрабатывались на совѣщаніяхъ господаря съ панами-радою. Господарь съ панами-радою рѣшили возобновить переговоры съ Менгли-Гиреемъ о союзѣ на условіи ежегодной уплаты отъ Польши и Литвы упоминковъ по 5—6 т. золотыхъ. Вести переговоры объ этомъ поручено было литовскимъ посламъ, пребывавшимъ въ Крыму,— Ратомскому и Абрагиму, къ которымъ съ этимъ порученіемъ долженъ былъ отправиться писарь Юхно Дашкевичъ [40]).

Король и паны-рада рѣшили вести переговоры въ этомъ направленіи, уже заручившись, повидимому, согласіемъ князей, пановъ и шляхты дать новую серебщину господарю. Для полученія этого согласія пришлось, конечно, знакомить «станы» сойма въ общихъ чертахъ съ положеніемъ политическихъ дѣлъ и съ настоятельными государственными нуждами. Можно сказать поэтому, что и остальные «станы» сойма участвовали въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, насколько они связаны были съ опредѣленіемъ денежныхъ субсидій правительству.

На сеймѣ 1508—1509 г. состоялись какія-то постановленія относительно военной службы. Повидимому, въ связи съ этими постановленіями стоитъ разсылка великокняжескихъ писарей по областямъ и повѣтамъ великаго княжества для «пописанья» земель. Запись объ этой разсылкѣ внесена «про память» въ книгу Метрики и стоитъ тамъ

---

[38]) Acta Tomiciana I, № XVIII.

[39]) Zbiór praw litewskich, str. 114; Акты Зап. Рос. II, № 51.

[40]) Stosunki z Mendli-Girejem, str. 139—141.

Король желалъ такимъ образомъ, чтобы и великое княжество, и Польша одновременно устроили у себя надлежащую оборону противъ ихъ общаго врага. Но желанія его коронныхъ совѣтниковъ пошли дальше: они захотѣли, чтобъ эта оборона была устроена сообща, по совмѣстному совѣту и рѣшенію, захотѣли на этой почвѣ тѣснѣе соединить оба государства. Вмѣстѣ съ королевскимъ посланіемъ они отправили на Виленскій «вальный сеймъ» свое особое посланіе къ литовскимъ панамъ раднымъ [65]). Въ этомъ посланіи коронные сенаторы указывали литовцамъ, что необходимо блюсти установленіе братства и соединенія, которое урядили ихъ предки между обоими государствами, и особенно въ настоящее тревожное время, необходимо показать непріятелю, что поляки и литовцы подданные одного государя. Они напоминали литовцамъ, какія тѣ понесли потери отъ того, что не соблюдали должнымъ образомъ прежнія постановленія объ уніи между обоими государствами, и предлагали поновить и поправить эти постановленія и на основаніи ихъ сообща установить такую оборону, которая предохранила бы оба государства отъ упадка. Поэтому они просили, чтобы литовцы на своемъ собраніи подумали обо всемъ этомъ и прислали четырехъ или шестерыхъ пановъ съ письменными полномочіями для подтвержденія уніи и постановленія объ оборонѣ земской [66]). Такимъ образомъ Виленскій великій соймъ 1512 г. долженъ былъ заняться и щекотливымъ вопросомъ касательно взаимныхъ отношеній Польши и Литвы. Королю, повидимому, не хотѣлось возбуждать этого вопроса, обыкновенно служившаго яблокомъ раздора между поляками и литовцами. Въ своемъ посланіи къ панамъ-радѣ великаго княжества онъ не поддерживалъ предложенія коронныхъ сенаторовъ и просилъ только прислать на предстоявшую свадьбу его двухъ пановъ знаменитыхъ «отъ рады обравши», и имъ же поручить отказъ на посольство польской рады [67]).

Намъ не удалось найти указаній на то, какое постановленіе принято было на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1512 г. относительно военной службы. Среди записей Литовской Метрики, относящихся къ 1512 году, находится только списокъ мѣстъ великаго княжества, которыя должны были посылать на войну конныхъ ратниковъ съ обозначеніемъ

---

[65]) Съ этимъ посланіемъ отправлены были въ Вильну воевода Подольскій Отто Ходецкій и Юрій Крупскій, каштелянъ и староста Бельзскій (Acta Tomiciana II, № XXXVI).

[66]) Acta Tomiciana I, № CCCXIV.

[67]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 508.

числа ратниковъ. Повидимому, эта роспись сдѣлана была именно на основаніи «ухвалы» сейма. Сеймъ высказался, повидимому, въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ настоятельной необходимости мѣста должны посылать конныхъ ратниковъ; а если можно обойтись и безъ нихъ, тогда должны платить деньгами. Въ 1512 г. многія мѣста были освобождены отъ посылки конныхъ ратниковъ, но зато должны были заплатить въ скарбъ деньги. Перечень этихъ мѣстъ съ показаніемъ того, что ими уплачено, стоитъ въ записи Литовской Метрики какъ разъ рядомъ съ вышеуказаннымъ обозначеніемъ военной повинности тѣхъ же мѣстъ [68]).

Что же касается предложенія поляковъ относительно подтвержденія уніи и установленія совмѣстной обороны противъ непріятелей, то эти вопросы обсуждались только въ кругу пановъ-рады и, по всѣмъ признакамъ, не были предметомъ совѣщаній остальныхъ «становъ» сойма. Послы, отправленные къ полякамъ въ мартѣ 1512 года [69]), передали отъ имени пановъ-рады великаго княжества, но не отъ имени всего сойма, «артикулы», на основаніи которыхъ должна быть поновлена унія и установлена совмѣстная оборона. Эти артикулы очень мало удовлетворили поляковъ, такъ какъ не содержали того, чего добивались поляки,—желанія дѣйствительнаго соединенія обоихъ государствъ въ одно на основаніи договора 1501 г. Литовцы предлагали простой оборонительно-наступательный союзъ съ обязанностью взаимно помогать другъ другу, и притомъ по мѣрѣ возможности, нести издержки по оборонѣ отъ татаръ пополамъ, сообща стараться о возвращеніи потерянныхъ земель и дѣлить пополамъ вновь пріобрѣтенныя. Коронные паны-рада прямо объявили литовскимъ посламъ, что они ждали не такого отвѣта отъ своихъ братьевъ-литовцевъ; что они, поляки, желаютъ возобновленія той уніи, которая уже была заключена при королѣ Александрѣ, ибо отъ несоблюденія ея и обрушились всѣ бѣды какъ на корону, такъ и на великое княжество. Поэтому они вновь настаивали, чтобы литовцы прислали уполномоченныхъ для заключенія уніи на сеймъ, который долженъ былъ собраться въ Краковѣ ко дню св. Іоанна Крестителя (24 іюня) [70]). Посылка этихъ пословъ, однако, не состоялась. Но обстоятельства вскорѣ дали возможность полякамъ поставить этотъ вопросъ снова на очередь.

---

[68]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 509; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 134.

[69]) Иванъ Сопѣга, воевода Витебскій, Янъ Лятаворъ, староста Дорогицкій, и Янъ Кунцевичъ, державца Радуньскій.

[70]) Acta Tomiciana II, № XXXV, XXXVI.

§ 4.

Отношенія великаго княжества къ татарамъ сложились довольно благопріятно. Разгромъ татарскихъ полчищъ, произведенный соединенными польско-литовскими войсками подъ Вишневцомъ 28 апрѣля 1512 года, на время обуздалъ дерзость татаръ и принудилъ ихъ оставить въ покоѣ западную Русь. Менгли-Гирей прислалъ заложникомъ внука Джелалъ-аль-дина и пословъ для заключенія мира и союза съ польско-литовскимъ государемъ, что, наконецъ, и состоялось на условіи ежегодной посылки хану 15 т. золотыхъ отъ Литвы и Польши [71]. Но въ то самое время, какъ миновала одна опасность, надвинулась другая, и притомъ еще большая. Въ Москвѣ узнали о союзѣ Литвы съ Крымскимъ ханомъ и этому союзу приписали нападеніе крымскихъ татаръ на приокскую украйну, произведенное въ маѣ 1512 года. Это дало поводъ московскому государю къ возобновленію военныхъ дѣйствій противъ великаго княжества. Въ самомъ концѣ 1512 года, московскія войска подъ личнымъ начальствомъ великаго князя вступили въ литовскіе предѣлы, облегли Смоленскъ и пытались взять его приступомъ. Литва застигнута была врасплохъ этимъ нападеніемъ. Не было даже господаря, который пребывалъ въ Польшѣ, занятый проведеніемъ своихъ проектовъ объ оборонѣ государства на сеймахъ и сеймикахъ. Поэтому паны-рада великаго княжества отправили въ Польшу пословъ, воеводу Полоцкаго Альбрехта Мартиновича Гаштольда и маршалка Александра Ивановича Ходкевича, съ извѣстіемъ о нападеніи москвитянъ и съ просьбою, чтобы поляки отпустили поскорѣе короля въ великое княжество и были «радни и помоцни напротивко тому непріятелеви королевского маестату» [72]. Коронные паны выразили сожалѣніе относительно «пригоды жалобливое», которая сталась великому княжеству отъ непріятеля Московскаго, заявили, что они принимаютъ эту «пригоду» такъ же близко къ своему сердцу, какъ если бы она случилась съ ихъ собственною страною, и обѣщали въ томъ случаѣ, если непріятель не отстанетъ отъ своего злого умысла, съ королемъ и со всѣми землями «ся поразумѣти и радити», какъ учинить ему отпоръ, и помочь великому княжеству по мѣрѣ возможности. Но короля они отказались отпустить подъ тѣмъ предлогомъ, что въ данный мо-

---

[71]) *K. Pulaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem str. 175—183.

[72]) Это посольство было принято въ Познани, гдѣ находился тогда король, около половины марта (Acta Tomiciana II, № CCIV).

жидались паны-рада великаго княжества Литовскаго, вѣроятно, уже заранѣе вызванные королемъ. Но такъ какъ предстояло рѣшать вопросы, связанные съ наложеніемъ новыхъ финансовыхъ и военныхъ тягостей, то король призвалъ въ Берестье на сеймъ и другіе «станы» великаго княжества, и Берестейскій сеймъ такимъ образомъ превратился въ «великій соймъ» [50]).

По прибытіи въ Берестье Сигизмундъ началъ совѣщаться съ панами-радою великаго княжества о посылкѣ ежегодныхъ упоминковъ хану въ 15 т. золотыхъ, согласно съ опредѣленіемъ Петрковскаго сейма. Всѣ они одобрили это опредѣленіе и изъявили согласіе на уплату половины этой суммы изъ скарба великаго княжества. Но при этомъ стали настаивать, чтобы и другіе расходы на татаръ поляки несли пополамъ съ великимъ княжествомъ. Между прочимъ они потребовали, чтобы поляки выслали къ Кіеву 2000 войска для сопровожденія пословъ, которые повезутъ хану упоминки. По уговору съ ханомъ послѣдній долженъ былъ выслать одного изъ своихъ сыновей и внуковъ въ качествѣ заложниковъ къ Кіеву въ сопровожденіи пословъ. Здѣсь царевичи должны были встрѣтиться съ послами, везшими упоминки, которые, сдавъ упоминки посланнымъ хана, сами вмѣстѣ съ царевичами должны были ѣхать къ королю. По прибытіи въ Берестье король получилъ извѣстіе, что заложники выѣзжаютъ къ Кіеву, но въ сопровожденіи 6000 татаръ. Это возбудило опасенія и сомнѣнія, и паны-рада рѣшили, чтобы и господарскихъ пословъ, которые повезутъ упоминки, сопровождалъ сильный отрядъ въ 4000 человѣкъ. Но не желая, чтобы эта тягость пала исключительно на великое княжество, паны-рада потребовали, чтобы и поляки съ своей стороны выслали съ Подолья 2000 человѣкъ къ Кіеву для обереганья пословъ. Сигизмундъ, не имѣя на то разрѣшенія польскаго сейма, не могъ удовлетворить требованію литовцевъ. Послѣдніе обращались къ сенаторамъ короннымъ, находившимся съ королемъ въ Берестьѣ, предполагая, что они уполномочены постановлять сообща съ литовцами о подобныхъ вещахъ, но тѣ также уклонились, и дѣло было отложено до полученія согласія отъ остальныхъ сенаторовъ, остававшихся въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что и ханъ, какъ оказалось, еще не выслалъ заложниковъ.

CCXXVIII). По актамъ Литовской метрики король былъ въ Берестьѣ уже 13 мая (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 42).

[50]) Акты говорятъ о великомъ Берестейскомъ соймѣ съ 23 мая 1511 года. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 65.

Кояловичъ на основаніи своихъ источниковъ дополняетъ это извѣстіе въ томъ смыслѣ, что первѣйшіе паны радные (principes senatus) убѣдили короля предварительно испробовать мирныя средства и послать къ великому князю Московскому гонца съ просьбою объ опасной грамотѣ для великихъ пословъ, которыхъ и уполномочить вести переговоры о мирѣ [79]). Все это такія совѣщанія, которыя обыкновенно имѣли мѣсто въ кругѣ пановъ-рады. Великаго сойма не было еще и въ январѣ 1514 года. Въ этомъ мѣсяцѣ господарь съ панами-радою разбиралъ одно сложное дѣло о наслѣдствѣ. На это наслѣдство предъявляли притязанія нѣсколько лицъ, и у каждаго изъ нихъ было духовное завѣщаніе умершаго владѣльца, который, кромѣ того, одному изъ нихъ двѣ трети имѣнья записалъ «въ сумѣ пенязей». Король, прослушавъ съ панами-радою это казусное дѣло, не постановилъ по немъ рѣшенія, но отложилъ его «*до великого сойму*»: «маемъ то с паны *и со всею землею* обмовити, которымъ обычаемъ то встановити, какъ бы и на потомъ потому жъ было сужено» [80]). Итакъ, великому сойму, имѣвшему собраться въ непродолжительномъ времени, предстояло установить новый законъ. Фактъ—въ высшей степени знаменательный, какъ новое свидѣтельство того, что компетенція великаго сойма расширялась по инпціативѣ самого правительства, передававшаго на обсужденіе и рѣшеніе князей, пановъ и шляхты различные вопросы, близко касавшіеся ихъ интересовъ.

Въ настоящемъ случаѣ главными такими вопросами, которыми предстояло заняться великому сойму, были вопросы, связанные съ предстоящею войною. Хотя высланныя противъ москвитянъ войска одержали надъ ними нѣсколько побѣдъ, освободили отъ осады Полоцкъ и заставили великаго князя Московскаго удалиться отъ Смоленска восвояси [81]), но все это еще не предвѣщало окончанія войны. Сигизмунду было извѣстно, что Московскій государь надѣется на помощь цесаря Максимиліана, съ которымъ у него уже давно шли переговоры о союзѣ противъ Польши, а также на помощь Альбрехта Прусскаго,

---

литовскіе паны остановились на нѣсколько меньшей цифрѣ, на 7000 жолнеровъ (Acta Tomiciana III, № XLVII).

[79]) Historiae Litvanae pars II, p. 351. Гонецъ былъ посланъ, и съ нимъ вмѣстѣ паны радные отправили письмо къ московскимъ боярамъ съ просьбою о содѣйствіи имъ въ заключеніи мира между обоими государствами (Акты Зап. Рос. II, № 84).

[80]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 149, 150.

[81]) Acta Tomiciana II, № CCCXXIII, CCCXXV, CCCL, CCCLIX.

[illegible] того. [illegible]

[illegible]

[illegible] привилей [illegible]

[illegible]

эти правительственныя мѣры, при всемъ ихъ разнообразіи, клонились къ одной цѣли,— къ внутреннему умиротворенію государства, потрясеннаго пропагандою уніи и мятежомъ Глинскаго.

Опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ убѣдилъ Сигизмунда, что татаръ можно удержать отъ нападеній только устройствомъ надлежащей обороны въ украинныхъ областяхъ. Несмотря на продолжавшіеся переговоры съ ханомъ о заключеніи союза, несмотря на его дружественныя завѣренія, татары и лѣтомъ 1511 года кружились около польскихъ и литовскихъ укранныхъ селеній .съ намѣреніемъ поживиться на счетъ христіанъ. Но узнавъ, что поляки и литовцы готовы къ ихъ встрѣчѣ, не посмѣли вторгнуться въ предѣлы короны и великаго княжества. Сигизмундъ вознамѣрился поэтому поставить дѣло государственной обороны на прочныхъ основаніяхъ какъ въ великомъ княжествѣ, такъ и въ Польшѣ. Такъ какъ на великомъ Берестейскомъ соймѣ относительно этого не состоялось никакихъ окончательныхъ рѣшеній, то король при своемъ отъѣздѣ въ Польшу [61]) разослалъ всѣмъ державцамъ, князьямъ, панамъ и дворянамъ великаго княжества оповѣщеніе о прибытіи въ Вильну на сеймъ къ 1 января 1512 года. Воеводы и державцы пограничныхъ замковъ должны были приказать земянамъ своихъ повѣтовъ съѣхаться въ одно мѣсто, выбрать двухъ земянъ отъ повѣта и послать ихъ на сеймъ, давши имъ «суполную моцъ»; сами же съ остальными земянами должны были оставаться на мѣстѣ для береженья отъ непріятелей. Державцы «неграничные» съ земянами должны были пріѣхать лично на сеймъ и тамъ «споломъ» съ панами-радою совѣщаться объ оборонѣ рѣчи посполитой. «И што колвекъ на томъ сойме врядите,—гласилъ универсалъ короля,—... ку обороне посполитое речи земское, абы они вси ку тому зволили» [62]).

Одновременно съ тѣмъ вопросъ объ оборонѣ земской долженъ былъ разсматриваться и поляками, которыхъ Сигизмундъ созывалъ на сеймъ въ Краковъ къ 14 февраля 1512 года. Въ посольскихъ рѣчахъ, отправленныхъ на сеймики, король обращалъ особенное вниманіе на то, что татары, по слухамъ, соединяются съ турками, что скудныхъ силъ, стоящихъ на Подольѣ, не хватитъ для ихъ отраженія [63]).

Такимъ образомъ, въ созывѣ сеймовъ 1512 года мы опять встрѣчаемся съ фактомъ взаимодѣйствія во внутренней политической жизни

---

[61]) Выѣхалъ изъ Берестья 10 окт. 1511 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 174, 175, 177).

[62]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 506, 507.

[63]) *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 168, 169.

Польши и Литвы, которое вызывалось тѣснымъ сближеніемъ этихъ государствъ. Общій государь Польши и Литвы прибѣгалъ къ одному и тому же средству, чтобы рѣшить вопросъ, касавшійся обоихъ государствъ и одинаково для нихъ важный.

Въ половинѣ декабря король отправилъ изъ Кракова гонца въ Вильну съ особымъ посланіемъ къ прелатамъ и панамъ-воеводамъ—своей высокой радѣ, княжатамъ, панамъ, державцамъ, намѣстникамъ и тивунамъ, дворянамъ и земянамъ всѣхъ повѣтовъ великаго княжества, которые должны были собраться на сеймъ въ Вильнѣ къ первому января 1512 года. Въ этомъ посланіи король обращаетъ вниманіе чиновъ сейма на то, что великое княжество Литовское со всѣхъ сторонъ имѣетъ «тяжкихъ великихъ моцныхъ» непріятелей, которые день и ночь мыслятъ о томъ, какъ бы привести это государство въ совершенный упадокъ и забрать его землю, въ чемъ при королѣ Александрѣ они не мало и успѣли. Все это, по словамъ королевскаго посланія, произошло отъ того, что своевременно не обращалось на это должнаго вниманія и не было думы о томъ, чтобы противъ непріятелей найти «слушный а готовый способъ»... Король изъявлялъ поэтому горячее желаніе, чтобы на престоящемъ сеймѣ станы тщательно обдумали и измыслили «способъ ку обороне» какъ на ближайшее лѣто, такъ и на будущее время, чтобы каждый зналъ, какъ ему служить съ своего имѣнья и какъ отправлять своихъ людей на войну. Указавъ далѣе на то, что король Александръ на Новгородскомъ сеймѣ установилъ съ прелатами и панами радою, чтобы всѣ землевладѣльцы съ 10 служебъ выставляли въ поле пахолка «въ зброи», на конѣ, съ древцомъ,—Сигизмундъ писалъ, что «зъ стаковое выправы» едва ли можно учинить отпоръ «таковымъ моцнымъ» непріятелямъ, и предлагалъ установить, чтобы каждый князь и панъ, урядникъ, дворянинъ, земянинъ, вдова на военную службу всегда, когда понадобится, изъ своихъ имѣній выправляли съ десяти дымовъ пахолка «на кони в зброи з древцомъ»; если же это покажется обременительнымъ, то съ десяти служебъ два молодца—конно и збройно. Кромѣ того король предлагалъ сейму рѣшить вопросъ относительно военной повинности мѣстъ великаго княжества, «которымъ бы обычаемъ на нихъ выправа мяла бы положона быти, пенязьми або людми». Свою «ухвалу» сеймъ долженъ дать записать «въ реистры», дабы каждый зналъ, какъ ему поступать во время войны согласно съ сеймовою уставою [64]).

---

[64]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 506, 507.

Каждому конному жолнеру обѣщано было по десяти злотыхъ польскихъ на четверть года, а ротмистрамъ за труды и службу по десяти злотыхъ за каждые 30 коней; пѣшимъ жолнерамъ обѣщано было по 6 злотыхъ за каждую четверть года Король отправилъ подскарбія дворнаго Ивашка съ деньгами для уплаты аванса жолнерамъ и ротмистрамъ. Главнымъ начальникомъ надъ всѣми ними онъ назначилъ Яна Свирчевскаго, которому поручилъ произвести жолнерамъ смотръ и перепись въ Берестьѣ [90]) и вести ихъ подъ своею командою на театръ военныхъ дѣйствій [91]). Но прежде, чѣмъ это произошло, московскія войска вторгнулись въ предѣлы великаго княжества и осадили Смоленскъ («по святомъ Николѣ о тыйждень»). Сигизмундъ немедленно (20 мая) послалъ въ Польшу деньги и листы новымъ ротмистрамъ съ порученіемъ навербовать еще 1600 конницы и 1000 пѣхоты и привести ихъ въ Берестье ко дню ап Петра и Павла (29 іюня) [92]); тѣмъ же, которые уже собрались въ Берестьѣ, король приказалъ двинуться къ Минску, куда ко дню Іоанна Предтечи (24 іюня) должно было собраться и земское ополченіе великаго княжества [93]). Это ополченіе собиралось, по словамъ Томицкаго, медленно и лѣниво. Отъ литовской шляхты не отставали въ этомъ отношеніи и жолнеры. Послѣ смотра, произведеннаго въ Минскѣ, оказалось, что многіе изъ нихъ остались въ Берестьѣ. Король, скрѣпя сердце, принужденъ былъ посылать съ нимъ особый листъ съ приказомъ поспѣшить на службу [94]). Въ концѣ іюля король самолично прибылъ къ войску въ Минскъ съ тѣмъ, чтобы вести его на выручку Смоленска. Но оказалось уже поздно. Пока литовцы не спѣша собирались на войну, Московскій государь лично выступилъ въ походъ на помощь своему войску, осаждавшему Смоленскъ. Съ удвоенными усиліями москвитяне принялись теперь осаждать Смоленскъ, который и сдался имъ, наконецъ, 30 іюля.

Извѣстіе о взятіи Смоленска тронуло поляковъ, которые теперь ясно поняли серьезную опасность, угрожавшую великому княжеству. Опасались, что примѣръ смолнянъ подѣйствуетъ заразительно и на другихъ русскихъ подданныхъ великаго княжества и побудитъ ихъ также отдаться подъ власть могущественнаго единовѣрнаго государя. Поэтому поляки поспѣшили на помощь къ своему королю въ Минскъ.

---

[90]) Acta Tomiciana III, № LXXIII, LXXV, CXXII, CXXXI.

[91]) Acta Tomiciana III, № CLXXI; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 653.

[92]) Acta Tomiciana III, № CXXXI.

[93]) Acta Tomiciana III, № LXXXI; Акты Зап. Рос. II, № 88.

[94]) Acta Tomiciana III, № CLXXVI.

Кромѣ войска, нанятаго на счетъ коронная скарба, къ королю прибыли добровольцы изъ знатныхъ польскихъ фамилій съ отрядами своихъ слугъ. Со всѣмъ этимъ войскомъ король двинулся изъ Минска къ Борисову. Произведя здѣсь смотръ и подсчетъ войску, король отправилъ его противъ непріятеля подъ главнымъ начальствомъ кн. Константина Ивановича Острожскаго, а самъ остался въ Борисовѣ ожидать исхода борьбы.

На этотъ разъ счастье повезло литовцамъ, и они нанесли москвитянамъ страшное пораженіе подъ Оршею 8 сентября 1514 года и заставили великаго князя московскаго поспѣшно отступить во-свояси. Но всѣ усилія ихъ отвоевать обратно Смоленскъ остались тщетными. Наступившая зима, утомленіе и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, заставили литовцевъ снять осаду Смоленска и разойтись по домамъ. Король по представленію гетмана кн. Константина Ивановича Острожскаго разрѣшилъ ему распустить земское ополченіе великаго княжества. Но наемныя войска на всякій случай разставлены были по украиннымъ городамъ [95]).

Пораженіе, нанесенное москвитянамъ подъ Оршею, заставило ихъ на время прекратить военныя дѣйствія, и король, не предвидя въ ближайшемъ будущемъ большой опасности для великаго княжества со стороны Москвы, въ началѣ января 1515 года уѣхалъ въ Польшу. Въ этотъ годъ ему удалось достигнуть одного существеннаго результата въ своей внѣшней политикѣ — расположить въ свою пользу цесаря Максимиліана. Въ іюлѣ 1515 г. Сигизмундъ и братъ его Владиславъ, король Венгерскій и Чешскій, съѣхались въ Вѣнѣ съ Максимиліаномъ для совѣщанія объ установленіи общаго союза христіанскихъ государей противъ турокъ. На этомъ конгрессѣ Максимиліанъ, по своимъ политическимъ видамъ на Венгрію и Чехію желавшій дружить съ обоими братьями, обѣщалъ Сигизмунду свое посредничество въ примиреніи съ Москвою. Кромѣ того, литовцамъ оказали не малую услугу Крымскіе татары, которые весною 1515 года сдѣлали вторженіе въ Сѣверскую украйну Московскаго государства и вывели оттуда много полона [96]). Москва казалась столь обезсиленной и неопасной, что наемныя войска, разставленныя по украиннымъ городамъ великаго княжества, перешли въ наступленіе и начали вторгаться въ пограничныя москов-

---

[95]) Acta Tomiciana III, № CCCXXXV, CCCLXXXI.

[96]) *K. Pułaskiego* Machmet-Girej, chan Tatarów perekopskich i stosunki jego z Polską (Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 285, 286. S. Petersburg 1898).

скія волости, жечь селенія, грабить жителей и уводить ихъ въ плѣнъ[97]). Но несмотря на все это, борьба съ Московскимъ государствомъ продолжала ставить такія трудныя задачи литовскому правительству, для рѣшенія которыхъ оно нуждалось въ содѣйствіи общественныхъ силъ великаго княжества. Поэтому къ началу декабря 1515 года Сигизмундъ созвалъ въ *Берестьѣ великій соймъ*, на который и самъ лично прибылъ 5 декабря [98]).

Хотя не всѣ еще станы сойма были въ сборѣ (по словамъ одного изъ лицъ польской свиты, прибывшей съ королемъ, боялись ѣхать въ Берестье по случаю мародеровъ), но собраніе все-таки было многолюдное. Прибывшіе съ королемъ поляки едва могли найти себѣ помѣщенія, такъ какъ всѣ уголки въ городѣ были заняты литовцами. Съѣстные припасы страшно вздорожали. Народу стеклось множество, а подвозъ почти прекратился по случаю зимней распутицы и блуждавія мародеровъ. Кромѣ становъ сойма, въ Берестьѣ находились ротмистры и другіе офицеры наемныхъ войскъ. Давно уже не получая условленнаго жалованья, они свели свои роты съ украинныхъ замковъ въ глубь государства, а сами прибыли въ Берестье и здѣсь вымаливали у пановъ радныхъ свое «заслуженое». Денегъ въ скарбѣ по обычаю не было, а между тѣмъ государство и впредь не могло обойтись безъ услугъ этихъ жолнеровъ. Необходимость въ полученіи для этой цѣли новой субсидіи и была, очевидно, причиною созыва *великаго Берестейскаго сойма конца 1515 и начала 1516 года.*

Станиславъ Гурскій въ своемъ комментаріи о дѣяніяхъ Сигизмунда I и вслѣдъ за нимъ М. Бѣльскій въ своей хроникѣ разсказываютъ, что по прибытіи въ Литву король нашелъ настроеніе умовъ, неблагопріятное войнѣ: истощенные продолжительною войною и частыми поборами, литовцы не согласились устанавливать никакого побора для военныхъ надобностей, стараясь отдѣлаться отъ польскихъ жолнеровъ, и рѣшили продолжать борьбу собственными силами. Очевидно, что это имѣло мѣсто именно на великомъ Берестейскомъ соймѣ, который созывался для полученія субсидіи на содержаніе жолнеровъ. Вслѣдствіе этого король, расплатившись съ жолнерами, распустилъ ихъ, тѣмъ болѣе, что надѣялся на скорое заключеніе мира при посредствѣ цесаря Максимиліана [99]).

---

[97]) Acta Tomiciana III, № CDXXXIII.

[98]) Acta Tomiciana III, № DXCVII, DXCVIII.

[99]) Acta Tomiciana IV, № I; Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 170.

Акты Литовской Метрики даютъ намъ возможность узнать, откуда король досталъ средства для расплаты съ жолнерами. Оказывается, что король прибѣгъ въ настоящемъ случаѣ къ займамъ у отдѣльныхъ лицъ литовской аристократіи, которымъ въ обезпеченіе долга «заставилъ» свои земли и дворы съ правомъ получать съ нихъ господарскіе доходы въ качествѣ процентовъ, впредь до уплаты долга. Такимъ образомъ, у воеводы Новгородскаго, старосты Дорогицкаго Яна Яновича Заберезинскаго король взялъ 1000 золотыхъ угорскихъ, «добрыхъ а важныхъ», и въ обезпеченіе этой суммы заставилъ ему дворъ *Немонойти* съ волостью (23 дек. 1515 г.) [100]); у него же король взялъ 900 копъ грошей подъ заставу замка *Дорогичина* съ волостью [101]). У маршалка Яна Якубовича Щитовича король взялъ 600 копъ грошей и заставилъ ему дворъ Троцкаго повѣта *Василишки* со всѣми людьми Василишскаго повѣта (29 декабря 1515 г.); у подкоморія, намѣстника Ейшишскаго, пана Андрея Якубовича Довойновича—500 коп. гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворъ *Ейшишки* со всѣми людьми Ейшишскаго повѣта (3 января 1516 г.) [102]); у маршалка и писаря пана Богуша Боговитиновича 600 копъ гр. съ заставою ему двора Троцкаго повѣта *Довкговъ* (5 янв. 1516 г.); у пана Миколая, старостича Жомойтскаго, намѣстника Оникштенскаго, 1000 копъ гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворъ *Оникшты* (7 янв. 1516 г.) [103]); у подчашія, старосты Городенскаго, пана Юрія Миколаевича Радивиловича—500 к. грошей съ правомъ держать въ заставѣ дворъ Троцкаго повѣта *Скидель* (9 января 1516 г.) [104]); у конюшія дворнаго и Троцкаго, намѣстн. Волкиницкаго и Лепунскаго, пана Якуба Кунцовича—400 к. гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворы *Волкиники и Лепунь* (25 янв. 1516 г.) [105]).

[100]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229.

[101]) Судья и всѣ земяне Дорогицкаго повѣта, узнавъ объ этомъ, выпросили было у короля дозволенье отложить пану Заберезинскому 900 копъ и въ погашеніе этого долга брать господарскіе доходы съ Дорогичина въ теченіе пяти лѣтъ, по окончаніи которыхъ Дорогичинъ долженъ былъ снова вернуться въ пользованіе господаря (Литов. Метр. кн. Запис. IX. л. 118). Но этотъ выкупъ почему-то не состоялся, и Дорогичинъ отъ Заберезинскаго перешелъ въ заставу къ пану Яну Миколаевичу Радивиловича, а послѣ его смерти, вь 1522 г., къ воеводѣ Подляшскому Янушу Костевича (*Bonieckiego* Poczet rodów, str. 148).

[102]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229—231.

[103]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства прилож. № 25, 26.

[104]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 111.

[105]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, № 27.

у кн. Василья Андреевича Полубенскаго 600 копъ гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворъ Троцкаго повѣта *Жолудокъ* (26 янв. 1516 года) [106]); у воеводы Троцкаго 300 копъ грошей [107]). Кромѣ займовъ у отдѣльныхъ лицъ, король распорядился собрать серебщину съ своихъ имѣній «на середопостье прийдучье». Объ этомъ можно заключить по записямъ Литовской Метрики. Первая изъ этихъ записей гласитъ: «Въ Берестьи на сойме великомъ Берестейскомъ, месеца генв. 24 день, индык. 4 господаръ корол его милость взял к великой потребе и земъской въ пана воеводы Троцкого трыста копъ грошей литовскихъ; на то далъ ему листъ до подскарбего пана Аврама, абы заплатилъ съ скарбу *съ серебщинныхъ пенязей* на рокъ *на середопостье прыдучое*» [108]). Ясно, такимъ образомъ, что къ середопостью должна была собраться въ скарбѣ серебщина. Но другая запись, относящаяся къ той же самой серебщинѣ, приводитъ къ заключенію, что ее положено было собрать только съ господарскихъ имѣній, съ земскихъ же имѣній взамѣнъ ея предполагалось выставить опредѣленное число ратниковъ для постоянной службы. Запись эта гласитъ: «Господаръ король его милость казалъ про паметь записати: што положилъ его милость—на свою землю, отчизну его милости великое князьство Литовское, *серебщину* брати, ино татарамъ его милость всимъ, которыи суть у великомъ князьстве, серебщину отпустилъ; нижли мають они тыми разы выправити на службу его милости сто коней, какъ слушить ку службе, а на весну за ся мають быти готовы на службу его милости и земъскую безъ всякого датку его милости и вымовенья» [109]). Хотя эта запись относится къ татарамъ, но она, очевидно, имѣетъ въ виду приравненіе ихъ въ отношеніи повинностей къ остальнымъ военнослужилымъ землевладѣльцамъ, какъ это всегда бывало и до, и послѣ настоящаго случая. Распоряженіе господаря имѣло въ виду распространить сеймовую ухвалу и на татаръ, которые, не принадлежа къ станамъ сейма, были, однако, съ ними равны въ отношеніи государственныхъ повинностей. Такое толкованіе вполнѣ сходится съ извѣстіями Гурскаго и Бѣльскаго и дополняетъ ихъ существенною подробностью. Выходитъ, такимъ образомъ, что станы сойма, отказавъ королю въ серебщинѣ на содержаніе польскихъ жолнеровъ, взялись замѣнить ихъ и нести гарнизонную постоянную службу въ опредѣленномъ числѣ ратниковъ.

---

[106]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113—114.

[107]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 593, 594.

[108]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 593, 594.

[109]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 334.

Ходъ событій въ самомъ непродолжительномъ времени вызвалъ созывъ новаго великаго вальнаго сойма. Послы императора Максимиліана, отправленные къ великому князю Московскому для переговоровъ о заключеніи мира между воюющими сторонами, принесли отъ него такія условія мира, на которыя Сигизмунду, недавнему побѣдителю, было трудно согласиться: Василій требовалъ, чтобы король по старинѣ прислалъ пословъ въ Москву для переговоровъ о мирѣ. Не желая исполнять это унизительное требованіе и предвидя продолженіе борьбы, Сигизмундъ *въ маѣ того же 1516 года* созвалъ второй *великій соймъ въ Вильнѣ* [110]). Очевидно, Сигизмундъ хотѣлъ заручиться и на этотъ разъ поддержкою землевладѣльцевъ великаго княжества. Изъ письма короля Сигизмунда къ короннымъ сенаторамъ мы узнаемъ, что станы сейма (consiliarii et subditi) взялись кровью и достояніемъ своимъ нести бремя войны и приняли извѣстныя рѣшенія, чтобы во всеоружіи встрѣтить врага, откуда бы онъ ни появился [111]). Эти рѣшенія касались сбора и отправленія на войну земскаго ополченія великаго княжества. Между прочимъ здѣсь была выработана такса, по которой военные люди имѣли право брать у населенія съѣстные припасы реквизиціоннымъ путемъ [112]). Кромѣ того, станы сойма рѣшили дать господарю серебщину на наемъ служебныхъ людей [113]).

На Виленскомъ сеймѣ 1516 г. королю, очевидно, подавались жалобы отъ пограничныхъ съ Польшею землевладѣльцевъ на различныя насилія и обиды, чинимыя съ польской стороны. Поэтому король для разбирательства этихъ дѣлъ назначилъ на этомъ же сеймѣ комиссаровъ со стороны великаго княжества. Комиссарами по границѣ начиная отъ Тыкотина и далѣе до Дорогичина, Мельника, Берестья и Ратна должны были быть пограничные литовскіе старосты, т. е. Городенскій, Бѣльскій, Дорогицкій, Мельницкій и Ковельскій, судьи подляшскихъ повѣтовъ и подсудки и земяне добрые старые, знающіе границы; комиссарами для разбирательства дѣлъ по границѣ отъ Ратна и далѣе на югъ

---

[110]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 124, 125; *М. Довнаръ-Запольскій*, Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141.

[111]) Acta Tomiciana IV, № XXXVIII.

[112]) Zbiór praw litewskich, str. 117.

[113]) Объ этомъ сообщаетъ самъ Сигизмундъ въ письмѣ къ польскимъ сенаторамъ изъ-подъ Полоцка, куда онъ прибылъ съ войскомъ въ августѣ 1517 г.: confecimusque non vulgarem exercitum militum mercenariorum nullo alio adminiculo quam contributione horum subditorum nostrorum (Acta Tomiciana IV, № CCXLIII). Срав. *Lubomirskiego* Trzy rozdziały w history, Scarbowości, str. 57.

назначены были кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича и староста Владимірскій кн. Андрей Сангушковичъ. Извѣстіе объ этомъ назначеніи, содержащееся въ записи Литовской Метрики [114]), является прямымъ опроверженіемъ сообщенія Кояловича, будто на великомъ Виленскомъ соймѣ 1516 года Сигизмундъ даровалъ коронѣ Польской землю Дорогицкую, и будто бы эта уступка санкціонирована была станами сойма [115]). Кояловичъ, очевидно, понялъ, какъ актъ присоединенія къ коронѣ, привилей, выданный въ мартѣ 1516 года, въ силу котораго въ Дорогицкой землѣ должны были дѣйствовать польскія узаконенія, появившіяся послѣ выдачи этой землѣ первыхъ привилеевъ при Казимирѣ и Александрѣ [116]).

§ 6.

Заручившись денежною субсидіею на наемъ служебныхъ, господарь и паны-рада великаго княжества отправили въ Польшу уполномоченныхъ вербовать жолнеровъ. Но по этой части они встрѣтили большія затрудненія въ постановленіи польскаго сейма, чтобы монета литовская принималась въ Польшѣ по ея нарицательной стоимости, между тѣмъ какъ дѣйствительная ея цѣнность была выше. Жолнеры не хотѣли принимать литовскую монету по ея вѣсовой цѣнѣ, и это обстоятельство затормозило наборъ [117]). Великое княжество въ теченіе всего 1516 г. оставалось безъ наемныхъ войскъ, что въ свою очередь отразилось самымъ невыгоднымъ образомъ на ходѣ войны. Въ августѣ этого года бояре Витебской земли вздумали отправиться въ Вильну съ жалобами на притѣсненія своего воеводы Януша Костевича. Москвитяне, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, напали на Витебскъ, сожгли мѣсто, окрестныя села и жатву и едва было не овладѣли замкомъ, гдѣ оставалась горсть людей, было мало провіанта и боевыхъ припасовъ. Только вѣсть о вторженіи Крымскихъ татаръ въ предѣлы Московскаго государства [118]) и приближеніи земскаго ополченія великаго княжества Литовскаго заставила москвитянъ снять осаду Витебска. Освободивъ Витебскъ, литовское войско отправилось добывать Гомель, но не имѣло

---

[114]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II. л. 350.

[115]) Historiae Lytvanae pars II, p. 367.

[116]) Zbiór praw litewskich, str. 118—121.

[117]) Acta Tomiciana IV, № LXVI.

[118]) Объ этомъ вторженіи см. *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 300, 301.

желавшаго вернуть Ордену земли Поморскую и Прусскую, завоеванныя Казимиромъ IV, и освободиться отъ вассальнаго подчиненія Польшѣ. Приходилось, слѣдовательно, готовиться къ борьбѣ, и притомъ, по всѣмъ признакамъ, еще болѣе тяжкой, чѣмъ предыдущая. Мы видѣли, что на совѣщаніи съ панами-радою рѣшено было нанять польскую конницу и пѣхоту. Но для расплаты нужны были деньги, а денегъ въ скарбѣ не было, какъ это видно изъ письма польскаго подканцлера Томицкаго, находившагося при королѣ въ Вильнѣ, къ воеводѣ Краковскому и коронному гетману Николаю Каменецкому [82]). Поэтому еще въ началѣ ноября 1513 г. Сигизмундъ съ панами-радою рѣшили созвать въ Вильнѣ вальный соймъ (conventum generalem), который долженъ былъ дать правительству денежную субсидію для предстоящей борьбы [83]).

Великій соймъ собрался къ началу февраля 1514 года и, судя по датамъ актовъ, продолжался весь февраль и въ первыхъ числахъ марта [84]). Король предложилъ станамъ сейма вопросъ, желаютъ ли они продолжать войну съ великимъ княземъ Московскимъ или принять миръ на тяжкихъ и позорныхъ условіяхъ. Тѣ отвѣчали, что они предпочитаютъ бороться до послѣднихъ силъ, чѣмъ покупать миръ цѣною уступки Смоленска или перемирія цѣною выдачи плѣнныхъ. Для веденія войны постановили нанять семь тысячъ польскихъ жолнеровъ, а для уплаты имъ жалованья дать *поголовщину* въ размѣрѣ одного гроша съ крестьянъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, двухъ грошей съ бояръ и золотого съ урядниковъ и сановниковъ государства (ex procerum demum et primorum omnium per florenum) [85]). Другое постановленіе, состоявшееся на томъ же соймѣ, касалось отправленія военной службы. Король съ панами-радою «и тежъ со всими землями и подаными великого князьства Литовского» установили строгую «уставу» относительно

---

[82]) Acta Tomiciana III, № C.

[83]) Acta Tomiciana III, № III.

[84]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 252, 580, 581; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII.

[85]) Acta Tomiciana III, № XLVII, C. Срав. *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 60. Спб. 1882. Здѣсь эта поголовщина названа *серебщиною*. 26 мая того же 1514 г. были установлены слѣдующія цѣны для закупки продовольствія жолнерамъ: за вола 40 гр., за яловицу 20, за вепра 15, за барана 6, за три курицы 1 грошъ, за пару гусей 1 грошъ, за копу жита стараго 6 грошей, новаго — 3 гроша, за копу овса 3, за бочку овса 5, за бочку жита 8 гр. (Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 653).

тѣхъ, кто не поспѣетъ къ сроку на господарскую службу: постановлено было карать таковыхъ «шіями и имѣньи»[86]).

На этомъ сеймѣ, по сообщенію бывшаго тогда въ Вильнѣ бискупа Перемышльскаго Петра Томицкаго, станы сейма подали господарю три просьбы, а именно: чтобы при господарѣ въ бытность его въ великомъ княжествѣ отправляли свои должности литовскіе урядники, а не польскіе; чтобы господарь далъ имъ писаныя права и законы, и наконецъ, чтобы оставался въ Литвѣ до тѣхъ поръ, пока не прекратится война[87]). Такъ уже рано заявлены были тѣ требованія, съ которыми выступала шляхта и на послѣдующихъ сеймахъ до самой Люблинской уніи. Просьба о дарованіи писаныхъ правъ и законовъ едва ли не была внушена обращеніемъ правительства къ станамъ сейма по поводу разныхъ казусныхъ дѣлъ, встрѣтившихся въ судебной практикѣ, на подобіе того, о которомъ было сообщено выше. При этомъ съ особою рѣзкостью обнаружилась необходимость для судебной практики имѣть руководство въ кодексѣ писанныхъ законовъ. Что касается перваго требованія, то иниціатива его, конечно, вышла изъ среды тѣхъ самыхъ урядниковъ, которые оскорблены были предпочтеніемъ, оказываемымъ полякамъ, и станы сейма только поддерживали ихъ требованіе. Такъ разнообразно сеймовая практика будила въ станахъ сейма политическую мысль, развивала въ нихъ политическіе интересы и стремленія. Все работало въ этомъ направленіи: и тѣ предложенія, которыя дѣлалъ на сеймѣ господарь, и тѣ желанія, которыя предъявляли государственные сановники, и то вообще знакомство съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, которое выносилось съ сейма.

Сильная опасность, угрожавшая великому княжеству, заставила литовцевъ обратиться за помощью въ Польшу и вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости отвѣтить и на послѣднее предложеніе коронныхъ сенаторовъ касательно подтвержденія уніи. Паны-рада, бывшіе на сеймѣ, отправили съ этою цѣлью въ Польшу пословъ, пана Александра Ивановича Ходкевича и каноника Стефана (Щепана), господарскаго секретаря. Чрезъ этихъ пословъ литовцы напоминали полякамъ, что предки ихъ всегда помогали коронѣ Польской, и не только деньгами, но и «сами своими персунами», отъ каковой помощи корона польская получила много чести и пользы. Поэтому они просили поляковъ оказать помощь, не откладывая ее на другое время, «безъ жадное вымовы», такъ

---

[86]) Акты Зап. Рос. II, № 88.

[87]) Acta Tomiciana III. № C.

какъ обстоятельства не терпятъ промедленія, и обѣщали съ своей стороны впредь оказывать таковую же помощь полякамъ. Что касается «стародавныхъ списовъ» и утвержденія уніи обоихъ государствъ, то паны-рада великаго княжества обѣщали устроить все это на свободѣ, когда кончится война, «порозумене оземши с княжаты и паняты и з землями, которыи суть привлащоны ку панству господаря нашого великому князству Литовскому», и притомъ такъ, «какъ бы было на обе стороне равно, безъ пониженя чти обоихъ паньствъ какъ коруны Полское, такы великого князьства Литовского».

Коронные сенаторы съ отвѣтомъ на эти рѣчи въ половинѣ марта отправили въ Вильну Люблинскаго воеводу и маршалка королевства. Послы должны были напомнить литовцамъ, что и великое княжество получило не мало помощи отъ поляковъ, особенно противъ Москвы и татаръ, и выставить на видъ, что о поновленіи уніи надо де стараться прежде всего, такъ какъ «черезъ тое розлучене панове литовские сильнихъ непрыятелей чынять напротивку собе и напротивку насъ»; когда же узнана будетъ «слушная едность панствъ», тогда и непріятели будутъ страшиться. Что касается помощи великому княжеству, то коронные сенаторы объявляли, что у нихъ на предстоящій годъ принято на службу людей больше, чѣмъ нужно для короны; этими людьми королю предоставлено распоряжаться такъ, какъ если бы они наняты были на собственныя средства короля, и направлять ихъ всюду, «гдѣ бы большие шкоды были»; кромѣ того, если бы король, «некакою великою и кгвалтовною потребою тамъ бы былъ утисканъ», то многіе изъ пановъ-рады и рыцарства обѣщали лично придти на помощь къ королю [18].

Дѣло о подтвержденіи уніи и на этотъ разъ не пошло далѣе предварительныхъ переговоровъ. Литовцамъ дѣйствительно было не время совѣщаться объ этомъ предметѣ, когда необходимо было все вниманіе обратить на востокъ, откуда съ наступленіемъ весны приходилось ожидать нападенія.

§ 5.

Въ апрѣлѣ 1514 года король отправилъ Польшу листы къ извѣстнымъ тогда «ротмистрамъ» съ порученіемъ навербовать 2200 конныхъ и 2000 пѣшихъ жолнеровъ и привести ихъ въ Берестье къ 20 мая [19].

---

[18]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1569, прил. № 1. Москва 1897 (Оттискъ изъ II тома Трудовъ Славянской Коммиссіи при Импер. Москов. Археол. Общ.); Acta Tomiciana II, № XLIX.

[19]) Feria proxima post festum ascensionis Domini proximum. Но этотъ день въ 1514 году приходился какъ разъ на 20-е мая.

каждому конному жолнеру обѣщано было по десяти злотыхъ польскихъ на четверть года, а ротмистрамъ за труды и службу по десяти злотыхъ за каждые 30 коней; пѣшимъ жолнерамъ обѣщано было по 6 злотыхъ за каждую четверть года Король отправилъ подскарбія дворнаго Ивашка съ деньгами для уплаты аванса жолнерамъ и ротмистрамъ. Главнымъ начальникомъ надъ всѣми ними онъ назначилъ Яна Свирчевскаго, которому поручилъ произвести жолнерамъ смотръ и перепись въ Берестьѣ [90]) и вести ихъ подъ своею командою на театръ военныхъ дѣйствій [91]). Но прежде, чѣмъ это произошло, московскія войска вторгнулись въ предѣлы великаго княжества и осадили Смоленскъ («по святомъ Николѣ о тыйждень»). Сигизмундъ немедленно (20 мая) послалъ въ Польшу деньги и листы новымъ ротмистрамъ съ порученіемъ навербовать еще 1600 конницы и 1000 пѣхоты и привести ихъ въ Берестье ко дню ап. Петра и Павла (29 іюня) [92]); тѣмъ же, которые уже собрались въ Берестьѣ, король приказалъ двинуться къ Минску, куда ко дню Іоанна Предтечи (24 іюня) должно было собраться и земское ополченіе великаго княжества [93]). Это ополченіе собиралось, по словамъ Томицкаго, медленно и лѣниво. Отъ литовской шляхты не отставали въ этомъ отношеніи и жолнеры. Послѣ смотра, произведеннаго въ Минскѣ, оказалось, что многіе изъ нихъ остались въ Берестьѣ. Король, скрѣпя сердце, принужденъ былъ посылать съ нимъ особый листъ съ приказомъ поспѣшить на службу [94]). Въ концѣ іюля король самолично прибылъ къ войску въ Минскъ съ тѣмъ, чтобы вести его на выручку Смоленска. Но оказалось уже поздно. Пока литовцы не спѣша собирались на войну, Московскій государь лично выступилъ въ походъ на помощь своему войску, осаждавшему Смоленскъ. Съ удвоенными усиліями москвитяне принялись теперь осаждать Смоленскъ, который и сдался имъ, наконецъ, 30 іюля.

Извѣстіе о взятіи Смоленска тронуло поляковъ, которые теперь ясно поняли серьезную опасность, угрожавшую великому княжеству. Опасались, что примѣръ смолнянъ подѣйствуетъ заразительно и на другихъ русскихъ подданныхъ великаго княжества и побудитъ ихъ также отдаться подъ власть могущественнаго единовѣрнаго государя. Поэтому поляки поспѣшили на помощь къ своему королю въ Минскъ.

---

90) Acta Tomiciana III, № LXXIII, LXXV, CXXII, CXXXI.
91) Acta Tomiciana III, № CLXXI; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 653.
92) Acta Tomiciana III, № CXXXI.
93) Acta Tomiciana III, № LXXXI; Акты Зап. Рос. II, № 88.
94) Acta Tomiciana III, № CLXXVI.

Кромѣ войска, нанятаго на счетъ короннаго скарба, къ королю прибыли добровольцы изъ знатныхъ польскихъ фамилій съ отрядами своихъ слугъ. Со всѣмъ этимъ войскомъ король двинулся изъ Минска къ Борисову. Произведя здѣсь смотръ и подсчетъ войску, король отправилъ его противъ непріятеля подъ главнымъ начальствомъ кн. Константина Ивановича Острожскаго, а самъ остался въ Борисовѣ ожидать исхода борьбы.

На этотъ разъ счастье повезло литовцамъ, и они нанесли москвитянамъ страшное пораженіе подъ Оршею 8 сентября 1514 года и заставили великаго князя московскаго поспѣшно отступить во-свояси. Но всѣ усилія ихъ отвоевать обратно Смоленскъ остались тщетными. Наступившая зима, утомленіе и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, заставили литовцевъ снять осаду Смоленска и разойтись по домамъ. Король по представленію гетмана кн. Константина Ивановича Острожскаго разрѣшилъ ему распустить земское ополченіе великаго княжества. Но наемныя войска на всякій случай разставлены были по украиннымъ городамъ [95]).

Пораженіе, нанесенное москвитянамъ подъ Оршею, заставило ихъ на время прекратить военныя дѣйствія, и король, не предвидя въ ближайшемъ будущемъ большой опасности для великаго княжества со стороны Москвы, въ началѣ января 1515 года уѣхалъ въ Польшу. За этотъ годъ ему удалось достигнуть одного существеннаго результата въ своей внѣшней политикѣ — расположить въ свою пользу цесаря Максимиліана. Въ іюлѣ 1515 г. Сигизмундъ и братъ его Владиславъ, король Венгерскій и Чешскій, съѣхались въ Вѣнѣ съ Максимиліаномъ для совѣщанія объ установленіи общаго союза христіанскихъ государей противъ турокъ. На этомъ конгрессѣ Максимиліанъ, по своимъ политическимъ видамъ на Венгрію и Чехію желавшій дружить съ обоими братьями, обѣщалъ Сигизмунду свое посредничество въ примиреніи съ Москвою. Кромѣ того, литовцамъ оказали не малую услугу Крымскіе татары, которые весною 1515 года сдѣлали вторженіе въ Сѣверскую украйну Московскаго государства и вывели оттуда много полона [96]). Москва казалась столь обезсиленной и неопасной, что наемныя войска, разставленныя по украиннымъ городамъ великаго княжества, перешли въ наступленіе и начали вторгаться въ пограничныя москов-

[95]) Acta Tomiciana III, № CCCXXXV, CCCLXXXI.

[96]) K. *Pułaskiego* Machmet-Cirej. chan Tatarów perekopskich i stosunki jego z Polską (Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 285, 286. S. Petersburg 1898).

скія волости, жечь селенія, грабить жителей и уводить ихъ въ плѣнъ[97]). Но несмотря на все это, борьба съ Московскимъ государствомъ продолжала ставить такія трудныя задачи литовскому правительству, для рѣшенія которыхъ оно нуждалось въ содѣйствіи общественныхъ силъ великаго княжества. Поэтому къ началу декабря 1515 года Сигизмундъ созвалъ въ *Берестьѣ великій соймъ*, на который и самъ лично прибылъ 5 декабря [98]).

Хотя не всѣ еще станы сойма были въ сборѣ (по словамъ одного изъ лицъ польской свиты, прибывшей съ королемъ, боялись ѣхать въ Берестье по случаю мародеровъ), но собраніе все-таки было многолюдное. Прибывшіе съ королемъ поляки едва могли найти себѣ помѣщенія, такъ какъ всѣ уголки въ городѣ были заняты литовцами. Съѣстные припасы страшно вздорожали. Народу стеклось множество, а подвозъ почти прекратился по случаю зимней распутицы и блужданія мародеровъ. Кромѣ становъ сойма, въ Берестьѣ находились ротмистры и другіе офицеры наемныхъ войскъ. Давно уже не получая условленнаго жалованья, они свели свои роты съ украинныхъ замковъ въ глубь государства, а сами прибыли въ Берестье и здѣсь вымаливали у пановъ радныхъ свое «заслуженое». Денегъ въ скарбѣ по обычаю не было, а между тѣмъ государство и впредь не могло обойтись безъ услугъ этихъ жолнеровъ. Необходимость въ полученіи для этой цѣли новой субсидіи и была, очевидно, причиною созыва *великаго Берестейскаго сойма конца 1515 и начала 1516 года.*

Станиславъ Гурскій въ своемъ комментаріи о дѣяніяхъ Сигизмунда I и вслѣдъ за нимъ М. Бѣльскій въ своей хроникѣ разсказываютъ, что по прибытіи въ Литву король нашелъ настроеніе умовъ, неблагопріятное войнѣ: истощенные продолжительною войною и частыми поборами, литовцы не согласились устанавливать никакого побора для военныхъ надобностей, стараясь отдѣлаться отъ польскихъ жолнеровъ, и рѣшили продолжать борьбу собственными силами. Очевидно, что это имѣло мѣсто именно на великомъ Берестейскомъ соймѣ, который созывался для полученія субсидіи на содержаніе жолнеровъ. Вслѣдствіе этого король, расплатившись съ жолнерами, распустилъ ихъ, тѣмъ болѣе, что надѣялся на скорое заключеніе мира при посредствѣ цесаря Максимиліана [99]).

---

[97]) Acta Tomiciana III, № CDXXXIII.

[98]) Acta Tomiciana III, № DXCVII, DXCVIII.

[99]) Acta Tomiciana IV, № I; Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 170.

господарскіе должны были сами выбрать съ своихъ людей поголовщину и отнести ее въ Вильну «вступивши въ постъ две недели», при чемъ должны были представить списки людей, съ которыхъ брали поголовщину, и принести присягу въ томъ, что ничего не утаили. Всѣ остальные землевладѣльцы должны были такимъ же порядкомъ вручить поголовщину особымъ бирчимъ, которыхъ должны были установить намѣстники господарскихъ дворовъ, а бирчіе должны были представить собранныя деньги панамъ Янушу Костевичу и Павлу Нарушевичу вмѣстѣ съ полученными отъ землевладѣльцевъ реестрами и принести присягу въ томъ, что отдаютъ сполна собранную поголовщину. За утайку поголовщины опредѣлено было отнимать имѣнье и отдавать тому, кто донесетъ объ этой утайкѣ [141]).

Кояловичъ разсказываетъ, что на этомъ же Берестейскомъ сеймѣ 1518 г. станы позволили пану Миколаю Радивиловичу II, воеводѣ Виленскому, принять княжескій титулъ, пожалованный ему цесаремъ Максимиліаномъ, какъ дядѣ князей Мазовецкихъ по матери [142]). Но въ данномъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ современнаго Кояловичу порядка вещей на болѣе раннее время. Въ дѣйствительности подобныя дозволенія до самой Люблинской уніи давались только господаремъ [143]).

Но служебнымъ надо было платить прежде, чѣмъ могла поступить въ скарбъ поголовщина, опредѣленная на великомъ Берестейскомъ соймѣ. Поэтому господарь на этомъ же соймѣ, «вчынившы раду с паны радами», сдѣлалъ новые займы подъ заставу своихъ имѣній «на выплаченье и для захованья служебныхъ». У пана Юрія Миколаевича Радивиловича, старосты Городенскаго и «гетмана дворянского», господарь взялъ 2800 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему *Городенъ* со всѣмъ повѣтомъ, дворами и волостями, кромѣ тѣхъ, которые

ранъ 4, вепръ 8, пара гусей 1 гр., три курицы 1 грошъ, копа жита стараго 6 гр., новаго—4 гр., копа пшеницы 8 гр., ячменю 4 гр., овса 3 гроша (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 345).

[141]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 262—264; Scarbiec diplomatów II, № 2279.

[142]) Historiae Litvanae pars II, p. 174. Миколай Радивиловичъ сталъ лично извѣстнымъ Максимиліану со времени Вѣнскаго конгресса 1515 года, на которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ представителя великаго княжества (Acta Tomiciana III, p. 310).

[143]) См., напр., привилей пану Яну Еронимовичу Ходкевича на «кграбство» отъ 10 іюня 1568 года (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 170—172).

были отданы ему въ заставу особо [144]); у пана Якуба Кунцовича господарь взялъ 1000 копъ и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ *Василишки* [145]); кн. Василью Семеновичу Жилинскому заставилъ замокъ *Кричовъ* въ 733 копахъ грошей (8 янв. 1519 г.) [146]); у кн. Василья Андреевича Полубенскаго взялъ (29 дек. 1518 г.) еще 100 копъ грошей подъ заставу двора *Жолудка*, уже заведеннаго раньше въ 600 копахъ грошей [147]); у кн. Петра Масальскаго 60 копъ грошей въ добавленіе къ 1000 копамъ, взятымъ подъ заставу двора *Стоклишекъ* (28 дек. 1518 г.) [148]); у пана Яна Завишича—500 копъ, которыя тотъ долженъ былъ выбрать съ *Любошанъ* въ теченіе шести лѣтъ [149]); у Яна Юрье-

---

[144]) Позже, въ мартѣ 1523 г., король взялъ у него въ добавленіе къ первоначальной суммѣ еще 200 копъ. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 78, 79.

[145]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19. Въ 1523 году ноября 12 король разрѣшилъ пану Якубу Кунцовичу взять 1000 копъ у подчашія пана Яна Миколаевича Радивиловича и передать ему дворъ Василишки въ заставу на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ самъ держалъ (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 54—56).

[146]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 44. Въ 1521 г. іюля 22 князь Жилинскій получилъ Кричевъ «на выбиранье пенязей», т. е. съ правомъ погашать получаемыми доходами капитальную сумму долга, въ теченіе трехъ лѣтъ, а затѣмъ уже «врядомъ», т. е. на правахъ державцы «до живота» (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 53).

[147]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 29.

[148]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 25, 26. Въ 1521 мая 1 король дозволилъ пану Якубу Кунцовичу отложить пенязи кн. Масальскому и взять дворъ Стоклишки въ заставу, а по уплатѣ ему долга держать «въ держаньѣ» до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 41, 42). Вскорѣ, однако, король нарушилъ этотъ привилей, отобралъ у Кунцовича Стоклишки и отдалъ ихъ въ держанье кн. Рязанскому. Кунцовичу король велѣлъ выдать деньги изъ скарба. Но Кунцовичъ умеръ, не получивъ своихъ денегъ, такъ какъ «зъ скарбу иншие а многие и пильные потребы справованы». Вдова его 18 окт. 1524 г. получила право выбрать эти деньги съ корчомъ въ дворахъ Мерецкихъ, Ейшишскихъ, Коневскихъ, Дубицкихъ, Волкиницкихъ и Пуньскихъ (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 79, 80).

[149]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 44, 45. Но уже 7 іюля 1519 г. Янъ Завишичъ долженъ былъ взять свои 500 коп. грошей у кн. Василья Соломерецкаго и уступить ему Любошаны. Кн. Соломерецкій взялъ Любошаны «на выбиранье пенязей» въ теченіе трехъ лѣтъ (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 42, 43). 21 февраля 1520 волость Любошаны перешла въ заставу къ пану Юрію Немировичу въ 500 коп. грошей; въ слѣдующемъ году онъ получилъ ее на выбиранье пенязей въ теченіе 3-хъ лѣтъ, а затѣмъ въ держанье до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 40).

Ходъ событій въ самомъ непродолжительномъ времени вызвалъ созывъ новаго великаго вальнаго сойма. Послы императора Максимиліана, отправленные къ великому князю Московскому для переговоровъ о заключеніи мира между воюющими сторонами, принесли отъ него такія условія мира, на которыя Сигизмунду, недавнему побѣдителю, было трудно согласиться: Василій требовалъ, чтобы король по старинѣ прислалъ пословъ въ Москву для переговоровъ о мирѣ. Не желая исполнять это унизительное требованіе и предвидя продолженіе борьбы, Сигизмундъ *въ маѣ того же 1516 года* созвалъ второй *великій соймъ въ Вильнѣ* [110]). Очевидно, Сигизмундъ хотѣлъ заручиться и на этотъ разъ поддержкою землевладѣльцевъ великаго княжества. Изъ письма короля Сигизмунда къ короннымъ сенаторамъ мы узнаемъ, что станы сейма (consiliarii et subditi) взялись кровью и достояніемъ своимъ нести бремя войны и приняли извѣстныя рѣшенія, чтобы во всеоружіи встрѣтить врага, откуда бы онъ ни появился [111]). Эти рѣшенія касались сбора и отправленія на войну земскаго ополченія великаго княжества. Между прочимъ здѣсь была выработана такса, по которой военные люди имѣли право брать у населенія съѣстные припасы реквизиціоннымъ путемъ [112]). Кромѣ того, станы сойма рѣшили дать господарю серебщину на наемъ служебныхъ людей [113]).

На Виленскомъ сеймѣ 1516 г. королю, очевидно, подавались жалобы отъ пограничныхъ съ Польшею землевладѣльцевъ на различныя насилія и обиды, чинимыя съ польской стороны. Поэтому король для разбирательства этихъ дѣлъ назначилъ на этомъ же сеймѣ комиссаровъ со стороны великаго княжества. Комиссарами по границѣ начиная отъ Тыкотина и далѣе до Дорогичина, Мельника, Берестья и Ратна должны были быть пограничные литовскіе старосты, т. е. Городенскій, Бѣльскій, Дорогицкій, Мельницкій и Ковельскій, судьи подляшскихъ повѣтовъ и подсудки и земяне добрые старые, знающіе границы; комиссарами для разбирательства дѣлъ по границѣ отъ Ратна и далѣе на югъ

---

[110]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 124, 125; *М. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141.

[111]) Acta Tomiciana IV, № XXXVIII.

[112]) Zbiór praw litewskich, str. 117.

[113]) Объ этомъ сообщаетъ самъ Сигизмундъ въ письмѣ къ польскимъ сенаторамъ изъ-подъ Полоцка, куда онъ прибылъ съ войскомъ въ августѣ 1517 г.: confecimusque non vulgarem exercitum militum mercenariorum nullo alio adminiculo quam contributione horum subditorum nostrorum (Acta Tomiciana IV, № CCXLIII). Срав. *Lubomirskiego* Trzy rozdziały w history, Scarbowisci, str. 57.

сачахъ золотыхъ «черленыхъ»[158]); *Бѣльскъ*—пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду[159]).

§ 7.

Опасенія Сигизмунда касательно москвитянъ вполнѣ оправдались. Какъ только магистръ Прусскій началъ готовиться къ войнѣ съ Польшею, и московскія войска усилили свои наступательныя дѣйствія. Въ теченіе 1519 г. они съ разныхъ сторонъ вторгались въ предѣлы великаго княжества и опустошили страну до самой Вильны[160]). Изъ посланія пановъ-рады великаго княжества, отправленнаго къ королю въ началѣ 1520 г., видно, чѣмъ въ значительной степени обусловились успѣхи москвитянъ. Оказывается, что противъ москвитянъ выходили почти одни только паны-рада съ своими «почтами» и боролись «безъ жадного способу» другихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества[161]); изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что въ борьбѣ принимали участіе и наемныя войска, разставленныя по украинымъ замкамъ и состоявшія подъ главнымъ начальствомъ Яна Свирчевскаго[162]). Но большинство литовскаго служилаго люда уклонилось отъ военной службы, пользуясь тѣмъ, что гетманъ наивысшій кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій въ качествѣ маршалка Волынской земли долженъ былъ въ этомъ году сообща съ поляками отбивать нападенія татаръ на Волынь и Подолье[163]). Поэтому, какъ только съ наступленіемъ зимы прекратились военныя дѣйствія, господарь назначилъ *вальный соймъ* панамъ-радѣ и другимъ станамъ великаго княжества, на которомъ они должны были принять соотвѣтствующія мѣры для защиты государства на будущее время[164]).

На этотъ «съемъ» король отправилъ маршалка дворнаго пана Юрія Ивановича Ильинича и подскарбія земскаго, маршалка и писаря, пана

---

[158]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, 26, 27. Отъ наслѣдниковъ Аврама Езофовича Ковенъ перешелъ къ пану Янушу Костевичу.

[159]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 103, 104.

[160]) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. I, 1628, 1629; Acta Tomiciana V, № LXXVIII; Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 162, 163).

[161]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 379—383.

[162]) Acta Tomiciana V, № LXXIX.

[163]) Хроника *Ваповскаго* въ Script. rer. polon. II, p. 159—162; *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 313—316.

[164]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 28. Гдѣ происходилъ этотъ соймъ конца 1519 и начала 1520 г., по актамъ не видно; всего вѣроятнѣе въ Вильнѣ.

Богуша Боговитиновича съ своими предложеніями. Прежде всего король предлагалъ панамъ-радѣ «зголивѣ, одностойною радою и одностайнымъ умысломъ радити и мыслити», какъ бы учинить отпоръ непріятелю Московскому въ томъ случаѣ, если онъ снова пошлетъ свое войско подъ украинные замки. При этомъ король заявлялъ, что въ настоящую минуту онъ не можетъ прибыть въ великое княжество: до него дошли достовѣрные слухи о томъ, что магистръ Прусскій нанялъ множество солдатъ въ нѣмецкихъ земляхъ и собирается начать съ нимъ войну; поэтому и онъ съ своей стороны идетъ съ войскомъ на прусскую границу въ Торунь и будетъ воевать съ нимъ и добиваться отъ него той же «повинности», которую онъ чинилъ прежде его предкамъ и ему самому. Король предлагалъ затѣмъ «мыслити и радити» на вальномъ соймѣ, какимъ бы образомъ и на какихъ условіяхъ заключить миръ или перемирье съ Московскимъ, а если вести войну, то «которымъ способомъ ее вести». Король предлагалъ далѣе подумать «объ оборонѣ и наспижованьѣ» украинныхъ замковъ Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ, о расплатѣ съ служебными, находящимися на украинныхъ замкахъ и отставными за ихъ прежнюю службу, объ уплатѣ поминковъ Крымскимъ татарамъ [165]), о содержаніи царя Заволжскаго и т. д. Король просилъ заняться обсужденіемъ этихъ вопросовъ, не взирая на его отсутствіе: какъ извѣстно, онъ не жалѣлъ своихъ средствъ для государственныхъ надобностей и позаставлялъ почти всѣ свои дворы и волости; поэтому теперь онъ уже ничего не можетъ дать на военныя надобности, развѣ только заставить Могилевъ. Король просилъ пановъ-раду взять у кого-нибудь тысячи три или четыре подъ заставу Могилева и обернуть эти деньги на земскія потребы. Кромѣ того онъ просилъ, чтобы паны, держащіе въ заставѣ господарскіе дворы и волости, прибавили пенязей къ первоначальной суммѣ, у нихъ взятой, заплатили за жмудскія куницы и этими пенязьми какъ можно скорѣе «оправили» замковыхъ служебныхъ. Король предлагалъ также взыскать через дѣцкихъ поголовщины съ тѣхъ, кто ихъ не уплатилъ, а въ случаѣ надобности конфисковать у таковыхъ землевладѣльцевъ имѣнья; тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не явились прошлый разъ на войну, король совѣтовалъ разложить на зиму по украиннымъ замкамъ. Наконецъ, король предлагалъ, чтобы староста Жмудскій въ виду того, что магистръ Прусскій началъ войну, отобралъ у него людей и земли, «которые

---

[165]) Съ Крымомъ какъ разъ въ то время возобновились мирные переговоры. *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania. serya II, str. 312—321.

истръ прусский черезъ границы забралъ», и снова бы привернулъ къ къ великому княжеству [166]).

Паны-рада не только обсудили на соймѣ предложенія короля, но по собственной инициативѣ вмѣстѣ съ другими станами сойма приняли нѣкоторыя рѣшенія, касающіяся злобы дня. Съ отвѣтомъ на предложенія короля и съ своими собственными предложеніями и просьбами они отправили къ королю въ Польшу пановъ Юрія Миколаевича и Яна Миколаевича Радивиловъ. Указывая на «некарность» и «непослушенство» военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, паны-рада просили короля приказать гетману кн. Конст. Иван. Острожскому ѣхать къ своему уряду, а подданнымъ разослать листы, чтобы они ѣхали на мѣсто положенное къ гетману и становились на службу господарскую: и прежде всегда подданные великаго княжества—«земля»—«къ земскому гетману на рокъ положеный збирали, а за тымъ панове-рада ежчивали и сполomъ отпоръ неприятелю давали». На предложеніе короля изыскать средства для уплаты упоминковъ татарамъ и жалованья служебнымъ паны-рада отвѣчали, что они въ отсутствіе короля «такъ великимъ рѣчамъ досыть вчинити» не могутъ и отлагаютъ это до пріѣзда господарскаго въ Литву. Предложеніе же короля о возвращеніи людей и земель, забранныхъ у великаго княжества магистромъ Прусскимъ, паны-рада отклонили совсѣмъ, на томъ основаніи, что неудобно навлекать на себя третьяго врага, когда имѣешь двухъ сильныхъ—Москву и татаръ; притомъ же, по слухамъ, и магистръ Ливонскій стоитъ на границахъ съ людьми и орудіями, намѣреваясь вторгнуться въ великое княжество, какъ только литовцы начнутъ непріязненныя дѣйствія по отношенію къ магистру Прусскому. Затѣмъ паны-рада сообщали господарю о своемъ постановленіи касательно тѣхъ землевладѣльцевъ которые не были на войнѣ въ прошлое лѣто: они должны уплатить по 30 гр. съ человѣка. Поэтому паны-рада предлагали господарю разослать всѣмъ державцамъ распоряженіе о взысканіи этихъ 30 грошей и пересылкѣ ихъ въ скарбъ, «которыми жъ пенязьми служебныи замковыи и посполитая речъ можетъ справована быти». Замокъ *Могилевъ* они заставили кн. Василью Ивановичу Соломерецкому на выбиранье пенязей на три года [167]). Въ заключеніе паны-рада настоятельно просили короля поскорѣе пріѣхать въ отчину свою великое княжество: война съ Прусскимъ магистромъ, по милости Божіей пошла удачно,

[166]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 190—192.

[167]) Въ 1520 февр. 21 король выдалъ ему въ Торуни соотвѣтствующій привилей (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 28).

успѣха въ этомъ предпріятіи по неопытности и нераспорядительности начальниковъ, по отсутствію стойкости въ рядовыхъ воинахъ. Кромѣ того, при отсутствіи наемныхъ войскъ оказывалось невозможнымъ сосредоточивать военныя силы великаго княжества: приходилось нѣкоторыя мѣстныя ополченія держать въ предѣлахъ ихъ собственныхъ земель. Такимъ образомъ, Жмудская шляхта должна была подъ командою своего старосты оберегать свою землю отъ магистра Прусскаго, придвинувшаго къ ней свое войско, Волынская шляхта и Кіевская—стеречь свои земли отъ татаръ, которые, несмотря на договоръ, заключенный съ Махметъ-Гиреемъ въ 1516 г., вторгались въ польскія и литовскія украинныя области и натворили въ нихъ не мало бѣдъ [119]). Дѣла литовцевъ поправились нѣсколько только къ началу 1517 г., когда устранены были затрудненія съ пріемомъ монеты, и въ ихъ распоряженіи оказалось значительное наемное войско подъ начальствомъ все того же Яна Свирчевскаго [120]).

Съ наступленіемъ весны предполагалось возобновить военныя дѣйствія съ Москвою. Готовясь къ войнѣ, паны-рада великаго княжества отправили къ коронной радѣ на Петрковскій сеймъ, собиравшійся къ 10 февралю, пословъ съ просьбою о помощи и съ требованіемъ, чтобы поляки участвовали въ платежѣ поминковъ и другихъ расходовъ на Крымскихъ татаръ въ половинной суммѣ, какъ было нѣкогда условлено [121]). Поляки отказали литовцамъ по обоимъ пунктамъ: въ помощи—потому, что самой Польшѣ угрожаютъ враги, магистръ Прусскій и татары, въ уплатѣ расходовъ на татаръ—потому, что татары не перестаютъ нападать на Польшу, а слѣдовательно и поляки не обязаны уплачивать имъ поминковъ [122]). Литовцамъ слѣдовательно приходилось разсчитывать исключительно на свои собственныя силы и средства. Несмотря на это Сигизмундъ и его литовскіе совѣтники рѣшили возобновить наступательныя дѣйствія, чтобы заставить великаго князя Московскаго быть сговорчивѣе въ переговорахъ о мирѣ. Этимъ и объ-

---

[119]) Ibidem, str. 297, 298, 302—304.

[120]) Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 151; Acta Tomiciana IV. № CCLXXX. По извѣстіямъ нашихъ лѣтописей, въ литовскомъ войскѣ въ 1517 г. были «Чахи, Ляхи и Угрове, Литва и Нѣмцы.... да иныхъ земель много Муравъ-Мозошане. Волохи и Сербове и Татарове». См. Полное Собр. Рус. Лѣт. IV, 291, 292. Срав. также Scarbiec diplomatów II. № 2272.

[121]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 356—359.

[122]) Acta Tomiciana IV. № CCIII, CCIV; Литов. Метр. кн. Запис. VII. л. 359—362.

ясняется тотъ странный, на первый взглядъ, фактъ, что почти одновременно съ посылкою въ Москву Яна Щита и Богуша для переговоровъ о мирѣ, Сигизмундъ изъ подъ Полоцка [123]) отправилъ свою рать въ предѣлы Московскаго государства для завоеванія Опочки. Въ этомъ войскѣ кромѣ земскаго ополченія великаго княжества были и наемные отряды подъ начальствомъ Яна Свирчевскаго.

Но эта диверсія не только не достигла своей цѣли, но имѣла, можно сказать, прямо противоположные результаты,—затянула переговоры о мирѣ и сдѣлала москвитянъ еще болѣе неуступчивыми. Василій, получивъ свѣдѣнія о вторженіи литовскаго войска, не хотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ литовскими послами, пока его воеводы не перевѣдаются съ литовскими людьми; когда же это случилось, и литовскіе люди вездѣ понесли уронъ, сдѣлался еще неуступчивѣе въ переговорахъ о мирѣ. Цесарскій посолъ Герберштейнъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы, не добившись никакихъ положительныхъ результатовъ въ своей примирительной миссіи [124]). Точно также уѣхали ни съ чѣмъ и вторые послы, присланные Максимиліаномъ, Францискъ да Колло и Антоній де Конти. Василій требовалъ отъ короля присылки въ Москву пословъ для переговоровъ о мирѣ, непремѣннымъ условіемъ котораго онъ ставилъ уступку Смоленской земли; для заключенія же перемирія требовалъ также присылки пословъ и взаимнаго обмѣна плѣнными. Сигизмундъ считалъ эти условія унизительными для великаго княжества Литовскаго и опасался, что всякія уступки Москвѣ поведутъ къ еще большимъ притязаніямъ съ ея стороны [125]). Въ переговорахъ прошелъ конецъ 1517 года и почти весь 1518 годъ, въ теченіе которыхъ происходили стычки между литовскими войсками, находившимися въ Полоцкой землѣ, и московскими отрядами, вторгавшимися въ предѣлы великаго княжества [126]). Къ концу 1518 года выяснилось, что нѣтъ надежды на скорое заключеніе мира или перемирія. Можно

---

[123]) Полоцкъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Сюда пріѣзжалъ и самъ король въ началѣ августа 1517 г. и пробылъ здѣсь до конца сентября; здѣсь онъ производилъ ревизію войску и назначилъ главныхъ его вождей, кн. К. И. Острожскаго и Яна Свирчевскаго (Acta Tomiciana IV, memorab. anni 1517, p. 194; Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 157).

[124]) *С. М. Соловьева* Исторія Россія съ древнѣйшихъ временъ, кн. I, 1621—1625.

[125]) Acta Tomiciana IV, № CCCLXXXVI.

[126]) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. I, 1029; *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 309—310.

рая ухвалена на Минскомъ съѣздѣ. Король просилъ собрать эту серебщину какъ можно скорѣе и установить наказаніе для тѣхъ, кто не отдастъ во время, ибо «за тыхъ непослушенствомъ а омешканем датковъ» многіе подданные подляшскіе за послѣдніе годы отъ служебныхъ «у великии шкоды и впады» пришли. Къ панамъ и земянам жмудскимъ король предлагалъ послать листы, чтобы и они дали «датокъ», разъ вся земля рѣшила его дать; этотъ «датокъ» пойдетъ вѣдь не на господаря, а на потребу рѣчи посполитой, и они не имѣютъ права отказываться отъ этой жертвы; если же будутъ упорствовать, пусть паны-рада пошлютъ дворянъ «править» на нихъ этотъ «датокъ». Такъ какъ поголовщины и серебщины, ухваленныя раньше, поступали въ свое время неисправно, господарь предлагалъ панамъ-радѣ по реестрамъ навести справки о недоимщикахъ и забрать ихъ имѣнья на господаря. Паны-рада должны были снабдить инструкціею пана Халецкаго, отправлявшагося въ Крымъ, и принять извѣстное рѣшеніе на тотъ случай, если бы ханъ Крымскій, отправляясь на войну съ Москвою, потребовалъ, чтобы съ нимъ шелъ воевода Кіевскій или староста Черкасскій; на замки украинные король предлагалъ разослать листы, чтобы были въ великой «опатрѣности и въ осторожности», а старостѣ Жмудскому принять мѣры къ тому, чтобы изъ Ливоніи не переходили люди черезъ Жмудскую землю въ Пруссію [173].

Всѣ эти предложенія короля и были предметомъ совѣщаній пановъ радныхъ, собравшихся на вальномъ соймѣ въ началѣ 1521 года, при чемъ по нѣкоторымъ пунктамъ паны-рада обращались и къ собравшейся шляхтѣ рыцарству. Отвѣтъ паны рада отправили къ королю черезъ того же пана Яна Миколаевича Радивила, который привезъ предложенія короля. Такъ какъ гонецъ Миколай Шостакъ все еще не возвращался изъ Москвы, то паны-рада не стали и совѣщаться о томъ, кого послать въ Москву для переговоровъ о мирѣ. Они уполномочили рѣшить это дѣло бискупа Виленскаго, воеводу Виленскаго и воеводу Троцкаго, которые должны съѣхаться съ этою цѣлью въ Городнѣ, и отписать о своемъ рѣшеніи господарю, какъ только пріѣдетъ Шостакъ и привезетъ вѣсти. Принимая во вниманіе, что, сидя на коняхъ, и о мирѣ удобнѣе толковать, и войну начинать, чѣмъ сидя дома, паны-рада назначили всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества сборъ въ Минскѣ, откуда легче отражать непріятеля, съ какой бы стороны не явился; срокъ сбора назначенъ былъ спустя десять недѣль послѣ Пасхи, когда можно разсчитывать на траву для коней. Урядникамъ украиннымъ паны

[173]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 192—195.

рада приказали ѣхать на свои замки. Но что касается снабженія этихъ замковъ провіантомъ, то паны-рада не могли найти, гдѣ достать его. Они спрашивали городничихъ, но тѣ объявили, что у нихъ нѣтъ ни жита, ни овса, такъ какъ господарскіе дворы «мало не вси» въ заставѣ. Паны-рада предлагали королю написать тѣмъ панамъ, у которыхъ дворы въ заставѣ, чтобы они послали по нѣскольку бочекъ въ Полоцкъ, откуда провіантъ легко распредѣлить и по другимъ замкамъ. На предложеніе короля «посилить» украинные замки людьми паны-рада отвѣчали, что тамъ стоятъ служебные люди; что же касается отправки шляхты на эти замки, то «*они не хотѣли призволить для того, ижъ дали серебщину сами зъ себе, которою серебщиною вжо тыхъ служебныхъ отправили*». Паны-рада представляли королю, что разъ шляхта будетъ находиться съ ними въ сборѣ въ Минскѣ, они всегда могутъ отправить часть ея туда, гдѣ понадобится. Относительно Кіева паны-рада увѣдомляли короля, что мѣры для снабженія его людьми и провіантомъ приняты: панъ Александръ Солтановичъ далъ изъ скарба денегъ на полтораста драбовъ; другіе полтораста отправилъ изъ Берестья маршалокъ дворный Юрій Ильиничъ; воевода Кіевскій съ своей стороны обязался навербовать 200 коней, по 5 копъ грошей на коня, и уже послано ему изъ скарба на это дѣло 500 копъ; провіантъ отправленъ въ Кіевъ изъ Поднѣпрскихъ волостей. Пословъ Крымскихъ меньшихъ, прибывшихъ отъ царицъ, мурзъ, улановъ и другихъ князей татарскихъ, паны-рада совѣтовали королю отпустить съ подарками, а Авліаръ-мурзу задержать подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя отпустить его, не переговоривъ съ панами-радою великаго княжества; держать его паны-рада предлагали королю при себѣ, въ Польшѣ, ибо великое княжество и безъ того много расходуетъ на содержаніе царя Заволжскаго, его племянника и слугъ. Паны-рада думали, что воеводѣ Кіевскому не слѣдуетъ идти съ ханомъ въ походъ, а послать вмѣсто себя старосту Черкасскаго съ двумя сотнями конницы и пѣхоты и съ двумя гаковницами, большую же часть гарнизона и пушки оставить при себѣ; если нельзя будетъ отговориться, то идти самому въ такомъ же «маломъ» почтѣ, а въ Кіевѣ оставить своего брата Юрія. На предложеніе короля расплатиться съ служебными изъ серебщины, ухваленной въ Минскѣ, паны-рада отвѣчали, что этой серебщины не хватитъ, если ее не будетъ платить Жмудская земля. Они просили короля написать о томъ старостѣ Жмудскому, который скорѣе послушается господаря, чѣмъ пановъ-раду. Относительно взысканія недоимокъ по прежнимъ поголовщинамъ и серебщинамъ паны-рада отвѣчали королю, что это дѣло нельзя исполнить въ отсутствіе господаря: требуется тщательное раз-

слѣдованіе, а между тѣмъ реестры сборовъ не всѣ въ наличности, нѣкоторые остались у покойнаго подскарбія Аврама Езофовича и хранятся за господарскою печатью. На приглашеніе господаря «згодливымъ обычаемъ» справлять господарскія и земскія дѣла,—такъ, чтобы онъ могъ быть спокоенъ, паны - рада отвѣчали, что они всегда «охотне а пилне» дѣла господарскія и земскія дѣлали и стерегли, многократно выносили на своихъ плечахъ тяжкія бремена, оберегая государство отъ великихъ и сильныхъ непріятелей, посылавшихъ по 70 и 80 тысячъ войска, но тѣмъ не менѣе не могутъ взять на себя всецѣло отвѣтственности, возлагаемой на нихъ господаремъ, при столь продолжительномъ отсутствіи господаря: вѣдь не только въ такомъ обширномъ государствѣ, но и въ монастырѣ «безъ небытности старшого не могут саме добре законы справовати». Поэтому они усердно просили господаря прибыть въ великое княжество и сообща съ ними найти «способъ», какъ бы учинить «конецъ» съ непріятелемъ Московскимъ. При этомъ паны-рада указывали, что и прусской войны, которая теперь удерживаетъ короля въ Польшѣ, не было бы, если бы своевременно господарь покончилъ дѣло съ Московскимъ: магистръ Прусскій набрался смѣлости не отъ чего другого, какъ отъ того, что король въ такое продолжительное время не учинилъ никакого конца съ Московскимъ [174]).

Но король не тронулся и этимъ вѣскимъ доводомъ. Лѣтомъ 1521 г. до него дошли «новины», что царь Перекопскій вошелъ въ соглашеніе съ царемъ Турецкимъ и покинулъ свое намѣреніе помогать королю противъ Московскаго, а наоборотъ хочетъ заодно съ Московскимъ опустошать великое княжество. Король съ извѣщеніемъ объ этомъ отправилъ къ панамъ-радѣ Павла Нарушевича и просилъ ихъ, чтобы они, отложивши на сторону всѣ свои личныя «розтырки и мерзячки», совѣтовались и мыслили о томъ, «какъ бы речъ наша (господарская) и земская въ добромъ станьѣ и покою отъ неприятелей нашихъ захована была»; въ частности, король просилъ позаботиться о снабженіи украинныхъ замковъ живностью и боевыми снарядами и о заплатѣ служебнымъ ихъ жалованья, чтобы они не сошли прочь съ замковъ. Король предлагалъ затѣмъ послать къ магистру Ливонскому посла и постараться завязать съ нимъ дружественныя отношенія [175]).

Слухи о союзѣ Крымскаго хана противъ великаго княжества Литовскаго не подтвердились. Махметъ-Гирей прислалъ къ Сигизмунду гонца съ извѣстіемъ, что онъ согласно данному слову идетъ войною на

---

[174]) Документы Московскаго Архива Минист. Юстиціи, т. I. стр. 509—514

[175]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 420, 421.

великаго князя Московскаго, и съ требованіемъ, чтобы и Сигизмундъ съ своей стороны пошелъ съ войскомъ въ его землю и чтобы прислалъ съ его посломъ немедленно упоминокъ, 15 т. золотыхъ. Находившійся у Сигизмунда посолъ хана—Авліяръ-мурза совѣтовалъ королю во что бы то ни стало исполнить требованіе хана, такъ какъ въ противномъ случаѣ отъ хана не будетъ никакой пріязни королю, и ханъ склонится къ Турецкому султану противъ короля. И польская рада, въ виду надвигавшейся опасности со стороны турокъ, посовѣтовала королю исполнить требованіе хана и приготовила свою половину требуемой ханомъ суммы. Все дѣло теперь стояло за тѣмъ, заплатитъ или нѣтъ свою долю великое княжество. Поэтому Сигизмундъ отправилъ въ великое княжество посла Скопа къ панамъ-радѣ, которые, по его расчету, должны были уже съѣхаться въ Минскѣ вмѣстѣ съ подданными земель и повѣтовъ великаго княжества. Посолъ отъ его имени долженъ былъ изложить положеніе дѣлъ и настоятельно просить пановъ-раду, чтобы они «о томъ-то поминку и отправе того посла рачили на томъ зъезде вси вespолокъ панове-рада наша и со всими землями поддаными нашими мыслити и радити такъ, какъ бы тая речъ загамована не была, а тотъ бы посолъ убордзе со всимъ былъ отправленъ». Король желалъ, чтобы паны-рада на этомъ съѣздѣ обсудили, изъ какихъ средствъ уплачивать этотъ упоминокъ и на будущіе годы, и кромѣ того, чѣмъ расплатиться съ служебными, которые стоятъ по украинымъ замкамъ, и наконецъ, какъ укрѣпить Кіевъ, который, по слухамъ, хочетъ взять себѣ Перекопскій царь. При этомъ король объяснялъ, что онъ имѣлъ уже давно намѣреніе пріѣхать въ великое княжество «для великихъ а потребныхъ справъ» этого государства, но «злая пригода» задержала его въ Польшѣ: Турецкій султанъ придвинулся съ войскомъ къ границамъ королевства Угорскаго и добываетъ замки; а поэтому ему, королю, согласно «стародавнымъ записамъ» приходится помогать своему племяннику, королю Угорскому, и сообща отражать врага, угрожающаго и Польшѣ [176]).

Итакъ, собравшееся подъ Минскомъ земское ополченіе великаго княжества Литовскаго и на этотъ разъ должно было превратиться въ великій соймъ и заняться обсужденіемъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди. Мы не знаемъ, какія постановленія состоялись на этомъ *полевомъ сеймѣ*. Но главное желаніе короля—относительно изысканія средствъ на уплату 7½ тысячъ золотыхъ Крымскому хану было удовлетворено, и въ концѣ 1521 года въ Крымъ

---

[176]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 421, 422.

отправлялись литовскіе послы Онисей Горностай и Остафій Дашковичъ съ Авліяръ-мурзою и съ 15 т. золотыхъ для хана [177].

§ 9.

Къ началу 1522 г. королю удалось покончить со всѣми главными дѣлами въ Польшѣ. Съ магистромъ Прусскимъ заключенъ былъ миръ еще въ мартѣ 1521 года. Турки отхлынули изъ Венгріи и болѣе не тревожили поляковъ. Для обороны отъ татаръ сеймъ, собиравшійся въ Петрковѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1521 года, опредѣлилъ дать королю налогъ съ мѣщанъ и крестьянъ, достаточный для содержанія 4000 жолнеровъ. Теперь предстояло устроить дѣла великаго княжества, и король назначилъ *великій сеймъ* всѣмъ станамъ великаго княжества *въ Городнѣ*, куда и самъ прибылъ 2 февраля *1522 года* [178].

Первый вопросъ, обсуждавшійся на этомъ сеймѣ, касался дѣла съ Москвою. Рѣшено было отправить въ Москву посла съ предложеніемъ, чтобы великій князь, если согласенъ на вѣчный миръ или перемиріе, прислалъ своихъ пословъ въ Вильну для переговоровъ [179]. Въ виду неизвѣстности отвѣта рѣшено было готовиться къ войнѣ. Господарь со всѣми панами-радою и со всѣми землями великаго княжества Литовскаго для великой потребы господарской и земской положили на все великое княжество, не исключая и украинныхъ областей, *серебщину*. Всѣ землевладѣльцы какъ свѣтскіе, такъ и духовные должны были отъ каждой сохи воловой дать 15 грошей, отъ конской вдвое меньше, отъ людей, не имѣющихъ сохъ, но держащихъ землю, по 6 грошей съ человѣка (хозяина?), отъ огородниковъ по три гроша. Опредѣленъ былъ и самый порядокъ сбора серебщины: съ господарскихъ людей должны были собирать серебщину державцы, съ боярскихъ, дворянскихъ, вдовьихъ и татарскихъ—хоружіе, съ людей князей и пановъ-радныхъ—ихъ намѣстники. Сборщики должны были представить серебщину въ скарбъ не позднѣе 12 недѣль «отъ масленыхъ русскихъ запустъ», при чемъ должны были передъ подскарбіемъ земскимъ принести присягу, что выбрали серебщину правильно и не утаили ни одной сохи, ни одного гроша. Всѣхъ, кто утаитъ какое-либо изъ своихъ имѣній или части своихъ людей и отдастъ серебщину не сполна, господарь съ панами-радою постановили наказывать отнятіемъ утаеннаго имѣнья или людей,

---

[177]) *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania, serya II, str. 339.

[178]) Хроника *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 183, 186, 187).

[179]) Акты Зап. Рос. II, № 111.

а имѣнья и людей отдавать въ вѣчное владѣніе лицамъ, донесшимъ объ утайкѣ [180]).

Серебщина, ухваленная на сеймѣ, могла только частью и притомъ временно покрыть государственные расходы. Между тѣмъ постоянный источникъ для покрытія государственныхъ расходовъ—скарбъ великаго княжества почти совершенно изсякъ вслѣдствіе прекращенія притока въ него государственныхъ доходовъ, а это произошло отъ того, что почти всѣ господарскія имѣнія и мыта «въ долзѣхъ зашли». Положеніе дѣлъ становилось невозможнымъ, такъ какъ у господаря не было средствъ на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ и неотложныхъ государственныхъ нуждъ. Тогда нѣкоторые паны и державцы, державшіе въ заставѣ господарскія имѣнія, принесли патріотическія жертвы, и спустили господарю свои «заставы», такъ что господарскіе доходы съ ихъ державъ съ того момента должны были поступать уже въ скарбъ. Такимъ образомъ вернулись снова господарю доходы съ Утены, Дорсунишокъ, Мозыря, Мельника, Ейшишокъ, Вилкомира, Меречи, Пуни, Жижморъ, Лиды и Бѣлицы, Оникштъ, Перевалки, Острыни, Крева, Любошанъ, Могилева, Кричова, Ушполь и Пенянъ [181]). Впрочемъ, для нѣкоторыхъ изъ кредиторовъ, спустившихъ господарю свои пенязи, жертва была не такъ тяжела, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что должность державцевъ въ нѣкоторыхъ господарскихъ имѣніяхъ была настолько доходна, что паны, получившіе эти имѣнія въ заставу, находили для себя выгоднымъ освободить господаря отъ уплаты данной ему суммы, лишь бы господарь обезпечилъ имъ «держаніе» извѣстнаго имѣнія до живота съ правомъ получать одни только намѣстничьи доходы. Такая сдѣлка въ сущности была замаскированною дачею господарю «челобитья» за пожалованіе держанья. Такимъ образомъ, напр., въ 1520 году іюня 20, господарь дозволилъ пану Андрею Якубовичу Довойновича отложить 600 копъ грошей пану Яну Юндиловичу и взять у него дворы Коневу и Дубичи; при этомъ панъ Ан-

---

[180]) Акты Зап. Рос. II, № 17. Издатели отнесли этотъ актъ къ 1507 году на томъ основаніи, что онъ носитъ дату 10 индикта, не обративъ вниманія на то, что актъ вписанъ въ книгу Литовской Метрики среди актовъ 1522 года, когда тоже былъ 10-й индиктъ. Въ первые мѣсяцы 1507 г. (въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и маѣ) Сигизмундъ находился въ Краковѣ и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не могъ издавать окружной грамоты, въ которой говорится: «тыми разы, будучи на соймѣ въ Городнѣ» (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 89—95; 147—155, 268, 272; Судныхъ дѣлъ II, л. 9; Acta Tomiciana I, p. 14).

[181]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 234, 235.

и король «за тою ласкою Божіей можеть беспечно хотя на малый часъ да здешнего панства приехати и уставить ряды и способъ и оборону» [168]).

Но король не пріѣхалъ даже и на короткое время въ великое княжество, вслѣдствіе чего панамъ-радѣ пришлось однимъ безъ господаря устроивать «ряды и способъ и оборону». Они собрали земское ополченіе великаго княжества въ Минскѣ, куда и сами прибыли головами своими. Отсюда они отправили въ Москву пословъ, воеводу Подляшскаго Януша Костевича и подскарбія земскаго Богуша Боговитиновича, для веденія переговоровъ о мирѣ. Пока послы ѣздили въ Москву, паны-рада, пользуясь сборомъ рыцарства-шляхты въ Минскѣ, стали склонять его къ ухвалѣ серебщины на военныя издержки. Большинство шляхты, бывшей на этомъ *полевомъ сеймѣ*, согласилось дать серебщину съ своихъ подданныхъ; только земля Жмудская не хотѣла дать серебщину, «выламаючи своими правы» [169]). Тѣмъ временемъ и послы, отправленные въ Москву, заключили перемиріе на полгода (въ концѣ 1520 г.) [170]). Москвитяне, утомленные борьбою и обезпокоенные враждебными шагами Крымскаго хана, который интриговалъ противъ Москвы въ Казани и возобновилъ союзный договоръ съ Сигизмундомъ [171]), охотно согласились на перемиріе.

§ 8.

Но этимъ не устранялись заботы о государственной безопасности великаго княжества, и потому Сигизмундъ, получивъ увѣдомленіе отъ пановъ-рады касательно всего, что имъ удалось сдѣлать, назначилъ снова *великій соймъ въ Вильнѣ въ началѣ 1521 года.* На этотъ соймъ Сигизмундъ отправилъ подчашія Яна Миколаевича Радивила съ своими предложеніями и просьбами, адресованными къ панамъ-радѣ и отчасти къ другимъ станамъ сойма [172]).

Первое предложеніе касалось необходимыхъ приготовленій къ войнѣ. Въ Москву посланъ былъ дворянинъ Миколай Шостаковичъ съ ко-

168) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 379—383.

169) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III. л. 192—195.

170) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. I, 1629.

171) *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania, serya II, str. 326—335.

172) Отвѣтъ на посланіе короля былъ отправленъ панами-радою съ тѣмъ же паномъ Яномъ Миколаевичемъ Радивиломъ передъ самою Пасхою, которая въ 1521 г. была 31 марта. Паны-рада въ то время уже разъѣзжались изъ Вильны; сеймъ, слѣдовательно, къ тому времени уже кончился.

Конфискація имѣній опредѣлена была Городенскимъ сеймомъ 1522 года и за захватъ господарскихъ земель. Постановлено было отбирать на господаря и присоединять къ господарскимъ дворамъ отчинныя, пожалованныя и купленныя имѣнія у тѣхъ лицъ, которыя захватятъ къ нимъ неправильно часть господарскихъ земель [186]). Это постановленіе потомъ вошло и въ статутъ 1529 (раздѣлъ I, арт. 8).

Просьба о дарованіи статута подана была господарю вновь на этомъ же Городенскомъ сеймѣ 1522 г. Незадолго предъ тѣмъ, на Петрковскомъ сеймѣ 1519 г., поляки предъявили Сигизмунду требованіе о составленіи полнаго свода законовъ. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ назначилъ цѣлую комиссію, которая должна была редактировать сводъ законовъ, исправить въ нихъ несоотвѣтствія и противорѣчія, устранить вышедшіе изъ употребленія, *привести къ однообразію обычаи и формы судопроизводства во всѣхъ земляхъ и воеводствахъ королевства Польскаго* [187]). И на Петрковскомъ сеймѣ конца 1521 и начала 1522 г. снова поднимался тотъ же самый вопросъ и состоялось постановленіе, ut jura, statuta et consuetudines regni in meliorem formulam redigerentur [188]). Повидимому, въ связи съ этимъ шляхта поднимала вопросы о своихъ привилегіяхъ и домогалась расширенія своихъ правъ [189]). Литовцы не хотѣли въ данномъ случаѣ отстать отъ своей братьи-поляковъ и съ своей стороны предъявили подобное же требованіе, воспользовавшись тѣмъ, что правительство такъ сильно нуждалось въ общественной помощи и содѣйствіи. Господарь съ панами-радою «право имъ прирекли дати и тыи вси члонки, какъ ся подданыи наши маютъ справовати и радити, казали... выписати» [190]).

Кромѣ этой общей просьбы, пограничные съ Мазовіею землевладѣльцы великаго княжества подавали господарю жалобу на подданныхъ князей Мазовецкихъ, которые, перейдя старинную границу, позабирали у нихъ земли пашныя, сѣножати и дерево бортное и подѣлали имъ много другихъ кривдъ. Такъ какъ одновременно съ тѣмъ и князья Мазовецкіе прислали подобную же жалобу на пограничныхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, то господарь назначилъ нѣкоторыхъ пановъ радныхъ комиссарами «на поправенье стародавныхъ справедливыхъ границъ». Эти комиссары должны были съѣхаться съ

---

[186]) *Hr. Broel-Plater* Zbiór pamiętników, tom I, str. 147.

[187]) Acta Tomiciana, V, № XV.

[188]) Acta Tomiciana VI, p. 1.

[189]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 187).

[190]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 516.

рая ухвалена на Минскомъ съѣздѣ. Король просилъ собрать эту серебщину какъ можно скорѣе и установить наказаніе для тѣхъ, кто не отдастъ во время, ибо «за тыхъ непослушенствомъ а омешканемъ датковъ» многіе подданные подляшскіе за послѣдніе годы отъ служебныхъ «у великии шкоды и впады» пришли. Къ панамъ и земянамъ жмудскимъ король предлагалъ послать листы, чтобы и они дали «датокъ», разъ вся земля рѣшила его дать; этотъ «датокъ» пойдетъ вѣдь не на господаря, а на потребу рѣчи посполитой, и они не имѣютъ права отказываться отъ этой жертвы; если же будутъ упорствовать, пусть паны-рада пошлютъ дворянъ «править» на нихъ этотъ «датокъ». Такъ какъ поголовщины и серебщины, ухваленныя раньше, поступали въ свое время неисправно, господарь предлагалъ панамъ-радѣ по реестрамъ навести справки о недоимщикахъ и забрать ихъ имѣнья на господаря. Паны-рада должны были снабдить инструкціею пана Халецкаго, отправлявшагося въ Крымъ, и принять извѣстное рѣшеніе на тотъ случай, если бы ханъ Крымскій, отправляясь на войну съ Москвою, потребовалъ, чтобы съ нимъ шелъ воевода Кіевскій или староста Черкасскій; на замки украинные король предлагалъ разослать листы, чтобы были въ великой «опатрѣности и въ осторожности», а старостѣ Жмудскому принять мѣры къ тому, чтобы изъ Ливоніи не переходили люди черезъ Жмудскую землю въ Пруссію [173]).

Всѣ эти предложенія короля и были предметомъ совѣщаній пановъ радныхъ, собравшихся на вальномъ соймѣ въ началѣ 1521 года, при чемъ по нѣкоторымъ пунктамъ паны-рада обращались и къ собравшейся шляхтѣ рыцарству. Отвѣтъ паны рада отправили къ королю черезъ того же пана Яна Миколаевича Радивила, который привезъ предложенія короля. Такъ какъ гонецъ Миколай Шостакъ все еще не возвращался изъ Москвы, то паны-рада не стали и совѣщаться о томъ, кого послать въ Москву для переговоровъ о мирѣ. Они уполномочили рѣшить это дѣло бискупа Виленскаго, воеводу Виленскаго и воеводу Троцкаго, которые должны съѣхаться съ этою цѣлью въ Городнѣ, и описать о своемъ рѣшеніи господарю, какъ только пріѣдетъ Шостакъ и привезетъ вѣсти. Принимая во вниманіе, что, сидя на коняхъ, и о мирѣ удобнѣе толковать, и войну начинать, чѣмъ сидя дома, паны-рада назначили всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества сборъ въ Минскѣ, откуда легче отражать непріятеля, съ какой бы стороны не явился; срокъ сбора назначенъ былъ спустя десять недѣль послѣ Пасхи, когда можно разсчитывать на траву для коней. Урядникамъ украиннымъ паны-

[173]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 192—195.

рада приказали ѣхать на свои замки. Но что касается снабженія этихъ замковъ провіантомъ, то паны-рада не могли найти, гдѣ достать его. Они спрашивали городничихъ, но тѣ объявили, что у нихъ нѣтъ ни жита, ни овса, такъ какъ господарскіе дворы «мало не вси» въ заставѣ. Паны-рада предлагали королю написать тѣмъ панамъ, у которыхъ дворы въ заставѣ, чтобы они послали по нѣскольку бочекъ въ Полоцкъ, откуда провіантъ легко распредѣлить и по другимъ замкамъ. На предложеніе короля «посилить» украинные замки людьми паны-рада отвѣчали, что тамъ стоятъ служебные люди; что же касается отправки шляхты на эти замки, то *«они не хотѣли призволить для того, ижъ дали серебщину сами зъ себе, которою серебщиною вжо тыхъ служебныхъ отправили»*. Паны-рада представляли королю, что разъ шляхта будетъ находиться съ ними въ сборѣ въ Минскѣ, они всегда могутъ отправить часть ея туда, гдѣ понадобится. Относительно Кіева паны-рада увѣдомляли короля, что мѣры для снабженія его людьми и провіантомъ приняты: панъ Александръ Солтановичъ далъ изъ скарба денегъ на полтораста драбовъ; другіе полтораста отправилъ изъ Берестья маршалокъ дворный Юрій Ильиничъ; воевода Кіевскій съ своей стороны обязался навербовать 200 коней, по 5 копъ грошей на коня, и уже послано ему изъ скарба на это дѣло 500 копъ; провіантъ отправленъ въ Кіевъ изъ Поднѣпрскихъ волостей. Пословъ Крымскихъ меньшихъ, прибывшихъ отъ царицъ, мурзъ, улановъ и другихъ князей татарскихъ, паны-рада совѣтовали королю отпустить съ подарками, а Авліяръ-мурзу задержать подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя отпустить его, не переговоривъ съ панами-радою великаго княжества; держать его паны-рада предлагали королю при себѣ, въ Польшѣ, ибо великое княжество и безъ того много расходуетъ на содержаніе царя Заволжскаго, его племянника и слугъ. Паны-рада думали, что воеводѣ Кіевскому не слѣдуетъ идти съ ханомъ въ походъ, а послать вмѣсто себя старосту Черкасскаго съ двумя сотнями конницы и пѣхоты и съ двумя гаковницами, большую же часть гарнизона и пушки оставить при себѣ; если нельзя будетъ отговориться, то идти самому въ такомъ же «маломъ» почтѣ, а въ Кіевѣ оставить своего брата Юрія. На предложеніе короля расплатиться съ служебными изъ серебщины, ухваленной въ Минскѣ, паны-рада отвѣчали, что этой серебщины не хватитъ, если ее не будетъ платить Жмудская земля. Они просили короля написать о томъ старостѣ Жмудскому, который скорѣе послушается господаря, чѣмъ пановъ-раду. Относительно взысканія недоимокъ по прежнимъ поголовщинамъ и серебщинамъ паны-рада отвѣчали королю, что это дѣло нельзя исполнить въ отсутствіе господаря: требуется тщательное раз-

слѣдованіе, а между тѣмъ реестры сборовъ не всѣ въ наличности, нѣкоторые остались у покойнаго подскарбія Аврама Езофовича и хранятся за господарскою печатью. На приглашеніе господаря «згодливымъ обычаемъ» справлять господарскія и земскія дѣла,—такъ, чтобы онъ могъ быть спокоенъ, паны-рада отвѣчали, что они всегда «охотне а пилне» дѣла господарскія и земскія дѣлали и стерегли, многократно выносили на своихъ плечахъ тяжкія бремена, оберегая государство отъ великихъ и сильныхъ непріятелей, посылавшихъ по 70 и 80 тысячъ войска, но тѣмъ не менѣе не могутъ взять на себя всецѣло отвѣтственности, возлагаемой на нихъ господаремъ, при столь продолжительномъ отсутствіи господаря: вѣдь не только въ такомъ обширномъ государствѣ, но и въ монастырѣ «безъ небытности старшого не могут ся добре законы справовати». Поэтому они усердно просили господаря прибыть въ великое княжество и сообща съ ними найти «способъ», какъ бы учинить «конецъ» съ непріятелемъ Московскимъ. При этомъ паны-рада указывали, что и прусской войны, которая теперь удерживаетъ короля въ Польшѣ, не было бы, если бы своевременно господарь покончилъ дѣло съ Московскимъ: магистръ Прусскій набрался смѣлости не отъ чего другого, какъ отъ того, что король въ такое продолжительное время не учинилъ никакого конца съ Московскимъ [174]).

Но король не тронулся и этимъ вѣскимъ доводомъ. Лѣтомъ 1521 г. до него дошли «новины», что царь Перекопскій вошелъ въ соглашеніе съ царемъ Турецкимъ и покинулъ свое намѣреніе помогать королю противъ Московскаго, а наоборотъ хочетъ заодно съ Московскимъ опустошать великое княжество. Король съ извѣщеніемъ объ этомъ отправилъ къ панамъ-радѣ Павла Нарушевича и просилъ ихъ, чтобы они, отложивши на сторону всѣ свои личныя «розтырки и мерзячки», совѣтовались и мыслили о томъ, «какъ бы речь наша (господарская) и земская въ добромъ станьѣ и покою отъ неприятелей нашихъ захована была»; въ частности, король просилъ позаботиться о снабженіи украинныхъ замковъ живностью и боевыми снарядами и о заплатѣ служебнымъ ихъ жалованья, чтобы они не сошли прочь съ замковъ. Король предлагалъ затѣмъ послать къ магистру Ливонскому посла и постараться завязать съ нимъ дружественныя отношенія [175]).

Слухи о союзѣ Крымскаго хана противъ великаго княжества Литовскаго не подтвердились. Махметъ-Гирей прислалъ къ Сигизмунду гонца съ извѣстіемъ, что онъ согласно данному слову идетъ войною на

---

[174]) Документы Московскаго Архива Минист. Юстиціи, т. I, стр. 509—514.

[175]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 420, 421.

густа (родился 1 августа 1520 г.). Не задолго до окончанія сейма, декабря, господарь въ многолюдномъ собраніи пановъ-рады духовхъ и свѣтскихъ предложилъ имъ, чтобы они въ случаѣ его смерти признавали и не принимали никого другого своимъ господаремъ, омѣ его возлюбленнаго сына. Вельможи (optimates) единодушно и сосно (unanimi consensu et voluntate) дали просимое обѣщаніе и прили присягу вмѣстѣ со всѣмъ рыцарствомъ (consiliarii tam spirituales am seculares, barones, proceres et tota nobilitas) не признавать и выбирать никого въ господари, кромѣ Сигизмунда-Августа [205]).

На этомъ же сеймѣ Волынскіе землевладѣльцы подавали господрю просьбу объ исправленіи границъ между землею Волынскою и роною Польскою и о судѣ съ поляками «о кгвалты и крывды», ими дѣланныя. Король назначилъ для разбирательства этихъ дѣлъ комисромъ со стороны Волынской земли кн. Константина Ивановича строжскаго [206]).

Паны, тивуны и бояре Жмудской земли воспользовались благоіятнымъ случаемъ [207]) для того, чтобы принести жалобу на своего аросту Станислава Яновича, который нарушалъ ихъ права и вольсти, подтвержденныя предками господаря и имъ самимъ. Во-первыхъ, и указывали на то, что по привилеямъ дворы и тивунства въ Жмудой землѣ долженъ раздавать господарь, а не панъ староста; во-втохъ, жаловались на то, что староста, раздавая тивунства, отбираетъ ь назадъ безъ всякой вины; въ третьихъ, указывали на то, что стаста возбраняетъ имъ пользоваться ихъ стародавними «входами и потками» въ господарскихъ пущахъ, рѣкахъ и озерахъ; и наконецъ, ловались на то, что намѣстники старосты ѣздятъ по волостямъ Жмудой земли съ женами, дѣтьми и слугами, «въ великомъ подчстѣ» и люй господарскихъ судятъ и рядятъ безъ тивуновъ и вины великія на хъ берутъ, обременяютъ ихъ подводами, чего прежде не бывало. Эти лобы господарь разсматривалъ съ панами-радою и выслушивалъ по воду ихъ объясненія старосты. По поводу первой жалобы староста ъяснилъ, что предшественники его раздавали тивунства въ Жмудской млѣ, за исключеніемъ дворовъ Вилькеи, Велены, Скерстомони, Ясвойни волости Шовленской, которые раздавалъ господарь, и противъ этого

---

[205]) Acta Tomiciana VI, № CXV, CLXIII; Zbiór praw litewskich, т. 121—123; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 103 (присяга становъ сойма).

[206]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 110, 111.

[207]) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русаго государства, прил. № 38.

уполномоченными князей Мазовецкихъ и на мѣстѣ разобрать всѣ тяжбы и провести границы. При этомъ литовскимъ комиссарамъ рекомендовалось не принимать во вниманіе тѣхъ привилсевъ, которые князья Мазовецкіе подавали своимъ подданнымъ на имѣнья въ Бѣльской и Дорогицкой землѣ, когда держали ихъ въ заставѣ [191]).

§ 10.

По актовымъ указаніямъ великій Городенскій соймъ 1522 г. продолжался въ теченіе февраля и марта [192]). Прошло два мѣсяца послѣ этого, и въ Вильнѣ снова былъ собранъ «*великій вальный соймъ*» [193]). Этотъ соймъ продолжался по актовымъ указаніямъ до самаго отъѣзда Сигизмунда въ Польшу, послѣдовавшаго 9 или 10 декабря 1522 г. [194]).

Почему этотъ сеймъ затянулся на столь продолжительное время? Отвѣтъ на это даютъ посланіе Сигизмунда на слѣдующій великій соймъ, происходившій въ концѣ 1523 и въ началѣ 1524 г., и эдиктъ того же Сигизмунда, предписывающій, чтобы всѣ подданные великаго княжества какъ духовные, такъ и свѣтскіе судились однимъ писаннымъ правомъ. Оказывается, что на этомъ сеймѣ читались «члонки» составлявшагося статута и подвергались обсужденіямъ, поправкамъ и дополненіямъ, и вся предварительная редакція статута была одобрена общимъ голосованіемъ становъ сейма [195]). Вотъ почему впослѣдствіи статутъ самимъ

---

[191]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 280—282.

[192]) Акты Зап. Рос. II, № 17, 109, 110; Archiwum Sanguszków III, № CCXXX, CCXXXI; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; XII, л. 494.

[193]) На этомъ сеймѣ между прочимъ былъ выработанъ законъ «о выводѣ шляхетства за примовою». Запись этого закона въ книгѣ Литовской Метрики стоитъ среди актовъ начала іюня 1522 г. (Судныхъ дѣлъ II, л. 309). Вполнѣ опредѣленно о великомъ соймѣ Виленскомъ 1522 г. начинаютъ говорить акты за іюль мѣсяцъ (кн. Запис. XI, л. 64—67).

[194]) Acta Tomiciana VI, p. 191; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 90, 103, 109; Судн. IV, л. 24.

[195]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 516; Zbiór praw litewskich, str. 121—123. Эдиктъ Сигизмунда гласитъ: Imo de singulari pietate innataque benignitate et virtute regia nostra decrevimus omnibusque et singulis incolis et indigenis, quacunque nobilitate et praeminentia fulgentibus, unum ius scriptum atque unam legem sub constitutionibus et statutis certis in sripta redactis, *communi deliberatione atque consilio ultro citroque communicato, pro celeriore ac aequiore administratione iustitiae unicuique sancitis laudatis, et omni voto approbatis* dicere, dare et largiri in perpetuum

правительствомъ признавался учиненнымъ «за ухвалою всей земли»[196]). Повидимому, и самый созывъ великаго сойма въ такомъ непродолжительномъ времени послѣ распущенія Городенскаго сойма объясняется именно тѣмъ, что правительство имѣло въ виду подвергнуть на разсмотрѣніе登 становъ сойма составлявшійся статутъ, который они себѣ выпросили.

Такъ великій вальный соймъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ началъ принимать участіе въ законодательствѣ гораздо ранѣе, чѣмъ формальнымъ образомъ было признано его право на это участіе[197]). Правительство сильно нуждалось въ содѣйствіи князей, пановъ и шляхты великаго княжества и потому не только откликалось на ихъ просьбы и заявленія, но и привлекало ихъ къ участію въ выработкѣ мѣръ, въ которыхъ они такъ или иначе были заинтересованы. Землевладѣльцы великаго княжества несли на себѣ тягости и бремена не меньшія, но гораздо большія, чѣмъ польская шляхта, и потому господарь естественно сталъ съ такимъ же вниманіемъ и предупредительностью относиться къ литовцамъ, какъ и къ полякамъ. Практика польской государственной жизни вліяла въ одинаковой мѣрѣ какъ на литовскую шляхту, такъ и на господаря: если первая, заражаясь примѣромъ сосѣдей, становилась притязательнѣе, то второй, стремясь одинаково относиться къ подданнымъ обоихъ государствъ, долженъ былъ становиться уступчивымъ. Такъ какъ въ Польшѣ шляхта уже давно принимала участіе въ законодательствѣ, и это участіе гарантировано было ей даже закономъ[198]), то и въ Литвѣ господарь счелъ справедливымъ подвергнуть издававшіеся законы разсмотрѣнію и обсужденію великаго сойма.

Кромѣ статута на Виленскомъ вальномъ соймѣ 1522 г. подвергались обсужденію и другіе вопросы, поставленные жизнью, и приняты были по нимъ извѣстныя рѣшенія. Отъ Волошскаго воеводы и литовскихъ пословъ, отправленныхъ въ Крымъ, еще раннею весною пришли тревожныя вѣсти о намѣреніяхъ турокъ и татаръ вторгнуться въ предѣлы королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. Сигизмундъ мобилизировалъ польскую шляхту для обороны украйны[199]). Но въ Литвѣ сдѣлать этого было нельзя, такъ какъ нужно было держать

---

196) Акты Зап. Рос. II, № 4.

197) Это было сдѣлано, какъ извѣстно, только во второмъ статутѣ (раздѣлъ III, арт. 12).

198) Радомскою конституціею 1505 г. „Nihil novi".

199) *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 340—344.

дрей спустилъ господарю свои пенязи, а господарь обѣщалъ не «рушать» его съ державы до живота его [182]). Но большею частью паны заставленныя у нихъ имѣнья брали со всѣми доходами «на выбиранье пенязей» на нѣсколько лѣтъ, по истеченіи которыхъ господарь обязывался отдать имъ эти имѣнья «въ держаніе» до живота съ намѣстничьими доходами. Въ такую сдѣлку съ королемъ вошелъ, напр., панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, получившій въ 1520 г. дворъ Острину, заставленный у него въ 600 к., на выбиранье пенязей на три года [183]). Какъ бы то ни было, но извѣстныхъ пожертвованій со стороны литовской знати въ данномъ случаѣ нельзя отрицать. Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, напр., спустилъ королю съ Утены, Дорсунишокъ и съ Мозыря въ общей сложности болѣе 3000 копъ грошей, при чемъ держаніе Мозыря до живота обезпечено было ему независимо отъ этого пожертвованія, а Утена и Дорсунишки совсѣмъ отошли отъ него. Дворы Ушполи и Пеняны поступили въ 1519 г. 9 сентября къ пану Миколаю Миколаевичу Радивиловичу «на выбиранье пенязей» на 9 лѣтъ [184]). Между тѣмъ сынъ его Станиславъ пересталъ выбирать эти пенязи уже въ 1522 году и т. д.

Кромѣ пополненія скарба денежными средствами, великому Городенскому сойму 1522 года пришлось принимать мѣры противъ повальнаго уклоненія литовскихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ отъ военной службы. Мы видѣли, что на это жаловались королю въ началѣ 1520 года паны-рада. Въ 1521 году обнаружилось то же самое «непослушенство», которое подвергло серьезной опасности государство. Вслѣдствіе этого господарь съ панами-радою и всѣми землями ухвалили и установили наказывать отнятьемъ имѣнья всѣхъ тѣхъ, кто не явится къ сроку на положенное мѣсто конно и збройно, или кто, явившись предъ гетманомъ и записавшись въ его реестръ, потомъ самовольно уѣдетъ домой или отошлетъ часть своихъ людей, а самъ останется «у маломъ почте»; имѣнья таковыхъ лицъ постановлено отдавать тѣмъ отличившимся лицамъ, за кого будетъ ходатайствовать панъ гетманъ. Въ виду того, что война продолжалась, всѣмъ землевладѣльцамъ предписано было быть готовыми съ тѣмъ, чтобы по первому требованію ѣхать съ своими почтами къ гетману на положенное мѣсто [185]).

---

[182]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 54.

[183]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 45.

[184]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 57—58.

[185]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 275, 276.

Конфискація имѣній опредѣлена была Городенскимъ сеймомъ 1522 года и за захватъ господарскихъ земель. Постановлено было отбирать на господаря и присоединять къ господарскимъ дворамъ отчинныя, пожалованныя и купленныя имѣнія у тѣхъ лицъ, которыя захватятъ къ нимъ неправильно часть господарскихъ земель [186]). Это постановленіе потомъ вошло и въ статутъ 1529 (раздѣлъ I, арт. 8).

Просьба о дарованіи статута подана была господарю вновь на этомъ же Городенскомъ сеймѣ 1522 г. Незадолго предъ тѣмъ, на Петрковскомъ сеймѣ 1519 г., поляки предъявили Сигизмунду требованіе о составленіи полнаго свода законовъ. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ назначилъ цѣлую комиссію, которая должна была редактировать сводъ законовъ, исправить въ нихъ несоотвѣтствія и противорѣчія, устранить вышедшіе изъ употребленія, *привести къ однообразію обычаи и формы судопроизводства во всѣхъ земляхъ и воеводствахъ королевства Польскаго* [187]). И на Петрковскомъ сеймѣ конца 1521 и начала 1522 г. снова поднимался тотъ же самый вопросъ и состоялось постановленіе, ut jura, statuta et consuetudines regni in meliorem formulam redigerentur [188]). Повидимому, въ связи съ этимъ шляхта поднимала вопросы о своихъ привилегіяхъ и домогалась расширенія своихъ правъ [189]). Литовцы не хотѣли въ данномъ случаѣ отстать отъ своей братьи-поляковъ и съ своей стороны предъявили подобное же требованіе, воспользовавшись тѣмъ, что правительство такъ сильно нуждалось въ общественной помощи и содѣйствіи. Господарь съ панами-радою «право имъ прирекли дати и тыи вси члонки, какъ ся подданыи нашi маютъ справовати и радити, казали... выписати» [190]).

Кромѣ этой общей просьбы, пограничные съ Мазовіею землевладѣльцы великаго княжества подавали господарю жалобу на подданныхъ князей Мазовецкихъ, которые, перейдя старинную границу, позабирали у нихъ земли пашныя, сѣножати и дерево бортное и подѣлали имъ много другихъ кривдъ. Такъ какъ одновременно съ тѣмъ и князья Мазовецкіе прислали подобную же жалобу на пограничныхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, то господарь назначилъ нѣкоторыхъ пановъ радныхъ комиссарами «на поправенье стародавныхъ справедливыхъ границъ». Эти комиссары должны были съѣхаться съ

---

[186]) *Hr. Broel-Plater* Zbiór pamiętników, tom I, str. 147.
[187]) Acta Tomiciana, V, № XV.
[188]) Acta Tomiciana VI, p. 1.
[189]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 187).
[190]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 516.

уполномоченными князей Мазовецкихъ и на мѣстѣ разобрать всѣ тяжбы и провести границы. При этомъ литовскимъ комиссарамъ рекомендовалось не принимать во вниманіе тѣхъ привилеевъ, которые князья Мазовецкіе подавали своимъ подданнымъ на имѣнья въ Бѣльской и Дорогицкой землѣ, когда держали ихъ въ заставѣ [191]).

§ 10.

По актовымъ указаніямъ великій Городенскій соймъ 1522 г. продолжался въ теченіе февраля и марта [192]). Прошло два мѣсяца послѣ этого, и въ Вильнѣ снова былъ собранъ «*великій вальный соймъ*» [193]). Этотъ соймъ продолжался по актовымъ указаніямъ до самаго отъѣзда Сигизмунда въ Польшу, послѣдовавшаго 9 или 10 декабря 1522 г. [194]).

Почему этотъ сеймъ затянулся на столь продолжительное время? Отвѣтъ на это даютъ посланіе Сигизмунда на слѣдующій великій соймъ, происходившій въ концѣ 1523 и въ началѣ 1524 г., и эдиктъ того же Сигизмунда, предписывающій, чтобы всѣ подданные великаго княжества какъ духовные, такъ и свѣтскіе судились однимъ писаннымъ правомъ. Оказывается, что на этомъ сеймѣ читались «членки» составлявшагося статута и подвергались обсужденіямъ, поправкамъ и дополненіямъ, и вся предварительная редакція статута была одобрена общимъ голосованіемъ становъ сейма [195]). Вотъ почему впослѣдствіи статутъ самимъ

---

[191]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 280—282.

[192]) Акты Зап. Рос. II, № 17, 109, 110; Archiwum Sanguszków III, № CCXXX, CCXXXI; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; XII, л. 494.

[193]) На этомъ сеймѣ между прочимъ былъ выработанъ законъ «о выводѣ шляхетства за примовою». Запись этого закона въ книгѣ Литовской Метрики стоитъ среди актовъ начала іюня 1522 г. (Судныхъ дѣлъ II, л. 309). Вполнѣ опредѣленно о великомъ соймѣ Виленскомъ 1522 г. начинаютъ говорить акты за іюль мѣсяцъ (кн. Запис. XI, л. 64—67).

[194]) Acta Tomiciana VI, p. 191; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 90, 103, 109; Судн. IV, л. 24.

[195]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 516; Zbiór praw litewskich, str. 121—123. Эдиктъ Сигизмунда гласитъ: Imo de singulari pietate innataque benignitate et virtute regia nostra decrevimus omnibusque et singulis incolis et indigenis, quacunque nobilitate et praeminentia fulgentibus, unum ius scriptum atque unam legem sub constitutionibus et statutis certis in sripta redactis, *communi deliberatione atque consilio ultro citroque communicato, pro celeriore ac aequiore administratione iustitiae unicuique sancitis laudatis, et omni voto approbatis* dicere, dare et largiri in perpetuum

пришедшихъ подъ начальствомъ своего хана Махметъ-Гирея добывать Астрахань, при чемъ погибъ и самъ Махметъ-Гирей съ сыномъ Богатыремъ и многими мурзами [212]). Отношенія между татарскими ордами установились самыя враждебныя. Это было какъ разъ на руку великому княжеству Литовскому, потому что преемникъ Махметъ-Гирея—Саадетъ-Гирей скоро взялъ высокомѣрный и угрожающій тонъ въ сношеніяхъ съ литовскимъ правительствомъ, писалъ Сигизмунду «вельми прикро, праве с отповедью». Но при такихъ обстоятельствахъ нельзя было отправить Шигъ-Ахмата съ пустыми руками. Надо было ублаготворить вполнѣ не только его самого, но и всѣхъ татарскихъ князей и мурзъ, которые его приглашали, надо было дать ему средства упрочить свое положеніе въ ордѣ. Между тѣмъ, по сознанію самого господаря, въ скарбѣ пенязей не было, «а коморы и мыта и иныи доходы... вси у долзехъ зашли, которыи браны и даваны на земскую посполитую потребу». Господарю ничего не оставалось дѣлать въ такомъ положеніи, какъ снова обратиться къ содѣйствію землевладѣльцевъ великаго княжества. Поэтому *въ началѣ 1524 года* онъ созвалъ *великій соймъ въ Вильнѣ* [213]).

На этотъ сеймъ Сигизмундъ отправилъ своего секретаря Михаила Вежкгайла съ особымъ посланіемъ. Въ этомъ посланіи господарь, изложивъ положеніе дѣлъ, обращался къ панамъ-радѣ духовнымъ и свѣтскимъ, княжатамъ, панятамъ и всему рыцарству съ предложеніемъ, чтобы они на сеймѣ «радили и мыслили и то нашли, чѣмъ быхмо мяли первое царя Завольского выправили и тымъ служебнымъ на тотъ рокъ имъ положеный за ихъ службу заплату вчинити и тежъ служебныхъ по замкамъ украиннымъ заховати». Затѣмъ, напомнивъ постановленіе прошлаго великаго сойма Виленскаго объ отправкѣ на украйну 2000 коней съ земель и повѣтовъ, господарь просилъ на теперешнемъ соймѣ эти 2000 коней «установити и зготовити» и назначить надъ ними старшого—въ виду враждебнаго настроенія Перекопскаго царя и въ виду того, что поляки рѣшили не посылать ему упоминковъ, а содержать вмѣсто того наемныя войска на украйнѣ. Панамъ-радѣ король поручалъ по связи съ этимъ привести Кіевъ въ оборонительное состояніе, послать туда орудія и боевые запасы, а также хлѣбные за-

---

[212]) *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 348—350.

[213]) Объ этомъ Виленскомъ соймѣ находимъ упоминанье въ одномъ актѣ, писанномъ въ Краковѣ 7 іюня 1524 (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 96).

на готовѣ войско противъ Москвы. Сеймъ по предложенію короля рѣшилъ послать на украйну для обороны отъ татаръ 2000 коней съ земель и повѣтовъ [200]). Остальному же войску король велѣлъ собираться въ Минскѣ ко дню св. Спаса, т. е. 1 августа [201]).

9 сентября 1522 года литовскіе послы, отправленные въ Москву, заключили пятилѣтнее перемиріе отъ Рождества Христова 1522 до Рождества Христова 1527 года. Но тягости войны вмѣстѣ съ этимъ еще не снимались съ великаго княжества, такъ какъ приходилось расплачиваться съ служебными за прошлую службу и часть ихъ на всякій случай удерживать и на будущее время. Непрекращавшіяся, несмотря на заключенное перемиріе, пограничныя столкновенія всегда могли привести къ возобновленію войны до срока [202]). Поэтому Виленскій сеймъ ухвалилъ дать господарю новую *серебщину* въ томъ же размѣрѣ, какъ опредѣлено было на прошломъ Городенскомъ сеймѣ. Серебщина должна была собираться тѣмъ же порядкомъ, какъ и предшествующая; для взноса ея въ скарбъ установлены были два срока — на Крещенье 1523 года и спустя недѣлю, «уступивши в постъ». За «омешканье» въ платежѣ серебщины установленъ былъ штрафъ въ размѣрѣ 20 грошей съ каждой сохи, а за утайку — отнятіе имѣнья; сборщикамъ за утайку серебщины и присвоеніе ея въ свою пользу опредѣлено было «каранье шиею» [203]). Паны-рада обязались дать серебщину не только съ своихъ людей, но и съ своего капитала («съ своихъ пенязей»): кн. Янъ, бискупъ Виленскій, 100 золотыхъ, кн. Павелъ, бискупъ Луцкій 100 золотыхъ, кн. бискупъ Жомойтскій 50 золотыхъ, панъ Виленскій, гетманъ кн. Константинъ 100 золот. и т. д., всего—960 золотыхъ [204]).

Сигизмундъ воспользовался настоящимъ сеймомъ для того, чтобы обезпечить будущее положеніе своего малолѣтнаго сына Сигизмунда-

---

[200]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I. стр. 515. Срав. «Список имен тых панят и дворан, которие мают въ заставу до Киева стати», помѣщенный среди актовъ за іюль (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 89).

[201]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75, 76.

[202]) *Kojalowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 381; Acta Tomiciana VII, № LI; Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 521; Акты Зап. Рос. II, № 134, 143.

[203]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты литовско-русскаго государства (XIV—XVI ст.), вып. I, № 163.

[204]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 320, 321. У Даниловича (Scarbiec diplomatów II, № 2282) обложеніе пановъ рады серебщиною съ капитала отнесено неправильно къ 1519 г.

нымъ урядникамъ, предостереженія землевладѣльцамъ великаго княжества; къ послѣднимъ, кромѣ того, необходимо было обращаться за субсидіею при безденежьѣ скарба и неспособности его удовлетворить настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ. Всѣ эти побужденія и заставили господаря созвать не простой сеймъ пановъ-рады, а великій вальный соймъ въ Берестьѣ [217]).

На этотъ сеймъ господарь отправилъ съ своимъ посланіемъ все того же кн. Вежкгайла, къ тому времени назначеннаго бискупомъ Кіевскимъ. Прежде всего посолъ долженъ былъ говорить съ панами-радою объ отпускѣ къ Ногаямъ Заволжскаго царя. Дѣло въ томъ, что отправленный къ Ногаямъ дворянинъ Заморенокъ все еще не вернулся; не вернулись и послы самого Шигъ-Ахмата, отправленные къ Ногаямъ вслѣдъ за Заморенкомъ. Поэтому король просилъ пановъ-раду подумать о томъ, что ему дѣлать въ томъ случаѣ, если эти послы и далѣе «омешкаютъ». На тотъ случай, если бы они вернулись отъ Ногаевъ съ новою просьбою отпустить къ нимъ Шигъ-Ахмата, король просилъ пановъ-раду заблаговременно рѣшить, кого послать вмѣстѣ съ нимъ въ орду, чтобы сдѣлать это уже безъ всякаго промедленія. Затѣмъ король выставлялъ на видъ панамъ-радѣ, что Крымскій ханъ, не дождавшись пословъ отъ короля, со множествомъ людей своихъ и съ помощью отъ царя Турецкаго вторгнулся въ корону Польскую, разлилъ много христіанской крови и починилъ подданнымъ короля великія «шкоды» [218]); то же самое, по слухамъ, намѣревается онъ сдѣлать и на будущее лѣто. Король указывалъ на то, что полякамъ и литовцамъ необходимо

---

[217]) Литов. Метр. кн. Запис. л. 208, 210. Сеймъ пановъ-рады имѣлъ мѣсто въ іюлѣ и августѣ того же года, и также въ Берестьѣ, гдѣ назначенъ былъ сборъ всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ и пановъ-рады, по случаю ожидавшагося вторженія въ великое княжество Крымскаго хана Сайдетъ-Гирея (Акты Зап. Рос. II, № 129). Этотъ сеймъ совѣщался объ отпускѣ къ Ногаямъ Заволжскаго царя Шигъ-Ахмата и требованіяхъ Крымскаго хана объ уплатѣ ему тѣхъ самыхъ ежегодныхъ упоминковъ, которые платились его отцу и брату, о вознагражденіи въ 5000 золотыхъ за разрушенье казаками его города Ослама и о возвращеніи пограбленныхъ съ кораблей пушекъ, 4000 золотыхъ и 90 т. аспръ (Документы Москов. Арх. Мин. Юстиціи т. I, стр. 518).

[218]) Лѣтомъ 1524 года турки и Бѣлгородскіе татары въ числѣ 12 т., а затѣмъ Крымскіе татары въ количествѣ 40 т. повоевали и опустошили земли Львовскую, Саноцкую, Бельзскую, Подольскую и отчасти Волынь. Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 193—197); *Мартина Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 222—224); *Стрыйковскаго* (tom II, str. 393); Acta Tomiciana VII, № XXXIX.

никто не протестовалъ. Господарь съ панами-радою постановили не нарушать установившагося обычая, относительно котораго паны, тивуны и бояре земли Жмудской «такъ отъ давныхъ часовъ у молчаньи были». Чтобы не нарушать, однако, привилея земли, господарь облекъ это постановленіе въ форму пожалованія по особой милости пану Станиславу Яновичу [208]). По поводу второй жалобы господарь съ панами-радою постановили, что староста не долженъ самовольно отбирать тивунства: если кто изъ тивуновъ въ чемъ-нибудь учинитъ «выступъ», староста долженъ, «седши посполъ с паны тивуны», разсмотрѣть и учинить справедливость [209]). На третью жалобу староста отвѣчалъ, что онъ не возбраняетъ Жмудскимъ землевладѣльцамъ пользоваться своими пожитками и входами въ господарскихъ пущахъ, рѣкахъ и озерахъ, а возбраняетъ имъ только касаться господарскихъ лововъ, гдѣ ловили звѣря великій князь Витовтъ и другіе предки господаря. Господарь подтвердилъ, что и впредь такъ должно быть [210]). Но относительно намѣстниковъ старосты предписалъ ему, чтобы онъ «повстягнулъ» ихъ отъ того, на что жаловались Жмудскіе паны и бояре, и приказалъ имъ, чтобы они ѣздили по волостямъ «самотретъ або самочетвертъ», безъ тивуновъ суда не судили, не обременяли жителей подводами [211]).

§ 11.

Перемиріе, заключенное съ Москвою, какъ уже было сказано, не избавило великое княжество отъ необходимости содержать служебныхъ по украинным замкамъ. Серебщина, ухваленная на Виленскомъ соймѣ 1522 г., ушла на расплату съ ними, и къ началу 1524 г. литовское правительство снова должно было изыскивать средства для уплаты служебнымъ «заслужоного» и для удержанія ихъ на украинныхъ замкахъ на будущее время. Кромѣ того, предстояли расходы по отправленію хана Шигъ-Ахмата къ Заволжскимъ и Ногайскимъ татарамъ, которые просили литовское правительство отпустить къ нимъ царя. Для великаго княжества былъ большой интересъ поставить во главѣ Заволжскихъ и Ногайскихъ татаръ исконнаго врага Гиреевъ. Незадолго предъ тѣмъ Заволжскіе и Ногайскіе татары перебили Перекопскихъ татаръ,

---

[208]) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 34.

[209]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 13—14.

[210]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 10.

[211]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 35.

пришедшихъ подъ начальствомъ своего хана Махметъ-Гирея добывать Астрахань, при чемъ погибъ и самъ Махметъ-Гирей съ сыномъ Богатыремъ и многими мурзами [212]). Отношенія между татарскими ордами установились самыя враждебныя. Это было какъ разъ на руку великому княжеству Литовскому, потому что преемникъ Махметъ-Гирея—Саадетъ-Гирей скоро взялъ высокомѣрный и угрожающій тонъ въ сношеніяхъ съ литовскимъ правительствомъ, писалъ Сигизмунду «вельми прикро, праве с отповедью». Но при такихъ обстоятельствахъ нельзя было отправить Шигъ-Ахмата съ пустыми руками. Надо было ублаготворить вполнѣ не только его самого, но и всѣхъ татарскихъ князей и мурзъ, которые его приглашали, надо было дать ему средства упрочить свое положеніе въ ордѣ. Между тѣмъ, по сознанію самого господаря, въ скарбѣ пенязей не было, «а коморы и мыта и иныи доходы... вси у долзехъ зашли, которыи браны и даваны на земскую посполитую потребу». Господарю ничего не оставалось дѣлать въ такомъ положеніи, какъ снова обратиться къ содѣйствію землевладѣльцевъ великаго княжества. Поэтому *въ началѣ 1524 года* онъ созвалъ *великій соймъ въ Вильнѣ* [213]).

На этотъ сеймъ Сигизмундъ отправилъ своего секретаря Михаила Вежкгайла съ особымъ посланіемъ. Въ этомъ посланіи господарь, изложивъ положеніе дѣлъ, обращался къ панамъ-радѣ духовнымъ и свѣтскимъ, княжатамъ, панятамъ и всему рыцарству съ предложеніемъ, чтобы они на сеймѣ «радили и мыслили и то нашли, чѣмъ быхмо мяли первое царя Завольского выправили и тымъ служебнымъ на тотъ рокъ имъ положеный за ихъ службу заплату вчинити и тежъ служебныхъ по замкамъ украиннымъ заховати». Затѣмъ, напомнивъ постановленіе прошлаго великаго сойма Виленскаго объ отправкѣ на украйну 2000 коней съ земель и повѣтовъ, господарь просилъ на теперешнемъ соймѣ эти 2000 коней «установити и зготовити» и назначить надъ ними старшого—въ виду враждебнаго настроенія Перекопскаго царя и въ виду того, что поляки рѣшили не посылать ему упоминковъ, а содержать вмѣсто того наемныя войска на украйнѣ. Панамъ-радѣ король поручалъ по связи съ этимъ привести Кіевъ въ оборонительное состояніе, послать туда орудія и боевые запасы, а также хлѣбные за-

---

[212]) *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II. str. 348—350.

[213]) Объ этомъ Виленскомъ соймѣ находимъ упоминанье въ одномъ актѣ, писанномъ въ Краковѣ 7 іюня 1524 (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 96).

устроить оборону отъ татаръ и турокъ сообща: ни поляки одни безъ литовцевъ, ни литовцы безъ поляковъ противъ этихъ сильныхъ поганскихъ царей и ихъ войскъ ничего не могутъ подѣлать. Поэтому онъ просилъ пановъ-раду подумать и посовѣтоваться о томъ, какимъ бы образомъ сообща устроить отпоръ непріятелю и оборону обоимъ государствамъ, при чемъ извѣщалъ, что онъ, король, о томъ же самомъ будетъ совѣтоваться съ панами-радою коронными. Въ частности король просилъ пановъ-раду посовѣтовать, что отвѣчать хану на его требованіе относительно вознагражденія за разрушеніе казаками Осламова города и ограбленіе кораблей. Далѣе король указывалъ панамъ-радѣ на большую пользу, которую принесли казаки, стоявшіе прошлое лѣто на низу Днѣпра около Тавани подъ начальствомъ пановъ Семена Полозовича и Криштофа Кмитича, и просилъ пановъ-раду снарядить и на будущее лѣто такую же сторожу на низовые перевозы, для чего заблаговременно отправить въ Кіевъ сукна и нѣсколько сотъ копъ грошей.

Кромѣ опасности отъ татаръ, король обращалъ вниманіе пановъ-рады на опасности, которымъ великое княжество подвергается со стороны восточнаго сосѣда: вопреки перемирному договору пограничные намѣстники Московскаго государя вступаются во владѣнія великаго княжества, побрали не мало людей и земель Рѣчицкой и другихъ волостей и чинятъ себѣ рубежъ по Днѣпръ [219]). Король предлагалъ панамъ-радѣ на сеймѣ выбрать «кого годного а доброго человѣка» и послать его къ великому князю Московскому съ напоминаньемъ, чтобы онъ «слова и присяги свое и листу перемирного полнилъ». Затѣмъ король выражалъ желаніе, чтобы паны-рада, пока стоитъ перемирье, обсудили, какъ бы привести къ доброму концу дѣло съ Московскимъ государемъ, ибо объ этомъ уже поздно будетъ думать, когда выйдутъ перемирныя лѣта.

Предлагая панамъ-радѣ заняться обсужденіемъ мѣръ по оборонѣ и безопасности государства, Сигизмундъ съ своей стороны указывалъ на плохое состояніе украинныхъ замковъ Кіева, Полоцка, Витебска, Орши и другихъ, которые недостаточно оправлены и снабжены провіантомъ и боевыми припасами. Все это, по словамъ короля, произошло отъ нерадѣнья и недосмотрѣнія урядниковъ, которые, несмотря на неоднократныя приказанія, не посылали ни людей на работу къ этимъ

---

[219]) О наступательныхъ дѣйствіяхъ Московскаго государя сообщали Сигизмунду сами паны-рада въ посланіи отъ 10 августа 1524 г. (Acta Tomiciana VII, № LI).

, которые должны были обсуждаться на предшествующемъ соймѣ:
ое—о московскомъ, ижъ уже перемирье бордзо выйдеть, другое—
ницахъ Лиѳлянтскихъ и о цари Заволжскомъ и тежъ о цари Пе-
скомъ и о замкохъ украинныхъ, абы были всими речьми осмо-
,... и тежъ о служебныхъ, чимъ бы мяла имъ служба плачона
. Послѣднее предполагаетъ, что на сеймъ вызывались не одни
рада, но и другіе станы. Съ тѣми же самыми послами, которые
зли предложеніе короля, паны-рада отвѣчали, что они «такъ ве-
ъ а важныхъ справъ... безъ небытности его милости господар-
жадною мерою на томъ сойме справити не могли а не могутъ».
му они просили короля, чтобы онъ, видя такія нетерпящія отла-
ства дѣла, соблаговолилъ «на тое панство Великое князство Ли-
е ласкаве а милостиве возрети» и безъ замедленія пріѣхать съ
евою и королевичемъ, чтобы сообща съ ними мыслить обо всѣхъ
дѣлахъ [224]). Едва ли не подобный же отвѣтъ послали королю
рада и съ предшествующаго Виленскаго сейма начала 1525 года.
у панами-радою не было согласія и единодушія. Самыя знатныя
тельныя лица среди нихъ враждовали другъ съ другомъ и при
хъ случаяхъ сводили личные счеты. Воевода Виленскій Альбрехтъ
иновичъ Гаштольдъ враждовалъ съ кн. Константиномъ Иванови-
Острожскимъ, который вопреки установившемуся порядку пере-
его въ радѣ господарской (кн. Константинъ Ивановичъ, будучи
дою Троцкимъ, занялъ первое мѣсто среди свѣтскихъ пановъ
хъ, на которомъ обыкновенно сиживали воеводы Виленскіе) [225]).
илы не могли помириться съ возвышеніемъ Гаштольда и дѣйство-
противъ него заодно съ Острожскимъ и его партіею [226]). При
ъ условіяхъ паны-рада оказывались не въ состояніи приходить къ
нымъ рѣшеніямъ, иногда, какъ мы видѣли выше, не могли даже
ться на сеймъ. При отсутствіи авторитетнаго и властнаго руко-
ва, какое принадлежало на сеймахъ господарю и панамъ-радѣ, и

ній происходилъ въ декабрѣ 1525 г. и въ январѣ 1526. Литов. Метр. кн.
XII, л. 287, 290, 292, 293; XIV, л. 164, 166, 170, 172, 174; Судныхъ
IV, л. 125—128; Acta Tomiciana VIII, № XIV.

[224]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 487—489.

[225]) Archiwum Sanguszków III, № CCXXX; Acta Tomiciana, t. VI,
VIII, CLXVII.

[226]) Судныхъ дѣлъ IV, л. 107: «Зарука воеводе Виленскому пану Кгаштолту
в подчашего пана Яна Миколаевича Радивила о безпечност здоровья». Кра-
1525 іюля 14.

другіе станы не могли содѣйствовать рѣшенію текущихъ государственныхъ вопросовъ. Паны-рада совершенно справедливо представляли королю, что въ его отсутствіе они не могутъ ничего «справовати на соймахъ».

Королю между тѣмъ трудно было и почти невозможно вырваться изъ Польши и пріѣхать въ великое княжество. Сначала его задерживало прусское дѣло—необходимость во что бы то ни стало уладить отношенія къ магистру Прусскому и возстановить суверенитетъ Польши надъ Пруссіею. Кончилось это дѣло, и сейчасъ же появилось другое: пришлось заняться усмиреніемъ мятежа, возникшаго въ польской Пруссіи въ связи съ распространеніемъ реформаціи. Тѣмъ временемъ подоспѣли хлопоты по принятію наслѣдства отъ Мазовецкихъ князей, умершихъ безъ потомковъ мужского пола. Поэтому, несмотря на неоднократныя представленія пановъ-рады, что они безъ короля ничего не могутъ рѣшать и дѣлать, Сигизмундъ отправилъ къ нимъ снова тѣхъ же пословъ, какихъ посылалъ на Виленскій сеймъ, съ просьбою, чтобы паны-рада во всѣхъ дѣлахъ, какія будутъ касаться великаго княжества, «рачыли пилне а охотне справоваться и радити такъ, какъ бы было зъ его милости господарскимъ и вашее милости пановъ-радъ и земскимъ пожиткомъ». Съ своей стороны король обѣщалъ «то паметовати ласкою своею господарскою и всимъ добримъ, яко паномъ-радамъ своимъ вернымъ».

Въ то время при посредствѣ пословъ папскаго, цесарскаго и австрійскаго возобновились уже переговоры съ Москвою о мирѣ [227]). Сигизмундъ просилъ пановъ-раду, чтобы они, какъ только получатъ извѣстіе отъ этихъ пословъ, къ чему склоняется Московскій государь, къ миру или перемирію, немедленно рѣшили, кого послать къ нему въ посольствѣ и дали знать обо всемъ ему, господарю, а онъ уже пришлетъ отъ себя инструкцію для веденія переговоровъ. Затѣмъ Сигизмундъ просилъ пановъ-раду назначить магистру Ливонскому срокъ, когда должны съѣхаться съ обѣихъ сторонъ комиссары для исправленія границъ, въ виду того, что срокъ предложенный самимъ магистромъ оказался неудобнымъ «для небезпечности отъ поганства татаръ». Си-

---

[227]) Папскій посолъ Іоаннъ, епископъ Скаренскій, былъ принятъ королемъ въ Маріенбургѣ и снабженъ надлежащею инструкціею (Acta Tomiciana VIII, № XXXII). Это происходило въ промежутокъ времени между 24 и 30 іюля 1526 г. (Acta Tomiciana VIII, № CXXIX). Къ панамъ-радѣ великаго княжества король отправилъ пословъ, очевидно, уже послѣ ухода папскаго посла, въ первой половинѣ августа 1526 г.

гизмундъ увѣдомлялъ далѣе о томъ, что, по достовѣрныхъ слухамъ, татары предпринимаютъ вторженіе въ украинныя области, и что онъ отдалъ уже приказъ полякамъ быть готовыми къ войнѣ съ ними [228]), а на Подолье послалъ впередъ нѣсколько тысячъ служебныхъ людей. Онъ просилъ, чтобы и паны-рада разослали по великому княжеству тѣ военные листы, которые король ранѣе прислалъ, обозначивъ въ нихъ мѣсто и время сбора ополченія, а по украиннымъ городамъ наказали «великую чуйность мети», чтобы непріятель безвѣстно не вторгся въ великое княжество. Въ заключеніе король приказывалъ отпустить немедленно царя Заволжскаго, какъ только за нимъ придутъ люди отъ сына его, давши ему «датокъ» изъ скарба земскаго, какой ранѣе былъ назначенъ, и небольшой отрядъ войска для сопровожденія его до Кіева [229]).

Но еще прежде, чѣмъ прибыли эти послы отъ короля, паны-рада съ своей стороны отрядили къ королю кн. Яна, бискупа Виленскаго, и пана Юрія Миколаевича Радивила, звать короля въ великое княжество. Эти послы приняты были королемъ въ бытность его въ Варшавѣ, въ концѣ августа или въ сентябрѣ 1526 года. [230]). Отъ имени своей братьи, они настаивали, что королю необходимо прибыть въ великое княжество для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся этого государства. Прежде всего необходимо имѣть совѣтъ о томъ, пропускать или нѣтъ въ Москву папскаго посла, который ѣдетъ съ обѣщаніемъ великому князю Московскому короны и, по всѣмъ признакамъ, съ этою именно цѣлью, а не «для еднанья покою», и посланъ въ Москву [231]). Паны-рада выражали мнѣніе, что допускать великаго князя Московскаго «къ таковому повышенью чти» едва ли удобно и ссылались при этомъ на то, какъ поступилъ въ подобномъ же случаѣ король Казимиръ, когда папа Сильвестръ посылалъ въ Москву своего легата, и самъ Сигизмундъ, когда пріѣзжалъ отъ папы Льва X легатъ Захарія. Затѣмъ паны-рада указывали на необходимость имѣть совѣщанія относительно требованій Перекопскаго царя, который домогается упоминковъ, плативщихся его предкамъ. При этомъ сообщали, что, по слухамъ, царь Турецкій согласился съ Перекопскимъ царемъ добывать Кіева, а потому

---

[228]) Acta Tomiciana VIII, № CXXXII, CXXXIII.

[229]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 487—489.

[230]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531; XII, л. 314—333; XIV, л. 264—275.

[231]) Это опредѣляетъ время отправленія пословъ литовской рады. Повидимому, это имѣло мѣсто въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1526 г., предъ ожидавшимся прибытіемъ въ Вильну папскаго посла.

надо во что бы то ни стало озаботиться укрѣпленіемъ этого замка, снабженіемъ его провіантомъ и боевыми запасами, что не можетъ статься «достаточнѣ» въ отсутствіе господаря. Кромѣ того, въ отсутствіе господаря не можетъ быть «добрѣ отправленъ» и царь Заволжскій: приближается срокъ отправки его къ Ногайскимъ и Заволжскимъ татарамъ, а онъ не желаетъ уѣхать изъ великаго княжества, не повидавъ господаря; если отпустить его безъ этого, онъ усмотритъ въ томъ недостатокъ къ нему милости королевской и обиду, вслѣдствіе чего врядъ ли будетъ полезнымъ великому княжеству, и всѣ расходы на него, такимъ образомъ, пойдутъ даромъ. Наконецъ, паны-рада указывали королю, что приближается конецъ перемирію съ Московскимъ государемъ, который, по всѣмъ признакамъ, не хочетъ прекращать войны, и даже во время перемирія дѣлаетъ великія и частыя кривды подданнымъ в. княжества; подобное же терпитъ великое княжество и отъ магистра Ливонскаго: всѣ эти дѣла также требуютъ прибытія господаря въ великое княжество.

Намѣреніе папы предложить Московскому государю корону сильно взволновало и обезпокоило литовскихъ пановъ. Они поручили своимъ посламъ наединѣ передать королю, чтобы онъ никоимъ образомъ не пропускалъ въ Москву этой короны. Все это дѣло поляковъ, которые стараются унизить великое княжество, чтобы тѣмъ легче «втѣлить» его въ корону, господарское «дѣдитство» присоединить къ польскому государству. Указывая на то, что великое княжество Литовское настоящій оплотъ династіи, что литовцы давно «обрали» себѣ «за пана» королевича Сигизмунда, между тѣмъ какъ поляки до сихъ поръ и не подумали объ этомъ, паны-рада предлагали королю вытребовать у нихъ корону, которую они нѣкогда перехватили у Витовта, и вѣнчать ею королевича Сигизмунда: тогда и поляки не будутъ имѣть «жадости» унижать великое княжество и присоединять его къ коронѣ, но будетъ «ровное братство и пріязьнь» противъ всѣхъ непріятелей; если же поляки не выдадутъ короны, пусть король пошлетъ за нею къ папѣ, а они, литовцы, не пожалѣютъ никакихъ «накладовъ» на это дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ литовская рада совѣтовала королю присоединить Мазовецкое княжество не къ Польшѣ, а «къ парсунѣ» своей и посадить въ немъ своего сына: тогда поляки—рады-не рады—должны будутъ признать его своимъ государемъ—, чтобы не потерять Мазовіи [232]).

---

[232]) Акты Зап. Россіи II, № 144. Литовцы, повидимому, предпринимали нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи и въ самой Мазовіи. Быть можетъ, не безъ ихъ совѣтовъ мазовецкіе чины въ слѣдующемъ году подавали королю просьбу о

гизмундъ увѣдомлялъ далѣе о томъ, что, по достовѣрныхъ слухамъ, татары предпринимаютъ вторженіе въ украинныя области, и что онъ отдалъ уже приказъ полякамъ быть готовыми къ войнѣ съ ними [228]), а на Подолье послалъ впередъ нѣсколько тысячъ служебныхъ людей. Онъ просилъ, чтобы и паны-рада разослали по великому княжеству тѣ военные листы, которые король ранѣе прислалъ, обозначивъ въ нихъ мѣсто и время сбора ополченія, а по украиннымъ городамъ наказали «великую чуйность мети», чтобы непріятель безвѣстно не вторгся въ великое княжество. Въ заключеніе король приказывалъ отпустить немедленно царя Заволжскаго, какъ только за нимъ придутъ люди отъ сына его, давши ему «датокъ» изъ скарба земскаго, какой ранѣе былъ назначенъ, и небольшой отрядъ войска для сопровожденія его до Кіева [229]).

Но еще прежде, чѣмъ прибыли эти послы отъ короля, паны-рада съ своей стороны отрядили къ королю кн. Яна, бискупа Виленскаго, и пана Юрія Миколаевича Радивила, звать короля въ великое княжество. Эти послы приняты были королемъ въ бытность его въ Варшавѣ, въ концѣ августа или въ сентябрѣ 1526 года. [230]). Отъ имени своей братьи, они настаивали, что королю необходимо прибыть въ великое княжество для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся этого государства. Прежде всего необходимо имѣть совѣтъ о томъ, пропускать или нѣтъ въ Москву папскаго посла, который ѣдетъ съ обѣщаніемъ великому князю Московскому короны и, по всѣмъ признакамъ, съ этою именно цѣлью, а не «для еднанья покою», и посланъ въ Москву [231]). Паны-рада выражали мнѣніе, что допускать великаго князя Московскаго «къ таковому повышенью чти» едва ли удобно и ссылались при этомъ на то, какъ поступилъ въ подобномъ же случаѣ король Казимиръ, когда папа Сильвестръ посылалъ въ Москву своего легата, и самъ Сигизмундъ, когда пріѣзжалъ отъ папы Льва X легатъ Захарія. Затѣмъ паны-рада указывали на необходимость имѣть совѣщанія относительно требованій Перекопскаго царя, который домогается упоминковъ, платившихся его предкамъ. При этомъ сообщали, что, по слухамъ, царь Турецкій согласился съ Перекопскимъ царемъ добывать Кіева, а потому

---

[228]) Acta Tomiciana VIII, № CXXXII, CXXXIII.

[229]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 487—489.

[230]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531; XII, л. 314—333; XIV, л. 264—275.

[231]) Это опредѣляетъ время отправленія пословъ литовской рады. Повидимому, это имѣло мѣсто въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1526 г., предъ ожидавшимся прибытіемъ въ Вильну папскаго посла.

Люблинской земель. Въ этихъ областяхъ, а также на Подгорьѣ и Подольѣ они набрали до 40 тысячъ полону, множество скота и всякой добычи. За ними погнался кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій съ кн. Слуцкимъ, князьями и панами Волынской земли, нагналъ ихъ подъ Каневомъ, положилъ на мѣстѣ болѣе 20 тысячъ человѣкъ и отнялъ весь полонъ и добычу [336]). Эта побѣда одержана была отчасти благодаря тактикѣ Острожскаго, который напалъ на татаръ, когда они спѣшились въ глубокомъ снѣгу, и не допустилъ ихъ до своихъ коней, а отчасти благодаря содѣйствію плѣнныхъ, которые при нападеніи Острожскаго бросились на татаръ и стали вырывать у нихъ оружіе. Хотя король и его подданные были въ восторгѣ отъ этой побѣды, тѣмъ не менѣе самый фактъ безпрепятственнаго вторженія татаръ въ самыя нѣдра Литвы и Польши въ связи съ угрожающею опасностью отъ турокъ заставилъ снова взяться за рѣшеніе вопроса о постоянной и надежной оборонѣ южной украйны.

На Краковскомъ сеймѣ, собравшемся въ началѣ 1527 года, снова былъ поднятъ вопросъ о таксаціи имѣній для установленія равномѣрнаго обложенія военными тягостями. Рѣшено было произвести эту таксацію тѣмъ же порядкомъ, какъ опредѣлено было на Петрковскомъ сеймѣ два года тому назадъ. Воевода, каштеляны, урядники и вся шляхта воеводства должны были съѣхаться въ назначенный срокъ на сеймикъ и выбрать двухъ шляхтичей на каждый повѣтъ, которые вмѣстѣ съ каштеляномъ повѣта или другимъ урядникомъ по выбору (тамъ, гдѣ не было каштеляна) и должны производить таксацію, предварительно принеся присягу въ томъ, что будутъ дѣйствовать при этомъ вполнѣ безпристрастно и добросовѣстно. Начало долженъ былъ положить воевода съ старшимъ каштеляномъ и двумя избранными таксаторами. Они должны были объѣхать главный повѣтъ воеводства, осматривая, оцѣнивая и таксируя имѣнье каждаго владѣльца, какое бы оно ни было отчинное или заставное. Они должны были заѣхать въ каждый приходъ, а если нужно, то и въ села, мѣстечки и города, тщательно взвѣшивая доходность каждаго имѣнья и изслѣдуя его стоимость, для чего

[336]) Хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 212) и *M. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 1, 2). *Стрыйковскій* (tom II, str. 394) и *Кояловичъ* (pars II, p. 385) число отбитыхъ плѣнныхъ опредѣляютъ въ 80 тысячъ; но это число преувеличено. О 40 тысячахъ отбитыхъ плѣнныхъ говорилъ папѣ въ своей рѣчи епископъ Францискъ на благодарственной мессѣ, которую служилъ папа по полученіи отъ Сигизмунда извѣстія о пораженіи татаръ (Acta Tomiciana IX, № 82).

§ 12.

Но и это приглашеніе не ускорило пріѣздъ короля въ великое княжество. Осенью 1526 года надвинулась на Польшу страшная гроза со стороны турокъ, которые разгромили венгровъ и ихъ союзниковъ, въ томъ числѣ и польскій отрядъ, подъ Могачемъ, при чемъ погибъ и племянникъ Сигизмунда, Чешско-Венгерскій король Людовикъ. Сигизмундъ долженъ былъ усиленно готовиться къ защитѣ Польши отъ турокъ и ихъ союзниковъ татаръ. Завѣтнымъ желаніемъ короля была организація прочной и постоянной обороны украйны силами и средствами всего государства. Въ 1525 году ему удалось добиться отъ Петрковскаго сейма постановленія (11 апрѣля) о производствѣ таксаціи всѣхъ имѣній королевства съ цѣлью равномѣрнаго обложенія военными тягостями. Таксаціи не подлежали одни только столовыя имѣнья короля, доходъ съ которыхъ и безъ того шелъ на нужды государства. Къ концу 1525 года таксація была окончена, и всѣ переписныя книги представлены были на сеймъ, собравшійся также въ Петрковѣ. На этомъ сеймѣ шляхетскіе послы подняли цѣлую бурю протестовъ противъ этихъ книгъ и добились того, что таксація была отвергнута, а книги сожжены [233]). Сеймъ, какъ всегда, установилъ временный поборъ на содержаніе на украйнѣ наемныхъ отрядовъ, которые должны были навербовать воеводы подъ своею отвѣтственностью. Поборъ установленъ былъ на два года, а количество войска опредѣлено было въ 2000 человѣкъ [234]).

Опытъ вскорѣ доказалъ ничтожность этого средства обороны. Въ то самое время, когда часть этого войска (1500 человѣкъ) отправлена была на помощь Венгерскому королю, выступившему противъ турокъ, крымскіе татары перешли черезъ Днѣпръ и жестоко опустошили Волынскую, Бѣльзскую и Люблинскую земли [235]). Въ началѣ 1527 года татары въ количествѣ 26 тысячъ ворвались въ великое княжество Литовское и, пользуясь зимнимъ временемъ, проникли до Пинска, въ самую глубь болотистаго Полѣсья, а отсюда проникли до Бѣльзской и

пустить къ нимъ на княженіе королевича Сигизмунда-Августа (Acta Tomiciana IX, № 80).

[233]) Acta Tomiciana VII, anno MDXXV, № XXXI.

[234]) Acta Tomiciana VIII, № VI.

[235]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 213, 214).

Люблинской земель. Въ этихъ областяхъ, а также на Подгорьѣ и Подольѣ они набрали до 40 тысячъ полону, множество скота и всякой добычи. За ними погнался кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій съ кн. Слуцкимъ, князьями и панами Волынской земли, нагналъ ихъ подъ Каневомъ, положилъ на мѣстѣ болѣе 20 тысячъ человѣкъ и отнялъ весь полонъ и добычу [236]). Эта побѣда одержана была отчасти благодаря тактикѣ Острожскаго, который напалъ на татаръ, когда они спѣшились въ глубокомъ снѣгу, и не допустилъ ихъ до своихъ коней, а отчасти благодаря содѣйствію плѣнныхъ, которые при нападеніи Острожскаго бросились на татаръ и стали вырывать у нихъ оружіе. Хотя король и его подданные были въ восторгѣ отъ этой побѣды, тѣмъ не менѣе самый фактъ безпрепятственнаго вторженія татаръ въ самыя нѣдра Литвы и Польши въ связи съ угрожающею опасностью отъ турокъ заставилъ снова взяться за рѣшеніе вопроса о постоянной и надежной оборонѣ южной украйны.

На Краковскомъ сеймѣ, собравшемся въ началѣ 1527 года, снова былъ поднятъ вопросъ о таксаціи имѣній для установленія равномѣрнаго обложенія военными тягостями. Рѣшено было произвести эту таксацію тѣмъ же порядкомъ, какъ опредѣлено было на Петрковскомъ сеймѣ два года тому назадъ. Воевода, каштеляны, урядники и вся шляхта воеводства должны были съѣхаться въ назначенный срокъ на сеймикъ и выбрать двухъ шляхтичей на каждый повѣтъ, который вмѣстѣ съ каштеляномъ повѣта или другимъ урядникомъ по выбору (тамъ, гдѣ не было каштеляна) и должны производить таксацію, предварительно принеся присягу въ томъ, что будутъ дѣйствовать при этомъ вполнѣ безпристрастно и добросовѣстно. Начало долженъ былъ положить воевода съ старшимъ каштеляномъ и двумя избранными таксаторами. Они должны были объѣхать главный повѣтъ воеводства, осматривая, оцѣнивая и таксируя имѣнье каждаго владѣльца, какое бы оно ни было— отчинное или заставное. Они должны были заѣхать въ каждый приходъ, а если нужно, то и въ села, мѣстечки и города, тщательно взвѣшивая доходность каждаго имѣнья и изслѣдуя его стоимость, для чего

---

[236]) Хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II. p. 212) и *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 1, 2). *Стрыйковскій* (tom II, str. 394) и *Кояловичъ* (pars II, p. 385) число отбитыхъ плѣнныхъ опредѣляютъ въ 80 тысячъ; но это число преувеличено. О 40 тысячахъ отбитыхъ плѣнныхъ говорилъ папѣ въ своей рѣчи епископъ Францискъ на благодарственной мессѣ, которую служилъ папа по полученіи отъ Сигизмунда извѣстія о пораженіи татаръ (Acta Tomiciana IX, № 82).

товской аристократіи [244]), во-вторыхъ, болѣзнью господаря, во время которой пріостанавливались всѣ дѣла на сеймѣ [245]), и наконецъ, многочисленностью и важностью вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію на сеймѣ.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ оборонѣ государства. Хотя перемиріе съ Москвою въ 1526 году продолжено было до 25 декабря 1532 года [246]), тѣмъ не менѣе при безпрестанно повторяющихся пограничныхъ столкновеніяхъ всегда возможно было ожидать возобновленія войны съ Москвою. Съ другой стороны татары и турки угрожали въ одинаковой мѣрѣ великому княжеству Литовскому, какъ и коронѣ Польской. Сигизмундъ задумалъ поэтому и въ великомъ княжествѣ, какъ и въ Польшѣ, поставить дѣло государственной обороны на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ, на почвѣ опредѣленнаго и равномѣрнаго обложенія военною повинностью землевладѣльцевъ государства. Господарь съ панами-радою на совѣщаніи на сеймѣ 1 мая 1528 года постановили, что паны-рада, княжата, панята и вся шляхта должны «къ службѣ земской завжды поготову быти» и съ каждыхъ 8 служебъ людей выставлять въ поле «пахолка на добромъ кони, во зброи, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцеръ, прылбица, мечъ або кордъ, сукня цвѣтная, павеза и остроги двѣ» [247]). Дѣйствіе этой уставы предположено было на десять лѣтъ. Чтобы привести въ извѣст-

---

[244]) Дворянинъ королевскій Янъ Шамбоцкій 20 іюня 1528 г. писалъ польскому подканцлеру Петру Томицкому: Interim usque in diem hodiernam praeter innumeras querelas, calumnias, clamores et quidvis potius, quam judicia, effectum hic est nihil. audivi aliquoties regem ipsum ea se molestia affici queritantem. Summa rerum multorum et pene omnium judicio penes Gastoldum. Conventus jam pridem semel atque iterum Lithuanis indictus nondum initium cepit, ajunt proximo die Lunae inchoandum, ad quem quidem conventum satis frequens multitudo provincialium huc confluxit teritque tempus non sine molestia... (Acta Tomiciana X, № 292). 30 іюля Шамбоцкій писалъ ему же: Occultis inimicitiis, simultatibus, technis et calumniis plena sunt omnia. Contra Gastoldum omnes fere vociferantur... Illud certum est, eundem Gastoldum velut rupem Marpesiam hactenus firmum et fixum in sua dignitate subsistere (Ibidem, № 361).

[245]) 20 декабря Шамбоцкій писалъ Томицкому о болѣзни короля: Durabat malum illud continuum paene mensem. Interea omnes actiones intermissae erant et tam miserabilis rerum facies, ut interregnum esse quispiam suspicaretur (Acta Tomiciana X, № 471).

[246]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 143—145.

[247]) Акты Зап. Россіи II, №, 152.

обѣщая ему платить дань. Это соперничество, такимъ образомъ, принимало оборотъ, небезопасный и для Польши, которая находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Венгріею. 27 сентября 1527 года Янъ Заполія проигралъ битву подъ Токаемъ и удалился въ Седмиградье, а отсюда на Подолье; Фердинандъ занялъ Венгрію и Седмиградье и короновался венгерскою короною [239]).

Послѣ того, какъ рѣшился такимъ образомъ вопросъ о чешско-венгерскомъ наслѣдіи, Сигизмундъ долженъ былъ снова заняться вопросомъ объ оборонѣ украйны, для чего созвалъ вальный сеймъ въ Петрковѣ ко дню св. Екатерины (25 ноября) [240]). На этомъ сеймѣ по примѣру предшествующихъ лѣтъ установленъ былъ временный поборъ на содержаніе наемнаго войска; отъ побора избавлена была только русская и подольская шляхта, обязанная во всякое время являться на войну съ татарами и турками [241]). По распущеніи сейма король воротился въ Краковъ, а оттуда отправился, наконецъ, въ великое княжество Литовское, гдѣ не былъ уже пять лѣтъ, и куда, по собственнымъ словамъ, призывала его величайшая необходимость (summa necessitas). Къ этому времени въ великомъ княжествѣ накопилось не мало важныхъ государственныхъ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ нельзя было обойтись безъ содѣйствія князей, пановъ и шляхты великаго княжества. Поэтому *къ концу апрѣля 1528 года въ Вильнѣ созванъ былъ великій вальный соймъ* [242]). Этотъ сеймъ былъ самый продолжительный изъ всѣхъ, какіе собирались въ великомъ княжествѣ, ибо продолжался до конца 1528 г. и въ теченіе января и февраля 1529 года [243]). Такая продолжительность сейма объясняется во-первыхъ тѣмъ, что господарь и паны-рада слишкомъ долго заняты были разбирательствомъ тяжбъ и взаимныхъ обвиненій, порожденныхъ партійною враждою въ средѣ ли-

---

[239]) *J. Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 210, 211. Kraków 1862.

[240]) Acta Tomiciana IX, № 285, 286.

[241]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 225); Acta Tomiciana X, № 72, 73.

[242]) Въ 1527 году король пытался собрать «вальный сеймъ» въ Берестьѣ. Но этотъ сеймъ, по всѣмъ признакамъ, не состоялся по случаю мобилизаціи всѣхъ землевладѣльцевъ великаго княжества для обороны государства отъ татаръ. Archiwum ks. Sanguszków III, № CCCXXI.

[243]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 386, 387, 389; Акты Зап. Рос. II, № 152, 161; Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 384, 386, 409, 417, 418, 513, 519, 520; XIV, л. 332; XV, л. 31; Судныхъ дѣлъ XV, л. 224.

товской аристократіи [244]), во-вторыхъ, болѣзнью господаря, во время которой пріостанавливались всѣ дѣла на сеймѣ [245]), и наконецъ, многочисленностью и важностью вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію на сеймѣ.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ оборонѣ государства. Хотя перемиріе съ Москвою въ 1526 году продолжено было до 25 декабря 1532 года [246]), тѣмъ не менѣе при безпрестанно повторяющихся пограничныхъ столкновеніяхъ всегда возможно было ожидать возобновленія войны съ Москвою. Съ другой стороны татары и турки угрожали въ одинаковой мѣрѣ великому княжеству Литовскому, какъ и коронѣ Польской. Сигизмундъ задумалъ поэтому и въ великомъ княжествѣ, какъ и въ Польшѣ, поставить дѣло государственной обороны на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ, на почвѣ опредѣленнаго и равномѣрнаго обложенія военною повинностью землевладѣльцевъ государства. Господарь съ панами-радою на совѣщаніи на сеймѣ 1 мая 1528 года постановили, что паны-рада, княжата, панята и вся шляхта должны «къ службѣ земской завжды поготову быти» и съ каждыхъ 8 служебъ людей выставлять въ поле «пахолка на добромъ кони, во зброи, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцеръ, прылбица, мечь эбо кордъ, сукня цвѣтная, павеза и остроги двѣ» [247]). Дѣйствіе этой уставы предположено было на десять лѣтъ. Чтобы привести въ извѣст-

---

[244]) Дворянинъ королевскій Янъ Шамбоцкій 20 іюня 1528 г. писалъ польскому подканцлеру Петру Томицкому: Interim usque in diem hodiernam praeter innumeras querelas, calumnias, clamores et quidvis potius, quam judicia, effectum hic est nihil. audivi aliquoties regem ipsum ea se molestia affici queritantem. Summa rerum multorum et pene omnium judicio penes Gastoldum. Conventus jam pridem semel atque iterum Lithuanis indictus nondum initium cepit, ajunt proximo die Lunae inchoandum, ad quem quidem conventum satis frequens multitudo provincialium huc confluxit teritque tempus non sine molestia... (Acta Tomiciana X, № 292). 30 іюля Шамбоцкій писалъ ему же: Occultis inimicitiis, simultatibus, technis et calumniis plena sunt omnia. Contra Gastoldum omnes fere vociferantur... Illud certum est, eundem Gastoldum velut rupem Marpesiam hactenus firmum et fixum in sua dignitate subsistere (Ibidem, № 361).

[245]) 20 декабря Шамбоцкій писалъ Томицкому о болѣзни короля: Durabat malum illud continuum paene mensem. Interea omnes actiones intermissae erant et tam miserabilis rerum facies, ut interregnum esse quispiam suspicaretur (Acta Tomiciana X, № 471).

[246]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 143—145.

[247]) Акты Зап. Россіи II, №, 152.

ность, кто какъ долженъ служить, а равно въ цѣляхъ правильнаго поступленія денежныхъ «податковъ», установляемыхъ на сеймахъ, господарь съ панами-радою «и со всими поддаными всихъ паньствъ великого князьства Литовского» умыслили и установили произвести во всемъ государствѣ «пописъ» земскихъ имѣній. Для этого въ каждомъ повѣтѣ державца долженъ былъ выбрать двухъ земянъ, «годныхъ вѣры», которые должны были вмѣстѣ съ дьякомъ объѣхать всѣ имѣнья, переписать владѣльцевъ ихъ и отобрать у нихъ подъ присягою свѣдѣнія относительно количества людей въ ихъ имѣньяхъ, ихъ воловыхъ и конскихъ сохъ и вообще относительно «маемости» каждаго человѣка. Державцы вмѣстѣ съ выбранными земянами и дьяками должны были представить реестры «попису» воеводѣ или главному старостѣ (въ Жмудской, напр., землѣ) и принести присягу въ томъ, что производили опись справедливо и никого и ничего не утаили. Для переписи господарскихъ людей, которые подлежали обложенію серебщиною и отчасти военной повинности (слуги путные, бояре посѣдные въ Жмудской землѣ) разосланы были особые переписчики изъ центра [248]).

Къ концу 1528 года «пописъ» былъ оконченъ, и принесены были къ господарю реестры съ обозначеніемъ, кто какъ долженъ служить [249]). Господарь съ панами-радою великаго княжества 21 января 1529 года подтвердили окончательно и разъяснили такимъ образомъ новую уставу объ «оборонѣ земской»: съ каждыхъ 8 служебъ долженъ выставляться ратникъ «конно и збройно, водлѣ уставы и ухвалы земское»; у кого имѣется только 8 служебъ, тотъ обязанъ выѣзжать только лично (женщина-землевладѣлица выставляетъ пахолка добраго); у кого имѣется менѣе восьми служебъ или даже совсѣмъ нѣтъ людей, тотъ обязанъ выѣзжать на войну «не водлѣ уставы, але водле можности своее»; въ счетъ служебъ за-одно съ тяглыми людьми должны идти слуги путные, данники и службы волочныя Подляшскія; исключались мѣщане, бояре, огородники князей, пановъ и шляхты; но мѣщане Подляшскіе, сидѣвшіе на волокахъ, должны были идти въ счетъ за-одно съ крестьянами; за неявку на военную службу и за неисправность постановлено было отбирать имѣнья на господаря цѣликомъ или частью [250]). Такъ рѣшенъ былъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ вопросъ объ оборонѣ, поста-

---

[248]) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 44.

[249]) Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ I.

[250]) Акты Зап. Рос. II, № 161; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI в.), № 198.

землѣ и разослать листы по повѣтамъ и хоружимъ.—Кромѣ того, господарь, паны и вся земля «зволили» «не въ обычай серебщизнъ а ни ордынщинъ, але къ помочи посполитоѣ рѣчи земскоѣ» положить платъ на всѣ мѣста господарскія и на всѣхъ частновладѣльческихъ людей, живущихъ въ этихъ мѣстахъ. На каждое мѣсто наложена была опредѣленная сумма, которую оно обязано было внести въ скарбъ; раскладка же этой суммы между обывателями была уже дѣломъ мѣстскихъ властей. Всѣ жиды, жившіе въ господарскихъ мѣстахъ,—Троцкіе, Городенскіе, Пинскіе, Берестейскіе, Кобринскіе, Клецкіе, Луцкіе, Владимірскіе и Новгородскіе, должны были всѣ вмѣстѣ внести въ скарбъ на Великъ день 1000 копъ грошей, разложивъ эти деньги «сами на себе, якъ вѣдаючи, водлѣ можности кождого». Изъ всѣхъ этихъ денегъ $3\frac{1}{2}$ тысячи копъ должны были пойти въ уплату служебнымъ (другія $3\frac{1}{2}$ тысячи сеймъ просилъ короля выдать изъ скарба), а все остальное — на выкупъ заставленныхъ замковъ, мѣстъ и дворовъ господарскихъ [255]). Для пополненія недостающей суммы паны-рада духовные и свѣтскіе «вси зволили и прирекли» дать платъ съ своихъ людей «повторнѣ» на будущую осень «о святомъ Мартинѣ»; тогда же обѣщались внести въ скарбъ «готовыми пѣнязьми» за сукна, выданныя служебнымъ людямъ. Двадцать перваго января 1529 года эта «ухвала» получила окончательную санкцію господара, какъ и военная устава [256]).

Воздѣйствіе Польши на государственную жизнь великаго княжества Литовскаго проявилось въ разсматриваемое время не въ одной только постановкѣ вопроса объ организаціи государственной обороны. Какъ уже было сказано, литовскіе князья, паны и бояре по примѣру польской шляхты стали добиваться отъ своего государя кодификаціи, дополненія и исправленія дѣйствующихъ законовъ. Въ удовлетвореніе этой просьбы и составленъ былъ статутъ великаго княжества Литовскаго. Но князья, паны и бояре не были довольны его редакціею и не приняли его для нѣкоторыхъ «члонковъ», вслѣдствіе чего статутъ все еще не былъ введенъ въ дѣйствіе. На сеймѣ 1528 и 1529 года продолжалась работа надъ окончательною редакціею статута. Въ нашемъ распоряженіи есть нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить, почему станы

---

[255]) На великомъ Городенскомъ соймѣ 1522 г. далеко не всѣ заставы «спущены» были королю. Кромѣ того, нѣкоторыя державы отданы были въ заставу и послѣ Городенскаго сойма, напр., дворъ *Ошмена* (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 85), *Радунь, Ожа и Переломъ* (Archiwum Sanguszków III, № CCCLIII).

[256]) Акты Зап. Рос. II, № 161; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 198.

по уставѣ и не по условіямъ заставы, и наконецъ, конфисковать отчинныя, пожалованныя или купленныя имѣнія у тѣхъ, кто къ своимъ имѣніямъ прихватывалъ земли больше, чѣмъ слѣдовало, расширяя ихъ границы на счетъ господарскихъ земель. Станы сейма упорно стояли на этихъ требованіяхъ. Сигизмундъ, принимая во вниманіе, что онъ не можетъ наложить серебщину вопреки ихъ волѣ и правамъ, даннымъ имъ самимъ и его предками (nec subditos ultra privilegia per nos et praedecessores nostros eis concessa ad aliquas contributiones invitos compellere), не можетъ и обойтись безъ этой серебщины, и находя требованія становъ сейма резонными и клонящимися къ пользѣ государства, изъявилъ свое согласіе на поставленныя условія. По совѣту и соизволенію многихъ пановъ радныхъ (de unanimi consensu et voluntate plurimorum consiliariorum) 1 августа 1528 г. онъ выдалъ грамоту, въ коей обязывался предъ станами сейма (ducibus, nobilibus totique communitati) выполнять всѣ эти условія (cautelas et conditiones superius expressas in omnibus punctis clausulis), въ свою очередь обязывая и станы сейма собрать сумму, необходимую для выкупа господарскихъ имѣній [253]). Этотъ *договоръ*, заключенный литовско-русскимъ государемъ съ своими подданными, какъ нельзя лучше подтверждаетъ наши соображенія о томъ значеніи, которое имѣлъ общеземскій привилей 1447 г. въ исторіи государственнаго развитія великаго княжества Литовскаго, и въ частности въ исторіи изучаемаго учрежденія. Этотъ привилей, поставивъ литовско-русскаго государя въ зависимость отъ добровольныхъ субсидій князей, пановъ и шляхты, обезпечилъ послѣднимъ возможность самаго дѣятельнаго участія въ государственномъ управленіи, во внутренней и внѣшней политикѣ, и пріобрѣтенія широкихъ политическихъ правъ.

Станы сейма опредѣлили собирать серебщину въ размѣрѣ 11 грошей и $2^1/_2$ пенязей со службы, или полторы копы съ 8 службъ, выставляющихъ одного коннаго ратника на военную службу. При этомъ обложенію подлежали только тѣ службы, которыя шли въ счетъ при обложеніи военною повинностью. Шляхтичи, не имѣвшіе людей, ничего не платили, ибо вообще съ барской запашки («съ домовыхъ сохъ») не взималось никакихъ налоговъ [254]). Землевладѣльцы должны были собрать деньги и представить въ скарбъ не позднѣе двухъ недѣль «по Велицѣ дни», о чемъ рѣшено было немедленно же объявить по всей

[253]) *Hr. Broel-Plater*, Zbiór pamiętników do dziejów polskich, tom I. str. 144—149. Warszawa 1858.

[254]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 96, 97.

очевидно, вызвана была предстоящимъ возвращеніемъ изъ-подъ «заставы» господарскихъ дворовъ и волостей, для выкупа которыхъ станы сейма ассигновали извѣстную сумму [261]). Очень можетъ быть, что и составлялась эта устава при содѣйствіи самихъ державцевъ, для которыхъ она предназначалась. Заботясь о правильномъ и возможно большемъ поступленіи доходовъ скарба, Сигизмундъ рѣшилъ дать такую же уставу державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, подданные которой терпѣли «великое утисненье и обтяжливость» отъ старосты и тивуновъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ «велико собѣ стоскнули» и «зъ мѣстецъ своихъ прочь ся разошли и земли многіе опустили» [262]). Эта устава также объявлена была на великомъ Виленскомъ соймѣ въ началѣ 1529 года.

На этомъ соймѣ князья, паны, бояре и земяне—вся шляхта Кіевская били чоломъ господарю о подтвержденьѣ правъ и вольностей Кіевской земли и о выдачѣ имъ новаго привилея (старые привилеи—короля Казимира, Александра и самаго Сигизмунда—сгорѣли въ Берестьѣ вмѣстѣ съ вещами писаря господарскаго пана Ивашка Горностаевича, у котораго они были «въ захованьи»). Король исполнилъ ихъ просьбу и выдалъ имъ новый привилей 1 сентября 1529 г. [263]).

На великомъ вальномъ соймѣ 1528—1529 г. подвергались обсужденію и рѣшенію не только дѣла внутренняго управленія, но и отчасти внѣшней политики. Магистръ Ливонскій прислалъ пословъ къ Сигизмунду съ просьбою, «абы чимъ налепей былъ впокой вчиненъ и границы бы были поправены стародавныи». Господарь «зъ суполными радами его милости якъ духовными, такъ и свѣтцкими, паны хоруговными, рыцерствомъ и шляхтою и со всими земяны, поддаными того великого князьства Литовского», «согленувши въ стародавный звычай», котораго держались его предки по отношенію къ магистру Лифляндскому, «умысливши зъ паны радами *и зъ волею рыцерства* шляхты», «для поправленья границъ и утвержденья старозвычайного покою» послалъ въ условленное мѣсто пана Троцкаго, старосту Жмудскаго

---

[261]) Акты Зап. Рос. II, № 159.

[262]) Тамъ же, № 160.

[263]) Акты Зап. Рос. II, № 164. Въ книгѣ Судныхъ дѣлъ Литовской Метрики № IV, л. 267—270 привилей Кіевской земли датировалъ 24 октября 1529 года. Вѣроятно, что привилей былъ изготовленъ къ 1 сентября и тогда же вписанъ въ книгу Метрики. Но выдача его состоялась на соймѣ, который собрался къ 15 октября 1529 г., при чемъ онъ вторично былъ внесенъ въ книгу Метрики другимъ писаремъ.

сейма не приняли первую редакцію статута, и чего они добивались. Изъ листа господарскаго отъ 30 августа 1530 г., адресованнаго къ земянамъ Волковыйскаго повѣта, видно, что на этомъ сеймѣ господарь съ панами-радою «намыслили, ухвалили и установили», чтобы каждый державца въ своемъ повѣтѣ выбралъ двухъ земянъ для постояннаго присутствованія на судѣ его собственномъ и на судѣ его намѣстника [257]). Такое постановленіе сдѣлано было въ интересахъ шляхты для обезпеченія ей правосудія, и можно съ увѣренностью утверждать, что это постановленіе состоялось въ отвѣтъ на просьбу шляхты. Весьма вѣроятно, что были и другіе подобные же «члонки», внесенія которыхъ въ статутъ добивалась литовская шляхта, стремившаяся оградить себя отъ судебнаго неустройства и произвола магнатовъ [258]). Слишкомъ уже былъ удобенъ моментъ для расширенія правъ и вольностей шляхты, ибо отъ согласія этой шляхты зависѣло исполненіе завѣтнаго желанія, съ которымъ король обращался тогда къ станамъ сойма—возведенія на великокняжескій престолъ малолѣтнаго королевича Сигизмунда-Августа. Какъ бы то ни было, на Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 г. была выработана окончательная редакція статута и принята станами сейма. Господарь послѣ того приказалъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что «новыя права» входятъ въ силу со дня св. Михаила, т. е. съ 29 сентября 1529 года, и когда наступило 29 сентября, вновь подтвердилъ свое распоряженіе [259]).

Господарь воспользовался сборомъ старостъ и державцевъ для того, что объявить имъ новую «уставу» относительно управленія господарскими дворами и волостями (прежняя была выдана въ 1514 г.)[260]). Устава предназначалась для обезпеченія интересовъ господарскаго скарба съ одной стороны и господарскихъ подданныхъ съ другой. Выдача ея,

---

[257]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 23.

[258]) Королевскій секретарь Шамбоцкій 20 декабря 1528 г. писалъ польскому подканцлеру Томицкому: *De neglectu justiciae etiam lamentantur multi*, at hoc ipsum negligi justiciam multis profuit. Itaque, ut ubique terrarum, sic hic in Lithuania divites regnant, pauperes famo pereunt, mediocres mussant, judicant, majoribus se taciti invident—sic se res habent (Acta Tomiciana X, № 471).

[259]) Акты Зап. Рос. II, № 165. Такимъ образомъ великое княжество Литовское въ данномъ случаѣ опередило Польшу. Въ Польшѣ новый статутъ также былъ составленъ, но единогласно отвергнутъ чинами Петрковскаго сейма 13 декабря 1534. Archiwum Sanguszków V, № CCIV.

[260]) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 23.

выносить продолжительное сеймованіе безъ перерыва, ибо на сеймѣ она должна была жить на собственномъ иждивеніи, и поэтому естественно, что къ веснѣ 1529 года простые шляхтичи разъѣхались съ сейма. Господарь не препятствовалъ этому, ибо ему важно было добиться согласія собственно литовской знати, за которой слѣдовала рядовая шляхта.

Такимъ образомъ, великій вальный соймъ 1529 года на лѣто прервался. Но паны-рада и знатнѣйшіе землевладѣльцы (proceres) оставались въ Вильнѣ при королѣ, и съ ними господарь велъ интимныя совѣщанія о задуманномъ торжествѣ, выдавалъ различные привилеи и разбиралъ текущія судебныя дѣла. Къ осени 1529 года Сигизмундъ увидалъ, что уже достаточно подготовлена почва для открытаго и рѣшительнаго дѣйствія и разослалъ всѣмъ «станамъ» приглашеніе явиться на сеймъ въ половинѣ октября 1529 года [267]).

Когда сеймъ собрался, то въ публичныхъ общихъ собраніяхъ его стали обсуждаться и рѣшаться различныя текущія дѣла. Король съ панами-радою «вмыслили и положили» платъ на людей господарскихъ, княжескихъ и панскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ съ каждой службы людей по 2 гроша, т. е., съ коня по 16 грошей, «на выправенье служебныхъ ку обороне» [268]). Обложенію не подлежали земяне-шляхта, которые не имѣли людей. Новый «платъ» должны были собрать хоружіе безвозмездно, по своей должности («съ уряду») [269]). Кромѣ того, «панове рады какъ духовныи и свѣтскии, такъ и вси земли подданыи его милости Великого князьства Литовского обецали и прырекли тыи городы и дворы, и волости его милости, которые суть еще у заставе, с подданыхъ своих плат положити и то его милости окупити». Тогда же король съ панами-радою «и со всими землями поддаными» установили ежегодный «съемъ судовый» въ Вильнѣ, «уступившы у постъ великий, у дву неделяхъ» [270]). Въ тайныхъ и частныхъ собраніяхъ тѣмъ временемъ рѣчь шла о предстоящемъ возведеніи Сигизмунда-Августа на великое княженіе. Всѣ станы сейма отнеслись къ этому съ сочувствіемъ,

---

[267]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 386—389.

[268]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 119—122; Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 525—530. 30 октября 1529 г., по записи Литовской Метрики, разосланы были дворяне съ листами, «што положенъ платъ на вси земли ку обороне земьской, с коня по шестьнадцати грошей» (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 232).

[269]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 330.

[270]) Документы Московскаго Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 525—530.

Станислава Станиславовича, подчашаго пана Яна Миколаевича Радивиловича и подскарбія земскаго Богуша Боговитиновича. Въ этотъ моментъ, когда состоялась эта посылка, на сеймѣ, какъ гласитъ запись Литовской Метрики, находились всѣ паны-рада великаго княжества Литовскаго, князья, паны-рада земли Русской—Кіевляне, Смольняне, Полочане, Витбляне и Жмудь [264]).

Въ настоящемъ случаѣ сказалась необычная предупредительность въ отношеніи рыцарства шляхты, ибо подобные вопросы разрѣшались обыкновенно господаремъ на совѣщаніяхъ съ панами-радою. Эта необычная предупредительность находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что въ это время господарь сильно нуждался въ содѣйствіи шляхты по осуществленію своего намѣренія — возвести еще при жизни своей на великое княженіе королевича Сигизмунда-Августа. Въ послѣдніе годы Сигизмундъ сталъ прихварывать и даже на этотъ разъ по пріѣздѣ въ Литву болѣлъ сильнѣйшею горячкою, грозившею опасностью его жизни [265]). Въ виду этого и въ виду уже довольно преклоннаго возраста своего король вознамѣрился обезпечить за сыномъ своимъ, по крайней мѣрѣ, отчинное свое государство и возвести его на великое княженіе Литовское. Судьба сына безпокоила его тѣмъ болѣе, что поляки не дали ему никакихъ обѣщаній относительно сына его на подобіе тѣхъ, какія дали ему литовцы на Виленскомъ сеймѣ 1522 года [266]). Возведя сына на великое княженіе, Сигизмундъ разсчитывалъ, что и поляки поспѣшатъ избрать его королемъ, чтобы сохранить единеніе съ Литвою. Сигизмунда въ его намѣреніяхъ горячо поддерживала его супруга Бона, привыкшая къ власти, роскоши и почету и не желавшая со смертію мужа вернуться въ частную жизнь. Но въ данномъ случаѣ приходилось дѣйствовать исподволь, осторожно и секретно, чтобы безъ нужды не раздражать поляковъ и заставить ихъ считаться уже съ совершившимся фактомъ. Приходилось подготовлять литовцевъ къ совершенію акта въ частныхъ и тайныхъ совѣщаніяхъ. За всѣмъ этимъ должно было пройти не мало времени. Шляхтѣ, бывшей на сеймѣ, трудно было

---

[264]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—199; *Hr. Broel-Plater*, Zbiór pamiętników I, str. 150—154.

[265]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 225). По свидѣтельству Шамбоцкаго, король хворалъ чѣмъ-то въ родѣ ишіаса или остраго ревматизма: Defluxerat suae Mti nescio quid mali in dextram coxam, quod eam adeo cruciabat, ut innixa duobus rugatissima fronte vix se e lectulo movebat (Acta Tomiciana X, № 471).

[266]) Акты Зап. Рос. II, № 144.

составлявшей завѣтную мечту Сигизмунда, все еще не было установлено на сеймахъ. Нужно было, наконецъ, кончить такъ или иначе дѣло съ изданіемъ новаго кодекса, котораго требовала шляхта [274]). Всѣ эти дѣла продержали короля въ Польшѣ до 11 іюня 1533 года, когда онъ счелъ возможнымъ отправиться въ великое княжество [275]).

Во время своего отсутствія изъ Литвы король въ частныхъ случаяхъ поручалъ принятіе мѣръ по охраненію великаго княжества панамъ-радѣ. Но для рѣшенія главныхъ вопросовъ по охранѣ государства Сигизмундъ, какъ и прежде, созывалъ великій вальный соймъ. Таковой собирался *въ Вильнѣ въ началѣ 1532 года.*

На этотъ сеймъ Сигизмундъ отправилъ съ своими предложеніями подскарбія земскаго Горностая [276]). Упомянувъ о томъ, что Крымскій ханъ Сайдетъ-Гирей требуетъ тѣхъ же самыхъ «упоминковъ», которые платились его брату Махметъ-Гирею, король сообщалъ, что по этому поводу онъ имѣлъ совѣщанія съ панами-радою коронными, и они рѣшили не давать болѣе поминковъ Крымскому хану въ виду безполезности этого средства для обороны государства и постановили взамѣнъ

---

[274]) Хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum tomus II, p. 230—247) и *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 9—30); *J. Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 219—223.

[275]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 335; Scriptores rerum polonicarum II, p. 247.

[276]) Г. Довнаръ-Запольскій, напечатавшій «посольство» Горностая въ I томѣ Документовъ Архива Министерства Юстиціи, отнесъ его къ 1528 году (стр. 525, прим. I). Основаніемъ для него послужило указаніе, находящееся въ текстѣ «посольства», на то, что перемирію съ Московскимъ царемъ «отъ Божъего нароженья, што минуло, остаточный годъ выходитъ». Но этимъ остаточнымъ годомъ не могъ быть 1528 годъ, такъ какъ первое первое перемиріе съ Москвою истекло уже 25 декабря 1527 года (Акты Зап. Рос. II, № 120; *Н. Горбачевскаго* Археографическій Календарь, стр. VII). Другія указанія, находящіяся въ текстѣ разсматриваемаго документа, заставляютъ здѣсь видѣть «остаточный» годъ второго перемирія, заключеннаго до 25 дек. 1532 (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 143—145; Акты Зап. Рос. II, № 172), а самый документъ пріурочить къ концу 1531 г. Въ немъ говорится о коронаціи Сигизмунда, какъ уже о фактѣ прошломъ, и притомъ имѣвшемъ мѣсто въ «минуломъ» году, а эта коронація, какъ извѣстно, состоялась 20 февраля 1530 г.; говорится далѣе о войнѣ съ Волошскимъ воеводою, которая началась въ 1531 г. (въ 1528 г. не дѣлалось никакихъ приготовленій къ Волошской войнѣ, ибо незадолго передъ тѣмъ Петрило возобновилъ союзный договоръ съ Польшею) и т. д. И въ самой книгѣ Литовской Метрики это «посольство» записано среди документовъ 1531 года.

и 18 октября состоялся этотъ торжественный актъ. При этомъ князья, паны и шляхта-рыцарство просили Сигизмунда выдать отъ себя и отъ сына новое подтвержденье всѣхъ правъ и вольностей, которыми пользовалось все великое княженіе, отдѣльныя его земли и отдѣльныя лица. Сигизмундъ исполнилъ эту просьбу и выдалъ соотвѣтствующій эдиктъ, въ которомъ торжественно обязался сохранять въ неприкосновенности всѣ права великаго княжества какъ публичныя, такъ и частныя и обѣщалъ, что и сынъ его дастъ подобное же обязательство, какъ только придетъ въ совершенный возрастъ [271]).

§ 13.

Въ началѣ ноября 1529 года [272]) Сигизмундъ уѣхалъ въ Польшу на Петрковскій сеймъ. Его расчеты на то, что возведеніе сына на великое княженіе Литовское заставитъ и поляковъ поторопиться его избраніемъ, оправдались самымъ блестящимъ образомъ. Петрковскій сеймъ объявилъ Сигизмунда-Августа королемъ Польскимъ [273]). По окончаніи сейма король пріѣхалъ въ Краковъ, и здѣсь 20 февраля состоялась торжественная коронація Сигизмунда-Августа.

Внѣшнія и внутреннія дѣла Польши надолго задержали короля въ этомъ государствѣ. Приходилось съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за исходомъ борьбы за венгерское наслѣдство, въ которой принимали участіе турки, и которая могла затянуть въ себя и Польшу. Въ 1531 году подоспѣла война съ Волошскимъ воеводою Петрилою, которая затянулась и на 1532 годъ. Тѣмъ временемъ и татары продолжали тревожить своими набѣгами польскую украйну. Для устройства обороны королю приходилось попрежнему собирать сеймы и выпрашивать у нихъ субсидій, такъ какъ прочной и постоянной обороны государства,

---

[271]) Zbiór praw litewskich, str. 124—126.

[272]) 5 ноября король былъ еще въ Вильнѣ, но 10-го уже въ Городнѣ, 20—28 въ Мельникѣ. 10 декабря мы видимъ его уже въ Петрковѣ. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 278—296; Запис. XV, л. 220; XVII, л. 30.

[273]) Этотъ сеймъ по составу своему не былъ избирательнымъ, на который съѣзжалась шляхта viritim. Въ виду этого старый король 26 марта 1530 года далъ чинамъ королевства письменную гарантію въ томъ, что избраніе его сына не служитъ прецедентомъ на будущее время, что впредь, какъ бывало и прежде, короли будутъ избираться на избирательныхъ соймахъ, а не на обыкновенныхъ. Королева Бона съ своей стороны гарантировала чинамъ королевства, что сынъ ея, какъ только придетъ въ совершенный возрастъ, подтвердитъ присягою права и вольности королевства Польскаго (Archiwum ks. Sanguszków V, № CC, CCI).

предлагалъ панамъ-радѣ грозно приказать урядникамъ пограничныхъ съ Пруссіею и Ливоніею имѣній, чтобы они не занимали земель и водъ и не чинили никакихъ «зачепокъ» сосѣдямъ. Такъ какъ купцамъ Виленскимъ и Полоцкимъ стали въ послѣднее время чиниться въ Ригѣ притѣсненія и «новины», то король предлагалъ въ качествѣ временной мѣры «загамовати» дорогу изъ Полоцка и Вильны до Риги, другими словами — прервать непосредственныя торговыя сношенія съ Ригою, пока купцамъ великаго княжества не дано будетъ удовлетворенія.

Король желалъ далѣе, чтобы паны-рада на сеймѣ «мыслили и радили» о томъ, посылать ли пословъ къ великому князю Московскому для заключенія новаго перемирья, ибо заключенное ранѣе кончается черезъ годъ, и если посылать, то на какихъ условіяхъ мириться, и кого отправить послами. На необходимость рѣшать всѣ эти дѣла указывали господарю сами паны-рада, собиравшіеся предъ этимъ на сеймъ въ Меречи, для чего приглашали господаря пріѣхать хотя бы въ Берестье. Въ настоящемъ случаѣ, предлагая панамъ-радѣ заняться обсужденіемъ этихъ вопросовъ, господарь объявлялъ имъ, что онъ не можетъ исполнить ихъ просьбу и лично явиться въ великое княжество, такъ какъ на этотъ разъ «справы великии того паньства коруны Полское его милости упередили», именно—война съ Волошскимъ воеводою.

Дальнѣйшія предложенія короля касались нѣкоторыхъ вопросовъ внутренняго управленія. Сигизмундъ предлагалъ панамъ-радѣ на сеймѣ измѣнить состоявшееся ранѣе постановленіе относительно судоваго сейма,—вмѣсто одного установить два судовыхъ сейма ежегодно: первый на Рождество Христово, такъ какъ въ это время бываетъ хорошая зимняя дорога, и всѣ подданные съ замковъ украинныхъ: съ Полоцка и съ Витебска, съ Кіева, Жмуди и Волыни могутъ къ тому времени прибыть на этотъ сеймъ и привести съ собою съѣстные припасы, а побывъ на сеймѣ вернуться до домовъ своихъ по хорошей дорогѣ; а второй—на седьмую субботу, въ виду того, что въ то время бываютъ вѣсти о вторженіи людей непріятельскихъ, и паны-рада могутъ лично объявить собравшейся на сеймъ шляхтѣ, чтобы готовились идти на войну, и такимъ образомъ избѣжать лишней проволочки. Король предлагалъ панамъ-радѣ въ томъ случаѣ, если они рѣшатъ вопросъ о судовыхъ сеймахъ въ смыслѣ его предложеній, объявить о своемъ рѣшеніи собравшейся шляхтѣ. Далѣе король обращалъ вниманіе пановъ-рады на неисправное поступленіе «плата», установленнаго на прошломъ сеймѣ въ размѣрѣ 2 грошей со службы, такъ что воевода Виленскій на собранныя деньги могъ выправить на украйну только 200 коней. Король предлагалъ панамъ-радѣ призвать къ себѣ бирчихъ и довѣ-

даться отъ нихъ, кто не заплатилъ, а затѣмъ доправить «моцно» на имѣньяхъ таковыхъ неисправныхъ плательщиковъ [277]).

Вслѣдъ за Горностаемъ король, по желанію коронныхъ сенаторовъ, отправилъ въ Литву пана Холмскаго просить литовцевъ, чтобы они оказали помощь Польшѣ противъ Волошскаго воеводы и прислали уполномоченныхъ для установленія «обороны зуполное коруны Полской и великому князьству».

Всѣ эти предложенія и были предметомъ совѣщаній пановъ-рады и отчасти другихъ становъ, собравшихся на сеймѣ 1532 года. Какія рѣшенія были приняты на этомъ сеймѣ, и что отвѣчала королю литовская рада, объ этомъ мы узнаемъ изъ отвѣтовъ короля, данныхъ на письмо пановъ-рады и на рѣчи, которыя говорили отъ имени литовской рады послы—кн. Миколай, бискупъ Жомойтскій, и панъ Иванъ Сопѣга, воевода Подляшскій [278]).

По вопросу объ оборонѣ отъ татаръ литовцы уполномочили своихъ пословъ войти въ соглашеніе съ поляками. По поводу другихъ предложеній короля, касавшихся обороны границъ, паны рада отвѣчали, что они во всѣхъ этихъ дѣлахъ «пилность и печу великую мають», но не могутъ «такъ справати досыть вчинити», такъ какъ многіе урядники ихъ не слушаютъ, и прежде всего подскарбій земскій, который не выдаетъ денегъ на земскія потребы, вслѣдствіе чего украин-

[277]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 525—530.

[278]) Г. Довнаръ-Запольскій относитъ прибытіе этихъ пословъ и «отказъ» отъ короля сначала къ 1537 году (Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1569 г., стр. 7). Но если бы этотъ «отказъ» данъ былъ дѣйствительно въ 1537 году, то въ немъ не могло бы находиться никакой фразы: «што ся дотычеть речы з Москвою, с которымъ вже перемирье выходитъ». Въ 1537 году перемирье не выходило, а вновь устанавливалось на пять лѣтъ послѣ военныхъ дѣйствій. Точно также невѣрна и другая дата (1529 г.), установленная г. Довнаръ-Запольскимъ для того же «отказа» позже, въ «Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.)», гдѣ напечатанъ и самый документъ (№ 199). Сигизмундъ почти весь 1529 г. пробылъ въ великомъ княжествѣ (въ Польшу попалъ въ началѣ декабря), и панамъ-радѣ не зачѣмъ было переговариваться съ нимъ черезъ пословъ. Второй датѣ г. Довнаръ-Запольскаго противорѣчитъ и содержаніе документа, изъ котораго явствуетъ, что паны-рада звали господаря въ великое княжество. Такой призывъ едва ли могъ быть посланъ вслѣдъ за уѣхавшимъ господаремъ. Вообще все содержаніе документа связываетъ его хронологически съ «посольствомъ Горностая», относящимся къ 1531 г., и притомъ такъ, что «отказъ» могъ быть данъ только послѣ, а не до этого «посольства». Наконецъ и волошская война, о которой говорится въ «отказѣ», началась только въ 1531 г.

ные замки очень опали и не снабжены никакими запасами. Что касается предложенія короля достраивать Кіевъ силами и средствами всѣхъ землевладѣльцевъ государства, то паны-рада совсѣмъ уклонились отъ отвѣта, видимо считая постройку Кіева обязанностью господаря. На приказаніе короля не чинить никакихъ «зачепокъ» Прусскимъ и Ливонскимъ нѣмцамъ, паны-рада отвѣчали заявленіемъ, что съ земель нѣмецкихъ, съ Ливоніи и Пруссіи, «кривды ся великие деютъ в забраньи земль и въ иншихъ речахъ», и просьбою, чтобы король выслалъ поскорѣе на границы комиссаровъ, которыхъ выбрали паны-рада. Къ этому паны-рада присоединили просьбу, чтобы таковые же комиссары высланы были и для исправленья границъ съ короною Польскою, причемъ съ польской стороны должны быть назначены для этого паны радные, у которыхъ по этимъ границамъ нѣтъ ни староствъ, ни имѣній. Такъ какъ приказъ короля о томъ, чтобы со стороны великаго княжества не чинилось никакихъ «зачепокъ» нѣмцамъ, адресованъ былъ ко всѣмъ станамъ сейма, то мы въ правѣ предположить, что и паны-рада въ настоящемъ случаѣ передавали общія заявленія и желанія землевладѣльцевъ великаго княжества, выраженныя на сеймѣ, ближайшимъ образомъ тѣхъ, у кого были имѣнья на границахъ съ Ливоніею, Пруссіею и Польшею. Такимъ же общимъ заявленіемъ со стороны становъ сейма является, очевидно, и представленіе, которое дѣлали королю паны-рада по поводу того, что въ данное время землевладѣльцы не могутъ выѣзжать на войну съ тѣмъ «почтомъ», который установленъ за ними на основаніи произведеннаго пописа ихъ имѣній, такъ какъ «мало не половицу того почту отмерло». Это заявленіе сдѣлано было, очевидно, по поводу предложенія короля, чтобъ всѣ готовились къ отправкѣ на войну по первому приказу короля. Кромѣ того, княжата, панята и все рыцарство, по сообщенію пановъ-рады, жаловались на сеймѣ, что «много речей повстало» вопреки тѣмъ вольностямъ, которыя король далъ имъ во время «поднесенія» на великое княженіе его сына.

Паны-рада совѣщались на сеймѣ и о московскомъ дѣлѣ. Въ то время отъ украинныхъ урядниковъ получены были вѣсти, что въ землѣ Московскаго государя «великій замятокъ ся сталъ», у великаго князя произошелъ «розтыркъ» съ братьями, изъ которыхъ одинъ, Андрей, захватилъ Бѣлоозеро съ великокняжескою казною, а другой, Юрій, взялъ Рязань и другіе украинные города и поднялъ на старшаго брата татаръ. Вслѣдствіе этихъ вѣстей паны-рада не могли согласиться между собою, заключать ли миръ или перемирье съ Москвою или же начинать войну. Они отправили въ Москву дворянина Бокея для провѣрки на мѣстѣ полученныхъ извѣстій, а господаря просили поторо-

даться отъ нихъ, кто не заплатилъ, а затѣмъ доправить «моцно» на имѣньяхъ таковыхъ неисправныхъ плательщиковъ [277]).

Вслѣдъ за Горностаемъ король, по желанію коронныхъ сенаторовъ, отправилъ въ Литву пана Холмскаго просить литовцевъ, чтобы они оказали помощь Польшѣ противъ Волошскаго воеводы и прислали уполномоченныхъ для установленія «обороны зуполное коруны Полской и великому князьству».

Всѣ эти предложенія и были предметомъ совѣщаній пановъ-рады и отчасти другихъ становъ, собравшихся на сеймѣ 1532 года. Какія рѣшенія были приняты на этомъ сеймѣ, и что отвѣчала королю литовская рада, объ этомъ мы узнаемъ изъ отвѣтовъ короля, данныхъ на письмо пановъ-рады и на рѣчи, которыя говорили отъ имени литовской рады послы—кн. Миколай, бискупъ Жомойтскій, и панъ Иванъ Сопѣга, воевода Подляшскій [278]).

По вопросу объ оборонѣ отъ татаръ литовцы уполномочили своихъ пословъ войти въ соглашеніе съ поляками. По поводу другихъ предложеній короля, касающихся обороны границъ, паны рада отвѣчали, что они во всѣхъ этихъ дѣлахъ «пилность и печу великую мають», но не могутъ «тымъ справамъ досыть вчинити», такъ какъ многіе урядники ихъ не слушаютъ, и прежде всего подскарбій земскій, который не выдаетъ денегъ на земскія потребы, вслѣдствіе чего украин-

---

[277]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 525—530.

[278]) Г. Довнаръ-Запольскій отнесъ прибытіе этихъ пословъ и «отказъ» отъ короля сначала къ 1537 году (Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1569 г., стр. 7). Но если бы этотъ «отказъ» данъ былъ дѣствительно въ 1537 году, въ немъ не могло бы находиться никакой фразы: «што ся дотычеть речы з Московскимъ, с которымъ вже перемирье выходить». Въ 1537 году перемирье не выходило, а вновь устанавливалось на пять лѣтъ послѣ военныхъ дѣйствій. Точно такъ же невѣрна и другая дата (1529 г.), установленная г. Довнаръ-Запольскимъ для того же «отказа» позже, въ «Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.)», гдѣ напечатанъ и самый документъ (№ 199). Сигизмундъ почти весь 1529 г. пробылъ въ великомъ княжествѣ (въ Польшу попалъ въ началѣ декабря), и панамъ-радѣ не зачѣмъ было переговариваться съ нимъ черезъ пословъ. Второй датѣ г. Довнаръ-Запольскаго противорѣчитъ и содержаніе документа, изъ котораго явствуетъ, что паны-рада звали господаря въ великое княжество. Такой призывъ едва ли могъ быть посланъ вслѣдъ за уѣхавшимъ господаремъ. Вообще все содержаніе документа связываетъ его хронологически съ «посольствомъ Горностая», относящимся къ 1531 г., и притомъ такъ, что «отказъ» могъ быть данъ только послѣ, а не до этого «посольства». Наконецъ, и волошская война, о которой говорится въ «отказѣ», началась только въ 1531 г.

ные замки очень опали и не снабжены никакими запасами. Что касается предложенія короля достраивать Кіевъ силами и средствами всѣхъ землевладѣльцевъ государства, то паны-рада совсѣмъ уклонились отъ отвѣта, видимо считая постройку Кіева обязанностью господаря. На приказаніе короля не чинить никакихъ «зачепокъ» Прусскимъ и Ливонскимъ нѣмцамъ, паны-рада отвѣчали заявленіемъ, что съ земель нѣмецкихъ, съ Ливоніи и Пруссіи, «кривды ся великие деютъ в заобраньи земль и въ иншихъ речах», и просьбою, чтобы король выслалъ поскорѣе на границы комиссаровъ, которыхъ выбрали паны-рада. Къ этому паны-рада присоединили просьбу, чтобы таковые же комиссары высланы были и для исправленья границъ съ короною Польскою, причемъ съ польской стороны должны быть назначены для этого паны радные, у которыхъ по этимъ границамъ нѣтъ ни староствъ, ни имѣній. Такъ какъ приказъ короля о томъ, чтобы со стороны великаго княжества не чинилось никакихъ «зачепокъ» нѣмцамъ, адресованъ былъ ко всѣмъ станамъ сейма, то мы въ правѣ предположить, что и паны-рада въ настоящемъ случаѣ передавали общія заявленія и желанія землевладѣльцевъ великаго княжества, выраженныя на сеймѣ, ближайшимъ образомъ тѣхъ, у кого были имѣнья на границахъ съ Ливоніею, Пруссіею и Польшею. Такимъ же общимъ заявленіемъ со стороны становъ сейма является, очевидно, и представленіе, которое дѣлали королю паны-рада по поводу того, что въ данное время землевладѣльцы не могутъ выѣзжать на войну съ тѣмъ «почтомъ», который установленъ за ними на основаніи произведеннаго пописа ихъ имѣній, такъ какъ «мало не половицу того почту отмерло». Это заявленіе сдѣлано было, очевидно, по поводу предложенія короля, чтобъ всѣ готовились къ отправкѣ на войну по первому приказу короля. Кромѣ того, княжата, панята и все рыцарство, по сообщенію пановъ-рады, жаловались на сеймѣ, что «много речей повстало» вопреки тѣмъ вольностямъ, которыя король далъ имъ во время «поднесенія» на великое княженіе его сына.

Паны-рада совѣщались на сеймѣ и о московскомъ дѣлѣ. Въ то время отъ украинныхъ урядниковъ получены были вѣсти, что въ землѣ Московскаго государя «великій замятокъ ся сталъ», у великаго князя произошелъ «розтыркъ» съ братьями, изъ которыхъ одинъ, Андрей, захватилъ Бѣлоозеро съ великокняжескою казною, а другой, Юрій, взялъ Рязань и другіе украинные города и поднялъ на старшаго брата татаръ. Вслѣдствіе этихъ вѣстей паны-рада не могли согласиться между собою, заключать ли миръ или перемирье съ Москвою или же начинать войну. Они отправили въ Москву дворянина Бокея для провѣрки на мѣстѣ полученныхъ извѣстій, а господаря просили поторо-

питься пріѣздомъ въ великое княжество для рѣшенія этого важнаго вопроса. На просьбу поляковъ о помощи противъ воеводы Волошскаго паны-рада отвѣчали, что они «около того намовляли зъ землею, то есть, рыцерствомъ великого князьства», но оно «произволить на то» не хотѣло, принимая во вниманіе «записы стародавныи покою звечыстого и прысяги между великимъ княжествомъ а воеводствомъ Волошскимъ».

Изъ всего этого видно, что совѣщанія, происходившія на сеймѣ въ началѣ 1532 г., не были богаты положительными результатами въ смыслѣ желаній короля. Единственнымъ результатомъ была посылка уполномоченныхъ для соглашенія съ поляками касательно совмѣстной обороны отъ татаръ. Мы не знаемъ къ какимъ результатамъ привели эти переговоры; повидимому, ни къ какимъ [279]).

Итакъ, королю не удалось получить отъ литовцевъ, чего онъ желалъ, а наоборотъ—пришлось самому исполнять разныя ихъ просьбы и давать разныя обѣщанія. Такимъ образомъ, король долженъ былъ приказать подскарбію земскому снабдить припасами замокъ Кіевскій и служебнымъ тамошнимъ за службы заплатить изъ скарба земскаго. Для ремонта замка Орши король также долженъ былъ дать деньги изъ скарба и послать людей Любошанской волости, а для снабженія провіантомъ замковъ Полоцкаго и Витебскаго приказать нѣкоторымъ державцамъ отослать туда жита по нѣскольку бочекъ. Относительно поправленья границъ съ Ливоніею и Пруссіею король предложилъ панамъ-радѣ снестись предварительно съ обоими магистрами и установить по взаимному соглашенію мѣсто и время для съѣзда комиссаровъ съ той и другой стороны, которые и должны будутъ исправить границы и учинить «розсудокъ» обо всѣхъ «кривдахъ» тамошнимъ подданнымъ. Точно такъ же король предлагалъ панамъ-радѣ выбрать комиссаровъ и на польскую границу, обѣщая сдѣлать то же самое со стороны Польши съ коронными панами-радою. Выразивъ недоумѣніе по поводу жалобъ становъ литовскаго сейма на то, что будто бы нарушаются ихъ права и вольности, король тѣмъ не менѣе обѣщалъ по пріѣздѣ своемъ въ великое княжество «ширей о томъ мовити» какъ съ панами-радою, такъ и со всѣмъ рыцарствомъ великаго княжества

---

[279]) Г. Довнаръ-Запольскій въ своей статьѣ «Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1589 года» (стр. 6) сообщаетъ, что литовскіе уполномоченные 26 марта 1532 года заключили формальный договоръ о совмѣстной оборонѣ отъ татаръ, ссылаясь на запись, помѣщенную на 14 и 15 лл. IV книги Коронной Метрики Архива Мин. Иностр. дѣлъ. Но помѣщенная тамъ запись излагаетъ не договоръ, а кондиціи, предложенныя литовскими уполномоченными 26 марта 1512, а не 1532 года.

Литовскаго. Въ одной только просьбѣ король далъ литовцамъ категорическій отказъ, именно, не согласился уменьшить размѣръ «почтовъ», съ которыми литовскіе землевладѣльцы должны являться на войну. Король мотивировалъ свой отказъ тѣмъ соображеніемъ, что землевладѣльцу, у котораго умеръ подданный, достается «домъ и вси статки его и земля и вси пожитки»: «и онъ, того вживаючи, про которую бы прычыну не мял сполна того почту водле попису и ухвалы земское ку службе становити».

На просьбу пановъ-рады пріѣхать въ великое княжество для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ съ Московскимъ государемъ или, по крайней мѣрѣ, дать имъ инструкцію относительно этого дѣла король отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, онъ никоимъ образомъ не можетъ въ данное время прибыть въ великое княжество: воевода Волошскій безъ всякой причины началъ съ нимъ войну и уже занялъ не малый край государства Польскаго; не перевѣдавшись съ этимъ непріятелемъ, ему нельзя уѣхать изъ Польши и «опустить» свое дѣло, которое потомъ трудно будетъ и поправить. Указавъ на неподготовленность великаго княжества Литовскаго къ войнѣ и на оборонительный союзъ, который Московскій государь, по слухамъ, заключилъ съ магистромъ Ливонскимъ, король посовѣтовалъ панамъ-радѣ отправить въ Москву великихъ пословъ для заключенія перемирія года на три-на четыре, чтобы тѣмъ временемъ можно было надлежащимъ образомъ приготовиться къ войнѣ. Король совѣтовалъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, чтобы, по крайней мѣрѣ, такъ или иначе выяснилось положеніе дѣла съ Москвою [280]).

Литовская рада поступила согласно совѣту короля и немедленно отправила въ Москву пословъ для переговоровъ о мирѣ. Имъ удалось только продолжить перемиріе до 25 декабря 1533 года [281]). Но и это въ положеніи Сигизмунда было великимъ благомъ, потому что дало ему возможность на время развязаться съ волошскою войною и подготовиться къ войнѣ съ Москвою.

§ 14.

Въ концѣ іюня 1533 года король пріѣхалъ въ великое княжество [282]). Его встрѣтило съ великою радостью множество собравшейся

---

[280]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 199.

[281]) Акты Зап. Рос. II, № 172.

[282]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 385, 386, 390.

литовской знати. Послѣдовало совѣщаніе короля съ панами-радою, находившимися въ полномъ составѣ (frequenti senatu, какъ выражается Ваповскій). Рѣшили отправить въ Москву новыхъ пословъ для заключенія мира на условіи возвращенія Смоленска и другихъ, оторванныхъ отъ Литвы областей. Но Москва не имѣла обыкновенія выпускать легко то, что разъ уже попало въ ея руки, и послы скоро вернулись изъ Москвы ни съ чѣмъ [283]).

Въ концѣ 1533 г. паны-рада еще разъ попытались возобновить съ Москвою переговоры о мирѣ. Въ началѣ ноября они отправили къ боярамъ московскимъ кн. Димитрію Ѳедоровичу Бѣльскому и Михаилу Юрьевичу Захарьину посланника Клиновскаго съ просьбою уговорить великаго князя отправить къ королю пословъ для заключенія вѣчнаго мира или новаго перемирія или же прислать опасную грамоту для великихъ пословъ литовскихъ. Клиновскій уже не засталъ Василія въ живыхъ. Хотя новое правительство московское и выразило желаніе установить между обоими государствами такія же отношенія, какія существовали при в. князѣ Иванѣ Васильевичѣ и королѣ Казимирѣ, но въ Литвѣ настроеніе уже измѣнилось не въ пользу мира [284]). Обстоятельства въ Московскомъ государствѣ сложились такимъ образомъ, что побуждали литовцевъ къ начатію войны. Новый великій князь былъ ребенокъ; при дворѣ происходили смуты и несогласія между боярами; готовилась удѣльная усобица со стороны дядей малолѣтняго великаго князя. Литвѣ представлялся удобный случай вернуть назадъ все то, что Москва оторвала отъ великаго княжества. Внѣшнія обстоятельства сложились также благопріятно для великаго княжества. Война съ волохами прекратилась; охмистръ молодого короля Сигизмунда-Августа Опалинскій заключилъ перемиріе съ турками «до дву животовъ», т. е. до конца жизни Сигизмунда и его сына съ одной стороны, султана и его сына съ другой [285]). Однако, господарь не рѣшился взять на свою отвѣтственность возобновленіе войны, тѣмъ болѣе, что у него не было для нея и необходимыхъ средствъ, и потому для рѣшенія этого вопроса постановилъ съ панами-радою созвать великій соймъ.

Въ началѣ января 1534 года разосланы были «соймовые» листы, въ которыхъ господарь приглашалъ пановъ радныхъ и всѣхъ урядниковъ, княжатъ, панятъ и рыцарство-шляхту всѣхъ земель великаго княжества на вальный сеймъ въ Вильну на масленое заговѣнье (15 фев-

---

[283]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 247).

[284]) Акты Зап. Рос. II, № 175.

[285]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VII, л. 91, 92.

рали). Приглашеніе мотивировано кратко: «бо маемъ некоторые дела наши и земскіе пилные справовати». Шляхта не вся приглашалась на сеймъ, но хоружіе въ своихъ повѣтахъ должны были выбрать двухъ «добрыхъ» земянъ и съ ними пріѣхать на сеймъ; въ нѣкоторыхъ земляхъ, напр., въ Полоцкой, этотъ выборъ предписывалось сдѣлать воеводамъ. Воеводамъ и державцамъ украинныхъ замковъ предписывалось не пріѣзжать на сеймъ, но оставаться на своихъ замкахъ съ служебниками, пребывать «у доброй опатрности и в осторожы», уряжать все такъ, чтобы было «з нашымъ господарскимъ добромъ и земскимъ пожиточнымъ» [286].

На сеймѣ господарь съ панами-радою рѣшили воевать съ Москвою, для чего мобилизировать земское ополченіе великаго княжества. Крайнимъ срокомъ для сбора войска назначена была седьмая суббота, приходившаяся въ тотъ годъ на 23 мая; мѣстомъ для сбора земскаго ополченія великаго княжества назначенъ былъ Минскъ. Въ половинѣ марта разосланы были о томъ листы по всему великому княжеству [287]. Но такъ какъ въ предстоящей войнѣ нельзя было обойтись безъ наемныхъ войскъ, то господарь съ панами-радою и со всѣми подданными великаго княжества, находившимися на сеймѣ, положили «платъ» на всѣхъ подданныхъ господаря, королевы, духовенства, княжескихъ, панскихъ и земянскихъ. «Платъ» этотъ опредѣленъ былъ въ такомъ размѣрѣ: съ каждаго рабочаго вола или коня—6 грошей [288]; кто имѣетъ землю, но не имѣетъ ни вола, ни коня, долженъ заплатить 6 грошей; огородники платятъ по три гроша; побору подлежатъ и люди, сидящіе «на воляхъ». Землевладѣльцы должны были сами собрать съ своихъ людей поборъ и вручить его особымъ бирчимъ, присланнымъ отъ господаря въ каждый повѣтъ, при чемъ принести присягу въ томъ, что поборъ выбрали правильно и ничего не утаили. Повѣтовые бирчіе должны были отдать собранныя суммы главнымъ бирчимъ — пану Александру Ивановичу Ходкевичу, старостѣ Берестейскому, державцѣ Вилькейскому, Остринскому и Кнышинскому, и секретарю Павлу Нарушевичу, державцѣ Жижморскому, и въ свою очередь присягнуть, что взяли поборъ правильно и ничего не утаили. Съ тѣхъ, кто не отдастъ во время поборъ, опредѣлено было взыскивать его вдвойнѣ. Бирчимъ за труды положено было

---

[286]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 96—99.

[287]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 115.

[288]) Варіантъ: съ каждой сохи воловой по 12 грошей, а съ конской по 6 гр. (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201; Судн. VIII, л. 165—167).

вознагражденіе въ размѣрѣ одного гроша съ двухъ воловъ [289]). Поборъ былъ ухваленъ на три года. На мѣста господарскія серебщина положена была общею суммою [290]).

Лѣтомъ 1534 года начались военныя дѣйствія между великимъ княжествомъ и Москвою. Въ войнѣ участвовало не только земское ополченіе великаго княжества, но и «пеняжные дворяне» и «служебные жолнеры», навербованные за деньги въ Польшѣ [291]). Война въ общемъ пошла успѣшно для литовцевъ, которымъ удалось не только вытѣснить московскія войска, но и перенести войну въ предѣлы Московскаго государства, сжечь нѣсколько городовъ и разбить московскую рать подъ Стародубомъ [292]). Но едва только литовскія войска послѣ того разошлись по домамъ, москвитяне опять вторглись въ Литву, сожгли Полоцкъ и Витебскъ, нѣсколько селъ и безнаказанно удалились во свояси. Сигизмундъ почувствовалъ съ особенною силою необходимость увеличить количество наемнаго постояннаго войска для обороны украинныхъ замковъ. Этого нельзя было достигнуть безъ увеличенія средствъ, ассигнованныхъ сеймомъ на веденіе войны. Но такъ какъ вновь собирать вальный сеймъ было несвоевременно, Сигизмундъ рѣшилъ извернуться такимъ образомъ: увеличить размѣръ второй серебщины и уменьшить размѣръ третьей — въ надеждѣ, что новый сеймъ дастъ средства для покрытія расходовъ, которые не покроетъ третья серебщина. 20 ноября 1534 года онъ разослалъ по всему великому княжеству листы съ приказаніемъ, чтобы землевладѣльцы вторую серебщину заплатили въ размѣрѣ 15 грошей съ воловой сохи и 7½ съ конской; кто не имѣетъ ни воловъ, ни коней, а одну только землю, платитъ также 7½ гр.; кто не имѣетъ земли, но однихъ только рабочихъ воловъ, платитъ по 7½ гр. съ вола; съ огорода должно платить 3 гроша [293]). Срокомъ отдачи новой серебщины король назначалъ 6 ян-

---

289) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 125, 126. Срав. хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 247) и *Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 31).

290) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 164; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201.

291) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201.

292) Хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 251); *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 34, 35); *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 394, 395.

293) Изъ сопоставленія настоящаго универсала съ предшествующимъ можно вывести заключеніе, что воловая соха обкладывалась вдвое по сравненію съ конской потому, что въ нее впрягалась пара воловъ.

варя 1535 года. Каждый державца съ хоружимъ долженъ былъ объѣхать свой повѣтъ, переписать въ каждомъ имѣньѣ людей и количество ихъ сохъ и по этому реестру выбрать серебщину. Такимъ же порядкомъ они должны были собрать серебщину и съ господарскихъ людей. Эту серебщину вмѣстѣ съ реестрами они должны были привезти лично и вручить главнымъ бирчимъ, учинивъ присягу, что выбрали ее правильно и ничего не утаили. Въ повѣтахъ, составлявшихъ державія воеводъ, перепись шляхетскихъ людей и сохъ и сборъ съ нихъ серебщины должны были произвести хоружіе съ земяниномъ, «вѣры годнымъ», а съ господарскихъ и собственныхъ людей воеводъ ихъ—урядники. Все это они должны сдѣлать даромъ, не взимая ни съ кого «жадного пенязя бирчого и пищого». Господарь обѣщалъ на будущій годъ брать серебщину въ размѣрѣ только 10 грошей съ воловой сохи и такимъ недоборомъ погасить настоящій переборъ. Въ виду предстоящей необходимости при сборѣ серебщины принимать и польскую монету, которая приливала разнообразными путями въ великое княжество, между прочимъ приносилась и польскими жолнерами, господарь счелъ нужнымъ опредѣлить точно отношенія между польскимъ и литовскимъ грошемъ. Онъ объявлялъ, что пять польскихъ грошей будутъ приниматься за четыре литовскихъ, такъ что въ копѣ литовской будетъ считаться 75 польскихъ грошей [294]).

Чрезвычайное напряженіе финансовыхъ и военныхъ силъ великаго княжества и помощь, полученная отъ поляковъ, приславшихъ семь тысячъ войска подъ начальствомъ гетмана Яна Тарновскаго и каштеляна Калишскаго Андрея Горки, принесли свои плоды. Лѣтомъ 1535 г. литовцы взяли Гомель и Стародубъ, при чемъ въ послѣднемъ городѣ погибло около 13 т. человѣкъ москвитянъ и множество захвачено было въ плѣнъ [295]). Тѣмъ не менѣе москвитяне не обнаруживали желанія прекратить войну, и ихъ войска съ другой стороны, съ сѣвера, наступали на великое княжество и воздвигали укрѣпленія на занимаемыхъ земляхъ, между прочимъ построили городокъ Себежъ при озерѣ того же имени и крѣпко засѣли въ этомъ городкѣ. Литовцы тщетно пытались выбить ихъ оттуда. 27 февраля 1536 года литовскія войска потерпѣли сильное пораженіе подъ Себежомъ и вернулись во свояси съ большимъ

---

[294]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 157—258; 164—167; 172—173; 267—269.

[295]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 256) и *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 42, 43).

урономъ [296]). Войнѣ не предвидѣлось конца, и Сигизмундъ вскорѣ послѣ этого созвалъ вальный сеймъ въ Вильнѣ [297]).

Въ источникахъ мы находимъ только одно извѣстіе о дѣяніяхъ сейма 1536 года. На этомъ сеймѣ въ день св. Марка Евангелиста (25 апрѣля) молодой король Сигизмундъ-Августъ принесъ торжественно присягу въ соблюденіи правъ и вольностей великаго княжества [298]). Весьма возможно, что это сдѣлано было согласно просьбѣ становъ сейма, какъ бывало въ подобныхъ случаяхъ и ранѣе, и послѣ того. Во всякомъ случаѣ этотъ фактъ былъ побочнымъ, произошелъ кстати и не былъ причиною созыва сейма. Сеймъ, очевидно, созывался для рѣшенія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ текущею войною. Какъ разъ наканунѣ торжественной присяги Сигизмунда-Августа, 24 апрѣля, написанъ былъ универсалъ ко всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества, чтобы они ѣхали на службу «конно и збройно», имѣя въ полной исправности коней и вооруженіе, съ достаточнымъ количествомъ припасовъ, и становились на Друцкихъ поляхъ подъ команду гетмана наивысшаго ко дню св. Петра (29 іюня) [299]). Этотъ универсалъ, повидимому, былъ результатомъ тѣхъ совѣщаній относительно войны, которыя имѣли мѣсто на сеймѣ. По всѣмъ признакамъ, станы сейма не обнаружили уже того патріотическаго воодушевленія и готовности къ продолженію борьбы, какія проявили на сеймѣ 1534 года. Новой серебщины не было ухвалено на этомъ сеймѣ [300]). Поэтому правительству представился трудный вопросъ,—какъ отбиваться отъ нападеній москви-

---

[296]) Соловьева Исторія Россіи кн. II, т. VI, стр. 15, 16.

[297]) Сеймъ былъ въ сборѣ уже 4 апрѣля. Archiwum Sanguszków IV. № XXVI; Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. V, т. I, стр. 42.

[298]) Хроника *Мартина Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 46.

[299]) Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 258—260.

[300]) Въ мартѣ 1537 г., по заявленію Сигизмунда, въ скарбѣ совершенно не было денегъ и не на что было нанимать служебныхъ людей для обереганья пограничныхъ замковъ. Поэтому Сигизмундъ предлагалъ панамъ-радѣ посылать въ заставы повѣты, т. е. части земскаго ополченія, согласно старому обычаю (Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 82, 83). «На отъправу жолнеровъ» на замки украинные король въ 1536 году принужденъ былъ брать взаймы у Виленскихъ мѣщанъ на 2000 копъ грошей суконъ (Запис. XIX, л. 274). Война быстро поглощала наличность скарба. Изъ отчета, представленнаго подскарбіемъ земскимъ Иваномъ Горностаемъ 20 мая 1535 г., видно, что уже въ то время одна серебщина изъ трехъ, ухваленныхъ на Виленскомъ сеймѣ 1534 г., была израсходована безъ остатка, всего 26345 копъ 40 гр. Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201.

тянъ прежде, чѣмъ соберется «великое войско». 23 мая господарь имѣлъ относительно этого совѣщаніе съ панами-радою. Онъ предложилъ имъ, чтобы они «зъ себе початокъ тое поволности вчынили и тыхъ часовъ, ничего не мешкая, выправили и послали половицу почтовъ своихъ, колко повиненъ хто ставити, а затымъ къ великому войску на светый Петръ другую половицу послали *водлугъ уфалы земское*». Паны-рада, обсудивъ предложеніе короля, выразили готовность сдѣлать это, но подъ условіемъ, чтобы господарь приказалъ сдѣлать то же самое и другимъ урядникамъ и державцамъ, заявляя, что въ противномъ случаѣ они не пошлютъ на войну ни одного служебника ранѣе срока. Этотъ отвѣтъ характеризуетъ достаточно настроеніе и отношеніе литовцевъ къ текущей войнѣ. Господарь согласился на требованіе рады и составилъ роспись тѣхъ державцевъ, которые должны были лично отправиться на войну или послать половину своихъ почтовъ [301]).

Утомленіе войною и неохота продолжать ее, обнаружившіяся на Виленскомъ сеймѣ 1536 года, заставили Сигизмунда завязать снова мирные переговоры съ Москвою. Къ тому же побуждали короля и враждебные поступки со стороны Волошскаго господаря Петрила. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ пересылокъ съ московскимъ правительствомъ Сигизмундъ отправилъ въ Москву великихъ пословъ, воеводу Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича съ товарищами, которымъ удалось заключить перемиріе на пять лѣтъ отъ 25 марта 1537 года до 25 марта 1542 года, на условіяхъ удержанія каждою стороною того, чѣмъ она владѣла [302]).

§ 15.

Прекращеніе войны съ Москвою дало возможность королю уѣхать изъ великаго княжества (въ концѣ октября 1536 г.) [303]) въ Польшу и заняться внутренними и внѣшними дѣлами этого государства. Но едва лишь устранилась одна опасность, выдвинулась на мѣсто ея другая. Въ теченіе послѣдней войны съ Москвою великое княжество Литовское пребывало въ покоѣ со стороны Крымскихъ татаръ. Крымская орда въ то время раздѣлилась между Саипъ-Гиреемъ и братомъ его Осламомъ, и это раздѣленіе, сопровождавшееся усобицею, обезсиливало орду и не давало ей возможности нападать на украйны русскихъ го-

---

[301]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 620, 621.

[302]) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, 15—18.

[303]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 533; XIX, 274—278; XXI, л. 2—4; *J. Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 226.

сударствъ, Литовскаго и Московскаго. Въ 1537 году одинъ изъ Ногайскихъ князей, дружившій съ Саипъ-Гиреемъ, нечаянно напалъ на Ослама и убилъ его. Вся орда соединилась послѣ того подъ властью Саипъ-Гирея, который, почувствовавъ теперь свою силу, отправилъ одновременно въ Москву и Литву пословъ съ предложеніемъ своей дружбы и съ требованіемъ уплаты упоминковъ. Отъ литовскаго правительства ханъ требовалъ уплаты упоминковъ и за прошлые три года. Но такъ какъ по опыту предшествующихъ лѣтъ было извѣстно, что платежъ упоминковъ былъ плохою гарантіею безопасности государства, то Сигизмундъ рѣшился созвать въ Вильнѣ вальный сеймъ на середопостье (22 марта) 1538 г. для обсужденія и принятія мѣръ по оборонѣ государства. Онъ приказалъ разослать по всему государству листы, чтобы каждый воевода, староста и державца выбралъ въ своемъ повѣтѣ двухъ земянъ и отправилъ ихъ на сеймъ вмѣстѣ съ хоружимъ повѣта. Къ панамъ-радѣ король отправилъ въ половинѣ февраля подскарбія земскаго Ивана Горностая съ предложеніемъ, чтобы они, будучи на сеймѣ со всѣми князьями, панами и рыцарствомъ-шляхтою, «обмову коло того вчынили и пильне о томъ мыслили и радили», какъ дать отпоръ царю Перекопскому и оборонить отъ нападенія татаръ государство.—Кромѣ этого главнаго вопроса король предлагалъ заблаговременно, пока стоитъ перемирье, подумать и о будущей войнѣ съ Московскимъ государствомъ и изыскать средства для веденія ея, ибо, когда возобновится война, уже поздно будетъ совѣщаться обо всемъ этомъ [304]).

Изъ посланія короля къ войску, собравшемуся въ Новгородкѣ осенью 1538 года, узнаемъ, что паны-рада, княжата, панята и земяне, бывшіе на Виленскомъ сеймѣ 1538 года, «зволили» дать «на оборону земскую» платъ съ своихъ людей и выбрали для сбора этого плата особыхъ «бирчихъ» [305]). Платъ этотъ установленъ былъ въ размѣрѣ 20 грошей съ коня, т. е. съ восьми служебъ, съ которыхъ выставлялся конный ратникъ. На эти деньги отправлены были 1000 конныхъ ратниковъ на украинные замки. Но такъ какъ этихъ людей было мало, паны-рада послали къ королю просьбу, чтобы и онъ съ своей стороны выставилъ 1000 коней на средства скарба. Король согласился и сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ распоряженіе подскарбію земскому [306]). Кромѣ того рѣшено

---

[304]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 147—149. Срав. *Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, 19—22.

[305]) Акты Южн. и Зап. Рос. № I, № 101.

[306]) Акты Зап. Россіи II, № 221; Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 32.

было въ случаѣ настоятельной необходимости собраться всему земскому ополченію великаго княжества въ назначенномъ мѣстѣ для отраженія общими силами врага. Такъ рѣшенъ былъ одинъ изъ двухъ вопросовъ, предложенныхъ господаремъ Виленскому сейму 1538 года. Но въ обсужденіе другого вопроса сеймъ, по всѣмъ даннымъ, вовсе не входилъ. Обстоятельства вскорѣ возбудили опасеніе, что и первая задача рѣшена не совсѣмъ удовлетворительно и во всякомъ случаѣ требуетъ новыхъ совѣщаній и новыхъ мѣръ.

Посолъ Сигизмунда Михаилъ Тишковичъ, ѣздившій къ Саипъ-Гирею съ предложеніемъ союза и полученія тѣхъ же упоминковъ, какія давались его предкамъ, Менгли-Гирею и Махметъ-Гирею, выслушалъ отъ хана гордую и суровую отповѣдь и вернулся, не успѣвъ умиротворить хана [307]). Лѣтомъ 1538 года староста Черкасскій и воевода Кіевскій писали панамъ-радѣ, что стража ихъ «на око» видѣла огромное татарское войско, которое переправлялось черезъ Днѣпръ «зъ дѣлы и гаковницами», и что, по всѣмъ признакамъ, съ войскомъ двигался и самъ царь [308]). По полученіи этихъ вѣстій созвано было земское ополченіе великаго княжества въ Новгородкѣ [309]), которое должно было оставаться здѣсь до полученія новыхъ вѣстей о татарахъ съ тѣмъ, чтобы или двинуться противъ нихъ, или расходиться по домамъ, если извѣстія будутъ успокоительныя. Сигизмундъ и задумалъ воспользоваться сборомъ пановъ-рады, княжатъ, панятъ и шляхты для того, чтобы вновь предложить на ихъ обсужденіе тѣ самые вопросы, которые предлагались имъ на обсужденіе Виленскаго вальнаго сойма 1538 г.

Въ сентябрѣ король отправилъ въ Новгородокъ пана Ивана Горностая съ своими предложеніями. Указавъ на то, что черезъ три года съ небольшимъ кончается перемиріе съ Московскимъ государемъ, Сигизмундъ выставлялъ на видъ, что необходимо заблаговременно приготовляться къ будущей войнѣ, дабы не повторилось то же самое, что произошло въ послѣднюю войну, которую начали, «не спосовившися на то за часу»: хотя на эту войну и давались деньги, но такъ какъ «впередъ не былъ скарбъ запоможенъ пѣнязьми», то и пришлось, начавъ войну, прекратить ее. Король полагалъ, что обыватели великаго княжества не могутъ чинить оборону «безъ помочи прибылыхъ людей», и потому изъявлялъ желаніе («волю нашу господарскую, ижъ што ся намъ видитъ»), чтобы въ теченіе оставшихся трехъ лѣтъ собиралась

---

307) Акты Зап. Рос. II, № 192.

308) Срав. Archiwum Sanguszków IV, № CXXIV, CXXVII.

309) Archiwum Sanguszków IV, № CXXXI.

серебщина съ господарскихъ и владѣльческихъ людей: въ первый годъ по 15 грошей съ сохи, во второй—по 12, въ третій—по 10. Король обѣщалъ хранить эти деньги въ скарбѣ и не обращать ихъ ни на какіе другіе государственные расходы. Впрочемъ, король отдавалъ все это на разсужденіе пановъ-рады и просилъ, чтобы они «къ тому пильно и хтиво причинили и на теперешнемъ спольномъ собранью со всею землею обмову въ томъ учинили, и тую рѣчь обороны земскоѣ на доброй мѣрѣ и концы постановили». «И што ся въ томъ вашой милости будетъ видѣти,—просилъ король,—абы ваша милость панове-рада наша, съ княжаты и паняты и зъ земяны обмовившися, на чомъ тую рѣчь хочете застановити, и на который рокъ, и по чому тую серебщизну зволите, если большъ або мнѣй, естли зъ сохъ або зъ служобъ людей маетъ давана быти,—о томъ о всемъ намъ черезъ листъ свой не мѣшкая вѣдомо дали».

Король вновь указывалъ и на угрожающую опасность со стороны Перекопскаго царя, опасность тѣмъ большую, что въ данное время ханъ не испытываетъ никакихъ внутреннихъ затрудненій и помѣхъ въ своей ордѣ и кромѣ того пользуется довѣріемъ и расположеніемъ Турецкаго царя. Сигизмундъ полагалъ поэтому, что его нельзя ублаготворить легкими упоминками, да едва ли полезно будетъ прибѣгать къ этому средству въ виду отношеній его къ султану Турецкому: какъ вассалъ султана, ханъ принужденъ будетъ идти туда, куда ему велитъ его властелинъ, а этотъ властелинъ собирается на многія христіанскія государства и уже выступилъ съ 250 тысячами войска и съ 300 пушками въ Валахію и Молдавію, откуда намѣревается вторгнуться въ Венгрію. Король выражалъ опасеніе, какъ бы онъ послѣ занятія этихъ земель не направилъ хана на Польшу и Литву и самъ съ нимъ не прибылъ. Поэтому онъ предлагалъ панамъ-радѣ «о томъ съ пильностью мыслити, и то въ себе найти и постановити», какъ и какимъ образомъ защищать великое княжество отъ всѣхъ непріятелей и давать имъ отпоръ, посылать или не посылать упоминковъ хану и предаться на милость Божью. Въ заключеніе король просилъ пановъ-раду принять мѣры по исправленію украинныхъ замковъ и снабженію ихъ всякими запасами: расписать волостныхъ людей и на будущее лѣто разослать ихъ на работы къ Кіеву, Полоцку, Витебску и Мстиславлю, а хлѣбные запасы послать изъ господарскихъ дворовъ или же, продавъ жито въ господарскихъ дворахъ, послать въ украинные замки деньги для закупки хлѣбныхъ припасовъ [310]).

---

[310]) Акты Зап. Рос. II, № 191.

Предложенія короля не обсуждались въ лагерѣ подъ Новгородкомъ. Прежде, чѣмъ прибылъ посолъ короля, здѣсь получены были вѣсти, что татары, на этотъ разъ навѣстившіе Волошскую землю, возвращаются домой по направленію къ Очакову [311]). Паны-рада послѣ того стали разъѣзжаться изъ-подъ Новгородка по домамъ, и Горностай не засталъ уже никого изъ нихъ въ лагерѣ. Но и независимо отъ того, королевскія предложенія едва ли могли подвергнуться обсужденію и вызвать какія-либо окончательныя постановленія собравшихся подъ Новгородкомъ князей, пановъ и шляхты. Дѣло въ томъ, что въ Новгородкѣ собралось только ополченіе великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ. Отсутствовали ополченія земель Полоцкой и Витебской, которыя стерегли свои замки; князья, паны и земяне Кіевскіе также не пріѣхали въ Новгородокъ, потому что были «напереди противъ поганьству татаръ»; ополченіе Волынской земли по распоряженію господаря должно было оберегать свои земли отъ татаръ [312]). Изъ земли Жмудской пріѣхали только четыре тивуна, а остальные не явились подъ тѣмъ предлогомъ, что они уже дали серебщину на оборону земскую по 20 грошей съ коня [313]). Кромѣ того, и старшихъ пановъ радныхъ съѣхалось только пять: воевода Виленскій, панъ Виленскій [314]), староста Жмудскій, воеводы Новгородскій и Подляшскій; воеводы Кіевскій, Полоцкій и Витебскій оставались на своихъ замкахъ.

Но хотя предложенія короля и не поспѣли во время въ Новгородокъ, тѣмъ не менѣе въ Новгородкѣ имѣли мѣсто продолжительныя и оживленныя совѣщанія среди собравшихся пановъ радныхъ, княжатъ, панятъ и рыцарства-шляхты. Паны-рада, прибывшіе въ войско, воспользовались сборомъ шляхты для того, чтобы составить и адресовать королю отъ имени всей земли, всего великаго княжества, рядъ просьбъ объ удовлетвореніи различныхъ государственныхъ нуждъ, объ устраненіи разныхъ непорядковъ и о ненарушеніи правъ и вольностей великаго княжества.

Первою просьбою пановъ-рады, княжатъ, панятъ и шляхты, собравшихся въ Новгородкѣ, была просьба, чтобы господарь, принимая во вниманіе великія опасности, угрожающія странѣ отъ хана Крымскаго и великаго князя Московскаго, прибылъ въ свое государство и

---

[311]) Archiwum Sanguszków IV, № CXXXII.

[312]) Aschiwum Sanguszków IV, № CXXIV, CXXVII.

[313]) Акты Зап. Рос. II, № 221, арт. 3.

[314]) Въ Актахъ Южн. и Зап. Рос. (т. I, № 101) напечатано ошибочно «староста Виленскій». Сравн. Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ II, л. 15.

поставилъ его «въ покою и въ оборонѣ», чтобы оно и на будущее время отъ этихъ непріятелей «въ цѣлости было заховано». Станы сейма выражали увѣренность и надежду, что король свое «дѣдичное» государство будетъ цѣнить не менѣе, чѣмъ корону Польскую, о безопасности которой онъ за все это время постоянно и ревностно хлопоталъ, мыслилъ и совѣщался, и прибудетъ въ великое княжество, ибо всѣ дѣла, касающіяся обороны земли, не могутъ быть надлежащимъ образомъ справлены ни «черезъ писаньс листовъ», ни черезъ пословъ «для многихъ нѣкоторыхъ причинъ». Нельзя не видѣть въ этой просьбѣ открытаго протеста противъ того, что господарь ради Польши сталъ забывать Литву.

Къ этой просьбѣ примыкаетъ нѣсколько другихъ, проникнутыхъ тѣмъ же чувствомъ національной ревности, заботою, чтобы великое княжество ни въ чемъ не терпѣло ущерба отъ поляковъ. До какой степени приподнято было это чувство у литовцевъ, показываетъ отношеніе ихъ къ поступку вдовы пана Богуша, бывшаго подскарбія земскаго. Вдова эта сосватала одну изъ дочерей своихъ за польскаго пана Тенчинскаго. Невѣста должна была принести съ собою въ приданомъ нѣсколько имѣній, перешедшихъ къ ней по наслѣдству отъ отца. Но въ статутѣ, выданномъ великому княжеству, было опредѣлено, что панны, выходящія замужъ въ Польшу или Мазовію, не могутъ съ своими мужьями чужеземцами владѣть имѣньями («дѣдичити») по отцѣ или матери, а должны получить съ своихъ родныхъ четвертую часть стоимости имѣнья, а самое имѣнье уступить имъ. Поэтому паны-рада еще ранѣе собранья въ Новгородкѣ обратили на это сватовство вниманіе короля и просили, «абы ся тою одною персоною право всее земли не рушило». Король отвѣчалъ, что онъ не хочетъ нарушать правъ земли и приказалъ обослать листомъ вдову Богуша, чтобы она въ своемъ сватовствѣ во всемъ поступала «подлѣ права». Паны-рада согласно этому приказу объявили ей, чтобы она не отдавала имѣній въ «посагѣ», если хочетъ выдать дочь замужъ въ Польшу, а только деньгами четвертую часть стоимости. Это объявленіе сдѣлано было оффиціально передъ вознымъ Бѣльскаго повѣта, въ присутствіи стороннихъ людей, лично паньѣ Богушовой, подъ закладомъ на господаря въ 10 т. копъ грошей. Всѣмъ этимъ, повидимому, имѣлось въ виду разстроить бракъ. Но вдова Богуша, тѣмъ не менѣе, выдала дочь за Тенчинскаго почти въ то самое время, когда происходилъ сборъ войска въ Новгородкѣ, и «за веселіемъ» даже не выправила «почтовъ» съ своихъ и дочерниныхъ имѣній. Это привело литовцевъ въ негодованіе, и они просили короля взыскать съ нихъ за «таковое непослушенство» 10 т. копъ

грошей и до уплаты этой суммы привернуть ея имѣнья къ замкамъ господарскимъ и держать ихъ къ рукѣ господарской. Любопытно, что мотивомъ этой просьбы выставлена не неисправность въ военной службѣ, а то, что вдова Богуша выдала замужъ дочь за поляка, хотя изъ обстоятельствъ дѣла не видно, чтобы она преступила при этомъ объявленное ей повелѣніе и такимъ образомъ законно подлежала взысканію «заклада» въ 10 т. копъ гр. Станы сейма настойчиво требовали, чтобъ господарь не «пропускалъ» ей этого заклада: ибо, если не наказывать за такое ослушаніе, то не только панамъ-радѣ, но и самому господарю не будетъ впредь оказываться повиновенія; притомъ же и «закладъ» настоящій принесетъ не малый «пожитокъ» господарскому столу. По поводу настоящаго случая паны-рада и «все поспольство» вообще обращали вниманіе короля на то, что никакой пользы нѣтъ великому княжеству отъ ляховъ, берущихъ себѣ женъ съ имѣньями въ Литвѣ: сами они лично не ѣздятъ и людей не выправляютъ на военную службу; а если жены ихъ и выправляютъ «почты», то обыкновенно «досыть надзнѣ, на клячахъ на боронницахъ, зъ рогатинками», почты, которые не годятся ни на сторожу, ни на бой. Притомъ же, будь мужьями такихъ владѣлицъ литовцы, и съ имѣній ихъ шла бы не одна военная служба, а и всякая другая, какъ, напр., посольства въ земскихъ дѣлахъ до постороннихъ земель, а равно и всякія другія государственныя обязанности, которыхъ ляхи не хотятъ и не могутъ выполнять.

Станы сейма указывали королю, что отъ подобныхъ брачныхъ связей можетъ происходить ущербъ великому княжеству и другимъ путемъ. Они приводили королю на память слѣдующее обстоятельство. Пани Тенчинская, тетка кн. бискупа Виленскаго, выпросила себѣ у короля Александра нѣсколько селъ во Владимірскомъ повѣтѣ, съ которыхъ она обязалась выполнять всѣ повинности «до великого князства», а обо всѣхъ обидахъ «права достоивать» передъ старостою Луцкимъ; позже на этихъ селахъ сталъ замокъ Крыловъ, и тогда «оные вси повиноватости перестали», и села присоединены къ коронѣ. Указывая на этотъ примѣръ, паны-рада представляли королю, что то же самое можетъ случиться и съ имѣньемъ Семятицкимъ, лежащимъ на границѣ съ Польшею, если бы оно досталось по женѣ пану Тенчинскому. Поэтому паны-рада и всѣ присутствовавшіе въ собраніи просили короля не допускать подобныхъ вещей, которыя клонятся къ ущербу великаго княжества, такъ какъ король обѣщалъ «не помножати коруны князствомъ, а ни тежъ коруною князства».

Паны-рада и «все поспольство» указывали затѣмъ королю, что воевода Люблинскій въ качествѣ опекуна дѣтей пана Немиры забралъ много земель и людей Мельницкаго повѣта; а когда староста Мельницкій, согласно господарскому листу, потребовалъ отъ него документовъ на владѣніе, онъ отказался представить ихъ, такъ какъ господарь вызволилъ его какъ отъ земскаго суда, такъ и отъ суда пановъ-рады великаго княжества, и заявилъ, что документы будутъ представлены имъ господарю на Петрковскомъ сеймѣ. Признавая, что король, «яко панъ звирхный», могъ взять его подъ свой присудъ, паны-рада, княжата, панята и шляхта просили короля не допускать злоупотребленія этимъ изъятіемъ, чтобы никто не смѣлъ такимъ путемъ «втеляться въ присудъ корунный», и чтобы такіе новые обычаи не заводились въ великомъ княжествѣ,—чтобы не выдавались грамоты, нарушающія дѣйствующій законъ, и сохранялся въ силѣ статутъ, «который есть ясьнѣ описанъ».

Указывая на то, что король пожаловалъ въ вотчину силезцу Претвицу имѣнье Вонячичи недалеко отъ Вѣницы, и что это село, по слухамъ, имѣетъ быть «втѣлено въ корону», литовцы просили короля разсудить, не будетъ ли это нарушеніемъ правъ и статута всего великаго княжества Литовскаго. Съ своей стороны они выражали вѣру и надежду, что король «ласковѣ а милостивѣ» сохранитъ великое княжество при его правахъ и вольностяхъ.

Далѣе литовцы дѣлали представленіе королю по поводу пожалованья чашничества ляху Ясеньскому. Это, по ихъ словамъ, фактъ новый, небывалый при предкахъ короля и въ его собственное царствованіе. Литовцы просили короля не вводить такихъ «новинъ», тѣмъ болѣе, что у короля много княжатъ, панятъ и рыцарства, болѣе достойныхъ, нежели этотъ «ляшокъ», не только на такой урядъ, но и на высшій. Поэтому,—заключали они свою просьбу,—пусть господарь отдастъ этотъ урядъ «прироженцу» великаго княжества Литовскаго; они де надѣются, что господарь не допуститъ противнаго къ ихъ сожалѣнію.

Затѣмъ идетъ рядъ «просьбъ», касающихся различныхъ внутреннихъ непорядковъ, и прежде всего по поводу неявки на военную службу. Литовцы указывали господарю, что въ Новгородокъ собралось мало войска, при чемъ много землевладѣльцевъ не явилось безъ всякихъ уважительныхъ причинъ: изъ Жмудской земли прибыло всего три-четыре тивуна, тогда какъ прежде изъ этой земли выходило въ поле около 12 т. человѣкъ; не выставили «почтовъ» съ своихъ литовскихъ имѣній нѣкоторые княжата и паната Волынскіе, напр., староста Владимірскій съ имѣнья Полоной, кн. Андрей Коширскій съ имѣнья

Лущева, Миритичъ, Серебряной, Кустина. Эти князья не только не прислали почтовъ, но и не пожелали явиться къ гетману для объясненія причинъ своей неисправности, хотя и были отъ Новгородка въ двадцати съ небольшимъ миляхъ «на весельѣ» у паньи Богушовой. «Пильнѣйшая, подобно, имъ была речъ, милостивый королю,—прибавляли литовцы,—веселья помогать, нижли за панство вашое милости противъ непріятелю вашое милости застановятися». Паны-рада «и все посполиство» просили короля не спускать имъ безъ должнаго наказанья такого «непослушенства», чтобы и другіе впредь не брали «похопу» къ таковому же «непослушенству», и чтобы на всѣхъ одинаково ложились «бремена» государства, какъ военная служба, такъ и податокъ.

Относительно тѣхъ, кто не заплатилъ податковъ, опредѣленныхъ на прошломъ вальномъ сеймѣ, паны-рада предлагали королю навести справку по реестрамъ, и покарать таковыхъ по своей волѣ, прибавляя, что кара должна быть «съ милосердьемъ». Съ своей стороны паны-рада находили достаточнымъ взыскать съ нихъ недоимку вдвойнѣ: «то станетъ имъ истѣ за особливое каранье»,... и кромѣ того прибавится пенязей «на потребу земскую».

Слѣдующая просьба касалась вызова на судъ господарскій. Паны-рада представляли господарю, что многіе князья, паны и земяне жалуются на великое «обтяженье» по части вызова на судъ господарскій: ихъ не только вызываютъ «позвами» изъ великаго княжества до короны, но даже ставятъ приводомъ черезъ дѣцкихъ, а иныхъ даже сводятъ со службы земской, вслѣдствіе чего они подвергаются не только большимъ расходамъ и матеріальнымъ тратамъ, но и различнымъ опасностямъ на дальней дорогѣ. Если это продолжится и далѣе, то, по мнѣнію пановъ-рады, и безъ непріятельской «сказы» все государство обнищаетъ и придетъ «къ сильному убозству». Вѣдь можетъ статься, что какой-нибудь упорный «сутяжій» будетъ вызывать въ корону изъ-за нѣсколькихъ копъ, вызванному придется израсходовать на путешествіе вдвое, втрое; а кто поважнѣе, тотъ и нѣсколькими десятками копъ не обойдется; пану же радному тяжба можетъ обойтись и въ тысячу копъ. Деньги такимъ образомъ будутъ уплывать изъ страны, государство будетъ бѣднѣть, и служба земская не будетъ отправляться въ исправности. Паны-рада усматривали въ такомъ порядкѣ и «ущипокъ» права земскаго», выданнаго великому княжеству при возведеніи на великое княженіе Сигизмунда-Августа. Если, — аргументировали они, — отъ суда урядниковъ земскихъ по статуту можно аппеллировать къ господарю на первый сеймъ его съ панами-радою или, при отсутствіи господаря, на первый сеймъ пановъ-рады, но нельзя аппеллировать къ господарю

въ Польшу, то тѣмъ болѣе никого нельзя прямо вызывать на судъ въ Польшу. Этого «шкодливаго» обычая, по словамъ пановъ-рады, не было ни при королѣ Ягайлѣ, ни при Казимирѣ, ни при Александрѣ, ни при самомъ Сигизмундѣ, и завелся онъ съ прошлаго года, когда кн. Илья Острожскій вызвалъ пана Виленскаго на судъ передъ господаря въ Польшу, и когда за паномъ Виленскимъ, не явившимся по болѣзни, даже посланъ былъ дѣцкій. Этотъ панъ Виленскій сверхъ того повѣдалъ передъ панами-радою и всѣмъ посполитствомъ «тяжкость и жаль свой великій» по поводу того, что господарь приказалъ ему поставить на свой судъ господарскій нѣкоторыхъ его служебниковъ по жалобѣ на нихъ подданныхъ королевы, при чемъ не обсылалъ его предварительно и не требовалъ у него, какъ пана этихъ служебниковъ, суда на нихъ, какъ того требуетъ все то же «посполитое право». Указывая на всѣ эти факты, паны-рада отъ своего имени и отъ имени всѣхъ князей, пановъ и всего посполитства просили господаря, чтобы онъ, памятуя объ ихъ вѣрной службѣ ему самому и предкамъ его, благоволилъ держать ихъ при вольностяхъ, имъ данныхъ, и при давныхъ обычаяхъ великаго княжества.

Паны-рада еще ранѣе Новгородскаго сейма выражали господарю свое неудовольствіе по поводу вызова на судъ въ Польшу. Король черезъ подскарбія Горностая отвѣчалъ имъ, что въ этомъ они виноваты сами, такъ какъ не съѣзжаются на «роки судовые» и не чинятъ справедливости. Паны-рада теперь заявляли королю, что они не пропускали судебныхъ «роковъ», но мало кто судился предъ ними: однихъ дѣцкіе уводили въ Польшу, а другіе предъявляли листы господарскіе, чтобы ихъ паны не судили; и хотя «подлѣ права», они, паны-рада, не обязаны были принимать такіе листы (вѣдь не принимаютъ же такіе листы суды Подляшскіе; а если это въ правѣ дѣлать повѣтъ великаго княжества, тѣмъ болѣе такое право можно признать за всѣмъ великимъ княжествомъ),—тѣмъ не менѣе, не желая оказывать господарю «непослушенства», они принимали эти листы и отсылали предъявителей къ господарю. Поэтому пусть господарь не думаетъ объ нихъ, будто они не чинятъ справедливости обывателямъ великаго княжества: этого никогда не было и, дастъ Богъ, не будетъ.

Паны-рада передавали затѣмъ королю жалобу старосты Жомойтскаго, заявленную на сеймѣ, на намѣстника Брянскаго и Суражскаго Миколая Корицкаго, который прислалъ старостѣ «листъ позовный» съ приказомъ явиться на судъ предъ нимъ или его урядникомъ и тѣмъ оскорбилъ званіе старосты Жмудскаго, «непослѣднѣйшее рады» господаря. По этому поводу паны-рада обращали вниманіе короля на то,

что они находятся подъ правомъ «посполитымъ», которое король пожаловалъ всему великому княжеству и имъ судятся, а подъ право польское, которое себѣ земяне повѣту Бѣльскаго выпросили, не подданы ни паны-рада, ни вся земля Литовская. Вслѣдствіе этого и панъ староста Жмудскій,—согласно правилу, признанному и въ духовномъ и въ цесарскомъ правѣ, что истецъ долженъ преслѣдовать отвѣтчика потому праву, подъ которымъ состоитъ отвѣтчикъ, а не самъ истецъ,—обязанъ отвѣчать на «рокахъ судовыхъ» передъ панами радными, а не передъ Корицкимъ. Со стороны де Корицкаго вызовъ старосты Жмудскаго—дерзость, «зельженье стану»; и дай Богъ, чтобы паны-рада болѣе не подвергались «такому зниженью登 становъ своихъ». Поэтому пусть господарь грозно прикажетъ своимъ урядникамъ Бѣльскаго повѣта, чтобы они были учтивы по отношенію къ особамъ господарской рады и не посылали къ нимъ «позвовъ»: если кому-нибудь изъ обывателей Бѣльского повѣта станется обида отъ пана раднаго, пусть преслѣдуетъ его по суду «посполитымъ правомъ великого князства», ибо нельзя же допустить, чтобы господарь тѣмъ особливымъ правомъ, которое далъ одному повѣту, могъ нарушать право всей земли Литовской.

Наконецъ, паны-рада, княжата, панята и вся шляхта, указывая на то, что на вальныхъ сеймахъ бываетъ мало пановъ радныхъ, такъ какъ воеводы Кіевскій, Полоцкій и Витебскій постоянно проживаютъ на замкахъ своихъ воеводствъ, просили короля раздать вакантныя должности воеводы Троцкаго, пана Троцкаго и маршалка земскаго и тѣмъ помножить свою раду, чтобы тѣмъ лучше рѣшалось каждое государственное дѣло, ибо, по старинной пословицѣ, «гдѣ много головъ, тамъ большъ розумовъ».

Свои просьбы паны-рада, княжата, панята, шляхта-рыцарство и «все поспольство» заключали выраженіемъ увѣренности, что господарь во вниманіе къ ихъ постояннымъ и вѣрнымъ службамъ, къ тѣмъ жертвамъ, которыя они приносятъ для государства, давая платъ на военныя нужды и лично выѣзжая на войну, ласково и милостиво выслушаетъ и исполнитъ ихъ просьбы, а въ особенности «о речи слушные и праву посполитому оного панства пристойные». Съ своей стороны, просители обѣщали «то заслуговать еще повольнѣйшими послугами своими» самому королю и сыну его «до надолжшихъ животовъ своихъ» и постоянно молить Бога «за счастное здоровье и за долгое панованье» господаря.

Таковы были просьбы, составлявшіяся въ собраніи литовскаго войска въ Новгородкѣ осенью 1538 г. Эти просьбы, иниціаторами которыхъ были несомнѣнно находившіеся въ войскѣ паны-рада, живо изо-

бражаютъ намъ, какіе политическіе уроки получала отъ своихъ «старшихъ братьевъ», пановъ радныхъ, литовская шляхта. Паны-рада въ совѣщаніяхъ съ шляхтою ставятъ и обсуждаютъ довольно тонкіе вопросы государственнаго права, при чемъ пропагандируютъ мысль, что великое княжество Литовское—самостоятельное и отдѣльное отъ Польши государство, живущее само по себѣ и само для себя, по своимъ законамъ и обычаямъ, которыхъ не можетъ нарушать даже великій князь, какъ государь христіанскій. Всѣ просьбы проникнуты идеею правоваго государства, въ которомъ не должно быть ни произвола власти, ни нарушенія чьихъ-либо правъ, ни уклоненія отъ обязанностей, въ которомъ господствуетъ законъ и обычай.

Съ посольствомъ отъ пановъ-рады и всего рыцарства поѣхали къ королю въ Краковъ паны Станиславъ Орвидъ и Миколай Юндилъ. Они прибыли въ Краковъ 1 ноября, а 20 были отправлены обратно съ отвѣтами короля на вышеизложенныя просьбы. Король отказался прибыть лично въ великое княжество Литовское, такъ какъ де не увѣренъ въ мирѣ со стороны воеводы Волошскаго и кромѣ того занятъ неотложными и важными дѣлами въ коронѣ, которыя касаются не только короны Польской, но и другихъ окрестныхъ государствъ,—всего христіанства [315]). Онъ обѣщалъ прибыть въ великое княжество, какъ только управится съ этими дѣлами. Относительно дѣла паньи Богушовой король объявилъ, что онъ не освободитъ панью отъ платежа заклада, если онъ наложенъ панами-радою законно, согласно статуту, и вообще намѣренъ держаться въ этомъ дѣлѣ статута: пусть паны-рада обошлютъ ближнихъ пана Богуша и назначатъ имъ срокъ, когда они должны отложить деньги пану Тенчинскому и его женѣ; если они въ этотъ срокъ не выкупятъ имѣній, то панъ Тенчинскій будетъ держать ту часть имѣній пана Богуша, которая приходитъ на его жену, до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ заплачено за нее деньгами. Относительно замка Крылова король обѣщалъ произвести слѣдствіе по пріѣздѣ своемъ въ великое княжество и разсмотрѣть привилеи, на основаніи которыхъ имъ владѣетъ панъ Тенчинскій, прибавляя, что никакого «ущипку» великому княжеству онъ не допуститъ въ настоящемъ случаѣ. По поводу жалобы литовцевъ на то, что съ имѣній, находящихся въ рукахъ

---

[315]) Король разумѣлъ, очевидно, дѣла венгерскія, въ которыхъ Польша особенно была заинтересована какъ по близкому сосѣдству и завязывавшимся родственнымъ отношеніямъ короля съ обоими тогдашними государями Венгріи, такъ и по вмѣшательству въ эти дѣла турокъ. См. *Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 223, 233, 234.

поляковъ, не отбывается полностью земская служба, король разъяснилъ, что вдовы, вышедшія замужъ за поляковъ, тѣмъ, что замужъ пошли, не выступили еще изъ предписаній статута; если же съ ихъ имѣній неисправно отбывается земская служба, пусть паны-рада поступаютъ съ ними по статуту. На жалобы литовцевъ по поводу вызововъ на судъ господарскій въ Польшу, король отвѣчалъ, что самъ онъ лично никого не вызываетъ въ Польшу, но имѣетъ «великое набѣганье и докуки» отъ самихъ литовцевъ, «яко зъ высокихъ преложоныхъ домовъ, такъ и отъ шляхты посполитого человѣка», которые просятъ у него суда въ «кривдахъ своихъ» и берутъ у него «позовные листы». Онъ де не можетъ имъ отказывать въ судѣ, потому что было бы несправедливо, если бы король не обращалъ вниманія «на докуки» подданныхъ своихъ и возбранялъ имъ добиваться справедливости. Хотя онъ и выдалъ имъ статутъ, но въ немъ не сказано, чтобы господарь не могъ вызывать на судъ въ Польшу. Притомъ же не безъ основаній онъ говорилъ черезъ Горностая панамъ-радѣ «о нечастое зъѣждчанье ихъ милости на роки судовые»: ему на это много разъ жаловались подданные великаго княжества, прося, чтобы онъ самъ учинилъ имъ справедливость. И наконецъ, если нѣкоторые паны-рада, владѣющіе имѣньями на Подляшьѣ, считаютъ себя подсудными только господарю, тогда и король обязанъ каждому изъ подданныхъ своихъ, а особливо тѣмъ, которые съ жалобами своими къ нему приходятъ, справедливость дѣлать «зъ вирхности своее господарское», и паны - рада и рыцарство не могутъ за то претендовать на короля. Относительно жалобы старосты Жмудскаго на намѣстника Брянскаго и Суражскаго, который вызывалъ старосту на свой судъ, король разъяснялъ, что самъ староста «початкомъ тое речи есть»: онъ вызывалъ многихъ земянъ до уряда Бѣльскаго и тамъ доходилъ на нихъ справедливости; а если такъ, то и самъ долженъ «о кривды ихъ», которыя имъ отъ него дѣлаются «въ правѣ тамошнемъ отказывати и правъ быти»; а уряду Бѣльскому можно его судить, и въ томъ для него нѣтъ никакой «обтяжливости». По поводу отказа опекуна дѣтей Немириныхъ представить документы на владѣніе, мотивированнаго тѣмъ, что будто бы господарь изъялъ его изъ присуда великаго княжества, король заявилъ, что такого изъятія опекуну не было дано. О Претвицѣ король сообщилъ, что имѣнье Вонячинъ дано ему королевою Боною только «до часу». По поводу отдачи чашничества Ясеньскому король велѣлъ передать, что онъ сдѣлалъ это «за причинами и жеданьемъ высокихъ радъ его милости тамошнего панства великого князства Литовского». Съ неявившимися на сборъ войска въ Новгородкѣ безъ уважительныхъ причинъ король предлагалъ

поступить по статуту—отобрать имѣнья на господаря и привернуть къ ближайшимъ замкамъ господарскимъ. Тѣхъ, кто не внесъ плату, положеннаго на прошломъ вальномъ сеймѣ, король соглашался покарать взысканіемъ недоимки вдвойнѣ. Точно также соглашался и даже благодарилъ за совѣтъ помножить раду свою и раздать вакантныя должности воеводы и пана Троцкихъ [316]).

Такимъ образомъ, если паны-рада указывали королю на нѣкоторыя нарушенія правъ и обычаевъ великаго княжества, то и король съ своей стороны указывалъ на то, что паны-рада неправильно толкують права великаго княжества, и сами повинны въ неисполненіи своихъ обязанностей. Это препирательство короля съ своею радою должно было оставлять извѣстное впечатлѣніе въ умахъ князей, пановъ и земянъ-шляхты, должно было порождать мысль, что въ государствѣ творится много неладнаго, что необходимо самимъ князьямъ, панамъ и шляхтѣ заботиться о государствѣ и охранять свои права, въ виду того, что правящія сферы не дѣлають этого, какъ слѣдуеть. Здѣсь и лежитъ отчасти корень той оппозиціи, которую проявляли на послѣдующихъ сеймахъ княжата, панята и земяне-шляхта по отношенію не только къ королю, но и къ самимъ панамъ-радѣ, корень тѣхъ стремленій къ «направѣ речи посполитой» и къ расширенію политическихъ правъ шляхты, которыя оказались на этихъ сеймахъ.

Ни на одномъ изъ предшествовавшихъ вальныхъ сеймовъ, насколько намъ извѣстны ихъ дѣянія, не составлялось столько просьбъ къ королю, сколько было отправлено ихъ съ Новгородскаго военно-полевого сейма. И весьма знаменательно, что литовцы обнаружили наибольшую притязательность, наибольшій оппозиціонный духъ какъ разъ въ то самое время, когда и польская шляхта съ особенною настойчивостью стала добиваться отъ короля различныхъ уступокъ, съ особенною рѣзкостью выступила противъ королевской власти. Очевидно, что въ Литвѣ сказалось моральное воздѣйствіе того шляхетскаго движенія, которое разыгралось въ Польшѣ въ 1536—1538 годахъ, и наиболѣе яркимъ симптомомъ котораго былъ шляхетскій «рокошъ» подъ Львовомъ, окрещенный именемъ «пѣтушиной войны» [317]).

§ 16.

Предложенія короля, отправленныя на Новгородскій сеймъ, какъ уже было сказано выше, остались неразсмотрѣнными. Поэтому король

---

[316]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 101.

[317]) *Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 255—233.

заявилъ посламъ Новгородскаго сейма, что онъ назначаетъ сеймъ великій вальный панамъ-радѣ и всей землѣ въ Вильнѣ для обсужденія тѣхъ предложеній, которыя повезъ Иванъ Горностай. О времени сбора на сеймъ король обѣщалъ объявить особыми листами. Время шло, а между тѣмъ обѣщанные листы не присылались. Воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, всегда старавшійся заявить себя передъ королемъ первымъ радѣтелемъ государственныхъ интересовъ, отправилъ къ королю гонца съ листомъ, въ которомъ писалъ, что необходимо созвать вальный сеймъ «для многихъ великихъ и пилныхъ потребъ». Король въ началѣ марта отвѣчалъ ему, что онъ самъ желалъ того же самаго, но замедлилъ потому, что отъ старостъ украинныхъ приходятъ тревожныя вѣсти о татарахъ, которые перешли на правую сторону Днѣпра и готовятся вторгнуться либо въ Польшу, либо въ великое княжество: при такихъ обстоятельствахъ, когда нужно идти противъ врага, неудобно созывать вальный сеймъ. Король извѣщалъ, что онъ разослалъ листы военные по всему великому княжеству съ приказомъ готовиться къ походу противъ татаръ. Сеймъ же обѣщалъ созвать тогда, когда минуетъ опасность, и просилъ своевременно дать ему о томъ знать [318]).

Одновременно съ этимъ отвѣтомъ король дѣйствительно послалъ въ великое княжество листы съ приказомъ готовиться къ походу. Въ началѣ мая король отправилъ къ панамъ-радѣ новые листы съ приказомъ всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества выступать въ походъ; мѣсто и время сбора должны были обозначить въ этихъ листахъ паны-рада и разослать ихъ немедленно, какъ только получатся вѣсти о приближеніи татаръ [319]). Хотя уже въ іюнѣ пришли успокоительныя вѣсти, тѣмъ не менѣе приказъ быть наготовѣ противъ татаръ оставался въ силѣ [320]), и сеймъ не созывался поэтому въ теченіе всего 1539 года. Тѣмъ временемъ переговоры, которые велись съ Саипъ-Гиреемъ, приняли благопріятный оборотъ. Ханъ отпустилъ Сигизмундова посла Михаила Тишковича и съ нимъ отправилъ своего великаго посла съ докончальною грамотою. Въ Краковѣ въ началѣ 1540 г. заключенъ былъ договоръ съ ханомъ, по которому онъ обязался быть за одинъ съ королемъ Сигизмундомъ и его сыномъ противъ всѣхъ непріятелей ихъ, отобрать у великаго князя Московскаго всѣ города и волости, отторгнутыя ими

---

[318]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 72—74.

[319]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 54—56, 84—89; Archiwum Sanguszków IV, № CLIV.

[320]) Archiwum Sanguszków IV, № CLIX.

у Литвы, и не отдавать ихъ великому князю Литовскому, не всылать своихъ войскъ въ великое княжество Литовское и королевство Польское, а король съ своей стороны обязался выплачивать ежегодно поминки сукнами на 15 т. золотыхъ въ два срока 24 іюня и 1 ноября [321]). Теперь можно было и не опасаться въ ближайшемъ будущемъ татаръ. Король рѣшилъ, наконецъ, привести въ исполненіе свое обѣщаніе относительно созыва великаго вальнаго сойма. Къ тому времени и въ Польшѣ улеглась внутренняя политическая буря, поднятая шляхтою. Равно и внѣшнія дѣла Польши приняли благопріятный оборотъ вслѣдствіе успокоенія сосѣдняго Венгерскаго государства и заключенія брачныхъ союзовъ съ обоими Венгерскими государями [322]). Въ виду всего этого король счелъ возможнымъ лично отправиться въ великое княжество Литовское и заняться дѣлами этого государства на предстоявшемъ вальномъ сеймѣ.

Около 20 мая 1540 г. король прибылъ въ Вильну [323]) и разослалъ «соймовые листы» по всѣмъ землямъ великаго княжества. Вальный сеймъ состоялся въ іюнѣ и въ началѣ іюля 1540 г. [324]). О его постановленіяхъ мы узнаемъ изъ грамоты короля отъ 6 іюля 1540 г., разосланной по всѣмъ державцамъ господарскихъ волостей [325]) и отчасти изъ привилея, выданнаго въ томъ же году 13 ноября Луцкимъ мѣщанамъ. Господарь съ панами-радою и со всѣми землями «для великихъ а пилныхъ потребъ земскихъ, а наболѣй для обороны» великаго княжества отъ непріятелей «призволили и установили» серебщину съ людей, слугъ путныхъ и конюховъ господарскихъ и королевы Боны, равно съ людей бискупьихъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ и духовныхъ римскаго и греческаго закона, «кромъ ихъ слугъ путныхъ, бояръ и слугъ бояръ ихъ». Серебщина должна была собираться подъ-рядъ три года въ такомъ размѣрѣ: кто пашетъ одною сохою на двухъ волахъ или клячахъ, долженъ дать 12 грошей; кто пашетъ одною сохою на одномъ волѣ или клячѣ,—шесть грошей; у кого нѣтъ воловъ и клячъ, а есть только земля, съ земли шесть грошей; у кого есть только ого-

---

[321]) Акты Зап. Рос. II, № 200; Scarbiec diplomatów II, № 2328, 2329.

[322]) Сигизмундъ выдалъ свою дочь Изабеллу за Яна, короля Венгерскаго, и сосваталъ за своего сына Сигизмунда-Августа Елизавету, дочь Фердинанда Австрійскаго, владѣвшаго частью Венгріи. *Szujskiego* Dzieje Polski II, str. 234.

[323]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 28.

[324]) Тамъ же, л. 40.

[325]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 24—26. Срав. Archiwum Sanguszków IV, № CCXLI.

родъ, и нѣтъ ни скота, ни другой земли, три гроша; «воляне», которые «ново осѣли», но пашню уже запахали и хлѣбъ съ своей земли ѣли платятъ по общему правилу; тѣ же изъ нихъ, которые еще не ѣли хлѣба съ пашни своей, не должны платить ничего. Сроки для взноса первой серебщины установлены были слѣдующіе: первый—на римскій праздникъ Всѣхъ Святыхъ или на русскій праздникъ Козьмы и Демьяна, второй — на день Николы зимняго, третій — на Рождество Христово, которое придется въ 14 индиктѣ (1540 г.). Съ господарскихъ людей серебщину должны были собирать старосты и державцы, а съ боярскихъ старосты и державцы совмѣстно съ хоружими. Они должны были составить реестръ имѣній бояръ, слугъ путныхъ, вдовъ и татаръ, находящихся въ той или другой державѣ, переписать поименно людей въ этихъ имѣньяхъ, и чѣмъ кто изъ нихъ пашетъ, и согласно съ этимъ выбрать серебщину. Переписи и платежу серебщины подлежали и люди земянскіе и мѣщанскіе, живущіе по фольваркамъ ихъ. Земяне, владѣющіе имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, должны были вносить серебщину тому старостѣ или державцѣ, «подъ которымъ поветомъ именье свое головнейшое мети будетъ». Каждый земянинъ, отдавши серебщину съ своихъ людей, долженъ былъ передъ державцею и хоружимъ присягнуть, что онъ никого изъ людей и слугъ путныхъ не утаилъ и серебщину отдалъ сполна. Собравши серебщину, державцы должны были лично вмѣстѣ съ хоружими отвозить ее въ скарбъ и отдавать въ руки подскарбія земскаго, подъ присягою, что серебщину собирали сполна, «никому не фолькгуючи». При сборѣ серебщины державцы и хоружіе не должны были брать «писчее»; господарь обѣщалъ впослѣдствіи вознаградить ихъ за трудъ «слушнымъ даткомъ». Что касается подданныхъ пановъ-радъ духовныхъ и свѣтскихъ, княжатъ, панятъ, княгинь, паней вдовъ, «преложоныхъ особъ», съ нихъ должны были собирать серебщину урядники владѣльцевъ и относить ее къ двумъ «зацнѣйшимъ» урядникамъ, «которые бы были люди добрыи, годныи вери, шляхта», и присягать передъ ними, что собрали платъ вѣрно, ничего не утаивая, со всѣхъ людей пановъ своихъ и съ людей бояръ ихъ и мѣщанскихъ отъ всѣхъ сохъ, а эти два урядника-шляхтичи должны въ свою очередь относить серебщину къ подскарбію земскому и присягать тѣмъ же порядкомъ, какъ и господарскіе урядники. Послѣднимъ предоставлено было «моцно» ввязываться въ имѣнья тѣхъ земянъ шляхты, вдовъ и татаръ, которые окажутся неисправными въ платежѣ серебщины, и держать эти имѣнья къ рукѣ господарской до тѣхъ поръ, пока серебщина не будетъ получена вдвойнѣ («совито»). Кто утаитъ людей или сохи ихъ, и не сполна отдастъ серебщину, будь это князь, панъ или

кто-нибудь другой изъ подданныхъ великаго княжества, тотъ тратитъ «вѣчно» свое имѣнье. Урядниковъ своихъ, которые будутъ виновны въ утайкѣ или присвоеніи серебщины, господарь опредѣлилъ карать «безъ всякаго милосердья ничимъ инымъ, только шиею».

Изъ грамоты, выданной въ ноябрѣ того же года Луцкимъ мѣщанамъ, узнаемъ, что одновременно съ тѣмъ господарь положилъ серебщину и на свои мѣста, какъ обычно, общею суммою на каждое мѣсто. На Луцкихъ мѣщанъ, какъ на христіанъ римскаго и греческаго закона, такъ на армянъ и жидовъ господарь положилъ было 60 копъ грошей. Но такъ какъ они предъ этимъ получили вольность на шесть лѣтъ отъ даванья серебщинъ, ордынщинъ и подводъ по случаю своего «впада», который приняли отъ огня, и такъ какъ вольность эта въ то время еще не вышла, то король и освободилъ ихъ отъ платежа серебщины, ухваленной на сеймѣ 1540 г., и выдалъ имъ соотвѣтствующій листъ[326]). Для тогдашняго отношенія королевской власти къ постановленіямъ вальнаго сейма характеренъ также и привилей, выданный королемъ Сигизмундомъ въ декабрѣ того же года (17 числа) владыкѣ Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому Симеону. Владыка просилъ короля отпустить ему серебщину «на оправенье церкви Божее светого Соѳея въ Полоцку, которая ся розърысовала». Челобитье поддержалъ воевода Полоцкій и другіе паны-рада, и король пожаловалъ ему серебщину[327]). Это пожалованье въ существѣ своемъ противорѣчило обѣщанію, данному королемъ въ посланіи къ Новгородскому сейму, не употреблять серебщину, ухваленную сеймомъ, на что либо иное, кромѣ обороны земской. Но, какъ видно, король и ходатайствовавшіе паны-рада не замѣчали этого противорѣчія или не хотѣли замѣчать.

Литовское правительство накопляло денежныя средства, какъ уже было сказано, на случай возобновленія войны съ Москвою по истеченіи перемирія, которому истекалъ срокъ 25 марта 1542 г. Эта война не возобновилась. Литовскіе послы, отправленные въ Москву въ началѣ 1542 г., заключили новое перемиріе на семь лѣтъ, отъ 25 марта 1542 г. до 25 марта 1549 г. Москвѣ тогда въ пору было управляться только съ Крымскими и Казанскими татарами, соединившимися подъ властью Гиреевъ. Съ юга и востока огромныя татарскія полчища вторгались въ предѣлы Московскаго государства и производили страшныя опустошенія. Лѣтомъ 1541 года Крымскій ханъ Саипъ-Гирей со всею своею ордою, съ турецкимъ вспомогательнымъ войскомъ, съ ногаями, астра-

[326]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 87.

[327]) Тамъ же, л. 90—91.

ханскими и бѣлгородскими татарами, съ цѣлою сотнею тысячъ въ общей сложности, подходилъ къ Окѣ и едва было не напалъ на самую Москву. Татары связали руки Москвѣ, и потому Московское правительство оказалось миролюбивымъ по отношенію къ западному сосѣду и согласилось на предложеніе перемирія, послѣ того какъ переговоры о заключеніи вѣчнаго мира не привели ни къ какимъ результатамъ[328]).

Съ заключеніемъ новаго перемирія съ Москвою всѣ важнѣйшія дѣла великаго княжества Литовскаго были покончены. Въ скарбѣ, какъ обнаружилось изъ отчета подскарбія земскаго Ивана Горностая, накопились значительные остатки отъ поступленій предшествующихъ 6 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, а именно: 29499 копъ, 38 грошей и 1 пенязь отъ обыкновенныхъ доходовъ и 58386 копъ 53 гр., 3 пенязя отъ четырехъ предшествующихъ серебщинъ [329]). Съ этой стороны великое княжество было готово ко всякой случайности. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ счелъ возможнымъ покинуть великое княжество и уѣхать въ Польшу, гдѣ онъ не былъ уже два года, съ мая 1540 года [330]). Отъѣзжая въ Польшу, Сигизмундъ счелъ нужнымъ удовлетворить просьбу, которую посылали къ нему литовцы съ Новгородскаго сейма 1538 года. Мая 23 онъ велѣлъ записать въ книги и объявить всѣмъ княжатамъ, панятамъ и всѣмъ подданнымъ великаго княжества, что никто изъ нихъ не долженъ позывать своихъ противниковъ на судъ господаря въ корону; каждый долженъ доискиваться своего передъ судомъ воеводы, старосты или державцы, въ повѣтѣ котораго находится имѣнье отвѣтчика; позванный на судъ старосты (за исключеніемъ Жмудскаго, равнаго воеводамъ) или державцы, можетъ, «не вступаючи въ рѣчь» или «по сказаньи» отозваться до воеводы, а отъ воеводы «по сказаньи» до пановъ-рады «на роки судовые», а отъ пановъ-рады «по сказаньи» до господаря, согласно съ статутомъ, ни въ чемъ отъ него не отступая [331]). Эта устава «о непозыванье» съ великаго княжества до короны сначала имѣла значеніе личнаго распоряженія господаря, сдѣланнаго ad hoc. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. она «ухвалена» была, какъ постоянный законъ и затѣмъ подтверждена Сигизмундомъ-Августомъ на Виленскомъ сеймѣ 1547 года [332]).

---

[328]) *Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, стр. 52—56.

[329]) Акты Зап. Рос. II, № 220.

[330]) По датамъ актовъ, содержащихся въ XXIV и XXVIII книгахъ Записей Литов. Метр. Сигизмундъ пребывалъ въ Вильнѣ съ 20 мая 1540 г. по 24 мая 1542 года.

[331]) Акты Зап. Рос. II, № 222.

[332]) Акты Зап. Рос. III, № 4, арт. 12.

§ 17.

Сигизмундъ вызванъ былъ въ Польшу специальнымъ посольствомъ, которое отрядили къ нему коронные сенаторы и шляхта, собравшіеся на Петрковскомъ сеймѣ въ февралѣ 1542 года. Дѣло въ томъ, что незадолго предъ тѣмъ на имперскомъ сеймѣ въ Шпейерѣ и чешскомъ сеймѣ въ Прагѣ рѣшено было начать борьбу съ турками, которые въ предшествующемъ году заняли Буду и Пештъ съ большею частью Венгріи. Ихъ призвали опекуны малолѣтняго внука Сигизмундова—Яна Сигизмунда (сынъ Яна Заполіи и Изабеллы, дочери Сигизмунда) на помощь противъ австрійцевъ, осаждавшихъ вдовствующую королеву Изабеллу въ Будѣ. Турецкій султанъ Солиманъ лично привелъ въ Венгрію большое войско, отогналъ австрійцевъ, провозгласилъ Яна Сигизмунда королемъ Венгріи, а до совершеннолѣтія его занялъ большую часть Венгріи и подѣлилъ ее на санджаки. Турки, такимъ образомъ, врѣзались въ средину христіанскаго міра и грозили распространить свое иго далѣе. Вслѣдствіе этого христіанскія государства начали готовиться къ борьбѣ съ ними. Все это сильно встревожило поляковъ, которые опасались, что турки начнутъ свои погромы съ ихъ страны. Поэтому они и отрядили къ королю въ Литву пословъ съ приглашеніемъ пріѣхать въ Польшу для принятія необходимыхъ мѣръ по оборонѣ государства [333]).

Къ этому приглашенію поляки присоединили просьбу, чтобы съ Польшею соединено было и великое княжество Литовское для борьбы съ общимъ врагомъ и для поддержанія добраго сосѣдства и братства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ [334]). Въ виду того, что эта просьба не содержала опредѣленныхъ предложеній, Сигизмундъ и съ своей стороны ограничился общими обѣщаніями постараться объ этомъ дѣлѣ. На всякій случай предъ отъѣздомъ въ Польшу онъ условился съ панами-радою «съемъ мѣти у Вильни», на праздникъ Новолѣтія, т. е. 1 сентября 1542 г. [335]). На этомъ сеймѣ, очевидно, и предполагалось заняться обсужденіемъ предложеній поляковъ послѣ того, какъ оно достаточно выяснится въ деталяхъ.

---

[333]) Хроника *Мартина Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom VII, str. 65—67).

[334]) Volumina legum I, 277.

[335]) Акты Зап. Рос. II, № 224.

амъ не удалось найти указаній въ источникахъ, состоялся ли сеймъ и какія сдѣланы были на немъ постановленія. Если этотъ , и собирался, то едва ли на немъ приняты были какія-либо по-тельныя рѣшенія касательно союза съ Польшею. По крайней мѣрѣ, знаемъ, что на Краковскомъ сеймѣ въ началѣ 1543 года поляки ва поднимали вопросъ объ уніи съ Польшею и устройствѣ общей роны государствъ. Сигизмундъ отвѣчалъ имъ, что, такъ какъ сами не пришли еще къ рѣшенію относительно постоянной обороны сударства и установили ее только на годъ, то нельзя пока рѣшать проса и объ уніи Польши и Литвы, которая предполагаетъ постоян-ю оборону обоихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что и пановъ-рады ве-каго княжества въ настоящее время при немъ нѣтъ. Сигизмундъ ѣщалъ полякамъ склонить литовцевъ къ тому, чтобы на предстоящій ъ они приняли такія же мѣры по оборонѣ своей украйны, какія иняли и поляки [336]).

Хотя опасенія поляковъ относительно турокъ оказались преувели-нными, и турки не трогали Польши, тѣмъ не менѣе нельзя было ру-ться, что этого не будетъ въ ближайшемъ же будущемъ. Вопросъ ъ оборонѣ отъ нихъ государства не сходилъ поэтому съ очереди и двергался обсужденію и на слѣдующемъ Петрковскомъ сеймѣ, соби-вшемся въ декабрѣ 1543 и въ началѣ января 1544 (съ 30 ноября 7 января) [337]). На этомъ же сеймѣ сенаторы и послы снова подали осьбу королю о соединеніи Литвы съ Польшею въ цѣляхъ общей ороны. Изъ письма каноника Станислава Гурскаго къ своему прія-лю узнаемъ, что противъ плана уніи сильно агитировала королева на. Бона опасалась, что если унія осуществится, ей придется нести льшія военныя тягости съ своихъ огромныхъ имѣній въ Литвѣ, что ляки не дозволятъ ей уклоняться отъ повинностей, которыхъ до сихъ ръ она счастливо избѣгала. Поэтому она отговаривала и короля, и новъ радныхъ отъ того, чтобы поднимать вопросъ объ уніи [338]), и, видимому, имѣла въ томъ успѣхъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, на великомъ Берестейскомъ соймѣ 1544 г. литовцамъ сдѣланы были едложенія только объ устройствѣ сообща съ поляками обороны отъ рокъ и татаръ, а не объ уніи обоихъ государствъ.

---

[336]) Volumina legum I, 277, 278.

[337]) Хроника *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, . 70—72).

[338]) *J. U. Niemcewicza* Zbiór pamiętników, tom IV, str. 31, 34.

Великій Берестейскій соймъ собрался къ половинѣ іюня 1544 г. и продолжился до половины октября [339]). Берестье выбрано было мѣстомъ сбора отчасти во вниманіе къ старости короля, которому уже не подъ силу были дальнія поѣздки въ Литву, а отчасти вслѣдствіе царившаго въ Литвѣ голода, недостатка «живности» для людей и скота [340]). Станы собрались на сеймъ въ многолюдномъ числѣ (frequentes ordines, по выраженію Кояловича) [341]).

На обсужденіе собравшагося сейма и былъ предложенъ королемъ вопросъ объ организаціи совмѣстной съ Польшею обороны отъ турокъ. Указавъ станамъ сейма на грозящую опасность отъ врага Креста Христова—Турецкаго султана который, покоривъ сосѣднія съ нимъ государства и жестоко разоряя Венгрію, набирается все большей и большей смѣлости по отношенію къ другимъ христіанскимъ государствамъ, король выставлялъ на видъ, что необходимо заранѣе принять мѣры противъ всякихъ случайностей и поставить государство въ оборонѣ противъ возможнаго нападенія султана, сдѣлавшагося уже почти сосѣдомъ Польши и Литвы. Поэтому король просилъ станы сейма, чтобы они «едностайными умыслы радили и около того мыслили», какимъ образомъ съ Божьею помощью обороняться сообща съ панами коронными, братьями и сосѣдями ихъ, противъ этого врага.

Станы сейма прежде всего выразили свою великую благодарность королю за то, что онъ, не щадя своего здоровья и лѣтъ, изъ любви къ своимъ государствамъ потрудился пріѣхать въ великое княжество по вышеизложенной общей надобности. Но въ своемъ отвѣтѣ по существу на предложенія короля литовцы не преминули посчитаться съ поляками. Они указывали королю, что ихъ предки никогда не покидали поляковъ, своихъ братьевъ и сосѣдовъ, и помогали имъ противъ всѣхъ непріятелей, безъ всякаго вознагражденія и заплаты, не щадя своей крови и даже жизни. Это де не только значится на письмѣ, но даже происходило у всѣхъ на памяти, въ счастливое царствованіе короля.

---

[339]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 400; Лит. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 219, 221, 223, 225, 226, 229, 231, 232, 234; Archiwum Sanguszkow IV, № CCCXVIII, CCCXXIII, CCCXXVI, CCCXXVIII.

[340]) Сообщеніе Ст. Гурскаго (*Niemcewicza* Zbiór pamiętników, tom IV, str. 29, 30). Гурскій сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что короля направила въ Берестье Бона, не желавшая свиданія его съ Фердинандомъ, королемъ Римскимъ, который собирался въ Польшу, чтобы уладить отношенія своей дочери Елизаветы съ мужемъ, молодымъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ.

[341]) Historiae Litvanae pars II, p. 404.

Великое княжество за это время имѣло не мало великихъ затрудненій и невзгодъ, но поляки съ своей стороны не благоволили оказывать ему помощи ни людьми, ни деньгами, хотя о томъ къ нимъ всегда посылались послы. Только въ самое недавнее время, на Стародубскую войну, поляки выслали за свои деньги на помощь великому княжеству тысячу конныхъ и пятьсотъ пѣшихъ ратниковъ, при чемъ просить о помощи къ нимъ ѣздили изъ Литвы знаменитыя особы, важные сановники. Такъ какъ поляки съ своей стороны не прислали пословъ просить о помощи, то и предложеніе короля они, литовцы, склонны понимать, какъ личное дѣло короля, желающаго добра обоимъ государствамъ. Не видя пословъ и не слыша желаній пановъ коронныхъ они, литовцы, полагали бы, что и о помощи нечего принимать какихъ-либо рѣшеній. Но такъ какъ они привыкли охотно исполнять волю и приказъ короля, и по пріятельски относиться къ панамъ короннымъ, братьямъ и сосѣдямъ своимъ, чтобы и ихъ къ себѣ расположить на будущее время, то обѣщаютъ на нынѣшнее время оказывать такую помощь: если турки покажутся со стороны Бѣлгорода или Волынской земли, то литовцы всѣ сядутъ на коней своихъ и всѣми силами своими будутъ помогать полякамъ; но если турки будутъ вступать въ Польшу черезъ Силезію или отъ Кошицъ, литовцы не пойдутъ всѣмъ ополченіемъ на помощь полякамъ, такъ какъ иначе имъ пришлось бы покинуть безъ защиты собственное государство, окруженное могущественными непріятелями: въ такомъ случаѣ они пошлютъ полякамъ 4000 наемной конницы на полгода; если же въ это время сами будутъ нуждаться въ людяхъ, то пошлютъ полякамъ денегъ на 4000 человѣкъ по 10 золотыхъ польскихъ на человѣка. Въ заключеніе станы сейма просили короля, чтобы онъ склонилъ и поляковъ къ подобному же постановленью о помощи великому княжеству, особенно противъ Москвы; если де они въ этомъ дознаютъ отъ господаря ласку, а отъ пановъ поляковъ пріятельскую «вчинность», то еще съ большею готовностью и усердіемъ будутъ помогать полякамъ, когда прикажетъ господарь, и пожелаютъ сами поляки.

Такова была «едностайная воля и вмыслъ» пановъ-рады, княжатъ, панятъ и всего рыцарства, собравшихся на сеймѣ въ Берестьѣ. Свое рѣшеніе чины сейма просили короля выслушать благосклонно и все это обнять своею господарскою милостью [342]).

Это рѣшеніе сейма было сообщено королю 11 сентября. Между тѣмъ по указаніямъ актовъ видно, что сеймъ былъ въ сборѣ уже

---

[342]) Zbiór praw litewskich, str. 414—417.

14 іюля. Значитъ и совѣщанія о совмѣстной оборонѣ отъ турокъ велись довольно продолжительное время. Впрочемъ, предметомъ сеймовыхъ совѣщаній было не одно только вышеизложенное предложеніе короля. Княжата, панята и земяне-шляхта воспользовались случаемъ, чтобы выработать и представить королю рядъ коллективныхъ просьбъ относительно сохраненія ихъ правъ и вольностей и устраненія изъ правительственной практики различныхъ непорядковъ. Эти коллективныя просьбы являются какъ бы итогами политическаго воспитанія, которое литовская правительственная знать при Сигизмундѣ и отчасти самъ господарь давали собиравшимся на сеймъ князьямъ, панамъ и земянамъ, знакомя ихъ съ государственными нуждами и интересами, вовлекая ихъ во взаимныя препирательства по вопросамъ государственнаго права и практики.

Первыя просьбы князей, пановъ и шляхты рыцарства касались обороны земской. Король съ панами - радою постановилъ, чтобы всѣ землевладѣльцы выправляли съ девяти людей десятаго на военную службу. Чины сейма указывали королю, что какъ при предкахъ его, такъ и при немъ самомъ подобныя постановленія дѣлались на вальныхъ сеймахъ, на которые созывались всѣ паны-рада, княжата, панята, старосты, хоружіе и шляхта, «съ которыхъ призволеніемъ и радою завжды оборона была доконывана». Поэтому они просили, чтобы король какъ теперь, такъ и на будущее время оставилъ ихъ при правахъ ихъ и вольностяхъ, и чтобы паны-рада, «безъ оповѣданья и призволенья княжатъ, панятъ, всего рыцарства», и особливо въ данное время, когда не всѣ мѣста ихъ «осажены», будучи при господарѣ не соизволяли на такія тяжкія бремена. Впрочемъ, они изъявляли готовность повиноваться королю и просили только увеличить количество людей, съ которыхъ долженъ выставляться ратникъ, а если этого нельзя, то опредѣлить срокъ дѣйствія этой «уставы».

Отвѣчая на эту просьбу, король выразилъ удивленіе по поводу такого «непотребнаго напоминанья»: онъ де съ того времени, какъ осѣлъ на отчинѣ своей, великомъ княжествѣ Литовскомъ, всегда «обороны панства своего и иншие речи, прислухаючие того панства, радилъ и справовалъ» вмѣстѣ съ панами - радою; все что онъ устанавливалъ съ ними, устанавливалъ для общаго блага, и уставу объ оборонѣ земской онъ учинилъ для ихъ же спокойнаго «мѣшканья». «И на томъ его милость естъ нине и на потомные часы,—заключался отвѣтъ короля,— ижъ его милость хочетъ всякие речи и о васъ подданыхъ своихъ съ паны радами своими справовати, яко здавна бывало».

Отвѣтъ короля бросаетъ свѣтъ на предшествующую практику по части постановленій объ оборонѣ земской. Очевидно, что эти постановленія выходили отъ господаря и пановъ-рады, а остальные станы сейма только выслушивали ихъ и, такъ сказать, молча давали согласіе. Весьма возможно, что иногда запрашивали предварительно ихъ мнѣнія о тягости устанавливаемой повинности. Такимъ образомъ, и уставы объ оборонѣ были въ сущности рѣшеніями господаря и пановъ-рады, хотя и назывались «земскими», въ виду того, что создавались на вальномъ сеймѣ, при нѣкоторомъ участіи остальныхъ чиновъ сейма. Теперь эти чины стали добиваться, чтобы это участіе было постояннымъ и непремѣннымъ, чтобы уставы объ оборонѣ были дѣйствительно, а не номинально только «земскими». Хотя король и далъ имъ суровую отповѣдь, но все-таки сдѣлалъ и нѣкоторую уступку въ смыслѣ участія ихъ въ окончательной формулировкѣ уставы. Во-первыхъ, по предложенію ихъ король опредѣлилъ срокъ дѣйствія новой уставы въ 8 лѣтъ; во-вторыхъ, хотя и не измѣнилъ количества людей, съ котораго долженъ выставляться ратникъ, но сослался при этомъ на ихъ же согласіе. Наконецъ, по иниціативѣ становъ сейма король издалъ разныя дополнительныя постановленія, касающіяся обороны земской, такъ что въ общемъ вся «устава» вышла плодомъ совмѣстной работы господаря, пановъ-рады и другихъ становъ сейма.

Князья, паны и шляхта просили, чтобы никто не назначался переписывать людей въ ихъ имѣньяхъ, такъ какъ каждый изъ нихъ въ такой же мѣрѣ заслуживаетъ вѣры, какъ и тотъ, кого пошлютъ переписывать; если же кто позволитъ себѣ дать неправильное показаніе, пусть наказывается такъ же, какъ и за неисполненіе военной повинности. Согласно этой просьбѣ король опредѣлилъ, что всѣ князья, паны и земяне, хоружіе и всѣ шляхтичи, а также хоружіе татарскіе должны сами переписать своихъ людей и реестры отдать старостамъ и державцамъ, въ чьихъ повѣтахъ лежатъ ихъ имѣнья, и принести предъ ними присягу, что правильно переписали своихъ людей. Старосты и державцы должны передать эти реестры воеводамъ, въ повѣтахъ которыхъ находятся ихъ державы; а сами воеводы и тѣ старосты, которые присягали королю «на раду», должны передать эти реестры въ скарбъ вмѣстѣ съ реестрами собственныхъ имѣній. Всѣ землевладѣльцы на день св. Креста осенняго должны показываться съ «почтами» своими передъ воеводами и старостами повѣтовыми; князья, паны и вся земля Волынская передъ маршалкомъ Волынской земли; а князь Слуцкій, Друцкіе и Лукомскіе и иные княжата и панята передъ воеводою Виленскимъ въ Минскѣ; земли Подляшскія—передъ старостами въ своихъ

повѣтахъ, причемъ «отъ попису» должны платить по полугрошку съ коня. Король обѣщалъ издать спеціальное распоряженіе о томъ, какъ должна быть «заступована» военная служба, какіе должны быть кони, вооруженіе и цвѣтъ одежды.

Князья, паны и шляхта просили далѣе, чтобы господарь, на обязанности котораго лежитъ давать оборону и справедливость своимъ подданнымъ, далъ что-нибудь изъ скарба своего на это дѣло и несъ военную службу съ земскихъ имѣній, которыя на него спали. Въ отвѣтъ на это король выразилъ удивленіе, что ему напоминаютъ о томъ, что онъ всегда дѣлалъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ несъ и несетъ охрану великаго княжества отъ непріятелей московскаго и татарскаго «съ великимъ утисненемъ и ущипкомъ» скарба своего, что для этого онъ позаставлялъ многія мѣста и дворы свои. Что касается службы со спадковыхъ имѣній, то ему, господарю, дивно, что осмѣливаются его имѣнья равнять съ другими: «бо то естъ речь незвычайная ани пристойная господару, жебы его милость мелъ зъ вами, поддаными своими въ оной службе зъ именей спадковыхъ быти ровнанъ». Впрочемъ, противъ врага Креста Христова, Турка король обѣщалъ учинить «выправу» со спадковыхъ имѣній, какая ему заблагоразсудится (sic!)

Слѣдующая просьба становъ сейма состояла въ томъ, чтобы духовные римскаго и греческаго закона отправляли военную службу съ своихъ отчинныхъ и церковныхъ имѣній и съ десятины по оцѣнкѣ наравнѣ съ шляхтою: ибо, если вторгнется непріятель, особливо Турокъ, онъ одинаково не спуститъ какъ свѣтскому, такъ и духовному, а отъ его разоренья и десятинъ не съ чего будетъ брать. Король отвѣчалъ, что онъ объ этомъ говорилъ съ князьями бискупами, и они отложили это дѣло до собора духовнаго, который будетъ въ Петрковѣ; на чемъ рѣшитъ по этой части коронное духовенство, на то же и они согласятся и будутъ нести вмѣстѣ съ другими оборону земскую. Съ имѣній же отчинныхъ, купленныхъ и заставныхъ духовенство и теперь обязано нести военную службу по той уставѣ, которую господарь установилъ съ панами-радою.

Князья, паны и шляхта пожелали, чтобы и мѣщане, которые владѣютъ земскими имѣньями, наравнѣ съ другими несли военную службу, а съ куплей и маетностей своихъ по оцѣнкѣ и приказу короля. Господарь выразилъ на это согласіе и постановилъ, что на смотръ мѣщане должны являться къ тѣмъ воеводамъ, въ чьихъ повѣтахъ они владѣютъ имѣньями.

Наконецъ, станы сейма просили, чтобы земская служба отправлялась и съ воеводствъ, старостъ и всякихъ урядовъ по стародавнему,

«водле важностей врядовъ», а особливо съ имѣній стола господарскаго, данныхъ въ заставу или въ какое-нибудь другое держанье. Король отложилъ рѣшеніе этого вопроса до другого времени и только объявилъ, что отнынѣ воеводы, старосты, державцы, намѣстники, войскіе, гаевники, тивуны жмудскіе и всѣ урядники должны быть на службѣ земской «головами своими», «водле тое уфалы земское».

Слѣдующій рядъ просьбъ касался пополненія господарской рады и назначенія на разныя должности. Станы сейма въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ просили господаря, «абы его королевская милость завжды суполное рады того панства его милости рачилъ мети, а звлаща жадного сойму абы кролевская милость николи не рачилъ починати, алижбы зуполна панове рада на местцахъ своихъ были осажоны». Свою просьбу станы сейма мотивировали не только тѣмъ общимъ соображеніемъ, что гдѣ много головъ, тамъ много совѣта, но и спеціально шляхетскимъ интересомъ,—чтобы шляхтѣ было у кого служить и тѣмъ богатѣть и множиться. «А теперь,— прибавляли просители,—хотя бы и хотели, але не маютъ кому» служить. Станы сейма настаивали на томъ, чтобы господарь осадилъ мѣста въ радѣ прежде, «нижли бы черезъ вырокъ свой господарскій тую оборону замкнути рачилъ». На это король отвѣчалъ, что такія вещи ему приходится выслушивать еще впервые, и онъ не радъ ихъ слушать; онъ хорошо самъ знаетъ, какъ править своимъ государствомъ и держать свою раду: когда будетъ на-то его воля, онъ раздастъ эти уряды, кому слѣдуетъ.

Затѣмъ станы сейма просили, чтобы господарь не раздавалъ урядовъ въ великомъ княжествѣ чужеземцамъ полякамъ, и чтобы урядники коронные, пріѣзжающіе съ господаремъ, не мѣшались въ правительственныя дѣла великаго княжества, но слагали бы съ себя всякую власть на границахъ этого государства. Король отвѣчалъ, что при немъ таковыхъ урядниковъ и не бываетъ, а пріѣзжаютъ съ нимъ обыкновенно урядники дворные, какъ, напр., подчашій, подкоморій, «што въ ложницахъ на впокою при его милости бываютъ», для личныхъ услугъ королю, а не для какихъ-либо государственныхъ потребностей. Такихъ де урядниковъ мѣнять неудобно: то было бы «съ трудностію и невчастностію» для господаря. При томъ же дворные урядники великаго княжества—кухмистръ, подчашій, подстолій, конюшій всегда находятся при королѣ и «врадовъ своихъ догледаютъ и ими справуютъ, водле давного звычаю». Станы сейма просили, кромѣ того, чтобы господарь не раздавалъ свѣтскихъ урядовъ духовнымъ лицамъ, хотя бы и туземцамъ, такъ какъ это не соотвѣтствуетъ ихъ сану, и кромѣ того отъ нихъ «большее утисненіе люди маютъ, нижли отъ светскихъ, для того, ижъ

ихъ право не естъ скончоное». Король взялъ эту просьбу на размышленіе и волю свою.

Всѣ эти просьбы, очевидно, вышли изъ круга тѣхъ «княжатъ и панатъ», которые сами расчитывали на мѣста въ лавицѣ рады господарской и на различные уряды. Политическая притязательность, которую обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ литовско-русскій сеймъ, объясняется именно тѣмъ, что въ его составѣ былъ тотъ аристократическій кругъ, изъ котораго господарь набиралъ своихъ совѣтниковъ и чиновниковъ.

Дальнѣйшія просьбы касались матеріальныхъ интересовъ «становъ» сейма. Они просили, чтобы въ тѣ годы, пока будетъ продолжаться дѣйствіе новой уставы объ оборонѣ, господарь не привлекалъ ихъ къ платежу серебщины, просили, чтобы на ихъ имѣньяхъ не устанавливались господарскія мытныя коморы. Господарь обѣщалъ не привлекать ихъ къ платежу серебщины, «кромъ наглое, кгвалтовное и великое потребы» великаго княжества: тогда они обязаны будутъ не только исполнять уставу объ оборонѣ земской, но и все другое, что потребуется отъ нихъ, какъ отъ добрыхъ и вѣрныхъ слугъ и подданныхъ господаря. По поводу коморъ мытныхъ господарь выразилъ недоумѣніе, какой можетъ быть отъ нихъ вредъ владѣльцамъ. Коморы уставлены «ку розмноженю скарбу и пожитковъ его милости господарскихъ»; если же кому-нибудь дѣлается отъ нихъ «кривда», пусть жалуется господарю и получитъ отъ него «справедливость».

Группа слѣдующихъ просьбъ относится къ судопроизводству и судоустройству. Во главѣ ихъ стоитъ просьба, чтобы былъ исправленъ статутъ и въ исправленномъ видѣ напечатанъ, «абы черезъ писаные статута не были люди омылены и справедливость ни передъ кимъ не была закрыта». Станы сейма просили ввести въ статутъ и привилеи земскіе, «для того, абы всимъ яко скарбъ посполитый былъ ведомъ, и для того тежъ, абы черезъ старость, моль и иные пригоды, которыхъ много естъ на свете, не были скажоны». Король изъявилъ свое согласіе на поправленье статута и выразилъ желаніе, чтобы станы сейма выбрали изъ среды себя десять особъ «людей добрыхъ, поважныхъ» какъ греческаго, такъ и римскаго закону. Эти выборные должны «тые артыкулы водле потребы и водлугъ Бога и речи справедливое поправити, а иншие учинити» и представить ихъ на первомъ сеймѣ передъ панами-радою и всѣми княжатами, панатами и рыцарствомъ. На сеймѣ эти артикулы должны быть «уфалены» «черезъ посполитый съемъ, на што вся земля зволить», и приняты «зъ его милости господарскимъ дозволенемъ, што ся его милости слушного будетъ видети». Но вписы-

вать въ статутъ земскіе привилеи господарю «не видѣлося для многихъ причинъ»; привилеи всегда находятся при панахъ радѣ и во всякое время могутъ быть представлены, когда только потребуется.

Къ общей просьбѣ о «поправѣ» статута примыкаетъ рядъ частныхъ просьбъ. Станы сейма просили, чтобы изъ канцеляріи не выдавались заручные листы «на заочные повести», и чтобы это было гарантировано статутомъ, ибо благодаря заочной выдачѣ заручныхъ листовъ многіе терпятъ великое «утисненіе», поступаются даже своими имѣньями, чтобы какъ-нибудь не преступить «заруки»; съ другой стороны, слуги и люди, «зрадивши пана своего и его невчтивши», взявъ заруки, смѣло ходятъ предъ глазами своихъ пановъ, а тѣ имъ ничего не могутъ сдѣлать. Поэтому пусть заруки будутъ устанавливаемы только на тѣхъ, «хто бы не хотелъ речи осужоное платити або суду досыть чинити». Король отвѣчалъ, что отнынѣ не будутъ выдаваемы изъ канцеляріи заручные листы на заочную жалобу, если дѣло касается имѣній давняго владѣнія. Заручные листы будутъ выдаваться на тѣхъ, кто не захочетъ подчиняться судебнымъ рѣшеніямъ или кто будетъ угрожать жизни другихъ. Что касается слугъ, которые прибѣгаютъ къ господарю съ жалобами на пановъ своихъ, господарь не будетъ отказывать имъ въ защитѣ, и оставляетъ «тую речь водлугъ давного обычаю, яко и передъ онымъ бывало». Впрочемъ, тѣ слуги, которые будутъ защищаться заручными листами отъ своихъ пановъ, должны въ теченіе четырехъ недѣль отъ предъявленія заручнаго листа во всемъ «ся усправедлити» панамъ своимъ «передъ стороною, людми добрыми», если паны въ чемъ-нибудь ихъ будутъ обвинять.

Затѣмъ станы сейма просили господаря издать распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ позывать другаго «о речь светскую» до духовнаго суда, а особливо духовные, которые это обыкновенно дѣлаютъ; чтобы мѣщане согласно статуту отвѣчали шляхтѣ «о раны ихъ самихъ и подданныхъ ихъ и о грабежи» правомъ земскимъ, а не своимъ нѣмецкимъ; чтобы шляхтичъ, «не будучи правомъ поконанъ», т. е. до суда, «не былъ иманъ и каранъ». Король постановилъ такъ, какъ того желали станы сейма.

Дальнѣйшая просьба ихъ состояла въ томъ, чтобы въ земскихъ тяжбахъ съ господаремъ доводъ не шелъ за одною стороною господарскою, но чтобы доказывать листами или свидѣтелями предоставлено было той сторонѣ, которая будетъ имѣть на то большее право по статуту, и чтобы при этомъ съ господарской стороны въ качествѣ свидѣтелей выставлялись не одни только хлопы, но по крайней мѣрѣ двое шляхтичей, достойныхъ вѣры и ни въ чемъ не заподозрѣнныхъ. Кор

отвѣчалъ, что это дѣло великое и важное, ближе всего его касающееся, и потому надобно объ немъ подумать.

Затѣмъ станы сейма указывали господарю, что многіе самозванно зовутся и пишутся дворянами господарскими, «въ чомъ великие омыльности и потвары въ справедливостяхъ людскихъ ся деють», и просили положить этому конецъ: пусть маршалокъ дворный составитъ реестръ настоящихъ дворянъ, и кто послѣ того будетъ самозванно величаться дворяниномъ, пусть горло тратитъ, а настоящіе дворяне уже служатъ только господарю и никакому другому пану подъ страхомъ той же кары. Король сдѣлалъ постановленіе въ томъ родѣ, какъ просили станы сейма.

Далѣе они просили, чтобы въ каждомъ господарскомъ дворѣ были установленные вижи, достойные вѣры и присяжные, которые бы брали необременительную плату за свой трудъ. Король отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ возможности въ данное время учинить по этому поводу постановленіе «для иншихъ большихъ а важнѣйшихъ справъ» и передаетъ это дѣло тѣмъ, кто будетъ исправлять статутъ: пусть они выработаютъ этотъ артикулъ и представятъ его на первомъ сеймѣ для того, чтобы вписать въ статутъ «съ призволеньемъ всее земли».

Шляхта, присутствовавшая на сеймѣ, представила королю на письмѣ рядъ своихъ особенныхъ просьбъ и желаній, чрезвычайно характерныхъ для ея настроенія. Видно, что, хотя во многомъ она и солидарна была съ княжатами и панятами и вмѣстѣ вырабатывала различныя просьбы, но эта солидарность простиралась только до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми начинался антагонизмъ, оппозиція, стремленіе къ расширенію и обезпеченію собственныхъ правъ, и къ ограниченію преимуществъ высшаго класса и огражденію отъ его злоупотребленій.

Прежде всего шляхта просила, чтобы въ каждомъ повѣтѣ были избранные отъ нея судья и писарь, съ которыми воеводы, старосты и державцы могли бы судить каждаго князя, пана и духовнаго въ своемъ повѣтѣ. Господарь отвѣчалъ, что онъ не видитъ надобности измѣнять первое постановленіе по этой части, содержащееся въ статутѣ. Шляхта требовала далѣе, чтобы воеводы, старосты и державцы давали ей судъ въ своихъ повѣтахъ, а не по своимъ имѣніямъ. Господарь послѣ «обмовы» съ панами-радою постановилъ такъ, какъ того требовала шляхта, исключивъ тѣ случаи, когда тяжущіеся по доброй волѣ захотятъ стать предъ судьею въ его имѣньѣ. Въ связи съ этимъ шляхта просила, чтобы воеводы, старосты и державцы не увозили съ собою изъ повѣтовъ судовыхъ книгъ, и господарь высказался опять согласно съ же-

ланіемъ шляхты. Шляхта предлагала далѣе измѣнить постановленье о вижахъ, указывая на то, что многіе сильные и своевольные люди укрываются отъ «позвовъ» на судъ или не допускаютъ до себя этихъ позвовъ. Господарь, оставляя въ силѣ прежнее постановленіе о вижахъ, разъяснилъ, что вижи въ тѣхъ случаяхъ, когда кто уклоняется отъ вызова въ судъ, могутъ «позвы» вручить урядникамъ, тивунамъ и «рыкунамъ» имѣній, «съ которыхъ ся кривда деетъ»; а если и эти послѣдніе не захотятъ принять, могутъ просто положить ихъ въ имѣньѣ при свидѣтеляхъ. Шляхта просила господаря издать уставу относительно платы за листы въ канцеляріи и за присягу въ костелѣ. Господарь обѣщалъ издать уставу о платѣ въ канцеляріи съ установленіемъ присяжнаго писаря, а отъ присяги въ костелѣ постановилъ платить по два гроша. Наконецъ, шляхта жаловалась, что паны воеводы, старосты и державцы при взысканіи «винъ» сажаютъ шляхтичей «у везенье» и всылаютъ въ домъ ихъ разныхъ лицъ на постой («лежни»). Король опредѣлилъ, что воеводы, старосты и державцы не должны впредь этого дѣлать «безъ слушныхъ причинъ и безправне»; взыскивать «вины» они должны «зъ милосердьемъ, побожне, безъ крику и тяжкости людское, чинячи ласку»; кто не захотѣлъ бы платить «вину» господарскую, у того должны взять людей до заплаты; а у кого нѣтъ людей, того самого должны посадить въ заключеніе, но не всылать къ нему въ домъ лежней [343]).

Какъ видно, всѣ эти просьбы шляхты имѣютъ въ виду огражденіе ея отъ притѣсненій администраціи. Но такъ какъ персоналъ этой администраціи выходилъ преимущественно изъ среды «княжатъ» и «панятъ», то и въ просьбахъ нельзя не видѣть нѣкоторой соціально-политической оппозиціи шляхты противъ высшаго класса, тѣмъ болѣе, что въ числѣ этихъ просьбъ сказывается прямо и стремленіе къ юридической нивеллировкѣ различныхъ разрядовъ военнослужилаго класса, къ приравненію князей и пановъ съ рядовою шляхтою.

Кромѣ общихъ просьбъ отъ князей, пановъ и шляхты всего великаго княжества, на Берестейскомъ сеймѣ подавались господарю представленія и отъ отдѣльныхъ земель. Такъ, паны и земяне Полоцкой земли жаловались господарю на своего владыку Симеона, который отправляетъ свою должность «нерадно и неслушно», чинитъ «кривды и шкоды великіе» церквамъ Божьимъ и въ монастыряхъ архимандритамъ, игуменамъ и старцамъ, крылошанамъ святой Софіи, попамъ и мірянамъ въ мѣстѣ и по селамъ, по всей своей епархіи (слѣдуетъ перечень этихъ

---

[343]) Zbiór praw litewskich, str. 397—413.

шкодъ и кривдъ). Король отрядилъ дворянина своего Александра Дмитріевича и земянина Полоцкаго Войну Петровича, которымъ поручилъ довѣдаться «о тыхъ всихъ кривдахъ и шкодахъ и тяжькостяхъ» владыки Полоцкаго, списать ихъ на реестръ и пригласить владыку дать по нимъ полное удовлетвореніе. На тотъ же случай, если бы владыка ослушался и не «справился» передъ посланцами господарскими, король распорядился, чтобы паны-рада, «будучи на первомъ року судовомъ», пригласивъ къ себѣ митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Руси, вызвали владыку Полоцкаго, «о томъ о всемъ межи ними досмотрѣли, и разузнали и справедливость тому на конецъ безъ отволоки учинили, водлѣ обычаю закону ихъ и права писаного земского». Если бы владыка не захотѣлъ стать передъ судомъ, король уполномочивалъ пановъ-раду заочно обвинить его и «моцно» отправить на немъ всѣ шкоды и кривды, показанныя жалобщиками»[344]).

Послѣ того, какъ разсмотрѣны были и рѣшены всѣ вопросы, поднятые на сеймѣ, Сигизмундъ торжественно передалъ управленіе великимъ княжествомъ молодому королю Сигизмунду-Августу, съ согласія становъ сейма (de consensu ordinum)[345]). Эта передача состоялась недѣлю спустя послѣ Покрова Богородицы, т. е. 8 октября[346]). Недѣлю спустя старый король уѣхалъ въ Польшу, а молодой съ женою въ Вильну.

Берестейскій сеймъ 1544 г. былъ послѣднимъ въ правленіе Сигизмунда I въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Прежде чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію сеймовъ, бывшихъ при его преемникѣ, полезно будетъ остановиться нѣсколько и дать себѣ отчетъ въ пройденной уже сеймомъ стадіи развитія, подвести общіе итоги его успѣхамъ какъ по внѣшней формировкѣ, такъ и по значенію въ политической жизни страны, отмѣтить зародившіяся въ немъ тенденціи и такимъ образомъ подготовиться къ уясненію послѣдняго фазиса въ развитіи этого учрежденія.

§ 18.

Начнемъ прежде всего съ состава великихъ вальныхъ соймовъ при Сигизмундѣ I. Наблюденія, сдѣланныя нами въ этомъ отношеніи надъ великими вальными соймами предшествующаго времени, привели

---

[344]) Акты Зап. Рос. II. № 234.

[345]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II. p. 404.

[346]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 400.

съ къ заключенію, что первоначально на эти соймы, кромѣ князей, новъ и бояръ шляхты изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, иглашались только «старшіе» изъ областей-аннексовъ, крупные и довитые землевладѣльцы, составлявшіе областную аристократію. При гизмундѣ I на великомъ вальномъ соймѣ получила мѣсто и рядовая яхта изъ областей-аннексовъ. Мы видѣли, что такіе шляхтичи изъ мудской земли находились уже на первомъ великомъ сеймѣ, собираемся послѣ возведенія Сигизмунда на великое княженіе. Простые довые земяне по выбору своей братьи находились и на Виленскомъ ймѣ 1512 года. О военно-полевыхъ сеймахъ 1520 и 1521 годовъ говорить нечего въ виду того, что тамъ находились, по словамъ товъ, подданные великаго княжества изъ земель и повѣтовъ. На векомъ Виленскомъ сеймѣ 1522 г. изъ Жмудской земли находились не лько паны и тивуны, но и простые бояре, что съ полнымъ правомъ жемъ предполагать и относительно другихъ земель. Жмудская рядоя шляхта находилась и на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1525 г. На еликомъ Виленскомъ сеймѣ 1534 года кромѣ чиновной аристократіи аходились также и рядовые шляхтичи изъ всѣхъ земель великаго княества, по два отъ каждаго повѣта по выбору своихъ хоружихъ. Всѣ ги факты приводятъ къ заключенію, что рядовая шляхта изъ земельннексовъ заняла постоянное и прочное мѣсто на великомъ вальномъ ймѣ на ряду съ своею братьею изъ собственной Литовской земли. та новость въ исторіи литовско-русскаго сейма находитъ себѣ объненіе въ той преобладающей цѣли, для которой стали созываться ликіе вальные соймы при Сигизмундѣ I. До Сигизмунда I великіе льные соймы созывались для рѣшенія политическихъ вопросовъ, ѣвшихъ для большинства шляхетской массы отдаленный интересъ. оэтому и правительство не считало нужнымъ привлекать на эти сейі рядовую шляхту изъ областей-аннексовъ и ограничивалось только зовомъ мѣстной аристократіи. Съ самаго начала великокняженія Сизмунда великіе вальные соймы стали созываться для рѣшенія преущественно такихъ вопросовъ, которые близко касались шляхетскаго рмана, а именно: обложенія шляхетскихъ имѣній серебщиною на енныя нужды и размѣровъ военной повинности съ этихъ имѣній, е. съ какого количества крестьянскихъ «службъ» долженъ выставляться конный ратникъ. Естественно, поэтому, что правительство тало считать необходимымъ присутствіе на великихъ вальныхъ сойахъ и рядовой шляхты какъ изъ великаго княжества въ собственномъ мыслѣ, такъ и изъ областей-аннексовъ, для отобранія отъ нея мнѣній заявленій по этимъ вопросамъ и для полученія согласія какъ на

сборъ серебщины, такъ и на обложеніе новыми военнослужебными тягостями. Такая политика литовскаго правительства, какъ мы уже имѣли случай указывать, была естественнымъ послѣдствіемъ распространенія на все государство привилея 1447 года, освободившаго всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества Литовскаго отъ платежа въ казну постоянной денежной подати, или серебщины. По отношенію къ землевладѣльцамъ окраинныхъ областей-аннексовъ эта политика предписывалась и тѣмъ страхомъ, который внушали національно-религіозныя симпатіи русскихъ подданныхъ великаго княжества къ Москвѣ [347]). Литовскому правительству volens-nolens приходилось быть предупредительнымъ къ русскому военнослужилому люду, принимать въ расчетъ его настроеніе, считаться съ его мнѣніями и желаніями. Можно сказать, поэтому, что результаты московской политики въ отношеніи къ западной Руси были далеко не тожественны съ ея территоріальными пріобрѣтеніями. Эта политика сильно вліяла на улучшеніе положенія западно-русской народности, остававшейся и въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго, и тѣмъ парализовала свои дальнѣйшіе успѣхи по части территоріальныхъ присоединеній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на нѣкоторыхъ великихъ вальныхъ соймахъ, собиравшихся при Сигизмундѣ I рядовая шляхта присутствовала поголовно, viritim. Таковы были военно-полевые сеймы подъ Минскомъ въ 1520 и 1521 г. и подъ Новгородкомъ въ 1538 г. На сеймахъ, собиравшихся въ первые годы великокняженія Сигизмунда I,

---

[347]) О значеніи этого фактора мы имѣли случай говорить въ предшествующей главѣ. Въ дополненіе къ даннымъ тамъ указаніямъ приведемъ въ настоящемъ мѣстѣ свидѣтельство Станислава Гурскаго, показывающее, что страхъ предъ русскою измѣною былъ распространенъ въ Литвѣ и Польшѣ во время борьбы съ Москвою: „Quod vero Ruthena gens,—пишетъ Гурскій,—imperio regi in Lithuania tam facile ad Moscos deficiat, plures sunt ejus rei cause, prima: quod Russi ipsi, gens barbara, nature vitio insitam habet lubricitatem in fide et mutandi domini studium, secunda causa: quod Russiis cum Moscis lingua est communis, communis morum feditas, communis religio, communis in Moscovia patriarchia, commune odium in sedem ac religionem romanam contraque gentem Polonam victoriosam, a qua sepe olim fusi sunt, tertia: quod prefecti regii sevum in eos exercent imperium et in spoliandis eis inhumanam crudelitatem idque impune... Hinc fit, ut homines male tractati ab imperio regis ad Moscum deficiant. Nec dubium est. quid universi, quicunque sunt ruthene religionis in Lithuania, malint Moscum dominum quam suum. nisi eos a dedendo se sevissima tyrannis moscitia deterreret“. См. Acta Tomiciana III, № I.

яхетское представительство, по всѣмъ даннымъ, еще не было пра-
льно организовано, и изъ рядовой шляхты пріѣзжалъ на сеймъ, кто
ѣлъ и имѣлъ возможность или какую-нибудь надобность до госпо-
я. Вотъ почему и на Виленскомъ сеймѣ 1507 г. имѣлъ мѣсто тотъ
цидентъ, о которомъ разсказано выше: присутствовавшіе въ случай-
мъ составѣ жмудскіе бояре не рѣшились дать согласія на сборъ се-
щины, такъ какъ имъ не дано было на то полномочія, а на свою
ѣтственность, безъ своихъ «старшихъ», они не рѣшились принять
ое дѣло. Представительство отъ шляхты не было организовано и на
ликомъ Берестейскомъ сеймѣ 1511 г. Въ противномъ случаѣ моби-
зація шляхты не помѣшала бы совѣщаніямъ на этомъ сеймѣ, какъ
ло это въ дѣйствительности. Испытанныя неудобства отъ поголовнаго
ивлеченія шляхты на сеймы не замедлили повести къ организаціи
авильнаго шляхетскаго представительства. Первый шагъ въ этомъ
ношеніи сдѣланъ былъ уже въ томъ же 1511 г., когда мобилизація
строила великій вальный соймъ, собравшійся въ Берестьѣ. Задумавъ
брать новый сеймъ въ Вильнѣ для рѣшенія вопросовъ, не кончен-
хъ въ Берестьѣ, Сигизмундъ распорядился, чтобы державцы собрали
яхту въ своихъ повѣтахъ и предложили ей выбрать двоихъ предста-
телей, давши имъ «зуполную моцъ». Съ того времени избраніе шля-
тскихъ пословъ входитъ въ обычай и окончательно устанавливается
сеймовой практикѣ. Въ 1534 г. выборъ шляхетскихъ представителей
ручено было произвести не державцамъ, а хоружимъ, которые для
го, конечно, должны были собирать мѣстную шляхту. Но это едва ли
былъ исключительный случай. По крайней мѣрѣ, двадцать пять лѣтъ
стя хоружіе на Виленскомъ сеймѣ добивались себѣ, какъ права,
бы шляхта на съемъ при хоружихъ братью свою обирали и на съемъ
ли»[348]). Господарь отвѣчалъ, что онъ хочетъ сохранять въ этомъ
ошеніи давній обычай (т. е. чтобы шляхта выбирала своихъ пословъ
ъ руководствомъ мѣстныхъ державцевъ). Однако, несмотря на орга-
ацію правильнаго представительства, шляхтѣ не возбранялось при-
ствовать на сеймахъ и лично. Вслѣдствіе этого нѣкоторые сеймы,
ъ, напр., Берестейскій 1515—1516 г. и Берестейскій 1544 г. отли-
лись большимъ многолюдствомъ. Господарь, пользуясь собраніемъ
ей рады, рѣшалъ на сеймахъ множество текущихъ дѣлъ, выдавалъ
калованія на имѣнья, производилъ судъ и т. д. [349]). Поэтому на сеймы

[348]) Акты Зап. Рос. III, № 24.
[349]) См., напр., относительно Виленскаго сейма 1522 г. кн. Запис. X. л. 79—
: XI, л. 41—109; XII, л. 1—52; XXV, л. 46, 94; Судн. дѣлъ кн. II. л. 311,

съѣзжалось множество шляхты по своимъ личнымъ дѣламъ. Эту шляхту также привлекали къ занятіямъ сейма.

Документы, относящіеся къ великимъ вальнымъ сеймамъ Сигизмундовой эпохи, даютъ возможность ознакомиться ближе и съ аристократическими элементами, входившими въ составъ этихъ соймовъ. Оказывается, что, кромѣ высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, составлявшихъ господарскую раду, на сеймы собирались и другіе урядники: старосты и державцы (на сеймахъ 1512 и 1525 г.), тивуны Жмудскіе (на [illegible] сеймѣ 1522 года), хоружіе и подкоморіе (на сеймѣ [illegible] г.), затѣмъ вообще княжата и панята (на Виленскихъ сеймахъ 1524 и [illegible], на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.), такъ что въ общемъ великій сеймъ составляли: паны-рада, урядники, княжата, панята и рыцарство-шляхта всѣхъ земель великаго княжества (такъ обозначается [illegible] составъ великаго Виленскаго сойма 1534 г.). Запись о томъ, [illegible] разсылались приглашенія на сеймъ 1534 г. («листы соймовые») даетъ возможность судить о томъ, кто входилъ въ категорію «княжатъ и панятъ». Оказывается, что сверхъ князей и пановъ, состоявшихъ въ [illegible] должностяхъ и званіяхъ и по этимъ должностямъ и званіямъ имѣвшихъ мѣсто на сеймѣ, туда вызывались князья Слуцкій и [illegible], затѣмъ [illegible] Друцкіе, Łукомскіе, Свирскіе, Гедройтскіе, [illegible], Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, паны Хребтовичи, [illegible], [illegible], Солтубовичи, Зеновьевичи [35]), и др. Все [illegible] [illegible] [illegible] и панскихъ фамилій, предки которыхъ [illegible] на сеймахъ временъ Витовта и Свидригайла. Очевидно, [illegible] [illegible] къ этимъ фамиліямъ установилась уже извѣстная [illegible] традиція, признававшая ихъ «станами сойму [illegible] [illegible] крупными землевладѣльцами великаго [illegible] [illegible] [illegible] свои «почты» на [illegible] [illegible], какъ мелкая, рядовая [illegible] [illegible] слою, изъ которыхъ [illegible] [illegible] великаго княжества, и [illegible] [illegible] «властели».

[illegible] о составѣ великаго вальнаго сейма [illegible], что извѣстно намъ о его составѣ [illegible] приходимъ къ заключенію что уже при Си-

---

[35]) [illegible] Archiwum Sanguszków III. № CCXL—CCXLII, CCXLV; [illegible] сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 10, 11.
[illegible] Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 96—99.

гизмундѣ этотъ составъ опредѣлился въ полномъ объемѣ. Позднѣйшія реформы коснулись только организаціи шляхетскаго представительства, но не коснулись самыхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался сеймъ, если не считать введеніе на сеймъ Виленскихъ бурмистровъ съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, относившимся до Виленскаго мѣста.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности великихъ вальныхъ соймовъ при Сигизмундѣ I.

Мы видѣли, что до Сигизмунда I общегосударственные сеймы созывались въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда приходилось избирать новаго государя; во-вторыхъ, когда приходилось заключать унію съ Польшею. Рѣшеніе этихъ вопросовъ было уже признано правомъ общегосударственнаго сейма. Это ясно обнаруживается изъ грамоты пановъ-рады, содержащей приглашеніе областныхъ землевладѣльцевъ на сеймъ по смерти короля Казимира, а также изъ объясненій, которыя дали паны-рада полякамъ по поводу уніи 1501 г. Въ первомъ случаѣ паны-рада заявляли, что господаремъ будетъ тотъ изъ сыновей Казимира, кого эти землевладѣльцы выберутъ сообща съ панами-радою великаго княжества; во второмъ случаѣ объясняли полякамъ, что не могутъ принять окончательно договоръ объ уніи, заключенной въ 1501 г., потому что этого не хотятъ нѣкоторыя земли, «которыи жъ прислухають къ великому князству». Въ разсматриваемое время право это оставалось въ силѣ, и общегосударственному сейму, какъ и ранѣе, приходилось избирать господаря и выступать въ качествѣ договаривающейся стороны въ переговорахъ объ уніи съ Польшею. Сигизмундъ-Августъ избранъ былъ преемникомъ своему отцу на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 года, а на великомъ Виленскомъ соймѣ 1529 года уже былъ возведенъ на великое княженіе, «за вольнымъ обраньемъ тыхъ же всихъ становъ и обывателей великого князьства», по позднѣйшему сознанію самого Сигизмунда-Августа [351]). Переговоры о подтвержденіи

[351]) См. Бѣльскій привилей 1564 г. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493; Временникъ Москов. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. XXIII, стр. 4—11). Ср. Статутъ 1566 г., раздѣлъ III, арт. 2. Въ книгѣ Записей королевы Боны извѣстная статья Городельскаго привилея объ избраніи великаго князя передана въ сокращеніи, очевидно, съ точки зрѣнія распространенныхъ тогда въ литовскомъ обществѣ понятій: Item Praelati, Barones et Nobiles Magni Ducatus Lithuaniae Magnum Ducem suum sine liberis et successoribus legittimis decedentem Magnum Ducem Lithuaniae *libera electione* quem voluerint eligent (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 10; *Ѳ. И. Леонтовича* Акты Литовской Метрики, вып. I, № 1).

съѣзжалось множество шляхты по своимъ личнымъ дѣламъ. Эту шляхту также привлекали къ занятіямъ сейма.

Документы, относящіеся къ великимъ вальнымъ соймамъ Сигизмундовой эпохи, даютъ возможность ознакомиться ближе и съ аристократическими элементами, входившими въ составъ этихъ соймовъ. Оказывается, что, кромѣ высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, составлявшихъ господарскую раду, на сеймы собирались и другіе урядники: старосты и державцы (на сеймахъ 1512 и 1525 г.), тивуны Жмудскіе (на Виленскомъ сеймѣ 1522 года), хоружіе и подкоморіе (на сеймѣ 1525 г.), всѣ вообще княжата и панята (на Виленскихъ сеймахъ 1524 и 1538, на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.), такъ что въ общемъ великій соймъ составляли: паны-рада, урядники, княжата, панята и рыцарство-шляхта всѣхъ земель великаго княжества (такъ обозначается въ актахъ составъ великаго Виленскаго сойма 1534 г.). Запись о томъ, кому разсылались приглашенія на сеймъ 1534 г. («листы соймовые») даетъ возможность судить о томъ, кто входилъ въ категорію «княжатъ и панятъ». Оказывается, что сверхъ князей и пановъ, состоявшихъ въ различныхъ должностяхъ и званіяхъ и по этимъ должностямъ и званіямъ имѣвшихъ мѣсто на сеймѣ, туда вызывались князья Слуцкій и Дубровицкій, всѣ князья Друцкіе, Лукомскіе, Свирскіе, Гедройтскіе, Сангушковичи, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, паны Хребтовичи, Кухмистровичи, Довойны, Сологубовичи, Зеновьевичи [350]), и др. Все это лица старинныхъ княжескихъ и панскихъ фамилій, предки которыхъ участвовали на сеймахъ временъ Витовта и Свидригайла. Очевидно, что по отношенію къ этимъ фамиліямъ установилась уже извѣстная политико-юридическая традиція, признававшая ихъ «станами сойму належачими». Эти князья и паны были крупными землевладѣльцами великаго княжества (многіе изъ нихъ выводили даже свои «почты» на войну подъ собственными, а не повѣтовыми хоругвями, какъ мелкая, рядовая шляхта). Они принадлежали къ тому соціальному слою, изъ котораго набирался правящій классъ,—«властели» великаго княжества, и потому вызывались на сеймы лично, какъ и эти «властели».

Сопоставляя то, что мы узнали о составѣ великаго вальнаго сейма Сигизмундовой эпохи, съ тѣмъ, что извѣстно намъ о его составѣ предъ Люблинской уніей, приходимъ къ заключенію что уже при Си-

323; IV, л. 1—24; Archiwum Sanguszków III, № CCXL—CCXLII, CCXLV; Археографическій сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 10, 11.

[350]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 96—99.

гизмундѣ этотъ составъ опредѣлился въ полномъ объемѣ. Позднѣйшія реформы коснулись только организаціи шляхетскаго представительства, но не коснулись самыхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался сеймъ, если не считать введеніе на сеймъ Виленскихъ бурмистровъ съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, относившимся до Виленскаго мѣста.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности великихъ вальныхъ соймовъ при Сигизмундѣ I.

Мы видѣли, что до Сигизмунда I общегосударственные сеймы созывались въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда приходилось избирать новаго государя; во-вторыхъ, когда приходилось заключать унію съ Польшею. Рѣшеніе этихъ вопросовъ было уже признано правомъ общегосударственнаго сейма. Это ясно обнаруживается изъ грамоты пановъ-рады, содержащей приглашеніе областныхъ землевладѣльцевъ на сеймъ по смерти короля Казимира, а также изъ объясненій, которыя дали паны-рада полякамъ по поводу уніи 1501 г. Въ первомъ случаѣ паны-рада заявляли, что господаремъ будетъ тотъ изъ сыновей Казимира, кого эти землевладѣльцы выберутъ сообща съ панами-радою великаго княжества; во второмъ случаѣ объясняли полякамъ, что не могутъ принять окончательно договоръ объ уніи, заключенной въ 1501 г., потому что этого не хотятъ нѣкоторыя земли, «которыи жъ прислухають къ великому князству». Въ разсматриваемое время право это оставалось въ силѣ, и общегосударственному сейму, какъ и ранѣе, приходилось избирать господаря и выступать въ качествѣ договаривающейся стороны въ переговорахъ объ уніи съ Польшею. Сигизмундъ-Августъ избранъ былъ преемникомъ своему отцу на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 года, а на великомъ Виленскомъ соймѣ 1529 года уже былъ возведенъ на великое княженіе, «за вольнымъ обраньемъ тыхъ же всихъ становъ и обывателей великого князьства», по позднѣйшему сознанію самого Сигизмунда-Августа [351]). Переговоры о подтвержденіи

[351]) См. Бѣльскій привилей 1564 г. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493; Временникъ Москов. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. XXIII, стр. 4—11). Ср. Статутъ 1566 г., раздѣлъ III, арт. 2. Въ книгѣ Записей королевы Боны извѣстная статья Городельскаго привилея объ избраніи великаго князя передана въ сокращеніи, очевидно, съ точки зрѣнія распространенныхъ тогда въ литовскомъ обществѣ понятій: Item Praelati, Barones et Nobiles Magni Ducatus Lithuaniae Magnum Ducem suum sine liberis et successoribus legittimis decedentem Magnum Ducem Lithuaniae *libera electione* quem voluerint eligent (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 10; *Ѳ. И. Леонтовича* Акты Литовской Метрики, вып. I, № 1).

уніи велись на Берестейскомъ сеймѣ 1511, на великихъ Виленскихъ соймахъ 1512, 1514, 1532 гг., и если это подтвержденіе не состоялось, то только потому, что Сигизмунду и полякамъ не удалось взять «порозумене» съ панами-радою великаго княжества, съ княжатами, панятами и со всѣми землями, которыя «привлащоны» къ великому княжеству.

При Сигизмундѣ общегосударственный сеймъ рѣшалъ и такіе вопросы, которые при Казимирѣ и Александрѣ рѣшались на сеймахъ пановъ-рады и военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить вопросъ о веденіи войны. Мы видѣли, что въ 1514 году продолженіе войны съ Москвою рѣшено было на великомъ Виленскомъ соймѣ; подобное же рѣшеніе состоялось и на великомъ Виленскомъ соймѣ 1516 г. Точно также и въ 1534 году рѣшеніе о начатіи войны съ Москвою состоялось на великомъ Виленскомъ соймѣ, который опредѣлилъ собрать для этой цѣли серебщину со всѣхъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Можно сказать что за великимъ вальнымъ соймомъ стало уже признаваться извѣстное *право* въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что война съ Волошскимъ воеводою въ 1532 году не состоялась потому, что ея не захотѣла шляхта-рыцарство, собранное на великомъ Виленскомъ соймѣ.

Расширеніе компетенціи великаго вальнаго сойма въ этомъ направленіи было вполнѣ естественно. Войны для литовскаго правительства въ XVI в. были уже почти немыслимы безъ денежныхъ субсидій, безъ наложенія экстраординарныхъ военныхъ тягостей на землевладѣльцевъ великаго княжества. Поэтому правительство и старалось заручиться предварительнымъ согласіемъ ихъ на начатіе или продолженіе войны для того, чтобы легче было получить и самую субсидію или согласіе на болѣе тяжкое обложеніе военною повинностью въ натурѣ. Большая часть великихъ вальныхъ соймовъ въ правленіе Сигизмунда созывалась именно съ этою послѣднею цѣлью. Казимиръ, какъ мы видѣли, наложилъ одинъ разъ (въ 1450 г.) чрезвычайную подать на военныя нужды собственною властью, но въ другой разъ (въ 1473 г.) собиралъ для этого сеймъ князей, пановъ и бояръ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Его преемникъ издалъ новую «уставу» касательно количества крестьянскихъ службъ, съ которыхъ долженъ выставляться конный ратникъ, на Новгородскомъ сеймѣ 1502 г. по совѣту съ панами-радою. Но Сигизмундъ уже не считалъ возможнымъ обходиться въ такихъ случаяхъ безъ великаго вальнаго сойма и предоставлялъ эти вопросы рѣшенію не мѣстнаго литовскаго сейма, а общегосударствен-

наго. Вопросы эти близко касались землевладѣльцевъ всѣхъ земель великаго княжества, добрымъ расположеніемъ которыхъ литовское правительство въ эпоху борьбы съ Москвою, какъ было уже сказано, должно было поневолѣ дорожить. «Ухвала» серебщины и военныхъ «уставъ» на великихъ вальныхъ соймахъ изъ области практики перешла въ право, признана была законнымъ порядкомъ. Сигизмундъ въ своей грамотѣ 1528 г., изданной по поводу выкупа господарскихъ имѣній на субсидію сейма, торжественно призналъ, что онъ не можетъ, не нарушая законовъ, облагать серебщиною военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества безъ ихъ воли и согласія; но эта воля и согласіе могли быть получены, конечно, только на великомъ вальномъ соймѣ. Статутъ 1529 г. косвеннымъ образомъ призналъ дѣломъ великаго вальнаго сойма и опредѣленіе размѣровъ военнной службы съ земскихъ имѣній. Первый артикулъ II раздѣла этого статута гласилъ, что каждый человѣкъ, владѣющій земскимъ имѣніемъ, долженъ служить съ него и выправлять на войну ратниковъ «подле уфалы земское, яко на тот час будетъ потреба указывати». Станы сейма признавали за собою это право и дорожили имъ. Поэтому, когда господарь, уже послѣ изданія статута 1529 г., сталъ отступать отъ установившагося порядка и опредѣлять размѣры военной службы по совѣту съ панами-радою, станы сейма, собравшагося въ Берестьѣ въ 1544 г., не преминули сдѣлать господарю по поводу этого представленіе. Они заявили, что и при предкахъ Сигизмунда, и при немъ самомъ оборона устанавливалась не иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, при участіи княжатъ, панятъ, старостъ, хоружихъ и шляхты, «съ которыхъ *произволеньемъ и радою* завжды оборона быта доконывана». Поэтому они просили, чтобы и на будущее время соблюдался тотъ же порядокъ. Хотя правительство дало суровую отповѣдь на эту просьбу, какъ на неумѣстное притязаніе, но тутъ же косвенно признало за станами сейма то право, на которое они претендовали. Господарь объявилъ, что онъ оставляетъ въ силѣ свое прежнее постановленіе о посылкѣ на войну съ девяти десятаго, «на што вжо сами есте зволили». Позже постановленіе объ оборонѣ земской дѣлалось не иначе, какъ въ формѣ земскихъ «ухвалъ». Статутъ 1566 года уже устранилъ всякія недоразумѣнія и неясности въ этомъ отношеніи, опредѣливъ, что господарь съ панами радою не имѣютъ «мочы» одни, безъ вальнаго сейма, установлять оборону земскую, налагать серебщину или какой-либо «поплатъ».

При участіи великаго вальнаго сойма и съ его одобренія изданъ былъ при Сигизмундѣ и сводъ законовъ великаго княжества, извѣстный подъ именемъ Литовскаго Статута. Самая иниціатива этого дѣла

принадлежитъ станамъ сейма, которые подавали объ этомъ господарю просьбы въ 1514 и 1522 гг. Мы видѣли, что новосоставленный статутъ читался по статьямъ и подвергался обсужденію на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 г. и до тѣхъ поръ не вошелъ въ законную силу, пока не принятъ былъ окончательно, во всѣхъ «артикулахъ» станами сейма (въ 1529 г.) [352]). Привлеченіе сейма къ этой законодательной работѣ было почти необходимостью. Статутъ имѣлъ своею цѣлью кодифицировать и пополнить всѣ наличныя права и вольности военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, всѣ дѣйствующіе законы и обычаи, коими регулировались отношенія ихъ къ господарю, между собой и къ другимъ классамъ общества [353]). При кодификаціи легко было нарушить въ чемъ-нибудь эти законы, а потому и производить эту работу необходимо было подъ контролемъ тѣхъ, кого эти законы, ближайшимъ образомъ касались. Кромѣ того, поскольку эта работа состояла въ формулировкѣ существующихъ юридическихъ обычаевъ, требовалось и прямое содѣйствіе становъ сейма. Мы видѣли, что уже Казимиръ издавалъ свой судебникъ, «согадавши» съ князьями и панами радою великаго княжества и «со всѣмъ поспольствомъ». Подобнымъ же образомъ поступалъ и Сигизмундъ. Разбирая въ январѣ 1514 года одно казусное дѣло и не зная, какъ его рѣшить согласно съ существующими обычаями, Сигизмундъ отложилъ его рѣшеніе до будущаго великаго сейма, на которомъ пожелалъ переговорить объ этомъ «со всею землею». Приступивъ къ кодификаціи существующихъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, Сигизмундъ счелъ нужнымъ пользоваться въ этомъ дѣлѣ экспертизою становъ сейма и прямымъ ихъ участіемъ въ составленіи свода законовъ. Въ данномъ случаѣ со стороны литовско-русскаго господаря обнаружилось признаніе за станами сейма права слѣдить за сохраненіемъ своихъ правъ и вольностей и допускать измѣненіе и отступленіе отъ нихъ не иначе, какъ по добровольному согласію, за своею «ухвалою», т.-е. обнаружилось то же самое признаніе, которое проявлялось и въ обращеніи къ станамъ сейма за «ухвалою» серебщины и опредѣленіями обороны земской. Но дальше этого пока еще не шли уступки господаря сейму. Шестой артикулъ третьяго раздѣла статута 1529 г., обязывая господаря соблюдать старинные законы и обычаи, въ то же время предоставлялъ ему издавать

[352]) Слѣды участія сейма въ составленіи статута отразились и въ самой редакціи нѣкоторыхъ статей. Первый артикулъ второго раздѣла гласитъ: «Уставуемъ с призволенем рад наших суполных и всих подданых» и т. д.

[353]) См. предисловіе отъ имени господаря къ Статуту.

вые законы ко благу государства «з ведомостью и порадою и с
оизволеньемъ» однихъ только пановъ-рады, но не всѣхъ становъ
іма. Можно сказать поэтому, что при Сигизмундѣ выяснилось и уста-
вилось право великаго вальнаго сойма участвовать въ законодатель-
вѣ постольку, поскольку съ этимъ связано было сохраненіе суще-
вующихъ законовъ и обычаевъ или отступленіе отъ нихъ [354]). Право
участвовать въ созданіи всѣхъ вообще новыхъ законовъ опредѣли-
сь гораздо позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, въ статутѣ 1566 г.

Впрочемъ, фактическое участіе великаго вальнаго сойма въ зако-
дательствѣ уже при Сигизмундѣ I было гораздо шире его признан-
го права по этой части. Оно проявлялось въ «ухвалахъ» тѣхъ пред-
женій, которыя правительство считало нужнымъ вносить на разсмо-
ѣніе сейма, и въ тѣхъ «уставахъ», которые устанавливалъ господарь
панами-радою по просьбѣ становъ сейма. Такимъ образомъ, напр.,
Городенскомъ сеймѣ 1522 г. по предложенію правительства опре-
лена была конфискація имѣній за уклоненіе отъ военной службы и
правильный захватъ господарскихъ имѣній; на Виленскомъ сеймѣ
29 г. установленъ былъ ежегодный судовый сеймъ въ Вильнѣ па-
въ-рады для разбора накопившихся тяжебъ. На Виленскомъ сеймѣ
09 г. по просьбѣ становъ сейма издана была господаремъ и пана-
-радою новая «устава» о пересудахъ. На Берестейскомъ сеймѣ
44 г. господарь издалъ «уставу» относительно порядка переписи
яхетскихъ имѣній въ томъ именно родѣ, въ какомъ пожелали станы
іма, и такія же уставы относительно несенія мѣщанами военной
ужбы съ земскихъ имѣній, о прекращеніи выдачи изъ канцеляріи за-
чныхъ листовъ по заочной жалобѣ, о неподсудности шляхты суду
ковному по свѣтскимъ дѣламъ, о привлеченіи мѣщанъ къ земскому
ду по дѣламъ о грабежахъ и ранахъ, нанесенныхъ шляхтѣ и ея под-
нымъ, о прекращеніи вызововъ на судъ въ Польшу и т. д.

Просьбамъ становъ сейма обязаны были своимъ происхожденіемъ
только извѣстныя законодательныя опредѣленія, состоявшіяся при
игизмундѣ I, но и нѣкоторыя частныя правительственныя распоряже-
я. Можно сказать, поэтому, что великій вальный сеймъ принималъ
ѣкоторое участіе и въ административной дѣятельности центральнаго

---

[354]) Сами станы сейма сознавали себя стражами старинныхъ правъ и воль-
стей и считали своимъ правомъ и обязанностью указывать господарю на наруше-
я этихъ правъ и вольностей, какъ это имѣло мѣсто, напр., на великомъ Вилен-
омъ сеймѣ 1532 г., на Новгородскомъ военно-полевомъ сеймѣ 1538 г. и великомъ
рестейскомъ сеймѣ 1544 г.

съѣзжалось множество шляхты по своимъ личнымъ дѣламъ. Эту шляхту также привлекали къ занятіямъ сейма.

Документы, относящіеся къ великимъ вальнымъ соймамъ Сигизмундовой эпохи, даютъ возможность ознакомиться ближе и съ аристократическими элементами, входившими въ составъ этихъ соймовъ. Оказывается, что, кромѣ высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, составлявшихъ господарскую раду, на сеймы собирались и другіе урядники: старосты и державцы (на сеймахъ 1512 и 1525 г.), тивуны Жмудскіе (на Виленскомъ сеймѣ 1522 года), хоружіе и подкоморіе (на сеймѣ 1525 г.), всѣ вообще княжата и панята (на Виленскихъ сеймахъ 1524 и 1538, на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.), такъ что въ общемъ великій соймъ составляли: паны-рада, урядники, княжата, панята и рыцарство-шляхта всѣхъ земель великаго княжества (такъ обозначается въ актахъ составъ великаго Виленскаго сойма 1534 г.). Запись о томъ, кому разсылались приглашенія на сеймъ 1534 г. («листы соймовые») даетъ возможность судить о томъ, кто входилъ въ категорію «княжатъ и панятъ». Оказывается, что сверхъ князей и пановъ, состоявшихъ въ различныхъ должностяхъ и званіяхъ и по этимъ должностямъ и званіямъ имѣвшихъ мѣсто на сеймѣ, туда вызывались князья Слуцкій и Дубровицкій, всѣ князья Друцкіе, Лукомскіе, Свирскіе, Гедройтскіе, Сангушковичи, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, паны Хребтовичи, Кухмистровичи, Довойны, Сологубовичи, Зеновьевичи [350]), и др. Все это лица старинныхъ княжескихъ и панскихъ фамилій, предки которыхъ участвовали на сеймахъ временъ Витовта и Свидригайла. Очевидно, что по отношенію къ этимъ фамиліямъ установилась уже извѣстная политико-юридическая традиція, признававшая ихъ «станами сойму належачими». Эти князья и паны были крупными землевладѣльцами великаго княжества (многіе изъ нихъ выводили даже свои «почты» на войну подъ собственными, а не повѣтовыми хоругвями, какъ мелкая, рядовая шляхта). Они принадлежали къ тому соціальному слою, изъ котораго набирался правящій классъ,—«властели» великаго княжества, и потому вызывались на сеймы лично, какъ и эти «властели».

Сопоставляя то, что мы узнали о составѣ великаго вальнаго сейма Сигизмундовой эпохи, съ тѣмъ, что извѣстно намъ о его составѣ предъ Люблинской уніей, приходимъ къ заключенію что уже при Си-

---

323; IV, л. 1—24; Archiwum Sanguszków III, № CCXL—CCXLII, CCXLV; Археографическій сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 10, 11.

[350]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 96—99.

наго. Вопросы эти близко касались землевладѣльцевъ всѣхъ земель великаго княжества, добрымъ расположеніемъ которыхъ литовское правительство въ эпоху борьбы съ Москвою, какъ было уже сказано, должно было поневолѣ дорожить. «Ухвала» серебщины и военныхъ «уставъ» на великихъ вальныхъ соймахъ изъ области практики перешла въ право, признана была законнымъ порядкомъ. Сигизмундъ въ своей грамотѣ 1528 г., изданной по поводу выкупа господарскихъ имѣній на субсидію сейма, торжественно призналъ, что онъ не можетъ, не нарушая законовъ, облагать серебщиною военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества безъ ихъ воли и согласія; но эта воля и согласіе могли быть получены, конечно, только на великомъ вальномъ соймѣ. Статутъ 1529 г. косвеннымъ образомъ призналъ дѣломъ великаго вальнаго сойма и опредѣленіе размѣровъ военной службы съ земскихъ имѣній. Первый артикулъ II раздѣла этого статута гласилъ, что каждый человѣкъ, владѣющій земскимъ имѣніемъ, долженъ служить съ него и выправлять на войну ратниковъ «подле уфалы земское, яко на тот час будетъ потреба указывати». Станы сейма признавали за собою это право и дорожили имъ. Поэтому, когда господарь, уже послѣ изданія статута 1529 г., сталъ отступать отъ установившагося порядка и опредѣлять размѣры военной службы по совѣту съ панами-радою, станы сейма, собравшагося въ Берестьѣ въ 1544 г., не преминули сдѣлать господарю по поводу этого представленіе. Они заявили, что и при предкахъ Сигизмунда, и при немъ самомъ оборона устанавливалась не иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, при участіи княжатъ, панятъ, старостъ, хоружихъ и шляхты, «съ которыхъ *произволеньемъ и радою* завжды оборона быта доконывана». Поэтому они просили, чтобы и на будущее время соблюдался тотъ же порядокъ. Хотя правительство дало суровую отповѣдь на эту просьбу, какъ на неумѣстное притязаніе, но тутъ же косвенно признало за станами сейма то право, на торое они претендовали. Господарь объявилъ, что онъ оставляетъ въ силѣ свое прежнее постановленіе о посылкѣ на войну съ девяти десятаго, «на што вжо сами есте зволили». Позже постановленіе объ оборонѣ земской дѣлалось не иначе, какъ въ формѣ земскихъ «ухвалъ». Статутъ 1566 года уже устранилъ всякія недоразумѣнія и неясности въ этомъ отношеніи, опредѣливъ, что господарь съ панами радою не имѣютъ «мочы» одни, безъ вальнаго сейма, установлять оборону земскую, налагать серебщину или какой-либо «поплатъ».

При участіи великаго вальнаго сойма и съ его одобренія изданъ былъ при Сигизмундѣ и сводъ законовъ великаго княжества, извѣстный подъ именемъ Литовскаго Статута. Самая инициатива этого дѣла

принадлежитъ станамъ сейма, которые подавали объ этомъ господарю просьбы въ 1514 и 1522 гг. Мы видѣли, что новосоставленный статутъ читался по статьямъ и подвергался обсужденію на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 г. и до тѣхъ поръ не вошелъ въ законную силу, пока не принятъ былъ окончательно, во всѣхъ «артикулахъ» станами сейма (въ 1529 г.) [352]). Привлеченіе сейма къ этой законодательной работѣ было почти необходимостью. Статутъ имѣлъ своею цѣлью кодифицировать и пополнить всѣ наличныя права и вольности военно-служилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, всѣ дѣйствующіе законы и обычаи, коими регулировались отношенія ихъ къ господарю, между собой и къ другимъ классамъ общества [353]). При кодификаціи легко было нарушить въ чемъ-нибудь эти законы, а потому и производить эту работу необходимо было подъ контролемъ тѣхъ, кого эти законы, ближайшимъ образомъ касались. Кромѣ того, поскольку эта работа состояла въ формулировкѣ существующихъ юридическихъ обычаевъ, требовалось и прямое содѣйствіе становъ сейма. Мы видѣли, что уже Казимиръ издавалъ свой судебникъ, «согадавши» съ князьями и панами радою великаго княжества и «со всѣмъ посполъствомъ». Подобнымъ же образомъ поступалъ и Сигизмундъ. Разбирая въ январѣ 1514 года одно казусное дѣло и не зная, какъ его рѣшить согласно съ существующими обычаями, Сигизмундъ отложилъ его рѣшеніе до будущаго великаго сейма, на которомъ пожелалъ переговорить объ этомъ «со всею землею». Приступивъ къ кодификаціи существующихъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, Сигизмундъ счелъ нужнымъ пользоваться въ этомъ дѣлѣ экспертизою становъ сейма и прямымъ ихъ участіемъ въ составленіи свода законовъ. Въ данномъ случаѣ со стороны литовско-русскаго господаря обнаружилось признаніе за станами сейма права слѣдить за сохраненіемъ своихъ правъ и вольностей и допускать измѣненіе и отступленіе отъ нихъ не иначе, какъ по добровольному согласію, за своею «ухвалою», т.-е. обнаружилось то же самое признаніе, которое проявлялось и въ обращеніи къ станамъ сейма за «ухвалою» серебщины и опредѣленіями обороны земской. Но дальше этого пока еще не шли уступки господаря сейму. Шестой артикулъ третьяго раздѣла статута 1529 г., обязывая господаря соблюдать старинные законы и обычаи, въ то же время предоставлялъ ему издавать

---

[352]) Слѣды участія сейма въ составленіи статута отразились и въ самой *редакціи* нѣкоторыхъ статей. Первый артикулъ второго раздѣла гласитъ: «Уставуемъ с призволенем рад наших суполных и всих подданых» и т. д.

[353]) См. предисловіе отъ имени господаря къ Статуту.

вые законы ко благу государства «з ведомостью и порадою и с
оизволеньемъ» однихъ только пановъ-рады, но не всѣхъ становъ
ійма. Можно сказать поэтому, что при Сигизмундѣ выяснилось и уста-
вилось право великаго вальнаго сойма участвовать въ законодатель-
зѣ постольку, поскольку съ этимъ связано было сохраненіе суще-
зующихъ законовъ и обычаевъ или отступленіе отъ нихъ [354]). Право
участвовать въ созданіи всѣхъ вообще новыхъ законовъ опредѣли-
сь гораздо позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, въ статутѣ 1566 г.

Впрочемъ, фактическое участіе великаго вальнаго сойма въ зако-
дательствѣ уже при Сигизмундѣ I было гораздо шире его признан-
го права по этой части. Оно проявлялось въ «ухвалахъ» тѣхъ пред-
женій, которыя правительство считало нужнымъ вносить на разсмо-
ѣніе сейма, и въ тѣхъ «уставахъ», которые устанавливалъ господарь
панами-радою по просьбѣ становъ сейма. Такимъ образомъ, напр.,
Городенскомъ сеймѣ 1522 г. по предложенію правительства опре-
лена была конфискація имѣній за уклоненіе отъ военной службы и
правильный захватъ господарскихъ имѣній; на Виленскомъ сеймѣ
29 г. установленъ былъ ежегодный судовый сеймъ въ Вильнѣ па-
въ-рады для разбора накопившихся тяжебъ. На Виленскомъ сеймѣ
09 г. по просьбѣ становъ сейма издана была господаремъ и пана-
-радою новая «устава» о пересудахъ. На Берестейскомъ сеймѣ
44 г. господарь издалъ «уставу» относительно порядка переписи
іяхетскихъ имѣній въ томъ именно родѣ, въ какомъ пожелали станы
ійма, и такія же уставы относительно несенія мѣщанами военной
ужбы съ земскихъ имѣній, о прекращеніи выдачи изъ канцеляріи за-
чныхъ листовъ по заочной жалобѣ, о неподсудности шляхты суду
ковному по свѣтскимъ дѣламъ, о привлеченіи мѣщанъ къ земскому
ду по дѣламъ о грабежахъ и ранахъ, нанесенныхъ шляхтѣ и ея под-
нымъ, о прекращеніи вызововъ на судъ въ Польшу и т. д.

Просьбамъ становъ сейма обязаны были своимъ происхожденіемъ
только извѣстныя законодательныя опредѣленія, состоявшіяся при
игизмундѣ I, но и нѣкоторыя частныя правительственныя распоряже-
я. Можно сказать, поэтому, что великій вальный сеймъ принималъ
ькоторое участіе и въ административной дѣятельности центральнаго

[354]) Сами станы сейма сознавали себя стражами старинныхъ правъ и воль-
стей и считали своимъ правомъ и обязанностью указывать господарю на наруше-
я этихъ правъ и вольностей, какъ это имѣло мѣсто, напр., на великомъ Вилен-
омъ сеймѣ 1532 г., на Новгородскомъ военно-полевомъ сеймѣ 1538 г. и великомъ
рестейскомъ сеймѣ 1544 г.

принадлежитъ станамъ сейма, которые подавали объ этомъ господарю просьбы въ 1514 и 1522 гг. Мы видѣли, что новосоставленный статутъ читался по статьямъ и подвергался обсужденію на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 г. и до тѣхъ поръ не вошелъ въ законную силу, пока не принятъ былъ окончательно, во всѣхъ «артикулахъ» станами сейма (въ 1529 г.) [352]). Привлеченіе сейма къ этой законодательной работѣ было почти необходимостью. Статутъ имѣлъ своею цѣлью кодифицировать и пополнить всѣ наличныя права и вольности военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, всѣ дѣйствующіе законы и обычаи, коими регулировались отношенія ихъ къ господарю, между собой и къ другимъ классамъ общества [353]). При кодификаціи легко было нарушить въ чемъ-нибудь эти законы, а потому и производить эту работу необходимо было подъ контролемъ тѣхъ, кого эти законы, ближайшимъ образомъ касались. Кромѣ того, поскольку эта работа состояла въ формулировкѣ существующихъ юридическихъ обычаевъ, требовалось и прямое содѣйствіе становъ сейма. Мы видѣли, что уже Казимиръ издавалъ свой судебникъ, «согадавши» съ князьями и панами радою великаго княжества и «со всѣмъ поспольствомъ». Подобнымъ же образомъ поступалъ и Сигизмундъ. Разбирая въ январѣ 1514 года одно казусное дѣло и не зная, какъ его рѣшить согласно съ существующими обычаями, Сигизмундъ отложилъ его рѣшеніе до будущаго великаго сейма, на которомъ пожелалъ переговорить объ этомъ «со всею землею». Приступивъ къ кодификаціи существующихъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, Сигизмундъ счелъ нужнымъ пользоваться въ этомъ дѣлѣ экспертизою становъ сейма и прямымъ ихъ участіемъ въ составленіи свода законовъ. Въ данномъ случаѣ со стороны литовско-русскаго господаря обнаружилось признаніе за станами сейма права слѣдить за сохраненіемъ своихъ правъ и вольностей и допускать измѣненіе и отступленіе отъ нихъ не иначе, какъ по добровольному согласію, за своею «ухвалою», т.-е. обнаружилось то же самое признаніе, которое проявлялось и въ обращеніи къ станамъ сойма за «ухвалою» серебщины и опредѣленіями обороны земской. Но дальше этого пока еще не шли уступки господаря сейму. Шестой артикулъ третьяго раздѣла статута 1529 г., обязывая господаря соблюдать старинные законы и обычаи, въ то же время предоставлялъ ему издавать

---

[352]) Слѣды участія сейма въ составленіи статута отразились и въ самой редакціи нѣкоторыхъ статей. Первый артикулъ второго раздѣла гласитъ: «Уставуемъ с призволенем рад наших суполных и всих подданых» и т. д.

[353]) См. предисловіе отъ имени господаря къ Статуту.

новые законы ко благу государства «з ведомостью и порадою и с произволеньемъ» однихъ только пановъ-рады, но не всѣхъ становъ сейма. Можно сказать поэтому, что при Сигизмундѣ выяснилось и установилось право великаго вальнаго сойма участвовать въ законодательствѣ постольку, поскольку съ этимъ связано было сохраненіе существующихъ законовъ и обычаевъ или отступленіе отъ нихъ [354]). Право же участвовать въ созданіи всѣхъ вообще новыхъ законовъ опредѣлилось гораздо позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, въ статутѣ 1566 г.

Впрочемъ, фактическое участіе великаго вальнаго сойма въ законодательствѣ уже при Сигизмундѣ I было гораздо шире его признаннаго права по этой части. Оно проявлялось въ «ухвалахъ» тѣхъ предложеній, которыя правительство считало нужнымъ вносить на разсмотрѣніе сейма, и въ тѣхъ «уставахъ», которые устанавливалъ господарь съ панами-радою по просьбѣ становъ сейма. Такимъ образомъ, напр., на Городенскомъ сеймѣ 1522 г. по предложенію правительства опредѣлена была конфискація имѣній за уклоненіе отъ военной службы и неправильный захватъ господарскихъ имѣній; на Виленскомъ сеймѣ 1529 г. установленъ былъ ежегодный судовый сеймъ въ Вильнѣ пановъ-рады для разбора накопившихся тяжебъ. На Виленскомъ сеймѣ 1509 г. по просьбѣ становъ сейма издана была господаремъ и панами-радою новая «устава» о пересудахъ. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. господарь издалъ «уставу» относительно порядка переписи шляхетскихъ имѣній въ томъ именно родѣ, въ какомъ пожелали станы сейма, и такія же уставы относительно несенія мѣщанами военной службы съ земскихъ имѣній, о прекращеніи выдачи изъ канцеляріи заручныхъ листовъ по заочной жалобѣ, о неподсудности шляхты суду духовному по свѣтскимъ дѣламъ, о привлеченіи мѣщанъ къ земскому суду по дѣламъ о грабежахъ и ранахъ, нанесенныхъ шляхтѣ и ея подданнымъ, о прекращеніи вызововъ на судъ въ Польшу и т. д.

Просьбамъ становъ сейма обязаны были своимъ происхожденіемъ не только извѣстныя законодательныя опредѣленія, состоявшіяся при Сигизмундѣ I, но и нѣкоторыя частныя правительственныя распоряженія. Можно сказать, поэтому, что великій вальный сеймъ принималъ нѣкоторое участіе и въ административной дѣятельности центральнаго

---

[354]) Сами станы сейма сознавали себя стражами старинныхъ правъ и вольностей и считали своимъ правомъ и обязанностью указывать господарю на нарушенія этихъ правъ и вольностей, какъ это имѣло мѣсто, напр., на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1532 г., на Новгородскомъ военно-полевомъ сеймѣ 1538 г. и великомъ Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.

значеніе премущественно шляхетскаго класса. Шляхта доминируетъ на польскомъ сеймѣ, смѣло и энергично выступаетъ противъ короля и чиновныхъ магнатовъ, горячо и упорно отстаиваетъ свои интересы и въ оборонѣ ихъ является могущественною союзницею можновладства противъ королевской власти и королевской власти противъ можновладства. Рѣшенія на сеймахъ ставятся большею частью по ея волѣ, согласно ея требованіямъ и желаніямъ. Она оказывается въ высшей степени неподатливымъ элементомъ, отъ котораго приходится имѣть много хлопотъ и непріятностей какъ королю, такъ и чиновной аристократіи [1]. Шляхта, можно сказать, даетъ тонъ и направленіе всей государственной жизни Польши при Сигизмундѣ I. Не то мы видимъ за это время въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Литовско-русскій сеймъ является органомъ, черезъ который проявляется въ наибольшей полнотѣ и осуществляется политическое значеніе преимущественно крупной землевладѣльческой знати, князей и пановъ. Шляхта имѣетъ на этомъ сеймѣ постоянное мѣсто, но не играетъ на немъ первенствующей роли. Ее приглашаютъ на сеймъ для того, чтобы ознакомиться съ ея настроеніемъ, мнѣніями и желаніями по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ, заручиться ея одобреніемъ для принимаемыхъ мѣропріятій и тѣмъ сообщить имъ большую юридическую обязательность и фактическую силу, какъ «ухваламъ земскимъ». Но починъ, главная роль и рѣшающій голосъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ принадлежатъ по большей части панамъ радѣ, составлявшимъ государственный совѣтъ великаго княжества. Даже тѣ постановленія, иниціатива которыхъ исходитъ отъ шляхты, вырабатываются большею частью въ кругу пановъ-рады и сообщаются шляхтѣ къ свѣдѣнію. Въ этомъ кругу лежитъ пока центръ политической тяжести литовско-русскаго сейма. Великій вальный соймъ по существу своему въ разсматриваемое время является полнымъ собраніемъ господарской рады, пополненнымъ всѣми аристократическими элементами, не вошедшими въ ея составъ, совѣщающимся въ присутствіи шляхты и до извѣстной степени прислушивающимся къ ея голосамъ. Свои голоса шляхта, впрочемъ, не всегда подаетъ, молчаливо соглашаясь или подчиняясь рѣшеніямъ своей старшей братьи, князей и пановъ.

---

[1]) *M. Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zarysie, tom I, str. 329—342; II, str. 1—61, wyd. 3-ie; *Wl. Grabieńskiego* Dzieje narodu Polskiego, część I, str. 97—117. Kraków 1897. Срав. *A. Pawińskiego* Sejmiki ziemskie. Warszawa. 1895.

Этотъ фактъ даетъ себя выслѣдить съ полною ясностью по источникамъ, относящимся къ сеймамъ Сигизмундовой эпохи. Возьмемъ первый изъ великихъ вальныхъ соймовъ, собиравшихся въ великокняженіе Сигизмунда, — Виленскій 1507 г., происходившій въ отсутствіе господаря. На немъ, какъ извѣстно, выработана была военная устава и сдѣлано постановленіе о сборѣ серебщины. Военную уставу, по словамъ оффиціальной записи, уставили «князь бискупъ Виленскій и панове рада, воеводы, княжата», бывшіе на этомъ сеймѣ. Что касается сбора серебщины, то онъ рѣшенъ былъ также, по всѣмъ признакамъ, въ этомъ же кругу, а «земяне, вдовы, и вся посполите шляхта, которые на тотъ часъ на томъ сеймѣ были, зволили», т. е. дали свое согласіе [2]). На Виленскомъ сеймѣ 1509 г. цѣлый рядъ законовъ былъ выработанъ господаремъ и панами-радою, остальные станы только приняли ихъ къ свѣдѣнію. Таковы были уставы, касающіяся записи вѣна женамъ, имѣній государственныхъ измѣнниковъ и взиманія «пересуда» [3]). На великомъ Берестейскомъ соймѣ 1511 г. чрезвычайно важная устава, близко касающаяся всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ,—о правахъ и власти гетмана и реквизиціи провіанта и фуража установлена была «съ порадою пановъ-радъ», а другіе станы только приняли ее къ свѣдѣнію и руководству [4]). Въ виду такого значенія пановъ радныхъ и господарь, пересылая свои предложенія на сеймы, собиравшіеся въ его отсутствіе, обращался главнымъ образомъ къ панамъ-радѣ, имъ предлагалъ обсудить и рѣшить различные вопросы, стоящіе на очереди, «вземши порозумене» съ княжатами, панятами и шляхтою-рыцарствомъ въ особо важныхъ случаяхъ. Такъ было дѣло, напр., передъ сеймами 1520 г., 1521, 1525 и 1526 г. На сеймахъ 1520 и 1521 г. паны рада приняли самостоятельно цѣлый рядъ мѣръ по оборонѣ государства, а къ шляхтѣ обращались только по поводу предложенія короля послать ее на украинные замки на гарнизонную службу и касательно сбора серебщины [5]). На Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 г. уставу о размѣрахъ военной повинности съ земскихъ имѣній уставили господарь и паны рада великаго княжества, духовные и свѣтскіе. Даже въ постановленіи о сборѣ серебщины, состоявшемся на этомъ же сеймѣ, почипъ несомнѣнно принадлежалъ панамъ-радѣ, вслѣдствіе чего и оффи-

---

[2]) Акты Зап. Рос. II, № 13.

[3]) Scarbiec diplomatów II, № 2207, 2209, 2210; Акты Зап. Россіи II № 50, 52.

[4]) Zbiór praw litewskich, str. 115—117.

[5]) См. выше, стр. 217—224.

значеніе премущественно шляхетскаго класса. Шляхта доминируетъ на польскомъ сеймѣ, смѣло и энергично выступаетъ противъ короля и чиновныхъ магнатовъ, горячо и упорно отстаиваетъ свои интересы и въ оборонѣ ихъ является могущественною союзницею можновладства противъ королевской власти и королевской власти противъ можновладства. Рѣшенія на сеймахъ ставятся большею частью по ея волѣ, согласно ея требованіямъ и желаніямъ. Она оказывается въ высшей степени неподатливымъ элементомъ, отъ котораго приходится имѣть много хлопотъ и непріятностей какъ королю, такъ и чиновной аристократіи [1]. Шляхта, можно сказать, даетъ тонъ и направленіе всей государственной жизни Польши при Сигизмундѣ I. Не то мы видимъ за это время въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Литовско-русскій сеймъ является органомъ, черезъ который проявляется въ наибольшей полнотѣ и осуществляется политическое значеніе преимущественно крупной землевладѣльческой знати, князей и пановъ. Шляхта имѣетъ на этомъ сеймѣ постоянное мѣсто, но не играетъ на немъ первенствующей роли. Ее приглашаютъ на сеймъ для того, чтобы ознакомиться съ ея настроеніемъ, мнѣніями и желаніями по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ, заручиться ея одобреніемъ для принимаемыхъ мѣропріятій и тѣмъ сообщить имъ большую юридическую обязательность и фактическую силу, какъ «ухваламъ земскимъ». Но починъ, главная роль и рѣшающій голосъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ принадлежатъ по большей части панамъ радѣ, составлявшимъ государственный совѣтъ великаго княжества. Даже тѣ постановленія, инициатива которыхъ исходитъ отъ шляхты, вырабатываются большею частью въ кругу пановъ-рады и сообщаются шляхтѣ къ свѣдѣнію. Въ этомъ кругу лежитъ пока центръ политической тяжести литовско-русскаго сейма. Великій вальный соймъ по существу своему въ разсматриваемое время является полнымъ собраніемъ господарской рады, пополненнымъ всѣми аристократическими элементами, не вошедшими въ ея составъ, совѣщающимся въ присутствіи шляхты и до извѣстной степени прислушивающимся къ ея голосамъ. Свои голоса шляхта, впрочемъ, не всегда подаетъ, молчаливо соглашаясь или подчиняясь рѣшеніямъ своей старшей братьи, князей и пановъ.

---

[1]) *M. Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zarysie, tom I, str. 329—342; II, str. 1—61, wyd. 3-ie; *Wl. Grabieńskiego* Dzieje narodu Polskiego, część I, str. 97—117. Kraków 1897. Срав. *A. Pawińskiego* Sejmiki ziemskie. Warszawa. 1895.

Этотъ фактъ даетъ себя выслѣдить съ полною ясностью по источникамъ, относящимся къ сеймамъ Сигизмундовой эпохи. Возьмемъ первый изъ великихъ вальныхъ соймовъ, собиравшихся въ великокняженіе Сигизмунда, — Виленскій 1507 г., происходившій въ отсутствіе господаря. На немъ, какъ извѣстно, выработана была военная устава и сдѣлано постановленіе о сборѣ серебщины. Военную уставу, по словамъ оффиціальной записи, уставили «князь бискупъ Виленскій и панове рада, воеводы, княжата», бывшіе на этомъ сеймѣ. Что касается сбора серебщины, то онъ рѣшенъ былъ также, по всѣмъ признакамъ, въ этомъ же кругу, а «земяне, вдовы, и вся посполите шляхта, которые на тотъ часъ на томъ сеймѣ были, зволили», т. е. дали свое согласіе [2]). На Виленскомъ сеймѣ 1509 г. цѣлый рядъ законовъ былъ выработанъ господаремъ и панами-радою, остальные станы только приняли ихъ къ свѣдѣнію. Таковы были уставы, касающіяся записи вѣна женамъ, имѣній государственныхъ измѣнниковъ и взиманія «пересуда» [3]). На великомъ Берестейскомъ соймѣ 1511 г. чрезвычайно важная устава, близко касающаяся всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ,—о правахъ и власти гетмана и реквизиціи провіанта и фуража установлена была «съ порадою пановъ-радъ», а другіе станы только приняли ее къ свѣдѣнію и руководству [4]). Въ виду такого значенія пановъ радныхъ и господарь, пересылая свои предложенія на сеймы, собиравшіеся въ его отсутствіе, обращался главнымъ образомъ къ панамъ-радѣ, имъ предлагалъ обсудить и рѣшить различные вопросы, стоящіе на очереди, «веземши порозумене» съ княжатами, панятами и шляхтою-рыцарствомъ въ особо важныхъ случаяхъ. Такъ было дѣло, напр., передъ сеймами 1520 г., 1521, 1525 и 1526 г. На сеймахъ 1520 и 1521 г. паны рада приняли самостоятельно цѣлый рядъ мѣръ по оборонѣ государства, а къ шляхтѣ обращались только по поводу предложенія короля послать ее на украинные замки на гарнизонную службу и касательно сбора серебщины [5]). На Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 г. уставу о размѣрахъ военной повинности съ земскихъ имѣній уставили господарь и паны рада великаго княжества, духовные и свѣтскіе. Даже въ постановленіи о сборѣ серебщины, состоявшемся на этомъ же сеймѣ, починъ несомнѣнно принадлежалъ панамъ-радѣ, вслѣдствіе чего и оффи-

---

[2]) Акты Зап. Рос. II, № 13.

[3]) Scarbiec diplomatów II, № 2207, 2209, 2210; Акты Зап. Россіи II № 50, 52.

[4]) Zbiór praw litewskich, str. 115—117.

[5]) См. выше, стр. 217—224.

ціальная запись говоритъ объ этомъ постановленіи, какъ объ уставѣ господаря и пановъ-рады (изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что эта устава съ большимъ трудомъ получила признаніе остальныхъ становъ сейма [6]). Точно такимъ же постановленіемъ господаря и пановъ-рады является въ оффиціальной записи и ухвала новаго «плата», состоявшаяся на осеннемъ сеймѣ 1529 [7]). Эта неточность и неустойчивость оффиціальной терминологіи находитъ себѣ объясненіе именно въ томъ, что постановленіе пановъ-рады и сеймовая ухвала фактически нерѣдко совпадали. Какую роль играла знать на великихъ вальныхъ сеймахъ того времени, объ этомъ даетъ понятіе заявленіе пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, чрезвычайно характеристическое и въ самомъ своемъ преувеличеніи факта. На вопросъ, предложенный ему однимъ полякомъ, почему въ Литвѣ не должно быть такихъ же судей, какъ въ Польшѣ, Гаштольдъ отвѣчалъ, что шляхта занимаетъ тамъ другое положеніе, чѣмъ въ Польшѣ, и между прочимъ заявилъ: «И сеймы наши отправляются совершенно иначе: что рѣшается господаремъ и панами, то шляхтою обязательно принимается къ исполненію. Мы вѣдь приглашаемъ шляхту на наши сеймы какъ будто бы для чести, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы всѣмъ было явно то, что мы рѣшимъ» [8]). Это заявленіе не совсѣмъ точно изображаетъ положеніе вещей. Шляхта приглашалась на сеймы не для того только, чтобы принимать къ свѣдѣнію постановленія господаря и пановъ, но и для того, чтобы дать свое согласіе на эти постановленія. Шляхта вовсе не держала себя такъ пассивно, какъ это выходитъ по заявленію Гаштольда, и по временамъ отказывала въ своемъ согласіи, разстраивая

---

[6]) Очень хорошо отмѣчается этотъ починъ пановъ-рады при наложеніи серебщины въ подтвердительномъ привилеѣ Волынской земли, выданномъ въ 1509 году: «коли панове-рада наша великого князства Литовского, для которое великое потребы земское, зволятъ который платъ съ своихъ людей дати: тогды князи и панове и вся шляхта Волыньскоѣ земли маютъ намъ такожъ тотъ платъ съ своихъ людей давати» (Акты Зап. Рос. II, № 54).

[7]) См. выше, стр. 255.

[8]) Acta Tomiciana, ks. XII, Reps. R. 1529. Ration Gastoldi, cur judices in Lithuania non sint constituendi, ut est in Polonia... Nostrae longe aliter absolvuntur conventiones et quidquid per Mtem Regiam concluditur et Dominos, Nobilitas hoc nostra exequatur necesse est. Vocamus quidem ad nostros conventus etiam nobilitatem tanquam honoris gratia, revera autem, ut singulis palam sit quidquid concluserimus. Cм. Ks. L. Trzy rozdziały z historyi scarbowości w Polsce. str. 35, n. 2. Kraków 1868.

нимали участіе въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ 1379 году въ заключеніи мира съ Орденомъ, кромѣ Ягайла, участвовали братъ его Лингвеній и дядя Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ, которые привѣсили къ договорному акту и свои печати [16]). Въ 1382 году отдача Жмуди Ордену рѣшена была на совѣтѣ Ягайла съ братьями—Скиргайломъ, Корибутомъ, Лингвеньемъ, Коригайломъ, Вигунтомъ, Свидригайломъ (въ этомъ совѣтѣ принималъ также участіе и мѣщанинъ Виленскій Ганнеке) [17]). Выше (стр. 11) мы указывали на то, что и унія съ Польшею была принята окончательно на совѣщаніи Ягайла съ Скиргайломъ, Корибутомъ, Витовтомъ и Лингвеньемъ, происходившемъ въ Кревѣ въ августѣ 1385 года. Выдача извѣстнаго привилея 1387 г., предоставлявшаго разныя права и вольности боярамъ-католикамъ, состоялась на совѣщаніи, въ которомъ, кромѣ Ягайла и пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Польши князей (Олесницкаго и Мазовецкихъ) и пановъ, принимали участіе и литовскіе князья—Скиргайло Троцкій, Витовтъ Городенскій, Корибутъ Новгородскій, Казимиръ-Коригайло Мстиславскій и Александръ-Вигунтъ Керновскій [18]). Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на то, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XIV в. не происходило еще настоящаго удѣльнаго дѣлежа территоріи, что въ рукахъ великихъ князей сосредоточивалась сильная центральная власть надъ всѣмъ неразъединеннымъ, хотя и плохо еще сплоченнымъ комплексомъ земель и владѣній, что областные князья были не столько самостоятельными владѣтелями, сколько помощниками великихъ князей по управленію отдѣльными частями государства, ихъ намѣстниками [19]). Съ этими ближайшими своими сотрудниками и помощниками великіе князья рѣшали по совѣту и соглашенію и важнѣйшія общія дѣла, касавшіяся всего государства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что великіе князья совѣтовались по временамъ и съ своими боярами. Не всѣ области государства раздавали они въ управленіе своимъ родичамъ, — часть оставляли подъ своею непосредственною властью. Каждый великій князь былъ не только верховнымъ главою всего государства, но и правителемъ извѣстной его части, такимъ же областнымъ княземъ, какъ и другіе его родичи. Ве-

---

[16]) Scarbiec diplomatów I, № 464.

[17]) Ibidem, № 480; *Raczyńskiego* Kobex dyplomatyczny Litwy, str. 56—60.

[18]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

[19]) См. цитированную статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в.».

сплетается предметъ нашего спеціальнаго изученія, т. е. великій вальный сеймъ Литовско-Русскаго государства.

§ 2.

Господарская рада, какъ *особое учрежденіе* съ извѣстнымъ составомъ членовъ и признанною компетенціею, народилась уже при Казимирѣ, но окончательно сформировалась только въ началѣ великокняженія его сына Сигизмунда I. Къ этому времени постепенно установилась наличность должностей и званій, соединенныхъ съ мѣстами въ «лавицѣ» рады господарской. Къ этому же времени выяснилось окончательно и ея политическое значеніе, а отчасти даже и закрѣпилось юридически, въ земскихъ правилеяхъ 1492 и 1506 гг.

Предшественница господарской рады — великокняжеская дума XIV в. не была еще самостоятельнымъ, обособленнымъ отъ великаго князя, учрежденіемъ и потому не представляла изъ себя какой-либо опредѣленной корпораціи. Это былъ совѣтъ, составлявшійся при великомъ князѣ, такъ сказать, нарочито, изъ разныхъ лицъ, кого онъ считалъ полезнымъ или возможнымъ имѣть около себя въ данное время, при совершеніи того или другого правительственнаго акта. Такимъ образомъ, напр., въ совѣтѣ Гедимина въ 1324 г. постоянно засѣдалъ доминиканецъ Николай, а годъ тому назадъ Виленскіе минориты, которые въ 1324 г. уже не пользовались этою честью [12]). Сынъ Гедимина Ольгердъ и внукъ Ягайло совѣтовались съ своими родичами, областными князьями, какіе при нихъ въ данное время находились или какихъ они считали нужнымъ пригласить. Такимъ образомъ, напр., посылка уполномоченныхъ для заключенія мира съ Орденомъ въ 1358 г. рѣшена была на совѣтѣ Ольгерда съ братьями Кейстутомъ, Явнутомъ, Коріатомъ и племянникомъ Юріемъ [13]). Больше всего Ольгердъ совѣтовался съ братомъ своимъ Кейстутомъ, который часто пріѣзжалъ къ нему на думу, былъ его правою рукою, главнымъ совѣтчикомъ и помощникомъ по управленію гусударствомъ [14]) При Ягайлѣ такое же положеніе занималъ братъ его Скиргайло [15]). Но и другіе князья при-

[12]) *Н. П. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 142, прим. 3.

[13]) *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 208, 469.

[14]) Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, изд. Поповымъ, стр. 27—29.

[15]) См. нашу статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в.» (Изданія Историч. Общества при Импер. Москов. Университетѣ, годъ I, стр. 86, 87. Москва 1896).

мали участіе въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. 1379 году въ заключеніи мира съ Орденомъ, кромѣ Ягайла, учаовали братъ его Лингвеній и дядя Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ, орые привѣсили къ договорному акту и свои печати [16]). Въ 1382 году дача Жмуди Ордену рѣшена была на совѣтѣ Ягайла съ братьями— иргайломъ, Корибутомъ, Лингвеньемъ, Коригайломъ, Вигунтомъ, Свидгайломъ (въ этомъ совѣтѣ принималъ также участіе и мѣщанинъ ленскій Ганнеке) [17]). Выше (стр. 11) мы указывали на то, что и я съ Польшею была принята окончательно на совѣщаніи Ягайла съ иргайломъ, Корибутомъ, Витовтомъ и Лингвеньемъ, происходившемъ Кревѣ въ августѣ 1385 года. Выдача извѣстнаго привилея 1387 г., едоставлявшаго разныя права и вольности боярамъ-католикамъ, соялась на совѣщаніи, въ которомъ, кромѣ Ягайла и пріѣхавшихъ съ мъ изъ Польши князей (Олесницкаго и Мазовецкихъ) и пановъ, примали участіе и литовскіе князья—Скиргайло Троцкій, Витовтъ Городскій, Корибутъ Новгородскій, Казиміръ-Коригайло Мстиславскій и ександръ-Вигунтъ Керновскій [18]). Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на что въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XIV в. не происходило е настоящаго удѣльнаго дѣлежа территоріи, что въ рукахъ великихъ изей сосредоточивалась сильная центральная власть надъ всѣмъ неъединеннымъ, хотя и плохо еще сплоченнымъ комплексомъ земель владѣній, что областные князья были не столько самостоятельными адѣтелями, сколько помощниками великихъ князей по управленію дѣльными частями государства, ихъ намѣстниками [19]). Съ этими блийшими своими сотрудниками и помощниками великіе князья рѣшали совѣту и соглашенію и важнѣйшія общія дѣла, касавшіяся всего ударства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что великіе князья совѣтовались временамъ и съ своими боярами. Не всѣ области государства развали они въ управленіе своимъ родичамъ, — часть оставляли подъ оею непосредственною властью. Каждый великій князь былъ не только рховнымъ главою всего государства, но и правителемъ извѣстной его сти, такимъ же областнымъ княземъ, какъ и другіе его родичи. Ве-

---

[16]) Scarbiec diplomatów I, № 464.

[17]) Ibidem, № 480; *Raczyńskiego* Kobex dyplomatyczny Litwy, str. —60.

[18]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

[19]) См. цитированную статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ жду великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в.».

ликіе князья имѣли значеніе областныхъ князей въ Виленскомъ княженіи, обнимавшемъ восточную половину собственной Литовской земли и западную часть такъ называемой Руси Литовской. Въ управленіи этимъ княженіемъ они пользовались услугами своихъ бояръ: ихъ они посылали намѣстничать по пригородамъ этого княженія и тивунить по волостямъ въ своихъ дворахъ или дворцахъ, имъ же поручали завѣдывать нѣкоторыми спеціальными отраслями управленія, каковы были: *городничее*, *конюшее*, *подконюшее*, *ключъ*, *подключничиво* [20]) и т. подоб. Весьма вѣроятно, что съ этими боярами великій князь совѣтовался въ разныхъ вопросахъ правительственной практики, касавшихся Виленскаго княженія, какъ объ этомъ можно заключать по аналогіи съ другими областными княженіями [21]) и отчасти по фактамъ позднѣйшаго времени. Но при рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ участіе бояръ въ великокняжескомъ совѣтѣ не замѣтно до Витовта. Какъ было уже сказано выше (стр. 43), вершителями судебъ государства до эпохи Витовта были князья Гедиминовичи. Одинъ разъ, при заключеніи договора съ Орденомъ въ 1379 г. выступаютъ и бояре, но пока только въ качествѣ простыхъ свидѣтелей (geczuge).

Съ утвержденіемъ на великокняжескомъ престолѣ Витовта крупныхъ областныхъ князей Гедиминовичей, какъ мы уже видѣли, постигъ настоящій погромъ. Нѣкоторые изъ нихъ лишились совершенно владѣній, нѣкоторые перемерли безъ потомства, нѣкоторые измельчали, низошли на положеніе второстепенныхъ князей. Какъ бы то ни было, уцѣлѣвшіе изъ этихъ князей или ихъ потомки продолжали участвовать въ великокняжескомъ совѣтѣ. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи договора съ нѣмцами въ 1398 году около великаго князя находились между прочимъ кн. Владиміръ Ольгердовичъ, кн. Сигизмунтъ Кейстутьевичъ, князья Юрій Пинскій, Михаилъ (Явнутьевичъ) Заславскій, Але-

[20]) Эти уряды, бывшіе несомнѣннымъ наслѣдіемъ эпохи областныхъ княженій, сохранялись въ XV и XVI ст. См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 841—844, 852.

[21]) «Раду» князья Новгородъ-Сѣверскаго Корибута въ 1388 г. составляли слѣдующія лица: князь Давидъ Дмитріевичъ, князь Русанъ Плаксичъ и бояре: Василій Данильевичъ, Федоръ Евлашковичъ, Хвороща съ братомъ Иваномъ, *воевода* Глѣбъ Евдокимовичъ, Скушь, *воевода Новгородскій* и т. д (Archiwum Sanguszków I, № IX, X). Князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій жаловалъ имѣнья духовенству, погадавъ *съ своими боярами, съ своею вѣрною радою* (Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 227, 228). О думахъ областныхъ князей см. также выше, стр. 153—160.

ксандръ (Патрикѣевичъ) Стародубскій [22]). При заключеніи договора съ Орденомъ въ 1422 году въ совѣтѣ великаго князя присутствовали между прочимъ кн. Свидригайло Черниговскій, Сигизмундъ Стародубскій, Александръ, Иванъ и Андрей Владиміровичи (Ольгердовича), Ѳедоръ Корибутовичъ, Юрій Лингвеньевичъ [23]). Витовтъ привлекалъ къ совѣщаніямъ по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ не однихъ только Гедиминовичей, но и другихъ литовскихъ и русскихъ князей, которые помогали ему въ достиженіи великаго княженія на Литвѣ и охраненіи цѣлостности и самобытности Литовско-Русскаго государства. Таковы были: князья Гольшинскіе, кн. Вейшишскій, кн. Клецкій, кн. Юрій Довкговдъ, кн. Друцкіе, Воротынскіе и др. (см. выше, стр. 16, 17, 25, 27, 28, 54). Но чаще всего и больше всего совѣтъ Витовта составлялся изъ первостепенныхъ литовскихъ бояръ, или пановъ. Эти бояре играли главную роль въ возведеніи Витовта на великое княженіе и въ дальнѣйшемъ сдѣлались его главною опорою и поддержкою. Въ качествѣ намѣстниковъ великаго князя они заступили мѣсто прежнихъ областныхъ князей; ими стали замѣщаться нѣкоторыя высокія должности, созданныя по примѣру Польши, какъ, напр., уряды маршалковъ, каштеляновъ и т. д. Всѣ эти бояре, сдѣлавшіе Витовта великимъ княземъ и сами сдѣлавшіеся его сотрудниками по управленію великимъ княжествомъ, естественно сдѣлались обычными и частыми его совѣтниками. Число этихъ совѣтниковъ необходимо должно было увеличиться вслѣдствіе того политическаго объединенія, которымъ сопровождалось возведеніе Витовта на великое княженіе. Передъ тѣмъ, какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ, собственная Литва и та часть Руси, гдѣ распространено было землевладѣніе литовскаго боярства, распадалось на четыре княжества: Виленское, находившееся въ непосредственной власти Ягайла, Троцкое, отданное имъ брату Скиргайлу, Керновское, принадлежавшее другому брату Вигунту, Городенское, принадлежавшее Витовту. Съ утвержденіемъ Витовта на великомъ княженіи это дѣленіе уничтожилось и все знатное литовское боярство, отправлявшее различныя должности и участвовавшее въ совѣтахъ при четырехъ князьяхъ, собралось теперь вокругъ одного господаря и стало участвовать въ его совѣтахъ. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи договора съ Орденомъ въ 1398 г., кромѣ князей, въ совѣтѣ великаго

---

[22]) *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczny Litwy, str. 256; Monumenta medii aevi, tomus VI, № CLXXIX.

[23]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus IV, p. 115.

князя участвовали: намѣстникъ Ошменскій Минигайло, намѣстникъ Виленскій Монивидъ, маршалокъ двора Чупурна, намѣстникъ Кревскій Гаштольдъ, намѣстникъ Троцкій Кинмунтъ Гинвилъ, намѣстникъ Ковенскій Сунгайло, намѣстникъ Вилькомирскій Вежкгайло, намѣстникъ Ушпольскій Остикъ, намѣстникъ Мѣдницкій Корейка, конюшій Немиръ, намѣстникъ Пенянскій Ройвидъ [24]) и др. Знатное литовское боярство, какъ было уже сказано, преобладало въ совѣтѣ великаго князя при заключеніи договоровъ объ уніи съ Польшею въ 1401 и 1413 году (см. выше стр. 28, 29, 35). Перемиріе съ Орденомъ въ 1410 г. Витовтъ подтверждалъ сообща (mitsampt) съ бискупомъ Виленскимъ Николаемъ, намѣстникомъ Виленскимъ Альбертомъ, или Монивидомъ, маршалкомъ Станиславомъ, или Чупурною, намѣстникомъ Вилькомирскимъ Михайломъ, или Кезгайломъ, намѣстникомъ Ковенскимъ Сунгайломъ, или Ганусомъ [25]). Въ заключеніи договора съ датскимъ королемъ Эрихомъ въ 1419 г. съ литовской стороны, кромѣ Витовта и бискуповъ Петра Виленскаго, Матвѣя Мѣдницкаго, Григорія Владимірскаго, Михаила Кіевскаго, участвовали: Альбертъ Монивидъ, воевода Виленскій, Станиславъ Ивановичъ, воевода Троцкій, Христинъ Остикъ, панъ (каштелянъ) Виленскій, Сунгайло, панъ Троцкій [26]). Миръ, заключенный съ Орденомъ при озерѣ Мельнѣ, съ литовской стороны, кромѣ Витовта и нѣкоторыхъ князей, подтвердили: Альбертъ Монивидъ, воевода Виленскій, Кристинъ Остикъ, панъ Виленскій, Янъ, или Явнисъ, воевода Троцкій, Михаилъ Кезгайло, староста Жмудскій, Янъ Сунигайло, панъ Троцкій, староста Ковенскій, Юрій Гедигольдъ, староста Подольскій, Румбольдъ—Витебскій, Янъ Бутримъ—Смоленскій, Товтко — Полоцкій; маршалокъ дворный Петръ, намѣстникъ Солечницкій Александръ Монтовтовичъ, намѣстникъ Дорсунишскій Ивашко Гаштольдъ, намѣстникъ Городенскій Михаилъ Монтвидъ [27]) и др. При заключеніи договора съ Орденомъ въ 1425 году о границахъ, съ литовской стороны, кромѣ Витовта, присутствовали: Янъ, или Явнисъ, воевода Троцкій, Остикъ, панъ Виленскій, Сунигайло, панъ Троцкій, Кезгайло, староста Жмудскій, Румбольдъ, маршалокъ Литовскій, Якубъ Кобылянскій, маршалокъ двора [28]). При выдачѣ великимъ княземъ при-

---

[24]) *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczy Litwy, str. 256.

[25]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCCCXLI.

[26]) Ibidem, № DCCCXLV.

[27]) *Dogiel,* Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus IV, p. 115.

[28]) *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 317.

вилея на войтовство въ Тыкотинѣ нѣкоему Петру съ Гумолка 31 декабря 1426 года находились: бискупы Виленскій Матвѣй и Кіевскій Михаилъ, воевода Виленскій Гедигольдъ, воевода Троцкій Янъ, или Явнисъ, маршалки двора Якубъ Кобылянскій и Ивашко (Гаштольдъ) [29]). Въ 1430 году, октября 21, Витовтъ записалъ каѳедрѣ Виленской свое имѣнье Гумень въ присутствіи Юрія Гедигольда, воеводы Виленскаго, и Явниса, воеводы Троцкаго, маршалка Литовскаго Румбольда и маршалка двора Гаштольда [30]). — Кромѣ князей и знатнаго литовскаго боярства, совѣтниками Витовта, какъ было уже сказано выше (стр. 59) и какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ, бывали нерѣдко и католическіе бискупы.

Весь этотъ кругъ лицъ, изъ которыхъ составлялся совѣтъ Витовта, пока еще не былъ очерченъ точно и замкнутъ. По временамъ въ этотъ совѣтъ входили и разныя другія лица, обычно въ немъ не участвовавшія, которыхъ великій князь считалъ полезнымъ или возможнымъ имѣть при себѣ при совершеніи того или другого правительственнаго акта. Такимъ образомъ, напр., дарственную запись на замокъ Соколовъ въ землѣ Дорогицкой съ селами Купатиномъ и Роговомъ въ пользу своего секретаря и совѣтника (secretario et consiliario) Николая Дембинскаго Витовтъ совершилъ въ Городнѣ 9 апр. 1422 г. въ присутствіи Яна, воеводы Троцкаго, Гнѣвоша изъ Далевичъ, подстолія Краковскаго, Гинтовта изъ Жирунтина, Довгерда, маршалка двора, Андрушка, подчашія, Бартоломея изъ Горки, писаря, и др. [31]). Дарственную запись на имѣнья бискупству Луцкому Витовтъ совершилъ въ Городнѣ 1 апр. 1428 г. въ присутствіи находившихся у него на службѣ польскихъ шляхтичей: Петра Медвѣдскаго, Мщуга Скржинскаго, Якуба Кобылянскаго, маршалка двора, Николая Цибульки Чеховскаго, секретаря; Юрія Стромила, ложничія (supremus cubicularius), и литвина Юрія съ Жирмунъ, маршалка двора [32]), и др. При этихъ же лицахъ, со включеніемъ маршалка двора Радивила, совершилъ Ви-

---

[29]) Scarbiec diplomatów II, № 1427.

[30]) Ibidem, № 1514.

[31]) Praesentibus magnificis et strenuis Ioanne Palatino Trocensi, Gnielbosio de Dalenicz subdapifero cracoviensi, Gintoldo de Ziruntin, Dorigerdo marschalco curiae, Andruszkone suppincerna, Bartholomeo de Gorka notario alysque pluribus fidelibus nostris dilectis. Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 265—267.

[32]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5.

товтъ тогда же и вѣновную запись въ пользу жены своей Ульяны [33]. Въ 1429 году, 28 декабря, въ Городнѣ Витовтъ пожаловалъ Станиславу Дзядку войтовство въ Дорогичинѣ въ присутствіи Гнѣвоша изъ Далевичъ, Николая Сланки, маршалка двора Якуба Кобылянскаго, Гаштольда, ложничія Юшка Стромила, Радивила, Николая Мальдржика, секретаря и совѣтника и др. [34]. Всѣ эти факты находятъ себѣ объясненіе во-первыхъ въ томъ, что великокняжескій совѣтъ при Витовтѣ не организовался еще въ особое, отдѣльное отъ господаря учрежденіе. Великокняжескій совѣтъ составлялся при господарѣ, существовалъ для его потребностей и естественно набирался изъ всѣхъ тѣхъ, кого господарь считалъ для себя полезнымъ или возможнымъ допустить къ совѣщаніямъ. Строгаго ограниченія по этой части не существовало еще и потому, что въ то время роль великокняжескаго совѣтника не отдѣлялась еще рѣзко отъ роли простого свидѣтеля при совершеніи того или другого правительственнаго акта [35]. То или другое правительственное распоряженіе великій князь издавалъ нерѣдко по единоличному усмотрѣнію, безъ совѣщанія съ находившимися при немъ лицами. Эти лица были, такимъ образомъ, простыми свидѣтелями акта, который благодаря ихъ присутствію пріобрѣталъ большую обязательность и юридическую силу. Это сліяніе роли совѣтника съ ролью простого свидѣтеля, продолжавшееся долгое время и послѣ Витовта, нашло себѣ выраженіе и въ языкѣ актовъ, которые заканчиваются нерѣдко стереотипною фразою: «А при томъ были свѣдоки паны-рада наша» [36]. Но если совѣтъ великаго князя игралъ нерѣдко такую чисто пассивную роль, то естественно, что и доступъ въ него былъ широкій и открытый. До роли «свѣдоковъ» легко допускались и стороннія лица, не принадлежавшія къ великокняжескимъ совѣтникамъ въ собственномъ смыслѣ [37]. При простотѣ тогдашнихъ отношеній могло случаться, что эти «свѣдоки» принимали участіе и въ совѣщаніяхъ, происходившихъ

---

[33]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCXXI.

[34]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 6. Срав. № 7.

[35]) На это обстоятельство уже обращено было вниманіе въ исторической литературѣ. См. *В. О. Ключевскаго* Боярская дума древней Руси, стр. 153—157, изд. 2-ое.

[36]) См., напр., Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 2; Акты Зап. Рос. I, № 36, 37, 53, I и др.

[37]) Это бывало и въ послѣдующее время, когда великокняжескій совѣтъ сложился уже въ учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ. См., напр., Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 88; Акты Зап. Рос. II, № 231.

при господарѣ, и изъ простыхъ свидѣтелей превращались въ совѣтниковъ великаго князя.

Но хотя великокняжескій совѣтъ при Витовтѣ не представлялъ еще установившейся корпораціи, тѣмъ не менѣе уже при этомъ государѣ за нѣкоторыми лицами утвердилось званіе господарскихъ совѣтниковъ, или пановъ рады. Этотъ фактъ обнаруживается прежде всего изъ заявленій въ различныхъ актахъ, изданныхъ отъ имени Витовта. Выше было указано на то, что Николай Мальдржикъ, *секретарь* Витовта, величается въ грамотѣ, выданной Дзядку на войтовство Дорогицкое, «совѣтникомъ» Витовта (Datum per manus nobilis Nicolai Maldrzyk, secretarii et consiliarii nostri fidelis dilecti). Въ грамотѣ, выданной на различныя имѣнья пану Ильѣ Вячковичу, читаемъ: «А при том были светки, рада наша: *воевода виленскій* панъ Дидикголдъ, панъ Остикъ (*панъ Виленскій*), панъ Бутримъ (*маршалокъ двора*), панъ Кгезкгалъ (*староста Жмудскій*)» [38]). Въ письмѣ къ Ягайлу отъ 14 іюня 1430 г. Витовтъ называетъ своими совѣтниками (consiliarii) *маршалка земскаго* Румбольда, *намѣстника Новгородскаго* Петраша, *маршалка двора* Гаштольда и *секретаря* Мальдржика [39]). Признаніе нѣкоторыхъ высшихъ должностныхъ лицъ совѣтниками господаря открывается также изъ дарованія имъ титуловъ, съ которыми въ Польшѣ связано было званіе пана раднаго. Таковы были титулы *воеводъ*, которые присвоены были при Витовтѣ намѣстникамъ Виленскому, Троцкому, Новгородскому, Кіевскому, и титулы *каштеляновъ* Виленскаго и Троцкаго, которыя жаловались (съ 1413 года) наиболѣе заслуженнымъ лицамъ послѣ воеводъ Виленскаго и Троцкаго [40]).

Итакъ, при Витовтѣ званіе господарскихъ совѣтниковъ упрочилось за лицами, занимавшими высшія должности въ государствѣ, каковы были: намѣстники, замѣнившіе собою областныхъ князей, и придворные сановники, заведенные по польскому примѣру и состоявшіе въ Польшѣ въ званіи пановъ радныхъ, каковы были маршалки земскій и дворные и др. Съ этими лицами великій князь чаще другихъ совѣщался по дѣламъ управленія, и они фактически сдѣлались его спеціальными совѣтчиками, что должно было привести и къ юридическому признанію ихъ въ этомъ званіи.

---

[38]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 2. Грамота эта выдана не въ 1407 г., а гораздо позже, въ концѣ великокняженія Витовта, ибо Гедигольдъ сталъ воеводою Виленскимъ около 1426 г. См. Scarbiec diplomatów II, № 1427.

[39]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 181.

[40]) См. *Bandtkie* Historya prawa polskiego, str. 320.

Подводя итогъ всему, что даютъ источники относительно совѣта Витовта, приходимъ къ заключенію, что при этомъ государѣ, хотя и не образовалось великокняжескаго совѣта въ смыслѣ корпоративнаго учрежденія, но все-таки намѣтился извѣстный персоналъ государевыхъ совѣтниковъ по званію или должности, послужившій ядромъ, изъ котораго при благопріятныхъ обстоятельствахъ выросла господарская рада, какъ особое учрежденіе въ ряду правительственныхъ органовъ великаго княжества. Этотъ персоналъ составился изъ князей, католическихъ бискуповъ и высшихъ свѣтскихъ сановниковъ великаго княжества.

Такое же положеніе вещей наблюдаемъ и при преемникахъ Витовта, при Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Тѣ же самыя лица, которыя были совѣтниками Витовта, были на первыхъ порахъ совѣтниками и у Свидригайла, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ знатныхъ русскихъ бояръ. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи оборонительно-наступательнаго союза съ Орденомъ въ 1431 году 19 іюня около Свидригайла находились: бискупъ Виленскій Матвѣй, бискупъ Жмудскій Николай, бискупъ Луцкій Андрей и князья: Семенъ Ольгердовичъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ, Олелько Владиміровичъ, Ѳедоръ Корибутовичъ, Семенъ и Михаилъ Ивановичи (Гольшанскіе), Иванъ и Путята Семеновичи (Друцкіе); паны: Остикъ, панъ Виленскій, Гедигольдъ, воевода Виленскій, Кезгайло, староста Жмудскій, Явнисъ, воевода Троцкій, Сунгайло, панъ Троцкій, Румбольдъ, маршалокъ земскій, Ходко Юрьевичъ, Петрашко Монтыгирдовичъ, намѣстникъ Новгородскій, Ивашко Гаштольдъ, маршалокъ двора [41]). Послѣ низверженія Свидригайла его рада перешла по наслѣдству къ Сигизмунду Кейстутьевичу. Такимъ образомъ, напр., при пожалованіи Виленскому мѣсту магдебургскаго права 17 сенября 1432 г. около новаго великаго князя встрѣчаемъ прежнихъ совѣтниковъ Свидригайла: князя Олелька, князя Семена Ивановича (Гольшанскаго), пана Виленскаго Остика, старосту Жмудскаго Кезгайла, маршалка земскаго Румбольда, воеводу Троцкаго Явниса, пана Троцкаго Сунгайла, воеводу Новгородскаго Петраша Монтыгирдовича, Ивашка Гаштольда, Радивила Остиковича и др. [42]). Эти старые совѣтники, какъ было уже указано выше (стр. 73, 74), подтверждали приложеніемъ своихъ печатей и договоръ объ уніи съ Польшею, заключенный Сигизмундомъ 15 окт. 1432 года. Въ 1434 году Сигизмундъ выдавалъ Виленской каѳедрѣ привилей на

---

[41]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 462.

[42]) Scarbiec diplomatów II, № 1626.

имѣнья въ повѣтѣ Мѣдницкомъ въ присутствіи пана Виленскаго Остика, воеводы Виленскаго Довгерда, воеводы Троцкаго Лелюша, Кезгайла съ Давилтова, Петрашка Монтыгирдовича, Ходка Юрьевича, Ивашка Гаштольдовича, Олехна Довойновича и писаря дворнаго Миколая [43]). Въ 1436 году Сигизмундъ совершалъ дарственную запись капитулѣ Виленской на имѣнье Войняговъ въ присутствіи воеводы Виленскаго Довгерда, Троцкаго Лелюша, маршалка земскаго Петраша Монтыгирдовича, Андрушка Саковича, Олехна Довойновича [44]). Все это лица того же ранга, какъ и совѣтники Витовта.

Какъ извѣстно, Свидригайло послѣ низверженія своего съ престола не покидалъ притязаній на великое княженіе, такъ что съ осени 1432 года въ великомъ княжествѣ Литовскомъ было собственно двое великихъ князей, оспаривавшихъ другъ у друга власть надъ всѣмъ государствомъ. У Свидригайла такъ же, какъ и Сигизмунда Кейстутьевича, была своя «вѣрная рада», съ которою онъ совѣтовался въ своей правительственной дѣятельности. Эта новая рада составилась преимущественно изъ русскихъ людей; но помимо этого отличія, въ общемъ походила на раду Витовта и Сигизмунда. Главную, основную часть ея составляли князья, высшія духовныя лица и высшіе свѣтскіе сановники,—придворные урядники и намѣстники областей, оставшихся вѣрными Свидригайлу. Такимъ образомъ, напр., въ составъ той «вѣрной рады», съ которою Свидригайло совѣтовался въ Кіевѣ 17 окт. 1437 года при пожалованіи пану Каленику Мишковичу имѣній, входили: *архимандритъ Печерскій* Аврамій, *князь* Иванъ Путята, *воевода Кіевскій* панъ Юрша, князь Борисъ Глинскій, *староста Каменецкій*, панъ Ластавскій; паны: Петръ Войницкій, Войдило, Гринко Сурвиловичъ, Еско Мишковичъ, Ромейко, Михайло Мошенскій [45]). Въ составѣ той рады, съ которою Свидригайло совѣщался 4 февраля 1438 года, при пожалованіи своему кухмистру Петру Мышчичу имѣній въ Кременецкомъ повѣтѣ, находились: панъ Монивидъ, *староста Подольскій и Кременецкій, воевода Кіевскій* панъ Юрша, *староста Луцкій и Олеській* панъ Янъ Войницкій, *маршалокъ* панъ Юрій, панъ Хохлевскій, панъ Иванъ Гулевичъ, *маршалокъ* Луцкой земли панъ Козаринъ; паны: Масько Гулевичъ, Иванъ Волотовичъ, Иванъ Чорный, Иванко Мукосѣевичъ [46]). При пожалованіи пану Григорію Стреченовичу имѣній

[43]) Ibidem, № 1692.
[44]) Ibidem, № 1726.
[45]) Archiwum Sanguszków I, № XXXV; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 19.
[46]) Акты Зап. Рос. I, № 36.

2 сентября 1438 года находились «свѣдоки», рада Свидригайла: *владыка Луцкій* Θеодосій, *староста Подольскій и Кременецкій* панъ Монивидъ, *маршалокъ* князь Василій Андреевичъ, *маршалокъ* князь Андрей Васильевичъ, панъ Окушко Толкачевичъ [47]).

Эта рада осталась при Свидригайлѣ приблизительно въ такомъ же составѣ и послѣ того, какъ на великомъ княженіи утвердился Казимиръ, а Свидригайло остался областнымъ Волынско-Подольскимъ княземъ подъ рукою своего племянника. Надо сказать, что Свидригайло, хотя и низошелъ на положеніе областного князя, продолжалъ титуловаться великимъ княземъ и въ обстановкѣ своего двора замѣтно старался не отставать отъ великаго князя. Онъ держалъ у себя тѣхъ же должностныхъ лицъ, какія были у великаго князя въ Вильнѣ, и учреждалъ новыя должности по образцу Виленскаго двора. Такимъ образомъ, при немъ появились новыя должности канцлера и даже подканцлера, подскарбія, крайчаго, и т. д. Естественно, что и его «вѣрная рада» была довольно точною копіей рады настоящаго великаго князя. Въ составъ ея съ 1442 года и по 1452 годъ входили: *владыка Луцкій* Θеодосій и затѣмъ Ефремъ, различные *волынскіе князья*, какъ-то: князья Михайло и Иванъ Васильевичи Чорторыйскіе, кн. Иванъ Четвертеньскій, кн. Александръ Сангушковичъ, кн. Иванъ и Семенъ (Романовичи) Звягольскіе, кн. Александръ Носъ; намѣстники областей Волынской земли, какъ-то: *староста Луцкій* Немиръ Резановичъ, *староста Владимірскій*—кн. Михайло Константиновичъ, а затѣмъ панъ Пашко Дахновичъ, *староста Подольскій и Кременецкій* панъ Монивидъ; придворные сановники, какъ-то: *канцлеръ* панъ Θедко Козловскій, *подканцлеръ* кн. Борисъ Глинскій, а затѣмъ панъ Сенько Калениковичъ, *подскарбій* панъ Сенько Калениковичъ, *крайчій* панъ Θедко Хомичъ, *маршалокъ земскій* панъ Козаринъ Резановичъ, а затѣмъ Петрашъ Кирдѣевичъ Мыльскій; *маршалки*: панъ Андрей Джуса, панъ Юрій, панъ Бернатъ, панъ Пѣшко, панъ Сава Стоянъ; *ключникъ Луцкій* панъ Юшко Войдатовичъ; паны: Иванъ и Маско Гулевичи, Иванъ Волотовичъ, Ивашко и Дениско Мукосѣевичи, Грицко и Гаврило Шило Кирдѣевичи, Семашко Епифановичъ, Богушъ, Севастьянъ, Васюта Тептюковичъ, принадлежавшіе къ тому же кругу мѣстной землевладѣльческой аристократіи, къ которому принадлежали и перечисленные сановники и должностныя лица [48]).

---

[47]) Archiwum Sanguszków I, № XXXVI; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 20.

[48]) Акты Зап. Рос. I, № 45; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 21, 24; II, № 69; Археографическій сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VII, № 3; Акты Литовской Метрики.

Обращаясь теперь къ радѣ самого Казимира, находимъ въ ней ѣ же категоріи признанныхъ совѣтниковъ, съ какими мы встрѣчались уже при Витовтѣ, Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Такимъ образомъ, раду Казимира въ 1441 году 7 апрѣля, при подтвержденіи привилея мѣсту Виленскому, составляли: *князья* Глѣбъ Довгольдовичъ Юрій Семеновичъ (Гольшанскій), *воевода Виленскій* Довгердъ, *воевода Троцкій* Ивашко Гаштольдъ, *маршалокъ земскій* Петрашъ Монтыгирдовичъ, Судивой Волимунтовичъ (намѣстникъ Ковенскій?), Андрейко Немировичъ, Андрейко Саковичъ (*намѣстникъ Смоленскій*), Ивашко Кгойцевичъ (намѣстникъ Витебскій?) и др. [49]). Въ 1443 году 3 марта, при подтвержденіи князю Сангушку его отчины Ратна и Ветелъ, «раду литовскую» составляли: панъ Гаштольдъ, *воевода Виленскій*, панъ Монивидъ, *воевода Троцкій*, панъ Петрашъ, *маршалокъ земскій* и др. [50]). Въ 1450 году 24 іюля, при пожалованіи имѣнья пану Олизару Шиловичу, Казимиръ совѣщался съ своею «вѣрною радою», въ составъ которой входили: *князь* Юрій Семеновичъ, воевода Троцкій панъ Монивидъ, *намѣстникъ Полоцкій* панъ Андрей Саковичъ [51]). Въ составѣ рады, съ которою Казимиръ совѣщался 2 и 9 ноября того же года, при пожалованіи имѣній пану Немиру Резановичу, находились: воевода Виленскій Гаштольдъ, Троцкій—Монивидъ; *воевода Новгородскій*, маршалокъ земскій панъ Петрашъ; *намѣстникъ Ковенскій* панъ Судивой, намѣстникъ Смоленскій панъ Сенько Гедигольдовичъ, *канцлеръ* панъ Михаилъ [52]). При выдачѣ грамоты митрополиту Іонѣ на управленіе Кіевскою митрополіею въ совѣтѣ Казимира были: *стрыйко* нашъ князь Швитригайло, *братъ* князь Александръ Володимеровичъ; князь Матей, *бискупъ Виленьскій*; воевода Виленьскій панъ Кгастовтъ; воевода Троцкій панъ Монивидъ; воевода Новгородскій, маршалокъ земскій панъ Петрашъ Монтикгирдовичъ; панъ Судивой, *намѣстникъ Ковеньскій, панъ Виленьскій*; намѣстникъ Смоленьской панъ Семенъ Кгедикгольдовичъ; панъ Ондрей Немировичъ; панъ Андрей Исаковичъ, намѣстникъ Полоцкій; панъ Юрша, *староста Брявавскій*, панъ Михайло, *канцлеръ* и иныхъ многихъ нашихъ князей и

изд. Леонтовичемъ, вып. I, № 10; Archiwum Sanguszków I, № XXXVIII, XLI, XLIV, XLVII, XLVIII, XLIX; tomus III, № VII—XI; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 18, 19, nota 20.

[49]) Scarbiec diplomatów II, № 1768.

[50]) Archiwum Sanguszków I, № XXXIX.

[51]) Акты Зап. Рос. I, № 53, I.

[52]) Тамъ же, № 54.

пановъ»[53]. При пожалованіи имѣній различнымъ лицамъ 3, 4 и 8 января и 2 марта 1452 г. раду Казимира составляли: *бискупъ Виленскій* Матвѣй; князья Андрей Владиміровичъ (Ольгердовича) и Юрій Семеновичъ; упомянутые уже воеводы Виленскій, Троцкій и Новгородскій; *панъ Виленскій* (намѣстникъ Ковенскій) Судивой, *панъ Троцкій* Пацъ, намѣстникъ Полоцкій Андрей Саковичъ, панъ Радивилъ Остиковичъ (*маршалокъ*, намѣстникъ Пенянскій), панъ Олехно Довойновичъ (*староста Берестейскій*), панъ Ивашко Кгойцевичъ (*намѣстникъ Витебскій*), панъ Лелюшъ (*намѣстникъ Городенскій*), панъ Михаилъ, канцлеръ и намѣстникъ Смоленскій, панъ Андрей Немировичъ (староста Дорогицкій?), панъ Миколай Немировичъ, панъ Станко Мордасъ и др.[54]. Перечисленныя здѣсь лица обозначены панами радою и въ подтвердительномъ привилеѣ на отчину, выданномъ Казимиромъ въ 1455 году 28 марта князю Ѳедору Воротынскому[55]. По актамъ 1483 и 1484 годовъ составъ господарской рады обозначается такимъ образомъ: бискупъ Виленскій Андрей; воевода Виленскій и канцлеръ панъ Олехно Судимонтовичъ; воевода Троцкій панъ Мартинъ Гаштольдъ; панъ Виленскій, *староста Жмудскій* панъ Янъ Кезгайловичъ; панъ Троцкій, намѣстникъ Новгородскій панъ Михайло Монтовтовичъ; маршалокъ земскій, намѣстникъ Полоцкій панъ Богданъ Андреевичъ; *маршалокъ*, намѣстникъ Берестейскій панъ Якубъ Немировичъ; намѣстникъ Витебскій панъ Иванъ Ильиничъ; *маршалокъ*, намѣстникъ Лидскій панъ Петрашко Пашковичъ; *маршалокъ*, намѣстникъ Слонимскій панъ Солтанъ Александровичъ; *маршалокъ*, панъ Станиславъ Михайловичъ; *намѣстникъ Бѣльскій* панъ Бартошъ Монтовтовичъ[56]. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что при Казимирѣ совѣтниками великаго князя считались католическіе бискупы, нѣкоторые значительные князья, намѣстники, заступившіе мѣсто князей въ областяхъ и получившіе титулъ воеводъ и старостъ, а равно и вообще правители крупныхъ территорій, позже также названные старостами (намѣстники Берестейскій, Дорогицкій, Бѣльскій, Ковенскій), нѣкоторые высшіе сановники, состо-

---

[53]) Акты Историческіе, т. I, № 42.

[54]) Archiwum Sanguszków I, № L; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 28, 29; Акты Литовской Метрики. вып. I, № 14; Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 10, 11; Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 267, 268. См. *Bonieckiego* Poczet rodów, spis dygnitarzy i urzędników; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 8, 85, 174.

[55]) Акты Зап. Рос. I. 57.

[56]) Акты Зап. Рос. I, № 80, 81, 85; Archiwum Sanguszków I, № LXXXVII.

вшіе при господарѣ для потребностей центральнаго управленія и придворнаго величія, каковы были: маршалокъ земскій, маршалокъ дворный, маршалки, канцлеръ и др. Такимъ образомъ, тѣ элементы, которые намѣтились въ составѣ великокняжескаго совѣта при Витовтѣ, при Казимирѣ окончательно въ немъ утвердились.

Образованіе извѣстнаго контингента великокняжескихъ совѣтниковъ по званію или должности облегчило господарской радѣ превращеніе въ самостоятельное, отдѣльное отъ господаря правительственное учрежденіе. Это обособленіе произошло уже при Казимирѣ и было естественнымъ послѣдствіемъ той чисто личной уніи, какая установилась при немъ между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою. При частыхъ отсутствіяхъ Казимира изъ великаго княжества его рада по необходимости становилась и выступала въ роли высшаго правительства страны. Такимъ образомъ, напр., въ 1474 году паны рада, а не самъ Казимиръ, увѣдомляли начальство Прусскаго Ордена о томъ, что по случаю морового повѣтрія не можетъ состояться съѣздъ уполномоченныхъ для заключенія вѣчнаго мира между великимъ княжествомъ и Орденомъ [57]). И самъ Казимиръ признавалъ до извѣстной степени за своею радою вышеуказанное значеніе. Выданный имъ въ 1468 году судебникъ предписывалъ подавать жалобы на тѣхъ, кто будетъ самовольно захватывать земли и наѣзжать на имѣнья, непосредственно самому господарю, а въ его отсутствіе панамъ-радѣ, которые должны разслѣдовать дѣло по существу и посадить виновнаго «у казнь» до прибытія господаря, когда долженъ рѣшиться окончательно вопросъ о наказаніи [58]). Паны рада признавались при Казимирѣ высшимъ правительствомъ страны въ отсутствіе господаря и за границею. Заключая договоръ съ Казимиромъ въ 1470 году, новгородцы между прочимъ внесли въ договорную грамоту слѣдующую статью: «А коли, господине честный король, не умиривъ Великого Новагорода съ Великимъ Княземъ (Московскимъ), а поѣдешь въ Лятцкую землю или въ Нѣмецкую; а безъ тебя, господине, пойдетъ Князь Великій или его

---

[57]) То были: Янъ, бискупъ Виленскій; воевода Виленскій и канцлеръ панъ Михаилъ Кезгайловичъ, маршалокъ земскій и воевода Троцкій Радивилъ Остиковичъ, староста Жмудскій Янъ Кезгайловичъ, намѣстникъ Полоцкій панъ Олехно Судимонтовичъ, маршалокъ и намѣстникъ Городенскій Станько Судивоевичъ, маршалокъ и намѣстникъ Браславскій Богданъ Андреевичъ, маршалокъ и намѣстникъ Лидскій Янъ Кучукъ и другіе князья и паны. См. Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 188.

[58]) Акты Зап. Рос. I, № 67.

сынъ, или его братъ, или кою землю подойметь на Великій Новгородъ, ино *твоей Радѣ Литовской* всѣсти на конь за Великій Новгородъ по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новгородъ». Литовская рада въ глазахъ новгородцевъ является отдѣльною отъ великого князя политическою силою, за которую Казимиръ даетъ имъ различныя обязательства. «А на томъ на всемъ, честный король,—пишутъ они въ концѣ договорной грамоты,—крестъ цѣлуй ко всему великому Новугороду за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую въ правду безъ всякаго извѣта»[59]).—Можно сказать, такимъ образомъ, что господарская рада стала не только личнымъ великокняжескимъ, но и государственнымъ совѣтомъ великаго княжества Литовскаго. Это обстоятельство въ свою очередь должно было закрѣпить тверже составъ рады, сообщить ему большую устойчивость и опредѣленность. Членами этого государственнаго совѣта, дѣйствовавшаго не только при господарѣ, но и безъ него, и признаны были всѣ тѣ элементы, которымъ удалось ко времени Казимира занять болѣе или менѣе постоянное мѣсто въ великокняжескомъ совѣтѣ. По примѣру Польши, гдѣ основное ядро государственнаго совѣта составляли воеводы, и литовскіе паны радные стали называться *воеводами*, тѣмъ болѣе, что главные изъ нихъ по своему должностному рангу (высшіе правители и военачальники областей) близко подходили къ польскимъ воеводамъ, а нѣкоторые даже и носили титулы воеводъ[60]). Съ примѣромъ наименованія пановъ рады воеводами встрѣчаемся уже въ судебникѣ Казимира. Вслѣдъ за предписаніемъ о подачѣ жалобъ на самовольный захватъ земель и наѣздъ на имѣнья непосредственно самому господарю, а въ его отсутствіе «панамъ радѣ», судебникъ говоритъ: «*и паномъ воеводамъ нашимъ* по того послати и велѣти предъ собою моцно поставити, а и досмотрѣти»[61]). Такое словоупотребленіе, въ которомъ имя глав-

---

[59]) *Карамзина* Исторія государства Россійскаго, томъ VI, прим. 42, по изд. Эйнерлинга; Акты Археогр. Экспедиціи, т. I, № 87.

[60]) Титулъ воеводы утвердился за Виленскимъ, Троцкимъ и Кіевскимъ намѣстниками. Но это же имя прилагалось иногда и къ старостѣ Жмудскому, намѣстнику Новгородскому, а при Александрѣ по временамъ къ намѣстникамъ Смоленскому, Полоцкому и Витебскому, пока не утвердилось за ними окончательно. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 18, 19, 34, 45, 49, 51, 56, 72, 86; Акты Зап. Рос. I, № 103, 189.

[61]) Акты Зап. Рос. I, № 67. Срав. также привилей, выданный въ 1450 году пану Немирѣ Резановичу на различныя имѣнья, въ которомъ читаемъ между прочимъ: «и при насъ были воеводы: Троцкій панъ Монвитъ, а намесникъ Смоленскій—

ной части относится ко всему цѣлому, по временамъ встрѣчается и въ актахъ позднѣйшаго времени. Такимъ образомъ, напр., въ записи постановленій Виленскаго сейма 1507 года читаемъ: «Съ полецанья господаря короля его милости Жикгимонта, князь бискупъ Виленскій *и панове рада, воеводы*, княжата, на томъ соймѣ нынѣшнемъ оную уставу уставили»[62]). Несомнѣнно, что не одни только воеводы въ собственномъ смыслѣ составляли въ то время раду господарскую, и тѣмъ не менѣе этимъ названіемъ обозначается вся рада господарская [63]).

Положеніе господарской рады, какъ самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ господаря, правительственнаго учрежденія окончательно закрѣплено было земскими привилеями 1492 и 1506 г. По этимъ привилеямъ рада получила значеніе учрежденія, ограничивающаго власть господар и стоящаго на стражѣ государственныхъ интересовъ великаго княжества противъ возможнаго нарушенія ихъ отъ великокняжескаго произвола и усмотрѣнія. То политическое значеніе, которымъ до этого времени рада пользовалась фактически, закрѣплено было за нею юридически, и рада выдѣлилась окончательно, какъ особый правительственный органъ въ системѣ государственныхъ учрежденій великаго княжества. За это время окончательно сформировался и ея составъ т. е. опредѣлилась вся наличность должностей и званій соединенныхъ съ мѣстами въ радѣ господарской.

панъ Семенъ Медыкгордовичъ, панъ Михаило Кезькайло канцлеръ». Впрочемъ быть можетъ, правильнѣе чтеніе: «воевода Троцкій» и т. д. Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, стр. 10.

[62]) Акты Зап. Рос. II, № 12. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что король Александръ при смерти, староста Луцкій, маршалокъ Волынской земли панъ Ѳедоръ Янушевичъ послалъ слугу своего *«до князя бискупа и до пановъ воеводъ рады господарское»* и приказалъ ему передать: «будучи на томъ замъку господарскомъ со всими князи и паны земли Волыньское, ихъ милости пановъ рады господарской ни въ чомъ есмо не отступни». Этимъ заявленіемъ имѣлось въ виду поддержать партію, противную Глинскому, и потому слуга долженъ былъ сдѣлать это заявленіе лишь въ томъ случаѣ, если узнаетъ, что кн. Михаилъ Львовичъ Глинскій «не въ згодѣ» съ *маршалкомъ земскимъ* паномъ Яномъ Юрьевичемъ, съ паномъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ, съ паномъ Александромъ Ходковичемъ и другими панами (Литов Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 26).

[63]) Въ другихъ актахъ получаемъ прямое указаніе, что воеводы составляли только часть господарской рады. Послы этой рады, отправленные по смерти короля Казимира къ польскимъ панамъ, говорили: «Велебный отецъ, князь бискупъ Виленскій, и княжата и вельможныи панове воеводы, и иньшіи вси панове рада великого князьства Литовского казали вашой милости, братьѣ своей, повѣдати» и т. д. (Акты Зап. Рос. I, № 101, I.

По актамъ, выданнымъ изъ великокняжеской канцеляріи въ правленіе Александра и въ первую половину правленія Сигизмунда и совершеннымъ въ присутствіи пановъ рады, можно выслѣдить детально всю наличность этихъ должностей и званій. Въ составъ рады великаго княжества прежде всего входили *князья бискупы* въ такомъ порядкѣ: *Виленскій* [64]), *Луцкій и Берестейскій* [65]), *Жмудскій или Мѣдницкій* [66]), *Кіевскій* [67]). Изъ свѣтскихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ первыя мѣста въ радѣ господарской занимали лица, замѣнившія собою до извѣстной степени прежнихъ областныхъ князей, каковы были: *воевода Виленскій* обыкновенно также и *канцлеръ* [68]), *панъ, или каштелянъ, Виленскій* [69]), *воевода Троцкій* [70]), *панъ Троц-*

---

[64]) *Вотехъ Таборъ* до 1507 г. и *Войтехъ Радивилъ* до 1519 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 100, II; 120, 126, 159, 163; II, № 4, 8, 65, 93; Акты Литовской Метрики, изд. *Ѳ. И. Леонтовичемъ*, вып. I, № 85, 287; Акты Литовско-Русскаго государства, изд. *М. В. Довнаръ-Запольскимъ*, № 141: Archiwum Sanguszków III, № CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 276; IX, л. 17; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 56, 60, 179; *Bonieckiego* Poczet rodów, spis dygnitarzy i urzędników.

[65]) *Войтехъ Радивилъ* до 1507 г., а затѣмъ *кн. Павелъ Гольшанскій* до 1536 г. См. Акты Зап. Рос. II, № 8, 109, 164; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Archiwum Sanguszków III, № CXCII, CDVI; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 130; XV, л. 4; XVII, л. 551; Судн. дѣлъ кн. II, л. 179; XII, л. 60; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[66]) *Мартинъ* до 1513 г. включительно, а затѣмъ *Николай Радивилъ*. См. Акты Зап. Рос. I, № 213; Archiwum Sanguszków I, № CXVII; tom *III*, № CXXXIV; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[67]) Въ 1507 г. *Бартломей*, въ 1522 г. *Янъ*. Литов. Метр. кн. Запис. *VIII*, л. 276; Акты Зап. Рос. II, № 110; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[68]) *Миколай Радивиловичъ* до 16 іюля 1509 г. *и Миколай Миколаевичъ Радивиловичъ* до 1522 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 101, II; 120, 126, 144, I; 163, 213; томъ II, № 8, 64, 99, 112; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 85, 203, 287, 380; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 147; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII, CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 54; IX, л. 17; X, л. 51; Судн. дѣлъ кн. II л. 56, 179; XII, л. 60.

[69]) *Кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій* до 4 мая 1510 г., а затѣмъ кн. *Константинъ Ив. Острожскій* до 1522 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 163; II, № 4, 8, 90, 93, 109; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 203, 238, 246, 380; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII, CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 580; Судн. дѣлъ II, л. 179; XII, л. 60; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[70]) *Петръ Яновичъ Монтыгирдовичъ* до 1497 г., *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій* до 1504 г., *Миколай Миколаевичъ Радивиловича* до 20 іюня 1510 г.,

[71]), *староста Жмудскій* [72]), *воевода Кіевскій* [73]), *староста Луц-* [74]), *намѣстникъ Смоленскій*, переименованный въ 1508 году въ *воеводу* [75]), *намѣстникъ*, съ 1505 года *воевода*, *Полоцкій* [76]), *намѣст-*

горій Станиславовичъ Остиковича до 1519 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 100, , 159, 163; II. № 8, 53, 65, 99; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 203; ы Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Литов. Метр. кн. ис. III, л. 80; VIII, л. 232; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 179; XII, л. 60; *niеckiego* Poczet rodów.

[71]) *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій* до 1498 года, *Станиславъ Яновичъ гайло* до 1522 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 120, 126, 213; II, № 4, 8, 53, 65, 93, 99, 101; Акты Литов. Метр., вып. I, № 287; Archiwum Sanzków III, № CXXXVIII, CXCII; Акты Литовско-Русскаго государства, № 141; ов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232; IX, л. 17; X, л. 51; Судныхъ дѣлъ кн. XII, 60: *Bonieckiego* Poczet rodów.

[72]) *Станиславъ Яновичъ Кезгайло*, удержавшій эту должность и съ возвеемъ въ званіе пана Троцкаго, а затѣмъ Виленскаго до самой смерти своей въ 7 году. См. Акты Зап. Рос. I, № 100, II; 120, 126, 170; Акты Литов. Мекн, вып. I, № 287, 355, 380. *Bonieckiego* Poczet rodów.

[73]) *Кн. Димитрій Путятичъ* съ 1492 и по 1505 г., *кн. Иванъ Лъвоъ Глинскій* до 1507 года, *панъ Юрій Михайловичъ Монтовтовича, кн. ій Александровичъ Гольшанскій* съ 24 окт. 1508 г. до 1511 г., *Юрій колаевичъ Радивилъ* до 1514 или 1515 года, *Андрей Якубовичъ Немироа* до 1541 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 145, 165, 207; II, № 79: Акты н. и Зап. Рос. I, № 72; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), 100; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII—CCCLIV; *Wolffa* Senaowie i dygnitarze, str. 19, 20; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[74]) *Кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій* до 1500 г., *кн. Михаилъ Иваичъ Острожскій* въ 1500—1501 гг., снова *кн. Семенъ Юрьевичъ* до 1505 г., *дорь Янушевичъ* въ 1505—1507 гг., *кн. Константинъ Ивановичъ Острожй* съ конца 1507 и до 1522 года включительно. См. Акты Литов. Метрики, I, № 246; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 22, 23.

[75]) *Панъ Юрій Глѣбовичъ* до 1499 г., *Миколай Ивановичъ Ильинича* 1499—1500 г., *Станиславъ Петровичъ Кишка* въ 1500—1503 г., *Юрій дреевичъ Сологубъ* въ 1503—1507 г., *Юрій Ивановичъ Зеновьевича* въ 07—1508 г., снова *Юрій Глѣбовичъ* въ 1508—1514 г. См. Акты Зап. Рос. № 172; Акты Литов. Метр., вып. I, № 403; Archiwum Sanguszków III, XCI, CXXXVIII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 95, 119; VI, л. 231; *Wolffa* natorowie i dygnitarze, str. 50, 51.

[76]) *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій*, бывшій одновременно паномъ Троцкимъ, іюля 1496 г.; *Юрій Пацевичъ* до 1501 г., *Станиславъ Глѣбовичъ* въ 02—1513 г., *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ* въ 1513—1519 г. См. ты Зап. Рос. I, № 172, 209, 213; II, № 65; Archiwum Sanguszków I,

никъ, или староста, Городенскій [77]), *намѣстникъ—воевода Новгородскій* [78]), *намѣстникъ, съ 1511 года воевода, Витебскій* [79]). Съ 1513 года къ этимъ сановникамъ присоединился еще *воевода Подляшскій* [80]).

Если въ составъ рады входили лица, замѣнившія собою областныхъ князей, то естественно встрѣтить въ ней уцѣлѣвшихъ значи-

№ CXXXVIII, CXCII; Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 119; IX, л. 17; XI, л. 44; XXV, л. 118; Судныхъ дѣлъ II, л. 14, 56, 179; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 44, 45.

[77]) *Кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій*, одновременно панъ Виленскій, до 1505 года; *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій*, маршалокъ земскій, въ 1505—1507 г., *Станиславъ Петровичъ Кишка* въ 1508—1512 г., *панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича*, занимавшій эту должность вмѣстѣ съ другими высшими до самой смерти въ 1541 году. См. Zbiór praw litewskich, str. 72; Акты Зап. Рос. II, № 31, 53, 64, 65, 112; Акты Южн. и Зап. Рос. I. № 49, I; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 51; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 56; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[78]) *Юрій Пацевичъ* въ 1492—1496, *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій*, панъ Троцкій, въ 1496—1498, *Янъ Литаворъ Хребтовичъ* въ 1498—1500 г., *кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій*, гетманъ наивысшій. въ 1500—1501 г., *Петръ Глѣбовичъ* въ 1502 г., *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ* въ 1503—1506 г., *кн. Иванъ Львовичъ Глинскій* въ 1507—1508 г., вторично *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ* въ 1508—1509 г., *Янъ Яновичъ Заберезинскій* съ 26 фев. 1509 г. и до конца 1530 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 126; II, № 65, 93, 99, 112; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 290; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII, CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 1: VIII, л. 232; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 19—22, 56, 179; XII, л. 60; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 35, 36.

[79]) *Кн. Ѳедоръ Ивановичъ Жеславскій* въ 1492—1494 г., *кн. Михаилъ Ивановичъ Жеславскій* въ 1494—1495 г., *Станиславъ Глѣбовичъ* въ 1495—1501 г., *Юрій Глѣбовичъ* въ 1503—1508 г., *Иванъ Семеновичъ Сопега* въ 1508—1514 г., *Янушъ Станиславовичъ Костевича* въ 1514—1520 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 189; II, № 70; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 125, 202, 325; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 136; Archiwum Sanguszków III, № XCI; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 45, 310; IX; л. 17; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 134; Senatorowie i dygnitarze, str. 86, 87; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[80]) *Иванъ Семеновичъ Сопега* до 1517 г., *Янушъ Станиславовичъ Костевича* въ 1514—1520 г. См. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 575; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 179; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Senatorowie i dygnitarze, str. 42.

ельныхъ князей. И дѣйствительно, какъ при Александрѣ, такъ и при игизмундѣ источники въ числѣ пановъ рады называютъ и этихъ княй. Князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій въ своей складной грамотѣ, ресованной великому князю Александру, писалъ между прочимъ: Служилъ есми твоеи милости отцу, королю небожчику, дръжалъ мя о милость во чти, въ ластцѣ и въ данинѣ своей, а *мѣстьца у его илости въ радѣ мѣвалъ есми*... А опослѣ отца твоеи милости, короля ебожчика, служилъ есми твоеи милости государю вѣрно и справедтво, *и у твоеи милости, государя, мѣстца въ радѣ мѣвалъ есми*»[81])... ъ радѣ короля Сигизмунда занималъ извѣстное мѣсто князь Юрій еменовичъ Слуцкій [82]). Сына его кн. Юрія коронная рада обошла ыло приглашеніемъ на конвокаціонный сеймъ по смерти Сигизмундавгуста, на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ сенаторскаго уряда, а ѣдовательно и не принадлежалъ къ числу пановъ рады. Тогда князь рій подалъ сейму письменную жалобу, въ которой доказывалъ, что ъ въ силу данной имъ присяги и давняго своего привилея, который ужилъ ему самому и его предкамъ, и который былъ подтвержденъ ролемъ Сигизмундомъ, всегда имѣлъ мѣсто въ радѣ господарской. еймъ постановилъ, чтобы и впредь онъ засѣдалъ въ радѣ Рѣчи Посолитой, какъ присяжный *сенаторъ*, на томъ самомъ мѣстѣ, которое прежде ему принадлежало, т. е. подлѣ князя бискупа Виленскаго [83]).

Изъ остальныхъ мѣстныхъ правителей въ радѣ великаго княжева въ разсматриваемое время видимъ уже только тѣхъ, которымъ ерхъ того пожалованы были высшіе земскіе уряды и придворныя анія. Обзоръ такихъ лицъ приводитъ къ заключенію, что эти именно сшіе уряды и придворныя званія, а не должности ихъ по мѣстному правленію, дали имъ мѣста въ радѣ господарской. Такимъ образомъ, ленами этой рады были: *гетманъ наивысшій, или великій* [84]); *гетманъ*

---

[81]) Сборникъ Имп. Русс. Истор. Общества, т. XXXV, стр. 994, 995.

[82]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 196, 202; XVII, л. 492; Archiwum nguszków III. № CCCXXIII.

[83]) *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagiełły, str. 183.

[84]) *Кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій*, намѣстникъ Браславскій и иницкій, въ 1497—1500 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 132, 133). По возащеніи изъ плѣна въ 1507 году онъ сдѣланъ былъ сверхъ того старостою Луцмъ и маршалкомъ Волынской земли, въ 1511 г. сверхъ того паномъ Виленскимъ, въ 1522 г. воеводою Троцкимъ. Во время его плѣна гетманами великими были ца, и безъ того уже занимавшіе мѣста въ радѣ господарской: *кн. Семенъ Юрьичъ Гольшанскій*, воевода Новгородскій, намѣстникъ Каменецкій, въ 1500—

польный, или дворный [85]); *маршалокъ земскій, или наивысшій* [86]); *маршалокъ дворный* [87]) и *маршалки господарскіе*, число которыхъ въ разсматриваемое время было довольно значительное (при великомъ князѣ Александрѣ это званіе въ разное время носило болѣе 30 лицъ [88]),

---

1501 г., *Станиславъ Яновичъ Кезгайло*, панъ Троцкій, староста Жомойтскій, въ 1501—1502 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 189; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 148, 149).

[85]) *Станиславъ Петровичъ Кишка*, намѣстникъ Василишскій, въ 1503—1507 г., *Юрій Миколаевичъ Радивилъ*. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 149, 154; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 130; Судныхъ дѣлъ II, л. 25; XII, л. 224.

[86]) *Янъ Миколаевичъ Радивилъ*, державца Слонимскій, а затѣмъ также Дорогицкій, въ 1514—1522 г. (Акты Зап. Рос. II, № 93, 109; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Archiwum Sanguszków III, № CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 51; Судныхъ дѣлъ кн. XII, л. 60, 179, 279). До него эту должность занимали лица, уже вошедшія въ раду господарскую: *Петръ Яновичъ Монтыгирдовичъ*, воевода Троцкій, въ 1490—1497 г., *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій*, панъ Троцкій, намѣстникъ Новгородскій, затѣмъ воевода Троцкій, позже староста Городенскій, въ 1498—1508 г.; *Станиславъ Петровичъ Кишка*, староста Городенскій, въ 1512—1513 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 168).

[87]) *Григорій Станиславовичъ Остиковича*, намѣстникъ Оникштенскій, а затѣмъ Мерецкій и Оникштенскій, въ 1494—1500 г.; *кн. Михаилъ Львовичъ Глинскій*, намѣстникъ Утенскій, затѣмъ Мерецкій и Утенскій и, наконецъ, Бѣльскій и Утенскій, въ 1500—1507 г.; вторично *Григорій Станиславовичъ Остиковича* въ 1509—1518 г.; *Юрій Ивановичъ Ильинича*, староста Берестейскій, Лидскій и Ковенскій, въ 1519—1526 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 159, 163, 191, 213; II, № 112, 118; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 238; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 206, 239; XXIII, л. 50; XLI, л. 372; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 178.

[88]) *Станиславъ Михайловичъ Петьковича*, староста Берестейскій (1498—1503),—въ 1483—1503 г.; *Солтанъ Александровичъ*, намѣстникъ Слонимскій (1483—1492), Бѣльскій (1493—1494),—въ 1483—1494 г.; *Янъ Литаворъ Хребтовичъ*, намѣстникъ Утенскій (1489—1492), Слонимскій (1493—1500), Дорогицкій (1509—1512), Кобринскій (1512—1513),—въ 1483—1513 г.; *Григорій Станиславовичъ Остиковича*, намѣстникъ Оникштенскій, въ 1492—1494 годахъ; *Станиславъ Глѣбовичъ*, намѣстникъ Мерецкій (1492—1495), Витебскій (1495—1501), Полоцкій (1502—1513),—въ 1492—1513 годахъ: *Станиславъ Яновичъ Заберезинскій*, подстолій (1487—1500), намѣстникъ Браславскій (1500—1502), Мерецкій (1506—1507),—въ 1492—1507 годахъ; *Станиславъ Костевичъ*, намѣстникъ Ковенскій,—въ 1492—1499 годахъ; *Янъ Довойновичъ*, намѣстникъ Волковыйскій (1484—1497), Дорсунишскій (1499), — въ

при Сигизмундѣ сверхъ маршалковъ, назначенныхъ при Але-

492—1499 годахъ; *Станиславъ Бартошевичъ* (Монтовтовичъ), намѣстникъ ньскій (1493—1499),—въ 1493—1516 годахъ; *Бартошъ Таборовичъ*, настникъ Мойшагольскій и Дубинскій,—въ 1494—1505 годахъ; *Войтехъ Кучувичъ*, намѣстникъ Волкиницкій,—въ 1494—1505 годахъ; *Юрій Зеновьевичъ*, мѣстникъ Браславскій (1494—1499, 1503), Смоленскій (1507—1508), Могивскій (1514—1516),—въ 1494—1516 г.; *Миколай Ивановичъ Ильинича*, мѣстникъ Минскій,—въ 1495—1498 годахъ; *Янъ Миколаевичъ Радивилъ*, настникъ Вилкейскій (1495—1505), Слонимскій (1505—1514),—въ 1495—1514 дахъ; *Войтехъ Яновичъ Клочко*, охмистръ королевы (magister curiae regilis), намѣстникъ Утенскій (1493—1499), Ковенскій (1499—1512) и Бѣльскій 506—1512),—въ 1495—1512 годахъ; *Янъ Юрьевичъ Глѣбовича*, намѣстникъ ижморскій (въ 1519 г.), Мстиславскій и Радуньскій (1527), въ 1498—1529; *ъ Петровичъ Кишка* Техоновскій въ 1498 году; *Якубъ Довойновичъ*, намѣсткъ Дорогицкій,—въ 1499—1501 годахъ; *Александръ Монтыгирдовичъ, Юрій онтовтовичъ и Некрашъ Володковичъ*, намѣстникъ Бѣлицкій,—въ 1499 году; *мира Грималичъ*, намѣстникъ Мельницкій,—въ 1499—1533 годахъ; *Миколай ндиловичъ*, кухмистръ королевы, намѣстникъ Коневскій и Дубицкій,—въ 1499—05 годахъ; *Юрій Ивановичъ Ильинича*, намѣстникъ Лидскій (1501—1510), рестейскій и Лидскій (1510—1526), въ 1501—1526 г.; *Янъ Стецковичъ*, намѣсткъ Дорогицкій (1501—1508), Минскій (1533—1541),—въ 1501—1541 годъ; *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ*—въ 1501—1502 годахъ, въ 1511—14 годахъ; *Юрій Остиковичъ*; *Юрій Якубовичъ Довойновичъ*, намѣстникъ вговскій (1517 г.), Вилкомирскій (1517—1522),—въ 1501—1522 годахъ; *кн. ванъ Львовичъ Глинскій*, намѣстникъ Ожскій и Переломскій (1495—1507), хожій земскій (1501), воевода Кіевскій (1505—1506), воевода Новгородскій 507 г.),—въ 1495—1507 годахъ; *Иванъ Семеновичъ Сопега*, секретарь, настникъ Жижморскій (1500—1507), Браславскій (1502—1517), Витебскій 508—1513), воевода Подляшскій (1513—1517),—въ 1505—1517 годахъ; *Янъ Цитовичъ*, намѣстникъ Василишскій,—въ 1506—1518 годахъ; *Войтехъ Нарбутовичъ*, намѣстникъ Ясвоинскій (1498—1509), Ожскій и Переломскій (1507—1509),— 1506—1509 годахъ; *Янъ Яновичъ Заберезинскій*, намѣстникъ Кричевскій 506—1507) и Волковыйскій (1506—1509),—въ 1506—1511 г.; *Александръ вановичъ Ходкевича*, намѣстникъ Пуньскій (1501—1506), Остринскій (1518—549), Вилкейскій (1522—1549), Берестейскій (1529—1549), Кнышинскій (1530—549), воевода Новгородскій (1544—1549),—въ 1506—1549 г. См. Акты Зап. Рос. I, 159, 163, 165, 167, 183, 189, 199, 207, 224; II, № 22, 29, 61, 70, 79, , 164; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 37, 56, 57; Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. V, I, стр. 16; Акты Литов. Метрики, вып. I, № 83, 85, 106, 153, 154, 157, 211, 6, 325, 371, 374, 378, 381, 390, 405, 417, 418; Акты Литовско-Русскаго сударства (XIV—XVI ст.), № 47, 83, 141, 142; Zbiór praw litewskich, str.

ксандрѣ, вновь получили званіе маршалка господарскаго около 20 лицъ) [89]).

72, 73, 81; Archiwum Sanguszków I, № CL; III, № XCII, XCVIII, CLXXXI, CXCII; Литовской Метр. кн. Запис. III л. 80; V, л. 12, 17, 19, 21, 33, 38, 45, 50, 51, 52, 61, 72, 93, 110, 119, 121, 298; VI, л. 2, 5, 11, 37, 44, 46, 53, 54, 61, 72, 74, 77, 88, 110, 111, 134, 135, 151, 154, 163, 190, 242; VII, л. 555, 561, 564, 572, 575; VIII, л. 130, 135, 137, 139, 182, 209, 227, 232, 256, 273, 305, 354; IX, л. 17; X, л. 51; XII, л. 326, 416; XXIII, л. 50; XXV, л. 118, 125, 127, 260; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 19—22, 56, 105, 124, 134, 179, 297; IV, л. 192; XII, л. 60; *Bonieckiego* Poczet rodów; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 80.

[89]) *Янушъ Костевичъ*, намѣстникъ Радуньскій (1498—1527), воевода Витебскій (1514—1520) державца Ожскій и Перелоискій (1520—1527), староста Ковенскій (1523—1525), воевода Подляшскій (1520—1527),—въ 1510—1527 годахъ; *Богушъ Боговитиновичъ*, писарь (1500—1530), намѣстникъ Довговскій (1509—1518), Каменецкій (1518—1530), Слонимскій (1522—1530),—въ 1511—1530 годахъ; *Венцлавъ Костевичъ*—въ 1511—1532 годахъ; *Миколай Станиславовичъ Яновича Кезгайло*—въ 1513—1520 г. и братъ его *Янъ* въ 1513 году; *Иванъ Богдановичъ Сопега*, писарь, городничій Троцкій, воевода Витебскій (1520—1528), Подляшскій (1529—1541), староста Дорогицкій (1532— 1541 г.),—въ 1515—1541 годахъ; *Миколай Михновичъ Рачковичъ*, секретарь, намѣстникъ Шовленскій,—въ 1515—1519 г.; *Александръ Солтановичъ*,—въ 1519—1541 годахъ; *Павелъ Ивановичъ Сопега*, державца Браславскій (1517—1547),—въ 1520—1556 годахъ; *Копотъ Васильевичъ*, писарь, державца Перевальскій (1516—1529),—въ 1522—1529 годахъ; *Матей Войтеховичъ Клочко*, державца Волковыйскій (1522—1543), Мерецкій (1532—1533), воевода Витебскій (1532—1542), староста Жмудскій (1542—1543),—въ 1522—1543 годахъ; *кн. Андрей Михайловичъ Сангушковичъ Кошерскій*, староста Луцкій (1542—1560),—въ 1522—1547 годахъ; *кн. Василій Андреевичъ Полубенскій*, державца Жолудскій (1518—1535), Коневскій и Дубицкій (1523—1527), староста Мстиславскій (1535—1550),—въ 1521—1550 годахъ; *Юрій Немировичъ*, державца Любошанскій,—въ 1523—1533 годахъ; *Миколай Юрьевичъ Заберезинскій*, державца Дорсунишскій,—въ 1524—1527 годахъ; *Мартинъ Хребтовичъ*, конюшій Троцкій,—въ 1524—1526 годахъ; *Миколай Щитовичъ* въ 1524—1531 г.; *Иванъ Горностай*, писарь, державца Дорсунишскій (съ 1527 г.), Слонимскій (съ 1531), Мстибоговскій (съ 1534) и Зельвенскій (съ 1535), подскарбій земскій (съ 1531 г.),—въ 1530—1541 годахъ; *Янъ Яновичъ Заберезинскій* младшій, державца Сошилишскій (1538—1546),—въ 1533—1546 годахъ; *Матвѣй Юндилъ* въ 1537 году; *Миколай Войтеховичъ Нарбутъ*, державца Мозырскій,—въ 1542—1547 годахъ. См. Акты Зап. Рос. II, № 164; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 128, 136; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 572; IX, л. 224; XII, л. 76, 520;

радъ нашихъ преложеныхъ и высокихъ и важныхъ справъ нашихъ господарскихъ земъскихъ всякихъ потому, какъ и предковъ его, первшихъ пановъ Троцкихъ, ажъ до его живота» [111]). Въ привилеѣ, выданномъ 18 декабря 1542 года кн. Андрею Михайловичу Сангушковича Коширскому, Сигизмундъ гарантировалъ ему: «Маетъ онъ тотъ замокъ нашъ Луцкий... держати... и местцо свое такъ при бытности нашой господарьской въ тамошнемъ паньстве нашомъ, князстве великомъ Литовскомъ, яко и безъ бытности нашое, межи паны радами нашими оного панства, водле давного обычаю маетъ мети, яко *и предкове его, старостове Луцкии, местца межи паны радами нашими мевали*» [112]). Связь перечисленныхъ должностей и званій съ мѣстами въ лавицѣ радѣ господарской уже настолько упрочилась въ разсматриваемое время, что даже лица незнатнаго происхожденія, пожалованныя однимъ изъ перечисленныхъ урядовъ и «достоинствъ» за свои заслуги, попадали вмѣстѣ съ тѣмъ въ господарскую раду. Такимъ путемъ проникали въ господарскую раду такія лица, какъ крещенный еврей Аврамъ Езофовичъ, сдѣлавшійся подскарбіемъ земскимъ великаго княжества [113]), или Сапеги, составившіе себѣ карьеру въ великокняжеской канцеляріи, позже Иванъ Горностай, выслужившійся изъ дьяковъ великокняжеской канцеляріи, и др.

Всѣ перечисленные сановники и должностныя лица разсаживались «въ лавицѣ» рады господарской въ извѣстномъ порядкѣ, опредѣлявшемся важностью занимаемыхъ ими должностей и носимыхъ ими званій. Чѣмъ выше былъ урядъ или «достоинство» пана раднаго, тѣмъ ближе къ господарю было и его мѣсто [114]). Въ этомъ отношеніи уже

---

[111]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 268, 269.

[112]) Archiwum Sanguszków IV, № CCLXVI.

[113]) Его карьера была предметомъ спеціальныхъ монографій *г. Вольфа* (Żyd ministrem króla Żygmunta) и покойнаго проф. *С. А. Бершадскаго* (Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества Литовскаго, въ Кіевской Старинѣ 1888, № 9, 10, 11, 12).

[114]) Поэтому и въ привилеѣ, выданномъ пану Григорію Александровичу Ходкевичу на каштелянію Троцкую 16 октября 1559 года читаемъ между прочимъ: «Даемъ пану Григорью Александровичу Ходкевичу паньство, а польскимъ езыкомъ названное каштелянство Троцкое, то естъ *зъвоеводства Кіевского помкнувшы его милость на тое вышшое достоенство, ближей боку нашого господарьского переносимъ*, хотечы мети и пожиточного его милость разумеючы, уставичъне абы былъ пры насъ господары для обмышленья важныхъ а завжды потребъ и справъ великихъ нашыхъ господарьскихъ и земскихъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 228, 229).

въ разсматриваемое время можно замѣтить дѣйствіе нѣкотораго обычая, который съ годами все болѣе и болѣе упрочивался, все менѣе и менѣе нарушался господаремъ, пока, наконецъ, не отвердѣлъ окончательно къ началу великокняженія Сигизмунда-Августа. Такимъ образомъ, первыя мѣста въ радѣ господарской занимали католическіе бискупы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они перечислены выше, т. е. Виленскій, Луцкій и Берестейскій, Жмудскій или Мѣдницкій, Кіевскій [115]). Изъ свѣтскихъ сановниковъ первое мѣсто въ радѣ господарской занималъ воевода Виленскій, за нимъ панъ Виленскій, далѣе воевода Троцкій, панъ Троцкій, староста Жомоитскій, воевода Кіевскій, староста Луцкій, намѣстникъ-воевода Смоленскій, намѣстникъ-воевода Полоцкій, намѣстникъ-староста Городенскій, намѣстникъ-воевода Новгородскій, Витебскій и воевода Подляшскій. Такой порядокъ мѣстъ открывается изъ перечисленій пановъ радныхъ, содержащихся въ различныхъ актахъ: писари обыкновенно перечисляли пановъ радныхъ, присутствовавшихъ при совершеніи акта, въ порядкѣ занимавшихся ими мѣстъ. Кромѣ того, этотъ порядокъ констатируется и самымъ движеніемъ пановъ радныхъ по службѣ: панъ Виленскій возводился только въ воеводы Виленскіе, воевода Троцкій въ паны или воеводы Виленскіе, панъ Троцкій въ воеводы Троцкіе, паны и воеводы Виленскіе [116]) и т. д. Высшіе земскіе уряды, какъ гетманство, маршальство земское и дворное раздавались большею частью лицамъ, уже имѣвшимъ мѣсто въ радѣ господарской, и вліяли только на повышеніе этого мѣста, сообразно степени знатности и заслугамъ пожалованнаго ими лица. Такимъ образомъ, напр., *староста Луцкій* кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій по возвращеніи изъ плѣна въ званіи гетмана наивысшаго занялъ въ радѣ господарской мѣсто *выше пана Троцкаго* [117]). Выше пана Троцкаго занималъ мѣсто въ радѣ господарской и *староста Городенскій* Янъ Юрьевичъ Заберезинскій въ званіи маршалка земскаго [118]). Но Янъ Миколаевичъ Радивилъ, державца Слонимскій, сдѣлавшійся маршалкомъ земскимъ въ 1514 году, занималъ мѣсто въ радѣ уже

[115]) Въ такомъ порядкѣ они, вѣроятно, вошли хронологически въ составъ великокняжескаго совѣта.

[116]) См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego, str. 6—96. Этотъ порядокъ мѣстъ былъ принятъ во вниманіе и при составленіи порядка мѣстъ въ соединенной польско-литовской радѣ, образовавшейся въ силу Люблинской уніи 1569 года (Volumina legum II, p. 93).

[117]) Акты Зап. Рос. II, № 31, 53; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232.

[118]) Акты Зап. Рос. I, № 224; II, № 8, 29.

ниже пана Троцкаго, но выше воеводы Полоцкаго [119]); воевода же Новгородскій Янъ Яновичъ Заберезинскій, сдѣлавшійся маршалкомъ земскимъ въ 1522 году, занималъ мѣсто въ радѣ великаго княжества ниже старосты Городенскаго, сидѣвшаго въ радѣ большею частію ниже воеводы Полоцкаго [120]). Державца Бѣльскій и Утенскій князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, любимецъ короля Александра, въ качествѣ маршалка дворнаго занималъ мѣсто въ радѣ великаго князя выше воеводы Полоцкаго [121]). Но староста Берестейскій, Ковенскій и Лидскій Юрій Ивановичъ Ильинича въ званіи маршалка дворнаго сидѣлъ ниже воеводы Полоцкаго [122]) и т. д. Званіе маршалка господарскаго только вводило въ раду господарскую, но мѣсто каждаго маршалка, при ихъ многочисленности, опредѣлялось уже степенью его знатности и личныхъ заслугъ. Въ общемъ можно сказать, что маршалки въ радѣ сидѣли ниже воеводъ, каштеляновъ, гетмана и маршалковъ земскаго и дворнаго. Въ среду маршалковъ, а иногда и выше ея вдвигались придворные сановники, какъ подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій, подкоморій, ловчій. Такимъ образомъ, напр., намѣстникъ Бѣльскій Миколай Миколаевичъ въ званіи подчашія сидѣлъ въ радѣ ниже маршалка дворнаго Григорія Станиславовича Остиковича и выше маршалка Якуба Довойновича, Станислава Петрашковича [123]) и т. д. Но подчашій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ 1508 г. сидѣлъ ниже маршалка Станислава Петровича [124]). Крайчій кн. Янушъ Александровичъ занималъ мѣсто въ радѣ ниже маршалка Войтеха Кучуковича, выше маршалка Ивана Сопеги [125]), братъ его Юрій Александровичъ—выше маршалка Яна Яновича Заберезинскаго, Александра Ивановича Ходкевича, Ивана Сопеги [126]) и т. д. Кухмистръ Петръ Олехновичъ въ 1502 году сидѣлъ ниже маршалка Юрія Ивановича Ильинича, а въ 1505 выше маршалка Яна Стецковича, въ 1512 году

---

[119]) Акты Южной и Западной Россіи I, № 60; Акты Зап. Рос. II, № 93, 109; Archiwum Sanguszków III, № CXLIX, CXCII.

[120]) Акты Зап. Рос. II, № 112.

[121]) Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 115.

[122]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 47, 48.

[123]) Акты Зап. Рос. I, № 163; Zbiór praw litewskich, str. 73.

[124]) Акты Зап. Рос. II, № 31.

[125]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 72; VI, л. 3; Archiwum Sanguszków III, № XCI, XCII.

[126]) Литов. Метр. кн. Запис. V; л. III; XXV, л. 125.

выше маршалка и писаря Богуша Боговитиновича [127]). Подстолій Станиславъ Яновичъ Заберезинскій въ 1446 году сидѣлъ въ радѣ ниже крайчія кн. Януша и маршалка Войтеха Кучуковича. Его преемникъ кн. Василій Львовичъ Глинскій сидѣлъ въ 1504 году выше маршалка, охмистра королевы Войтеха Яновича Клочка, маршалка Ивана Сопеги, а слѣдующій подстолій—Юрій Александровичъ въ 1508 году сидѣлъ выше маршалковъ Александра Ивановича Ходкевича, Войтеха Нарбутовича. Подкоморій Петръ Радивиловичъ сидѣлъ въ 1499 году ниже маршалка Некраша Володковича и выше маршалковъ Немиры Грималича, Миколая Юндиловича, Юрія Монтовтовича, Александра Монтыгирдовича [128]). Его преемникъ Якубъ Довойновичъ въ 1508 году сидѣлъ ниже маршалка Немиры Грималича, но выше маршалка Богуша Боговитиновича [129]). Ловчій Миколай Юрьевичъ Пацевича въ 1510 году сидѣлъ ниже маршалка Яна Богдановича, Литавора Хребтовича и выше Немиры Грималича [130]). Въ такомъ же положеніи находился и подскарбій земскій. Аврамъ Езофовичъ, напр., въ 1518 году сидѣлъ въ радѣ ниже маршалка Юрія Ивановича Ильинича, но выше маршалка Богуша Боговитиновича [131]). Что касается остальныхъ должностей и званій, каковы были: конюшій дворный, подскарбій дворный, хоружій земскій, хоружій дворный, мечникъ, секретари и писари, тивунъ Виленскій, то носившія ихъ лица въ актахъ перечисляются обыкновенно въ концѣ пановъ рады, ниже маршалковъ. Къ этому нужно присовокупить, что придворные сановники, сидѣвшіе въ радахъ маршалковъ, разсаживались такимъ образомъ, что между ними соблюдалась извѣстная іерархія: подчашій, напр., сидѣлъ выше крайчія, крайчій выше кухмистра, кухмистръ выше стольника, стольникъ выше подстолія, подстолій выше подкоморія, подкоморій выше ловчія, ловчій выше конюшаго дворнаго и т. д.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что извѣстный порядокъ мѣстъ держался наиболѣе устойчиво въ той части господарской рады, которая носила названіе *передней* или *наивысшей рады* [132]), и которая состояла

---

[127]) Литов. Метр. кн. Запис. V; л. 72; XXIII, л. 50; VIII, л. 232.

[128]) Zbiór praw litewskich, str. 73.

[129]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 569; Archiwum Sanguszków III, № XCII.

[130]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 354.

[131]) Archiwum Sanguszków III, № CLXXXI.

[132]) Акты Зап. Рос. II, № 93; Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 167; L, л. 1, 2.

изъ воеводъ, каштеляновъ Виленскаго и Троцкаго, старостъ Жмудскаго, Луцкаго и Городенскаго, гетмановъ и маршалковъ земскаго и дворнаго. Но и здѣсь этотъ порядокъ нарушался иногда специальными распоряженіями господаря, сдѣланными во вниманіе къ заслугамъ того или другого лица. Князь Иванъ Львовичъ Глинскій, будучи въ 1505—1507 годахъ воеводою Кіевскимъ, по установившемуся обычаю сидѣлъ подлѣ старосты Жмудскаго. Въ 1507 году Сигизмундъ взялъ у него Кіевъ и далъ ему Новгородъ. Не желая «рушать» его «во чти и въ мѣстцы его въ томъ, которое жъ онъ водлѣ годности и заслуги своее... мѣлъ, будучи воеводою Кіевскимъ», король оговорилъ въ выданномъ ему привилеѣ: «и тежъ мѣстца его отъ него не отдаляючи, маемъ его воеводою Новгородскимъ и маршалкомъ нашимъ писати; а мѣстцо въ радѣ, межи пановъ рады нашое великого князства Литовского, дали есмо ему подлѣ пана старосты Жомоитского»[133]. Такимъ образомъ, благодаря спеціальному распоряженію господаря воевода Новгородскій оказался въ радѣ великаго княжества на необычномъ мѣстѣ. Въ 1522 году, пожаловавъ кн. Константину Ивановичу Острожскому, бывшему передъ тѣмъ паномъ Виленскимъ, воеводство Троцкое и не желая его понижать въ чести и въ мѣстѣ, которое онъ занималъ въ радѣ господарской, а наоборотъ—повысить, король Сигизмундъ далъ ему первое мѣсто среди свѣтскихъ пановъ радныхъ, выше воеводы Виленскаго, которому ранѣе принадлежало это мѣсто. Такое отступленіе отъ установившагося обычая сдѣлано было для кн. Острожскаго лично, во вниманіе къ его великимъ военнымъ заслугамъ, и не имѣло служить прецедентомъ по отношенію къ его преемникамъ[134].

§ 3.

Мѣста въ господарской радѣ связались съ извѣстными званіями и должностями, такъ что лица, достигшія этихъ званій и должностей, вмѣстѣ съ тѣмъ садились и въ лавицѣ рады господарской. Бывали, какъ мы видѣли, случаи, что такимъ путемъ проникали въ господарскую раду люди, выдвинувшіеся впередъ исключительно своими способностями и заслугами на службѣ господарской. Таковъ былъ, напр., при Сигизмундѣ крещеный еврей Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій великаго княжества, снискавшій расположеніе Сигизмунда своимъ

---

[133]) Акты Зап. Рос. II, № 7.

[134]) Archiwum Sanguszkow III, № CCXXX; Acta Tomiciana, tomus VI, № XVIII, CLXVII. Подробнѣе объ этомъ эпизодѣ см. наши рецензіи на книгу г. Ярушевича въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1898, № 7 и 1899, № 10.

усердіемъ и радѣніемъ, своимъ безкорыстіемъ при завѣдываньѣ таможенными пошлинами и другими статьями казенныхъ доходовъ. Но такіе случаи сравнительно рѣдки. Большею же частью при пожалованіи званій и должностей, дававшихъ мѣста въ радѣ господарской, обращалось вниманіе не только на «послуги» жалуемаго лица, но и на «зацность» его дома и «послуги знаменитыи» его предковъ. Такимъ образомъ, напр., король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1532 году староство Жмудское пану Петру Станиславовичу Кишкѣ, усмотрѣвъ «доброе и цнотливое захованье» его предковъ къ предшествующимъ господарямъ, въ частности службу его покойнаго отца пана Станислава, равно такъ же и его самого «доброе захованье» къ господарю и «важныя и накладныя послуги», которыя онъ оказывалъ господарю и рѣчи посполитой, не щадя своей жизни и имущества,—принимая затѣмъ во вниманіе, что за такія «важныя послуги» предки его «на высокихъ и важныхъ местахъ и въ почтивостяхъ были хованы» «и бачачи его къ тому цноту и годность»[135]). Если при назначеніи на высшія государственныя должности дѣйствовали соображенія, подобныя только что приведенному, то и рада господарская неминуемо должна была выйти аристократическою корпораціею а не простымъ совѣтомъ изъ преуспѣвшихъ чиновниковъ-служакъ. Наблюденія надъ личнымъ составомъ господарской рады за время великокняженія Казимира и его сыновей вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе.

Присматриваясь къ этому составу, открываемъ въ немъ преобладаніе извѣстныхъ фамилій, которыя преемственно, въ цѣломъ рядѣ поколѣній, занимаютъ мѣста въ радѣ господарской. Такимъ образомъ, членами господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ являются *князья Гольшанскіе*, ведущіе свое происхожденіе отъ кн. Ивана Ольгимунтовича, сподвижника Витовта: Юрій Семеновичъ, сыновья его—Александръ и Семенъ Юрьевичи, внуки: Янушъ, Юрій и Павелъ Александровичи (Юрьевича); правнукъ Янушъ Юрьевичъ (Александровича)

---

[135]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII. л. 269—271. Въ 1542 году 20 мая Сигизмундъ пожаловалъ пану Станиславу Альбрехтовичу Гаштольду воеводство Троцкое, «узнавши верное а цнотливое захованье и послуги предковъ и отца воеводы Новгородского пана Станислава Ольбрахтовича Кгаштолта, которые они завжды уставичне предкомъ нашимъ, первшимъ господаремъ и великимъ княземъ, за животовъ своихъ справедливо оказывали, такъ тежъ и пана воеводы его милости самого захованье и верные послуги, которое онъ къ намъ, господару и пану своему прирожоному, такежъ уставичне, не преслѣдуючи ни въ чомъ послугъ и захованья предковъ своихъ, указуетъ»—и т. д. Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 83.

Гольшанскій-Дубровицкій; паны *Радивиловичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ другого сподвижника Витовта—Остика: Радивилъ Остиковичъ; его сыновья—Миколай и Петръ; внуки—Миколай, Янъ, Войтехъ, Юрій Миколаевичи; правнуки—Янъ и Миколай Миколаевичи, Миколай и Янъ Яновичи; паны *Остиковичи*, младшая вѣтвь Радивиловъ: внукъ Остика—Григорій Станиславовичъ; правнуки—Станиславъ, Юрій и Григорій Григорьевичи; *Гаштольды*, потомки маршалка Витовта: Янъ, сынъ Мартинъ, внукъ Альбрехтъ Мартиновичъ, правнукъ Станиславъ Альбрехтовичъ; *Кезгайловичи*, ведущіе свое происхождвніе отъ старосты Жмудскаго при Витовтѣ Кезгайла Волимунтовича: Михаилъ, Добеславъ и Янъ Кезгайловичи; сынъ Яна—Станиславъ, внуки—Миколай и Станиславъ Станиславовичи; одного съ ними происхожденія—Судивой Волимунтовичъ и сынъ его Станко Судивоевичъ; *Монивидовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ намѣстника Виленскаго при Витовтѣ Монивида: Янъ, сынъ его Войтехъ, и одного съ ними рода Сенько Гедигольдовичъ; *Заберезинскіе*, ведущіе свое происхожденіе отъ знатнаго боярина Витовтова Римовида: Янъ Юрьевичъ (Римовидовича), сыновья его Янъ и Станиславъ, внуки—Миколай Юрьевичъ, Станиславъ Яновичъ; *Олехновичи-Кухмистровичи*, идущіе отъ одного съ Заберезинскими родоначальника: Олехно Римовидовичъ, сынъ его Петръ, внукъ Миколай Петровичъ Дорогостайскій; *Саковичи*, идущіе отъ знатнаго Витовтова боярина Сака: Сачко, Адрей Саковичъ, сынъ его Богданъ; повидимому, одного съ ними рода Якубъ *Кунцевичъ; Монтыгирдовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ намѣстника Полоцкаго при Витовтѣ: Якубъ Ганусовичъ, внукъ Монтыгирда, Петръ Яновичъ, правнукъ его, Александръ; *Кишки*: Станиславъ и Янъ Петровичи, Петръ Станиславовичъ, Никодимъ Яновичъ Техоновскій; *Пацы*, идущіе отъ знатнаго боярина Свидригайлова Паца Гирдивидовича [136]): Пацъ, сынъ его Юрій, внукъ Миколай Юрьевичъ Пацевича; *Ходкевичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ знатнаго боярина Свидригайлова Ходка Юрьевича: Иванъ Ходкевичъ, сынъ его Александръ, внукъ Еронимъ; одного съ ними рода Гринко *Воловичъ; Монтовтовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ намѣстника Дорсунишскаго при Витовтѣ Монтовта: Михаилъ, Бартошъ и Тотвилъ Монтовтовичи, сынъ Михаила Юрій, сынъ Бартоша Станиславъ; *Немировичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ конюшаго Витовта Немира: Миколай и Андрей Немировичи, ихъ племянникъ Якубъ Яновичъ, сыновья Якуба Бутримъ и Андрей, двоюродный племянникъ Юрій; *Довойновичи*, ведущіе свое происхожденіе

---

[136]) См. выше, стр. 68.

выше маршалка и писаря Богуша Боговитиновича [127]). Подстолій Станиславъ Яновичъ Заберезинскій въ 1446 году сидѣлъ въ радѣ ниже крайчія кн. Япуша и маршалка Войтеха Кучуковича. Его преемникъ кн. Василій Львовичъ Глинскій сидѣлъ въ 1504 году выше маршалка, охмистра королевы Войтеха Яновича Клочка, маршалка Ивана Сопеги, а слѣдующій подстолій—Юрій Александровичъ въ 1508 году сидѣлъ выше маршалковъ Александра Ивановича Ходкевича, Войтеха Нарбутовича. Подкоморій Петръ Радивиловичъ сидѣлъ въ 1499 году ниже маршалка Некраша Володковича и выше маршалковъ Немиры Грималича, Миколая Юндиловича, Юрія Монтовтовича, Александра Монтыгирдовича [128]). Его преемникъ Якубъ Довойновичъ въ 1508 году сидѣлъ ниже маршалка Немиры Грималича, но выше маршалка Богуша Боговитиновича [129]). Ловчій Миколай Юрьевичъ Пацевича въ 1510 году сидѣлъ ниже маршалка Яна Богдановича, Литавора Хребтовича и выше Немиры Грималича [130]). Въ такомъ же положеніи находился и подскарбій земскій. Аврамъ Езофовичъ, напр., въ 1518 году сидѣлъ въ радѣ ниже маршалка Юрія Ивановича Ильинича, но выше маршалка Богуша Боговитиновича [131]). Что касается остальныхъ должностей и званій, каковы были: конюшій дворный, подскарбій дворный, хоружій земскій, хоружій дворный, мечникъ, секретари и писари, тивунъ Виленскій, то носившія ихъ лица въ актахъ перечисляются обыкновенно въ концѣ пановъ рады, ниже маршалковъ. Къ этому нужно присовокупить, что придворные сановники, сидѣвшіе въ радахъ маршалковъ, разсаживались такимъ образомъ, что между ними соблюдалась извѣстная іерархія: подчашій, напр., сидѣлъ выше крайчія, крайчій выше кухмистра, кухмистръ выше стольника, стольникъ выше подстолія, подстолій выше подкоморія, подкоморій выше ловчія, ловчій выше конюшаго дворнаго и т. д.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что извѣстный порядокъ мѣстъ держался наиболѣе устойчиво въ той части господарской рады, которая носила названіе *передней* или *наивысшей рады* [132]), и которая состояла

---

[127]) Литов. Метр. кн. Запис. V; л. 72; XXIII, л. 50; VIII, л. 232.

[128]) Zbiór praw litewskich, str. 73.

[129]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 569; Archiwum Sanguszków III. № XCII.

[130]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 354.

[131]) Archiwum Sanguszków III, № CLXXXI.

[132]) Акты Зап. Рос. II, № 93; Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 167; L, л. 1, 2.

изъ воеводъ, каштеляновъ Виленскаго и Троцкаго, старостъ Жмудскаго, Луцкаго и Городенскаго, гетмановъ и маршалковъ земскаго и дворнаго. Но и здѣсь этотъ порядокъ нарушался иногда специальными распоряженіями господаря, сдѣланными во вниманіе къ заслугамъ того или другого лица. Князь Иванъ Львовичъ Глинскій, будучи въ 1505—1507 годахъ воеводою Кіевскимъ, по установившемуся обычаю сидѣлъ подлѣ старосты Жмудскаго. Въ 1507 году Сигизмундъ взялъ у него Кіевъ и далъ ему Новгородъ. Не желая «рушать» его «во чти и въ мѣстцы его въ томъ, которое жъ онъ водлѣ годности и заслуги своее... мѣлъ, будучи воеводою Кіевскимъ», король оговорилъ въ выданномъ ему привилеѣ: «и тежъ мѣстца его отъ него не отдаляючи, маемъ его воеводою Новгородскимъ и маршалкомъ нашимъ писати; а мѣстцо въ радѣ, межи пановъ рады нашое великого князства Литовского, дали есмо ему подлѣ пана старосты Жомоитского»[133]). Такимъ образомъ, благодаря специальному распоряженію господаря воевода Новгородскій оказался въ радѣ великаго княжества на необычномъ мѣстѣ. Въ 1522 году, пожаловавъ кн. Константину Ивановичу Острожскому, бывшему передъ тѣмъ паномъ Виленскимъ, воеводство Троцкое и не желая его понижать въ чести и въ мѣстѣ, которое онъ занималъ въ радѣ господарской, а наоборотъ—повысить, король Сигизмундъ далъ ему первое мѣсто среди свѣтскихъ пановъ радныхъ, выше воеводы Виленскаго, которому ранѣе принадлежало это мѣсто. Такое отступленіе отъ установившагося обычая сдѣлано было для кн. Острожскаго лично, во вниманіе къ его великимъ военнымъ заслугамъ, и не имѣло служить прецедентомъ по отношенію къ его преемникамъ[134]).

§ 3.

Мѣста въ господарской радѣ связались съ извѣстными званіями и должностями, такъ что лица, достигшія этихъ званій и должностей, вмѣстѣ съ тѣмъ садились и въ лавицѣ рады господарской. Бывали, какъ мы видѣли, случаи, что такимъ путемъ проникали въ господарскую раду люди, выдвинувшіеся впередъ исключительно своими способностями и заслугами на службѣ господарской. Таковъ былъ, напр., при Сигизмундѣ крещеный еврей Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій великаго княжества, снискавшій расположеніе Сигизмунда своимъ

---

[133]) Акты Зап. Рос. II, № 7.

[134]) Archiwum Sanguszkow III, № CCXXX; Acta Tomiciana, tomus VI, № XVIII, CLXVII. Подробнѣе объ этомъ эпизодѣ см. наши рецензіи на книгу г. Ярушевича въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1898, № 7 и 1899, № 10.

усердіемъ и радѣніемъ, своимъ безкорыстіемъ при завѣдываньѣ таможенными пошлинами и другими статьями казенныхъ доходовъ. Но такіе случаи сравнительно рѣдки. Большею же частью при пожалованіи званій и должностей, дававшихъ мѣста въ радѣ господарской, обращалось вниманіе не только на «послуги» жалуемаго лица, но и на «зацность» его дома и «послуги знаменитыи» его предковъ. Такимъ образомъ, напр., король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1532 году староство Жмудское пану Петру Станиславовичу Кишкѣ, усмотрѣвъ «доброе и цнотливое захованье» его предковъ къ предшествующимъ господарямъ, въ частности службу его покойнаго отца пана Станислава, равно такъ же и его самого «доброе захованье» къ господарю и «важныя и накладныя послуги», которыя онъ оказывалъ господарю и рѣчи посполитой, не щадя своей жизни и имущества,—принимая затѣмъ во вниманіе, что за такія «важныя послуги» предки его «на высокихъ и важныхъ местахъ и въ почтивостяхъ были хованы» «и бачачи его къ тому цноту и годность»[135]). Если при назначеніи на высшія государственныя должности дѣйствовали соображенія, подобныя только что приведенному, то и рада господарская неминуемо должна была выйти аристократическою корпораціею а не простымъ совѣтомъ изъ преуспѣвшихъ чиновниковъ-служакъ. Наблюденія надъ личнымъ составомъ господарской рады за время великокняженія Казимира и его сыновей вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе.

Присматриваясь къ этому составу, открываемъ въ немъ преобладаніе извѣстныхъ фамилій, которыя преемственно, въ цѣломъ рядѣ поколѣній, занимаютъ мѣста въ радѣ господарской. Такимъ образомъ, членами господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ являются *князья Гольшанскіе*, ведущіе свое происхожденіе отъ кн. Ивана Ольгимунтовича, сподвижника Витовта: Юрій Семеновичъ, сыновья его—Александръ и Семенъ Юрьевичи, внуки: Янушъ, Юрій и Павелъ Александровичи (Юрьевича); правнукъ Янушъ Юрьевичъ (Александровича)

---

[135]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII. л. 269—271. Въ 1542 году 20 мая Сигизмундъ пожаловалъ пану Станиславу Альбрехтовичу Гаштольду воеводство Троцкое, «узнавши верное а цнотливое захованье и послуги предковъ и отца воеводы Новгородского пана Станислава Ольбрахтовича Кгаштолта, которые они завжды уставичне предкомъ нашимъ, первшимъ господаремъ и великимъ княземъ, за животовъ своихъ справедливо оказывали, такъ тежъ и пана воеводы его милости самого захованье и верные послуги, которое онъ къ намъ, господару и пану своему прирожоному, такежъ уставичне, не преслѣдуючи ни въ чомъ послугъ и захованья предковъ своихъ, указуетъ»—и т. д. Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 83.

бы онъ имѣлъ дѣйствительное значеніе, повторялся въ Городельскомъ привилеѣ всякій разъ, когда этотъ привилей подтверждался, подобно тому, какъ повторялся при этомъ и другой также отжившій (послѣ выдачи земскаго привилея 1447 года) законъ—о платежѣ податей великому князю съ панскихъ и шляхетскихъ имѣній. Литовско-русскіе паны и шляхта считали Городельскій привилей родоначальникомъ своихъ правъ и вольностей, цѣнили его, какъ политическое сокровище («скарбъ посполитый»), какъ своего рода святыню и реликвію, и потому-то и упрашивали своихъ государей вписывать его въ свои земскіе привилеи, несмотря на то, что въ этихъ привилеяхъ уже содержались тѣ права и вольности, которыя содержалъ и Городельскій привилей, и даже болѣе того. Городельскій привилей подтверждался литовско-русскими государями не какъ дѣйствующій законъ (послѣдній содержался въ ихъ собственныхъ земскихъ привилеяхъ), а какъ его историческое оправданіе, какъ санкціонирующій этотъ законъ голосъ старины. Не только въ названныхъ двухъ статьяхъ, но и въ другихъ, напр., въ статьѣ, предоставлявшей шляхетскія права и вольности только боярамъ-католикамъ получившимъ гербы отъ поляковъ, въ статьяхъ, касающихся взаимныхъ отношеній между Польшею и Литвою, Городельскій привилей былъ уже анахронизмомъ, противорѣчившимъ дѣйствительному положенію вещей, и тѣмъ не менѣе этотъ привилей продолжалъ подтверждаться литовско-русскими государями. Объясняется это именно тѣмъ, что при этомъ преслѣдовалась не юридическо-практическая цѣль, — признаніе обязательной силы за всѣми статьями Городельскаго привилея, а юридическо-моральная,—признаніе вящей силы и обязательности за статьями, содержащимися въ собственномъ привилеѣ подтверждавшаго государя и имѣвшими столь давнее происхожденіе. Если такъ, то неудивительно, что въ общей совокупности правъ и вольностей вмѣстѣ съ другими статьями повторялись и статьи, несомнѣнно утратившія свою юридическую обязательность, противорѣчившія позднѣйшимъ узаконеніямъ. Возможно, впрочемъ, что по временамъ имъ старались придать и дѣйствительную силу, какъ это было, напр., во время борьбы честолюбій, вызванной въ 1522 году назначеніемъ князя Острожскаго на первое мѣсто въ лавицѣ рады господарской. Протестовавшіе противъ этого назначенія паны, и во главѣ нихъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, въ разгарѣ борьбы могли схватиться и за это археологическое оружіе и указывать королю, что въ сущности онъ не имѣетъ права даже допускать схизматиковъ въ раду господарскую, а не то что назначать ихъ на первое мѣсто. Мы считаемъ разсказъ объ этомъ Кояловича весьма правдоподобнымъ

отъ одного изъ сподвижниковъ Витовта: Олехно, Янъ, Якубъ; Андрей и Юрій Якубовичи, Станиславъ Станиславовичъ; *Ильиничи*, ведущіе свой родъ отъ выслужившагося при Витовтѣ могилевскаго боярина Ильи [137]): Иванъ Ильиничъ, сыновья его Миколай и Юрій; *Глѣбовичи*: Юрій, Петръ, Станиславъ; Янъ Юрьевичъ; одного съ ними рода: Ивашко *Вяжевичъ*, сынъ его Войтехъ Ивашковичъ; *Нарбутовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ знатнаго боярина вел. князя Сигизмунда: Войтехъ и Петръ Нарбутовичи; сыновья Войтеха—Войтехъ, Миколай и Янъ; *Костевичи*: Станиславъ, его сыновья Янушъ и Венцлавъ; *князья Жеславскіе*: Иванъ Юрьевичъ, сыновья его Θедоръ и Михаилъ; *Вештортовичи*: Мишко и сынъ его Янъ; *Соллогубы*: Андрей и сынъ его Юрій; *Стромилы*, потомки ложничія Витовта: Петрашко Пашкевичъ, Станиславъ Петрашковичъ [138]); *Сопеги*, ведущіе свое происхожденіе отъ выслужившагося при Казимирѣ писаря Семена: Иванъ Семеновичъ, его сынъ Павелъ, племянникъ Иванъ Богдановичъ; *Солтаны*: Солтанъ Александровичъ и сынъ его Александръ; *Стретовичи*, другая линія того же рода: Александръ Юрьевичъ, родоначальникъ; Андрей и Иванъ Александровичи, Иванъ Андреевичъ; *Петькевичи*: Станиславъ Михайловичъ, Юрій Миколаевичъ; *Клочко*: Войтехъ Яновичъ и его сынъ Матей; *Юндиловичи*: Миколай, его племянникъ Матей Яновичъ; *Костевичи*: Станиславъ, его сыновья Янушъ и Венцлавъ. Къ этимъ фамиліямъ надо присоединить еще нѣсколько родовитыхъ фамилій, которыя въ разсматриваемое время представлялись въ господарской радѣ спорадически, отдѣльными лицами: Таковы были: Олехно *Судимонтовичъ*, сынъ знатнаго боярина в. кн. Сигизмунда Судимонта; Миколай *Гинвиловичъ*, вѣроятно, потомокъ намѣстника Троцкаго при Витовтѣ Гинвила [139]); Ивашко *Юрша*, вѣроятно, потомокъ извѣстнаго сподвижника Свидригайлова, воеводы Юрши; Янъ *Насутичъ*, сынъ знатнаго пана Свидригайлова Насуты; Олизаръ *Шиловичъ-Кирдпевичъ*, отецъ котораго принадлежалъ къ правительственной знати при Свидригайлѣ [140]); *Гойцевичъ* Иванъ, вѣроятно, сынъ сподвижника Свидригайлова Юшка, павшаго въ битвѣ подъ Ошменою въ 1432 году [141]); *Хребтовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ Свидригайлова знатнаго боярина Хребта: Иванъ, Мартинъ, Θедко Богдановичи; кн. Димитрій

---

[137]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 26.
[138]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 47.
[139]) См. выше, стр. 25, 67.
[140]) См. выше, стр. 68.
[141]) *Narbutta* Pomniki, str. 46.

образомъ благодаря щедрымъ пожалованіямъ своихъ господарей, покупавшихъ такимъ путемъ и вознаграждавшихъ ихъ службу и вѣрность. Въ этомъ отношеніи, кромѣ частныхъ указаній источниковъ на крупныя имѣнія литовскихъ князей и пановъ разсматриваемаго времени [158]), весьма характерны показанія реестра 1528 г. относительно количества ратниковъ, которые должны были выставляться съ различныхъ «земскихъ» имѣній. Эти показанія даютъ ясно понять, кто такое по общественному своему положенію были паны-рада, и почему господарь набиралъ свой совѣтъ преимущественно изъ князей и пановъ литовскаго происхожденія. Оказывается, что кругъ фамилій, изъ которыхъ преимущественно выходили паны-рада, представлялъ собою классъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Приведемъ относящіяся сюда цифры.

Первѣйшая княжеская фамилія изъ этого круга—*кн. Гольшанскіе* выставляютъ въ общей сложности съ своихъ имѣній 154 коня [159]); *паны Радивилы*—621 конь [160]); родственная имъ фамилія *Остиковичи*—337 коней [161]); *Гаштольды*—466 коней [162]); *Кезгайлы*—768 коней [163]); *Заберезинскіе*—258 коней [164]); ихъ младшая вѣтвь *Олехновичи-Кухмистровичи*—36 коней [165]); младшая вѣтвь Саковичей *Кунцевичи*—47 коней [166]); *Костевичи* (Венцлавъ и вдова Януша) — 124 коня

[158]) Эти указанія сгруппированы въ значительномъ количествѣ во второмъ очеркѣ нашего труда «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства».

[159]) Кн. Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій—122; кн. Юрій Ивановичъ Дубровицкій—28 коней, а его сыновья Иванъ и Ѳедоръ – 4 коня.

[160]) Юрій Миколаевичъ, панъ Виленскій, староста Городенскій,—261 конь; его племянникъ, подчашій Янъ Миколаевичъ—69; братъ послѣдняго Станиславъ, державца Пенянскій—39 коней, а мать ихъ Елизавета—260 коней.

[161]) Григорій Григорьевичъ—116 коней: братъ его Юрій—131, а мать Елизавета—90 коней.

[162]) Альбрехтъ Мартиновичъ съ сыномъ Станиславомъ.

[163]) Панъ Троцкій, староста Жмудскій, Станиславъ Станиславовичъ—371 конь; его жена съ падчерицею—246 коней; двоюродный братъ Миколай Миколаевичъ—151 конь.

[164]) Панъ Янъ Яновичъ, маршалокъ земскій—197 коней; вдова его племянника Миколая—61 конь.

[165]) Миколай (Петровичъ) Кухмистровичъ—12 коней: Станиславъ Петровичъ 7 коней; Юрій Михайловичъ Олехновича—17 коней.

[166]) Мацко Кунцевичъ, намѣстникъ Лепуньскій и Волкиницкій,—7 коней; вдова Якуба Кунцевича, конюшаго дворнаго,—38 коней; Касперъ Кунцевичъ—2.

Волынской земли [153]); кн. Друцкіе, Острожскіе, Глинскіе; быть можетъ, Юрши, Стромилы, Солтаны, Стретовичи и Петькевичи. Изъ остальныхъ фамилій—двѣ, Кишки и Насуты, по всѣмъ даннымъ мазовецко-подляшскаго происхожденія [154]), всѣ же прочія,—изъ которыхъ вышло большинство членовъ господарской рады въ разсматриваемое время (100 изъ 182)—происхожденія литовскаго.

Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что Казимиръ и его сыновья набирали свой совѣтъ преимущественно изъ литовскихъ князей и пановъ? Въ исторической литературѣ долгое время господствовалъ взглядъ, что русскіе люди попадали въ господарскую раду только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, что по отношенію къ пополненію ея при Казимирѣ и его сыновьяхъ и до самаго 1563 года дѣйствовало многократно подтверждавшееся постановленіе Городельскаго привилея, предоставлявшее мѣста въ радѣ господарской только католикамъ [155]). Этотъ взглядъ опровергается прежде всего самою грамотою 1563 г., отмѣнившею названное постановленіе. Изъ этой грамоты видно, что это постановленіе, несмотря на неоднократное подтвержденіе Городельскаго привилея, не соблюдалось, и не только «Римского костела послушныи, але и Грецкого» бывали въ лавицѣ рады какъ при предшественникахъ Сигизмунда-Августа, такъ и при немъ самомъ [156]). Подробное ознакомленіе съ личнымъ составомъ господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ вполнѣ подтверждаетъ это заявленіе привилея 1563 г.: оказывается, что православные русскіе люди въ радѣ великаго княжества Литовскаго все-таки были далеко не рѣдкимъ исключеніемъ. Да это и понятно. Со времени сравненія православныхъ русскихъ людей во всѣхъ правахъ и вольностяхъ съ литвинами-католиками въ земскихъ привилеяхъ 1432 и 1434 годовъ, статья Горородельскаго привилея, преграждавшая имъ доступъ въ господарскую раду, утратила свою юридическую силу и сдѣлалась уже отжившимъ закономъ. Этотъ отжившій законъ по извѣстной редакціонной косности, а не потому, что

---

153) См. выше, стр. 153.

154) О Насутѣ см. выше, стр. 106; родовое владѣніе Кишковъ—Техановецъ находился на Подляшьѣ.

155) *Н. П. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 127, Кіевъ 1885; *П. Д. Брянцева* Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ, стр. 330, 353. О мнѣніяхъ, высказывавшихся ранѣе, см. *А. Ярушевича* Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, стр. 163, 164, прим. 414.

156) Акты Зап. Рос. III, № 32.

образомъ благодаря щедрымъ пожалованіямъ своихъ господарей, покупавшихъ такимъ путемъ и вознаграждавшихъ ихъ службу и вѣрность. Въ этомъ отношеніи, кромѣ частныхъ указаній источниковъ на крупныя имѣнія литовскихъ князей и пановъ разсматриваемаго времени [158]), весьма характерны показанія реестра 1528 г. относительно количества ратниковъ, которые должны были выставляться съ различныхъ «земскихъ» имѣній. Эти показанія даютъ ясно понять, кто такое по общественному своему положенію были паны-рада, и почему господарь набиралъ свой совѣтъ преимущественно изъ князей и пановъ литовскаго происхожденія. Оказывается, что кругъ фамилій, изъ которыхъ преимущественно выходили паны-рада, представлялъ собою классъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Приведемъ относящіяся сюда цифры.

Первѣйшая княжеская фамилія изъ этого круга—*кн. Гольшанскіе* выставляютъ въ общей сложности съ своихъ имѣній 154 коня [159]); *паны Радивилы*—621 конь [160]); родственная имъ фамилія *Остиковичи*—337 коней [161]); *Гаштольды*—466 коней [162]); *Кезгайлы*—768 коней [163]); *Забрезинскіе*—258 коней [164]); ихъ младшая вѣтвь *Олехновичи-Кухмистровичи*—36 коней [165]); младшая вѣтвь Саковичей *Кунцевичи*—47 коней [166]); *Костевичи* (Венцлавъ и вдова Януша) — 124 коня

---

[158]) Эти указанія сгруппированы въ значительномъ количествѣ во второмъ очеркѣ нашего труда «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства».

[159]) Кн. Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій—122; кн. Юрій Ивановичъ Дубровицкій—28 коней, а его сыновья Иванъ и Ѳедоръ—4 коня.

[160]) Юрій Миколаевичъ, панъ Виленскій, староста Городенскій,—261 конь; его племянникъ, подчашій Янъ Миколаевичъ—69; братъ послѣдняго Станиславъ, державца Пенянскій—39 коней, а мать ихъ Елизавета—260 коней.

[161]) Григорій Григорьевичъ—116 коней: братъ его Юрій—131, а мать Елизавета—90 коней.

[162]) Альбрехтъ Мартиновичъ съ сыномъ Станиславомъ.

[163]) Панъ Троцкій, староста Жмудскій, Станиславъ Станиславовичъ—371 конь; его жена съ падчерицею—246 коней; двоюродный братъ Миколай Миколаевичъ—151 конь.

[164]) Панъ Янъ Яновичъ, маршалокъ земскій—197 коней: вдова его племянника Миколая—61 конь.

[165]) Миколай (Петровичъ) Кухмистровичъ—12 коней: Станиславъ Петровичъ 7 коней; Юрій Михайловичъ Олехновича—17 коней.

[166]) Мацко Кунцевичъ, намѣстникъ Лепуньскій и Волкиницкій,—7 коней; вдова Якуба Кунцевича, конюшаго дворнаго,—38 коней; Касперъ Кунцевичъ—2.

и сомнѣваемся только въ томъ, чтобы Сигизмундъ дѣйствительно выдалъ обязательство впредь не назначать схизматиковъ въ раду господарскую. Дошедшій до насъ въ сборникахъ Скарги и Гарасевича привилей Сигизмунда, содержащій это обязательство, мы считаемъ простымъ проектомъ, составленнымъ Гаштольдомъ и его партіею, а не оффиціальнымъ документомъ, получившимъ санкцію короля (если только дошедшій привилей не есть іезуитское сочиненіе, составленное въ эпоху установленія уніи, съ цѣлью доказать, что православные не имѣютъ историческаго права на сенаторскія кресла въ Рѣчи Посполитой), ибо въ дошедшихъ до насъ, и дѣйствительно оффиціальныхъ, документахъ нѣтъ ничего подобнаго въ этомъ смыслѣ [157]).

Итакъ, преобладаніе князей и пановъ литовскаго происхожденія въ радѣ Казимира и его сыновей не можетъ быть объясняемо дѣйствіемъ Городельскаго привилея, преграждавшаго доступъ въ раду господарскую православнымъ русскимъ людямъ. Это преобладаніе выросло не изъ мертваго, отжившаго закона, сдѣлавшагося, какъ мы видѣли, простымъ историческимъ переживаніемъ, политическою реликвіею, а изъ живыхъ историческимъ традицій, державшихся своими корнями и въ почвѣ тогдашней общественной дѣйствительности.

Казимиръ и его сыновья вполнѣ естественно набирали своихъ совѣтниковъ, своихъ сотрудниковъ и помощниковъ по устроенію государства преимущенно изъ тѣхъ же фамилій, съ которыми строили свое государство ихъ предшественники, изъ фамилій, которыя обладали для этого сотрудничества наибольшими духовными и матеріальными рессурсами, и за которыми прецеденты установили нѣкоторое право на это сотрудничество. Мы видѣли, что князья и знатные литовскіе бояре представляли при Витовтѣ самыя значительныя общественныя силы въ Литовско-Русскомъ государствѣ,—классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ и властью въ мѣстныхъ обществахъ, настоящихъ герцоговъ и бароновъ, какъ нерѣдко величаютъ ихъ современные нѣмецкіе и польскіе источники. Это же значеніе классъ этотъ сохранялъ и въ разсматриваемое время, а отчасти даже и увеличилъ его. Литовскіе князья и паны не только сохранили свои имѣнья, но даже и расширили ихъ отчасти покупкою, но главнымъ

---

[157]) Подробнѣе объ этомъ см. *А. Ярушевича* Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, стр. 163—169, 236, 237; наши рецензіи на эту книгу въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1898, № 7, стр. 205, 206, за 1899, № 10, стр. 166—168; Archiwum Sanguszków III, № CCXXX; Acta Tomiciana, tomus VI, № XVIII, CLXVII.

Вежкгайлы—80 коней [185]); *Чижи*—38 коней [186]); *Зеновьевичи*—155 коней [187]); вдова Петра Яновича *Монтыгирдовича*—32 коня.—Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, необходимо знать, что немного княжескихъ фамилій въ Литовско-Русскомъ государствѣ выставляли «почты», подобные только что приведеннымъ. Таковы были: *князь Слуцкій*, выставлявшій съ своихъ имѣній 433 коня, кн. Конст. Ивановичъ *Острожскій*, выставлявшій 426 коней, *князь Мстиславскій*—152 коня, *Сангушки*—въ общей сложности—170 коней [188]); *князья Вишневецкіе*—84 коня [189]); кн. Матѳей *Микитиничъ*—79 коней; *кн. Полубенскіе*—55 коней [190]); *кн. Чорторыйскіе*—55 коней [191]); *кн. Жеславскіе*—45 коней [192]); *кн. Лукомскіе*—65 коней [193]); *кн. Соколинскіе* (изъ Друцкихъ)—40 коней [194]); *Одиницевичъ* Богданъ Ѳедоровичъ—33 коня; *кн. Свирскіе*—41 коня [195]) и только. Всѣ остальныя княжескія фамиліи выставляютъ уже меньшіе «почты»: *кн. Подберезскіе-Ямонтовичи* (Семенъ)—24 коня; князья *Горскіе и Багриновскіе*—35 коней [196]); князья

---

[185]) Кн. Миколай, бискупъ Жмудскій,—79 коней; Войтехъ Вежкгайлъ—1.

[186]) Василій Богдановичъ—25 коней; Левъ Чижевичъ—13 коней.

[187]) Михайло—28 коней; его жена—1 конь; Юрій—33; Янъ Хрщоновичъ—19; Янъ Юрьевичъ—41; всѣ они сверхъ того—3 коня; вдова Миколая—30.

[188]) Кн. Андрей Михайловичъ Коширскій—85 коней; его сынъ Александръ—5 коней; кн. Василій Михайловичъ Ковельскій—38; кн. Андрей Александровичъ—42.

[189]) Кн. Иванъ—52 коня; Александръ—15; Ѳедоръ—12; Ѳедоръ—5.

[190]) Кн. Василій Андреевичъ—43 коня; Иванъ Андреевичъ—6 коней; его жена—4.

[191]) Кн. Ѳедоръ Михайловичъ—33 коня; вдова его двоюроднаго брата Семена Александровича—22 коня.

[192]) Кн. Ѳедоръ—31 конь; Богданъ—14 коней.

[193]) Кн. Андрей Андреевичъ—10 коней; кн. Михайло—2 коня; кн. Семенъ—1; Петръ—1; Юрій—1; кн. Андрей Ивановичъ—9; кн. Семенъ Романовичъ—5; кн. Михайло Романовичъ—5 коней; его жена—13; Петръ Романовичъ—14; кн. Богушъ—4.

[194]) Кн. Андрей Соколинскій съ племянниками и племянницами—23 коня; княжна Гальшка Ѳедоровна—2 коня; вдова Василія—9, вдова Ивана—4; Павелъ—2 коня.

[195]) Богданъ Дмитріевичъ—5 коней; вдова хоружія Якуба—11 коней; Петръ Духничъ—7 коней; Андрей Юхновичъ—3 коня; вдова Романа—5 коней; Жданъ Александровичъ—5 коней; Михаилъ Мартиновичъ—4 коня; Янъ Мартиновичъ—1 коня.

[196]) Багриновскіе—6 коней; Горскіе Ѳедоръ и Иванъ—21; Иванъ Дуда—14.

Сѣнскіе—8 коней [197]); князья *Толочинскіе*—18 коней; кн. *Соломерецкій*—15 коней; *Озерецкіе*—12 коней [198]); князья *Жижемскіе*—13 коней; князья *Глинскіе*—11 коней [199]); *кн. Крошинскіе*—17 коней [200]); кн. *Жилинскіе* (Василій)—12 коней; *Кропотка* (Василій)—2 коня; *Вяземскіе* (Янъ)—4 коня; *кн. Барятинскіе* (Иванъ)—7 коней; кн. *Пузына* (Тимоѳей)—10 коней; кн. *Масальскіе*—17 коней [201]); *кн. Пронскіе*—25 коней [202]); *кн. Четвертинскіе*—22 коня [203]); *Сокольскіе*—9 коней [204]); кн. *Капусты*—15 коней [205]); кн. *Козеки*—10 коней [206]); кн. *Любецкіе и Веденицкіе*—18 коней [207]); кн. *Роговицкіе*—4 коня [208]); кн. *Збаражскіе* (Андрей Семеновичъ)—14 коней; кн. *Порыцкіе* (Василій)—5 коней; кн. *Велицкій*—1 коня; кн. *Заславскіе*, младшая вѣтвь Острожскихъ,—29 коней; кн. *Корецкіе*—20 коней [209]); кн. *Курцевичи*—8; кн. *Буремскіе*—4; кн. *Галичиньскіе*—3 [210]); вдова кн. Андрея Ивановича *Можайскаго*—14 коней; кн. Богданъ Дмитріевичъ—3; Володко Ивановичъ—3; вдова князя Тура—6 коней; кн. *Бердибяка*—1 коня; кн. *Лыко*—1 коня. Такимъ образомъ, большинство князей въ Литовско-Русскомъ государствѣ по сравненію съ вельможными панами были средними и мелкими землевладѣльцами. Еще болѣе станетъ яснымъ значеніе вышеприведенныхъ цифръ, если мы примемъ, напр., во вниманіе, что паны Кезгайлы (трое владѣльцевъ) выставляли на войну только на 53 ратника меньше, чѣмъ всѣ князья (за исключеніемъ Острожскаго) паны и земяне (282 владѣльца), водившіе свои «почты» на войну подъ хоругвью земли Волынской (всего они выставляли

---

197) Сыновья Ивана—6 коней; Иванъ—2.

198) Кн. Андрей—8; Семенъ—4.

199) Кн. Семенъ—5; братъ его Михаилъ—4; вдова Ѳедора—2.

200) Кн. Тимоѳей.

201) Кн. Юрій Тимоѳеевичъ—3; Иванъ Тимоѳеевичъ—2; Богушъ—8; Василій—4.

202) Вдова кн. Глѣба Пронскаго.

203) Василій Ѳедоровичъ—12; Андрей—4; Ѳедоръ—6.

204) Солтанъ—3; Юрій—2; Андрей—4.

205) Андрей Тимоѳеевичъ—14; Петръ—1 коня.

206) Андрей Михайловичъ—5; Иванъ—5.

207) Василій и Богданъ Любецкіе—15 коней; Димитрій Романовичъ Веденицкій—3 коня.

208) Иванъ—2; Василій—1; Ѳедоръ 1 коня.

209) Княгиня Корецкая—12 коней; князь Иванъ Масальскій Корецкій—8 коней.

210) Кн. Иванъ—1 коня; Григорій—1 коня; Григорій Ивановичъ—1 коня.

1 коня),—на 36 ратниковъ больше, чѣмъ всѣ паны и земяне (245 се-
й), составлявшіе хоругвь земли Дорогицкой (всего они выставляли
2 коня), на 56 ратниковъ больше чѣмъ князья, бояре и мѣщане
4 владѣльца), составлявшіе хоругвь Полоцкой земли (всего они
ставляли 712 ратниковъ), и на цѣлыхъ 80 ратниковъ больше, чѣмъ
ѣ земяне и бояре (1995 владѣльцевъ), составлявшіе хоругвь Бѣль-
го повѣта (выставляли всѣ вмѣстѣ 688 коней). Одинъ панъ Аль-
ехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ съ сыномъ выставлялъ съ своихъ
ѣній на 64 ратника больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы (331 чело-
къ), составлявшіе хоругвь Вилкомирскаго повѣта (выставляли 402
тника) и приблизительно въ 7½ разъ болѣе всѣхъ бояръ и мѣ-
нъ (59 человѣкъ) служившихъ подъ хоругвью Витебской земли и
ставлявшихъ въ общей сложности 91 ратника. Одинъ панъ Стани-
авъ Станиславовичъ Кезгайло выставлялъ ратниковъ только на пять
ловѣкъ меньше, чѣмъ всѣ бояре (364 владѣльца), составлявшіе хо-
говь Ошменскаго повѣта, и на 21 ратника болѣе, чѣмъ всѣ бояре
55 землевладѣльцевъ), служившіе подъ хоругвью повѣта Новгород-
аго (выставляли 350 коней) и т. д., и т. д. Для тѣхъ, кто пожелалъ
і продолжить это сравненіе прилагаемъ здѣсь данныя о числѣ земле-
адѣльцевъ и выставляемыхъ ими ратниковъ подъ другими повѣто-
ыми хоругвями [211]). Изъ сравненія наглядно обнаруживается, какими

---

[211]) 114 бояръ *Мѣдницкаго* хоружства выставляли 139 коней; 34 вла-
льца *Мѣнскаго* повѣта—79 коней; 13 бояръ *Аинскаго* повѣта—14 коней; 80
яръ *Лидскаго* повѣта—86 коней; 19 бояръ *Марковскаго* повѣта—27 коней;
князей и бояръ *хоружства Кревскаго и Свирскаго*—96 коней; 222 боярина
удоминскаго хоружства—329 коней; 49 бояръ *Мемижскаго* хоружства—92
ня; 188 бояръ и слугъ путныхъ *Керновскаго* повѣта—262 коня; 55 бояръ хо-
жства *Мойшакгольскаго*—98 коней; 166 бояръ *Пенянскаго* хоружства—169 ко-
; князья и бояре *Гедройтскіе*, 84 персоны,—234 коня; 25 бояръ *Судерев-
ихъ*—47 коней; 23 боярина *Неменчинскаго* повѣта—40 коней; 21 бояринъ *Оник-
пенскаго* повѣта—24 коня; 15 бояръ *Браславскаго* повѣта—32 коня; 314 бо-
ъ *Ковенскаго* хоружства—321 конь; 56 бояръ *Жижморскаго* повѣта—116 ко-
; 135 бояръ *Сомилишскаго* хоружства—151 конь; 45 бояръ *Лепунскаго*
ружства—46 коней; 111 бояръ *Высокодворскаго* хоруж.—117 коней; 238 бояръ
йшишскаго хоружства—263 коня; 118 бояръ *Радуньскаго* повѣта—122 коня;
бояръ *Перелайскихъ*—26 коней; 17 бояръ *Коневскихъ*—17 коней; 31 бояр.
рсунишскаго повѣта—31 конь; 32 бояр. *Бирштанскаго* хоружства—32 коня;
землевладѣльцевъ *Мерецкаго* хоружства—59 коней; 96 бояръ *Василишскаго*
ружства—193 коня; 69 бояръ *Остринскаго* хор.—73 коня; 36 бояръ *Жолуд-*

крупными величинами были въ окружавшемъ ихъ обществѣ княжескія и панскія фамиліи, изъ которыхъ набиралась рада великаго княжества Литовскаго. Эти князья и паны дѣйствительно, а не по одному только титулу, были «вельможными», настоящими «магнатами» среди окружавшей ихъ землевладѣльческой мелкоты, такими же reguli, homines praepotentes, viri famosi, какими были ихъ предки въ XII—XIII в., тѣми же «баронами», какими были ихъ прадѣды, дѣды и отцы въ XIV и XV в., а со времени выдачи привилея 1447 г., предоставившаго въ ихъ руки государственную власть надъ нанесеніемъ ихъ имѣній, даже и болѣе того.

Итакъ, великокняжеская рада при Казимирѣ и его сыновьяхъ набиралась преимущественно изъ извѣстнаго круга князей и пановъ потому, что эти князья и паны были самыми крупными землевладѣльцами, самыми знатными, сильными и вліятельными людьми въ литовско-русскомъ обществѣ. До какой степени этотъ факторъ дѣйствовалъ при подборѣ членовъ господарской рады, видно изъ того, что обѣднѣвшія, хотя бы и знатныя фамиліи, переставали ставить господарю совѣтниковъ, которые набирались изъ новыхъ, но непремѣнно уже богатыхъ фамилій. Такимъ образомъ, напр., перестала посылать своихъ представителей въ господарскую раду знатная волынская фамилія Кирдѣевъ. Кирдѣи въ XV в. принадлежали къ крупнымъ землевладѣльцамъ Волынской земли и имѣли мѣсто и въ радѣ Свидригайла, и въ

скаго повѣта—36 коней: 189 бояръ *Городенскаго* повѣта—243 коня: 216 бояръ *Волковыйскаго* повѣта—248 коней; 32 боярина *Слонимскаго* повѣта—96 коней: 44 боярина *Каменецкаго* повѣта—69 коней; 106 земянъ *Берестейскаго* повѣта—165 коней; 294 бояр. *Упитскаго* повѣта—379 коней; 51 бояр. *Троцкаго* хоружства—55 коней; 43 боярина *Курклевскаго хоружства*—69 коней. Литовскіе татары выставляли: 75 владѣлецевъ *хоружства князя Ивана*—126 коней: 96 татаръ *Абрагимова* хоружства—118 коней: 53 человѣка *хоружства князя Сейдчала*—82 коня; 116 татаръ *хоружства Ахметъ-Влана Санчуковича*—139 коней; 78 татаръ *хоружства* Олишкова—85 коней: 24 *Новгородскихъ* татарина—51 конь: 38 татаръ *хоружства Банна Сенковича*—66 коней. Земяне *Мельницкаго* хоружства, 36 семей, выставляли 116 коней; 89 бояръ *Пинскаго* повѣта—102 коня: 49 бояръ и татаръ *Клецкаго* повѣта—57 коней; 19 бояръ и татаръ *Городецкаго* повѣта—21 конь: 3 бояръ и слугъ путныхъ *Рогачовскихъ*—3 коня: 30 бояръ *Кобринскаго* повѣта—83 коня: 8 бояръ *Грушовскихъ и Черевачицкихъ*—14 коней: 1748 бояръ изъ 24 волостей *Жмудской земли* выставляли въ общей сложности 1839 коней. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ 1. Эта книга, сколько намъ извѣстно, напечатана Археографическою Коммиссіею и выйдетъ въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ.

радѣ Казимира. Но въ 1529 году эта фамилія выставляла въ поле уже всего 7 коней; ясное дѣло, что она захудала, разорилась и потому потеряла свое мѣсто въ государственномъ совѣтѣ великаго княжества. Присматриваясь теперь къ тѣмъ homines novi, которые проскальзываютъ въ среду пановъ радныхъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ, открываемъ, что и эти лица выходятъ большею частью изъ крупныхъ сравнительно землевладѣльцевъ, выдающихся изъ средняго уровня. Такъ, конюшимъ дворнымъ при Казимирѣ является Михаилъ *Вагановскій* изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Берестейскаго повѣта (его сынъ Ѳедоръ въ 1529 году выставлялъ съ своего родового имѣнья Ваганова 19 коней) [212]) маршалокъ Александра и Сигизмунда Немира *Грималичъ* вышелъ также изъ крупныхъ сравнительно землевладѣльцевъ Подляшья (въ 1528 году двое землевладѣльцевъ изъ этого рода, Немира и Щастный, выставляли 44 коня); подскарбій земскій Сигизмунда Иванъ *Горностай* вышелъ изъ рода старшихъ кіевскихъ бояръ, въ 1528 году выставлявшаго 26 коней (самъ Иванъ—22 и братъ его Оникей—4); хоружій дворный Сигизмунда Иванъ Савичъ *Корсакъ* вышелъ изъ богатой, хотя и сильно разросшейся, полоцкой боярской фамиліи Корсаковъ (по переписи 1528 г. 16 землевладѣльцевъ этой фамиліи выставляли 275 коней изъ всѣхъ 712 коней, которыхъ выставляла Полоцкая земля); маршалокъ и секретарь Сигизмунда Михаилъ Васильевичъ *Копоть* вышелъ тоже изъ «старшихъ» бояръ Витебской земли и въ 1528 году выставлялъ 38 коней; *Янъ Стецковичъ*, маршалокъ Александра и Сигизмунда, вышелъ изъ фамиліи Цыбулька, ставившей по переписи 1528 года 39 коней (Янъ—30 коней; Станиславъ 6; Матей 3); Янъ *Завишичъ*, подстолій и затѣмъ стольникъ Сигизмунда, вышелъ изъ фамиліи, бывшей въ состояніи выставлять въ 1528 году 63 коня (самъ Янъ—29, братъ его Юрій—34); кухмистръ и мечникъ Сигизмунда Юрій Миколаевичъ *Едко* вышелъ изъ фамиліи, ставившей въ 1528 году 29 коней; Миколай Михновичъ *Рачковичъ*, маршалокъ и секретарь Сигизмунда, вышелъ изъ фамиліи, въ 1528 году выставлявшей 23 коня; Юрій Войтеховичъ *Носиловскій*, въ концѣ царствованія Сигизмунда сдѣлавшійся воеводою Витебскимъ, вышелъ изъ рода, съ котораго въ 1528 г. шло 56 коней (съ 6 владѣльцевъ).

Теперь мы можемъ объяснить и фактъ преобладанія въ радѣ господарской князей и пановъ литовскаго происхожденія. Это преобладаніе объясняется именно тѣмъ, что главнымъ образомъ въ собственной

---

[212]) См. областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 181.

Литовской землѣ создалось и держалось крупное землевладѣніе, здѣсь народилась и выросла крупная землевладѣльческая аристократія, съ теченіемъ времени охватившая своими владѣніями и области—аннексы. Литовско-русскій господарь въ разсматриваемое время набиралъ себѣ своихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ изъ князей и пановъ литовскаго происхожденія не потому, что они были литовцы и католики, а потому, что они были самые богатые и знатные землевладѣльцы. Какъ скоро находились таковые среди русскихъ князей и бояръ, онъ привлекалъ и ихъ къ совѣту и правительственному сотрудничеству, и мы видѣли, что нѣкоторые первостепенные паны радные при Казимирѣ и его сыновьяхъ вышли изъ среды русскихъ князей и бояръ. Да иначе и быть не могло. Не нужно забывать того, что въ то время не было постоянныхъ окладовъ для членовъ господарской рады. Ихъ вознаграждали отдѣльными «дачами», раздававшимися по усмотрѣнію господаря [213]), и пожалованіемъ старостствъ и державъ. При такихъ условіяхъ и участіе въ господарской радѣ, особенно на первыхъ порахъ, въ званіи маршалка или какого нибудь придворнаго сановника въ родѣ подстолія или крайчія, было не однимъ почетнымъ отличіемъ, но и «накладною» службою, требовавшею значительной предварительной затраты собственныхъ средствъ (въ особенности, если примемъ еще въ разсчетъ кочевой образъ жизни литовскаго двора, эти постоянные переѣзды по государству, частые сеймы и т. д.). Но эта затрата могла быть подъ силу только состоятельнымъ фамиліямъ.

Зная преобладающій составъ господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ, мы можемъ объяснить себѣ, почему не получило въ ней мѣста высшее православное духовенство. Одной католической нетерпимости едва ли достаточно для объясненія факта. Мотивъ этотъ былъ достаточно силенъ только на первыхъ порахъ, при Ягайлѣ и Витовтѣ и, быть можетъ, при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Но затѣмъ, съ того времени, когда западнорусская церковь начала обнаруживать наклонность къ подчиненію папѣ, этотъ мотивъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ и едва ли оказался бы въ состояніи самъ по себѣ, безъ содѣйствія другого фактора, преградить православнымъ архіереямъ доступъ въ раду господарскую. Этимъ факторомъ мы считаемъ относительную бѣдность и незнатность русскихъ архіереевъ. Католическіе бискупы выходили большею частью изъ тѣхъ же князей и пановъ, изъ какихъ набирались и ихъ свѣтскіе коллеги по господарской радѣ. Они

213) См. Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 15: Литов. Метр. кн. Запис. IV.

и не только свой «духовный хлѣбъ», но и «хлѣбъ» доставлявшійся имъ их обширныхъ свѣтскихъ имѣній. При такихъ условіяхъ они легко гли состоять и членами государственнаго совѣта великаго княжества, ѣя свои каѳедры въ Мѣдникахъ, Луцкѣ и Кіевѣ, проживать въ Вильнѣ переѣзжать за господаремъ по разнымъ замкамъ и дворамъ. Они вствовали себя въ своей средѣ, и среда эта видѣла въ нихъ своихъ дей, которые не пестрили ея. Православные архіереи выходили больюю частію изъ мелкаго люда, изъ духовенства или простонародья, щанъ и крестьянъ, и изрѣдка изъ мелкой или средней шляхты. Какъ исключеніе, можно указать только на владыку Смоленскаго, сдѣвшагося митрополитомъ, Іосифа Солтана, происходившаго изъ фаліи, хотя и не первостепенной, korpanовъ-радныхъ. Но большинство сскихъ архіереевъ,—всѣ эти Глѣзны, Болгариновичи, Пестручи, Окушвичи-Боскіе и т. д.—невѣдомые люди, поднявшіеся на архіерейскія ѳедры своими личными качествами и заслугами, а не знатностью и гатствомъ. Они питались исключительно своимъ «духовнымъ хлѣбомъ», торый, надо полагать, не былъ обильнѣе хлѣба католическаго духовенства, получавшаго въ числѣ другихъ доходовъ «десятину» со огихъ господарскихъ и частновладѣльческихъ имѣній на Литвѣ, муди, Подляшьѣ, Волыни и отчасти даже на «Руси». При такихъ ловіяхъ и у литовско-русскаго господаря не могло являться побужденій къ привлеченію православныхъ архіереевъ въ свою раду, и сами и не могли туда особенно стремиться. По своему соціальному прохожденію и положенію они слишкомъ не подходили къ тому общеву, которое засѣдало въ лавицѣ рады господарской, и едва ли могли чувствовать себя хорошо среди богатыхъ, знатныхъ и проникнухъ спѣсью богатства и знатности католическихъ бискуповъ, князей пановъ. Поэтому православные архіереи вполнѣ довольствовались стными приглашеніями на совѣщанія къ господарю, когда дѣло колось ихъ «правъ духовныхъ» (чаще всего приглашался митрополитъ, оживавшій въ Вильнѣ или Новгородкѣ) [214]) и не стремились занять стоянныя мѣста въ радѣ господарской. Эти стремленія православная рархія обнаружила въ то время, когда до епископскихъ каѳедръ какъ хлѣбныхъ мѣстъ, добралась знатная русская и даже литовская шлях-, когда епископіи стали получать Гулевичи [215]), Борзобогатые-Крас-

[214]) Акты Зап. Рос. II, № 67, 212.

[215]) Въ 1541 году король Сигизмундъ «за причиною» королевы Боны, княй и пановъ Волынской земли «осмотрѣлъ» хлѣбомъ духовнымъ пана Ѳедора Гувича, далъ ему епископью Луцкую и Острожскую. Гулевичъ умеръ въ 1548 г.

Литовской землѣ создалось и держалось крупное землевладѣніе, здѣсь народилась и выросла крупная землевладѣльческая аристократія, съ теченіемъ времени охватившая своими владѣніями и области—аннексы. Литовско-русскій господарь въ разсматриваемое время набиралъ себѣ своихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ изъ князей и пановъ литовскаго происхожденія не потому, что они были литовцы и католики, а потому, что они были самые богатые и знатные землевладѣльцы. Какъ скоро находились таковые среди русскихъ князей и бояръ, онъ привлекалъ и ихъ къ совѣту и правительственному сотрудничеству, и мы видѣли, что нѣкоторые первостепенные паны радные при Казимирѣ и его сыновьяхъ вышли изъ среды русскихъ князей и бояръ. Да иначе и быть не могло. Не нужно забывать того, что въ то время не было постоянныхъ окладовъ для членовъ господарской рады. Ихъ вознаграждали отдѣльными «дачами», раздававшимися по усмотрѣнію господаря [213]), и пожалованіемъ староствъ и державъ. При такихъ условіяхъ и участіе въ господарской радѣ, особенно на первыхъ порахъ, въ званіи маршалка или какого нибудь придворнаго сановника въ родѣ подстолія или крайчія, было не однимъ почетнымъ отличіемъ, но и «накладною» службою, требовавшею значительной предварительной затраты собственныхъ средствъ (въ особенности, если примемъ еще въ разсчетъ кочевой образъ жизни литовскаго двора, эти постоянные переѣзды по государству, частые сеймы и т. д.). Но эта затрата могла быть подъ силу только состоятельнымъ фамиліямъ.

Зная преобладающій составъ господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ, мы можемъ объяснить себѣ, почему не получило въ ней мѣста высшее православное духовенство. Одной католической нетерпимости едва ли достаточно для объясненія факта. Мотивъ этотъ былъ достаточно силенъ только на первыхъ порахъ, при Ягайлѣ и Витовтѣ и, быть можетъ, при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Но затѣмъ, съ того времени, когда западнорусская церковь начала обнаруживать наклонность къ подчиненію папѣ, этотъ мотивъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ и едва ли оказался бы въ состояніи самъ по себѣ, безъ содѣйствія другого фактора, преградить православнымъ архіереямъ доступъ въ раду господарскую. Этимъ факторомъ мы считаемъ относительную бѣдность и незнатность русскихъ архіереевъ. Католическіе бискупы выходили большею частью изъ тѣхъ же князей и пановъ, изъ какихъ набирались и ихъ свѣтскіе коллеги по господарской радѣ. Они

---

[213]) См. Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 15: Литов. Метр. кн. Запис. IV.

ѣли не только свой «духовный хлѣбъ», но и «хлѣбъ» доставлявшійся имъ съ ихъ обширныхъ свѣтскихъ имѣній. При такихъ условіяхъ они легко могли состоять и членами государственнаго совѣта великаго княжества, имѣя свои каѳедры въ Мѣдникахъ, Луцкѣ и Кіевѣ, проживать въ Вильнѣ и переѣзжать за господаремъ по разнымъ замкамъ и дворамъ. Они чувствовали себя въ своей средѣ, и среда эта видѣла въ нихъ своихъ людей, которые не пестрили ея. Православные архіереи выходили большею частію изъ мелкаго люда, изъ духовенства или простонародья, мѣщанъ и крестьянъ, и изрѣдка изъ мелкой или средней шляхты. Какъ на исключеніе, можно указать только на владыку Смоленскаго, сдѣлавшагося митрополитомъ, Іосифа Солтана, происходившаго изъ фамиліи, хотя и не первостепенной, пановъ-радныхъ. Но большинство русскихъ архіереевъ,—всѣ эти Глѣзны, Болгариновичи, Пестручи, Окушковичи-Боскіе и т. д.—невѣдомые люди, поднявшіеся на архіерейскія каѳедры своими личными качествами и заслугами, а не знатностью и богатствомъ. Они питались исключительно своимъ «духовнымъ хлѣбомъ», который, надо полагать, не былъ обильнѣе хлѣба католическаго духовенства, получавшаго въ числѣ другихъ доходовъ «десятину» со многихъ господарскихъ и частновладѣльческихъ имѣній на Литвѣ, Жмуди, Подляшьѣ, Волыни и отчасти даже на «Руси». При такихъ условіяхъ и у литовско-русскаго господаря не могло являться побужденій къ привлеченію православныхъ архіереевъ въ свою раду, и сами они не могли туда особенно стремиться. По своему соціальному происхожденію и положенію они слишкомъ не подходили къ тому обществу, которое засѣдало въ лавицѣ рады господарской, и едва ли могли бы чувствовать себя хорошо среди богатыхъ, знатныхъ и проникнутыхъ спѣсью богатства и знатности католическихъ бискуповъ, князей и пановъ. Поэтому православные архіереи вполнѣ довольствовались частными приглашеніями на совѣщанія къ господарю, когда дѣло касалось ихъ «правъ духовныхъ» (чаще всего приглашался митрополитъ, проживавшій въ Вильнѣ или Новгородкѣ) [214]) и не стремились занять постоянныя мѣста въ радѣ господарской. Эти стремленія православная іерархія обнаружила въ то время, когда до епископскихъ каѳедръ какъ до хлѣбныхъ мѣстъ, добралась знатная русская и даже литовская шляхта, когда епископіи стали получать Гулевичи [215]), Борзобогатые-Крас-

---

[214]) Акты Зап. Рос. II, № 67, 212.

[215]) Въ 1541 году король Сигизмундъ «за причиною» королевы Боны, князей и пановъ Волынской земли «осмотрѣлъ» хлѣбомъ духовнымъ пана Ѳедора Гулевича, далъ ему епископью Луцкую и Острожскую. Гулевичъ умеръ въ 1548 г.

Кіевская земля выставляла такую же сумму коней, какъ и Волынская,—что невѣроятно, ибо Кіевская земля въ то время была не въ примѣръ рѣже населена, чѣмъ Волынская,—получимъ такой итогъ для всѣхъ областей аннексовъ, который все таки далеко будетъ ниже общаго числа коней, выставлявшагося фамиліями князей и пановъ радныхъ. При томъ же часть въ этомъ итогѣ приходится на долю все тѣхъ же фамилій князей и пановъ (въ Полоцкой землѣ, и особенно Волынской, отчасти на Подляшьѣ), переписанныхъ вмѣстѣ съ другими землевладѣльцами земель. Понятно теперь, почему рѣшенія сейма обусловливались главнымъ образомъ голосами князей и пановъ-рады. Въ такихъ вопросахъ, напр., какъ вопросы о начатіи или продолженіи войны, раскладкѣ серебщины или обложеніи военною повинностью, князья и паны рада съ княжатами и панятами бросали на вѣсы не только свой правительственный авторитетъ, но и свои «почты» и свои «пенязи». Естественно, что господарь больше всего внималъ и слѣдовалъ голосу этихъ князей и пановъ, которые по временамъ въ состояніи были вести войну своими собственными средствами, «безъ жадного способу» другихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, какъ это было, напр., въ 1519 году (стр. 215). Естественно затѣмъ, что эти послѣдніе, пока не сблизились и не сплотились въ солидарный общественный классъ, большею частью слѣдовали за своими «старшими братьями», а если по временамъ и обнаруживали противодѣйствіе, то не всегда съ успѣхомъ (см. выше стр. 218, 220).

Знакомство съ общественнымъ положеніемъ фамилій, изъ которыхъ набиралась господарская рада, помогаетъ уясненію и того значенія, которое съ теченіемъ времени пріобрѣла господарская рада внѣ великаго вальнаго сойма въ своихъ отношеніяхъ къ господарю. Состоя изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, въ рукахъ которыхъ находилась большая военная сила и денежныя средства, а также и государственная власть надъ многочисленнымъ населеніемъ ихъ имѣній (со времени изданія земскаго привилея 1447 года), господарская рада носила въ себѣ тенденцію стать болѣе, чѣмъ простымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при господарѣ. Эта тенденція при благопріятныхъ обстоятельствахъ повела къ превращенію рады въ учрежденіе, раздѣлявшее съ господаремъ верховную власть и формально его ограничивавшее.

§ 4.

Господарская рада въ первоначальномъ значеніи своемъ была совѣтомъ, къ содѣйствію котораго великій князь обращался, *когда чувствовалъ въ этомъ нужду*, при обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ

вопросовъ внѣшней политики и внутренняго управленія. Такое значеніе имѣла господарская рада при Витовтѣ, Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ, какъ это можно видѣть изъ приведенныхъ выше фактовъ. Такое же значеніе господарская рада сохраняла отчасти и при Казимирѣ. По совѣту съ панами радою Казимиръ велъ внѣшнюю политику, заключалъ договоры, давалъ «отказы» на присылаемыя къ нему посольства. Такимъ образомъ, напр., сообща съ панами радою Казимиръ заключилъ союзный договоръ съ Молдавскимъ воеводою Ильею въ 1442 году [222]). Выслушавъ рѣчи Псковскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ августѣ 1480 года въ Троки, Казимиръ отвѣчалъ имъ: «о всемъ томъ хочемъ помыслити съ паны радою нашою, и своимъ посломъ откажемъ» [223]). По совѣту съ панами радою Казимиръ жаловалъ и подтверждалъ различнымъ лицамъ крупныя имѣнья. Такимъ образомъ, напр., въ 1442 году онъ пожаловалъ пану Дениску Мукосѣевичу Збаражъ съ прилегающими селами въ пожизненное владѣніе, «погадавши съ князьми, съ рицеры—съ паны, со всею радою» [224]). Въ 1450 году онъ утвердилъ за панами Олизаромъ Шиловичемъ и Немирою Резановичемъ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ имѣній, выслуженныхъ ими у Свидригайла,—«подумавши съ князьми и паны, съ вѣрною радою» [225]). Важнѣйшія судебныя дѣла, въ которыхъ замѣшаны были интересы сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, или которыя были новыми казусами, требовавшими тщательнаго разсмотрѣнія и авторитетнаго рѣшенія, Казимиръ также рѣшалъ, совѣщаясь съ панами радою. Такимъ образомъ, напр., въ 1456 году Казимиръ совмѣстно съ панами радою разсматривалъ жалобу Полоцкихъ мѣщанъ, городскихъ бояръ и черныхъ людей на бояръ, которые будто бы мало, не соразмѣрно съ своимъ достаткомъ, помогали имъ въ платежѣ субсидій, требовавшихся на государственныя нужды со всего мѣста Полоцкаго, при чемъ не приносили установленной присяги. Казимиръ съ панами радою не только постановилъ извѣстное рѣшеніе по этой жалобѣ, но и выдалъ рядъ другихъ предписаній, имѣвшихъ цѣлью урегулировать взаимныя отношенія между различными классами Полоцкой общины [226]).—Въ 1459 году

---

[222]) «И слюбили есмо и цѣловали (крестъ), съ нашими паны и зъ нашою радою, съ нимъ быти у прыязни и въ единачествѣ»,—гласитъ договорная грамота Казимира. См. Акты Зап. Рос. I, № 40, II.

[223]) Акты Зап. Рос. I, № 74, II.

[224]) Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 73.

[225]) Акты Зап. Рос. I. № 53, 54. Срав. также Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 28, 29.

[226]) Акты Зап. Рос. I, № 60.

Казимиръ съ панами радою судилъ княгиню Марью, жену кн. Андрея Владимiровича, тягавшуюся съ своею племянницею изъ-за имѣнья Полозовичей, и присудилъ это имѣнье племянницѣ»[227]).—Въ 1483 году 17 апрѣля Казимиръ съ панами радою разсматривалъ искъ князей Андрея и Семена Ивановичей къ Полоцкому намѣстнику Богдану Андреевичу объ имѣньяхъ Даниловичахъ, Дуровичахъ и Волосовичахъ, выслуженыхъ отцомъ Богдана у князя Свидригайла, и присудилъ имѣнья пану Богдану[228]).—Въ слѣдующемъ 1484 году 25 августа Казимиръ съ панами радою разбиралъ тяжбу князя Семена Ивановича Владимiровича (Бѣльскаго) съ княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ объ имѣньяхъ Айнѣ, Могильной, Словенскѣ, Ильменицѣ и Полоной, на которыя первый объявлялъ притязанія, какъ племянникъ прежняго владѣльца ихъ—кн. Андрея Владимiровича, а второй, какъ мужъ его внуки; Казимиръ присудилъ имѣнья женѣ кн. Ивана Семеновича[229]).—Въ 1486 году 24 мая Казимиръ съ панами радою разсматривалъ искъ игумена Архангельскаго монастыря въ Смоленскѣ къ окольничію Борису Семеновичу, отецъ котораго выпросилъ у Казимира монастырское селище Мокѣевское, утаивъ, что оно церковное. Казимиръ рѣшилъ тяжбу въ пользу монастыря [230]).—Въ 1490 году 30 марта Казимиръ съ панами радою разсматривалъ искъ Смоленскаго владыки Іоакима къ писарю Ваську Басѣ, получившему отъ короля имѣнье Погоновичи, въ которомъ прежняя владѣлица, вдова Богдана Свирунича Настасья, записала на церковь 5 человѣкъ и «мутвицу» на Колоднѣ. Казимиръ отказалъ владыкѣ въ искѣ на томъ основаніи, что Настасья по смерти мужа не имѣла права распоряжаться его имѣньемъ [231]). Въ сложныхъ и запутанныхъ дѣлахъ приходилось не только рѣшать данный казусъ, но и устанавливать преюдикатъ, который долженъ былъ служить руководствомъ и на будущее время,—другими словами: не только судить, но и законодательствовать. По этому къ рѣшенію подобныхъ дѣлъ Казимиръ и считалъ нужнымъ привлекать свою раду.

Но сохраняя значеніе вспомогательнаго учрежденія, къ содѣйствію котораго господарь прибѣгалъ при обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики и внутренняго управленія, господарская

---

227) Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 72, II.

228) Акты Зап. Рос. I, № 81.

229) Акты Зап. Рос. I, № 85.

230) Тамъ же, № 87.

231) Тамъ же, № 70. Относительно даты акта см. Senatorowie i dygnitarze, str. 57.

ада при Казимирѣ на ряду съ этимъ, какъ было уже указано выше, ріобрѣла значеніе самостоятельнаго учрежденія, представлявшаго собою въ отсутствіе господаря высшее правительство страны. Диплома-тическими сношеніями въ отсутствіе господаря стала завѣдывать рада еликаго княжества. Ей же стало принадлежать и распоряженіе военными силами государства. Паны-рада стали раздавать даже имѣнья военнослужилымъ людямъ [232]), творить высшій судъ и т. д. Значеніе рады, какъ самостоятельнаго учрежденія, пошло даже далѣе простого замѣстительства господаря въ его отсутствіе, подъ его верховнымъ надзоромъ и руководствомъ. Рада стала при Казимирѣ не только господарскимъ, но и государственнымъ совѣтомъ великаго княжества Литовскаго, который взялъ на себя попеченіе объ его интересахъ и защиту ихъ не только отъ посягательствъ извнѣ, но и отъ возможнаго нарушенія со стороны самого господаря, бывшаго одновременно и великимъ княземъ Литовскимъ, и королемъ Польскимъ. Такую роль играла рада въ эпоху продолжительнаго конфликта съ Польшею, въ которомъ Казимиръ не прочь былъ по временамъ становиться на сторону Поляковъ. Только энергіи и патріотизму пановъ-рады удалось отстоять цѣлостность и самобытность великаго княжества. Личная унія, установившаяся при Казимирѣ между Литвою и Польшею, поставила на стражѣ государственныхъ интересовъ великаго княжества господарскую раду преимущественно и тѣмъ способствовала ея эмансипаціи отъ господаря, пріобрѣтенію ею извѣстной самостоятельности и независимости. Благодаря этой уніи паны-рада изъ господарскихъ совѣтниковъ выросли во «властелей» великаго княжества, которые стали считать себя настоящими его хозяевами и распорядителями его судебъ [233]).

---

[232]) Въ записи земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: «Васку Радивоновичю десеть чоловековъ к отъчине его придал княз бискупъ, панъ Довкгирдъ. Сопега». См. Документы Московск. Архива Мин. Юст., т. I, р. 8.

[233]) Этимъ сознаніемъ проникнута полная литовско-русская лѣтопись, напечатанная Нарбутомъ (см., напр., Pomniki do dziejów litewskich, str. 57). Вся начальная исторія Литвы въ этой лѣтописи обнаруживаетъ стремленіе составителя доказать, что знатнѣйшіе панскіе роды на Литвѣ одинаковаго происхожденія съ великокняжескою династіею и вообще съ княжескими литовскими родами, что паны издавна распоряжались судьбами государства, выбирали великихъ князей и т. д. Такимъ образомъ, напр., по его генеалогіи выходитъ, что великокняжеская династія ведетъ происхожденіе отъ того же рода Колюмновъ, отъ котораго происходятъ и Гаштольды (Pomniki, str. 4, 13). Ихъ общій предокъ Прешпоръ Цезаринусъ при-

По смерти Казимира порвалась та личная унія, которая существовала при немъ между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою, и Литва получила для себя особаго, отдѣльнаго отъ Польши государя въ лицѣ Александра Казимировича. При такомъ условіи радѣ великаго княжества предстояло вернуться къ своей первоначальной роли совѣщательнаго учрежденія при господарѣ. Но паны-рада уже слишкомъ привыкли чувствовать себя и распоряжаться, какъ самостоятельные хозяева въ государствѣ, и потому никакъ не могли помириться съ тою подчиненною ролью, которая ихъ ожидала. Поэтому, избирая Александра на великое княженіе, они воспользовались случаемъ для того, чтобы оградить юридически пріобрѣтенное ими политическое значеніе и ограничить формально власть великаго князя въ свою пользу. По ихъ настоянію великій князь Александръ не только подтвердилъ обывателямъ великаго княжества различныя права и вольности, пожалованныя его предшественниками и суммированныя въ земскомъ привилеѣ 1447 года, но и «отъ своей щедрости», какъ выражается его грамота, придалъ къ нимъ новыя права и вольности. Эти права и вольности содержали цѣлый рядъ ограниченій великокняжеской власти совѣтомъ и согласіемъ пановъ-рады.—Александръ обязался вести дипломатическія сношенія съ иностранными государствами не иначе, какъ по совѣщанію съ панами-радою, по обычаю, наблюдавшемуся его предшественниками. Въ дѣлахъ внутренняго управленія великій князь прежде всего обязался помимо пановъ-рады не измѣнять и не поправлять ничего, что уже было постановлено имъ вмѣстѣ съ панами-радою; въ случаѣ несогласія пановъ-рады съ его мнѣніемъ при обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ не держать на нихъ за это гнѣва и дѣлать то, что они посовѣтуютъ ему для его же и земской пользы. Затѣмъ Александръ обязался не отнимать ни у кого урядовъ и державъ безъ вины и безъ совѣта съ панами-радою, раздавать державы по представленію воеводъ, а въ украинныхъ областяхъ по совѣщанію съ панами-радою; всѣ доходы съ мытъ, корчомъ, судныхъ штрафовъ, или винъ, и другіе обращать на государственныя

шелъ въ Литву въ составѣ дружины Палемона изъ Италіи; къ составу этой дружины принадлежали Довспрункъ, герба Китоврасовъ (Hippocentaurus), родоначальникъ князей Гедройтскихъ и Гольшанскихъ, Юліанъ герба Урсиновъ, отъ котораго пошли Довойны, Таурусъ герба Розъ, отъ котораго пошли Монивиды (str. 1, 4, 11) и т. д. «Паны», по его разсказу, выбирали великихъ князей послѣ прекращенія династіи Палемона, по смерти Тройдена изъ династіи Довспрунка и т. д. (str. 10, 13).

нужды по совѣту пановъ-рады и не расходовать ихъ безъ надобности, не вывозить изъ страны безъ воли пановъ-рады. Наконецъ, привилей 1492 года утверждалъ и участіе пановъ-рады въ господарскомъ судѣ при разбирательствѣ важныхъ дѣлъ (causae graues) [234]).

Всѣ эти ограниченія великокняжеской власти подтверждены были и въ земскомъ привилеѣ, выданномъ преемникомъ Александра, Сигизмундомъ, въ 1506 году. Этотъ привилей даже яснѣе и категоричнѣе, чѣмъ привилей 1492 года, подтверждалъ непремѣнное участіе пановъ-рады въ законодательствѣ. Земскій привилей 1492 года устанавливалъ только, что господарь не властенъ единолично измѣнять постановленія, сдѣланныя имъ совмѣстно съ панами-радою, а только съ совѣта и согласія пановъ-рады; но привилей не говорилъ прямо, что господарь обязанъ всѣ важнѣйшія постановленія дѣлать непремѣнно совмѣстно съ панами-радою. Привилей Сигизмунда устранилъ эту недомолвку: на основаніи его всѣ законы и распоряженія общаго характера, направленныя ко благу государства, должны издаваться не иначе, какъ по зрѣломъ обсужденіи съ панами-радою, съ ихъ вѣдома, совѣта и согласія [235]). Позже, въ Статутѣ 1529 года Сигизмундъ, сверхъ всѣхъ этихъ обязательствъ, далъ еще новое—выдавать привилеи на вѣчное владѣніе («на вечную реч») только въ бытность свою на вальномъ сеймѣ съ панами-радою («олижъ кгды будемъ весполокъ с паны радами нашими на валномъ сойми») [236]).

Итакъ, съ теченіемъ времени господарская рада стала самостоятельнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, которое стало охранять государственные интересы великаго княжества отъ возможнаго нарушенія ихъ господаремъ, которое ограничило власть господаря и изъ его помощника превратилось въ равноправнаго товарища и носителя верховной власти. Но быть можетъ, этотъ переворотъ произошелъ только на бумагѣ, въ земскихъ привилеяхъ, а не въ жизни, какъ это не разъ случалось съ разными конституціями? Утвержденіе въ этомъ родѣ было высказано въ исторической литературѣ покойнымъ проф. С. А. Бершадскимъ въ его изслѣдованіи о литовскихъ евреяхъ. Поэтому намъ необходимо остановиться на немъ и провѣрить, насколько оно согласуется съ данными источниковъ.

---

[234]) Zbiór praw litewskich, str. 61—66.

[235]) Zbiór praw litewskich, str. 98; Acta Tomiciana I, app. № 8; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 391, 392.

[236]) Раздѣлъ I, артикулъ 25.

По смерти Казимира порвалась та личная унія, которая существовала при немъ между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою, и Литва получила для себя особаго, отдѣльнаго отъ Польши государя въ лицѣ Александра Казимировича. При такомъ условіи радѣ великаго княжества предстояло вернуться къ своей первоначальной роли совѣщательнаго учрежденія при господарѣ. Но паны-рада уже слишкомъ привыкли чувствовать себя и распоряжаться, какъ самостоятельные хозяева въ государствѣ, и потому никакъ не могли помириться съ тою подчиненною ролью, которая ихъ ожидала. Поэтому, избирая Александра на великое княженіе, они воспользовались случаемъ для того, чтобы оградить юридически пріобрѣтенное ими политическое значеніе и ограничить формально власть великаго князя въ свою пользу. По ихъ настоянію великій князь Александръ не только подтвердилъ обывателямъ великаго княжества различныя права и вольности, пожалованныя его предшественниками и суммированныя въ земскомъ привилеѣ 1447 года, но и «отъ своей щедрости», какъ выражается его грамота, придалъ къ нимъ новыя права и вольности. Эти права и вольности содержали цѣлый рядъ ограниченій великокняжеской власти совѣтомъ и согласіемъ пановъ-рады.—Александръ обязался вести дипломатическія сношенія съ иностранными государствами не иначе, какъ по совѣщанію съ панами-радою, по обычаю, наблюдавшемуся его предшественниками. Въ дѣлахъ внутренняго управленія великій князь прежде всего обязался помимо пановъ-рады не измѣнять и не поправлять ничего, что уже было постановлено имъ вмѣстѣ съ панами-радою; въ случаѣ несогласія пановъ-рады съ его мнѣніемъ при обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ не держать на нихъ за это гнѣва и дѣлать то, что они посовѣтуютъ ему для его же и земской пользы. Затѣмъ Александръ обязался не отнимать ни у кого урядовъ и державъ безъ вины и безъ совѣта съ панами-радою, раздавать державы по представленію воеводъ, а въ украинныхъ областяхъ по совѣщанію съ панами-радою; всѣ доходы съ мытъ, корчомъ, судныхъ штрафовъ, или винъ, и другіе обращать на государственныя

шелъ въ Литву въ составѣ дружины Палемона изъ Италіи; къ составу этой дружины принадлежали Довспрункъ, герба Китоврасовъ (Hippocentaurus), родоначальникъ князей Гедройтскихъ и Гольшанскихъ, Юліанъ герба Урсиновъ, отъ котораго пошли Довойны, Таурусъ герба Розъ, отъ котораго пошли Монивиды (str. 1, 4, 11) и т. д. «Паны», по его разсказу, выбирали великихъ князей послѣ прекращенія династіи Палемона, по смерти Тройдена изъ династіи Довспрунка и т. д. (str. 10, 13).

ные сроки, обращалась во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ къ рѣшенію В. Князя,—тоже было, если стороны подавали жалобу на самихъ пановъ Радъ или же вопросъ касался противорѣчія въ Вел. Княжескихъ привилегіяхъ... В. Князь не только безотчетно распоряжался государственными доходами и расходами, но и собираніе оныхъ производилось не членами Рады, а В. Княжескими чиновниками, т. е. «державцами и хорунжими», какъ показываетъ универсалъ Сигизмунда I отъ 18 марта 1508 г... В. Князь былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ В. Княжества. По его приказанію собиралось какъ земское ополченіе, такъ точно на его «послуги» и за его приказаніемъ нанимались въ службу иностранные полки, по королевскимъ распоряженіямъ содержались спеціальные роды войскъ, напр., въ замкахъ пушкари и постоянное замковое войско... Что касается законодательной власти, то здѣсь права В. Князя были фактически ограничены участіемъ «Рады» В. Княжества Литовскаго... Главное право Рады Вел. Княжества Литовскаго было совмѣстное съ В. Княземъ обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, безъ ограниченія какою бы то ни было областію. Соотношеніе правъ В. Князя и Рады въ сферѣ законодательства не было опредѣлено точнымъ образомъ: неизвѣстно также, насколько при изданіи того или иного закона В. Князь былъ связанъ согласіемъ Рады. Изъ дошедшихъ къ намъ актовъ мы можемъ заключить, что согласіе Рады требовалось безусловно лишь въ случаѣ назначенія чрезвычайныхъ податей, падавшихъ на имѣнья пановъ Радъ. Въ остальныхъ случаяхъ, согласіе или несогласіе Рады не имѣло для В. Князя юридическаго значенія. Вліяніе Рады было поэтому обусловлено не столько закономъ, сколько фактическимъ значеніемъ ея членовъ»[237]).

По поводу всей этой аргументаціи приходится прежде всего замѣтить, что она идетъ гораздо далѣе того, что содержится въ земскихъ привилеяхъ 1492 и 1506 г. Высказывая свои положенія, Бершадскій считается не столько съ тѣми прямыми ограниченіями великокняжеской власти, которыя устанавливаютъ названные привилеи, сколько со всѣми возможными ограниченіями ея, другими словами: оспариваетъ то, что привилеи и не утверждаютъ. Большинство его указаній таковы, что между ними и содержаніемъ земскихъ привилеевъ 1492 и 1506 г. по существу нѣтъ противорѣчій, ибо эти привилеи вовсе не стремятся ограничить великокняжескую власть во всѣхъ, а только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Таково, напр., указаніе Бершадскаго на то, что великій

[237]) *С. А. Бершадскаго* Литовскіе евреи. стр. 274—288. Спб. 1883.

князь начальствовалъ надъ военными силами страны. Привилеи 1492 и 1506 г. совершенно не касаются этого права господаря и не ставятъ ему въ этомъ отношеніи никакихъ препонъ. Тѣмъ ограниченіямъ великокняжеской власти, которыя содержатся въ названныхъ привилеяхъ, Бершадскій придаетъ такой общій смыслъ, котораго они не имѣли. Такъ, статью о раздачѣ пограничныхъ замковъ въ держаніе по совѣту съ панами радою, Бершадскій понимаетъ въ смыслѣ ограниченія господаря при раздачѣ всѣхъ высшихъ и низшихъ должностей вообще и въ этомъ смыслѣ строитъ и свои возраженія, доказывающія, что ограниченія этого на практикѣ не было. Статью, ограничивающую господаря по части *расходовъ* государственныхъ средствъ, Бершадскій понимаетъ въ смыслѣ ограниченія финансовой власти господаря вообще и въ опроверженіе фактическаго значенія этого ограниченія приводитъ цѣлый рядъ указаній на то, что великій князь единолично и по своему усмотрѣнію принималъ различныя мѣры къ полученію государственныхъ *доходовъ* и т. д.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, необходимо замѣтить, что съ чисто внѣшней стороны аргументація Бершадскаго покоится на шаткомъ основаніи. Бершадскій приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ единоличныхъ распоряженій господаря въ такихъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, на основаніи земскихъ привилеевъ 1492 и 1506 г. требовалось согласіе пановъ-рады. Эти примѣры Бершадскій извлекаетъ изъ тѣхъ записей Литовской Метрики, въ которыхъ не упоминается объ участіи рады въ томъ или другомъ распоряженіи господаря. Но ненужно забывать того, что эти записи далеко не всегда съ полною аккуратностью и точностью излагали тотъ или другой правительственный актъ. Писарь иногда вносилъ въ книгу только содержаніе правительственнаго распоряженія, не упоминая о томъ, въ какой обстановкѣ оно состоялось, при чьемъ участіи и въ чьемъ присутствіи (особенною краткостью отличаются записи расходовъ, сдѣланныхъ по распоряженію высшей власти). Сплошь и рядомъ въ копіяхъ Литовской Метрики не имѣется перечня пановъ-рады, каковой имѣютъ подлинные акты, вышедшіе изъ великокняжеской канцеляріи.

Аргументація Бершадскаго представляется намъ несостоятельною и по существу дѣла. Возможно, что великій князь распоряжался иногда единолично въ такихъ вещахъ, гдѣ по смыслу привилеевъ 1492 и 1506 г. требовались совѣщаніе и соглашеніе съ панами-радою. Но чтобы доказать надлежащимъ образомъ свое положеніе о неограниченности власти литовско-русскаго господаря, Бершадскій долженъ былъ бы доказать, что господарь въ этихъ случаяхъ распоряжался не только

единолично, но и вопреки волѣ пановъ-рады. Но такого доказательства мы не находимъ у Бершадскаго. Что же показываютъ приводимые имъ примѣры единоличныхъ распоряженій великаго князя, если только они были дѣйствительно единоличныя? Эти примѣры показываютъ только то, что ни самъ господарь, ни паны-рада не понимали содержащихся въ привилеяхъ 1492 и 1506 г. ограниченій великокняжеской власти въ смыслѣ обязанности пановъ-рады постоянно участвовать въ распоряженіяхъ господаря, слѣдить, такъ сказать, за каждымъ шагомъ въ его правительственной дѣятельности. Привилеи гарантировали участіе пановъ-рады въ правительственной дѣятельности для обезпеченія государственныхъ интересовъ отъ возможнаго нарушенія ихъ господаремъ. Естественно, поэтому, что въ будничномъ текущемъ дѣлопроизводствѣ, шедшемъ по обычной колеѣ, господарь считалъ возможнымъ обходиться и безъ участія пановъ-рады, а паны-рада съ своей стороны не считали нужнымъ вмѣшиваться въ такія распоряженія, отъ которыхъ нельзя было ожидать никакого ущерба ни для нихъ самихъ, ни для государства. Высказывая свои соображенія, Бершадскій прилагаетъ къ литовскимъ панамъ ригористическую мѣрку современнаго конституціонализма, слишкомъ многаго требуетъ отъ нихъ, не по ихъ политической зрѣлости и развитости, не по степени того интереса, который они могли имѣть къ государственнымъ дѣламъ. Не нужно, кромѣ того, забывать, что ни господарь, ни паны-рада не жили постоянно въ Вильнѣ. Господарь проживалъ часто въ другихъ городахъ великаго княжества или въ Польшѣ, а паны-рада въ своихъ имѣньяхъ или въ замкахъ и дворахъ господарскихъ, находившихся въ ихъ держаньѣ. При такихъ условіяхъ нерѣдко случалось, что при господарѣ не было никого изъ пановъ радныхъ, и онъ по необходимости долженъ былъ распоряжаться единолично. Примѣры, приводимые Бершадскимъ, относятся къ текущей административной практикѣ великаго князя. Но онъ не указалъ ни одного закона, изданнаго великимъ княземъ безъ совѣта и соглашенія съ панами-радою. Съ своей стороны мы можемъ указать, что паны-рада, какъ только господарь своими единоличными распоряженіями нарушалъ по существу ихъ права, вступались и ограничивали великокняжескій произволъ. Великій князь Александръ позволилъ было себѣ отнять волость Лиду у пана Ильинича и передать эту волость Дрожжѣ, по ходатайству своего любимца кн. Михаила Львовича Глинскаго. «И панъ Ильиничъ,—разсказываетъ литовско-русская лѣтопись,—втекся до пановъ рады великого князства Литовского... И тыи вси панове подлугъ прывилья своего земского, што имъ король далъ, садечися на великое княженіе, и Лиды не поступили Дрожжы, простому

князь начальствовалъ надъ военными силами страны. Привилеи 1492 и 1506 г. совершенно не касаются этого права господаря и не ставятъ ему въ этомъ отношеніи никакихъ препонъ. Тѣмъ ограниченіямъ великокняжеской власти, которыя содержатся въ названныхъ привилеяхъ, Бершадскій придаетъ такой общій смыслъ, котораго они не имѣли. Такъ, статью о раздачѣ пограничныхъ замковъ въ держаніе по совѣту съ панами радою, Бершадскій понимаетъ въ смыслѣ ограниченія господаря при раздачѣ всѣхъ высшихъ и низшихъ должностей вообще и въ этомъ смыслѣ строитъ и свои возраженія, доказывающія, что ограниченія этого на практикѣ не было. Статью, ограничивающую господаря по части *расходовъ* государственныхъ средствъ, Бершадскій понимаетъ въ смыслѣ ограниченія финансовой власти господаря вообще и въ опроверженіе фактическаго значенія этого ограниченія приводитъ цѣлый рядъ указаній на то, что великій князь единолично и по своему усмотрѣнію принималъ различныя мѣры къ полученію государственныхъ *доходовъ* и т. д.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, необходимо замѣтить, что съ чисто внѣшней стороны аргументація Бершадскаго покоится на шаткомъ основаніи. Бершадскій приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ единоличныхъ распоряженій господаря въ такихъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, на основаніи земскихъ привилеевъ 1492 и 1506 г. требовалось согласіе пановъ-рады. Эти примѣры Бершадскій извлекаетъ изъ тѣхъ записей Литовской Метрики, въ которыхъ не упоминается объ участіи рады въ томъ или другомъ распоряженіи господаря. Но ненужно забывать того, что эти записи далеко не всегда съ полною аккуратностью и точностью излагали тотъ или другой правительственный актъ. Писарь иногда вносилъ въ книгу только содержаніе правительственнаго распоряженія, не упоминая о томъ, въ какой обстановкѣ оно состоялось, при чьемъ участіи и въ чьемъ присутствіи (особенною краткостью отличаются записи расходовъ, сдѣланныхъ по распоряженію высшей власти). Сплошь и рядомъ въ копіяхъ Литовской Метрики не имѣется перечня пановъ-рады, каковой имѣютъ подлинные акты, вышедшіе изъ великокняжеской канцеляріи.

Аргументація Бершадскаго представляется намъ несостоятельною и по существу дѣла. Возможно, что великій князь распоряжался иногда единолично въ такихъ вещахъ, гдѣ по смыслу привилеевъ 1492 и 1506 г. требовались совѣщаніе и соглашеніе съ панами-радою. Но чтобы доказать надлежащимъ образомъ свое положеніе о неограниченности власти литовско-русскаго господаря, Бершадскій долженъ былъ бы доказать, что господарь въ этихъ случаяхъ распоряжался не только

единолично, но и вопреки волѣ пановъ-рады. Но такого доказательства мы не находимъ у Бершадскаго. Что же показываютъ приводимые имъ примѣры единоличныхъ распоряженій великаго князя, если только они были дѣйствительно единоличныя? Эти примѣры показываютъ только то, что ни самъ господарь, ни паны-рада не понимали содержащихся въ привилеяхъ 1492 и 1506 г. ограниченій великокняжеской власти въ смыслѣ обязанности пановъ-рады постоянно участвовать въ распоряженіяхъ господаря, слѣдить, такъ сказать, за каждымъ шагомъ въ его правительственной дѣятельности. Привилеи гарантировали участіе пановъ-рады въ правительственной дѣятельности для обезпеченія государственныхъ интересовъ отъ возможнаго нарушенія ихъ господаремъ. Естественно, поэтому, что въ будничномъ текущемъ дѣлопроизводствѣ, шедшемъ по обычной колеѣ, господарь считалъ возможнымъ обходиться и безъ участія пановъ-рады, а паны-рада съ своей стороны не считали нужнымъ вмѣшиваться въ такія распоряженія, отъ которыхъ нельзя было ожидать никакого ущерба ни для нихъ самихъ, ни для государства. Высказывая свои соображенія, Бершадскій прилагаетъ къ литовскимъ панамъ ригористическую мѣрку современнаго конституціонализма, слишкомъ многаго требуетъ отъ нихъ, не по ихъ политической зрѣлости и развитости, не по степени того интереса, который они могли имѣть къ государственнымъ дѣламъ. Не нужно, кромѣ того, забывать, что ни господарь, ни паны-рада не жили постоянно въ Вильнѣ. Господарь проживалъ часто въ другихъ городахъ великаго княжества или въ Польшѣ, а паны-рада въ своихъ имѣньяхъ или въ замкахъ и дворахъ господарскихъ, находившихся въ ихъ держаньѣ. При такихъ условіяхъ нерѣдко случалось, что при господарѣ не было никого изъ пановъ радныхъ, и онъ по необходимости долженъ былъ распоряжаться единолично. Примѣры, приводимые Бершадскимъ, относятся къ текущей административной практикѣ великаго князя. Но онъ не указалъ ни одного закона, изданнаго великимъ княземъ безъ совѣта и соглашенія съ панами-радою. Съ своей стороны мы можемъ указать, что паны-рада, какъ только господарь своими единоличными распоряженіями нарушалъ по существу ихъ права, вступались и ограничивали великокняжескій произволъ. Великій князь Александръ позволилъ было себѣ отнять волость Лиду у пана Ильинича и передать эту волость Дрожжѣ, по ходатайству своего любимца кн. Михаила Львовича Глинскаго. «И панъ Ильиничъ,—разсказываетъ литовско-русская лѣтопись,—втекся до пановъ рады великого князства Литовского... И тыи вси панове подлугъ прывилья своего земского, што имъ король далъ, садечися на великое княженіе, и Лиды не поступили Дрожжы, простому

человику, а Ильнича пры ней зоставили, бо на то бачыли, ижъ въ прывилеи описано, ижъ никому не маеть чты и враду отняты, толко з гербомъ»[238]) Едва ли въ виду этого можно говорить, что ограниченія, содержащіяся въ земскомъ привилеѣ 1492 года не перешли въ жизнь. Самъ Бершадскій, наконецъ, долженъ былъ признать, что господарь всѣ важнѣйшіе вопросы обсуждалъ и рѣшалъ совмѣстно съ панами-радою.

Фактическія указанія и нѣкоторыя признанія, разсѣянныя въ источникахъ отъ эпохи Александра и Сигизмунда, ясно обнаруживають, что, хотя литовскимъ панамъ и не удалось превратить великое княжество въ магнатскую республику, а великого князя въ предсѣдателя рады, все же удалось въ большой мѣрѣ ограничить его власть въ свою пользу. Въ 1497 году великій князь Александръ по тайному уговору съ братомъ своимъ, Польскимъ королемъ Яномъ-Альбрехтомъ, «безъ ведомости всихъ пановъ радъ своихъ», отправился было въ походъ на воеводу Волошскаго Стефана. Паны-рада, не знавшіе о намѣреніяхъ великаго князя, стали спрашивать его, куда онъ ихъ ведетъ. Александръ отвѣчалъ: «если бы о томъ вѣдала моя рубаха, я и ту сжегъ бы». Тогда паны-рада заявили: «колижъ ты, господарь нашъ, намъ рады а вмыслу своего не поведаешъ, мы, вои, не хочемъ за реку Бугъ иты». Это заявленіе сильно напоминаетъ то, что говаривала въ подобныхъ случаяхъ древне-русскимъ князьямъ ихъ дружина: «о собѣ еси, княже замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали»[239]). Вслѣдствіе оппозиціи пановъ рады походъ всею землею не состоялся, и Александръ смогъ только отправить брату вспомогательный отрядъ изъ княжатъ и дворянъ[240]). Тайный договоръ съ Польскимъ королемъ, безъ участія пановъ-рады, былъ нарушеніемъ земскаго привилея 1492 года, и потому паны-рада сочли себя въ правѣ не послушаться господаря въ данномъ случаѣ, и господарь оказался не въ состояніи привести въ исполненіе свое единоличное рѣшеніе. Наученный опытомъ, Александръ уже ничего не рѣшалъ въ дѣлахъ внѣшней политики безъ совѣщанія съ панами-радою. Въ 1503 году, въ бытность свою въ Мельникѣ, Александръ рѣшилъ отпустить домой прибывшихъ къ нему Ногайскихъ пословъ. Но предварительно онъ счелъ нужнымъ запросить объ этомъ мнѣнія пановъ-рады. Поэтому онъ отправилъ къ біскупу Виленскому, воеводѣ Виленскому, пану Виленскому, воеводѣ

---

[238]) *Narbutta* Pomniki, str. 74.
[239]) Ипатьевская лѣтопись, стр. 367.
[240]) *Narbutta* Pomniki, str. 65.

Троцкому и пану Троцкому письмо, въ которомъ, высказавъ свои соображенія о необходимости отпустить пословъ, окончательное рѣшеніе предоставлялъ этимъ панамъ. «Намъ ся такъ видѣло,—писалъ онъ:—ино пакъ все покладаемъ на розумъ и умыслъ вашое милости: што ся лѣпшого о томъ дѣлѣ увидите, пустити ль, задержати ль ихъ, ваша милость такъ и вчините: *бо мы безъ порады вашой милости ничого въ земскомъ дѣлѣ не справуемъ*»[241]). Подобное же признаніе слышимъ и отъ преемника Александра, короля Сигизмунда. На Петрковскомъ сеймѣ 1543 г. Поляки между прочимъ добивались подтвержденія уніи съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Королевское резюме дѣяній этого сейма гласитъ: «Что же касается договоровъ и общихъ записей между этимъ княжествомъ и королевствомъ, въ томъ мы ничего еще опредѣленнаго не могли сдѣлать, ибо не имѣли при насъ пановъ-рады этого княжества»[242]). Не только въ дѣлахъ внѣшней политики, но и въ важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ по внутреннему управленію Сигизмундъ считалъ для себя обязательною «пораду» пановъ-рады. Въ 1539 году онъ писалъ панамъ-радѣ, что не надо отпускать людей съ работъ на украинныхъ замкахъ, пока не сдѣлаютъ все «добре», что не стоитъ посылать на эти замки, въ такую даль, «живность» изъ господарскихъ дворовъ, а гораздо лучше продать эту живность и вырученныя деньги переслать на украинные замки для закупки провіанта на мѣстѣ. Это предложеніе король сдѣлалъ, однако, только въ видѣ выраженія своего мнѣнія, предоставивъ окончательное рѣшеніе панамъ-радѣ: «И будеть ли ся то и вашей милости видети, ваша бы милость о томъ до насъ отписали и раду свою намъ ознаймили». Согласно съ этою «радою» король обѣщалъ сдѣлать и свое распоряженіе[243]). Сигизмундъ признавалъ необходимымъ совѣщаніе съ панами-радою и въ важнѣйшихъ судебныхъ дѣлахъ. Въ 1511 году, въ бытность на Берестейскомъ сеймѣ, Сигизмунду пришлось разбирать мѣстническую тяжбу владыки Полоцкаго съ владыкою Владимірскимъ: Владимірскій хотѣлъ садиться выше Полоцкаго, а послѣдній не хотѣлъ сидѣть ниже его. Владыка Владимірскій не хотѣлъ на этотъ разъ «правоваться» передъ королемъ. Тѣмъ не менѣе король счелъ возможнымъ поставить рѣшеніе, допросивъ князей Друцкихъ и бояръ Полоцкихъ, которые показали въ пользу владыки Полоцкаго. Но при этомъ король оговорилъ, что это рѣшеніе не окончательное: «а будетъ владыцѣ Володимерскому о томъ которое

[241]) Акты Зап. Рос. I, № 206.

[242]) Volumina legum I, p. 277.

[243]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 33.

до него дѣло: ино, коли будемъ мѣти иного часу *сѣемъ великій со всими паны радами нашими*, а митрополитъ и вси владыки въ насъ же будутъ: и онъ нехай ся намъ на него жалуетъ, мы хочемъ тому межи ними справедливость вчинити» [244]). Поручая въ 1539 году панамъ-радѣ разыскивать по еврейскимъ домамъ людей, перешедшихъ изъ христіанства въ жидовскую вѣру, Сигизмундъ просилъ извѣщать его о таковыхъ людяхъ съ присовокупленіемъ «порады», «какого бы караньяя тыи люди винныи заслужили». «А кгды мы,—заключалъ король,—съ писанья и порады вашой милости справу въ томъ возмемъ, тогды таковыи люди винныи тамъ же, водлѣ выступовъ своихъ, будутъ караны» [245]).

Источники даютъ множество указаній на участіе пановъ-рады въ высшей правительственной дѣятельности при Александрѣ и Казимирѣ. Непосредственно по смерти Казимира рада великаго княжества выступаетъ въ роли высшаго правительства страны, которое задерживаетъ въ Литвѣ королевича Александра, какъ кандидата на великокняжескій престолъ, организуетъ его избраніе на великое княженіе и сносится по этому поводу съ польскою радою [246]). Въ подобной же роли выступаетъ рада и по смерти Александра, до избранія на великое княженіе королевича Сигизмунда [247]). Когда господарь уѣзжалъ изъ великаго княжества, высшая распорядительная власть оставалась обыкновенно въ рукахъ пановъ-рады. Рада принимала мѣры по оборонѣ государства [248]), руководила военными дѣйствіями [249]), отправляла пословъ за границу и составляла для нихъ инструкціи [250]), распоряжалась въ важнѣйшихъ внутреннихъ дѣлахъ, напр., раскладывала на мѣста серебщину и ордынщину [251]), отдавала въ заставу господарскія имѣнья для

---

[244]) Акты Зап. Рос. II, № 68.

[245]) Акты Зап. Рос. II, № 194.

[246]) Акты Зап. Рос. I, № 100, 101

[247]) См. выше, стр. 148, 149.

[248]) Акты Зап. Рос. II, № 10.

[249]) Тамъ же, № 93.

[250]) Тамъ же, № 11.

[251]) 27 апрѣля 1524 г. король писалъ изъ Кракова подскарбію земскому Богушу Боговитиновичу: «Присылали къ намъ войтъ и бурмистры и рядцы и все мещане места Берестейского, чоломъ бьючи о томъ, што жъ коли мы *и панове рады великого князства Литовского безъ небытности нашое покладають на места наша серебщызну и ордынщыну*, ино деи дворане наши, которые приежчають тое серебщины и ординщины на нихъ правити, они деи того часу, скоро прыехавши, правять на нихъ децкованей своихъ и кажуть деи имъ собе и кони свои тамъ у места стравовати, и на то деи имъ много накладу выходить, и тяжкость ся

пополненія скарба [252]) и проч. Въ рукахъ пановъ-рады въ отсутствіе господаря сосредоточивался и высшій судъ, на разсмотрѣніе котораго поступали тяжбы между родственниками объ имѣньяхъ, жалобы на наѣзды, квалты, грабежи и т. д., жалобы на неправый судъ мѣстныхъ судей, на разоренье господарскими урядниками имѣній, взятыхъ на господаря временно, до окончанія изъ-за нихъ тяжбы [253]) и т. д. Постановленіе, сдѣланное на этотъ счетъ въ судебникѣ Казимира, статутъ 1529 года расширилъ и усилилъ. Въ статутѣ было опредѣлено, что никто не имѣетъ права уклоняться отъ суда пановъ-рады,—даже тѣ, у кого есть листы, «абы его ни хто не судил, кромѣ нас господара»: «бо мы,—гласитъ постановленіе короля,—з рамени нашего господарского оставляемъ комисарми панов рад наших, абы справедливост подданым нашим чинили» [254]).—Когда господарь оставался въ великомъ княжествѣ, то всѣ важнѣйшія дѣла онъ дѣлалъ обыкновенно по совѣту съ панами-радою. Мы уже слышали на этотъ счетъ признаніе самихъ великихъ князей по поводу дѣлъ внѣшней политики и суда по важнѣйшимъ дѣламъ [255]). По совѣщанію съ панами господарь жаловалъ имѣнья, особенно если эти имѣнья были крупныя. Такъ въ 1505 году 15 декабря, въ бытность свою въ Городнѣ, король Александръ по просьбѣ Азяхмата, царя Заволжскаго, *«съ порады и воли пановъ радъ»*, пожаловалъ пану Яну Заберезинскому людей Некрашевичей, Голагодовичей, Пилипковичей, Комсичей и Терешковичей съ братьею ихъ «обаполъ реки Сервца» на вѣчность съ полнымъ правомъ распоряженія [256]). «Зъ умысломъ и порадою пановъ радъ» господарь

имъ въ томъ великая дееть»... Король приказывалъ подскарбію извѣщать мѣщанъ о сборѣ серебщины и ордынщины заблаговременно, чтобы они могли сами представлять ее. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 61.

[252]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 29: Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.). № 147.

[253]) Статутъ 1529, раздѣлъ IV, арт. 7; разд. VI, арт. 1, 6; разд. VIII, арт. 23.

[254]) Раздѣлъ VI, арт. 8.

[255]) Въ дополненіе къ указанному уже случаю судебнаго разбирательства господаря совмѣстно съ панами-радою можно указать, напр., еще на приведенные въ Актахъ Зап. Рос. I, № 126, 163, 173, 191; II, № 53; Актахъ Южн. и Зап. Рос. I, № 62, II; Актахъ Литовско-Русскаго государства, № 69, 191, 193, 195, 196. Срав. также Статутъ 1529 г., раздѣлъ I, арт. 14, 20.

[256]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 223, 224. «Пры томъ были вельможныи и врожоныи панове: Миколай Миколаевичъ, воевода Троцкий, Михайло Львовичъ, маршалокъ дворный Литовский, Станиславъ Глѣбовичъ, староста Полоцкий,

отдавалъ обыкновенно и въ заставу свои имѣнья «ку великой потребе господарской и земской, а наболей для заплаты служебныхъ» [257]). Сообща съ панами-радою принималъ отчетъ въ государственныхъ приходахъ и расходахъ отъ подскарбія земскаго [258]), вѣдалъ монетное дѣло и вообще все свое финансовое хозяйство [259]), принималъ мѣры по оборонѣ страны постройкою замковъ и укрѣпленій [260]) и т. д. Всѣ постановленія законодательнаго характера издавались господаремъ не иначе, какъ по совѣту съ панами-радою. Такимъ образомъ, напр., въ 1500 году Александръ выдалъ новую «уставу», опредѣляющую взаимныя отношенія между Полоцкими мѣщанами, сельскими путниками и владѣльческими людьми и ремесленниками, живущими въ мѣстѣ Полоцкомъ, по части отбыванія повинностей и присуда, «помысливши съ паны радами» [261]). Въ 1507 году 13 августа, отпуская пана Станислава Петровича съ войскомъ на театръ военныхъ дѣйствій, король сообща съ панами-радою установилъ уставу, которая опредѣляла права и власть гетмана, распорядокъ въ войскѣ, наказанія за нарушеніе военной дисциплины и грабежи, а также цѣны на провіантъ, забираемый у жителей [262]). Подобная же устава вмѣстѣ съ опредѣленіемъ курса польской монеты, принимаемой въ Литвѣ, выработана была господаремъ, «помысливши съ паны радами», и въ 1508 году 5 іюня, передъ отправленіемъ въ походъ гетмана кн. Константина Ивановича Острожскаго [263]). Уставу Поднѣпрскимъ волостямъ относительно сбора дани Сигизмундъ выдалъ 2 окт. 1511 года также «съ паны радами помысливши» [264]). Выше (стр. 184, 185) приведены были примѣры выработки господаремъ совмѣстно съ радою уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. Эта работа производилась обыкновенно при разбирательствѣ казусныхъ судебныхъ дѣлъ, при которыхъ обнаруживался недостатокъ

Станиславъ Петровичъ, *гетманъ польный* и маршалокъ великого князства Литовского, Василей Львовичъ, *подстолий* и державца Слонимский, Мартинъ Хребътовичъ, *ловъчый* тогожъ князства Литовского и инъшые *панове рада* наши».

[257]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 145. См. выше, стр. 212.

[258]) Тамъ же, № 133, 136.

[259]) Акты Зап. Рос. III, № 4, стр. 6, 7, 13.

[260]) Тамъ же, № 11, стр. 26.

[261]) Акты Зап. Рос. I, № 185.

[262]) Акты Зап. Рос. II, № 25.

[263]) Тамъ же, № 31.

[264]) Тамъ же, № 75.

и неясность закона. Вѣроятно, результатомъ такой работы былъ за-
нъ, на который ссылалась въ 1529 году панья Литаворова при раз-
рательствѣ ея дѣла господаремъ, а именно, что вдовы, оставшіяся
смерти мужа безъ «вѣна» и «оправы», получають во всемъ имѣньѣ
жа равную долю съ дѣтьми въ пожизненное владѣніе [265]). Этотъ за-
нъ, какъ и указанные выше, вошелъ въ статутъ 1529 г. (раздѣлъ 4,
т. 4). Вообще постановленія или «уставы» господаря и пановъ-рады
служили не маловажнымъ источникомъ при составленіи Статута.
ногія изъ его статей такъ прямо и обозначены, какъ «уставы», вы-
ботанныя господаремъ и панами-радою [266]). Статутъ предусматривалъ
въ будущемъ совмѣстную законодательную дѣятельность господаря
пановъ-рады. Шестой артикулъ VI раздѣла между прочимъ устана-
иваетъ, что всѣ дѣла, относительно которыхъ въ статутѣ нѣтъ ста-
й, должны рѣшаться «подле старого обычая» до тѣхъ поръ, «поколе
ы господаръ с паны радами нашими тые дела уфалим и тые права
писать кажем». Статутъ предписывалъ судьямъ (арт. 37), чтобы они
такихъ дѣлахъ докладывали господарю или панамъ-радѣ на первомъ
ймѣ: «и естли бы мы або панове рада наша тые члонки уфалят,
гды мают теж приписаны быти к тым правам». Статутъ, такимъ
разомъ, допускаетъ возможность законодательной дѣятельности па-
въ-рады и въ отсутствіе господаря.

Въ обычное время господарскую раду составляли всѣ тѣ члены
, которые въ данный моментъ находились при господарѣ, а въ от-
тствіе господаря—въ Вильнѣ [267]). Чаще всего поэтому господарская
да составлялась изъ бискуповъ Виленскаго и Жмудскаго, воеводы и
на Виленскихъ, воеводы и пана Троцкихъ, старосты Жмудскаго,
ршалковъ земскаго и дворнаго и подскарбія земскаго, которые пре-
вали либо въ Вильнѣ, либо въ недалекомъ отъ нея разстояніи и по-
му легче и скорѣе другихъ могли быть въ сборѣ. Но по временамъ
гизмундъ выдавалъ спеціальныя распоряженія, кому изъ пановъ

---

[265]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 55. 56: «Такежъ пани Литаворовая
ла намъ чоломъ о томъ, ижъ *мы съ паны радами нашыми* перво сего такъ
ъ летъ установили: которая вдова по мужы своемъ останеть и вена записаного
и жадное оправы отъ мужа мети не будеть, таковая межы детми часть ровную
еть мети и тую часть маеть держати а вжывати до своего живота, а по ее
ерти тая часть зася на дети маеть спасти».

[266]) Раздѣлъ I, арт. 17; разд. III, арт. 6.

[267]) Акты Зап. Рос. II, № 229. Въ актѣ Сигизмундъ обращается къ панамъ—
дѣ великаго княжества, «которыи тыхъ часовъ у Вильни будутъ».

рады оставаться въ Вильнѣ. Поэтому, напр., и свой приказъ разсудить пана Юрія Миколаевича Радивила съ его невѣсткою объ имѣньяхъ Сигизмундъ отдалъ (7 окт. 1530 г.) панамъ-радѣ великаго княжества «тымъ, которимъ тыхъ часовъ для справъ земскихъ казали есьмо зъехати ся до Вильни» [268]).

Въ особо важныхъ случаяхъ, или, какъ говорилось тогда, «для великихъ а пильныхъ потребъ земскихъ», рада собиралась въ болѣе или менѣе полномъ составѣ. Такой *сеймъ пановъ-рады* имѣлъ, напр., мѣсто въ Городнѣ въ августѣ 1501 года. Паны-рада съѣзжались сюда для обсужденія вопроса о поддержкѣ кандидатуры великаго князя Александра на польскій престолъ и объ условіяхъ новой уніи между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою [269]). Такой же сеймъ пановъ-рады собирался въ Городнѣ и въ ноябрѣ 1506 года для обсужденія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престолъ [270]). Этотъ сеймъ переѣхалъ вслѣдъ затѣмъ вмѣстѣ съ господаремъ въ Мельникъ, гдѣ совѣщался о начатіи войны съ Московскимъ государемъ (см. выше, стр. 174). Въ Мельникѣ же собирался сеймъ пановъ-рады въ іюнѣ и іюлѣ 1513 года для обсужденія положенія дѣлъ, созданнаго этою войною; этотъ сеймъ переѣхалъ затѣмъ вмѣстѣ съ господаремъ въ Вильну (стр. 196, 197). Сеймъ пановъ-рады господарь собиралъ и въ 1530 году, послѣ полученія извѣстія отъ державцы Кричевскаго Василія Богдановича Чижа о нарушеніи перемирія Московскимъ государемъ, который всылалъ въ волость Кричевскую нѣсколько тысячъ людей, чтобы вывести оттуда измѣнника Ивана Ботвиньевича со всѣмъ его имуществомъ, и причинилъ тамошнимъ обывателямъ черезъ этихъ людей «шкоды великии» [271]). Лѣтомъ 1532 года паны-рада съѣзжались на сеймъ по приглашенію короля для обсужденія вопросовъ, въ какихъ размѣрахъ платить хану Сайдетъ-Гирею упоминки, кого и съ какимъ «посольствомъ» къ нему отправить [272]). Но и помимо «великихъ и пильныхъ потребъ», паны-рада съѣзжались обыкновенно къ господарю, какъ только онъ пріѣзжалъ въ великое княжество, для рѣшенія всѣхъ накопившихся дѣлъ. Мы уже видѣли, что при Александрѣ такіе сеймы пановъ-рады были обыч-

---

[268]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 75. 76.

[269]) *A. Mosbacha* Początki unii Lubelskiej, str. 101.

[270]) Ibidem, str. 115.

[271]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 91, 92.

[272]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VII. л. 29—31. Грамота съ предложеніями короля была написана въ Краковѣ 28 мая 1532 г. (тамъ же, л. 20, 21).

нымъ явленіемъ. Собирались въ такихъ случаяхъ сеймы пановъ-рады и при Сигизмундѣ (см. выше, стр. 263, 265). На великомъ Виленскомъ соймѣ 1529 года, какъ уже было сказано выше, сверхъ всѣхъ этихъ экстренныхъ сеймовъ, установленъ былъ ежегодный судовый сеймъ пановъ-рады въ Вильнѣ для разбирательства накопившихся важныхъ дѣлъ (какъ выражается Статутъ: «для кривдъ шляхты, которыеся от пановъ деють або урядников наших панских в землях в грабежох у кгвалтехъ и въ головщинахъ, або теж и межи паны самыми и их поддаными») [273]). Сеймовое постановленіе объ этомъ вошло и въ Статутъ 1529 г. Позже господарь, какъ мы видѣли, добивался установленія вмѣсто одного двухъ судовыхъ сеймовъ, одного на Рождество Христово, другого на седьмую субботу. Какъ показываютъ нѣкоторые списки статута 1529 года и акты, его желаніе было удовлетворено,— съ тою отмѣною, что первый сеймъ былъ назначенъ не на Рождество Христово, а на Покровъ [274]). Это измѣненіе произведено было на Виленскомъ сеймѣ 1532 года; до этого же времени, какъ показываютъ судные акты, оставалось въ силѣ прежнее постановленіе на этотъ счетъ» [275]).

§ 5.

Присматриваясь къ правительственной работѣ, которую производила господарская рада совмѣстно съ господаремъ и въ его отсутствіе, въ обычномъ неполномъ составѣ и на своихъ сеймахъ, поражаешься разнообразіемъ и порою незначительностью дѣлъ, которыми ей приходилось заниматься.

Государственному совѣту великаго княжества приходилось не только законодательствовать, обсуждать сложные вопросы внѣшней политики, устраивать оборону государства и руководить военными дѣйствіями, но и разбирать множество судебныхъ дѣлъ лишь потому, что тяжущіяся стороны не захотѣли судиться у низшихъ судей, а отозвались до самого господаря,—непосредственно распоряжаться такими вещами, какъ посылка мужиковъ съ топорами изъ Поднѣпрскихъ волостей на работу къ украинскимъ замкамъ или спускъ по рѣкамъ хлѣба изъ господарскихъ дворовъ для снабженія провіантомъ этихъ замковъ, сыскъ

[273]) Раздѣлъ VI, арт. 5—по изд. Дзялынскаго—Zbiór praw litewskich, str. 347.

[274]) См. 5 арт. VI раздѣла по изданію Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс. (Временникъ, кн. XVIII, стр. 44); Archiwum Sanguszków IV, № CCLXX, CCLXXIX; Акты Зап. Рос. II, № 234.

[275]) Archiwum Sangusków III, № CCCLXXV, CCCLXXX, CDVI.

по еврейскимъ дворамъ христіанъ, перешедшихъ въ жидовскую вѣру и т. д. Это разнообразіе дѣлъ объясняется тѣмъ, что господарская рада, не считая самого господаря, въ разсматриваемое время была въ сущности единственнымъ органомъ центральнаго управленія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Здѣсь не произошло такого раздѣленія занятій и обособленія вѣдомствъ, какое замѣчается въ то время въ Московскомъ государствѣ, не образовалось и такихъ органовъ управленія, какими были московскіе приказы даже въ первую пору своего существованія. Правда, что и въ Литовско-Русскомъ государствѣ большинство членовъ рады имѣло свои спеціальныя обязанности, но эти обязанности либо совсѣмъ не относились къ высшему центральному управленію государства, либо имѣли въ виду чисто техническую, исполнительную сторону дѣла, а не распорядительную и рѣшающую. Къ такому выводу приводитъ ближайшее разсмотрѣніе спеціальныхъ обязанностей членовъ господарской рады.

Мы видѣли, что высшую или «преднѣйшую» раду господарскую составляли главные правители областей великаго княжества, замѣнившіе собою областныхъ князей, воеводы и нѣкоторые старосты. Этихъ воеводъ и старостъ нельзя приравнивать къ начальникамъ московскихъ областныхъ приказовъ, въ родѣ, напр., начальника приказа Казанскаго дворца. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ областные «дворцы», какъ мы уже имѣли случай указывать прежде, съ упраздненіемъ областныхъ княженій не переносились въ центръ государства, а оставались на мѣстѣ, въ стольныхъ городахъ бывшихъ областныхъ княжествъ. Въ этихъ городахъ продолжала совершаться большая часть той правительственной работы, какая шла и при князьяхъ, при содѣйствіи преимущественно мѣстныхъ силъ. Областное управленіе Литовско-Русскаго государства съ этой точки зрѣнія было болѣе мѣстнымъ самоуправленіемъ, чѣмъ приказнымъ управленіемъ, и главные областные правители были не только органами центральной государственной власти и поборниками ея интересовъ въ областяхъ, но и главами областнаго самоуправленія и поборниками мѣстныхъ земскихъ интересовъ, которые далеко не всегда совпадали съ общегосударственными.

Воевода Виленскій, какъ мы видѣли, былъ обыкновенно въ то же время и *канцлеромъ*. Но въ этомъ значеніи онъ не былъ начальникомъ самостоятельнаго вѣдомства, а только правителемъ государственной канцеляріи великаго княжества Литовскаго, состоявшей при господарѣ и его радѣ. Чиновники этой канцеляріи облекали въ письменную форму, зарегистрировали и выдавали по адресу всѣ постановленія и распоряженія господаря и пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., писарь

Мартинъ съ Лужка изготовлялъ по приказанью канцлера Михаила Кезгайла извѣстный земскій привилей 1447 года, который и выданъ былъ панамъ радѣ [276]) черезъ руки канцлера, приложившаго къ нему государственную печать [277]). И позже выдача общеземскихъ привилеевъ производилась такимъ же порядкомъ. Когда въ 1547 году станы сейма били челомъ Сигизмунду-Августу о подтвержденіи ихъ правъ и вольностей, король отвѣчалъ, что онъ благосклонно принялъ ихъ просьбу и уже приказалъ канцлеру «справити» «тотъ свой новый привилей» [278]). Писари подъ надзоромъ и руководствомъ канцлера изготовляли и областные привилеи, которые канцлеръ также скрѣплялъ приложеніемъ государственной печати «для лепшого свѣдомья и большее твердости» [279]). Чиновники государственной канцеляріи облекали въ письменную форму и «уставы», выработанныя на совѣщаніяхъ господаря съ панами-радою, и «земскіе ухвалы», состоявшіяся на великомъ вальномъ соймѣ, послѣ того какъ господарь съ панами-радою окончательно утверждалъ эти «ухвалы»,—«замыкалъ свою раду господарскую». Этими же чиновниками записывались вмѣстѣ съ просьбами становъ сейма и тѣ отвѣты, какіе давалъ на нихъ господарь лично или по совѣту съ панами-радою. О состоявшихся на сеймахъ «уставахъ», «ухвалахъ» и рѣшеніяхъ первоначально разсылались изъ канцеляріи оповѣщенія, или «листы», по областямъ и повѣтамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти «ухвалы» и рѣшенія подлежали немедленному исполненію, какъ напр., ухвалы о сборѣ серебщины, о мобилизаціи земскаго ополченія [280]). Впослѣдствіи, когда шляхта стала надоѣдать правительству повтореніемъ однихъ и тѣхъ же просьбъ, на которыя господарь уже далъ отвѣтъ, Сигизмундъ-Августъ распорядился, чтобы шляхтскіе послы брали изъ канцеляріи письменные отвѣты на ихъ просьбы и относили ихъ до своей братьи [281]). Въ государственной канцеляріи подъ «справою» канцлера изготовлялись и различные дипломатическіе документы, грамоты

[276]) О томъ, что паны рада были хранителями земскихъ привилеевъ, см. выше стр. 296.

[277]) Акты Зап. Рос. I, № 61.

[278]) Акты Зап. Рос. III, № 4, просьба I.

[279]) Акты Зап. Рос. I, № 190, 204, 214; II, № 70 и т. д.

[280]) Въ 1552 году листы о мобилизаціи противъ Крымскаго хана король прислалъ воеводѣ Виленскому, канцлеру, Миколаю Радивилу съ приказаньемъ: «А панъ воевода ку розосланью ихъ не мешкаючи отошлеть, *яко ся сдавна заховывало*». Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 16—17.

[281]) Акты Зап. Рос. III, № 13, просьба 3.

къ сосѣднимъ государямъ и правительствамъ, «науки», или инструкціи посламъ и гонцамъ, отправлявшимся за границу и т. д. Такъ какъ грамоты къ сосѣднимъ государямъ посылались за подписью руки господарской, то господарь иногда, находясь въ Польшѣ, пересылалъ канцлеру «марърамъ», т. е. бланкъ съ своею подписью для вписанія въ него текста грамоты [282]). Чиновниками государственной канцеляріи изготовлялись привилеи на магдебургское право, жалуемое городамъ, привилеи на различныя льготы, даруемыя городамъ или волостямъ, дипломы на разныя должности и званія, жалуемыя отдѣльнымъ лицамъ, привилеи на имѣнья, пожалованныя господаремъ разнымъ лицамъ, заставные листы на имѣнья, отданныя «въ сумѣ пенязей», арендные листы на мыта, коморы, корчмы, «мынцу», рыбныя озера и другія регаліи и доходныя статьи, протоколы судебныхъ разбирательствъ господаря и пановъ-рады и состоявшіяся по нимъ рѣшенія. Наконецъ, изъ государственной канцеляріи исходили такъ называемые «мандаты», т. е. судебные повѣстки къ отвѣтчикамъ о явкѣ на судъ къ господарю на «року завитомъ» (на первый и окончательный срокъ) по дѣламъ, разбиравшимся господаремъ въ первой инстанціи [283]), листы «кглейтовные», гарантирующіе безопасность лицамъ, желающимъ очиститься судомъ отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій [284]); листы «заповѣдные», отсрочивающіе частнымъ лицамъ явку на судъ по уважительнымъ причинамъ [285]); листы «желѣзные», отсрочивающіе по уважительнымъ причинамъ расплату съ долгами [286]); листы «заручные», гарантирующіе имущественную и личную безопасность со стороны противника до суда и послѣ суда, подъ «закладомъ» на господаря извѣстной суммы, которая должна была выплачиваться лицомъ, нарушившимъ заруку [287]); листы «закривальные», освобождающіе отъ подсудности всѣмъ судьямъ, кромѣ господаря [288]) и т. д. Всѣ эти листы писались отъ имени господаря.

Всѣ документы, изготовлявшіеся чиновниками великокняжеской канцеляріи, а равно и присылавшіеся къ господарю и панамъ-радѣ

[282]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, № 527.
[283]) Статутъ 1566, раздѣлъ I, арт. 9.
[284]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 79, 80.
[285]) Статутъ 1566, раздѣлъ I, арт. 9.
[286]) Тамъ же, арт. 23.
[287]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 275; Статутъ 1566, раздѣлъ I, арт. 21. Въ Статутѣ 1529 года эти листы названы «заповѣдными».
[288]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ VI, арт. 8.

отъ мѣстныхъ агентовъ или изъ за границы, въ копіяхъ вносились въ особыя книги, которыя составляли архивъ этой канцеляріи, или такъ называемую Метрику великаго княжества Литовскаго. Эти книги стали вестись настоящимъ образомъ только во второй половинѣ великокняженія Казимира [189]). До этого же времени въ великокняжеской канцеляріи хранились только нѣкоторыя подлинные документы и отдѣльныя копіи исходящихъ документовъ [190]), а также краткія записи состоявшихся пожалованій и судебныхъ рѣшеній самого Казимира и пановъ рады [191]). Въ книги Метрики вносились всевозможные документы: и договоры съ чужеземными государствами, и грамоты, полученныя отъ сосѣднихъ государей или посланныя къ нимъ отъ в. князя, и «рѣчи» чужеземныхъ пословъ, и «рѣчи» литовскихъ пословъ, отправленныхъ за границу, и отписки украинныхъ воеводъ и старостъ по внѣшнимъ дѣламъ, и общеземскіе привилеи, привилеи областные, привилеи, выданные городамъ, уставы, выданныя волостямъ объ ихъ повинностяхъ и льготахъ, привилеи на должности, званія и имѣнья, выданные отдѣльнымъ лицамъ, записи о состоявшихся судебныхъ рѣшеніяхъ господаря или пановъ-рады, сеймовыя ухвалы, просьбы становъ, поданныя на сеймахъ, и отвѣтъ господаря на эти просьбы, различныя «уставы» по вопросамъ уголовнаго и гражданскаго права, выработанныя господаремъ и панами-радою, инвентари или описи господарскихъ замковъ и волостей, составленныя на мѣстѣ по порученію господаря или пановъ-рады. Въ книги Метрики вносились, наконецъ, и тѣ заявленія, которыя дѣлали господарю и панамъ радѣ частныя лица, согласно закону,—о продажахъ своихъ имѣній, мѣнахъ ими, дареніяхъ или завѣщаніяхъ, о дѣлежѣ и другихъ имущественныхъ сдѣлкахъ, которыя черезъ это пріобрѣтали юридическую силу [192]).

---

[189]) Первою книгою въ этомъ смыслѣ можно считать IV книгу Записей.

[190]) Это видно по перечню документовъ Метрики, составленному во второй половинѣ XVI в. (кн. Записей I и II). Въ этомъ перечнѣ попадаются и древніе документы, отъ конца XIV и первой половины XV в.

[191]) Эти краткія записи, или реестры, при заведеніи книгъ Метрики были переписаны въ одну книгу въ хронологическомъ безпорядкѣ. На оставшихся бѣлыхъ листахъ этой книги при Александрѣ написаны были копіи нѣсколькихъ документовъ, вышедшихъ изъ канцеляріи въ его время, и нѣсколькихъ документовъ, присланныхъ въ канцелярію. Литов. Метр. кн. Запис. III.

[192]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 585, 586. См. Статутъ 1529, раздѣлъ I, арт. 15.

Первоначально не было никакой сортировки при внесеніи документовъ въ книги Литовской Метрики, и въ одну и ту же книгу вписывались въ перемежку разнородные документы: и привилеи на имѣнья, и дипломатическіе документы, и судебныя рѣшенія господаря и пановъ рады и т. д. Книга состояла не при столѣ, завѣдывавшимъ дѣлопроизводствомъ извѣстнаго рода, а при писарѣ, который вносилъ въ нее копіи всевозможныхъ оффиціальныхъ бумагъ, выданныхъ при его посредствѣ отъ господаря и пановъ-рады или поступившихъ къ господарю въ бытность его при немъ [293]). Этимъ и объясняется необыкновенное разнообразіе древнѣйшихъ книгъ Литовской Метрики. Позже, съ послѣднихъ лѣтъ великокняженія Сигизмунда стали дѣлаться нѣкоторыя попытки группировать документы по ихъ роду. Такимъ образомъ, стали составляться книги «справъ судовыхъ», книги посольствъ [294]), сеймовыхъ «ухвалъ» [295]), книги «листовъ поточныхъ», разсылавшихся во время Ливонской войны о мобилизаціи, сборѣ серебщины, къ гетманамъ и т. под. [296]). Эта классификація документовъ по роду очевидно стояла въ связи съ нѣкоторою спеціализаціею и раздѣленіемъ труда самихъ писарей. Но такъ какъ эта спеціализація и раздѣленіе труда не проявились еще рѣзко, то и классификація документовъ не выдерживалась строго. Въ нѣкоторыхъ книгахъ «справы судовые» являются среди привилеевъ на имѣнья и должности, универсаловъ о сеймовыхъ «ухвалахъ», отвѣтовъ сеймовымъ посламъ и разныхъ листовъ «поточныхъ» [297]).

Всѣ исходившія отъ господаря и пановъ-рады бумаги а также и поступавшія къ нимъ переписывались въ книги Метрики для различныхъ справокъ по копіямъ и для возстановленія по нимъ актовъ въ случаѣ утраты подлинниковъ. Такимъ образомъ, напр., при пріемѣ от-

---

[293]) На это прямо указывается въ нѣкоторыхъ книгахъ. Напр., книга V Записей въ началѣ содержитъ слѣдующее заявленіе: «Какъ господаръ его милость великий князь Александръ селъ на великомъ княжени Литовскомъ августа 1 дня индиктъ 10, росказывалъ ми его милость листы судовыи и данину свою писати писарю своему Федку Янушковичу. И я, што отъ того часу листовъ написалъ ажъ до тыхъ часовъ судовыхъ и данины его милости, то тыми разы въ тыи книги вписываю».

[294]) Книга Публичныхъ дѣлъ II, а также книги Литовской Метрики, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

[295]) Публичныхъ дѣлъ кн. IV и V.

[296]) Переписей Литовскихъ кн. VII; Публичныхъ дѣлъ VII, IX, X.

[297]) См., напр., книги Судныхъ дѣлъ XII, XLIV, LII, LIII.

чета отъ державцевъ и тивуновъ, которымъ пожалована была часть господарскихъ доходовъ сверхъ обычныхъ намѣстничьихъ, подскарбій земскій провѣрялъ заявленія державцы или тивуна по записямъ Метрики [298]). На основаніи этихъ записей возстановленъ былъ и текстъ областного привилея Кіевской земли, подлинники котораго, выданные Казниміромъ, Александромъ и Сигизмундомъ и находившіеся у писаря Ивашка Горностая въ господарскомъ домѣ въ Берестьѣ, сгорѣли во время бывшаго тамъ пожара [299]). На основаніи этихъ же записей и частныя лица возстановляли выданные имъ документы, подлинники которыхъ у нихъ сгорѣли, подмокли или изъѣдены были мышами. Частныя указанія на это разсѣяны въ записяхъ различныхъ подтвержденій, внесенныхъ въ тѣ же книги Метрики [300]).

Насколько можно судить по различнымъ указаніямъ, содержащимся въ документахъ Литовской Метрики, дѣлопроизводство государственной канцеляріи великаго княжества Литовскаго шло по извѣстному заведенному порядку. Находившійся въ данное время при господарѣ писарь или секретарь, т. е. тотъ же писарь, но умѣвшій писать по латыни и по польски [301]), изготовлялъ тотъ или другой документъ по приказу самого господаря [302]) или канцлера [303]), или кого-либо изъ

---

[298]) Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 30.

[299]) Акты Зап. Рос. II, № 164.

[300]) Въ 1566 г. такимъ путемъ возстановилъ свой привилей на усадьбу въ Вильнѣ, на улицѣ Онтокольской, господарскій «юркгельтвикъ» Мальхеръ Граница «зе Спижы и Кгермарку», у котораго этотъ привилей сгорѣлъ «пригодне» съ другими вещами. «А такъ мы, господаръ,—читаемъ въ подтвердительномъ привилеѣ (отъ 3 марта 1566 г.),—делаючи ему въ томъ ласку нашу господарскую и казавши углянути *у книги метрики канцлереи нашое*, велели есмо оный листъ нашъ, перво сего ему на тотъ домъ его даный, съ книгъ канцлереи нашое вынемши, слово отъ слова въ сесь нашъ листъ уписати... (Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 658—660; XLIV, л. 107—109).

[301]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 251—266.

[302]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 3, 4, 25, 29, 33, 38, 48; Акты Зап. Рос. II, № 185; Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 76.

[303]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 3, 16, 27, 32, 46; Акты Зап. Рос. I, № 64, 129, 130, 144, 146, 158; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 45, 47, 54, 57, 77, 177, 191, 206, 213, 214, 235, 244, 245, 277, 301, 318; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 21, 31.

остальныхъ пановъ радныхъ [304]), уполномоченнаго на то господаремъ [305]), а иногда даже и всѣхъ пановъ, находившихся при совершеніи акта [306]). Со времени Сигизмунда писари и секретари при вступленіи въ должность приносили присягу между прочимъ и въ томъ, что не будутъ писать никакихъ листовъ безъ приказанья канцлера или самого господаря [307]). Документъ писарь составлялъ или на основаніи устныхъ сообщеній лица, отдававшаго приказъ, или на основаніи того, что самъ слышалъ, присутствуя въ радѣ господаря. Если документъ былъ составленъ писаремъ, на основаніи устнаго сообщенія кого-либо изъ пановъ радныхъ, писарь отмѣчалъ это стереотипною формулою: «правилъ» такой-то, а писалъ такой-то [308]); или: «справа» такого-то, писарь такой-то [309]). Правилъ или канцлеръ [310]), или кто-нибудь другой изъ пановъ радныхъ [311]), или сразу нѣсколько лицъ [312]). Но очень часто

---

[304]) «А писати приказал панъ Станко Судивоевич, маршалъко». См. Документы Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 10. Срав. тамъ же, стр. 2, 4, 7, 17, 18, 29, 30, 52; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 18, 43, 71, 73, 129, 134, 168, 174, 185, 284, 286; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 43, 137.

[305]) Землю пустую въ Кременецкомъ повѣтѣ Берегъ пожаловалъ Кузмѣ Волошину самъ король, «а указал пану Довкшю росказати грамоту», которую и написалъ писарь Копоть. См. Документы Московскаго Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 30.

[306]) «Приказъ усих пановъ»; или «А при тыхъ же панех, а приказ тыхъ же пановъ. Якубъ». См. тамъ же, стр. 42, 43, 51; срав. стр. 32.

[307]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 156.

[308]) Въ записи о пожалованіи Казимиромъ пану Ивашку Вяжевичу 12 человѣкъ на Уздѣ читаемъ: «Правил панъ Михайло канъцлер, а пис. Якубъ»; въ записи о пожалованіи нѣсколькимъ лицамъ крестьянъ въ Браславлѣ Подольскомъ читаемъ: «И всимъ тымъ правил панъ Юръша у Вильни о сойме». Документы Московъ. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 43, 46.

[309]) Акты Зап. Рос. II, № 121, 122.

[310]) Акты Литовской Метрики, вып. I, № 83, 113, 115, 120, 124, 158, 166, 289, 308, 311; Акты Зап. Рос. II, № 17; Документы Московскаго Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 7, 26, 56.

[311]) Акты Литовской Метрики, вып. I, № 121, 127, 130, 136, 137, 140, 211, 226, 229, 250, 389, 422; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 20, 42, 80, 96.

[312]) Акты Литовской Метрики, вып. I, № 125, 126, 141, 142, 160; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 34, 149; Документы Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 7, 24.

писари составляли документы на основаніи того, чему были сами свидѣтелями въ радѣ господарской. Какъ видно изъ различныхъ привилеевъ на писарство и секретарство, писари и секретари допускались «до таемницъ» рады господарской, но не постоянно, а когда господарь считалъ это возможнымъ, «водлѣ уподобанья» своего [313]). Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и самая формула присяги, которую они приносили при вступленіи въ должность,—быть вѣрными господарю «и вси рады его, которые бы колвекъ мне были допущоны або объявены, таемне заховати а жадному человѣку ихъ... не объявляти» [314]). Нѣкоторые секретари и писари, впрочемъ, какъ уже было сказано выше, имѣли постоянное мѣсто и голосъ въ радѣ господарской. Изготовленный документъ скрѣплялся приложеніемъ или большой, «маестатной», печати великаго княжества, находившейся у канцлера, или малой «сыкгнетной» [315]), находившейся всегда при господарѣ, и подписью писаря, изрѣдка канцлера. Сигизмундъ, кромѣ того, многіе документы сталъ скрѣплять подписью своей господарской руки [316]). Послѣ скрѣпы документъ поступалъ къ тому же писарю, который вписывалъ его копію въ метрическую книгу. Эту работу онъ поручалъ большею частью уже своему дьяку [317]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда при писарѣ не было

---

[313]) Въ привилеѣ на секретарство, выданномъ пану Ивану Харитоновичу 28 февраля 1567 г., читаемъ: «А мы тежъ, господаръ, во всякой учтивости пристойной его, яко присяглаго и привильеваного вродника нашого мети *и до рады нашое припускати и таемницъ нашихъ водле уподобанья нашого звѣритися ему маемъ*». Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 90, 91.

[314]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 156.

[315]) Акты Зап. Рос. II, № 14.

[316]) Акты Зап. Рос. II, № 106, 108, 109, 115, 118, 127, 136, 139, 160; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 145, 152, 154, 161, 166, 180, 181, 192, 196.

[317]) Поэтому и въ книгахъ Метрики встрѣчаются такія помѣты: «То справа пана Громычина жъ (писаря), которая почалася въ тые книги писати *за Митка дьяка*, лета Божего тисяча пятсотъ пятогонадесять месеца марта 13 дня, индиктъ 4. (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 101). Или:«Тые справы початы въ тыи книги быть записываны, будучы господару и великому князю его милости Жикгимонту у Кракове, за пана Михайла писара, державцу Впитского. Лета Бож. Нарож. 1540 мца мар. 7 дня индиктъ 13». (Литов Метр. кн. Судн. дѣлъ XII, л. 1). «Приехавши господару королю и великому князю его милости Жикгимонту съ Кракова до здешнего панства своего князства великого Литовского къ Вилни тые справы почалисе въ тую книгу быть записованы за пана Михайла писара, державцу Упитского» 1540 г. 10 іюля (тамъ же, л. 7). «По выеханью пана Михайла писара, деръжавцы

метрической книги, онъ присылалъ всѣ изготовленные имъ документы въ канцелярію, гдѣ они и вписывались въ книгу по приложенному къ нимъ реестру [318]). Вообще по правилу писари должны были всѣ подлинники сдавать въ государственную канцелярію, откуда они и выдавались уже на руки просителямъ. Писарь Нарушевичъ, позволившій себѣ выдать пану Янушу Костевичу привилей на державу Ковенскую непосредственно, минуя канцелярію, по жалобѣ канцлера получилъ жестокую головомойку отъ короля Сигизмунда. Изъ листа короля, написаннаго по этому поводу Нарушевичу, узнаемъ отчасти и объ основаніяхъ указаннаго порядка. Подлинные документы направлялись въ канцелярію для взысканія при ихъ выдачѣ съ просителей канцлерскаго дохода [319]). Кромѣ того, несомнѣнно имѣлась при этомъ въ виду

Упитского, зъ Вильни до Волыни тые речы за росказаньемъ пана Горностая подскарбего справованы и вписываны *черезъ дьяка его Бенедыкта*». 1540 г. 20 окт. (тамъ же, л. 22).«Потомъ. кгды панъ Михайло писарь зъ Волыня до двора господарского засе прыехалъ, тогды тые справы початы быть справованы». 1540 генваря 20 (тамъ же, л. 30).

[318]) Поэтому и въ книгахъ Метрики встрѣчаемся, напр., съ такими помѣтами: «Тые *листы*—справа пана Богушова Боговитиновича—уписаны зъ реистровъ Сопотковыхъ, которыи Сопотко привезъ зъ Ляховъ». (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60). «Тотъ вырокъ короля его милости прислалъ до мене панъ Горностай, подскарбій земский, въ себе справивъши и подъ печатью господаръскою, абы былъ уведенъ у книги господарские, который жо былъ справенъ тымъ обычаемъ, яко нижей описано». (Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 79).

[319]) Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 76. Безъ уплаты этой пошлины канцлеръ не выдавалъ документовъ не только частнымъ лицамъ, но и городамъ, какъ это видно изъ жалобы «посполъства» мѣста Виленскаго на свое начальство, которое, проигравъ тяжбу съ этимъ «посполъствомъ» у господаря, не хотѣло выкупать у канцлера «за посполитые пенези местские» выданный по сему случаю всему мѣсту Виленскому привилей (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 51, 52). Въ этомъ порядкѣ сдачи подлинниковъ въ канцелярію надо искать объясненія нѣкоторыхъ особенностей книгъ Литовской Метрики. Сплошь и рядомъ документы повторяются въ одной книгѣ или въ двухъ и даже въ трехъ (см., напр., X и XI книги Записей). Очевидно одинъ и тотъ же документъ попадался два раза въ руки одному и тому же дьяку или по разу нѣсколькимъ дьякамъ и записывался ими въ книги нѣсколько разъ по ошибкѣ. Впрочемъ, это могло дѣлаться и по просьбѣ частныхъ лицъ, желавшихъ вѣрнѣе гарантировать себѣ и потомкамъ возможность возстановленія своихъ привилеевъ. Нѣкоторые документы въ подлинникахъ и копіяхъ писари сдавали, повидимому въ неготовомъ видѣ, безъ датъ времени и мѣста, которыя отмѣчались позднѣе. Этимъ и объясняются хронологическія несообразности, встрѣчающіяся въ актахъ Метрики. Документъ, напр., писанъ въ Краковѣ, а помѣченъ та-

и канцлерская провѣрка. Въ 1536 году писарь Горностай прислалъ въ канцелярію господарскій «вырокъ» по дѣлу между паномъ Патеемъ Тишковичемъ и паномъ Миколаемъ Пацемъ «о покажене границъ» имѣнья. Канцлеръ, осмотрѣвъ документъ, не нашелъ въ немъ подписи Горностая и доложилъ объ этомъ королю, указавъ, «же бы въ томъ выроку» рука писарская была подписана. Король велѣлъ подписать вырокъ находившемуся при немъ писарю Михаилу [320]). По формулѣ присяги, установленной при Сигизмундѣ-Августѣ для канцлера и подканцлера, ни тотъ, ни другой не имѣли права выдавать пергаментовыхъ листовъ и мембранъ (бланокъ за подписью господаря) безъ вѣдомости, воли и устнаго приказанья господаря, не имѣли права выдавать никакихъ листовъ и бумажныхъ («паперевыхъ») ко вреду королю, великому княжеству и посполитымъ правамъ и вольностямъ и къ уменьшенію «достойности, зацности и поваги» государя и государства [321]).

Изъ приведенныхъ выше подробностей обнаруживается, что государственная канцелярія великаго княжества Литовскаго съ канцлеромъ во главѣ, со всѣмъ ея штатомъ секретарей, писарей [322]) и дья-

кимъ числомъ, когда господарь тамъ уже не находился. Очевидно, что дата была проставлена впослѣдствіи по памяти или же въ моментъ выдачи изъ канцеляріи подлинника.

[320]) Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 79.

[321]) Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ VIII, л. 3.

[322]) Писарей было довольно много. Они дѣлились на *русскихъ и латинскихъ*; кромѣ того упоминаются и *писари татарскіе,* или *арабскіе,* для переписки съ восточными государями и перевода ихъ грамотъ (Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 115, 116). Писарямъ такъ же, какъ и канцлеру, въ видѣ вознагражденія за службу давались «въ держанье» господарскіе дворы и волости, съ которыхъ они пользовались намѣстничьими доходами, такъ что писарь часто былъ въ то же время и державцею. (*Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 255—266). Кромѣ того, они имѣли и свои *писарскіе доходы* съ документовъ, которые они по просьбѣ частныхъ лицъ вносили въ книги Метрики, и съ «выписовъ», которые они давали со вписанныхъ уже документовъ (Акты Зап. Рос. III, № 11, просьба 6). По временамъ имъ давались «отправы», когда приходилось ѣхать съ господаремъ въ Польшу (Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 106, 107), или жаловались за службы небольшія суммы денегъ, сукна, шубы, хлѣбъ, лошади и т. под. Король Сигизмундъ-Августъ сталъ давать нѣкоторымъ изъ нихъ въ видѣ наградъ за службу ежегодное жалованье, или «юркгельтъ», до живота. (Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 383, 384; LI, л. 296). Въ секретари и писари попадали нерѣдко отличившіеся *дьяки,* какъ, напр., при Сигизмундѣ-Августѣ Матоей Ивановичъ Протасовичъ, Иванъ Андреевичъ Харитоновичъ (кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 90, 91, 205, 206). Дьяки

ковъ не была особымъ органомъ управленія, а состояла при господарѣ и радѣ, какъ вспомогательное, технически-исполнительное учрежденіе. Эта канцелярія была только канцеляріею и ничѣмъ инымъ, не походила, напр., на разрядъ, посольскій и помѣстный приказы Московскаго государства, которые также были отдѣленіями государственной канцеляріи при боярской думѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли и самостоятельную распорядительную и судебную власть.

Такимъ же вспомогательнымъ, технически-исполнительнымъ учрежденіемъ, былъ въ разсматриваемое время и *скарбъ* великаго княжества съ *подскарбіемъ земскимъ* во главѣ и его помощниками—*скарбными*.

Необходимо прежде всего замѣтить, что скарбъ въ разсматриваемое время соединенъ былъ самыми тѣсными узами съ государственною канцеляріею великаго княжества. Это были какъ бы два отдѣленія одного и того же учрежденія, состоявшаго при господарѣ и панахъ-радѣ. Скарбъ собственно былъ только хранилищемъ разныхъ цѣнностей, которыя стягивалъ господарь въ свое и пановъ-рады распоряженіе, для удовлетворенія «потребъ его милости господарскихъ и земскихъ». Но письменное дѣлопроизводство по приходу и расходу государственныхъ суммъ велось писарями великокняжеской канцеляріи, къ числу которыхъ съ 1509 года принадлежалъ обыкновенно и самъ подскарбій земскій. За главнымъ же начальникомъ канцеляріи канцлеромъ, признавалась «повинность тыхъ доходовъ господарскихъ и земскихъ стеречы» [323]). Для этой канцеляріи скарбъ былъ архивомъ, въ которомъ хранились ея документы и книги. До 1547 года въ скарбѣ сохранялись привилеи земскіе, выданные всему великому княжеству. На Виленскомъ сеймѣ, происходившемъ въ этомъ году, шляхта просила господаря для облегченія доступа къ этимъ привилеямъ хранить ихъ не въ скарбѣ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, подъ печатью пановъ-рады, и господарь изъявилъ свое согласіе, предоставивъ шляхтѣ сговориться о подробностяхъ съ панами-радою [324]). Но по всѣмъ даннымъ, перемѣщеніе привилеевъ земскихъ въ другое мѣсто не состоялось. Этимъ, вѣроятно, объясняется просьба становъ Виленскаго сейма 1554 года, чтобы господарь приказалъ дословно переписать привилеи зем-

---

получали обыкновенно небольшое постоянное жалованье, «юркгельтъ», изъ скарба (кн. Судныхъ дѣлъ LII, л. 45, 46).

[323]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 32.

[324]) Акты Зап. Рос. III, № 4, просьба 3.

скіе въ статутъ [325]). Формула присяги, которую при Сигизмундѣ-Августѣ приносилъ подскарбій земскій, выражала между прочимъ и обѣщаніе его сохранять въ числѣ другихъ цѣнностей и привилеи великаго княжества [326]). Кромѣ привилеевъ земскихъ, въ скарбѣ сохранялись подлинники договоровъ съ иностранными государствами, разные другіе подлинные акты, а также и книги Метрики, уже заполненныя записями [327]). Изъ формулы присяги, которую приносилъ подскарбій земскій, узнаемъ затѣмъ, что скарбъ былъ не только государственнымъ архивомъ, но и хранилищемъ государственныхъ регалій, «клейнотъ и оздобъ» великаго княжества, подъ которыми, вѣроятно, разумѣются шапка Гедимина, скипетръ или «ласка», мечъ, хоругвь земская и проч. Скарбъ былъ и главнымъ арсеналомъ, въ которомъ хранилось огнестрѣльное оружіе и боевые припасы—«дела, гаковницы, салетра, свинецъ, аркебузы, формы желѣзныя для литья куль, сѣра» и т. д. [328]). Отсюда господарь и паны-рада, по мѣрѣ надобности, разсылали орудія и боевые припасы на украинные и другіе замки. Вслѣдствіе этого при скарбѣ состояли различные мастера, которые изготовляли для него «слесарскіе рѣчи» и т. под. [329]).

---

[325]) Тамъ же, № 13, просьба 1.

[326]) Эта формула внесена была въ книгу Литов. Метрики гораздо позднѣе, въ царствованіе Владислава IV. Литов. Метр. Публичныхъ дѣлъ VIII, л. 3.

[327]) *С. Л. Пташицкаго* Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, стр. 4, 5; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 465, 466.

[328]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 138; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 33—35.

[329]) Литов. Метр. кн. Запис. XLII, л. 57, 58. При этомъ арсеналѣ позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, находился особый *оружничій*, получавшій жалованье изъ скарба. Его обязанности въ привилеѣ, выданномъ (1 января 1568 года) на эту должность Андрею Матысу, опредѣляются такъ: „Tenebitur praefatus Andreas Matys armamentarii nostri Vilnensis.., munitiones ac omnem suppellectilem atque apparatum ad armamentarium pertinentem fideliter custodire ac nil eorum negligere, quae od officium armamentary spectare videntur. Tenebitur quosque proficisci in singulas et omnes expeditiones bellicas atque itinera quotiescunque id ei a nobis injunctum fuerit, ita tamen, ut in itinere pro tot equis atque famulis, quod ei a nobis concessi fuerint, solvatur ei tantum, quantum alijs ex thesauro nostro solui consuevit, qui in eo servitio apud tormenta nostra versantur. Debebit quoque et obligatus erit spatulas armamentarias, globos tormentarios quotquot iis opus erit et id ejusmodi alia sine vllo pretio nobis conficere, saltem materiam resque necessarias ei operi nos ipsi dare atque praestare debemus. Insuper tenebitur semper in

метрической книги, онъ присылалъ всѣ изготовленные имъ документы въ канцелярію, гдѣ они и вписывались въ книгу по приложенному къ нимъ реестру [318]). Вообще по правилу писари должны были всѣ подлинники сдавать въ государственную канцелярію, откуда они и выдавались уже на руки просителямъ. Писарь Нарушевичъ, позволившій себѣ выдать пану Янушу Костевичу привилей на державу Ковенскую непосредственно, минуя канцелярію, по жалобѣ канцлера получилъ жестокую головомойку отъ короля Сигизмунда. Изъ листа короля, написаннаго по этому поводу Нарушевичу, узнаемъ отчасти и объ основаніяхъ указаннаго порядка. Подлинные документы направлялись въ канцелярію для взысканія при ихъ выдачѣ съ просителей канцлерскаго дохода [319]). Кромѣ того, несомнѣнно имѣлась при этомъ въ виду

Упитского, зъ Вильни до Волыни тые речы за росказаньемъ пана Горностая подскарбего справованы и вписываны *черезъ дьяка его Бенедыкта*». 1540 г. 20 окт. (тамъ же, л. 22).«Потомъ. кгды панъ Михайло писарь зъ Волыня до двора господарского засе прыехалъ, тогды тые справы початы быть справованы». 1540 генваря 20 (тамъ же, л. 30).

[318]) Поэтому и въ книгахъ Метрики встрѣчаемся, напр., съ такими помѣтами: «Тые *листы*—справа пана Богушова Боговитиновича—уписаны зъ реистровъ Сопотковыхъ, которыи Сопотко привезъ зъ Ляховъ». (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60). «Тотъ вырокъ короля его милости прислалъ до мене панъ Горностай, подскарбій земскиі, въ себе справивъши и подъ печатью господаръскою, абы былъ уведенъ у книги господарские, который жо былъ справенъ тымъ обычаемъ, яко нижей описано». (Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 79).

[319]) Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 76. Безъ уплаты этой пошлины канцлеръ не выдавалъ документовъ не только частнымъ лицамъ, но и городамъ, какъ это видно изъ жалобы «посполъства» мѣста Виленскаго на свое начальство, которое, проигравъ тяжбу съ этимъ «посполъствомъ» у господаря, не хотѣло выкупать у канцлера «за посполитые пенези местские» выданный по сему случаю всему мѣсту Виленскому привилей (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 51, 52). Въ этомъ порядкѣ сдачи подлинниковъ въ канцелярію надо искать объясненія нѣкоторыхъ особенностей книгъ Литовской Метрики. Сплошь и рядомъ документы повторяются въ одной книгѣ или въ двухъ и даже въ трехъ (см., напр., X и XI книги Записей). Очевидно одинъ и тотъ же документъ попадался два раза въ руки одному и тому же дьяку или по разу нѣсколькимъ дьякамъ и записывался ими въ книги нѣсколько разъ по ошибкѣ. Впрочемъ, это могло дѣлаться и по просьбѣ частныхъ лицъ, желавшихъ вѣрнѣе гарантировать себѣ и потомкамъ возможность возстановленія своихъ привилеевъ. Нѣкоторые документы въ подлинникахъ и копіяхъ писаря сдавали, повидимому въ неготовомъ видѣ, безъ датъ времени и мѣста, которыя отмѣчались позднѣе. Этимъ и объясняются хронологическія несообразности, встрѣчающіяся въ актахъ Метрики. Документъ, напр., писанъ въ Краковѣ, а помѣченъ та-

и канцлерская провѣрка. Въ 1536 году писарь Горностай прислалъ въ канцелярію господарскій «вырокъ» по дѣлу между паномъ Патеемъ Тишковичемъ и паномъ Миколаемъ Пацемъ «о покажене границъ» имѣнья. Канцлеръ, осмотрѣвъ документъ, не нашелъ въ немъ подписи Горностая и доложилъ объ этомъ королю, указавъ, «же бы въ томъ вироку» рука писарская была подписана. Король велѣлъ подписать вырокъ находившемуся при немъ писарю Михаилу [320]). По формулѣ присяги, установленной при Сигизмундѣ-Августѣ для канцлера и подканцлера, ни тотъ, ни другой не имѣли права выдавать пергаментовыхъ листовъ и мембранъ (бланокъ за подписью господаря) безъ вѣдомости, воли и устнаго приказанья господаря, не имѣли права выдавать никакихъ листовъ и бумажныхъ («паперевыхъ») ко вреду королю, великому княжеству и посполитымъ правамъ и вольностямъ и къ уменьшенію «достойности, зацности и поваги» государя и государства [321]).

Изъ приведенныхъ выше подробностей обнаруживается, что государственная канцелярія великаго княжества Литовскаго съ канцлеромъ во главѣ, со всѣмъ ея штатомъ секретарей, писарей [322]) и дья-

кимъ числомъ, когда господарь тамъ уже не находился. Очевидно, что дата была проставлена впослѣдствіи по памяти или же въ моментъ выдачи изъ канцеляріи подлинника.

[320]) Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 79.

[321]) Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ VIII, л. 3.

[322]) Писарей было довольно много. Они дѣлились на *русскихъ и латинскихъ*; кромѣ того упоминаются и *писари татарскіе*, или *арабскіе*, для переписки съ восточными государями и перевода ихъ грамотъ (Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 115, 116). Писарямъ такъ же, какъ и канцлеру, въ видѣ вознагражденія за службу давались «въ держанье» господарскіе дворы и волости, съ которыхъ они пользовались намѣстничьими доходами, такъ что писарь часто былъ въ то же время и державцею. (*Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 255—266). Кромѣ того, они имѣли и свои *писарскіе доходы* съ документовъ, которые они по просьбѣ частныхъ лицъ вносили въ книги Метрики, и съ «выписовъ», которые они давали со вписанныхъ уже документовъ (Акты Зап. Рос. III, № 11, просьба 6). По временамъ имъ давались «отправы», когда приходилось ѣхать съ господаремъ въ Польшу (Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 106, 107), или жаловались за службы небольшія суммы денегъ, сукна, шубы, хлѣбъ, лошади и т. под. Король Сигизмундъ-Августъ сталъ давать нѣкоторымъ изъ нихъ въ видѣ наградъ за службу ежегодное жалованье, или «юркгельтъ», до живота. (Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 383, 384; LI, л. 296). Въ секретари и писари попадали нерѣдко отличившіеся *дьяки*, какъ, напр., при Сигизмундѣ-Августѣ Матѳей Ивановичъ Протасовичъ, Иванъ Андреевичъ Харитоновичъ (кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 90, 91, 205, 206). Дьяки

подскарбія дворнаго. До этого же времени скарбъ дворный черпалъ свои средства на личные расходы господаря изъ средствъ того же земскаго скарба [339]), и подскарбій дворный велъ только отчетность по этимъ поступленіямъ общегосударственныхъ средствъ на нужды двора, или расходамъ земскаго скарба, былъ въ этомъ отношеніи простымъ помощникомъ подскарбія земскаго, котораго онъ и замѣщалъ собою въ его отсутствіе [340]).

Какъ уже было сказано выше, въ скарбъ приливали только остатки государственныхъ доходовъ, не израсходованныхъ на мѣстѣ. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ разсматриваемое время практиковался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ способъ уплаты жалованья и разныхъ казенныхъ долговъ путемъ выдачи ассигновокъ, или «квитовъ», на мѣстныя кассы, по соображенію съ удобствами жалуемаго лица или кредитора и по соображенію со средствами, которыми располагали мѣстныя кассы. Такіе «квиты» выдавались на старостъ, державцевъ и тивуновъ господарскихъ дворовъ и волостей, на казначеевъ (въ Смоленскѣ и Брянскѣ), на ключниковъ, городничихъ, арендаторовъ разныхъ мытъ и корчомъ или на лицъ, державшихъ мыта и корчмы «къ вѣрной

---

[339]) Великій князь Александръ на мытные пенязи Кіевскіе покупалъ между прочимъ у кафинскихъ купцовъ «перла, шолки, тафты, ковры, чомлоты» для великой княгини. Изъ этихъ же мытныхъ пенязей оплачивались «квитацеи», выданныя разнымъ лицамъ, упоминки Перекопскому царю и его посламъ, пушкари Кіевскаго замка и «городовые речи». Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 64.

[340]) Такъ было въ Польшѣ. Конституція Петрковскаго сейма 1504 г. называетъ подскарбія дворнаго прямо vicethesaurarius Regni, tanquam thesaurorum Curiae secretarius (Volumina legum 1, 136). Такъ какъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ центральные уряды земскіе и дворные заводились по польскому образцу, надо полагать, что и здѣсь подскарбій дворный значилъ то же, что и въ Польшѣ. Это подтверждается и фактами. Подскарбій дворный Станиславъ Влошекъ въ маѣ 1561 года, когда мѣсто подскарбія земскаго оставалось вакантнымъ, является завѣдующимъ земскимъ скарбомъ, принимаетъ въ скарбъ земскій листы пана Николая Юрьевича Радивила на имѣнье Роконтишки, которое панъ «спустилъ» королю, и выдаетъ передавшему эти листы пану Остафью Воловичу «квитъ» въ полученіи (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 465, 466). Въ роли завѣдующаго скарбомъ земскимъ выступаетъ Влошекъ и ранѣе того, въ 1559 г., когда также не было подскарбія земскаго: король извѣщаетъ его и писаря Маковецкого о томъ, что хлѣбъ съ господарскихъ гуменъ, отправленный бывшимъ старостою Бранскимъ и Саражскимъ Сеньковскимъ, дошелъ по назначенію и не подлежитъ взысканію съ этого старосты (Тамъ же, л. 232).

руцѣ». Въ этихъ квитахъ содержались приказы названнымъ урядникамъ и арендаторамъ о выдачѣ извѣстному лицу жалованья или о заплатѣ ему казеннаго долга изъ тѣхъ средствъ, какія были въ ихъ распоряженіи: съ «винъ», т. е. судебныхъ пошлинъ (у старостъ, державцевъ и тивуновъ), съ «ключа» (у ключниковъ), съ «дякла» (у городничихъ), съ мытныхъ и корчомныхъ пенязей и т. д. Такъ какъ господарскіе доходы мѣстными урядниками и арендаторами собирались не только деньгами, или «готовизною», но и натурою—хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ (дякло), медомъ и мѣхами (дань), воскомъ, солью, сукнами (мыто), то и ассигновки писались не только на деньги, но и на эти натуральныя статьи: на извѣстное число бочекъ жита или овса, на извѣстное число возовъ сѣна, на шубы, на то или другое количество меду и соли, на сукна и т. д. Всѣ эти выдачи опредѣлялись господаремъ лично или по совѣту съ панами радою, а «квиты» изготовлялись и выдавались писарями государственной канцеляріи великаго княжества. Каждый писарь велъ реестръ «квитамъ», выданнымъ при его посредствѣ [341]), съ краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія, а иногда, когда этотъ реестръ становился значительнымъ, чтобы возстановить его въ случаѣ утраты, приказывалъ своему дьяку переписать его въ книгу Метрики. Поэтому среди записей разнообразныхъ документовъ въ книгахъ Метрики встрѣчаемъ и копіи этихъ реестровъ [342]).

---

[341]) Поэтому и въ реестрахъ господарскихъ «отправъ» встрѣчаемъ такія помѣты: «При Богуши писари *на квитацеяхъ* почато давати у Смоленску княжатомъ, панатомъ Волыньскимъ съ соленыхъ пенязей Луцкихъ месеца сентебря 8 индиктъ 12» (1508 г.). Или: «Отправа, давана маршалкомъ и секретаремъ паномъ Иваномъ Сопегою, княземъ и паномъ, и дворяномъ лета Божъего 1509 месеца февраля 18 день, индиктъ 12, какъ король его милость ехалъ зъ Литвы до Польски» (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 426, 431).

[342]) «Ѳедковъ реестръ» квитовъ, выданныхъ въ разное время Казимиромъ, заполняетъ большую половину книги Записей № IV (часть его напечатана г. Довнаръ-Запольскимъ въ Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.). № 15). Такіе же реестры попадаются и въ книгахъ позднѣйшаго времени. Такимъ образомъ, напр., «отправы» короля Сигизмунда князьямъ, панамъ, дворянамъ «и всимъ землямъ» великаго княжества въ промежуткѣ времени отъ 1506 г. по 7 ноября 1511 г. записаны въ VIII книгѣ Записей (л. 413—416). Сравнительно небольшое число этихъ реестровъ въ книгахъ Метрики объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что не всѣ реестры «отправъ» вносились въ книги Метрики, а оставались въ особыхъ тетрадяхъ, которые и уничтожались по миновании въ нихъ надобности, т. е. послѣ принятія отчета отъ тѣхъ, на кого выданы были квиты.

Квиты, оплаченные мѣстными урядниками и арендаторами господарскихъ доходовъ, предъявлялись ими при сдачѣ отчета въ доходахъ и расходахъ и остаточныхъ суммъ въ скарбъ земскій великаго княжества [343]). Но кто принималъ эти отчеты отъ мѣстныхъ финансовыхъ агентовъ? Естественно ожидать, что это было дѣло земскаго подскарбія великаго княжества. На самомъ дѣлѣ въ разсматриваемое время было не такъ. Подскарбій земскій принималъ только участіе, и притомъ сравнительно ограниченное, какъ одинъ изъ нѣсколькихъ контролеровъ, въ учетѣ мѣстныхъ финансовыхъ агентовъ. Этотъ учетъ производилъ прежде всего самъ господарь одинъ или съ панами-радою. Такимъ образомъ, король Казимиръ 20 мая 1489 года въ Краковѣ «бралъ личбу» у мытниковъ Кіевскихъ и Путивльскихъ, при чемъ не только ничего не получилъ отъ нихъ, но и остался долженъ 324 копы [344]). Великій князь Александръ въ бытность свою въ Берестьѣ въ 1497 году дѣлалъ «личбу» съ ключникомъ Берестейскимъ Левкомъ Боговитиновичемъ и Немирою, «што держали от его милости мыто Берестейское к верной руце» [345]). Онъ же принималъ «личбу» отъ ключника и мытниковъ Кіевскихъ, державшихъ мыто «къ верной руце», въ Вильнѣ 2 мая 1499 г. и выдалъ имъ «квитацію», по которой признавалъ себя должникомъ ихъ въ суммѣ 10 копъ 16 грошей [346]); 9 іюля того же года Александръ принималъ личбу отъ маршалка Литавора Хребтовича «зъ минцы» и выдалъ ему «квитацію» [347]); 7 іюня 1508 года въ Слупѣ принималъ «личбу» отъ арендатора мыта Луцкаго Никеля Прокоповича и выдалъ ему «квитацію» въ удостовѣреніе, что остался ему долженъ 41½ копу грошей [348]); 28 іюня того же года принималъ отчетъ отъ лентвойта Полоцкаго Якуба Кезмарковича въ израсходованіи той суммы, которую лентвойтъ собиралъ на господаря съ мѣста Полоцкаго, по 400 копъ грошей въ годъ, и выдалъ соотвѣтствующую «квитацію» [349]). Король Сигизмундъ 26 іюня 1508 года въ Минскѣ считался съ откупщикомъ Ковенской соляной коморы Аврамомъ Езофовичемъ въ деньгахъ, которыя у него побрали

---

[343]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 60.

[344]) *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 22.

[345]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 52.

[346]) Тамъ же, № 64.

[347]) Тамъ же, № 67.

[348]) Тамъ же, № 89.

[349]) Тамъ же, № 90.

паны-рада въ отсутствіе господаря «для господарское великое потребы и земское»[350]); 29 іюня 1509 года въ Краковѣ король принималъ «личбу» отъ того же Аврама Езофовича въ израсходованіи пенязей съ корчомъ Смоленскихъ [351]); 27 марта 1513 года въ Вильнѣ Сигизмундъ дѣлалъ «личбу» съ восковничими Берестейскими Данькомъ и Михелемъ Ребичковичемъ, которые держали отъ него «къ вѣрной руцѣ» восковую и соляную комору въ Берестьѣ, и выдалъ имъ квитацію, удостовѣряющую, что за выдачею ими денегъ «на послы и на квитаціи и на инші потребы» король остался имъ долженъ 1068 копъ и 24 гроша, каковую сумму они имѣютъ выбрать съ мыта Берестейскаго на будущіе годы [352]). Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ король принималъ отчетъ единолично, въ присутствіи только писаря, который записывалъ въ книгу Метрики результатъ «личбы» или копію той «квитаціи», которую онъ выдавалъ лицу, представлявшему отчетъ, подъ печатью господарскою. Но иногда король принималъ «личбу» совмѣстно съ панами-радою, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось учитывать расходы, сдѣланные по приказанію пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., въ 1528 году 25 октября въ Вильнѣ Сигизмундъ вмѣстѣ съ панами-радою принималъ отчетъ отъ Андрея Прокоповича и Огрона Нахимовича въ приходахъ съ коморы восковой и соляной Ковенской и въ расходахъ, сдѣланныхъ на «потребы» земскія по приказанью господаря или пановъ-рады, и выдалъ имъ соотвѣтствующую квитацію[353]).

Сплошь и рядомъ, однако, господарь поручалъ сведеніе счетовъ съ мѣстными агентами разнымъ лицамъ, и между ними *иногда и подскарбію земскому*. Такимъ образомъ, напр., подскарбій Андрей и писарь Ивашко Владыка 12 ноября 1494 года усчитывали откупщика мыта Смоленскаго; 7 февраля 1495 года—ключника Кіевскаго Сенька Полозовича и его товарища, завѣдывавшихъ Кіевскимъ мытомъ, и одного Сенька Полозовича съ ключа Кіевскаго. Тѣ же лица 2 апрѣля 1495 года принимали «личбу» отъ ключника Берестейскаго «з восковых грошей, што ему дано на воскъ»; 6 мая—отъ дьяка Зенька съ «чижового» Ковенскаго; того же числа—отъ городничія Троцкаго [354]),

---

[350]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 110.

[351]) Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, томъ I. № 56. См. еще для 1509 г. Акты Южн. и Зап. Рос. II. № 94—96.

[352]) Документы и регесты, т. I. № 81.

[353]) Тамъ же, № 126.

[354]) Литов. Метр. кн. Запис. VI. л. 165; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 26—28.

Но въ 1496 году 20 августа ключникъ Кіевскій Сенько Половичъ представлялъ отчетъ о приходахъ и расходахъ ключа Кіевскаго одному уже *писарю* Ивашкѣ Владыкѣ, который результатъ отчета и внесъ въ книгу Метрики съ помѣтою: «Ключникъ Кіевскій Сенько Полозовичъ делалъ личбу мне, Ивашку Владыце»[355]). Въ томъ же году 27 сентября великій князь приказалъ принять «личбу» отъ мытниковъ Минскихъ Евлашка и Ѳедора *маршалку* Григорію Остиковичу и писарю Ивашкѣ Владыкѣ[356]). Въ слѣдующемъ 1497 году «личбу» отъ Сенюты и войта Владимірскаго Ѳедора Лудовича въ израсходованіи Владимірскаго мыта, капщинныхъ (корчомныхъ) пенязей, верховщины и «циншовыхъ» Литовижскихъ пенязей принималъ одинъ *писарь* Ѳедко[357]). Въ томъ же году отчетъ отъ Кіевскаго ключника и мытниковъ Кіевскихъ брали *маршалокъ* Литаворъ Хребтовичъ и писарь Ѳедко[358]). Въ 1503 году 24 марта господарь приказалъ у мытника Луцкаго Лерина Гереша «личбу взяти маршалку своему князю Михайлу и писарю своему Янушу»[359]). Въ слѣдующемъ 1504 году маршалокъ кн. Михайло, писарь Ивашко Сопега и *подскарбій* (дворный) Ивашко усчитывали того же мытника Луцкаго, «што давалъ въ тыи два годы княземъ, паномъ, дворяномъ, земяномъ, капланомъ, пушкаремъ, роботникомъ»[360]). При Сигизмундѣ въ 1507 году подобный же отчетъ отъ восковничихъ Полоцкихъ принимали *маршалокъ* Иванъ Сопега и *подскарбій* (земскій) панъ Ѳедко[361]). Въ 1521 году Сигизмундъ поручалъ принять личбу отъ мытника Михеля Шписа съ коморы восковой и соляной въ Луцкѣ и Владимірѣ *подскарбію дворному* Ивану Андреевичу и *маршалку и писарю* Коптю[362]) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что подскарбій земскій иногда усчитывалъ мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ доходовъ, но не въ силу своей должности, а въ силу спеціальнаго порученія господаря. Непремѣннымъ членомъ такихъ комиссій былъ одинъ изъ писарей великокняжеской канцеляріи, который результатъ провѣрки вписывалъ «на память» въ книгу Метрики.

---

[355]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 170.

[356]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 78.

[357]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 53.

[358]) Тамъ же, № 54.

[359]) Тамъ же, № 79.

[360]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 180.

[361]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 98.

[362]) Тамъ же, № 151. Срав. № 153.

До сихъ поръ рѣчь шла большею частью о мытникахъ, ключни-хъ, городничихъ и войтахъ мѣстъ. Но то же самое наблюдаемъ и въ ношеніи другихъ мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ по-тей. Въ числѣ этихъ агентовъ были между прочимъ *старцы* Задвин-ихъ и Поднѣпрскихъ волостей, населенныхъ данниками и платив-ıхъ дань въ опредѣленной суммѣ, по «розметамъ» и «розрубамъ» жду своими членами. Отъ этихъ старцевъ принимали дань и усчи-вали ихъ писари великокняжеской канцеляріи. Такимъ образомъ, пр., въ 1496 году въ бытность свою въ Берштахъ великій князь ександръ приказалъ писарю Ивашку Яцковичу побрать дань съ во-стей Задвинскихъ, которую, очевидно, принесли господарю старцы ıхъ волостей (и отчасти прислалъ дьякъ Зенько). Писарь принялъ по приказанью господаря записалъ въ книгу Метрики. Часть собран-й дани «готовизною» и мѣхами писарь отослалъ въ скарбъ, а часть расходовалъ по приказамъ короля [363]). Въ томъ же году въ Трокахъ нь отъ намѣстниковъ и старцевъ Поднѣпрскихъ волостей принималъ ньгами и куницами писарь Ѳедко, который и записалъ въ книгу етрики приходъ и расходъ этой дани и остатокъ куницами, который ъ сдалъ подскарбію (дворному) Ѳедку [364]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда нь приносилась не сполна, тѣ же писари великокняжеской канце-ріи посылались господаремъ «править недополнковъ» [365]). По испол-ніи своей миссіи писари отдавали отчетъ передъ комиссіей, которую значалъ господарь, и въ составъ которой далеко не всегда входилъ дскарбій земскій, принимавшій отъ нихъ деньги, бобры и куницы [366]).

[363]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 38.

[364]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 376, 377.

[365]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, . 342, 343; прил. № 10, 12, 16, 51; Акты Литовско-Русскаго государства V—XVI ст.), № 92.

[366]) «Панъ Копоть Васильевичъ, писаръ господара короля его милости, вы-ъ личбу передъ паномъ Иваномъ *подскарбеемъ (дворнымъ)* и передъ паномъ ıномъ Сопегою зъ доходовъ, которые жъ бралъ на волостехъ его милости По-прскихъ зъ недополнковъ зъ дани грошовое и медовое, и бобровъ, и съ куницъ,) до подскарбего земского пана Ѳедка Хребтовича готовизною далъ и на кви-цеи роздалъ, а иное до господара привезъ: тисеча копъ безъ пятидесяти копъ шей и безъ полупяты копы; а бобровъ карихъ до подскарбего жъ земского далъ ъдесятъ и одинъ, а чорныхъ бобровъ пять, а куницъ шерстью сто и деветнад-ть; а до ключа Виленского выгналъ дани медовое сорокъ уставовъ, а до ключа оцкого сто колодъ безъ четырехъ колодъ меду. И на то на все вызнанье отъ ıа подскарбего и отъ ключниковъ и квитацеи на личбе положилъ и со всего съ

Что касается старостъ, державцевъ и тивуновъ, которые были также сборщиками доходовъ, поступавшихъ въ своихъ остаткахъ въ скарбъ, то и этихъ агентовъ усчитывалъ не подскарбій земскій. Это дѣло выполняли паны радные, которыхъ господарь разсылалъ для отобранія отъ старостъ и державцевъ своихъ доходовъ и взысканія недоимковъ [367]), отчасти писари, великокняжеской канцеляріи, которыхъ господарь разсылалъ «пописывать и установлять пожитки своихъ дворовъ» [368]), маршалокъ дворный и, наконецъ, постоянныя комиссіи, образованныя по уставѣ 1529 года и состоявшія: изъ воеводы, въ воеводствѣ котораго находились староства и державы, маршалка дворнаго и подскарбія земскаго [369]).

Если подскарбій земскій даже не усчитывалъ мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ доходовъ великаго княжества, тѣмъ менѣе могъ онъ оказывать какое-либо вліяніе на ихъ выборъ и назначеніе. Это дѣло въ разсматриваемое время выполнялось господаремъ и отчасти панами-радою. На должности старостъ, державцевъ и тивуновъ, городничихъ, ключниковъ, конюшихъ и др. назначалъ господарь частью по единоличному усмотрѣнію, частью по совѣщанію съ панами-радою, частью по представленію отдѣльныхъ пановъ радныхъ (воеводъ). На должности мытниковъ, которые собирали дань «къ верной руце», назначалъ также самъ господарь; онъ же сдавалъ въ аренду мыта, корчмы, «мынцу», «купы» или «буды» въ лѣсахъ, рыбныя озера и разныя другія хозяйственныя статьи [370]), избиралъ агентовъ по продажѣ своихъ товаровъ [371]) и т. д. Точно также господарь назначалъ

того личбу выдалъ» (1508 г.). Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 102; Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 91.

[367]) См. земскій привилей в. кн. Александра 1492 г.

[368]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 23.

[369]) Тамъ же, прилож. № 49.

[370]) Многочисленные примѣры этихъ назначеній и сдачъ въ аренду см. въ «Актахъ Южной и Западной Россіи», т. II, «Документахъ и регестахъ по исторіи литовскихъ евреевъ», т. I, а также въ «Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.); Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19—35; V, л. 326, 327; VI, л. 163—185; 263—290; VIII, л. 84—118; XIV, л. 15—16, 28, 204—205; XV, л. 163—168; XVII, л. 130—131, 137—139, 139—141, 344—345; XIX, л. 191—192; XXIV, л. 127; XXV, л. 128, 129; XXVIII, л. 74, 75, 79; Судныхъ дѣлъ IV, л. 10—11, 24, 118, 123—124, 143—144, 183, 332; VIII, л. 209, 210.

[371]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 135.

и тѣхъ агентовъ, на которыхъ возлагалась обязанность не только собирать, но и находить господарскіе «пожитки», устанавливать ихъ вновь. Таковы были писари, которые по уставѣ 1529 г. стали назначаться для отдѣльныхъ областей: для дворовъ и волостей Виленскаго повѣта и Троцкаго, для Жмудской земли, для Поднѣпрскихъ волостей [372]). Письменное дѣлопроизводство по этимъ назначеніямъ велось писарями великокняжеской канцеляріи, которые изготовляли привилеи на указанныя выше должности, а также и арендные листы, и вносили ихъ въ книги Метрики.

Всѣ мѣстные агенты по сбору государственныхъ доходовъ, назначаемые господаремъ при участіи пановъ-рады, и подчинялись непосредственно господарю и панамъ-радѣ. Мы уже видѣли, что распоряженія о выдачѣ разнымъ лицамъ находившихся въ ихъ распоряженіи государственныхъ цѣнностей они получали отъ господаря или пановъ-рады; господарю и панамъ-радѣ или назначеннымъ отъ нихъ коммиссарамъ они сдавали отчетъ по пріему и выдачѣ государственныхъ доходовъ. Господарю и панамъ-радѣ всѣ эти лица были и подсудны по должностнымъ упущеніямъ и злоупотребленіямъ. Старосты, державцы и тивуны, заявившіе себя «шкодниками» и «роспрошителями» господарскихъ «пожитковъ», судились господаремъ и лишались своихъ мѣстъ по приговору пановъ-рады [373]); арендаторы мытъ, корчомъ и другихъ доходныхъ статей, собиравшіе доходы не по уставѣ, по жалобамъ на нихъ частныхъ лицъ судились господаремъ единолично [374]) или съ панами-радою [375]), или, наконецъ, одними панами-радою «по комисеи» отъ господаря [376]). Когда должность подскарбія земскаго получилъ (въ 1530 г.) писарь Ивашко Горностай, Сигизмундъ по особому довѣрію къ его уму распорядительности и радѣнію о государственныхъ интересахъ, сталъ поручать ему судъ надъ арендаторами государственныхъ доходовъ въ свое отсутствіе [377]) и выдачу на нихъ кви-

---

[372]) Акты Зап. Рос. II, № 149. II: Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 540—542; XXI, л. 1, 2, 81, 82; Судныхъ дѣлъ IV, л. 295, 311, 333, 339—340, 346—347.

[373]) См. земскіе привилеи 1492 и 1506 г.

[374]) Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, томъ I, № 14, 47, 53, 81, 108, 109; Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 81, 93.

[375]) Документы и регесты т. I, № 130.

[376]) Тамъ же, № 134, 135.

[377]) Тамъ же, № 142.

товъ [378]). Поэтому и въ арендныхъ листахъ короля стало содержаться предписаніе мытникамъ, чтобы они были послушны пану подскарбію [379]) и выдавали деньги на квитаціи за его подписью [380]). Но это подчиненіе продолжалось сравнительно не долго: въ концѣ 1536 года Сигизмундъ отдалъ всѣ мытныя коморы въ завѣдыванье женѣ своей, королевѣ Бонѣ, а та съ своей стороны пораздала ихъ дворянамъ «къ верной руце» [381]). Эти агенты королевы Боны, разумѣется, уже подчинялись непосредственно ей, а не подскарбію земскому великаго княжества.

Подведя итогъ всему, что сказано выше, приходимъ къ заключенію, что въ разсматриваемое время, помимо господаря и пановъ-рады, не создалось еще никакого другого постояннаго органа для центральнаго управленія финансовою частью Литовско-Русскаго государства. Подскарбій земскій въ разсматриваемое время не былъ министромъ финансовъ, а только главнымъ казначеемъ при центральной государственной кассѣ, куда поступали изъ мѣстныхъ кассъ всѣ средства, не израсходованныя на мѣстѣ. Его функціи состояли въ пріемѣ этихъ остатковъ, въ выдачѣ ихъ по приказанью господаря или пановъ-рады и веденію кассовой отчетности. Подскарбій, принимая деньги или вещи, выдавалъ лицу, доставившему ихъ, росписку или «вызнанье» въ полученіи, которое тѣмъ и предъявлялось при сдачѣ отчета господарю или лицамъ, на то уполномоченнымъ отъ господаря. Выдачи изъ скарба денегъ и вещей подскарбій производилъ или «на устное росказанье» господаря или пановъ-рады, но чаще всего на «листы» и «квиты», взятые получателемъ отъ великокняжескихъ писарей. Реестръ сдѣланнымъ расходамъ вмѣстѣ съ листами и квитами подскарбій предъявлялъ при сдачѣ «личбы» господарю и панамъ-радѣ, какъ оправдательные документы, при чемъ писарь результатъ личбы вносилъ въ книгу Метрики [382]). Кассовыя вѣдомости скарба велъ особый *скарбный писарь*,

---

[378]) Тамъ же. № 82.

[379]) Тамъ же, № 141.

[380]) Тамъ же, № 142.

[381]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 12—14.

[382]) «Какъ вжо мы сели господаремъ на великомъ князьствѣ Литовскомъ,— гласитъ запись Сигизмунда—отъ 4 января 1508 г.,—ино отъ тыхъ местъ и до сихъ часовъ, *што пришло до него до скарбу нашого* (до подскарбія Θедка Хребтовича) пенязей восковыхъ, соляныхъ, серебщиныхъ и иныхъ, со всего съ того онъ намъ личбу выдавши, и назвышъ того положилъ передъ нами на личбе, што бралъ въ долгъ на свои руки *зъ нашого росказанья* и на погребъ тела брата нашого

сегда находившійся при скарбѣ. Такимъ писаремъ былъ, напр., при Сигизмундѣ Мановскій Ѳедоровичъ, «справца коморы восковое Виленское». Писаремъ скарбнымъ его опредѣлилъ подскарбій Богушъ Боговитиновичъ и поручилъ ему «яко приходы, такъ и росходы скарбу... на реистра записывати». Мановскій оставался въ должности писаря скарбнаго и справцы коморы Виленской и при преемникѣ Богуша— Горностаѣ, при чемъ за свой трудъ получалъ изъ скарба «врочистый

лександра короля и великого князя его милости и тежъ ку потребе земской готовыми пенязьми и оксамиты, отласы и одамашки и сукны и иными речми, того всего абралъ за тисечу копъ безъ тридцати и безъ трехъ копъ грошей». (Литов. Метр. н. Запис. VIII, л. 97, 98). 20 октября 1511 г. король съ панами радою на еймѣ въ Берестьѣ принималъ личбу отъ подскарбія земского Аврама «у великой ѣтлици». Результатъ личбы: «И онъ вси тые пенези до того дня, до светого рантишка, роздалъ *на листы и на устное росказанье* нашо княземъ и паномъ, служебнымъ, и дворяномъ нашомъ и на иные потребы наши; и назвышъ того тали есмо ещо ему винни семъ тисечъ копъ грошей и двадцать копъ грошей». еньги получались подскарбіемъ съ «мынцы» и мытныхъ коморъ восковыхъ и соляыхъ: Ковенской, Виленской, Полоцкой, Смоленской. Берестейской, Владимірской, ѣльской, а также съ корчомъ и другихъ источниковъ (Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 116). 20 мая 1535 года подскарбій земскій Иванъ Горностай сдавалъ годарю отчетъ въ израсходованіи серебщинныхъ пенязей, собранныхъ бирчими земскими паномъ Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ и писаремъ Павломъ Нарушевичемъ на основаніи «ухвалы» Виленскаго сейма 1534 г. и переданныхъ ими одскарбію въ суммѣ 26345 копъ грошей. «Гдѣ жъ онъ,—гласитъ запись Метрики,—съ тыхъ всихъ пенязей, што кому выдалъ на росказанье нашо яко на двоянъ пеняжныхъ и на служебныхъ жолнерей и на иныи многии росходы, што *въ реистрехъ* своихъ ясьне оказалъ, и водле тыхъ реистровъ своихъ личбу онымъ пеняземъ всимъ... передъ нами вчынилъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200). См. Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 189; Акты Зап. Рос. II, № 220. Эти скарбные реестры послѣ сдачи отчета, очевидно, становились уже ненужными, а потому и не сохранялись такъ тщательно, какъ, напр., книги Метрики, а быть можетъ даже прямо уничтожались. Этимъ, по всей вѣроятности, и объясняется малочисленность дошедшихъ до насъ приходо-расходныхъ записей скарба, на которую жалуется г. Довнаръ-Запольскій (Литовскіе упоминки, стр. 1). Напечатанная имъ приходо-расходная запись скарбнаго сохранилась потому, что она внесена была въ книги Метрики для руководства прецедентами на будущее время при разсылкѣ упоминковъ татарамъ. Другія приходо-расходныя записи, сохранившіяся въ книгахъ Метрики,—вовсе не кассовыя вѣдомости скарба, какъ склоненъ думать г. Довнаръ-Запольскій, а записи доходовъ, принятыхъ черезъ посредство чиновъ канцеляріи, и расходовъ, сдѣланныхъ черезъ нихъ же наличностью и «на квитанцеяхъ».

платъ» сначала по 80 копъ грошей въ годъ, а потомъ по 60 копъ и сукна для себя и слугъ [383]). Повидимому, такіе скарбные писари существовали и ранѣе при подскарбіяхъ земскихъ [384]). Кромѣ писаря скарбнаго въ Вильнѣ, въ качествѣ помощника при подскарбіи земскомъ состоялъ *скарбный*, хранитель той кладовой скарба, которая находилась въ крѣпкомъ Троцкомъ замкѣ [385]). Этотъ скарбный, по противоположенію съ Виленскимъ помощникомъ подскарбія, въ актахъ называется иногда, хотя и не всегда, скарбнымъ Троцкимъ [386]). Его обязанностью было хранить порученныя ему цѣнности и выдавать ихъ по устному или письменному приказу подскарбія земскаго, а также, конечно, и вести приходо-расходные «реистры» по своей кладовой [387]).

Итакъ, роль подскарбія земскаго въ финансовомъ управленіи Литовско-Русскаго государства въ разсматриваемое время была незначительная. Въ этомъ отношеніи, не говоря уже о господарѣ и радѣ великаго княжества, его по временамъ затмѣвалъ собою даже канцлеръ великаго княжества. Вотъ, напр., характерный въ этомъ отношеніи фактъ. Въ 1520 году произошли нѣкоторыя измѣненія во внѣшней торговлѣ великаго княжества вслѣдствіе войны съ Пруссіею: соль и другіе товары, которые прежде шли изъ-за границы на Ковно и здѣсь облагались пошлиною, повернулись на Бугъ и Наревъ и пошли въ

---

[383]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 73.

[384]) Этотъ скарбный писарь, очевидно, и составлялъ тотъ реестръ, который напечаталъ г. Довнаръ-Запольскій (Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ). Изъ этого реестра видно, что, когда писарь уѣзжалъ изъ Вильны, писарь иногда по его приказанію, выдавалъ изъ скарба разныя вещи (стр. 81).

[385]) *С. Л. Пташицкаго* Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, стр. 4.

[386]) Просто скарбный—на л. 35 и 69 книги Запис. IV; скарбный Троцкій—Литовскіе упоминки, стр. 71; кн. Запис. VIII, л. 319. *Bonieckiego* Poczet rodów, spis dygnitarzy, str. XXIV.

[387]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 9. Г. Довнаръ-Запольскій въ предисловіи къ напечатанному имъ скарбовому реестру высказалъ утвержденіе, что во время передвиженій господаря передвигался за нимъ и скарбъ, изъ котораго производились выдачи. Что часть скарба слѣдовала за господаремъ для текущихъ расходовъ, это несомнѣнно, и на это имѣются указанія въ самомъ документѣ, напечатанномъ г. Довнаръ-Запольскимъ (Литовскіе упоминки, стр. 81). Но совершенно невѣроятно, чтобы двигался за господаремъ весь скарбъ, и чтобы онъ не имѣлъ, такимъ образомъ, постояннаго мѣстопребыванія. Скарбъ несомнѣнно находился постоянно въ Трокахъ и въ Вильнѣ, а отсюда, по мѣрѣ надобности, и посылались къ господарю и подскарбію деньги и вещи (Литовскіе упоминки, стр. 81).

великое княжество черезъ Подляшье; равно такъ же и воскъ, шедшій изъ великаго княжества за границу черезъ Ковно и здѣсь облагавшійся вывозною пошлиною, направился другими путями за границу. Чтобы не лишиться тѣхъ доходовъ, которые получались прежде съ Ковенскихъ мытныхъ «коморъ», Сигизмундъ позаботился объ учрежденіи новыхъ мытныхъ коморъ на Подляшьѣ. Онъ поручилъ временно собирать мыто съ соли, воска и другихъ товаровъ въ Техоновцѣ и Высокомъ земянину Миклашу Скирвину и мѣщанину Бѣльскому Іонѣ Сегеневичу, а въ Тыкотинѣ—дворянину Ленарту Косинскому и мѣщанину Бѣльскому Ивану Сегеневичу, придавъ имъ на помощь своихъ дворянъ для преслѣдованія контрабанды. Но затѣмъ онъ счелъ болѣе удобнымъ передать коморы Подляшскія въ завѣдываніе одному лицу, приставивши къ нему дьяка или двухъ. Это окончательное устройство таможеннаго дѣла на Подляшьѣ король поручилъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича, который, какъ канцлеръ, по заявленію короля, имѣлъ «повинность тыхъ доходовъ нашихъ господарскихъ и земскихъ стеречы». По приказанію короля канцлеръ долженъ былъ пригласить къ себѣ подскарбія земскаго пана Богуша Боговитиновича и вмѣстѣ съ нимъ выбрать одного или двухъ грамотныхъ дворянъ и приставить ихъ къ Ганусу Судорману для помощи по сбору мытъ на Подляшьѣ, давъ имъ предварительную инструкцію о порядкѣ сбора и храненія таможенныхъ пошлинъ и уполномочивъ ихъ устанавливать въ подходящихъ мѣстахъ коморы для сбора пошлинъ съ воска, съ общимъ наказомъ «пильне» стеречь господарскіе доходы. Король мотивировалъ свой приказъ канцлеру тѣмъ, что «ничія иная речь того смотрети, только твоее милости, канцлера нашого, а наболѣй безъ небытности нашой у великомъ князьствѣ Литовскомъ». Король просилъ канцлера приложить все стараніе къ устройству таможеннаго дѣла на Подляшьѣ и извѣщалъ, что Судорману приказано въ томъ во всемъ быть послушнымъ канцлеру. Листъ короля заканчивался порученіемъ канцлеру принять отчетъ отъ временныхъ мытниковъ, установленныхъ королемъ, и передать собранныя ими деньги въ скарбъ; этотъ отчетъ канцлеръ долженъ былъ принять, призвавъ къ себѣ подскарбія земскаго [388]). Въ качествѣ главнаго послѣ короля лица, которому подвѣдомственно было таможенное дѣло, канцлеръ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ (1522—1539) по уполномочію короля или пановъ-рады судилъ мытниковъ въ ихъ заимныхъ тяжбахъ другъ съ дру-

[388]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 32.

гомъ [389]); ему же король отдавалъ въ присудъ мытниковъ по жалобамъ на нихъ частныхъ лицъ[390]) и т. д. Болѣе значительную роль сталъ играть подскарбій земскій съ того времени, какъ эту должность принялъ маршалокъ и писарь Иванъ Горностай (съ 1530 г.). Ему, какъ выше было уже указано, король сталъ отдавать въ «послушенство» и присудъ мытниковъ; только ему одному сталъ предоставлять право дѣлать распоряженія о выдачѣ денегъ изъ центральной и мѣстныхъ кассъ [391]). Но это возвышеніе пока еще было болѣе личнаго, чѣмъ должностного характера. Король сталъ облекать подскарбія земскаго такими высокими полномочіями болѣе по особому къ нему довѣрію и расположенію, чѣмъ во вниманіе къ его должности [392]). Должностное возвышеніе

---

[389]) Документы и регесты по исторіи литовскихъ евреевъ, т. I. № 103, 120, 121.

[390]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 192.

[391]) Документы и регесты, томъ I, № 142, Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, листъ 9.

[392]) Какимъ довѣріемъ пользовался Горностай у короля Сигизмунда, объ этомъ ясное представленіе можно получить хотя бы изъ слѣдующей записи Литовской Метрики: «По Божемъ Нароженью на завтрее у пятницу месеца декабра 26 дня (1539 года) отправенъ коморникъ Стретъ Солтановичъ зъ листы до пановъ великого князства въ тыхъ речахъ: напервей, о послецохъ Нагайскихъ и о князя Бельского, и тежъ о гонцахъ Перекопскихъ, съ чымъ они приходили (и ярлыки до пановъ радъ посланы),—абы ихъ милость въ томъ во всемъ пораду и вмыслъ свой до короля его милости отписали, што бы ся ихъ милости въ томъ видело. *А особливе тая вся речь на пана Горностая подскарбею уложена*, абы онъ у пана воеводы Виленского былъ и около тыхъ всихъ речей зъ его милостью намовилъ и достаточную пораду въ томъ отъ его милости взялъ, а къ тому, жебы тежъ и иншихъ пановъ радъ обослалъ и на одно местцо звелъ и такъ жо въ томъ во всемъ обмову зъ ихъ милостью учинилъ, абы ихъ милость вотумы и зданье свое, што ся имъ въ томъ будеть видети, до короля его милости не мешкая отписали, што жъ за пильностью пана подскарбего маеть ся справити»... «А потомъ по выеханью оного гонца, у неделю, отправленъ тежъ коморникъ Яско Коробчичъ до пана подскарбего въ Инфлянтскихъ речахъ, которая справа, вся зряжоная, первей была послана до пана воеводы Виленского. Ино, кгды тая весть до господаря его милости пришла, же пана воеводы Виленского въ животе не стало, тогды его милость король, обовяючы ся того, же бы оная справа чимъ не змешкала, рачилъ его милость то на пана подскарбего узложити и велелъ оную отправу, естли будетъ панъ воевода за живота своего то не отправилъ, до себе взяти и оные листы того жъ часу отослати до тыхъ, кому они служать, и комисаремъ на страву подавати и тую всю речь водлугъ потребы отправити такъ, яко и панъ воевода Виленскій мелъ то отправити». (Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 170, 171). Изъ этого видно, что

подскарбія земскаго, превращеніе его въ настоящаго министра финансовъ, имѣло мѣсто въ послѣдующее время, при Сигизмундѣ-Августѣ, и стояло въ связи съ общими финансовыми преобразованіями, совершенными при этомъ государѣ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. До Сигизмунда же Августа такого органа не выдѣлялось еще въ центральномъ управленіи Литовско-Русскаго государства. Финансовою частью завѣдывалъ самъ господарь съ панами-радою, прибѣгая въ частныхъ случаяхъ къ назначенію разныхъ коммиссій или передавая отдѣльныя полномочія разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и подскарбію земскому, который собственно былъ только казначеемъ при центральной государственной кассѣ.

§ 6.

Органомъ центральнаго управленія не былъ и *гетманъ наивысшій* великаго княжества Литовскаго. Военною частью такъ же, какъ и финансовою, въ разсматриваемое время завѣдывалъ въ центрѣ государства господарь съ панами-радою. Господарь и паны-рада заботились о комплектованіи арміи [393]), обращаясь къ сейму въ особо важныхъ случаяхъ, когда надо было увеличивать военную повинность шляхты или облагать ее новыми налогами на содержаніе «служебныхъ» [394]). По

Горностай по смерти Альбрехта Мартиновича Гаштольда сдѣлался «справцею» не только воеводства Виленскаго, но и канцлерства (срав. Senatorowie i dygnitarze, str. 73). Если Сигизмундъ возлагалъ на него уже такія порученія, какъ сборъ пановъ-рады и переговоры съ ними о политическихъ дѣлахъ (очевидно, канцлеръ Гаштольдъ былъ въ то время уже боленъ), посылку комиссаровъ для разбора пограничныхъ столкновеній, тѣмъ болѣе онъ могъ поручать ему такія дѣла, какъ судъ надъ мытниками и выдачу «квитовъ» на мѣстныя кассы. Возвышеніе Горностая въ качествѣ подскарбія земскаго, вѣроятно, не осталось безъ вліянія и на положеніе его преемниковъ, какъ извѣстнаго рода прецедентъ. Всматриваясь въ причины этого возвышенія, открываемъ, что, кромѣ личныхъ свойствъ Горностая, этому несомнѣнно способствовало и соединеніе съ должностью подскарбія писарской должности, начавшееся еще при предшественникѣ Горностая—Богушѣ Боговитиновичѣ. Въ подскарбіе земскіе сталъ назначаться одинъ изъ писарей великокняжеской канцеляріи, и это продолжалось и послѣ Горностая. Такой подскарбій естественно сталъ чаще бывать при господарѣ, чѣмъ подскарбіе временъ Казимира и Александра, гораздо болѣе ихъ находиться въ курсѣ финансовыхъ дѣлъ и общаго управленія. Это обстоятельство облегчило превращеніе подскарбія изъ казначея въ министра финансовъ, что произошло при Сигизмундѣ-Августѣ подъ вліяніемъ новаго направленія въ государственномъ хозяйствѣ великаго княжества Литовскаго.

[393]) См. выше, стр. 196.

[394]) См. выше, стр. 198.

ихъ порученію разныя лица вербовали «служебныхъ» на военную службу [395]). Господарь и паны-рада распоряжались и выдачею «заслужоного» этимъ наемнымъ войскамъ [396]). Кромѣ того, господарь совмѣстно съ панами-радою раздавалъ на военную службу земли разнымъ лицамъ, переводилъ на военную службу съ тяглой или подтверждалъ распоряженія касательно этого, сдѣланныя мѣстными правителями—воеводами, старостами и державцами, или намѣстниками [397]). Отъ господаря и пановъ-рады непосредственно выходили распоряженія о мобилизаціи военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества [398]) о ремонтѣ укрѣпленій, о снабженіи ихъ боевыми и съѣстными припасами [399]), о переписи имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе исправнаго и равномѣрнаго отбыванія военной повинности [400]) и т. д. Все письменное дѣлопроизводство по этой части велось чинами государственной канцеляріи великаго княжества, въ архивѣ которой—скарбѣ хранились и всѣ нужные документы, какъ-то: «реестры попису» военнослужилыхъ землевладѣльцевъ [401]), копіи военныхъ листовъ, разосланныхъ по великому княжеству и разныхъ другихъ указовъ господаря и пановъ-рады, привилеевъ на имѣнья, полученныя на военную службу и т. д. Гетманъ наивысшій великаго княжества Литовскаго принималъ во всемъ этомъ участіе только, какъ членъ великокняжеской рады, и не болѣе, чѣмъ и всякой другой панъ-радный. Его роль собственно гетманская начиналась въ сборномъ пунктѣ, гдѣ подъ его команду становилось земское ополченіе великаго княжества, продолжалась затѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и оканчива-

---

[395]) См. выше, стр. 175, 200, 201, 207.

[396]) См. выше, стр. 203, 221; Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 14, 45, 60, 62; Запис. XXIII, л. 32; Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 77, 89.

[397]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 343—346, 601—604, 856—861; Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 102, 103; XXIV, л. 117, 118 и др.

[398]) Акты Зап. Рос. II, № 88, 129, 173; Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 258—260; XXIII, л. 54, 56, 84—89; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 275—276; VII, л. 9, 10; VIII, л. 49, 50, 115, 167—169, 242—245; Archiwum Sanguszków IV, № CXXIV, CXXVII, CLIV, CLIX, CLXXI, CCXXIX—CCXXXV, CCLXXXVIII—CCXC, CCXC, CCCXIII—CCCXV.

[399]) См. выше, стр. 216, 219, 237. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 523, 525.

[400]) См. выше, стр. 179, 184.

[401]) См. выше, стр. 293.

лась съ прекращеніемъ войны и съ распущеніемъ войска. Гетманъ вступалъ въ свои права съ того дня, который былъ назначенъ для сбора подъ хоругвью земскою всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Этимъ военнослужилымъ землевладѣльцамъ гетманъ прежде всего дѣлалъ смотръ и перепись, кто явился и съ какимъ «почтомъ» слугъ и на какихъ коняхъ [402]). Гетманскій реестръ служилъ потомъ справочнымъ документомъ при наложеніи наказанія на тѣхъ, кто опоздалъ явкою на службу или не явился вовсе безъ уважительныхъ причинъ, или былъ на службѣ «не водле ухвалы земское», т. е. не съ надлежащимъ «почтомъ» [403]). Это наказаніе налагалось господаремъ и панами-радою по закону или,—въ экстренныхъ случаяхъ,—по особому соглашенію господаря и пановъ-рады [404]), или «водлугъ ухвалы земское [405]). До сдачи господарю и панамъ-радѣ гетманскій реестръ служилъ для гетмана средствомъ повѣрять наличность служилыхъ людей и отмѣчать тѣхъ, кто «по шихованью и полису» самовольно уѣхалъ со службы. Общая повѣрка производилась гетманомъ при роспускѣ войска, когда снова составлялся реестръ всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, остававшихся при гетманѣ [406]). Обо всѣхъ, самовольно оставившихъ службу, гетманъ докладывалъ господарю для наложенія на нихъ кары [407]). Гетману предоставлялось тѣхъ лицъ, которые оказались больными на предварительномъ смотру («на шиху») или позже, отпускать домой, оставляя слугъ ихъ въ войскѣ [408]), а также разрѣшать здоровымъ военнослужилымъ людямъ ставить вмѣсто себя неотдѣленныхъ сыновей, если гетманъ найдетъ ихъ годными къ службѣ [409]). О всѣхъ, выказавшихъ особое рвеніе къ службѣ и храбрость, гетману предоставлялось писать къ господарю для раздачи имъ наградъ [410]). Какъ главному военачальнику, гетману во время похода давалась большая власть. Всѣ, находившіеся подъ его

---

[402]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 1, 4: Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75, 76.

[403]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 1, 7; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76.

[404]) См. выше, стр. 216; Литов. Метр. кн. Записей XIX, л. 258—260.

[405]) См. выше, стр. 179, 180, 198, 199, 226.

[406]) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 9.

[407]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; Судныхъ дѣлъ II, л. 275, 276.

[408]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 5, 11.

[409]) Тамъ же, арт. 6.

[410]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75, 76.

командою, безъ различія званія: воеводы, князья, паны, старосты, намѣстники, тивуны, дворяне и все рыцарство-шляхта должны были слушаться его такъ же, какъ самого господаря, все время, «пока войско... того лета будетъ въ поли». Непослушныхъ и виновныхъ въ нарушеніи военной дисциплины гетманъ имѣлъ право карать «шиею або вязеньствомъ», кто чего заслужилъ, руководствуясь при этомъ особою «уставою», которую давали ему господарь и паны-рада, снаряжая его въ походъ. Гетману принадлежалъ судъ надъ всѣми, состоявшими подъ его командою, по жалобамъ ихъ другъ на друга и по жалобамъ на нихъ со стороны мѣстныхъ обывателей, при чемъ въ пользу его шли судебныя пени («вины») [411]). Кромѣ этого дохода, гетманъ собиралъ деньги со всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ «отъ пописа», за работу писаря (по статуту 1529 года не болѣе полугроша съ коня) [412]). Наконецъ, по свидѣтельству акта 1567 г., существовалъ «обычай, здавна звыклый»—давать гетману «на выправу военную» 1000 копъ грошей, шесть поставовъ сукна «люньского» и аксамиту «на шату» [413]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда должность гетмана оставалась незамѣщенною, гетмана наивысшаго замѣщалъ *гетманъ дворный, или польный*. Такъ было, напр., въ то время, когда гетманъ наивысшій князь Константинъ Ивановичъ находился въ плѣну; въ это время его замѣнялъ гетманъ польный, или обозный, Станиславъ Петровичъ Кишка, пользовавшійся тѣми же правами и полномочіями, какъ и гетманъ наивысшій [414]).

Въ войскѣ при гетманѣ всегда находился *хоружій земскій* съ хоругвью земскою [415]). Въ пользу этого хоружаго шла часть дани съ нѣкоторыхъ Поднѣпрскихъ волостей, напр., съ Бобруйской [416]). Хору-

---

[411]) Zbiór praw litewskich, str. 115—117; Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 228—229.

[412]) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 9.

[413]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LII, л. 126, 127.

[414]) Акты Зап. Рос. II, № 25.

[415]) Въ привилеѣ, выданномъ 1 сентября 1544 года дворянину Миколаю Третьяку на хоружство земское за его «верные, пильные и цнотливые заслуги» по званію дворянина, читаемъ: «маетъ онъ хоруговъ земскую великого князства Литовского въ себе мети и завжды у войску съ хоруговью земскою при гетмане нашомъ великомъ быти и его справовати, а намъ господару своему верне а справедливе служыти; а доходы и пожытки всякие маетъ сполна выбирати потому, яко и первыи хоружыи нашы земскии бирали» (Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 232).

[416]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 34.

кія земскаго во время его отсутствія замѣнялъ *хоружій дворный*. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстояло дѣло въ Польшѣ, откуда была заимствована эта должность.

Итакъ, гетманъ наивысшій великаго княжества Литовскаго былъ обственно фельдмаршаломъ, который пользовался властью только во ремя похода, и не былъ начальникомъ военнаго вѣдомства, военнымъ инистромъ. Только позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, гетманъ сталъ олѣе, чѣмъ фельдмаршаломъ. Затянувшаяся Ливонская война потреовала отъ гетмана дѣятельнаго участія въ комплектованіи арміи, коорою онъ командовалъ, въ снабженіи ея жизненными средствами, въ аспоряженіи ея бюджетомъ, и гетманъ, оставаясь фельдмаршаломъ, въ о же время сталъ отправлять нѣкоторыя функціи военнаго министра. Io фактъ этотъ опредѣлился уже незадолго до Люблинской уніи.

Нельзя считать органомъ центральнаго управленія и *маршалка емскаго* великаго княжества Литовскаго. Довольно значительная власть, которою пользовался этотъ урядникъ, не шла однако, далѣе того мѣста, гдѣ въ данное время пребывалъ государь, такъ что въ этомъ смыслѣ маршалка земскаго можно считать органомъ мѣстнаго, а не центральнаго управленія. Въ чемъ состояла эта должность, объ этомъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ опредѣленія ея, даннаго на Петрковскомъ сеймѣ 1504 года въ Польшѣ, откуда этотъ урядъ былъ заимствованъ литовскимъ дворомъ. Согласно этому опредѣленію, маршалокъ земскій былъ блюстителемъ порядка и этикета при дворѣ и начальникомъ дворянъ (omnium ceremoniarum et curiensium magister). Онъ устанавливалъ этотъ порядокъ, издавая съ соизволенія короля соотвѣтствующія обязательныя постановленія, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы этотъ порядокъ соблюдался во всѣхъ помѣщеніяхъ и службахъ королевской квартиры и наказывалъ за его нарушеніе. Маршалокъ земскій устанавливалъ таксу на всѣ съѣстные припасы, привозившіеся на продажу въ мѣстопребываніе короля, и собиралъ съ продавцевъ торговыя пошлины. На обязанности его лежало принимать всѣхъ гостей, пріѣхавшихъ къ королю, и пановъ-радныхъ и предварительно выслушивать ихъ для доклада королю, дабы король могъ почтить каждаго по достоинству. Маршалокъ земскій набиралъ королевскихъ дворянъ, расплачивался съ ними и велъ имъ реестръ, отмѣчалъ прилежныхъ и нерадивыхъ, устранялъ дурныхъ и непослушныхъ. Въ отсутствіе маршалка земскаго во всѣ права его и обязанности вступалъ *маршалокъ дворный*. Вслѣдствіе этого конституція 1504 года предписывала маршалку земскому при отправленіи своей должности приглашать къ себѣ всегда маршалка дворнаго (разумѣется, если

онъ находился при дворѣ), чтобъ этотъ послѣдній былъ всегда въ курсѣ дѣлъ и, заступая маршалка земскаго, дѣйствовалъ послѣдовательно и согласно съ его распоряженіями [417]). Всѣ свѣдѣнія, какія даютъ намъ источники о маршалкахъ земскомъ и дворномъ великаго княжества Литовскаго, въ общемъ согласуются съ только что приведеннымъ опредѣленіемъ этихъ должностей въ Польшѣ. Такимъ образомъ оказывается, напр., что маршалокъ земскій отводилъ квартиры (ставилъ на постой къ обывателямъ) посламъ, гостямъ, панамъ-раднымъ, прибывавшимъ къ господарю, и господарскимъ дворянамъ, находившимся при господарѣ [418]). Тоже самое дѣлалъ и маршалокъ дворный, какъ это видно, напр., изъ привилея, выданнаго 9 августа 1527 года мѣщанину Виленскому Ивану Семеновичу на освобожденіе его дома отъ постоя: «не маютъ маршалкове наши земскии и дворныи и иныи врядники нашы князей и пановъ и дворянъ и бояръ нашихъ и слугъ своихъ и пословъ въ томъ дому его становити... вечне» [419]). Эта фраза наводитъ на мысль, что маршалки земскій и дворный уже въ разсматриваемое время размѣщали по квартирамъ лицъ всѣхъ «становъ», съѣхавшихся на сеймъ, какъ это дѣлали они при Сигизмундѣ-Августѣ [420]). Мар-

---

[417]) Volumina legum I, p. 135.

[418]) Маршалокъ земскій Янъ Яновичъ Заберезинскій поставилъ на квартиру къ бурмистру Виленскому Андрею Великой Головѣ московскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ 1527 г., въ то самое помѣщеніе, гдѣ жилъ самъ бурмистръ, при чемъ «жону его и дети изъ дому выпудили и шкоду ему въ дому его и легкость самому не малую вчинили». Между тѣмъ бурмистръ имѣлъ еще отъ короля Казимира привилей, подтвержденный и его преемниками,—«ижъ жаденъ панъ ани дворанинъ нашъ, ани гость, ани который посолъ въ его домехъ, которые онъ маетъ въ месте нашомъ Виленьскомъ, становитися не маютъ». По жалобѣ бурмистра король подтвердилъ маршалку земскому: «абы твоя милость впередъ въ домехъ его въ месте Виленьскомъ жадныхъ пановъ и дворанъ ани которыхъ гостей и пословъ становити не казалъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 23).

[419]) Этотъ привилей выданъ мѣщанину по его челобитью, въ которомъ онъ «поведилъ, ижъ онъ человекъ купецкий а ездитъ съ куплями частокроть по ярмаркамъ, ино деи въ небытности его и при немъ самомъ многии князи и панове и дворане наши хотятъ въ дому его, где онъ самъ мешкаетъ, становитися, для чого жъ онъ, коли отъедетъ, небезпечонъ товаровъ и статковъ своихъ». Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 152.

[420]) Въ привилеѣ, выданномъ 6 марта 1556 г. мѣщанину Виленскому Васку Нефедьевичу Русину на «вызволенье» его дома отъ постоя до живота его самого, жены и сыновей его, читаемъ между прочимъ: «И вжо отъ того часу панове *маршалкове земские и дворные* и тежъ становничие наши дворные польские и литов-

повинностей) и дякла и предоставилъ имъ «однымъ конемъ на войну ходить, какъ и иншии бояре ходятъ»[9]). Онъ же освободилъ отъ тяглой службы предковъ нѣкоторыхъ Жорославскихъ бояръ Городенскаго повѣта и велѣлъ имъ служить военною службою вмѣстѣ съ другими боярами Городенскими[10]). Великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ во время своего похода къ Брянску вызволилъ съ тяглой службы предка нѣкоего Яна Ганцевича и велѣлъ ему «боярскою службою служити»[11]). Переводъ съ тяглыхъ и другихъ службъ совершался иногда по иниціативѣ самихъ «людей». Такимъ образомъ, напр., въ 1514 году королю Сигизмунду билъ челомъ слуга съ Кіева Лавринъ Станкевичъ и просилъ короля вызволить его отца и братьевъ отъ тяглой службы, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «они дей люди достаточныи, могуть... гораздо службу земскую заступовати». Король исполнилъ эту просьбу, вызволилъ Станька и его сыновей Янка и Мартина отъ трехъ тяглыхъ службъ, отпустилъ имъ дякла и всѣ «дачки», которыя они давали господарю и его урядникамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они заступали земскую службу «у трехъ зброяхъ» и имѣли коней, «зброи и брони такъ достаточне, какъ и инымъ подданымъ нашимъ шляхтѣ росказали есмо къ службе нашой достаточне ся мети»[12]). Въ 1541 году тому же королю Сигизмунду билъ челомъ сокольникъ Сташко Тузиковичъ, прося вызволить его отъ службы сокольницкой и дать ему земли, коими онъ владѣетъ въ волости двора Пенянскаго, «на службу боярскую земскую». По справкѣ, данной державцею Пенянскимъ, что это двору господарскому не будетъ «шкодно», король перевелъ просителя на военную земскую службу, обязывая отправлять ее такъ, «яко иншие бояре наши намъ служать», и добавляя: «а иншыхъ служобъ служыти и никоторыхъ подачокъ онъ самъ и его потомки давати не маютъ»[13]). Достаточные люди изъ податныхъ классовъ переводились на боярскую службу не только господаремъ, но и мѣстными правителями, напр., Жмудскими старостами, у которыхъ они «вкупались на боярство»[14]). Всѣ эти лица, служившіе вмѣстѣ съ боя-

---

[9]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 331, 332.

[10]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209, 210.

[11]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

[12]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 218.

[13]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 117, 118.

[14]) Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 53.

рами, и слыли обыкновенно за бояръ [15]), хотя и не приравнивались къ настоящимъ извѣчнымъ боярамъ, благороднымъ людямъ. Поэтому, напр., когда вышеупомянутый Янъ Ганцевичъ захотѣлъ получить съ прибившаго его боярина Михайла Рымковича «шляхетское безчестье», т. е. 12 рублей грошей, на томъ основаніи, что великій князь Сигизмундъ вызволилъ его предка отъ тяглой службы и велѣлъ ему служить боярскою службою, король Сигизмундъ, разбиравшій его жалобу, отказалъ ему въ искѣ—на томъ основаніи, что хотя великій князь Сигизмундъ и велѣлъ его предку служить боярскою службою, но шляхетства ему не далъ. Поэтому король присудилъ Яну Ганцевичу безчестье «какъ которому путному слугѣ», т. е. рубль грошей [16]). Если къ исконнымъ боярамъ не приравнивались бояре, переведенные съ тяглой на боярскую службу самимъ господаремъ, тѣмъ болѣе не признавались въ боярскомъ «станѣ» люди, обояривщіеся черезъ мѣстныхъ правителей, воеводъ и старостъ. Поэтому и по уставѣ 1557 года шляхтичами, настоящими боярами, въ Жмудской землѣ признаны были лишь тѣ, кто былъ въ этомъ «станѣ» «за староства пана Станислава Яновича, рекомого Кезкгайла, и за сына его пана Станислава Станиславовича (1486—1532), а тѣ, которые сдѣлались боярами по смерти ихъ «за вкупы своими», не были признаны «ровного права зъ шляхтою» [17]). Благодаря тому, что не всѣ, носившіе имя бояръ, считались настоящими боярами, благородными людьми, мы встрѣчаемъ въ актахъ случаи *возведенія въ шляхетство бояръ*. Такой случай имѣлъ, напр., мѣсто въ 1529 г. 9 сентября на великомъ Виленскомъ сеймѣ: король Сигизмундъ зачислилъ въ шляхту боярина Курклевского повѣта Миколая Кгайдомовича и далъ ему «знамя шляхетское», т. е. гербъ, освободивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ, «отъ всихъ особливыхъ послугъ, подачокъ и обтяжливости, которыи кольвекъ на него часу нешляхетства на него належали» [18]).

Итакъ, боярское званіе сверхъ благородныхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, съ незапамятныхъ временъ бывшихъ боярами, носили и простые люди, освобожденные отъ «дачокъ» и «тяглей» и обложенные военною повинностью. Сближеніе благородныхъ военнослужилыхъ людей съ «простыми» совершалось и обратнымъ путемъ, т. е.

---

[15]) Потомки вышеупомянутаго Крупоса именовались боярами Круповичами и служили военную службу подъ хоругвью Радуньскаго повѣта.

[16]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

[17]) Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 53.

[18]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 142—145.

когда число ихъ превышало въ данный моментъ потребности двора, или когда господарь уѣзжалъ въ Польшу, дворянъ разсылали на «лежи» по господарскимъ дворамъ, гдѣ имъ отводилась квартира и выдавался кормъ имъ самимъ и ихъ конямъ. Нѣкоторымъ дворянамъ за особыя заслуги давалось ежегодное жалованье изъ скарба [430]). Дворяне состояли при господарскомъ дворѣ для исполненія разныхъ порученій господаря и пановъ-рады. Ихъ разсылали по областямъ съ военными листами, соймовыми и серебщинными, посылали къ отдѣльнымъ лицамъ съ листами «позовными» и «мандатами» [431]); имъ поручали вводить разныхъ лицъ во владѣніе имѣньями по пожалованью господаря или по суду [432]), производить различныя слѣдствія [433]), собирать «къ вѣрной руцѣ» мыто и корчомные пенязи [434]) и т. д. При исполненіи этихъ

---

[430]) Въ 1538 году 9 сентября Сигизмундъ приказалъ подскарбію земскому выдавать ежегодно по 20 копъ грошей дворянину кн. Андрею Мосальскому до живота его, по челобитью его, «што жъ зъ молодости лѣтъ своихъ, будучы у двора нашого, верне а справедливе намъ служылъ и на многихъ послугахъ нашихъ военныхъ противъ людей неприятелскихъ бывалъ и тамъ не мало крови своее розлилъ и раны обличныи прынялъ, а тепере вжо естъ пры старости» Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 211. Срав. Запис. кн. XLVIII, л. 12, 13.

[431]) «Месеца марта 11 дня (1542 г.) у суботу на третей недели посту посланъ дворянинъ Богданъ Левковичъ Мертвецъ зъ листы господарскими позывать князя Слуцкого, пани воеводиную Виленскую панию Миколаевую, панюю воеводиную Троцкую паню Петровую, паню Юревую Зеновьевича, пана Заберезинского о забраньи земль, людей и пущи Марковское, абы стали и листы твердости на тамошние именья свои у повете Марковскомъ передъ господаремъ его милостью положили». Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 75.

[432]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 805.

[433]) «Месеца марта у 13 день (1542 г.) у понеделокъ на четвертой недели поста порану посланъ дворянинъ королевое ее милости и великое кнегини Боны Григорей Андреевичъ зъ листы господарскими знайдовати тыхъ шкодниковъ, которыи товаръ купцовъ цара Турецкого покрали у Веницы. Дано ему одинъ листъ до всихъ князей и пановъ во всемъ великомъ князьстве, другий листъ до наместника Новгородского о вижа, о сторону и о помочъ, третий листъ подводный». Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 75.

[434]) Въ 1530 г. 9 іюля Сигизмундъ писалъ войтамъ, бурмистрамъ, рядцамъ и всѣмъ мѣщанамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: «Зрозумели есмо, што ся намъ въ плате нашомъ, то естъ, въ пенезехъ капщызныхъ, шкода великая деетъ, николи бо до скарбу нашого сполна не относять, *а то ни для чого, одно для частыхъ поездковъ дворянъ нашихъ*, которые болши пожытку своего смотрятъ, а не нашого господарского». Король увѣдомляетъ, что онъ поручилъ этотъ платъ выбирать «и о

съ крестьянскими повинностями брали обыкновенно измельчавшіе и обѣднѣвшіе бояре, которымъ не подъ силу было съ однихъ своихъ отчинъ нести военную службу, или которые даже совсѣмъ сошли съ своихъ отчинъ. Результатомъ такого сближенія бояръ съ «простыми» людьми на почвѣ землевладѣнія и повинностей и появились такіе разряды бояръ, которыхъ нельзя было причислить ни къ настоящей шляхтѣ, ни къ «людямъ» господарскимъ, которые не укладывались въ рамки существовавшихъ законоположеній о боярахъ. Таковы были, напр., бояре Рудоминскаго повѣта, которые обязаны были косить сѣно на господарскій дворъ [24]), несмотря на то, что уже привилей 1387 года освободилъ литовскихъ бояръ отъ барщинныхъ работъ на господаря, а привилей 1447 года выразительно подтвердилъ это для бояръ всѣхъ земель великаго княжества [25]).

Итакъ, хотя привилеи, даровавшіе литовско-русскимъ боярамъ права и вольности польской шляхты, и создали въ Литовско-Русскомъ государствѣ особое шляхетское сословіе, но это сословіе не выдѣлилось сразу и не обособилось рѣзко отъ остальной народной массы. Причина этому была та, что составъ литовско-русскаго боярства, изъ котораго создалось это сословіе, былъ въ дѣйствительности шире тѣхъ сословныхъ рамокъ, которыя ставила шляхетская идея исконной знатности, благородства и рыцарскихъ «вчинковъ».

§ 2.

Вслѣдствіе того, что шляхетское сословіе своими нижними слоями тѣсно сплеталось съ верхними слоями крестьянства какъ на почвѣ землевладѣнія и повинностей, такъ и въ самомъ названіи, и правительственные органы, и крестьянскія власти, и частныя лица по временамъ не различали бояръ-шляхту отъ «простыхъ людей», нарушали ихъ шляхетскія права или унижали ихъ шляхетское достоинство. Боярамъ-шляхтѣ приходилось нерѣдко возстанавливать судебнымъ порядкомъ свою принадлежность къ шляхетскому сословію, или «выводить»

---

[24]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 9, 401. Въ 1537 году королю Сигизмунду билъ чоломъ секретарь латинскій Венцлавъ Миколаевичъ о томъ, «што жъ котории пашни и люди свои маеть у повете Рудоминьскомъ, яко данину нашу и куплю, такъ и по жоне своей, абыхмо его съ тыми его пашнями вызволили отъ кошенья сеножатей двора нашого Рудоминского, котории косять бояре тамошнии Рудоминскии, и на то дали ему нашъ листъ». Король исполнилъ его просьбу. Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 75.

[25]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2; Акты Зап. Рос. I, № 61.

свое шляхетство. Заслуживаютъ поэтому вниманія тѣ доводы, которые приводились въ доказательство шляхетства, ибо они проливаютъ свѣтъ на то, какіе слои боярскаго класса составили основной контингентъ шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Въ 1473 году предъ королемъ Казимиромъ нѣкоторые десятники «пріискивали» въ таглую службу бояръ Невойновичей, Виштортовичей, Кгинцевичей и Ейдикгиновичей, указывая на то, что они давали дякла при великомъ князѣ Витовтѣ. Бояре въ доказательство противнаго сослались на пановъ Радивила Остиковича и Михаила Монтовтовича, которые засвидѣтельствовали, «што жъ дедъ ихъ—пана Якуба Раловича деду рожоный братъ, а дякла не даивали за великого князя Витовта и за великого князя Жикгимонта». Казимиръ, разсмотрѣвъ дѣло съ панами-радою, урядилъ, «штожъ имъ на надобе дяколъ давати, ани иншихъ которыхъ служебъ съ селяны служити: потому, какъ которыи шляхтичи служать, такъ имъ служити»[26]).—Въ 1495 году предъ великимъ княземъ Александромъ приставъ и вся волость Немоноитская «пріискивали посполъ съ собою сена косити» бояръ Немоноитскихъ Юрія Динкгайловича, Юшка Миколаевича, Каца Айнаровича, Мацка Бутримовича и Радивила Немировича. Бояре заявили, что ихъ о томъ «смотрѣлъ» воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Петръ Яновичъ (1491—1497), нашелъ ихъ въ томъ правыми и выдалъ имъ свой судовый листъ. Этотъ листъ они предъявили великому князю. Великій князь, не удовольствовавшись этимъ, спросилъ ихъ: «маете ль вы клейноты свои, ижъ бы есте зъ вѣка были бояре?» Бояре указали на то, что у нихъ есть братья шляхта—бояре Новкуновцы въ Ейшишскомъ повѣтѣ. Великій князь поручилъ тогда державцѣ Ейшишскому Петру Радивиловичу допросить Новкуновцовъ, дѣйствительно ли вышеупомянутые бояре имъ братья, и сами они «зъ роду бояре ль суть». Новкуновцы подтвердили ихъ показаніе, а въ доказательство того, что сами они бояре, представили судовые листы пана Радивила, въ которыхъ упомянуто, «што жъ они зъ века бояре шляхта суть». Державца отписалъ обо всемъ этомъ господарю, который на основаніи всѣхъ доводовъ нашелъ бояръ Немоноитскихъ правыми и присудилъ: «не надобе имъ сена зъ волостью косити и иныхъ служебъ служити: нехай они службу намъ служать боярскую, какъ и иншіи которыи бояре шляхта»[27]). — Въ 1496 году великому князю Александру жаловались бояре Радуньскіе Олехно Андреевичъ, Андрей Нецевичъ и Мацко съ братьею,—всего

[26]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 14, 15.
[27]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 50.

завѣдывалъ придворною конюшнею; *ловчій*—придворною охотою [444]); *подкоморій* (succamerarius)—порядкомъ и убранствомъ въ жилыхъ покояхъ господаря; *ложничій*—господарскою опочивальнею [445]); *мечный*—держалъ королевскій мечъ на различныхъ торжествахъ. Всѣ эти уряды существовали для того, чтобы, какъ выражается одинъ привилей на «стольництво», «здоровья и учтивости маестату нашого господарьского перестерегати» [446]),—другими словами для личныхъ услугъ королю и для оказанія ему почета.

Подъ «справою» этихъ придворныхъ чиновъ находились низшіе придворные служители, какъ то: *скатертные* [447]) и *убрусные* [448]) (вѣроятно подъ «справою» стольника); *кухари дворные* (подъ справою кухмистра) [449]) и *пекари* (вѣроятно, также подъ справою кухмистра); *конюхи дворные, возницы* [450]), *машталеры* (подъ справою конюшаго дворнаго); *нагончій, ловцы псарцы, сокольники* и иные «*мысливцы*» (подъ справою ловчаго) [451]); *коморники* и *одверные* (вѣроятно, подъ

---

[444]) Ibidem, str. 220, 231, 235, 242.

[445]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 92.

[446]) Привилей, выданный 20 марта 1566 года пану Миколаю Кухмистровичу Дорогостайскому, державцѣ Веленскому, въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Припустивши его ку службамъ столу нашого господарского, дали есмо ему и симъ листомъ нашимъ даемъ стольницство наше великого князства Литовского, на которомъ враде стольницкомъ, на него отъ насъ преложономъ, будучи, маеть онъ всякого достоинства и владности, тому враду належачое, вживати и съ пильностью *здоровья и учтивости маестату* нашого господарьского перестерегати, яко ему, верному вряднику столу нашого господарского пристоить, и яко продкове его, столникове великого князства Литовского, зъ стародавна на томъ достоеньстве заховалися и его вживали». (Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 3; Судныхъ дѣлъ XLVIII, л. 4).

[447]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 30.

[448]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 236, 237; XLII, л. 36, 37, 77, 78. Убрусные служили между прочимъ при господарскомъ серебрѣ столовомъ. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, 168, 169).

[449]) Въ 1562 году король пожаловалъ кухарю Филиппу Матысовичу на кухарскую службу «*за данъемъ справы пана кухмистровы*». Литов. Метр. кн. Записей XLII, л. 76.

[450]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 12, 15, 33.

[451]) Тамъ же, л. 8, 17, 67, 54, 84. Въ привилеѣ, выданномъ пану Григорію Воловичу 3 ноября 1566 года «на ловчее» великаго княжества, читаемъ между прочимъ: «Маеть панъ Грыгорей Воловичъ тотъ врадъ ловчое со всимъ потому, яко и первшые ловчые держали, отъ насъ держати и заведати и вси *ловцы и иные вси мысливцы* у справе, моцы и владности своей маючы». (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 84).

гравою подкоморія) [452]), *лазебные* (банщики) [453]) и др. Всѣ эти служители вербовались изъ крестьянъ, владѣвшихъ землями, или жаловались крестьянскими землями на ту или другую службу, напр., на службу зверницкую, конюшскую, псарецкую, кухарскую и т. д., съ освобожденіемъ отъ всѣхъ другихъ или отъ части крестьянскихъ повинностей, всегда или на то время, когда они несли свою спеціальную службу и дворѣ. У литовско-русскаго господаря по областямъ разсѣяно ло довольно много дворцовыхъ служителей, которые выполняли свои еціальныя обязанности при дворѣ лишь въ то время, когда ихъ туда зывали, въ другое же время, и при томъ большею частью, исполли крестьянскія повинности; нѣкоторые изъ нихъ сверхъ того слули военную службу [454]). Всѣ эти служители подвѣдомственны были орнымъ урядникамъ лишь въ то время, пока находились при дворѣ несли свою спеціальную службу; въ другое же время ихъ вѣдали удомъ и управою мѣстные правители, при чемъ дворные урядники не ыли посредствующею инстанціею между этими мѣстными правителями господаремъ.

Трудъ всѣхъ этихъ дворцовыхъ служителей, кромѣ владѣнія земею, вознаграждался отдѣльными дачами денегъ, суконъ, шубъ, хлѣба, оли, овса, сѣна и т. д. Что касается ихъ начальниковъ при дворѣ, и они получали эти отдѣльныя дачи, какъ это видно изъ расходной писи короля Казимира. Кромѣ того, эти урядники за свою службу лучали обыкновенно въ держанье господарскіе дворы и волости съ авомъ получать въ свою пользу намѣстничьи доходы. Нѣкоторые же ъ нихъ пользовались сверхъ того и нѣкоторыми «пожитками» отъ оего уряда, какъ, напр., стольникъ [455]). Въ чемъ состояли эти потки, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ.

---

[452]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 9, 12, 17, 28, 40, 42, 65, 67; I, л. 76; XXXI, л. 166; XXXIX, л. 233, 234; XLII, л. 24, 25.

[453]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26, 55, 72; XVI, л. 4.

[454]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, р. 325, 327. Военную службу вмѣстѣ съ боярами Новгородскаго повѣта несли кольники и кухари (Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 26—34).

[455]) Въ привилеѣ на «стольництво», выданномъ пану Юрію Александровичу дкевича (1 сентября 1556 г.) читаемъ между прочимъ: «маеть панъ Юри тотъ ядъ стольництво отъ насъ держати и въсякихъ *пожитковъ* и справъ, тому яду належачихъ, вживати, радечи и справуючисе потому, яко и першие столькове, будучи на томъ вряде, рядили и справовали се». Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 190—191.

мѣрѣ старинные листы великаго князя Витовта, Сигизмунда и Казимира или нѣкоторыхъ высокихъ пановъ-рады, въ которыхъ его предки или самъ онъ писаны боярами независимо отъ ихъ собственнаго показанія [32]). Такимъ образомъ, новый законъ по существу лишь формулировалъ, хотя и не вполнѣ, доказательства шляхетства, которыя и прежде фигурировали въ судебно-административной практикѣ. Всматриваясь въ общую тенденцію этого закона, видимъ, что, какъ и предшествующая практика онъ стремится утверждать въ шляхетскомъ сословіи только тѣхъ бояръ, предки которыхъ были въ этомъ званіи во время дарованія шляхетскихъ правъ и вольностей, и не признаетъ шляхтою бояръ, попавшихъ на боярскую службу позже, разумѣется, если только эти бояре не возведены въ шляхетство спеціальными привилеями.

Повидимому, на основаніи новаго закона рѣшено было 16 іюня 1522 года дѣло бояръ Любецкой волости Новгородскаго повѣта Першка и Андрея Игнатовичей, Павла и Петра Яцковичей. Этихъ бояръ привернулъ было къ своему имѣнью Любчу и съ землями ихъ, какъ простыхъ людей, дворянинъ Мартинъ Мелешковичъ. Бояре подали жалобу господарю, утверждая, что они шляхтичи и готовы «родъ братью свою поставити и съ того ся вывести». Они поставили па судѣ Кмиту Стретовича, Ивана Никоновича, Юрья Андреевича, которые показали, что прадѣдъ этихъ бояръ былъ ихъ дѣду родной братъ. Выслушавъ это

---

[32]) Описане артыкулу о выводе шляхетства за примовою.

Господаръ король съ паны радами на валномъ сойме Виленьскомъ казалъ тотъ члоновъ у книги уписати: Естли хто кому приганитъ, ижъ бы не былъ шляхтичомъ, тогды тотъ, кому бы было приганено, маеть двема шляхтичы выводитися тымъ обычаемъ: естли кому бы было приганено, маеть двема шляхтичы выводитися тымъ обычаемъ: естли бы тые два шляхтичы поведили, ижъ тотъ, кому приганено, съ одного роду отъ прадеда, отъ деда, съ одное крови имъ естъ братъ, а на томъ бы присягнули, таковый маеть таковою братьею родъ свой шляхетъскій очистити.

А естли жъ бы хто одного мелъ шляхтича и ровного собе, а двухъ не могъ достарчити, тогды тотъ маеть шляхтичъ съ тымъ, кому наганено, присегнути таковымъ же обычаемъ, какъ и тыи верхуписаныи шляхтичы присягнуть. Пакли жъ бы тотъ, кому наганено, не могъ ни одного шляхтича на то собе мети, а естли бы на то мелъ листъ у собе старый великого князя Витолта и Жикгимонта або отца нашого Казимира короля его милости або некоторыхъ пановъ радъ высокихъ, а въ томъ бы листе писано его бояриномъ не подле его поведанья, нижли або у праве съ кимъ будетъ стоялъ або отъ кого до него листъ будеть писанъ шляхтичомъ, тымъ онъ листомъ маеть шляхетъство свое вывести». Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 309.

ціи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ помѣшала не только та областная «старина», которую литовское правительство силою историческихъ обстоятельствъ вынуждалось сохранять и подтверждать, но и тѣ «права вольная, добрая, христіанская, какъ въ корунѣ Польской»,— которыя это правительство роздало военнослужилымъ землевладѣльцамъ великаго княжества. Эти два фактора, главнымъ образомъ, парализовали и развитіе соотвѣтствующихъ органовъ и учрежденій въ центрѣ государства, давая возможножность литовско-русскому государю обходиться съ помощью только одного учрежденія, да и то дѣйствовавшаго не непрерывно,—рады великаго княжества.

Чтобы понять, какимъ образомъ и при всемъ томъ господарь и паны-рада справлялись со всѣми дѣлами, которыя задавало имъ высшее управленіе государствомъ, необходимо прежде всего имѣть въ виду, что между господаремъ и радою фактически существовало нѣкоторое раздѣленіе труда. Господарь и въ бытность свою въ Польшѣ чинилъ судъ и управу по многимъ дѣламъ великаго княжества, одинъ или вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ пановъ-радныхъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Польшу или впослѣдствіи. Въ то же самое время паны радные, собиравшіеся въ Вильнѣ или другихъ городахъ, съ своей стороны вершили рядъ дѣлъ: отправляли, напр. пословъ къ татарамъ [457]), судили судъ и проч. Кромѣ того, въ центральномъ управленіи Литовско-Русскаго государства въ широкихъ размѣрахъ примѣнялась система частныхъ порученій, за недостаткомъ постоянныхъ органовъ. Мы видѣли, что для принятія денежныхъ отчетовъ отъ арендаторовъ и сборщиковъ государственныхъ доходовъ назначались очень часто комиссіи изъ пановъ-радныхъ и писарей. Такія же комиссіи назначались сплошь и рядомъ для разбора накопившихся судебныхъ дѣлъ, которыя господарь почему-нибудь не въ состояніи былъ рѣшать въ данное время [458]) и т. д. При такихъ условіяхъ литовско-русскій государь

[457]) Литовскіе упоминки, стр. 36—38, 42, 56.

[458]) Въ Метрикѣ Литовской есть цѣлыя книги, содержащія записи рѣшеній пановъ рады, «на справы судовыи высажоныхъ». Такова, напр., кн. Записей XXVII, которая начинается слѣдующимъ заголовкомъ: «Лет. Бож. Нарож 1541 индикт 14. Съ росказаня господаря его милости, короля и великого князя Жыкгимонта, панове рада великого князства: князь Павелъ, князь Юрий, князь Венцлавъ—бискупове Виленский, Луцкий а Жомоитский, а панъ Янъ Миколаевичъ Радивилъ, староста Жомоитский, подчашый господарьский, державца Василишский, панъ Янъ Юревичъ Глебовича, воевода Полоцкий, панъ Станиславъ Олбрахтовичъ Кгаштолтъ, воевода Новгородьский, панъ Матей Войтеховичъ Яновича, воевода Витебский, а панъ Иванъ

завѣдывалъ придворною конюшнею; *ловчій*—придворною охотою [444]; *подкоморій* (succamerarius)—порядкомъ и убранствомъ въ жилыхъ покояхъ господаря; *ложничій*—господарскою опочивальнею [445]; *мечный*—держалъ королевскій мечъ на различныхъ торжествахъ. Всѣ эти уряды существовали для того, чтобы, какъ выражается одинъ привилей на «стольництво», «здоровья и учтивости маестату нашого господарьского перестерегати» [446],—другими словами для личныхъ услугъ королю и для оказанія ему почета.

Подъ «справою» этихъ придворныхъ чиновъ находились низшіе придворные служители, какъ то: *скатертные* [447] и *убрусные* [448] (вѣроятно подъ «справою» стольника); *кухари дворные* (подъ справою кухмистра) [449] и *пекари* (вѣроятно, также подъ справою кухмистра); *конюхи дворные, возницы* [450], *машталеры* (подъ справою конюшаго дворнаго); *нагончій, ловцы псарцы, сокольники* и иные «*мысливцы*» (подъ справою ловчаго) [451]; *коморники* и *одверные* (вѣроятно, подъ

---

[444]) Ibidem, str. 220, 231, 235, 242.

[445]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 92.

[446]) Привилей, выданный 20 марта 1566 года пану Миколаю Кухмистровичу Дорогостайскому, державцѣ Веленскому, въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Припустивши его ку службамъ столу нашого господарского, дали есмо ему и симъ листомъ нашимъ даемъ стольництво наше великого князства Литовского, на которомъ враде стольницкомъ, на него отъ насъ преложономъ, будучи, маеть онъ всякого достоинства и владности, тому враду належачое, вживати и съ пильностью *здоровья и учтивости маестату* нашого господарьского перестерегати, яко ему, верному вряднику столу нашого господарского пристоитъ, и яко продкове его, столникове великого князства Литовского, зъ стародавна на томъ достоеньстве заховалися и его вживали». (Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 3; Судныхъ дѣлъ XLVIII, л. 4).

[447]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 30.

[448]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 236, 237; XLII, л. 36, 37, 77, 78. Убрусные служили между прочимъ при господарскомъ серебрѣ столовомъ. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, 168, 169).

[449]) Въ 1562 году король пожаловалъ кухарю Филиппу Матысовичу на кухарскую службу «*за данъемъ справы пана кухмистровы*». Литов. Метр. кн. Записей XLII, л. 76.

[450]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 12, 15, 33.

[451]) Тамъ же, л. 8, 17, 67, 54, 84. Въ привилеѣ, выданномъ пану Григорію Воловичу 3 ноября 1566 года «на ловчее» великаго княжества, читаемъ между прочимъ: «Маеть панъ Грыгорей Воловичъ тотъ врадъ ловчое со всимъ потому, яко и первшые ловчые держали, отъ насъ держати и заведати и вси *нагоны и иные вси мысливцы* у справе, моцы и владности своей маючы». (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 84).

справою подкоморія) [452]), *лазебные* (банщики) [453]) и др. Всѣ эти служители вербовались изъ крестьянъ, владѣвшихъ землями, или жаловались крестьянскими землями на ту или другую службу, напр., на службу одверницкую, конюшскую, псарецкую, кухарскую и т. д., съ освобожденіемъ отъ всѣхъ другихъ или отъ части крестьянскихъ повинностей, навсегда или на то время, когда они несли свою спеціальную службу при дворѣ. У литовско-русскаго господаря по областямъ разсѣяно было довольно много дворцовыхъ служителей, которые выполняли свои спеціальныя обязанности при дворѣ лишь въ то время, когда ихъ туда вызывали, въ другое же время, и при томъ большею частью, исполняли крестьянскія повинности; нѣкоторые изъ нихъ сверхъ того служили военную службу [454]). Всѣ эти служители подвѣдомственны были дворнымъ урядникамъ лишь въ то время, пока находились при дворѣ и несли свою спеціальную службу; въ другое же время ихъ вѣдали судомъ и управою мѣстные правители, при чемъ дворные урядники не были посредствующею инстанціею между этими мѣстными правителями и господаремъ.

Трудъ всѣхъ этихъ дворцовыхъ служителей, кромѣ владѣнія землею, вознаграждался отдѣльными дачами денегъ, суконъ, шубъ, хлѣба, соли, овса, сѣна и т. д. Что касается ихъ начальниковъ при дворѣ, то и они получали эти отдѣльныя дачи, какъ это видно изъ расходной записи короля Казимира. Кромѣ того, эти урядники за свою службу получали обыкновенно въ держанье господарскіе дворы и волости съ правомъ получать въ свою пользу намѣстничьи доходы. Нѣкоторые же изъ нихъ пользовались сверхъ того и нѣкоторыми «пожитками» отъ своего уряда, какъ, напр., стольникъ [455]). Въ чемъ состояли эти пожитки, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ.

---

[452]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 9, 12, 17, 28, 40, 42, 65, 67; XII, л. 76; XXXI, л. 166; XXXIX, л. 233, 234; XLII, л. 24, 25.

[453]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26, 55, 72; XVI, л. 4.

[454]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 325, 327. Военную службу вмѣстѣ съ боярами Новгородскаго повѣта несли сокольники и кухари (Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 26—34).

[455]) Въ привилеѣ на «стольництво», выданномъ пану Юрію Александровичу Ходкевича (1 сентября 1556 г.) читаемъ между прочимъ: «маеть панъ Юри тотъ врядъ стольництво отъ насъ держати и всякихъ *пожитковъ* и справъ, тому вряду належачихъ, вживати, радечи и справуючисе потому, яко и першие стольникове, будучи на томъ вряде, рядили и справовали се». Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 190—191.

ГЛАВА V.

Организація шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ къ половинѣ XVI вѣка.

§ 1. Составъ шляхты по привилеямъ 1387 и 1413 годовъ; расширеніе этого состава въ силу послѣдующихъ привилеевъ и отсутствіе рѣзкой сословной грани.— § 2. «Выводъ шляхетства» въ судебно-административной практикѣ и законодательствѣ.—§ 3. Значеніе «земскаго пописа» 1528 и «уставы дворовъ» 1529 года въ выдѣленіи и обособленіи шляхетскаго сословія.—§ 4. Значеніе въ этихъ отношеніяхъ волочной «помѣры» и «уставы» и аналогичныхъ мѣропріятій въ украинныхъ областяхъ.—§ 5. Привилеи на шляхетство.—§ 6. Права и вольности шляхты до Сигизмунда-Августа; разнообразіе владѣльческихъ правъ князей, пановъ и бояръ.—§ 7. Военная служба шляхты; привилегія крупныхъ землевладѣльцевъ.— § 8. Разнообразіе подсудности шляхты.—§ 9. Представительство шляхты на великихъ вальныхъ соймахъ.—§ 10. Условія и данныя для развитія сословныхъ и политическихъ стремленій и домогательствъ шляхты.

---

§ 1.

Предшествующая глава посвящена была ознакомленію читателя съ тѣми «станами», которые доминировали на литовско-русскомъ соймѣ при Казимирѣ и его сыновьяхъ, и выясненію самыхъ основаній, на которыхъ утверждалось ихъ политическое преобладаніе. Теперь у насъ на очереди ознакомленіе съ тѣмъ «станомъ», который при Казимирѣ и его сыновьяхъ игралъ второстепенную роль на сеймовыхъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ, а при Сигизмундѣ-Августѣ наоборотъ—главную и первостепенную, т. е. съ шляхтою-рыцарствомъ великаго княжества Литовскаго. Что бы понять политическое возвышеніе этого стана и тѣ сословныя и политическія стремленія, съ которыми онъ выступилъ на сеймахъ въ великокняженіе Сигизмунда-Августа, необходимо ознакомиться съ его успѣхами по части сословной консолидаціи и съ его сословною организаціею, какъ они опредѣлились къ тому времени.

По своему общественному положенію рыцарство-шляхта великаго княжества Литовскаго представляло изъ себя низшій слой того приви-

легированнаго класса, верхнимъ слоемъ котораго были панскія фамиліи, и который можно назвать шляхетскимъ сословіемъ въ обширномъ смыслѣ слова. Юридическое опредѣленіе этого класса восходитъ ко временамъ Ягайла и Витовта. Начало ему положилъ извѣстный привилей 1387 года, признавшій права и вольности польской шляхты за всѣми литовскими боярами, или военнослужилыми людьми, принявшими католическую вѣру [1]). Значитъ, шляхетское званіе по смыслу перваго земскаго привилея должно было утвердиться за всѣми литовскими боярами католической вѣры. Привилей 1413 года очертилъ болѣе точнымъ образомъ и даже, повидимому, сузилъ тотъ общественный кругъ, на который должны были распространяться имя, права и вольности польской шляхты. Согласно этому привилею не всѣ вообще литовскіе бояре, или военнослужилые люди, должны были впредь пользоваться правами польской шляхты, а только избранныя фамиліи, которыя получили отъ поляковъ гербы и клейноты съ «прокламаціями» (гербовыми фамиліями) и адоптированы были польскою шляхтою въ свои гербовыя братства [2]). Такое суженіе круга будущей литовской шляхты объясняется стремленіемъ придать шляхетскимъ привилегіямъ значеніе награды за присоединеніе къ уніи съ Польшею: шляхтою признаны были именно тѣ бояре, отъ которыхъ въ данный моментъ болѣе всего зависѣло установленіе «братскаго соединенія» Литвы съ Польшею, которые вели объ этомъ переговоры съ польскими панами и шляхтою и давали свое согласіе на правахъ равной стороны, братались съ польскими панами и шляхтою и приняли отъ нихъ гербы, какъ символъ этого братства. Впрочемъ, по всѣмъ признакамъ, кругъ шляхты, очерченный въ привилеѣ 1413 года, не имѣлось въ виду оставить разъ на всегда замкнутымъ. На сеймѣ 1413 года Витовтъ сдѣлалъ только *починъ* въ формировкѣ шляхетскаго сословія, предоставляя будущему пополненіе его новыми фамиліями тѣмъ же путемъ, какимъ это сдѣлалось на сеймѣ 1413 года. Къ такому заключенію приводитъ статья Городельскаго привилея, оставлявшая въ силѣ прежніе привилеи на этотъ счетъ, изданные въ 1387 г. (circa coronationem) [3]).

Какъ бы то ни было, но въ силу Городельскаго привилея кругъ литовской шляхты долженъ былъ оставаться точно очерченнымъ. Этотъ

---

[1]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

[2]) Ibidem, str. 7—20.

[3]) Срав. *A. Maleckiego* Znaczenie unii Horodelskiej w roku 1413, z punctu widzienia heraldycznego (Kwartalnik historyczny 1898, zeszyt IV, str. 751—762).

привилей клалъ ясную и опредѣленную грань, коею шляхетское сословіе имѣло впредь отдѣляться отъ другихъ классовъ общества: предполагалось, что каждый шляхтичъ для обозначенія своего шляхетства (ad insigniendum nobilitatis) будетъ имѣть гербъ, усвоенный отъ какого-либо шляхетскаго рода въ Польшѣ). Но такая опредѣленность продолжалась не долго. Въ 1432 году послы короля Ягайла по уполномочію своего государя выдали отъ его имени новый привилей, по которому и русскіе князья, паны и бояре великаго княжества получали тѣ же шляхетскія права и вольности, какія получили литовскіе князья, паны и бояре, при чемъ имъ дозволялось, но не предписывалось обязательно, брать себѣ гербы отъ литовцевъ, по соглашенію послѣднихъ съ своими польскими одногербовниками. То же самое подтвердилъ и привилей, выданный великому княжеству Литовскому два года спустя великимъ княземъ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ [1]). Въ силу этихъ новыхъ привилеевъ кругъ шляхты великаго княжества Литовскаго сразу сильно расширился; но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и та ясная черта, которая отдѣляла прежде этотъ кругъ отъ другихъ классовъ общества. Признакомъ шляхетства стала не только принадлежность къ тому или другому шляхетскому гербу, но и простая боярская служба, безъ герба. Какъ увидимъ ниже, этотъ послѣдній признакъ не всегда различалъ достаточно шляхтича, благороднаго, отъ «простого» человѣка, такъ что и шляхетское сословіе въ боярствѣ стало сливаться незамѣтно съ низшими классами общества.—Новое расширеніе шляхетскаго сословія послѣдовало при Казимирѣ, который даровалъ «права вольная, добрая, христіанская, какъ въ корунѣ Польской», князьямъ, панамъ и боярамъ не только Литвы и объединенной съ нею Руси, но и областей—аннексовъ великаго княжества. Въ привилеяхъ Казимира нѣтъ даже и упоминанія о гербахъ, и боярское званіе остается совершенно достаточнымъ для пользованія шляхетскими правами и вольностями. Такое положеніе вещей продолжалось и при преемникахъ Казимира, несмотря на то, что всѣ эти государи подтверждали Городельскій привилей, и между прочимъ статью его, предоставлявшую шляхетскія права только тѣмъ боярамъ, которые взяли себѣ у поляковъ шляхетскіе гербы. Такая несообразность и противорѣчіе въ законодательствѣ устранены были по просьбѣ登 становъ Виленскаго сейма 1563 года. Когда предстояло вписывать земскіе привилеи въ новый статутъ, станы сейма обратили вниманіе господаря на то, что въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года находятся нѣкоторыя

---

[1]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 17; dodatek № 22.

ровъ, которые согласно съ новою уставою стали объѣзжать эти дворы, устанавливать и пописывать господарскіе «пожитки» [48]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда писари по недоразумѣнію облагали тяглыми повинностями бояръ-шляхту, послѣдніе доходили до господаря и возстановляли свое шляхетство. Такимъ образомъ, напр., когда писарь дворовъ Троцкаго повѣта Богданъ Мацковичъ привернулъ къ работамъ дворнымъ и вписалъ съ тяглыми людьми нѣкоторыхъ бояръ Вилкейской волости, послѣдніе обратились сначала за ходатайствомъ къ прежнему державцѣ пану Александру Ходкевичу, а затѣмъ непосредственно къ королю съ заявленіемъ, «ижъ они суть люди добрые, шляхта, и зъ вековъ посполъ зъ иншими бояры тамошними земянскою службою служать, на войну ездять, а николи поседей не чынивали и службъ до двора нашого никоторыхъ не служывали». Въ доказательство они представили листы старосты Жмудскаго Яна Кезкгайла (1451—1485), бывшаго державцы Вилькейскаго Александра Ходкевича и самого короля Сигизмунда. Поручивъ писарю Жмудскихъ дворовъ Андрею Мацкевичу для окончательнаго разъясненія дѣла допросить мѣстныхъ бояръ-шляхту, Сигизмундъ распорядился о томъ, чтобы писарь не принуждалъ ихъ къ тяглымъ работамъ, буде они выведутъ свое шляхетство «братьею своею шляхтою» (23 іюня 1530 года) [49]). Писарь дворовъ Виленскаго повѣта Миколай Андрошевичъ наложилъ «копы осадныя» на Пенянскихъ бояръ Бетикгольцевъ—Миколая Сядковича, Петра Станевича, Станислава Нарбутовича и Юрія Янковича, какъ на путныхъ слугъ. Бояре, не имѣя должныхъ доказательствъ своего шляхетства, обратились къ панамъ раднымъ, прося ихъ ходатайства передъ королемъ и указывая, что они всегда служили службою военною вмѣстѣ съ боярами-шляхтою. Паны-рада написали королю, пребывавшему въ то время въ Польшѣ, и просили оставить Бетикгольцевъ на шляхетской боярской службѣ въ виду того, что по гетманскимъ реестрамъ они всегда служили вмѣстѣ съ боярами-шляхтою и что для господаря отъ этой ихъ службы будетъ «лепшая послуга, нижли тые копы». «А то бы, ваша милость, — заключали паны-рада свое ходатайство,—господарь нашъ милостивый, дла чоломбитья нашого вчинити рачылъ». Король исполнилъ эту просьбу и выдалъ боярамъ Бетикгольцамъ листъ (отъ 24 мая 1541 года), утвер-

---

[48]) Писарей было установлено четверо: для дворовъ Виленскаго повѣта, для дворовъ Троцкаго повѣта, для Жмудской земли, для Поднѣпрскихъ волостей. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 540—542; XXI, л. 1—2, 81—82; Судныхъ дѣлъ IV, л. 295, 311, 333. 339—340, 346—347.

[49]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 343.

ждавшій ихъ въ шляхетскомъ сословіи [50]). Можно сказать, слѣдовательно, что введеніе въ дѣйствіе новой «уставы» по управленію господарскими дворами и волостями подвинуло впередъ сословную дифференціацію въ великомъ княжествѣ. Въ силу этой уставы производилась регистрація таглаго населенія и переводъ въ его составъ военнослужилыхъ людей нешляхетскаго происхожденія. Все это содѣйствовало, разумѣется, вящщему обособленію и выдѣленію собственнаго шляхетскаго сословія. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что этотъ процессъ сословной дифференціаціи совершался усиленно лишь тамъ, гдѣ дѣйствовали «новыя уставы», т. е. въ предѣлахъ собственной Литвы, въ Жмудской землѣ и отчасти на «Руси» и Подляшьѣ.

§ 4.

Процессъ сословной дифференціаціи, сопровождавшій введеніе «уставы» 1529 года и дѣятельность учрежденныхъ по этой уставѣ писарей господарскихъ дворовъ, продолжался и въ великокняженіе Сигизмунда-Августа въ связи съ производствомъ волочной «помѣры», введеніемъ новой хозяйственной «уставы» и дѣятельностью ревизоровъ, замѣнившихъ собою писарей господарскихъ дворовъ. При волочной помѣрѣ еще тщательнѣе, чѣмъ при введеніи уставы 1529 года, производился пересмотръ правъ состоянія. Въ это время окончательно установился взглядъ на крестьянскія земли и на самихъ крестьянъ, какъ на собственность господаря: «кгды жъ кметъ и вся его маетность наша есть». Поэтому крестьянскія земли, какого бы они происхожденія не были, отчинныя ли, купленныя или «заставныя», отбирались у ихъ владѣльцевъ, мѣрились на волоки и сдавались на новыхъ условіяхъ тѣмъ же владѣльцамъ или другимъ. Крестьяне не имѣли права претендовать на какое-либо вознагражденіе въ тѣхъ случаяхъ, если не получали своихъ земель обратно полностью. «Отмена», или вознагражденіе, давалось только земянамъ, или боярамъ-шляхтѣ, у которыхъ при новой помѣрѣ по техническимъ причинамъ занимались части ихъ имѣній. Естественно, слѣдовательно, что при производствѣ волочнаго измѣренія долженъ былъ производиться тщательный пересмотръ правъ различныхъ землевладѣльцевъ. Чтобы не лишиться своихъ имѣній или получить за земли, помѣренныя на волоки, «отмену», бояре и земяне должны были передъ «мѣрчими» или «ревизорами» доказывать свои владѣльческія и шляхетскія права. Они обыкновенно представляли

---

[50]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 128, 129.

свои «клейноты», т. е. документы, подтверждающіе ихъ «шляхетство» [51]), или выводили шляхетство своею «братьею шляхтою». Послѣдній доводъ не всегда принимался ревизорами или мѣрчими, и шляхетскіе грунты по временамъ попадали въ волочную помѣру. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы обращались къ господарю и старались вывести передъ нимъ свое шляхетство и свое право на землю. Такой случай имѣлъ мѣсто, напр., въ 1551 году. Согласно съ показаніемъ Ейшишскаго державцы пана Богдана Хребтовича, что бояре Ейшишскіе Якубъ Балтромеевичъ съ братьями Блажеемъ и Валентомъ «съ предковъ своихъ» люди тяглые, а не шляхта, и передъ тѣмъ всегда служили таглую, а не боярскую службу, помѣрчій Иванъ Михайловичъ помѣрилъ ихъ земли на волоки. Тогда бояре обратились съ жалобой къ господарю, который поручилъ разобрать ихъ дѣло маршалкамъ, «на справы судовыи высажонымъ»,—пану Василью Тишковичу, державцѣ Минскому и Волковыйскому, Криштофу Юрьевичу Завишѣ и Яну Шимковичу, державцѣ Коневскому и Дубицкому. На доводъ своего шляхетства бояре поставили двухъ шляхтичей со стороны отца, Щастнаго Довкшевича и Миколая Кондратовича—герба Среневы, и двухъ со стороны матери, Андрея Михайловича и Щастнаго Невойновича—герба Павдивца. Эти шляхтичи подъ присягою показали, что вышеупомянутый Якубъ съ братьею—шляхтичи, а не люди таглые. Судьи доложили объ этомъ господарю для окончательнаго приговора. Господарь «не для присягъ и сведецтва» вышеупомянутыхъ бояръ (очевидно, ихъ собственное шляхетство было сомнительнымъ), но «зъ особливое ласки своее» и по просьбѣ пановъ-рады дворныхъ оставилъ Якуба Балтромеевича и братьевъ его при шляхетствѣ и предоставилъ имъ печататься гербомъ Среневою «и всихъ вольностей шляхетскихъ вживати потому, яко жъ иншие бояре шляхта». Что же касается забранныхъ у нихъ земель, король приказалъ мѣстному державцѣ возвратить ихъ по принадлежности и впредь не приворочать ихъ и ихъ потомковъ въ таглую службу. Все это король сдѣлалъ только для Якуба Балтромеевича и его родныхъ братьевъ. «А што ся дотычеть иншое братьи ихъ кревное, не рожоное,—читаемъ въ листѣ короля,—которые тамъ жо у волости нашой Ейшишской суть, тые предъся службою тяглою ку двору нашому Ейшишскому служыти и платы волочные намъ давати

---

[51]) Ревизоры переписывали всѣ эти документы въ особую книгу какъ бы въ оправданіе, почему они не помѣрили извѣстныхъ земель на волоки. См. «Ревизію пущъ и переходовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ»; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 197—204.

привилей клалъ ясную и опредѣленную грань, коею шляхетское сословіе имѣло впредь отдѣляться отъ другихъ классовъ общества: предполагалось, что каждый шляхтичъ для обозначенія своего шляхетства (ad insigniendum nobilitatis) будетъ имѣть гербъ, усвоенный отъ какого-либо шляхетскаго рода въ Польшѣ). Но такая опредѣленность продолжалась не долго. Въ 1432 году послы короля Ягайла по уполномочію своего государя выдали отъ его имени новый привилей, по которому и русскіе князья, паны и бояре великаго княжества получали тѣ же шляхетскія права и вольности, какія получили литовскіе князья, паны и бояре, при чемъ имъ дозволялось, но не предписывалось обязательно, брать себѣ гербы отъ литовцевъ, по соглашенію послѣднихъ съ своими польскими одногербовниками. То же самое подтвердилъ и привилей, выданный великому княжеству Литовскому два года спустя великимъ княземъ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ [4]). Въ силу этихъ новыхъ привилеевъ кругъ шляхты великаго княжества Литовскаго сразу сильно расширился; но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и та ясная черта, которая отдѣляла прежде этотъ кругъ отъ другихъ классовъ общества. Признакомъ шляхетства стала не только принадлежность къ тому или другому шляхетскому гербу, но и простая боярская служба, безъ герба. Какъ увидимъ ниже, этотъ послѣдній признакъ не всегда различалъ достаточно шляхтича, благороднаго, отъ «простого» человѣка, такъ что и шляхетское сословіе въ боярствѣ стало сливаться незамѣтно съ низшими классами общества.—Новое расширеніе шляхетскаго сословія послѣдовало при Казимирѣ, который даровалъ «права вольная, добрая, христіанская, какъ въ корунѣ Польской», князьямъ, панамъ и боярамъ не только Литвы и объединенной съ нею Руси, но и областей—аннексовъ великаго княжества. Въ привилеяхъ Казимира нѣтъ даже и упоминанія о гербахъ, и боярское званіе остается совершенно достаточнымъ для пользованія шляхетскими правами и вольностями. Такое положеніе вещей продолжалось и при преемникахъ Казимира, несмотря на то, что всѣ эти государи подтверждали Городельскій привилей, и между прочимъ статью его, предоставлявшую шляхетскія права только тѣмъ боярамъ, которые взяли себѣ у поляковъ шляхетскіе гербы. Такая несообразность и противорѣчіе въ законодательствѣ устранены были по просьбѣ становъ Виленскаго сейма 1563 года. Когда предстояло вписывать земскіе привилеи въ новый статутъ, станы сейма обратили вниманіе господаря на то, что въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года находятся нѣкоторыя

---

[4]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 17; dodatek № 22.

статьи, противорѣчащія дѣйствующему праву и требующія «слушного поровнанья», а именно: что шляхетскія права и вольности предоставляются только католикамъ, и при томъ получившимъ польскіе шляхетскіе гербы. Вслѣдствіе этого господарь выдалъ особый привилей, коимъ призналъ, что шляхетскими правами и вольностями впредь должны пользоваться и наслаждаться не только паны и бояре-шляхта римской вѣры, предки которыхъ въ свое время взяли гербы и клейноты въ коронѣ Польской, но и всѣ иные «стану рыцарского и шляхетского» какъ литовской, такъ и русской національности, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру, и предки которыхъ не брали гербовъ или клейнотовъ изъ Польши, «яко передъ тымъ, здавна и до того часу, тыхъ всихъ вольностей станъ рыцерскій шляхетскій обоего народу, такъ Литовского яко и Руского, уживали и съ того ся веселили»[5]). Сигизмундъ-Августъ, такимъ образомъ, подтвердилъ дѣйствовавшее право и уничтожилъ всякія сомнѣнія, вытекавшія изъ статей Городельскаго привилея.

Итакъ, съ теченіемъ времени въ шляхетскомъ сословіи кромѣ лицъ, получившихъ отъ господаря спеціальные привилеи на шляхетство, и ихъ потомковъ, стали признаваться всѣ тѣ, кто «зъ вековъ» были боярами и несли рыцарскую боярскую службу. Но на первыхъ порахъ кругъ этихъ лицъ не отграничивался еще явственно отъ смежныхъ съ нимъ низшихъ слоевъ общества. Поэтому и шляхетское сословіе, созданное привилеями Ягайла и Витовта, Сигизмунда Кейстутьевича и Казимира, фактически долгое время не выдѣлялось рѣзко и необособлялось отъ остальной народной массы въ своемъ низшемъ слоѣ, т. е. рыцарствѣ. Это обособленіе совершалось только исподоволь, по мѣрѣ того, какъ судебнымъ и административнымъ порядкомъ пересматривались права состоянія разныхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, и значительныхъ успѣховъ достигло только къ началу великокняженія Сигизмунда-Августа.

Дѣло въ томъ, что литовско-русское боярство, признанное въ привилеяхъ первой половины XV вѣка шляхтою, благороднымъ и знатнымъ сословіемъ, въ своихъ низшихъ слояхъ весьма близко подходило по общественному положенію къ верхнимъ слоямъ крестьянскаго простонародья и по временамъ сливалось съ ними почти до неразличаемости. Главнымъ признакомъ боярскаго «стана» была военная служба съ земли, или земская служба. Но потребности государственной обороны давнымъ давно заставили литовско-русское правительство

---

[5]) Акты Зап. Рос. III, № 32.

привлекать на эту спеціально боярскую службу и зажиточныхъ крестьянъ, снимая съ нихъ часть или даже всѣ тяглыя повинности. Военную службу на ряду съ боярами отправляли поэтому и различные разряды крестьянъ, промышленниковъ и ремесленниковъ, какъ, наприм., солевики, угольники, санники, клепачи, садовники, кухари, кравцы, сокольники, осочники и т. д. Кромѣ того, изъ зажиточныхъ же крестьянъ вербовался особый разрядъ военнослужилыхъ людей, называвшихся *слугами* съ прибавленіемъ именъ: путные (главнымъ образомъ на Литвѣ и въ Полоцкой землѣ), панцырные (въ Кіевской и Витебской землѣ), доспѣшные и щитные (въ Смоленской) и конные (въ Кіевской, Подольской и Волынской земляхъ). Эти слуги особенно близко подходили къ боярамъ, ибо часто не несли никакихъ другихъ повинностей, кромѣ военной службы [6]), и подобно боярамъ лично считались людьми вольными, которыхъ нельзя было закрѣпить въ чьемъ либо подданствѣ, и которые при пожалованіи ихъ земель имѣли право сойдти съ нихъ прочь вмѣстѣ съ своими «статками», т. е. движимостью. Близко подходя по своему общественному положенію къ боярамъ, эти слуги и назывались по временамъ боярами съ прибавленіемъ «панцырный», «путный», въ Жмудской землѣ «посѣдный» (т. е. несущій нѣкоторыя тяглыя службы) [7]). Вербовка на военную службу создавала даже классъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, приравнивавшихся къ путнымъ или панцырнымъ слугамъ, но называвшихся просто боярами. Такие бояре по имени являлись въ результатѣ освобожденія разныхъ лицъ отъ всѣхъ повинностей съ возложеніемъ на нихъ и ихъ потомковъ исключительно военной боярской службы. Примѣры подобной вербовки бояръ идутъ отъ временъ Витовта. Такъ, напр., Витовтъ нѣкоему Крупосу, который ходилъ съ нимъ «въ Немцы» и выслужился передъ нимъ, разрѣшилъ не давать дани и не дѣлать «никоторого дела съ посполитыми людьми», но служить великому князю «доспехомъ а конемъ, какъ же то добрый слуга» [8]). Витовтъ же вызволилъ предковъ Городищскихъ земянъ на Подляшьѣ Сабней и Головенекъ отъ городовой службы съ тяглыми людьми, отъ «порубовъ» (раскладокъ крестьянскихъ

---

[6]) Акты Зап. Рос. I, № 219; Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 256, 257; XXIII, л. 102, 103.

[7]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 343—356, 542; прилож. № 44; Акты Зап. Рос. II, № 159; Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 257; Записей XXXVII, л. 140—144; XXXIX, л. 494—497; Публичныхъ дѣлъ X, л. 44, 45.

[8]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XII, л. 83—88.

повинностей) и дякла и предоставилъ имъ «однымъ конемъ на войну ходить, какъ и иншии бояре ходять»[9]). Онъ же освободилъ отъ тяглой службы предковъ нѣкоторыхъ Жорославскихъ бояръ Городенскаго повѣта и велѣлъ имъ служить военною службою вмѣстѣ съ другими боярами Городенскими[10]). Великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ во время своего похода къ Брянску вызволилъ съ тяглой службы предка нѣкоего Яна Ганцевича и велѣлъ ему «боярскою службою служити»[11]). Переводъ съ тяглыхъ и другихъ служебъ совершался иногда по иниціативѣ самихъ «людей». Такимъ образомъ, напр., въ 1514 году королю Сигизмунду билъ челомъ слуга съ Кіева Лавринъ Станкевичъ и просилъ короля вызволить его отца и братьевъ отъ тяглой службы, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «они дей люди достаточныи, могуть... гораздо службу земскую заступовати». Король исполнилъ эту просьбу, вызволилъ Станька и его сыновей Янка и Мартина отъ трехъ тяглыхъ службъ, отпустилъ имъ дякла и всѣ «дачки», которыя они давали господарю и его урядникамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они заступали земскую службу «у трехъ зброяхъ» и имѣли коней, «зброи и брони такъ достаточне, какъ и инымъ подданымъ нашимъ шляхтѣ росказали есмо къ службе нашой достаточне ся мети»[12]). Въ 1541 году тому же королю Сигизмунду билъ челомъ сокольникъ Сташко Тузиковичъ, прося вызволить его отъ службы сокольницкой и дать ему земли, коими онъ владѣетъ въ волости двора Пенянскаго, «на службу боярскую земскую». По справкѣ, данной державцею Пенянскимъ, что это двору господарскому не будетъ «шкодно», король перевелъ просителя на военную земскую службу, обязывая отправлять ее такъ, «яко иншие бояре наши намъ служать», и добавляя: «а иншыхъ служобъ служыти и никоторыхъ подачокъ онъ самъ и его потомки давати не мають»[13]). Достаточные люди изъ податныхъ классовъ переводились на боярскую службу не только господаремъ, но и мѣстными правителями, напр., Жмудскими старостами, у которыхъ они «вкупались на боярство»[14]). Всѣ эти лица, служившіе вмѣстѣ съ боя-

---

[9]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 331, 332.

[10]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209, 210.

[11]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

[12]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 218.

[13]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 117, 118.

[14]) Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 53.

рами, и слыли обыкновенно за бояръ [15]), хотя и не приравнивались къ настоящимъ извѣчнымъ боярамъ, благороднымъ людямъ. Поэтому, напр., когда вышеупомянутый Янъ Ганцевичъ захотѣлъ получить съ прибившаго его боярина Михайла Рымковича «шляхетское безчестье», т. е. 12 рублей грошей, на томъ основаніи, что великій князь Сигизмундъ вызволилъ его предка отъ тяглой службы и велѣлъ ему служить боярскою службою, король Сигизмундъ, разбиравшій его жалобу, отказалъ ему въ искѣ—на томъ основаніи, что хотя великій князь Сигизмундъ и велѣлъ его предку служить боярскою службою, но шляхетства ему не далъ. Поэтому король присудилъ Яну Ганцевичу безчестье «какъ которому нутному слугѣ», т. е. рубль грошей [16]). Если къ исконнымъ боярамъ не приравнивались бояре, переведенные съ тяглой на боярскую службу самимъ господаремъ, тѣмъ болѣе не признавались въ боярскомъ «станѣ» люди, обояривпііеся через мѣстныхъ правителей, воеводъ и старостъ. Поэтому и по уставѣ 1557 года шляхтичами, настоящими боярами, въ Жмудской землѣ признаны были лишь тѣ, кто былъ въ этомъ «станѣ» «за староства пана Станислава Яновича, рекомого Кезкгайла, и за сына его пана Станислава Станиславовича (1486—1532), а тѣ, которые сдѣлались боярами по смерти ихъ «за вкупы своими», не были признаны «ровного права зъ шляхтою» [17]). Благодаря тому, что не всѣ, носившіе имя бояръ, считались настоящими боярами, благородными людьми, мы встрѣчаемъ въ актахъ случаи *возведенія въ шляхетство бояръ*. Такой случай имѣлъ, напр., мѣсто въ 1529 г. 9 сентября на великомъ Виленскомъ сеймѣ: король Сигизмундъ зачислилъ въ шляхту боярина Курклевского повѣта Миколая Кгайдомовича и далъ ему «знамя шляхетское», т. е. гербъ, освободивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ, «отъ всихъ особливыхъ послугъ, подачокъ и обтяжливости, которыи кольвекъ на него часу нешляхетства на него належали» [18]).

Итакъ, боярское званіе сверхъ благородныхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, съ незапамятныхъ временъ бывшихъ боярами, носили и простые люди, освобожденные отъ «дачокъ» и «тяглей» и обложенные военною повинностью. Сближеніе благородныхъ военнослужилыхъ людей съ «простыми» совершалось и обратнымъ путемъ, т. е.

[15]) Потомки вышеупомянутаго Крупоса именовались боярами Круповичами и служили военную службу подъ хоруговью Радуньскаго повѣта.

[16]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

[17]) Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 53.

[18]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 142—145.

не восхожденіемъ простыхъ людей до боярства, а нисхожденіемъ «извѣчныхъ» бояръ до податного и тяглаго состоянія. Происходило это разнообразными путями. Въ Жмудской землѣ, напр., многіе бояре-шляхта «за великими упадками своими» перестали съ своихъ домовъ служить военную службу и начали давать «подачки» великому князю съ своихъ земель. Ихъ перестали уже различать отъ податныхъ людей, и король Сигизмундъ долженъ былъ поручить старостѣ Жмудскому Станиславу Яновичу произвести спеціальное «выведанье», кто изъ нихъ «правые» бояре [19]). Очень часто бояре или земяне—шляхта тѣмъ или другимъ путемъ пріобрѣтали крестьянскія земли и вмѣстѣ съ ними принимали на себя и крестьянскія повинности, не переставая въ то же время быть боярами, а иногда даже нести одновременно и военную службу. Такимъ образомъ, напр., при великомъ князѣ Александрѣ бояринъ Коневскій Юркгелисъ Некрашевичъ, получивъ отъ господаря землю конюшскую Яновщину, обязался нести съ нея службу конюшскую и давать дякло, и только преемникъ Александра—Сигизмундъ освободилъ его отъ этихъ повинностей и велѣлъ служить военною службою [20]). Тотъ же Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1511 году земянину Бѣльскому Миколаю Петрыковскому двѣ крестьянскія пустовщины, Пухмовщину и Гриневщину, данныя ему еще при Александрѣ мѣстнымъ державцею, обязалъ его съ этихъ земель, кромѣ военной службы, «порубы до гаевника давати и куницу, и дань медовую,—и обѣдъ нашъ (господарскій) зъ иншими людьми поднимати» [21]). Земянамъ же Бѣльскимъ Андрею Брезынскому и Войтку Петровичу Сигизмундъ пожаловалъ восемь крестьянскихъ пустовщинъ, составлявшихъ въ общей сложности два жеребья, съ обязанностью платить съ этихъ земель ежегодно по 48 грошей и полтора ведра меду, давать дякла и служить земскую службу [22]).—Человѣкъ господарскій Ковенскаго повѣта Юшко Кинбутовичъ, будучи при старости и не имѣя дѣтей, съ разрѣшенья мѣстнаго державцы взялъ себѣ «за сына мѣсто» боярина Ковенскаго Балтромея Яновича. По челобитью боярина король Сигизмундъ утвердилъ его наслѣдникомъ земли и «статковъ» Юшка Кинбутовича съ условіемъ: «а намъ зъ нее службу служыть тую, которую намъ передъ тымъ тотъ Юшко съ тое земли служылъ» [23]). Крестьянскія земли

---

[19]) Акты Вилен. Комм. XXIV, № 19—21.
[20]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 51.
[21]) Такъ же. л. 94.
[22]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113, 114.
[23]) Такъ же, л. 125.

съ крестьянскими повинностями брали обыкновенно измельчавшіе и обѣднѣвшіе бояре, которымъ не подъ силу было съ однихъ своихъ отчинъ нести военную службу, или которые даже совсѣмъ сошли съ своихъ отчинъ. Результатомъ такого сближенія бояръ съ «простыми» людьми на почвѣ землевладѣнія и повинностей и появились такіе разряды бояръ, которыхъ нельзя было причислить ни къ настоящей шляхтѣ, ни къ «людямъ» господарскимъ, которые не укладывались въ рамки существовавшихъ законоположеній о боярахъ. Таковы были, напр., бояре Рудоминскаго повѣта, которые обязаны были косить сѣно на господарскій дворъ [24]), несмотря на то, что уже привилей 1387 года освободилъ литовскихъ бояръ отъ барщинныхъ работъ на господаря, а привилей 1447 года выразительно подтвердилъ это для бояръ всѣхъ земель великаго княжества [25]).

Итакъ, хотя привилеи, даровавшіе литовско-русскимъ боярамъ права и вольности польской шляхты, и создали въ Литовско-Русскомъ государствѣ особое шляхетское сословіе, но это сословіе не выдѣлилось сразу и не обособилось рѣзко отъ остальной народной массы. Причина этому была та, что составъ литовско-русскаго боярства, изъ котораго создалось это сословіе, былъ въ дѣйствительности шире тѣхъ сословныхъ рамокъ, которыя ставила шляхетская идея исконной знатности, благородства и рыцарскихъ «вчинковъ».

§ 2.

Вслѣдствіе того, что шляхетское сословіе своими нижними слоями тѣсно сплеталось съ верхними слоями крестьянства какъ на почвѣ землевладѣнія и повинностей, такъ и въ самомъ названіи, и правительственные органы, и крестьянскія власти, и частныя лица по временамъ не различали бояръ-шляхту отъ «простыхъ людей», нарушали ихъ шляхетскія права или унижали ихъ шляхетское достоинство. Боярамъ-шляхтѣ приходилось нерѣдко возстанавливать судебнымъ порядкомъ свою принадлежность къ шляхетскому сословію, или «выводить»

---

[24]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 9, 401. Въ 1537 году королю Сигизмунду билъ челомъ секретарь латинскій Венцлавъ Миколаевичъ о томъ, «што жъ котории пашни и люди свои маеть у повете Рудоминьскомъ, яко данину нашу и куплю, такъ и по жоне своей, абыхмо его съ тыми его пашнями вызволили отъ кошенья сеножатей двора нашого Рудоминского, котории косять бояре тамошнии Рудоминскии, и на то дали ему нашъ листъ». Король исполнилъ его просьбу. Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 75.

[25]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2; Акты Зап. Рос. I, № 61.

свое шляхетство. Заслуживають поэтому вниманія тѣ доводы, которые приводились въ доказательство шляхетства, ибо они проливають свѣть на то, какіе слои боярскаго класса составили основной контингентъ шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Въ 1473 году предъ королемъ Казимиромъ нѣкоторые десятники «пріискивали» въ тяглую службу бояръ Невойновичей, Вишторговичей, Кгинцевичей и Ейдикгиновичей, указывая на то, что они давали дякла при великомъ князѣ Витовтѣ. Бояре въ доказательство противнаго сослались на пановъ Радивила Остиковича и Михаила Монтовтовича, которые засвидѣтельствовали, «што жъ дедъ ихъ—пана Якуба Раловича деду рожоный братъ, а дякла не даивали за великого князя Витовта и за великого князя Жикгимонта». Казимиръ, разсмотрѣвъ дѣло съ панами-радою, урядилъ, «штожъ имъ на надобе дяколъ давати, ани иншихъ которыхъ служебъ съ селяны служити: потому, какъ которыи шляхтичи служать, такъ имъ служити»[26]).—Въ 1495 году предъ великимъ княземъ Александромъ приставъ и вся волость Немоноитская «пріискивали посполъ съ собою сена косити» бояръ Немоноитскихъ Юрія Динкгайловича, Юшка Миколаевича, Каца Айнаровича, Мацка Бутримовича и Радивила Немировича. Бояре заявили, что ихъ о томъ «смотрѣлъ» воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Петръ Яновичъ (1491—1497), нашелъ ихъ въ томъ правыми и выдалъ имъ свой судовый листъ. Этотъ листъ они предъявили великому князю. Великій князь, не удовольствовавшись этимъ, спросилъ ихъ: «маете ль вы клейноты свои, ижъ бы есте зъ вѣка были бояре?» Бояре указали на то, что у нихъ есть братья шляхта—бояре Новкуновцы въ Ейшишскомъ повѣтѣ. Великій князь поручилъ тогда державцѣ Ейшишскому Петру Радивиловичу допросить Новкуновцовъ, дѣйствительно ли вышеупомянутые бояре имъ братья, и сами они «зъ роду бояре ль суть». Новкуновцы подтвердили ихъ показаніе, а въ доказательство того, что сами они бояре, представили судовые листы пана Радивила, въ которыхъ упомянуто, «што жъ они зъ века бояре шляхта суть». Державца отписалъ обо всемъ этомъ господарю, который на основаніи всѣхъ доводовъ нашелъ бояръ Немоноитскихъ правыми и присудилъ: «не надобе имъ сена зъ волостью косити и иныхъ служебъ служити: нехай они службу намъ служать боярскую, какъ и иншіи которыи бояре шляхта»[27]). — Въ 1496 году великому князю Александру жаловались бояре Радуньскіе Олехно Андреевичъ, Андрей Нецевичъ и Мацко съ братьею,—всего

[26]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 14, 15.

[27]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 50.

семь человѣкъ, на намѣстника Радуньскаго Януша Костевича, «штожъ имъ велелъ сено косити и дякла давати и за то ихъ былъ самихъ поималъ и въ нятстве держалъ и домы ихъ пограбилъ», между тѣмъ какъ они «зъ роду суть бояре шляхта, сена не кошивали и дяколъ не даивали». Въ доказательство этого бояре представили, во-первыхъ, судовый листъ воеводы Троцкаго пана Андрея Саковича (былъ воеводою въ пятидесятыхъ годахъ XV ст.), который судилъ ихъ по дѣлу о невыполненіи этихъ же повинностей съ приставомъ и волостью Радуньскою и нашелъ, что они, какъ бояре, не обязаны выполнять этихъ повинностей; во-вторыхъ, судовый листъ другого воеводы Петра Яновича, который судилъ ихъ съ приставомъ Радуньскимъ Кирвелою и на основаніи представленныхъ ими судовыхъ листовъ пана Андрея Саковича и самого короля Казимира, подтвердившаго судъ Саковича, нашелъ ихъ также правыми. На основаніи всѣхъ этихъ листовъ и великій князь Александръ призналъ: «не надобе имъ сена косити и дяколъ давати, и маютъ они намъ служити службою тою, какъ и иншие бояре шляхта»[28]).—Въ 1509 году королю Сигизмунду жаловались Смоленскіе бояре Ена и Михей Досуговы на боярина же Ѳедора Мирославича, который выпросилъ ихъ у короля Александра «за щитныхъ людей», между тѣмъ какъ они «суть бояре, и предки ихъ волости держивали». Въ доказательство Досуговы представили листы великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича и пана Ивана Гаштольдовича, а также листъ самого короля Александра, который, довѣдавшись, что Ѳедко выпросилъ ихъ «негораздо», писалъ намѣстнику Смоленскому Юрію Андреевичу, «ажъбы онъ тому Ѳедку не казалъ въ нихъ ся вступати». Сигизмундъ, выслушавъ эти листы, допрашивалъ еще Смоленскихъ окольничихъ, что за люди Досуговы. Окольничіе показали, «ижъ они люди добрыи, бояре». Тогда король, «порозумѣвши съ паны радами», нашелъ Досуговыхъ правыми, приказалъ имъ служить по давнему и запретилъ Ѳедку въ нихъ вступаться, а все, что онъ побралъ съ нихъ, приказалъ имъ вернуть[29]).—Бояринъ Полоцкій Костюшко Варооломеевичъ «примовилъ ку чти» боярамъ Барибольдовичамъ, говоря, что они вовсе не бояре, а слуги городовые. По жалобѣ Барибольдовичей король поручилъ разсмотрѣть это дѣло воеводѣ Виленскому, канцлеру, пану Миколаю Миколаевичу (1510—1522). Въ доказательство своего шляхетства Барибольдовичи представили: листъ великаго князя Витовта, удостовѣряющій, что прадѣдъ ихъ Михалко

---

[28]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ XII, л. 78—80.
[29]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 285, 286.

зими у боярина Тимоѳея Алферьевича и его племянника Василья Григорьевича, и обратился къ господарю съ просьбою подтвердить за нимъ на вѣчность это село на службѣ земской военной и «припустить» его самого «ку тытулу, права, вольности и свободе шляхетской». Воевода Витебскій князь Стефанъ Андреевичъ Збаражскій, будучи на этотъ разъ при господарѣ, съ своей стороны ходатайствовалъ за Яцка и указалъ, что этотъ Яцко, хотя онъ только слуга панцырный путный, до сихъ поръ «на всемъ ся добре, съ пристойностью шляхетскою, заховалъ», мужественно оборонялъ замокъ Витебскій, когда приходили подъ него московскіе люди, и, будучи взятъ ими въ плѣнъ, убѣжалъ отъ нихъ и вернулся на службу къ своему прироженому господарю. Король уважилъ просьбу Яцка и ходатайство воеводы и 22 августа 1563 года выдалъ Яцку особый листъ, коимъ утверждалъ за нимъ въ вѣчное владѣніе село Рѣшетники на службѣ земской военной, а самого его и потомковъ его объявлялъ шляхтичами и предоставлялъ имъ «тытулу, учстивости и всихъ правъ и вольностей шляхетскихъ вживати» [75]). За заслуги и отличія на военной службѣ получилъ шляхетство и Адамъ Былинскій, служебникъ пана Миколая Тальвоша, посланнаго во главѣ отряда для обороны Ливоніи. Тальвошъ доложилъ объ немъ королю, что онъ мужественно сражался въ двухъ битвахъ со шведами и въ одной битвѣ съ москвитянами, не жалѣя своей жизни и здоровья, всегда держалъ себя «верне и статечне», и за эти заслуги просилъ короля одарить его правомъ шляхетскимъ, заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что готовъ принять его въ гербъ своего дома «Лабедзь». Паны рада поддержали ходатайство Тальвоша, и король 18 ноября 1567 года выдалъ Былинскому особый привилей, коимъ признавалъ за нимъ и его потомствомъ шляхетство и разрѣшилъ употреблять знакъ герба «Лабедзь» съ добавленіемъ къ нему меча изъ шлема [76]).— По ходатайству другого военачальника во время Ливонской войны, кн. Романа Сангушка, получилъ шляхетство съ гербомъ «подданный» господарскій Микита Кондратовичъ. Сангушко представилъ его королю лично и доложилъ объ немъ, какъ гласитъ привилей короля, что онъ, «будучи при его милости на послугахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ военныхъ, войска наши противку войскъ неприятеля нашого великого князя Московского часто зводилъ, также въ сторожи войскъ нашихъ и во всякихъ потребахъ военныхъ чуйне и мужне ся оказывалъ», и въ особенности оказалъ большія услуги во время битвы,

[75]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 431, 432.

[76]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 119.

§ 5.

Обособленіе и отграниченіе шляхетскаго сословія отъ другихъ классовъ общества не преграждало, однако, доступа въ него лицамъ изъ разныхъ слоевъ общества. Шляхетское сословіе продолжало пополняться всѣми тѣми элементами, которые присоединялись къ нему и ранѣе. Разница была лишь та, что всѣ эти сторонніе элементы стали входить черезъ спеціальныя пожалованія господаря въ шляхетское сословіе, а не сами собою, черезъ одну боярскую службу, на которую попали тѣмъ или другимъ образомъ, какъ это бывало ранѣе. Поэтому параллельно съ обособленіемъ шляхетскаго сословія умножалось и количество спеціальныхъ привилеевъ на шляхетство, которыя господарь раздавалъ разнымъ лицамъ въ видѣ награды за какія либо особенныя заслуги и для удержанія ихъ на шляхетской боярской службѣ. И это умноженіе констатируется по актамъ Литовской Метрики какъ разъ съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, когда произведенъ былъ уже «понисъ» шляхты, и введена въ дѣйствіе извѣстная «устава» 1529 года, оказавшая, какъ сказано выше, большое вліяніе на обособленіе шляхетскаго сословія.

Возведеніе въ шляхетство совершалось, впрочемъ, и ранѣе и входило обыкновенно въ составъ разныхъ оффиціальныхъ торжествъ. Такимъ образомъ, король Александръ на торжественномъ пріемѣ Заволжскаго царя Шигъ-Ахмата подъ Берестьемъ въ 1505 году, сидя съ царемъ въ богато убранномъ шатрѣ, возвелъ въ рыцари множество поляковъ, литовцевъ и татаръ, при чемъ въ этомъ актѣ принималъ участіе и татарскій царь [66]). Король Сигизмундъ на торжествѣ, которое отправлялось по случаю принесенія ленной присяги Прусскимъ герцогомъ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ въ 1525 году, возвелъ въ шляхетское сословіе своего мытника Михеля Езофовича, во вниманіе къ заслугамъ его покойнаго брата Аврама Езофовича, бывшаго подскарбія земскаго, и къ его собственнымъ. При этомъ король выдалъ ему особый привилей, въ силу котораго Михель Езофовичъ долженъ былъ пользоваться всѣми правами, вольностями, милостями и льготами, которыми пользовались и остальные шляхтичи, и между прочимъ гербомъ, перстнемъ, цѣпью и другими рыцарскими знаками. Что касается герба, то Сигизмундъ утвердилъ за нимъ гербъ Лелива, въ который принялъ его панъ Юрій Глѣбовичъ, намѣстникъ Смолен-

[66]) *Stryjkowskiego* Kronica, tom II, str. 322.

скій, и предоставилъ изображать его знакъ всюду, гдѣ изображаются гербовые знаки шляхтою (этотъ знакъ красками написанъ былъ въ подлинникѣ привилея) [67]). Изъ всего этого видно, что и на Литовско-Русское государство черезъ Польшу распространялось вліяніе различныхъ обычаевъ и установленій западно-европейскаго средне-вѣковаго рыцарства, и что названіе «рыцарь», фигурирующее довольно часто въ оффиціальномъ языкѣ Литовской Руси, не пустой звукъ, а слово, обозначающее извѣстное реальное, жизненное явленіе. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ дѣйствительно было свое рыцарское благородное сословіе на манеръ западно-европейскаго, съ его инсигніями и, по всѣмъ даннымъ, также съ его сословными понятіями и предразсудками.

Съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ возведеніе въ шляхетство сдѣлалось уже будничнымъ правительственнымъ актомъ, который сталъ совершаться и не на однихъ только торжествахъ. По вышеуказаннымъ причинамъ понадобилось чаще выдавать привилеи на шляхетство, что и стало дѣлаться сплошь и рядомъ безъ всякой торжественной процедуры и обстановки. Такимъ образомъ, напр., выданъ былъ 9 сентября 1529 года привилей на шляхетство боярину Курклевскому Миколаю Кгайдомовичу. Узнавъ его «годность, заслуги и цноты» и желая, чтобы онъ съ своими потомками причислялся и приравнивался къ остальной шляхтѣ, король выдалъ ему особый листъ на шляхетство, коимъ освобождалъ его и потомковъ его «отъ всихъ особливыхъ послугъ, подачокъ и обтяжливостей, которыи кольвекъ на него часу нешляхетства належали», поддавалъ ихъ подъ «право и обычай земскій посполитый, зъ стародавна на иншую шляхту прыслухаючый», и жаловалъ имъ «знамя шляхецкое обронне», т. е. гербъ («рожу белую, пять кветовъ, на червономъ полю поставеныхъ), коимъ предоставлялъ пользоваться «водлугъ обычая и захованья иншое шляхты», т. е. изображать на печатяхъ, коврахъ и другихъ предметахъ; всѣмъ же стороннимъ лицамъ приказывалъ, чтобы они вышеупомянутаго Миколая Кгайдомовича съ его потомками «за правдивого шляхтича, черезъ насъ вчыненого, мели». Этотъ привилей выданъ былъ въ присутствіи нѣсколькихъ пановъ радныхъ [68]). Пригодился онъ въ самомъ не-

---

[67]) Scutum celestini coloris, in cujus medio dimidium lunae ceruleae cornibus sursum erectis, et stella etiam cerulea in ejusdem lunae medio superius fixa extat. Литов. Метр. кн. Запис. XII. л. 472—488.

[68]) «Пры томъ были хвалебные въ Крыстусе отцове: Янъ съ княжатъ Литовскихъ, Павелъ Яновичъ, Миколай Киевский бискупове; а врожоныи и учливыи: Янъ

шее въ этомъ отношеніи право. Въ статутѣ 1529 года сдѣлана была попытка дать этому артикулу новую, болѣе удовлетворительную, редакцію. Одиннадцатый артикулъ III раздѣла этого статута постановлялъ, что шляхтичъ, о которомъ сказано кѣмъ-нибудь, что онъ не шляхтичъ, долженъ поставить въ качествѣ свидѣтелей двухъ шляхтичей изъ рода отца и матери, которые должны подтвердить подъ присягою, что онъ шляхтичъ; если же родъ его перевелся, тогда онъ долженъ поставить бояръ-шляхту околичныхъ, которые знаютъ, что онъ шляхетскаго рода, и тѣ также должны подтвердить это присягою; если же онъ чужеземецъ, пріѣзжій человѣкъ, тогда онъ долженъ съѣздить къ себѣ на родину и привезти оттуда оффиціальное удостовѣреніе, что онъ благороднаго происхожденія; если бы онъ не могъ сдѣлать этого по случаю войны съ тою страной, откуда онъ родомъ, то можетъ поставить двухъ шляхтичей изъ одной съ нимъ страны, которые подъ присягою должны подтвердить его шляхетство. Эта новая редакція закона «о выводѣ шляхетства» при сопоставленіи ея съ дѣйствовавшимъ правомъ оказывается столь же неудовлетворительною, какъ и редакція 1522 года. Правда, что въ новой редакціи въ соотвѣтствіе съ дѣйствительностью расширенъ кругъ свидѣтелей, показаніями которыхъ можно выводить свое шляхетство. Но зато въ ней пропущенъ цѣлый отдѣлъ доказательствъ, коими также выводилось шляхетство, т. е. письменные документы. Между тѣмъ письменные документы, какъ до статута 1529 года, такъ и послѣ статута въ дѣйствовавшей судебно-административной практикѣ принимались на доводъ шляхетства. Хоружій Мстиславскій Мурза Маскевичъ побилъ и поранилъ «безвинне» боярина Мстиславскаго Радка Щолкановича и его жену. По жалобѣ боярина староста Мстиславскій кн. Василій Андреевичъ Полубенскій вмѣстѣ съ тамошними боярами присудили ему на Маскевичѣ 12 рублей шляхетскаго безчестья, а женѣ его 24 рубля, согласно статуту. Но хоружій, «хотячи съ того вынигнути а ничимъ его въ томъ отбыти и ку болшой шкоде его привести», назвалъ его «простымъ хлопомъ», а не шляхтичемъ. Тогда Радко поставилъ бояръ тамошнихъ, людей добрыхъ-шляхту, которые признали его своимъ «кровнымъ», и кромѣ того положилъ *листы* князей Мстиславскихъ, князя Ивана Юрьевича и князя Михаила, въ которыхъ предки его и онъ самъ описаны «бояриномъ, человекомъ добрымъ, шляхтою». Староста не посмѣлъ учинить этому дѣлу конецъ и перенесъ его на судъ самого господаря, который призналъ доводы Радка достаточными, оставилъ его при шляхетствѣ и приказалъ старостѣ взыскать съ хоружія какъ шляхетское безчестье въ пользу Радка и его жены, такъ и всѣ его протори и

убытки, которые онъ потерпѣлъ въ этой тяжбѣ (7 окт. 1537 года) [37].— Старостѣ Жмудскому, державцѣ Плотельскому и Тельшевскому, пану Ерониму Александровичу Ходкевичу приставъ, поприставъ и нѣкоторые люди волости Полонгской донесли на бояръ той же волости Юрія Ездайтиса и Луку Миникайциса, будто бы они обязаны давать ему, какъ державцѣ Плотельскому, стацію, ибо они давали стацію его предшественникамъ. Но бояре, ставъ передъ старостою, заявили, что они шляхта и никогда не давали стаціи старостамъ и не платили подарка господарю, но всегда служили господарю службу военную конно и збройно, какъ и другіе бояре-шляхта. Въ доказательство они представили *листы* Яна Рекутя и его сына Станислава Яновича и прежнихъ старостъ Жмудскихъ, въ которыхъ написано, что этимъ боярамъ розданы имѣнья въ волости Полонгской на службѣ военной съ освобожденіемъ отъ всякихъ другихъ повинностей, какія выполняютъ простые люди. Пристава въ свою очередь подтвердили, «ижъ они суть зъ вековъ бояре шляхта и жадного плату господару его милости не даютъ, одно службу земскую господару его милости служатъ». На основаніи всѣхъ этихъ показаній староста не сталъ требовать съ бояръ стаціи и выдалъ имъ листъ (3 мая 1547 года), коимъ они навсегда освобождались отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной службы господарю [38]). Всѣ эти факты въ общей сложности убѣждаютъ, что дѣйствовавшее право въ отношеніи «вывода шляхества» не формулировано полностью ни въ законѣ 1522 года, ни въ статутѣ 1529 года, что оба закона въ данномъ отношеніи не исключаютъ, а только взаимно пополняютъ другъ друга. Можно, слѣдовательно, сказать, что по дѣйствовавшему въ Литовско-Русскомъ государствѣ праву шляхтою признавались тѣ бояре и земяне, военно-служилые землевладѣльцы, которые показаніями родственниковъ и стороннихъ шляхтичей и оффиціальными документами могли доказать древность и знатность своего рода.

Изъ рѣшеній, ставившихся по дѣламъ о шляхетствѣ, видно, что основной контингентъ шляхетского сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ данъ былъ тѣми боярскими фамиліями, которыхъ застали на боярской службѣ и при боярскихъ имѣньяхъ первые привилеи, насадившія шляхетскія права и вольности въ великомъ княжествѣ. Военнослужилые землевладѣльцы, попавшіе на боярскую службу позже, не

[37]) Литов. Метр кн. Запис. XXI, л. 210, 211.

[38]) Акты Вилен. Ком. XXIV, № 65. Срав. также № 80.

всегда попадали въ шляхетское сословіе, если не имѣли спеціальныхъ привилеевъ на шляхетство.

§ 3.

Разборъ дѣлъ о шляхетствѣ исподоволь выяснялъ наличность благороднаго шляхетскаго класса въ Литовско-Русскомъ государствѣ и тѣмъ способствовалъ его обособленію отъ военно-служилаго и тяглаго простонародья. Лица, возстановившія судебнымъ порядкомъ свои шляхетскія права, получали соотвѣтствующіе «листы», которые они хранили, какъ свои шляхетскіе «клейноты», какъ фамильное сокровище, могущее пригодиться для ихъ потомковъ. При помощи этихъ листовъ потомки уже сравнительно легко возстановляли свое шляхетское достоинство, если оно попадало подъ сомнѣніе или униженіе. Такимъ образомъ, напримѣръ, при помощи листа, выданнаго въ 1473 году королемъ Казимиромъ боярамъ Виштортовичамъ и Кгивцевичамъ, возстановили въ 1537 году свое шляхетское достоинство ихъ потомки—Стась Мицейковичъ съ братьею, Андреемъ Милковичемъ и Станиславомъ Степевичемъ, Виштортовичи и Петръ Андреевичъ Кгинцевича, которыхъ державца Ейшишскій, Левъ Семеновичъ Чижъ, сталъ было «приворочать» въ тяглую службу «посполъ зъ иншыми людьми Ейшышскими» [39]). На основаніи документовъ, полученныхъ боярами Радуньскаго повѣта Олехномъ Андреевичемъ, Андреемъ Нецевичемъ и Мацкомъ съ братьею, возстановили въ 1541 году свои шляхетскія права ихъ потомки, которымъ мѣстный державца, панъ Шимко Мацковичъ, сталъ было чинить «крывды и втисненья великии», а именно, приказывалъ имъ вмѣстѣ съ тяглыми людьми стоять на стражѣ у воротъ большого Троцкаго замка, «а въ ночи на замку кликати», «приворочалъ» ихъ къ другимъ работамъ дворнымъ Радуньскимъ и за неисполненіе ихъ всылалъ въ ихъ дома дѣцкихъ и «грабилъ» ихъ, тогда какъ они обязаны были только служить военную службу, оправлять замокъ Троцкій, стеречь вязней Москвичей въ замкѣ и ходить въ заставу до Минска, «яко и иншие бояре шляхта повету Троцкого» [40]) и т. д. Помимо судебныхъ дѣлъ о шляхетствѣ, возникавшихъ спорадически и болѣе или менѣе случайно, выясненію наличности шляхетскаго сословія и обособленію его отъ низшихъ классовъ общества помогли не мало и нѣкоторыя общія административныя мѣры, принятыя въ великокняженіе Сигизмунда Стараго.

---

[39]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 14, 15.

[40]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XII, л. 78—80.

ими у боярина Тимоѳея Алферьевича и его племянника Василья Григорьевича, и обратился къ господарю съ просьбою подтвердить за нимъ на вѣчность это село на службѣ земской военной и «припустить» его самого «ку тытулу, права, вольности и свободе шляхетской». Воевода Витебскій князь Стефанъ Андреевичъ Збаражскій, будучи на этотъ разъ при господарѣ, съ своей стороны ходатайствовалъ за Яцка и указалъ, что этотъ Яцко, хотя онъ только слуга панцырный путный, до сихъ поръ «на всемъ ся добре, съ пристойностью шляхетскою, заховалъ», мужественно оборонялъ замокъ Витебскій, когда приходили подъ него московскіе люди, и, будучи взятъ ими въ плѣнъ, убѣжалъ отъ нихъ и вернулся на службу къ своему прироженому господарю. Король уважилъ просьбу Яцка и ходатайство воеводы и 22 августа 1563 года выдалъ Яцку особый листъ, коимъ утверждалъ за нимъ въ вѣчное владѣніе село Рѣшетники на службѣ земской военной, а самого его и потомковъ его объявлялъ шляхтичами и предоставлялъ имъ «тытулу, учтивости и всихъ правъ и вольностей шляхетскихъ вживати» [75]). За заслуги и отличія на военной службѣ получилъ шляхетство и Адамъ Былинскій, служебникъ пана Миколая Тальвоша, посланнаго во главѣ отряда для обороны Ливоніи. Тальвошъ доложилъ объ немъ королю, что онъ мужественно сражался въ двухъ битвахъ со шведами и въ одной битвѣ съ москвитянами, не жалѣя своей жизни и здоровья, всегда держалъ себя «верне и статечне», и за эти заслуги просилъ короля одарить его правомъ шляхетскимъ, заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что готовъ принять его въ гербъ своего дома «Лабедзь». Паны рада поддержали ходатайство Тальвоша, и король 18 ноября 1567 года выдалъ Былинскому особый привилей, коимъ признавалъ за нимъ и его потомствомъ шляхетство и разрѣшилъ употреблять знакъ герба «Лабедзь» съ добавленіемъ къ нему меча изъ шлема [76]).— По ходатайству другого военачальника во время Ливонской войны, кн. Романа Сангушка, получилъ шляхетство съ гербомъ «подданный» господарскій Микита Кондратовичъ. Сангушко представилъ его королю лично и доложилъ объ немъ, какъ гласитъ привилей короля, что онъ, «будучи при его милости на послугахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ военныхъ, войска наши противку войскъ непріятеля нашого великого князя Московского часто зводилъ, также въ сторожи войскъ нашихъ и во всякихъ потребахъ военныхъ чуйне и мужне ся оказывалъ», и въ особенности оказалъ большія услуги во время битвы,

[75]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 431, 432.

[76]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 119.

бы еси тые реистра, яко все панство наше великое князство пописывано, которыи у тебе суть у скарбе нашомъ, передъ собою отворилъ, а къ тому и въ реистра гетманскии угленулъ и попису бояръ Остринскихъ огледалъ и межы оными бояры имены ихъ осмотрелъ». Если бы имена ихъ оказались дѣйствительно на одномъ реестрѣ съ Остринскими боярами, особо отъ слугъ путныхъ и тяглыхъ людей, подскарбій долженъ былъ дать имъ выпись изъ этого реестра съ приложеніемъ своей руки и печати и приказать писарю, чтобы онъ не взыскивалъ съ нихъ своихъ «пожитковъ» и «копъ осадныхъ», а если бы имень ихъ въ этомъ спискѣ не оказалось, подскарбій долженъ былъ увѣдомить писаря, чтобы онъ поступалъ съ ними, какъ съ путными слугами [43]). И позже реестръ «попису земского» 1528 года служилъ для справокъ о шляхетствѣ, и выписями изъ него доказывали свое шляхетское происхожденіе разныя лица [44]). Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что онъ уцѣлѣлъ въ книгахъ Метрики до настоящаго времени, въ копіи, сдѣланной въ концѣ XVI вѣка.

Итакъ, въ 1528 году составлена была своего рода дворянская книга, опредѣлившая, хотя бы и приблизительно, наличность шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Вскорѣ послѣ регистраціи шляхетскаго сословія приняты были нѣкоторыя другія мѣры, которыя въ результатѣ своемъ должны были еще рѣзче отграничить шляхту отъ простонародья, чѣмъ это сдѣлалъ земскій «попись» 1528 г. Бояре-шляхта, какъ видно изъ приведенныхъ выше актовыхъ свидѣтельствъ, очень мало различались отъ такъ называемыхъ путныхъ бояръ или слугъ. По новой уставѣ, данной въ 1529 году въ руководство державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, а также дворовъ и волостей Жмудской земли [45]), путные бояре взамѣнъ военной службы обложены были «осадными копами» и барщинными повинностями въ размѣрѣ двѣнадцати дней въ году [46]). Послѣ такого перевода на «тяглую службу» [47]) уже нельзя было смѣшивать бояръ-шляхту и бояръ путныхъ. Этотъ переводъ производился писарями господарскихъ дво-

---

[43]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 28, 29.

[44]) Акты Виленской Коммиссіи, т. XXIV, № 30, 32.

[45]) Акты Зап. Рос. II, № 159, 160; Архивъ Юго-Западной Россіи, часть VI, т. I, № VII.

[46]) Правительство, очевидно, сознало малую пригодность для военной службы путныхъ бояръ-земледѣльцевъ и предпочло перевести ихъ повинность на деньги въ разсчетѣ замѣнять путныхъ бояръ наемными «служебными».

[47]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 339—340.

ровъ, которые согласно съ новою уставою стали объѣзжать эти дворы, устанавливать и пописывать господарскіе «пожитки» [48]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда писари по недоразумѣнію облагали тяглыми повинностями бояръ-шляхту, послѣдніе доходили до господаря и возстановляли свое шляхетство. Такимъ образомъ, напр., когда писарь дворовъ Троцкаго повѣта Богданъ Мацковичъ привернулъ къ работамъ дворнымъ и вписалъ съ тяглыми людьми нѣкоторыхъ бояръ Вилкейской волости, послѣдніе обратились сначала за ходатайствомъ къ прежнему державцѣ пану Александру Ходкевичу, а затѣмъ непосредственно къ королю съ заявленіемъ, «ижъ они суть люди добрые, шляхта, и зъ вековъ посполъ зъ иншими бояры тамошними земянскою службою служать, на войну ездять, а николи поседей не чынивали и служобъ до двора нашого никоторыхъ не служывали». Въ доказательство они представили листы старосты Жмудскаго Яна Кезкгайла (1451—1485), бывшаго державцы Вилькейскаго Александра Ходкевича и самого короля Сигизмунда. Поручивъ писарю Жмудскихъ дворовъ Андрею Мацкевичу для окончательнаго разъясненія дѣла допросить мѣстныхъ бояръ-шляхту, Сигизмундъ распорядился о томъ, чтобы писарь не принуждалъ ихъ къ тяглымъ работамъ, буде они выведуть свое шляхетство «братьею своею шляхтою» (23 іюня 1530 года) [49]). Писарь дворовъ Виленскаго повѣта Миколай Андрошевичъ наложилъ «копы осадныя» на Пенянскихъ бояръ Бетикгольцевъ—Миколая Сядковича, Петра Станевича, Станислава Нарбутовича и Юрія Янковича, какъ на путныхъ слугъ. Бояре, не имѣя должныхъ доказательствъ своего шляхетства, обратились къ панамъ раднымъ, прося ихъ ходатайства передъ королемъ и указывая, что они всегда служили службою военною вмѣстѣ съ боярами-шляхтою. Паны-рада написали королю, пребывавшему въ то время въ Польшѣ, и просили оставить Бетикгольцевъ на шляхетской боярской службѣ въ виду того, что по гетманскимъ реестрамъ они всегда служили вмѣстѣ съ боярами-шляхтою и что для господаря отъ этой ихъ службы будетъ «лепшая послуга, нижли тые копы». «А то бы, ваша милость, — заключали паны-рада свое ходатайство,—господарь нашъ милостивый, для чоломбитья нашого вчинити рачылъ». Король исполнилъ эту просьбу и выдалъ боярамъ Бетикгольцамъ листъ (отъ 24 мая 1541 года), утвер-

[48]) Писарей было установлено четверо: для дворовъ Виленскаго повѣта, для дворовъ Троцкаго повѣта, для Жмудской земли, для Поднѣпрскихъ волостей. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 540—542; XXI, л. 1—2, 81—82; Судныхъ дѣлъ IV, л. 295, 311, 333. 339—340, 346—347.

[49]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 343.

мело, не сегали, але во всемъ заховывали ся ку нимъ, яко ку врожоной а правой шляхте» [82]).

Изъ приведенныхъ выше привилеевъ видно, что въ шляхетское сословіе жаловались иногда лица не за свои собственныя заслуги, а за заслуги своихъ близкихъ, братьевъ, сыновей и т. д. Наиболѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ изъ себя возведеніе въ шляхетское сословіе сыновей владыки Туровскаго и Пинскаго Васіяна Каплича, Ивана и Яцка. По ходатайству королевы Боны, король Сигизмундъ 4 сентября 1540 года выдалъ имъ особый привилей, коимъ призналъ ихъ шляхтичами во вниманіе «ку цнотливому жытью и годности» ихъ отца и пожаловалъ имъ особый гербъ («сосну зеленую съ трема верхи, съ одного пня идучими, и съ кореньемъ въ щыте черленомъ, а на верхъ щыта гельмъ округлый, на немъ полчеловека збройного, голова въ него безъ зброи зъ роспущоными волосы, а держыть оную сосну руками за коренье») [83]).

Гербы, какъ охранительные знаки («знамя обронне») шляхетскаго достоинства, съ теченіемъ времени пріобрѣли большую цѣну въ глазахъ шляхты, и ихъ стали выхлопатывать себѣ лица, состоявшія уже въ шляхетскомъ сословіи, въ особенности если шляхетство ихъ не было очевиднымъ для всѣхъ фактомъ. Такимъ образомъ, король Сигизмундъ 20 февраля 1536 года подтвердилъ гербъ, прозывающійся «Божездаржъ» придворному служителю молодого короля Сигизмунда Миколаю Одланицкому и его сыну Себестіяну, которые происходили отъ шляхтичей, пользовавшихся этимъ гербомъ (очевидно, это были поляки-чужеземцы) [84]). Король Сигизмундъ Августъ 22 ноября 1551 года утвердилъ за боярами Полоцкими Васильемъ Митковичемъ и Василіемъ Гридковичемъ гербъ «Левъ зъ Муру», которымъ одарилъ ихъ воевода Полоцкій Станиславъ Станиславовичъ Довойно въ вознагражденіе за ихъ службу его покойному названному отцу, воеводѣ Кіевскому Андрею Якубовичу Немировича, и ему самому и во вниманіе къ ихъ военнымъ доблестямъ, «ижъ они, бываючи съ паномъ своимъ у многихъ и частыхъ потребахъ противъ неприятелей нашихъ въ битвахъ съ татарами и москвичи то чинили, што на правыхъ добрыхъ рыцерскихъ людей прыслушить». Всѣмъ этимъ не имѣлось въ виду возвести ихъ въ шляхетское достоинство, ибо они «зъ роду своего» были «люди добрые шляхта», а только сдѣлать это достоинство болѣе очевиднымъ,

[82]) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 224—225.
[83]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 68—69.
[84]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 26—27.

свои «клейноты», т. е. документы, подтверждающіе ихъ «шляхетство» [51]), или выводили шляхетство своею «братьею шляхтою». Послѣдній доводъ не всегда принимался ревизорами или мѣрчими, и шляхетскіе грунты по временамъ попадали въ волочную помѣру. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы обращались къ господарю и старались вывести передъ нимъ свое шляхетство и свое право на землю. Такой случай имѣлъ мѣсто, напр., въ 1551 году. Согласно съ показаніемъ Ейшишскаго державцы пана Богдана Хребтовича, что бояре Ейшишскіе Якубъ Балтромеевичъ съ братьями Блажеемъ и Валентомъ «съ предковъ своихъ» люди тяглые, а не шляхта, и передъ тѣмъ всегда служили таглую, а не боярскую службу, помѣрчій Иванъ Михайловичъ помѣрилъ ихъ земли на волоки. Тогда бояре обратились съ жалобой къ господарю, который поручилъ разобрать ихъ дѣло маршалкамъ, «на справы судовыи высажонымъ»,—пану Василью Тишковичу, державцѣ Минскому и Волковыйскому, Криштофу Юрьевичу Завишѣ и Яну Шимковичу, державцѣ Коневскому и Дубицкому. На доводъ своего шляхетства бояре поставили двухъ шляхтичей со стороны отца, Щастнаго Довкшевича и Миколая Кондратовича—герба Среневы, и двухъ со стороны матери, Андрея Михайловича и Щастнаго Невойновича—герба Павдивца. Эти шляхтичи подъ присягою показали, что вышеупомянутый Якубъ съ братьею—шляхтичи, а не люди таглые. Судьи доложили объ этомъ господарю для окончательнаго приговора. Господарь «не для присягъ и сведецства» вышеупомянутыхъ бояръ (очевидно, ихъ собственное шляхетство было сомнительнымъ), но «зъ особливое ласки своее» и по просьбѣ пановъ-рады дворныхъ оставилъ Якуба Балтромеевича и братьевъ его при шляхетствѣ и предоставилъ имъ печататься гербомъ Среневою «и всихъ вольностей шляхетскихъ вживати потому, яко жъ иншие бояре шляхта». Что же касается забранныхъ у нихъ земель, король приказалъ мѣстному державцѣ возвратить ихъ по принадлежности и впредь не приворочать ихъ и ихъ потомковъ въ таглую службу. Все это король сдѣлалъ только для Якуба Балтромеевича и его родныхъ братьевъ. «А што ся дотычеть иншое братьи ихъ кревное, не рожоное,—читаемъ въ листѣ короля,—которые тамъ жо у волости нашой Ейшишской суть, тые предъся службою таглою ку двору нашому Ейшишскому служыти и платы волочные намъ давати

---

[51]) Ревизоры переписывали всѣ эти документы въ особую книгу какъ бы въ оправданіе, почему они не помѣрили извѣстныхъ земель на волоки. См. «Ревизію пущъ и переходовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ»; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 197—204.

маютъ»[52]).—Вопросы о шляхетствѣ рѣшались иногда до помѣры боярскихъ земель на волоки, послѣ предварительнаго опроса мѣстныхъ властей о томъ, кто состоитъ въ шляхетскомъ сословіи. Такимъ образомъ, напр., въ 1558 году бискупъ Виленскій Валеріанъ по комиссіи отъ господаря разсматривалъ цѣлый рядъ дѣлъ о шляхетствѣ разныхъ бояръ Ейшишскихъ, земли которыхъ предстояло помѣрять на волоки. Въ числѣ этихъ бояръ оказались и родственники вышеупомянутыхъ Якуба, Блажея и Валента Балтромеевичей, которые въ 1551 году показывали подъ присягою, что эти бояре-шляхта гербу Сренява, а теперь сами хотѣли вывести собственное шляхетство, опираясь на привилей, полученный Якубомъ Балтромеевичемъ и его братьями. Но ихъ тактика не удалась. Присутствовавшіе на судѣ князя бискупа ревизоры Станиславъ Райскій и Война объяснили, что господарь оставилъ при шляхетствѣ только одного Якуба Балтромеевича и его родныхъ братьевъ «зъ ласки своее, а не на тую присягу ихъ», всѣмъ же остальнымъ боярамъ этого рода—Лапикламъ велѣлъ служить тяглою службою по давнему. Съ другой стороны хоружій Ейшишскій Янъ Станиславовичъ и нѣкоторые бояре-шляхта Себестіянъ Кгабріяловичъ, Лавринъ Янковичъ, Матей Митковичъ, Петръ Монтвилъ и Бенедиктъ Янковичъ заявили, что они не шляхта, «але простыи люди, мужики», и что они не хотятъ имѣть ихъ въ своей средѣ. Въ виду всего этого князь бискупъ не «припустилъ» Лапикловъ къ шляхетству и отложилъ окончательное рѣшеніе объ нихъ «на розсудокъ и на вырокъ его милости господарскій». Король подтвердилъ снова, что они должны служить тяглою службою и, кромѣ того, распорядился, чтобы канцелярія впредь до его распоряженія задержала привилей на шляхетство, выданный Якубу Балтромеевичу, въ виду того, что онъ ссудилъ его своимъ родственникамъ «для подпору» ихъ неосновательныхъ притязаній и показалъ своимъ роднымъ братомъ Блажея, который въ дѣйствительность не родной ему братъ.—Точно такъ же не довели своего шляхетства передъ княземъ бискупомъ и бояре Адамъ, Марко и Янъ Андрошевичи Войсети. Хоружій Ейшишскій и шляхтичи Лавринъ Ондкевичъ, Юрій Петковичъ, Павелъ Спортикъ и Григорій Өедоровичъ показали, что эти люди «суть простое хлопство, а не шляхта, а батько ихъ десятникомъ бывалъ надъ волостью господарскою Ейшишскою». Войсети съ своей стороны не представили никакихъ доказательствъ своего шляхетства, и князь бискупъ велѣлъ имъ служить службою тяглою ко двору Ейшишскому. Но бояре Мижанцы, вызван-

---

52) Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 67, 68.

ные также на судъ князя бискупа, на доводъ своего шляхетства представили листы королей Казимира, Александра, Сигизмунда и Сигизмунда-Августа и много разныхъ другихъ листовъ, изъ которыхъ ясно оказалось, что они «суть со всимъ домомъ своимъ люди бояре, шляхта господарская». Хоружій и другіе шляхтичи показали, что всѣ эти бояре «одинъ родъ есть и тые листы, которые покладали, съ продковъ ихъ имъ служать». На основаніи всего этого князь бискупъ возвратилъ имъ всѣ представленные ими документы «и на службы тяглые ани на жадные иншие повинности, окромъ боярское шляхетское службы, не казалъ ихъ вернути»[53]).—Признаніе въ шляхетствѣ во время волочнаго измѣренія, полученіе тѣмъ или другимъ землевладѣльцемъ «отмены» за занятую и помѣренную на волоки землю въ свою очередь стало служить доказательствомъ шляхетства въ послѣдующее время. Такимъ образомъ, напр., земяне Браславскаго повѣта Довборовичи въ 1562 году доводили свое шляхетство между прочимъ тѣмъ, что при помѣрѣ земель на волоки мѣрчіе дали имъ «отмену» за занятыя у нихъ земли [54]).

Такъ, помѣра на волоки дворныхъ и крестьянскихъ земель въ господарскихъ имѣніяхъ проводила рѣзкую границу между крестьянскимъ и шляхетскимъ сословіями. Вводившаяся послѣ помѣры такъ называемая волочная устава также содѣйствовала сословной дифференціаціи. По этой уставѣ военнослужилые крестьяне, какъ, напр., бояре путные, «вкупные» (въ Жмудской землѣ), борти, стрѣльцы, либо переводились совсѣмъ съ военной службы на чиншъ и тяглыя повинности, либо облагались въ половинномъ или третномъ размѣрѣ по сравненію съ другими крестьянами, либо въ полномъ, за исключеніемъ тѣхъ годовъ, когда они отправляли свою спеціальную службу. Введеніе волочной уставы сопровождалось кромѣ того подробною и точною регистраціею тяглаго населенія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ ревизорскія книги, относящіяся къ нѣкоторымъ староствамъ, какъ, напр., Городенскому, Берестейскому, Пинскому и Кобринскому. Эта регистрація должна была въ сильной степени содѣйствовать взаимному отграниченію и обособленію шляхетства и хлопства.

Весь этотъ интензивный процессъ сословной дифференціаціи происходилъ, однако, не во всемъ Литовско-Русскомъ государствѣ, а только въ тѣхъ областяхъ его, гдѣ производилось волочное измѣреніе и вво-

---

[53]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 197—204.

[54]) Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 13, 14.

дилась волочная устава, т. е. въ собственной Литвѣ, Жмуди, на Подляшьѣ, въ Полѣсьѣ и частью на «Руси» и Волыни (въ Кременецкомъ и Владимірскомъ повѣтахъ). Но и въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства одновременно съ этимъ приняты были нѣкоторыя мѣры, которыя должны были до извѣстной степени сходиться въ своихъ результатахъ съ волочною помѣрою и уставою. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ правленія Сигизмунда-Августа, въ 1545 году, произведена была ревизія Волынскихъ и Подольскихъ замковъ—Владиміра, Луцка, Кременца, Браслава, Винницы и Житомира, приведены были въ извѣстность и зарегистрированы всѣ мѣстные землевладѣльцы шляхетскаго званія и ихъ имѣнія, на которыхъ лежали замковыя повинности [55]). Въ 1552 году ревизія была повторена и распространена на замки Кіевской земли—Мозырскій, Остерскій, Чернобыльскій, Кіевскій, Каневскій и Черкасскій, при чемъ приведены были въ извѣстность и зарегистрированы мѣстные обыватели и нешляхетскаго происхожденія, обязанные разными службами и повинностями къ перечисленнымъ замкамъ. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ производилось межеванье земель и распредѣленіе ихъ по родамъ службъ въ русскихъ волостяхъ—Могилевѣ, Мстиславлѣ, Кричевѣ, Чечерскѣ, Пропойскѣ, Кричевѣ, Гомьѣ, Рѣчицѣ, Мозыри, Бобруйскѣ и Свислочи. Во главѣ этого дѣла сначала поставлены были державца Чернобыльскій Скуминъ Львовичъ Тишковичъ и секретарь Николай Нарушевичъ [56]). Но затѣмъ, по случаю отъѣзда Тишковича посломъ въ Крымъ (въ 1559 г.), «постановленіе волостей русскихъ» поручено было маршалку, старостѣ Слонимскому, Григорію Воловичу и Николаю Нарушевичу [57]). Ихъ помощниками въ Могилевской волости были намѣстникъ мѣстнаго державцы Боркулабъ Ивановичъ Корсакъ и дьякъ Андрей [58]). Изъ указаній, разсѣянныхъ въ актахъ Литовской Метрики, видно, въ чемъ состояло дѣло этихъ лицъ. Они помѣряли на волоки мѣстскія земли [59]) и раздавали ихъ на чиншъ [60]) и на разныя замковыя службы, напр., на службу «служковскую», пушкарскую

---

[55]) Żródła dziejowie. tom VI.

[56]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 155. 156.

[57]) Литов. Метр. кн. Запис. XLII. л. 45. 46.

[58]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII. л. 420: XLI, л. 126—132: XLIV, л. 27. 28: XLIX, л. 15.

[59]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 420: XLI, л. 126—132: XLIX, л. 15.

[60]) Литов. Метр. кн. Запис. XLIX. л. 19—20.

рые недавно получили это названіе, а прежде назывались тивунами [95]). Эта вольность, очевидно, обусловилась тѣмъ, что ранѣе того шляхтичи не подлежали юрисдикціи тивуновъ. Статутъ устанавливалъ затѣмъ, что шляхтичи должны привлекаться къ суду «позвами», черезъ судебныя повѣстки, а не приводомъ черезъ «дѣтскихъ»; дѣцкій за шляхтичемъ долженъ посылаться лишь послѣ того, какъ шляхтичъ не сталъ на судъ за двумя позвами [96]). Это, повидимому, также было уже давнишнее преимущество шляхты, равно какъ и размѣръ вознагражденія за шляхетскую рану (12 рублей и 30 копъ грошей), увѣчье (50 копъ) и непредумышленное убійство (100 копъ грошей). Наконецъ, статутъ 1529 года, исходя изъ признанія шляхтичей людьми «добрыми», «вѣры годными», во многихъ случаяхъ принималъ шляхетскую присягу за «доводъ», т. е. судебное доказательство [97]). Какъ показываютъ акты, право доказывать присягою свою или чужую правоту или чужую виновность признавалось за шляхтою и ранѣе изданія статута 1529 года, такъ что послѣдній основывался уже на существующихъ юридическихъ обычаяхъ [98]).

Итакъ, при Казимирѣ и его сыновьяхъ выяснились окончательно и опредѣлились слѣдующія права и вольности литовско-русской шляхты: свобода и неприкосновенность личности, которая подлежала ограниченіямъ и карамъ только по закону и по суду; право ненарушимаго владѣнія отчинными и пріобрѣтенными на вѣчность имѣньями и свободнаго распоряженія ими въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ; свобода отъ податей и повинностей, кромѣ военной, замковой и дорожной; право юрисдикціи по отношенію къ населенію своихъ имѣній; право судиться не у всѣхъ, а только извѣстныхъ судей. Всѣ эти права и вольности были признаны не только за шляхетскимъ сословіемъ, но и за мѣщанствомъ и духовенствомъ. Сверхъ того, за шляхетскимъ сословіемъ, формально признаннымъ первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ, признаны разныя преимущества почетнаго характера, какъ, напр., право носить гербы и другіе знаки «рыцарскаго» достоинства, право на усиленное вознагражденіе или возмездіе за посягательства на честь, здоровье и жизнь его членовъ, право привлекаться па судъ не приводомъ, а «позвами», въ нѣкоторыхъ случаяхъ очищаться отъ взводимыхъ обвиненій или доказывать правоту своихъ требованій простою присягою отвѣтчика, истца и «светковъ» и,

---

[95]) Раздѣлъ VI, арт. 33.

[96]) Раздѣлъ VI, арт. 4.

[97]) Раздѣлъ I, арт. 4; III, арт. 11; VII, арт. 21, 22; XI, арт. 7, 8, 9, 10.

[98]) См., напр., выше «уставу» о выводѣ шляхетства.

наконецъ, право участвовать въ избраніи господаря и обсужденіи разныхъ общегосударственныхъ вопросовъ.

Таковы были общія шляхетскія права, какъ они выяснились и опредѣлились послѣ изданія статута 1529 года. Но при всей этой общности существовало и значительное разнообразіе въ юридическомъ положеніи отдѣльныхъ слоевъ шляхетскаго сословія. Въ этомъ отношеніи были крупныя различія между князьями и панами съ одной стороны и рыцарствомъ-шляхтою, т. е. боярами и земянами съ другой, равно также и между боярами и земянами господарскихъ волостей, княжескихъ и панскихъ.

Различіе обнаруживается прежде всего въ сферѣ землевладѣнія. Независимо отъ того, что всѣмъ землевладѣльцамъ шляхетскаго сословія предоставлено было право ненарушимаго владѣнія и свободнаго распоряженіями своими отчинами и пріобрѣтенными на вѣчность имѣньями, существовало три категоріи этихъ самыхъ имѣній. Къ первой категоріи можно отнести имѣнія, принадлежавшія ихъ владѣльцамъ «со всѣмъ правомъ и панствомъ» (cum pleno jure et dominio), т. е. на такомъ правѣ, на какомъ владѣлъ своими доменами самъ господарь великій князь. Таковы были въ большинствѣ крупныя княжескія и панскія отчины и выслуги на вѣчность. Къ числу ихъ можно отнести и мелкія имѣнья, оторвавшіяся отъ княжескихъ и панскихъ волостей путемъ покупки или даренія съ правомъ для владѣльца служить съ этихъ имѣній, кому угодно. По отношенію ко всѣмъ этимъ имѣньямъ у господаря оставалось единственное право—требовать исправнаго отбыванія государственныхъ повинностей. Ко второй категоріи можно отнести имѣнья, которыя владѣльцы держали *подъ господаремъ*. Господарь былъ верховнымъ собственникомъ этихъ имѣній, входившихъ въ составъ его доменъ, или волостей. Онъ не только имѣлъ право требовать съ владѣльцевъ этихъ имѣній исправнаго отбыванія лежавшихъ на нихъ государственныхъ повинностей, но и жаловать эти имѣнья вмѣстѣ съ другими землями, другими словами—передавать свой доминіумъ надъ ними въ частныя руки. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы сохраняли всѣ свои права по отношенію къ этимъ имѣньямъ, если только соглашались нести съ нихъ новому пану ту же службу, которую несли прежде самому господарю великому князю, въ противномъ случаѣ должны были сойдти съ нихъ прочь, взявши свое движимое имущество. Таковы были въ большинствѣ отчинныя выслуженныя имѣнія бояръ и земянъ шляхты [99]. Опытъ, однако, съ теченіемъ времени

[99]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 310—312, 614—619.

ередача господарскаго доминіума надъ такими имѣньями
;и не рѣдко приводила ихъ владѣльцевъ къ необходи-
эти имѣнья, была, слѣдовательно, косвеннымъ отня-
ѣній, что противорѣчило общему шляхетскому праву [100]).
годахъ XVI в. правительство пришло къ сознанію
ѣчія и признало, что «шляхта не маеть, ани можеть
ъ моцъ подана» [101]). Съ того времени, хотя и бывали
анія разнымъ лицамъ въ составѣ волости или крупнаго
съ ихъ землями, но собственно бояре-шляхта съ ихъ
тали включаться въ это число [102]). По отношенію къ
дарь остался на прежней точкѣ зрѣнія и передавалъ
надъ ними въ чужія руки, за исключеніемъ только
когда въ привилеяхъ на такія имѣнья было прямо ого-
дѣльцы ихъ обязаны служить съ нихъ только одному
Такимъ образомъ имѣнья отчинныя господарскихъ бояръ
тельно приблизились къ княжескимъ и панскимъ, хотя
ь съ ними вполнѣ. Дѣло въ томъ, что собственники
анскихъ имѣній de jure могли служить съ нихъ «кому
осподарю или его подданнымъ, т. е. другимъ князьямъ
райней мѣрѣ, мы знаемъ, что такое право они пере-
своимъ слугамъ, жалуя ихъ частями своихъ имѣній [104]).
не имѣли бояре и земяне шляхта, державшіе свои
осподаремъ. Они не могли поддаваться съ своими
ужбу къ князьямъ, панамъ или къ своей же братьѣ—
это случалось, господарь возвращалъ ихъ «въ повѣты»,
доминіумъ [105]). Такимъ образомъ, если самому госпо-

афическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 12.

е, № 14.

ое дѣленіе и мѣстное управленіе, прилож. № 34, 37, 38; Литов.
ѣлъ II, л. 313—34.

Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 205—206. Въ 1528 году 23 ок-
не вызволилъ отъ службы князю Мих. Ивановичу Мстиславскому
ь Ивана Борисовича Сумарока и Ѳедка Нестеровича, имѣнья ко-
ы были князю въ составѣ Тетеринской волости, на томъ осно-
илеѣ на эти имѣнья, выданномъ боярамъ, не оговорено, что они
ъ нихъ только господарю.

1529, раздѣлъ III, арт. 15; Литов. Метр. кн. Запис. XXIV,

ап. Рос. III. № 33, отказъ 4.

продолжительномъ времени. По смерти Миколая Кгайдомовича приставъ и вся волость Курклевская стали пріискивать къ себѣ въ таглую службу его сыновей Петра, Матея, Станислава, Балтромея, Юрія, Яна и Мартина и требовать, чтобы они сообща съ ними давали дякло и другія подачки и несли всѣ повинности, называя ихъ своими «потужниками»; а «за ихъ повестями» и намѣстники Курклевскіе стали дѣлать имъ «великии тяжкости и грабежи». Тогда Кгайдомовичи предъявили королю привилей на шляхетство, выданный ихъ отцу, и просили короля избавить ихъ отъ всѣхъ обидъ и притѣсненій. Король грозно приказалъ воеводѣ Троцкому, его Курклевскому намѣстнику и приставамъ, чтобы они «жадное трудности тымъ бояромъ нашымъ не задавали и пожытковъ собе на нихъ не вымышляли и ку службамъ и подачкамъ и ку всимъ повинностямъ таглымъ ихъ не прыворочивали и дали имъ во всемъ покой: нехай они зъ отчызны своее службу земскую намъ служать потому, яко иншие бояре шляхта повету Троцкого» [59]).—Какъ видно изъ выше-приведенныхъ подробностей, мы имѣемъ предъ собою въ настоящемъ случаѣ примѣръ вступленія въ шляхетское сословіе крестьянской семьи, которая благодаря своей состоятельности попала на военную боярскую службу.—Еще болѣе характерный въ этомъ отношеніи привилей дошелъ до насъ отъ 8 декабря 1554 года. Приставъ (старшина) волости Упитской Юшко Вачевичъ еще при королѣ Сигизмундѣ купилъ за 400 копъ грошей у боярина Упитскаго Миколая Бутькевича, жены его Анны и дѣтей—Адама, Петра, Захара и Станислава дворъ Кгокишки надъ рѣкою Мушою близъ мѣста Посвольскаго со всѣми постройками, съ пашнею дворною и со всѣми людьми, у бояръ Жодевичей часть землицы ихъ отчинной тамъ же, въ волости Упитской, за 30 копъ грошей, а сверхъ того нѣсколько земель у «подданныхъ» волости Упитской. Его сыновья Балтромей, Миколай, Станиславъ и Мархель Юшкевичи обратились къ королю Сигизмунду-Августу съ просьбою подтвердить за ними особымъ листомъ куплю ихъ отца. Король взялъ у нихъ къ своимъ рукамъ земли, купленныя ихъ отцомъ у «поданыхъ» волости Упитской, «кгдыжъ отецъ ихъ неслушне то у поданыхъ нашихъ покупилъ, чемъ они не мели моцы шафовати», но оставилъ за ними земли, купленныя у бояръ-шляхты. Принимая затѣмъ во вниманіе, что отецъ ихъ «працою и пильностью своею ку

Степко зъ Дольбова, Миколай Щытъ—маршалковѣ нашы; Янъ Хоенскій, арцыяконъ Краковскій и Станиславъ Тарло, арцыяконъ Люблинскій и канониκъ Краковскій—секретарове нашы».

[59]) Литов. Метр. кн. Запис. XX. л. 142—145.

таковой маетности пришолъ и именья шляхетские, съ которыхъ служба земская завжды была, поселъ», король приказалъ имъ впредь навсегда служить службу земскую, «не хотечи того привлащати ку столу нашому, абы служба земская не гинула». При этомъ король разрѣшалъ имъ употреблять знакъ того самого герба, въ который принялъ ихъ секретарь, пробощъ и каноникъ Виленскій, Янъ съ Доманова, «паметаючи на повольные службы отца ихъ Юшка и тежъ ихъ самыхъ», и предоставлялъ имъ пользоваться всякою «почтивостью», «свободами и вольностями», «яко иные шляхта въ панствахъ нашихъ и во всемъ хрестьянстве вживають и зъ нихъ се веселять»[70]. Пріобрѣтеніе «земскихъ» имѣній, съ которыхъ шла военная служба, было обычнымъ путемъ, по которому тяглые люди «доступали» шляхетства. Но бывали экстренные случаи, когда тяглые люди получали за разъ и землю, съ которой они могли нести военную службу, и шляхетство. Такой случай, напр., имѣлъ мѣсто въ 1561 году 6 августа. Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ хлопцу, своему коморнику, Ѳедору Мартиновичу Миленскому, его отцу и братьямъ и ихъ потомкамъ на службу земскую двѣ волоки земли въ волости Скидельской, которыя они до этого времени держали на чиншѣ, и возвелъ ихъ всѣхъ въ шляхетское сословіе въ награду за указаніе человѣка, прибившаго на замковыхъ воротахъ «цедулу зъ написомъ на здоровье господарское» (то былъ сынъ войта Тростянского—Томасъ Пухловичъ)[71].—Подданный волости Курклевской Якубъ Яновичъ Савримовича принялъ войтовство волостное въ волости Курклевской въ селѣ Кроштахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ три волоки земли, двѣ на чиншѣ, а третью на войтовство. Воевода Троцкій Миколай Юрьевичъ Радивиловича, къ державѣ котораго принадлежала Курклевская волость, видя его «быти годного ку службе земской», придалъ ему къ этимъ тремъ волокамъ еще пустую землю Миканьскую, лежавшую среди частновладѣльческихъ земель и содержавшую пять волокъ, съ застѣнкомъ Бортковщиною, «до воли и ласки господарской». По ходатайству воеводы, король изъялъ Якуба и его потомковъ «съ права, повинности тяглое и послушенства хлопского» и пожаловалъ его титуломъ, вольностью и «заволанемъ» шляхетскимъ, а «ку оздобе и подпору» его шляхетства далъ ему особый гербъ («въ чирвономъ поли рожа, а въ ней пять кветовъ»); земли, состоявшія въ его владѣніи, король подтвердилъ за нимъ и его потомками на вѣчность, съ тѣмъ, чтобы они служили съ нихъ «потому, яко и иншие

[70]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 204—205.

[71]) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 217—218.

бояре шляхта хоружства Курклевского, будучие подъ присудомъ тамошнимъ, служать» [72]).

Чаще всего лица изъ крестьянства попадали въ шляхетское сословіе не прямо, а съ панцырной, путной или какой-нибудь другой военной службы, давшей имъ возможность отличиться и доказать свою пригодность для рыцарской профессіи. Король Сигизмундъ предоставилъ слугамъ Кіевскимъ Давиду и Өедку Петровичамъ служить конемъ и гарантировалъ имъ особеннымъ привилеемъ, что ни они, ни ихъ потомки не будутъ никому отданы въ подданство; въ другомъ листѣ, приказывая воеводѣ Андрею Якубовичу Немировича (1514—1541) оборонять ихъ отъ земянина Өодора Ельца и недопускать чинить имъ обиды въ отчинѣ ихъ Выговщинѣ, Сигизмундъ назвалъ ихъ боярами. Сыновья ихъ, «бояре, слуги панцырные Кіевскіе» Хвалько Давидовичъ съ братьями Яномъ, Өеонасомъ, Иваномъ и Игнатомъ, Богданъ, Хома и Василій Хведковичи въ 1560 году били челомъ королю Сигизмунду Августу, прося вызволить ихъ съ панцырной службы и подтвердить имъ отчину ихъ Выговщину «на службу земскую шляхетскую». Державца Овруцкій князь Андрей Тимоөеевичъ Капуста съ своей стороны ходатайствовалъ за нихъ передъ господаремъ, указывая, что они на той украйнѣ, при замкѣ Овруцкомъ, «поспешне и охотне» служили господарю и речи посполитой «и потребны суть овде, на той украинѣ». Король, чтобы поощрить ихъ и другихъ, «въ томъ стане имъ ровныхъ», исполнилъ ихъ просьбу и ходатайство державцы и подтвердилъ имъ ихъ отчину уже на земской военной службѣ, которую они должны были впредь отправлять «обычаемъ иное шляхты бояръ повету Киевского, потому, яко и они служать» (10 октября 1560 года) [73]).— Въ слѣдующемъ году 25 апрѣля король особымъ привилеемъ подалъ «подъ право шляхетское» Полоцкаго *козака* Клима Осташковича, который передъ тѣмъ съ своей земли, «яко иные путники тамошние уживался». Король сдѣлалъ это по докладу воеводы Полоцкаго Станислава Станиславовича Довойна, «же онъ черезъ весь часъ тамъ при замку и въ службахъ нашихъ добре и верне заховался», причемъ, предоставляя ему и его потомкамъ «правомъ шляхетскимъ судити и радитися», оставилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ на прежней козацкой службѣ [74]).—Бояринъ Витебскій Яцко Өедоровичъ Наршоновичъ пріобрѣлъ отъ псарцовъ господарскихъ село Рѣшетники, купленное

---

[72]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII. л. 614—616.
[73]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 282—283.
[74]) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 180.

показалъ, что передача господарскаго доминіума надъ такими имѣньями въ частныя руки не рѣдко приводила ихъ владѣльцевъ къ необходимости покидать эти имѣнья, была, слѣдовательно, косвеннымъ отнятіемъ этихъ имѣній, что противорѣчило общему шляхетскому праву [100]). Въ двадцатыхъ годахъ XVI в. правительство пришло къ сознанію этого противорѣчія и признало, что «шляхта не маеть, ани можеть быти никому въ моцъ подана» [101]). Съ того времени, хотя и бывали случаи пожалованія разнымъ лицамъ въ составѣ волости или крупнаго имѣнья бояръ съ ихъ землями, но собственно бояре-шляхта съ ихъ отчинами перестали включаться въ это число [102]). По отношенію къ выслугамъ господарь остался на прежней точкѣ зрѣнія и передавалъ свой доминіумъ надъ ними въ чужія руки, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда въ привилеяхъ на такія имѣнья было прямо оговорено, что владѣльцы ихъ обязаны служить съ нихъ только одному господарю [103]). Такимъ образомъ имѣнья отчинныя господарскихъ бояръ и земянъ значительно приблизились къ княжескимъ и панскимъ, хотя и не сравнялись съ ними вполнѣ. Дѣло въ томъ, что собственники княжескихъ и панскихъ имѣній de jure могли служить съ нихъ «кому хотя», самому господарю или его подданнымъ, т. е. другимъ князьямъ и панамъ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что такое право они передавали нерѣдко своимъ слугамъ, жалуя ихъ частями своихъ имѣній [104]). Но этого права не имѣли бояре и земяне шляхта, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ. Они не могли поддаваться съ своими имѣньями на службу къ князьямъ, панамъ или къ своей же братьѣ— шляхтѣ, а когда это случалось, господарь возвращалъ ихъ «въ повѣты», т. е. подъ свой доминіумъ [105]). Такимъ образомъ, если самому госпо-

---

[100]) Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 12.

[101]) Тамъ же, № 14.

[102]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, прилож. № 34, 37, 38; Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 313—34.

[103]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 205—206. Въ 1528 году 23 октября Сигизмундъ не вызволилъ отъ службы князю Мих. Ивановичу Мстиславскому Тетеринскихъ бояръ Ивана Борисовича Суморока и Ѳедка Нестеровича, имѣнья которыхъ пожалованы были князю въ составѣ Тетеринской волости, на томъ основаніи, что въ привилеѣ на эти имѣнья, выданномъ боярамъ, не оговорено, что они обязаны служить съ нихъ только господарю.

[104]) Статутъ 1529, раздѣлъ III, арт. 15; Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 75—77.

[105]) Акты Зап. Рос. III. № 33, отказъ 4.

кончившейся пораженіемъ Москвитянъ и взятіемъ въ плѣнъ ихъ воеводъ Іосифа Щербатаго и Юрія Барятинскаго и множества другихъ «вязней». Сангушко усиленно ходатайствовалъ, чтобы король «подвысилъ» его въ чести и «осмотрелъ» какимъ-нибудь «хлебокормленьемъ». Король исполнилъ просьбу военачальника и, «учтивостью шляхетства обдаровавши», «влучилъ» Микиту «во всякие свободы, права и вольности шляхетские», давъ ему на печать особый гербъ, дерево «Ель»; сверхъ того пожаловалъ въ вѣчное владѣніе ему и всѣмъ его нисходящимъ потомкамъ мужескаго пола село Макановичи въ волости староства Рѣчицкаго съ четырьмя службами людей [77]).—Въ 1569 году 21 февраля Сигизмундъ Августъ пожаловалъ шляхетство «подданному» Матею Петровичу Молтужевича, который, находясь въ землѣ Лифляндской при старостѣ Динабургскомъ и Новомлинскомъ Янѣ Левонѣ, неоднократно показалъ свою храбрость, отвагу и находчивость въ стычкахъ и битвахъ съ Москвитянами и не разъ приводилъ «вязней и языки»; вмѣстѣ съ тѣмъ король утвердилъ за нимъ гербъ «Дембно», въ который его принялъ по матери своей вышеупомянутый Янъ Левонь и «имъ печатовати ему дозволилъ и допустилъ» [78]).

Кромѣ военной службы, ступенью къ достиженію шляхетства была также придворная и канцелярская служба. Господарь возводилъ въ шляхетское сословіе не только своихъ «подданныхъ», отличившихся на ратномъ полѣ, но и своихъ заслуженныхъ дворцовыхъ служителей и канцелярскихъ чиновниковъ, происходившихъ изъ «простыхъ» же людей. Такимъ образомъ, напр., король Сигизмундъ, «маючи ласковый взглядъ на цноты и верности и тежъ на верныи послуги» своего «одвернаго» (служителя при дверяхъ) Мартина Константиновича Чижа съ Нетечи, на Троицынъ день 1533 года пожаловалъ его самого съ сыновьями и дочерьми и со всѣмъ потомствомъ шляхетствомъ и выдалъ ему особый привилей, коимъ предоставлялъ ему «вси привилья и волности и чти такъ духовныи, яко и светскии», которыми привыкли пользоваться и «веселитися» «рыцери и шляхта» въ коронѣ Польской, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и въ другихъ христіанскихъ государствахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король утверждалъ за нимъ и его потомствомъ тотъ самый гербъ, въ который припустили его дворянинъ Павелъ Грива, его родичи и пріятели, и дозволялъ употреблять его знаки на печатяхъ, перстняхъ, клейнотахъ, на щитахъ «и на иныхъ которыхъ кольве рыцерскихъ знаменахъ» («на чирвономъ поли одну

---

[77]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII. л. 131, 132.
[78]) Литов. Метр. кн. Запис. L. л. 297.

стрелу золотое фарбы, а на остатъку тое то стрелы немного двакроть на долъ зведено, и тежъ на той же стреле два крижи золотомъ написаны») [79]).—Въ 1547 году 12 октября король Сигизмундъ-Августъ, въ уваженіе къ заслугамъ «маштадера дворнаго» (старшаго конюха) Ареста Михаиловича Собола, выпустилъ его и его потомковъ со службы маштадерской, которую онъ несъ съ своего имѣнья Бердова и Клепачовщины въ повѣтѣ Городенскомъ, и велѣлъ ему впредь служить съ этого имѣнья «службою шляхетскою боярскою», предоставляя со всѣмъ потомствомъ своимъ «отъ сего часу всихъ волностей земскихъ вживати, яко иншая шляхта вольностей шляхетскихъ вживають и зъ нихъ се веселять». Вмѣстѣ съ этимъ король дозволилъ ему принять отъ конюшія дворнаго польскаго Яроша Корицкаго и его пріятелей гербовныхъ гербъ «Телокъ», который они предоставляли ему по своей доброй воли, желая, чтобы онъ и его потомки имѣли «певный знакъ» своего шляхетства, и печататься этимъ гербомъ такъ же, какъ и самъ Корицкій и его пріятели [80]).—Въ томъ же году 29 октября король пожаловалъ «коморнику» (лакею) королевы Боны Миску Олтуховичу четыре волоки земли въ волости Волковыйской «на службу земскую боярскую» съ освобожденіемъ отъ всякихъ другихъ повинностей, службы и платовъ, и предоставилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ «всихъ вольностей земскихъ шляхетскихъ вживати по тому, яко и иншие бояре шляхта» великаго княжества Литовскаго [81]).—Въ 1563 году 20 октября Сигизмундъ Августъ выдалъ дьяку своей канцеляріи Михайлу Васильевичу привилей на шляхетство, «узнавши добрыхъ, цнотливыхъ и верныхъ послугъ», которыя онъ «пильне а охотне» обнаруживалъ будучи «зъ детинства своего» на службѣ въ господарской канцеляріи. Этимъ привилеемъ король включалъ его самого, потомковъ и его родныхъ братьевъ «подъ вольность, свободу и право шляхетское», утверждалъ за ними гербъ («три лелии съ червоннымъ полемъ»), въ который принялъ ихъ маршалокъ, городничій Владимірскій Тихно Козинскій, и приказывалъ всѣмъ, «хто бы якого кольвекъ стану и достоенства былъ», чтобы «за добре врожоную а правую шляхту ихъ мели и на нихъ ся жадными таковыми причинами, штобы имъ и доброй почтстивости ихъ шляхетской ныне и на потомные часы усчипловото быти

---

[79]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 41, 42. Подобный же привилей получилъ отъ короля Сигизмунда Августа 24 февраля 1562 года «одверный» Филиппъ Ѳеонасовичъ (Запис. XLI, л. 239—241).

[80]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 140, 141.

[81]) Тамъ же, л. 142

свободно продавать ихъ, мѣнять, дарить и вообще распоряжаться ими по своей доброй волѣ и усмотрѣнію. Сверхъ вольности въ устройствѣ семейныхъ связей и распоряженіи своими отчинами привилей 1387 года устанавливалъ для литовскаго боярства вольность отъ всякихъ хозяйственныхъ работъ на господаря, кромѣ постройки и ремонта замковъ для защиты всего государства [86]).

Всѣ эти вольности подтвердилъ и точнѣе опредѣлилъ Городельскій привилей 1413 года, дополнивъ ихъ нѣкоторыми существенными правами политическаго характера. Вольность въ выдачѣ дочерей и родственницъ замужъ этотъ привилей связалъ для литовскихъ пановъ и бояръ съ правомъ выдѣлять имъ изъ отчинъ и выслуженныхъ на вѣчность имѣній приданое (dotalicia). Право ненарушимаго владѣнія и свободнаго распоряженія отчинами привилей 1413 года распространилъ и на имѣнья, выслуженныя на вѣчность и утвержденныя за владѣльцами письменными документами, ограничивая его соблюденіемъ необходимыхъ юридическихъ формальностей, т. е. заявленіемъ господарю или его уряду. Подтверждая косвенно освобожденіе пановъ и бояръ шляхты отъ барщинныхъ хозяйственныхъ работъ на господаря, Городельскій привилей вмѣнялъ имъ въ обязанность по прежнему строить и исправлять замки и военныя дороги и платить господарю подати. Сверхъ перечисленныхъ правъ Городельскій привилей устанавливалъ для пановъ и бояръ-шляхты право участія въ обсужденіи важныхъ государственныхъ вопросовъ и избраніи господаря на сеймахъ [87]).

Привилей великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича отъ 6 мая 1434 года увеличилъ количество шляхетскихъ правъ и вольностей гарантіею личной неприкосновенности шляхты и освобожденіемъ ея отъ уплаты въ пользу господаря натуральныхъ податей. Въ этомъ привилеѣ великій князь торжественно обѣщалъ князьямъ и боярамъ никого изъ нихъ не казнить и не наказывать по явному или тайному доносу и простому подозрѣнію, безъ суда и слѣдствія; всѣхъ ихъ кметей и подданныхъ освобождалъ отъ всякихъ «дачекъ» и платежа мѣръ, называемаго дякломъ [88]).

Привилей Казимира отъ 2 мая 1447 года еще точнѣе и подробнѣе опредѣлилъ права и вольности, содержащіяся въ привилеяхъ его предшественниковъ, распространяя ихъ на прелатовъ, князей, пановъ,

---

[86]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

[87]) Ibidem, str. 12—16.

[88]) Monumenta medii aevi, tomus XIX, dod. № 22.

бояръ-шляхту и мѣщанъ великаго княжества. Подтверждая гарантію личной неприкосновенности названныхъ сословій, привилей устанoвлялъ, что впредь никто изъ нихъ не будетъ наказываемъ безъ суда и слѣдствія ни тѣлеснымъ наказаніемъ, ни заключеніемъ въ тюрьмѣ, ни лишеніемъ имѣнья, ни денежнымъ штрафомъ; никто не будетъ терпѣть за чужую вину: ни жена за мужа, ни мужъ за жену, ни отецъ за сына, ни сынъ за отца, за исключеніемъ преступленій противъ особы господаря («ображеня маестату»). Подтверждая право ненарушимаго владѣнія и свободнаго распоряженія отчинами и выслугами, привилей Казимира къ категоріи послѣднихъ причислялъ не только имѣнья, на которыя имѣлись письменные документы, но и имѣнья, на которыя можно представить «светковъ достаточное и слушное сведецство».— Освобожденіе отъ натуральныхъ поборовъ и работъ на господаря привилей относилъ не къ самимъ владѣльцамъ (это, очевидно, разумѣлось само собою), а къ ихъ подданнымъ, причисляя къ этимъ работамъ подводную повинность, воженье камня, бревенъ, дровъ и мѣла для обжиганія кирпичей и извести для замковъ, кошенье сѣна и другія въ томъ же родѣ повинности, и оговаривая, что подданные съ имѣній, пожалованныхъ самимъ Казимиромъ, по прежнему обязаны давать господарю стаціи и поборы, мостить и поправлять мосты и дороги.— Сверхъ данныхъ уже правъ и вольностей, привилей Казимира предоставлялъ князьямъ, панамъ и боярамъ вольность выходить за границу, кромѣ непріятельскихъ странъ, для пріобрѣтенія состоянія и для упражненія въ рыцарской профессіи, подъ условіемъ исправнаго отбыванія военной повинности съ имѣній; подданныхъ князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ привилей Казимира освобождалъ не только отъ платежа натуральныхъ податей, но и отъ денежной подати, называемой серебщиною; юрисдикцію надъ ними предоставлялъ ихъ владѣльцамъ, устанавливая, что дѣцкій за ними будетъ посылаться отъ господаря или его урядниковъ лишь въ тѣхъ. случаяхъ, когда владѣлецъ не дастъ на нихъ суда и управы, при чемъ судебныя пени съ нихъ во всякомъ случаѣ будутъ идти въ пользу владѣльцевъ; наконецъ, привилей гарантировалъ князьямъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ, что господарь и его урядники не будутъ принимать въ господарскія имѣнья ихъ «извѣчныхъ селянитыхъ» и «невольныхъ» людей, обязывая и самихъ князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ держаться того же правила въ отношеніи къ господарскимъ подданнымъ [89]).

---

[89]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 7; *Brzyszczewski i Mucz-*

Земскій привилей великаго князя Александра подтвердилъ все, что содержалъ привилей Казимира, и сверхъ того добавилъ одну существенную для шляхты гарантію, именно, что господарь не будетъ простыхъ людей возвышать надъ шляхтою [90]).—Эта гарантія обезпечивала косвенно за лицами шляхетскаго сословія всѣ важныя должности въ государствѣ, ограждала политическое первенство и господство этого сословія. Подтвержденіе Городельскаго привилея въ 1499 году по случаю возобновленія уніи съ Польшею имѣло своимъ результатомъ новое подтвержденіе политическихъ правъ шляхты—участвовать въ избраніи литовско-русскаго государя и въ обсужденіи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ [91]).

Земскій привилей великаго князя Сигизмунда Казимировича не прибавлялъ уже ничего по существу къ перечисленнымъ правамъ и вольностямъ шляхты. Въ немъ новый господарь обѣщалъ только—ни въ чемъ не уменьшать чести и достоинства прелатовъ, князей и пановъ радныхъ, пановъ и рыцарства-шляхты, и подтверждалъ имъ всѣ права, вольности, привилегіи и грамоты, выданныя его предшественниками, начиная съ Ягайла и Витовта [92]). Составленный при Сигизмундѣ статутъ великаго княжества Литовскаго повторилъ всѣ законоположенія относительно шляхты, содержавшіяся въ привилеяхъ Казимира и Александра, и дополнилъ ихъ нѣкоторыми правами и преимуществами, которыми шляхта и прежде пользовалась фактически, по установившемуся обычаю, но которыя не были еще обняты писанными законами. Такимъ образомъ, статутъ подтвердилъ личную вольность тѣхъ шляхтичей, которые держали свои имѣнья подъ князьями или панами, право ихъ покинуть эти имѣнья и уйдти съ нихъ прочь, захвативъ съ собою свои «статки», т. е. движимое имущество [93]). Какъ показываютъ акты, эта личная вольность шляхты признавалась и до Статута 1529 года [94]). Статутъ подтверждалъ подсудность шляхты воеводамъ, старостамъ, маршалкамъ земскому и дворному (на сеймахъ) и освобождалъ отъ обязательной юрисдикціи новыхъ державцевъ, кото-

---

kowski, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CLXXXVIII; Zbiór praw litewskich, str. 28—35; Акты Зап. Рос. I, № 61.

[90]) Zbiór praw litewskich, str. 58—66.

[91]) Ibidem, str. 72—76.

[92]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 135—137.

[93]) Статутъ 1529 года, раздѣлъ III, арт. 15.

[94]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 310, 311.

рые недавно получили это названіе, а прежде назывались тивунами [95]). Эта вольность, очевидно, обусловилась тѣмъ, что ранѣе того шляхтичи не подлежали юрисдикціи тивуновъ. Статутъ устанавливалъ затѣмъ, что шляхтичи должны привлекаться къ суду «позвами», черезъ судебныя повѣстки, а не приводомъ черезъ «дѣтскихъ»; дѣцкій за шляхтичемъ долженъ посылаться лишь послѣ того, какъ шляхтичъ не сталъ на судъ за двумя позвами [96]). Это, повидимому, также было уже давнишнее преимущество шляхты, равно какъ и размѣръ вознагражденія за шляхетскую рану (12 рублей и 30 копъ грошей), увѣчье (50 копъ) и непредумышленное убійство (100 копъ грошей). Наконецъ, статутъ 1529 года, исходя изъ признанія шляхтичей людьми «добрыми», «вѣры годными», во многихъ случаяхъ принималъ шляхетскую присягу за «доводъ», т. е. судебное доказательство [97]). Какъ показываютъ акты, право доказывать присягою свою или чужую правоту или чужую виновность признавалось за шляхтою и ранѣе изданія статута 1529 года, такъ что послѣдній основывался уже на существующихъ юридическихъ обычаяхъ [98]).

Итакъ, при Казимирѣ и его сыновьяхъ выяснились окончательно и опредѣлились слѣдующія права и вольности литовско-русской шляхты: свобода и неприкосновенность личности, которая подлежала ограниченіямъ и карамъ только по закону и по суду; право ненарушимаго владѣнія отчинными и пріобрѣтенными на вѣчность имѣньями и свободнаго распоряженія ими въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ; свобода отъ податей и повинностей, кромѣ военной, замковой и дорожной; право юрисдикціи по отношенію къ населенію своихъ имѣній; право судиться не у всѣхъ, а только извѣстныхъ судей. Всѣ эти права и вольности были признаны не только за шляхетскимъ сословіемъ, но и за мѣщанствомъ и духовенствомъ. Сверхъ того, за шляхетскимъ сословіемъ, формально признаннымъ первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ, признаны разныя преимущества почетнаго характера, какъ, напр., право носить гербы и другіе знаки «рыцарскаго» достоинства, право на усиленное вознагражденіе или возмездіе за посягательства на честь, здоровье и жизнь его членовъ, право привлекаться на судъ не приводомъ, а «позвами», въ нѣкоторыхъ случаяхъ очищаться отъ взводимыхъ обвиненій или доказывать правоту своихъ требованій простою присягою отвѣтчика, истца и «свѣтковъ» и,

---

[95]) Раздѣлъ VI, арт. 33.

[96]) Раздѣлъ VI, арт. 4.

[97]) Раздѣлъ I, арт. 4; III, арт. 11: VII, арт. 21, 22: XI, арт. 7, 8, 9, 16.

[98]) См., напр., выше «уставу» о выводѣ шляхетства.

наконецъ, право участвовать въ избраніи господаря и обсужденіи разныхъ общегосударственныхъ вопросовъ.

Таковы были общія шляхетскія права, какъ они выяснились и опредѣлились послѣ изданія статута 1529 года. Но при всей этой общности существовало и значительное разнообразіе въ юридическомъ положеніи отдѣльныхъ слоевъ шляхетскаго сословія. Въ этомъ отношеніи были крупныя различія между князьями и панами съ одной стороны и рыцарствомъ-шляхтою, т. е. боярами и земянами съ другой, равно также и между боярами и земянами господарскихъ волостей, княжескихъ и панскихъ.

Различіе обнаруживается прежде всего въ сферѣ землевладѣнія. Независимо отъ того, что всѣмъ землевладѣльцамъ шляхетскаго сословія предоставлено было право ненарушимаго владѣнія и свободнаго распоряженія своими отчинами и пріобрѣтенными на вѣчность имѣньями, существовало три категоріи этихъ самыхъ имѣній. Къ первой категоріи можно отнести имѣнія, принадлежавшія ихъ владѣльцамъ «со всѣмъ правомъ и панствомъ» (cum pleno jure et dominio), т. е. на такомъ правѣ, на какомъ владѣлъ своими доменами самъ господарь великій князь. Таковы были въ большинствѣ крупныя княжескія и панскія отчины и выслуги на вѣчность. Къ числу ихъ можно отнести и мелкія имѣнья, оторвавшіяся отъ княжескихъ и панскихъ волостей путемъ покупки или даренія съ правомъ для владѣльца служить съ этихъ имѣній, кому угодно. По отношенію ко всѣмъ этимъ имѣньямъ у господаря оставалось единственное право—требовать исправнаго отбыванія государственныхъ повинностей. Ко второй категоріи можно отнести имѣнья, которыя владѣльцы держали *подъ господаремъ*. Господарь былъ верховнымъ собственникомъ этихъ имѣній, входившихъ въ составъ его доменъ, или волостей. Онъ не только имѣлъ право требовать съ владѣльцевъ этихъ имѣній исправнаго отбыванія лежавшихъ на нихъ государственныхъ повинностей, но и жаловать эти имѣнья вмѣстѣ съ другими землями, другими словами—передавать свой доминіумъ надъ ними въ частныя руки. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы сохраняли всѣ свои права по отношенію къ этимъ имѣньямъ, если только соглашались нести съ нихъ новому пану ту же службу, которую несли прежде самому господарю великому князю, въ противномъ случаѣ должны были сойдти съ нихъ прочь, взявши свое движимое имущество. Таковы были въ большинствѣ отчинныя выслуженныя имѣнія бояръ и земянъ шляхты [99]). Опытъ, однако, съ теченіемъ времени

[99]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 310—312, 614—619.

показалъ, что передача господарскаго доминіума надъ такими имѣньями въ частныя руки не рѣдко приводила ихъ владѣльцевъ къ необходимости покидать эти имѣнья, была, слѣдовательно, косвеннымъ отнятіемъ этихъ имѣній, что противорѣчило общему шляхетскому праву [100]). Въ двадцатыхъ годахъ XVI в. правительство пришло къ сознанію этого противорѣчія и признало, что «шляхта не маеть, ани можеть быти никому въ моцъ подана» [101]). Съ того времени, хотя и бывали случаи пожалованія разнымъ лицамъ въ составѣ волости или крупнаго имѣнья бояръ съ ихъ землями, но собственно бояре-шляхта съ ихъ отчинами перестали включаться въ это число [102]). По отношенію къ выслугамъ господарь остался на прежней точкѣ зрѣнія и передавалъ свой доминіумъ надъ ними въ чужія руки, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда въ привилеяхъ на такія имѣнья было прямо оговорено, что владѣльцы ихъ обязаны служить съ нихъ только одному господарю [103]). Такимъ образомъ имѣнья отчинныя господарскихъ бояръ и земянъ значительно приблизились къ княжескимъ и панскимъ, хотя и не сравнялись съ ними вполнѣ. Дѣло въ томъ, что собственники княжескихъ и панскихъ имѣній de jure могли служить съ нихъ «кому хотя», самому господарю или его подданнымъ, т. е. другимъ князьямъ и панамъ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что такое право они передавали нерѣдко своимъ слугамъ, жалуя ихъ частями своихъ имѣній [104]). Но этого права не имѣли бояре и земяне шляхта, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ. Они не могли поддаваться съ своими имѣньями на службу къ князьямъ, панамъ или къ своей же братьѣ—шляхтѣ, а когда это случалось, господарь возвращалъ ихъ «въ повѣты», т. е. подъ свой доминіумъ [105]). Такимъ образомъ, если самому госпо-

---

[100]) Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 12.

[101]) Тамъ же, № 14.

[102]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, прилож. № 34, 37, 38; Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 313—34.

[103]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 205—206. Въ 1528 году 23 октября Сигизмундъ не вызволилъ отъ службы князю Мих. Ивановичу Мстиславскому Тетеринскихъ бояръ Ивана Борисовича Сумброка и Ѳедка Нестеровича, имѣнья которыхъ пожалованы были князю въ составѣ Тетеринской волости, на томъ основаніи, что въ привилеѣ на эти имѣнья, выданномъ боярамъ, не оговорено, что они обязаны служить съ нихъ только господарю.

[104]) Статутъ 1529, раздѣлъ III, арт. 15; Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 75—77.

[105]) Акты Зап. Рос. III, № 33, отказъ 4.

дарю стало нельзя передавать свой доминіумъ надъ отчинами бояръ-шляхты, при наличности ихъ владѣльцевъ, то съ другой стороны и за этими послѣдними не было признано право добровольнаго выхода съ своими имѣньями изъ подъ этого доминіума. Они могли, конечно, продать или какимъ-нибудь другимъ образомъ передать свои имѣнья въ чужія руки, но новые владѣльцы вмѣстѣ съ тѣмъ становились на ихъ мѣсто въ повѣтѣ, и имѣнья не выходили такимъ образомъ изъ подъ господарскаго доминіума.—Къ третьей категоріи можно отнести имѣнья, которыя бояре и земяне-шляхта держали подъ князьями и панами [106]). Верховными собственниками такихъ имѣній признавались князья и паны, которые имѣли право передавать свой доминіумъ надъ ними въ другія руки, при чемъ владѣльцы этихъ имѣній могли удержать ихъ за собою лишь въ томъ случаѣ, если соглашались служить съ нихъ новымъ панамъ, въ противномъ же случаѣ должны были покинуть ихъ и отойдти на сторону съ своимъ движимымъ имуществомъ [107]). Если бояре, державшіе имѣнья подъ князьями и панами, переходили подъ господарскій доминіумъ съ своими имѣньями, они не приравнивались по своимъ правамъ къ стародавной шляхтѣ, но продолжали оставаться при тѣхъ же правахъ и вольностяхъ, какъ и при прежнихъ панахъ, «кдыжъ вольность именей шляхты нашое стародавнее отъ бояръ, которыи подъ паны именья маютъ, розная въ той речы есть» [108]). Очевидно, что и свой пріобрѣтенный доминіумъ надъ имѣньями такихъ бояръ господарь могъ въ свою очередь передавать въ другія руки.

Изъ всего этого видно, какъ разнообразно было юридическое положеніе различныхъ разрядовъ шляхетскаго сословія. Даже общее шля-

---

[106]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства стр. 614, 615: Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 84, 85; IV, л. 205, 206. XII, л. 190—199; Запис. XXIV, л. 159—161.

[107]) Такимъ образомъ, напр., воевода Троцкій, маршалокъ земскій панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій бояръ своихъ Юрья Битейка, Стеквила и Козельскаго, которые сидѣли «на звечныхъ Деснянскихъ земляхъ», «Кгодачевскому въ послугу далъ тымъ обычаемъ, ижъ они съ тыхъ земль Деснянскихъ маютъ ему служыти; а естли бы служыти ему не хотели, тогды земли Декснянскии оставившы, маютъ отъ него прочъ пойти, а тыи земли Кгодачевский вечне держати маетъ». Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 179.

[108]) «Листъ до державцы Трабского бояромъ Трабскимъ Ейкгирдовичомъ, зоставуючы ихъ при службе боярской, яко было за пана Кгаштолта, до воли господарской». Городно 1555 года, марта 31. Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 11—12.

Хоружіе назначались на свою должность господаремъ по чьей-либо рекомендаціи. Чаще всего господарь руководился въ данномъ случаѣ рекомендаціею воеводъ и старостъ, которая выражалась иногда не только въ формѣ простого ходатайства за того или другого лица, но и въ формѣ предварительнаго порученія ему исправлять должность «до воли и ласки господарской». Господарь въ такихъ случаяхъ только подтверждалъ распоряженія воеводы или старосты. Такимъ образомъ, напр., староста Лидскій Юрій Ивановичъ Ильинича, найдя, что назначенный господаремъ хоружій Лидскаго повѣта Богданъ «неслушне и нерядне въ томъ ся справуеть», отставилъ его отъ этой должности, далъ «хоружое Лидское» боярину Мицку Нарковичу и написалъ объ немъ господарю, «ижъ тотъ Мицко есть годнѣйшый, нижли тотъ Богданъ». Согласно съ этимъ представленіемъ и по челобитью самого Мицка Нарковича король утвердилъ его въ должности хоружія [132]). Въ 1538 году король по ходатайству пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда утвердилъ въ должности хоружія Сомилишскаго Ивана Селицкаго, которому далъ хоружство покойный воевода Троцкій Янъ Яновичъ Заберезинскій «до воли и ласки господарской» [133]). Какъ видно изъ этого факта, хоружства получались по временамъ и по протекціи стороннихъ вліятельныхъ лицъ. Еще болѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ имѣемъ отъ 23 марта 1541 года, когда господарь пожаловалъ хоружство Мойшакгольское боярину Щастному Жоравскому по просьбѣ королевы Боны [134]). Извѣстное вліяніе въ настоящемъ случаѣ оказывали также и желанія самихъ бояръ и земянъ, къ которымъ господарь назначалъ хоружія. Король Сигизмундъ назначилъ было хоружимъ Городенскимъ своего дворянина Марка Гринко-

---

[132]) Тамъ же, прилож. № 36.

[133]) Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 140—141.

[134]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 109: «Княземъ и паномъ, и кнегинямъ, панямъ вдовамъ, бояромъ и дворяномъ нашимъ тымъ, которые именья свои маютъ въ Мойшокголскомъ повете. Билъ намъ чоломъ бояринъ Мойшокголский Щастный Жоравъский и просилъ у насъ хоружого Мойшокголского, которое первей сего отъ насъ держалъ бояринъ нашъ Мартинъ Белевичъ и тыхъ часовъ змеръ, о чомъ же и королевая наша ее милость, великая кнегиня Бона, насъ за нимъ жедала. Ино мы на жеданье королевое ее милости и на чоломбитье его то вчинили—оный врадъ, хоружое Мойшокголское, што оный Мартинъ отъ насъ держалъ, ему дали и тымъ его пожаловали со всимъ потому, якъ и першие хоружие отъ насъ его мевали. И вы бы о томъ ведали и его во всемъ были послушни потому, какъ и першихъ хоружихъ тамошнихъ, конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Вилни подъ лет. Бож. Нарож. 1541, месеца марца 23 день, индиктъ 14. Михайло писаръ».

ключать привилей, выданный пану Яну Еронимовичу Ходкевичу на графскій титулъ и новый гербъ (земли Лифляндской), изображались гербы князей и пановъ: пожалованіе новаго герба въ добавленіе къ четыремъ, уже принадлежавшимъ Ходкевичу, мотивировано здѣсь тѣмъ, что «его милость и продки его милости зъ народу своего суть паны хоруговными», слѣдовательно, имъ есть гдѣ изображать и пятый гербъ [112]).

О наличности всѣхъ этихъ князей и пановъ хоруговныхъ даютъ понятіе перечни лицъ, коимъ посылались особые листы, наравнѣ съ «повѣтами» (такіе перечни встрѣчаются въ книгахъ Литовской Метрики съ 30-хъ годовъ XVI ст.). По этимъ перечнямъ оказывается, что къ составу князей и пановъ, выводившихъ свои «почты» отдѣльно отъ повѣтовыхъ ополченій, въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ принадлежали слѣдующія лица: кн. *Литовскій* Янъ (бискупъ Виленскій, побочный сынъ Сигизмунда); кн. Павелъ *Гольшанскій*; кн. *Слуцкій*; кн. *Острожскіе*: вдова Константина Ивановича Александра; его сыновья—Илья и Василій-Константинъ, вдова Ильи Беата; кн. *Дубровицкіе*: Юрій, сынъ его Янушъ, вдова Януша Елизавета; кн. *Сангушковичи*: Ѳедоръ Андреевичъ, Андрей и Василій Михайловичи и другіе; вдова кн. Михаила Ивановича *Мстиславскаго* Василиса; кн. *Вишневецкіе*; вдова кн. Матѳея Микитинича Томила и кн. Ярославъ Матѳеевичъ *Микитинича*; кн. *Полубенскіе*: Василій Андреевичъ, Иванъ Васильевичъ; кн. *Чарторыйскіе*: Ѳедоръ Михайловичъ и другіе; вдова кн. Богдана *Жеславскаго* Аграфена; кн. *Лукомскіе*; кн. *Соколинскіе*; кн. *Друцкіе*; кн. *Одинцевичи;* кн. *Свирскіе;* кн. *Гедройтскіе;* княгиня *Крошинская*; кн. *Жилинскіе;* кн. *Пронскіе:* Андрей и Фридрихъ; кн. *Четвертинскіе*; кн. *Збаражскіе;* кн. *Заславскіе;* кн. *Корецкіе;* кн. Семенъ *Бѣльскій* (московскій выходецъ); кн. *Деречинскіе*. Къ панамъ хоруговнымъ принадлежали слѣдующія лица: паны *Радивилы:* вдова Миколая Миколаевича Елизавета, братъ его Юрій, сынъ—Янъ, племянники—Миколай и Янъ Яновичи, Миколай Юрьевичъ; паны *Остиковичи:* вдова Григорія Станиславовича Елизавета, сыновья—Юрій (Сирпутій) [113]) и Григорій; вдова Юрія Марина и дѣти—паны *Сирпутьевичи;* паны *Гаштольды:*

---

[112]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 170—172.

[113]) Сынъ Юрія Григорьевича Остиковича Миколай прозывался Сирпутьемъ (*Bonieckiego* Poczet rodów, str. 228). Но уже въ 1533 году посылался военный листъ «до пана Сирпутья», каковой по времени едва ли могъ относиться къ Миколаю Юрьевичу Остику (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 49—50). Поэтому мы полагаемъ, что уже отецъ Миколая—Юрій носилъ это прозвище.

шая обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы водить своихъ повѣтниковъ на битвы и удерживать ихъ въ войскѣ. Они обязаны были доносить гетману о тѣхъ своихъ повѣтникахъ, которые уѣзжали самовольно изъ войска или отсылали домой часть своего «почта»; въ противномъ случаѣ наказывались конфискаціею имѣнья. Таковы были спеціальныя обязанности хоружихъ [138]). Сверхъ того, на хоружихъ, какъ на должностныхъ лицъ, знающихъ наличность и имущественное положеніе бояръ и земянъ своего повѣта, возлагалась обыкновенно обязанность собирать серебщину съ ихъ людей и вносить въ скарбъ [139]).

Выше было указано на то, что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ размноженія боярскаго и земянскаго класса и распространенія его землевладенія увеличивалось и число хоружихъ. При всемъ томъ, однако, число это никогда не доходило до числа всѣхъ вообще господарскихъ волостей, даже если не брать въ разсчетъ волостей Жмудской земли съ ихъ тивунами въ роли хоружихъ. Число господарскихъ волостей и повѣтовъ всегда превышало число хоружихъ [140]); точно также и число

который се зъ васъ не написалъ або бы хто зъ васъ, зъ державецъ нашихъ, або хоружий которого земенина дома оставилъ и гетману нашому о немъ не поведилъ, а естли се князь гетьманъ его милость о таковыхъ доведаеть, мы росказали его милости въ таковыхъ именья на насъ ся увязывати». Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75—76.

[138]) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 10.

[139]) См. выше, стр. 224, 250, 251, 255, 285.

[140]) Это ясно обнаруживается изъ перечня господарскихъ волостей въ волочной уставѣ 1557 года и изъ другихъ актовыхъ данныхъ, современныхъ началу Ливонской войны. Кромѣ тѣхъ волостей, въ которыхъ являются по современнымъ извѣстіямъ хоружіе и тивуны Жмудскіе, волочная устава отмѣчаетъ еще слѣдующія господарскія волости: Плотеле, Крожи и Ботоки—въ Жмудской землѣ; Милейчичи, Лосичи, Высокое, Тыкотинъ, Кнышинъ, Забѣлье, Мстибоговъ, Зельву, Волпу, Лысково, Межирѣчь, Лососиную, Байковичи, Перевалку, Вороны, Ситно, Румшишки, Жосли—въ Троцкомъ повѣтѣ; Друю, Дисну, Довкгялишки, Мяделе, Лебедево, Дуниловичи, Обели, Воложинъ, Больники, Любово, Роконтишки, Виршупы—въ Виленскомъ повѣтѣ; Русскія волости: Рѣчицу, Мозырь, Бобруйскъ, Чичерскъ, Пропойскъ, Оршу, Любечъ, Гомій, Глускъ, Могилевъ, Свислочь, Борисовъ, Любошаны (Акты Зап. Рос. III, № 19). Въ актахъ 1561—1565 годовъ сверхъ того упоминаются: Августовъ, Бойсакгола, Бранскъ, Берзники, Брацлавъ, Бѣлавичи, Воинь, Владиміръ, Вистинцы, Воложинъ, Вонячинъ, Вѣница, Городокъ (на Подляшьѣ), Городокъ (въ Полѣсьѣ), Добучинъ, Девенишки, Довкгялишки, Житомиръ, Здитовъ, Каневъ, Кременецъ, Клещелеги, Красница, Квасовка, Кузница, Котра, Кринки, Кретинга, Купишки, Куренецъ, Контяжинъ, Лабно, Лемазы, Лоздеи, Локница, Липнишки, Лун-

менѣе крупными землевладѣльцами. Таковъ былъ, напр., бывшій московскій окольничій Иванъ Васильевичъ Ляцкій, прибывшій въ Литву по смерти вел. кн. Василія Ивановича вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Бѣльскимъ: король Сигизмундъ пожаловалъ ему двѣ волости, Высокій дворъ и Жолудокъ, «противъ отчины его, которую онъ имелъ на Москве» [115]).

Судя по разсказу Длугоша о Грюнвальденской битвѣ, литовско-русскіе князья издавна выводили свои отряды на войну подъ собственными хоругвями, которые и назывались ихъ именемъ: хоругвь Сигизмунда Корибутовича, Семена Лингвеньевича, кн. Юрія и т. д. Это былъ стародавній обычай какъ на Руси, такъ и на Литвѣ. Что касается собственно пановъ, то, по всѣмъ даннымъ, этотъ обычай перенятъ былъ ими у своихъ польскихъ собратій, выѣзжавшихъ на войну подъ своими родовыми знаменами, какъ это видно изъ разсказа Длугоша о Грюнвальденской битвѣ [116]). На основаніи этого же разсказа можно заключить, что этотъ обычай усвоенъ былъ литовскими панами не ранѣе 1413 года, когда получены были ими гербы: въ Грюнвальденской битвѣ 1410 г. литовскіе и русскіе воины сражались либо подъ княжескими, либо подъ повѣтовыми хоругвями. Панскихъ хоругвей еще не было въ Грюнвальденской битвѣ, и это обстоятельство подчеркивается въ разсказѣ Длугоша, какъ особенность литовско-русскаго войска по сравненію съ польскимъ. Такимъ образомъ, въ 1410 г. литовскіе паны наравнѣ съ остальными боярами стояли еще на полѣ битвы подъ земскими и повѣтовыми хоругвями. Этихъ хоругвей Длугошъ насчитываетъ восемнадцать: Троцкая, Виленская, Городенская, Ковенская, Лидская, Мѣдницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Кіевская, Пинская, Новгородская, Берестейская, Волковыйская, Дорогицкая, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская [117]). По всѣмъ даннымъ, это только примѣрный, а не полный перечень всѣхъ повѣтовыхъ хоругвей [118]). Позже

---

[115]) Сигизмундъ-Августъ въ 1558 году 9 августа пожаловалъ его сыну Ивану эти имѣнья «правомъ мужского рожаю». Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 182—183.

[116]) Польскіе паны въ свою очередь переняли этотъ обычай у западно-европейскихъ крупныхъ феодаловъ, ближайшимъ образомъ у своихъ чешскихъ собратій (páni korouhevni). См. *O. Balzera* Historya ustroju Austryi, str. 132, 133. Lwów 1899.

[117]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 41, 42.

[118]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 533.

крупные землевладѣльцы шляхетскаго сословія, или паны, уже вышли изъ подъ повѣтовыхъ хоругвей и стали ставить свои отряды, или «почты» въ ополченія воеводствъ или земель подъ собственными хоругвями, а подъ повѣтовыми хоругвями остались только средніе и мелкіе землевладѣльцы, обязанные служить военную службу непосредственно самому господарю.

Распредѣленіе этихъ землевладѣльцевъ по отдѣльнымъ хоругвямъ основывалось на территоріальномъ началѣ: каждый становился съ своимъ почтомъ подъ хоругвою того повѣта, въ которомъ лежало его имѣнье; кто владѣлъ имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, обязанъ былъ становиться лично съ извѣстнымъ почтомъ подъ хоругвою того повѣта, въ которомъ лежало его отчинное «головное» имѣнье [119]); подъ хоругвями же другихъ повѣтовъ такіе землевладѣльцы обязаны были ставить одни свои «почты» [120]); кто заразъ владѣлъ имѣньями подъ господаремъ, князьями и панами, тотъ лично долженъ былъ становиться подъ повѣтовою хоругвою, поставивъ на свое мѣсто при князѣ или панѣ кого-либо другого, «войнѣ неповинного» [121]); сами князья и паны, владѣвшіе имѣньями въ господарскихъ волостяхъ, выставляли съ этихъ имѣній «почты» подъ повѣтовыми хоругвями, а съ собственныхъ имѣній, какъ сказано, вели почты подъ собственными хоругвями [122]).

---

[119]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 2.

[120]) Разумѣется, подобный порядокъ вещей создавалъ иногда большія затрудненія для военно-служилыхъ землевладѣльцевъ. Поэтому землевладѣльцы выхлопатывали себѣ у господаря право служить со всѣхъ имѣній подъ какою-нибудь одною хоругвою. «Билъ намъ чоломъ,—читаемъ въ одномъ актѣ отъ 19 марта 1557 г.,—справца дворовъ Городеньскихъ, державца Новодворскій и Озерскій Себестьянъ Дыбовскій и поведилъ передъ нами, ижъ дей онъ именья свои въ разныхъ поветехъ, то есть въ Новгородскомъ и въ Клецкомъ, маеть и часу потребы службы нашое господарское и земское военное водлугъ повинности своей зъ оныхъ именей почотъ слугъ своихъ въ тыхъ поветехъ подъ розными хоругвями ставити мусить, въ чомъ дей трудность великую приймуеть; и билъ намъ чоломъ, абыхмо зо всихъ именей его дозволили ему на одномъ местцу *въ повете Новгородскомъ подъ хоруговъю* тамошнею службу нашу земскую служити и заступовати». Король дозволилъ.—Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 552. См. также Запис. XXXVII, л. 457—458.

[121]) Статутъ 1529. раздѣлъ II, арт. 2.

[122]) Такимъ образомъ, напр., князь Василій Андреевичъ Полубенскій, выводившій отрядъ въ 43 человѣка, ставилъ сверхъ того 2 коня подъ хоругвою повѣта Берестейскаго, панъ Станиславъ Довойновичъ, выводившій отрядъ въ 31 конь, ставилъ сверхъ того 2 коня подъ хоругвою повѣта Берестейскаго. Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ I, л. 7, 8, 100, 101.

По переписи 1528 г. и современнымъ актовымъ свидѣтельствамъ господарскіе бояре-шляхта и земяне, выѣзжавшіе на войну, составляли слѣдующія хоружства и отряды сообразно съ распредѣленіемъ ихъ землевладѣнія: въ воеводствѣ Виленскомъ—хоружства Ошменское и Мѣдницкое, отряды Минскаго повѣта и Аинской волости, хоружства Лидское (и Бѣлицкое) и Новгородское, отрядъ Марковской волости, хоружства Кревское и Свирское, Рудоминское, Мемижское, Керновское, Утенское, Мойшакгольское, Вилкомирское, (Ушпольское) и Певянское, Кгедройтское, Судеревское, Неменчинское, отряды Оникштевскій и Браславскій; въ Троцкомъ воеводствѣ—хоружства Ковенское, Жижморское, Сомилишское, Лепунское и (Волкпиицкое), Высокодворское, Ейшишское, отряды Радуньскій, Перелайскій, Коневскій (и Дубицкій), Пуньскій, хоружства Дорсунишское, Бирштанское, Мерецкое, Василишское, Острынское, отрядъ Жолудской волости, хоружства Городенское, Слонимское, Волковыйское, Каменецкое, Берестейское, Упитское, Троцкое и Курклевское; въ воеводствѣ Подляшскомъ—хоружства Дорогицкое, Мельницкое и Бѣльское; на Волыни—хоружство земли Волынской; на Полѣсьѣ: отряды Пинскій, Клецкій, Городецкій, Кобринскій, Грушевскій и Черевачицкій; въ Полоцкой землѣ—хоружство земли Полоцкой; въ Витебской землѣ—хоружство земли Витебской; на Руси Литовской — отрядъ Мстиславскаго княжества; въ Жмудской землѣ—хоружства Вилкейское, Веленское, отряды волостей Ойракгольской, Россиинской, Видукльской, Коршовской, Поюрской, Шовдовской, Ретовской, Кгондинской, Вешвянской, Телшовской, Биржанянской, Дирванской, Медикгонской, Жорянской, Потумшинской, Корклянской, Ужвентской, Бержанской, Крожской, Кеменской, хоружства Ясвоинское и Тондякгольское [123]).

Повѣтовыя ополченія бояръ-шляхты и земянъ выводились на войну своими *хоружими*. Изъ тѣхъ повѣтовъ, гдѣ этихъ должностныхъ лицъ не было, бояръ и земянъ выводили на войну мѣстные державцы и тивуны. Поэтому, напр., въ 1535 году 1 февраля среди другихъ военныхъ листовъ посланъ былъ листъ «до державцы Мъстиславского, абы, замки людми осадивъшы, а сами съ конными людми до пана гетмана ехали, какъ ихъ обошлеть» [124]). Листъ отправленъ былъ къ державцѣ потому, что въ Мстиславлѣ въ то время еще не было хоружія. Изъ

---

[123]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I; Запис. XVII, л. 115—117; 180, 181; 390—391, 414—415; 458; Судныхъ дѣлъ VIII, л. 267—269; *Bonieckiego* Poczet rodów, spis dygnitarzy i urzędników.

[124]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 242—243.

большинства Жмудскихъ волостей выводили бояръ на войну мѣстный староста и тивуны. Поэтому и военные листы въ 1536 году 1 мая были посланы между прочимъ старостѣ Жмудскому и тивунамъ: Берžаньскому, Шовдовскому, Биржанянскому, Тверскому, Вешвеньскому, Дирванскимъ обѣихъ половинъ, Тельшевскому, Кгондинскому, Ойракгольскому, Ретовскому, Поюрскому, Коршовскому [125]). Съ теченіемъ времени обыкновенно ставились хоружіе и въ тѣ повѣты, гдѣ ихъ не было. Державцами по большей части бывали крупные паны, которые должны были вести на войну свои «почты» подъ собственными хоругвями, и притомъ нерѣдко держали за разъ не одну господарскую волость, а нѣсколько. При такихъ условіяхъ они лично не могли выводить бояръ и земянъ изъ своихъ державъ, а должны были все равно поручать это дѣло уполномоченнымъ лицамъ. Но самое главное—отъ лицъ, обязанныхъ выводить бояръ и земянъ даннаго повѣта, требовалось точное и подробное знаніе всей ихъ наличности, семейнаго и имущественнаго положенія, кто именно и какъ обязанъ служить, т. е. въ какомъ «почтѣ» и вооруженіи. Этому условію далеко не всегда удовлетворяли державцы, которые сравнительно мало имѣли общенія съ мѣстнымъ военно-служилымъ людомъ, не служили съ нимъ подъ одною хоругвью, иногда были родомъ изъ другихъ мѣстностей государства. Въ интересахъ военной службы поэтому удобнѣе было возлагать обязанность выводить на войну бояръ и земянъ на надежныхъ лицъ изъ ихъ же собственной среды, которые по сосѣдству и совмѣстной службѣ имѣли больше возможности знать всѣхъ своихъ одноповѣтниковъ, кто и какъ изъ нихъ служилъ прежде и обязанъ впредь служить, и сообразно съ этимъ предъявлять къ нимъ и служебныя требованія. Вотъ почему уже при Витовтѣ существовали по разнымъ повѣтамъ особые хоружіе, выводившіе на войну мѣстныхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ [126]). Должности этихъ хоружихъ учреждались и впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ разросталось боярское и земянское землевладѣніе въ господарскихъ волостяхъ и увеличивалась самая наличность бояръ и земянъ. Въ началѣ Ливонской войны, въ 1561—1565 годахъ, хоружіе были не только въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ они являются по переписи 1528 года и современнымъ ей актамъ, но и въ многихъ другихъ, частью упоминаемыхъ въ переписи 1528 г., а частью новыхъ, въ этой переписи не записанныхъ. Военные и сереб-

---

[125]) Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 260; Запис. XXXVII, л. 20—22.

[126]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 41, 42; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 533.

щинные листы въ 1561—1565 г. разсылались между прочимъ хоружимъ: Аинскому, Минскому, Марковскому, Оникштенскому, Браславскому, Радуньскому, Перелайскому, Коневскому и Дубицкому, Пуньскому, Жолудскому, Волковыйскому, Бѣльскому, Пинскому, Кобринскому, Мстиславскому, т. е. хоружимъ такихъ повѣтовъ, которые по переписи 1528 года и другимъ современнымъ актамъ являются еще безъ хоружихъ (возможно, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ повѣтовъ, напр., въ Волковыйскомъ и Бѣльскомъ хоружіе были и въ то время и только случайно не встрѣчаются въ актахъ). Сверхъ того военные листы въ 1561—1565 г. разсылались хоружимъ: Довкговскому, Кормяловскому, Красносельскому, Кгераноинскому, Ляховицкому, Новодворскому, Ожскому и Переломскому, Скерстомоньскому, Стоклишскому, Трабскому [127]), т. е. хоружимъ такихъ повѣтовъ, которые совсѣмъ не упоминаются еще въ переписи 1528 года либо потому, что въ нихъ мало еще было развито боярское землевладѣніе, и существовавшіе въ нихъ бояре [128]) несли военную службу подъ хоругвями сосѣднихъ повѣтовъ, либо потому, что эти повѣты не принадлежали еще тогда господарю, какъ, напр., Гераноинскій и Трабскій [129]). Даже въ Жмудской землѣ, гдѣ обязанности хоружихъ выполняли большею частью тивуны [130]), увеличилось, повидимому, число этихъ должностныхъ лицъ. Изъ листа, адресованнаго тивуну Шовдовскому, относительно сбора серебщины, ухваленной на сеймѣ 1551 г, видно, что въ тивунствѣ Шовдовскомъ былъ особый повѣтовый хоружій, на котораго и возложена была обязанность собирать серебщину съ имѣній мѣстныхъ бояръ-шляхты [131]).

---

[127]) Литов. Метр. кн. Переписей Литов. VII, л. 1—3, 20—22, 30—32. 70—72, 75—76, 92, 99—100, 131—133, 135, 138—139, 146; Публичныхъ дѣлъ VII, л. 3, 8, 23, 24, 35—38, 59—63, 82—84.

[128]) Это справедливо, напр., относительно Стоклишской и Довкговской волостей. См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 144, 145, 147: прилож. № 25.

[129]) Гераноины и Трабы принадлежали въ 1528 году Гаштольдамъ. См. тамъ же, стр. 115, 116, 119.

[130]) Старшій тивунъ носилъ хоругвь земли Жмудской. См. Акты Зап. Рос. III, № 11, пр. 13.

[131]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 125—127. Кромѣ этого листа, намъ не попадалось еще никакихъ указаній на повѣтовыхъ хоружихъ въ тивунствахъ Жмудской земли. Акты упоминаютъ только о хоружихъ въ Жмудскихъ державахъ— Вилкейской, Веленской, Скерстомоньской и Ясвоинской. Вотъ почему мы и не высказываемся рѣшительно за увеличеніе числа Жмудскихъ хоружихъ.

Хоружіе назначались на свою должность господаремъ по чьей-либо рекомендаціи. Чаще всего господарь руководился въ данномъ случаѣ рекомендаціею воеводъ и старостъ, которая выражалась иногда не только въ формѣ простого ходатайства за того или другого лица, но и въ формѣ предварительнаго порученія ему исправлять должность «до воли и ласки господарской». Господарь въ такихъ случаяхъ только подтверждалъ распоряженія воеводы или старосты. Такимъ образомъ, напр., староста Лидскій Юрій Ивановичъ Ильинича, найдя, что назначенный господаремъ хоружій Лидскаго повѣта Богданъ «неслушне и нерядне въ томъ ся справуеть», отставилъ его отъ этой должности, далъ «хоружое Лидское» боярину Мицку Нарковичу и написалъ объ немъ господарю, «ижъ тотъ Мицко естъ годнѣйшый, нижли тотъ Богданъ». Согласно съ этимъ представленіемъ и по челобитью самого Мицка Нарковича король утвердилъ его въ должности хоружія [132]). Въ 1538 году король по ходатайству пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда утвердилъ въ должности хоружія Сомилишскаго Ивана Селицкаго, которому далъ хоружство покойный воевода Троцкій Янъ Яновичъ Заберезинскій «до воли и ласки господарской» [133]). Какъ видно изъ этого факта, хоружства получались по временамъ и по протекціи стороннихъ вліятельныхъ лицъ. Еще болѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ имѣемъ отъ 23 марта 1541 года, когда господарь пожаловалъ хоружство Мойшакгольское боярину Щастному Жоравскому по просьбѣ королевы Боны [134]). Извѣстное вліяніе въ настоящемъ случаѣ оказывали также и желанія самихъ бояръ и земянъ, къ которымъ господарь назначалъ хоружія. Король Сигизмундъ назначилъ было хоружимъ Городенскимъ своего дворянина Марка Гринко-

---

[132]) Тамъ же, прилож. № 36.

[133]) Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 140—141.

[134]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 109: «Княземъ и паномъ, и кнегинямъ, панямъ вдовамъ, бояромъ и дворяномъ нашимъ тымъ, которые именья свои мають въ Мойшокголскомъ повете. Билъ намъ чоломъ бояринъ Мойшокголский Щастный Жоравъский и просилъ у насъ хоружого Мойшокголского, которое первей сего отъ насъ держалъ бояринъ нашъ Мартинъ Белевичъ и тыхъ часовъ змеръ, о чомъ же и королевая наша ее милость, великая кнегиня Бона, насъ за нимъ жедала. Ино мы на жеданье королевое ее милости и на чоломбитье его то вчинили—оный врадъ, хоружое Мойшокголское, што оный Мартинъ отъ насъ держалъ, ему дали и тымъ его пожаловали со всимъ потому, якъ и першие хоружие отъ насъ его мевали. И вы бы о томъ ведали и его во всемъ были послушни потому, какъ и першихъ хоружихъ тамошнихъ, конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Вилни подъ лет. Бож. Нарож. 1541, месеца марца 23 день, индиктъ 14. Михайло писаръ».

вича. Но бояре Городенскіе не пожелали имѣть его на этомъ урядѣ. Тогда мѣстный староста панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича далъ этотъ урядъ боярину Городенскому Яну Миколаевичу Толонковича «до воли господарской» и просилъ господаря утвердить его распоряженіе. При этомъ и нѣкоторые бояре Городенскіе били челомъ господарю, чтобы онъ далъ ему хоружство Городенское. Согласно этимъ ходатайствамъ король 12 сентября 1526 года утвердилъ хоружство за Толонковичемъ [135]). Встрѣчаются даже случаи прямого выбора хоружія цѣлою волостью. Бояре и слуги путные Упитскаго повѣта принесли жалобу на своего хоружія Миколая Буткевича, который «кривды и шкоды, невымовне великии» имъ подѣлалъ и «платы неомерныи» съ нихъ побралъ. Разбиравшій эту жалобу король Сигизмундъ нашелъ Буткевича виновнымъ и приказалъ своему дворянину взыскать съ него въ пользу жалобщиковъ всѣ ихъ убытки. Тогда Буткевичъ пошелъ съ ними на мировую и «спустилъ» имъ свое хоружство, обязываясь отдать и самую хоругвь. Бояре просили господаря отдать хоружство Андрею Товткгиновичу, что господарь и исполнилъ. Когда же Буткевичъ, невзирая на то, попытался обманомъ вернуть себѣ хоругвь, бояре отправили своего избранника къ господарю съ листомъ, скрѣпленнымъ цѣлою сотнею подписей, въ которомъ, разоблачая махинаціи Буткевича и его недобросовѣстность, просили оставить при хоружствѣ Андрея Товткгиновича. Господарь и на этотъ разъ уважилъ ихъ просьбу [136]).

Главная обязанность хоружихъ состояла въ томъ, чтобы выводить бояръ и земянъ своихъ повѣтовъ на войну. Они оповѣщали своихъ повѣтниковъ о снаряженіи и выступленіи на войну, собирали ихъ въ одно мѣсто и провѣряли наличность ихъ «почтовъ», а затѣмъ подъ своею хоругвью вели въ сборный пунктъ на смотръ къ гетману; о всѣхъ, уклонившихся отъ службы, хоружіе (а гдѣ ихъ не было,— державцы) обязаны были по прибытіи въ сборный пунктъ докладывать гетману, подъ страхомъ конфискаціи имѣнья за утайку [137]). Дальнѣй-

---

[135]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. прилож. № 42.

[136]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII. л. 180. 181.

[137]) Статутъ 1529, раздѣлъ II. арт. 10. Статутъ и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, формулировалъ только дѣйствовавшую практику. Въ военныхъ листахъ, разосланныхъ въ концѣ іюня 1522 года, читаемъ между прочимъ: «Пакъ ли жъ бы есте, и о сее росказанье нашо не дбаючи, и на тотъ рокъ до Меньска не были и гетьману нашому ся не оказали, и въ реестръ гетьманскій

скіе намѣстники-державцы. Указанія на это во множествѣ разсѣяны въ актахъ первой половины XVI в. Такимъ образомъ, напр., въ заставномъ листѣ на дворъ Оникшты, выданномъ 7 января 1516 года пану Миколаю, старостичу Жмудскому, встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующую гарантію: «А бояръ нашихъ Оникштинскихъ маеть онъ судити, какъ и передъ тымъ»[162]). Подобныя же гарантіи встрѣчаемъ и въ другихъ заставныхъ листахъ, выданныхъ въ томъ же году на разные господарскіе дворы и волости, напр., въ заставныхъ листахъ на Волкиники и Лепунь, на Довкги, а также въ заставныхъ листахъ, выданныхъ въ 1518 году на дворы Василишки и Стоклишки[163]). Юрисдикцію державцевъ наравнѣ съ юрисдикціею старостъ и воеводъ по отношенію къ боярамъ и земянамъ-шляхтѣ предполагалъ и статутъ 1529 года, предписывая всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ выбирать двухъ земянъ добрыхъ и вѣры годныхъ для ассистированія на судѣ ихъ намѣстниковъ и маршалковъ въ отсутствіе самихъ воеводъ, старостъ и державцевъ[164]). Статутъ только оговаривалъ, что новые державцы, недавно названные державцами, а прежде именовавшіеся тивунами, не имѣютъ права привлекать бояръ-шляхту къ своему суду. Бояре ставятся передъ ними на судъ по своей доброй волѣ; а если не захотятъ, могутъ отозваться до воеводы или старосты, «в которомъ повете хто з них будетъ», и державцы не должны имъ возбранять этого[165]). На неправый судъ державцевъ бояре и земяне шляхта могли жаловаться воеводѣ того повѣта, въ которомъ находилась держава; если же державцею былъ кто-либо изъ пановъ радныхъ, воеводъ и старостъ, не судившійся въ повѣтахъ, тогда жалоба должна была подаваться самому господарю или панамъ-радѣ на ближайшій сеймъ или на «рокъ земскій» (судовый сеймъ)[166]). Въ Жмудской землѣ роль главнаго судьи для бояръ-шляхты игралъ мѣстный староста, который въ данномъ отношеніи пользовался тѣми же правами и полномочіями,

---

[162]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 26.

[163]) Тамъ же, стр. 625.

[164]) Раздѣлъ VI, арт. 3.

[165]) Раздѣлъ VI, арт. 33. Вотъ почему и тяжбу боярина Ошменскаго Юрія Сташковича съ бояриномъ же Павломъ Янковичемъ «о примовку ему до шляхетства» разбиралъ воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ (1522—1539), а не одинъ изъ тогдашнихъ державцевъ (Миколай и Янъ Заберезинскіе, Еронимъ Ходкевичъ). См. Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 30—32.

[166]) Раздѣлъ VI, арт. 1.

державцевъ было обыкновенно больше числа хоружихъ [141]). Такое несоотвѣтствіе объясняется во-первыхъ тѣмъ, что не во всѣхъ господарскихъ волостяхъ или державахъ распространено было боярское землевладѣніе; во-вторыхъ—тѣмъ, что бояре и земяне нѣсколькихъ волостей и державъ сплошь и рядомъ составляли одно хоружство (напр., бояре Ковенской державы и Румшишской составляли хоружство Ковенское; бояре Городенской волости, Скидельской, Озерской, Кринской, Мостовской, Молявицкой, Квасовской, Котренской, Рожанской — хоружство Городенское; земяне Берестейскіе, Милейчицкіе, Воиньскіе, Ломазскіе—хоружство Берестейское; земяне Бѣльской державы, Саражской, Бранской, Кнышинской, Тыкотинской—хоружство Бѣльское; земяне Дорогицкой державы, Городецкой и Высоцкой—хоружство Дорогицкое); и наконецъ, тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ господарскихъ волостяхъ никогда не учреждалось должности хоружихъ, и мѣстные бояре и земяне всегда находились въ вѣдѣніи и распоряженіи мѣстныхъ державцевъ. Такъ обстояло дѣло въ такъ называемыхъ Русскихъ, или Поднѣпрскихъ, волостяхъ и въ державахъ Кіевской и Подольской земли, короче сказать—въ украинныхъ волостяхъ. Въ этихъ волостяхъ, по всѣмъ признакамъ, шляхетское землевладѣніе было очень мало распространено [142]),

---

ная, Лынкяны, Метель. Молчадь, Молявица, Мосты, Новая Воля, Нарва, Нобель, Немонойти, Олита, Овручъ, Озеры, Остеръ, Пищадка, Порозово, Полонга, Перстунь, Рожанка, Ротница, Рогачовъ, Рокэнтишки, Селецъ, Святковъ, Сиино, Саражъ, Стобинки, Сейвы, Скидель, Трокели. Торчинъ, Цѣрэнъ, Чернобыль, Черкасы, Чернятичи, Шерешовъ, Швинтаны, Яловка (Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 78—81. 88—89, 94; Публичн. дѣлъ VII, л. 55, 73, 78, 82, 105 и др.).

[141]) Сверхъ державцевъ, одноименныхъ съ хоружими, въ актахъ 1561—1565 г. упоминаются, напр., еще слѣдующіе державцы: Бержницкій, Браньскій, Бобруйскій, Воложиньскій, Вораньскій, Владимірскій (староста), Вонячинскій, Высоцкій, Волпенскій. Гонейскій, Городецкій (на Подляшьѣ). Жосельскій, Житомирскій (староста), Забельскій, Здитовскій. Зельвенскій, Корияловскій, Красницкій, Кретингскій, Кнышинскій, Котреньскій, Квасовскій, Кременецкій (староста), Кринскій, Любечскій. Лобеньскій. Лысковскій, Лосицкій, Любошанскій, Могилевскій, Межирѣцкій, Молявицкій, Мядельскій. Мозырскій. Мостовскій, Мстибоговскій, Немоноитскій, Олитскій, Озерскій. Обельскій, Оршаньскій, Овруцкій, Острскій, Перстуньскій. Плотельскій, Полонгскій, Пропойскій, Перевальскій, Рогачовскій. Рѣчицкій, Россеинскій. Роконтишскій, Румшишскій, Саражскій, Стобинскій. Сейвенскій, Сиинескій, Скидельскій, Чечерскій, Чернобыльскій. Шерешовскій (Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 20—22, 30—32, 34, 36, 53—57, 99, 101, 105, 118, 119, 122; Публич. дѣлъ VII, л. 12. 32, 39, 66—69).

[142]) По ревизіи 1545 года въ Вѣницкомъ повѣтѣ насчитывалось около

Луцкій,—съ владыкою, князьями и панами [171]), и скорѣе всего на областныхъ сеймахъ, когда, вообще рѣшались всякія судебныя и другія «земскія дѣла». За свой трудъ маршалокъ получалъ въ свою пользу половину пересуда, такъ же, какъ и староста Луцкій [172]).—Подсудность рыцарства шляхты державцамъ, старостамъ и воеводамъ, какъ она обрисовывается по статуту 1529 г. и другимъ современнымъ источникамъ, въ существенныхъ чертахъ просуществовала до самаго введенія гродскихъ и земскихъ судовъ (на основаніи Бѣльскаго привилея 1564 г.). Изъ жалобы, поданной земянами Вѣницкими въ 1551 году на своего старосту князя Богуша Корецкаго, видно, что земяне судились не только у самого старосты, но и у его урядника (намѣстника) [173]). Точно такъ же судилъ мѣстныхъ земянъ и староста Кременецкій, между прочимъ «о некоторые розницы и зайстья о земли, дубровы и сеножати», какъ это видно изъ господарскаго листа отъ 15 января 1554 года, выданнаго земянину Ивану Березецкому [174]). Отдавая кн. Юрью Юрьевичу Слуцкому замокъ Пинскъ въ заставу, въ случаѣ неуплаты въ срокъ занятыхъ еще у отца его 7000 копъ грошей, король Сигизмундъ-Августъ писалъ въ своемъ листѣ (отъ 4 іюня 1559 года): «И держачи тотъ замокъ нашъ Пинский въ той суме пенезей, князь Юрей тою жъ владностью моцы и звирхности нашое господарское, яко иные старостове, отъ насъ постановленые, земянъ шляхту оного повету правомъ посполитымъ земскимъ въ ихъ справахъ на томъ замку судити... маеть» [175]). Отдавая въ 1561 году тому же князю Юрью Слуцкому замокъ Бобруйскій съ волостью въ заставу въ 12000 копахъ грошей, Сигизмундъ-Августъ въ своемъ заставномъ листѣ предоста-

---

[171]) Поэтому-то владыка Луцкій, князья и паны Волынской земли и вступались въ доходъ маршалка, т. е. помочное, или пересудъ, который приходился въ половинной долѣ на маршалка. Archiwum Sanguszków III, № CCLV.

[172]) Archiwum Sanguszków III, № CCXCIV, CCCIV.

[173]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 120—122: «И къ тому дей ты берешъ на нихъ самыхъ и на подданыхъ ихъ помочные непомерные, отъ копы по шести грошей, чого дей передъ тымъ не бывало тамъ; нижли, естли бы хто кого въ которой суме пенезей передъ тобою утегалъ, тогды помочного маеть дати три гроши, а коли ся оттежеть, тогды тежъ паметного три гроши дати маеть... А служебнику врадника твоего двanадцать грошей они за то дають, где они слугъ его на тые потребы свои (поднятье шапки на судѣ, опросъ свидѣтелей) въ него берутъ, а того дей передъ тымъ не бывало...

[174]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 137—139.

[175]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 241—242.

этихъ бояръ и земянъ обыкновенно не тревожили, и къ нимъ не посылались военные листы. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что эти бояре и слуги уцѣлѣли отъ обложенія военною повинностью сообразно съ количествомъ крестьянскихъ службъ, «водлѣ ухвалы земское», и несли эту повинность по старинному, въ фиксированныхъ размѣрахъ съ земли [144]), ибо обложеніе военною повинностью «водлѣ ухвалы земское» распространялось только на тѣхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ, которые подлежали мобилизаціи. Вотъ почему эти бояре и земяне не попали и въ земскій «пописъ» 1528 года, который былъ собственно спискомъ всѣхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ, подлежавшихъ мобилизаціи. Не подлежа общей мобилизаціи, эти бояре и земяне за то часто подлежали призыву въ мѣстныя ополченія, снаряжавшіяся въ погоню за татарами.

Бояре и земяне шляхта, державшіе имѣнья подъ князьями и панами, выходили на войну подъ ихъ начальствомъ. Князья и паны раздавали въ своихъ волостяхъ имѣнья боярамъ и земянамъ съ тою именно цѣлью, чтобы пополнять ими свои «почты» во время мобилизаціи. Такимъ образомъ, напр., панъ Михайло Нацевичъ (XV в.) подтвердилъ боярину Юрью Мимейковичу его отчину, которую тотъ держалъ въ его имѣньѣ Межирѣчьѣ, «а съ того казалъ службу боярскую шляхетскую конемъ служити потому, яко и иншие бояре шляхта служатъ» [145]). Панъ Григорій Григорьевичъ Остиковича далъ боярину Миколаю Войтеховичу имѣнье въ Мусникахъ съ условіемъ служить съ него службу конно и збройно на трехъ коняхъ [146]). Вдова пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда дала нѣкоему Андрею Петели три службы людей Койдановскихъ на вѣчность, при чемъ Петеля далъ такое обязательство: «А такъ и съ тыми людми моими куплеными маю ей милости, панеи моей милостивой, я самъ и потомъки мои службу военную конно а збройно служити такъ, якъ и иншии бояре ее милости шляхта, ей милости самой и потомкомъ ее милости на вѣчность» [147]). Военную службу шляхты подъ хоругвью князей и пановъ предусматривалъ и статутъ 1529 года, обязывая тѣхъ шляхтичей, которые одновременно съ тѣмъ держали имѣнья подъ господаремъ, лично

зъ ручницами уставичне при замку нашомъ тамошнемъ Могилевскомъ мети» (Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 27—28).

[144]) См. предшествующее примѣчаніе.

[145]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 24, 25.

[146]) Литов. Метр. кн. Запис. XV. л. 126—127.

[147]) Литов. Метр. кн. Коронн. Перепис. XXIV, док. 41.

становиться непремѣнно подъ хоруговью повѣтовою, замѣщая себя при князѣ или панѣ кѣмъ-либо другимъ, войнѣ не повиннымъ [148]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда княжескія и панскія имѣнья спадали на господаря, бояре и земяне, испомѣстившіеся въ этихъ имѣньяхъ, ходили на войну подъ начальствомъ тѣхъ лицъ, которымъ господарь жаловалъ эти имѣнья «въ держаніе» [149]). Бывали, впрочемъ, случаи, когда господарь ставилъ имъ особыхъ хоружихъ. Такъ было дѣло, наприм., въ Мстиславлѣ, Кгераноинахъ и Трабахъ.

Князья и паны съ своими «почтами», хоружіе и державцы (въ Жмудской землѣ также тивуны) съ повѣтовыми отрядами бояръ и земянъ-шляхты въ составѣ войска группировались по воеводствамъ и землямъ, въ особые территоріальные полки. Начальниками этихъ полковъ считались мѣстные воеводы [150]), въ Жмудской землѣ—староста [151]), а въ Волынской—маршалокъ земли Волынской. Впрочемъ, видную роль эти военачальники играли только при частныхъ мобилизаціяхъ, когда военнослужилые землевладѣльцы собирались не въ общегосударственное ополченіе, а въ мѣстное, для отраженія врага, угрожавшаго той или другой землѣ [152]).

§ 8.

Въ неодинаковомъ положеніи находились различные классы шляхетскаго сословія и въ отношеніи подсудности. Первостепенныя княжескія и панскія фамиліи, изъ которыхъ набирались паны радные, обыкновенно пользовались привилегіею неподсудности мѣстнымъ правителямъ—воеводамъ, старостамъ и державцамъ. Фактъ этотъ обнаруживается изъ нѣкоторыхъ опредѣленій статута 1529 года и частныхъ указаній различныхъ актовъ. Первый артикулъ VI раздѣла статута 1529 г. опредѣлялъ, что за неправый судъ каждый державца можетъ быть позванъ «перед воеводу повету своего» и повиненъ передъ нимъ «суд свой оказывати», за исключеніемъ пановъ радныхъ, воеводъ и старостъ, «которые не сут в поветех»: такіе державцы отвѣчаютъ «на першом сойме або на року земском», т. е. передъ господаремъ и па-

---

148) Раздѣлъ II, арт. 2.

149) Акты Зап. Рос. III, № 11, просьба 27.

150) См. выше, стр. 293.

151) Акты Зап. Рос. III, № 14 (стр. 40), 24 (ст. 101).

152) См., напр., относительно маршалка Волынской земли Archiwum Sanguszków IV, № I, LXV, LXXXI, LXXXII; Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 96—97; XLV, л. 15.

либо государственныя должности, вызывались на сеймы лично. Такимъ образомъ, напр., на Виленскій сеймъ 1534 года вызывались: воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ *Гаштольдъ;* воевода Троцкій Янъ Яновичъ *Заберезинскій;* панъ Виленскій Юрій Миколаевичъ *Радивилъ;* панъ Троцкій Петръ Станиславовичъ *Кишка;* бискупъ Виленскій Янъ, изъ *князей Литовскихъ*; бискупъ Луцкій кн. Павелъ *Гольшанскій;* бискупъ Жмудскій; воевода Новгородскій Станиславъ Альбрехтовичъ *Гаштольдъ*; воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ *Глѣбовича;* воевода Витебскій Матей Войтеховичъ *Клочко;* воевода Кіевскій Андрей *Немировичъ*; подчашій Янъ Миколаевичъ *Радивилъ;* крайчій Григорій Григорьевичъ *Остиковича;* державца Горвольскій кн. Юрій Ивановичъ *Дубровицкій;* староста Луцкій кн. Ѳедоръ Михайловичъ *Чорторыйскій;* староста Владимірскій кн. Ѳедоръ Андреевичъ *Сангушковичъ;* староста Брацлавскій и Вѣницкій кн. Илья *Острожскій;* подскарбій дворный Иванъ Андреевичъ *Солтанъ;* подскарбій земскій Иванъ *Горностаи;* державца Мстиславскій Юрій *Зеновьевичъ;* державца Оршанскій кн. Ѳедоръ Ивановичъ *Жеславскій;* державца Могилевскій кн. Василій Ивановичъ *Соломерецкій;* державца Рѣчицкій кн. Александръ Михайловичъ *Вишневецкій;* маршалокъ, староста Берестейскій, державца Остринскій, Вилькейскій и Кнышинскій Александръ Ивановичъ *Ходкевича;* конюшій Василій *Чижъ;* подкоморій Миколай *Пацъ;* староста Пинскій Иванъ Михайловичъ; маршалокъ, державца Браславскій, Павелъ *Сопега;* маршалокъ Александръ *Солтановичъ*; маршалокъ, державца Минскій, Янъ Стецковичъ *Цыбулька;* маршалокъ, державца Любошанскій, Юрій Немировичъ; маршалокъ Юрій Григорьевичъ *Остикъ* (Сирпутій); маршалокъ Миколай *Щитъ*; секретарь Станиславъ *Скопъ;* тивунъ Виленскій Шимко Мацкевичъ; писарь Станиславъ *Коморовскій;* секретарь Павелъ *Нарушевичъ;* чашникъ Войтехъ *Андрушевичъ*; маршалокъ, державца Жолудскій, кн. Василій Андреевичъ *Полубенскій* и, кромѣ того: кн. Юрій Семеновичъ *Слуцкій*, не занимавшій никакой должности, всѣ князья *Друцкіе*, всѣ князья *Лукомскіе*, князья *Свирскіе*, князья *Кгедройтскіе*, князья *Сангушковичи, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе,* паны *Ходкевичи*, паны *Зеновьевичи*, *Кухмистровичи* и *Хребтовичи*, панъ Остафій (*Яцыничъ*, выставлявшій по переписи 1528 года 17 коней), панъ Янъ Петровичъ *Пенко* (выставлявшій по переписи 1528 годъ 19 коней), панъ Лавринъ *Вольскій* [188]). Двадцать

[188]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 96—99; *Bonieckiego* Poczet rodów; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego; Kniaziowie litewsko-ruscy.

добныя изъятія были распространены въ отношеніи къ панамъ раднымъ и высшему духовенству. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года шляхтарыцарство просила было короля установить, чтобы паны-рада и «вси преложоные духовные» съ имѣній своихъ, которыя держать подъ земскимъ правомъ, отвѣчали передъ повѣтовыми судьями. Но господарь на отрѣзъ отказалъ въ этомъ и заявилъ, что онъ не станетъ заводить такой новости въ своемъ государствѣ: никогда передъ тѣмъ не бывало, чтобы паны радные и духовные іерархи отвѣчали передъ повѣтовыми урядниками, и впредь этого не будетъ; паны радные и духовные іерархи будутъ отвѣчать шляхтѣ «о кривды» передъ самимъ господаремъ, а въ его отсутствіе передъ панами-радою, «на рокахъ судовыхъ господарьскихъ великихъ, о святомъ Мартинѣ»[155]). Отклонивъ просьбу шляхты, господарь продолжалъ выдавать панамъ специальные привилеи, освобождавшіе ихъ отъ подсудности повѣтовымъ урядникамъ. Такимъ образомъ, напр., 30 сентября 1558 года король выдалъ привилей вдовѣ покойнаго воеводы Витебскаго пана Станислава Петровича Кишки, Ганнѣ Радивиловнѣ, и ея дѣтямъ, коимъ изъялъ всѣ ихъ подляшскія имѣнья[156]) изъ присуда повѣтовъ земли Подляшской и включилъ ихъ «у право посполитое земское» великаго княжества Литовскаго. Привилей гласилъ: «съ которыхъ именей пани воеводиная и сынове ее въ томъ праве Подляское земли неповинни вжо отъ того часу никому отповедати и передъ судомъ становитися, але судити и справоватися будуть звыклымъ правомъ у великомъ князьстве Литовскомъ передъ нами господаремъ, а въ небытности нашой у-въ ономъ паньстве, ино передъ паны радами нашыми ихъ милостью, *яко зъ инишыхъ именей своихъ они повинни передъ судомъ становитися*»[157]).

---

in id minesterium deputatorum seu surrogatorum, et generaliter ab omnibus et singulis officialibus, magistratibus tam terrestribus, quam etiam curiae nostrae, iuribusque et consuetudinibus districtruum eximimus, libertamus, itaque de se quaerulantibus non coram alio, quam coram nobis successoribusque nostris aut nostris et illorum commissarijs, ad id specialiter deputatis, per literas nostras evocati tam ipse Nicolaus cum coniuge et legittima posteritate sua et incolis praedictorum bonorum tenebitur et tenebuntur respondere».

[155]) Акты Зап. Рос. Ш, № 11, просьба 12. Срав. тамъ же, № 13, просьба 3; № 24, просьба 6.

[156]) «Угровъ и села къ нему прислухаючие: Рухна, Гартыполы, Вархолытонича, Якимовичи, Борыхи, Жужолка, Кавечинъ а место Соколовъ, такъ же съ селами Земпковомъ и Деретномъ».

[157]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 188.

Далеко, однако, не всѣ князья и паны пользовались правомъ не судиться въ повѣтахъ, передъ мѣстными правителями. Поэтому и въ привилеѣ Кіевской земли читаемъ: «А о грабежи безправные такъ уставляемъ: коли бы ся который князь, або панъ, або человѣкъ нашъ пожаловалъ нашому воеводѣ на князя, або на пана, або на боярина Кіевского: ино ему обослати его листомъ, абы передъ нимъ къ праву сталъ; а пакъ ли бы на листъ его не сталъ, ино послати дѣцкого и поставити къ праву, и, сѣдшы съ князи и съ бояры Кіевскими, того досмотрѣти: и хто въ томъ останетъ виненъ, на виноватомъ суженое отправити»[158]). Подобныя опредѣленія встрѣчаемъ и въ привилеѣ Волынской земли[159]). Нѣкоторые князья и паны судились не только главными правителями областей, воеводами и старостами, но и державцами тѣхъ самыхъ повѣтовъ, гдѣ они пріобрѣли имѣнья «подъ земскимъ правомъ». Въ заставномъ листѣ, выданномъ 25 апрѣля 1518 года пану Богушу Боговитиновичу на Каменецъ, Сигизмундъ между прочимъ гарантировалъ ему: «А которыи князи и панове, и земяне, и духовные имѣнья свои маютъ въ Каменецкомъ повѣтѣ, тыхъ онъ маетъ судити и радити подлугъ того, какъ первыи державцы Каменецкіе»[160]). Къ числу ихъ навѣрное принадлежали измельчавшіе князья и паны, выставлявшіе свои почты подъ хоругвями повѣтовыми и въ повѣтовыхъ отрядахъ бояръ и земянъ шляхты[161]), а по всей вѣроятности также и нѣкоторые крупные землевладѣльцы, выводившіе свои почты подъ собственными хоругвями.

Бояре и земяне-шляхта, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ въ разныхъ повѣтахъ, и судились обыкновенно въ этихъ повѣтахъ. Здѣсь судьями ихъ являлись прежде всего мѣстные господар-

---

[158]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

[159]) Тамъ же, № 54.

[160]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 28.

[161]) Такихъ князей и пановъ встрѣчаемъ не мало въ земскомъ «пописѣ» 1528 года. По этому «попису» въ составѣ бояръ-шляхты Новгородскаго повѣта являются: князь Иванъ Крошинскій (2 коня), князь Иванъ Лиходіевскій (конь), панъ Колпеницкій (6 коней); въ отрядѣ Мойшакгольскаго повѣта—князь Глинскій (конь); въ отрядѣ Ейшишскомъ—князь Павелъ Бердибяка (конь), князь Василій Лыко (2 коня); въ отрядѣ Мерецкомъ—кн. Богушъ Масальскій (5 коней); въ Василишскомъ—кн. Михайло Лукомскій (2 коня), кн. Василій Масальскій (4 коня); въ Остринскомъ—князь Семенъ Лукомскій (конь), князь Петръ (конь), кн. Юрій Лукомскій (конь); въ Городенскомъ—панъ Михаилъ Халецкій и т. д. (Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 26—34, 51—53, 79—83, 88—95).

мѣстныхъ судей. Князья и паны извѣстнаго круга замѣщали большую часть государственныхъ должностей, наполняли господарскую раду, которая играла такую важную роль въ высшемъ управленіи и доминировали на великихъ вальныхъ соймахъ, созывавшихся для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди въ государственной жизни великаго княжества. Бояре и земяне-шляхта замѣщали сравнительно не много, и при томъ чисто второстепенныхъ, государственныхъ должностей, чрезвычайно рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, проникали въ лавицу рады господарской, а на великихъ вальныхъ соймахъ большею частью подчинялись рѣшеніямъ своей «старшей братьи», т. е., князей и пановъ. Такой порядокъ вещей по временамъ давалъ себя тяжело чувствовать какъ отдѣльнымъ лицамъ изъ рыцарства-шляхты, такъ и всему классу. Убогіе бояре и земяне-шляхта сплошь и рядомъ должны были сносить обиды и насилія отъ вельможныхъ князей и пановъ и отказываться отъ возстановленія своихъ правъ судебнымъ порядкомъ, такъ какъ для этого надо было доходить до самого господаря или пановъ-рады, не будучи при томъ увѣренными въ безпристрастіи этихъ послѣднихъ къ отвѣтчикамъ изъ ихъ же собственнаго круга. Неудивительно поэтому, если бояре и земяне-шляхта по временамъ «для обороны» закладывались съ своими имѣньями за вельможныхъ князей и пановъ, своихъ сосѣдей, надѣясь такимъ путемъ избѣжать обидъ и насилій отъ нихъ самихъ, ихъ урядниковъ и «подданныхъ», а равно обезпечить себѣ защиту отъ обидъ и притѣсненій со стороны другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ [190]). Отъ магнатовъ, составлявшихъ господарскую раду, исходили по временамъ рѣшенія и

---

[190]) Въ дополненіе къ фактамъ, указаннымъ на 624 и 625 стр. нашей книги «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства» приведемъ еще слѣдующее заявленіе одного акта отъ 24 августа 1560 г.: «Билъ намъ чоломъ бояринъ нашъ Кгераноинский Грышко Комаевичъ и'зъ братьею своею о томъ, ижъ дей кухмистръ нашъ, державца Ушпольский, Пенянский, Ожский и Переломский панъ Войтехъ Ясеньский, держачи отъ насъ замокъ Кгераноинский и менуючи ихъ нешляхтою, земли именья ихъ Кузева на волоки померыти казалъ и одно дей пять волокъ за то имъ дати казалъ и съ тыхъ цыншъ платити велелъ, а они дей суть здавна *бояре шляхта повету Лидскою, одно за небощыка пана Олбрахта Мартиновича Кгаштолта для обороны съ тымъ именьемъ у службу поддалися до Кгераноинъ*. И били намъ чоломъ, абымо ихъ при вольности шляхетской зоставили». Король исполнилъ просьбу и далъ соотвѣтствующее распоряженіе державцѣ Кгераноинскому Ярошу Корицкому и ревизору Яну Стецковичу (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 386—387).

какъ и воеводы Виленскій и Троцкій [167]). Для разбора претензій шляхты къ тивунамъ и тивуновъ къ шляхтѣ, тяжебъ тивуновъ между собою и жалобъ господарскихъ подданныхъ на шляхту и тивуновъ устава 1529 г. опредѣлила четыре съѣзда въ году, на которые должны были съѣзжаться староста и тивуны и разбирать всѣ накопившіяся дѣла [168]). Подобные же суды отправлялись и въ Волынской землѣ на областныхъ сеймахъ, на которые съѣзжались мѣстныя должностныя лица, князья, паны и земяне. Здѣсь, кромѣ сложныхъ и запутанныхъ дѣлъ, выдвигавшихъ вопросы не только о приложеніи права, но и о самомъ правѣ, заставлявшихъ не только судить, но и вмѣстѣ законодательствовать, разбирались также и дѣла по аппеляціи отъ суда мѣстныхъ судей. Первое мѣсто на этихъ судахъ принадлежало вообще старостѣ «столечного» города земли—Луцка [169]). Но когда предстояло разбирать дѣла по аппелляціи отъ суда мѣстныхъ судей, предсѣдательствовалъ уже маршалокъ земли Волынской. Въ привилеѣ на эту должность, выданномъ князю Ѳедору Андреевичу Сангушковичу 1 января 1535 года, читаемъ поэтому: «А што ся дотычеть отзыванья в судехъ подданымъ нашимъ, кому бы ся с крывдою видело, тогды вольно будеть кождому князю и пану и земяномь отозватися до него, маршалка земъского, потому, яко передъ тымъ за предковъ и за отца его небожчика кназя Андрея Александровича, бывало» [170]). Этотъ судъ маршалокъ производилъ не единолично, а такъ же, какъ и староста

---

[167]) Въ привилеѣ на староство Жмудское, выданномъ 10 ноября 1532 года пану Петру Станиславовичу Кишкѣ, послѣ перечисленія дворовъ и волостей, которыя господарь оставлялъ въ своемъ «подаваньѣ», читаемъ: «А панъ староста своихъ наместниковъ и тивуновъ, и поседы ани жадныхъ податковъ въ тыхъ дворехъ и волостехъ не маеть мети, але, кгдысь кто отзоветь у право передъ пана старосту, онъ маеть таковыхъ судити и рядити и на непослушныхъ децкихъ своихъ посылати и въ присуде своемъ яко тивуновъ, такъ и всю землю Жомоитскую маеть мети водлугъ давного обычая, какъ у правехъ ихъ выписано; и какъ тежъ панове воеводы наши Виленский и Троцкий у великомъ князстве ся справують зъ двори нашими Виленскими и Троцкими, онъ потому жъ маеть ся справовати тамъ въ земли Жомоитской» (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 269—271).

[168]) Акты Зап. Рос. II, № 160.

[169]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 869—872.—Панья Тенчинская, выпросившая у короля Александра нѣсколько селъ *во Владимірскомъ повѣтѣ*, «обо вси кривды мѣла права достоивать *передъ старостою Луцкимъ*». См. Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 101 (стр. 89).

[170]) Archiwum Sanguszków IV, № I.

віямъ предшествующаго историческаго воспитанія и сложившейся сословно-политической организаціи рыцарства шляхты, это стремленіе не могло остаться на ступени мечты немногихъ наиболѣе развитыхъ личностей, а должно было охватить широкіе круги бояръ и земянъ и выразиться въ прямыхъ и настойчивыхъ просьбахъ и ходатайствахъ отъ лица всего рыцарства-шляхты, чѣмъ—caeteris paribus—и обусловилось въ концѣ концовъ осуществленіе этого стремленія.

Надо сказать, что по отдѣльнымъ областямъ и повѣтамъ литовско-русскіе бояре и земяне уже давно привыкли сговариваться между собою относительно общихъ нуждъ и интересовъ и подавать коллективныя просьбы и жалобы своему правительству. Военная служба, собиравшая бояръ и земянъ въ отряды и полки по мѣсту жительства, областные и повѣтовые съѣзды, или сеймы, на которые бояре и земяне собирались для выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, между прочимъ и пословъ на вальные сеймы, для суда и рѣшенія различныхъ вопросовъ мѣстной жизни, такъ или иначе сплотили бояръ и земянъ въ солидарныя общества, чувствительныя къ своимъ интересамъ и всегда готовыя постоять за нихъ. Это обнаруживаютъ многочисленные факты, удостовѣряемые оффиціальными свидѣтельствами актовъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Въ 1516 году князья и всѣ Витебскіе бояре приносили жалобу на своего воеводу Януша Костевича, который де поотнималъ у нихъ «чти ихъ, которыи они съ предковъ своихъ мели», а именно:ересталъ совмѣстно съ ними дѣлать всякія земскія дѣла и судить суды, пересталъ дѣлиться съ ними «пересудомъ» (судебною пошлиною) и, наконецъ, сталъ раздавать своимъ слугамъ земскіе уряды, которые прежде всегда раздавались въ держанье Витебскимъ князьямъ и боярамъ, т. е. городничее, конюшее, ключъ, ловчее. Жалоба эта имѣла полный успѣхъ, и господарь, справившись о порядкахъ Витебской земли у одного изъ предшественниковъ Костевича по воеводству, оставилъ Витебскихъ князей и бояръ при старинѣ [193]).

[193]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 204—206: «Мають они зъ воеводою Витебскимъ нинешнимъ и потомъ будучими воеводами всякии дела наши земскии посполъ справовати и при нихъ судити и рядити и кождого пересуда первый грошъ мають давати на церковь светого Михаила, а того жъ пересуда половица маеть быти пану воеводе Витебскому, а другая половица княземъ и бояромъ Витебскимъ, которое жъ половицы мають князи и бояре наместнику Витебскому пана воеводину такую жъ делницу давати, какъ имъ и бояромъ, которыи коли при суде будуть; а коли панъ воевода осудить (на себе) вину, тая вина маеть быти на него жъ, а на то место пересуда ему ничого не маетъ быти, тая половица, што бы мела на

влялъ ему между прочимъ «и бояръ шляхту оного замку въ присуде своемъ мети»[176]) и т. д.

Въ одной только области Литовско-Русскаго государства, бояре и земяне шляхта были на особомъ положеніи въ отношеніи подсудности, именно на Подляшьѣ. Здѣсь уже въ XV вѣкѣ дѣйствовали въ этомъ отношеніи польскіе порядки, и мѣстные бояре и земяне-шляхта судились особыми земскими судьями, избранными изъ ихъ же среды, по всѣмъ дѣламъ, кромѣ такъ называемыхъ старостинскихъ артикуловъ [177]), т. е. разбоя и грабежа на дорогѣ, нападенія на домъ, изнасилованія женщины и поджога [178]). Эти земскіе урядники (судья, подсудокъ, писарь и подкоморій) de jure избирались самими земянами на мѣстныхъ сеймикахъ и утверждались господаремъ [179]), но на практикѣ нерѣдко прямо назначались господаремъ, безъ предварительнаго избранія самими земянами, либо по простому челобитью того или другого земянина [180]), либо по ходатайству вліятельныхъ лицъ [181]). Впрочемъ, такое нарушеніе земскихъ привилеевъ не всегда имѣло мѣсто, и господарь назначалъ на земскіе уряды въ Подляшскіе повѣты и лицъ, избранныхъ мѣстными земянами. Таковы были, напр., Войтехъ Кореневскій, назначенный писаремъ земскимъ Мельницкаго повѣта 17 мая 1534 года по ходатайству кролевы Боны и по просьбѣ судьи, подсудка и всѣхъ земянъ Мельницкаго повѣта [182]); земянинъ Алексѣй Кросновскій, назначенный подкоморіемъ Мельницкимъ 8 августа 1548 г. по просьбѣ пословъ Мельницкаго повѣта, предъявленной господарю отъ имени всей шляхты на Виленскомъ сеймѣ 1547 года [183]) и т. д.

Итакъ, существовали нѣкоторыя различія въ сферѣ подсудности даже одного и того же разряда шляхетскаго сословія—бояръ и зе-

---

[176]) Тамъ же, л. 482—483.

[177]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 19, 20, 637, 638.

[178]) Акты Зап. Рос. I, № 189; II, № 64.

[179]) Zbiór praw litewskich, str. 118—124.

[180]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 14; Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 485, 486; XXIV, л. 121; XXXI, л. 11. 88.

[181]) Такимъ образомъ, напр., въ 1531 году 12 іюня Сигизмундъ выдалъ земянину Миколаю Корицкому листъ на полученіе подсудства Бѣльскаго по смерти здраствовавшаго въ то время Андрея Рытеля по ходатайству королевы Боны и пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 83, 84).

[182]) Литов. Метр. кн. XVII, л. 488.

[183]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 216—217.

дилъ за ними навсегда городничее Мстиславское, а на этотъ разъ отдалъ его боярину тамошнему Войтеху Стаховскому, «которого они и сами призволили и городничимъ его обрали»[198].—Но еще болѣе, чѣмъ въ приведенныхъ случаяхъ, выступаетъ солидарность шляхты, ея заботливость о своихъ интересахъ въ цѣломъ рядѣ просьбъ, поданныхъ тивунами и боярами Жмудской земли въ 1542 году. Жмудскіе тивуны и бояре припомнили цѣлый рядъ нарушеній ихъ правъ и вольностей со стороны самого господаря или его урядниковъ и просили объ устраненіи ихъ и огражденіи отъ нихъ на будущее время. Въ частности они указывали, что въ послѣднюю войну съ Москвою, когда литовское войско ходило къ Стародубу, господарь «отлучилъ» ихъ отъ остального войска и послалъ подъ начальствомъ старосты «въ заставу» на Полоцкъ, при чемъ они должны были ѣздить и на сторожу и слугъ своихъ посылать, чего прежде никогда не водилось; указывали затѣмъ, что прежде старшій изъ тивуновъ имѣлъ при себѣ хоругвь земскую и переписывалъ ихъ, когда они являлись на войну, а реестры сдавалъ старостѣ, не взимая за то никакого вознагражденія, а при старостѣ Янѣ (Миколаевичѣ Радивилѣ, въ 1535—1542) введена убыточная для нихъ «новина», переписывать ихъ стали его писари, взимая «писчого» съ коня по два и по три гроша; жаловались, что паны-рада приказывали имъ подъ страхомъ смертной казни («подъ горлы») ѣхать на войну послѣ того, какъ они по приказанью господаря дали серебщину съ коня по двадцати грошей (въ 1538), «а сами вжо на войну не мѣли ѣхати»[199]; просили затѣмъ, чтобы ихъ не обязывали встрѣчать и провожать комиссаровъ, посылаемыхъ для разграниченія и разбора пограничныхъ столкновеній, на литовско-ливонской границѣ, а только на жмудско-ливонской, чтобы не всылались дѣцкіе къ нимъ за рѣку Невяжу, вопреки ихъ вольностямъ; жаловались далѣе на новоуставленныя мыта, «въ чомъ они великую обтяжливость собѣ мѣнили»;—на то, что вопреки ихъ правамъ и вольностямъ тивунства роздаются Литвѣ, Руси и Ляхамъ, а не мѣстнымъ уроженцамъ, что нѣкоторые тивуны держатъ сразу по двѣ волости; просили, чтобы никто по заочному доносу не наказывался отнятіемъ уряда и имѣнья, а только по судебному рѣшенію; жаловались, что со временъ старостъ Петра Кишки и Яна Миколаевича (1532—1542) уставлены вновь въ

речи будуть продавати, тогды вжо отъ того мыто звычайное повинни давати, а съ того за тымъ листомъ нашимъ не маютъ ся ничимъ выламовати».

[198]) Тамъ же, л. 97.

[199]) См. выше, стр. 270, 271.

либо государственныя должности, вызывались на сеймы лично. Такимъ образомъ, напр., на Виленскій сеймъ 1534 года вызывались: воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ *Гаштольдъ;* воевода Троцкій Янъ Яновичъ *Заберезинскій;* панъ Виленскій Юрій Миколаевичъ *Радивилъ;* панъ Троцкій Петръ Станиславовичъ *Кишка;* бискупъ Виленскій Янъ, изъ *князей Литовскихъ*; бискупъ Луцкій кн. Павелъ *Гольшанскій;* бискупъ Жмудскій; воевода Новгородскій Станиславъ Альбрехтовичъ *Гаштольдъ*; воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ *Глѣбовича;* воевода Витебскій Матей Войтеховичъ *Клочко;* воевода Кіевскій Андрей *Немировичъ*; подчашій Янъ Миколаевичъ *Радивилъ;* крайчій Григорій Григорьевичъ *Остиковича;* державца Горвольскій кн. Юрій Ивановичъ *Дубровицкій;* староста Луцкій кн. Өедоръ Михайловичъ *Чарторыйскій;* староста Владимірскій кн. Өедоръ Андреевичъ *Сангушковичъ;* староста Брацлавскій и Вѣницкій кн. Илья *Острожскій;* подскарбій дворный Иванъ Андреевичъ *Солтанъ;* подскарбій земскій Иванъ *Горностай;* державца Мстиславскій Юрій *Зеновьевичъ;* державца Оршанскій кн. Өедоръ Ивановичъ *Жеславскій;* державца Могилевскій кн. Василій Ивановичъ *Соломерецкій;* державца Рѣчицкій кн. Александръ Михайловичъ *Вишневецкій;* маршалокъ, староста Берестейскій, державца Остринскій, Вилькейскій и Кнышинскій Александръ Ивановичъ *Ходкевича;* конюшій Василій *Чижъ;* подкоморій Миколай *Пацъ;* староста Пинскій Иванъ Михайловичъ; маршалокъ, державца Браславскій, Павелъ *Сопега;* маршалокъ Александръ *Солтановичъ*; маршалокъ, державца Минскій, Янъ Стецковичъ *Цыбулька:* маршалокъ, державца Любошанскій, Юрій Немировичъ; маршалокъ Юрій Григорьевичъ *Остикъ* (Сирпутій); маршалокъ Миколай *Щитъ*; секретарь Станиславъ *Скопъ;* тивунъ Виленскій Шимко Мацкевичъ; писарь Станиславъ *Коморовскій:* секретарь Павелъ *Нарушевичъ;* чашникъ Войтехъ *Андрушевичъ*; маршалокъ, державца Жолудскій, кн. Василій Андреевичъ *Полубенскій* и, кромѣ того: кн. Юрій Семеновичъ *Слуцкій*, не занимавшій никакой должности. всѣ князья *Друцкіе*, всѣ князья *Лукомскіе,* князья *Свирскіе*, князья *Кгедройтскіе*, князья *Сангушковичи*, *Збаражскіе*, *Заславскіе*, *Корецкіе*, паны *Ходкевичи*, паны *Зеновьевичи*, *Кухмистровичи*, *Хребтовичи*, панъ Остафій (*Яцыничъ*, выставлявшій по переписи 1528 года 17 коней), панъ Янъ Петровичъ *Пенко* (выставлявшій по переписи 1528 годъ 19 коней), панъ Лавринъ *Вольскій* [188]). Двадцать

[188]) Литов. Метр. кн. Суд. дѣлъ VIII. л. 96—99: *Boniеckiego* Poczet rodów: *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego: Kniaziowie litewsko-ruscy.

писать свои отвѣты въ книги Метрики [200]). По этимъ жалобамъ и просьбамъ Жмудская шляхта обрисовывается солидарнымъ общественнымъ классомъ, который живетъ сознательною политическою жизнью, твердо знаетъ свои права и вольности, ревниво оберегаетъ ихъ отъ нарушенія, а подъ часъ не прочь и отъ ихъ расширенія.

Съ такими же качествами являются по источникамъ бояре и земяне шляхта и въ другихъ областяхъ великаго княжества. Въ 1546 году къ господарю въ Вильну прибылъ цѣлый рядъ депутацій отъ земянъ южныхъ областей Кіевщины и Подолья съ жалобами на различныя «кривды» и «новины», которыя чинятъ имъ мѣстные правители (староста и воевода Кіевскій). Особенною обстоятельностью и подробностями отличаются жалобы земянъ Вѣницкихъ, которыя принесли господарю отъ ихъ имени Семенъ Кмитичъ, намѣстникъ Вонячинскій, и земяне Василій Дешковскій и Иванъ Яцковскій. Земяне жаловались, что староста разсылаетъ по ихъ имѣньямъ своихъ слугъ и собираетъ съ ихъ людей «кликовщину», будто бы на содержаніе замковой сторожи, а на дѣлѣ въ свою пользу, такъ что замокъ остается безъ сторожи; этого, по ихъ словамъ, прежде не было: земяне не платили прежде никакой «кликовщины», но складывались и сами нанимали сторожу. Земяне указывали далѣе, что староста сумѣлъ обернуть въ свою пользу и добровольную ихъ жертву, которую они приносили «для лепшое безпечности и осторожности», а именно: въ трехъ миляхъ отъ замка, на рѣчкѣ Рову, они содержали на свой счетъ, по своей доброй волѣ, сторожу; староста взялъ у нихъ эту сторожу и сталъ посылать своихъ слугъ въ ихъ имѣнья для сбора денегъ на содержаніе этой сторожи, на самомъ дѣлѣ не выставляя ея на указанномъ посту. Кромѣ того, земяне жаловались на то, что, когда имъ приходится бывать съ старостою въ степи, онъ приказываетъ отбирать у ихъ людей коней и отдаетъ ихъ подъ своихъ слугъ, а людей ихъ оставляетъ въ степи пѣшими, отчего многіе изъ нихъ не доходятъ домой, погибая въ степи или попадаясь въ плѣнъ. Выслушавъ эти жалобы, господарь запретилъ старостѣ кн. Ѳедору Андреевичу Сангушковича собирать съ земянъ деньги на содержаніе сторожи въ замкѣ и въ полѣ и предоставилъ самимъ земянамъ по старому складываться и нанимать эту сторожу, запретилъ также отбирать коней у земянскихъ людей, предоставивъ владѣльцамъ отобранныхъ и невозвращенныхъ коней взыскивать съ старосты судебнымъ порядкомъ ихъ убытки, а родственникамъ покинутыхъ въ степи и пропавшихъ людей взыскивать за нихъ

---

200) Акты Зап. Рос. II, № 221.

нымъ собирать на сеймы всю шляхту, и организовано было извѣстное представительство ея. На сеймы стали ѣздить двое шляхтичей отъ каждаго повѣта по выбору своей братьи. Впрочемъ, по всѣмъ даннымъ, не возбранялось ѣздить на сеймы и другимъ шляхтичамъ, кто хотѣлъ. Кромѣ того, шляхта принимала по временамъ массовое участіе въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ, именно, когда эти совѣщанія устраивались въ военномъ станѣ. Но это были сравнительно рѣдкіе и исключительные случаи. Чаще же шляхта представлялась на сеймахъ своими хоружими (въ Жмудской землѣ тивунами) и повѣтовыми послами. Но такъ какъ еще не существовало обычая предварительно оповѣщать шляхту въ подробностяхъ, зачѣмъ собирается сеймъ (объ этомъ господарь писалъ обыкновенно только панамъ-радѣ), то и шляхта не имѣла еще возможности при выборѣ своихъ пословъ обсуждать предстоящіе вопросы и пересылать съ послами свои мнѣнія. Она должна была въ настоящемъ случаѣ полагаться главнымъ образомъ на своихъ пословъ и беспрекословно принимать рѣшенія сейма. По этой части, слѣдовательно, шляхта находилась въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ князья и паны, лично собиравшіеся на сеймы и подававшіе на нихъ свои голоса. Но еще въ менѣе выгодномъ положеніи находилась та часть шляхты, которая держала имѣнья подъ князьями и панами и не имѣла таковыхъ подъ господаремъ. По актамъ совершенно не видно, чтобы эта шляхта участвовала на сеймахъ. Очевидно, на нее смотрѣли, какъ на зависимый классъ, не имѣющій свободнаго голоса и въ достаточной степени представляемый на сеймахъ своими «панами».

§ 10.

Изъ всего, что разсказано въ послѣднихъ двухъ главахъ, читатель можетъ видѣть, что въ нѣдрахъ благороднаго военнослужилаго сословія Литовско-Русскаго государства въ связи съ экономическимъ неравенствомъ создалось и держалось неравенство юридическое и политическое. Крупнѣйшіе землевладѣльцы этого сословія изъ извѣстныхъ княжескихъ и панскихъ фамилій отправляли военную службу особо отъ рыцарства-шляхты, не состояли вмѣстѣ съ нимъ подъ начальствомъ повѣтовыхъ хоружихъ и не несли никакихъ расходовъ на этихъ должностныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ даже и не судились въ повѣтахъ воеводами, старостами, державцами и земскими судьями (на Подляшьѣ), а только самимъ господаремъ, панами-радою или спеціальными коммиссарами господаря, тогда какъ рыцарство-шляхта привлекалось обыкновенно къ суду вышеупомянутыхъ

мѣстныхъ судей. Князья и паны извѣстнаго круга замѣщали большую часть государственныхъ должностей, наполняли господарскую раду, которая играла такую важную роль въ высшемъ управленіи и доминировали на великихъ вальныхъ соймахъ, созывавшихся для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди въ государственной жизни великаго княжества. Бояре и земяне-шляхта замѣщали сравнительно не много, и при томъ чисто второстепенныхъ, государственныхъ должностей, чрезвычайно рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, проникали въ лавицу рады господарской, а на великихъ вальныхъ соймахъ большею частью подчинялись рѣшеніямъ своей «старшей братьи», т. е., князей и пановъ. Такой порядокъ вещей по временамъ давалъ себя тяжело чувствовать какъ отдѣльнымъ лицамъ изъ рыцарства-шляхты, такъ и всему классу. Убогіе бояре и земяне-шляхта сплошь и рядомъ должны были сносить обиды и насилія отъ вельможныхъ князей и пановъ и отказываться отъ возстановленія своихъ правъ судебнымъ порядкомъ, такъ какъ для этого надо было доходить до самого господаря или пановъ-рады, не будучи при томъ увѣреннымъ въ безпристрастіи этихъ послѣднихъ къ отвѣтчикамъ изъ ихъ же собственнаго круга. Неудивительно поэтому, если бояре и земяне-шляхта по временамъ «для обороны» закладывались съ своими имѣньями за вельможныхъ князей и пановъ, своихъ сосѣдей, надѣясь такимъ путемъ избѣжать обидъ и насилій отъ нихъ самихъ, ихъ урядниковъ и «подданныхъ», а равно обезпечить себѣ защиту отъ обидъ и притѣсненій со стороны другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ [190]). Отъ магнатовъ, составлявшихъ господарскую раду, исходили по временамъ рѣшенія и

---

[190]) Въ дополненіе къ фактамъ, указаннымъ на 624 и 625 стр. нашей книги «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства» приведемъ еще слѣдующее заявленіе одного акта отъ 24 августа 1560 г.: «Билъ намъ чоломъ бояринъ нашъ Кгераноинский Грышко Комаевичъ и'зъ братьею своею о томъ, ижъ дей кухмистръ нашъ, державца Ушпольский, Пенянский, Ожский и Переломский панъ Войтехъ Ясеньский, держачи отъ насъ замокъ Кгераноинский и менуючи ихъ нешляхтою, земли именья ихъ Кузева на волоки померыти казалъ и одно дей пять волокъ за то имъ дати казалъ и съ тыхъ цыншъ платити велелъ, а они дей суть здавна *бояре шляхта повету Лидскою, одно за небощыка пана Олбрахта Мартиновича Кгаштолта для обороны съ тымъ именьемъ у службу поддалися до Кгераноинъ*. И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ при вольности шляхетской зоставили». Король исполнилъ просьбу и далъ соотвѣтствующее распоряженіе державцѣ Кгераноинскому Ярошу Корицкому и ревизору Яну Стецковичу (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 386—387).

постановленія, которыя рыцарство-шляхта считало для себя обременительными. Такова была, напр., военная устава, изданная на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года господаремъ и панами-радою, «безъ оповѣданья и призволенья» другихъ становъ сейма. Рыцарство-шляхта жаловалось на эту уставу, какъ на «тяжкія бремена», возложенныя на него, безъ его согласія.

Сравнивая свое положеніе съ положеніемъ польскаго рыцарства-шляхты, литовско-русскіе бояре и земяне должны были еще болѣе проникаться чувствомъ недовольства на свои домашніе порядки. Въ Польшѣ уже не было такого юридическаго и политическаго неравенства между магнатами и рыцарствомъ-шляхтою, какое царило въ Литвѣ. Тамъ не было землевладѣльцевъ, которые не судились въ своихъ повѣтахъ: на всѣхъ можно было тамъ искать суда и управы частью у земскихъ судей, избранныхъ всѣми землевладѣльцами повѣта, частью у мѣстныхъ гродовыхъ и генеральныхъ старостъ, а также на судебныхъ съѣздахъ всѣхъ судей воеводства, или такъ называемыхъ «вѣчахъ»[191]). Безъ предварительнаго обсужденія на повѣтовыхъ сеймикахъ шляхты, безъ участія ея пословъ на вальныхъ сеймахъ не рѣшались сколько-нибудь важные вопросы государственной жизни, не издавались никакія новыя постановленія и законы [192]). Всѣ эти преимущества польской шляхты не могли оставаться въ тайнѣ отъ литовско-русскихъ бояръ и земянъ. Личная унія, фактически установившаяся между Польшею и Литвою, обусловила живое и тѣсное общеніе между подданными обоихъ государствъ. Литовско-русскіе бояре и земяне-шляхта ѣздили по дѣламъ къ своему господарю не только въ Вильну, но и въ Краковъ, завязывали съ поляками знакомство и даже семейныя связи. Съ другой стороны и польскіе шляхтичи пріѣзжали къ своему королю по дѣламъ или въ его свитѣ въ Литву и здѣсь также заводили знакомство и родственныя связи. При такихъ условіяхъ литовско-русскіе бояре и земяне-шляхта на могли оставаться въ невѣдѣніи, какіе порядки существуютъ въ Польшѣ. Съ этими порядками они могли знакомиться отчасти даже въ предѣлахъ великаго княжества, именно на Подляшьѣ, гдѣ дѣйствовали польское право и учрежденія. Сравненіе ихъ съ домашними литовскими, говорило имъ не въ пользу послѣднихъ, и потому естественно, что въ литовско-русскомъ рыцарствѣ-шляхтѣ рано или поздно должно было пробудиться стремленіе къ уравненію своего положенія въ государствѣ съ положеніемъ польской шляхты. По усло-

[191]) *O. Balzera* Geneza trybunału koronnego, str. 80.

[192]) Volumina legum I, 137.

вилей, выданный имъ Сигизмундомъ I «съ привесистою маестатною печатью», и били челомъ, чтобы онъ оставилъ ихъ при этомъ привилеѣ и запретилъ чинить имъ «кривды» и вводить «новины» въ нарушенье этого привилея. Король, осмотрѣвъ и выслушавъ этотъ привилей и переговоривъ съ панами-радою, приказалъ воеводѣ, чтобы онъ во всемъ сообразовался съ этимъ привилеемъ: не гналъ на себя бобровъ по ихъ имѣньямъ, не вступался въ замокъ Чернобыль и отозвалъ оттуда своего урядника, не вызывалъ ихъ въ Кіевъ «кромъ потребы послуги нашое господарское и земское» и не вводилъ ихъ по напрасну въ убытки [204]).

Одновременное появленіе нѣсколькихъ депутацій отъ шляхты южныхъ повѣтовъ съ жалобами, которыя сходны во многихъ пунктахъ, заставляетъ предполагать предварительный обмѣнъ мнѣніями и уговоръ между шляхтою этихъ повѣтовъ. Все это могло имѣть мѣсто въ военномъ станѣ. Изъ господарскаго приказа о мобилизаціи, разосланнаго въ іюнѣ 1546 года, узнаемъ, что весною 1546 года («недавно минулыхъ часовъ») подъ замки Кіевъ, Черкасы, Каневъ, Браславль и Вѣницу приходили Бѣлгородскіе и Добрынскіе (изъ Добруджи) татары, увели много людей въ полонъ и надѣлали много опустошеній; эти татары расположились потомъ кочевать подъ замками Браславлемъ и Вѣницею. Вслѣдъ за ними выходилъ въ поле царевичъ Перекопскій съ великимъ войскомъ, къ которому со всѣхъ сторонъ подходили люди, и которое шло на соединеніе съ первою ордою, съ тѣмъ, чтобы сообща напасть на украйну во время жатвы [205]). Въ такихъ случаяхъ, когда на украйнѣ появлялись большія полчища татаръ, земяне южныхъ повѣтовъ соединялись для ихъ отраженія въ два ополченія подъ начальствомъ Кіевскаго воеводы и маршалка Волынской земли, которыя по временамъ сливались въ одно ополченіе. Повидимому, такъ было и въ 1546 году. Собравшіеся вмѣстѣ украинскіе военно-служилые люди, отразивъ общими силами внѣшняго врага, надумали также и общій походъ противъ своихъ старостъ, которые стали разорять ихъ не хуже татаръ, и отправили своихъ депутатовъ съ вышеизложенными жалобами къ господарю.

Мобилизація могла давать случаи къ подобнымъ же совѣщаніямъ и обмѣну мнѣніями и въ болѣе широкихъ кругахъ рыцарства-шляхты. Эта мобилизація происходила довольно часто даже по тѣмъ годамъ, когда не было войны съ Москвою. Кромѣ Москвы у Литовско-Рус-

---

[204]) Литов. Метр. кн. XXX, л. 135—137.

[205]) Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 114—116.

Въ 1523 году земяне Овруцкіе, обязавшіеся ставить 30 коней на сторожу и пожалованные за то доходами съ Овруцкой корчмы, заявляли правительству, что они не станутъ выставлять этихъ 30 коней, такъ какъ господарь велѣлъ имъ дѣлиться доходами съ корчмы пополамъ съ мѣстными мѣщанами. И это заявленіе привело къ желаемому результату: господарь взялъ назадъ свое жалованье мѣщанамъ и отдалъ доходы съ корчмы полностью земянамъ [194]). Въ 1526 году бояре Городенскіе не захотѣли имѣть у себя хоружимъ дворянина Марка Гринковича, назначеннаго господаремъ, и пожелали имѣть на этомъ урядѣ мѣстнаго боярина Яна Миколаевича Толонковича. Согласно ихъ заявленію мѣстный староста отдалъ урядъ ихъ избраннику, а господарь утвердилъ распоряженіе старосты [195]).—Въ 1538 году земяне Берестейскаго, Каменецкаго и Мельницкаго повѣтовъ ходатайствовали передъ господаремъ, чтобы онъ поставилъ къ нимъ хоружимъ Марка Заранковича и господарь уважилъ ихъ ходатайство [196]). Въ 1541 году князья, паны и бояре-шляхта повѣта Мстиславскаго ходатайствовали, чтобы господарь освободилъ ихъ людей отъ платежа «подводнаго» мыта при продажѣ ими въ селахъ лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, соли, меда прѣснаго «и иншихъ дробныхъ речей», указывая на то, что благодаря сбору этого мыта «многие люди зъ именей ихъ прочъ ся росходять»; просили кромѣ того, чтобы господарь городничее Мстиславское отдавалъ имъ, а «иншого, обчого, не родича тамошнего» не назначалъ на этотъ урядъ. Господарь исполнилъ эти просьбы во вниманіе къ ихъ особеннымъ «послугамъ», которые они оказываютъ ему и рѣчи посполитой, не жалѣя своей жизни и имущества, – освободилъ ихъ людей отъ платежа «подводнаго» по селамъ [197]) и утвер-

---

нѣго прийти, маеть быти наместнику его Витебскому, а другая половица княземъ и боярамъ Витебскимъ, хто зъ нихъ при суде будеть... Мають они тые вышейписаные вряды—городничое, конюшое, ключъ, ловчее держати, кому зъ нихъ мы дадимъ, а воеводы Витебские не мають въ то ни во што ся вступати».

[194]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 32.

[195]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 42.

[196]) Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 126—127.

[197]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 98: «подъ тымъ обычаемъ, ижъ, кгды оные люди у селехъ ихъ будуть кони або быдло и тежъ медъ пресный и соль продавати, тогды жадного мыта мытникамъ Мстиславскимъ отъ того не повинни давати, а мытники тежъ никоторое обтяжливости черезъ то не мають имъ въ томъ чинити, лечъ, кгды у месте Мстиславскомъ або Радомскомъ кони и быдло и иные

IV.

СМѢСЬ.

Жмудской землѣ лѣсничіе, «въ чомъ они кривду собе мѣнили»; что изъ Шовлей и другихъ мѣстечекъ и «воль» не выдаютъ имъ ихъ людей отчинныхъ и челяди невольной, а если и выдаютъ, то берутъ за это съ владѣльцевъ по рублю грошей, а имущества бѣглыхъ не возвращаютъ; что духовные по мірскимъ дѣламъ налагаютъ на нихъ клятвы, что дѣцкованье, вижовое, пошлины отъ записовъ и позвовъ собираются съ нихъ непомѣрные, «не водлугъ справедливости и давного обычаю», что урядники старосты въ ничтожныхъ тяжбахъ, если, напр., кто кого позоветъ на судъ «о нивку на полбочки» или «о сѣножатку» на возъ сѣна, берутъ за проѣздъ съ виноватаго по рублю грошей, а отъ праваго пересуду по рублю грошей, чего прежде не бывало; что староста и его урядники берутъ неравномѣрный выкупъ «за лицо» (вещь отобранную у вора): за вещь, стоющую дорого, десять или двадцать копъ грошей, берутъ столько же, а за вещь, стоющую дешево, десять или двадцать грошей, берутъ цѣлую полтину (50) грошей; что слуга старостинъ, установленный для поимки воровъ и разбойниковъ, безъ предупрежденія владѣльцевъ въѣзжаетъ въ домъ ихъ подданныхъ, грабитъ и забираетъ ихъ имущество; просили, наконецъ, чтобы по заочному доносу на нихъ не выдавались заручные листы изъ господарской канцеляріи, чтобы староста Жмудскій не судилъ ихъ братью одинъ, безъ тивуновъ и бояръ-шляхты, и не дозволялъ этого своему урядинку въ свое отсутствіе.

Выслушавъ эти жалобы и просьбы, господарь отвѣчалъ, что онъ посылалъ въ Полоцкъ не одно Жмудское войско, а немало и другихъ княжатъ и панятъ, и при томъ не «въ заставу», а по стратегическимъ соображеніямъ другого рода, ибо въ то время онъ съ панами-радою выразумѣлъ, «ижъ того потреба великая вказывала»; относительно серебщины и призыва на войну объяснилъ, что и серебщизна собиралась, и землевладѣльцы вызывались на войну не по его желанію, а по настоятельной государственной необходимости, и что не одни Жмудскіе, но и всѣ остальные землевладѣльцы великаго княжества были въ такомъ же положеніи; по поводу раздачи тивунствъ Литвѣ, Руси и Ляхамъ господарь заявилъ, что это исходило не отъ него, а отъ самихъ же жалобщиковъ. На всѣ остальные жалобы и просьбы господарь отвѣчалъ обѣщаніями оставить въ силѣ «давній обычай», дѣлать такъ, какъ желаютъ просители, произвести разслѣдованіе, отмѣнить «новины» и держать ихъ «при старинѣ», поступать «водлугъ статуту земского» (въ вопросахъ о судебныхъ пошлинахъ) и т. д. Въ общемъ, можно сказать, что по большинству жалобъ и просьбъ Жмудской шляхты обѣщано было удовлетвореніе господаремъ, приказавшимъ за-

илей, выданный имъ Сигизмундомъ I «съ привесистою маестатною ечатью», и били челомъ, чтобы онъ оставилъ ихъ при этомъ приилеѣ и запретилъ чинить имъ «кривды» и вводить «новины» въ арушенье этого привилея. Король, осмотрѣвъ и выслушавъ этотъ ривилей и переговоривъ съ панами-радою, приказалъ воеводѣ, чтобы нъ во всемъ сообразовался съ этимъ привилеемъ: не гналъ на себя обровъ по ихъ имѣньямъ, не вступался въ замокъ Чернобыль и отовалъ оттуда своего урядника, не вызывалъ ихъ въ Кіевъ «кромъ поребы послуги нашое господарское и земское» и не вводилъ ихъ по апрасну въ убытки [204]).

Одновременное появленіе нѣсколькихъ депутацій отъ шляхты южыхъ повѣтовъ съ жалобами, которыя сходны во многихъ пунктахъ, аставляетъ предполагать предварительный обмѣнъ мнѣніями и уговоръ ежду шляхтою этихъ повѣтовъ. Все это могло имѣть мѣсто въ военомъ станѣ. Изъ господарскаго приказа о мобилизаціи, разосланнаго ъ іюнѣ 1546 года, узнаемъ, что весною 1546 года («недавно минуыхъ часовъ») подъ замки Кіевъ, Черкасы, Каневъ, Браславль и Вѣицу приходили Бѣлгородскіе и Добрынскіе (изъ Добруджи) татары, вели много людей въ полонъ и надѣлали много опустошеній; эти таары расположились потомъ кочевать подъ замками Браславлемъ и ѣницею. Вслѣдъ за ними выходилъ въ поле царевичъ Перекопскій ь великимъ войскомъ, къ которому со всѣхъ сторонъ подходили люди, которое шло на соединеніе съ первою ордою, съ тѣмъ, чтобы сообща напасть на украйну во время жатвы [205]). Въ такихъ случаяхъ, огда на украйнѣ появлялись большія полчища татаръ, земяне южныхъ овѣтовъ соединялись для ихъ отраженія въ два ополченія подъ наальствомъ Кіевскаго воеводы и маршалка Волынской земли, которыя о временамъ сливались въ одно ополченіе. Повидимому, такъ было и ь 1546 году. Собравшіеся вмѣстѣ украинскіе военно-служилые люди, гразивъ общими силами внѣшняго врага, надумали также и общій оходъ противъ своихъ старостъ, которые стали разорять ихъ не хуже атаръ, и отправили своихъ депутатовъ съ вышеизложенными жалоами къ господарю.

Мобилизація могла давать случаи къ подобнымъ же совѣщаніямъ обмѣну мнѣніями и въ болѣе широкихъ кругахъ рыцарства-шляхты. та мобилизація происходила довольно часто даже по тѣмъ годамъ, огда не было войны съ Москвою. Кромѣ Москвы у Литовско-Рус-

---

[204]) Литов. Метр. кн. XXX, л. 135—137.

[205]) Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 114—116.

оловщину [201]).—Въ тотъ же самый день, когда происходило это разбирательство, т. е., 20 апрѣля, господарю приносили жалобу земяне Житомирскіе Грицко Вороничъ и Жданъ Щепевскій отъ себя и отъ всѣхъ земянъ замка Житомирскаго на «трудности и обтяженья великии», которыя дѣлалъ имъ мѣстный староста кн. Богушъ Ѳеодоровичъ Корецкій. Они докладывали королю, что староста вопреки листу короля Сигизмунда заставляетъ ихъ держать сторожу при замкѣ по цѣлымъ недѣлямъ или нанимать ее, чего прежде никогда не бывало, и чего они никакъ снести не могутъ; заставляетъ ихъ строить замковый мостъ, чего они прежде никогда не дѣлали; собираетъ десятину съ тѣхъ земянъ и ихъ людей, которые пашутъ на себя господарское поле, не позволяетъ имъ продавать медъ прѣсный и другія «живности» нигдѣ, кромѣ замка Житомирскаго, при чемъ установляетъ самъ и цѣны и забираетъ товаръ у тѣхъ, кто не подчиняется его распоряженіямъ; выгоняетъ на свои работы людей ихъ, которые проживаютъ при замкѣ, въѣзжаетъ въ ихъ собственныя селища и всылаетъ своихъ стрѣльцовъ (очевидно, охотиться). Король, выслушавъ жалобу ихъ и «отпоръ» державцы и переговоривъ съ панами-радою, постановилъ: державца самъ долженъ содержать на замкѣ четырехъ сторожей «добрыхъ, веры годныхъ и неподозреныхъ», такъ какъ онъ получаетъ не малую суму денегъ съ корчмы и мыта Житомирскаго и, кромѣ того, сто копъ грошей изъ скарба, а земянамъ не съ чего содержать эту сторожу; земяне освобождаются и отъ мостовой работы во вниманіе къ тому, что они люди украинные «и отъ поганьства татаръ на именьяхъ и на маетностяхъ скажоныи»; тѣ изъ нихъ, которые «для далекости своихъ селищъ» пашутъ поля замковыя, обязаны давать десятину старостѣ, такъ какъ имъ въ томъ «обтяжливости нетъ»; земяне и ихъ люди имѣютъ полное право продавать вездѣ медъ прѣсный и всякія другія вещи, а староста и его урядники не должны имъ ставить въ этомъ никакихъ препятствій и затрудненій; староста не долженъ всылать слугъ въ ихъ селища и вступаться въ ихъ владѣнія: ему предоставляется пользоваться только пустовскими земянскими имѣньями, къ которымъ не окажется наслѣдниковъ [202]).

Успѣхъ всѣхъ этихъ жалобъ побудилъ Вѣницкихъ земянъ въ самомъ непродолжительномъ времени черезъ того же Семена Кмитича подать господарю рядъ новыхъ жалобъ на того же старосту кн. Ѳедора Андреевича Сангушковича. Земяне жаловались: староста «надъ

[201]) Archiwum Sanguszków IV, № CCCLXI.
[202]) Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 64, 70.

IV.

СМѢСЬ.

скаго государства былъ еще назойливый врагъ, который не давалъ ему покою—Крымъ. Земское ополченіе великаго княжества собиралось довольно часто по слухамъ о движеніи большихъ татарскихъ полчищъ въ предѣлы государства [206]). Собиравшаяся въ военномъ лагерѣ шляхта въ ожиданіи непріятеля, подчасъ тщетномъ, естественно толковала между собою о томъ, что у нея больше всего болѣло, и о возможномъ улучшеніи своего положенія. Здѣсь и могли зарождаться тѣ самыя «просьбы», съ которыми шляхетскіе послы стали обращаться къ правительству на великихъ вальныхъ соймахъ. Къ коллективнымъ совѣщаніямъ о своихъ дѣлахъ въ военномъ лагерѣ пріучалъ шляхту до извѣстной степени самъ господарь, привлекая ее къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ вопросовъ, близко касавшихся интересовъ шляхты, какъ это было, напр., въ военномъ лагерѣ подъ Минскомъ въ 1520 и 1521 году, а также и паны-рада, какъ это было, напр., въ 1538 году подъ Новгородкомъ. Паны-рада привлекали шляхту не только къ коллективному обсужденію разныхъ государственныхъ вопросовъ, но и къ подачѣ различныхъ просьбъ и ходатайствъ господарю. Чаще всего это бывало на великихъ вальныхъ соймахъ, которые, какъ мы имѣли уже случай замѣтить раньше, вообще сдѣлались политическою школою для шляхты-рыцарства. На этихъ сеймахъ происходило сближеніе и взаимный обмѣнъ мнѣніями представителей рыцарства-шляхты, его вождей, въ результатѣ чего и вышелъ цѣлый рядъ просьбъ и ходатайствъ, предъявленныхъ правительству отъ лица рыцарства-шляхты. Мы видѣли, что рыцарство-шляхта выступило съ цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ желаній уже на послѣднемъ сеймѣ, собиравшемся въ правленіе Сигизмунда Стараго. Всматриваясь въ эти желанія, замѣчаемъ въ нихъ уже тѣ самыя тенденціи, которыя съ такою полнотою выразились въ просьбахъ шляхты на позднѣйшихъ сеймахъ, а именно: стремленіе къ вящщему огражденію своихъ личныхъ правъ и имущественнаго положенія, стремленіе къ расширенію сословныхъ правъ на счетъ прерогативъ господаря и привилегій магнатовъ и, наконецъ, стремленіе къ облегченію себя отъ государственнаго бремени на счетъ господаря, магнатовъ, духовенства и мѣщанъ.

---

[206]) См., напр., Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VII, л. 9—11; XXIII, л. 54—56, 84—89; Археографич. Сборникъ, издан. въ Вильнѣ, т. I, № 33.

IV.

СМѢСЬ.

[но]сти эпохи, въ которую онъ жилъ, личность Голицына привлекаетъ вниманіе историка и по своимъ внутреннимъ свойствамъ, раскрывающимся [в]ъ его убѣжденіяхъ и въ дѣйствіяхъ, которыя онъ старался направ[л]ять согласно этимъ убѣжденіямъ. Въ данномъ случаѣ конечно слѣдуетъ разумѣть его политическіе взгляды. Слагались они подъ двумя вліяніями — симпатіями «родословнаго» человѣка къ до-Петровскому строю государственной жизни и вызваннымъ Петровскою реформой стремленіемъ усвоить себѣ современную западно-европейскую политическую и философскую мудрость. И то, и другое направленіе сказалось въ дѣятельности Голицына, но трудно опредѣлить, какое изъ нихъ въ данный моментъ превозмогало. Мы въ настоящемъ случаѣ имѣемъ въ виду выяснить лишь вопросъ о томъ, какого рода взгляды и впечатлѣнія могъ вынести кн. Д. М. Голицынъ изъ знакомства съ западно-европейскою литературой; этимъ самымъ опредѣлится, съ большею или меньшею точностью, какъ степень вліянія послѣдней на него, такъ и широта его познаній. Средствомъ къ тому служитъ доселѣ неизвѣстный памятникъ—каталогъ иностранныхъ книгъ библіотеки кн. Д. М. Голицына, составленный въ 1722-мъ году.

Библіотека кн. Д. М. Голицына давно привлекала вниманіе историковъ. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о ней находимъ мы у Пекарскаго (Наука и литература при Петрѣ В. т. I, 257—263), въ составленной проф. Д. Корсаковымъ біографіи Голицына (Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII-го вѣка—Д. Корсакова) и въ Опытѣ русской исторіографіи проф. В. Иконникова (стр. 1078—1082). Печальная судьба, [illegible]а, постигшая Голицына въ царствованіе Анны, отразилась и на судьбѣ [illegible] его книжнаго собранія: оно было конфисковано и расхищено, и только [illegible] остатки его сохранились въ собраніи книгъ гр. Ѳ. А. Толстого (въ [illegible] въ Имп. Публичной Библіотекѣ) и въ нѣкоторыхъ другихъ. Между тѣмъ [illegible], библіотека эта была одною изъ наиболѣе богатыхъ частныхъ библіотекъ въ Россіи въ началѣ XVIII-го вѣка, богатыхъ не только печатными книгами, но и рукописями. При конфискованіи книгъ и рукописей кн. Голицына въ 1737 году оказалось, что «у него князь Дмитрея имѣлось на чюжестранныхъ діалектахъ, такожъ и переведенныхъ на русской языкъ около 6000 книгъ»[1]). Все это книжное сокровище разсѣялось по разнымъ рукамъ; рукописи въ количествѣ 335-ти попали въ Академію Наукъ, которая ходатайствовала объ оставленіи въ ея библіотекѣ 61 рукописи; остальныя переданы Синоду для распредѣленія

---

[1]) Библіогр. Записки 1861 г. № 11.

между духовными учебными заведеніями и школами, «гдѣ онымъ книгамъ весьма быть потребно»[1]). Но большая часть печатныхъ и рукописныхъ книгъ перешла въ Кабинетъ Ея Величества. Редакція «Библіографич. Записокъ», гдѣ напечатана была въ 1861 году переписка по поводу книгъ кн. Голицына, по матеріаламъ, сообщеннымъ И. Е. Забѣлинымъ, прибавляетъ отъ себя въ подстрочномъ примѣчаніи: «Нельзя не пожалѣть, что невѣжество отбиравшихъ книги Голицына не оставило ихъ описанія; въ числѣ 6000, да еще и иностранныхъ книгъ, было конечно не мало замѣчательныхъ сочиненій и рѣдкихъ изданій». Съ тѣхъ поръ, какъ появилась эта замѣтка, новыя данныя пролили нѣкоторый свѣтъ на составъ библіотеки кн. Д. М. Голицына. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ вышеприведенныя слова оставались справедливыми: если русскій отдѣлъ библіотеки Голицына и выяснился болѣе или менѣе полно, то иностранныя книги, ему принадлежавшія и разсѣявшіяся по разнымъ владѣльцамъ послѣ ихъ конфискаціи, далеко не всѣ были извѣстны. Вотъ что пишетъ о судьбѣ ихъ проф. Корсаковъ: «По словамъ В. Н. Татищева, пользовавшагося библіотекою Голицына, въ ней было «многое число рѣдкихъ и древнихъ книгъ, изъ которыхъ при опискѣ растащено; да и послѣ я по описи многихъ не нашелъ и увѣдалъ, что лучшія бывшій герцогъ Курляндскій и другіе расхитили». Въ числѣ этихъ другихъ былъ А. П. Волынскій, въ чемъ онъ самъ сознался при допросѣ о Юстѣ Липсіи и Боккалини. Часть книгъ кн. Голицына хранилась до 1741 г. при канцеляріи конфискаціи. На основаніи именного указа 20 дек. 1737 г. многія изъ нихъ были *распроданы* разнымъ учрежденіямъ и въ частныя руки. Къ 1740 г. русскихъ и нѣмецкихъ книгъ Голицына находилось въ канцеляріи Конфискаціи 2415 томовъ. По именному указу отъ 5 марта 1740 г. изъ числа этихъ книгъ «внесено въ Кабинетъ россійскихъ 63 книги, да отдано въ Петропавловскій Соборъ россійскихъ и нѣмецкихъ 2197 книгъ»... Кромѣ того поступило еще значительное число книгъ въ Иностранную Коллегію. Въ іюнѣ 1741 г. Герольдмейстерская Контора обратилась съ прошеніемъ въ Сенатъ передать ей нѣкоторыя книги Голицына изъ отданныхъ въ Кабинетъ и Петропавловскій Соборъ... Есть основаніе предполагать, что при Елизаветѣ Петровнѣ книги кн. Голицына были возвращены его сыну Алексѣю Дмитріевичу... Извѣстный любитель и знатокъ русской старины, гр. Ѳ. А. Толстой, купилъ случайно *клочки* этой библіотеки, до 200 томовъ, послѣ Московскаго пожара

---

[1]) Матеріалы для исторіи Имп. Акад. Наукъ, т. IV, стр. 178—190, 358 и 402—404.

1812 года»[1]). Участь Голицынской библіотеки, собранной «съ великимъ тщаніемъ», тѣмъ болѣе печальна, что полнаго списка имѣвшихся въ ней книгъ до сихъ поръ не было извѣстно [2]); при конфискаціи ея онъ и не могъ быть составленъ: переводчики при разборкѣ книгъ «Галанскаго, Шпанскаго, Аглинскаго, Швецкаго языковъ» сознались въ невозможности описать ихъ, потому что они «показанныхъ языковъ не знають».

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность восполнить отчасти этотъ пробѣлъ. Въ с. Никольскомъ, Звенигородскаго у. Московской губ., составлявшемъ нѣкогда съ извѣстнымъ имѣніемъ кн. Д. М. Голицына с. Архангельскимъ одно владѣніе и донынѣ принадлежащемъ потомкамъ Верховника, хранится каталогъ иностранныхъ книгъ библіотеки Голицына, относящійся къ 1722 году. Этотъ каталогъ, который любезно былъ предоставленъ въ наше пользованіе его нынѣшними владѣлицами, заключаетъ въ себѣ около 1300 названій приблизительно въ 1900 томахъ. Вписанъ онъ въ книгу въ листъ и на первой страницѣ его находится надпись: «Catalogus Bibliothecae Gallytzinae. 1722. № 143», а на внутренней сторонѣ переплета—извѣстное печатное ex-libris библіотеки кн. Голицына: «Ex Bibliotheca Arcangelina». Изъ 94 полулистовъ книги каталогомъ занята половина. Дѣлится онъ на двѣ части: въ первую занесены книги, переплетенныя въ бѣлые, пергаменные переплеты, во вторую—книги въ обыкновенныхъ кожаныхъ переплетахъ или безъ переплета. Въ свою очередь каждое изъ этихъ дѣленій подраздѣлено на три рубрики по форматамъ: in-folio, in-quarto, и in-octavo et in-duodecimo. Особый отдѣлъ въ концѣ каталога составляютъ географическія карты и планы. Писанъ каталогъ четкимъ почеркомъ съ полнымъ соблюденіемъ ороографіи, что доказываетъ, что онъ написанъ человѣкомъ образованнымъ и знающимъ, можетъ быть самимъ владѣльцемъ библіотеки.

Переходя къ разбору содержанія каталога 1722 года, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что количество названій (1300), нами упомянутое, не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ нерѣдко въ одномъ переплетѣ соединено нѣсколько книгъ: такъ напр. часто встрѣчаются такого рода обозначенія «Volumen varios tractatus (po-

[1]) Д. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в., стр. 204—205.

[2]) Проф. Корсаковъ упоминаетъ о сообщенномъ ему А. П. Барсуковымъ каталогѣ ея. (Др. и Нов. Россія 1877 г., т. II, 286). Не знаемъ, занесены ли въ него русскія или иностр. книги.

liticos etc.) continens», или «Miscelanea Oeconomica», или «Recueil de pièces historiques et politiques» и т. д; точно также нерѣдко въ одинъ томъ соединены статьи и книги однороднаго содержанія, напр. по исторіи Россіи, по исторіи Польши, по какому-либо частному вопросу политики и права. Кромѣ того, размѣры библіотеки кн. Голицына въ 1722 г. далеко не соотвѣтствуютъ тому количеству книгъ, которое показано въ его слѣдственномъ дѣлѣ (6000). Но при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что цыфра 6000 обнимала какъ иностранныя, такъ и русскія его книги, печатныя и рукописныя, и что съ 1722 г. до своего ареста въ 1737 г. Голицынъ могъ пріобрѣсти еще значительное число книгъ. Быть можетъ и опись библіотеки въ 1737 г. составлялась по названіямъ, а не по томамъ, и такимъ образомъ собранныя въ одномъ томѣ сочиненія описывались отдѣльно, какъ особыя книги.

По содержанію своему всѣ книги, внесенныя въ каталогъ 1722 г., могутъ быть распредѣлены на нѣсколько отдѣловъ. Такихъ основныхъ отдѣловъ можно насчитать восемь: 1-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ иностранныя сочиненія о Россіи, 2-й—сочиненія по исторіи Польши, 3-й—сочиненія классическихъ авторовъ, греческихъ и римскихъ, 4-й—сочиненія политическихъ мыслителей XVI, XVII и XVIII вв.—Маккіавелли, Гуго Гроція, Пуффендорфа, Локка, Юста Липсія Бейля (1 названіе), Бэкона (1 названіе) и Гоббса (1 названіе), 5-й—книги по политикѣ и юриспруденціи, 6-й—сочиненія по исторіи и дипломатіи, 7-й—трактаты по исторіи, происхожденію и прерогативамъ аристократіи и 8-й—сочиненія по прикладнымъ наукамъ.

Помимо этихъ отдѣловъ, характеризующихъ содержаніе Голицынской библіотеки въ наиболѣе общихъ чертахъ, въ ней заключается еще не мало сочиненій, не подходящихъ ни къ одной изъ указанныхъ нами рубрикъ. Здѣсь рядомъ съ «Градомъ Божіимъ» блаж. Августина, твореніями Іоанна Златоуста и «Подражаніемъ Христу» Ѳомы Кемпійскаго, мы находимъ сочиненія Мольера, Лабрюйера, изданный въ Черниговѣ въ 1683 г. Алкоранъ Магомета, различныя повременныя изданія (Journal des Sçavans, Nouvelles de la République des lettres, Mercure Historique и др.) и какую-то книжку подъ заглавіемъ «L'éducation des dames». Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого отдѣла, такъ какъ каждую изъ книгъ, могущихъ быть къ нему отнесенной, слѣдовало бы упоминать въ отдѣльности, и особаго интереса для нашей цѣли онъ не представляетъ, а перейдемъ къ характеристикѣ намѣченныхъ выше рубрикъ, на которыя мы подраздѣлили книжное собраніе кн. Голицына.

Первая рубрика—извѣстія иностранцевъ о Россіи—содержитъ до 45 названій. Мы находимъ въ числѣ ихъ, какъ наиболѣе извѣстныя сочиненія о Россіи—Олеарія (1696 г.), Майерберга (1661 г.), Гейденштейна, Павла Іовія, Поссевина (Moscovia 1695 г.), Петрея (1620 г.), Перри, еще большое количество менѣе важныхъ извѣстій иностранныхъ писателей. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ: Rerum Moscoviticarum auctores varii (1600), Jac. Ulfeld—Legatio Moscovitica (1627), Respublica Moscovia et urbes (Лейденъ, 1630), Russia sive Moscovia itemque Tartaria (Лейденъ, 1630), Don-Alonso Vimina—Relatione della Moscovia e Suecia (Венеція, 1671), Viaggi di Moscovia degli anni 1633—1636 (Viterbo, 1638), Ioh. Vitekindi—Historia belli Sueco-Moscovitici decennalis (Helmiae, 1672), Das grosmächtige Reich Moscovien (Нюрнбергъ, 1687), Relation curieuse de la Russie (Парижъ, 1679), La religion ancienne et moderne des Moscovites (Кельнъ, 1698), Krook—De statu ecclesiae et religionis Moscoviticae (Любекъ, 1709), Mars Moscoviticus (1710), Relatione del Imperio di Moscovia (Миланъ, 1713), Beschreibung der Stadt St. Petersburg (Франкфуртъ, 1718). Въ тотъ же отдѣлъ можно отнести хроники Гельмольда и Арнольда (Любекъ, 1659), хронику Іорнанда (1603), описаніе Украйны Боплана (1660), жизнь о. Антонія Поссевина (на франц. яз. Парижъ, 1712 г.).—Среди географическихъ картъ восемь относятся къ Россіи: Карта Украйны «a Weigelio» и его же карта Московскаго государства, двѣ карты (на франц. и итал. яз.) Сансона, Tabula Russiae a H. Gerardo, Carte représentant les environs de la Mer Noire et de celle de Baltique, Carte des Empires de Moscovie et Turquie avec les païs du Nord, и наконецъ единственная русская карта подъ заглавіемъ: «Часть Великия и Малые Россіи и протчая: отъ Тессинга» [1]).

Второй отдѣлъ—книги по исторіи Польши—значительно обширнѣе перваго. Будучи въ теченіе 13 лѣтъ (1708—1721 гг.) Кіевскимъ губернаторомъ, кн. Д. М. Голицынъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Польшей. Кромѣ того, онъ былъ центромъ всего, что было просвѣщеннаго въ Кіевѣ и Малороссіи [2]). Ясно поэтому, что у него

---

[1]) Эта карта была напечатана въ Амстердамѣ въ началѣ XVIII в., по повелѣнію имп. Петра I Іоганномъ Тесингомъ (Thesing) на русскомъ и латинск. яз. См. Миллеръ, Samml. Russ. Geschichte, т. II, стр. 187, и VI, стр. 39, Аделунгъ — въ Ж. М. Н. П. за 1840 г., май, стр. 91, отд. II. Тесингъ издалъ по-русски въ 1715 г. Глобусъ небесный (Сопиковъ, № 2843, рѣдка) и Календарь-святцы въ 1702 г. (У Сопикова, № 3153, т. V, стр. 193—204, приведена жалованная грамота имп. Петра I Тесингу отъ 1 февр. 1703 г.).

[2]) Корсаковъ—op. cit., стр. 229.

набралось много книгъ о Польшѣ, ея исторіи и современномъ положеніи. Сравнительно незначительное число ихъ писано по-польски; большая часть представляетъ изъ себя извѣстія иностранныхъ писателей. Таковы: Chroniques et annales de Pologne (Парижъ, 1573), Discours sur le gouvernement de Pologne (Парижъ, 1670), de la Bizardière—Histoire des diètes de Pologne (Парижъ, 1697), Histoire de Pologne et du grand duché de Lithuanie (Амстердамъ, 1698), Mémoires sur la dernière révolution de Pologne (Роттердамъ, 1710) и друг. Изъ польскихъ авторовъ мы находимъ въ каталогѣ Длугоша (изд. 1712), Кромера—Polonia (Colonia Agrippina, 1589), А. М. Фредро — Gesta populi Poloni (Данцигъ, 1652), Chronicon regum Poloniae Erasmi Gliczneri (1613), Okolski—Orbis Polonus (Краковъ, 1641), Kochowski—Annales Polonici (1681) и нѣсколько сочиненій по Польскому праву. Кромѣ того упомянуты сочиненія Петра Скарги, двѣ книги о возстаніи Малороссійскихъ казаковъ, различныя брошюры, вызванныя тѣми или другими событіями Польской исторіи до начала XVIII-го вѣка. Наконецъ, три географическія карты посвящены Польшѣ.

Третій отдѣлъ библіотеки — классическіе авторы — обнимаетъ до 25 различныхъ сочиненій. Въ числѣ ихъ мы находимъ какъ подлинныя творенія древнихъ авторовъ, такъ и переводы ихъ. Вотъ перечень главныхъ авторовъ, которые встрѣчаются въ Голицынской библіотекѣ: Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Республика Платона, Политика Аристотеля, Филиппики Демосѳена (въ italіанск. переводѣ), Цицеронъ (рѣчи и переписка) въ подлинникѣ и въ франц. переводѣ, Цезарь, Корнелій Непотъ и Тацитъ — всѣ три въ подлинникахъ, Полибій, Т. Ливій, Саллюстій, Светоній, Валерій Максимъ, Квинтъ Курцій, Лукіанъ и Сенека—въ французскихъ переводахъ. Нельзя не обратить вниманія на составъ этого собранія древнихъ авторовъ; среди нихъ не встрѣчается ни одного поэта и лишь три-четыре философа; всѣ остальные—историки или ораторы. Для кн. Д. М. Голицына такой подборъ книгъ весьма знаменателенъ.

Еще съ бо́льшимъ правомъ можно сказать это относительно слѣдующей группы книгъ библіотеки кн. Д. М. Голицына—сочиненій политическихъ мыслителей новаго времени. До 35 сочиненій принадлежатъ этому отдѣлу. На первомъ мѣстѣ среди нихъ слѣдуетъ поставить произведенія Маккіавелли, послужившія вмѣстѣ съ твореніями Боккалини, однимъ изъ основныхъ пунктовъ обвиненія противъ Голицына, во время слѣдствія и суда надъ нимъ. Въ слѣдственномъ дѣлѣ показано, что книгъ Маккіаввелли у Д. М. Голицына и у сына его Алексѣя найдено шестнадцать; въ каталогѣ 1722 г. записано 11 томовъ

его сочиненій (Il Principe, Disputationes, одно полное собраніе сочиненій и др.). Что же касается до произведеній Боккалини, которыхъ при слѣдствіи оказалось четыре книги, то въ нашемъ каталогѣ мы таковыхъ не нашли. За Маккіавелли по количеству томовъ слѣдуютъ Пуффендорфъ и Гуго Гроцій. Первый представленъ десятью сочиненіями, второй—семью. Рядомъ съ главнымъ произведеніемъ Пуффендорфа «О должностяхъ человѣка и гражданина», мы встрѣчаемъ его «Введеніе въ ученіе о нравственности», «Dissertationes academicae», «Введеніе въ исторію европейскую», «Исторію Великаго Курфюрста» и публицистическія статьи. Между послѣдними особенное вниманіе обращаетъ на себя памфлетъ его «De statu imperii Germanici», писанный подъ псевдонимомъ Северина Монзамбано; этотъ памфлетъ переведенъ былъ на русскій языкъ; переводъ остался въ рукописи [1]). Изъ сочиненій Гуго Гроція слѣдуетъ отмѣтить его извѣстное разсужденіе «О правѣ войны и мира» (на нѣмец., франц. и латин. яз.), Письма, Трактатъ объ истинности христіанской религіи, Исторію Нидерландскихъ смутъ, Исторію Бельгіи. Изъ сочиненій Юста Липсія въ нашемъ каталогѣ оказались па лицо: его трактатъ «De constantia in malis publicis» (на франц. яз.) и сочиненіе «Les politiques ou doctrine civile», кромѣ того, извлеченіе изъ его твореній подъ заглавіемъ «Theatrum prudentiae elegantioris» (1702). Локкъ представленъ четырьмя сочиненіями (въ франц. переводахъ): «Du gouvernement civil», «Essai sur l'entendement humain», «De l'éducation des enfants» и «Que la religion chrétienne est très raisonnable». О сочиненіяхъ Бейля (Dictionnaire Historique), Гоббса (Eléments philosophiques du citoyen) и Бэкона (Opera omnia) мы уже упоминали. Къ тому же отдѣлу можно отнести Логику Поръ-Рояля (La logique ou l'art de penser). Изъ приведеннаго списка видно, что кн. Д. М. Голицынъ обладалъ почти полнымъ собраніемъ сочиненій политическихъ мыслителей, наиболѣе извѣстныхъ въ его время. Но еще большую полноту встрѣчаемъ мы въ слѣдующемъ отдѣлѣ — трактатовъ по политикѣ и юриспруденціи—выдѣленномъ нами въ особую группу въ виду нѣкотораго отличія характера его отъ предыдущей группы.

Сочиненія по политикѣ и юриспруденціи занимаютъ преобладающее мѣсто въ библіотекѣ кн. Голицына; можно даже сказать, что все его книжное собраніе посвящено этимъ двумъ предметамъ, и всѣ остальныя книги являются лишь дополнительнымъ матеріаломъ къ

---

[1]) Пекарскій—Наука и литература при Петрѣ Вел. т. I, стр. 256. См. объ этомъ ниже, стр. 14.

нимъ. Вслѣдствіе этого трудно дать полный перечень всѣхъ произведеній, относящихся къ политикѣ и праву и занесенныхъ въ каталогъ 1722 года, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ этого и не заслуживаютъ, затрогивая слишкомъ детальные вопросы. Мы коснемся поэтому только самыхъ общихъ изъ нихъ и наиболѣе замѣчательныхъ либо по содержанію, либо по тому вліянію, которое они могли оказать на ихъ обладателя. Среди общихъ сочиненій по теоріи государства, слѣдуетъ отмѣтить: Adam Contzen—Politicorum libri decem (1622), Vernuleus—Institutiones politicae (1647) [1]), A. de Montchrétien—Traité de l'économie politique, Филиппъ Лейденскій—Tractatus iuridico-politici, Альбергати—Discorsi politici, Huber—Tractatus de iure civitatis (1708), Domat — Les lois civiles dans leur ordre naturel, Algernon Sydney-Discours sur le gouvernement, Вульриджъ—Искусство управленія (The art of governing), Palazzo—Discorso del governo e delle ragion vera di stato (1606), de la Perrière—Miroir politique, contenant diverses manières de gouverner et policer les républiques qui sont et ont été. Бо́льшее количество сочиненій посвящено теоріи монархическаго правленія, ученію объ обязанностяхъ монарха и о томъ, чѣмъ долженъ быть совершенный государь. Въ числѣ произведеній такого содержанія мы находимъ: Le Bret—De la souveraineté du roi, Graswinkel—De iure majestatis и сочиненіе съ такимъ же заглавіемъ Armisaeus'а, его же—De auctoritate principum in populum semper inviolabili, Scholasticus—De vero et christiano principe (1601), Baudouin—Le prince parfait, Tomasi—L'idea della Monarchia (Римъ, 1653), Iohannes—Instructio principum ethice, oeconomice et politice (1612), Senault—Le Monarque ou les devoirs du souverain (1612), Traité de l'autorité royale (1693), Weber—Ars regia sive ars regendi se et alios, Mariani—De rege et regis institutione, Intérêts et maximes des princes et des états souverains (1666), Relfendt — De summa principum potestate (1679), Noodt—Du pouvoir des souverains et de la liberté de conscience, Talon—Traité de l'autorité du roi touchant l'administration de l'église (1700), Keuchenius—Idea boni principis in Vitam Antonini Pii, accedit Comparatio cardinalium Richilii et Mazarini (1703) [2]). Двумъ послѣднимъ, такъ же какъ Кольберу и Кромвелю, посвящено нѣсколько сочиненій: политическія завѣщанія Ришелье и

---

[1]) Сочиненіе это было переведено на русск. яз. Пекарскій, Наука и литература при П. В. т. I, стр. 256. См. ниже, стр. 14.

[2]) Пекарскій—Наука и литература при П. В., т. I, стр. 256—7: сочиненіе это было переведено на русскій яз.

зарини, исторія кардинала Ришелье, исторія управленія кардинала зарини, четыре книги объ его политикѣ, біографія Ришелье—Леклерка, біографіи Кольбера и Кромвеля, наконецъ—сочиненіе о Кромвелѣ подъ заглавіемъ «Politicus sine exemplo» (1663). Извѣстно, что кн. Д. М. Голицынъ интересовался политическимъ устройствомъ Швеціи [1]; но изъ каталога 1722 г. видно, что не менѣе Швеціи привлекалъ его вниманіе парламентскій режимъ Англіи. Въ перечнѣ его книгъ встрѣчается нѣсколько сочиненій о Швеціи: Robinson — L'état présent de la Suède (1720) и книга такого же содержанія на англ. яз., Fontenelle—Histoire des révolutions de Suède (1696), Discours de l'état et couronne de Suède (1683). О государственномъ строѣ Англіи трактуютъ слѣдующія сочиненія: Prynne—О верховной власти Парламентовъ (The soveraigne power of Parliaments, 1643), Scripturae Parlamenti reipublicae Angliae, Histoire du droit des Parlements de la Gr. Bretagne touchant la succession à la couronne (1715), Парламентская конституція Англіи (1680 г. на англ. яз.), Опытъ о равновѣсіи властей, правѣ войны, мира и союзовъ (Essay upon the balance of power, the right of making war, peace and alliances, 1701), Traité du pouvoir des rois de la Gr. Bretagne (1714), Parliamentum pacificum (1686), Relation de l'accroissement de la papauté et du gouvernement absolu en Angleterre (1680), наконецъ — два сочиненія (Rapin и de Cize) о вигахъ и торіяхъ (оба—1717 года). Нельзя не обратить вниманія на этотъ перечень; быть можетъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше книгъ оказали вліяніе на Голицына и опредѣлили дѣятельность его при восшествіи на престолъ имп. Анны Іоанновны; въ особенности говоритъ въ пользу этого предположенія англійская книга о равновѣсіи властей и правъ (короля) объявлять войну, заключать миръ и вступать въ союзы; эти ограниченія верховной власти вошли въ составъ «пунктовъ», поданныхъ верховниками имп. Аннѣ.

Помимо указанныхъ нами сочиненій по политикѣ и управленію, мы встрѣчаемъ въ каталогѣ 1722 г. нѣсколько книгъ по различнымъ политическимъ вопросамъ, не подходящимъ ни къ одной изъ намѣченныхъ нами группъ. Таковы—сочиненіе Максимиліана Ашафенбургскаго Consilia pro aerario (1641 [2]), de la Mare—Traité de la police (1713), Jac. Bornitii—Tractatus politicus de rerum sufficientia in republica et civitate procuranda (1625), Truquet—La Monarchie aristo-démocra-

---

[1]) Пекарскій—Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 200—204.

[2]) Это сочиненіе, по свидѣтельству Пекарскаго, переведено было и на русск. языкъ (Наука и литер. при Петрѣ В., т. I, 256). Объ этомъ см. ниже, стр. 14.

tique (1611), Naudé—Considérations politiques sur les coups d'état, Dissertatio de libertate omnimoda (1668), La liberté de penser défendue contre les attaques du clergé (1702), Traité de la politique de France, Bosius—Dissertatio de statu Europae и друг. Спеціально юридическимъ вопросамъ посвящены во-первыхъ, нѣсколько сочиненій по римскому праву (Colombert-Abrégé de la jurisprudence romaine, Claude de Ferriére—La jurisprudence des Nouvelles de Justinien (1685), Digestum novum sive Pandecta iuris civilis, Titius—Specimen iuris publici Romano-Germanici); во-вторыхъ—нѣсколько книгъ, трактующихъ общіе вопросы права: Томазій—Juristische Cautelen и Institutiones iurisprudentiae divinae, Brunemann—Examen iuris publici, Buddeus—Selecta iuris naturae et gentium, Examen iuris feudalis, Nouveau dictionnaire civil et canonique de droit (1707). Наконецъ, въ нашемъ каталогѣ встрѣчается цѣлое собраніе книгъ, брошюръ и печатныхъ распоряженій по торговлѣ и торговому праву; въ детальное разсмотрѣніе этого отдѣла мы входить не будемъ, а замѣтимъ только, что существованіе его несомнѣнно стоитъ въ зависимости отъ того обстоятельства, что въ 1718 г. кн. Д. М. Голицынъ былъ назначенъ президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, а потому и собиралъ книги, относящіяся до его вѣдомства. Къ тому же отдѣлу могутъ быть отнесены сочиненія по морскому праву, «Les us et coutumes de la mer» и Palatius—«De dominio maris».

Сочиненія по исторіи, находившіяся въ библіотекѣ кн. Д. М. Голицына, носятъ особый характеръ; всѣ они болѣе или менѣе касаются одной политической исторіи государствъ и лишь немногія изъ нихъ затрогиваютъ общеисторическіе вопросы; напротивъ того, преобладающая форма ихъ—памфлетъ, написанный по поводу того или другого политическаго событія. Мы уже имѣли случай неоднократно упоминать въ перечняхъ предыдущихъ рубрикъ сочиненія по исторіи. Теперь мы ограничимся болѣе тѣсной областью—книгами по общей и дипломатической исторіи. Въ числѣ первыхъ укажемъ прежде всего на два руководства по всемірной исторіи: Hildebrand—Synopsis historiae universalis (1704) и Abrégé chronologique de l'histoire universelle (1715, въ 5 том.); затѣмъ идутъ исторіи отдѣльныхъ государствъ: Гвичардини—Historia d'Italia (1610), Histoire de Hollande depuis 1609 (où finit Grotius) jusqu'à nos jours (1702), Bussières—Historia Francica (1688 [1]), le p. Daniel—Histoire de France, Amelot de la Houssaye—Histoire du gouvernement de Venise (1705), Ri-

---

[1]) Пекарскій Наука и литература при П. В. т. I. 257.

caut—Histoire de l'état présent de l'Empire Ottoman (1672 [1]). Послѣднее сочиненіе вѣроятно пріобрѣтено Голицынымъ въ бытность его посланникомъ въ Константинополѣ. Наибольшее число книгъ настоящей группы относится къ исторіи мирныхъ договоровъ и трактатовъ, въ частности къ исторіи заключенія Нимвегенскаго, Рисвикскаго и Утрехтскаго мировъ; кромѣ множества брошюръ, относящихся къ этимъ событіямъ, Утрехтскому миру посвящена цѣлая книга Neufville'я—Histoire du Congrès et de la paix d'Utrecht, de celle de Rastadt et de Bade. Нѣсколько сочиненій обнимаютъ исторіи царствованій западно-европейскихъ государей, напр. Péréfixe—Histoire du roi Henri le Grand (1662), Vassor—Histoire du règne de Louis XIII, La vie d'Elisabeth, reine d'Angleterre (1703) и др. Исторіи Карла XII и его войнъ посвящены книги: Les campagnes de Charles XII (1705) и Théatre complet et particularisé de la guerre du Nord (1711). Среди сочиненій, не подходящихъ ни къ одной изъ вышеуказанныхъ рубрикъ, слѣдуетъ отмѣтить: Fléchier—Histoire du card. Ximènès (1693), Cluverius—Introductio in universam geographiam (1683 [2]), Struvius—Selecta bibliotheca historica (1705), наконецъ—переведенная и на русскій яз. Исторія Эѳіопская Іова Лудольфа [3]). Кромѣ того, въ нашемъ каталогѣ отмѣчены подъ именемъ Miscelanea сборники различныхъ историко-политическихъ брошюръ и памфлетовъ (Miscelanea Gallica, Germanica, Belgica и т. п.). Въ эту же рубрику мы отнесли и сочиненія по дипломатіи и дипломатическому искусству; таковы Antoine de Vera—Le parfait ambassadeur (1709), Wiquefort—Mémoires touchant les ambassadeurs et ministres publiques (1679) и его же L'ambassadeur et ses fonctions (1715), Cassius—De iure et iudice legatorum (1717), Caraffa—L'ambasciatore politico christiano (1696), Warsewiç—De legato et legatione item de consilio et consiliariis principis (1646), Hemert—Dissertatio de legationum iure (1717), de Callière—De la manière de négocier avec les souverains (1716), Breviarium politicorum seu arcana politica (1708), Lancelot—Le parfait ambasadeur (1642), Morfill—Legatus (1663). Кромѣ того, мы встрѣчаемъ тутъ же общія руководства по дипломатіи, справочныя книги и сборники трактатовъ: Le trésor politique (1611), Codex iuris gentium diplomaticus (1693), Theatrum ceremoniale historico-politicum (1719), Martianus—Theatrum politicum (1692), L'esprit des cours de l'Europe (19 том., 1699), La clef du cabinet des princes de l'Europe (періодич. изда-

[1]) Пекарскій, op. cit., стр. 257. См. объ этомъ ниже, стр. 14.

[2]) Ibid. стр. 257. См. ниже, стр. 14.

[3]) См. ниже, стр. 14.

ніе въ 31 т., 1704—1717), Recueil des traités de paix (1700), Dumont—Nouveau recueil des traités d'alliance et de trève, de garantie et de commerce depuis la paix de Munster jusqu'à 1709 (2 том., 1710). Близкое отношеніе къ этимъ сочиненіямъ имѣютъ трактаты о различныхъ церемоніалахъ: Godefroy—Le cérémonial français (1649), Das Europäische Hof-Ceremoniel (1715), Ceremoniale Brandenburgicum (1700), Ceremoniale Palatinum (1700).

Мы отмѣтили выше особую группу книгъ въ библіотекѣ кн. Голицына, а именно—сочиненія объ аристократіи, ея происхожденіи, прерогативахъ и т. д. Отдѣлъ этотъ получаетъ особое значеніе въ нашихъ глазахъ, если вспомнить, какую роль играли въ дѣятельности Голицына его аристократическія симпатіи и убѣжденія. Мы насчитали въ каталогѣ 1722 года 13 книгъ по этому предмету; нѣкоторыя изъ нихъ трактуютъ объ аристократіи вообще, другія же касаются частныхъ прерогативъ дворянства и геральдики. Вотъ ихъ перечень: Gescenius—Il nobile Romano o Trattato di nobiltà (1693), Gille de la Roque—Traité de la noblesse (1678), Cotignola—La nobiltà civile e christiana (1586), Zuccolo—Nobiltà commune e heroica (1625), De nobiltate eiusque origine et de recta forma regnandi, Traité de la noblesse (1681), Thierrat—Trois traités, sçavoir de la noblesse de race, de la noblesse civile, des immunités des ignobles (1606), de Callières—La fortune des gens de qualité et des gentilshommes (1664), Loyseau—Cinq livres du droit des offices avec le livre des seigneuries et des ordres (1619), Spener — Historia insignium illustrium seu opera heraldica (1680), La science héraldique du blason (1675), Ménétrier—Le véritable art du blason и его же—Le blason de la noblesse (1671 и 1683 г.).

Послѣдній изъ намѣченныхъ нами отдѣловъ библіотеки кн. Д. М. Голицына содержитъ въ себѣ книги по прикладнымъ знаніямъ. Мы не станемъ входить въ подробное его разсмотрѣніе, а скажемъ только, что наиболѣе полно представлены въ этомъ отдѣлѣ архитектура, фортификація, гидравлика, счетоводство и садоводство. Относительно послѣдняго отдѣла, заключающаго въ себѣ до 20 сочиненій по садоводству, необходимо вспомнить, что кн. Д. М. Голицынъ былъ любителемъ садовыхъ цвѣтовъ и растеній и что въ его подмосковной вотчинѣ с. Архангельскомъ находилась одна изъ первыхъ частныхъ оранжерей въ Россіи [1]). Кромѣ того, мы встрѣчаемъ тутъ же нѣсколько сочиненій по домоводству и сельскому хозяйству.

---

[1]) См. Забѣлинъ. Опыты изученія русск. древностей и исторіи, т. II, стр. 330: Оранжереи и сады кн. Д. М. Голицына.

Мы далеко не исчерпали всего содержанія каталога Голицынской библіотеки; стараясь только намѣтить основной ея характеръ, мы пытались дать понятіе о ней лишь по отношенію къ личности ея владѣльца; прослѣдить же, какое вліяніе могло оказать на него знакомство съ западно-европейской, преимущественно политической, литературой, мы не ставимъ себѣ задачей, такъ какъ сухой перечень книгъ его библіотеки указываетъ на кругъ его интересовъ, но не опредѣляетъ его личнаго отношенія къ прочитываемому. Тѣмъ не менѣе мы считали себя въ правѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ касаться и этого вопроса; въ особенности твердую почву для опредѣленія степени вліянія на Голицына литературы его времени имѣли мы при ознакомленіи съ сочиненіями политическихъ мыслителей, находившимися въ его библіотекѣ. Во главѣ ихъ мы поставили Маккіавели, твореніями котораго интересовался не одинъ Голицынъ: сочиненія его были настольною книгою у Волынскаго и его друзей. Кромѣ того, въ нашемъ каталогѣ мы встрѣчаемъ два сочиненія, написанныя противъ Маккіавелли: Eugubio—De imperio virtutis adversus Machiavellum (1603) и аббата Buquay—L'antimachiaveliste, а это является несомнѣннымъ доказательствомъ интереса, который возбуждали въ Голицынѣ произведенія итальянскаго мыслителя. Большое количество сочиненій Пуффендорфа, Гуго Гроція, Локка и Юста Липсія свидѣтельствуетъ въ пользу того же. Есть наконецъ еще одно средство узнать, какія произведенія западно-европейской литературы наиболѣе привлекали вниманіе кн. Голицына. Въ каталогѣ его русскихъ книгъ и рукописей, представленныхъ въ Академію Наукъ [1]), попадается не мало переводовъ, исполнявшихся по заказу Голицына въ Кіевской Академіи, съ книгъ, иностранные подлинники коихъ занесены въ каталогъ 1722 года. Въ этомъ перечнѣ мы встрѣчаемъ: Политику Аристотеля, Исторію Эѳіопскую Іова Лудольфа, Введеніе въ географію Клюверія, Монархію Турецкую—Рикота, Уставленія политическія Н. Вернулія, О статѣ государства Нѣмецкаго Сѣверика барона Веронскаго (Северина Монзамбано, т. е. Пуффендорфа), его же—О законахъ естества и народовъ, Гуго Гроція—О законахъ брани и мира, Локка—Правленіе гражданское, Политическій тестаментъ кард. Рихелія, Министерство кард. Рихелія, Политику Балтазара Целлярія, Римскую исторію Ливія и Приклады правоучительные Валерія Максима, Совѣты на сокровищное хранилище (Consilia pro aerario) Максим. Ашафенбургскаго, Наказаніе нравоучительное Федро, Іакова Борнитія—О книгахъ въ Рѣчи

[1]) Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ т. IV, стр. 178—190.

посполитой дѣлаемыхъ (?), Житіе Антонина Піюса, Описаніе ѣзды персидской и др. сочиненія Адама Олеарія, Краткое наставленіе политическое по уставамъ Мазариновымъ, Разумъ Сенекинъ, Мизалдъ воскресшій (Misaldus redivivus, Нюрнбергъ 1681) и т. д. [1]). Болѣе внимательное изслѣдованіе заглавій русскихъ переводныхъ рукописей, представленныхъ въ Академію, значительно пополнило бы нашъ краткій перечень. Но и изъ него явствуетъ, что главный интересъ кн. Д. М. Голицына направленъ былъ къ политикѣ, къ сочиненіямъ, трактующимъ государственное устройство съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Его библіотека есть библіотека практическаго политика, а отнюдь не ученаго и не простого любителя чтенія. Въ подборѣ книгъ онъ очевидно руководствовался опредѣленной программой, отвѣчавшей его практическимъ потребностямъ и цѣлямъ. Какъ дипломатъ, онъ пріобрѣтаетъ сочиненія по внѣшней исторіи государствъ, изучаетъ дипломатическое искусство, знакомится съ исторіей трактатовъ; онъ становится президентомъ Коммерцъ-Коллегіи—и библіотека его наполняется цѣлымъ собраніемъ книгъ и брошюръ объ учрежденіи Остъ-Индской компаніи, руководствъ по торговому праву и сочиненій о счетоводствѣ; назначенный Кіевскимъ губернаторомъ, онъ все свое вниманіе обращаетъ на Польшу и накупаетъ цѣлую библіотеку польскихъ книгъ. Но въ то же время онъ зорко слѣдитъ за развитіемъ родной страны и чутко прислушивается къ мнѣніямъ о ней иностранцевъ: отсюда—все его собраніе извѣстій иностранныхъ писателей о Россіи. Надъ всѣми же этими частичными, нерѣдко случайными интересами, преобладаетъ одинъ—интересъ государственнаго человѣка къ теоріи государственнаго управленія и къ примѣненіямъ ея на практикѣ. Какая лучшая форма политическаго строя государства—вотъ вопросъ, который занимаетъ его болѣе всѣхъ другихъ. А этотъ вопросъ естественнымъ образомъ наталкиваетъ его на другой — о лучшей формѣ правленія для Россіи. Современная ему русская дѣйствительность не удовлетворяла Голицына во многомъ; въ своихъ книгахъ, столько же сколько въ своихъ симпатіяхъ къ допетровскому строю, онъ могъ почерпать то критическое отношеніе къ этой дѣйствительности, при сравненіи ея съ строемъ западно-европейской политической жизни, которое заставило его попытаться измѣнить ее при восшествіи на престолъ имп. Анны. Въ этомъ смыслѣ каталогъ иностранныхъ книгъ его библіотеки и можетъ служить путеводною нитью для опредѣленія вліянія на него западно-европейской литературы.

---

[1]) Ср. этотъ перечень съ упомянутыми у Пекарскаго переводами съ иностранныхъ языковъ. Наука и литература при Петрѣ В., т. I, стр. 256—257.

Мы далеко не исчерпали всего содержанія каталога Голицынской библіотеки; стараясь только намѣтить основной ея характеръ, мы пытались дать понятіе о ней лишь по отношенію къ личности ея владѣльца; прослѣдить же, какое вліяніе могло оказать на него знакомство съ западно-европейской, преимущественно политической, литературой, мы не ставимъ себѣ задачей, такъ какъ сухой перечень книгъ его библіотеки указываетъ на кругъ его интересовъ, но не опредѣляетъ его личнаго отношенія къ прочитываемому. Тѣмъ не менѣе мы считали себя въ правѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ касаться и этого вопроса; въ особенности твердую почву для опредѣленія степени вліянія на Голицына литературы его времени имѣли мы при ознакомленіи съ сочиненіями политическихъ мыслителей, находившимися въ его библіотекѣ. Во главѣ ихъ мы поставили Маккіавели, твореніями котораго интересовался не одинъ Голицынъ: сочиненія его были настольною [illegible] книгою у Волынскаго и его друзей. Кромѣ того, въ нашемъ каталогѣ [illegible]въ мы встрѣчаемъ два сочиненія, написанныя противъ Маккіавелли[illegible]: Eugubio—De imperio virtutis adversus Machiavellum (1603) и аббат[illegible]а Buquay—L'antimachiaveliste, а это является несомнѣннымъ доказатель[illegible]ь ствомъ интереса, который возбуждали въ Голицынѣ произведенія ита[illegible]аліанскаго мыслителя. Большое количество сочиненій Пуффендорфа[illegible]а, Гуго Гроція, Локка и Юста Липсія свидѣтельствуетъ въ пользу то[illegible]го же. Есть наконецъ еще одно средство узнать, какія произведенія з[illegible]а-падно-европейской литературы наиболѣе привлекали вниманіе кн. Г[illegible]о-лицына. Въ каталогѣ его русскихъ книгъ и рукописей, представл[illegible]н-ныхъ въ Академію Наукъ [1]), попадается не мало переводовъ, исп[illegible]ол-нявшихся по заказу Голицына въ Кіевской Академіи, съ книгъ, и [illegible]о-странные подлинники коихъ занесены въ каталогъ 1722 года. Въ этомъ перечнѣ мы встрѣчаемъ: Политику Аристотеля, Исторію Эѳіопскую Іова Лудольфа, Введеніе въ географію Клюверія, Монархію Турецкую—Рикота, Уставленія политическія Н. Вернулія, О статѣ государства Нѣмецкаго Сѣверика барона Веронскаго (Северина Монзамбано, т. е. Пуффендорфа), его же—О законахъ естества и народовъ, Гуго Гроція—О законахъ брани и мира, Локка—Правленіе гражданское, Политическій тестаментъ кард. Рихелія, Министерство кард[illegible] Рихелія, Политику Балтазара Целлярія, Римскую исторію Ливія Приклады правоучительные Валерія Максима, Совѣты на сокровищ[illegible] хранилище (Consilia pro aerario) Максим. Ашафенбургскаго, Нак[illegible] ніе правоучительное Фредро, Іакова Борнитія—О книгахъ въ Г[illegible]

[1]) Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ т. IV, стр. 178—190.

посполитой дѣлаемыхъ (?), Житіе Антонина Піюса, Описаніе ѣзды персидской и др. сочиненія Адама Олеарія, Краткое наставленіе политическое по уставамъ Мазариновымъ, Разумъ Сенекинъ, Мизалдъ воскресшій (Misaldus redivivus, Нюрнбергъ 1681) и т. д. [1]). Болѣе внимательное изслѣдованіе заглавій русскихъ переводныхъ рукописей, представленныхъ въ Академію, значительно пополнило бы нашъ краткій перечень. Но и изъ него явствуетъ, что главный интересъ кн. Д. М. Голицына направленъ былъ къ политикѣ, къ сочиненіямъ, трактующимъ государственное устройство съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Его библіотека есть библіотека практическаго политика, а отнюдь не ученаго и не простого любителя чтенія. Въ подборѣ книгъ онъ очевидно руководствовался опредѣленной программой, отвѣчавшей его практическимъ потребностямъ и цѣлямъ. Какъ дипломатъ, онъ пріобрѣтаетъ сочиненія по внѣшней исторіи государствъ, изучаетъ дипломатическое искусство, знакомится съ исторіей трактатовъ; онъ становится президентомъ Коммерцъ-Коллегіи—и библіотека его наполняется цѣлымъ собраніемъ книгъ и брошюръ объ учрежденіи Остъ-Индской компаніи, руководствъ по торговому праву и сочиненій о счетоводствѣ; назначенный Кіевскимъ губернаторомъ, онъ все свое вниманіе обращаетъ на Польшу и накупаетъ цѣлую библіотеку польскихъ книгъ. Но въ то же время онъ зорко слѣдитъ за развитіемъ родной страны и чутко прислушивается къ мнѣніямъ о ней иностранцевъ: отсюда—все его собраніе извѣстій иностранныхъ писателей о Россіи. Надъ всѣми же этими частичными, нерѣдко случайными интересами, преобладаетъ одинъ—интересъ государственнаго человѣка къ теоріи государственнаго управленія и къ примѣненіямъ ея на практикѣ. Какая лучшая форма политическаго строя государства—вотъ вопросъ, который занимаетъ его болѣе всѣхъ другихъ. А этотъ вопросъ естественнымъ образомъ наталкиваетъ его на другой—о лучшей формѣ правленія для Россіи. Современная ему русская дѣйствительность не удовлетворяла Голицына во многомъ; въ своихъ книгахъ, столько же сколько въ своихъ симпатіяхъ къ допетровскому строю, онъ могъ почерпать то критическое отношеніе къ этой дѣйствительности, при сравненіи ея съ строемъ западно-европейской политической жизни, которое заставило его попытаться измѣнить ее при восшествіи на престолъ имп. Анны. Въ этомъ смыслѣ каталогъ иностранныхъ книгъ его библіотеки и можетъ служить путеводною нитью для опредѣленія вліянія на него западно-европейской литературы.

---

[1]) Ср. этотъ перечень съ упомянутыми у Пекарскаго переводами съ иностранныхъ языковъ. Наука и литература при Петрѣ В., т. I, стр. 256—257.

Мы далеко не исчерпали всего содержанія каталога Голицынской библіотеки; стараясь только намѣтить основной ея характеръ, мы пытались дать понятіе о ней лишь по отношенію къ личности ея владѣльца; прослѣдить же, какое вліяніе могло оказать на него знакомство съ западно-европейской, преимущественно политической, литературой, мы не ставимъ себѣ задачей, такъ какъ сухой перечень книгъ его библіотеки указываетъ на кругъ его интересовъ, но не опредѣляетъ его личнаго отношенія къ прочитываемому. Тѣмъ не менѣе мы считали себя въ правѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ касаться и этого вопроса; въ особенности твердую почву для опредѣленія степени вліянія на Голицына литературы его времени имѣли мы при ознакомленіи съ сочиненіями политическихъ мыслителей, находившимися въ его библіотекѣ. Во главѣ ихъ мы поставили Маккіавели, твореніями котораго интересовался не одинъ Голицынъ: сочиненія его были настольною книгою у Волынскаго и его друзей. Кромѣ того, въ нашемъ каталогѣ мы встрѣчаемъ два сочиненія, написанныя противъ Маккіавелли: Eugubio—De imperio virtutis adversus Machiavellum (1603) и аббата Buquay—L'antimachiaveliste, а это является несомнѣннымъ доказательствомъ интереса, который возбуждали въ Голицынѣ произведенія итальянскаго мыслителя. Большое количество сочиненій Пуффендорфа, Гуго Гроція, Локка и Юста Липсія свидѣтельствуетъ въ пользу того же. Есть наконецъ еще одно средство узнать, какія произведенія западно-европейской литературы наиболѣе привлекали вниманіе кн. Голицына. Въ каталогѣ его русскихъ книгъ и рукописей, представленныхъ въ Академію Наукъ [1]), попадается не мало переводовъ, исполнявшихся по заказу Голицына въ Кіевской Академіи, съ книгъ, иностранные подлинники коихъ занесены въ каталогъ 1722 года. Въ этомъ перечнѣ мы встрѣчаемъ: Политику Аристотеля, Исторію Эѳіопскую Іова Лудольфа, Введеніе въ географію Клюверія, Монархію Турецкую—Рикота, Уставленія политическія Н. Вернулія, О статѣ государства Нѣмецкаго Сѣверика барона Веронскаго (Северина Монзамбано, т. е. Пуффендорфа), его же—О законахъ естества и народовъ, Гуго Гроція—О законахъ брани и мира, Локка—Правленіе гражданское, Политическій тестаментъ кард. Рихелія, Министерство кард. Рихелія, Политику Балтазара Целлярія, Римскую исторію Ливія и Приклады правоучительные Валерія Максима, Совѣты на сокровищное хранилище (Consilia pro aerario) Максим. Ашафенбургскаго, Наказаніе нравоучительное Фредро, Іакова Борнитія—О книгахъ въ Рѣч

[1]) Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ т. IV, стр. 178—190.

2 — Записка [1]) современника, грузинскаго архіерея, о вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II [2]).

Петръ III Θеодоровичъ, внукъ перваго императора Петра В., унаслѣдовавъ россійскій престолъ и овладѣвъ этимъ царствомъ, благополучно царствовалъ 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ онъ впалъ въ безчестіе и расколъ: принялъ онъ тайно вѣру Лютера, а послѣ всенародно объявилъ ее. Въ первое же время своего царствованія онъ выступилъ въ борьбу противъ православной вѣры, восточной церкви, не захотѣлъ признать ни креста, ни иконъ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ отпалъ отъ нашего вѣроисповѣданія. Отобралъ у каждой церкви принадлежащія ей земли и упразднилъ нѣсколько придворныхъ церквей. Издалъ приказъ, чтобы никто не постригался въ монашество,—онъ хотѣлъ совершенно его искоренить. Предался пьянству, прелюбодѣянію съ разными женщинами, бросилъ жену свою, благовѣрную и боголюбивую императрицу Екатерину Алексѣевну. Былъ окруженъ тьмою злодѣяній и не хотѣлъ слушать ни ея (жены), ниже кого другого. Помолвился съ нечестивою Елизаветой Романовной [3]) Воронцовой и женился на ней, причемъ бракосочетаніе совершилъ лютеранскій священникъ; исповѣдался онъ въ ихъ же церкви по ихъ обряду. Объявилъ Елизавету сію императрицей въ Ранбовѣ [4]). Эта Елизавета Романовна, племянница «визиря» [5]), крайне несимпатичная личность. Въ это время сей нечестивый Петръ вознамѣрился убить жену свою императрицу Екатерину, перерѣзать горло у своего сына, великаго князя Павла разлучить всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ со своими женами и переженить одного на женѣ другого, безъ стѣсненія и соблюденія родства. Онъ желалъ пересоздать всю Россію и искоренить вовсе православіе. Эти неблаговидныя намѣренія онъ хотѣлъ объявить и привести въ исполненіе 30-го іюня, въ воскресеніе. На этихъ дняхъ императрица Екатерина Алексѣевна находилась въ Петергофѣ; она не знала ничего

---

[1]) Чит. 30 сентября въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

[2]) Записка эта прислана была мнѣ изъ Тифлиса на грузинскомъ языкѣ преосв. Киріономъ епископомъ Горійскимъ. Въ виду ея интереса я перевелъ на русскій языкъ и снабдилъ примѣчаніями. Грузинское духовное лицо описываетъ событіе вступленія Екатерины II на престолъ, какъ очевидецъ.

[3]) «Рамануна Оранцова» въ груз. текстѣ.

[4]) Ораніенбаумъ. «Объявленіе» императрицей не состоялось...

[5]) Александръ Романовичъ Воронцовъ, государственный канцлеръ.

Въ заключеніе мы считаемъ не излишнимъ упомянуть о томъ, что бліотека кн. Д. М. Голицына содержала книги на нѣсколькихъ языхъ. Преобладающимъ языкомъ является французскій; за нимъ, по личеству сочиненій, слѣдуютъ языки латинскій, нѣмецкій и польскій; сравнительно много книгъ на италіанскомъ яз., менѣе—на англійскомъ. ь другихъ языковъ голландскій представленъ двумя-тремя сочиненіями. Мы не встрѣтили сочиненій на шведскомъ и испанскомъ яз. жду тѣмъ при описи книгъ кн. Голицына три сундука оказались наполненными книгами «Галанскаго, Шпанскаго, Англинскаго и Шведскаго языковъ». Трудно объяснить, откуда могло накопиться такое количество книгъ на упомянутыхъ языкахъ, когда мы вовсе не нашли въ каталогѣ 1722 г. сочиненій на двухъ изъ нихъ; остается предположить одно изъ двухъ: или что Голицынъ собралъ ихъ въ 15-ти лѣтній промежутокъ времени между составленіемъ каталога и началомъ слѣдствія надъ нимъ, или что невѣжественные переписчики не разобрали языковъ, на которыхъ написаны иныя книги, назвавъ напр. италіанскія книги испанскими. Быть можетъ, каталогъ 1722 года является трудомъ неоконченнымъ или описаніемъ одной части собранія иностранныхъ книгъ Голицына; вѣдь въ 1737 г. онъ самъ показывалъ на допросѣ, что нѣкоторыя книги его «дѣтямъ его розданы, а прочія есть въ Москвѣ» [1]). Изъ слѣдственнаго дѣла Волынскаго видно, что и ему Голицынъ давалъ читать книги изъ своей библіотеки. Можетъ быть, наконецъ, подъ находящимися въ Москвѣ книгами онъ разумѣлъ тѣ, которыя хранились въ с. Архангельскомъ, но можетъ быть у него было два собранія и тутъ и тамъ. Какъ бы то ни было, каталогъ 1722 года является достаточно полнымъ для нашей цѣли: личность кн. Голицына со всѣми особенностями ея склада и міровоззрѣнія просвѣчиваетъ сквозь сухую номенклатуру книгъ его библіотеки, и тѣмъ въ нѣкоторой степени смягчаются сожалѣнія объ утратѣ послѣдней. Мы и не имѣли въ виду дѣлать библіографической оцѣнки этого книжнаго собранія, а лишь желали по возможности выяснить составъ его по отношенію къ его владѣльцу.

Сообщилъ Членъ-Соревнователь **кн. Н. В. Голицынъ.**

---

[1]) Корсаковъ op. cit., стр. 254 и 256.

мени процвѣтали русское православіе и русская церковь, а нынѣ желаетъ *онъ* уничтожить все это и поругать нашу вѣру, желаетъ распространить вѣроисповѣданіе Лютера. Ради Христа потрудитесь и окажите поддержку, чтобы искоренить эти злонамѣренные его указы!». Приказаніе это услышано было всѣми, и доложили ей: «Матушка наша, что Вы приказываете, мы исполнимъ все. Мы умремъ за тебя, пріими престолъ и мы поможемъ тебѣ». Тотчасъ же представили священника, которому дали въ руки крестъ и, окруживъ ихъ, поклялись клятвою ненарушимою императрицѣ Екатеринѣ и сыну его Павлу Петровичу въ вѣрности. Маленькій Павелъ Петровичъ уже и до этого времени находился въ Петербургѣ, во время клятвы онъ присутствовалъ среди нихъ. Полкъ Измайловскій проводилъ государыню въ Казанскую церковь, куда пожаловала государыня и низко поклонилась ея святынямъ. Клятва народомъ принесена была здѣсь. Въ это время прибыла цѣлая гвардія. Императрица отбыла въ новый каменный дворецъ, черезъ нѣсколько же времени поѣхала въ старый деревянный дворецъ съ Павломъ Петровичемъ. Собрались [1]) весь синклитъ и вся знать Россійская и весь народъ города сего. Поздравили государыню съ воцареніемъ, посадили на царскій тронъ сію боголюбивую императрицу Екатерину и сына его наслѣдника цесаревича Павла Петровича. Члены Святѣйшаго Синода облачились, взяли крестъ, обошли кругомъ всю армію, сосредоточенную здѣсь, заставили всѣ эти полки присягнуть въ вѣрности императрицѣ Екатеринѣ и сыну ея. Весь народъ твердилъ съ радостью: «Ты царица наша, ты наша мать, тебѣ мы будемъ повиноваться во всемъ и будемъ преданы тебѣ!»

Въ это время государыня нарядилась въ мужское платье, опоясалась шпагою, надѣла шляпу и шпоры, вышла на дворъ, сѣла на коня и объѣхала кругомъ войско, снимая постоянно шляпу и кланяясь. Всѣ низко кланялись, дѣлали честь и восклицали «ура!» Затѣмъ она пожаловала во дворецъ. Въ это время и мы, иностранные грузинскіе архіереи [2]), прибыли во дворецъ, поклонились Ея Величеству, поздравили ее и поцѣловали ея руку, также поступили и съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Отсидѣвъ полчаса, встали и, стоя, смотрѣли изъ окна на войско. И намъ предложили принять присягу и расписаться. Затѣмъ она приказала объ отслуженіи молебна въ дворцовой же церкви. Облачились члены святѣйшаго синода и отслужили

---

[1]) Въ новомъ зимнемъ дворцѣ Екатерина нашла въ собраніи сенатъ и синодъ.

[2]) Изъ этихъ словъ видно, что авторъ Записки былъ архіерей.

-ни объ этихъ намѣреніяхъ, ни объ угрожающей ей смерти. Здѣсь, въ -тербургѣ, жила одна женщина, меньшая дочь Романа, брата того же -..изиря» Воронцова, Екатерина Романовна [1]): добрая, боголюбивая, смиренная и скромная, какъ показываютъ ея дѣла. Эта боголюбивая -нщина по тщательномъ изысканіи узнала подробно о такомъ зломъ -мѣреніи Петра, вызвала тайно двухъ братьевъ Орловыхъ, русскихъ -ворянъ, и артиллерійскихъ офицеровъ и послала ихъ секретно къ -ипературицѣ, увѣдомивъ ее объ означенныхъ злонамѣреніяхъ. Немед--енно поѣхали эти братья, вошли ночью во дворецъ, зашли прямо въ -спальню, разбудили императрицу и донесли ей безъ утайки все под--бно о тѣхъ его намѣреніяхъ и смерти, которой хотятъ ее подверг--уть [2]). Она крайне огорчилась и воскликнула:—«Что же мнѣ дѣлать!» -на еще не знала, что есть, кто окажетъ ей помощь. Слезы наверну--ись у нея на глазахъ. Она вручила себя и судьбу свою защитницѣ -своей—пресвятой Богородицѣ Маріи. «Да будетъ воля Божья!»—ска-зала она. Братья доложили ей: «Государыня, не мѣшкайте, мы прини-маемъ на себя попеченіе о васъ, мы повеземъ васъ въ Петербургъ, въ полкъ, а тамъ воцарятъ васъ!» Она отвѣтила имъ: «можетъ быть не примутъ меня, обратятся къ нему же и арестуютъ меня? Я предпочитаю здѣсь же умереть, чѣмъ подвергнуться позору въ глазахъ цѣлаго свѣта». Они поклялись ей и доложили: «Великая Государыня, мы знаемъ, что примутъ васъ съ почтеніемъ». Она тогда согласилась, сказавъ: «Пусть будетъ воля Бога!» Она переодѣлась въ платье одной простой женщины въ саду, куда пришла подъ предлогомъ прогуляться, изъ саду она вышла и сѣла въ старую коляску, причемъ одинъ братъ сѣлъ впереди ея, другой—сзади [3]); они тайно взяли ее ночью, и привезли въ канцелярію Измаилова (Измайловскаго полка?) въ пятницу утромъ. Ударили въ барабанъ и, когда собрался цѣлый Измайловскій полкъ, она приказала воинамъ: «Отцы мои и братья!» До сего вре-

---

[1]) Извѣстно какое участіе въ переворотѣ приняла Екатерина Романовна кн. Дашкова. Григорій Орловъ держалъ въ рукахъ нити заговора. Дашкова и гр. Орловъ находились въ близкихъ сношеніяхъ также съ гр. Кирилломъ Разумовскимъ.

[2]) Довѣренная камеръ-фрейлина Шаргородская разбудила императрицу. Въ мою комнату,—пишетъ импер. Екатерина,—входитъ Алексѣй Орловъ и говоритъ совершенно спокойнымъ голосомъ: пора вставать, все готово, чтобы провозгласить Васъ. *Бильбасовъ*. Исторія Екатерины II. II, 21.

[3]) Екатерина съ Шаргородскою сѣла въ карету: камеръ-лакей Шкуринъ и камеръ-юнкеръ Бибиковъ стали на запятки. Орловъ помѣстился съ кучеромъ. Верстъ пять не доѣзжая до Петербурга, ихъ встрѣтилъ Григорій Орловъ.

мени процвѣтали русское православіе и русская церковь, а нынѣ желаетъ *онъ* уничтожить все это и поругать нашу вѣру, желаетъ распространить вѣроисповѣданіе Лютера. Ради Христа потрудитесь и окажите поддержку, чтобы искоренить эти злонамѣренные его указы!». Приказаніе это услышано было всѣми, и доложили ей: «Матушка наша, что Вы приказываете, мы исполнимъ все. Мы умремъ за тебя, пріими престолъ и мы поможемъ тебѣ». Тотчасъ же представили священника, которому дали въ руки крестъ и, окруживъ ихъ, поклялись клятвою ненарушимою императрицѣ Екатеринѣ и сыну его Павлу Петровичу въ вѣрности. Маленькій Павелъ Петровичъ уже и до этого времени находился въ Петербургѣ, во время клятвы онъ присутствовалъ среди нихъ. Полкъ Измайловскій проводилъ государыню въ Казанскую церковь, куда пожаловала государыня и низко поклонилась ея святынямъ. Клятва народомъ принесена была здѣсь. Въ это время прибыла цѣлая гвардія. Императрица отбыла въ новый каменный дворецъ, черезъ нѣсколько же времени поѣхала въ старый деревянный дворецъ съ Павломъ Петровичемъ. Собрались [1]) весь синклитъ и вся знать Россійская и весь народъ города сего. Поздравили государыню съ воцареніемъ, посадили на царскій тронъ сію боголюбивую императрицу Екатерину и сына его наслѣдника цесаревича Павла Петровича. Члены Святѣйшаго Синода облачились, взяли крестъ, обошли кругомъ всю армію, сосредоточенную здѣсь, заставили всѣ эти полки присягнуть въ вѣрности императрицѣ Екатеринѣ и сыну ея. Весь народъ твердилъ съ радостью: «Ты царица наша, ты наша мать, тебѣ мы будемъ повиноваться во всемъ и будемъ преданы тебѣ!»

Въ это время государыня нарядилась въ мужское платье, опоясалась шпагою, надѣла шляпу и шпоры, вышла на дворъ, сѣла на коня и объѣхала кругомъ войско, снимая постоянно шляпу и кланяясь. Всѣ низко кланялись, дѣлали честь и восклицали «ура!» Затѣмъ она пожаловала во дворецъ. Въ это время и мы, иностранные грузинскіе архіереи [2]), прибыли во дворецъ, поклонились Ея Величеству, поздравили ее и поцѣловали ея руку, также поступили и съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Отсидѣвъ полчаса, встали и, стоя, смотрѣли изъ окна на войско. И намъ предложили принять присягу и расписаться. Затѣмъ она приказала объ отслуженіи молебна въ дворцовой же церкви. Облачились члены святѣйшаго синода и отслужили

---

[1]) Въ новомъ зимнемъ дворцѣ Екатерина нашла въ собраніи сенатъ и синодъ.

[2]) Изъ этихъ словъ видно, что авторъ Записки былъ архіерей.

благодарственный молебенъ; когда же таковой былъ оконченъ, и государыня приложилась ко кресту, тогда поднесли ей царскій синій кавалеръ. Государыня приняла и надѣла его, всѣ смиренно поздравили ее и поцѣловали у нея руку. Тогда и мы поцѣловали у нея руку. Государыня поклонилась всѣмъ и отбыла къ себѣ. Было произведено нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ.

Эти происшествія, воцаренія ея происходили въ іюнѣ мѣсяцѣ, 28 дня, въ пятницу, въ 10 часовъ; въ этотъ же день, по полученіи царскаго престола, оповѣстили всѣ царства, подданныхъ и армію о принятіи высокаго престола всего русскаго царства благовѣрною, православной вѣрѣ преданной императрицей Екатериною II Алексѣевною и сыномъ ея наслѣдникомъ цесаревичемъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Въ этотъ же день, пятницу, іюня 28, въ четыре часа пополудни, возсѣла [она] на коня, одѣтая въ мужское платье, и во главѣ арміи поѣхала государыня въ Ораніенбаумъ, для арестованія мужа своего, сопровождаемая съ 25 тысячами людей и многочисленной артиллеріей· Въ ту ночь она остановилась въ 15 верстахъ отъ этого города. Объ этихъ дѣлахъ Петръ Θеодоровичъ до пятницы вечера былъ въ полномъ невѣдѣніи по той причинѣ, что дороги были закрыты, задерживали людей, которые отъ него были присылаемы и не пускали туда никого, чтобы онъ ничего не могъ узнать. Когда же онъ услышалъ эту вѣсть, въ ту же минуту выѣхалъ изъ «Ранбова» въ Петербургъ и ворвался во дворецъ, встревоженный, какъ надлежало человѣку въ его положеніи. Не нашедши тамъ жены своей, позвалъ старшаго дворцоваго смотрителя, капитана (?) и спросилъ: гдѣ же императрица? Сердце капитана совсѣмъ не было расположено къ нему, и онъ не былъ изъ числа его сторонниковъ. «Великій государь! Вѣдь мнѣ не поручали, чтобы она не могла выѣзжать туда, куда ей угодно будетъ!» Разгнѣвался онъ на него, снялъ съ него шашку и разжаловалъ его. Онъ былъ такъ огорченъ, что самъ не зналъ, что дѣлалъ. Ничего онъ не понималъ. Его сопровождали знатные мужчины и женщины: Минихъ, князь Никитіури [1]), Адамъ Васильевичъ [2]), Бильгунъ [3]) два брата Нарышкиныхъ [4]) и пр. Онъ спросилъ совѣта у Ми-

---

[1]) Вѣроятно, разумѣется князь Никита Юрьевичъ Трубецкой.

[2]) Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ.

[3]) Ген.-лейтенантъ А. П. Мельгуновъ.

[4]) Безсмѣнный Л. А. Нарышкинъ. *Бильбасовъ.* Ист. Екатерины II, томъ II, стр. 40.

замокъ и города, но Петръ, при своемъ царствованіи, возвратилъ имъ все это. Нынѣ же армія получила приказаніе снова занять означенныя крѣпости и города. Армія теперь стоитъ на границѣ Пруссіи. Эти обстоятельства я написалъ тебѣ вѣрно, по силѣ возможности, причемъ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ видѣлъ самъ лично, другія же описалъ по словамъ заслуживающихъ довѣрія людей. Доношу вашему сіятельству объ этомъ. Государыня намѣревается ѣхать въ Москву, въ августѣ, для коронованія. Кажется до того времени не подождетъ Мангрели [1]), на этой церемоніи кажется обойдутся безъ него, также безъ священника Георгія [2]). Если Харчашнели вызовутъ, то полѣнится, какъ тяжеловѣсный человѣкъ, поэтому его не обезпокоятъ.

Писано іюля 9 дня, въ четвергъ, въ г. Петербургѣ.

Кто авторъ этой записки и кому онъ ее пишетъ—трудно опредѣлить, такъ какъ имя его въ рукописи не сохранилось. Ко времени Елизаветы Петровны и Екатерины II при русскомъ дворѣ нерѣдко видимъ представителей грузинскаго царскаго дома и духовенства. Преосв. Киріонъ считаетъ почеркъ рукописи принадлежащимъ Цилканскому архіепископу Христофору (изъ князей Кобуловыхъ), во второй половинѣ XVIII в. проживавшему въ Россіи [3]). Рукопись нынѣ хранится въ музеѣ Тифлисскаго Сіонскаго собора подъ № 516. Въ оригиналѣ памятникъ этотъ еще не изданъ. Несмотря на нѣкоторыя неточности, онъ заслуживаетъ вниманія, какъ показаніе очевидца переворота 1762 года. Событія,—въ особенности петербургскія, автору извѣстныя въ деталяхъ,—въ этой запискѣ изложенныя, въ общемъ соотвѣтствуютъ тому, что уже мы знаемъ изъ исторіи Петра III и Екатерины II. Черты и моменты изъ царствованія названныхъ особъ находятъ параллель въ установленныхъ изслѣдователями этой эпохи фактахъ; отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ.

Ставъ неограниченнымъ самодержцемъ, по смерти Елизаветы Петровны, Петръ III далъ полную волю своимъ капризнымъ прихотямъ. Самоувѣренный и рѣшительный онъ поставилъ себѣ задачею «перековеркиваніе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распорядковъ». Онъ оскорбляетъ духовенство и принижаетъ военныхъ. Извѣстно, шесть недѣль стояло тѣло Елизаветы Петровны во дворцѣ и народъ свободно при-

---

[1]) Мангрели—епископъ Манглисскій.

[2]) Иронически сказано.

[3]) Объ немъ см. у меня «Археол. Экспедиціи на Кавказъ». Москва, 1898.

го кава… и шашку. Изъ окна его увидѣла императрица и стало …й жаль его, и она расплакалась, близко же она его не видѣла. Въ тотъ же часъ, въ сопровожденіи 10 солдатъ, отправили его въ заточеніе. Во время этого происшествія жизнью никто не поплатился и поводомъ къ войнѣ ничто не послужило. Хотя Петръ Θеодоровичъ …ѣлъ 4 полка въ Ранбовѣ, но они что же могли сдѣлать! Ничего бы они не посмѣли. Когда было покончено съ этими дѣлами, въ ту же субботу вечеромъ она выѣхала изъ Петербурга, на другой же день, въ воскресеніе, въ 11 часовъ, пріѣхала обратно въ Петербургъ, съ большой церемоніей. Городъ пришелъ въ движеніе, трезвонъ колоколовъ привѣтствовалъ ее. Народу было безчисленное множество. Всѣ улицы и мѣста были переполнены людьми. Прежде пожаловала она въ церковь св. Николая, въ такомъ торжественномъ шествіи, которое ослѣпляло и приковывало вниманіе всѣхъ. Она была безподобна. Ни…о лучшаго не могъ видѣть человѣческій глазъ. Истинно говорю, что среди многочисленныхъ людей такъ красиво и безподобно никто не сидѣлъ на конѣ. Когда она пожаловала къ воротамъ церкви, священники встрѣтили ее съ крестами, она слѣзла съ коня и приложилась ко кресту. Провожало ее много знатныхъ людей, она пала на полъ и съ преклоненіемъ колѣнъ поклонилась святымъ иконамъ, со слезами на глазахъ. При ея входѣ въ церковь, я и Алавердели [1]) встрѣтили ее въ церкви. Мы очень радовались ея воцаренію. Она вышла изъ церкви. Объѣхала всѣ церкви. Вездѣ были отслужены молебны. Затѣмъ она поѣхала въ «садовый» дворецъ [2]), тамъ встрѣтили ее члены святѣйшаго синода въ облаченіяхъ, отслужили они молебенъ и обѣдню. Послышалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Войскамъ были пожалованы подарки. Всѣ были исполнены великой радости, что Господь послалъ имъ такую добрую и благовѣрную императрицу. Въ это время подвергли аресту многихъ высокопоставленныхъ лицъ, между прочимъ дядю Петра Джорджа [3]), а также прусскаго посланника и брата визиря съ его дочерью. Бестужева вызвали во дворецъ. До Петра Θеодоровича русскими были взяты «Кенигсбергъ» [4]), прусскій

---

[1]) Епископъ Алавердскій.

[2]) Дворецъ близъ лѣтняго сада?

[3]) Георгъ-Людвигъ Голштинскій, дядя Петра III, жестокій нѣмецъ, генералиссимусъ русскихъ войскъ. *Бильбасовъ*, ор. с. I. 15, 29.

[4]) Въ оригиналѣ дано это имя въ неправильной транскрипціи, а именно въ видѣ двухъ словъ «ркинис бехи», при чемъ первая часть представляетъ осмысленіе непонятнаго грузинскому автору слова «Кенигс» чрезъ «ркинис»—желѣзный.

3.—Родословная Шепелевыхъ конца XVII вѣка [1]).

Въ лѣто 6884-го приехалъ из немецъ ис Свиского королевства в Польшу х королю Ольгерду мужъ честенъ именемъ Шелъ с вотчиною своею Ермоливонскою [2]), а в Польши крестился, а во крещенiи имя ему Георгiи, по прозванию Юрия, и iс Польши приехалъ [3]) к великому князю Дмитрею Iвановичу Данскому. А у Юрья дети: 1-й Петръ, прозвища Шепель и от нево повелись мы, Шепелевы. 2-й сынъ Нестеръ и от Нестера повелись [4]) Нестеровы, что ныне Никита Семеновъ сынъ Нестеровъ с родственники своими, и онъ Никита [5]) о себѣ и о родственникахъ своихъ подадутъ сами роспись. У Петра Шепеля дети: 1-й Иванъ, 2-й Өедоръ. У Ивана дети: 1-й Петръ умре бездетенъ, 2-й Яковъ умре бездетенъ. У Өедора сынъ Михайла, у Михайла дети: 1-й Дмитрей, 2 й Василей умре бездетенъ, 3-й Iванъ умре бездетенъ. У Дмитрея дети: 1-й Андрѣй, 2-й Георгiи, 3-й Никита, 4-й Василей умре бездетенъ, 5-й Iванъ умре бездетенъ. У Андрѣя дети: 1-й Iванъ, 2-й Өедоръ умре бездетенъ, 3-й Аөонасей умре бездетенъ. У Георгия дети: 1-й Петръ умре бездетенъ, 2-й Антоней умре бездетенъ. У Никиты сынъ Василей, у Василья дети: 1-й Iванъ, 2-й Василей, 3-й Никита, 4-й Өедоръ, 5-й Iванъ меньшой. У Iвана сынъ Андрѣй, у Василья сынъ Яковъ. У Никиты дети: 1-й Аөонасей, 2-й Дмитрей, 3-й Iванъ, 4-й Астаөей, 5-й Алексѣй. У Өедора сынъ Василей, у Iвана меньшова сынъ Дмитрей. У Андрѣя дети: 1-й Iванъ, 2-й Василей, 3-й Яковъ умре бездетенъ, 4-й Борисъ. У Якова сынъ Павелъ, у Аөонасья сынъ Петръ, убитъ в Немецкомъ походе при царе i великомъ князе Өеодоре Iвановиче всеа Русiи. У Дмитрея сынъ Неөедей. Неөедею дана жалованная грамота за Московское осадъное сиденья во 128-мъ году и та грамота и ныне у генерала думного Агѣя Алексѣевича. У Iвана сынъ Павелъ, у Астаөья сынъ Өедоръ, у Алексѣя сынъ Андрѣй, убитъ подъ Муромомъ, какъ приходилъ Лисовской. У

---

[1]) Издается съ подлиннаго столбца, перешедшаго отъ *Шепелевыхъ* въ родъ кн. *Голицыныхъ*. Существуетъ второй спискокъ этой же родословной, менѣе исправный и, вѣроятно, черновой. Встрѣчающіяся въ этомъ 2-мъ спискѣ варіанты помѣщаемъ подстрочно. *Ю. А.*

[2]) Ермоливонского.

[3]) к Москве.

[4]) пошли.

[5]) принесетъ поколенную роспись с родственниками своими сами о себѣ.

ходилъ поклониться праху любимой императрицы. Каждый день всѣ видѣли, какъ Екатерина, въ глубокомъ траурѣ, съ опущенными глазами, приходила ко гробу своей нареченной тетки и, ставъ на колѣни, долго и глубоко молилась. Приходилъ иногда ко гробу тетки и ея возлюбленный племянникъ, Петръ III, но здѣсь онъ разговаривалъ съ приближенными, шутилъ съ фрейлинами, передразнивалъ священниковъ, дѣлалъ замѣчаніе почетному караулу. Онъ въ самое еще то время, когда скончавшаяся императрица лежала во дворцѣ во гробѣ и не погребена была, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими въ пиршествѣ и питьѣ. Въ Духовъ день, когда въ церкви всѣ опустились на колѣни, Петръ III съ громкимъ смѣхомъ вышелъ изъ церкви и возвратился лишь по окончаніи колѣнопреклоненной молитвы. Вскорѣ Петръ III пошелъ еще далѣе: онъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣ образа, кромѣ Спасителя и Богоматери, были вынесены изъ церквей, чтобы священники обрили свои бороды и поповскія рясы замѣнили пасторскими сюртуками; онъ хотѣлъ даже устроить во дворцѣ протестантскую молельню. Православное духовенство сильно протестовало противъ этого презрѣнія къ религіи, а народъ становился очевиднымъ контрастомъ между Петромъ III и Екатериной Алексѣевной, соблюдавшей всѣ обряды греческой церкви, посты и праздники. Его указъ о монастырскихъ имѣніяхъ и церковныхъ имуществахъ привелъ къ печальному сопротивленію со стороны духовенства чрезъ посредство народа. Эти черты характера и мѣры, направленныя противъ православной церкви Петра III въ связи съ восхваленіемъ благочестія Екатерины II отмѣчены въ грузинской запискѣ. Авторъ ея, какъ духовное лицо, заинтересованъ нравственно-религіозной ихъ характеристикой и не обратилъ вниманія на неудовольствія, возбужденныя въ войскѣ нововведеніями Петра III въ прусскомъ духѣ [1]). Многіе современники были убѣждены въ томъ, что Петръ хотѣлъ развестись съ женою, и жениться на Воронцовой и лишить всѣхъ правъ Павла Петровича. Съ этою цѣлью былъ ужъ составленъ манифестъ и лишь наканунѣ его обнародованія и ареста Екатерины и ея сына начался переворотъ. Въ грузинской запискѣ передаются эти намѣренія Петра III въ болѣе гиперболическихъ краскахъ. О томъ, что сдѣлали Орловы для Екатерины, видно изъ ея словъ: «Я имъ многимъ обязана, что подтвердитъ весь Петербургъ» [2]).

Сообщилъ членъ-соревнователь **А. Хахановъ.**

---

[1]) *Бильбасовъ.* Исторія Екатерины II. Томъ I, стр. 421—437. Спб. 1890.

[2]) *Брикнеръ.* Исторія Екатерины II. Спб. 1885, стр. 118.

дворяномъ и детямъ боярскимъ, всѣмъ по спискомъ, да онъ же былъ посыланъ от тайныхъ дель по імянному блаженныя памяти великого государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя і бѣлыя Росиі самодержца указу для сыску во многия городы и данъ ему наказъ за тремя красны печатми, да к нему жъ прислана блаженныя памяти великого государя грамота во 163-мъ году, а в наказе и в грамоте в совершеньи написано: наказъ и грамота писаны в царьскихъ полатахъ. Да к нему ж прислана во 187-мъ году блаженныя памяти великого государя царя і великого князя Θеодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца грамота, велено ему из Севска итить с полками своими в Киевъ для оберегательства от Турского салтана и от Крымского хана и по тому великого государя указу онъ, генералъ думной Агей Алексѣевичь с полками своими стоялъ под Киевомъ на Печерской горе особѣ, да ему жъ даны иныя многия наказы, за службы и за раны жалованныя грамоты, и тѣ наказы и грамоты и ныне у нево. Да онъ же былъ з бояры и воеводы с полками своими во многихъ мѣстехъ, а с которыми бояры і воеводы на службахъ и где былъ, и то написано в жалованной грамоте имянно, что ему дана во 191-мъ году. У Алексѣя жъ 2 й сынъ Іванъ, былъ у рейтаръ полковникомъ, отъ ранъ умре, бездетенъ, 3-й Сава былъ во 172-мъ году в Темникове воеводою и тот наказъ і ныне у нево. У Богдана дети: 1-й Карнила, 2-й Михайла. У Василья сынъ Володимеръ, у Микиты дети: Іванъ. У Михайла Θедорова сына дети: 1-й Степанъ умре бездетенъ, 2-й Павелъ умре бездетенъ, 3-й Аθонасей умре бездетенъ. У Михайлова сына Івановича у Степана дети: 1-й Аθонасей умре бездетенъ, 2-й Андрѣянъ умре бездетенъ. У Семена дети: 1-й Тихонъ умре бездетенъ, 2-й Гурей умре бездетенъ, 3-й Яковъ умре бездетенъ. У Тимоθѣя сынъ Левъ умре бездетенъ. У Микиты дети: 1-й Дмитрей, 2-й Григорей, 3 й Аθонасей, 4-й Степанъ. У Григорья сынъ Кирила. У Петра дети: 1-й Андрѣй, 2-й Іванъ. У Андрѣя дети: 1-й Михайла, 2-й Θедоръ, 3-й Дмитрей. У Івана сынъ Микита. У Прохора дети: 1-й Самойла, 2-й Григорей. У Самойла дети: 1-й Василей, 2-й Стеθанъ. У Івана сынъ Андрѣй. У Андрѣя сынъ Веденихтъ. У генерала думного Агея Алексѣевича сынъ Илья, у Ильи дети: 1-й Георгиі, 2-й Іванъ. У Савы сынъ Дмитрей. У Михайла дети: 1-й Степанъ, 2-й Александръ. У Володимера дети: 1-й Матвей умре бездетенъ, 2-й Никонъ умре бездетенъ У Івана дети: 1-й Іванъ умре бездетенъ, 2 й Кондратей, 3-й Сава умре бездетенъ. У Кондратья сынъ Петръ А опричь сей росписи, Шепелевыхъ нашихъ никово иныхъ нѣтъ. А которые были великихъ государей і великихъ

Василья дети: 1-й Захарей, 2-й Яковъ умре бездетенъ. У Івана дети: 1-й Воінъ, 2-й Михайла, прозвища Поленинъ, 3-й Өедоръ, прозвища Боланда, 4-й Андрѣй. Поленинъ и Андрѣй побиты на службахъ, бездетны. Воінъ былъ при царе і великомъ князе Михаиле Өедоровиче всеа Русиі во Мценску воеводою. Воіну жъ, Поленину и Андрѣю и Боланде за Московское осадное сиденья даны жалованныя грамоты и по темъ грамотамъ написаны за Воіномъ вотчины в Козельския писцовыя книги. У Василья дѣти: 1-й Лыка, молитвенная имя Григорей, 2-й Өедоръ умре бездетенъ. Лыка былъ под Почепомъ полковымъ воеводою, да ему жъ даны были жалованныя грамоты и по темъ грамотамъ написаны за сыномъево за Андрѣемъ вотчины в Козельския писцовыя книги. У Бориса сынъ Романъ, у Павла дети: 1-й Аөонасей, 2-й Никита. У Петра дети: 1-й Григорей, 2-й Констентинъ. У Неөедея сынъ Василей умре бездетенъ. У Павла дети: 1-й Сергей, 2-й Герасимъ, 3-й Тимоөей. Сергей да Герасимъ взяты в Крымъ. У Өедора сынъ Юрья умре бездетенъ. У Андрѣя сынъ Василей, убитъ под Ригою, бездетенъ. У Захарья сынъ Іванъ. У Івана Дмитреева сына дети: 1-й Өедоръ, 2-й Михайла, 3-й Іванъ. У Івана дѣти: 1-й Артемей, 2-й Өедоръ. У Боланды сынъ Тихонъ умре бездетенъ. У Лыки сынъ Андрѣй умре бездетенъ. У Романа дети: 1-й Іванъ, 2-й Исай. У Аөонасья дети: 1-й Михайла, 2-й Өедоръ, взятъ в полонъ в Польшу, былъ бездетенъ. У Микиты дети: 1-й Семенъ, 2-й Өедоръ, 3-й Захарей умре бездетенъ. У Григорья дети: 1-й Алексѣй. Алексѣю дана жалованная грамота за Московское осадное сиденья во 128-мъ году и та ныне грамота у сына ево, у генерала думного Агея Алексѣевича; 2-й Богданъ, 3-й Семенъ, убитъ под Торопцомъ, бездетенъ. У Констентина сынъ Василей, у Івана дети: 1-й Микита, 2-й Иванъ умре бездетенъ. У Өедора сынъ Михайла. У Михайла Іванова сына дети: 1-й Степанъ, 2-й Семенъ, 3-й Григорей умре бездетенъ. У Ивана сынъ Тимоөей [1]), былъ у Московскихъ стрельцовъ головою при царе і великомъ князе Михаиле Өеодоровиче всеа Русиі. У Артемья сынъ Микита, у Өедора сынъ Григорей, у Івана сынъ Микита, у Михайла сынъ Петръ, убитъ на большомъ бою под Конотопомъ. У Семена сынъ Прохоръ, убитъ под Конотопомъ же. У Өедора сынъ Іванъ, убитъ под Конотопомъ же. У Алексѣя дети: 1-й генералъ думной Агей Алексѣевичъ. Агей Алексѣевичъ былъ во 179-мъ году при царе і великомъ князе Алексѣе Михайловиче всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержце в Свияску воеводою, а с нимъ велено быть Свияженомъ

[1]) У Івана сынъ Іванъ же, у Івана сынъ Тимоөей, прозвища Закурдай.

овов, обоихъ насъ по посылке отъ мирскихъ людей сотниками для ору оброчныхъ денегъ, во первыхъ з деревни Малой Курзи подлеащие оброчные деньги взяли, і имъ в отданной от миру земле межи казавъ и писмо написавъ дали. А имъ отданной земле первая межа чка Малой Курзи вершина от тележной дороги, нижнея межа Малой урзи по обѣ стороны до самого устья, еще к стороне рѣчки большей урзе промежду дву Курзей по склону степи по теченью речькѣ маый Курзе по той стороне с Шукуровои межей и от Курзинского тья к речкѣ Аке для ловления рыбы, для хмелеваго щипанья и для гишной ловли гусей и утокъ и в межахъ горносталей, бѣлокъ и зайвъ ловить. В силе мирского приговора Тимирбай Кызылбаевъ тамгу ою приложилъ |—(и Кусекей Москововъ по мирскому приговору риложилъ ╳. Жительствующимъ в малой Курзе ис Кутурского уезду ремисамъ Кунакбаю Акмакову с товарищи для домоваго жительства. ления дворами писмо дали, чтобъ в тѣхъ межахъ имъ во отданной мле другимъ людемъ насильства не чинить и что на той земле жильствующие оброчники; в томъ по повелению Тимиръ бая Кызылаева, Кусекея Московова Шигиринской волости мулла Мавлюкей Коаевъ писаль и руку приложилъ до присудственнаго места.

№ 3.

1760 года июля 10 дня Уѳимского уезду, Сибирской дороги, Куинской волости, команды старшины Магазя Сабаханкулова башкирцы Кызылъяровой дали мы свою землю того-жъ уезду и дороги команды аршины Каикся Яшпахтина ясашнымъ черемисамъ: Тоигильде Исавву да перешедшему ис Кунгурского уезду и написанному въ Уѳимомъ уезде Ивану Бѣлектееву с товарыщи для поселения на речке ке, по той речке по межамъ от устья большей Курзи до устья Кургата, степной межи от вершины Кургата, от дороги тележной итыти до арого болшаго брода на низъ отдан имъ, а по другую сторону речки ки пресла рубить и в техъ межахъ пашня пахать и сена косить, ель щипать, на санаръ ездить, рыбу ловить, дрова рубить; и в тех жахъ имъ, черемисамъ и намъ, асабамъ [1]), на деготь бѣрезника не отвать, и за тое землю с насъ, Тоигильды взять на каждой годъ оброку годъ по семи рублевъ безо всякие отговорки. В томъ своеручно мгу свою приложилъ. А они припущеники чтобъ в бобровые и выдры вли не вступали, и в томъ и мы, асабы, тамги свои приложили.

Сообщилъ **Ю. В. Арсеньевъ.**

[1]) *асаба*—по башкирски, вотчинникъ.

князей жалованные грамоты на выездъ у прародителей нашихъ и у дѣдовъ нашихъ наказы, и тѣ жалованные грамоты и наказы въ Московское разоренья на Москвѣ и в городѣхъ утерялись і в пожары погорѣли.

На оборотѣ (по склейкамъ и внизу скрѣпа:) Генералъ думной
Агей Шепелевъ руку приложилъ.
Никита Нестеровъ руку приложилъ.
Сава Шепелевъ руку приложилъ.
Андреі Шепелевъ руку приложилъ.
Аѳонасей Шепелевъ руку приложилъ.
Іванъ Шепелевъ руку приложилъ.
Григорей Шепелевъ руку приложилъ.

Подлинникъ писанъ на столбцѣ.

4. —Земельные акты Уфимскихъ башкиръ-вотчинниковъ.

№ 1.

Лѣта 7202 года марта въ 7-й день, по указу великихъ государей, царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великие и малые и белые Росіи самодержцевъ и по выписке за пометою ближнего столника и воеводы Дмитрея Никитича Головина написанъ въ окладной ясакъ противъ челобитья Уфимскаго уезду, Казанские дороги, Гарейские волости башкирца Токпердычка Баигышева деревни Аткулъ безъясашной татаринъ Бекметка Тоибахтинъ и платить ему тотъ окладной ясакъ с нимъ, Токпердычкомъ вместе ево Токпердычково повытье по две куницы, да по полубатману меду на годъ, а в бобыльской ясакъ писать ево не велено; и по сей памяти ясашнымъ зборщикомъ и іпымъ посыльщикомъ татарина Бекметка Тоибахтина в бобыльской ясакъ не писать и в томъ к нему не приметыватца и не убытчить, а имать с него в окладной ясакъ по ясашнымъ книгамъ. К сей памяти великихъ государей, царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа вел. и мал. и бѣл. Росіи самодержцевъ печать Уфимскаго города ближней стольникъ и воевода Дмитрей Никитичъ Головинъ приложилъ.

Подлинную память правилъ Сенка Холщевниковъ.

№ 2.

Переводъ съ татарскихъ писемъ въ конхъ написано:

1755 го года Уфимскаго уезду, Сибирской дороги деревни Кызылбаевой Тимиръ бай Кызылбаевъ, деревни Аки мещерякъ Кусекей Мо-

Во второй книгѣ Чтеній за 1898 г. на стр. 105 этотъ списокъ напечатанъ г. Юшковымъ по копіи конца XVII в. Мы печатаемъ этотъ документъ по прекрасно сохранившемуся столбцу XVI в., представляющему собою, вѣроятно, подлинникъ и найденному нами при разборѣ одного частнаго собранія актовъ среди бумагъ рода Кобяковыхъ. Въ печатаемомъ нами текстѣ возстановлено 72 слова пропущенныхъ и дефектныхъ въ текстѣ, напечатанномъ г. Юшковымъ по копіи конца XVII в.; благодаря этому становятся совершенно ясными тѣ мѣста этой важной грамоты, которыя непонятны въ текстѣ, напечатанномъ г. Юшковымъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ сличеній.

Текстъ, напечатанный г. Юшковымъ.	Печатаемый нами текстъ.
1) въѣз.... при его сидѣньи	1) въѣзжего возмет одинова при его сидѣни
2) да съ Сольци волости... на три праздники на Рожество Христово, на Великъ день на П[етровъ день]... четверта рубля	2) да с Солци волостел емлет в год на три празники на Рожество Христово, на Велик день и на Петровъ день по получетверта рубля
3) емлетъ въ годъ.... по ошитку соли	3) емлет в год со всякого з греба по ошитку соли
4) за варницу [емлетъ] въ годъ полтину	4) за варницу за починиване емлет в год полтину
5) волостель же емлетъ за выводную...	5) волостел же емлет за выводную куницу гривну
6) з др[овъ] ...ти возовъ денгу	6) з дрововозов с пяти возов денгу
7) ....пошлины емлетъ съ посада полчетверта алтына	7) да дворетцкого ж пошлины емлет с посада полчетверта алтына
8) в... ...дная денга	8) волостелю ж поводная денга
9) съ княжъ Ивановскихъ ...бского въ сельцѣ на посадѣ волостель емлетъ корму... гривны	9) с княж Івановских дворов Стародубского в Солцѣ на посадѣ волостел емлет корму в годъ пять рублев и двѣ гривны
10) а дов[отчикъ]...	10) а доводчику его имати
11) приво...	11) при волостелине сидени
12) довотчикъ ...ники	12) доводчику корму на три празники
13) довот ..	13) доводчикъ же его емлет

14) довотчикъ емлетъ	14) да с посада ж и з дрвнь доводчикъ емлет
15) по полтинѣ	15) полполтины
16) въ Солцѣ...	16) в Солцѣ держати пятно
17) хто въ Солцѣ купитъ лошадь или продастъ ино явять	17) хто в Солце купит лошад или продасть или менит и они явятъ
18) лѣта... 3 день.	18) лѣта ҂зл шестого маiа г.

Печатаемый нами текстъ вмѣстѣ съ другими документами, входящими въ цѣнный сборникъ г. Юшкова и напечатанными ранѣе въ другихъ сборникахъ, доказываетъ полную достовѣрность копiй, представленныхъ въ XVII в. въ Палату Родословныхъ Дѣлъ и напечатанныхъ г. Юшковымъ.

Сообщилъ **Виталiй Эйнгорнъ.**

Въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Университетѣ продаются слѣдующія книги:

1. Труды и Лѣтописи Общества, 2—8 частя. М. 1815—1837 г. Ц. по 50 к. за книгу.

2. Русскія достопамятности. Часть 1-я, 1815 г., ц. 50 к., Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р.

3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р.

4. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кеппена, переводъ съ нѣмец. Среднаго-Камашева. М. 1828 г., ц. 50 к.

5. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р.

6. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Ц. по 1 р. за томъ.

7. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. Т. I, кн. 1 (1-е и 2-ое изд.) и кн. 3; т. II, книги 1—3. Ц. 6 р., перес. за 10 фун.

8. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Т. II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к.

9. Повѣствованіе о Россіи Н. Арцыбашева. М. 3-й т. Ц. 3 р. Начало IV-го (кн. 7, стр. 1—308; кн. 8, стр. 1—16). Ц. 2 р.

10. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к.

11. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Θеодоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп.

12. Книга Большой чертежъ, изд. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.

13. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельмана. Съ 19 рисунками. М. 1846 г., ц. 3 р.

14. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣевскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г., ц. 50 коп.

15. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суровецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп.

16. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ Н. Кулиша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р.

17. Реймское евангеліе, изд. В. Ганкою. 1846 г. Ц. 3 р.

18. О бунтѣ г. Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Янковскаго. М. 1847 г., ц. 10 к.

19. Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго и войнѣ съ татарами, шведами и уграми въ царствованіе Владислава и Казимира, въ продолженіе 12 лѣтъ, начиная съ 1617 г. Переводъ съ польскаго. М. 1847 г., ц. 50 к.

20. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

21. Описаніе о малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп.

22. Критическое разложеніе всѣхъ именъ Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, гуннскихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминаетъ Прискъ въ своихъ путевыхъ запискахъ. Юрія Венелина., ц. 50 к.

23. Краткое описаніе о казацкомъ Малороссійск. народѣ и о военныхъ его дѣлахъ.

Соч. Петра Симоновскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к.

24. Переписка и другія бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филиппа Орлика и кіевскаго воеводы Іосифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

25. Древнія святыни Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

26. Описаніе города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 к.

27. Паралипоменъ Зонарынъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

28. Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. І. Шаумъ М. 1847 г., ц. 50 коп.

29. Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулишъ. Книжка первая. М. 1847 г., ц. 50 коп.

30. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 50 к.

31. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 25 коп.

32. Малороссійская переписка, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ. М. 1848 г., ц. 10 к.

33. Граматично исказанѣ об Руском єзику. Сочин. попа-Юрка Крижанища. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 1 р. 25 к.

34. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к.

35. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника. (Буквы А—П; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 р.

36. Очеркъ жизни и дѣяній гр. Ал. Вас. Суворова-Рымникскаго. Изд. П. В. Голубкова. М. 1848 г., ц. 20 к.

37. Алексѣй Однорогъ. Истор. романъ. Спб. 1853 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

38. Источники малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1848 г. Ч. II. М. 1859 г., ц. по 2 р. за томъ; за оба 3 руб.

39. Memorial poétique sur la guerre d'Orient, ecrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui même. Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 р.

40. О времени происхожденія славян. письменъ. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г. (безъ снимковъ) ц. 2 р.

41. Исторія славян. законодательствъ. Соч. Вячеслава-Александра Мацѣевскаго, изд. 2-е. т. I, (стр. I—IV + 1—90). Переводъ съ польскаго. М. 1858 г., ц. 1 руб.

42. Діаріушъ или журналъ, т.-е. повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго оказій и церемоній, также и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ. Хорунжаго Ник. Дан. Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 коп.

43. Лѣтопись и описаніе г. Кіева. Сост. Н. Закревскій. Съ 4 литогр. рисунками. М. 1858 г., ц. 2 р.

44. Наставленіе выборному отъ Малороссійс. коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Дм. Натальину и возраженіе депутата Гр. Политики на сіе наставленіе. М. 1858 г., ц. 20 к.

45. Записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ секретныхъ свѣдѣній Сенатскаго архива). Мнѣніе Мордвинова о способахъ, коими Россія удобнѣе можно привязать къ себѣ постепенно кавказскихъ жителей. Письмо его же къ графу Аракчееву по дѣлу о контрактахъ на поставку сухопутнаго провіанта Перетцомъ и Злобинымъ. Мнѣніе адмирала Чичагова о продовольствіи столицы. Выписка изъ проекта Аверина о винномъ откупѣ. М. 1858 г., ц. 20 к.

46. Крестьянскія челобитныя. Письма помѣщиковъ. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Вл. Борисовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

47. Тетрадь, а въ ней имена писцовъ опальныхъ при царѣ и вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Челобитная Вологод. архіеп. Маркелла царю Алексѣю о мирѣ св. Николая чудотворца, хранившемся съ 1656 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Сообщ. И. Суворовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

48. Мнѣніе министра Юстиціи Трощинскаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г., ц. 10 к.

49. Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи графа А. Р. Воронцова, импер. Александру I представленныя. Сообщ. А. Н. Казначеевъ. Объясненія—стрѣлялъ ли? (о расколоучителѣ діаконѣ Ѳеодорѣ) О. М. Бодянскаго. М. 1859 г., ц. 10 к.

50. Мнѣнія генерала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государств. казначействомъ; по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя полотна по Черноморскому флоту; о неудобствахъ могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кои дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ казенное взысканіе; и по дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. М. 1859 г., ц. 15 к.

51. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма, перев. съ нѣмец. А. Шемякина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г., ц. за обѣ части 3 руб.

52. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп.

53. а) Деньги и пулы древней Руси великокняжескія и удѣльныя. Д. Сонцова. М. 1860 г. (стр. I—X+11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ пулъ и денегъ)., ц. 2 р. перес. за 2 ф. и б)—Прибавленіе 2-е (стр. I—IV+5—82+2 таблицы (№ 13 и 14) М. 1862 г., ц. 50 коп. перес. за 1 ф.

54. Переписка между Россіею и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г.—Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г.—Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г., ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп.

55. Замѣчаніе графа Ѳ. В. Ростопчина на книгу г. Стройновскаго. М. 1860 г., ц. 10 коп.

56. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ. М. 1860 г., ц. 10 к.

57. Послѣдній день жизни импер. Екатерины II и первый день царствованія импер. Павла I. Графа Ѳ. Ростопчина. М. 1860 г., ц. 10 коп.

58. Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухаріей, писанныя въ 1730 г. Пьеромъ Куки. М. 1861 г., ц. 10 к.

59. Разсужденіе о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузіи, Имеретіи и Одишіи со всѣми прилежащими народами. М. 1861 г., ц. 10 к.

60. Каталогъ славянороссійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. проф. Баузе. В. Каразина. М. 1862 г., ц. 30 к.

61. Конст. Ѳедор. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р.

62. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп.

63. Матеріалы о Гавріилѣ Романовичѣ Державинѣ. М. 1863 г., ц. 30 к.

64. Путешествія венеціанца Марко Поло въ XIII в. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1863 г., ц. 2 руб.

65. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г., ц. 1 р.

66. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Сообщ. Илар. А. Чистовичемъ. М. 1863 г., ц. 50 коп.

67. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р.

68. Журналъ генералъ-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1863 г., ц. 1 руб.

69. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульскаго, Рязанскаго и Калужскаго генералъ-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышева и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1863 г., цѣна 1 руб.

70. Надписи на письмахъ, въ старину въ русскомъ государствѣ употреблявшіяся. М. 1864 г., ц. 10 к.

71. Доношеніе попечителя Казанскаго округа на издателя „Библіографич. листовъ“ г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г., ц. 10 к.

72. Письма къ государынѣ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Мавры Шепелевой. М. 1864 г., ц. 10 к.

73. Жизнеописанія древнихъ и средневѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. Н. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3. руб.

74. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. 1 руб.

75. Описаніе славянскихъ рукописей московской Патріаршей библіотеки. Раздѣлы I—III. Свящ. Писаніе, толкованія его и

каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г. Ц. 50 к.

76. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи, пословъ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г., ц. 2 р.

77. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыркевича. М. 1874 г., ц. 2 р.

78. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію І. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб.

79. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. О. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп.

80. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 руб.

81. Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ составленные 1649 г. октября 16-го дня, и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп.

82. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лечился отъ ранъ весною 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 30 к.

83. О посольствѣ въ Китай графа Головкина. В. Н. Баснина. М. 1876 г., ц. 50 коп.

84. Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна, посла импер. Максимиліана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурлина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1876 г. [illegible]

85. [illegible]

86. [illegible]

87. [illegible]

переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

88. Книга записная именнымъ письмамъ и указамъ императр. Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны Сем. Андреевичу Салтыкову, 1732—1742 г. Съ предисл. А. Кудрявцева. М. 1878 г., ц. 50 к.

89. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, екзархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г., ц. 3 р.

90. Житіе препод. отца нашего Феодосія игум. печерскаго. Списаніе Нестора. По харатейн. списку московск. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп.

91. Куранты или вѣстовыя письма 1660 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

92. Челобитье лѣкаря Роланта [illegible] Б. И. Морозову. Царскіе указы [illegible] о писаніи имени Трахаліотовъ [illegible]. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

93. Послѣдніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Послѣдніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій епис. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

94. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій Юрьевскаго архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской библіотекѣ. М. Лилеева. М. 1880 г., ц. [illegible]

95. Записка объ Архангельскомъ [illegible] собор. Записка объ [illegible] Крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій еп. Архангельскій. М. 1880 г., ц. [illegible]

96. Матеріалы для исторіи [illegible] епархіи. [illegible]

97. [illegible]

98. [illegible]

99. Посланія священно-архим. Фотія къ духовной дщери его дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г. ц. 50 коп.

100. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп.

101. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г., ц. 4 руб. съ перес.

102. Изъ бумагъ митрополита московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп.

103. Домострой по списку Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп.

104. Копія съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц 25 коп.

105. Святославовъ Изборникъ 1073 г. съ греческимъ и латинскимъ текстомъ. 1-й выпускъ. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова и А. Л. Дювернуа. (I—XXV+1—22+1—184). М. 1882 г., ц. 3 руб.

106. Великое Зерцало. (Изъ исторіи русской переводной литературы XVII в.). Изслѣдованіе П. В. Владимирова. М. 1884 г., ц. 1 р. (20).

107. Мнимый «туранизмъ» русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ ихъ въ Россіи. П. А. Безсонова. М. 1885 г., ц. 50 к. (9).

108. Біографическіе очерки сенаторовъ. (По матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ). П. Н. Семенова. М. 1886 г., ц. 1 р. 50 к. (20).

109. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. И. Голышева. М. 1886 г., ц. 30 коп. (9).

110. а) Лѣтопись византійца Ѳеофана. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV+1—48). Ц. 30 коп. б) Тоже, въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ѳ. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—270). Ц. 2 руб.

*111 Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв., собранные В. А. Уляницкимъ. М. 1887 г., ц. 1 р. (4).

*112. Второе хожденіе Трифона Коробейникова. Съ предисловіемъ С. О. Долгова. М. 1887 г., ц. 30 к. (4).

*113. О селахъ Рождественѣ, что на рѣкѣ Истрѣ, Пятницкомъ-Берендѣевѣ и Мушкинѣ, состоящихъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія. Я. Копьева. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

*114. Дѣло о богопротивныхъ сборищахъ и дѣйствіяхъ. И. А. Чистовичъ. М. 1887 г., ц. 40 к. (8).

*115. Хроника бѣлорусскаго города Могилева, собранная Ал. Трубницкимъ и продолженная Михаиломъ Трубницкимъ. Переводъ съ польскаго Ник. Гортынскаго. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

116. Преосвященный Іеремія въ схимонашествѣ Іоаннъ, епископъ Нижегородскій и Арзамасскій † 6 декабря 1884 г. А. А. Титова. М. 1887 г., ц. 50 к. (5).

117. Новыя данныя о Земскомъ соборѣ 1648—1649 гг. А. И. Зерцалова. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

118. Село Клементьево нынѣ часть Сергіевскаго посада, составляющая одинъ изъ ея приходовъ. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

119. Лѣтописи Волоколамскаго Іосифова монастыря. Матеріалы изъ дѣлъ архива московской духовной консисторіи 1746—1852 г., собранные свящ. П. Виноградовымъ. М. 1888 г., ц. 60 к. (5).

120. Изъ Сибирскихъ актовъ: о Демьянѣ Многогрѣшномъ и дикихъ людяхъ чюлюгдеяхъ. Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбіевскій. М. 1888 г., ц. 20 коп.

121. Матеріалы для Русской исторіи, собр. С. А. Бѣлокуровымъ. М. 1888 г., ц. 3 руб.

122. Лѣтопись церкви св. великомученика и побѣдоносца Георгія, что на Красной горкѣ, въ Никитскомъ сорокѣ, столичнаго города Москвы. Я. Копьева. М. 1888 г., ц. 50 к. (10).

123. Реляціи временно-главнокомандовавшаго русскою арміею генералъ-поручика Фролова-Багрѣева 1759 г. Д. Ѳ. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (14).

124. Новыя данныя о Владимірѣ Атласовѣ. Н. Н. Оглоблинъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (17).

125. Дѣло М. Верещагина въ Сенатѣ въ 1812—1816 годахъ. Н. А. Поповъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (12).

126. Слѣдственная коммиссія о злоупотребленіяхъ пензенскаго воеводы Жукова (1752—1756 г.). Н. Н. Неселовъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (12).

127. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). П. А. Кулиша, М. 1888—1889 гг. 1—3 тома., ц. 4 рубля съ пересылкой. (1 и 3—10, 2-й—9).

128. Атака Гданска фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ 1734 г. Сборникъ ре-

[illegible] графа Миниха. Д. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 1 р. 50 к. (9).

129. Историко-юридическія изслѣдованія о новгородскихъ [illegible] и о русской исторіи В. И. [illegible]. Іосифа Селигова. М. 1888 г., ц. 2 р. (9).

130. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. В. и Г. Холмогоровыхъ. Вып. 6-й Вохонская десятина. Вып. 7-й Перемышльская и Хотунская десятина. — Вып. 8-й [illegible] десятина. М. 1886—1889 гг., ц. по 1 р. за выпускъ. (13).

131. Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII вѣкѣ. Историческій очеркъ монастырскаго хозяйства, суда и управленія въ связи съ положеніемъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ въ XVII столѣтіи. А. Н. Добротворскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (15).

132. Грамота Константинопольскаго патріарха Іоанникія къ царю Алексѣю Михайловичу отъ 1 марта 1652 года г. П. В. Безобразовъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (9).

133. Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718). Н. [illegible]. Токаревъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (13).

134. Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 г. А. А. Востоковъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (11).

135. Грамота [illegible] новгородскаго къ ревельскому магистрату въ царствованіе Ивана Грознаго. А. Чумиковъ.— Къ исторіи Московскаго университета. Нилъ Поповъ., М. 1888., ц. 20 к. (26).

136. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Д. О. Масловскаго. Вып. I-й: Проектъ плана кампаніи 1708 года Крюйса. Оригиналъ ордера де-баталіи подъ Лѣсной съ собственноручною резолюціею Петра Великаго. Къ исторіи флота временъ Петра I. Организація и дѣйствіе въ бою артиллеріи временъ Елизаветы. М. 1888. Ц. 40 к. (11). Вып. 2-й: Обезпеченіе южныхъ границъ въ 1736 г. Планъ кампаніи и довольствія войскъ въ 1738 г. Документы Ставучанской операціи Миниха. Сборникъ документовъ похода вспомогательнаго корпуса русскихъ войскъ въ войну за Австрійское наслѣдство 1748 г. М. 1890 г., ц. 1 р. (8). Вып. 3-й: Уставъ о строевой пѣхотной службѣ фельдмаршала Миниха. Документы Финляндской войны 1743 г. М. 1892 г., ц. 1 р. (6).

137. Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. 1. 1578—1613 гг. Матеріалы, извлеченные изъ Московскаго Гл. Архива М. И. Дѣлъ С. А. Бѣлокуровымъ. М. 1889 г., ц. 3 р.

138. [illegible] XVIII в. [illegible] 1889 г. [illegible] (15).

139. [illegible] М. 1889 г., ц. 20 к. (15).

140. [illegible] М. 1889. Ц. 30 к. (38).

141. Сношенія Россіи съ Средней Азіей и Индіей въ XVI—XVII вв. По документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. М. 1889 г., ц. 30 к. (5).

142. [illegible] изъ исторіи [illegible] VII. [illegible] и сборникъ св. Димитрія Ростовскаго. М. А. Веневитиновъ. М. 1890 г., ц. 30 к. (14).

143. Два памятника древне-русской [illegible] письменности XI и XII вѣк.: 1) слово о перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія Печерскаго, соч. монаха Нестора, и 2) посланіе преп. Ѳеодосія печерскому [illegible] (архим. Серапіонъ). Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1890. Ц. 30 к. (16).

144. [illegible] Н. И. Оглоблина. М. 1890. Ц. 10 к. (39).

145. Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вв. Памятники [illegible] по сохранившимся спискамъ XI—XVII вв. Архим. Леонидъ. М. 1890 г., ц. 20 к. (29).

146. Переписныя книги Костромского Ипатіевскаго монастыря 1595 г. М. И. Соколовъ. М. 1890. Ц. 30 к. (14).

147. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историко-критическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Генн. Карповъ. М. 1890 г., ц. 50 к. (2).

148. Древнѣйшіе предѣлы [illegible] грузинъ по малой Азіи. А. С. Хахановъ. М. 1890 г., ц. 30 к. (8).

*149. Новгородская исторія. Сочиненіе И. И. Сумарокова, бывшаго Новгородскаго губернатора (1815 г.), въ двухъ частяхъ, съ двумя планами. Сообщилъ архим. Леонидъ. М. 1890 г., ц. 2 р. (8).

150. Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ. Ч. I. Біографія Михаила Пселла. Изслѣдованіе П. В. Безобразова. М. 1890 г., ц. 1 р. (9).

151. Регламентъ Вотчинной коллегіи. Сообщилъ и обработалъ для изданія Н. Ардашевъ. М. 1890 г., ц. 1 р. (12).

152. О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ, 1648, 1662 г

1771 гг. А. Н. Зерцалова. М. 1890 г., ц. 1 р. 50 к. (5).

153. Елецкая «явочная книга» 1615—16 гг. Н. Н. Оглоблина. М. 1890 г., ц. 20 к. (12).

154. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Историческое изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. М. 1890 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (10).

155. О мнимой библіографической рѣдкости XVII в. («Служебникъ, изд. въ Москвѣ въ 1650 г.»). С. А. Бѣлокурова. М. 1891 г., ц. 50 к.

156. Рукописи Сербскаго письма XIII—XVIII вѣка, находящіяся въ библіотекахъ Московской губерніи. Архим. Леонидъ. М. 1891. Ц. 10 к. (37).

157. Іерусалимскій патріархъ Досиѳей въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ (1669—1707 гг.).—Н. Ѳ. Каптерева. М. 1891 г., ц. 1 р. (40).

158. Начало Русскаго государства. Три чтенія д-ра Вильгельма Томсена, профессора сравнительнаго языковѣдѣнія при Копенгагенскомъ университетѣ. Съ просмотрѣнной авторомъ нѣмецкой переработки д-ра Л. Борнемэнна. Переводъ Н. Аммона. М. 1891 г., ц. 1 р. (11).

159. Двѣ «скаски» Вл. Атласова объ открытіи Камчатки. Н. Оглоблинъ. М. 1891 г., ц. 20 к. (23).

160. Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. М. 1891 г. (безъ фототипій). Ц. 1 р. (10).

161. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Св. Землю русскаго игумена Даніила въ началѣ XII вѣка. Н. В. Рузскаго. М. 1891 г., ц. 50 к. (10).

162. Матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи, собранные К. П. Побѣдоносцевымъ. М. 1891 г., ц. 2 р. (8).

163. Самосожженіе въ русскомъ расколѣ (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ Д. И. Сапожникова. М. 1891 г., ц. 1 р. (19).

164. Описаніе рукописей Тверскаго музея. Трудъ М. Н. Сперанскаго. М. 1891 г., ц. 1 р. 50 к. (13).

165. Русскія рукописи Стокгольмскаго государственнаго архива. К. Якубовъ. М. 1891 г., ц. 30 к. (9).

166. Glagolitica Würdigung neuentdeckter Fragmente von Dr. V. Jagic. Mit. zehn Tafeln. Отдѣльный оттискъ изъ denkschriften der Kaiserlichen Akademie Der Wissenschaften in Wien. Philosodhisch-historische Klasse. Band. XXXVIII. В. Щепкинъ. М. 1891 г., ц. 15 к. (3).

167. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. А. Чумикова. М. 1891 г., ц. 30 к. (17).

168. Собраніе сочиненій Юрія Крижанича:

Вып. I-й: а) 1654 г. I. Pûtno opîsanie ot Lewówa do Móskwi. II. Besída ko Circásom, wo osobi Czircása upisana. III. Usmotrenie o Carskom Weliczestwu. (Съ одной фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина, и б) 1661 г. Објасньенје виводно о писмѣ Слоиѣнскомъ (съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ В. И. Колосова.—М. 1891 г., ц. 50 к.

Вып. II-й. 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. Н. Соколова. М. 1891 г., ц. 75 к.

Вып. III-й: а) Об светом Брещењю. (Съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ А. В. Башкирова, и б) Обличеjен на Соловечкую Челобитну. (Съ 1 фототипіею). М. 1893 г., ц. 1 р. 25 к.

169. Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря. Н. А. Поповъ. М. 1892 г., ц. 30 к. (24).

170. Матеріалы для истор. Общества Письма О. М. Бодянскаго къ И. А. Чистовичу (1862—1877 гг.). И. А. Чистовичъ. М. 1892 г., ц. 20 к. (26)

171. Память о. архимандрита Леонида намѣстника св. Троице-Сергіевой лавры († 22 октября 1891 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (27).

172. Памятники преній о вѣрѣ возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александромъ Голубцовымъ. М. 1892 г., ц. 2 р. 25 коп. съ перес. (9

173. Тульскій уѣздъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Е Щепкиной. М. 1892 г. (съ картой), ц. 2 р. (13).

174. Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Части 3—7. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1892 г., ц. 1 р. 50 к. (14).

175. Реляціи кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона (1732—1733 гг.). Т. I. Съ введеніемъ и примѣчаніями В. Н. Александренко. М. 1892 г., ц. 1 р. (12)

176. Московская Тихвинская, что въ малыхъ Лужникахъ, за Новодѣвичьимъ монастыремъ, церковь. Историческое описаніе, составленное священникомъ Н. А. Скворцовымъ. М. 1892 г., ц. 1 р. (11)

177. Артемій игуменъ Троицкій. Изслѣдованіе священника Сергія Садковскаго. М. 1892 г., ц 50 к. (11).

178. Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи. А. С. Хаханова. М. 1892 г., ц. 30 к. (28).

179. Общій архивъ министерства Императорскаго Двора. II. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ. (Описи домовъ и движимаго имущества кн. Потемкина-Таврическаго, купленныхъ у наслѣдниковъ его императрицею Екатериною II). М. 1892 г., ц. 40 к. (14).

180. Памяти Нила Александровича Попова. Н. Шимко и А. Голомбіевскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (23).

181. Къ исторіи вопроса о принятіи схизматиковъ въ православную церковь. М. 1892 г., ц. 1 р. (5).

182. Матеріалы для исторіи гор. Саратова. I. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбіовскій. М. 1892 г., ц. 30 к.

183. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ:

Вып. I-й: Собраніе рукописей митр. Макарія, Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіевобратскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. Н. П. Петрова. М. 1892 г., ц. 2 р.

202. ***Вып. II-й.*** Рукописи Кіевопечерской лавры, кіевскихъ монастырей: Златоверхомихайловскаго, Пустынониколаевскаго, Выдубицкаго, женскаго Флоровскаго и Десятинной церкви. М. 1897 г., ц. 2 р.

184. Слава Россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ гошпиталѣ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1892 г., ц. 60 к. (16).

185. Село Волынское и деревни Давыдково и Молотцы. (По описи 1735 г.). С. Бѣлокуровъ. М. 1892. Ц. 50 к. (15).

186. Попытка Петра I къ распространенію среди русскаго народа научныхъ сельскохозяйственныхъ знаній. М. 1892. Ц. 30 к. (16).

187. Христорождественская церковь въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. Ц. А. М. 1892 г., ц. 50 к. (16).

188. Ивановскій каналъ, начатый Петромъ Великимъ для соединенія Волги съ Дономъ. А. И. Миловидовъ. М. 1892. Ц. 30 к. (15).

189. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Переводъ съ нѣмецкаго М. Салтыковой. Ч. 1-я, 1655—1661 гг. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 к. Ч. II, 1661—1684 г. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 коп.

190. Шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 50 к. (16).

191. О возвращеніи въ 1689 г. въ патріаршее вѣдомство подмосковнаго села Кудцова съ пустошьми. М. 1893 Ц. 30 к. (11).

192. Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 30 к. (18).

193. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ 1326—1690 гг. Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 2 р.

194. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. Изслѣдованіе проф. А. И. Никитскаго. М. 1893 г., ц. 2 р.

195. Грузинскія дворянскія акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Хаханова. М. 1893 г., ц. 30 к. (7).

196. Сказаніе о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ «во избавленіе отъ смертоносныя язвы». М. 1893 г., ц. 20 к. (9).

197. Московскій Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель. Епископа Сергія (Соколова). М. 1893 г., ц. 50 к. (24).

198. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Изслѣдованіе Вас. Васильева. М. 1893 г., ц. 2 р. (16).

199. Письма О. М. Бодянскаго къ отцу. Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (63).

200. Житіе св. Леонтія епископа ростовскаго. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (18).

201. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893 г., ц. 2 р. (9).

202. Междукняжескія отношенія во Владиміро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV в. (Къ вопросу о «двуименныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ. Н. Ушинскаго). М. 1893 г., ц. 30 к. (23).

203. Неканонизованные святые гор. Шуи (Владимірской губерніи). Опытъ агіографическаго изслѣдованія священника Ив. Миловскаго. М. 1893 г., ц. 20 к. (22).

204. Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 г. С. Платонова. М. 1893 г., ц. 20 к. (25).
205. Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдованіе и текстъ. В. Истринъ. М. 1893 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (60).
206. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историческіе очерки Матвѣя Любавскаго. Съ картою литовскорусскаго государства въ концѣ XV и начала XVI в. М. 1893 г., ц. 5 р. (15).
207. Объ отпускѣ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь воеводы города Можайска И. И. Савелова въ 1702 г. О найденномъ въ Можайскѣ денежномъ кладѣ 1702 г. М. 1893 г. Л. М. Савеловъ, ц. 20 к. (4).
208. Къ исторіи московскаго мятежа 1648 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 20 к.
209. Московскій Китай городъ въ XVII вѣкѣ (по описи 1695 г.). А. Н. Зерцаловъ, М. 1893., ц. 30 к. (11).
210. Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г. (Къ исторіи государств. росписей XVII в.) А. Н. Зерцаловъ, М. 1893., ц. 40 к. (20).
211. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. А. А. Голубева. М. 1894 г., ц. 25 к. (28).
212. Св. князь Всеволодъ-Гавріилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Пскова. Е. Лебедева. М. 1894 г., ц. 20 к. (29).
213. Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г., ц. 30 к. (79).
214. Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв. Н. Аммонъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (19).
215. Къ біографіи Владимира Атласова. Н. Оглоблинъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (32).
216. Стихъ о злой травѣ шихъ. Съ предисловіемъ И. А. Голышева. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).
217. Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. I. А. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).
218. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). И. И. Лаппо. М. 1894 г., ц. 1 рубль. (19).
219. Сильвестра Медвѣдева созерцаніе краткое лѣто 7190—92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Прозоровскаго. М. 1894 г., ц. 1 р. 50 к. (158).
220. Къ исторіи сельскохозяйственнаго быта Костромскихъ Ипатьевскаго и Богоявленскаго монастырей. I. Командировка стольника Н. М. Олоимова. М. 1894 г., ц. 50 к. (4).
221. Амфилохій епископъ Угличскій († 20 іюня 1893 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1894 г., ц. 30 к. (22).
222. Сарайская и Крутицкая епархія. Священника Н. А. Соловьева. М. 1894 г., ц. 1 р. (29).
223. Рукописи П. І. Шафарика (нынѣ музея королевства Чешскаго) въ Прагѣ. Описалъ М. Сперанскій. М. 1894 г., ц. 50 к. (33.)
224. Объѣзжіе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. А. Н. Зерцалова. М. 1894. Ц. 40 к. (31).
225. Григоровичевъ паримейникъ въ сличеніи съ другими паримейниками. Издалъ Романъ Брандтъ. В. I., М. 1894., ц. 50 коп. (31). Вып. II, ц. 50 к. (48).
226. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28 октября 1894 г. предсѣдателемъ общества В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г., ц. 15 к.
227. Акты домашняго архива гг. Змеовыхъ. А. Н. Миловидовъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (13).
228. Отчеты о присужденіи обществомъ премія Г. Ѳ. Карпова.
I. Разборъ изслѣдованія В. О. Эйнгорна «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», составленный С. Т. Голубевымъ, М. 1894., ц. 50 к.
II. Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута», составленный С. А. Бершадскимъ. М. 1894 г., ц. 50 к.
III. Разборъ изслѣдованія С. А. Бѣлокурова «О библіотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.», сост. М. И. Соколовымъ. М. 1897 г. Ц. 20 к.
IV. Разборъ соч. М. И. Лилеева «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ», состав. С. Т. Голубевымъ. М. 1898 г. Ц. 20 к.
229. Очерки по исторіи Грузинской словесности. А. С. Хаханова. Вып. 1. М. 1895., ц. 2 рубля. (204). Вып. 2. М. 1897 г., ц. 2 р. 40 к. (4).

230. Рѣчи, произнесенныя Іоанникіемъ Галятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. В. Эйнгорнъ. М. 1895 г., ц. 20 к. (39).

231. Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в. Г. Писаревскій. М. 1895 г., ц. 20 к. (13).

232. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ. А. П. Барсуковъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (296).

233. Памфлетъ Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. И. Соколова. М. 1895 г., ц. 20 к. (10).

234. О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 20 к.

235. Опись книгъ библіотеки Московскаго Успенскаго собора. М. 1895 г., ц. 30 к. (190).

236. Къ біографіи митрополита Московскаго Платона и исторіи Виѳанской духовной семинаріи. Письма митрополита Платона къ Высочайшимъ особамъ. С. Д. Муретова. М. 1895 г., ц. 20 к. (121).

237. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. А. А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (32).

238. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. Ѳ. Жорданія. М. 1895 г., ц. 20 к. (37).

239. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть первая: документы воеводскаго управленія. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. М. 1895 г., ц. 2 рубля съ пересылкой. (100).

240. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе Сергѣя Шумакова. М. 1895 г., ц. 2 р. (180).

241. Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчелъ. I. Виктора Семенова. М. 1895 г., ц. 50 к. (143).

242. Древній Сосенскій станъ Московскаго уѣзда. Д. Шеппинга. М. 1895 г., ц. 50 к. (137).

243. Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись). По рукописи принадлежащей А. П. Лебедеву. М. 1895 г., ц. 1 р. 25 к. (80).

244. Святые Вологодскаго края. Изслѣдованіе Николая Коноплева. М. 1895 г., ц. 1 р. (41).

245. Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Бодянскому (1859—1875 г.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1895 г. (76).

246. Климентъ епископъ Словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. М. 1895 г., ц. 50 к. (50).

247. Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ. (Постройка на немъ новыхъ зданій въ 1658—1661 гг.). М. 1895 г. А. А. Мартыновъ, ц. 20 к. (100).

248. Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московіи Стенькою Разинымъ. Напечатано у Ѳомы Ньюкембъ 1672 г. Перевелъ съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895 г., ц. 50 коп. (37).

249. О перемиріи состоявшемся между Швеціей и Россіей въ 1537 г. Переводъ съ шведскаго А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (6).

250. Къ матеріаламъ о ворожбѣ въ древней Руси. Сыскное дѣло 1642—1643 гг. о намѣреніи испортить царицу Евдокію Лукьяновну. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (91).

251. Матеріалы для исторіи патріарха московскаго Питирима. Сообщилъ М. Г. Поповъ. М. 1895 г., ц. 20 коп. (24).

252. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Изслѣдованіе А. Прозоровскаго. М. 1896 г., ц. 3 р.

253. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ 1629—1631 гг.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896 г., ц. 25 коп.

254. Русское сказаніе о Лоретской Богоматери. А. Н. Кирпичникова. М. 1896 г., ц. 15 коп.

255. Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря 7052—7146 гг. Сообщилъ Сергѣй Шумаковъ. М. 1896 г., ц. 15 коп.

256. О построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Новыя лѣтописныя данныя. М. 1806. Ц. 20 к.

257. Еще новыя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. П. Священника I. Кузнецова. М. 1896 г., ц. 20 коп.

258. Къ исторіи мятежа 1648 года въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 40 к. ([illegible]).

259. О «неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ» новгородскаго митрополита Кипріана (1627—1633 гг.). Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 30 коп. ([illegible]).

260. Какашъ и Тектандеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 гг. Переводъ съ нѣмецкаго Алексѣя Станкевича. М. 1896 г., ц. 70 коп.

261. О самозванкѣ 1-го гренадерскаго баталіона (Низоваго корпуса) Евстафіѣ Артемьевѣ, назвавшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Рескриптъ импер. Павла о письмѣ Костюшки. Грамота царя Алексѣя о ловчемъ дьякѣ П. Ларіоновѣ. Сооб-

по случаю взятія Очакова Минихомъ. М. Н. Прокоповичъ. М. 1896 г. Ц. 20 к (29).

262. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Е. Е. Голубинскаго. М. 1896 г., ц. 50 к.

263. Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1896 г. Ц. 50 к. (11).

264. О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Н. Успенскій. М. 1896 г. Ц. 30 к. (39).

265. Смѣсь 2-й книги Чтеній 1896 г. (№№ 1—10). М. 1896 г. Ц. 40 к. (10). Смѣсь I кн. 1897 г. (первые 1—5 №№). Ц. 10 к. (5).—Смѣсь I кн. 1898 г. Ц. 20 к.

266. Неизданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива. А. Чумиковъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (26).

267. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Акты XVII XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловымъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (13).

268. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ XVIII в. А. Зерцаловъ. М. 1897 г. Ц. 75 к (85).

269. Акты изъ собранія А. И. Яцимирскаго (№№ 1—5. Чтенія 1897 г. кн. I). М. 1897 г. Ц. 15 к. (5).

270. Дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.). Яна Зборовскаго и Луки Дзялынскаго. Переводъ съ польскаго О. Н. Милевскаго. М. 1897 г. Ц. 50 к. (40).

271. Анализъ нѣкоторыхъ пунктовъ древнерусскаго завѣщанія. П. И. Бѣляева. М. 1897 г. Ц. 75 к. (5).

272. О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. А. А. Шахматова. I—III. М. 1897 г. Ц. 50 к. (33).

273. Поздравленія Виѳанской дух. семинаріи въ день тезоименитства моск. митроп. Платона. С. Муретова. М. 1897 г. Ц. 30 к. (15)

274. О содержаніи въ нынѣшнее мирное время (1725 г.) арміи и какимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привесть. М. Н. Прокоповичъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (42).

275. Послѣдованіе проскомидія, великаго входа и причащенія въ славянорусскихъ служебникахъ XII—XIV вв. Сергѣй Муретовъ. М. 1897 г. Ц. 50 к. (5).

276. Грамоты съ подписями Бориса, Димитрія и Степана Годуновыхъ 7080—7111 гг. Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. М. 1897 г. Ц. 25 к. (38).

277. Изданія Московской Синодальной типографіи 1751 г. и Московскаго Университета 1764 г. И. С. Бѣляевъ М. 1897 г. Ц. 50 к. (2).

278. Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива и касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ. К. И. Якубова М. 1897 г. Ц. 2 р. (400).

279. Библіотека Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1896 г. Е. И. Соколовъ. М. 1897 г. Ц. 20 коп. (50).—въ 1897 г. Его же. М. 1898 г. Ц. 10 коп. (40).—въ 1898—1899 г. Его же М. 1899 г. Ц. 15 к. (51).

280. Достовѣрность отрывка изъ Полоцкихъ лѣтописей, помѣщеннаго въ Исторіи Россіи Татищева подъ 1217 г. А. П. Сапунова. М. 1898 г. Ц. 20 к. (23).

281. Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки. Е. А. Ляцкаго. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (60).

282. Пугачевщина въ Сибири. Очеркъ по документамъ экспедиціи генерала Деколонга. Составилъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. М. 1898 г. Ц. 1 р. (55).

283. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII в. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (185).

284. Вкладная книга Нижегородскаго Печерскаго монастыря съ предисловіемъ А. Титова. М. 1898 г. Ц. 50 к. (25).

285. Посланіе Ивана Бѣгичева о видимомъ образѣ Божіемъ По ркп. XVII в. собранія А. И. Яцимирскаго М. 1898 г. Ц. 25 к. (55).

286. Памяти В. Е. Румянцева. Е. В. Барсовъ. М. 1898 г. Ц. 15 к. (80).

287. Памяти А. Н. Зерцалова. И. С. Бѣляевъ. М. 1898 г. Ц. 20 к. (28).

288. Матеріалы для исторіи цѣнностей въ Россіи въ концѣ XVII в. М. А. Веневитиновъ. М. 1898 г. Ц. 20 к. (8).

289. Изъ разсказовъ донъ-Хуана Персидскаго. Путешествіе персидскаго посольства чрезъ Россію, отъ Астрахани до Архангельска, въ 1599—1600 гг. Переводъ съ испанскаго. С. Н. Соколова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (78).

290. Строельная книга г. Пензы. Съ предисловіемъ В. Борисова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (35).

291. Житіе св. Меѳодія и похвальное слово св. Кириллу и Меѳодію по списку

XII в. Издалъ П. А. Лавровъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (80).

292. Къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій (Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ сей жизни). Н. И. Петровъ. М. 1899 г., ц. 25 к. (19).

293. Указъ императора Іоанна Антоновича 9 ноября 1740 г. Графъ С. Д. Шереметевъ. М. 1899 г., ц. 15 к. (18).

294. Житіе св. Аркадія, епископа Новгородскаго, въ спискѣ 2й половины XIV-го вѣка. Съ предисловіемъ А. С. Орлова, М. 1899 г. Ц. 25 к. (60).

295. Бумаги Ю. И. Венелина, хранящіеся въ библіотекѣ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Е. И. Соколовъ. М 1899 г. Ц. 25 к. (50).

296. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. Е. И. Якушкинъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (33).

297. Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи. Выпускъ первый. Обзоръ Бѣжецкихъ (1300—1767 гг.) и Алатырскихъ (1607—1761 гг.) актовъ. Сергѣй Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (85).

298. Поученіе Исаіи, митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1899 г. Ц. 25 к. (38).

299. Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго собора. Выпускъ первый. Изданъ подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899 г. Ц. 1 р (243).

300. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора. Александръ Голубцовъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. (23).

301. Сочиненія Константина Багрянороднаго «о ѳемахъ» (de thematibus) и «о народахъ» (de administrandō imperio). Съ предисловіемъ Гавріила Ласкина. М. 1899 г. Ц. 1 р. (58).

302. Угличскіе акты (1400—1749 гг.). Сергѣй Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 2 р. (15).

303. Русская армія въ началѣ царствованія импер. Екатерины II. Матеріалы для русской военной исторіи. Изданы Андреемъ Лебедевымъ по рукописи ему принадлежащей. М. 1899 г. Ц. 1 р. (136).

304. Штрафъ за русское платье при импер. Петрѣ Великомъ. И. С. Бѣляевъ. М. 1899 г. Ц. 15 к. (29).

305. Въ 1786-й годъ новой. Новое изданіе не всіо и не ничево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Ляцкаго. М. 1899 г. Ц. 50 к. (72).

306. Допетровская Русь въ ея литературѣ по лекціямъ Ѳ. И. Буслаева Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу (1859—1860 гг.) А. Кирпичниковъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (105).

307. Акты литовскорусскаго государства. Съ предисловіемъ М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. I-й, 1390—1529 г. М. 1900 г., ц. 2 р.

308. Вильямъ Перри. Проѣздъ чрезъ Россію персидскаго посольства въ 1599—1600 гг. Переводъ съ англійскаго С. Соколова. М. 1900 г., ц. 20 к.

309. Записки Юста Юля датскаго посланника при Петрѣ Великомъ (1709—1711 гг.). Переводъ съ датскаго Ю. Н. Щербачева. М. 1900 г., ц. 3 руб.

310. Новгородскій уѣздъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 г. Историко-экономическій очеркъ архим. Сергія Тихомирова). М. 1900 г., ц. 1 р.

311. Указатель къ „Опыту россійской библіографіи“ В. С. Сопикова (книгамъ гражданской печати). Составилъ В. Н. Рогожинъ. М. 1900 г., ц. 3 р.

312. Портретъ кіевскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

313. Временникъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 руб. 50 коп., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 ф.

314. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й *(нѣтъ въ продажѣ)*; годъ 2-й (1846—1847), книги 3, 6, 8, 9; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848—1849), 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 руб.; съ 1887 г. по 8 р. 50 к. Отдѣльно книги продаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1888 г. кн. 1—4, за 1889 г. кн. 1—4, за 1890 г. кн. 1—3 по 2 рубля за книгу; 1900 г. кн. 1—5 руб. Остальныя книги по 3 руб. за книгу.

315. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университетѣ (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣлинымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I. Списокъ трудовъ. М. 1884 г. Отд. II Указатель трудовъ. М. 1889 г., ц. за обѣ книжки 1 р.

316. Алфавитный указатель къ періодич. изданіямъ того же общества 1815 – 1862 г. Сост. А. Гриневичъ. 1862 г., ц. 50 к. съ пер.

317. Указатель ко всѣмъ періодич. изданіямъ того же общества за 68 лѣтъ. 1815—1883 г. Сост. Сергѣй Бѣлокуровъ. М. 1883 г., ц. 1 р. 25.

318. Указатель къ Чтеніямъ въ томъ же обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. онъ же. М. 1888 г., ц. 50 к. и б) за 1888—1894 гг. Составилъ онъ же. М. 1895 г., ц. 50 коп.

319. Протоколы засѣданій общества:
1) за 1878—1880 г. (стр. 1—32), ц. 20 к.
2) за 1881—1883 г. (стр. 1—64), ц. 35 к.
3) за 1886 г. (стр. 1—17), ц. 10 к.
4) за 1887 г. (стр. 1—23), ц. 15 к.
5) за 1888—1891 гг. (стр. 1—61), ц. 30 к.
6) за 1892—1893 гг. (стр. 1—112), ц. 1 р.
7) за 1894 г., ц. 20 коп.
8) за 1895 г., ц. 20 коп.
9) за 1896—1897 гг., ц. 50 к.
10) за 1898 г. Ц. 20 к.
11) за 1899 г. Ц. 20 к.

320. Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. Изслѣдованіе В. О. Ключевскаго. М. 1871 г., ц. 2 р.

321. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Проф. Е. Е. Голубинскаго. (VIII+732 стр.), ц. 3 руб.

322. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. Сергіевъ посадъ, 1894 г., ц. 2 руб. съ пересылкой.

323. Исторія Русской церкви. Періодъ второй—Московскій. Т. II, отъ нашествія монголовъ до митр. Макарія включительно. Первая половина тома. Е. Е. Голубинскаго. М. 1900 г. Ц. 4 р. 50 коп.

324. Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Составилъ Александръ Скребицкій. Т. I—IV (т. II-й въ двухъ частяхъ). Боннъ на Рейнѣ, 1862—1868 гг. Цѣна за всѣ тома 20 р. съ перес.

Лицъ, желающихъ пріобрѣсти означенныя книги, просятъ присылать свои требованія или въ общество (Москва, Моховая, старое зд. Университета подъ актовымъ заломъ), или къ Казначею общества Сергѣю Алексѣевичу Бѣлокурову (Садовники, у Москворѣцкаго моста, домъ церкви св. Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Карбасникова (Москва, Моховая, д. Коха, противъ Университета).

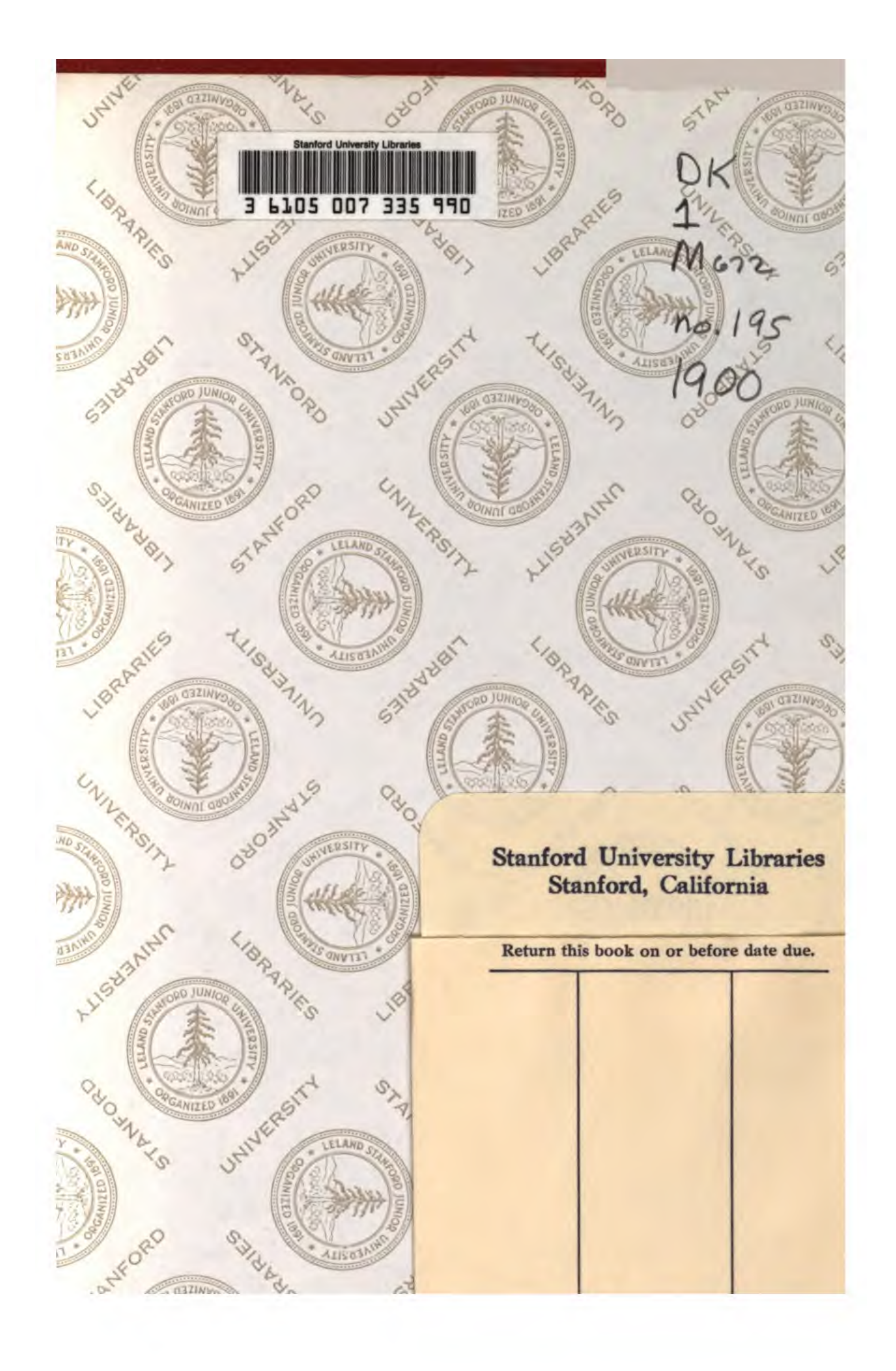
ТАМЪ-ЖЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ по третямъ года. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891


Stanford University Libraries
3 6105 007 335 990
DK
1
M672
no. 195
1900
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.